

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920051 9

БИБЛИОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.

Шкафъ.....

Полка.....

№.....

*GCA

*QCA

Digitized by Google

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 11. НОЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЗАУАРАДА ПРАЦА

1863

252959

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 12 ноября 1862 года.

МОН ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА

(посвящается М. М. Достоевскому)

Вы вызвали меня, добрый другъ на то, чтобы я написалъ мои «литературныя воспоминанія». Хотя и опасно вообще слушаться пріятелей, потому что пріятели нерѣдко увлекаются, но на этотъ разъ я извѣжаю правдамъ казеннаго благоразумія. Я же впрочемъ и вообще-то, правду сказать, мало его слушался въ жизни.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока, покрайней-мѣрѣ тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы. Говорю «покрайней-мѣрѣ», потому что жить, т. е. мечтать и думать, началъ я очень рано; а съ тѣхъ поръ, какъ только я началъ мечтать и думать, я мечталъ и думалъ подъ тѣми или другими впечатлѣніями литературными.

Меня, какъ вы знаете, нерѣдко упрекали, и пожалуй основательнее, за употребленіе различныхъ странныхъ терминовъ, внесенныхъ мной въ литературную критику. Между прочимъ напри- мѣръ за слово «вѣяніе», которое нерѣдко употребляю я вмѣсто обычнаго слова «вліяніе». Съ терминами этими связывали иѣчто мистическое, хотя было бы справедливѣе объяснять ихъ пантеистически.

Столько эпохъ литературныхъ пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мнѣ самомъ, оставая неизвѣстные пласты или лучшіе слѣды на моей душѣ, что каждая изъ нихъ глядитъ на меня изъ-за дали прошедшаго естественнымъ органическимъ цвѣтомъ, выветъ для меня свой особенный цвѣтъ и свой особенный запахъ.

Ihr habt euch wieder schwankende Gestalten,

взываю я къ нимъ порою, и слышу и чую ихъ вѣяніе...

Вотъ она, эпоха сѣренскихъ, тоненькихъ книжекъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ жадностью читаемыхъ, до глѣа дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство, — эпоха, когда журчали еще носясь въ воздухѣ стихи Пушкина, и ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типичскаго Замоскворѣчья, — эпоха безсознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями восхищались добрые люди и «Амалатъ-бекомъ». Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на безсознательность и безразличность восторговъ, на какое-то беззабитное уносное поэзію, на какую-то дюжиную вѣру въ литературу, въ воздухѣ осталось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этими мрачными, тревожными и зловѣщими, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настроенію... А тутъ является колоссальный романъ Гюге и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ «Телескопѣ» то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, ликорядечныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жювена...

Яснѣть... Раздается могущественный голось, вѣсть и увещивающій и прищпоривающій стремленія и неясныя гаданія эпохи, — голось великаго борца, Васаріюша Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ во всякомъ гениальномъ произведеніи, схватывается въ одно цѣлое все прошедшее и вѣсть закидываются съти въ будущее.

Вѣсть другой эпохой.

Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ какъ первая машина, скачетъ во всю прыть къ оврагамъ и беднамъ, а сердце живетъ только мечтательною, книжною, манускриптною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написано: «Мо-

сневскій университетъ» послѣ преобразования 1826 года — университетъ Рѣдкина, Крылова, Морощкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегельмана, съ глголыми его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой, — университетъ Гравоснаго...

A change came o er the spirit of my Dream...

Волею судьбы, или лучше сказать неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой мѣръ. Это мѣръ гоголевскаго Петербурга, Петербурга въ эпоху его ширажной оригинальности, въ эпоху, когда существовала даже особенная *петербургская* литература... Въ этомъ новомъ мѣрѣ для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моею пронеслось странное, мистическое вѣяние, — но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и цвѣтомъ довольно грязнымъ, мѣръ панаевской «Тли», мѣръ «Песцовъ», «Межаковъ» и другихъ темныхъ личностей, мѣръ «Александрія» въ полномъ цвѣтѣ ея развитія съ волевыми г. Григорьева 1, и еще скитавашагося Некрасова-Перепельскаго, съ особеннымъ кресломъ для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей пороку забывать этотъ странно-пошлый мѣръ.

И за тѣмъ — опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжкими уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые «продерживаютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, наивно до бессознательности вѣру въ народъ и народность. Все «народное», даже мѣстное, что окружаетъ мое воспитаніе, все что и на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, — поднимается въ душѣ съ неожиданною силой и растетъ, растетъ до фантастической-идеологической мѣры, до нетерпимости, до пропаганды... Цѣль дѣтъ новой жизненной школы.

И опять переломъ.

Зависшая жизнь во очию развертывается передо мною вудасами своего великаго прошедшаго, и вновь дразнитъ, поддѣтеть, удивляетъ. Но не сломилась въ этомъ живомъ столетно-

всѣмъ вѣра въ свое, въ народное. Считала она тогда фанатичныя вѣры.

Таковъ процессъ умственный и нравственный.

Незнаю станеть ли у меня достаточно таланта, чтобы очертить эти различныя эпохи, дать почувствовать ихъ, съ ихъ запахомъ и цвѣтомъ. Если для этого достаточно будетъ одной искренности, — искренность будетъ полная, разумѣется по отношенію къ умственной и моральной жизни.

Одно я знаю: я вполне сынъ своей эпохи и мои литературныя признанія могутъ имѣть нѣкоторый историческій интересъ.

1862 г. сентября 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА И НАЧАЛО ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ЛИТЕРАТУРЫ. МОЕ МЛАДЕНЧЕСТВО, ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

I

ПЕРВЫЯ ОБЩІЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ

Если вы бывали и жилали въ Москвѣ, да не знаете такихъ ея частей какъ напримѣръ Замоскворѣчье и Таганка, — вы не знаете самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Какъ въ старомъ Римѣ Трастевере можетъ-быть не безъ основанія хвалится тѣмъ, что въ немъ сохранились старыя римскія типы, такъ Замоскворѣчье и Таганка могутъ похвалиться этимъ же преимущественно передъ другими частями громаднаго города-села, чудовищно-фантастическаго и вмѣстѣ великолѣпно-разросшагося и разметавашагося растенія, называемаго Москвою. Отъ ядра всѣхъ русскихъ старобытныхъ городовъ, отъ кремля или кремника, пошло сначала бѣлый, торговый городъ: по-

тотъ разросся земляной! перелъ и волны раскидывался за рѣку
разнаго слободы. Въ нихъ ухлдила нтъ—подъ влания адмиди
стративнаго уровня и въ нихъ сосредоточивалась упрямю старая
жизнь. Лишняя возможность развиться самостоятелье, она
переволъ закинула въ застоѣ. Общій зацетъ нашей исторіи —
уходъ земской жизни нтъ—подъ внѣшней нормы въ уединенную
и упорную замкнутость расколдъ, повторился и въ Москвѣ,
то-есть въ развитіи ея быта.

Бывали ли вы въ Замоскворѣчья?.. Его не разъ изображали
сатирически; нтъ не изображали его такъ? — Прямо, тошнво, аб-
ниный!.. Но до сихъ поръ никто, даже Островскій, не коснулся
его поэтическихъ сторонъ. А эти стороны есть. — ну хоть на
первый разъ — внѣшнія, наружныя. Вопервыкъ ужъ то известно,
что чѣмъ дальше идете вы въ глубь, тѣмъ болѣе Замоскворѣчье
тошеть передъ вами въ зеленыхъ садахъ; восторыхъ, въ
немъ улицы и переулки расходились тамъ свободно, что явными
образомъ онъ росли, а не дѣлались.. Вы пожалуй въ нихъ заблудитесь,
но хорошо заблудитесь...

Пойдемте напримѣръ со мною отъ большого каменнаго моста
прямо, все прямо, какъ вероны летаютъ. Миновали мы тошнво
называемое болото... да! главное, представьте, что мы идемъ съ
вами позднимъ вечеромъ. Миновали мы болото съ каменнымъ зда-
ніемъ виннаго двора; тутъ еще нтъ ничего особеннаго. Оно ма-
жалуй и есть, да надобно взять въ сторону на Берсеневку или
на Солодовку, но мы не туда пойдемъ. Мы дошли до маленькаго
каменнаго моста, единственнаго моста старой постройки, уш-
лѣвшаго какъ-то до сихъ веръ отъ усердія нашихъ реформста-
ровъ строителей и напоминающаго мосты италіанскихъ горо-
довъ, хоть бы напримѣръ Пизы. Передъ нами три жилья. Вамо-
сворѣчья, то-есть собственно глазныхъ-то дѣлъ: большаго Цо-
лѣника да Якиманка, третья же между ними какой-то мѣкеушеска.
Эти дѣлъ жилья выведутъ насъ къ такъ-называемымъ воротамъ,
одна правая жила — къ калужскимъ; другая лѣвая — къ саргу-
ховскимъ. Но не въ воротахъ сила, тѣмъ болѣе что вереть, аб-
когда дѣйствительно составившихъ крайнюю правую городскую
жилья, давно ужъ нтъ, и города—растеніе разросшееся шире,
за предѣлы этихъ вереть.

Я хочу бы пойти съ вами по правой жилѣ, и притомъ идти
не нтъ въ ея правую сторону, тѣмъ болѣе въ лѣвую

19 августа, когда чуть что не оть самого Кремля движутся огромным шасси народа за крестными ходами къ Донскому монастырю; и все тротуары желны празднично-разрядившимся народом, выселениемъ праваго Замоскворѣчья, и воздухъ дрожить отъ звона колоколовъ старыхъ церквей, и все какъ-то чему-то радуется, чѣмъ-то живетъ, — живетъ смѣсью пожалуй самахъ мелочныхъ интересоѣ съ интересомъ, крупнымъ ли, вѣтъ ли — не знаю, но общимъ, хоть и смутно но общественнымъ на минуту. И право, — я вѣдь не исправный, закоренѣлый москвичъ, — хорошая это минута. Общее что-то проносится надъ всей разнохарактерной толпой, общее захватываетъ и васъ, человѣка индивидуализма, если вы только не поставите себѣ уперно задачи не поддаваться впечатлѣнію, если вы будете упорно вооружатся противъ формы.

Но мы не пойдѣмъ съ вами по этой жилѣ, а пойдѣмъ по лѣвой, при первомъ входѣ въ которую васъ встрѣчаетъ большой домъ итальянской и хорошей итальянской архитектуры. Долго идемъ мы по этой жилѣ и ничто особенное не поражаетъ васъ. Дома какъ дома, болѣею частью каменные и хорошие, только ясно назначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами съ гвѣздами, и по печамъ сторожевыми ясами на цѣли; отъ внезапнаго яростаго лая котораго-нибудь изъ нихъ, вскакиваете въ припадкѣ ревности и усердія на самый заборъ, ударивъ ваши нервы. Между каменныхъ домовъ проскочутъ какъ-нибудь и деревянные, маленькіе, низенькіе, но какіе-то внушительные, какъ-то непривѣтливо глядящіе, какъ-то сознающіе, что они тутъ не на мѣстѣ на этой хорошей, широкой и большой улицѣ.

Дальше. Остановитесь на минуту передъ ивезьской, темно-красной съ луковницами-главами церковью Григорія Нежесарійскаго. Вѣдь право она не лишена оригинальной физиономіи, вѣдь при ея созданиіи что-то явнымъ образомъ бредило въ головѣ архитектора, только это что-то въ Италиіи выполнялъ бы онъ съ большими размахомъ и мраморомъ, а здѣсь онъ, блѣдный, выполнялъ въ маленькомъ вѣдѣ да кирпичномъ; и вотъ-таки вышло что-то, тогда какъ ничего, ровно ничего не выходитъ изъ большей части послѣ-петровскихъ церковныхъ построекъ. Я впрочемъ ошибелъ, сказавши, что въ колосальныхъ размахѣхъ выполнялъ бы съеѣ что-то архитекторъ въ Италиіи.

Въ Шивѣ я видѣлъ церковь Santa Maria della spina, маленькую, премаленькую, но такую узорчатую и вмѣстѣ такъ строго-стильную, что она даже кажется грандіозною.

Вотъ мы дошли съ вами до Поляискаго рынка, а между тѣмъ уже сильно стемнѣло. Кой-гдѣ по домамъ, не только что по трактирамъ, зажглись огни.

Не будемъ останавливаться передъ церковью Успенья въ Казачьемъ. Она хоть и была когда-то старая, ибо прозвище ея намекаетъ на стоянье казаковъ, но ее уже давно такъ пововило усердіе богатыхъ прихожанъ, что она, какъ старый соборъ въ Твери, получила общій, казенный характеръ. Сверните налѣво. Передъ нами потонулись уютные, красивые дома, съ длинными-предлинными заборами, дома бѣльшею частью одноэтажные, съ мезонинами. Въ окнахъ свѣтъ, видны повсюду столики, съ шипящими самоварами; внутри глядитъ все такъ семейно и привѣтливо, что если вы человѣкъ не семейный или заѣзжій, васъ начинаетъ разбирать нѣкоторое чувство зависти. Васъ манитъ и дразнитъ Аркадія, создаваемая вашимъ воображеніемъ хоть можетъ-быть и не существующая на дѣлѣ.

Идя съ вами все влѣво, я завелъ васъ въ самую оригинальную часть Замоскворѣчья, въ сторону Орлынской и Татарской слободы и наконецъ на Болвановку, прозванную такъ потому, что тутъ по мѣстнымъ преданьямъ, князья наши встрѣчали ханскихъ баскаковъ и кланялись татарскимъ болванамъ.

Вотъ тутъ-то, на Болвановкѣ началось мое нѣсколько-сознательное дѣтство, то-есть дѣтство, котораго впечатлѣнія имѣли и сохранили какой-либо смыслъ. Родился я не тутъ, родился я на Тверской; помню себя съ трехъ или даже съ двухъ лѣтъ, но то было младенчество. Воскринило меня, возлегало Заико-скворѣче.

Не безъ намѣренія напираю я на этотъ мѣстный фактъ моей личной жизни. Быть-можетъ силѣ первоначальныхъ впечатлѣній обязанъ я развѣскою умственного и нравственного процесса, совершившагося со мною, поворотомъ къ горячему благоговѣнію передъ земскою, народною жизнью.

Я намѣренъ писать не автобіографію, но исторію своихъ впечатлѣній; беру себя какъ объекта, какъ лицо совершенно постороннее, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ многоушной земли, и стало-быть только то, что характеризуетъ такую зем-

ше, должно быть въ немъ воспоминашя; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху.

Мнѣ это, коли хотите, даже и легче, потому что давно уже получилъ я проклятую привычку болѣе разсуждать чѣмъ описывать.

И вотъ прежде всего, я не могу не остановиться на одной личной чертѣ моего ранняго развитія, которая, какъ мнѣ кажется, очень характеристична по отношенію къ цѣлому нашему поколѣнію. Во мнѣ необыкновенно рано началась рефлексія, — лѣтъ до пяти, именно съ того времени, какъ волею судьбы мое семейство переѣхало въ уединенный и страннѣйшій уголокъ міра, называемый Замоскворѣчьемъ. Помню такъ живо, какъ-будто бы это было теперь, что въ пять лѣтъ у меня была уже Аркадія, по которой я тосковалъ, потерянная Аркадія, передъ которой какъ-то печально и сѣро — именно сѣро казалось мнѣ настоящее. Этой Аркадіей была для меня жизнь у Тверскихъ воротъ, въ домѣ Козина. Почему эта жизнь представлялась мнѣ залитою какимъ-то свѣтомъ, почему даже и въ лѣта молодости я съ сердечнымъ трепетомъ проходилъ всегда мимо этого дома Козина у Тверскихъ воротъ, давно уже перемѣнившаго имя своего хозяина, и почему нерѣдко подъ предлогомъ исканія квартиры, захаживалъ на этотъ дворъ, стараясь припомнить уголки, гдѣ игрывалъ я въ младенчествѣ; почему, говорю я, преслѣдовала меня эта Аркадія, — дѣло весьма сложное. Съ одной стороны, тутъ есть общая примѣта моей эпохи, съ другой коли хотите — дѣло физиологическое, родовое, семейное.

У всѣхъ семьи нашей была своя потерянная Аркадія, Аркадія богатой жизни при покойномъ дѣдѣ до французскаго нашествія, встребившаго два большихъ его дома на Дмитровкѣ; и въ особенности одна изъ моихъ тетокъ, натура въ высшей степени мечтательная и экзальтированная, была полна этимъ «золотымъ вѣкомъ». Разница въ томъ только, что для нея Аркадія была на Дмитровкѣ, для меня — на Тверской, и разница кромѣ того въ эпохахъ.

Я родился въ 1822 году. Трехъ лѣтъ я хорошо помню себя въ свои безсознательныя впечатлѣнія. Общественная катастрофа, разразившаяся въ это время, катастрофа, съ которыми изъ жюрильшворой мой отецъ былъ знакомъ во университетскому

благородному пансіону, страшно-болѣзненно недействительна мое дѣтское чувство.

Дѣтей большіе считаютъ какъ-то необычайно-глупыми и вовсе не подозреваютъ, что вѣдь чтоже-нибудь да оградится въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышатъ или видятъ. Я напримѣръ хоть и сивозъ сень какъ-будто, но очень-таки помню, какъ везли тѣло покойнаго императора Александра, и какой странный страхъ господствовалъ тогда въ воздухѣ...

Да, никто и ничто не увѣритъ мени въ томъ, чтобы идеи не были чѣмъ-то органическимъ, носящимся и въносящимъ въ воздухъ, солидарнымъ, преемственнымъ...

То, что вѣяло тогда надъ всѣмъ, то что встрѣтило меня при самомъ входѣ моемъ въ міръ, мнѣ никогда конечно не высказать такъ, какъ высказалъ это высоко-даровитый и пламенный Мюссе въ «Confessions d'un enfant du siècle». Намому вамъ это удивительное мѣсто, которымъ я заключаю очеркъ преддверія моихъ впечатлѣній:

«Во времена войнъ имперіи, въ то время, какъ нужна и братья были въ Германіи, тревожила матерь производа на сѣнѣ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатые въ промолвѣнн битвѣ, воспитанные въ училищахъ подѣ барабанный бой; тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабыя мускулы. По временамъ являлись къ нимъ неурядые кровные отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

«Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, наповившей землю: они родились среди битвѣ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги, — все было пусто и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи.

«Три стихіи дѣлили между собою жизнь, разсѣиваясь передъ юношами: за ними навсегда разрушенное; приближенное, передъ ними заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ нѣчто, подобное океану, отдѣляющему старій материкъ отъ Америки; неопредѣленное и зыбкое, море типистое и грозящее кораблекрушеніями, по временамъ переплываемое далекимъ сильнымъ вѣтромъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ; настоящій и бытъ,

лишь забыть одинъ элементъ, который отдѣляется прошедшее отъ будущаго, который ни то, ни другое, и покоится на то и на другое вѣхотѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ недоумѣваешь, вѣдешь ли не сбѣжало ли вамъ по праху.

И шъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ суверена, не день и не ночь; они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ съ монетами, закутаннымъ въ плащъ себялюбія и дрожащимъ отъ холода. Смертная мука заправилась къ намъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе, полумумію и полувраха; они подошли къ нему какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Саарвердена, балзамированную, въ гробу, въ вѣчталномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій смелъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ мальцахъ его обручальное кольцо, а голова распадается врагомъ посреди цвѣтовъ.

«О народы будущихъ вѣковъ — заканчиваетъ поэтъ свое вступленіе — когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ урочномъ нарядѣ земледѣльцу; когда отирая съ мизинца чаша священнаго пота, вы будете невольно взглянуть на безпредѣльномъ небосклонѣ и вспомните о насъ, которыхъ уже не будетъ болѣе, — скажите себѣ, что дорого кушали мы вамъ будущей покой; пожалуйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ нашихъ предковъ. У нихъ было много гора, которое дѣлало ихъ достойными состраданія; у насъ не было того, что имъ утѣшало».

II

МІРЪ СУЕВРІЙ

Королевая дочь — серьезная и захватывающія жизнь въ ея тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ. Мало того, что они сами по себѣ хороши, положительна хороши, — они имѣютъ еще отрицательную пользу: захватывая разъ извѣстные типы, художественно и рельефно увѣковѣчивая ихъ, они отбиваютъ охоту повторить эти типы.

Вотъ мадрихъ не будь аксаковской «семейной хроники», а бѣд индивидуумо долженъ быть вовлеченъ въ большія подробно-

сти по поводу моего дѣда, лица, цною никогда не вѣданнаго, потому что онъ умеръ за годъ до моего рожденія, но по разговорамъ знакомаго мнѣ какъ говорится де тещи, и игравшего немаловажную роль въ исторіи моихъ нравственныхъ впечатлѣній. Теперь же стоитъ только согласиться на общій типъ нравственныхъ людей бывалой эпохи, изображеннаго родственно и вѣрнѣе всего простодушнымъ покойнымъ Аксаковымъ, да отбросить тѣмъ различія и отличія, и вотъ образъ, если не маршеобразный, то санимый, то могущій быть легко нарисованъ читателемъ. //

Дѣдъ мой въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, и день его, въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на вокобъ, мало различался, судя по семейнымъ рассказамъ, отъ дня Степана Багрова. Чуть что даже малинового колодки у него не было, а что свои талайченки, да и свои собственныя калмыки были, это я очень хорошо помню. Разница между нимъ и Степаномъ Багровымъ была только въ томъ, что онъ, вѣселей же кражевой человекъ, поставленъ былъ въ ясныя имперскія условія. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и по водѣ конецъ своей жизни, многодѣльной и многогрудной. Пришелъ онъ въ Москву изъ сѣверо-восточной стороны въ нагольномъ полушубкѣ, пробивалъ себѣ дорогу лбомъ, и пробилъ дорогу, для его времени довольно значительную. Пробылъ онъ сорокѣтъ службой, и потому пробилъ, что былъ отъ природы человекъ умный и энергическій. Еще была у него единственная черта, — это жажда къ образованію. Онъ былъ большой начебчикъ духовныхъ книгъ и даже съ архіереями порѣдкомъ спорилъ; послѣ него осталось довольно большая библиотека и дѣланная библиотека, которою мы потомки какъ-то мало дорожили.

Странная вотъ еще эта черта, между прочимъ и опять-таки черта, какъ мнѣ кажется общая въ нашемъ разбитіи. — Это то, что мы всѣ маленькіе Петры-валіки на половину и обломали на другую. Въ известную эпоху мы готовы съ злоблестіемъ уничтожить слѣды всякаго прошедшаго, уличенные чѣмъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ что намъ понравилось, и жаждемъ чуть что не плакать о томъ, чѣмъ мы пренебрегаемъ и что мы разрушаемъ. Мнѣ было уже лѣтъ одиннадцать, когда привезли мнѣ въ Москву изъ деревни сундуки съ старыми книгами дѣда. А то была уже эпоха различныхъ псевдо-историческихъ романовъ, которыми я безразлично увлекался, вѣрнее отъ «Юлія Цезаря»

славянской до «Дядьки Игоревича» и других. Божественных книг превращенной, от «Новина» Лажечникова до «Леонида» Рафаила Зотова. Странно повѣдали на меня эти старыя книги дѣда въ ихъ переломныхъ кожаныхъ переплетахъ, книги ирраціональныя, степенныя, то въ лѣсть и печатаныя славянскимъ шрифтомъ, какъ «Вѣстникъ» «Добротелюбіе», то въ малую осьмушку, шрифтомъ XVIII вѣка, и оригинальныя вродѣ назидательныхъ сочиненій Эпикта, и переводныя вродѣ твореній Бюниана и Иоанна Ариды, и крошечныя и полудушепанцыя, какъ рѣдкія нынѣ малая сатирическія журналы: «И то и се», «Всякая всячина». Какъ теперь помню, какъ я глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, какъ я — а мнѣ отдали право распорядка этой бібліотеки — не хотѣлъ удостоить ихъ даже чести стоять въ одномъ шкафу съ «Леонидами», «Постылыми дворами», «Дмитріями Синевашиными» и другими вздоромъ, которыми подъ вліяніемъ этого наполняли я шкапы, отдѣливши отъ нихъ только сочиненія Карамзина, къ которому восмѣтался я въ суевѣрномъ уваженіи. Помню, я даже топталъ ихъ ногами въ ногодоваин, а вѣдѣтани, подвращенный жаждою чтенія, заглядывалъ въ нихъ, въ эти старыя книги, и даже начитывался порою сатирическихъ эпиктій периковской эпохи (Росладъ и другихъ олъ, равно какъ сочиненій Кювѣнина и Николеса одолѣть я никогда не могъ) и импримировавъ оловимъ съ мыслью и жизнью ближайшихъ предковъ обиванъ былъ я все имъ же, старымъ книгамъ. И какъ я жалѣлъ въ арѣале годы объ этой распроданной, раскраденной книжкѣ (арѣале и съдѣнной голодными мышами бібліотекѣ). Но дядя какъ и всегда в во. всемъ, всегда хватается мы: ед наши: преднія...

Дядя мой былъ знакомъ даже съ Новиковымъ, и сохранился въ семьѣ преданіе о томъ, какъ струсилъ онъ, когда узналъ Новикова, и перенесъ множество книгъ, подаренныхъ ему Николаемъ Новиченкомъ. Былъ ли дядя масономъ — не могу сказать наверняка. Наши ничего объ этомъ не знали. Дядю, принадлежавшее жъ этому ордену и вѣбавшее, какъ. раскажу я современнъ, большее вліяніе на меня въ моемъ развитіи, говорило, что было.

Дядя нашъ, когда-то вокругъ его процвѣтавшій, мѣръ дѣтъ возмѣсталъ и даже избытка, кареты четверной, мѣръ страшица, бѣрѣвѣщѣ деспотизма, набавности домарныхъ вѣрѣ, ато быт

да Аркадія для моей тетки, но далеко не была это Аркадія для моего отца, человѣка благодушнаго и умнаго, но нисколько не экзальтированнаго.

Когда врѣзжали къ намъ изъ деревни погостить бабушки и тетки, я рѣшительно поддавалъ подъ вліяніе старшей тетки; о ней, какъ о лицѣ довольно тиническомъ, я буду говорить еще нѣразъ. Натура страстная и даровитая, не вышедшая замужъ по страшной гордости, она вся сосредоточилась въ воспоминавіяхъ прошедшаго. У нея даже тонъ былъ постоянно экзальтированный, но мнѣ только уже въ позднѣйшіе года началъ этотъ тонъ звучать чѣмъ-то комическимъ. Ребенкомъ я отдавался ея рассказамъ, ея мечтамъ о фантастическомъ золотомъ вѣкѣ, даже ея несбыточнымъ, но упорнымъ надеждамъ на непремѣнный возвратъ этого золотого вѣка для нашей семьи.

Была даже эпоха и... я обѣщался быть искреннимъ во всемъ, что относится къ душевному развитію, буду искрененъ до послѣдней степени, — эпоха вовсе не первоначальной молодости, когда подъ вліяніемъ мистическихъ идей, я вѣровалъ въ какую-то таинственную связь моей души съ душою покойнаго дѣда, въ какую-то метемпсихозу неметемпсихозу, а солидарность душъ. Нерѣдко возвращаясь ночью изъ Сокольниковъ и выбиралъ всегда самую дальнюю дорогу, ибо я любилъ бродить по Москвѣ по ночамъ, я, дойдя до церкви Никиты-мученика въ басманинѣ, останавливался передъ старымъ домомъ на углу переулка, первымъ пристанищемъ дѣда въ Москвѣ, когда пришелъ онъ составлять себѣ fortuna, и садясь на паперть часовни, ждалъ по полчаса, не явится ли ко мнѣ старый дѣдъ разрѣшить мнѣ множество тревожившихъ мою душу вопросовъ. На левца обыкновенно и звѣрь бѣжитъ. Съ человѣкомъ, наклоннымъ къ мистическому, случаются обыкновенно и факты, незначительные для другихъ, но влекущіе его лично въ эту странную бездну. Раза два въ жизни, и всегда передъ разными ея переломами, дѣдъ являлся мнѣ во снѣ. Дѣло психически очень объяснимое, но питавшее въ душѣ склонность ея къ таинственному міру.

Сувѣрія и преданія окружали мое дѣтство какъ дѣтство всякаго, большой или небольшой руки барченка, окружнаго большой или небольшой дворней, и по временамъ совершенно ей предоставляемаго. Дворня, а у насъ именно изпоконъ-вѣка ве-

лась она, несмотря на то, что отец мой только-что ималъ дова-точно, была вся изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гончаровъ въ «Сибъ Обломова». Когда наѣзжали родные изъ деревни, съ ними прибывали нѣкоторыя члены тамошней обширной дворни, и подавали жара моему суевѣрному, или лучше сказать фантастическому настрою, новыми расказами о таинственныхъ козлахъ, бодающихся въ полночь на мостикъ къ саду Малахову, о кладѣ въ кириновскомъ лѣсу — одной изъ главныхъ основъ надежды моей ветки на возвратъ Аркадіи, о колдунѣ-мужикѣ, зарытомъ на перекресткѣ. Да прибавьте еще къ этому старика дѣда, брата бабушки, который впоследствии, когда мнѣ было уже десять лѣтъ, жилъ у насъ со мной на мезонинѣ, читалъ все священныя книги и молился, даже на молитвѣ и умеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вечеръ рассказывалъ съ полнѣшимъ вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ, да прибавьте еще двоюродную тетку, наѣзжавшую съ бабушкой изъ деревни, — тетку, которая была воплощеніе простоты и доброты, умѣвшую лечить домашними средствами всю окрестность, которая нигде не лгала, и между тѣмъ сама по себѣ рассказамъ видала виды...

На безобразно-нервную натуру мою этотъ міръ суевѣрій по-дѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, воспитавшись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезонинѣ, гдѣ спалъ я одинъ съ Иваномъ или Ванюшкой, который былъ моложе меня годомъ. Ликорадоочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же притомъ шипѣли и свѣѣли страшно-невстово и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха.

Съ лѣтами это прошло, нервы поогрубѣли, но знаете ли, что я бы дорого далъ зато, чтобъ снова испытать такъ же верно это сладко-мирительное, болѣзненно-дражнящее настроеніе, эту чуткость къ фантастическому, эту близость много страннаго міра... Вѣдь фантастическое вѣчно въ душѣ человеческой, и стало-быть, такъ какъ и только въ душу и вѣрою, въ извѣстной степени законно.

III

ДВОРНЯ

Но не одно суетьіе разило во мнѣ раннія отношенія къ народу. Одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ-называемой дворни и отношеній къ ней, описывая своей дѣтскій возрастъ. Не мало есть и дурного въ этомъ попорченномъ отсадкѣ народной жизни, дурного, въ которомъ виновать не отсадокъ, а виновато было рабство — не мало дурного разумѣется пришло и ко мнѣ, и пришло главнымъ образомъ не въ пору. Рано, даже слишкомъ рано пробуждены были во мнѣ половые инстинкты, и постоянно только раздражаемые, и неудовлетворяемые давали работу необузданной фантазіи; рано такъ же изучилъ я всѣ тонкости крѣпкой русской рѣчи, и отъ кучера Василья наслушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ хозяевахъ, — и вообще кучера Василья во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти на половину съ моимъ первымъ учителемъ...

Но была и хорошая, была даже святая сторона въ этомъ сближеніи съ народомъ, съ его даже попорченными элементами. Разумѣется бесоснательно поступали мой отецъ и моя мать, не удаляя меня отъ самыхъ близкихъ отношеній съ дворовыми, но во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ большую часть ихъ благодушному и простому взгляду, гдѣ болѣе дѣлаетъ честь, что въ нихъ какъ во всей нашей семьѣ было ужасно развито чувство дворянской амбиціи во всѣхъ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ же, всашло не какому-то старому введенному порядку. Надобно сказать такъ же къ ихъ чести, что и собственныя отношенія къ дворнѣ по большей части были человѣческія, то-есть настолько человѣческія, насколько человѣчность была мыслима и возможна при крѣпостномъ правѣ. Бла у нихъ наша дворня всегда хорошо, работала мало, пела, какъ мужескій полъ, такъ и женскій постарше до крайнѣйшаго безобразія. Разъ, даже отецъ не купилъ весьма выгодно продававшася съ аукціона дома, потому только, что подлѣ него былъ кабакъ, и что тогда, по основательному возраженію матери, Василья съ Иваномъ старшимъ при-

шло бы ежечасно оттуда вытаскивать, да и старуху няньку мою Прасковью точно такъ же. Между прочимъ я сказалъ, что отношенія моихъ родителей къ дворнѣ были человѣчны *большою частью*, и сказалъ не безъ основанія. Въ матери моей было въ высокой степени развито чувство самой строгой справедливости, но съ девяти лѣтъ моего возраста я уже не помню ея здоровою. Что за болѣзнь началась у ней и продолжалась до самой ея смерти, я не знаю. Знаменитый по Таганкѣ и Замоскворѣчью докторъ Иванъ Алексѣичъ Воскресенскій постоянно лечилъ ее, но болѣе двадцати лѣтъ болѣзнь ее грызла, и нѣсколько дней въ мѣсяцъ она, бѣдная мать моя, переставала быть человѣкомъ. Даже наружность ея измѣнялась: глаза, въ нормальное время умные и ясные, становились мутны и дикы, желтыя пятна выступали на нѣжномъ лицѣ, появлялась на тонкихъ губахъ зловѣщая улыбка, и тогда забывалось всякое чувство справедливости... Совершенно лишонная образованія, читавшая даже по складамъ, хотя отъ природы одаренная замѣчательнымъ здравымъ разсудкомъ и даже эстетическимъ чутьемъ, — она вѣла очень хорошо по слуху, — бѣдная мать моя совершенно изранена была ужасной болѣзью. Во время приливовъ или припадковъ этой болѣзни, свѣтлыя, хорошія стороны ея личности исчезали, свойства, въ умѣренномъ видѣ хорошія, какъ напримѣръ хозяйственная заботливость и расчетливость, переходили въ ужасныя крайности: неудовлетворенное, обиженное судьбою самолюбіе даровитой, но лишонной средствъ развитія личности выступало одно на мѣстѣ всѣхъ душевныхъ качествъ. А бывали минуты, — увы! чѣмъ далѣе шла жизнь, тѣмъ становились онѣ рѣже, — когда она какъ будто свѣтлѣла и молодѣла. Прекрасныя и тонкія черты ея лица прояснялись, не теряя впрочемъ никогда нѣкоторой строгости не строгости, и какой-то грустной серьезности; движенія теряли рѣзкость и становились гибкими; голосъ, болѣзненно надорванный, звучалъ благородными контральтавыми звуками. О какъ я любилъ ее въ эти рѣдкія минуты. Откуда являлось у ней вдругъ столько женственнаго такта въ разговорѣ съ посторонними, такое отсутствіе выжимокъ и ужимокъ, оцмпываний и одергиваній, отличавшія ее рѣзко отъ всѣхъ другихъ барынь нашего круга, барынь, покодившихъ большою частью на мать Хорькова въ «Бѣдой Невѣстѣ».

Съ другой стороны отецъ, человѣкъ съ весьма свѣтлымъ

умомъ и съ благодушiемъ такимъ , что покойный дѣдъ , энергическій и крайневый человѣкъ , звалъ его отчасти любовно , а отчасти насмѣшливо Израилемъ , запуганный даже отчасти съ дѣтства , — иногда , хотя очень рѣдко , раза два въ годъ , повторялъ въ жизни багровскiя выходы дѣда . И все въдъ не потому , чтобы въ это время онъ былъ особенно выведенъ безобразiемъ дворни изъ границъ человѣческаго терпѣнiя . Еслибы такъ , то переводы къ выходу изъ нормальнаго , благодушнаго состоянiя представлялись ежедневно . Нѣтъ , это было нѣчто физиологическое , дань чему-то родовому , нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неистовое , нѣчто такое , чего приливы я самъ , конечно по другимъ поводамъ , чувствовалъ иногда въ себѣ и чему тоже отдавался какъ вѣрѣ... Съ лѣтами въ немъ эти приливы родового неистовства становились все рѣже и рѣже . Онъ былъ и лицомъ и характеромъ похожъ на свою мать , мою бабушку , — бабушку , которую звалъ я только старушкою и которая всегда являлась мнѣ невозмутимо-кроткою , спокойною , глубоко , но никакъ не до ханжества благочестивою , съ разумнымъ словомъ , съ вѣчною , до крайности даже нѣжною и безпокойною заботливостiю о своихъ бѣдныхъ дочеряхъ , моихъ старыхъ теткахъ , съ благоговѣнною памятiю о своемъ строгомъ и не всегда ровномъ Иванѣ Григорьичѣ и съ явными слѣдами на своей натурѣ влиянiя этой кряжевой личности , слѣдами , очевидными въ ея здоровыхъ религiозныхъ понятiяхъ , въ ея твердой вѣрѣ въ справедливость... Да ! по многому въ правѣ я заключить , что далеко не дюжинный человѣкъ былъ дѣдъ . Служа , онъ какъ и всѣ , вѣроятно , бралъ если не взятки , то добровольные поборы , но таковы были понятiя окружающей его среды : помимо этихъ понятiй , въ немъ жило крѣпко чувство добра и чести , и была въ немъ еще , по рассказамъ всѣхъ его знавшихъ , даже дальнихъ родныхъ и постороннихъ , необоримая , ветхозавѣтная вѣра въ Бога израилева , въ Бога правды , была въ немъ святая гордость , которая заставляла его не держать языка на привязи гдѣбы-то ни было и передъ кѣмъ бы то ни было... передъ архiereями ли , съ которыми онъ любилъ водиться , передъ свѣтскими ли властями , съ которыми онъ поставленъ былъ судьбою въ столкновение .

Но я опять увлекся любимымъ образомъ моего дѣтства , этимъ идеаломъ , съ которымъ я долго-долго сопоставлялъ моего умнаго и благодушнаго , но весьма не характернаго отца , никакъ не

видя, что у него совсѣмъ другая природа, любя его инстинктивно, но не уважая разумно его собственныхъ, личныхъ хорошихъ сторонъ...

Родовыя вспышки отца и ежемѣсячные припадки болѣзни матери нарушали обычную распущенность нашей жизни, но она же развила во мнѣ чувство состраданія до болѣзненности. Я ревѣлъ до истерикъ, когда доставалось за пьянство кучеру Василью или женѣ его, моей старой нянкѣ, за гульбу по ночамъ и пьянство челоуѣку Ивану и за гульбу съ молодцами моей молодой и тогда красивой нянкѣ Лукерьи... Я всегда являлся представителемъ въ этихъ случаяхъ, и отецъ даже въ порывахъ бѣшенства, по благодушію своей природы любилъ во мнѣ это представительство. Что онъ любитъ, это очень хорошо, но напрасно онъ показывалъ мнѣ, что онъ это любитъ. Это развило во мнѣ какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной чувствительности... Помню, — мнѣ было лѣтъ девять, — нарыдавшись инстинктивно, я прежде чѣмъ идти къ отцу просить за отправленнаго въ часть Василья или Ивана, смотрѣлся въ зеркало, достаточно ли видъ у меня разстроены.

Но во всякомъ случаѣ, я съ дворовыми жилъ совершенно интимно. У нихъ отъ меня секретовъ не было, ибо они знали что я ихъ не выдамъ. Лѣтъ уже четырнадцати-пятнадцати даже, я запиралъ двери за Иваномъ, уходившимъ «въ ночную» къ своимъ любовницамъ и отпиралъ ихъ ему въ заутрени; уже студентомъ привозилъ нѣсколько разъ, самъ правя лошадей, кучера Василья въ своихъ объѣздахъ позднимъ вечеромъ, тихонько отворяя ворота...

И они любяли меня, разумѣется любили по своему — любили до тѣхъ поръ, пока въ позднѣйшую эпоху жизни интересы ихъ нестолкнулись съ моими. Разумѣется нечего винить ихъ за свою корыстную любовь. Грѣхъ не на нихъ, а все-таки на крѣпостномъ правѣ, много развратившемъ высокую природу русскаго челоуѣка. Одна старая нянка (она же была у насъ долгое время и кухаркой, пока не *упустили* повара) любила меня инстинктивно, сердечно — умерла даже съ желаніемъ хотя бы глазкомъ взглянуть на меня, бывшаго въ Петербургѣ, въ минуту ея смерти, — да и то я думаю потому, что она была вольная изъ Арзамаса и по страстной любви, овдовѣвши послѣ перваго брака, вышла за нѣднаго крѣпостнаго кучера Василья...

А много, все-таки много обязать я тебя въ своемъ развитіи, безобразная, распушенная, своекорыстная дворян... Нѣтъ, или мало пѣсенъ народа мнѣ чуждыхъ: звучащія дѣтскому уху, оцѣ отдались какъ старыя знакомыя въ поздней молодости, оцѣ, на время забытыя, пренебреженныя, впраціи даже какъ старыя книги дѣда, возтали вотомъ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ... Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашею дворнею на широкомъ дворѣ: и въ бую, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дому въ гости и не брали меня; всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, ката и лисицы въ одномъ домѣ — переслушалъ я въ осеннія сумерки отъ деревенской дѣвочки Марины, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ, — лежа, закутанный въ шубку, въ старомъ ларѣ въ сараѣ...

Наѣзжали порою мужики изъ бабушкиной деревни. Вотъ тутъ-то еще больше наслушивался я диковинныхъ рассказовъ — постоянно уже проводя все время съ мужиками на кухнѣ. Всѣхъ я ихъ зналъ по рассказамъ многихъ лично; со мной они, преду-прежденные дворней, не чинились и не таились... Ужасно я любилъ ихъ, и провожая почтенныхъ мужиковъ, какъ староста Григорій поминалъ даже въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, послѣ родныхъ и ближайшихъ окружающихъ...

IV

С Т О Р О Н А

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарѣзать на душѣ неизгладимыя слѣды!

Я началъ исторію своихъ впечатлѣній съ общаго образа Замоскворѣчья, рискуя, и конечно рискуя сознательно, попасть на зубокъ нашимъ различнымъ обличительнымъ изданіямъ. Я сказалъ уже кажется, что Замоскворѣчье не только особый міръ, а соединеніе разныхъ особыхъ мировъ, носившихъ каждый свою отдѣльную, типовую физиономію.

Встанемте съ вами, читатели, бывавшіе въ Москвѣ, на высь Кремля, съ которой огромныя полукружіемъ разверты-

вается передъ вами юговосточная, южная и югозападная часть Москвы. Если я съ самаго начала не повелъ васъ туда, на кремлевскую гору, то, покаюсь въ этомъ, во избѣжаніе рутиннаго приѣма. Видъ Москвы съ кремлевской вершины почти такое же избитое мѣсто, какъ видъ ея съ Воробьевыхъ горъ. И теперь я становлюсь съ вами на этомъ пунктѣ только потому что такъ мнѣ нужно...

Панорама пестра и громадна, поражаетъ пестротою и громадностью, но все же въ ней есть извѣстныя, выдающіяся точки, къ которымъ можно приковать взглядъ... Онъ упирается налѣво въ далекой дали, въ двѣ огромныхъ колокольни двухъ монастырей: новоспасскаго и симонова... Старые монастыри — это нѣчто въ родѣ драгоценныхъ камней въ вѣнцахъ, стягивающихъ въ предѣлы, громадный городъ—растеніе, или если вамъ это сравненіе покажется вычурнымъ, — нѣчто въ родѣ бляхъ въ его обручахъ... Дѣло не въ цвѣтѣ сравненія, а въ его сущности, и сущность, если вы взглянете безъ предубѣжденія, будетъ вѣрва; старые пласты города стягиваетъ обручъ съ запястьями—монастырями, состоящими въ городской чертѣ: бывшимъ алексѣевскимъ, который я еще помню, и на мѣстѣ котораго высится теперь храмъ Спасителя, упраздненнымъ новинскимъ, викитскимъ, петровскимъ, рождественскимъ, андроньевскимъ; разросшіяся слободы стянуты тоже обручемъ горизонтальной линіи, на которой законными, останавливающими взглядъ пунктами являются тоже монастыри: новоспасскій, симоновъ, донской, дѣвичій...

Я обратилъ ваше вниманіе на дальнія точки горизонтальной линіи, потому что къ одному изъ этихъ пунктовъ «тянетъ», по допетровскому пластическому выраженію нашихъ дьяковъ, та или другая сторона Москвы, сторона съ особеннымъ видомъ и характеромъ. Внутри городской черты монастыри потеряли свое значеніе притягивающихъ пунктовъ, хотя прежде вѣроятно имѣли его: вѣдь на обручѣ Китай—города есть тоже свои бляхи: знаменскій, богоявленскій монастыри и т. д. Въ Замоскворѣчьи и въ Таганкѣ, которая «тянетъ» на половину къ андроньеву, на половину къ «Спасу новому», типовой характеръ монастырей уцѣлѣлъ разумѣется болѣе... Особый характеръ, особый цвѣтъ и запахъ жизни у юговосточнаго Замоскворѣчья, которое «тя-

веть» къ Симонову, и у южнаго и югозападнаго, которыя тянуть къ донскому...

Идя съ вами въ глубь Замоскворѣчья, я указалъ вамъ на его три или собственно двѣ главныя жилы, кончающіяся несуществующими на дѣлѣ воротами, но не упомянулъ о третьей, огромной юговосточной жилѣ, о пятницкой, названной такъ по церкви мифически-народной святой пятницы—Прасковей.

Но не церковь пятницы—Прасковей поражаетъ и останавливаетъ вашъ взглядъ съ кремлевской вершины, когда вы, отклоняя постепенно глаза отъ юговостока, ведете ихъ по направлению къ югу, а пятиглавая, великолѣпная церковь Климента папы римскаго. Передъ ней вы остановитесь и идя по пятницкой: она поразитъ васъ строгостью и величавостью своего стиля, своею даже гармоніею частей... Но особенно выдается она изъ безчисленнаго множества различныхъ узорочныхъ церквей и колоколенъ, тоже оригинальныхъ и необычайно-живописныхъ издали, которыми въ особенности отличается юговосточная часть Замоскворѣчья... Путешествуя по его извилистымъ улицамъ, заходя дальше и все дальше въ глубь, вы натолкнетесь можетъ быть на болѣе оригинальный стильъ старыхъ, приземистыхъ и узорчатыхъ церквей съ главами—луковницами, но издали надо всѣмъ властвуетъ безъ сомнѣнья Климентъ. Около него, по пятницкой и вправо отъ нея, сосредоточилась въ свои каменные дома и дворы съ заборами, нерѣдко каменными, жизнь по преимуществу купеческая; влѣво жизнь купеческая сплетается съ мелкобѣщанскою, мелкочиновническою и даже пожалуй мелкодворянскою. Идя по пятницкой, влѣво, вы добредете даже до Зацѣпы, этого удивительнаго уголка міра, гдѣ совершается невозможнѣйшая съ общечеловѣческой точки зрѣнія и видѣтъ одна изъ вандѣйствительнѣйшихъ драмъ Островскаго «Въ чужомъ перу похмѣлье», гдѣ хозяйка честнаго учителя беретъ росписку съ Андрюши Брускова въ женитьбѣ на дочеря своего постояльца, и «Китъ.Китычъ» платится по этой странной роспискѣ, ибо не знаетъ чтѣ могутъ сдѣлать «строцкіе», и внутренне боится ихъ, хотя и ломается надъ пропившимся «строцкимъ» Сахаромъ Сахарычемъ... Тутъ между Зацѣпой и комисариатомъ, двѣ жизни: жизнь земщины и жизнь «строцкихъ» живутъ рядомъ одна съ другою, растительно сплетаются, хоть не смѣшиваются и тѣмъ не менѣе амальгамируются.

Только затѣмъ, изволите видѣть, я и водилъ васъ на вершину Кремля, чтобы оттуда различить для васъ двѣ полосы Замоскворѣчья. Дѣтство мое прошло въ первой, юговосточной, — отрочество и ранняя молодость въ югозападной.

Жизнь, которая окружала меня въ дѣтствѣ, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь «стриюцкихъ», ибо отецъ мой служилъ, и служилъ въ одномъ изъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя не проникалъ уровень чиновничества, въ которомъ бражничало, дѣлало дѣла и властвовало подъячество... Эта жизнь «стриюцкихъ» соприкасалась множествомъ сторонъ съ жизнью земщины, и въ особенности въ уголкѣ міра, лежащемъ между комиссаріатомъ, Зацѣпой и пятницей.

Какъ теперь видится мнѣ мрачный и вѣтхій домъ съ мезониномъ, полиняло-желтого цвѣта, съ niezbѣжными алебастровыми украшеніями на фасадѣ и чуть ли даже не съ какими-то звѣрями на плачевно-старыхъ воротахъ, домъ съ явными претензіями, домъ съ дворянской амбиціей, домъ, въ которомъ началось мое сознательное дѣтство. Два такихъ дома стояли рядомъ, и нѣкогда оба принадлежали одному дворянскому семейству, не изъ сильно впрочемъ родовитыхъ, а такъ себѣ... Обитатели дома, въ который мы переѣхали съ Тверской, были женскіе остатки этого когда-то достаточнаго семейства: вдова-барыня съ двумя дочерьми-дѣвками. Хозяинъ другого, племянникъ вдовы, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, и домъ долго стоялъ опустѣлый, только на мезонинѣ его, въ таинственномъ заключеніи жила какая-то его воспитанница. И объ этомъ мезонинѣ, и объ этой заключенницѣ, и о самомъ хозяинѣ пустого дома, развратникъ по сказаніямъ и фармазонъ — ходили самые странные слухи.

Оба дома смотрѣли на церковную ограду Спаса болвановской церкви, ничѣмъ впрочемъ кромѣ своего названія незамѣчательной, стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими себя съ горя, въ ряду другихъ, крѣпко околоченныхъ и хозяйственно глядѣвшихъ купеческихъ домовъ, съ высокими воротами и заборами. Уныло кивалъ имъ симпатически только каменный домъ съ полуобвалившимися колоннами на концѣ переулка, домъ тоже дворянскій и значительно болѣе дворянскій.

Мрачность ли этихъ домовъ съ ихъ ушедшимъ внутрь и все-таки притязательнымъ дворянскимъ честолюбіемъ подѣляемо-

вѣла сразу на мое впечатлительное воображеніе, или такъ ужъ на роду мнѣ было написано воспитывать въ душѣ двойную т. е. родовую и свою мечтательную Аркадію, но все время нашего тамъ пребыванія, продолжавшагося года четыре до покупки дома въ другой южной сторонѣ Замоскворѣчья, я относился къ этому жилью и къ житью въ немъ съ отвращеніемъ и даже съ ненавистью, и все мелѣялъ въ дѣтскихъ мечтахъ Аркадію тверскихъ воротъ съ большимъ каменнымъ домомъ, наполненнымъ разнообразными жильцами, съ шумомъ и гамомъ ребятъ на широкомъ дворѣ, съ воспоминаніями о сѣрыхъ лошадяхъ хозлява, сѣдого купца Игнатія Иваныча, которыхъ важивалъ онъ меня часто смотрѣть въ чистую и свѣтлую конюшню; объ извозчикѣ-ляхачѣ, Дементѣ, который часто каталъ меня отъ тверскихъ воротъ до нынѣшнихъ триумфальныхъ, вѣроятно изъ симпатіи къ русымъ волосамъ и румянымъ щекамъ моей младшей няньки; о широкой площади съ воротами страстнаго монастыря передъ глазами и съ изображеніями на нихъ «страстей господнихъ», къ которымъ любила ходить со мною старая моя нянька, толковавшая мнѣ посвоему, апокрифически-легендарно эти изображенія въ извѣстномъ тонѣ апокрифическаго сказанія о «спѣ богородицы».

Многое можетъ-быть — и начинавшаяся болѣзнь матери, и начавшаяся для меня проклятая латинская грамматика Лебедева, къ которой до-сихъ-поръ не могу я отнести безъ нѣкотораго, самому мнѣ смѣшного, враждебнаго чувства, и еще болѣе проклятая арифметика, съ которой никогда я не могъ помириться, будь она Меморскаго, какъ прежняя, или Аллеза, Гилья, Пюссана Вудро какъ послѣдующая, многое, говорю, навѣвало на меня можетъ-быть вракъ, — но только враждебно относился я къ жатю-быттю на Болвановкѣ.

Но странная сила есть у прошедшаго, и въ особенности на насъ людей былого поколѣвія. Чѣмъ дальше отдаляли отъ меня годы это житіе, тѣмъ больше и больше свѣтлѣло оно у меня въ памяти. Шляясь часто повечерамъ по Москвѣ, я въ мои зрѣлые годы углублялся въ лѣвую сторону Замоскворѣчья, но увы! и слѣдовъ стараго не было. Уцѣлѣли крѣпко сколоченные купеческіе дома, но отняли колонны у каменнаго дома, выбѣлѣли его и придали ему прилично-истертую наружность новые хозяева, а нѣкоторые имбационныхъ дворянскихъ домовъ въ концѣ переулка

выстроились новые, чистые купеческіе дома. Самая ограда церкви, вилявшая нѣкогда кривою линіею, отступила на шагъ и вытянулась въ струнку, по рапжиру...

И понятно, кромѣ общаго закона идеализаціи прошедшаго по мѣрѣ его удаленія отъ насъ, почему свѣтлѣло для меня спсоболвановское житье-бытье.

При старомъ домѣ былъ садъ съ заборомъ, весьма некрѣпкого и дыряваго качества, и заборъ выходилъ уже на Зацѣну, и въ щели повечерамъ смотрѣлъ я какъ собирались и разыгрывались кулачные бои, какъ ватага мальчишекъ затѣвала дѣло, которое чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше захватывало большихъ. О! какъ билось тогда мое сердце, какъ мнѣ хотѣлось тогда быть въ толпѣ этихъ зачинающихъ дѣло мальчишекъ, мнѣ, барченку, котораго держали въ хлопкахъ, изрѣдка только позволяя (да слава-богу, что хоть изрѣдка-то!) играть въ игры съ дворнею. А въ большіе праздники водились тутъ хороводы фабричными и живо, страстно сочувствовалъ я нашей замкнутой на дворѣ дворнѣ, которая облизываясь какъ котъ, смотрѣла на вольпо-шумѣвшую вокругъ нея вольную жизнь!

V

ПОСЛѢДНЕЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ МЛАДЕНЧЕСТВА

Да! меня держали въ хлопкахъ; жизнь, окружавшая меня, давала мнѣ только впечатлѣнія, дразнила меня, и потому все сильнѣе и сильнѣе развивалась во мнѣ мечтательность. На меня порою находила даже какая-то неестественная тоска, въ особенности по осеннимъ и зимнимъ долгимъ вечерамъ. Игрушками я былъ буквально заваленъ, и онѣ мнѣ наскучили.

Мнѣ шло въ седьмой годъ, когда стали серьезно думать о приисканіи для меня учителя, разумѣется, по средствамъ и по общей методѣ подешевле. До тѣхъ поръ мать сама кое-какъ учила меня разбирать по складамъ, по какъ-то долше буки-рцы-азъ-ра-бра (такъ произносилъ я складъ) я не ходилъ. Вообще я былъ безгранично лѣнивъ до двѣнадцати лѣтъ возраста.

Стали наконецъ дѣйствительно искать учителя, но прежде всего, по извѣстному русскому обычаю покупать прежде людей.

никъ, а затѣмъ уже корову, купили неизвѣстно для какихъ цѣлей указку. Указка была костяная, прекрасивенькая и я черезъ день же ее сломалъ, какъ ломалъ всякія игрушки. Помню какъ теперь, въ осенній вечеръ, когда уже свѣчи подали, сидѣлъ я на коврѣ въ залѣ, обложенный игрушками, слушая рассказы младшей няньки про бабушкину деревню и стараясь разгадать что такое Иванъ, сидѣвшій тутъ же на коврѣ, дѣлаетъ съ куклами, показывая ихъ Лукерѣ и отчего та то ругается, то смѣется, — явился учитель-студентъ въ мундирѣ и при шпагѣ и бойкою походкою прошолъ въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ. «Учитель, учитель!» сказала моя нянька и съ любопытствомъ заглянула ему вслѣдъ въ гостиную. «Съ форсомъ!» добавилъ Иванъ и опять сталъ что-то ей таинственно показывать...

Я заревѣлъ...

Насилу меня уняли рассказами о будущей моей невѣстѣ и о золотой каретѣ, въ которой поѣду я вѣчаться, а между тѣмъ черезъ четверть часа, отворились двери гостиной и отецъ, провожая студента, указалъ ему на меня, потомъ подошелъ ко мнѣ и прибавилъ: «такъ начинайте съ-богомъ во вторникъ.»

А во вторникъ былъ день Козьмы и Даміана безсребрениковъ, день, въ который обыкновенно учить начинаютъ по преданіямъ...

Но видно преданіямъ вообще суждено было всегда носиться вокругъ меня, а не исполняться вполне надо мною. Насталъ день покровителей ученія, посадили меня съ азбукой и сломанной указкой у окна и велѣли жрать учителя. Помню, что бессмысленно и вмѣстѣ тоскливо, ничего незамѣчая, ничего даже не думая и ни о чемъ противъ обыкновенія не мечтая, проглядѣлъ я съ часъ на улицу. Было одиннадцать, — срокъ назначенный для урока, — учитель не являлся. Съ мѣста меня сняли. Было двѣнадцать — учителя все не было. Пришолъ часъ обѣда, воротился отецъ изъ присутствія.

Дворянская азбиція въ немъ заговорила.

Воспитанникъ бывшаго благороднаго пансіона, товарищъ по воспитанію Жуковскаго и Тургеневыхъ, онъ несмотря на здравый умъ свой и доброту души, былъ проникнутъ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ къ поповичамъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что въ семьѣ у насъ было множество родни духовнаго чина всякихъ подраздѣленій: отъ протоіереевъ до дьяконовъ и

даже ниже. Впрочемъ это былъ ужъ общій недостатокъ отца, старшей тетки и дяди, что они не любили распросовъ о степеняхъ родства съ дядей ихъ протопопомъ Андреемъ Ивановичемъ и другими лицами духовнаго вѣдомства. У отца же кромѣ того притѣшдалась специальная антипатія къ поповичамъ, вынесенная изъ азъ университетскаго благороднаго пансіона. Рассказывал о своемъ пребываніи въ немъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть о томъ, какъ они, дворянчики, обязанные слушать послѣдній годъ университетскія лекціи, перебранивались на лѣстницахъ университета съ настоящими студентами изъ поповичей, ходившими въ его время въ какихъ-то жолтыхъ панковыхъ брюкахъ въ сапоги и желѣзныхъ мундирахъ съ жолтыми воротниками.

Надо сказать правду, что и въ это время, въ 1828 году, некрасивъ былъ студенческій мундиръ: синій, съ красно-оранжевымъ воротникомъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то волицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, ходя даже и на лекціи въ партикулярномъ платьѣ.

Для отца, по старой памяти, понятіе о студентѣ слагалось съ понятіемъ о поповичѣ. Притомъ же амбіція произвела въ немъ мгновенно родовую вспышку, и когда студентъ явился вечеромъ, онъ принялъ его весьма сухо, и несмотря на его извиненія, отказалъ отъ уроковъ...

Такъ и неудалось мнѣ начать учиться въ день преподобныхъ Козьмы и Даміана.

Опять постарому принялась учить меня по складамъ мать, и такъ же точно постарому дальше буки-рцы-азъ ра-бра, мы наводвигались.

Наконецъ въ одинъ тоже осенній, но уже ноябрьскія сумерки пріѣхалъ младшій товарищъ отца по службѣ, секретарь Дмитрій Ильичъ съ женою, красивою, и крайне-веселою поповною, любимой ужасно моею матерью за живой и добрый характеръ и развлекавшей нерѣдко своей болтовней ея ипохондрическіе припадки. Объявили они за чаемъ, что вслѣдъ за ними будетъ ихъ «средственникъ» отецъ Иванъ, священникъ одного подмосковнаго села Перова съ сыномъ, молоденькимъ семинаристомъ, только-что вступившимъ въ университетъ и разумѣется на медицинскій факультетъ. Точно не позже какъ черезъ часъ какой-нибудь, прибылъ отецъ Иванъ въ треухѣ и залышей шубѣ, рослый, но худой старикъ съ значительной лысиной, оказавшейся

но святіи треуха. За нямъ выступалъ робкою поступью, съ потупленными долу очами, съ розовыми щеками, юноша, чуть не мальчикъ во фризовой шинели. Прехорошенькій былъ онъ тогда, какъ я его помню... Меня — а я какъ теперь его вижу — непоразила даже особенная сахарная сладость его физиономіи и маслянистость глазъ, которыя замѣтилъ я уже впоследствии. Я даже не заревѣлъ.

Отецъ Иванъ и Дмитрій Ильичъ «осадили» въ вечеръ графшля съ четыре ерофеичу на звѣробоѣ. Отецъ мой не пилъ съ нами, ибо уже лѣтъ десять тому назадъ бросилъ «заниматься этимъ малодушествомъ, пять» но усердно ихъ подчивалъ, былъ въ духѣ, а когда онъ былъ въ духѣ, онъ какъ-то невольно располагалъ всѣхъ къ веселости, подшучивалъ надъ Сергѣемъ Ивановичемъ, — такъ звали моего будущаго юнаго наставника. Юный наставникъ, прикашливая посеминарски, краснѣя запинаясь въ отвѣтахъ; для придавія себѣ «континенту» обратился онъ ко мнѣ со спросомъ, какъ и чѣмъ я до него занимался. Я помню, отвѣчалъ ему безъ малѣйшей запинки, и весело потащилъ его въ залу показывать мои игрушечныя богатства. Онъ немогъ скрыть своего изумленія, и отчего-то ужасно покраснѣлъ, увидавши мою младшую няньку.

Дѣло было порѣшено. Съ завтрашняго же дня Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ перебраться къ намъ.

Начиналось мое «ученье...»

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ В. ГЮГО

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

О ТОМЪ КАКЪ ОПАСНО ДОВѢРЯТЬ КОЗАМЪ СВОИ СЕКРЕТЫ

Прошло уже нѣсколько недѣль.

Были первые дни марта. Солнце, котораго Дюбарта, этотъ классическій пращуръ перифразы, еще не называлъ *великимъ герцогомъ свѣтъ*; блистало ярко и весело. Былъ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, которымъ парижане радуются какъ празднику, разсыпаясь по всѣмъ мѣстамъ для гулянья. Въ эти свѣтлые, теплые и радостные дни бываетъ одинъ часъ, въ который въ особенности хорошо любоваться порталомъ собора Богоматери, именно въ то время, когда солнце уже склоняясь къ западу, смотритъ прямо въ лицо собору. Его лучи, все болѣе горизонтальные, медленно исчезаютъ съ площади и ползутъ по фасаду, освѣщая его выпуклости, а центральная розетка блистаетъ подобно глазу циклопа передъ пламенемъ наковальни.

Наступилъ именно этотъ часъ.

Напротивъ высокаго собора, на балконъ богатаго дома, составлявшаго уголъ площади, нѣсколько молодыхъ дѣвицъ весело смѣялись и разговаривали.

По длиннѣ вуаля, спускавшагося до самыхъ пятъ отъ остроко-
нечной верхушки ихъ головного убора, перевитаго бусами; по то-

винѣ шемизетокъ, покрывавшихъ ихъ плечи; по роскоши юбокъ, которыя были богаче самаго верхняго платья; по газу, шолку и бархату, и въ особенности по бѣлизнѣ ручекъ можно было судить, что это богатая наследница. Въ самомъ дѣлѣ это были Флеръ-де-Ли де-Гонделорье и ея подруги, всѣ изъ хорошихъ фамилій и въ гостяхъ у вдовы Гонделорье, по случаю прибытія въ Парижъ герцога де-Божѣ съ супругой для составленія штата принцессъ Маргаритѣ, чтобы принять ее въ Шикардіи изъ рукъ фламандцевъ. Множество дворянъ добивалось этой чести для дочерей, и нѣкоторые уже привезли или прислали ихъ по этому случаю въ Парижъ. Многія поручены были надзору почтенной Алоизы де-Гонделорье, вдовы шефа королевскихъ стрѣлковъ, жившей съ единственной дочерью въ собственномъ домѣ, противъ соборной площади.

Съ балкона былъ входъ въ комнату, богато-обитую фландрскимъ краснымъ сафьяномъ съ золотыми разводами. Плафонъ былъ украшенъ разными скульптурными и золочеными фигурами. Кабанья голова, возвышавшаяся надъ великолѣпнымъ буфетомъ, доказывала, что хозяйка дома — вдова знаменитаго дворянина. Въ глубинѣ комнаты рядомъ съ высокимъ каминомъ, украшеннымъ гербами снизу доверху, сидѣла въ малиновомъ бархатномъ креслѣ, госпожа Гонделорье, пятидесятилѣтній возрастъ которой выражался въ лицѣ и одеждѣ. Рядомъ съ нею стоялъ молодой человекъ, довольно красивой хотя немного нахальной наружности; одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые нравятся вообще женщинамъ, хотя люди серьезные и физиономисты презрительно пожимаютъ на нихъ плечами. Молодой человекъ былъ въ мундирѣ капитана королевскихъ стрѣлковъ, настолько схожимъ съ костюмомъ Юпитера, описанномъ нами въ первой главѣ, что мы не станемъ утомлять читателя повтореніемъ.

Дѣвицы сидѣли частію въ комнатѣ, частію на балконѣ, на дубовыхъ скамейкахъ, обитыхъ утрехтскимъ бархатомъ. У каждой было въ рукахъ вышиванье; онѣ разговаривали и смѣялись тѣмъ сдержаннымъ хохотомъ, который показываетъ, что въ комнатѣ есть молодой мужчина. Молодой человекъ, присутствіе котораго возбуждало всѣ эти женскія самолюбія, казалось мало цѣнилъ эту честь, и между тѣмъ какъ взгляды дѣвушекъ устремлялись украдкой на него, онъ преусердно чистилъ перчаткой пряжку своего пояса.

Отъ времени до времени хозяйка что-то тихо говорила ему, и онъ отвѣчалъ съ натянутой вѣжливостью. По улыбкамъ и знакамъ, которыми вдова указывала капитану на свою дочь, можно было

предположить, что молодымъ людямъ недалеко до свадьбы. По холоднымъ приемамъ офицера замѣтно было, что, по крайней-мѣрѣ съ его стороны, о любви не было и помина. Въ лицѣ его выражалась такая натянутость и скука, которую наши гарнизонные офицеры перевели бы словами: «чертовская обуза!»

Старушка, ослѣпленная материнской любовью, не замѣчала скуки своего собесѣдника и продолжала указывать ему на грацію, съ какой ея дочка выводила нитку или разматывала шюльк.

— Посмотрите, кузень, говорила она, дергая его за рукавъ: — какъ она граціозно наклонилась,

— Да, да, отвѣчалъ офицеръ, и снова впадалъ въ разсѣянность.

Черезъ минуту опять слѣдовали похвалы:

— Право я иногда вамъ завидую, говорила старушка: — что можете быть лучше вашей невесты? Неправда-ли, вы очень влюблены въ нее?

— Конечно, отвѣчалъ онъ, думая о другомъ.

— Да поговорите же съ ней, вы сдѣлались слишкомъ застѣнчивы; подите скажите ей что-нибудь!

Можемъ увѣрить нашихъ читателей, что застѣнчивость не была въ характерѣ капитана. Однакожь онъ рѣшился исполнить что отъ него требовали.

— Прелестная кузина, сказалъ онъ, подходя къ невестѣ: — что изображаетъ рисунокъ вашего вышиванья?

— Прелестный кузень, отвѣчала Флеръ-де-Ли съ замѣтной досадою: — я уже три раза говорила вамъ, что это пещера Нептуна.

Очевидно дѣвушка лучше матери замѣтила холодность капитана. Онъ почувствовалъ необходимость продолжить разговоръ.

— А для кого вся эта нептунщина? спросилъ онъ.

— Для аббатства Сентъ-Антуанъ, отвѣчала дѣвушка, не поднимая глазъ.

Капитанъ взялъ въ руки уголокъ вышиванья.

— Что это за толстый жандармъ, прелестная кузина, который изо всѣхъ силъ дуетъ въ трубу?

— Это Тритонъ.

Въ короткихъ отвѣтахъ невесты все еще слышалось неудовольствіе. Молодой человекъ сообразилъ, что слѣдуетъ ей сказать что-нибудь на ухо, какую-нибудь пошлость, любезность, что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ наклонился, но не могъ найти въ своемъ воображеніи фразы нѣжнѣе слѣдующей:

— Задѣмъ ваша матушка одѣвается всегда, какъ наши пребабушки времянь Карла VII? Скажите ей, кузина, что гербы на платьѣ дѣлають ее похожей на драпировку каминна, кланусь вамъ.

Флёръ-де-Ли подняла на него съ уверенемъ свои прекрасныя глаза:

— Въ этомъ только всё ваши клятвы? тихо спросила она.

Между тѣмъ старушка, видя ихъ интимную бесѣду, шептала:

— Трогательная картина любви!

Капитанъ, сбитый съ толку, опять перешолъ къ вышиванью:

— Какъ прелестно сдѣлано! вскричалъ онъ.

Пользуясь его фразой, одна изъ дѣвиць вставила словечко, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. Другая засмѣялась, чтобъ показать свои зубки.

Въ это время дѣвочка лѣтъ семи, смотрѣвшая на улицу съвозъ рѣшотку балкона, вскричала:

— Посмотрите, какая прелесть плясунья и сколько около нея народу!

Въ самомъ дѣлѣ съ улицы слыщались звуки тамбурина.

— Какая-нибудь цыганка, сказала Флёръ-де-Ли, цехогу обращаясь къ площади.

— Посмотримъ! вскричали ея веселыя подруги и выбѣжали на балконъ, между тѣмъ какъ она, огорченная холодностью жениха, медленно слѣдовала за ними, а капитанъ возвращался на прежнее мѣсто съ видомъ солдата, смѣнившагося съ очереди.

Между тѣмъ быть на службѣ прелестной Флёръ-де-Ли — завидная доля, и казалась такою капитану въ первое время; теперь же перспектива близкой свадьбы значительно охладила его. У него былъ неностойный, и надо признаться, довольно пошлый вкусъ. Несмотря на знатное происхождение, онъ приобрѣлъ въ походной жизни грубыя привычки. Ему нравились трактиры совѣсьми ихъ принадлежностями. Онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ тамъ, гдѣ говорились женныя любезности дамамъ, не оскорблявшимся ими и легко доступнымъ. Въ молодости ему дано было нѣкоторое восприимчивіе, но дворянскій лоскъ съ каждымъ днемъ исчезалъ въ гарнизонной жизни. Продолжая изъ приличія посѣщать Флёръ-де-Ли, онъ двойнѣ чувствовалъ тяжесть этого долга, вопервыхъ потому что истратилъ слишкомъ много любви въ тавернахъ и не оставилъ ничего на долю невѣсты; вовторыхъ поминутно боялся, по привычкѣ, выпустить при нарядныхъ дамахъ одно изъ тѣхъ крѣпкихъ словечекъ,

которыя часто вертѣлись на его языкѣ. Представьте каковъ бы вышелъ эффектъ!

Все это соединялось у него съ нѣкоторымъ изяществомъ, щегольствомъ и красивой наружностью. Пусть читатель самъ примирить эти крайности. Я только историкъ. Онъ стоялъ уже нѣсколько времени прислонившись къ камину, какъ вдругъ Флеръ-де-Ли обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Помните, кузень, вы говорили намъ, что спасли какую-то цыганку, во время вашего ночного объѣзда, изъ рукъ двѣнадцати мошенниковъ?

— Кажется говорилъ, прелестная кузина.

— Можетъ-быть это она танцуетъ на площади. Посмотрите, не знаете ли вы ее, кузень Фебъ.

Видно было желаніе примириться въ этомъ приглашеніи подойти. Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ (потому что это былъ онъ) медленно подошелъ къ балкону.

— Вотъ она, говорила дѣвушка, нѣжно опираясь на руку капитана: — посмотрите, она ли это?

— Да, я узнаю ее по козѣ.

— О, прелестная козочка, воскликнула одна изъ подругъ.

— У ней въ самомъ дѣлѣ золотые рога? спросила маленькая дѣвочка.

Старушка повела рѣчь не трогаясь съ своего кресла. — Это вѣрно тѣ цыгане, которые прошлаго года пришли въ ворота Жибаръ?

— Матушка, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли: — теперь ворота уже называются д'Анферъ.

Мадмуазель Гонделорье знала какъ шокируютъ капитана старинныя привычки ея матери. Онъ уже началъ усмѣхаться и повторять сквозь зубы: Жибаръ! Жибаръ! въ нихъ проходилъ Карлъ VI!

— Крестная маменька! спросила малютка, все время смотрѣвшая на площадь: — что это за черный человекъ тамъ на башнѣ?

Всѣ дѣвушки взглянули на соборъ. Кто-то стоялъ, облокотясь на верхнюю балюстраду восточной башни, выходящей на Гревскую площадь. Это былъ священникъ. Легко было разглядѣть его костюмъ и лицо, подпиертое руками. Онъ былъ недвижимъ какъ статуя; глаза устремлены были на одну точку. Это было положеніе лстреба, открывшаго воробьиное гнѣздо, и жадно глядящаго на него.

— Это соборный архидіаконъ, сказала Флеръ-де-Ли.

— Какъ онъ смотритъ на танцовщицу!

— О, онъ не любитъ цыганъ.

— Жаль, что онъ такъ враждебно на нее смотритъ, она право прележна.

— Кузень Фебъ, сказала вдругъ Флеръ-де-Ли: — вы знаете эту цыганку, сдѣлайте ей знакъ войти сюда. Это насъ позабавитъ.

— Да, да! подхватили подруги, хлопая въ ладоши.

— Какже это, сказалъ Фебъ: — она вѣроятно меня забыла, а я никогда и не зналъ ея имени. Впрочемъ, попробую исполнить ваше желаніе. И наклонясь съ балкона, онъ крикнуть: Эй ты, миленькая!

Танцовщица стояла спокойно въ эту минуту. Она подняла голову, встрѣтила глаза Феба и осталась неподвижна.

— Миленькая! повторилъ капитанъ, дѣлая ей знакъ войти.

Дѣвушка еще разъ взглянула на него, потомъ вдругъ покраснѣла, взяла тамбуринъ подъ мышку и направилась, сквозь толпу удивленныхъ зрителей, къ дому куда ее звали, медленно, съ испуганнымъ взглядомъ птички, повинующейся вліянію змѣи.

Черезъ минуту, портьера поднялась и цыганка явилась на порогъ, красная, взволнованная, съ опущенными большими глазами; она не смѣла идти далѣе.

Маленькая дѣвочка захопала въ ладоши.

Танцовщица все еще стояла у двери. Появленіе ея сдѣлало странное впечатлѣніе на молодыхъ дѣвушекъ. Блестящій мундиръ офицера былъ фокусомъ, на которомъ сосредоточивались все взгляды; каждой хотѣлось понравиться и желаніе это выражалось въ словахъ и жестахъ. Такъ какъ все были почти одинаково хороши, борьба была до сихъ поръ ровная, и все втайнѣ рассчитывали на побѣду. Появленіе цыганки нарушило это равновѣсіе. Красота ея была такъ ослѣдительна, что комната какъ-будто освѣтилась съ ея приходомъ. Въ этой мебелированной комнатѣ, при этихъ темныхъ драпировкахъ, она была вдвое красивѣе нежели на площади. Это былъ факелъ, перенесенный изъ свѣта въ темноту. Барышни нелегко были поражены. Каждая почувствовала себя униженной ея красотою, и потому все разомъ приготовились къ бою, хотя не было произнесено ни одного слова. Женщины инстинктомъ понимаютъ другъ друга быстрѣе нежели мужчины. Явился врагъ: все тотчасъ это смекнули и стали въ оборонительное положеніе. Довольно одной капли вина, для того чтобы вся вода въ стаканѣ покраснѣла; до-

вольно появленія одной хорошенькой женщины, для того чтобы все женское общество приняло одинаковое направленіе, особенно если въ обществѣ только одинъ мужчина.

Пріемъ, сдѣланный цыганкѣ, былъ единодушно холоденъ. Онѣ оглядѣли ее съ головы до ногъ, потомъ переглянулись, и только. Между тѣмъ дѣвушка оробѣла и ждала что ей скажутъ.

Капитанъ первый нарушилъ молчаніе.

— Клянусь честью, вотъ хорошенькая дѣвушка! какъ вы находите, кувина?

Это замѣчаніе, которое болѣе деликатный наблюдатель сдѣлалъ бы про себя, еще сильнѣе возбудило женскую ревность.

Флеръ-де-Ли отвѣчала съ натянутымъ равнодушіемъ.

— Да, недурна!

Остальныя шептались:

Наконецъ г-жа Гонделорье, ревнивая не менѣе другихъ, потому что ревновала за свою дочь, произнесла:

— Подойди, миленькая.

— Подойди, миленькая! повторила съ комической важностью маленькая дѣвочка.

Цыганка приблизилась къ хозяйкѣ.

— Прелестное дитя, началъ Фейъ торжественнымъ тономъ: — не знаю имѣю ли я счастье быть узаннымъ вами...

Она не дала ему кончить, и устремивъ на него глубокой взглядъ, сказала:

— О, да!

— У нея хорошая память, замѣтила Флеръ-де-Ли.

— А вы такъ скоро скрылись тогда, равнѣ я васъ испугалъ? спросилъ Фейъ.

— О, нѣтъ! отвѣчала цыганка.

Въ этикъ двухъ восклицанійхъ было что-то неизъяснимое, что оскорбило Флеръ-де-Ли.

— Вы оставили мнѣ вмѣсто себя, продолжалъ капитанъ, у котораго развязался языкъ въ присутствіи простой дѣвушки: — какую-то тварь хромую, слѣпую и горбатую, кажется соборнаго звонаря. Мнѣ сказали, что онъ побочный сынъ архидіакона и чортъ по рожденію. У него смѣшное имя, названіе какого-то большого праздника. Онъ осмѣлился васъ похитить, какъ-будто такіа дѣвушки созданы для такихъ уроковъ. Скажите-ка, чего хотѣло отъ васъ это чудовище, а?

— Не знаю! отвѣчала она.

— Какова дерзость! Звонарь похищаетъ дѣвушку, какъ какой-нибудь виконтъ! Бродяга польстился на дворянскую поживу! вотъ рѣдкость. Впрочемъ онъ за это дорого заплатился. У Тортеру не легка рука, а вашему звонарю шибко пришлось.

— Бѣдный! сказала цыганка, вспомнивъ о сценѣ на позорномъ столбѣ.

Капитанъ расхохотался.

— Вотъ сожалѣніе также кстати, какъ перо на хвостъ свиньи! Будь я...

Онъ остановился.

— Извините, mesdames, я хотѣлъ сказать глупость.

— Фи, милостивый государь!

— Онъ выражается языкомъ этихъ тварей, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли, которой досада ежеминутно возрастала.

Капитанъ, довольный собой и цыганкой, сдѣлалъ пируэтъ и повторилъ съ казарменной наивностью:

— Прелестная дѣвушка, чортъ возьми!

— Престранно одѣтая, замѣтила одна дѣвица.

Это замѣчаніе было сигналомъ. Неимѣя возможности спорить противъ красоты цыганки, дамы придрались къ ея костюму.

— Въ самомъ дѣлѣ; какъ это можно ходить по улицамъ съ открытой шей!

— А юбка возмутительно коротка!

— Еслибы ты, милая, носила рукава, у тебя не такъ бы загорѣли руки.

— Тебя возьмутъ сержанты за позолоченный поясъ, небрежно замѣтила Флеръ-де-Ли.

Зрѣлище было достойно лучшаго наблюдателя, чѣмъ капитанъ Фебъ.

Стоило взглянуть, какъ эти красивыя дѣвушки шипѣли и влились вокругъ уличной танцовщицы: онѣ были жестоки и граціозны; какъ онѣ разбирали по питочкѣ ея безумный туалетъ изъ лоскутковъ и блестятокъ! Сколько смѣха, ироніи и оскорбленій! Сарказмы, покровительственный тонъ и злобные взгляды лились дождемъ. Казалось, видишь римскихъ женщинъ, вкалывающихъ золотыя булавки въ грудь прелестной невольницы или охотничьихъ левретокъ, обнюхивающихъ бѣдную лѣсную лань, до которой хозяинъ запретилъ дотрогиваться.

И что была въ сравненіи съ ними эта дѣвушка! Онѣ, не стѣсняясь ея присутствіемъ, говорили о ней, какъ о чемъ-то нечистомъ, низкомъ, но довольно красивомъ.

Цыганка не была нечувствительна къ этимъ булавочнымъ ранамъ. Отъ времени до времени, краска стыда или гнѣва покрывала ея лицо; презрительное слово, казалось, готово было сорваться съ ея губъ; она дѣлала свою обычную гримаску, но стояла неподвижно, устремивъ на Феба кроткій и покорный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ было много счастья и нѣжности. Она сдерживалась, для того чтобы дольше побыть въ этой комнатѣ.

Фебъ смѣялся и держалъ сторону цыганки съ дерзкимъ сожалѣніемъ.

— Пускай ихъ говорятъ, милая, повторялъ онъ, постукивая золотыми шпорами: — конечно твой нарядъ нѣсколько страненъ, но что это значитъ для такой хорошенькой дѣвушки!

— Я вижу, что королевскіе стрѣлки быстро воспламеняются отъ огня цыганскихъ глазъ, замѣтила одна гордая дѣвица.

— А еслибы и такъ! отвѣчалъ капитанъ.

Этотъ отвѣтъ, брошенный нехотя, вызвалъ принужденный смѣхъ у дѣвицъ; Флеръ-де-Ли въ тоже время украдкой утерла слезинку.

Цыганка, опустившая глаза при колкомъ намекѣ, теперь радостно и гордо подняла ихъ на Феба. Она была чудно хороша въ эту минуту.

Старушка, слѣдившая за этой сценой, не поняла ее вполнѣ, но инстинктивно оскорбилась.

— Пресвятая Богородица, что это шевелится у меня подъ ногами? вскричала она: — ай, скверное животное!

Это была козочка, пришедшая отыскивать свою хозяйку и запутавшаяся рожками въ широкое платье старухи.

Цыганка выпутала ее не говоря ни слова.

— У козочки золотыя лапки! радостно вскрикнула маленькая дѣвочка.

Цыганка встала на колѣни и прилегла щекой къ головкѣ козочки. Казалось, она просила прощенья за то, что покинула свою подругу.

Одна изъ дѣвицъ шептала между тѣмъ другой:

— Какъ мнѣ давно не пришло въ голову: вѣдь говорятъ эта цыганка колдунья, и коза ея дѣлаетъ чудныя вещи.

Объ тотчасъ обратились къ цыганкѣ.

— Миленькая, заставь свою козу сдѣлать чудо!

— Я васъ не понимаю! отвѣчала дѣвушка.

— Чудо, фокусъ, колдовство, что хочешь.

— Не знаю чего вы хотите! и она снова принялась ласкать козочку, приговаривая: Джали, Джали!

Въ это время Флеръ-де-Ли замѣтила маленькую вышитую сумочку на шеѣ у козы. — Что это такое? спросила она.

Цыганка подняла на нее свои большіе глаза и съ важностью отвѣчала: это моя тайна.

«Хотѣла бы я знать твои тайны!» подумала Флеръ-де-Ли.

Между тѣмъ старуха сердито поднялась съ мѣста.

— Ну, милая, если ни ты, ни твоя коза ничего не умѣете дѣлать, зачѣмъ и оставаться здѣсь?

Цыганка молча направилась къ двери. Но чѣмъ ближе была она къ выходу, тѣмъ медленнѣе становились ея шаги. Ее притягивалъ какой-то невидимый магнитъ. Вдругъ она обратила свои полные слезъ глаза на Феба и остановилась.

— Клянусь Богомъ, такъ не уходятъ! вскричалъ капитанъ: — вернитесь и протанцуйте намъ что-нибудь. Кстати, какъ васъ зовутъ, моя прелесть?

— Эсмеральда! отвѣчала танцовщица, не сводя съ него глазъ.

При этомъ странномъ имени барышни громко расхохотались.

— Вотъ ужасное имя для дѣвицы!

— Не говорила ли я, что она колдунья.

— Милая моя! торжественно произнесла старуха: — родители ваши вѣрно не изъ христіанскаго календаря выкопали вамъ это имя.

Между тѣмъ, подызуясь суматохой, маленькая дѣвочка заманила хлѣбомъ козочку въ уголь. Онѣ подружились въ одну минуту. Любопытная дѣвочка отвязала мѣшочекъ съ шеи козы, открыла его и встрясла на полъ то, что въ немъ заключалось; то была азбука, каждая буква которой была написана на отдѣльной досчечкѣ. Едва очутились на полу эти буквы, какъ малютка съ удивленіемъ увидѣла, что козочка вытаскиваетъ золотой лапкой нѣкоторыя изъ нихъ и ставитъ ихъ рядомъ. Въ минуту составилось слово, которое коза вѣроятно часто писала, такъ мало затруднило оно ее теперь. Малютка всплеснула руками отъ удивленія.

— Флеръ де Ли, посмотрите что сдѣлала козочка!

Флеръ де Ли подошла и вздрогнула. Буквы составили слово : Фебъ.

— Это коза написала? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Да! отвѣчала дѣвочка. Впрочемъ сомнѣніе было невозможно : сама маютка не умѣла писать.

— Вотъ она тайна! подумала Флеръ-де-Ли.

Цыганка замѣтила промахъ, сдѣланный козой, покраснѣла, поблѣднѣла и вся дрожа стояла передъ капитаномъ, который глядѣлъ на нее съ удивленіемъ и самодовольной улыбкой.

— Фебъ! шептали удивленные дѣвушки : — это имя капитана!

— У васъ удивительная память! сказала Флеръ де Ли поразонной цыганкѣ, потомъ зарыдала : — Она колдунья! произнесла она громко. — Она твоя соперница! подсказало ей сердце и бѣдная упала въ обморокъ.

— Дочь моя, дочь моя! кричала испуганная мать. — Ступай вонъ, проклятая цыганка!

Эмеральда въ одну минуту подобрала несчастныя буквы, сдѣлала знакъ Джаки и вышла въ одну дверь, между тѣмъ какъ Флеръ де Ли выносили въ другую.

Капитанъ Фебъ, оставшись одинъ, съ минуту колебался между двумя дверями, наконецъ послѣдовалъ за цыганкой.

II

СВЯЩЕННИКЪ И ФИЛОСОФЪ НЕ ОДНО И ТОЖЕ

Священникъ, который, какъ замѣтили дѣвицы, слѣдилъ съ башни за пляской цыганки, былъ дѣйствительно Клодъ Фролло, архидіаконъ.

Читатели вѣрно помнятъ таинственную келью, которую онъ устроилъ себѣ въ этой башнѣ. Можетъ быть это та самая, которую можно видѣть теперь въ четырехугольное отверстіе на площадкѣ, откуда начинаются башни. Теперь это пустой, заброшенный уголокъ, худо выштукатуренныя стѣны котораго украшены скверными жолтыми гравюрами, представляющими фасады соборовъ. Я предполагаю, что обитатели его теперь летучія мыши и пауки, такъ что мухамъ рѣшительно не можетъ быть тамъ житья.

Всякій день, во время захода солнца, архидіаконъ входилъ

въ келью я часто оставался въ ней до другого утра. Въ этотъ день, лишь только онъ вставилъ ключъ въ замочную скважину, до слуха его донеслись звуки кастаньетъ и тамбурина. Музыка эта слышалась со стороны соборной площади. Въ кельѣ было только одно слуховое окно, выходящее на задній планъ церкви. Клодъ выдернулъ ключъ назадъ и мигомъ взобрался на верхнюю площадку, откуда замѣтили его барышни.

Тамъ стоялъ онъ мрачный, неподвижный, весь углубленный въ одну мысль, въ одну точку. Весь Парижъ былъ подъ его ногами, съ своими безчисленными колокольнями, зелеными холмами, рѣкою, змѣей извивающеюся подъ мостами, народомъ, толпящимся на улицахъ, съ огромной цѣпью крышъ, охватывающей соборъ; но изъ всего этого города архидіаконъ видѣлъ только одну часть площади, изъ всей этой толпы только одно лицо — цыганку.

Трудно опредѣлить, каковы были его глаза и откуда взялось пламя, сверкающее изъ нихъ. Взглядъ былъ напряженный, а между тѣмъ, полный тревоги. По совершенной неподвижности тѣла, лишь изрѣдка подергивавшагося легкой судорогой, какъ дерево дуновѣніемъ вѣтра; по улыбка, застывшей на губахъ, можно было подумать, что Клодъ каменная статуя, въ которой одни глаза живы.

Цыганка танцевала. Она вертѣла тамбурины на кончикѣ пальца и подбрасывала его на воздухъ. Такъ летала она веселая, легкая и безпечная, не чувствуя тяжести устремленнаго на нее взгляда.

Вкругъ нея шевелилась толпа; отъ времени до времени мущина въ пестромъ платьѣ раздвигалъ народъ, возвращался на стулъ неподалеку отъ танцовщицы и клалъ голову козочки на свои колѣни.

Человѣкъ этотъ казалось былъ спутникъ цыганки. Клодъ Фролло не могъ рассмотреть его лица съ высоты.

Съ той минуты, какъ архидіаконъ замѣтилъ мущину, лицо его еще болѣе нахмурилось и вниманіе раздѣлилось между нимъ и цыганкой. Вдругъ онъ выпрямился и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. — Что это за человѣкъ? пробормоталъ онъ: — я всегда видѣлъ ее одну!

И онъ началъ спускаться съ лѣстницы. Проходя мимо каморки звонаря, дверь которой была полуотворена, онъ заглянулъ въ нее и удивился: Квазимодо тоже смотрѣлъ на площадь. Вниманіе его было такъ сильно, что онъ и не замѣтилъ приближенія своего покровителя. Дикій глазъ его принялъ небывалое до того выраженіе: онъ былъ ласковъ и кротокъ.

— Вотъ странность! прошепталъ Фролло: — неужели онъ такъ смотритъ на цыганку?

Черезъ нѣсколько минутъ задумчивый архидіаконъ вышелъ на площадь.

— Куда дѣвалась цыганка? спросилъ онъ, вмѣшиваясь въ толпу, собранную звуками тамбурина.

— Не знаю! отвѣчалъ одинъ изъ сосѣдей: — она исчезла. Должно быть пошла плясать вонъ въ тотъ домъ, куда ее звали.

На мѣстѣ цыганки, на ковръ, котораго арабески за минуту исчезали подъ вихремъ ея прихотливой пляски, архидіаконъ нашолъ только пестраго кавалера, ходящаго вокругъ съ поднятой головой, краснымъ лицомъ и ступомъ въ зубахъ. На стулѣ была привязана кошка, мяукавшая изо всей силы.

— Пресвятая Богородица! вскричалъ архидіаконъ въ ту минуту, какъ паяцъ проходилъ мимо него съ своей пирамидой: — вотъ чѣмъ теперь занимается Пьеръ Гренгуаръ!

Строгое восклицаніе такъ перепугало бѣдняка, что онъ потерялъ равновѣсіе и стулъ съ кошкой полетѣлъ въ головы зрителямъ.

По всей вѣроятности, Пьеру Гренгуаръ (потомучто это точно былъ онъ) пришлось бы дорого поплатиться за испаранные лица, еслибы онъ не успѣшилъ воспользоваться суматохой и скрыться въ церкви, куда послѣдовалъ за нимъ и Клодъ Фролло.

Соборъ былъ уже темень и пусть, лампы сіяли какъ звѣзды на темныхъ сводахъ. Только большая розетка, на которую упали послѣдніе лучи солнца, переливалась какъ масса брильянтовъ и отражала на противоположномъ концѣ свое блестящее изображеніе.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Клодъ прислонился къ колонѣ и пристально посмотрѣлъ на Гренгуара. Взглядъ этотъ былъ не такъ страшенъ, какъ ожидалъ Гренгуаръ отъ такого серьезнаго и строгаго лица: во взглядѣ архидіакона не было насмѣшки и ироніи; онъ былъ спокоенъ, серьезенъ и проникателенъ. Архидіаконъ первый прервалъ молчаніе.

— Ну, Пьеръ, вы многое должны объяснить мнѣ. Впервыхъ, почему васъ не было видно цѣлыхъ два мѣсяца, и наконецъ почему я нашолъ васъ въ этомъ прекрасномъ костюмѣ, красномъ и желтомъ?

— Мессиръ, жалобно отвѣчалъ Гренгуаръ: — это дѣйствительно не совсѣмъ приличный костюмъ, и я чувствую себя въ немъ какъ кошка въ шлемѣ. Сознаюсь, что вовсе не хорошо подвергать

городскихъ сержантовъ возможности отколотить палками философа, но чтоже дѣлать? Вся вина на сторонѣ моего прежняго платья, которое измѣнически покинуло меня въ самомъ началѣ зимы, подѣ тѣмъ предлогомъ, что обратилось въ лохмотья и захотѣло отдохнуть въ лавкѣ лоскутника. Что дѣлать? просвѣщеніе еще не дошло до того, чтобы люди могли ходить нагіе, какъ Діогенъ. Ктому же вѣтеръ былъ такой холодный, что не время было указывать этотъ новый путь человѣческому развитію. Мнѣ попался этотъ нарядъ и я взялъ его вмѣсто своего чернаго кафтана, который слишкомъ не герметически застегивался для такого герметика какъ я. Вотъ я и въ шутковскомъ нарядѣ, какъ св. Генезій. Что дѣлать! Самъ Аполлонъ пасть стада!

— Хорошее у васъ занятіе, нечего сказать!

— Я вполне согласенъ, что лучше поэтизировать и философствовать, раздувать огонь въ химической печи или получать его съ неба, нежели носить въ зубахъ кошекъ. Въ ту минуту, какъ вы меня позвали, я самъ чувствовалъ свою пошлость. Но опять чтоже дѣлать? Желудокъ каждый день требуетъ пищи, а самый маленькій кусочекъ сыру питательнѣе самаго великолѣпнаго стиха. Вы знаете, что я написалъ эпиталому Маргаритѣ фландрской, а вотъ городъ не хочетъ мнѣ платить за нее, подѣ предлогомъ, что она недовольно хороша, — какъ-будто за четыре эку можно имъ дать трагедію Софокла. Мнѣ приходилось умирать съ голоду; къ счастію, я почувствовалъ силу въ челюстяхъ и сказалъ имъ: дѣлайте фокусы и кормите сами себя. *Ale te ipsem*. Цѣлая толпа оборванцевъ, сдѣлавшихся моими друзьями, научила меня разнымъ геркулесовскимъ подвигамъ, и я каждый вечеръ даю своимъ зубамъ хлѣбъ, который они же выработали въ продолженіе дня. Впрочемъ я чувствую, что это плохое примѣненіе умственныхъ способностей, и что человѣкъ созданъ не для того, чтобы цѣлый вѣкъ бить въ барабанъ и носить во рту стулья. Но, мессиръ, нужно не только жить, но и изыскивать средства къ жизни.

Клодъ слушалъ молча. Вдругъ его взглядъ принялъ такое умное и пронизательное выраженіе, что Гренгуаръ почувствовалъ, какъ онъ пронизываетъ его насквозь.

— Очень хорошо, Пьеръ; но какимъ образомъ попали вы въ товарищи къ цыганкѣ?

— Очень просто. Она моя жена, а я ея мужъ.

Мрачный взоръ священника вспыхнулъ.

— Ты сдѣлалъ это, несчастный! вскричалъ онъ, схвативъ его за руку; неужели ты настолько отступникъ, что коснулся этой женщины!

— Клянусь вѣчнымъ блаженствомъ, что не дотрогивался до нея, отвѣчалъ бѣдный Гренгуаръ, дрожа всѣми членами.

— Что же ты тутъ бредишь! спросилъ священникъ.

Гренгуаръ поспѣшилъ рассказать по возможности послѣдовательно все, что случилось съ нимъ при Дворѣ чудесъ, не выключая свадьбы. Впрочемъ женитьба его все еще оставалась безъ результата и цыганка каждый вечеръ запирада дверь спрей каморки, какъ и въ первую свадебную ночь.

— Это досадно, прибавилъ онъ: — но происходитъ отъ того, что я имѣлъ несчастье жениться на дѣвственницѣ.

— Что это значитъ? спросилъ архидіаконъ, успокоивавшійся по мѣрѣ расказа.

— Это довольно трудно объяснить. Это родъ суевѣрія. Моя жена, какъ говорилъ мнѣ старикъ, котораго величаютъ у насъ герцогомъ Египта, потерянное или найденное дитя, это вѣль все равно. Она носитъ на шеѣ талисманъ, по которому, говорятъ, можетъ отыскать своихъ родителей, но талисманъ этотъ потеряетъ всю свою силу въ тотъ день, какъ она утратитъ свою невинность. Изъ этого слѣдуетъ, что мы съ нею живемъ какъ прилично добродѣтельнымъ людямъ.

— Стало-быть ни одинъ мужчина не прикасался еще къ этой дѣвушкѣ? спросилъ Клодъ, совершенно прояснившись.

— Какъ же мужинѣ побороть суевѣріе! У ней ужъ это засѣдо крѣпко въ голову. Конечно странно допустить добродѣтель при такой жизни, но у моей жены три защиты: герцогъ Египта, взявшій ее подъ свое покровительство и имѣющій можетъ-быть на нее свои виды; все ея племя, которое почитаетъ ее какъ святыню, и маленький кинжалчикъ, который плутовка всегда имѣетъ при себѣ, несмотря на запрещеніе г. прево, и который тотчасъ является, какъ только кто-нибудь возьметъ ее за талию. У, это лихадъ оса! уверяю васъ.

Архидіаконъ засыпалъ Гренгуара вопросами.

Эсмемалда была по мнѣнію Гренгуара прелестное, доброе созданіе, дѣвушка наивная и страстная, совершенно неопытная и энтузіастка, не предполагающая даже никакого различія между мужчиной и женщиной; любящая больше всего на свѣтѣ танцы, шумъ

и чистый воздухъ; родъ женщины-пчелы, имѣющей невидимыя крылья у ногъ и живущей въ вѣчномъ движеніи. Эти особенности привидись къ ней отъ постоянно кочевой жизни. Гренгуаръ слышалъ, что еще ребенкомъ она прошла всю Испанію и Каталонію, до Сициліи; онъ думалъ даже, что цыгане водили ее въ Алжиръ, страну, лежащую въ Ахайи, которая съ одной стороны граничитъ Малою Албаніей и Греціей, а съ другой — Сицилійскимъ моремъ, которое ведетъ въ Константинополь. Цыгане, говорилъ Гренгуаръ, вассалы короля алжирскаго, какъ главы бѣлыхъ мавровъ. Но всего вѣрнѣе то, что Эсмеральда прибыла во Францію еще ребенкомъ, черезъ Венгрію. Изъ всѣхъ этихъ странъ, молодая дѣвушка усвоила отрывки нарѣчій, пѣсенъ и мыслей, которыя дѣлали ее рѣчь столь же странною какъ и ея костюмъ, полу-парижскій и полу-африканскій. Впрочемъ народъ любилъ ее за веселость, легкость, быстрыя движенія и пѣсни. Во всемъ городѣ у ней было только двое враговъ, о которыхъ она и вспоминала съ ужасомъ. Затворница башни Роланда, которая за что-то зла на всѣхъ цыганъ и вслѣдъ за темъ осыпаетъ проклятіями бѣдную танцовщицу, и какой-то священникъ, который всякій разъ пугаетъ ее своими взглядами и словами. Последнее обстоятельство смутило архидіакона, но Гренгуаръ не замѣтилъ его смущенія. Два послѣдніе мѣсяца совершенно изгладили изъ его памяти тотъ вечеръ, когда онъ встрѣтилъ Эсмеральду и видѣлъ у костра архидіакона. Впрочемъ танцовщица ничего не боялась; она никогда не гадала, что избавляло ее отъ обвиненія въ колдовствѣ, которому такъ часто подвергались цыгане. Ктому же Гренгуаръ былъ ея братомъ, если не мужемъ. Философъ очень терпѣливо переносилъ это платоническое супружество. Оно все-таки давало ему кровь и нищу. Каждое утро онъ почти всегда отправлялся съ цыганкой; помогалъ ей дѣлать сборъ, провожалъ вечеромъ домой, видѣлъ, какъ она запираетъ дверь и засыпалъ сномя праведника. Существованіе какъ видите пріятное и побуждающее къ мечтательности. Ктому же, говоря по совѣсти, философъ не чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ въ цыганку. Онъ почти столько же любилъ ея козочку. Это славное животное, тихое, ласковое, умное и ученое. Въ средніе вѣка эти ученые животныя встрѣчались очень часто, были предметомъ удивленія и нерѣдко возводили на костеръ своихъ хозяевъ. Однакожъ фокусы козочки съ золотыми копытцами были самые невинные. Гренгуаръ объяснилъ ихъ архидіакону, котораго очень интересовали всѣ эти подробности. Стояло только по-

дать известнымъ образомъ тамбуринъ козочѣ, чтобъ она сдѣлала какую-нибудь штучку. Всему этому научила ее цыганка, которая такъ хорошо умѣетъ взятыся за дѣло, что въ два мѣсяца выучила козу составлять изъ складныхъ буквъ слово: «Фебъ.»

— Фебъ? спросилъ архидіаконъ: — почему именно Фебъ?

— Не знаю; она вѣрно думаетъ, что это слово имѣетъ магическій смыслъ, потому что всегда произноситъ его вполголоса, когда остается одна.

— Увѣрены ли вы, спросилъ Клодъ съ своимъ проницательнымъ взглядомъ: — что это просто слово, а не собственное имя?

— Чье имя? спросилъ поэтъ.

— Почему же я знаю? отвѣчалъ священникъ.

— А знаете ли что? Вѣдь цыгане немножко гвевры, они обожаютъ солнце; вотъ откуда произошло слово Фебъ. Очень просто.

— Ну, мнѣ это не кажется такъ просто, Пьеръ.

— Впрочемъ что мнѣ за дѣло. Пусть ее бормочетъ про своего Феба. Теперь я увѣренъ, что Джали любить меня почти столько же, сколько и ее.

— Кто это Джали?

— А коза-то.

Архидіаконъ опустилъ голову на руку и задумался. Вдругъ онъ обратился къ Гренгуару.

— И ты клянешься мнѣ, что не прикасался къ ней?

— Къ кому? къ козѣ?

— Нѣтъ, къ этой женщинѣ?

— Къ моей женѣ? клянусь, что нѣтъ.

— А часто ты бываешь наединѣ съ нею?

— Около часа каждый вечеръ.

Клодъ нахмурилъ брови.

— О, o! Solus cum sola non cogitabuntur orare Pater noster.

— Клянусь честью, что могу прочесть Pater, Ave и Credo in Deum, а она все-таки будетъ обращать на меня такое же вниманіе, какъ курица на церковь.

— Клянись мнѣ утробой своей матери, продолжалъ архидіаконъ: — что ты пальцемъ не притронулся къ этой женщинѣ.

— Я готовъ поклясться и головою отца вдобавокъ, потому что между обоими предметами было нѣкоторое соотношеніе; но почтенный отецъ позвольте мнѣ въ свою очередь сдѣлать одинъ вопросъ.

— Говорите.

— Что вамъ за дѣло до всего этого?

Блѣдное лицо архидьякона запыхало какъ щеки молодой дѣвушки. Онъ помолчалъ съ минуту и отвѣчалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ.

— Послушайте, Пьеръ, вы вѣдь еще неотступникъ. Я принимаю въ васъ участіе и желаю вамъ добра. Малѣйшее прикосновеніе къ этой проклятой цыганкѣ можетъ поработить васъ сатанѣ. Вы знаете, что тѣло всегда губить душу. Горе вамъ, если вы приблизитесь къ этой женщинѣ!

— Я попробовалъ—было разъ, сказалъ Гренгуаръ, почесывая за ухомъ: — это было въ день свадьбы; но укололся.

— У васъ хватило дерзости?

И чело священника снова нахмурилось.

— Въ другой разъ, продолжалъ поэтъ улыбаясь: — я заглянулъ въ замочную скважину и увидѣлъ на постелѣ прелестнѣйшую женщину въ сорочкѣ.

— Убирайся къ чорту! вскричалъ священникъ, оттолкнувъ восторженнаго Гренгуара и удаляясь въ самое темное мѣсто собора.

III

КОЛОКОЛА

Со дня наказанія сосѣдніе жители собора замѣтили, что страсть Квазимодо къ звону значительно уменьшилась. Прежде трезвонъ раздавался при каждомъ случаѣ; роскошныя гамы переливались въ воздухъ во время похоронъ и во время крестинъ. Старая церковь всегда была полна праздничнаго гула. Постоянно въ ней чувствовалось присутствіе генія шума и прихоти, говорящаго своими мѣдными языками. Теперь духъ этотъ исчезъ; соборъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ; во время праздниковъ и похоронъ раздавался только обыкновенный звонъ, требуемый обычаемъ; изъ двойного гнѣвнѣя церкви посредствомъ колоколовъ и органа осталось только одно. Можно было подумать, что колокольня лишилась своего музыканта. Квазимодо однакожь былъ тамъ; что же съ нимъ сдѣлалось? Помнилъ ли онъ еще стыдъ и обиды на позорномъ столбѣ и не убили ли въ немъ удары палача послѣдней страсти, — страсти къ колоколамъ? Или у Маріи появилась соперница въ сердцѣ Квазимодо, и

она съ четырнадцатью подругами покинута была для существа болѣе любезнаго и прекраснаго?

Въ блаженной памяти 1482 году благовѣщеніе случилось во вторникъ 25 марта. Въ этотъ день воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что Квазимодо почувствовалъ прежнѣе влеченіе къ колоколамъ. Онъ взлѣзъ на восточную башню, между-тѣмъ какъ прислужникъ широко растворялъ двери храма, которыя были тогда изъ плотнаго дерева, крытаго кожей, обитые золочеными гвоздиками и обрамлены скульптурными украшеніями.

Взобравшись наверхъ, Квазимодо грустно взглянулъ на шесть колоколовъ, какъ бы сожалѣя, что что-то постороннее стало между нимъ и ими. Но когда онъ почувствовалъ, что они закачались подъ его рукою, когда онъ увидѣлъ, потомучто слышать не могъ, какъ трепетная октава пробѣжала по этой звуковой лѣстницѣ, какъ птица перепрыгивающая съ вѣтки на вѣтку, когда демонъ музыки овладѣлъ глухимъ человѣкомъ, онъ снова сталъ счастливъ, позабылъ все, и лицо его просвѣтлѣло.

Онъ лазилъ взадъ и впередъ, билъ въ ладоши, перескакивалъ отъ одной веревки къ другой, ободрялъ своихъ пѣвчихъ голосомъ и жестомъ, какъ капельмейстеръ оркестръ.

— Хорошо, хорошо, Габріэль, выливай полные звуки на площадь, сегодня праздникъ. Тибо, не лѣнись, что это, — развѣ ты заржавѣлъ лѣнтяй! Хорошо, оворѣ! скорѣе! чтобъ не было видно языка! Оглушай ихъ всѣхъ какъ меня. Хорошо, Тибо, такъ! Гильомъ, Гильомъ, ты больше всѣхъ, а Паскъе самый маленькій да звонить лучше тебя. Хорошо, хорошо, Габріэль! шибче! громче! Э, что вы тамъ дѣлаете, вы двое? Я не слышу ни малѣйшаго шума. Ишь мѣдныя рты зѣваютъ, когда нужно пѣть? Работать! Сегодня благовѣщеніе. Солнце свѣтитъ, нуженъ хорошій трезвонъ. Бѣдняжка, Гильомъ! Какъ ты усталъ, толстякъ!

Такъ ободрялъ онъ свои колокола, которые прыгали и поднимали свои блестящія спины какъ испанскіе мулы подъ рукою вожатаго.

Вдругъ опутивъ глаза на площадь, онъ увидѣлъ дѣвушку странно одѣтую, растилающую на мастовой коверъ, на которомъ уже стояла коврижка; вокругъ составила толпа зрителей. Это зрѣлище мигомъ измѣнило ходъ его мыслей и оледѣнило музыкальный энтузіазмъ, какъ токъ воздуха растопленную смолу. Онъ повернулся спиною къ колоколамъ и устремилъ на дѣвушку тотъ вѣжливый и задумчивый взглядъ, который уже поразилъ архидьякона. Между-тѣмъ колокола,

предоставленные самимъ себѣ, вдругъ замолкли къ величайшему удивленію любителей правдивнаго звона, собравшихся на мосту О-Шанжъ. Они разошлись съ удивленнымъ видомъ собаки, которой показали кость, а дали камень.

IV

А Н А Г К И

Случилось такъ, что въ одно прекрасное утро того же марта мѣсяца, школьникъ Жанъ Фролло, одѣваясь поутру, замѣтилъ, что кошелекъ его не издаетъ никакого звука.

— Бѣдный! сказалъ онъ : — какъ истощили тебя кости, пиво и Венера! Спрашивается, какая мнѣ польза, что я знаю лучше всякаго мѣнялы, сколько ходить золотой экю. О, Цицеронъ, изъ этого бѣдствія не выпутаешься перифразой, *quemadmodum* и *verissime* !

Онъ печально одѣлся. Когда онъ зашнуровывалъ уже ботинки, ему пришла одна мысль, но онъ оттолкнулъ ее; она однакоже возвратилась. Онъ надѣлъ жилетъ наизнанку, — явный признакъ душевной тревоги. Наконецъ онъ бросилъ шапку на полъ и вскричалъ :

— Будь что будетъ! Отправляюсь къ брату : проповѣдь будетъ, но будетъ и экю.

Онъ успѣшно dokonчилъ туалетъ, поднялъ шапку и вышелъ.

Когда онъ проходилъ мимо улицы Гюшетъ, обоняніе его было пріятно поражено запахомъ жаркого; онъ съ любовью взглянулъ на вертела, вырвавшіе однажды у кордельера Калатажирона патетическое восклицаніе: *Veramente, queste rotisserie son cosa stupenda!* У Жана не было денегъ на завтракъ и онъ со вздохомъ прошелъ подъ ворота малаго Шателе.

Онъ даже не остановился, чтобъ бросить камень по принятому обыкновенію въ несчастную статую Перине Леклерка, предавшаго Парижъ англичанамъ при Карлѣ VI, за что его статуя въ продолженіе трехъ вѣковъ получала въ лицо камня и грязь на углу улицъ Лагарпъ и Бюсси.

Когда Жанъ подошелъ къ собору, нерѣшимость его снова прос-

нула; онъ долго ходилъ передъ порталомъ, повторяя съ тоскою: «Проповѣдь неизбежна, а эяю очень сомнителенъ!»

Онъ остановилъ сторожа, выходящаго изъ церкви.

— Гдѣ архидьяконъ?

— Кажется въ своей башнѣ и не совѣтую вамъ беспокоить его, если вы пришли не отъ самаго короля или святѣйшаго папы.

Жанъ хлопнулъ въ ладоши. Вотъ прекрасный случай увидѣть гдѣ дѣлаются колдовства!

Укрѣпившись этимъ рѣшеніемъ, онъ храбро сталъ взбираться по винтовой лѣстницѣ. — Любопытная вещь должна быть эта келья, которую мой братецъ прячетъ отъ всѣхъ, какъ любовницу! Говорятъ, онъ разводилъ въ ней адскій огонь и кипятилъ философскій камень. По мнѣ, — къ чорту всѣ философскіе камни! Я былъ бы очень радъ найти на ихъ мѣстѣ яичницу съ лукомъ!

Дойдя до галереи статуй, онъ остановился, выбралилъ безконечную лѣстницу, пославъ ей цѣлый обозъ чертей, потомъ направился къ восточной башнѣ, теперь недоступной для зрителей. Пройдя площадку звонаря, онъ увидѣлъ низенькую дверь съ огромнымъ желѣзнымъ засовомъ. Лица, желающія теперь видѣть эту дверь, узнаютъ ее по надписи бѣлыми буквами на черной стѣнѣ: *J'adore Coralie, 1823, signé Ugène. Signé* стоитъ въ текстѣ.

— Уф! сказалъ школьникъ, вѣроятно здѣсь. Ключъ былъ въ замкѣ. Онъ слегка толкнулъ дверь и просунулъ въ нее голову.

Читатель вѣроятно знакомъ съ твореніями Рембранта, этого Шекспира въ живописи. Въ числѣ многихъ вещей, есть одна, изображающая доктора «Фауста», на которую рѣшительно нельзя смотрѣть равнодушно. Она изображаетъ темную комнату, посрединѣ столъ съ черепами, глобусами, компасами, іероглифическими пергаментами. Докторъ сидитъ за столомъ въ своемъ толстомъ плащѣ и мѣховой шапкѣ. Его видно только въ половину. Онъ всталъ съ своего огромнаго кресла; сжатые кулаки опираются объ столъ, и онъ съ любопытствомъ и ужасомъ разсматриваетъ свѣтлый кругъ магическихъ буквъ, блистающій на внутренней стѣнѣ какъ свѣтящійся призракъ въ темной комнатѣ. Это кабалистическое солнце наполняетъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ комнату. Это чудно и страшно!

Нѣчто подобное комнатѣ Фауста представилось глазамъ Жана, когда онъ просунулъ голову въ дверное отверстіе. Это также была темная, едва освѣщенная келья. Былъ также столъ, огромное кре-

сло, компасы, скелеты животныхъ, привѣшенные къ потолку, глобусъ, на полу бокалы, на днѣ которыхъ листки золота, черепа поставленные на листы испещренные знаками и буквами, огромные манускрипты, однимъ словомъ, всѣ грязные атрибуты науки, пополамъ съ пылью и паутиной; недоставало только пылающихъ буквъ и доктора въ экстазѣ, смотрящаго какъ орелъ на солнце.

Между тѣмъ келья была не пуста. За столомъ сидѣлъ низко нагнувшись человекъ. Жану видна была только часть его спины и затылокъ, но онъ тотчасъ узналъ эту лысую голову, на которую сама природа наложила вѣчное постриженіе, какъ бы указывая на неизбежность духовной карьеры для архидиакона.

Жанъ узналъ своего брата, но дверь отворилась такъ тихо, что Клодъ не замѣтилъ. Любопытный школьникъ воспользовался этимъ, чтобъ на досугѣ осмотрѣть келью. Широкая печь, которой онъ сначала незамѣтилъ, была влѣво отъ кресла, подъ окномъ. Свѣтъ проходилъ въ это окно черезъ паутину, образовавшую тонкую розетку, въ срединѣ которой сидѣлъ самъ архитекторъ. На печи валялись сосуды глиняные и хрустальные всѣхъ сортовъ и видовъ. Жанъ съ горестью замѣтилъ, что не было ни одной сковороды. Хороши кухонные аппараты! подумалъ онъ.

Впрочемъ, въ печи не было и огня, видно было даже, что его уже давно не разводять. Стеклянная маска, которая вѣроятно надѣвалась на лицо, чтобы предохранить его отъ вредныхъ испареній, была покрыта густымъ слоемъ пыли. Рядомъ съ нею лежали такіе же пыльные мѣхи, на верхней части которыхъ была надпись: *spira, spira*.

Много легендъ было написано на стѣнахъ, по обычаю герметиковъ, однѣ чернилами, другія остріемъ метала. Буквы были готическія, еврейскія, греческія и латинскія; новыя надписи уничтожали старыя, всѣ перепутывались одна съ другою, какъ листья кустарника. Это было странное смѣшеніе всѣхъ философій, всѣхъ мечтаній, всей мудрости человѣческой. Нѣкоторыя возвышались надъ прочими, какъ знамя надъ копьями. По большей части, это были краткія греческія или латинскія фразы, такъ хорошо формулируемыя въ средніе вѣка: *Undè? indè? Homo homini monstrum. Astra, castra, nomen, nomen. Sapere aude. Flat ubi vult* и т. д. Иногда же простое правило монастырской дисциплины, выраженное гекзаметромъ. Были также еврейскія надписи, которыхъ Жанъ уже вовсе не помнилъ, и все это перемѣшивалось со звѣздами, изображеніями

людей и животныхъ, треугольниками, что дѣлало стѣну кельи похожую на листъ бумаги, по которому обезьяна водила перомъ.

Общій видъ показывалъ, что хозяинъ кельи давно уже отвлеченъ отъ занятій посторонними мыслями.

Хозяинъ этотъ, пристально смотрѣвшій въ огромную рукопись съ странными знаками, казалось былъ подъ вліяніемъ какой-то неотступной и мучительной мысли. Жанъ заключилъ это по нѣкоторымъ восклицаніямъ, вырвавшимся у него какъ во снѣ :

— Да, Ману это говорить и самъ Зороастръ училъ! Солнце рождается отъ огня, луна отъ солнца, огонь душа всего; его элементарные атомы постоянно изливаются на міръ безчисленными потоками; на тѣхъ точкахъ гдѣ эти потоки пересѣкаются въ небѣ, они образуютъ свѣтъ; на точкахъ столкновенія подъ землею производить золото. Свѣтъ, золото — одно и тоже! Огонь въ конкретномъ состояніи не что иное какъ разница между видимымъ и осязаемымъ, между жидкимъ и твердымъ тѣломъ одной субстанціи. Это не мечта, это общій законъ природы. Но это общій законъ? Какъ! этотъ свѣтъ, падающій на мою руку, золото! всѣ эти атомы, разбросанные по извѣстному закону, стоитъ только соединить по другому. — Что дѣлать? Нѣкоторые собирались закопать въ землю солнечный лучъ. Аверровѣсъ, — да это Аверровѣсъ — Аверровѣсъ зарылъ одинъ лучъ подъ первымъ столбомъ налѣво, въ большой мечети въ Кордовѣ, но поднять плиту можно только черезъ восемь тысячъ лѣтъ.

— Чортъ побери, пробормоталъ Жанъ, долго ждать пока онъ обратится въ эю.

— Другіе думали, продолжалъ архидіаконъ, что лучше дѣлать наблюденія надъ лучомъ Сириуса. Но этотъ лучъ трудно получить чистымъ, по причинѣ примѣшивающихся къ нему лучей отъ другихъ звѣздъ. Фламель думалъ, что лучше наблюдать надъ земнымъ огнемъ. Фламель, какое имя! Flamme! — Да, огонь все. Алмазь въ углѣ, золото въ огнѣ. Но какъ его достать? Магистры говорятъ, что есть женскія имена такіа сладкія и таинственныя, что стоитъ только произнести ихъ во время операціи. Прочтемъ, что говоритъ Ману: гдѣ уважаются женщины, тамъ и божества радуются; гдѣ ихъ презираютъ, тамъ не стоитъ и молиться Богу. Уста женщины всегда чисты: это проточная вода, это лучъ солнца. Имя женщины должно быть пріятно, сладко, таинственно; должно оканчиваться долгими гласными и походитъ на слова благословенія. Да, мудрецъ правъ: въ самомъ дѣлѣ, Марія, Софія, Эсмераль... Проклятіе! опять эта мысль!

И онъ съ силой захлопнулъ книгу.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая прогнать докучную мысль; потомъ взялъ со стола гвоздь и молотокъ, ручка котораго испещрена была кабалистическими знаками.

— Съ нѣкотораго времени, сказалъ онъ съ горькой улыбкой, мнѣ не удается ни одинъ опытъ! Неотступная мысль изсушила мой умъ. Я не могъ даже отыскать секретъ Касіодора, у котораго лампа горѣла безъ свѣтильни и масла. Вещь между тѣмъ очень простая.

— Вотъ какъ .. пробормоталъ Жанъ.

— Достаточно одной ничтожной мысли, продолжалъ священникъ, чтобъ сдѣлать человѣка слабымъ и безумнымъ! О, какъ бы посмѣялась надо мной Клодъ Пернель, которой не удалось отвлечь ни на одну минуту Фламея отъ великаго дѣла! Какъ! у меня въ рукахъ волшебный молотъ, отъ каждаго удара котораго, въ рукахъ его перваго владѣтеля, каждый его врагъ, гдѣ бы онъ ни былъ, уходилъ на аршинъ въ землю. Самъ король Франціи, зато что не во время постучался къ ученому, ушелъ по колѣна въ парижскую мостовую. Этому не прошло еще трехъ вѣковъ. Вотъ этотъ молотокъ и гвоздь въ моихъ рукахъ, но какъ они безвредны! Между тѣмъ, стоитъ только отыскать магическое слово.

— Шутка! подумалъ Жанъ.

— Попробуемъ, сказалъ архидіаконъ; — въ случаѣ успѣха, вылетитъ синяя искра. Эмень Гетанъ! Эмень Гетанъ! Не то. — Сижеани! Сижеани! Чтобы гвоздь этотъ разверзъ землю подъ ногами того, кто носить имя Феба! Проклятіе! вѣчно эта мысль!

И онъ съ гнѣвомъ отбросилъ молотъ и такъ склонился надъ столомъ, что Жанъ не могъ видѣть его за спинкой кресла. Нѣсколько времени виднѣнъ былъ только его кулакъ, судорожно сжатый надъ книгой. Вдругъ Клодъ приподнялся, взялъ компасъ, и молча вырѣзалъ на стѣнѣ слово: *Ανάγκη*.

— Мой братъ сошелъ съ ума, сказалъ про себя Жанъ: — гораздо проще было бы написать *Fatum*; не всякій обязанъ знать погречески.

Архидіаконъ снова опустился въ кресло и положилъ голову на руки, какъ больной, у котораго голова въ огнѣ.

Школьникъ съ удивленіемъ слѣдилъ за братомъ. Онъ, у котораго сердце всегда было на ладони, который не признавалъ въ жизни никакого закона, кромѣ закона природы; онъ, у котораго не было сильныхъ ощущеній, потому что они быстро смѣнялись, — онъ

не могъ понять съ какой злобой бушуетъ это море страстей, когда ему не даютъ выхода; какъ оно вздымается и точитъ сердце, какъ вырывается внутренними рыданіями и глухими конвульсіями, пока не опрокинетъ всѣхъ преградъ и не выйдетъ наружу. Ледяная наружность Клода Фролло обманула его. Школьникъ и неподозрѣвалъ какая кипучая лава хранится подъ ледяной поверхностью Этны.

Понялъ ли онъ это вполнѣ, неизвѣстно; только онъ догадался, что видѣлъ то, чего не слѣдовало видѣть, что передъ нимъ раскрылись сокровеннѣйшіе изгибы души Клода и что не надо было дать ему замѣтить, что въ кельѣ былъ свидѣтель. Видя, что архидіаконъ погрузился въ прежнюю неподвижность, онъ тихонько высвободилъ голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за дверь.

— Войдите! крикнулъ архидіаконъ съ своего мѣста: — я ждалъ васъ. Я нарочно оставилъ ключъ у двери; войдите Жакъ.

Школьникъ смѣло вошелъ. Архидіаконъ, которому было весьма непріятно встрѣтить его въ этомъ мѣстѣ, вадрогнулъ на своемъ креслѣ.

— Какъ! это ты Жанъ?

— Имя все-таки начинается на Ж, нагло отвѣчалъ школьникъ.

Лицо Клода приняло строгое выраженіе.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Братецъ, началъ Жанъ, стараясь впасть въ жалобный и приличный тонъ и вертя въ рукахъ шляпу, съ видомъ невинности: — я пришолъ просить у васъ...

— Чего?

— Совѣтовъ, въ которыхъ я очень нуждаюсь. И денегъ, которыхъ мнѣ еще болѣе нужно, закончилъ онъ мысленно.

— Я очень недоволенъ вами, сухо сказалъ архидіаконъ.

— Увы!

Клодъ повернулся въ креслѣ и пристально взглянулъ на Жана.

— Я очень доволенъ, что вы мнѣ попались.

Вступленіе было страшно.

— Жанъ, мнѣ каждый день приносятъ на васъ жалобы. Чтѣ это за выходка избить палками этого виконтика де Рамоншонъ.

— Важное дѣло! негодный пажиска, который нарочно фидилъ по грязи, чтобы брызгать на школьниковъ.

— А какъ идетъ вашъ латинскій языкъ?

Жанъ промолчалъ.

— Да, продолжалъ священникъ, качая головою: — вотъ какъ идетъ теперь ученье. Латинскій языкъ едва понимаютъ, сирийскаго вовсе не знаютъ, а греческимъ пренебрегаютъ до такой степени, что ученый не постыдится пропустить не читая греческое слово: *Græcum est, non legitur*.

Школьникъ съ рѣшимостью поднялъ глаза.

— Хотите, братецъ, я объясню вамъ на чисто-французскомъ языкѣ, что значить греческое слово, написанное на этой стѣнѣ?

— Какое слово?

— *Ανάκλη*.

Легкая краска покрыла щеки архидакона, какъ легкій дымъ, возвѣщающій изверженіе волкана. Школьникъ этого не замѣтилъ.

— Ну, Жанъ, съ замѣшательствомъ произнесъ старшій братъ: — чтоже значить это слово?

— *Fatalité*.

Клодъ снова поблѣднѣлъ, а школьникъ продолжалъ съ безпечнымъ видомъ:

— А другое слово, написанное ниже, значить нечистота. Вы видите, что я знаю погречески.

Архидаконъ молчалъ. Этотъ урокъ греческаго языка повергъ его въ задумчивость. Жанъ, изучившій всѣ уловки балованнаго дитяти, разсудилъ что настала благоприятная минута для просьбы.

Онъ началъ самымъ сладкимъ голосомъ:

— Братецъ, неужели вы способны возненавидѣть меня за нѣсколько толчковъ, данныхъ совершенно честно въ открытой войнѣ нѣкоторымъ негодямъ. Вѣдь нѣтъ, любезный братъ?

Лицемѣрие однакожь не произвело ожидаемаго дѣйствія. Церберъ не дотронулся до сладкаго пирога. Чело архидакона осталось мрачнымъ.

— Къ чему все это клонится? сухо спросилъ онъ.

— Ну, къ дѣлу! смѣло сказалъ Жанъ; мнѣ нужно денегъ!

При этомъ наглому признаніи, лицо архидакона приняло совсѣмъ педагогическое и отеческое выраженіе.

— Вы знаете, Жанъ, что наше имѣніе приноситъ вамъ не много дохода.

— Мнѣ нужно денегъ, стоически продолжалъ Жанъ.

— Вы знаете, что мнѣ нужно еще заплатить...

— Я знаю, что мнѣ нужны деньги, повторилъ въ третій разъ Жанъ.

— На что они вамъ?

Этотъ вопросъ подалъ школьнику нѣкоторую надежду. Онъ снова прибѣгнулъ къ кошачьимъ уловкамъ.

— Любезный братецъ, я бы не обратился къ вамъ ради дурного дѣла. Деньги мнѣ нужны не для того, чтобъ красоваться въ тавернахъ или разѣзжать по улицамъ въ сопровожденіи моего лакея, *сuis meo laquasio*. Нѣтъ, я хочу сдѣлать доброе дѣло.

— Какое это? спросилъ удивленный Клодъ.

— Двое моихъ товарищей хотятъ сложиться въ пользу одного сироты; нужно три флорина; я тоже хотѣлъ бы войти въ долю.

— Какъ зовутъ этихъ друзей?

— Пьеръ Карачунъ и Батистъ Неклади—плохо.

— Гм... Какъ эти имена идутъ къ доброму дѣлу.

На самомъ дѣлѣ, Жанъ промахнулся; онъ самъ почувствовалъ это, но поздно.

— Да и почему нужно именно три флорина?

— *Анагуеиа*, сказалъ Жанъ.

— Ну такъ, мнѣ нужны деньги чтобъ идти вечеромъ въ Вальд'амуръ, къ Изабо ла Тьерей.

— Развратникъ! вскрикнулъ архидіаконъ.

Жанъ перевелъ тоже слово погречески.

Этотъ намекъ на стѣнную надпись произвелъ странное дѣйствіе на Клода. Онъ покраснѣлъ и закусилъ губы.

— Убирайтесь вонъ; я жду посѣтителей.

Школьникъ попробовалъ еще одно средство.

— Братъ Клодъ, дайте мнѣ хотя самую малость на обѣдъ.

— Сколько вы прошли изъ постановленій Граціана? спросилъ Клодъ.

— Я потерялъ тетради.

— А изъ латинской словесности?

— У меня украли Горація.

— А каково идетъ Аристотель?

— Боже-мой, братецъ, не помните ли вы какой отецъ церкви сказалъ, что заблужденія еретиковъ всегда имѣли приближище въ аристотелевой метафизикѣ? Ну его, Аристотеля! Не хочу я портить своей вѣры его метафизикой.

— Молодой человекъ! при последнемъ вѣздѣ короля, въ его свитѣ былъ одинъ дворянинъ Филиппъ де Комминъ, и на чепракѣ

его лошади было вышито изрѣченіе, которое я совѣтую вамъ обдумать: *Qui non laborat non manducet.*

Школьникъ постоялъ съ минуту, опустивъ глаза и почесывая за ухомъ. Вдругъ онъ быстро повернулся къ Клоду.

— И такъ, любезный братъ, вы не хотите дать мнѣ одного су на хлѣбъ?

— *Qui non laborat non manducet.*

При этомъ непреклонномъ отвѣтѣ, Жанъ закрылъ лицо руками, какъ плачущая женщина и вскричалъ отчаяннымъ голосомъ: «*O totototoi!*»

— Что это значить! спросилъ удивленный Клодъ.

— Какъ что! нагло спросилъ школьникъ, устремивъ на брата глаза, которые изо всей мочи натеръ кулаками; — это анапестъ Эсхила, совершенно выражающій скорбь.

И онъ расхохотался такъ громко, что даже архидіаконъ не могъ удержаться отъ улыбки. Это моя вина, подумалъ онъ; зачѣмъ я такъ избаловалъ этого ребенка.

— О, милый братъ! продолжалъ Жанъ; ободренный этой улыбкой: — посмотрите на мои худые башмаки. Что можетъ быть на свѣтѣ хуже того, когда подошва показываетъ языкъ!

Архидіаконъ снова принялъ строгій видъ.

— Я пришлю вамъ башмаки, но денегъ вы не получите.

— Хотя самую малость, братецъ, умолялъ Жанъ. Я выучу назизусть Граціана, буду самымъ вѣрующимъ, сдѣлаюсь настоящимъ Пифагоромъ въ наукѣ и добродѣтели. Только дайте немного денегъ! Голодъ разверзаетъ передо мной свою пасть чернѣе, глубже самого тартара.

Клодъ покачалъ головою.

— *Qui non laborat...*

Жанъ не далъ ему докончить.

— Ну, такъ къ черту! вскричалъ онъ, да здравствуетъ веселье! Буду ходить по кабакамъ, драться, кутить съ женщинами!

Онъ бросилъ шапку въ стѣну и сталъ прищелкивать пальцами.

Архидіаконъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Жанъ, у васъ нѣтъ души.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ, по мнѣнію Эпикура, недостаетъ чего-то, состоящаго изъ неизвѣстно чего и неизмѣющаго имени.

— Жанъ, вамъ нужно серьезно подумать объ исправленіи; вы идете по скользкому пути. Знаете ли вы куда вы идете?

- Въ кабакъ.
- Кабакъ ведетъ къ позорному столбу.
- Чѣмъ же этотъ фонарь хуже другого; съ нимъ Діогенъ можетъ-быть и нашолъ бы человѣка.
- Позорный столбъ ведетъ къ висѣлицѣ.
- Висѣлица — вѣсы; на одномъ концѣ человѣкъ, а на другомъ земля. Приятно сознавать себя человѣкомъ.
- Висѣлица ведетъ въ адъ.
- Тамъ очень тепло.
- Жанъ, Жанъ, вы кончите дурно!
- Зато начало было хорошо.

Въ эту минуту раздалися шаги на лѣстницѣ.

— Тише! сказалъ Клодъ, идетъ Жакъ. Слушайте, Жанъ, прибавилъ онъ шопотомъ: — сохрани васъ Богъ разболтать то что вы увидите и услышите. Спрячьтесь подъ эту жаровню и не шевелитесь.

Школьникъ спрятался; ему пришла счастливая мысль.

- Кстати, братецъ, дайте флоринъ за скромность.
- Молчите, дамъ.
- Ну, такъ давайте.
- Бери! съ гнѣвомъ вскричалъ архидіаконъ, бросая ему кошелькъ. Жанъ спрятался, и дверь растворилась.

V

ДВѢ ЛИЧНОСТИ ВЪ ЧЕРНОМЪ

Вошедшій былъ въ черной одеждѣ и съ мрачнымъ лицомъ. Что прежде всего поразило Жана (который конечно устроился такъ что-бы все было видно), это была мрачность костюма и самой личности новоприбывшаго. Въ лицѣ его была правда нѣкоторая кротость, но кротость кошки или судьи. Онъ былъ сѣдъ, весь въ морщинахъ, лѣтъ около шестидесяти, моргалъ глазами; брови у него были бѣлыя, губы отвислыя, руки большія. Когда Жанъ увидѣлъ, что это былъ не кто иной, какъ какой-нибудь докторъ и что у него носъ очень далеко отъ рта, несомнѣнный признакъ глупости, онъ забился въ свой уголъ и отъ души пожалѣлъ, что придется провести время въ такомъ плохомъ обществѣ и въ такомъ неудобномъ положеніи.

Архидіаконъ даже не привсталъ для своего гостя. Онъ сдѣлалъ ему знакъ сѣсть на скамью близъ двери, и помолчавъ немного, сказалъ покровительственнымъ тономъ :

— Здравствуйте, Жакъ !

— Здравствуйте, отвѣчалъ черный человѣкъ.

Въ этихъ двухъ привѣтствіяхъ было большое различіе, какъ между ученикомъ и учителемъ.

— Чтоже, успѣваете вы ? спросилъ учитель послѣ новаго молчанія.

— Увы ! отвѣчалъ тотъ жалобнымъ голосомъ : — выходить множество золы, но ни одной песчинки золота.

Клодь сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я не о томъ говорю съ вами, Жакъ Шармолю, но о процессѣ вашего колдуна. Кажется, его зовутъ Маркъ Сененъ ? Удалась ли вамъ попытка ?

— Увы ! нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ съ своей печальной улыбкой ; мы не имѣемъ этого утѣшенія. Этотъ человѣкъ кремень : его придется сварить, прежде чѣмъ онъ скажетъ хоть одно слово. Однакожъ, мы дѣлаемъ все, чтобы добиться истины. Онъ ужъ совсѣмъ изувѣченъ, но не признался ни въ чемъ.

— Вы не отыскали ничего новаго въ его домъ ?

— Какже, вотъ этотъ пергаментъ. Мы никакъ не могли разобрать, что въ немъ написано, а между тѣмъ уголовный адвокатъ Лелье знаетъ немного поеврейски ; онъ научился во время процесса жидовъ въ Брюсселѣ.

Говоря такимъ образомъ, Жакъ развертывалъ пергаментъ.

— Дайте, сказалъ архидіаконъ.

— Да, это чистое колдовство. Эмень Гетанъ ! это крикъ вѣдьмъ когда онѣ слетаются на шабашъ. *Per ipsum, et cum ipso, et in ipso!* этой фразой дьяволъ повергается въ тартаръ. Нах, рах, шах ! это изъ медицины заклинаніе отъ укушенія бѣшеной собаки. Жакъ, въ духовный королевскій прокуроръ : этотъ пергаментъ ужасенъ.

— Мы снова подвергнемъ виновнаго пытанью. Вотъ еще, — это мы тоже нашли у Марка Сенена.

Это былъ сосудъ очень похожій на тѣ, которые стояли у архидіакона. А, сказалъ онъ : — алхимическій аппаратъ !

— Признаюсь, отвѣчалъ Жакъ, съ своей неуклюжей улыбкой : — я уже пробовалъ его, но результата не вышло.

Архидіаконъ началъ разсматривать сосудъ.

— Что тутъ вырѣзано! Och! Och! слово прогоняющее блохъ! Этотъ Маркъ Сенень невѣжда! Конечно, въ этомъ вы не получите золота! можете ставить его, лѣтомъ, у своей постели!

— Если ужъ зашло дѣло объ ошибкахъ, сказалъ Жакъ, такъ вотъ я сейчасъ изучаю порталъ, прежде чѣмъ войти сюда; увѣрена ли ваша милость, что изъ семи нагихъ фигуръ у ногъ Богоматери, та, у которой на пяткахъ крылья, изображаетъ Меркурія?

— Да, отвѣчалъ священникъ. Это утверждаетъ Августинъ Ницо, итальянскій докторъ, которому служилъ бородатый дьяволъ. Впрочемъ, сойдемте, я объясню вамъ все по тексту.

— Благодарю, отвѣчалъ Жакъ, поклонившись чуть не до земли. Кстати! я позабылъ. Когда прикажете задержать маленькую колдунью?

— Какую колдунью?

— Да ту цыганку, которая всегда приходитъ на соборную площадь, несмотря на запрещеніе. У ней есть коза, которая пишетъ, знаетъ математику и можетъ привести къ висѣлицѣ всѣхъ цыганъ на свѣтъ. Процессъ уже готовъ; онъ пойдетъ у насъ живо! А прехорошенькая эта танцовщица! Какіе глаза! точно раскаленные угли! Когда начать процессъ?

Архидіаконъ былъ страшно блѣдею.

— Я вамъ скажу! произнесъ онъ едва слышимымъ голосомъ; потомъ съ усиліемъ прибавилъ: — займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ улыбаясь Шармолю: — я тотчасъ же велю его привязать къ кожаной постелѣ. Но, чертовское упрямство! даже Пьера Тортеру, у котораго руки толще моихъ, и тотъ утомляется.

Клодь былъ погруженъ въ мрачную задумчивость. Онъ обратился къ Шармолю.

— Пьера... то-есть Жакъ, займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Да, да, домъ Клодь. Бѣднякъ, придется ему помучиться! И что за мысль ѣздить на шабашъ! Что касается до маленькой Эсмеральды, какъ они ее называютъ, я буду ожидать вашихъ приказаній. Да, насчетъ портала, вы объясните мнѣ также, что означаетъ садовникъ, нарисованный при входѣ въ церковь. Можетъ-быть это сѣятель? О чемъ вы это такъ задумались?

Клодь не слушалъ его. Шармолю замѣтилъ, что глаза его устремлены на паутину въ окнѣ. Въ эту минуту, неосторожная муха, привлеченная мартовскимъ солнцемъ, влетѣла въ нее и зачухалась.

Паукъ бросился на свою жертву, согнулъ ее вдвое передними лапами и началъ сосать ее голову.

— Бѣдная муха! сказалъ прокуроръ и поднялъ руку чтобы спасти ее. Архидіаконъ, какъ-будто пробужденный отъ сна, схватилъ его за руку.

— Жакъ, не мѣшайте совершиться року.

Прокуроръ испугался; рука его была стиснута точно желѣзными клещами. Глаза священника сверкали и не отрывались отъ страшной группы паука и мухи.

— О, да! произнесъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ; вотъ символъ всего. Она весела, молода, летаетъ, ищетъ весны, воздуха, свободы; о, да! но наткнись она на паутину — и выходитъ паукъ. Паукъ страшный! Бѣдная танцовщица! бѣдная предназначенная жертва! Оставьте, Жакъ, это судьба! Увы, Клодъ, ты паукъ! Клодъ, ты также и муха! Ты стремился къ наукѣ, къ свѣту, къ солнцу, ты желалъ только достигнуть вѣчной истины; но бросаясь къ свѣтлому отверстию, выходящему въ другой міръ, въ міръ свѣта, разума и науки, жалкая муха, безумный ученый, ты не выдалъ паутины, протянутой судьбою между тобой и свѣтомъ и прямо бросился въ нее, жалкій безумецъ! Теперь ты бьешься, твои крылья оборваны желѣзными когтями предопредѣленія! Жакъ! Жакъ! пусть паукъ дѣлаетъ свое дѣло!

— Увѣряю васъ, что не трону его, только пустите мою руку: у васъ пальцы точно клещи.

Архидіаконъ не слушалъ его. — О, глупая! продолжалъ онъ, не переставая смотрѣть на окно. Еслибы даже ты и разорвала паутину своими слабыми крыльями, развѣ за нею свѣтъ? За нею есть еще стекло, это прозрачное препятствіе, эта хрустальная стѣна крѣпче чугуновой, которая отдѣляетъ всѣ философіи отъ истины; какъ перестунила бы ты за нее? О, суетность науки! сколько мудрецовъ разбиваются объ эту стѣну! Сколько системъ жужжа бьются объ это вѣчное стекло!

Онъ замолчалъ. Последнія мысли, перешедшія на науку, казались успокоили его. Жакъ Шармолю совѣсъмъ возвратилъ его къ дѣйствительности вопросомъ: «Когда же мы будемъ вмѣстѣ дѣлать золото?»

Архидіаконъ покачалъ головой съ грустной улыбкой.

— Жакъ, читайте Пселлуса, *Dialogus de energia et operatione doctopum*. Наши занятія не совѣсъмъ невинны.

— Тихе, донъ-Клодь! я и самъ это думаю; да чтожь дѣлать, когда получаешь не болѣе тридцати экю въ годъ.

Въ эту минуту, до слуха Шармолю долетѣло чавканье изъ-подъ печки.

— Что это? спросилъ онъ.

То былъ школьникъ, соскучившійся въ своей засадѣ и принявшійся грызть корку хлѣба и сухой кусокъ сыра, найденный имъ между разнымъ хламомъ. Онъ былъ очень голоденъ, потому и чавкалъ очень громко, что возбудило вниманіе Шармолю.

— Кошка лакомится мышами, съ живостью отвѣчалъ архидіаконъ.

Это объясненіе удовлетворило Жака.

— Всѣ великіе философы имѣли любимыхъ животныхъ, сказалъ онъ съ сладкой улыбкой. Вы знаете что говоритъ Сервіусъ: *Nullus enim locus sine genio est*.

Между тѣмъ, Клодь, боявшійся новой выходки со стороны Жана, напомнилъ своему ученику, что имъ нужно еще разсмотрѣть нѣкоторыя фигуры портала, и оба вышли къ великой радости Жана, начинавшаго бояться, что его козѣно приростетъ къ подбородку.

VI

КАКОЕ ДѢЙСТВІЕ МОГУТЪ ПРОИЗВЕСТИ СЕМЬ РУГАТЕЛЬСТВЪ НА
УЛИЦѢ

— *Te Deum laudamus!* вскричалъ Жанъ, выходя изъ своей засады: — насилу-то ушли эти совы! *Och! Och! Нах! рех! тах!* блохи! бѣшенныя собаки! чортъ! Ну ужь разговоры! въ головѣ у меня точно колокола! Да еще скверный сыръ въ придачу! Фуй! Уйдемъ поскорѣе съ кошелькомъ старшаго брата и обратимъ его экю въ бутылки!

Онъ бросилъ нѣжный взглядъ во внутренность кошелька, поправилъ платье, вытеръ ботинки, свиснулъ, повернулся на одной ногѣ, старательно оглядѣлъ нельзя ли унести еще чего изъ комнаты, взялъ съ печи нѣсколько цвѣтныхъ стеклышекъ, годныхъ для Изабелла-Тьери, толкнулъ дверь, которую братъ его не занеръ изъ снисхожденія, а онъ оставилъ растворенною изъ шалости, и птицей полетѣлъ съ лѣстницы.

По дорогѣ, онъ наткнулся на что-то, что проворчало и дало ему дорогу; онъ предположилъ, что это Квазимодо, и это показалось ему такъ смѣшно; что онъ, во весь остальной путь, держался за бока отъ смѣха.

Выйдя на мостовую, онъ топнулъ ногою. — О, славныя парижскія улицы! проклятая лѣстница, на которой можно задохнуться!

Какъ это вздумалось мнѣ взобраться въ эту западню; и все для того, чтобы поѣсть гнилого сыру и посмотрѣть на парижскія колокольни!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидѣлъ двухъ совѣ, то-есть Клода и Шармолю, разсматривающихъ порталъ. Онъ подошелъ къ нимъ на цыпочкахъ и услышалъ, что архидіаконъ шопотомъ говорилъ Шармолю: Вильгельмъ парижскій велѣлъ награвировать Іова на этомъ лазурномъ камнѣ. Іовъ изображаетъ философскій камень, который также долженъ вытерпѣть муки и испытанія прежде своего усовершенствованія, какъ говоритъ Раймондъ Люль: *Sub conseruatione formae specifere salva anima.*

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла, подумалъ Жанъ: — благо кошелекъ у меня.

Въ эту минуту онъ услышалъ позади себя голосъ, звонкій, сильный и произносящій цѣлую серію ругательства.

— Клянусь честью, это вѣрно капитанъ Фебъ, мой пріятель!

Это имя долетѣло до ушей архидіакона въ ту минуту, какъ онъ объяснялъ Шармолю фигуру дракона, хвостъ котораго скрывается въ ваннѣ, откуда выходитъ дымъ и голова короля. Клодъ вздрогнулъ, вдругъ остановился къ великому удивленію своего слушателя, оглянулся и увидѣлъ своего брата, подходящаго къ высокому офицеру, у дома Гонделорье.

Это былъ капитанъ Фебъ де-Шатоперь. Онъ стоялъ, прислонившись къ углу дома своей невѣсты и ругался, какъ язычникъ.

— Ну, капитанъ Фебъ, славно вы бранитесь! сказалъ Жакъ, взявъ его за руку. Изъ какого источника вытекаютъ эти прелестныя слова?

— Извините, другъ Жанъ, — лошадь, пущенная въ галопъ не скоро останавливается, а у меня брань шла галопомъ. Я вышелъ вотъ отъ этихъ святошъ, а когда я выхожу оттуда, то задыхаюсь отъ ругательствъ; нужно жъ было выпустить ихъ на воздухъ.

— Хотите пить? спросилъ Жанъ.

Это предложеніе успокоило капитана.

Кл. XI. — Отд. I.

— Хочу, только у меня нѣтъ денегъ.

— А у меня есть!

— Ба! посмотримъ!

Жанъ, съ величественнымъ спокойствіемъ, раскрылъ кошелекъ. Между-тѣмъ архидіаконъ, оставивъ Шармолю, дошелъ до нихъ и наблюдалъ за ними, чего оба не замѣчали, углубившись въ созерцаніе своихъ сокровищъ.

Фебъ вскричалъ: кошелекъ — въ вашемъ карманѣ, Жанъ, это луна въ ведрѣ воды. Видѣть ее можно, но въ сущности ея нѣтъ, это только призракъ. Побьемтесь объ закладъ, что въ кошелькѣ камни.

Жанъ хладнокровно высыпалъ на ближайшій столбъ содержаніе кошелька съ видомъ римлянина, спасающаго отечество.

— Боже мой! это ослѣпительно! вскричалъ Фебъ.

Жанъ попрежнему остался холодно-важенъ. Нѣсколько мелкихъ монетъ упало въ грязь; Фебъ, подъ влияніемъ энтузіазма, нагнулся поднять ихъ. Жанъ удержалъ его: — Фи, капитанъ Фебъ де Шатоперь!

Фебъ пересчиталъ деньги: — Кого это вы обокрали сегодня, Жанъ?

Жанъ закинулъ назадъ свою кудрявую голову и прищуриль глаза, съ легкимъ презрѣніемъ, отвѣчалъ: У меня братъ архидіаконъ и сумашедшій.

— О, достойный человѣкъ!

— Идемте пить!

— Куда же? Въ «Еввино яблоко».

— Нѣтъ въ «Старую науку» лучше.

— Къ чорту «Науку»; въ «Яблокъ» вино лучше и есть виноградникъ подъ окнами, а это насъ развеселитъ пока будемъ пить.

— Ну идемъ къ Евѣ, сказалъ школьникъ, взявъ товарища подъ руку, архидіаконъ послѣдовалъ за ними.

Онъ шолъ съ мрачнымъ видомъ. Тотъ ли это Фебъ, котораго проклятое имя примѣшивается ко всѣмъ его мыслямъ со времени послѣдняго свиданія съ Гренгуаромъ, онъ не зналъ; но довольно было одного имени, чтобы заставить Клода тайкомъ идти за безработными товарищами, вслушиваться въ ихъ слова и подмѣчать малѣйшіе жесты. Впрочемъ, было очень легко слыпать ихъ разговоръ: они не стѣснялись, говорили громко о дуэляхъ, игрѣ, женщинахъ и другихъ шалостяхъ.

При поворотѣ въ одну улицу, они услышали звуки тамбурина. Офицеръ сказалъ школьнику : пойдите скорѣе !

— Зачѣмъ Фебъ ?

— Я боюсь, чтобъ цыганка меня не увидала.

— Какая цыганка ?

— Цыганка съ козой.

— Эмеральда !

— Она самая. Я все позабываю это чертовское имя. Пойдемте, она можетъ узнать меня, а я не хочу, чтобы эта дѣвочка подошла ко мнѣ на улицѣ.

— Развѣ вы ее знаете, Фебъ ?

Тутъ архидіаконъ увидѣлъ, что Фебъ смѣется и говоритъ что-то на ухо Жану.

— Въ самомъ дѣлѣ ? сказалъ Жанъ.

— Клянусь честью.

— Сегодня ?

— Сегодня вечеромъ.

— Увѣрены ли вы, что она придетъ ?

— Да вы съ ума сошли, Жанъ ; развѣ въ такихъ вещахъ сомнѣваются !

— Капитанъ Фебъ, вы счастливѣйшій изъ жандармовъ !

Архидіаконъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Зубы его стучали ; дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Онъ остановился, прислонился къ столбу, какъ пьяный, потомъ опять пошелъ за молодыми людьми.

Когда онъ опять нагналъ ихъ, разговоръ уже переѣвился. Они пѣли изо всей мочи :

Les enfants des Petits-Carreaux
Se font pendre comme des veaux...

VII

СТРАШНЫЙ МОНАХЪ

Знаменитый кабакъ «Яблоко Евы» находился въ университетской части города. Это была довольно большая комната въ нижнемъ этажѣ, со сводами. Въ ней было множество столовъ, посѣтителей, женщинъ, виноградникъ у двери, а надъ дверью заржавленная доска, на которой изображена женщина и яблоко. То была вивѣска.

Наступила ночь; въ улицахъ было темно; кабакъ свѣтился издали какъ кузнечная печь на темномъ фонѣ; слышался звукъ стакановъ, брань, ссоры. Сквозь дымъ и паръ можно было видѣть множество красныхъ лицъ и слышать, по временамъ, гомерическій взрывъ хохота. Прохожіе, идущіе по дѣламъ, неподнимали глазъ на эти окна.

Только одинъ человѣкъ долго ходилъ взадъ и впередъ подъ окнами шумнаго зданія и безпрестанно взглядывалъ на его окна. Плащъ закрывалъ ему все лицо. Онъ только-что купилъ этотъ плащъ у лоскутника, по сосѣдству съ кабакомъ, можетъ-быть для того, чтобы защититься отъ холода, а можетъ-быть для того, чтобы скрыть свой костюмъ. Остановливаясь подъ окномъ, онъ смотрѣлъ, слушалъ и нетерпѣливо топалъ ногою.

Наконецъ дверь отворилась. Кажется этого и ждалъ человѣкъ въ плащѣ. Изъ кабака выпли двое; незнакомецъ перешолъ на другую сторону улицы.

— Сейчасъ пробьетъ семь часовъ, — это часъ моего свиданія, говорилъ одинъ.

Другой несъ страшную чушь.

— Жанъ, другъ мой, вы пьяны.

— Хорошо вамъ говорить, Фебъ, шатаясь отвѣчалъ его товарищъ: — а уже давно доказано, что у Платона былъ профиль охотничей собаки.

Читатель вѣроятно уже узналъ нашихъ молодыхъ друзей — капитана и школьника. Незнакомецъ, вѣроятно также узналъ ихъ, потому что медленно послѣдовалъ за раскачивающимся школьникомъ Капитанъ, привыкшій къ вину, шолъ совершенно прямо. Незнакомецъ могъ совершенно подслушать слѣдующій интересный разговоръ:

— Идите же прямѣе, любезный другъ; я долженъ васъ оставить: у меня свиданіе съ женщиной.

— Оставьте меня! я вижу звѣзды и копья. Вы точно замокъ Дампартенъ, который лопается со смѣха.

— Чортъ побери, Жанъ, вы уже слишкомъ забираетесь. Кстати у васъ уже нѣтъ больше денегъ?

— Господинъ ректоръ, тутъ нѣтъ ошибки: полатини будетъ *darva boucheria*.

— Жанъ, другъ мой Жанъ, я назначилъ этой женщинѣ свиданіе на мосту сенъ-Мишель; мы должны будемъ идти съ ней къ Фалурдель, а за комнату надобно платить. Старуха съ бѣлыми усами

не повѣрить мнѣ въ кредитъ. Жанъ, развѣ мы пропаяли всѣ архидіаконскія деньги? развѣ у васъ ничего не осталось?

— Сознаніе, что хорошо проведенъ день, приправляетъ обѣдъ.

— Прахъ тебя возьми, довольно вратъ! говори, чортъ, есть ли у тебя деньги? Давай, или я самъ возьму.

— Улица Галиашъ на углу улицы Веротери?

— Да, да, другъ мой Жанъ, хорошо. Только придите въ себя, ради неба. Мнѣ нужно только одинъ паризи къ семи часамъ.

Школьникъ затанулъ пѣсню.

— Чтобъ тебя черти задушили, поклятый мальчишка! вскричалъ Фебъ и толкнулъ школьника, который растянулся на мостовой Филиппа Августа. Въ силу братскаго сочувствія, существующаго между пьяницами, Фебъ притащилъ Жана къ одному изъ изголовьевъ бѣдныхъ людей, которыя богачи презрительно называютъ кучами нечистотъ. Капитанъ подложилъ ему подъ голову капустныхъ кочней и школьникъ тотчасъ же захрапѣлъ, какъ на самой лучшей постелѣ. Злоба не совсѣмъ потухла въ душѣ капитана. — Пусть подберутъ тебя черти въ свою телѣгу, пробормоталъ онъ на прощанье и пошелъ далѣе.

Человѣкъ въ плащѣ остановился на минуту передъ спящимъ школьникомъ, какъ будто въ нерѣшимости, потомъ вздохнулъ и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ.

Мы также оставимъ Жана подъ открытымъ небомъ и послѣдуемъ за обоими путниками.

Поворачивая въ улицу Сент-Андре, капитанъ замѣтилъ, что его кто-то преслѣдуетъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ какую-то тѣнь, ползущую за нимъ у забора. Онъ остановился и она остановилась; онъ пошелъ, и тѣнь пошла. Его впрочемъ это не очень беспокоило. Ба, подумалъ онъ: — у меня нѣтъ ни копѣйки!

Передъ атонской школой, онъ остановился. Въ этой школѣ началъ онъ свое воспитаніе и, по старой привычкѣ, никогда не проходилъ мимо фасада школы, не нанеши статуѣ кардинала Пьера Вортранда, стоящей по правую сторону портала, оскорбленія, на которое такъ горько жалуется Приапъ въ сатирѣ горація *Olim truncus egam ficulnus*. Онъ приложилъ столько старанія, что надпись *ediensis episcopus* была почти уничтожена. По своему обыкновенію, онъ и теперь остановился передъ статуей. Улица была совершенно пуста. Вдругъ онъ увидѣлъ, что тѣнь идетъ къ нему медленными шагами, такъ медленно, что онъ успѣлъ разсмотрѣть ея плащъ и

шляпу. Передъ статуей кардинала она остановилась и устремилась на Феба взглядъ подный того фосфорическаго блеска, который выхлдитъ ночью изъ глазъ кошки.

Капитанъ былъ храбръ, но эта ходячая статуя, этотъ окаменѣлый человѣкъ навели на него ужасъ. Въ то время ходили рассказы о страшномъ монахѣ, являвшемся по ночамъ на улицахъ Парижа. Капитанъ постоялъ нѣсколько минутъ, наконецъ сказалъ, съ напряженнымъ смѣхомъ: милостивый государь, если вы воръ, въ чемъ я почти увѣренъ, то вы рискуете дать маху: я сынъ раззорившихся родителей. Обратитесь лучше по сосѣдству; въ этой школѣ есть чѣмъ поживиться.

Рука тѣни высунулась изъ подъ плаща и вцѣпилась, точно желѣзными клещами, въ руку капитана. Въ тоже время, тѣнь заговорила: Капитанъ Фебъ де Шатоперъ!

— Какъ, вы знаете мое имя!

— Я знаю больше чѣмъ ваше имя. У васъ сегодня свиданіе.

— Да, отвѣчалъ пораженный Фебъ.

— Въ семь часовъ?

— Да, черезъ четверть часа.

— У Фалурдель?

— Такъ точно.

— Съ женщиной?

— *Confiteor*.

— Которую зовутъ...

— Эсмеральдой, смѣло отвѣчалъ Фебъ. Къ нему возвратилась его безпечность.

При этомъ имени тѣнь сильно потрясла Феба за руку. Капитанъ Фебъ де Шатоперъ, ты лжешь!

Еслибы кто могъ видѣть въ эту минуту пылающее лицо капитана, прыжокъ который онъ сдѣлалъ назадъ съ такой силой что высвободился изъ желѣзнаго рукожатія, гордый жестъ, съ которымъ онъ взялся за шпагу и передъ нимъ неподвижную фигуру въ плащѣ, тотъ навѣрное бы испугался. Эта сцена напоминала донь-Жуана со статуей Командора.

— Тысяча чертей! крикнулъ капитанъ. Вотъ слово, рѣдко касающееся ушей Шатоперовъ! ты не осмѣлишься его повторить!

— Ты лжешь! холодно произнесла тѣнь.

Капитанъ заскрежеталъ зубами. Страшный монахъ, привидѣнія, суевѣріе, онъ забылъ все эти вещи въ эту минуту. Онъ ви-

дѣлъ передъ собой только обидѣвшаго его челоуѣка. Хорошо! прошепталъ онъ голосомъ, заглушаемымъ яростью, и обнажилъ свою шпагу: — сейчасъ, же, здѣсь! твою шпагу! и крови, крови!

Между тѣмъ противникъ его не шевелился. — Капитанъ Фебъ! сказалъ онъ съ горечью: — вы забываете свое свиданіе.

Вспышка гнѣва у людей, подобныхъ Фебу, походитъ на кипящее молоко: довольно одной капли воды, чтобы охладить ихъ. Эти простые слова заставили капитана опустить оружіе.

— Капитанъ! продолжалъ незнакомецъ: — завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ десять лѣтъ, я буду готовъ перерѣзать вамъ горло; но ступайте сначала на свое свиданіе.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Фебъ: — очень пріятно встрѣтить разомъ дуэль и женщину, и я не вижу, зачѣмъ мнѣ отказываться отъ одного изъ двухъ, когда можно имѣть и то и другое.

И онъ вложилъ шпагу въ ножны.

— Пойдете вы на свиданіе? спросилъ незнакомецъ.

— Милостивый государь! началъ Фебъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — весьма благодаренъ за вашу любезность. Въ самомъ дѣлѣ мы еще успѣемъ изрубить другъ друга и завтра. Я очень обязанъ вамъ за доставленіе мнѣ пріятной четверти часа. Я надѣялся еще успѣть оставить васъ здѣсь въ ручьѣ и вовремя прійти на свиданіе, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ считается хорошимъ тономъ заставить женщину подождать. Но вы кажется не дадите жизнь дешево и потому вѣрнѣе отложить битву до завтра. Итакъ я пойду на свиданіе; оно назначено въ семь часовъ, какъ вамъ уже извѣстно. Тутъ Фебъ почесалъ за ухомъ.

— Чортъ возьми, я и позабылъ! у меня нѣтъ ни копѣйки, чтобъ заплатить за наемъ комнаты, а старуха спроситъ деньги впередъ. Она не довѣряетъ мнѣ.

— Вотъ вамъ деньги.

Фебъ почувствовалъ, какъ холодная рука незнакомца всунула въ его руку крупную монету. Онъ взялъ деньги и пожалъ эту руку.

— Клянусь-богомъ, вы молодецъ!

— Позвольте, одно условіе. Докажите мнѣ, что вы не солгали. Сирячьте меня куда-нибудь, откуда бы я могъ видѣть, та ли именно женщина будетъ съ вами, которую вы назвали.

— О! отвѣчалъ Фебъ: — мнѣ это все равно. Мы возьмемъ ком-

нату въ *Sainte Marthe*, вы можете все видѣть изъ сосѣдняго чулана.

— Идите же! сказала тѣнь.

— Къ вашимъ услугамъ! сказалъ капитанъ. — Вы можете быть и самъ месиръ сатана, но будемте добрыми друзьями на сегодняшній вечеръ. Завтра я расплачусь со всеми долгами, денежными и кровавыми.

Они пошли скорымъ шагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ воды показалъ имъ, что они пришли къ мосту.

— Я сначала проведу васъ! сказалъ Фебъ: — а потомъ пойду за своей красавицей.

Спутникъ его не отвѣтилъ ни слова; онъ молчалъ въ продолженіе всей дороги. Фебъ остановился противъ низенькой двери и громко стукнулъ; показался свѣтъ въ окнахъ.

— Кто тамъ? раздался старческой голосъ.

Капитанъ произнесъ нѣсколько ругательствъ, дверь растворилась и показала старую старушонку съ старой лампой въ рукахъ. Старуха была вся сгорбленная, сморщенная, повязанная грязной тряпкой, съ узенькими глазами. Губы ея совсѣмъ ушли въ ротъ, а вокругъ торчали бѣлые усы, какъ у кошки. Внутренность комнаты была такая же жалкая и грязная: повсюду пыль и паутина; посрединѣ безногіе столы и стулья, въ глубинѣ лѣстница; ведущая къ небольшому отверстію въ потолкѣ. Проникая въ этотъ вертепъ, таинственный спутникъ Феба поднялъ свой плащъ до самаго лба. Между тѣмъ Фебъ распорядился насчетъ комнаты. Старуха при видѣ подаваемого ей эю, назвала его свѣтлостью. Это были деньги, полученные отъ чернаго человѣка. Когда старуха отвернулась, положивъ эю въ ящикъ, маленькій лохматый мальчикъ, возившійся у печки, подкрался тихонько къ ящику, вынулъ изъ него эю и положилъ на его мѣсто сухой листъ изъ вѣника.

Старуха сбѣжала знакъ своимъ гостямъ и повела ихъ по лѣстницѣ. Дошедши до верхняго этажа, она поставила свѣчу на сундукъ, а Фебъ, какъ привычный посѣтитель, толкнулъ дверь въ темный чуланъ. — Войдите! сказалъ онъ своему товарищу. Человѣкъ въ плащѣ повиновался не говоря ни слова, дверь захлопнулась за нимъ; онъ слышалъ, какъ Фебъ заперъ ее на задвижку и сошелъ съ лѣстницы; свѣтъ скрылся.

VIII

О ПОЛЪЗЪ ОКОНЪ ВЫХОДЯЩИХЪ НА УЛИЦУ

Клодь Фролло (мы увѣрены, что читатель былъ проникательнѣе Феба и не принялъ его за страшнаго монаха), Клодь Фролло ошупалъ мѣсто, въ которомъ заперъ его капитанъ. Это было пустое пространство между крышей и главной стѣной. Вертикальный разрѣзъ его представилъ бы треугольникъ. Не было оконъ и склонъ крыши не позволялъ стоять на ногахъ. Клодь присѣлъ между сормомъ, голова его горѣла; ошупывая вокругъ себя, онъ нашолъ кусокъ стекла и приложилъ его ко лбу, чтобъ освѣжиться.

Что происходило въ эту минуту въ мрачной душѣ архидіакона, зналъ одинъ только Богъ да онъ самъ.

Въ какомъ порядкѣ являлись въ его мысляхъ Эсмеральда, Фебъ, Шармолу, любимый младшій братъ, покинутый имъ среди улицы, его собственная репутация, компрометируемая у Фалурдель, всѣ происшествія дня, — я не знаю. Но всѣ они составляли въ его головѣ страшную группу.

Онъ ждалъ уже четверть часа и постарѣлъ на цѣлое столѣтіе.

Вдругъ деревянная лѣстница закрипѣла, кто-то входилъ. Дверь растворилась и снова показался свѣтъ. Въ вѣтхой двери его коморки была довольно широкая щель: онъ прильнулъ къ ней лицомъ. Сначала появилась рука старухи со свѣчею, потомъ Фебъ; крутящій усы, потомъ граціозная фигура Эсмеральды. Священнику показала она сверхестественнымъ явленіемъ. Клодь задрожалъ, облако заслонило его зрѣніе, все закружилось передъ нимъ, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Фебъ и Эсмеральда были одни; они сидѣли на сундукѣ, и стоящая вблизи лампа освѣщала ихъ молодые лица и грязную постель въ углу комнаты.

Рядомъ съ постелью было окно, грязныя стекла котораго пропускали, какъ сквозь паутину, свѣтъ луны, окруженной прозрачными облаками.

Молодая дѣвушка была сконфужена и дрожала. Ея длинныя, опущенныя рѣсницы бросали тѣнь на пылающія щоки. Офицеръ, на котораго она не смѣла поднять глазъ, весь сіялъ удовольствіемъ.

Машинально, не зная что начать отъ смущенія, она граціозно выводила пальчикомъ разныя фигуры на сундукъ и смотрѣла на свой палець. Ногъ ея не было видно, на нихъ лежала коза.

Капитанъ былъ очень элегантно одѣтъ: воротникъ и рукава его были вышиты золотомъ, — признакъ большого щегольства въ то время.

Волненіе крови мѣшало архиіакону отчетливо слышать ихъ разговоръ (разговоръ влюбленныхъ довольно банальная вещь. Это безконечное *я васъ люблю*, музыкальная фраза очень пошлая для равнодушныхъ слушателей, если она не прикрашена какой-нибудь *фіоритурой*; но Клодъ не былъ равнодушнымъ слушателемъ).

— О! говорила молодая дѣвушка: — не презирайте меня, господинъ Фебъ, я знаю, что я поступаю очень дурно.

— Презирать васъ, прекрасное дитя! отвѣчалъ офицеръ тономъ утонченной вѣжливости: — за чтоже, богъ мой!

— Зато что я пришла сюда.

— Ну, моя прелесть, я бы долженъ не презирать, а ненавидѣть васъ.

Дѣвушка взглянула на него съ испугомъ.

— Ненавидѣть меня! чтоже я сдѣлала?

— Вы заставили слишкомъ долго просить себя.

— Ахъ! отвѣчала она: — я нарушаю обѣтъ... Я не найду своихъ родителей, талисманъ потеряетъ свою силу. Но что до этого за дѣло! Зачѣмъ мнѣ теперь отецъ и мать.

Говоря это, она устремила на капитана свои черные глаза, полныя нѣжности и радости.

— Чортъ меня возьми, если я что-нибудь понялъ! сказалъ Фебъ.

Эсмемальда помолчала съ минуту, потомъ слезинка выкатилась изъ ея глазъ, вздохъ вырвался изъ груди и она сказала: О, монсиньоръ, я васъ люблю!

Молодую дѣвушку окружалъ такой ореолъ чистоты и добродѣтели, что Фебъ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко въ ея присутствіи. Это слово придадо ему смѣлости.

— Вы меня любите! сказалъ онъ съ увлеченіемъ и обнялъ ее за талію. Онъ и ждалъ только этого случая.

Архиіакопъ увидѣлъ это и попробовалъ остріе кинжала, спрятаннаго подъ его плащемъ.

— Фебъ! сказала цыганка, съ трудомъ высвобождаясь изъ его

объятій : — вы добры, великодушны, прекрасны ; вы спасли меня, бѣдное, потерянное дитя. Я уже давно мечтаю объ офицерѣ, который бы спасъ мнѣ жизнь. Я мечтала о васъ, еще не зная васъ, мой Фебъ ; у моей мечты было прекрасное платье, какъ у васъ, гордый взглядъ, шпага ; васъ зовутъ Фебомъ, это хорошее имя, я люблю ваше имя, люблю вашу шпагу. Выньте шпагу, Фебъ, я хочу ее видѣть.

— Дитя ! сказалъ капитанъ и улыбаясь вынулъ оружіе.

Цыганка осмотрѣла шпагу со всѣхъ сторонъ, потомъ съ очаровательной наивностью поцѣловала ее, говоря :

— Ты шпага храбраго капитана, я люблю моего капитана.

Фебъ опять воспользовался случаемъ поцѣловать нагнувшуюся лебядиную шейку. Дѣвушка выпрямилась, пунцовая, какъ вишня. Клодь скрежетала зубами въ своей засадѣ.

— Фебъ ! начала опять цыганка : — дайте мнѣ поговорить съ вами. Пройдите немного, чтобы я могла видѣть васъ во весь ростъ и слышать звонъ вашихъ шпоръ. Какъ вы хороши !

Капитанъ всталъ, ворча на нее съ довольной улыбкой.

— Какое-жъ вы дитя ! Кстати, милочка, видѣли вы меня въ парадной формѣ ?

— Ахъ, нѣтъ ! отвѣчала она.

— Вотъ что ужъ дѣйствительно стоитъ посмотреть.

Фебъ опять сѣлъ подлѣ нея, только ужъ ближе прежняго.

— Послушайте, милая...

Цыганка ударила его нѣсколько разъ по губамъ съ ребяческимъ, но полнымъ граціи жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду васъ слушать ! Любите ли вы меня ! Я хочу, чтобы вы мнѣ это сказали.

— Люблю ли я тебя, мой ангелъ ! вскричалъ капитанъ, становясь на колѣни : — я самъ, вся моя душа принадлежитъ тебѣ одной. Я люблю тебя и никого не любилъ кромѣ тебя.

Капитану такъ часто приходилось повторять эту фразу, что онъ произнесъ ее однимъ духомъ. При этомъ объясненіи цыганка подняла къ грязному потолку, замѣнявшему небо, глаза, полные божественнаго счастья.

— О ! сказала она : — вотъ въ эту минуту нужно бы умереть.

Фебъ нашолъ, что эта минута удобна для новаго поцалуя, который мучительно отозвался въ душѣ архидіакона.

— Умереть ! вскричалъ счастливый капитанъ : — что это вы

говорите, мой ангелъ! Теперь надо жить, клянусь Юпитеромъ! Умереть въ самомъ началѣ такого хорошаго дѣла! Нѣтъ, шутите, чортъ возьми!.. Послушайте, милая Симиляр... Эсменар... Извините, у васъ такое мудреное имя, что я не могу его вбить себѣ въ голову.

— Боже-мой! сказала бѣдная дѣвушка: — а я думала, что мое имя хорошо своей оригинальностью. Но если оно вамъ не нравится, я желала бы лучше имѣть самое обыкновенное.

— Ну, не приходите въ отчаяніе отъ такихъ пустяковъ, моя милая; къ вашему имени нужно только привыкнуть, вотъ и все. Когда я его выучу наизусть, все пойдетъ хорошо. Ну слушайте, милая Симиляръ; я васъ обожаю, я васъ такъ люблю, что просто ужасъ. Одна пташка отъ этого просто съ ума сходитъ.

Ревнивая дѣвушка перебила его:

— Ктоже это?

— Что вамъ за дѣло? сказалъ Фебъ, — любите ли вы меня?

— О! сказала она.

— Ну, это главное. Вы увидите, что и я васъ люблю также. Пусть задушитъ меня самъ сатана, если я не сдѣлаю васъ счастливѣйшей изъ женщинъ. У насъ будетъ гдѣ-нибудь хорошенькая канурка. Я буду учить солдатъ подъ вашими окнами. Они всѣ на лошадахъ и ужасно смѣются надъ людьми капитана Миньона. Я поведу васъ въ звѣринецъ, покажу вамъ львовъ въ отель дю Руа; они очень хищны, а всѣ женщины любятъ это.

Дѣвушка, погруженная въ сладкія мысли, мечтала подъ звуки его голоса, не вникая въ смыслъ словъ.

— О, вы будете счастливы! продолжалъ капитанъ и тихонько растегнулъ поясъ цыганки.

— Что вы дѣлаете? съ живостью вскричала она. Этотъ поступокъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Ничего, отвѣчалъ Фебъ: — я говорилъ только, что нужно будетъ оставить этотъ уличный нарядъ, когда вы будете со мною.

— Когда я буду съ тобою, мой Фебъ! нѣжно сказала дѣвушка. Она снова задумалась.

Капитанъ, поощренный ея кротостью, обнялъ ее за талию и она не сопротивлялась; онъ началъ понемногу разшнуровывать ея корсажъ и такъ сдвинулъ ея шемизетку, что задыхающійся архидіаконъ увидѣлъ кругленькое, смуглое плечико цыганки.

Молодая дѣвушка сидѣла спокойно; казалось, она ничего не замѣчала. Глаза капитана блистали.

Вдругъ она обернулась къ нему.

— Фебъ! сказала она съ невыразимою нѣжностью: — научи меня своей религіи.

— Моей религіи! вскричалъ съ хохотомъ капитанъ. — Я буду учить васъ религіи. Чтоже вы станете дѣлать съ моей религіей?

— Мы женимся.

Лицо капитана приняло выраженіе удивленія, презрѣнія, безпечности и страсти.

— А, ба! кто же теперь женится?

Цыганка поблѣднѣла и печально опустила голову на грудь.

— Прелесть моя! нѣжно сказалъ Фебъ: — что это за выдумки? Важное дѣло замужство! Развѣ мы меньше будемъ любить другъ друга?

Говоря все это самымъ нѣжнымъ голосомъ, онъ все ближе подвигался къ цыганкѣ; руки его вновь обвились вокругъ ея стройнаго стана, глаза разгарались и все показывало, что Фебъ не далеко отъ того мгновенія, въ которое самъ Юпитеръ дѣлаетъ столько глупостей, что Гомеръ принужденъ призвать облако на помощь.

Между тѣмъ Клодъ все видѣлъ. Дверь была сдѣлана изъ очень гнилыхъ досокъ, такъ что его лихорадочный взглядъ могъ слѣдить за всей сценой. Этотъ широкоплечій монахъ, проведеншій молодость въ строгой монастырской дѣвственности, кипѣлъ и дрожалъ передъ этой страстной картиной. Видъ прелестной дѣвушки въ рукахъ у пылаго молодого человѣка, обращалъ въ растопленный свинецъ его кровь. Съ нимъ дѣлалось что-то странное. Тотъ, кто увидѣлъ бы лицо несчастнаго, плотно прильнувшее къ дверной щели, могъ бы принять его за тигра, смотрящаго изъ кѣтки, какъ шакалъ пожираетъ газель. Зрачки его свѣтились какъ свѣчки.

Вдругъ Фебъ быстрымъ движеніемъ снялъ шемизетку дѣвушки.

Бѣдное дитя, сидящее въ задумчивости, вдругъ встрепенулось. Она быстро отошла отъ предприимчиваго офицера и бросивъ испуганный и стыдливый взоръ на свои обнаженныя плечи, скрестила на груди руки. Щоки ея пылали; она стояла безмолвно, какъ статуя цѣломудрія. Глаза были опущены.

Теперь, когда не было шемизетки, талисманъ, который Эсмеральда носила на шеѣ, бросился въ глаза Фебу.

— Что это такое? сказалъ онъ, пользуясь случаемъ снова приблизиться къ ней.

— Не дотрогивайтесь! съ живостью вскричала она: — это мой хранитель. Онъ поможетъ мнѣ отыскать моихъ родителей, если я останусь достойной этого. О, оставьте меня, господинъ капитанъ! Матушка, бѣдная матушка, гдѣ ты? Помогни мнѣ! Сжальтесь, господинъ Фебъ, отдайте мнѣ мою косынку!

Фебъ отошелъ и холодно сказалъ:

— О, теперь я вижу, что вы меня не любите!

— Я не люблю его! вскричала бѣдная дѣвушка, хватаясь за капитана и усаживая его подлѣ себя. — Я не люблю тебя, мой Фебъ! Что ты говоришь, злой; зачѣмъ терзаешь мое сердце? О, возьми меня, возьми все! дѣлай со мной что хочешь, я вся твоя. Что мнѣ талисманъ, что мнѣ мать? Ты замѣняешь мнѣ мать, потому что я люблю тебя! Фебъ, дорогой мой Фебъ! Видишь ли ты меня? Это я, посмотри на меня; это та самая дѣвочка, которую ты не оттолкнулъ по твоей добротѣ; она сама, по своей волѣ пришла къ тебѣ. Моя душа, моя жизнь, мое тѣло, я вся ваша полная собственность, капитанъ. Ну не женись на мнѣ, если тебѣ неприятно это. Что я такое? бѣдная уличная дѣвочка! между тѣмъ какъ ты, мой Фебъ, ты дворянинъ! Славно бы было офицеру жениться на плясунѣ! я съ ума сошла. Нѣтъ, мой Фебъ, я буду твоей любовницей, твоей забавой, буду принадлежать тебѣ во всякое время, когда ты только захочешь. Я уже создана для этого. Пусть я буду обезславлена, пусть меня презираютъ, лишь бы быть любимой тобою. Я буду самая гордая и самая счастливая изъ женщинъ. А когда я буду стара и дурна, Фебъ, когда меня нельзя будетъ любить, вы позволите мнѣ быть вашей слугою. Другія будутъ вышивать вамъ шарфы, а я, служанка, буду прибирать ихъ. Вы позвольте мнѣ чистить ваши шпоры, вытирать ваши сапоги, убирать платье. Неправда ли Фебъ, вы сдѣлаете мнѣ эту милость? А пока я твоя, мой Фебъ, только люби меня! Намъ цыганкамъ только нужно любви да воздуха!

Говоря такимъ образомъ, она обвивала руками шею офицера, она смотрѣла на него умоляющимъ взоромъ, улыбаясь сквозь слезы. Ея нѣжная шея терлась о сукно его платья. Ея тѣло дрожало на его колѣняхъ. Капитанъ въ упоеніи прильнулъ губами къ ея смуглому плечу. Дѣвушка, опрокинувшись назадъ, трепетала подъ этимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ надъ головой Феба она увидѣла другую голову; лицо зеленое, блѣдное, искаженное конвульсіями. Подлѣ этой головы была рука съ кинжаломъ. Это была рука монаха. Онъ выломилъ дверь и явился; Фебъ не могъ его видѣть. Бѣдная дѣвушка оцѣпенѣла отъ ужаса, какъ голубка поднявшая головку въ то время, когда коршунъ смотритъ въ ея гнѣздо своими круглыми глазами.

Она не имѣла даже силъ вскрикнуть. Она видѣла какъ кинжалъ опустился на Феба и поднялся весь въ крови.

— Проклятіе! вскричалъ капитанъ и упалъ.

Съ ней сдѣлался обморокъ.

Въ ту минуту, когда закрывались ея глаза и всякое сознаніе покидало ее, она почувствовала прикосновеніе чего-то огненного къ губамъ, поцѣлуй, какъ раскаленное желѣзо палача.

Пришедши въ себя, она увидѣла толпу солдатъ. Капитана уносили въ крови, монахъ исчезъ; окно, выходящее на улицу, было раскрыто, подняли плащъ, который сочли принадлежащимъ офицеру и она слышала слова:

— Эта колдунья заколола капитана.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Г

ЭКЮ ОБРАЩЕННЫЙ ВЪ УВАДШІЙ ЛИСТОКЪ

Гренгуаръ и весь дворъ чудесъ были въ смертельномъ безпокойствѣ.

Уже цѣлый мѣсяцъ никто не зналъ куда дѣвалась Эсмемальда, что очень печалило герцога Египта и его свиту. Не знали также куда дѣвалась коза, что сильно огорчало Гренгуара. Цыганка исчезла въ одинъ вечеръ и съ тѣхъ поръ о ней не было слуха. Всѣ поиски были тщетны.

Нѣкоторые насмѣшники увѣряли Гренгуара, что встрѣтили ее вечеромъ съ офицеромъ, на мосту св. Михаила, но сей импровизованный мужъ былъ недовѣрчивъ какъ философъ, ктому же онъ, лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ, насколько его жена добродѣтельна. Онъ по опыту видѣлъ, къ какому сопротивленію способна Эсмемальда, и былъ спокоенъ.

Потому-то исчезновение ея было для него совершенно непонятно и глубоко его огорчало. Онъ даже бы похудѣлъ, еслибъ это было возможно при его тѣлосложеніи. Онъ забылъ все, даже свое сочиненіе «*de figuris regularibus et irregularibus*», которое предполагалъ напечатать при первыхъ деньгахъ.

Однажды, проходя мимо тюремной башни, онъ увидѣлъ толпу народа у дверей палаты юстиціи.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ у выходящаго оттуда молодого человѣка.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ. — Говорятъ, что судятъ женщину, которая убила жандарма. Такъ какъ тутъ примѣшалось колдовство, то принимаетъ участіе и духовный судъ, а братъ мой архидіаконъ не выходитъ изъ присутствія. Я хотѣлъ видѣть его, но не было возможности пробраться сквозь толпу, а это очень досадно, потому что мнѣ нужно денегъ.

— Увы, милостивый государь, сказалъ Гренгуаръ: — я желалъ бы дать вамъ займы, но карманы мои худы не отъ избытка денегъ.

Онъ не посмѣлъ признаться юношѣ, что знаетъ архидіакона, потому что не видѣлъ его съ послѣдняго разговора.

Школьникъ пошелъ своей дорогой, а Гренгуаръ послѣдовалъ за толпою по лѣстницѣ. Онъ зналъ, что ничто такъ не разсѣиваетъ меланхоліи, какъ уголовный процессъ: такъ смѣшать всегда судьи своею глупостью. Послѣ долгой толкотни въ длинномъ коридорѣ, онъ дошелъ до низенькой двери и могъ видѣть, черезъ головы зрителей, все что происходило въ залѣ.

Зала была обширная и темная. Наступалъ вечеръ. Длинные готическія окна пропускали только слабый лучъ свѣта, который потухалъ еще не дойдя до свода, а скульптурныя украшенія на немъ какъ будто шевелились въ темнотѣ. На столахъ уже горѣло нѣсколько свѣчъ, освѣщая головы протоколистовъ, наклоненныя надъ бумагами. Передняя часть залы занята была зрителями; направо и налѣво были адвокаты; въ глубинѣ, на эстрадѣ, сидѣли судьи, послѣдніе ряды которыхъ терялись въ темнотѣ. Лица у всѣхъ были угрюмы и неподвижны. На стѣнахъ было безчисленное множество ланій. Надъ головами судей смутно виднѣлось распятіе, а повсюду алебарды и пики, на концахъ которыхъ отражался огонь.

— Милостивый государь, спросилъ Гренгуаръ у своего сосѣда: — кто эти особы, которыя сидятъ какъ прелаты на соборѣ.

— Направо, это совѣтники верхней палаты, а налѣво, совѣтники слѣдственной комиссіи.

— А тамъ надъ нами, кто этотъ красный толстякъ?

— Это господинъ президентъ.

— А эти бараны сзади его? продолжалъ Гренгуаръ, нелюбившій судей. Причиной его нерасположенія была можетъ быть литературная неудача въ палатѣ юстиціи.

— Это королевскіе сборщики податей.

— А этотъ кабанъ, напротивъ его?

— Это парламентскій грёфе.

— А этотъ крокодилъ направо?

— Филипъ Лелье, экстраординарный королевскій адвокатъ.

— А налѣво, этотъ черный котъ?

— Жакъ Шармолю, духовный королевскій прокуроръ.

— Чтоже дѣлають здѣсь всѣ эти люди?

— Судяць.

— Кого судяць? я не вижу подсудимаго.

— Женщину. Вы не можете ее видѣть. Она стоитъ къ намъ задомъ и толпа ее заслоняетъ. Вонъ она тамъ, гдѣ такъ много алембардъ.

— Знаете вы, кто эта женщина?

— Нѣтъ, я только сейчасъ пришолъ. Только вѣрно дѣло идетъ о колдовствѣ, потомучто здѣсь духовные судьи.

— Ну, увидимъ, какъ эти духовные будутъ пить человѣческую кровь. Это зрѣлище стоитъ другого.

— Развѣ вы не находите, милостивый государь, что у Жака Шармолю очень кроткое лицо?

— Гм... отвѣчалъ Гренгуаръ. — Не довѣряю я кроткимъ лицамъ съ такими тонкими губами.

Тутъ сосѣди прервали ихъ разговоръ. Выслушивали очень важное показаніе.

— Государи мои, говорила старуха, лицо которой такъ было закрыто разнымъ тряпьемъ, что ее можно было принять за ходячую кучу лохмотьевъ: — что я вамъ говорю, также справедливо какъ то, что меня зовутъ Фалурдель и что я живу на мосту св. Михаила противъ красильщика. Теперь я ужь стара, но была красивая дѣвка смолоду, господа. Мнѣ говорили недавно добрые люди: Фалурдель, не сидите долго по вечерамъ за пряжей; дьяволъ любитъ путать своими рогами пряжу у старухъ. Страшный монахъ гово-

рять ходить по городу, смотрите, чтобъ онъ не зашелъ къ вамъ. Однажды вечеромъ я сидѣла за пряжей, вдругъ стучать въ дверь, я спрашиваю, кто? Мнѣ отвѣчаютъ ругательствомъ. Я отпираю. Входятъ два человѣка: одинъ весь въ черномъ, другой офицеръ. У чернаго видны были одни только глаза, точно горячіе угли; весь онъ закутанъ былъ въ плащъ. Они спросили у меня верхнюю комнату, самую чистую, и дали мнѣ эю. Я спрятала эю въ ящикъ и подумала: вотъ пойду завтра на бойню, куплю кишокъ. Мы пошли наверхъ. Только-что я успѣла отвернуться, черный пропалъ. Это меня удивило. Офицеръ, нарядный какъ вельможа, сошелъ со мною внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился съ хорошенькой дѣвушкой, только волоса у ней были очень лохматы. Съ ней былъ козель, большой козель, ужъ черный или бѣлый я непримѣтила. Я было призадумалась. Дѣвушка ничего, а козель-то!.. Я нелюблю этихъ звѣрей, у нихъ борода и рога, точно у мужчины, да они напоминаютъ и шабашъ. Впрочемъ я ничего не сказала. Деньги вѣдь впередъ отдали, что же тутъ разсуждать. Я проводила капитана съ дѣвушкой наверхъ и оставила однихъ, то-есть съ козломъ, а сама съѣла за пряжу. Надобно вамъ сказать, что въ моемъ домѣ есть подвальный этажъ и окна въ этомъ этажѣ и въ первомъ, выходятъ на рѣку. Вотъ я и прядла, только незнаю почему, пришелъ мнѣ въ голову страшный монахъ. Вдругъ, слышу наверху шумъ и какъ-будто что-то падаетъ изъ окошка; я бросилась къ своему окну и видѣла какъ привидѣніе, одѣтое монахомъ, бросилось въ воду. Была лунная ночь; я очень хорошо видѣла какъ онъ поплылъ къ старому городу. Я бросилась за стражей. Ночные сторожа пришли, и не видя въ чемъ дѣло, принялись было колотить меня. Я объяснила имъ и мы пошли наверхъ. Чтожъ мы увидѣли? Моя комната вся въ крови, капитанъ на полу, съ кинжаломъ въ горлѣ, дѣвушка вся растерзанная и прикинулась мертвой, козель мечется какъ угорѣлый. Ну, подумала я, теперь недѣли двѣ не домоешься пола, надо будетъ скоблить, это ужасъ! Офицера и дѣвушку вынесли. Помните, я не сказала самаго важнаго: На другой день, когда я хотѣла достать эю, онъ исчезъ, и на его мѣстѣ очутился сухой листокъ.

Старуха замолчала. Между слушателями пронесся ропотъ ужаса.

— Ну, здѣсь сильно припахиваетъ колдовствомъ, сказалъ совѣдъ Гренгуара: — козель и этотъ страшный монахъ...

— А сухой-то листокъ! сказалъ другой.

— Нѣтъ никакого сомнѣнiя, прибавилъ третiй : — эта колдунья стагнулась съ страшнымъ монахомъ, чтобъ обогреть офицера.

Самъ Гренгуаръ былъ готовъ допустить вѣроятность этихъ предположенiй.

— Фалурдель, торжественно произнесъ президентъ : — не имѣете ли вы еще какихъ показанiй ?

— Нѣтъ, монсеньеръ. Только въ протоколѣ мой домъ названъ грязной и вонючей дачужкой, а это очень обидно. Правда, дома на мосту не очень красивы, но въ нихъ не брезгаютъ жить и богатые мясники, съ очень красивыми жонами.

Господинъ, показавшiйся Гренгуару крокодиломъ, всталъ съ своего мѣста.

— Молчать! сказалъ онъ : — господа, прошу васъ не терять изъ вида, что у обвиненной найденъ кинжалъ. Фалурдель, принесла вы съ собой тотъ листокъ, въ который обратился эки ?

— Да, монсеньеръ, вотъ онъ.

Дизекунторъ передалъ сухой листъ крокодилу, который съ мрачнымъ видомъ отдалъ его президенту, а тотъ препроводилъ далѣе.

— Это березовый листъ, сказалъ Шармолю : — новое подтвержденiе колдовства.

Одинъ изъ совѣтниковъ всталъ.

— Свидѣтельница, къ вамъ взошло двое людей, офицеръ и монахъ, — который изъ нихъ далъ вамъ эки ?

Старуха подумала.

— Офицеръ, отвѣчала она.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— А, сказалъ Гренгуаръ : — вотъ это порождаетъ сомнѣнiе.

Филиппъ Делле опять началъ.

— Прошу васъ, господа, обратить вниманiе, что въ протоколѣ, составленномъ у постели раненаго офицера, изъ его собственнаго показанiя, значитося, что въ ту минуту, когда подошелъ къ нему чернiй человекъ, въ умѣ его мелькнула мысль о страшномъ монахѣ. Привидѣнiе непременно наставляло, чтобы онъ шолъ къ подсудимой, и на замѣчанiе офицера, что у него нѣтъ денегъ, вручило ему этотъ эки. Значить деньги эти во всякомъ случаѣ произведенiе ада.

Этотъ аргументъ казалось разсвѣлять сомнѣнiе Гренгуара и другихъ скептиковъ.

— Обо всемъ этомъ, прибавилъ королевскiй прокуроръ : —

можно справиться въ бумагахъ по дѣлу капитана Феба-де-Шато-перъ.

При этомъ имени обвиненная встала, и Гренгуаръ съ ужасомъ узналъ Эсмеральду.

Она была блѣдна. Ея прекрасные волосы были растрепаны, губы побѣлѣли, глаза ввалились.

— Фебъ, гдѣ онъ? вскричала она въ изступленіи. — Господа, прежде чѣмъ убьете меня, скажите мнѣ ради-бога, гдѣ онъ?

— Замолчи, женщина, сказалъ президентъ: — это не наше дѣло.

— О, изъ жалости, скажите мнѣ, живъ ли онъ? продолжала она, складывая свои предестныя руки, отчего цѣпи на нихъ зазвѣнѣли.

— Ну, сухо отвѣчалъ королевскій прокуроръ: — онъ умираетъ. Довольно-ты?

Несчастная опустилась на скамью безъ голоса, безъ слезъ, блѣдная какъ мраморная статуя.

Президентъ наклонился къ стоявшей у его ногъ личности, въ золотой шапкѣ, черномъ платьѣ, съ цѣпью на шеѣ и жезломъ въ рукахъ.

— Экзекуторъ, введите вторую обвиненную.

Всѣ глаза обратились къ маленькой двери, и представьте себѣ ужасъ Гренгуара, когда онъ увидѣлъ входящую козочку съ золотыми рожками. Изящное животное на минуту остановилось на порогѣ и протянуло шейку; вдругъ замѣтивъ цыганку, она перескочила черезъ столъ и голову одного протоколиста и очутилась у ногъ своей хозяйки, выпрашивая ласки или слова; но обвиненная не шевельнулась и не взглянула даже на бѣдную Джаги.

— А! да это тотъ скверный козелъ, я узнаю ихъ обѣихъ, сказала Фалурдель.

Жакъ Шармолю предложилъ приступить къ допросу козы.

Она-то и была вторая обвиненная. Въ тѣ времена животныя играли большую роль въ процессахъ. Между судебными отчетами, въ 1466 году есть любопытныя подробности процесса Гилье-Сулара и его свиньи, казненныхъ за беззаконія. Въ отчетѣ вычислены расходы на содержаніе свиньи въ тюрьмѣ и ея пищу, впродолженіи одиннадцати-дневнаго суда. Бывало и еще лучше. Въ постановленіяхъ Шарлеманя и Людовика простого назначены строжайшія наказанія огненнымъ привидѣніямъ, осмѣляющимся появиться на небѣ.

Духовный королевскій прокуроръ произнесъ громко:

— Если демонъ, сидящій въ этой козѣ и невышедшій несмотря на всѣ заклинанія, будетъ продолжать пугать народъ своимъ колдовствомъ, мы принуждены будемъ предать его огню или висѣлицѣ.

У Гренгуара выступилъ холодный потъ. Шармолю взявъ со стола тамбуринъ цыганки, и поставивъ его известнымъ образомъ козѣ, спросилъ :

— Который часъ ?

Коза взглянула на него своими умными глазами, подняла золотую лапку и ударила семь разъ. Восклицаніе ужаса раздалось въ толпѣ. Гренгуаръ не выдержалъ.

— Она себя губитъ ! вскричалъ онъ : вѣдь вы видите, что она сама не знаетъ что дѣлаетъ !

— Молчать тамъ въ концѣ ! крикнулъ экзекуторъ.

Шармолю, при помощи тамбурина, заставилъ козу сдѣлать много другихъ фокусовъ, которые уже известны читателю. Тѣже самые зрители, которые любовались козочкой на площадяхъ, пришли теперь въ ужасъ и окончательно признали ее чортомъ.

Королевскій прокуроръ высыпалъ на полъ изъ мѣшка азбуку, которую Джали прежде носила на шеѣ, и она лапкой составила несчастное слово : Фебъ. Тогда-то сдѣлалось вполне ясно, что капитанъ былъ жертва колдовства, и граціозная Эсмеральда превратилась въ глазахъ всего собранія въ отвратительную вѣдму.

Сама она не подавала ни малѣйшаго признака жизни; ни фокусы Джали, ни угрозы судей, ни проклятія зрителей, не долетали до ея слуха.

Чтобы извлечь ее изъ оцѣпененія, сержантъ грубо потрясъ ее за плечо, а президентъ возвысилъ голосъ.

— Женщина, ты обвиняешься въ томъ, что въ ночь 29 марта, при содѣйствіи тайныхъ силъ, и съ помощью заколдованнаго козла, манесла ударъ кинжаломъ капитану Фебу-де-Шатоперъ, изъ королевскихъ стрѣлковъ. Будешь ли ты еще отрицаться отъ этого ?

— Господи ! вскрикнула дѣвушка, закрывая лицо руками. — Мой Фебъ ! О это цѣлый адъ !

— Отнираешься ты отъ этого ? холодно спросилъ президентъ.

— Отнираюсь ли я ! вскричала она и выпрямилась ; глаза ея засверкали.

— Какже ты объяснишь обвинительные пункты ? продолжалъ президентъ.

Она отвѣчала прерывающимся голосомъ :

— Я уже говорила вамъ, что не знаю ; это былъ монахъ, монахъ, котораго я не знаю и который меня преслѣдуетъ.

— Такъ ! сказалъ судья : — вѣрно страшный монахъ.

— О, господа, съжалитесь надо мною ! я бѣдная дѣвушка...

— Египетской породы, сказалъ судья.

Шармолю началъ вкрадчивымъ голосомъ :

— Такъ-какъ обвиненныя упорствуютъ, я предлагаю прибѣгнуть къ пыткамъ.

— Согласны, отвѣчалъ президентъ.

Несчастная содрогнулась всѣмъ тѣломъ. Она однакожъ встала и довольно твердымъ шагомъ послѣдовала за Шармолю и его свитой между двумя рядами алебардъ. Дверь, затворившаяся за нею, показала Гренгуару огромной пастью.

Когда она ушла, раздалось жалобное баяніе. Это плакала козочка.

Аудіенція была прекращена на время. Одинъ изъ совѣтниковъ замѣтилъ, что судьи устали и ждать конца пытки еще долго, на что президентъ отвѣчалъ, что нужно умѣть жертвовать собою во имя долга.

— Скверная тварь ! сказалъ одинъ старый судья : — довести себя до пытки, когда добрые люди еще не ужинали !

II

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕВРАЩЕННАГО ВЪКУ

Пройдя нѣсколько такихъ темныхъ коридоровъ, что какъ освѣщали лампами среди дня, стража втокнула Эсмеральду въ ужасную комнату. Эта круглая комната занимала нижній этажъ одной изъ тѣхъ башенъ, которыя сохранились еще въ нашемъ новомъ Парижѣ. Въ ней не было оконъ и только одна огромная желѣзная дверь. Свѣта однакожъ было довольно ; въ стѣнѣ было сдѣлано углубленіе и въ немъ горѣлъ яркій огонь, наполнявшій комнату краснымъ пламенемъ и вовсе уничтожавшій блѣдный огонь сальной свѣчи, поставленной въ углу. Желѣзная рѣшетка у очага казалась рядомъ чорныхъ зубовъ, а самая печь пастью сказочнаго дракона, извергающей пламя. Эсмеральда увидѣла множество страшныхъ предме-

тогъ, употребленіе которыхъ было ей неизвѣстно. Почти на самомъ полу былъ кожаный матрацъ, прикрѣпленный ремнями къ кольцу, которое скульптурное чудовище на потолокъ держало въ своей пасти. Щипцы, клещи, желѣзныя полосы, были наложены въ печи. Красное пламя освѣщало множество ужасныхъ предметовъ.

Этотъ тартаръ назывался просто *комнатой для допросовъ*.

На постелѣ небрежно сидѣлъ Пьера Тортерю. Его прислужники въ кожаныхъ фартукахъ мѣшали огонь въ печи.

У бѣдной дѣвушки исчезло все мужество.

Сержанты стали съ одной стороны, духовные съ другой. За столомъ сидѣлъ писарь. Шармолю подошелъ къ цыганкѣ съ сладкой улыбкой.

— Такъ вы не хотите сознаться, дитя мое?

— Нѣтъ отвѣчала она чуть слышнымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы къ сожалѣнію, принуждены будемъ допрашивать васъ настоятельнѣе, чѣмъ бы желали. Потрудитесь сѣсть на эту постель. Пьера, дайте мѣсто и затворите дверь.

Пьера приподнялся съ ворчаньемъ.

— Если я затворю дверь, огонь погаснетъ, сказалъ.

— Ну такъ не затворяйте ее, мой другъ.

Между тѣмъ Эсмеральда стояла. Ее пугала эта постель, на которой мучилось столько несчастныхъ. Она оледенѣла отъ ужаса. По знаку Шармолю, два прислужника палача посадили ее. Они не сдѣлали ей ничего, но отъ одного ихъ прикосновенія, вся кровь прилила ей къ сердцу. Она обвела комнату мутнымъ взглядомъ. Ей показалось, что изъ всѣхъ угловъ ползутъ на нее орудія пытки.

— Гдѣ докторъ? спросилъ Шармолю.

— Здѣсь, отвѣчала черная фигура, которой она еще не замѣтила.

Она вздрогнула.

— Вы все еще отказываетесь? спросилъ въ третій разъ медовой голосъ прокурора.

На этотъ разъ она кивнула только головою: голоса у ней не было.

— Очень жаль, но я долженъ исполнить свою обязанность. — Господниъ прокуроръ, съ чего мы начнемъ? рѣзко спросилъ Пьера.

Шармолю подумалъ съ видомъ поэта, приискивающего рифму.

— Съ колодки, отвѣчалъ онъ.

Бѣдняжка почувствовала себя до того позвинутою людьми и Богомъ, что голова ея упала на грудь, какъ у мертвой.

Палачъ и медикъ въ одно время подошли къ ней. Прислужники начали рыться въ своемъ чудовищномъ арсеналѣ. При этомъ звукъ несчастная дѣвушка вздрогнула какъ мертвая лягушка, которую гальванизируютъ.

— О, мой Фебъ! произнесла она такъ тихо, что никто не слышалъ и опять впала въ оцѣпенѣнїе.

Взгляды на нее смягчили бы всякаго, кромѣ судей. Она походила на грѣшную душу, допрашиваемую сатаною при адскомъ пламени. Это бѣлое, нѣжное тѣло, дѣлалось жертвою рукъ палача; это хрупкое зерно отдавалось адскому жорнову пытки.

Грубая рука помощниковъ Пьера уже обнажила ея прелестную ножку, столько разъ удивлявшую своей граціей жителей Парижа.

— Жалко! произнесъ мучитель, рассматривая эти нѣжныя формы. — Будь здѣсь архидіаконъ, онъ бы припомнилъ свой символъ паука и мухи.

Скоро несчастная увидѣла колодку и ножка ея исчезла между досками этого страшнаго орудія. Ужась придавъ ей силы.

— Снимите это! сжальтесь! вскричала она.

Она вскочила съ кровати, чтобъ броситься въ ноги прокурора, но тяжолая колодка удержала ее и она опустила, какъ пчелка съ порванными крылышками.

По знаку Шармолю ее опять посадили на постель и прикрѣпили ремнями.

— Въ послѣдній разъ, признаетесь ли вы? спросилъ Шармолю.

— Я невинна.

— Какже вы объясняете обвинительные пункты?

— Боже мой! я не знаю.

— Такъ вы отрицаете?

— Все.

— Начинайте, сказалъ Шармолю.

Пьера сдвинулъ колодку и несчастная испустила ужасный крикъ.

— Пойдите, сказалъ Шармолю. — Сознаетесь ли вы теперь?

— Во всемъ! вскричала бѣдная дѣвушка. — Сознаюсь! Сжальтесь!

Она слишкомъ понадѣялась на свои силы. Бѣдное дитя, ея

жизнь была такая веселая, счастливая, что она не устояла при первой боли.

— Человѣколюбіе заставляетъ меня сказать вамъ, продолжалъ Шармолю: — что признаніе поведетъ васъ къ смерти.

— О, на нее—то я и надѣюсь! отвѣчала она и склонилась надъ постелью, безъ силъ и воли.

— Ну, будьте бодрые, моя милая, сказалъ Пьера, поднимая ее: — вы точно золотой баранъ на шеѣ у герцога бургонскаго.

— Гретье, пишите, сказалъ Шармолю: — виновная признается, что принимала участіе въ сборищахъ, шабашахъ и колдовствахъ вѣдьмъ. Отвѣчайте.

— Да, сказала она чуть слышо.

— Вы признаетесь, что видѣли козла, котораго Вельзевулъ высылаетъ обирать шабашъ и котораго могутъ видѣть лишь одни колдуны.

— Да.

— Вы сознаетесь, что имѣли постоянное сношеніе съ дьяволомъ, въ образѣ бѣлой козы, причастной процессу.

— Да.

— Наконецъ вы сознаетесь и утверждаете, что съ помощью привидѣнія, въ простонародьи называемаго страшнымъ монахомъ, въ ночь двадцать девятого марта, убили капитана Феба-де-Шатоперь.

Она машинально подняла на судью свои большіе глаза и отвѣчала безъ содроганія:

— Да.

Очевидно, что она вся была разбита.

— Гретье, пишите, сказалъ Шармолю. — Отвѣжите подсудимую и введите ее опять въ присутствіе.

Когда сняли колодку, прокуроръ осматрѣлъ ногу цыганки.

— Ничего, вы вовремя вскрикнули. Съ этой ногой можно бы еще танцевать! Потомъ обращаясь къ своимъ спутникамъ: — Наконецъ мы имѣемъ всѣ свѣдѣнія! Я спокоенъ. Подсудимая отдастъ намъ справедливость, что мы поступали со всей возможной деятельностью.

III

КОНЕЦЪ ПРЕВРАЩЕННАГО ЭКЮ

Когда она, блѣдная и прихрамывающая, вошла въ залу, ее встрѣтилъ ободрительный ропотъ. Это было удовлетворенное нетерпѣвіе толпы по окончаніи послѣдняго антракта драмы. Со стороны судей, это была надежда на скорый ужинъ. Козочка тоже заблеяла отъ радости. Она хотѣла броситься къ своей хозяйкѣ, но ее привязали къ скамьѣ.

Ночь совсѣмъ наступила. Свѣчи бросали такой слабый свѣтъ, что почти невидно было стѣны комнаты. Всѣ предметы были облечены какимъ-то туманомъ. Едва выяснялось нѣсколько апатическихъ лицъ судей. Напротивъ ихъ, на самомъ концѣ залы, виднѣлась бѣлая точка на темномъ фонѣ. То была подсудимая.

Она дотацилась до своего мѣста. Когда Шармолю тоже дошло до своего, онъ сѣлъ, потомъ всталъ опять и произнесъ, не выказывая излишней гордости по случаю успѣха: подсудимая во всемъ призналась.

— Женщина, спросилъ президентъ, ты призналась въ колдовствѣ, развратѣ и убійствѣ Феба де-Шатопера?

Сердце ея разрывалось. Она зарыдала. Во всемъ въ чемъ хотите, отвѣчала она тихо, только убейте меня поскорѣ!

— Господинъ прокуроръ, сказалъ президентъ, палата готова выслушать вашъ протоколъ.

Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ представить читателямъ всей латинской рѣчи Жака Шармолю, въ которой всѣ доказательства были основаны на цicerоновскихъ перифразахъ. Ораторъ декламировалъ съ такимъ жаромъ, что еще при концѣ вступленія, съ него капалъ потъ градомъ. Вдругъ, въ половинѣ одного періода, онъ остановился въ взглядъ его, всегда кроткій, принявъ грозное выраженіе. Господи! вскричалъ онъ (уже пофранцузски, потому что этого не было въ тетрадкѣ), сатана принимаетъ такое участіе въ этомъ дѣлѣ, что присутствуетъ при нашихъ преніяхъ. Посмотрите! и онъ указывалъ на козу, которая видя какъ Шармолю жестикулируетъ, сѣла на заднія лапки и повторяла его патетическія пантомимы. Читатели помнятъ, что это былъ одинъ изъ ея лучшихъ фокусовъ. Это

послѣднее *доказательство* произвело сильное впечатлѣніе. Козѣ связали лапки и прокуроръ продолжалъ свое краснорѣчіе. Рѣчь была очень длинна, но прекрасна.

Когда Шармолю кончилъ, поднялся другой человекъ въ черномъ платьѣ: это былъ адвокатъ. Проголодавшіеся судьи встрѣтили его ропотомъ.

— Адвокатъ, говорите короче, замѣтилъ президентъ.

— Господинъ президентъ, отвѣчалъ адвокатъ: — такъ какъ подсудимая во всемъ созналась, мнѣ остается сказать только одно слово. Вотъ текстъ салического закона: Если вѣдьма съѣла человека и была уличена, она платитъ штрафъ въ восемь тысячъ денье. Не благоугодно ли будетъ, палатѣ присудить мою клиентку только изъ штрафа.

— Текстъ вышедшій изъ употребленія, сказалъ королевскій адвокатъ.

— *Nejo*, отвѣчалъ первый.

— На голоса! предложилъ кто-то: — злодѣйство доказано и уже поздно.

Голоса начали собирать тутъ же. Судьи снимали шапки въ отвѣтъ на вопросъ, тихо предлагаемый имъ президентомъ. Обвиненная смотрѣла на нихъ ничего не видя.

Грефъ началъ писать и передалъ президенту длинный пергаментъ. Народъ зашевелился и ледяной голосъ произнесъ:

— Женщина! въ тотъ день, когда угодно будетъ королю, нашему господину, тебя повезутъ въ телегѣ, въ сорочкѣ, босикомъ и съ веревкой на шеѣ къ большому соборному вѣсталу, чтобы принести покаяніе съ двухъ фунтовой восковой свѣчей въ рукахъ; оттуда, тебя сведутъ на Гревскую площадь, гдѣ и повѣсятъ вмѣстѣ съ козой; сверхъ того, ты заплатишь духовному суду три золотыхъ въ искупленіе колдовства, разврата и убійства, совершеннаго надъ *Фебларъ де-Шатонерь*. Да опуститъ Богъ грѣхи тебѣ!

— О, это сонъ! прошептала она и почувствовала что сильными руками увозятъ ее изъ залы.

IV

LASCIATE OGNI SPERANZA

Въ средніе вѣка большія зданія строились не только на поверхности, но и подъ землею. Если церковь, дворецъ или крѣпость не были построены на сваяхъ, какъ соборъ богородицы, у нихъ всегда было двойное дно. Въ каждомъ соборѣ былъ еще другой соборъ, подземный, темный, таинственный и нѣмой. Подъ мѣстоми алтаря бывали часто гробницы; въ замкахъ и бастиліяхъ тюрьмы или гробницы, а иногда и то другое вмѣстѣ. Эти могучія постройки пускали глубокіе корни въ видѣ комнатъ, галерей, лѣстницъ и проч. Подвальный этажъ наружнаго зданія служилъ предверіемъ къ подземному, отражавшему. Безчисленные этажи перваго, какъ рѣка или озеро отражаетъ стоящія на ея берегу предметы.

Въ бастиліи Сент-Антуанъ, въ палатѣ юстиціи, въ Луврѣ, подвальные зданія были тюрьмами, которыя шли суживаясь къ низу. Это были отдѣленія дантова ада, кончавшіяся углубленіемъ, въ которомъ онъ помѣстилъ сатану, а общество помѣщало осужденныхъ на смерть. Какъ скоро попадало туда несчастное созданіе,—прощай свѣтъ, воздухъ, жизнь, огни speranza; изъ него выходили только ша костеръ или вистлицу. Иногда люди тамъ и сгнивали; челоуѣческое правосудіе ихъ забывало. Между міромъ и головой осужденнаго была, цѣлая масса камней и тюремщиковъ, вся бастилія составляла громадный замокъ, запиравшій его отъ живого міра.

Въ такого-то рода тюрьму помѣстили бѣдную Эсмеральду, въ-рѣштво опасаясь побѣга.

Провидѣніе и общество были одинаково несправедливы въ этомъ случаѣ: к чему такая громада несчастія и истязаній, чтобы разбить такое слабое созданіе!

Его погребли въ этихъ сырыхъ, темныхъ, тяжелыхъ стѣнахъ. Тотъ кто видѣлъ ее танцующую и веселую на чистомъ воздухѣ, конечно содрогнулся бы отъ ужаса. Она была холодна какъ мертвая: ни свѣта, ни воздуха, ни челоуѣческаго голоса вокругъ! согнувшись вдвое, истомленная цѣпями, она сидѣла на соломѣ, безъ всякаго движенія. Подъ нею и вокругъ нея образовалась грязная лужа воды, стекающей съ сырыхъ стѣнъ; она даже потеряла силу страдать.

Фобъ, солнечные лучи, чистый воздухъ, Парижъ, пляска и шумныя рукоплесканія, сладкія слова любви, потомъ монахъ, старуха, кимжалъ, кровь, пытка, висьлица, все это мелькало въ ея умъ, то какъ золотое видѣніе, то какъ чудовищный кошмаръ; но все это было какъ будто гдѣ-то далеко въ туманѣ. Съ тѣхъ поръ какъ бѣдняжку спустили подъ землю, она была въ какомъ-то полуснѣ. Она не въ состояніи была отличить мечту отъ дѣйствительности, день отъ ночи. Все смѣшалось, спуталось въ ея мысляхъ. Она не чувствовала, не сознавала, не думала, но все какъ будто видѣла во снѣ.

Скорчившись машинально отъ холода, она и не замѣтила, какъ гдѣ-то надъ ея головою открывался люкъ и чья-то рука бросила ей корку хлѣба. А между тѣмъ, это періодическое посѣщеніе тюремщика было единственнымъ сообщеніемъ между людьми и ею. Одна вещь занимала ее, почти бессознательно: надъ ея головою сырость просачивалась сквозь заплѣснѣлые камни свода и падала каплями на камень. Она бессмысленно прислушивалась къ шуму производимому этими каплями въ лужѣ подлѣ ея ногъ.

Эти капли падающія въ лужу были единственнымъ движеніемъ, происходящимъ вокругъ нея, единственнымъ маятникомъ, означущимъ время, единственнымъ звукомъ, долетающимъ до нея изъ мірада земныхъ звуковъ.

Также чувствовала она по временамъ, какъ что-то холодное проползало по ея рукамъ или ногамъ и она содрогалась въ темнотѣ.

Она не знала сколько времени прѣвела въ этомъ ужасномъ положеніи. Ей помнилось только, что гдѣ-то и надъ кѣмъ-то прозвоненъ приговоръ, что ее унесли и она очнулась въ этомъ ледяномъ мракѣ. Она поползла было на рукахъ, но желѣзныя кольца впились ей въ икры и зазвучали цѣпи. Она убѣдилась, что вокругъ нея четыре стѣны, а подъ нею пукъ соломы въ лужѣ. Она садилась то на эту солому, то на послѣднюю ступеньку каменной лѣстницы. Разъ, она попробовала было считать минуты, отмѣриваемыя паденіемъ капли, но занятіе это прервалось само собою въ ея утомленномъ умѣ и она впала въ прежнее отупѣніе.

Вдругъ, днемъ или ночью неизвѣстно (день и ночь видѣтъ не различались въ этомъ вѣчномъ мракѣ) она услышала надъ своей головою стукъ сильнѣе обыкновеннаго. Она подняла голову и увидѣла красноватый лучъ, проникающій въ отверстіе. Дверь закричала на желѣзныхъ петляхъ, показалась рука, фонарь и ноги двухъ лю-

дѣл: отверстіе было такъ низко, что головъ ихъ нельзя было видѣть. Внезапный свѣтъ заставилъ ее закрыть глаза.

Когда она ихъ открыла, дверь была заперта, фонарь стоялъ на ступенькѣ лѣстницы и въ тюрьмѣ былъ одинъ человекъ. Онъ весь былъ закрытъ чернымъ, такъ что не видно было ни рукъ ни лица, а только черный саванъ, подъ которымъ что-то шевелилось. Она нѣсколько минутъ пристально смотрѣла на него; оба молчали. Это было свиданіе двухъ статуй; живыми предметами въ тюрьмѣ были казалось только трещавшая свѣтильня фонаря, да капля падающая со свода.

Эмеральда первая прервала молчаніе.

— Кто вы?

— Священникъ.

Слово и звукъ голоса заставили ее вздрогнуть.

Священникъ продолжалъ глухо.

— Готовы ли вы?

— Къ чему?

— Къ смерти.

— Такъ это будетъ скоро!

— Завтра.

Головка ея, приподнявшаяся было радостно, вновь опустилась.

— Какъ еще долго! прошептала она, почему бы не сегодня?

— Такъ вы очень несчастны? спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, священникъ.

— Мнѣ такъ холодно! отвѣчала она.

Она взяла руками свои ноги, — жестъ свойственный всѣмъ бѣднякамъ, которымъ очень холодно и который мы уже замѣтили у затворницы башни Роланда, — ея зубы стучали.

Священникъ обвелъ глазами тюрьму. Безъ огня! безъ свѣта! въ водѣ! это ужасно!

— Да, отвѣчала она съ своимъ растеряннымъ видомъ. Свѣтъ принадлежитъ всѣмъ, зачѣмъ же меня лишаютъ свѣта?

— Знаете ли за что вы здѣсь? спросилъ опять священникъ.

— Кажется знала, отвѣчала она, проводя рукою по бровямъ, какъ будто для того чтобъ припомнить: — но теперь ужъ не знаю.

Вдругъ, она заплакала какъ ребенокъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось отсюда. Мнѣ холодно, я боюсь! по мнѣ ползаютъ какіе-то гады.

— Ну, ступайте за мною!

Говоря это священникъ, взялъ ее за руку. Несчастная почти уже окостенѣла отъ холода, но прикосновеніе къ этой рукѣ, все же оледенило ее.

— О, прошептала она, это холодная рука смерти. — Ктоже вы?

Священникъ открылъ лицо, она взглянула. Это было тѣ ужасное лицо, которое преслѣдовало ее такъ долго, та демонская голова, которая явилась ей у Фалурдель надъ обожаемой головой Феба, тотъ самый взглядъ, который блисталъ надъ кинжаломъ.

Это явленіе, всегда гибельное для нея и вовлекшее ее въ такую бездну несчастія, вывело ее изъ оцѣпенѣнія. Память ея стала ясной. Всѣ подробности страшной драмы, отъ дома Фалурдель до суда, разомъ воскресли въ ея памяти съ ужасающей ясностью. Мрачная фигура, стоящая передъ нею, оживила всѣ воспоминанія, пригипленные слишкомъ сильной мукой, какъ огонь, поднесенный къ бумагѣ, вызываетъ буквы, написанныя симпатическими чернилами. Ей показалось, что всѣ раны ея сердца раскрылись въ одно мгновеніе.

— Ахъ! вскричала она, закрывая глаза рукою, это монахъ!

Потомъ въ отчаяніи, опустила руки и сидѣла безмолвная, продолжая дрожать всѣмъ тѣломъ.

Клодь Фролло смотрѣлъ на нее взоромъ ястреба, долго описывавшаго круги въ воздухѣ надъ бѣднымъ жаворонкомъ, сидящимъ во ржи, и вдругъ спустившагося на свою жертву и державшаго ее въ своихъ когтяхъ всю трепещущую.

Она тихо заговорила.

— Ну, довершайте! послѣдній ударъ! и съ ужасомъ прятала голову въ колѣни, какъ овечка, ожидающая удара ножомъ.

— Я навожу на васъ ужасъ? сказалъ онъ наконецъ.

Губы ея подернулись, какъ отъ принужденной улыбки.

— Да, сказала она, палачъ пришлошь посмѣяться надъ жертвой. Онъ преслѣдуетъ меня цѣлые мѣсяцы, угрожаетъ, пугаетъ меня! Безъ него, боже мой, какъ я была счастлива! Онъ бросилъ меня въ эту бездну! О боже, онъ убилъ... онъ убилъ моего Феба! и разразившись рыданіемъ: О, кто ты, ужасный человекъ! что я тебѣ сдѣлала? Ты меня очень ненавидишь, но за что, боже мой?

— Я люблю тебя! вскричалъ Клодь Фролло.

Ея слезы мгновенно остановились, она взглянула на него тупымъ взглядомъ. Онъ упалъ на колѣни и впился въ нее глазами.

— Слышишь ли, я люблю тебя!

— Какая любовь! сказала содрогаясь, несчастная.

— Любовь проклятаго! отвѣчалъ онъ.

Оба молчали нѣсколько минутъ, подавленные тяжестью впечатлѣній, — онъ обезумѣвшій, она огунѣвшая.

— Слушай, сказалъ Клодь, и къ нему воротилось странное спокойствіе, — ты все узнаешь. Я скажу тебѣ все, въ чемъ едва осмѣливался признаваться самому себѣ въ тѣ глубокіе часы ночи, когда бываетъ такъ темно, что кажется самъ Богъ насъ уже не видѣть. Слушай: пока я не встрѣтилъ тебя, я былъ счастливъ.

— А я! тихо прошептала она.

— Не прерывай меня. Да, я былъ счастливъ; по крайней-мѣрѣ, считалъ себя счастливымъ. Я былъ чистъ, душа моя была ясна. Ни одна голова не поднималась съ большею гордостью. Священники совѣщались со мною о чистотѣ жизни, ученые о наукахъ. Да, наука была для меня всѣмъ: это была моя сестра и я довольствовался сестрой. Мысли мои не измѣнились и съ лѣтами. Часто страсти закипали во мнѣ, при видѣ женщины. Сила страсти и половая потребность, которую я думалъ, что навсегда заглушилъ въ себѣ, тяжело давали мнѣ чувствовать силу добровольныхъ оковъ, которыми я сковалъ себя съ холодными камнями алтаря. Но постъ, молитва, монастырская дисциплина и наука побѣждали плоть. Ктому же я избѣгалъ женщинъ, и мнѣ стоило только раскрыть книгу, чтобы всѣ нечистые помыслы какъ дымъ разсѣялись передъ чистымъ свѣтомъ науки. Въ нѣсколько минутъ, далеко отлетали земныя тревоги и я становился спокоенъ и ясенъ передъ свѣтиломъ вѣчной истины. Пока демонъ избиралъ для моего искушенія только неясныя образы женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ на улицахъ, въ церквахъ и которыя едва являлись въ моихъ сновидѣніяхъ, побѣда была нетрудна. Увы, самъ Богъ не допустилъ меня восторжествовать совершенно: зачѣмъ онъ человѣку не далъ силы, равной съ демонской. Слушай! однажды...

Здѣсь священникъ остановился, и Эсмемальда услышала его ускоренное дыханіе.

— Однажды я сидѣлъ у окна своей кельи... Что я читалъ тогда? О, все смѣшалось теперъ въ моей головѣ!.. Я читалъ. Окно выходило на площадь. Я услышалъ звуки музыки и тамбурина. Недовольный, что прерываютъ мои мечты, я выглянулъ на площадь. То что я видѣлъ, видѣли также и многіе другіе, а между тѣмъ подобное зрѣлище не для глазъ человѣческихъ. Посреди улицы, — былъ полдень,

солнце свѣтило ярко, — танцовало существо такое прелестное, что ангелъ позавидовалъ бы ея красоту! Глаза у ней были черные, великолѣпные; въ роскошныхъ черныхъ волосахъ играло солнце, ножки ея вертѣлись такъ быстро, что глазъ почти не могъ уловить ихъ. На головѣ у ней, между черными косами, сверкали металлическія украшенія и составляли ей какъ бы вѣнокъ изъ звѣздъ. Ея голубое платье, усыянное блестками, сверкало какъ лѣтняя ночь. Ея стройныя смуглыя руки, обвивались вокругъ талии, какъ два шарфа. Формы ея тѣла были невыразимо прекрасны. О, чудное созданіе, разливающее особый свѣтъ, даже на площади, осыпанной полуденными лучами!.. Увы, это была ты. Удивленный, въ упоеніи, я не могъ оторвать отъ тебя глазъ. Я смѣтрѣлъ на тебя такъ долго, что вдругъ вздрогнулъ отъ ужаса, — я почувствовалъ, что со мной совершалось что-то роковое.

Задыхающійся Клодъ смолкъ на минуту, потомъ продолжалъ.

— Уже подпавши искушенію, я старался найти какую-нибудь точку опоры. Я вспомнилъ прежнія сѣти сатаны. Существо, поразившее меня, одарено было такой красотой, которая можетъ быть только даромъ самаго неба или ада. Это была не простая дѣвушка, созданная изъ горсти земли и освѣщенная слабымъ лучомъ, составляющимъ душу женщины. Это былъ ангелъ, но ангелъ тьмы! то было пламя, а не свѣтъ! Въ ту минуту, какъ я подумалъ это, я увидѣлъ подлѣ тебя козу, проклятое животное, которое смотрѣло на меня съ усмѣшкой. Полуденное солнце дѣлало ея рога огненными. Тогда я ясно увидѣлъ дьявольскія сѣти и не сомнѣвался, что ты послана адомъ на мою погибель. Я вѣрилъ этому.

Тутъ онъ взглянулъ въ лицо дѣвушкѣ и холодно прибавилъ:

— Я и теперь этому вѣрю. Межау тѣмъ, колдовство мало-помалу совершалось: твои танцы кружили мнѣ голову. Все чему слѣдовало бодрствовать, засыпало въ моей душѣ, и подобно умирающимъ въ снѣгу, я съ удовольствіемъ предавался этому сну. Вдругъ ты начала пѣть; что было мнѣ дѣлать, несчастному? Пѣніе твое было еще плѣнительнѣе танцевъ. Я хотѣлъ бѣжать и не имѣлъ силы. Я былъ прикованъ, я приросъ къ каменному полу. Мнѣ казалось, что плиты поднялись мнѣ до коленъ. Надо было остаться до конца. Ноги мои оледенѣли, а голова горѣла. Наконецъ, ты вѣрно сжалась надо мною, перестала пѣть и исчезла. Отблескъ лучезарнаго видѣнія, отголосъ упоительной музыки мало-помалу исчезли изъ моихъ глазъ и слуха. Тогда я упалъ на подоконникъ, какъ раз-

битая статуя. Вечерній благовѣсть разбудилъ меня. Я всталъ и обѣжалъ, но увы! внутри меня упало что-то, чему ужъ не подняться, и случилось нѣчто, отъ чего убѣжать не было возможности.

Онъ опять остановился и продолжалъ :

« Да, съ этого дня, во мнѣ сталъ жить человекъ, котораго я не зналъ до той поры. Я употребилъ все свои средства : монастырь, молитву, работу, книги, — безуміе ! О, какой пустой звукъ издаетъ наука ; когда стучишься въ ея область съ отчаяньемъ и сердцемъ исполненнымъ страсти ! Знаешь ли ты, что я видѣлъ всегда между собою и книгой ? Тебя, твою тѣнь, тотъ свѣтлый образъ, который разъ предсталъ передо мною, но образъ этотъ казался мнѣ уже темнымъ, мрачнымъ, зловѣщимъ, какъ тотъ черный кругъ, который долго преслѣдуетъ зрѣніе неосторожнаго, слишкомъ долго смотрѣвшаго на солнце.

« Не имѣя силъ позабыть, слыша всегда отголосокъ твоей пѣсни, видя твои ножки на страницахъ молитвенника, чувствуя ночью, во снѣ, прикосновеніе твоего стройнаго тѣла, я рѣшился дотронуться до тебя, узнать что ты такое, убѣдиться подходишь ли ты къ тому идеальному образу, который остался въ моей головѣ, можетъ-быть разбить мечту о дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, я надѣялся, что второе впечатлѣніе изгладитъ первое, а первое сдѣлалось мнѣ невыносимо. Я искалъ тебя и нашолъ. Несчастіе ! Увидѣвъ тебя два раза, я пожелалъ видѣть тысячу разъ, всегда, каждую минуту. Тогда какже остановиться на этой адской дорогѣ ? Тогда я пересталъ принадлежать себѣ. Другой конецъ нити, прикрѣпленной къ моимъ крыльямъ, демонъ привязалъ къ твоимъ ногамъ. Я сдѣлался такимъ же странникомъ какъ ты. Я ждалъ тебя на улицахъ, подстерегалъ со своей башни. Каждый вечеръ, я возвращался все болѣе околдованнымъ и погибшимъ !

« Я зналъ кто ты : египтянка, цыганка, гитана, зингара. Какъ сомнѣваться въ твоёмъ колдовствѣ ? Слушай. Я надѣялся, что преданіе тебя суду избавитъ меня отъ злого духа. Одна колдунья приворожила Бруно д'Аста ; онъ довелъ ее до костра и вылечился. Я тоже хотѣлъ попробовать этого средства. Я началъ съ того, что запретилъ тебѣ являться на соборную площадь ; я надѣялся позабыть тебя, не видя. Ты не послушалась и возвратилась. Мнѣ пришла мысль похитить тебя. Однажды ночью, мнѣ удалось это ; насъ было двое. Ты была уже въ нашихъ рукахъ, когда явился тотъ проклятый офицеръ и освободилъ тебя, Этимъ, онъ положилъ начало твоему,

своему и моему несчастію. Не зная уже что начать, я донесъ на тебя духовному суду. Я думалъ излечиться какъ Бруно д'Астъ. Думалъ я также, не отдавая себѣ отчета, что процессъ предастъ тебя въ мой руки, что въ тюрьмѣ ты не уйдешь отъ меня, что ты такъ давно держала меня въ своей власти, что могу наконецъ и я одинъ часть обладать тобою. Когда начинаешь зло, надо его доканчивать. Остановиться на половинѣ — безуміе! Бездна преступленія имѣтъ свою прелесть. Священникъ и колдунья могутъ извѣдать адское счастье на двѣ мрачной тюрьмы.

«Я донесъ на тебя. Съ той-то минуты, сталъ я пугать тебя моимъ преслѣдованіемъ. Гроза, которую я собиралъ надъ твоей головою, проявлялась въ моихъ угрозахъ и проклятiahъ. Однакожъ, я все еще колебался. Мрачныя стороны моего намѣренія приводили меня самого въ ужасъ.

«Быть-можетъ я и отказался бы отъ него; можетъ-быть моя гнусная мысль изсохла бы въ моемъ умѣ, не принеся плода. Я думалъ, что отъ одного меня будетъ зависѣть продолжать или прекратить процессъ. Но горе лелѣющему мрачныя мысли! Я считалъ себя сильнымъ, — судьба была сильнѣе меня. Увы, улы! она сама предала тебя на жертву моего страшнаго плана. Слушай! Я близокъ къ концу.

«Однажды, тоже въ прекрасный ясный день, мимо меня прошелъ человѣкъ, со смѣхомъ произнесшій твое имя. Проклетіе! Я послѣдовалъ за нимъ и ты знаешь остальное.»

Онъ замолчалъ. Молодая дѣвушка произнесла одно только слово: — О, мой Фебъ!

— Только не это имя! вскричалъ Клодъ, схвативъ ее за руку. Не произноси этого имени! О, мы несчастные, это имя насъ погубило! Или мы все погубили другъ друга по необъяснимой волѣ рока. Ты страдаешь? тебѣ холодно; мракъ ослѣпляетъ тебя, тюрьма пугаетъ; но можетъ быть внутри тебя есть хоть одна свѣтлая искра, хотя та дѣтская любовь къ пустому человѣку, игравшему твоимъ сердцемъ. Но я? я ношу мрачную тюрьму внутри себя; во мнѣ вѣчная зима, вѣчное отчаяніе, вѣчная ночь. Знаешь ли ты сколько я выстрадалъ? Я присутствовалъ при твоемъ допросѣ въ числѣ судей. Да, подъ одной изъ монашескихъ рясъ были скрыты мученія проклятаго. Я былъ тамъ, когда ввели тебя, былъ тамъ, когда тебя допрашивали! Я зналъ, что каждый шагъ, каждое слово ведетъ тебя къ висѣлицѣ; я присутствовалъ, когда это хищное животное...

О, я не могъ предвидѣть пытки! Слушай. Я послѣдовалъ за тобою въ скорбную комнату. Я видѣлъ какъ тебя раздѣвали, видѣлъ тебя полунагую въ рукахъ палача. Я видѣлъ твою ногу, ногу, на которой я готовъ бы былъ напечатлѣть одинъ только поцѣлуй и умереть, ногу, за которую я съ наслажденіемъ далъ бы раздавить свою голову; я видѣлъ, какъ на нее надѣли орудіе пытки, превращающее человѣческое тѣло въ комокъ грязи. О, несчастный, видя все это, я колотъ себя въ грудь кинжаломъ. Когда ты вскрикнула, я глубоко вонзилъ его въ тѣло; при второмъ крикѣ, онъ бы вошелъ въ мое сердце. Посмотри, кровь еще течетъ изъ раны.

Онъ раскрылъ свою рясу. Грудь его была исцарапана точно когтями тигра, а на боку была еще незажившая рана.

Эсмемальда отодвинулась въ ужасѣ.

— О, сказалъ онъ, сжался надъ мною. Ты считаешь себя несчастной, увы! ты еще не знаешь истиннаго несчастія. О, любить женщину! быть ненавидимымъ! Любить всѣми силами своей души, чувствовать, что отдашь всю кровь, всю внутренность, славу, безсмертіе, вѣчность за одну лишь улыбку; ежеминутно сожалѣть, что не можешь быть королемъ, геніемъ, чтобъ все бросить къ ея ногамъ! Мечтать о ней всѣ дни и ночи и видѣть, что она любитъ мундиръ солдата! и не мочь ей предложить ничего кромѣ черной рясы, которая приведетъ ее въ ужасъ. Присутствовать съ демонской ревностью при томъ, какъ она отдаетъ всѣ сокровища красоты и нѣжности жалкому фанфарону! Видѣть это тѣло, формы котораго прожигаютъ меня насквозь, видѣть его содрагающимся и млѣющимъ отъ поцѣлуевъ другого! О, боже мой! любить ея ноги, руки, плечи, думать обо всѣхъ голубыхъ жилкахъ и смуглой кожѣ до изступленія, до муки и видѣть что все это досталось въ руки палача, что мнѣ удалось довести ее только до кожаной постели. О, вотъ истинно адская мука! О! счастливъ тотъ, котораго пилятъ между двумя досками или раздираютъ четырьмя лошадьми! Имѣешь ли ты понятіе о тѣхъ мукахъ, которыя происходятъ въ долгія ночи, когда кровь кипитъ въ жилахъ, сердце рвется, голова трещитъ, зубы рвутъ свое собственное тѣло; это вѣчная, нескончаемая пытка любви, ревности и отчаянія! Сжался! Дай вздохнуть хоть одну минуту! Умоляю тебя, утри крупныя капли пота съ моего лба! Дитя, терзай меня одной рукой, но приласкай другую. Сжался, сжался, сжался!

Клодь катался въ грязной лужѣ и бился головою о каменные сту-

пени. Дѣвушка слушала и смотрѣла на него. Когда онъ замолчалъ отъ утомленія, она опять повторила въ полголоса :

— О мой Фебъ !

Клодъ подползъ къ ней на колѣняхъ.

— Умоляю тебя, вскричалъ онъ : — если у тебя есть сердце, не отвергай меня. О, я люблю тебя ! я несчастливъ ! Когда ты произносишь это имя, сердце мое разрывается на части. Смилуйся ! Если ты порождение ада, я пойду и туда за тобою ; я уже сдѣлалъ довольно для этого ! Адъ, въ которомъ ты будешь, будетъ для меня раемъ ! О, скажи, хочешь ли быть моею ? Мнѣ кажется въ тотъ день, когда женщина отвергнетъ такую любовь, горы сдвинутся съ мѣста. О, еслибы ты захотѣла !.. О, какъ бы мы могли быть счастливы ! Мы могли бы бѣжать, я бы тебя освободилъ, мы нашли бы такое мѣсто, гдѣ всего болѣе солнца, деревьевъ, голубого неба. Мы любили бы другъ друга, мы слили бы въ одно наши души, мы упивались бы вѣчной, неистощимой любовью.

Она прервала его страшнымъ хохотомъ.

— Посмотрите, у васъ руки въ крови !

Клодъ былъ пораженъ какъ громомъ и долго смотрѣлъ на свои руки.

— Ну чтожъ, отвѣчалъ онъ съ необычайною кротостью : — оскорбляй меня, смѣйся надо мною, но пойдемъ ! пойдемъ ! Надо спѣшить. Казнь будетъ завтра, слышишь ли ? Висѣлица на площади всегда готова, ты знаешь. Ужасно видѣть тебя на ея ступеняхъ ! О, сжался ! Я никогда еще не чувствовалъ до этой минуты всей силы любви моей. О, иди за мною. Ты полюбишь меня послѣ, когда я спасу тебя. Ты можешь ненавидѣть меня долго, сколько захочешь, только пойдемъ ! Завтра ! Завтра висѣлица ! казнь ! О, спаси себя и меня !

Онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ увлечь, онъ былъ внѣ себя.

Она пристально устремила на него взоръ.

— Гдѣ мой Фебъ ?

— Онъ умеръ ! вскричалъ Клодъ.

— Умеръ ! повторила она, съ прежней холодной неподвижностью : — Зачѣмъ же я буду жить ?

Онъ не слушалъ ее.

— О, да, говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собою, онъ долженъ уже умереть. Оружіе глубоко вонзилось. Кажется я добрался до сердца. О, я весь былъ въ этомъ ударѣ !

Дѣвушка бросилась на него, какъ разъяренная тигрица и толкнула его на лѣстницу съ необыкновенной силой.

— Уйди, чудовище, уйди убійца! Оставь меня умереть! Пусть наша кровь останется вѣчнымъ пятномъ на твоей душѣ! Принадлежать тебѣ, монахъ, никогда! никогда! ничто не въ силахъ наеъ соединить, даже самый адъ! Ступай, проклятый! никогда!

Клодъ споткнулся на лѣстницѣ. Онъ молча выпуталъ ноги изъ складокъ платья, поднялъ фонарь и медленно сталъ всходить по ступенямъ; дверь отворилась, онъ вышелъ. Вдругъ дѣвушка снова увидѣла его голову; выраженіе лица его было ужасно и онъ крикнулъ ей злобнымъ и отчаяннымъ голосомъ:

— Говорю тебѣ, что онъ умеръ!

Она упала лицомъ на землю и въ темницѣ не слышно стало другого звука, кромѣ шума падающей воды.

V

МАТЬ

Едва ли есть на свѣтѣ что-нибудь радостнѣе мыслей матери, при взглядѣ на маленькій башмачекъ ребенка. Особенно, если этотъ башмачекъ праздничный, вышитый почти до подошвы; башмачекъ, въ которомъ ребенокъ еще не начиналъ ходить. Этотъ башмачекъ такъ граціозенъ и малъ, что матери кажется будто она видитъ своего ребенка. Она ему улыбается, цѣлуетъ его, разговариваетъ съ нимъ; она спрашиваетъ себя, возможно ли чтобы нога была до такой степени мала, и образъ крошки, даже отсутствующаго, ясно рисуется передъ нею. Она видитъ его всего, съ нѣжными ручками, малой головкой, съ глазками, у которыхъ бѣлки имѣютъ еще синій отливъ. Если это зимой, она представляетъ его себѣ ползающимъ по ковру и боится какъ бы онъ не подползъ слишкомъ близко къ камину. Если лѣтомъ, она видитъ, какъ онъ въ саду рветъ траву и соритъ пескомъ на куртины. Все смѣется, блеститъ и играетъ вокругъ него, даже солнечный лучъ съ его бѣлокуроими локонами. Башмачекъ показываетъ все это матери и смягчаетъ ей сердце, какъ огонь кусокъ воска.

Но если ребенка ужъ нѣтъ, всѣ эти радостные образы дѣлаются предметомъ мученій. Хорошенькій башмачекъ дѣлается орудіемъ

вытнн, вѣчно тѣрающимъ сердце матери. Это вѣчно звучащая струна, всегда одна и таже и самая чувствительная; только, вмѣсто ангела, ее натягиваетъ демонъ.

Однажды утромъ, когда майское солнце вставало на темно-глубомъ небѣ, затворница башни Роланда услышала стукъ колесъ на Гревской площади. Это на нее мало подѣйствовало; она только закрыла волосами уши, чтобы не слышать и снова устремила глаза на обожаемый предметъ, которымъ любовалась уже пятнадцать лѣтъ. Мы уже говорили, что ея маленькій башмачекъ составлялъ для нея всю вселенную. Ея мысль заключена была въ немъ одномъ и могла оторваться только со смертью. Одна мрачная башня Роланда знала сколькожъ горькихъ проклятій, трогательныхъ жалобъ, молитвъ и стоновъ стоилъ ей этотъ роковой башмачекъ. Никогда болѣе отчаянїя не было излито на такую граціозную вещь. Въ это утро, горестъ ея казалось еще усилилась: слышно было на улицѣ ея надрывающее сердце риданіе.

— О дочь моя! говорила она: — мое милое маленькое дитя! я не увижу тебя болѣе! значить все кончено! Мнѣ все кажется, что это было вчера. Господи! Господи! лучше бы было не давать мнѣ ее, если ужъ суждено было отнять такъ скоро. Развѣ ты не знаешь, что дѣти часть часть самихъ и что теряя ихъ, мать перестаетъ вѣрить? О зачѣмъ я несчастная ушла изъ дому въ этотъ день. Боже, Боже мой, развѣ ты не видалъ меня, когда я держала ее на рукахъ и она улыбалась у моей груди, когда я цѣловала ея маленькія ножки! О еслибы ты видѣлъ это, Господи, ты бы сжалился надъ моей радостью; ты бы не отнял у меня моей послѣдней любви! Неужели была я такая великая грѣшница, что ты и не взглянулъ на меня осуждая? Увы! вотъ башмачекъ; но гдѣ, гдѣ ножка? гдѣ мой ребенокъ?.. Дочь моя, дочь моя! что они съ тобой сдѣлали? Господи, возврати ее мнѣ. Пятнадцать лѣтъ я молюсь на колѣняхъ, развѣ этого мало? Отдай мнѣ ее на одинъ день, на одинъ только часъ, на минуту! Одну минуту, Господи, и повергни меня потомъ въ адъ на цѣлую вѣчность. О, можно ли осудить бѣдную мать на такую пятнадцатилѣтнюю муку? Матерь божія, пресвятая дѣва! у меня украли моего младенца, его съѣли, выпили его кровь, сжевали его кости. Пресвятая дѣва, сжался надо мною. Дочь! мнѣ нужно мою дочь! Я хочу моего ребенка. Я львица, мнѣ нужно моего львенка. О, я буду кататься по землѣ, я пробью лбомъ каменную плиту, я буду богохульствовать, если не отдадутъ мнѣ моего ребенка! Ты ви-

лишь, Господи, что мои руки искусаны. О, мнѣ не нужно ничего кромѣ хлѣба, лишь бы была моя дѣвочка и согрѣвала меня какъ солнце. Увы, Господи Боже мой, я недостойная грѣшница, но дочь моя дѣлала меня набожной. Я видѣла твой ликъ сквозь ея ясную улыбку, какъ сквозь разверстое небо. О, еслибъ одинъ только разъ обуть ее въ этотъ маленькій башмачекъ и умереть, благословляя тебя, святая дѣва! А ужь пятнадцать лѣтъ! Она была бы большая! Бѣдное дитя! такъ это правда, — я не увижу ее болѣе, даже на небѣ, потому что мнѣ не быть тамъ. О, горе! вотъ ея башмачекъ и ничего болѣе!

Несчастная припала къ башмачку, своему утѣшенію и отчаянію въ продолженіи столькихъ лѣтъ, и грудь ея рвалась отъ рыданій, какъ въ первый день потери. Для матери, утратившей ребенка, горестъ всегда одна и таже. Эта горестъ не старѣется. Траурное платье смѣняется свѣтлымъ, но душа остается темна.

Въ эту минуту слышались свѣжіе дѣтскіе голоса. Каждый разъ, заслыша приближеніе ребенка, затворница пряталась въ самый темный уголъ; теперь напротивъ, она выпрямилась и съ жадностью слушала. Одинъ маленькій мальчикъ говорилъ:

— Сегодня будутъ вѣшать цыганку!

Съ быстротою паука, нападающаго на муху, она подпрыгнула къ окну, выходящему на площадь. На самомъ дѣлѣ, къ висѣлицѣ представлена была лѣстница и на ней поправляли цѣпи. Кругомъ собрался народъ.

Толпа дѣтей была уже далеко. Затворница искала глазами прохожаго, чтобы спросить его. Вдругъ она увидала священника, стоявшаго у публичнаго молитвенника, но глаза котораго гораздо чаще обращались къ мѣсту казни, нежели къ листамъ книги. Она узнала соборнаго архидьякона, святаго мужа.

— Кого здѣсь будутъ вѣшать, батюшка? спросила она.

Священникъ взглянулъ на нее, но не отвѣтилъ; она повторила свой вопросъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Дѣти говорили сейчасъ, что повѣсятъ цыганку.

— Кажется такъ, сказалъ священникъ.

Пакета Шантлери разразилась смѣхомъ гіены.

— Такъ вы очень ненавидите цыганъ, спросилъ архидьяконъ.

— Ненавижу ли я ихъ? это вѣдьмы, онѣ воруютъ дѣтей! Онѣ

сѣбли мою маленькую дѣвочку, мое единственное дитя! У меня вѣтъ больше сердца : онѣ и его сѣбли.

Она была страшна. Священникъ холодно смотрѣлъ на нее.

— Въ особенности я ненавижу одну изъ нихъ, которую я прокляла, продолжала она : — она однѣхъ лѣтъ съ моей дочерью, которую сѣбла можетъ-быть ея мать. Каждый разъ какъ этотъ амѣнышъ проходитъ здѣсь, вся кровь кипитъ въ моихъ жилахъ!

— Ну радуйтесь, сказалъ священникъ, холодный какъ статуя : — ее-то и повѣсятъ сегодня.

Голова его опустилась на грудь и онъ удалился.

Затворница ломала руки отъ радости.

— Я говорила ей, что быть ей на висѣлицѣ! благодарю васъ, батюшка, благодарю!

И она начала быстро ходить около своего окна, растрепанная, съ сверкающими глазами, задѣвая плечомъ о стѣну, какъ голодная волчица въ клѣткѣ, въ ожиданіи пищи.

VI

ТРИ РАЗЛИЧНЫЯ СЕРДЦА

Между тѣмъ Фебъ не умеръ. Такого рода люди живучи. Филиппъ Делье, королевскій адвокатъ, говоря Эсмеральдѣ, что онъ умираетъ, шутилъ или ошибался. Архидьяконъ объявляя въ тюрьмѣ, что онъ умеръ, не зная объ немъ ничего, но надѣялся, рассчитывалъ и не сомнѣвался въ его смерти. Ктому же, сообщать хорошія вѣсти о соперникѣ слишкомъ ужасно, и можетъ-быть многіе поступили бы какъ и архидьяконъ.

Рана была глубока, но не такъ опасна, какъ рассчитывалъ Клодь. Докторъ, къ которому перенесли его солдаты, боялся за его жизнь и даже сказалъ ему это полатыни. Однако молодость взяла свое и природа спасла больного вопреки медицинѣ. Еще въ самомъ началѣ болѣзни подвергся онъ допросу королевскаго адвоката, что очень ему надоѣдало и при первой возможности, онъ оставилъ эскулапу свои золотые шпоры въ уплату и скрылся. Это впрочемъ нимало не помѣшало ходу дѣла. Тогдашнее правосудіе не дорожило мелочами. Былъ бы виновный повѣшенъ и дѣло съ концомъ. У судей было до-

волью поводовъ къ обвиненію Эмеральды. Феба сочли мертвыми и не заботились о немъ болѣе.

Капитанъ впрочемъ бѣжалъ недалеко. Онъ отправился въ Иль де Франсъ, гдѣ стояла его рота.

Ему впервыхъ не хотѣлось быть участникомъ въ процессъ, потому что роль была незавидна, а вовторыхъ, въ качествѣ военнаго, не получившаго образованія, онъ былъ суевѣренъ и не зналъ какъ объяснить свою нечаянную встрѣчу съ Эмеральдой, признаніе въ любви черезъ посредство козла и вмѣшательство во все дѣло страшнаго монаха. Во всемъ происшествіи онъ видѣлъ гораздо болѣе колдовства чѣмъ любви, комедію или, выражаясь тогдашнимъ слогомъ, мистерію, въ которой самая незавидная роль досталась на его долю. Онъ ощущалъ тотъ стыдъ, который Лафонтенъ опредѣлялъ стихомъ:

Honteux comme un renard qu'une poule avait pris.

Ктому же онъ надѣялся, что въ его отсутствіе имя его почти не будетъ появляться въ процессъ и никто не узнаетъ насколько онъ причастенъ къ дѣлу. Въ этомъ онъ не ошибся. Въ то время не существовала *gazette des Tribunaux*, а такъ какъ не проходило недѣли, чтобы не вѣшали фальшиваго монетчика или не сжигали колдуньи, то народъ такъ привыкъ видѣть старую Фемиду, съ засученными рукавами чинящую расправу, что и не обращалъ на это большаго вниманія. Люди поважнѣе никогда и не знали имени преступника, — одинъ черный народъ наслаждался зрѣлищемъ казни. Убіиство людей было также обыкновенно, какъ убійство быковъ на бойнѣ. Палачъ былъ только мясникъ высшаго разряда.

Итакъ Фебъ скоро выкинулъ изъ головы и колдунью Симиляръ и ударъ кинжаломъ, нанесенный ею или страшнымъ монахомъ (для него это было все равно) и исходъ процесса. Какъ скоро его сердце сдѣлалось свободнымъ, въ него снова втѣснился образъ Флеръ де-Ли. Сердце капитана, какъ и тогдашняя физика, не выносило пустоты.

Ктому же жить въ мѣстечкѣ, гдѣ помѣщалась рота, было ужасно скучно, а Флеръ де-Ли была его предпоследняя страсть, да еще съ хорошимъ приданымъ. Итакъ вылечившись совершенно и предположивъ, что въ два мѣсяца дѣло цыганки было уже рѣшено, влюбленный Фебъ явился передъ воротами замка Гонделорье.

Онъ не обратилъ большаго вниманія на толпу, собравшуюся противъ собора, да и припомнилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ легко могла

быть какия-нибудь процесія, по случаю праздника. Веселый предсталъ онъ предъ очи своей прекрасной невѣсты.

У Флеръ де-Ли все еще лежала на сердцѣ послѣдняя сцена съ пыганкой и ея проклятой азбукой. Долгое отсутствіе Феба не могло послужить къ уменьшенію сомнѣній. Однакожь когда капитанъ вошелъ, въ своемъ новомъ мундирѣ и съ страстью во взорѣ, она покраснѣла отъ удовольствія. Сама невѣста была лучше чѣмъ когда-либо. Ея роскошные бѣлокурые волосы были заплетены въ удивительныя косички; одѣта она была въ голубомъ, что необыкновенно шло къ ея бѣлой кожѣ, а глазки такъ и дышали любовью.

Фебъ, долго не выдавшій женщинъ, былъ пораженъ ея красотою, что заставило его подойти съ такою предупредительностью, что миръ былъ заключенъ не говоря ни слова. Даже сама старушка, попрежнему сидящая въ креслѣ, не имѣла духу поворчать на него.

Упреки Флеръ де-Ли обратились въ воркованье голубки.

Она сидѣла у окна все еще за своимъ Нептуномъ. Капитанъ всталъ за ея стуломъ:

— Гдѣ это пропадали вы цѣлыхъ два мѣсяца, несносный?

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ Фебъ, нѣсколько затрудняясь отвѣтомъ: — вы такъ хороши, что способны плѣнить...

— Хорошо, хорошо. Оставьте въ покоѣ мою красоту и отвѣчайте.

— Меня потребовали на службу, кузина.

— Куда это? И почему вы не пришли со мной проститься?

— Въ мѣстечко Queue en Vie.

Фебъ былъ въ восторгѣ, что отвѣтъ на одинъ вопросъ могъ избавить его отъ другого.

— Да это очень близко. Какъ не пріѣхать сюда хоть одинъ разъ?

Фебъ былъ въ ужасномъ затрудненіи.

— Да... служба... и притомъ я былъ болѣнъ, кузина.

— Болѣнъ! повторила она съ испугомъ.

— Да... ранень.

— Ранень!

Бѣдная дѣвушка вся дрожала.

— О не пугайтесь этого, небрежно сказалъ Фебъ: — это все вздоръ. Маленькая ссора, ударъ шпагой, что вамъ до этого!

— Что мнѣ до этого! вскричала Флеръ де-Ли, поднявъ къ небу

глаза полные слезъ. — О, вы не думайте, что мнѣ это ничего не значить! Я хочу непременно знать, что это былъ за ударъ шпагой.

— Ну, милая кузина, мы повздорили съ однимъ капитаномъ и поцарапали другъ другу кожу, вотъ и все.

Хитрый капитанъ зналъ, что дуэль за оскорбленіе чести возвышаетъ мужчину въ глазахъ женщины. Въ самомъ дѣлѣ невѣста взглянула на него съ выраженіемъ страха и удовольствія. Сомнѣнія ея однакожь несовсѣмъ еще разсѣялись.

— Только бы вы совсѣмъ поправились, мой Фебъ. Я не знаю вашего капитана, но онъ дурной человекъ. А изъ-за чего вышла ссора?

Фебъ, у котораго воображеніе было не слишкомъ сильно, чуть-чуть не сталъ въ тупикъ при этомъ вопросѣ.

— О, изъ-за пустяковъ... изъ-за лошади и неосторожнаго слова... Кузина, вскричалъ онъ, чтобъ переменить разговоръ: — что это за шумъ тамъ на площади?

— Незнаю, отвѣчала Флеръ де-Ли: — кажется какая-то колдунья будетъ приносить публичное покаяніе, а послѣ ее повѣсятъ.

Фебъ такъ былъ увѣренъ въ окончаніи дѣла Эсмемальды, что остался совершенно спокоенъ, однако сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ.

— Какъ зовутъ эту колдунью?

— Незнаю, отвѣчала она.

— А за что ее судятъ?

Она пожала своими бѣлыми плечами.

— И этого незнаю.

— Господи, вмѣшалась старуха: — теперь столько развелось колдуновъ, что ихъ жгутъ кажется не справляясь объ имени. Да что и беспокоиться: у Бога вѣроятно ведется вѣрный реестръ ихъ именамъ. Старушка встала и подошла къ окну. Да, въ самомъ дѣлѣ, какая толпа, народъ даже на крышахъ. Знаете, Фебъ, это напоминаетъ мнѣ мое время, вступленіе Карла VII; тогда тоже было много народу. Незнаю уже въ которомъ это было году. Вамъ это кажется очень старо, а мнѣ напоминаетъ молодость. О, тогда народъ былъ лучше! И старушка пустилась описывать старое время, но наши влюбленные ее не слушали.

Фебъ снова оперся о спинку кресла своей невѣсты, — положеніе, доставлявшее ему возможность бросать нескромныя взгляды во всѣ отверстія ея пелеринки. Пелеринка раскрывалась такъ кстати, по-

казывала ему столько вещей и возбуждала такія надежды, что Фебъ мысленно повторялъ возможно ли быть влюбленнымъ не въ блондинку? Оба молчали. Дѣвушка взглядывала на него своими нѣжными, радостными глазами, а солнечный лучъ игралъ въ ихъ смѣшанныхъ волосахъ.

— Фебъ, тихо сказала Флеръ де-Ли, черезъ три мѣсяца наша свадьба; поклянитесь мнѣ, что вы никогда не любили другой женщины.

— Клянусь, милый ангелъ! и страстный взглядъ Феба подтверждалъ искренность его словъ. Онъ кажется готовъ былъ самъ себя повѣрить въ эту минуту.

Между тѣмъ, добрая мать, видя такое согласіе между обрученными, отправилась по какимъ-то хозяйственнымъ распоряженіямъ. Фебъ тотчасъ замѣтилъ это, и ему пришло въ голову нѣсколько смѣлыхъ мыслей. Флеръ де-Ли его любитъ, онъ ея женихъ; они одни; любовь его къ ней снова воскресла, если не съ прежней свѣжестью, то съ прежнимъ пыломъ; притомъ что за бѣда воспользоваться нѣсколько раньше тѣмъ, что все-таки будетъ принадлежать ему; не знаю, въ такомъ ли именно порядкѣ пришли ему всѣ эти мысли, но дѣло въ томъ, что Флеръ де-Ли вдругъ испугалась выраженія его глазъ. Она оглянулась и увидала, что матери нѣтъ въ комнатѣ.

— Боже мой, сказала она съ безпокойствомъ: — мнѣ жарко здѣсь!

— Въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Фебъ: — скоро полдень, солнце такъ ярко, не лучше ли опустить сторы?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала испуганная дѣвушка: — напротивъ, мнѣ нужно воздуху.

И какъ лань, чувствующая приближеніе своры, она вскочила, растворила балконъ и вышла.

Фебъ съ неудовольствіемъ послѣдовалъ за нею.

Соборная площадь, на которую выходилъ балконъ, предстала мрачное зрѣлище въ эту минуту.

Толпы народа стремились изо всѣхъ улицъ; самая площадь окружена была сержантами. Широкія двери собора были затворены, что составляло контрастъ со всѣми раскрытыми окнами домовъ, выходящихъ на площадь и унизанныхъ тысячами головъ.

Толпа состояла изъ нисшаго класса; впрочемъ и ожидаемое зрѣлище принадлежало къ роду такихъ, на которыя не ходитъ смотрѣть

вышая публика. Изъ толпы вырвались крики и смѣхъ; женщинъ было болѣе нежели мужчинъ.

— Эй, Майе Балиоръ, кого это будутъ вѣшать?

— Глупый, здѣсь только церковное покаяніе; если хочешь сморѣть какъ вѣшаютъ, ступай на Гревскую площадь.

— Пойдемъ и туда.

.....

— Правда, что она не хотѣла принять духовника?

— Говорятъ, что такъ.

— Видишь, язычница!

.....

— Бѣдняжка! говорила Флеръ де-Ли и глаза ея выражали глубокое соболѣзнованіе. Капитанъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, обнялъ ее за талію. Она оглянулась и кинула на него умоляющій взглядъ.

— Оставьте, Фебъ, маменька можетъ войти.

Въ эту минуту, пробило поддень на соборныхъ часахъ. Ропотъ удовольствія пробѣжалъ по толпѣ. Съ послѣднимъ ударомъ, всѣ головы заколыхались и раздался общій крикъ: «вотъ она!»

Флеръ де-Ли закрыла глаза руками.

— Войдемте въ комнату, моя прелесть, уговаривалъ Фебъ.

— Пѣтъ, отвѣчала она и отняла руки.

На площадь вѣхала телѣга, со всѣхъ сторонъ окруженная кавалеріей въ фіолетовыхъ мундирахъ съ бѣлыми крестами. Сержанты впереди расталкивали народъ. У самой телѣги вѣхали судьи и полицейскіе, которыхъ легко было узнать по черному костюму и неуклюжей посадкѣ. Жакъ Шармолю былъ во главѣ шествія. Въ телѣгѣ сидѣла молодая дѣвушка съ связанными назадъ руками. Съ ней не было даже священника. Она была въ одной рубашкѣ; длинныя черныя волосы рассыпались по полуобнаженнымъ плечамъ. (Въ то время ихъ стригли на самомъ эшафотѣ).

Между роскошныхъ волосъ виднѣлась веревка, обвившаяся какъ змея вокругъ бѣлой шеи преступницы. Изъ-подъ веревки блестяла садонка, украшенная блестящими камнями, которую вѣроятно оставили преступницѣ, снисходя къ ея послѣдней предсмертной просьбѣ. Изъ оконъ, зрителямъ видны были ея обнаженные ноги, которыя она старалась уложить подъ себя, побуждаемая послѣднимъ инстинктомъ женской стыдливости. У ногъ ея лежала связанная козочка. Осу-

жденная придерживала зубами свою рубашку; на лицѣ ея выражался ужасъ и стыдъ быть предъ толпой почти раздѣтой.

— Посмотрите, кузень, сказала Флеръ де-Ли: — вѣдь это та скверная цыганка съ козой.

Говоря это, она взглянула на Феба. Глаза его были устремлены на телѣгу; онъ былъ страшно блѣденъ.

— Какая... цыганка? спросилъ онъ, запинаясь.

— Какъ! развѣ вы не помните?

— Незнаю что вы хотите сказать.

И онъ повернулся къ дверямъ, но Флеръ де-Ли, въ которой шевельнулась прежняя ревность, бросила на него пронизательный взглядъ. Ей вдругъ пришли въ голову рассказы о какомъ-то капитанѣ, замѣшанномъ въ процессъ колдуньи.

— Что съ вами? Васъ какъ-будто смущаетъ видъ этой женщины?

Фебъ силился усмѣхнуться.

— Меня! ничуть. Вотъ прекрасно!

— Ну такъ останьтесь, и будемъ смотрѣть до конца.

Несчастный капитанъ принужденъ былъ повиноваться; его ободряло нѣсколько то, что осужденная не поднимала головы. Это дѣйствительно была Эсмемальда. И какъ хороша она даже въ эту минуту скорби и униженія. Ея черные глаза сдѣлались еще больше отъ худобы лица; ея блѣдная профиль была удивительна. Она походила на прежнюю Эсмемальду такъ, какъ мадона Мазaccio походитъ на мадону Рафаэля.

Казалось, въ ней вовсе пропало сознание; тѣло ея припрыгивало отъ толчковъ телѣги какъ безжизненная масса; взглядъ былъ дикъ и мутенъ. На рѣсницахъ виднѣлась еще слезинка, но и та какъ-будто застыла, не имѣя силы скатиться.

Мрачный повѣздъ пробрался наконецъ сквозь толпу, при радостныхъ крикахъ, и остановился передъ главнымъ порталомъ. Впрочемъ, красота и убитый видъ осужденной вызвали состраданіе многихъ, даже неслишкомъ чувствительныхъ. Стража выстроилась въ двѣ стѣны. Толпа замолкла и среди этого мрачнаго молчанія, со скрипомъ растворилась огромная дверь храма. Длинная церковь представилась зрителямъ вся покрытая чернымъ и едва освѣщенная нѣсколькими свѣчами. Въ самой глубинѣ ея, на черномъ сукнѣ, повѣшенномъ съ потолка до полу, виднѣлось огромное серебряное распятіе. Церковь была пуста, только на клиросѣ виднѣлось нѣ-

сколько головъ священниковъ и когда двери растворились, раздалось монотонное, страшное пѣніе, отрывки котораго долетали до осужденной.

...Non timebo millia populi circumdantes me exsurge, Domine; salvum me fac, Deus!

...Salvum me fac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam.

...Infixus sum in limo profundi: ei non est substantia.

Въ тоже время, другой голосъ произносилъ въ алтарь:

...Qui verbum meum audit, et credit ei qui misit me, habet vitam aeternam et in iudicium non venit; sed transit a morte in vitam.

Это пѣніе нѣсколькихъ старческихъ голосовъ изъ темныхъ угловъ церкви надъ молодой, прелестной дѣвушкой, полной жизни и освѣщенной лучами весенняго солнца, была служба по покойникѣ.

Народъ внимательно слушалъ.

Несчастливая безсознательно смотрѣла въ темную глубь церкви. Ея блѣдныя губы шевелились, какъ бы произнося молитву, а помощникъ палача, подошедшій чтобъ снять ее съ тѣлги, слышалъ какъ она нѣсколько разъ повторяла слово Фебъ.

Ей развязали руки и сняли съ тѣлги вмѣстѣ съ козой, которая принялась блеять, чувствуя себя на свободѣ; босыми ногами повели ее до первыхъ ступеней портала; веревка тащилась за нею словно змѣя.

Пѣніе въ церкви умолкло. Большое распятіе, предшествуемое рядомъ зажженныхъ свѣчъ, двинулось изъ глубины храма. Застучали алебарды стражей и скоро взоромъ толпы предстала цѣлая процессія священниковъ и дьяконовъ, съ пѣніемъ приближавшихся къ осужденной. Глаза ея остановились на одномъ изъ нихъ, шедшемъ тотчасъ вслѣдъ за крестомъ.

— О! прошептала она содрогаясь: — опять священникъ!

Дѣйствительно то былъ архидіаконъ. По сторонамъ ея шли пѣвчіе; онъ приближался, откинувъ назадъ голову, съ взоромъ, устремленнымъ прямо передъ собою и пѣлъ громкимъ голосомъ:

De ventre inferi clamavi, et exaudisti vocem meam,

Et projecisti me in profundum in corde maris, et flumen circumdedit me.

Когда онъ вышелъ на свѣтъ въ своемъ серебряномъ колпакѣ

съ чернымъ крестомъ, онъ былъ такъ блѣденъ, что многіе подумали, не встала ли одна изъ мраморныхъ статуй собора и вышла принять осужденную въ царствѣ мертвыхъ.

Она была также блѣдна и также походила на статую. Она не чувствовала какъ вложили ей въ руку огромную свѣчу жолтаго воска, не слыхала, какъ гребе пискливымъ голосомъ прочелъ формулу церковнаго покаянія; ей велѣли сказать аминь и она машинально повторила аминь. Признаки жизни явились въ ней только когда архидіаконъ знакомъ отослалъ своихъ служителей и приблизился къ ней.

Кровь бросилась ей въ голову; негодование еще разъ закипѣло въ этой почти отлетѣвшей душѣ.

Архидіаконъ подходилъ медленно; даже при этомъ случаѣ взоръ его сладострастно остановился на ея обнаженномъ тѣлѣ. Онъ громко спросилъ ее :

— Раскаялась ли ты въ своихъ погрѣшеніяхъ? а наклоняясь къ ея уху, тихо шепнулъ (зрители думали, что онъ выслушиваетъ ея исповѣдь) : — хочешь быть моею? Я могу еще спасти тебя.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Уйди, демонъ, или я изобличу тебя.

Онъ улыбнулся ужасной улыбкой.

— Тебѣ не повѣрятъ. Ты только усилишь свое преступленіе ложнымъ доносомъ. Отвѣчай скорѣе, хочешь ли принадлежать мнѣ?

— Что сдѣлалъ ты съ моимъ Фебомъ?

— Онъ умеръ! отвѣчалъ священникъ.

Въ эту минуту злопелучный архидіаконъ машинально поднялъ голову и увидѣлъ на балконѣ дома Гонделорье Флеръ-де-Ли и подлѣ нея капитана.

Онъ пошатнулся, провелъ рукою по глазамъ, посмотрѣлъ снова, пробормоталъ проклятіе и всѣ черты его мгновенно исказились.

— Ну такъ умри же ты! проговорилъ онъ сквозь зубы, и поднявъ руку надъ головой цыганки, произнесъ громкимъ голосомъ : —
I purc anima anceps, et sit tibi Deus misericors!

Это была послѣдняя формула, которой завершались въ то время мрачныя церемоніи. То былъ условный знакъ священника палачу.

Народъ сталъ на колѣни.

«Kyrie Eleison!» запѣли священники, оставшіеся подлѣ порта-
домъ.

«*Kyrie Eleison!*» повторяла толпа шепотомъ; напоминающимъ плескъ морской волны.

— Аминь! сказалъ архидіаконъ.

Онъ отвернулся отъ осужденной; голова его опустилась на грудь, руки скрестились на груди и черезъ минуту онъ исчезъ съ крестомъ, свѣчами и процесіей подъ темными сводами собора; еще нѣсколько времени слышенъ былъ въ хорѣ его голосъ, поющій слова псалма:

Omnes gurtites tui et fluctus tui super me transierunt!

А стукъ алебардъ по каменнымъ плитамъ церкви напоминалъ маятникъ, отмѣривающій послѣднія мгновенія жизни для осужденной.

Между тѣмъ двери собора все еще были отперты и осужденная стояла неподвижно, ожидая, чтобы ею распорядились. Жакъ Шармолю такъ углубился въ изученіе одного барельефа на главномъ порталѣ, изображавшаго, по мнѣнію однихъ, жертвоприношеніе Авраама, а по другимъ алхимическій процессъ, въ которомъ ангель изображаетъ солнце, жертвенникъ огонь, а Авраамъ изслѣдователя, что нужно было напомнить ему объ окончаніи процесіи.

Не безъ труда вывели его изъ задумчивости; наконецъ онъ обернулся и сбѣгалъ знакъ двумъ людямъ, одѣтымъ въ желтое, чтобы они снова связали руки виновной.

Въ несчастной кажется проснулась жажда жизни въ ту минуту, какъ готовились посадить ее на телѣгу и везти къ послѣдному назначенію. Она подняла свои сухіе, воспаленные глаза къ небу, къ солнцу, къ серебряннымъ облакамъ, потомъ обвела ими толпу, дома... Вдругъ въ ту минуту, какъ палачъ затягивалъ послѣдній узелъ, она испустила ужасный крикъ, крикъ радости. Тамъ, на балконѣ, на углу площади она увидѣла его, своего друга, своего властелина и избавителя, Феба, свѣтлое явленіе своей жизни! Судья солгалъ! Это былъ точно онъ, онъ самъ, живой, красивый, одѣтый въ свой великолѣпный мундиръ, съ перомъ на головѣ и со шпагой!

— Фебъ, мой Фебъ! крикнула она и хотѣла протянуть къ нему руки, дрожація отъ любви и восторга, но онъ были связаны.

Тогда она увидѣла, что капитанъ нахмурилъ брови, а стоящая подлѣ него красивая дѣвушка бросила на него гнѣвный, презри-

тальный взглядъ; потомъ Фебъ произнесъ нѣсколько словъ, недолетѣвшихъ до ея слуха и оба исчезли съ балкона.

— Фебъ, развѣ и ты вѣришь? вскрикнула она въ отчаяніи.

Ей пришла въ голову убійственная мысль. Она припомнила, что ее осудили за убійство капитана Феба де-Шатоперь.

До этой минуты она все выносила, но послѣдній ударъ былъ слишкомъ силенъ. Она безъ чувствъ упала на мостовую.

— Ну положите ее на телѣгу и кончимъ скорѣе! сказалъ Жакъ Шармолю.

Никто изъ зрителей этой сцены не обратилъ вниманія на странную личность, помѣщавшуюся на галереѣ между статуями портала и смотрѣвшую на происходящее съ такой неподвижностью, что не будь она одѣта въ полукрасное, полупурпурное платье, ее легко было бы принять за одно изъ тѣхъ каменныхъ чудовищъ, изъ пасть которыхъ уже шестьсотъ лѣтъ стекаетъ вода съ крыши собора. Этотъ зритель внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ на площади, и съ первой минуты появленія телѣги, пользуясь тѣмъ, что никто не смотрѣлъ въ его сторону, прикрѣпилъ къ одной изъ колонокъ галереи крѣпкую веревку съ узлами, конецъ которой спустился до крыльца собора. Окончивъ это, онъ принялся спокойно наблюдать и посвистывать, когда мимо его пролетали птицы. Въ ту минуту, какъ палачъ собирался исполнить приказъ Шармолю, онъ мигомъ спустился по веревкѣ, съ быстротой кошки подкрался къ палачу, повалилъ его ударами своихъ чудовищныхъ кулаковъ, схватилъ цыганку одной рукой, какъ ребенокъ беретъ свою куклу и въ одинъ прыжокъ очутился у дверей церкви, держа дѣвчушку надъ своей головой и громкимъ голосомъ крича:

— Убѣжище!

Все это сдѣлалось съ такою быстротою, что случись это ночью, — всю сцену можно бы увидѣть при одномъ блескѣ молніи.

— Убѣжище! Убѣжище! повторила толпа и тысячи рукоплесканій заставили гордо блеснуть единственный глазъ Квазимодо.

Осужденная пришла въ чувство отъ сотрясенія, раскрыла глаза и снова закрыла ихъ какъ бы страшась своего избавителя.

Шармолю, палачи и вся свита точно окаменѣли. Въ оградѣ церкви осужденная становилась неприкосновенной. Соборъ былъ мѣстомъ убѣжища. Всякая месть человѣческая становилась бессильна въ его предѣлахъ.

Квазимодо остановился подъ большимъ порталомъ. Его широкія

ноги казались также сросшимися съ поломъ, какъ и колоны сводовъ; огромная косматая голова также прикрѣплена была къ плечамъ, какъ и головы львовъ, неимѣющихъ шеи, а только гриву. Онъ держалъ дрожащую дѣвушку въ своихъ грубыхъ рукахъ съ такой предосторожностью, какъ-будто боялся сломить или осквернить ее своимъ прикосновеніемъ. Казалось онъ чувствовалъ, что она создана для другого, болѣе нѣжнаго прикосновенія. По временамъ онъ сдерживалъ даже дыханіе, но бывали минуты, когда онъ вдругъ съ силою прижималъ ее къ своей широкой груди, какъ мать прижимаетъ свое дитя, свое единственное сокровище, свою собственность. Его единственный глазъ изливалъ на нее потоки нѣжности, сожалѣнія и вдругъ обращался къ толпѣ съ молніеноснымъ блескомъ.

Женщины смѣялись и плакали, толпа рукоплескала; Квазимодо былъ даже хорошъ въ эту минуту. Вотъ онъ, это отринутое дитя человечества, онъ чувствуетъ себя могучимъ и сильнымъ, онъ смѣло глядитъ въ глаза этому обществу, которое его изгнало и надъ которымъ онъ взялъ теперь верхъ, на это правосудіе, у котораго онъ похитилъ жертву, на всѣхъ этихъ голодныхъ тигровъ, сборовъ, судей, палачей, на всю власть, которую онъ попраля, онъ, уродъ, отверженецъ, съ единственной помощью самаго высшаго судіи.

Какое трогательное зрѣлище эта осужденная, беззащитная дѣвушка, спасенная Квазимодо. Это было соединеніе двухъ величайшихъ безпомощностей, пришедшихъ на помощь другъ другу.

Насладившись минутой торжества, Квазимодо исчезъ съ своей ношей подъ сводами церкви. Толпа, ненасытная къ зрѣлищамъ, искала его глазами и вдругъ увидѣла на верхней галерей, которую онъ пробѣжалъ какъ безумный, держа надъ головой Эсмеральду и снова крича:

— Убѣжище!

Тутъ новыя рукоплесканія. Потомъ увидѣли его на самой верхней площадкѣ, все съ цыганкой въ рукахъ, бѣжащаго изо всѣхъ силъ и повторяющаго свой побѣдный крикъ. Наконецъ появился онъ въ третій разъ наверху колокольни; оттуда показалъ онъ съ гордостью всему городу ту, которую спасъ, и его громовой голосъ, который раздавался такъ рѣдко и котораго онъ самъ никогда не слышалъ, три раза повторилъ съ страстной энергіей:

— Убѣжище! убѣжище! убѣжище!

— Bravo! bravo! кричалъ народъ, и эти возгласы достигали

противоположного берега и той кольи, гдѣ затворница ожидала казни цыганки со взглядомъ неподвижно-устремленнымъ на висѣлицу.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I

ГАЛЮЦИНАЦІИ

Архидіакона не было въ соборѣ въ то время какъ его пріемный сынъ такъ неожиданно перерѣзалъ петлю, въ которую запуталъ цыганку и самого себя несчастный Клодъ Фролло. Войдя въ ризницу, онъ сорвалъ съ себя облаченіе, бросилъ его на руки оторонѣвшему служителю и кинулся вонъ изъ монастыря. Тутъ онъ переправился на другой берегъ и безсознательно сталкивался съ толпой, спѣшившей прійти вовремя, чтобы не проглядѣть какъ будутъ вѣшать колдунью. Блѣдный, измученный, онъ былъ въ состояніи ночной птицы, попавшейся днемъ въ руки школьниковъ. Онъ не зналъ куда идетъ, что думаетъ и не видитъ ли все во снѣ. Онъ все бѣжалъ, бѣжалъ невыбирая, неостанавливаясь, лишь бы уйти подалѣе отъ страшной Гревской площади.

Такъ прошолъ онъ гору св. Женевьевы и очутился за городомъ, непереставая бѣжать до тѣхъ поръ, пока пропали изъ вида послѣдніе дома предметья. Когда наконецъ онъ почувствовалъ себя далеко отъ ненавистнаго Парижа, то остановился и свободнѣе перевелъ духъ.

Тогда-то воротилось къ нему сознаніе. Онъ ясно увидѣлъ свою душу и содрогнулся. Онъ вспомнилъ о бѣдномъ созданіи, которое его погубило и которое онъ погубилъ. Онъ бросилъ взглядъ ужаса на тотъ извилистый путь, по которому предопредѣленіе вело жизнь двухъ существъ до той точки, гдѣ они должны были разбиться одно о другое. Онъ подумалъ о ненарушимыхъ обѣтахъ, о несостоятельности науки, добродѣтели; онъ съ наслажденіемъ погрузился въ черныя мысли и изъ груди его вырвался сатанинскій смѣхъ.

Такъ смѣялся онъ долго, раскапывая свою душу и сознавая какое огромное мѣсто занимаютъ въ ней страсти. Онъ измѣрялъ всю силу своей злобы и ненависти и пришолъ къ заключенію, что все

это могло бы быть избыткомъ любви; что любовь, составляющая добродѣтель у всѣхъ людей, дѣлается порокомъ въ его положеніи; что человѣкъ съ его натурой, налагая на себя обѣты священника, становится демономъ. Тутъ онъ захохоталъ еще громче, но вдругъ поблѣднѣлъ при воспоминаніи о той ужасной, ядовитой, безпощадной любви, которая довела одну жертву до эшафота, а другую до вѣчной муки: — она осуждена, онъ проклятъ.

Смѣхъ его еще болѣе усилился, когда онъ припомнилъ, что капитанъ Фебъ живъ, счастливъ, имѣетъ новый мундиръ и новую любовницу, которой показываетъ назанъ старой. Наконецъ смѣхъ почти душилъ его при мысли, что изъ всего человѣческаго рода мщеніе его именно упало на голову единственной личности, которую онъ не ненавидѣлъ.

Отъ капитана мысль его перешла на народъ, и въ немъ шевельнулась странная ревность: всѣ эти люди видѣли почти натуру ту, которую онъ любилъ. Онъ ломалъ себѣ руки при мысли, что женщина, видѣть которую одному, въ полумракѣ, было бы верхомъ блаженства, выставлена была на глаза всей толпы, одѣтая какъ дамъ брачнаго ложа. Онъ со злобой оплакивалъ всѣ эти таинства любви, оскверненные пошлыми взглядами, эту чистую дѣвушку, къ которой онъ осмѣлился бы коснуться только съ священнымъ трепетомъ, обращенную въ публичную женщину на позоръ всѣмъ ворамъ, шипшимъ и лакеямъ Парижа.

Когда же ему приходило на мысль то счастье, которое могло бы быть его удѣломъ, еслибы она не была цыганкой, а онъ священникомъ, еслибы не существовало Феба, а предметомъ ея любви былъ онъ самъ; когда онъ представлялъ себѣ ту жизнь, полную свѣтлаго счастья, которую испытывали можетъ-быть въ эту минуту нѣкоторые избранные въ какомъ-нибудь углу земного шара, упиваясь ароматомъ лѣсовъ, въ воду заходящимъ солнцемъ, или звѣздной ночью, и которую могъ бы испытывать и онъ, еслибы была на то воля неба; о, какой нѣжностью и вѣстѣ горечью переполнялось его сердце!

Опять, опять эта мысль впивалась въ его мозгъ, мучила и терзала его. Онъ не жалѣлъ и не раскаивался; онъ былъ снова готовъ сдѣлать то, что уже было сдѣлано; ему легче было видѣть ее въ рукахъ палача, чѣмъ въ рукахъ капитана; но онъ страдалъ, — страдалъ до такой степени, что вырывалъ горстями волосы, чтобы увидѣть, посѣдѣли ли они.

Вдругъ ему пришло въ голову, что можетъ-быть въ эту минуту

вращающаяся вѣртится вокругъ той блѣдой и нѣжной шеи, которую она видѣла поутру. Отъ этой мысли у него выступалъ холодный потъ на всѣхъ тѣлѣ.

Была еще минута, когда среди своего демонскаго смѣха, онъ вспомнилъ Эмеральду, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, нарядную, смѣющуюся, танцующую, полную гармоніи, и Эмеральду на площади, съ веревкой на шеѣ, медленно входящую по ступенямъ портала; эта двойная картина представилась ему такъ живо, что онъ испустилъ страшный крикъ.

Между тѣмъ какъ страшный ураганъ отчаянія перебивалъ, вырывать съ корнемъ и уничтожалъ все въ его душѣ, онъ вглядывался на окружающую природу. У ногъ его рылись куры, нарядные стрекозы летали на солнцѣ; надъ его головой проносились легкія облака по голубому небу; на горизонтѣ прорывалась стѣна св. Виктора, а мельникъ въ Копо смотрѣлъ какъ вертятся колеса его мельницы. Вся эта спокойная, дѣятельная жизнь кругомъ, усилила боль его сердца. Онъ снова пустился бѣжать.

Такъ проходилъ онъ въ поляхъ до вечера. Цѣлый день проносивъ въ этомъ избѣганіи природы, людей, самого себя. Повременамъ онъ бросался ничкомъ на землю и ногтями вырывалъ молодую траву; временами мысли такъ тяготили его, что онъ брался обѣими руками за голову, желая оторвать ее и разбить о мостовую.

Къ вечеру онъ почти совершенно лишился сознанія. Буря, овладѣвшая имъ съ той самой минуты, когда онъ потерялъ возможность и желаніе спасти цыганку, не оставила въ его головѣ ни одной ясной мысли. Разсудокъ его помрачился, въ немъ оставались только два образа: Эмеральда и вистлицца, — все остальное было темно. Два эти предмета вмѣстѣ составляли ужасную группу, и чѣмъ сильнѣе устремлялось на нихъ вниманіе Фролло, тѣмъ сильнѣе возрастали они, одна въ красотѣ, граціи и свѣтлѣ, другая во всей своей гнусности. Подъ конецъ Эмеральда казалась ему свѣтлой звѣздой, а вистлицца огромной, страшной рукою, сисящейся схватить ее. Замѣчательно, что во все продолженіе этой пытки, ему ниразу не пришла въ голову мысль о смерти. Несчастный былъ ужъ такъ созданъ, что дорожилъ даже этой жизнью. Можетъ-быть онъ боялся и ада.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Животный инстинктъ напомнилъ ему о возвращеніи. Онъ думалъ, что ушелъ далеко отъ Парижа, но оказалось, что онъ бродилъ только вокругъ стѣнъ университета. Направо возвышалась колокольня святаго Сьюльдиція, и онъ направилъ

ся въ ту сторону. Избѣгая встрѣчи съ живымъ существомъ, Клодъ обошелъ все населенныя мѣста, ваялъ лодочника и перебралъ на тотъ островокъ, гдѣ мы уже видѣли Гренгуара въ неудачный для него день.

Однообразное движеніе лодки и шумъ воды какъ-будто успокоили Клода. Когда лодочникъ удалился, онъ тупо остался на берегу, смотря прямо передъ собою и видя предметы въ какой-то фантазмагорической формѣ. Такъ нерѣдко бываетъ послѣ сильнаго душевнаго утомленія.

Солнце скрылось за высокой нейльской башней. Наступали сумерки. Небо было благо цвѣта; рѣчная вода также. Между этими двумя полосами лѣвый берегъ Сены, на который устремлены были глаза Клода, представлялъ темную массу, и уменьшаясь въ перспективѣ, исчезалъ подъ конецъ въ туманѣ. Силуэты его домовъ рѣзко вычерчивались на свѣтломъ фонѣ. Окна ихъ блистали какъ огненные отверстія. Этотъ огромный черный обелискъ между двумя свѣтлыми полосами неба и воды сдвигалъ на Клода впечатлѣніе подобное тому, которое испытывалъ бы человекъ, лежащій на спинѣ у подножія страбургской колокольни и смотрящій какъ громадная вершина ея погружается въ темноту надъ его головою. Только тутъ Клодъ стоялъ, а обелискъ лежалъ, но такъ какъ рѣка, отражая небо, увеличивала пропасть надъ его ногами, громадный мысъ также далеко уходилъ въ пустое пространство и производилъ одинакое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это было тѣмъ страннѣе и глубже, что это была также страбургская колокольня, только вышиною въ два лье, что-то гигантское, неизмѣримое, зданіе, какого не видывалъ ни одинъ человѣческій глазъ, — вавилонская башня. Трубы домовъ, зубцы стѣнъ, закраины крышъ, стрѣлка св. Августина, нейльская башня, все эти выступы, обозначающіе профиль колоссальнаго обелиска, усиливали иллюзію. Клоду показалось, что онъ собственными глазами видитъ адескую колокольню; тысячи огоньковъ, разбросанныхъ по страшной башнѣ, казались ему отверстіями громадной печи, шумъ и голоса долетающія до него, плачемъ и скрежетомъ. Въ испугѣ онъ зажалъ уши, чтобы не слышать, и побѣжалъ отъ страшнаго видѣнія. Но видѣніе было въ немъ самомъ.

Когда онъ вошелъ въ улицы, прохожіе казались ему толпою призраковъ. У него страшно шумѣло въ ушахъ и какой-то хаосъ былъ въ мысляхъ. Онъ не видѣлъ ни домовъ, ни улицъ, ни телѣтъ, ни мужчинъ, ни женщинъ, но какую-то путаницу лицъ и предме-

товъ. На углу улицы Барильери была овощная лавка, у выѣмки которой съ незапамятнаго времени висѣлъ пукъ деревяныхъ свѣчъ, стукавшихся отъ вѣтра одна о другую. Ему звукъ этотъ показался борьбою скелетовъ въ Монфокопъ.

О, думалъ онъ, ночной вѣтеръ толкаетъ ихъ другъ на друга и звучитъ ихъ цѣпами! Она можетъ-быть также теперь между ними!

Черезъ нѣсколько времени, онъ безсознательно очутился на мосту св. Михаила. Въ нижнемъ этажѣ одного дома горѣлъ огонь, онъ подошелъ ближе. Сквозь пузырчатое стекло онъ увидѣлъ грязную комнату, напомнившую ему что-то. Въ этой комнатѣ тускло горѣла лампа, сидѣлъ молодой человекъ съ веселымъ лицомъ и со смѣхомъ цѣловалъ женщину въ весьма небрежномъ нарядѣ; подлѣ лампы прла старуха и напѣвала дребезжающимъ голосомъ. Въ интервалы между смѣхомъ молодого человека слышны были слова ея шѣши; это было что-то безсмысленно-ужасное:

Grève aboye, grève grouille!
 File, file ma quenouille,
 File sa corde au bourreau
 Qui siffle dans le préau.
 Grève aboye, grève grouille!

La belle corde de chanvre!
 Semez d'Issy jusqu'à Vanvre
 Du chanvre et non pas du blé!
 Le voleur n'a pas volé
 La belle corde de chanvre.

Grève grouille, Grève aboye!
 Pour voir la fille de joie
 Pendre au gibet chassieux,
 Les fenêtres sont des yeux.
 Grève grouille, Grève aboye!

Вслѣдъ за этимъ, молодой человекъ смѣялся и ласкалъ дѣвушку. Старуха была Фалурдель, дѣвушка — публичная женщина, а молодой человекъ Жанъ Фролло. Клодь продолжалъ смотрѣть. Не то такъ другое, не все ли равно! Онъ видѣлъ какъ Жанъ подошелъ къ окну, выходящему на набережную, открылъ его, посмотрѣлъ и сказалъ закрывая: «Чортъ водами, уже ночь. Люди зажигаютъ свѣчи, а Богъ звѣзды на небѣ.» Потомъ Жанъ воротился къ своей собесѣдницѣ, разбилъ бутылку объ столъ съ восклицаніемъ: ужь пустая, чортъ ее побери, а у меня нѣтъ больше денегъ! Изабо, душа моя,

я тогда буду совершенно доволен Юпитеромъ, когда онъ превратитъ твои бѣлыя груди въ неистощимыя бутылки, изъ которыхъ я буду пить цѣлую жизнь.

Эта шутка разсмѣшила женщину и Жанъ вышелъ. Донъ-Клодъ успѣлъ только броситься ничкомъ на землю, чтобы небыть узнаннымъ братомъ. Къ счастью, улица была темна, а школьникъ пьянъ. Однакожъ, онъ замѣтилъ архидіакона.

— О, о! сказалъ онъ: — вотъ этотъ повеселился сегодня! Онъ потопкалъ ногою Клода, удерживавшаго дыханіе.

— Мертвецки пьянъ! точно пьявка, приставленная къ винной бочкѣ. Да онъ имѣшивый, сказалъ онъ наклоняясь, вѣрно старикъ! *Fortunate senex!* Потомъ, онъ отошелъ говоря: а все-таки хорошо быть разсудительнымъ, и братъ мой архидіаконъ двойнѣ счастливъ, потомучто у него и разсудокъ и деньги.

Тогда архидіаконъ всталъ и бѣгомъ побѣжалъ къ собору, башни котораго видѣлись ему между крышами. Дойдя до площади, онъ не смѣлъ поднять глазъ на главный порталъ.

— О! проговорилъ онъ, неужели же правда, что все происходило здѣсь сегодня утромъ!

Однакожъ, онъ принудилъ себя взглянуть на церковь. Фасадъ былъ темень, а сзади небо блистало звѣздами. Луна остановилась надъ правой башней и выглядывала изъ-за черной рѣзьбы. Монастырскія ворота были заперты, но у архидіакона всегда былъ съ собой ключъ отъ башни, гдѣ помѣщалась его лабораторія. Онъ вошелъ въ церковь.

Въ церкви былъ мракъ и мертвая тишина. По длиннымъ тѣнямъ, падавшимъ отовсюду, онъ догадался, что траурныя драпировки еще несняты послѣ утренней церемоніи. Большое серебряное распятіе блистало среди темноты. Архидіакону всюду чудились призраки.

Онъ ускорилъ шаги, но ему показалось, что и церковь зашевелилась, что у каждой колоны огромная лапа, которой она тяжело подпираетъ землю и выступаетъ какъ слонъ, а столбы служатъ ногами слону, двѣ башни хоботомъ, а черная драпировка балдахиномъ. Горячка достигла такихъ размѣровъ, что дѣйствительный міръ былъ для несчастнаго Клода какимъ-то живымъ апокалипсисомъ. На минуту ему стало полегче: онъ замѣтилъ какую-то красноватую полосу свѣта между столбами и бросился къ ней какъ къ якорю спасенія. Это была скудная лампа, которая день и ночь освѣщала публичный молитвеникъ подъ его жемчужнымъ навѣсомъ. Онъ

жадно бросился на святую книгу, надѣясь найти въ ней утѣшеніе и бодрость. Книга открыта была на этомъ мѣстѣ книги Іова: « Дыханіе пронеслось по моему лицу, я услышалъ вздохъ и волосы мои стали дыбомъ. »

При этомъ чтеніи онъ испыталъ то что испытываетъ слѣпой, натыкаясь на свою собственную палку. Колѣни его подогнулись, и онъ опустился на полъ съ мыслью о той, которая умерла сегодня. Долго оставался онъ такъ безъ силъ и сознанія; наконецъ ему пришла мысль уйти въ башню подъ защиту своего вѣрнаго Квазимодо. Онъ всталъ, и боясь темноты, взялъ съ собой лампаду отъ молитвенника. Это было святотатство, но онъ имъ не стѣснился.

Медленно входилъ онъ по лѣстницамъ полный тайнаго страха, который долженъ былъ сообщиться и тѣмъ рѣдкимъ прохожимъ, которые увидѣли бы блуждающій огонь въ соборѣ, въ такую позднюю пору. Вдругъ онъ почувствовалъ свѣжій воздухъ на своемъ лицѣ и очутился у дверей верхней галереи. Воздухъ былъ холодный; облака на небѣ изображали бурную рѣку. Луна казалась между ними камишъ—то блестящимъ судномъ. Онъ наклонился и посмотрѣлъ съ минуту на безмолвный городъ.

Въ эту минуту пробилъ полночь. Священникъ подумалъ о томъ же звукѣ въ полдень.

— О, сказалъ онъ: — прошло двѣнадцать часовъ, — она уже похолодѣла!

Вдругъ порывъ вѣтра загасилъ его лампу и почти въ тоже время на противоположномъ углу башни появилась бѣлая тѣнь, форма женщины. Онъ задрожалъ. Рядомъ съ этой женщиной явилась коза, вторящая своимъ бляньемъ дребежжающему звуку часовъ. У него достало силы взглянуть въ лицо привидѣнію. Это была она.

Она была блѣдна и мрачна. Волосы также надали по плечамъ какъ и поутру, но веревки уже нѣтъ на шеѣ, руки не связаны: она свободна, смерть развязала ее. Она одѣта была въ бѣломъ, съ бѣлымъ вуалемъ на головѣ. Она приближалась къ нему медленно, глядя на небо. Коза слѣдовала за нею. Онъ чувствовалъ, что приросъ къ мѣсту. Съ каждымъ ея шагомъ впередъ онъ могъ только отстунать шагъ назадъ, но не болѣе. Такъ дошелъ онъ до темнаго свода лѣстницы, дрожа, что и она направится туда же. Случись это, онъ бы умеръ отъ страха.

Но она только постояла у двери, глянула въ темноту, и незамѣтively тамъ священника, прошла дальше. Клоду показалась она выше

ростомъ жежеди была при жизни, онъ увидѣлъ лунный свѣтъ сквозь ея бѣлое платье и почувствовалъ на себѣ ея дыханіе.

Когда она прошла, онъ медленно началъ спускаться по лѣстницѣ, все держа въ рукахъ погасшую лампу, блѣдный, съ волосами ставшими дыбомъ. Въ ухахъ его все время раздавались слова: Привидѣніе прошло передо мною, я слышалъ его дыханіе и содрогнулся.

II

ГОРБАТЫЙ, КРИВОЙ, ХРОМОЙ

Въ каждомъ городѣ Франціи до Людовика XII, были мѣста, служившія убѣжищемъ для осужденныхъ. Эти убѣжища были островомъ спасенія, возвышавшимся среди цѣлаго моря варварскихъ и нелѣпныхъ законовъ и преслѣдованій. Личность дѣлалась неприкосновенною въ этихъ мѣстахъ. Въ каждомъ городскомъ округѣ этихъ мѣстъ было почти столько же сколько и висѣлицъ; излишекъ безнаказанности рядомъ съ излишкомъ строгости, двѣ дурныя вещи, старающіяся взаимно исправиться. Дворцы, дома принцевъ, въ особенноти церкви служили мѣстами убѣжища. Иногда обращали въ убѣжище цѣлый городъ, который требовалось населить новыми жителями. Такъ поступилъ Людовикъ XI съ Парижемъ въ 1467 году.

Преступникъ былъ неприкосновененъ лишь въ стѣнахъ благотельнаго зданія; съдѣлай онъ шагъ изъ него и — все пропало. Колесо и висѣлица зорко подстерегали свою добычу, какъ акулы вокругъ корабля. Много людей состарѣлось такимъ образомъ въ монастырѣ, въ оградѣ аббатства, на дворѣ какого-нибудь дворца, такъ что мѣсто убѣжища обращалось въ пожизненную тюрьму. Случалось, что чрезвычайный приказъ парламента предавалъ жертву вновь въ руки палача, но случаи эти были очень рѣдки. Парламентъ остерегался столкновеній съ духовною властью, а кромѣ его никто не осмѣливался нарушить священное право. Всѣмъ извѣстна смерть Роберта Клермонскаго, маршала Франціи и Жана де Шалонъ, маршала Шампани, а между тѣмъ дѣло шло только о жизни какого-то гнуснаго убійцы; важность проступка состояла въ томъ, что маршалы сложили ворота въ Saint-Méry.

Уваженіе къ этимъ мѣстамъ было такъ глубоко, что, говорятъ,

простиралось даже и на животныхъ. Расказываютъ, что когда олень преслѣдуемый Дагоберомъ, спрятался за гробницу св. Деонисія, свора собакъ остановилась.

Въ церквахъ бывали устроены маленькія кельи на этотъ случай. Николай Фламель, въ 1407 году, выстроилъ комнату подъ сводами Saint-Jaques de la Boucherie. Въ Notre-Dame келья помѣщалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь жена церковнаго привратника устроила себѣ висячій садъ, относящійся къ вавимонскимъ садамъ столько же, сколько салатъ къ пальмѣ, а жена привратника — къ Семирамидѣ.

Туда-то принесъ Эсмеральду Квазимодо. Во всю дорогу дѣвушка не могла совершенно прийти въ себя; она чувствовала только, что кто-то поднялъ ее на воздухъ и она летитъ, летитъ отъ земли. По временамъ ей слышался громовый смѣхъ и голосъ; она открывала глаза и видѣла подъ собою кровли Парижа, а надъ собою страшное лицо Квазимодо. Тогда рѣсницы ея снова опускались; она думала, что уже все кончено, что ее казнили во время обморока, и что злой духъ, преслѣдовавшій ее во время жизни, теперь окончательно завладѣлъ ею. Она не смѣла пошевелиться.

Но когда запыхавшійся звонарь положилъ ее въ келью, когда она почувствовала, что его грубыя руки тихонько развязываютъ ея веревки, она испытала то чувство, съ которымъ морскіе путешественники вдругъ просыпаются въ ту минуту, какъ судно въ темную ночь причаливаетъ къ берегу. Мысли ея прояснились одна за другою. Она поняла, что находится въ соборѣ; вспомнила, что ее вырвали изъ рукъ палача; что Фебъ живъ, но не любитъ ее болѣе, и эти двѣ мысли, изъ которыхъ въ одной было столько горечи, завладѣли ею совершенно. Она обернулась къ стоявшему передъ ней Квазимодо и сказала:

— Зачѣмъ вы спасли меня!

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее, усиливаясь угадать смыслъ ея словъ. Она повторила вопросъ. Тогда онъ бросилъ на нее еще болѣе грустный взглядъ и исчезъ. Она осталась удивленная. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся и бросилъ къ ея ногамъ свертокъ. То было платье, положенное для нея на порогъ церкви сострадательными женщинами. Тогда она взглянула на себя и покраснѣла. Жизнь вступала въ свои права.

Квазимодо понялъ ея стыдливость. Онъ закрылъ лицо своей широкой ладонью и удалился, но медленно. Она успѣшила одѣться.

Платье было бѣлое съ бѣлымъ вуалемъ, какое носили поступавшія въ Hôtel-Dieu. Едва успѣла она окончить туалетъ, какъ Квазимодо снова явился съ корзиной въ одной рукѣ и матрацемъ въ другой. Въ корзину была бутылка, хлѣбъ и еще нѣкоторые съѣстные припасы. Онъ поставилъ ее на полъ и сказалъ: «кушайте», постлалъ матрацъ и сказалъ: «спите!» Звонарь отдавалъ ей свою собственную постель и обѣдъ.

Цыганка подняла на него глаза, чтобы поблагодарить, но не могла произнести ни одного слова. Бѣднякъ былъ слишкомъ уродливъ. Она опустила голову съ невольнымъ содроганьемъ.

— Я васъ пугаю? спросилъ онъ: — ну не смотрите на меня, а только слушайте. Днемъ вы должны оставаться здѣсь, а ночью можете ходить по всей церкви. Но не выходите отсюда ни днемъ, ни ночью, иначе вы погибли. Васъ убьютъ, а я умру съ горя.

Она подняла было голову, чтобы отвѣчать, но его уже не было. Она осталась одна и невольно задумалась надъ словами этого страннаго существа, сказанными такимъ дикимъ и въ тоже время нѣжнымъ голосомъ; потомъ начала осматривать свою келью. Это была комнатка въ шесть квадратныхъ футовъ, съ крошечнымъ окномъ и дверью надъ самой крышей. Нѣсколько жолобовъ, съ изображеніями животныхъ, казалось протягивали свои длинныя шеи, чтобы взглянуть на нее въ окошко. Съ кровли видѣлись тысячи трубъ, весь дымъ и всѣ огни Парижа. Грустное зрѣлище для бѣдной цыганки, осужденной на смерть, несчастнаго созданія безъ семьи, безъ отечества и родного крова.

Въ ту минуту какъ мысль объ одиночествѣ съ болью входила въ ея сердце, она почувствовала около себя чью-то мохнатую голову и испугалась (теперь ей все казалось страшнымъ). Но это была голова Джаги, проворной бѣлой козочки, которой удалось ускользнуть вслѣдъ за Квазимодо. Бѣдняжка уже цѣлый часъ ластилась, но не могла привлечь вниманія своей хозяйки. Цыганка осыпала ее поцѣлуями.

— О, Джаги! говорила она: — я могла позабыть о тебѣ! а ты все меня любишь! Ты не неблагодарная, моя Джаги!

И въ ту же минуту, какъ—будто невидимая рука сняла съ груди ея тяжелый гнетъ, мѣшавшій ей заплакать, она залилась горькими слезами и выплакала все, что было самаго невыносимаго въ ея горѣ. Ночь была такъ хороша, луна свѣтила такъ кротко, что она обошла

кругомъ верхнюю галерею. Земля, видѣнная съ высоты, показалась ей такой спокойной, что она нѣсколько ободрилась.

III

ГЛУХОЙ

На другое утро ее очень удивило то, что она могла заснуть. Сонъ уже такъ давно ее покинулъ! Яркій солнечный лучъ ударялъ прямо въ ея окошко, и въ тоже время показалось въ немъ страшное лицо Квазимодо. Она невольно закрыла глаза, но и сквозь спущенныя вѣки все представлялась ей эта гнусная фигура гнома.

— Небойтесь! говорилъ ей дикій, видимо-смягченный голосъ: — я вашъ другъ. Я пришолъ посмотрѣть какъ вы спите. Вѣдь вы не сердитесь, что я сдѣлалъ это? Что вамъ изъ того, что я смотрю на васъ, когда у васъ глаза закрыты. Вотъ я и уйду; теперь я за стѣной, вы можете открыть глаза.

Было что-то невыразимо-грустное въ голосъ, которымъ произносились эти слова. Растроганная цыганка открыла глаза: у окна никого ужъ не было. Она подошла ближе и увидѣла Квазимодо, прижавшагося въ уголъ съ грустной покорностью. Она сдѣлала надъ собой усиліе и тихо позвала его. Видя движеніе ея губъ, Квазимодо подумалъ, что она его гонитъ, всталъ и пошелъ тихонько, съ опущенной головою, не смѣя даже поднять на дѣвушку взгляда, исполненнаго нѣмого отчаянія.

— Подите же сюда! закричала она уже громко, но онъ продолжалъ удаляться.

Тогда она выбѣжала изъ комнаты, догнала его и взяла за руку. Почувствовавъ ея прикосновеніе, Квазимодо задрожалъ всеми членами. Онъ съ мольбой поднялъ на нее единственный свой глазъ и при видѣ, что она ведетъ его къ себѣ, все лицо его просвѣтлѣло. Она хотѣла ввести его въ комнату, но онъ не шолъ, а оставался на порогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ: — сова не должна входить въ гнѣздо ласточки!

Тогда она граціозно усѣлась съ своей козочкой на постелѣ и оба молчали нѣкоторое время; онъ разсматривалъ ея красоту, а она его безобразіе. При каждомъ взглядѣ оказывались въ Квазимодо

новые тѣлесные недостатки. Взглядъ ея переходилъ отъ кривыхъ ногъ къ горбу, отъ горба въ единственному глазу. Ей трудно было понять, какъ могутъ существовать такіе безобразные люди. Во всей его фигурѣ было однакожь столько кроткой грусти, что она начала мириться съ его безобразіемъ. Онъ заговорилъ первый.

— Такъ вы звали меня?

Она сказала «да» и кивнула головою. Онъ понялъ послѣднее.

— Вѣдь я... глухъ! произнесъ онъ съ усиленіемъ.

— Бѣдный! сказала цыганка съ выраженіемъ участія.

Онъ кротко улыбнулся.

— Не правда ли, мнѣ только этого недоставало? Да, я глухъ, вдобавокъ ко всему! Это ужасно, не правда ли? А вы такъ прекрасны!

Въ словахъ несчастнаго звучало такое глубокое сознаніе своего горя, что она не въ силахъ была отвѣчать ему. Впрочемъ онъ не могъ бы и разслышать отвѣта. Онъ продолжалъ:

— Никогда еще я такъ сильно не чувствовалъ своего безобразія. Когда я сравниваю себя съ вами, то становлюсь себѣ очень жалокъ. Не правда ли, я кажусь вамъ какимъ-нибудь страшнымъ звѣремъ. Вы, вы солнечный лучъ, капля божьей росы, вы сладкое лѣтніе птицы! А я, я что-то ужасное, ни человѣкъ, ни животное, я презрѣннѣе камня, который всякій попираетъ ногами!

Онъ засмѣялся. Ничего не могло быть ужаснѣе этого смѣха.

— Да, я глухъ! продолжалъ онъ: — но вы будете говорить со мной жестами, знаками. Мой господинъ такъ говорить со мною. Ктому же я и самъ отгадаю ваше желаніе по выраженію вашего лица и по движенію губъ.

— Ну! спросила она улыбаясь: — скажите мнѣ, зачѣмъ вы спасли меня?

Онъ внимательно слѣдилъ за ея словами.

— Понялъ! отвѣчалъ онъ: — вы спрашиваете, зачѣмъ я спасъ васъ. Вы развѣ забыли о негодяѣ, который похитилъ васъ разъ ночью и которому вы, на другое же утро, не задумались оказать помощь, даже на позорномъ столбѣ. За эту каплю воды мнѣ не заплатить всей своей жизнью. Вы позабыли этого несчастнаго, а онъ никогда не забудеть.

Она слушала его съ глубокимъ сочувствіемъ. Слеза заблестала въ глазу звонаря, однако не скатилась. Онъ поборолъ свое чувство.

— Послушайте! началъ онъ, пересидивъ волненіе: — наши

башни высоки ; человекъ, который упадетъ съ нихъ, умретъ не долетѣвъ до земли ; когда вы захотите , чтобы я бросился внизъ , скажите одно только слово или сдѣлайте знакъ , этого будетъ довольно .

Онъ хотѣлъ удалиться , но цыганка была такъ тронута , что велѣла ему остаться .

— Нѣтъ ! сказалъ онъ : — не нужно быть здѣсь слишкомъ долго . Я знаю , что вы только изъ жалости не закрываете глазъ . Я буду смотрѣть на васъ откуда-нибудь , гдѣ вамъ меня не будетъ видно , — такъ лучше !

Онъ вынулъ изъ кармана серебряный свистокъ и подалъ ей .

— Когда я вамъ буду нуженъ , или когда вамъ не слишкомъ противно будетъ видѣть меня , свисните , я услышу этотъ звукъ .

Онъ скрылся .

IV

ХРУСТАЛЬ И ГЛИНА

Дни шли за днями . Спокойствіе водворялось мало-помалу въ душѣ Эсмеральды . Слишкомъ сильное горе и радость не бываютъ продолжительны . Сердце человека не долго можетъ выносить напряженное состояніе . Цыганка столько вытерпѣла , что въ душѣ ея оставалось только какое-то недоумѣніе . Съ сознаниемъ безопасности возвратилась и надежда . Она жила внѣ общества , но чувствовала , что есть какая-то возможность воротиться къ людямъ . Она была мертвецъ , имѣющій при себѣ ключъ отъ своей могилы . Мало-помалу отлетали отъ нея гнусные призраки Пьера Тортерю , Жака Шармолю , даже страшный образъ монаха .

Ктому же Февъ живъ , она это видѣла своими глазами , а жизнь его прежде всего . Приходя въ себя послѣ всѣхъ тягостныхъ потрясеній , она увидѣла , что изъ всего прошедшаго уцѣлѣла въ ней только любовь къ капитану . Любовь какъ дерево , вырастаетъ сама собою , пускаетъ корни черезъ все наше существо , и часто все еще зеленѣетъ на разбитомъ уже сердцѣ . Поразительнѣе всего , что страсть бываетъ тѣмъ сильнѣе , чѣмъ меньше въ ней разумнаго сознанія .

Конечно Эсмеральда вспоминала о Февѣ не безъ горечи . Конечно было удивительно , что онъ ошибся , что онъ повѣрилъ въ

возможность смертельнаго удара отъ руки той, которая отдала бы за него тысячу жизней. Но нельзя и не извинить ему. Въдь она сама созналась въ *своемъ преступленіи*. Она, слабая женщина, не могла устоять противъ пытки. Вся вина на ея сторонѣ. Нужно было скорѣй дать вырвать у себя всѣ ногти, чѣмъ такое сознаніе. Наконецъ доведись ей увидѣть Феба на одну минуту, она разсѣть всѣ его сомнѣнія съ перваго слова; онъ повѣритъ ей — нѣтъ никакого сомнѣнія. На многое закрывала она глаза въ этомъ дѣлѣ, какъ напимѣръ на неожиданное появленіе Феба въ день ея казни на балконѣ съ какой-то дѣвушкой. Въдь онъ клялся, что любитъ ее одну, чего же больше! Она вѣрила, да и всѣ доказательства были противъ нея въ этомъ дѣлѣ. Штакъ она ждала и надѣялась.

Прибавимъ, что и церковь, окружающая ее своей спасительной сѣнью, была немалымъ поводомъ къ успокоенію. Торжественныя линіи этой архитектуры, религіозное значеніе всѣхъ окружающихъ предметовъ, ясныя и благоговѣйныя мысли, такъ-сказать вылетающія изъ всѣхъ поръ церкви, невольно дѣйствовали на нее. На всемъ лежало благословеніе, успокоивающее больную душу. Однообразное церковное пѣніе, респонзы молящагося народа, порой глухіе, порой громовые, гармоническое сотрясеніе стеколъ, звукъ органа, колокольный звонъ, весь этотъ оркестръ, съ пробѣгающими по временамъ громовыми гаммами отъ одной колоколни къ другой, усыплялъ ея память, воображеніе и горе. Въ особенности колокола убавкивали ее. Они широкими струями изливали на нее какіе-то магнетическіе токи.

Съ каждымъ новымъ днемъ она становилась спокойнѣе, блѣдность ея исчезала и легче ей дышалось. По мѣрѣ того, какъ заживали ея душевныя раны, лицо ея оживлялось прежнею красотою, но съ оттѣнкомъ какой-то ясности и спокойствія. Прежняя веселость тоже возвращалась мало-помалу: опять она дѣлала свою миленькую гримаску, ласкала козочку, цѣла и одѣвалась въ самомъ дальнемъ углу каморки, чтобъ не увидѣли ее съ какого-нибудь сосѣдняго чердака.

О Квазимодо она вспоминала въ тѣ рѣдкія минуты, когда переставала думать о Фебѣ. Квазимодо былъ единственной нитью, связывающей ее съ остальнымъ человѣчествомъ, но бѣдняжка никакъ не могла побѣдить въ себѣ чувства отвращенія къ этому единственному другу, хотя и упрекала себя въ неблагодарности. Свистокъ ниразу не былъ употребленъ въ дѣло.

Въ первые дни Квазимодо являлся иногда безъ призыва. Она употребляла всѣ силы, чтобы не отвернуться съ отвращеніемъ, принимая отъ него свой обѣдъ и кружку воды, но онъ угадывалъ ея внутреннюю борьбу и удалялся съ тоскою.

Однажды онъ вошелъ въ ту минуту, когда цыганка ласкала Джаги. Долго смотрѣлъ онъ на граціозную группу и сказалъ, покачивая своей неуклюжей головой :

— Какое несчастіе, что я все-таки похожъ на человѣка. Хотѣлось бы мнѣ быть совсѣмъ животнымъ, вотъ какъ эта коза.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— О, ужъ я знаю зачѣмъ! отвѣчалъ онъ и поспѣшно ушелъ.

Въ другой разъ онъ остановился у дверей комнатки (въ которую никогда не входилъ) въ ту минуту, какъ Эсмемальда пѣла старую испанскую балладу; она не понимала словъ, но мотивъ сохранился въ ея головѣ еще съ ранняго дѣтства. При видѣ страшнаго лица, голосъ дѣвушки вдругъ прервался. Несчастный звонарь всталъ на колѣни и сложилъ свои безобразныя руки.

— О, умоляю васъ, продолжайте и не гоните меня!

Она не хотѣла огорчить его и снова запѣла дрожащимъ голосомъ. Мало-помалу она вся предалась меланхолическому ритму своей пѣсни, а звонарь все стоялъ на колѣняхъ, съ руками, сложенными какъ на молитву, едва перевода дыханіе и какъ бы по глазамъ ея угадывая смыслъ пѣсни.

Одинъ разъ онъ пришолъ къ ней какъ-то особенно встревоженный.

— Послушайте! началъ онъ съ усиленіемъ: — мнѣ надо сказать вамъ...

Она сдѣлала знакъ, что слушаетъ. Онъ вздохнулъ, приготовился говорить, опять посмотрѣлъ на нее, покачалъ головою и медленно удалился.

Между скульптурныхъ фигуръ на стѣнѣ была одна, которую онъ особенно любилъ и обмѣнивался съ нею дружескими-знаками. Однажды Эсмемальда слышала, какъ онъ говорилъ ей :

— О, отчего я также не изъ камня!

Наконецъ однажды поутру Эсмемальда смотрѣла съ крыши на площадь. Квазимодо стоялъ сзади нее. Онъ такъ всегда становился, чтобъ избавить ее отъ возможности видѣть его лицо. Вдругъ цыганка вздрогнула, слеза и лучъ радости мгновенно блеснули въ ея

глазахъ ; она встала на колѣни и съ тоскою протянула руки по направлению къ площади съ крикомъ :

— Фебъ, ради-бога на одно только слово! Фебъ, Фебъ!

Голосъ, лицо, жестъ, все ея существо выражало отчаяніе утопающаго, при видѣ счастливаго судна, проходящаго вдалькѣ, въ лучахъ солнца. Квазимодо нагнулся и увидѣлъ, что предметъ этой нѣжной и отчаянной мольбы былъ молодой человекъ, капитанъ, въ блестящемъ костюмѣ, проѣзжавшій по площади и салютовавшій саблей прекрасной дѣвушкѣ, стоявшей на балконѣ. Впрочемъ офицеръ не могъ слышать призывавшаго его голоса : онъ былъ слишкомъ далеко.

Но бѣдный глухарь все понялъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди ; онъ отвернулся ; на сердцѣ кипѣли невыплаканныя слезы ; онъ судорожно схватился за голову и въ каждой рукѣ осталось по горсти рыжихъ волосъ.

Цыганка не обращала на него вниманія. Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, скрежеща зубами : проклатіе ! такъ вотъ какимъ надо быть ! Надо быть только красивымъ снаружи. Между тѣмъ она все еще стояла на колѣнахъ и повторяла раздирающимъ голосомъ : — вотъ онъ сходитъ съ лошади. Онъ войдетъ въ этотъ домъ. Фебъ ! Онъ меня не слышитъ. Фебъ ! И зачѣмъ этой женщинѣ говорить съ нимъ именно теперь ! Фебъ ! Фебъ ! — Глухарь смотрѣлъ на нее. Онъ понималъ эту пантомину. Глазъ его наполнялся слезами, но ни одна не вытекала. Вдругъ онъ тихонько дернулъ ее за рукавъ. Она оглянулась. Онъ принялъ спокойный видъ и сказалъ :

— Хотите я пойду за нимъ ?

Она радостно вскрикнула.

— О, ступай, ступайте ! Беги скорѣе ! Вотъ этого капитана ! Приведите его сюда ! Я буду любить васъ ! И она обнимала его колѣни.

Онъ грустно покачалъ головою.

— Я приведу его, сказалъ онъ слабымъ голосомъ и бросился на лѣстницу, едва сдерживая рыданія.

Когда онъ пришолъ на площадь, тамъ уже никого не было, кромѣ красивой лошади, привязанной у воротъ дома Гонделорье ; капитанъ уже вошелъ въ домъ. Квазимодо взглянулъ на церковную крышу : Эсмеральда все еще стояла на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Онъ печально кивнулъ ей головою, потомъ прислонился къ воротамъ и рѣшился ждать выхода капитана.

Въ домѣ Гонделорье готовилась свадьба и каждый день бывало много гостей. Гости проходили мимо Квазимодо. Онъ все нетрогался, только изрѣдка взглядывалъ на крышу: цыганка стояла неподвижно. Конюхъ отвязалъ лошадь и ввелъ въ конюшню. Такъ прошелъ цѣлый день. Квазимодо все стоялъ у воротъ. Эсмемальда ждала на крышѣ, а Фебъ безсомнѣнія былъ у ногъ своей невѣсты.

Наконецъ наступила ночь; ночь темная и безлунная. Взглядъ Квазимодо нѣкоторое время могъ различать еще бѣлую форму на крышѣ, но наконецъ все слилось въ одну черную массу.

Квазимодо видѣлъ какъ зажглись огни во всѣхъ окнахъ дома Гонделорье и въ другихъ домахъ площади; видѣлъ какъ они постепенно погасли, и офицеръ все еще не выходилъ. Когда разошлись по домамъ самые запоздалые прохожіе, Квазимодо остался одинъ въ совершеннѣйшемъ мракѣ. Паперть собора тогда еще не освѣщалась.

Окна въ домѣ Гонделорье были освѣщены еще и послѣ полуночи. Квазимодо видѣлъ какъ мелькали сквозь цвѣтныя стекла танцующія тѣни. Еслибъ онъ не былъ глухъ, то могъ бы по мѣрѣ того какъ водворялась тишина въ спящемъ городѣ слышать музыку, смѣхъ и бальный говоръ. Въ первомъ часу гости начали разъѣзжаться. Квазимодо видѣлъ ихъ всѣхъ при свѣтѣ факеловъ на подъѣздѣ. Капитана все еще не было. Бѣднякъ началъ впадать въ тоску и машинально сталъ смотрѣть на небо. Большіе, черныя, разорванные облака висѣли какъ траурный крестъ подъ сводомъ звѣзднаго неба.

Въ одну изъ этихъ минутъ онъ увидѣлъ, что дверь балкона надъ его головой таинственно растворилась; двѣ личности явились на балконѣ: мужчина и женщина. Квазимодо узналъ капитана и красивую женщину; говорившую съ нимъ поутру съ того же самаго мѣста. Площадь была совершенно темна, а тяжолая, малиновая занавѣсъ, отдѣлявшая балконъ отъ комнаты, пропускала только слабый свѣтъ. Молодые люди по предположенію Квазимодо вели очень нѣжную бесѣду, которую онъ не могъ слышать. Дѣвушка позволила офицеру взять себя за талю и слабо защищалась отъ поцѣлуя.

Квазимодо снизу присутствовалъ при этой сценѣ, тѣмъ болѣе граціозной, что ей не предполагалось зрителей. Онъ съ горечью любовался этимъ счастіемъ, этою красотою. Природа все-таки брала свое, несмотря на безобразіе бѣдняка. Онъ думалъ о той грустной

долгъ, которую назначило ему провидѣніе, о томъ, что женщина, любовь, наслажденіе, цѣлую жизнь будутъ только проходить предъ его глазами и что онъ осужденъ быть вѣчнымъ зрителемъ счастья другихъ. Но всегдѣ тяжелѣе при этомъ зрѣлищѣ была для него мысль какъ бы страдала Эсмеральда, еслибы могла видѣть это. Правда, что очень было темно и что Эсмеральда была далеко и что онъ самъ едва могъ въ темнотѣ различать группу влюбленныхъ. Это его утѣшало.

Между тѣмъ ихъ бесѣда становилась все оживленнѣе. Дѣвушка казалось умоляла офицера не требовать отъ нее ничего болѣе. Квазимодо могъ различить только ея сложенные руки, улыбку смѣшанную съ слезами, глаза устремленные къ звѣздамъ и страстный взглядъ капитана, опущенный прямо на дѣвушку. Въ ту минуту какъ дѣвушка начала обороняться слабѣе, дверь балкона растворилась и на порогѣ явилась старуха. Красавица сконфузилась, офицеръ принялъ недовольный видъ и всѣ трое возвратились въ комнату. Минуту спустя къ крыльцу подвели лошадь и капитанъ пронесся мимо Квазимодо. Звонарь далъ ему повернуть за уголъ, потомъ бросился вслѣдъ за нимъ, съ проворствомъ обезьяны, крича :

— Ей капитанъ, остановитесь !

Капитанъ остановился.

— Что тебѣ нужно чучело? спросилъ онъ, разсмотрѣвъ приближавшуюся къ нему фигуру.

Квазимодо смѣло взялъ подъ уздцы его лошадь.

— Поѣдемте со мной капитанъ ; съ вами хотять говорить.

— Чортъ побери, я гдѣ-то видѣлъ эту хохлатую птицу. Слушай ты, оставь мою лошадь.

— Капитанъ, вы вѣроятно спрашиваете, кто хочетъ говорить съ вами.

— Я говорю тебѣ, чтобы ты оставилъ мою лошадь, закричалъ раздосадованный Фебъ. Что ты повѣсилъ такъ на уздѣ, ужъ не принимаешь ли ее за висѣлицу?

Квазимодо собирался напротивъ повернуть лошадь. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ сопротивленіе капитана, онъ поспѣшно сказалъ ему :

— Ыдемъ-те капитанъ, васъ ожидаетъ женщина, и съ усиліемъ прибавилъ : — женщина эта васъ любитъ.

— Вотъ уморительное чучело! думаетъ, что я обязанъ ѣздить ко всѣмъ женщинамъ, которыя меня любятъ или говорятъ мнѣ это. А

ну какъ она на тебя похожа? Скажи той, которая тебя прислала, что я женюсь и посылаю ее къ черту.

— Послушайте, закричалъ Квазимодо, думая однимъ словомъ возбудить всю его рѣшимость: — васъ ждетъ та цыганка, помните?

Это слово произвело на Феба сильное впечатлѣнiе, но не то, котораго ожидалъ глухарь. Читатели помнятъ, что капитанъ ушелъ съ балкона нѣсколькими минутами прежде, чѣмъ совершилось спасенiе цыганки. Съ тѣхъ поръ онъ тщательно избѣгалъ разговоровъ объ этой женщинѣ, воспоминанiе о которой было ему все-таки тяжело; съ своей стороны мадмоазель Гонделорье сочла не политичнымъ рассказать ему о чудесномъ спасенiи. Итакъ Фебъ думалъ, что бѣдной Симиларъ ужь давно нѣтъ на свѣтѣ. Прибавимъ, что въ эти минуты капитанъ началъ подумывать о темнотѣ ночи, необыкновенномъ безобразiи своего собесѣдника, о его гробовомъ голосѣ, о томъ, что время уже полночь и что въ такую же темную ночь подходилъ къ нему страшный монахъ. Ктому же и лошадь фыркала глядя на Квазимодо.

— Цыганка! вскричалъ онъ, почти испугавшись. Да ты посланный съ того свѣта, что ли? И онъ схватился за рукоять сабли.

— Скорѣй, скорѣй, повторялъ горбунъ, стараясь повернуть лошадь.

Фебъ ударилъ его въ грудь. Глазъ Квазимодо заблестѣлъ. Онъ сдѣлалъ было движенiе, чтобъ броситься на капитана, но остановился и сказалъ:

— О какъ вы счастливы, что васъ любятъ! — Ступайте, сказалъ онъ, отпустивъ узду.

Фебъ съ ругательствомъ задалъ лошади шпоры. Квазимодо видѣлъ какъ онъ исчезъ въ туманѣ.

— О, повторялъ бѣднякъ: — отказаться отъ этого!

Онъ воротился въ соборъ, зажогъ свою лампу и отправился въ башню. Цыганка все еще была на прежнемъ мѣстѣ. Завидѣвъ его издалека, она бросилась ему навстрѣчу.

— Одинъ, вскрикнула она, судорожно сжимая руки.

— Я не могъ найти его, холодно отвѣчалъ Квазимодо.

— Нужно было ждать цѣлую ночь, запальчиво возразила она.

Онъ видѣлъ ея гнѣвный жестъ и повялъ упрекъ.

— Въ другой разъ я лучше устерегу его, отвѣчалъ онъ, опустил голову.

— Ступай прочь, сказала она.

Онъ ушелъ. Она была имъ недовольна, но онъ лучше рѣшился перенести ея гнѣвъ, чѣмъ огорчить ее. Съ этого дня-цыганка не видѣла его болѣе. Онъ пересталъ приходить въ ея комнату. Изрѣдка голова его видѣлась на вершинѣ башни, но тотчасъ же исчезала при ея приближеніи.

Надо сказать, что ее мало огорчало это добровольное отсутствіе горбуна. Въ глубинѣ души она была ему благодарна за это. Впрочемъ Квазимодо все это хорошо зналъ. Она невидѣла его, но чувствовала, что за ней наблюдаетъ какой-то добрый геній. Съѣстные припасы появлялись во время ея сна; однажды утромъ на окнѣ ея очутилась кѣтка съ птичками. Надъ окномъ ея комнаты была одна скульптурная фигура, которая ее пугала. Она выразила свой страхъ въ присутствіи Квазимодо и въ одно утро (всѣ эти вещи происходили во время ея сна) фигура исчезла. Тотъ кто разбилъ ее долженъ былъ рисковать жизнью.

Иногда вечеромъ ей слышался голосъ какъ-будто баюкавшій ее странную пѣсню. Пѣсня была безъ рифмы:

«Не смотри на лицо, дѣвушка, смотри больше на сердце. Сердце красиваго мужчины часто бываетъ безобразно. Есть сердца, въ которыхъ любовь живетъ не долго. Дѣвушка! Ель некрасива, не такъ красива какъ тополь, но листья ея не падаютъ и зимою. Увы, к чему говорить это! безобразному ненужно бы и родиться. Красота любить красоту. Апрель отворачивается отъ января. Красота совершенна, красота все можетъ. Одна красота живетъ не вполонину. Воронъ летаетъ только днемъ, сова летаетъ только ночью, а лебедь летаетъ и днемъ и ночью.»

Проснувшись однажды, она увидѣла на окнѣ двѣ вазы съ цвѣтами. Одна была изъ прекраснаго хрустала, но съ трещиной; вода изъ нея вытекла и цвѣты завяли. Другая была глиняная и грубой работы, но сохранила всю воду и цвѣты въ ней были свѣжи.

Незнаю съ намѣреніемъ ли, только Эсмеральда вынула завявшій букетъ и цѣлый день носила его на груди. Въ этотъ день-пѣсни не было слышно, но ей это было все-равно. Она проводила всѣ дни лаская Джаги, смотря на домъ Гонделорье, внутренно бесѣдуя съ Фебомъ и кормя ласточекъ. О Квазимодо не было и слуха. Бѣдный звонарь какъ-будто исчезъ изъ церкви. Только однажды ночью, когда ей неспалось, она услышала дыханіе у своей двери. Она встала и увидѣла у порога безобразную массу. Это былъ Квазимодо, охраняющій ея жилище.

V

КЛЮЧЪ ОТЪ КРАСНОЙ ДВЕРИ

Между тѣмъ до ушей архидіакона дошли толки о чудесномъ спасеніи цыганки. Когда онъ узналъ это, съ нимъ случилось что-то странное. Онъ было уже свыкъся съ мыслью, что Эмеральда умерла и былъ спокоенъ какъ человѣкъ достигшій крайней глубины несчастья. Человѣческое сердце способно содержать въ себѣ только известное количество отчаянія (Клодь часто разсуждалъ объ этомъ предметѣ). Когда губка совершенно уже напиталась, цѣлое море можетъ пройти надъ нею, не прибавивъ ей лишней капли.

Со смертью Эмеральды губка наполнилась — все было сказано для Клода. Но знать что она жива и Фейбъ также — это значило разбудить всѣ заснувшія муки и желанія. Клодь усталъ отъ всего этого. Услышавъ новость, онъ заперся въ своей кельѣ, не являлся къ службѣ и недопускалъ къ себѣ никого, даже епископа. Такъ провелъ онъ нѣсколько недѣль. Всѣ думали, что онъ боленъ и это была правда.

Что дѣлалъ онъ? Какія мысли терзали его? Была ли то послѣдняя борьба страсти? Обдумывалъ ли онъ новый планъ къ своей и ея гибели.

Жанъ, его любимый братъ, его балованное дитя, неразъ подходилъ къ двери, просилъ, умолялъ, плакалъ, бранился, но Клодь не открывалъ. Цѣлые дни проводилъ онъ облокотясь на окно. Изъ этого окна видна была келейка Эмеральды; иногда онъ видѣлъ и ее самое съ козой или съ Квазимодо. Онъ замѣчалъ угодливость горбуна и его повиновеніе и деликатность въ отношеніи цыганки. Онъ вспоминалъ (память есть главный мучитель ревнивцевъ) тотъ страшный взглядъ, который Квазимодо устремилъ на танцовщицу въ одинъ памятный вечеръ. Онъ спрашивалъ себя что заставило Квазимодо спасти ее. Онъ былъ свидѣтелемъ тысячи маленькихъ сценъ между цыганкой и звонаремъ, жесты котораго, видѣнные издалека и объясняемые ревностью, казались ему очень нѣжными. Ему пришли на мысль странности женскаго характера и въ душѣ его шевельнулась ревность, заставлявшая его краснѣть отъ стыда и негодованія. Добро бы капитанъ, — а этотъ уродъ...

Ночи его были ужасны. Съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что Эсмеральда жива, мысль о могилѣ и привидѣніи покинула его и дала мѣсто терзаніямъ плоти. Онъ катался по своей постели, сознавая близость молодой дѣвушки. Каждую ночь воображеніе рисовало ему Эсмеральду во всѣхъ положеніяхъ, отъ которыхъ наиболѣе кипѣла его кровь. Онъ видѣлъ ее въ объятіяхъ капитана съ закрытыми глазами, съ грудью облитой кровью Феба, въ ту минуту какъ самъ онъ напечатлѣлъ на ея холодныя губы тотъ поцѣлуй, огонь котораго она смутно почувствовала даже въ обморокѣ. Онъ видѣлъ ее обнажаемую грубыми руками палачей въ ту минуту, когда вкладывали въ деревянную колодку съ желѣзными гвоздями ея маленькую ножку. Онъ видѣлъ какъ ея бѣлое колѣно одно осталось внѣ страшнаго аппарата мученій. Наконецъ представлялась ему бѣдная дѣвушка въ сорочкѣ съ веревкой на шеѣ, съ обнаженными плечами и ногами, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Эти сладострастные образы заставляли его содрогаться.

Въ одну ночь его дѣвственная кровь такъ закипѣла, что онъ искусалъ свою подушку, вскочилъ съ постели, накинулъ мантию и вышелъ изъ кельи. Онъ зналъ гдѣ найти ключъ отъ красной двери, ведущей изъ монастыря въ церковь, а ключъ отъ лѣстницы, ведущей на башню, всегда былъ при немъ, какъ извѣстно читателю.

VI

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Въ эту ночь Эсмеральда заснула съ сладкими надеждами. Ей по обыкновенію ужъ снился Фебъ, какъ вдругъ ее разбудилъ легкій шумъ. Сонъ у ней былъ чуткій какъ у птицы. Она открыла глаза. Ночь темная, однако можно было разсмотрѣть фигуру, стоящую у окна комнаты. Въ ту минуту какъ Эсмеральда проснулась, фигура задула лампу, но холодный трепетъ ужъ пробѣжалъ по жиламъ Эсмеральды.

— О, вскрикнула она: — опять онъ!

Все прошлое горе мгновенно ожило въ ея памяти. Она почти безъ чувствъ упала на постель. Минуту спустя она почувствовала прикосновеніе, заставившее ее вскочить. Клодъ прокрался къ ней и обнималъ ее. Она хотѣла закричать, но не могла.

— Уйди чудовище! уйди убійца! шептала она.

— Сжался! сжался! твердилъ архидіаконъ, покрывая поцѣлугами ея плечи.

Она схватила его обѣими руками за оставшіеся волосы и старалась избѣжать его поцѣлуевъ.

— Сжался! повторилъ несчастный; еслибъ ты могла знать, что такое моя любовь въ тебѣ! Это огонь, это растопленное олово, удары тысячи ножей въ сердце.

И онъ съ невѣроятной силой сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Пусти меня, или я тебѣ плюну въ лицо!

Онъ разжалъ руки.

— Унижай меня! бей меня! дѣлай что хочешь, только будь моею.

Тогда она начала бить его какъ озлобленное дитя.

— Уйди отъ меня сатана.

— Будь моею изъ жалости, кричалъ бѣдный Клодъ, отвѣчая поцѣлугами на ея удары.

Вдругъ она почувствовала что онъ пересилилъ.

— Нужно кончить! сказалъ онъ, стиснувъ зубы.

Она была въ его власти, чувствовала на себѣ его руки и сдѣлавъ послѣднее усиліе, начала звать на помощь.

Отвѣта не было. Одна Джали проснулась и жалобно блеяла.

— Молчи, шептала священникъ.

Вдругъ отбиваясь отъ него, цыганка ощутила подъ рукою что-то холодное и металлическое. Это былъ свистокъ Квазимодо. Она конвульсивно схватилась за него, поднесла къ губамъ и свиснула насколько было силы.

— Что это? спросилъ священникъ.

Почти въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его хватаютъ сильныя руки. Въ комнатѣ было темно. Онъ не могъ различить кто держалъ его, но слышалъ яростный скрежетъ зубовъ и увидѣлъ какъ блеснуло надъ его головой лезвіе ножа. Клоду показалось, что онъ узнаетъ фигуру Квазимодо. Онъ припомнилъ, что при входѣ въ комнату, онъ наткнулся на что-то лежащее у порога, но такъ какъ нападшій не говорилъ ни слова, то Клодъ не зналъ что дѣлать; схватилъ его за руку и крикнулъ: Квазимодо! забывая, что звонарь не услышитъ. Въ одно мгновеніе Клодъ лежалъ на полу и чувствовалъ на груди своей тяжесть безобразнаго колѣна Горбуна. Спасенія не было. Ночь дѣлала глухого слѣпымъ, а Эсмеральда какъ

разъяренная тигрица не хотѣла прекратить его муки. Ножъ занесенъ былъ надъ его головою. Минута была критическая. Вдругъ побдитель началъ колебаться.

— Нѣтъ, нельзя осквернить кровью ея жилище, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Голосъ былъ Квазимодо.

Тогда горбунъ повлекъ свою жертву изъ комнаты за ногу; смертный часъ наступалъ. Къ счастью въ это время вошла луна и ея блѣдный лучъ упалъ на лицо Клода. Квазимодо вздрогнулъ, сдвинулъ шагъ впередъ и отступилъ. Цыганка, подошедшая къ двери, съ удивленіемъ увидѣла, что роли перемѣнились. Теперь Клодъ Фролло угрожалъ, а Квазимодо умолялъ. Клодъ Фролло выразилъ жестами свой гнѣвъ и приказалъ ему удалиться.

Звонарь опустилъ голову, но вдругъ воротился и сталъ на колѣни передъ дверью Эсмеральды.

— Мюнсеньеръ, сказалъ онъ покорно: — дѣлайте что вамъ угодно, только прежде убейте меня.

Говоря такимъ образомъ, онъ подавалъ ножъ Клоду Фролло.

Клодъ видъ себя бросился на оружіе, но Эсмеральда успѣла вырвать его изъ рукъ Квазимодо и злобно захохотала.

— Подойди теперь! закричала она.

Рука была занесена. Клодъ Фролло колебался. Нѣтъ сомнѣнія, что она способна его убить.

— А, ты не смѣешь подойти теперь, трусъ, кричала она и прибавила медленно, зная что каждое слово ножомъ вонзится въ его сердце: — А я знаю, что Фебъ не умеръ!

Клодъ Фролло оттолкнулъ Квазимодо ногою и бросился на лѣстницу. Когда онъ вышелъ, Квазимодо поднялъ свистокъ, спасшій цыганку.

— А онъ начиналъ ужъ ржавѣть, грустно сказалъ онъ, подавая его и вышелъ.

Измученная дѣвушка упала на постель и зарыдала. Снова собирались надъ нею тучи. Въ свою очередь архидіаконъ ощупью добрался до своей кельи. Рѣшено. Клодъ ревновалъ къ Квазимодо! Онъ медленно повторилъ свое роковое слово: никто не будетъ обладать ею!

СТРАННИЦА

Вечеръ. Темно. Вьюга шумитъ, надрывается.

Душно и чадно въ избѣ. Еле мерцаетъ лучина, вспыхивая неровнымъ, замирающимъ блескомъ. По закоптѣлымъ стѣнамъ развѣшаны лохмотья, поставцы съ посудой, хомуты и возжи, и стадами гуляютъ между ними черные тараканы, которыхъ любятъ наши простолюдины, какъ вѣрныхъ предвѣстниковъ счастья; всюду сквозитъ нищета и убожество, — неприглядное убожество великорусскаго мужика. На столѣ берестовая солонка, пустая миска, кружка съ отбитымъ краемъ, да обглоданныя корки чернаго хлѣба. Пахнетъ рѣпкой, чеснокомъ и кислой капустой. На палатяхъ видны двѣ косматыя головы — носомъ къ носу и слышно ихъ сильное храпѣнье. На печкѣ громко охаетъ бабушка Марѳа Терентьевна: третій день ее сердешную треплетъ лихорадка, — зубъ на зубъ не сходится — не знаетъ что и дѣлать. А въ углу гдѣ-то бойкій мышпонокъ беззаботно грызетъ и перекидываетъ старый сухарь, завалившійся подъ лавкой... Съ порывистымъ визгомъ приударила вьюга въ вѣтхія окна и забросала ихъ, будто дробью, крупными каплями полузамерзшаго држда; холодокъ прошолъ по избѣ; ярко вспыхнула лучина и отблеснула въ фольговой ризѣ иконы...

Подъ иконою на лавкѣ сидитъ мололица—Акулина; на рукахъ ея дремлетъ ребенокъ. Ей самой было вздремнулось маленько, но этотъ порывъ вьюги разбудилъ Акулину и принялась она торопливо качать свое дитя. Ребенокъ закашлялъ, судорожно заболталъ рученками и застоналъ. Мать переложила его на другую руку и снова качаетъ.

— Спи родной, спи голубокъ мой, приговариваетъ она: — вишь ты время трудное какое; мать-то сама съ тобой стосковалась.

Но не спать дитя.

— Охъ, Господи! прости ты согрѣшенія наша!.. Смерть моя приходитъ, слышитесь съ печки.

— Что, бабушка, не легчаетъ?

— Нѣтъ, родная, не легчаетъ; не одобровать мнѣ видно! Охо-хо! Застовала бабушка пуще прежняго.

— Что жъ тутъ подѣлаешь!

— Ничего не подѣлаешь; терпѣть надо. Кабы не время такое, была бы здорова. Вотъ и о святкахъ тоже, помнишь, забрала меня какая трясушка; не знала куда дѣваться, — такъ и преть душа вонъ, да, спасибо, — мать Арина выручила изъ бѣды.

— Лѣкарствіе что ли какое дала?

— Нѣтъ, она дала мнѣ бутылочку съ масломъ отъ чудотворной иконы да и говорить: вытрись молю этимъ масломъ да выпей ложечку, — все какъ рукой сниметь. Я такъ и сдѣлала. Съ первой ложки-то не помогло, такъ а другуюхватила, — ну святыня, извѣстно, и взяла свое, — легче стало. А теперь время не такое, дятя-ко; съ первой же недѣли да за масло... Не допусти Господи!

— Масла нельзя.

— Терпѣть буду, а грѣха на душу не возьму.

— А квасъ съ солью пила?

— Пила, да не беретъ.

Замолчали бабы. Опять послышалось сиплое храпѣнье съ палатей и докучная возня мышонка. Въ чьемъ-то брюхѣ громко проворчало... Опять рванулась буря; вспыхнула лучина. Ребенокъ сталъ метаться и плакать. Мать нажевала чернаго хлѣба и сунула ему въ ротъ, но тотъ отказался отъ этого лакомства и закричалъ. Одинъ изъ снавшихъ на палатахъ потянулся и пробормоталъ что-то полънось. Акулина подняла дѣтище, схватила его на руки и начала ходить по избѣ съ горькими причитаньями.

— Полно тебѣ ныть-то! душу всю избила, заголосилъ съ палатей Кузьма, мужъ Акулины.

— У меня самой сердце-то надрывается, слеза прошибаетъ; отвѣтила отрывисто молодлица. Ну что я тутъ подѣлаю?

— Тебѣ сказано, что ребенокъ истъ хочетъ, ты и не разсуждай.

— Чегожъ я ему дамъ-то? Ему, вишь, молока надо, а теперь вѣшто вѣять молоко?

— А ты не блажи! Тебѣ толкомъ говорить, что велѣно дать, ты и давай; тутъ грѣха нѣту.

— Кто велѣлъ-то? спросила старуха.

— Я въ городѣ лекаря спрашивалъ, такъ ояъ и велѣлъ; бантъ, что дятѣ разума не имѣеть, такъ съ него и спрашивать нечего, и Богъ простить ему это дѣло за его глупость.

— Дать вѣшто? робко спросила Акулина.

— Я те дамъ, ты поговори у меня, осырзлась старуха: — вы

всѣ глушы, такъ значитъ и грѣшить намъ можно? Ишь вѣдь ляпнула что!.. Нѣтъ ты больше молись коли глупъ; а твоя глупость намъ не указъ. Эхъ ты Кузьма, Кузьма! Обидѣлъ тебя Богъ умою-то... Старуха не договорила, закашлялась.

— Миѣ-то што, миѣ все одно, — я только къ слову, значитъ, заговорилъ Кузьма: — сказываю, что, лекаръ велѣлъ накормить, не то говорить помретъ. Тебѣ же небось самой не весело будетъ, какъ помретъ Сенюшка.

— На то есть воля божія... А я те скажу, что лекаръ — не попъ. Лекаръ велѣлъ, да Богъ не велѣлъ, а нѣшто онъ хуже твоего лекаря дѣла-те понимаетъ?

— Э, ну васъ! съ сердцемъ проговорилъ Кузьма: — одно слово: бабье. И онъ сердито повернулся на другой бокъ, силясь уснуть.

Изъ всѣхъ этихъ словъ одно особенно затронуло чуткое сердце матери и заставило ее съ ужасомъ взглянуть на свое дитя. «Помретъ... умереть можетъ Сенюшка», прошептала она, и возможность этой смерти смутила ее окончательно. Теперь только она замѣтила, что Сенюшка сильно исхудалъ за эти дни, краска пропала съ лица, глазенки мутные стали. Прежде такой горластый былъ: все кричалъ благимъ матомъ, и не уймешь бывало; а теперь и крикъ куда дѣвался, только охаетъ да стонетъ; и жаль ей стало свое дѣтище... «Нѣтъ, подумала она: — не бывать тому: на свою душу грѣхъ возьму, а спасу Сенюшку», и отерла рукавомъ навернувшіяся слезы. Сердце матери боролось теперь съ суевѣріемъ, а дитя мечется тоскливо, нѣтъ-нѣтъ да и застонетъ такъ болѣзненно, жалко. «Умираетъ», шепнула Акулина и страхъ началъ охватывать ее; слезы такъ и подступаютъ къ горлу.

— Бабушка! закричала она слезливо.

— Чего тебѣ? спрашиваетъ бабушка.

— Помираетъ Сенютка, заголосила на взрылъ Акулина: — умираетъ соколикъ мой, желанный мой, только мѣсяць и пожилъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Да ты дай ему хлѣба опять, може возьметъ.

— Не беретъ онъ хлѣба, не беретъ сердечный...

— А ты попробуй, сдѣлай жевокъ-то! Дай суды хлѣба, а иожую...

— Нѣтъ, ужь пусть лучше сгибну, въ некло пойду, а молока лать надо... Жить не хочу, коли помретъ Сенюшка...

— Слышь, Акулина, не теряй вѣры. Эти слова припоминаетъ тебѣ на томъ свѣтѣ.

— Да что ты бабка толкуешь-то? вмѣшался опять Кузьма: —

только понапрасну смущаешь бабу. Сказано, что грѣха тутъ нѣту, вотъ и все. Корми его, Акулина!

— А вы напередъ схороните меня, да потомъ и грѣшите какъ знаете; а пока жива, я бѣсамъ служить у себя въ домѣ не позволю. Вотъ мое послѣднее слово.

Кузьму наконецъ взорвало.

— Чтобъ васъ горой раздуло! въ сердцахъ прошилъ онъ, и прыгнувъ съ полатей, сталъ проворно напяливать тулупъ.

— Куда-жь ты? спросила озадаченная старуха.

— Пойду къ попу.

— Зачѣмъ!

— Приведу его сюда, пусть онъ пообуздастъ васъ какъ самъ вѣдаетъ, а я ужь молчать буду. Васъ добрымъ-то словомъ не проймешь.

— Ну коли попъ благословить, на ого душѣ и грѣхъ будетъ...

Онъ пошелъ было, но въ дверяхъ остановился и спросилъ:

— А что, баушка, съѣла ты лекарство, что я-те изъ города привезъ?

— Нѣтъ, родной.

— Что-жь такъ? сказывали — поможетъ.

— Меня все сумленье беретъ: съ виду оно что-то больно бѣло, будто молоко. Вѣдь Христось ихъ вѣдаетъ, може и скоромъ какая.

— Да надожь лечиться, — лекаръ велѣлъ.

— А ты что лекаремъ глаза-то мнѣ тычешь? Сама знаю, что дѣлаю.

— Ну впередъ и не жалься на меня. Мое дѣло сдѣлано!

И онъ со злоста такъ хлопнулъ дверью, что стекла задребезжали.

Лучина погасла. Старуха мѣрно заохала, припоптывая въ перемешкахъ разныя душеспасительныя вещи. Съ палатей послышался длинный, тоскливый зѣвокъ и вздохъ человѣка, которому крѣпко хочется спать, да не даютъ. А Акулина сидитъ на скамейкѣ и все прислушивается къ дыханью дитяти. Ознобъ пронимаетъ ее. Что если помретъ онъ недождавшись попа, думаетъ она: — что будетъ тогда со мною. Вѣдь одинъ сынъ только и есть... другой можетъ и будетъ потомъ, да все не Сенюшка будетъ.» Она осторожно положила его на полъ, оглядѣлась, чутко прислушалась и начала съ жаромъ молиться. Долго и крѣпко молилась она, слезы текли сами собою... Потомъ съ тайною рѣшимостью взяла она ребенка на руки, а у самой нога трясется отъ страха, звонъ идетъ въ ушахъ. За-

гидьвѣ дыханіе, она оглядѣлась снова, потомъ дрожащими руками отстегнула воротъ рубахи и прижала Севюшку къ обнаженной груди... Молоко каснулось губъ дитяти и судорожно, съ радостнымъ верхованьемъ, схватило оно запрещенную пищу... Еще бы минутка и спасенъ Севюшка, но какъ нарочно теперь кто-то стукнулъ въ окно. Акулина вздрогнула и оторвала литья отъ груди. Севюшка закричалъ уже громче прежняго. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? крикнула старуха съ печки.

— Христа ради, впустите божию странницу; дайте обогрѣться минуточку! послышалось за дверью.

— Войли, родная! Акулина, впусти странницу.

Акулина зажгла лучину и отперла двери. Въ избу вошла женщина лѣтъ тридцати-пяти, довольно плотная, рябая, съ маслянистымъ лицомъ: точно кто вымазалъ ее деревяннымъ масломъ; близъ подбородка торчалъ у ней, что называется, *оазисъ*, то-есть родное пятнышко съ длиннымъ пучкомъ жесткихъ волосъ; подъ лѣвымъ глазомъ красовалась какая-то висючка, на манеръ горошины; съ носа перхля и слезала кожа, — отъ вѣтра ли, или отъ другихъ посторопныхъ причинъ — не видно. На ней былъ дубленый полушубокъ съ суконными заплатами; голова обмотана грязнымъ тряпьемъ чернаго цвѣта; сзади объемистая котомка, привязанная ремнями къ плечамъ; въ рукахъ были ордена странничества: суковатый посохъ и длинныя четки. Съ оханьемъ и вздохами вошла она въ хату, перво-наперво помолилась иконѣ, затѣмъ перекрестила вокругъ всѣ углы, и окинувши зоркимъ взглядомъ публику, низко поклонилась ей.

— Аль спите? спросила она басомъ.

— Нѣтъ еще, голубка.

— Такъ я посижу маленько.

— Садись, родная, обогрѣйся. А ты что такъ поздно?

— Наше дѣло извѣстное: все на подвигѣ, отвѣчала странница усаживаясь. Спать теперь грѣхъ: дни великіе настали — бодрствовать надо. Я о рождествѣ разъ заходила къ вамъ, да и думаю теперь: дайко зайду опять, авось не выгонять, вотъ и зашла. Будьте здоровы!

— Спасибо, человекъ божій. Такъ ты уже не въ первой къ вамъ?

— Была разъ; тебѣ еще, помню, добрымъ совѣтомъ помогла.

Старуха приподнялась и осмотрѣла говорившую.

— Да это ты викакъ мать Арива?

— Я, кормилица, я.

— Вотъ къ случаю-то успѣла, мать моя, тебя намъ и надо. Да ты далеко ли пробираешься?

— Да вотъ пробираюсь помаленьку къ кіевскимъ угодникамъ разговлаться. Оттуда пройду къ Духу на скитъ; къ Михаилу-архангелу по пути заверну, — спровѣлатъ надо знакомыхъ пустыяниковъ; и такъ до Одеста. Тамъ соберутся наши странники и поплывемъ мы въ землю бусурманскую на гробъ христовъ.

— Такъ ты нынче, мать, великое дѣло задумала.

— Да, родная, собралась наконецъ. Вотъ ужъ я двѣнадцать годовъ странствую по угодникамъ нашимъ, и въ Кіевѣ была, и Соловки видѣла, а Троицу-Сергію какъ свои пять пальцевъ знаю: своими глазами видѣла тамъ чудеса господни; а все-то таяло меня къ великой святыни на Голгофу божію. Думаю: всѣ-то наши тамъ были, а я только не была, надо идти замаливать за себя и за благодѣтелей своихъ. Элакимъ-то манеромъ я однажды было совсѣмъ собралась, да заболѣла, — а наши ждуть не стали меня, такъ и уѣхали. Въ другой разъ собралась, да денегъ не хватило на дорогу, только до Одеста и доѣхала. Ну, думаю не видать мнѣ видно святыни какъ ушей своихъ, и такое это горюшко забрало меня, сама не своя была. Нынче Господь помогъ мнѣ устроить это дѣло. Я всю прошлую зиму прожила у Варухиной, слышала?

— Нѣтъ не слыхала, голубка.

— Богатая такая, два дома имѣеть... Такъ я у ней тамъ разныя книжки читала и толковала ей потомъ все это. Она самая и дала мнѣ на дорогу малую толику ради спасенья душевнаго. Вотъ святая-то душа выдетъ изъ нея; немного нынче такихъ.

— Барыня она чтоль какая?

— Гдѣ ужъ барыни такой быть, она изъ простова купецкаго роду. Самъ-то горькую пьетъ, а страхъ божій имѣеть. Одинъ сыночекъ у нихъ въ барѣ вышелъ, а другой такъ, простой членъ, тоже значить торгуетъ. Гдѣ барамъ! Нынче все моды да нехристи: поповъ не боятся, а на нашу сестру и плевать нехотятъ.

— Правда, мать моя, правда! Одного только нынѣ жалеется, — умереть бы хоть съ миромъ.

— Какъ только Богъ грѣхамъ терпитъ.

Замолчали бабы, понуривъ головы, и думали свои мрачныя думы.

— Чтожъ, родненькіе, можно у васъ переночевать? спросила странница безцеремонно развязывая ремни котомки.

— Ночуй, матушка, Христовъ съ тобою, отвѣчала старуха слезая съ печки: — мы не такіе отступники, чтобы странную женщину стали выгонять. Снимай котомку-то, да и ложись съ Богомъ;

иногда не мажешь не заниматься-стать. Вотъ и я къ тебѣ подсаду, — потолкуемъ. И крехтя да охая побрела она къ скамейкѣ.

— Слышала я, матушка, что тебя опять достыла ручка господня: захворала? спросила странница.

— Ужъ такъ захворала, что и не встать кажись; время-то такое, сама знаешь... Вотъ, какъ ты пришла, маленько легче стало.

— А масло пила?

— Что ты, мать, аль уродствуешь? на первой недѣлѣ да масло.

— Тѣфу околяни... Святъ, святъ, святъ... Странница оторопѣла и схватила за четки. Господи, мать Богородица! ишь вѣдь лукавый тѣму какую напустилъ... Простите меня окаянную; совсѣмъ забылась.

— Богъ тебя простить. Не нашего ума это дѣло. То-то я слушаю, что говоришь ты неладно; а это лукавый съ тобой заигрываетъ. Чуть кто посвятитъ, онъ — какъ тутъ.

— Тенерь и отмаливайся какъ знаешь. Надо будетъ сотенки двѣ лишнихъ поклоновъ положить у гроба господня, если допустить его святая воля.

— Одна идешь, Аринушка?

— Нѣтъ не одна. Со мной идетъ еще одна странница, да съ чюдова отецъ Прокопій, что въ огнѣ-то не горитъ; — онъ ужъ два раза былъ въ святой землѣ, такъ и намъ указывать будетъ. Да вотъ еще Терентій Кузьминъ пожелалъ съ нами идти; знаете Лысого?

— Какъ, съ нашего села?

— Неужто Тереза Лысый идетъ? закричалъ Андрей, неожиданно выскунувшись съ палатей.

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ съ бабой, а дѣтокъ пятеро есть.

— Все бросаетъ, голубчики; тамъ тенерь такой соломъ, что Боже унаси; жена и дѣтки реями ревутъ, а онъ деретоя; коли такъ, говорить, то совсѣмъ сбѣгу, только вы меня и видѣли.

— А вѣдь такой тихій былъ; подижь ты.

— Идетъ, торжественно повторила Арина.

— Да ктожь его это надуумалъ?

— Я да отецъ Прокопій тамъ ночевали, ну и говоръ былъ, съ вечера значить, о святой-то землѣ. Отецъ Прокопій рассказывалъ какія чудеса тамъ видѣлъ; говорилъ, что семъ апостолъ Петръ тамъ грѣшникамъ грамотку такую раздаетъ, по которой всѣ грѣхи прощаются; это пуше и сманило Терентія; пойдю, говорить, безпрѣмънно. Жена дарила, а онъ ей въ ауфъ, — значить не суротчедъ.

— Свѣсть нечиста у него, потому и идетъ, зашѣтилъ опять Андрей.

— У кого-жъ она чиста-то, родные?

— Да я не протю. Я говорю: онъ за сына отмаливаться хочетъ. Сына у него о прошлой веснѣ деньги укралъ, а онъ поймалъ да и забилъ его до смерти. Хоша это дѣло и схоронили начисто, иначе миръ толковалъ, что оно ему даромъ не пройдетъ, что молонья за это убьетъ его безпремѣнно. А онъ струсилъ, вотъ и идетъ каваться.

— Нѣтъ, родной, тутъ дѣйствуетъ одна благодать божеская и указываетъ нуть ко спасенію. Вотъ, къ примѣру, въ Грачихѣ былъ случай: сманили мы одного парня на подвигъ; ужъ такой былъ смиренный да работащій, воды незамутитъ, а тоже ушолъ, да еще деньги у отца тайкомъ унесъ, чтобъ на разныя добрыя дѣла жертвовать.

— А ты не толкуй, Андрей, чего не смѣкаешь, заворчала бабка: — ишь наплелъ какое дѣло.

— Да я такъ только, баушка, къ слову пришлось. Кто-жъ е знаетъ, може и самъ-дѣлѣ благодать.

— Благодать, родной, владычицы оствненіе, свѣше облакъ святыхъ... на ангелахъ висо...высокихъ... Страница заговорила что-то черезчуръ высокое и закашлялась.

Смокли. Андрей, почесывая за поясомъ, слѣзъ съ палатой и подошелъ къ столу. Онъ заглянулъ было въ миску, но не найдя въ ней ничего, принялся уплетать оставшіяся корки хлѣба. Бабы посмотрѣли на него недоброжелательнымъ взглядомъ; страница при этомъ даже очень назидательно вздохнула, но Андрей мало обратилъ вниманія на это и пригорѣлыя корки захрустѣли на его здоровыхъ зубахъ.

— Аль опять проголодался? спросила старуха, которую наконецъ злость взяла.

— Я-то?

— Ты-то.

— А ты напередъ спроси, что я ѣлъ сегодня?

— Видѣла что, не слѣпая.

— Окромѣ рѣдьки да квасу, маковой росинки во рту небыло. А я ѣлъ не Кузьма, — тотъ почитай однимъ воздухомъ питается.

— Знаемъ мы этотъ воздухъ. А впрочемъ жри коли охота пришла, я молчу. Бабка вздохнула.

— Вотъ не безъ милости, заговорила страница.

— Вотъ какъ нынче, мать моя, и постъ-отъ не ублажаетъ ни-

режь; праведный да твердый человек за рѣдкость сталъ. Вотъ какія времена мы съ тобой переживаемъ.

— Ничего, на нашу жизнь еще хватитъ святыхъ-то людей, отвѣчала странница: — есть такіе люди, что весь постъ не ѣдутъ неделями, а что первую да послѣднюю седмицу, сплошь да рядомъ видѣла, — одной молитвой сыты бывають. Хранить ихъ мать Богородица; имъ только и миръ держится. Да вотъ, къ слову, Марья Андреевна Варухина, — семь просвирокъ въ постъ, — и вся нища. Ей-Богу.

— Зарѣдкость, матушка, зарѣдкость эти подвиги.

— А чай трудно ничего-то не есть? замѣтилъ Андрей, пережевывая послѣднюю корку.

— Еще бы, отвѣчала бабка: — безъ труда не спасешься. Вотъ дѣдка мой, царство ему небесное, тоже однажды далъ обѣтъ Богу цѣлый постъ ничего не ѣсть, да грѣхи свои отмаливать; только съ нимъ недоброе дѣло вышло. Какъ теперь вижу (я была еще ребенкомъ), въ самое это прощенное воскресенье къ вечеру, простился онъ сердешный съ нами, легъ въ большой ларь ничкомъ, да и велѣлъ запереть себя на замокъ, а ключъ на икону повѣсить. Мы, какъ слѣдуетъ, слѣдали это дѣло: заперли его, вынесли на сѣнникъ, чтобъ значить не смерзъ, и ждемъ что будетъ, — радуемся что изъ нашей родни хоть одинъ праведникъ выдетъ. Да нѣтъ, не вышелъ, — только пять сутокъ пролежалъ, а на шестыя такой крикъ да возню поднялъ, что хоть святыхъ вонъ носи. Сбѣжались это мы всѣ къ сѣннику, въ попыхахъ отперли ларь, а онъ смотритъ на насъ словно шальной, глазами такъ и ворочаетъ, да какъ закричитъ: — ѣсть давайте, хлѣба, каши, молока — кричатъ. Что ты дѣдко, говоримъ, опомнись, вѣдь постъ новѣ; мы сами не ѣвши ходимъ, а ты обѣтъ далъ. — «Я вамъ дамъ, говоритъ, обѣтъ,» да и почалъ ругать все что ни пришло въ голову, и насъ, и всѣхъ; до того дошолъ, что у насъ волосы дыбомъ встали. Дѣлать нечего, надо было скорѣе накормить его, не то думаемъ убьютъ кого...

— Какъ, в скорѣи дали? спросила Арина.

— Все поѣлъ, къ вечеру даже пьянъ нализался.

— Ишь ты какъ вышло, вотъ-те и постъ, замѣтилъ ухмыляясь Андрей. Онъ вообще любилъ послушать разные занятные разговоры.

— Опосля однако дурь прошла, продолжала бабка: — спався, плакать сталъ, да съ третьей недѣли и сбѣжалъ съ дому. До самой весны мы его не видали.

— Куды сбѣжалъ?

— Христосъ его вѣдаетъ. Сказывалъ вотомъ, что у пустыни-

ковь: саросскииъ жьль; да и спрашиваеъ его: боливъ ебъ зломъ дѣлѣ: не любилъ старикъ.

— Такъ, мать моя, такъ. Все это лукавый шутавъ: губитъ онъ души христіанскія. Особенно падохъ онъ на нашу брѣвю людей странныхъ, отрехшихся отъ міра, — вѣтъ-вѣтъ да и влаетъ въ какое непотребное дѣло. Вотъ въ пришѣру я расказу вамъ одинъ случай. Одинъ знакомый былъ у меня, въ чисто божиіи человекъ, — тоже но вѣвѣтъ угодникавъ ходилъ, съ міру кормился, мерити во силъ тяжолыя. Толпами бѣгалъ за нимъ народъ, спрашиваеъ значитъ его о спасеніи, и онъ побожески умудраеъ грѣшниковъ. Только о великомъ посту однажды, ревнуя о спасеніи душевномъ, онъ рѣшился всѣ сорокъ день безвыходно провести въ хрѣствѣ божиемъ. Ну и началъ это дѣло, какъ надо бытъ: двемаъ молился съ прочими, а на ночь оставался одинъ на подвигѣ. Только тутъ почистый и попуталъ, да какъ еще попуталъ..

— Въ церкви-то?

— Да, родной; тамъ обуили его эти проклятыя твари, и наломали они его взломать кружки церковныя. Онъ не устоялъ отъ искушенія, забралъ деньги, да такъ и бѣжалъ. На утро хватилась, ахъ ни его ни денегъ вѣтъ.

— Во-какъ! ай ты мать Богородица! вырвалось у Андрея.

— Ей-богу. Такъ и скрылся.

— Чтожь, словили потомъ?

— Опосля словили гдѣ-то въ лѣсу да прямо въ стаиъ и представили. Хоть онъ и говорилъ становому, что только юродства ради стянулъ деньги, чтобъ меньше значить говору было въ народѣ о его святости, — да не повѣрили. Такъ и спибъ.

— Може и въ самъ-дѣлѣ тодыко для юродства.

— Христось его знаетъ.

— Гдѣжь онъ теперь?

— Сказывають, что въ Сибири на каторгѣ работаетъ; тамъ чай спасаетъ свою душеньку, яко разбойникъ благочестивый. Уже если кому на роду написано спастись, — спасется гдѣ бы ни былъ. Помните вы мое слово.

Старуха ничего не возразила и задумалась. Андрей зѣвая потянулся поправить лучину и опрокинулъ миску. Пустая миска куцаремъ покотилась по полу; Андрей ворча подвѣялъ ее, осмотрѣлъ опять и внулъ въ ставецъ съ носудой. Ребенокъ, молчаливъ до сей поры, опять заплакалъ. Акулина очнулась отъ тоскливаго забытья и принялась качать его. Она смутно слышала всѣ эти тоны и обра- щенія: стало ей за себя: совѣсть зацѣпила сердце. А ребенокъ тя-

вогел къ ней, ручешками ницетъ чего-то. Странница замѣтила Акулину.

— Тебя совсѣмъ не слышать, молодца; что больно пригорюнилась? спросила она вкрадчиво.

— Ничего, отвѣчала та.

— Сенюшка-слышь болѣнь, отвѣчалъ за нее Андрей.

— Чегожъ; редицецъ что ли у него?

— Нѣтъ, другая болѣсть: онъ не исть ничего.

— Этому радоваться надо, чуешь значить въ нѣшь душа христіанская, что теиерь постъ.

— Молока хочеть, глуко произнесла Акулина.

— Что ты, голубки, аль онъ самъ тебѣ оказаль. Конечно..

Старуха бабка спохватясь прервала еѣ.

— Вотъ родная, самъ Богъ тебя сюда зинеть; надоумъ ты бабу: може ли дать теиерь молока робенку? въ восту-то великомъ? а?.. Ишь она убивается: дать хочеть.

— Вольному воля, спасенному рай, уклончиво отвѣчала халка.

— Да нѣтъ, ты толкомъ внуши ей, по писанью значить, можно, аль нѣтъ? Ужъ коли старая да больная старуха не выпьетъ, исцѣленья ради, масла съ чудотворной иконы, — прихоятся ли христіанскому-то человѣку молоко трескать.

Странница вспомнила свою дѣвешнюю оплошность и бояла, что ей слѣдуетъ теиерь показать себя во всемъ величїи подвижничества. Она немедленно приняла важный видъ, и проговорила нараспѣвъ, отчеканивая каждое слово:

— Можно, коли совѣсть не зазреть, коли нѣтъ страха загубить съзнала душу христіанскую.

Акулина вздрогнула отъ этихъ словъ; прогнали онѣ еѣ. Быстро взглянула она на Арину. Та отвѣтила ей долгимъ, злобѣщимъ взглядомъ.

— Покажи-на мнѣ дитю-то, сказала она подходя къ Акулинѣ.

Та отвернулась и еще крѣпче прижала его къ груди. Чуло ея сердце что-то недоброе и плакало за свое дѣтище. Всѣ притихли.

— Да ты не бойся, продолжала Арина: — нѣшто я съвиъ его; мнѣ только посмотрѣть его надо.

И вырвавъ ребенка мотти насильно, она поднесла его къ огню, распалила ему глаза и ротъ, осмотрѣла, ощунала всего и возвратила назадъ.

— Ничего, сказала она: — такой здоровенный, что десять дѣтъ не виши проживеть. Значить это собственнѣй твой грѣхъ; такъ и знать будемъ. Ну скажи ты на милость, съ чего-те вдуцалось

загубить-то себя? Не глудаста что ли?... Крайночь у тебя слепокъ-то?

— Крещень, отвѣтала Акулина.

— Хорошо; значить онъ христiянинецъ. А ты сама чтить ли св. угодниковъ божіихъ?

— Почитаю.

— Мы не святые, продолжала странница горячась; — да и дѣти у насъ грѣшныя. А ты приучай ихъ, коли въ тебѣ душа ость; не поблажай бѣсовской природѣ! Коли дѣти у тебя крещены въ христiанской вѣрѣ, такъ и пусть съизмала дѣйствуютъ какъ должно, по закону. Не приучишь, — ты же виновата останешься; легко Богъ проститъ за его неразуміе, а съ матери-то взыщется на томъ свѣтѣ, припекуеть ее огнемъ неугасимымъ: потому мать — разумъ глухаго ребенка... Погубить свое дѣтшце-такой грѣхъ, какому и прощенья нѣтъ. Самъ Господь сказалъ, что тому, кто погубитъ малаго ребенка, лучше камень повѣсить на шею, да и нехай тонеть въ пучинѣ морской... И это сказано про посторонняго человѣка, а матери-то втрое пуще достанется. Слышишь баба?..

— Господи, Господи! прошептала бѣдная мать: — страшне!..

— Молись, мать, молись до кроваваго поту. Отъ Бога вѣдь не спросишься: отыщеть тебя его правосудіе и накажетъ лютою казнь... Тебя страхъ принимаетъ? трясешься?.. Трясись же: страшно будетъ въ пеклѣ твоей душенькѣ... извоетъ она... Странница воодушевилась, подошла къ Акулинѣ, вытаращивъ глаза, и остановилась. — А бѣсы-то радуются за твою гибель, продолжала она съ шипѣньемъ: — пляшутъ свои адскія пляски... польми раздувають... Батюшки, что я вижу... вонъ они машутъ крыльями и толпой летаютъ надъ твоей головою... Одинъ подходитъ... смотритъ на тебя... глаза какъ огонь... языкомъ дразнитъ... У, какой страшный, эхидный... Сгинь, провади...

Странница отскочила въ сторону и закрыла глаза руками. Потомъ отмахиваясь отъ кого-то, она бросилась опять къ Акулинѣ и принялась торопливо крестить ее. У той совсѣмъ подкосились ноги и съ воплемъ, какъ мертвая, покатила она къ ногамъ странницы. Старуха-баба, дрожа всѣмъ тѣломъ, уперлась лицомъ въ уголъ и едва дышала.

— Не замай! закричалъ Андрей не своимъ голосомъ: — вишь обморла совсѣмъ, кон...

Голосъ его оборвался. Сзади быстро распахнулась дверь; вѣтеръ взвизгнулъ; свѣча погасла и послышался стукъ, будто что обвалилось. Всѣ сперва онемѣли отъ ужаса, но потомъ услышавъ знакомый голосъ, оживили и вздохнули свободнѣе. То вошелъ Кузьма,

который прежде всего громко выругался, нагнувшись въ потьмахъ на надку съ кашкой.

— Это ты Кузьма? спросилъ Андрей для проформы.

— На кой чортъ вы огонь-то задули? отвѣтилъ тотъ: — могу со-всѣмъ зашибъ.

— Вѣтромъ задуло; зажги братъ поскорѣй.

Кузьма вдулъ огня, перебралъ лучину и остепенелъ въ изумленіи. Освѣтилась живая картина: Акулиса лежала на полу, а ребенокъ барахтался одинъ на сямойнѣ. Баба, все еще весела оборотилась, шептала молитву. Андрей тоже не глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ лежала Акулина, и творилъ крестное знаменіе. Страница стояла прижавшись къ стѣнѣ и въ страхѣ верочала бѣлками, оглядывая вошедшаго.

— Ишь какъ напугалъ, прошептала она: — я думала что и вправду...

— Что тутъ у васъ? Чего лежитъ Акулька? спросилъ Кузьма.

— Тутъ братъ такія вещи были, что страхъ... Акулиса больно испугалась, водой облить ее надо — пройдетъ, отвѣтилъ Андрей. — Чегожъ ты сидишь, то ручки сложилаши, лѣшій.

Кузьма выбѣжалъ въ сѣни, притащилъ ведро воды и сталъ обливать ею голову Акулины; онъ всѣми силами теръ ей лицо пощипомъ своего зяпуна и немилосердо теребилъ за волосы. Андрей не шелохнулся: онъ боялся теперь Акулины. Бѣдная баба наконецъ очнулась, взглянула и заревѣла. Страница сама перотрусилась; она не рассчитывала на такой эффектъ. Кузьма бросалъ озабоченныя взгляды на всѣ стороны.

— Не плачь, Акулька, пройдетъ горе, настанетъ и радость, утѣшала онъ молодицу. — А ты что старая, жива ли? Чего ты тамъ глядишь? Да Христа-ради растолкуйте мнѣ что тутъ такое было?

— Черти были, отвѣтилъ отрывисто Андрей.

— Какіе черти?

— Настояціе черти. Акульку задумать хотѣли.

— Сама видѣла?

— Нѣтъ; мать Арина сказала.

— Это ты? спросилъ Кузьма полозрительно осматривая страницу.

— Чего я? Извѣстно я. А ты не приставай.

Кузьма отвернулся отъ нея и сталъ утѣшать Акулину. Та плакала горько.

— Аринушка! прошептала старая баба, все еще не оглядываясь: — подь-ко сюда, моя голубка!

— Что бабушка? спросила та подходя къ ней.

— Не видать больше?

— Не видать, мать моя, я мѣз крестнымъ знаменемъ оскѣпала, она и пропала.

— И ты все видѣла?

— Своими глазами видѣла.

— Съ рогами?

— Съ рогами и хвостомъ; глаза огненные, страшные.

— Экіе страхи такіе! Вотъ до чего грѣхъ-то доводитъ!

Она наконецъ оборотилась; медленно обвела глазами вокругъ и сѣла въ уголъ, перешивая губами разные молитвы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Акулина вскрикивала. Кузьма утѣшалъ ее. «Не вришисъ ты моя птица! шепталъ онъ: — на все воля божія, и попъ такъ говорилъ: грѣха не будетъ...»

— А у попа-то былъ? спросилъ Андрей.

— Былъ.

— Чтѣмъ онъ?

— Завтра утречкомъ самъ хотѣлъ зайти потолковать; а теперь велѣлъ накорнить Севюшку.

— Да чѣмъ накорнить-то, въ этомъ и штука вся.

— Известно чѣмъ, — несокомъ; вѣдь я сказывалъ.

Эти слова тоже были свое дѣйствіе. Старуха такъ и устала въ на Кузьму.

— Это попъ велѣлъ? спросила она.

— А те вѣжъ. И докторъ и попъ въ одно слово сказали: дать и все тутъ.

— Брехню несешь ты. Самъ и у попа небось не былъ.

— А гдѣжъ мнѣ быть-то? Я свое дѣло сдѣлалъ: поклонился въ ноги попу; такъ и такъ, говорю, сынишка мой маленькій умираетъ съ поста, нельзя ли дать ему грудь пососать. Можно, говорить.

— Слышишь, мать Арина?

— Слышу.

— Вотъ каковы нынче попы. Уму-то разуму учать.

— Не впервой ужъ я слышу такія вещи. Тѣже грѣшники что мы. А баба пусть лучше меня послушаетъ: худому не научу. Если даже и умереть дѣтъ, такъ и тому должно радоваться, а не плакать: потому воля божія... А коли хочеть, по своему глупому разуму, дѣтей своихъ ко грѣху приучать, то пусть лучше и въ церковь божію съ нами не ходитъ. Видала ты Акулина, продолжала странница зловѣщимъ голосомъ: — что въ церкви въ дверяхъ написано: тамъ стоитъ ангелъ, такой грозный и держитъ онъ въ рукѣ мечъ огненный; а подъ низомъ написано: «кто сюда съ нечистымъ помысломъ войдетъ, того мечемъ этимъ поражу.» И поразитъ онъ

тебя. Огненный-до мечь — это молелья... Отъ нас не уберемися! Вотъ что.

Будто смертный приговоръ свой слушала Акулина эти аддитыя рѣчи. Совѣсть такъ и грызеть; колодный петъ прощипываетъ... Наконецъ она не выдержала и, бросивъ ребенка на руки Кузьмы, съ воемъ упала къ ногамъ старухи.

— Казните меня! закричала она не сдвинуть голосомъ; — казните грѣшницу!.. Согрѣшила я! Пропала моя головушка!.. и съ истерическимъ рыданіемъ бросилась обнимать ея ноги.

— Что ты? что съ тобой? спросилъ всѣмъ въ одинъ голосъ.

— Да я уже кормила сегодня ребенка; спугала меня бѣды! Ой, душатъ они меня... душатъ, спасите!

Она металась, рвала волосы и цѣловала одежду странницы и бабки.

Никто не отвѣчалъ ей. Всѣ будто растерялись, оторопѣли. А та плачетъ, надрывается; все нутро точно поворачивается у ней отъ боли. Андрея въ жаръ бредло. Кузьму прошибла слеза.

— Встань, Акулька, молно! заговорилъ Кузьма, старался выдвинуть се и утирая кулакомъ слезы.

— Оставь ее, пусть наплачется вволю! отовывалась старуха.

— Беушка! кричала Акулина: — прости меня! не могу бы явля грѣшную!..

— Миѣ-то што; ты проси у Бога.

— Богъ прощать велѣлъ грѣшныхъ, виѣшался Кузьма. — Вотъ она уже будетъ говѣть, покается.

— Мало ей говѣть-то. За такой грѣхъ пусть сама весь постъ не жретъ ничего, да отмазывается.

— Не буду ничего ѣсть! видитъ Богъ, не буду, и Сенюшкѣ ничего не дамъ, пусть помретъ на рукахъ мошкѣ... Сама задушу и ропотнаго слова не вымоляю, — только отгоните отъ меня нечистаго.. Матушка Аринушка, возьми ты меня съ собою на подвѣтъ!..

И она упала опять въ ноги странницѣ.

— Куда-жь я тебя возьму?.. Кабы денги ты имѣла...

— Молно же, Акулька, не убивайся христа-ради, говорилъ Кузьма. — Засни-ка лучше... Вотъ поутру понѣ придетъ; подождемъ.

Онъ почти насильно уложилъ ее на постель.

— Не хочу я! пусть меня! умру да не встану, кричала та...

.....
Неожиданный случай прекратилъ эту тяжелую сцену. За дверью послышался громкій смѣхъ и задыхавшаяся, беззаботная иѣзна:

— Я вечеръ млада во шпру была,
Во шпру была во бесѣдушнѣ...

— Въ прорезанушемъ. Акулина притихла, всхлинула.

— Никакъ Михайка идетъ? сказалъ Андрей прислушиваясь.

— Михайка и есть. Не пускать его...

Но было уже поздно. Дверь распахнулась и на порогъ показался Михайка. Онъ былъ безъ шапки и безъ шубы. Вода ручьемъ сбѣгала съ его рубахи, прилипшей къ тѣлу. Косматая грудь на распашку. Влажные волосы прядями торчали во все стороны, и межъ стикъ прядей свѣтились два черные плутовскіе глаза. Эта рожа улыбалась какой-то горькой и вывостъ насмѣшливой улыбкой.

— Здравствуйте господа честные! рвѣжимъ голосомъ сказалъ онъ выжилая воду изъ своей рѣденькой бородачки.

— Убирайся ты къ чорту! закричали въ голосъ Кузьма и Андрей, поворачивая его назадъ. — Кой дьяволъ тебя по ночамъ такаетъ? Вишь не время; проваливай!

— Нестойте, братцы, минуточку; дайте кваску испить христаряди!

— Да ты умъ и безъ того осмилъ кажись?

— Нопилъ, братъ, да не квасу; а тутъ жжотъ, нить смерть хочется...

— Ну стой, я принесу.

Кузьма принесъ ему ковшъ квасу. Михайка вынулъ и сѣлъ на скамью.

— Чегожъ ты усѣлся? Иди что ли! опять заговорили парни.

— Братцы мои, одну минуточку только, ейбогу усталъ до смерти, дайте духъ перевести.

— То-то, усталъ. Откуда это тебя несетъ нелегкая?

— Прямо съ кабака, братцы. Ходилъ, ходилъ я по селу: отецъ домой не пускаетъ; толкнулся было туды-сюды, — вездѣ гонять нашего брата; а у васъ огонекъ свѣтится, — дай зайду, думаю съ постомъ поздравить.

— Кому постъ, а кому все масляница, язвительно замѣтила Арина.

— Э! да тутъ еще гости есть? Катюшки свѣты, да это божія странница, мать Арина, что у святого Нила четки стинула; да мы, братъ, съ тобой знакомы; помнишь, въ Петербѣ разъ въ одномъ кабакѣ сидѣли.

— Чего ты ласешься! закричала Арина: — я вѣдь у добрыхъ людей сижу; за меня вступятся.

— Да не сердчай, моя краля, это я такъ, къ слову пришлось, больно хотѣлось мнѣ похвастать, что я тоже не промахъ: съ праведными людьми значить за панибрата.

— Забылъ ты постъ-отъ, безстыжее твоё рыло.

— Ты матушка уже слишкомъ злобится изволить, ослера-то говоришь не святыхъ... А я поста не забываю и пощусь поминаю нашего. Въдь всѣ эти пять дней только одной свухой и проваляюсь. А въ свухѣ, сама знаешь, окромя хлѣба да воды ничего нѣту. Такъ нѣшто я не пощусь?.. И весело, и душѣ помыла.

— Ишь въдь нацелъ что, проклятая душа! проваляла старука живая на печку.

— Врешь, старая, — ты моей души не знаешь, такъ и не толкуй. А ты мнѣ скажи-ка тетка, сказала Михайка опять обращаясь къ странницѣ: — ты всякія тамъ книжки читала, видѣнія разные творила, скажи-ка тебѣ мнѣ: отчего это одни только мы чорта-то видимъ, а мы грѣшныя не видимъ?

— А тебѣ небось хочется, такъ увидишь; не горюй, твой чередъ еще впередъ.

— Ты не страшай, а говори толкомъ... А я вотъ еще тебя спрошу, отчего это у вашей братіи странницъ да странниковъ носы всегда бываютъ красныя? Не знаешь?

— Съ тобой и говорить-то грѣхъ, нехристь эдакой.

— Оттого, моя красавица, что вашего брата часто черти за носъ водятъ, что вы *кашею* поста придерживаетесь...

— Ну братъ полно, заврался, вмѣшался Кузьма: — проваливай домой?

— Кудыжь я пойду?

— Куды хошь, а тутъ тебѣ не мѣсто: тутъ все народъ молитвенный живетъ.

— Постой еще минуточку; вотъ два слова только теткѣ скажу.

— Нечего тутъ говорить; коли самъ слаба, — дружить не губи.

— Ты чего ругаешься?

— Я не ругаюсь, а ты проваливай. Или себѣ трескай свуху, — опосля наплачешься. Эхъ, Михайка, человекъ-то ты знатный былъ; съ чего же это на тебя дурь нашла, погубить себя задумалъ?

— Оставь его, Кузьма, сказалъ Андрей: — нѣшто онъ пойметъ доброе слово? Сказано: пропацій, и все тутъ.

— Пропацій? нѣтъ, врешь Андрей, я не пропацій! Ты думаешь, что во мнѣ и души-то нѣтъ, — образъ божій потерялъ? Врешь ты, чужая душа для тебя потемки. Онъ выпрямился, и прямо взглянулъ на Андрея, зубы закрежетали у него со злости. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и опять упалъ на лавку. — И я братцы потѣлъ шить почеловѣчанъ, заговорилъ онъ уже слезливо: — многого желалось моей душемнѣй, да супротивъ рожна видно не далеко уйдешь. Эхъ ты горе наше плакучее!.. Душа вся изныла... все бы плакала кажись, да слезъ не хватаетъ... Нечего колотъ мои нѣвѣстои: я

братъ громотѣ унизелъ, есижку всаную звалю; на обрешкахъ пять лѣтъ мыкался; повратѣлъ звонитъ свѣту божіюго...

— Сила-то, сила какая была у меня, продолжалъ Михайка: — прѣвь колудномъ ходила, кажись бы только дали ей развернуться... эхъ! работа закипѣла бы, только держись... Гдѣжъ ты наша величка!.. гдѣ ты желднная!..

Михейко склонился головою на руки, протеръ глаза, востомъ ударилъ со злостью кулакомъ по столу и оглядѣлся. Страница перекрестилась и отдвинулась подальше.

— Чтотъ ты тетка припомнѣла? сказала онъ ей съ злодѣйскою улыбкой: — рассказывай что видѣла въ Кіевѣ? вѣшь слушаютеъ.

— Я ужъ пойду, родные, сказала робко Арина, встала за свои кофты.

— Кудажъ ты? Чего ты божій человекъ испужался? заговорили козесаи? — нишь онъ у насъ шальной какой.

— Поди ты теперь къ Торрѣ Лысому, да погляди, какую кашу тамъ заварила, замѣтилъ Михайка. — Эхъ вы дармоеды, атакіе! суда-то на васъ шѣтъ. Губите вы нашего брата, благо вѣрять вамъ! Что бѣднѣе выпучила? думаешь, что видѣніе ведешь? Совѣсть твоя это говорить? Нѣтъ, рожа ты амѣнная, человекъ говорить съ тобой!.. Вѣхала бы ты поскорѣе къ туркамъ чудеса творить: благо бы твоего духу здѣсь не было...

— Убьетъ онъ меня! завопила Арина: — убьетъ совѣсть; лица на шѣтъ шѣтъ человеческого!..

— Слышь, Михайка, коли ты тронешь ее, я те прямо въ зубы. Насъ вѣдь двое, мотри, управимся.

— Нѣтъ, я такъ пошутилъ только, отвѣтилъ Михайка: — душа слуду выболталась. Нѣтъ, вы берегите ее, братцы, берегите хорошенько, — потому человекъ божій!..

Никто не отвѣтилъ ему. Михайка задумался.

— Чтотъ, иди мнѣ? спросилъ онъ.

— Ступай жигѣ.

— Пойду.

Онъ всталъ, почесывался, и опять оглядѣлся.

— А гдѣжъ моя шапка? спросилъ Михайка.

— Да ты безъ шапки пришолъ.

— Безъ шапки? Ну безъ нея и уйду. Можно жить и безъ шапки. Эхъ, преговорилъ онъ въ дверяхъ: — кабы утро у человека было больше, все бы кажись легъ въ себя эту божію воадну, такъ и легъ бы безъ конца. Ода радость только и осталась! вѣшь горюнамъ радость!..

Дверь хлопнула, Михайка ушелъ привѣзачи:

Пропaday моя головушка!
Пропaday моя бeсталанная!

Втеръ подхватилъ пѣсню и разнесъ, развѣялъ ее безъ слѣда.

— Ушолъ, слава те Господи! залепетала бабка: — слова вымолвить боялась, думаю изругаетъ совсѣмъ.

— Въ посту-то, мать моя, на первой недѣлѣ какія дѣла здѣсь творятся! примолвила странница.

— Не говори, родная, слушать страшно. Охъ людъ-людской, сколько въ тебѣ золь-то!

— А что, вѣдъ мы засидѣлись долгонько. Чай пѣтухи пѣли?

— Пѣли, голубка, сама слышала.

— Ложись ребята спать.

— А что Акулька?

— Спать.

— Чудно какъ: спать, а у самой слезы текутъ. Гляди-ко Андрей!

— Пусть выплачется, это къ добру.

— А куда Сенюшку дѣвать?

— Да сунь его къ матери. Живъ еще?

— Живъ.

Странница растянулась подъ образами, положивъ котомку подъ голову. Парни опять взобрались на палаты. Лучина потухла.

— А что, братцы, этому Михайкѣ на томъ свѣтѣ чай жутко будетъ? спросилъ Андрей улегшись.

— Може и будетъ, отвѣчалъ Кузьма.

— Въ постъ да какія рѣчи говорилъ, пьяница кромѣпная; меня убогую странницу стыдомъ сжогъ. Кабы не вы, уходилъ бы совсѣмъ, обиженнымъ тономъ ворчала Арина.

— Сказано: пропаций, чего же тебѣ больше!

— А все грамота, братцы, все грамота; не поведетъ она къ добру; развратитъ она сердце христіанское. Помяните вы мое слово!

На это мудрое заключеніе не было возраженій.

А вьюга пуще шумить, надрывается, будто плачь и стонъ какой стоятъ надъ селомъ и оплакиваетъ его горькое житъе. Среди этого плача порой слышится гдѣ-то жалобное мяуканье кота; кричитъ онъ бѣдный не своимъ голосомъ. Въ избѣ раздается тяжелый сопъ парней, оханье старухи, и болѣзненные стоны убитой горемъ матери и умирающаго ребенка. Ужь не плачетъ онъ, а только ноетъ мучительно, надрывая сердце матери, которая несиѣетъ болѣе при-

жать его къ своей груди, потому что семейный совѣтъ осудилъ его на голодную смерть. Черезъ часъ послышалось чье-то слержавное, апетитное чавканье: кто-то пользуется сномъ сосѣдей тайкомъ грѣшать противъ поста... Ужь не странница ли?..

Чуть забрезжила свѣтокъ, Аринушка успѣлась во свояси. Передъ уходомъ она сдѣлала маленькій поборъ съ хозяевъ на гробъ господень; она брала деньги, тряпье, съѣстное, даже огарокъ салной свѣчки взяла... Хозяева отдавали эти вещи съ полною охотою, имѣя въ виду тотъ расчетъ, что Господь за все заплатитъ имъ вчетверо, въ чемъ ихъ крѣпко завѣрила Арина. Все это произошло очень торопливо, потому что странница, по невольному антагонизму, не хотѣла встрѣчаться съ священникомъ. Въ девять часовъ пришелъ и священникъ. Его приняли сухо и выслушали молча, какъ обыкновенно выслушиваютъ начальство. Рѣчь его не подѣйствовала на слушателей; впечатлѣнiе вчерашняго было еще слишкомъ сильно и наполнило ужасомъ все село. Священникъ удалился, взявъ съ хозяевъ обѣщанiе накормить ребенка.

А ребенокъ на третiй день померъ, — не вынесъ значить...

Н. А. ВЛАГОВЪЩЕНСКIЙ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

САМОДУРЫ

Если и до сих пор еще самодурство не исчезло у насъ въ разныя слои общества, то въ иныхъ утратило рѣзкія формы, въ другихъ прикрывается какими-нибудь благовиднымъ предлогомъ и только еще въ грубой массѣ стараго и увечества да въ отживающихъ уже омертвѣвшихъ новѣждахъ-помѣщикахъ проскакиваетъ оно нелепо, на въ привокательную видѣ. Не лѣтъ тридцать назадъ до старинныхъ захолустьемъ самодурство доходило до такого безобразія, что теперь становится рѣзительно непомятымъ какъ общество, гордившееся уже Пушкинымъ и Грибоедовымъ, по наружности сходное съ европейскимъ, могло терпѣть въ себѣ особей, для которыхъ не существовали ни законъ, ни приличіе, ни уваженію чужой личности. «Семейная хроника» Аксакова и «Прежніе годы» Печерскаго представляютъ полныя типы самодуровъ, но оба эти писателя выводили на сцену прошлое столѣтіе, а между тѣмъ въ новѣйшую эпоху можно насчитать сотни Куролесовыхъ и безобразниковъ г. Печерскаго. Оно, если хотите, самодурство у насъ неминуемо въ крови, потому что и нынѣ еще мы встрѣчаемъ самодуровъ, учившихся не на мѣдныхъ деньги, хотя конечно господа эти не станутъ выкидывать отцовскихъ и дѣдовскихъ продѣлокъ. Но, какъ уже выше сказано, новѣйшіе самодуры поотесались и прикрывались наружнымъ лоскомъ, такъ что можно смѣло утверждать — цинизмъ исчезъ въ ихъ узорскихъ штукахъ. Самодурство отчасти получило право гражданства и въ нашей прессѣ, но развивать эту мысль дальше я считаю неуместнымъ съ дѣломъ. Правда, случается, что и новѣйшіи самодуры проваливаются стремленіе къ какой-нибудь безобразной продѣлкѣ,

но уже находить мало сочувствія, и если мы видимъ иногда при-
мѣры, что иной зѣло упившійся юноша начинаетъ пускаться въ
дѣло кулачную расправу въ дѣловской формѣ, то въ этомъ мни-
момъ стремленіи, его поддерживаютъ уже весьма не многіе, да и
то не по принципу, а вслѣдствіе своей размахистой натуры и по-
рой изъ нежеланія отстать отъ товарища.

Самодурство со стороны государя и дикими сторонами
не могло нигдѣ успѣшнѣе возникнуть и выработаться какъ на
почвѣ крѣпостного права и при всеобщемъ невѣжествѣ, этомъ
обширномъ и тучномъ полѣ для всякихъ самыхъ вопіющихъ
безобразій. Даже по нынѣшнимъ дѣйствіямъ многихъ лично-
стей, завѣщанныхъ намъ дождемъ старымъ временемъ, можно
уже судить что дѣлалось тридцать лѣтъ назадъ по далекимъ
угламъ нашего отечества, когда самодурничали и начальникъ,
и помещенный, и отецъ семейства, и могъ нисколько самодур-
ничать каждый мало-мальски достаточный человекъ, при уму-
реваншемъ понятіи, что вѣдѣть по законъ, а расползеною
сила, исполняющая законъ, и при томъ широкое произ-
воль, которой позволили себѣ провинціальная власть, начальни-
къ губернатора и окончивалъ ставкомъ — въ мирѣ вселен-
нымъ, а помещика въ своихъ владѣніяхъ. Если взглянуть глубже
въ тогдашній общественный строй, и припомнить всю провин-
ціальную обстановку, весь чувствительный застои и грубые обычаи,
то несомненно придетъ къ заключенію: отчего же было и не само-
дурничать, когда расхолодишійся морозъ, имѣлъ такъ мало пре-
пятствій и могъ выказывать себя со всею ухорствомъ разнуздан-
наго безобразія. Не самодурство, развитое такъ — скажемъ въ воз-
духѣ и отражавшееся на многіихъ сторонахъ жизнедѣятельности,
приняло наконецъ хроническій характеръ, утрачивая мало-по-
малу, ужаснующіе симптомы, такъ что дикія выходы дѣлались
рѣже и рѣже и потому началъ уже удивлять обыкновенныя са-
модуровъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться ни нунесенно-
го ни крестьянскаго быта, въ которыхъ и до сихъ поръ полу-
раются сцены возмутительнаго самодурства, и обратимся субъ-
ектами въ сословія помещиковъ, которые не далее, какъ лѣтъ
за тридцать до настоящаго времени, еще нещадно открывали
правды и обихай дикихъ ордъ и не обращали ни малѣйшаго счи-
манія ни на потребованія времени, ни на движеніе прогресса, ни на

присутствие гуманности, притерпел, получив право гражданства во Флоренции, и дала уже рабскія поминки пропитать в ее чаше отечество. Последней нитью особенно несчастливою для насъ и еще болѣе позлѣйшею: эрми, и добро бы она не могла укоренять случайное существованіе крѣпостнаго права, вездѣ и всегда сплотившаго въ разрывъ съ принципами протести и любви, но и тамъ, гдѣ это право было невредимо, вопреки въ отношеніи къ членовъ семейства или просто въ собѣдскихъ отношеніяхъ, чуждымъ существованію только въ видѣ случайнаго чуждаго элемента, но не являлась путеемъ воспитанія и житейскія припреты. Деть сохранили крѣпостное право, вліяло и здѣсь въ значительной степени, потому что закоренѣлый крѣпостникъ являлся господомъ и въ семействѣ и въ кругу подчиненныхъ, однако были еще и другія причины, сложившія этотъ порядокъ вещей, заповѣданный намъ предѣловъ общечеловѣческихъ условій.

При значительной склонности къ самодурству, помѣщики той эпохи всезнакомились уже съ болѣе утонченными образомъ жизни и начали проматывать состоянія, свидѣтелями чего могутъ служить ярковы ломбардовъ и приказовъ общественаго кредитнаго, которые учреждены были копейно не съ этой цѣлью, но служили удобнымъ средствомъ претранжирить отличное имѣніе. Случалось дѣйствительно, что шныре помѣщики пользовались судей для направленія дѣлъ и пуская капиталъ въ оборотъ, извлекали значительную выгоду; но такихъ врядъ ли можно считать и четвертую долю. Большинство занимало обыкновенно деньги собственно для того, чтобъ жить не по состоянію, утѣшаясь необыкновенно продолжительнымъ срокомъ, теченіе котораго мало ли что могло случиться. Не взирая однакоже и на такіе сроки, не взирая на удобную разверстку платежей, многіе должники запускали уплату, сперва посылая неакуратно проценты, потомъ просрочивая и наконецъ давая возможность наростить процентамъ на проценты, такъ что доходило до аукциона. Другого исхода и быть не могло, если заемъ дѣлался не съ экономической цѣлью купить на занятыя деньги выгодно имѣніе, или улучшить свои хозяйственныя средства. Я не говорю о состояніяхъ значительныхъ, не знаю имѣній не большіе какъ во сто душъ, у владѣльцевъ: которыхъ господская усадьба отстраивалась роскошно и кромѣ многочисленной дворни существовала иногда аркасырь: нѣжные челоуки въ двѣнадцать. Слова имѣтъ,

что эти музыканты, занимались и уборкой двора и на-стоящих дворъ, и въ саду, и на мельницѣ, и даже уходила пашать: земля, но все же тратили время на жалкое изученіе музыкальных вещей и потому во время широкъ должны были потратить почтеннѣйшую сублику. Если такой баринъ закладывалъ имѣніе, то совѣстно, что шлождавшаясь воздѣленная срока подвергалась большому не-приятностямъ. Впрочемъ въ прежнее время совѣтъ прѣмствашійден господствъ, который могъ еще извлекать кое-какіе доходящія, имѣлъ возможность нѣсколько лѣтъ увѣливать съ аукциона, по-тому что земская полиція дѣйствовала съ прѣмствомъ шлождав-ностью и составляла опись въпервыхъ не скоро, возмѣривъ: шло-бывала какую-нибудь формальность, а тамъ должились: шло-лагда малую толку процентовъ и таяугъ меледу, прѣмствашій свою агонию и добывая жалкіе остатки имѣнія. Нужды имѣть, шло-при заключеніи займа значительная сумма получена была: прѣмство-ва хватало не надолго, потому что у каждаго шло-ва имѣлись за-тѣи, требовавшія непронзводительныхъ затратъ, слѣсно занятые деньги представляли нестоющіую сокровищницу. Жить шло-во естественію въ тридцатыхъ годахъ дѣлалось жать бн необходи-мостью, и стоило только посмотреть на дни семейныхъ шло-внико-въ, на эти огромные сѣзды, на эти ширь, продолжавшіеся по три сутки, чтобъ судить о чрезвычайныхъ издержкахъ, шло-глощающихъ можетъ-быть полугодовые доходы. Небогатый шло-мѣщикъ, имѣвшій, положимъ, душъ полтора: ста крестьянъ, шло-ложенныхъ и перезаложенныхъ, если у него были взрослые до-чери, къ днямъ домашнихъ торжествъ, кромѣ огромнаго ко-личества запасовъ, обязанъ былъ заботиться еще и о шло-пробрѣтеніи туалетовъ жемъ и дочкамъ, потому что по принятому обычаю на деревенскихъ сѣздахъ, дамы переодѣвались по три раза: на день, а нельзя же было надѣть платье, которое уже видѣли: Утромъ такъ-называемое тогда неглиже, въ которомъ появлялась къ за-трану, къ обѣду какое-нибудь шло-ковое дорогое платье, а шло-ромъ для танцевъ балный туалетъ со всѣми принадлежностями. Представьте же себѣ поѣздъ шло-гда около ста особъ обоого пола, которыхъ нужно было размѣстить и продовольствовать прилично, шло-говоря уже о количествѣ лошадей и шло-слугъ, требовавшихъ въ свою очередь необходимаго содержанія. Если круглыми шло-словъ приѣзжало тридцать семействъ, то лошадей шло-жно было шло-статать не менѣе полутора: ста, потому что шло-шалеши: дошли-

тогдашней обстановке была своеобразна, редко четверной, и при этом складывалась еще раньше или сургомъ съ горничными и гардеробщицей. Хозяйство, насажденное на суконце эти были, въ эти торжественные дни старались носить въ гости приемыль и по необходимости донуждывали развлекать гостя. Кофе, чай, сахаръ, вино, кухонные припасы выставляли сорочными развѣтрахъ, а сѣбе, овесъ, живность и прочие: стоять на томъ основаніи, что все дожать свое до- казать.

Другой способъ принаживать общество, особенно на южн. प्रदेशахъ ярманки, на которыхъ обитательные помѣшники брали свои деревенскіе продукты и заставяли предвѣстники роскоши необходимости. Малорусскія ярманки, какъ и уже замѣтали писатели по разъ, ирми своей специальной шлѣ привлекали не только еще и носильными развлечениями: какой-нибудь бродячий трусфъ, волотжорани, вършницелъ и такъ-называемыми малорусскими собранными, гдѣ молодежь танцовала до упаду и неминуемо блеснуть свѣжими модными костюмами. Разъ ступивъ ногой на ярманку, помѣшникъ забывалъ экономическія цѣли, когда-то выгодно продавалъ сырые продукты и деревенскія изделия, а когда выгодно покупалъ необходимое, то все-таки въ календарную-нибудь подѣлю не тративалъ столько, сколько дома не могъ изтратить въ полгода. Помѣшникъ на ярманку являлся онъ обитательной обстановкой и окружалъ себя новыми деревенскими по- мѣшниками. Съ ними путешествовали и многочисленная прислуга и большое количество лошадей, а иные брали и свою музыку въ дѣлѣ того, чтобы воспользоваться какими-нибудь материальными выгодами, а просто изъ удовольствія поставить у себя на дворѣ ламповый оркестръ и показать прочимъ, что «моль знай помѣшникъ!» Въ результатѣ оказывалось, что ярманки стоили очень дорого, и бывали примѣры, что помѣшникъ, продавшій выгодно продукты, занималъ подъ большіе проценты денегъ для обратнаго шествія во-своихъ. И говорить нечего, что на ярманкахъ самодурство проявлялось во всемъ своемъ безобразіи: во-первыхъ шли подъ руку различныя подходящія источники, во-вторыхъ изълучалъ свѣдомъ многихъ личностей, ко-рыхъ только и мо- жно было видѣть среди ярманочнаго кутежа и теперь уже не вспоминаютъ о ней:

400 Изъ этого бѣлага очерка читатель видитъ, что для самоду- рства являлось достаточно шатеромъ, а потому и самое

самодурія подраздѣлялись на чѣтенное количество категорій. Въ строгомъ смыслѣ у самодуровъ дѣйствительность была общія основанія; въ принципѣ они разлечивались лишь въ томъ, что касается подробностей, то каждая группа развивалась согласно со своимъ наклонностямъ, и первыя самодуры изухъ категорій раскопались съ самой точкой справедливости. Самодуръ-извѣдчикъ и самодуръ-ковалюбъ перѣдѣе всего были въ одномъ лицѣ обѣ профессіи, но самодуръ-экономистъ и самодуръ-безобразникъ, дѣйствовали въ диаметрально-противоположномъ направленіи. Самодуръ-паталогъ могъ выкинуть изъ себя самодурство какъ не призванію, но самодуръ-соболюбъ не изъ жизни случаетъ не сходился съ самодуромъ-реформаторомъ. Манин самодурства перѣдѣе всего и особъ шлншаго пола, а подобно сказать правду, что барыни, одержимыя этимъ настроеніемъ, не только не отставали отъ мужчинъ-самодуровъ, а случалось, превосходили послѣднихъ, разумѣется проявляя самодурство на всѣхъ разнообразныхъ формахъ, но неизбѣжно такого общирнаго цннѣ для своихъ эксцентрическихъ выкладокъ.

Само-собою самодуры не составляли касты и не отъ роду днѣи получали наклонность къ самодурству, но усвоивали ее въ послѣдствіи, хотя случалось, что и очень молодые люди, рано начавшіе безобразничать, дѣлались формальными самодурами, энергически развивая принятое направленіе и недолжительно сдѣлать волюсь, достигали полного апогея. Большинство этихъ особей, какъ мы уже сказали, имѣло свою точку самодурства, подобно тѣмъ сумашедшимъ, которые свиваются на одномъ пунктѣ, и съ такими людьми еще можно было сладить. Но были самодуры такъ-сказать волющѣтные, законченные, которые не знали предѣла самодурству и безобразничали на всѣхъ попримкахъ, словно охваченные неодолимой силой, подталкивавшей ихъ на совершеніе циническихъ и отвратительныхъ продѣлокъ, наумилншихъ не одного даже самодура, преданнаго своей еноціальности. Такіе особи имѣли девизомъ: «валай въ хвостъ и въ гриву» то-есть жили очертя голову и безадумывались надъ совершеніемъ какого бы то ни было факта, имѣвшаго послѣдствіемъ преступокъ и самое уголовное преступленіе. Самодуръ не справлялся объ этомъ даже и тогда, когда у него не хватало ерастотъ широко поддуть ного слѣдовае, а хотъ рѣдко, но случалось совсѣргалась вслухъ иному наказанію. Отъмѣнныя самодурст-

близко, именно во известности почитаемых семей: семейственность, служившая для «величия» означала источник дохода, и если представлять жить на чужбине, возможность прикрыть или безобременить, оно было приравнено на томъ основании, что мессия продажа свои приносят новую выгоду. Но нередко эти великия гробовладельцы (теуговане) легкаго самозабвѣя, при встрѣчѣ въ гостиницахъ, поспрашивъ хотъ и шкура платяны, однако любезно поинтересовавъ надъ чужаго личностью. Попадались и цѣлыя семейства дружна осмѣятова, въ которыхъ самодурничали даже малыя дѣти, и не смотря на это случалось весьма не часто, но зато, встрѣивъ нечаянно, быть пройденно молчаніемъ. Подобныя свойства принадлежали конечно людямъ достаточнымъ, которые безъ малейшаго порыва съ помощью всерасположенными способами, такъ что малой-нибудь десятилѣтній Митя или двѣнадцатилѣтняя Маша, събѣжавъ своей швагѣ прислуги, распорядившись вселѣдую, на каждаго, по примѣру дражайшихъ родителей. Я зналъ нѣсколько не домахъ, отличающихся такой характеристикой, но однимъ самымъ яркимъ явился у меня въ памяти по тѣмъ сценамъ, какия безъ сомнѣнія трудно встрѣтить, но позабыть невозможно.

« Самодуры различныхъ специальностей при встрѣчѣ любилъ посягать другъ надъ другомъ, словно забывъ, что собственныя ихъ поступки были также достойны смѣха и порицанія. На всѣхъ помѣщичьихъ сѣздахъ всегда можно было найти нѣсколько самодуровъ, и если самъ хозяинъ какой-нибудь стороною принадлежалъ къ этой почтенной категоріи, то необходимо безъ комическихъ а порою и трагическихъ происшествій: Такъ-называемые штукари, которые считали обязанностью выкидывать разнаго рода штуки, разумеется не стѣпяясь преимущественно надъ людьми болѣе безотвѣтными, всецѣло принадлежали къ числу самодуровъ, и какъ эти господа отправляли свое ремесло собственно для утѣшенія публики, то пользовались расположеніемъ большинства и на всѣхъ сѣздахъ принимались съ распростертыми объятіями. Подобныя легкія самодуры существуютъ и по настоящее время по угламъ провинціи, и если они уже прикрыты нѣсколько наружнымъ лоскомъ и въ обществѣ появляются въ лакированныхъ сапогахъ и гласированныхъ перчаткахъ, то внутреннее ихъ содержаніе осталось прежнее.

Тогдашнее молодое поколѣніе — я говорю о провинціи, — не давало случая напосрамить развѣдкія, и если малолѣтніе люди

съ законность понятии чести и снисканно имъ званіи, признаній университетовъ, то это понятіе оцра сообразно въ мнѣніи дѣйствительности, а сила или притуплялась въ борьбѣ съ антигигиенической рутинной или случалась въ достояніи общества; общесловенныя тогдашнія общественныя желанія. Рутинныя образованный человекъ не владеть умомъ и трубакомъ мудрствее, но искусственная камиль-шуба его безобразности видоеть, случалось самодурничать и онъ въ борьбѣ становился сорить, особенно если была затуплять смилость и получалъ университетскій дипломъ за деньги или вълѣдствіе друзейъ родственниковъ обязательствъ. Если понятія о чести и чести еще въ мнѣніи сбиваны и быдаютъ иной разъ пришедшей заманить или доразумѣній, то въ промяя времена человечество было понятиемъ комъ разборчиво относительно своихъ поступковъ. Прокрасть и не заплатить считалось въ высшей степени безправосуднымъ хуже воровства, а вѣсть деньги взаймы и дасть расписку въ прокъ комъ, по которому оплошный кредиторъ могъ никогда не получить своей собственности; было не болѣе какъ легкой штукой своего рода. Господня ступающій взатку и не возмездійъ ослезавія своего клиента, прямо въ глаза назывался подлономъ, но тотъ кто въ благодарности дѣлалъ самое лучшее и лучшее дѣлаю, по условію, считался честнымъ человекомъ.

Но возвратимся къ самодурамъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я хочу познакомить читателя съ нѣсколькими личностями изъ этой категоріи и именно той эпохи, когда самодурство не было еще названо настоящимъ именемъ, а терпѣлось въ обществѣ, и въ силу христіанскаго правила прощать ближнему его погрѣшности, и вълѣдствіе понятія, что люди рождаются съ разными характерами. Общественное мнѣніе не преслѣдовало самодуровъ, а всѣ смѣялись надъ ихъ продѣлками, и только самое незначительное меньшинство начинало осуждать проявленія самодурства и то развѣ при какихъ-нибудь катастрофахъ. И долго держалось самодурство въ первоначальныхъ формахъ пока наконецъ, уступая требованіямъ времени, не перешло въ другія болѣе легкія формы, подобно какъ диня тд-жолыя болѣзни съ вѣками теряютъ свой жестокой характеръ, и ослабѣвая утрачиваютъ силу своей злокачественности.

Новѣйшіе самодуры даже понимаютъ, что они дѣлаютъ, но

всего, что она могла бы сделать, чтобы помочь своему делу. Она была очень доброй и отзывчивой женщиной, и ее доброта и отзывчивость были известны всем.

В обширном кабинете, довольно скромно убранном, сидел в кресле человек — майор Савва Михайлыч Дибенкин. Он был стариком, лет шестидесяти, довольно крупным человеком, той «стальной» организации, какого «стального» человека редки были в то время. Волосы седые, но были густы и длины, на макушке совсем побелели, но и там были еще и черные волосы, сделанные из человеческого происхождения, а румянец, которого оставил ему изупрашения бабьими глазами и каймами волос, и морщины, были выдуманы «бывшими или выгнанными», передвигались у него по себе, форму бисопсвратъ, подъезжаясь кассианъ. Уши у Дибенкина были золотого цвета, собственно оттого, что он не пропускал из рта трубки, которую майор привычно курить и присутствии чужих утонченных барань, убранных, что стандартно отъ самолюбиваго запаха табачнаго дыма. Близкой летел Савва Михайлыч не вдалеке ни куда въ посты, а какъ бы считался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцовъ, притомъ же происходилъ изъ стальной дворянъ и титулованъ правосудительствомъ, то присутствие его на помѣщеннѣхъ собиранъ считалось особенною милостью, вслѣдствіе чего и трубка отъ дымилась тамъ, гдѣ курить считали преступленіемъ.

Пятидесятъ лѣтъ уже какъ Савва Михайлычъ вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи, но не только не отсталъ отъ своихъ военныхъ привычекъ, а напротивъ все деревенно обратилъ въ военное поселеніе и завелъ въ ней какъ строгѣйшую дисциплину, такъ и нѣкоторый родъ регулярной службы. Это былъ въ высшей степени оригинальный господинъ, и если его нельзя назвать типомъ, то во всякомъ случаѣ нельзя причислить и къ разряду обыкновенныхъ оригиналовъ. Много есть отставныхъ военновъ, которые до гроба остаются вѣрными своему ремеслу, любятъ расказывать про походы и сраженія; ищутъ и прихвастнуть описывая давнишнія событія, но всѣ они болѣе или менѣе связываются съ широкой гражданской жизнью, ходятъ по зинделовому порядку и только требуютъ славы и безразсуднаго почитанія подчиненныхъ. Савва Ми-

напрямую от своего начальника и не имевший никаких услуг от
 новому для него быту, не считал ни одного статского сподвижника
 не надвигал ни разу сапоговъ босъ-шпоръ, не вытаскивалъ никуда
 босъ сабли, и къ каждому низшему чинному, кто бы онъ ни былъ,
 относился торжественно и уважительно.
 -на (Бобовининъ) записки въ отрывкахъ-высказанъ въ извѣстномъ
 письмѣ, написанномъ изъ Астрахани въ началѣ Юсупова (1818) «свѣдѣнныя
 подробности жизни разлагающагося бывшаго вѣдущаго своего начальника
 полковника Мухоморова, да и самаго Мухоморова въ границахъ убитыхъ
 много похвалъ и уваженій, между тѣмъ какъ Савва Михайловичъ
 по-прежнему оставался неизмѣненнымъ и не поддавался ни какой
 похвалѣ, общему уваженію. Какъ командовалъ онъ во время
 своей войнѣ екадронно, употребилъ все крутее и больше
 во время войны, тогдашнему времени для поддержанія
 нарядовъ и дисциплины, такъ начальствовавъ въ послѣдствіи
 въ войскахъ, не развивалось съ тѣмъ же приемы справедливости и
 справедливо заботился въ остротности Дарска, тогда въ Кур-
 ской губерніи. Савва Михайловичъ никогда не отличался умомъ
 своимъ способностями, но былъ въ высшей степени остороженъ
 великодушнъ, кураторъ, крѣпковъ и притомъ, принадлежалъ къ хоро-
 шему дворянскому роду, началъ службу и протекшии, вслѣдствіи
 чего ему возло на службу. Съ возвращеніемъ арміи въ Россію,
 когда нѣкоторые изъ начальниковъ начали спорить дружию
 владѣти на исполненіе своей обязанности и какъ бы старались
 находить черту, отдѣляющую законность отъ произвола во дѣй-
 ствіяхъ командировъ, стремился къ возстановленію справедливости,
 зависѣвшей собственно отъ личнаго расположенія начальства.
 Бобовининъ не поддавался никакимъ законнымъ и гуманнымъ
 отремленіямъ, а напротивъ развивалъ свою деморощенную тео-
 рію, прилагая ее къ дѣйствительности на основаніи самаго шир-
 рокаго произвола. Савва Михайловичъ первый разъ въ жизни
 пошелъ въ разрѣзъ со своимъ начальствомъ и былъ уволенъ съ
 чиномъ генералъ-майора, съ мундиромъ и пенсіономъ. Бобовининъ
 потерялъ жену еще до кампаніи двѣнадцатаго года, въ каковую
 у него оставались два сына и дочь, то онъ и поручилъ воспитаніе
 малютки родной сестрѣ своей — старой дѣвкѣ, которой
 дѣлать далъ довѣренность на управленіе хорошо устроеннымъ
 имѣніемъ, Михайловымъ, согласно съ волею отца,
 дѣлать въ Борнусахъ, воспитывался самъ,

отъ оградительнаго въ чинахъ дворянъ. Двери въ воротахъ были собраны въ стальной, вооруженный бронзовыми шарами стальной пружинной доской, которая раскидывалась будучи въ закрытой, сзади же она выдвигалась наружу, и на шестидесяти в дюймахъ отъ себя прокатывалась мушкетомъ, который въ чинахъ, востеръ для приученія къ порядку служилъ въ такомъ способе обыкновенно была въ рукахъ пехоты, которая шла впередъ каждой шеренгой, которую могли брать они шло, отходить въ шагъ, но не позволялось изъ руки. Окраины двора въ оградномъ было дорожками, убитыми щебенкой, а посрединѣ отъ дорожки до дорожки для удобства пешеходовъ и вообще для пробития дорожки. Большая часть отставныхъ солдатъ, порожившихъ разумъ долга, находились на дворѣ въ чистыхъ сортуарахъ или шпалерахъ, смотря по приказанию, но запрещенно собирались, восторужившись ась крестомъ и обязанности спать фуражки, оркестромъ передъ генеральскими окнами. Вся домашняя прислуга была одинаково въ мундиръ военного похода и носили въ рукахъ чистые и красивые сабли, иначе подвергалась жестокому наказанію. Такъ назывался небольшой дворъ, но одной изъ частей которого жила смотритель двора, а на другой устроена была кухня съ решетчатыми окнами, куда сажалась арестантская еда, чинахъ всякая расправа, какъ по приказанию генерала, такъ и по усмотренію дворничего, если случилось о преступлѣи дворянина принадлежавшей ему власти. Рабочій дворъ у генерала и ась земледельческія орудія, помещавшіяся на особомъ дворѣ двора, не только были въ порядкѣ, но единообразно, своимъ и особливою выдержкою приводили въ удивленіе ась ерсьдой. Такъ напримѣръ плуги у Бобовкина безукоразненно-техническими, запрягались одномастными волами, тоже подобранными по раужуру, и въ каждому плугу рописаны были и свои номера рабочихъ. Раза два въ годъ Савва Михайловичъ инспектороваъ свои земледельческія орудія, и плуги, бороны, разя, повозки проходили мимо его иногда по два враль, иногда справа по одному на извѣстную дистанцію. Рабочіе одѣвались въ то время въ праздничную одежду и кнуты свои должны были держать въ принятой формѣ. Для этого всегда производились особые учения съ кнутами. Вообще косары, т. е. крестьяне отъ 30 до 50 лѣтъ, переписанные по раужуру, стронились въ десяти на дворянскія, обласны были ходить въ ногу, шаго и воляршия

нагнетъ и размахивать руками въ пространство, превращая въ фронтъ фронтъ. Долго бался генералъ свои шквалы на работникахъ, макалъ къ одобренію движоконитъ, и когдѣ вдалече, чуждое зрѣніе приметное иисими въ однихъ жесты, и съ жемитъ се особенныя свѣтоты, не если онъ сведикъ дѣйствіе малорусскія чѣстѣ, то поправитно выходяща парятасовка, дождасть дѣшя разведія д. касы сьеркади разиорременно.

Команды вообще похолодав на солдатъ и даже одѣты, были къ рейтузы съ лодки (кожаца подкладка); тоже и прочая португуга умѣла становиться на фронтъ, опускадъ руки по дѣлѣ и предвѣдно бросать глаза на начальника. Въ послѣднее время Бобовичинъ завелъ хоръ музыки, но преимущественно ограничѣлся, дорогими инструментами. Музыканты одѣты были въ куртки, на рукавахъ обшитыя басонами, въ кавалерійскіе рейтузы и, отчасти знали марши и сигналы. Съ тѣхъ же поръ какъ устройлась музыка, каждый вечеръ и утро у кордегардіи дѣлали трубачъ, обдавать были играть зорю; на которую собиранцы всѣ дворовые мужичины и потомъ расходивался по своимъ чѣстакъ. После зори какъ-то зворѣ такъ и въ этапѣ тушились поединчиво огни, кромѣ генеральскаго дома и кухни, и если кто попададся на улицѣ безъ уважительной причины, тому предствядо быть отправленнымъ въ кордегардію. Это обстоятельство для крестьянъ было тяжелѣ военной одежи и перестройки ихъ жилищъ. Курение трубокъ также преслѣдовалось генераломъ. Запрещеніе это онъ впрочемъ ввелъ тотчасъ же по прибытѣ въ мѣшце, и какъ Череносовка состояла изъ малорусовъ, курящихъ отъ мала до велика, то не мало стоила хлопотъ генералу. Бобовичинъ не ограничился запрещеніемъ курить на улицѣ, на работѣ, наконецъ на дворахъ, но безусловно велѣлъ перестать курить гдѣ бы то нибыло, и въ назначенный день потребовалъ къ себѣ всѣ крестьянскія трубки, которыми и учинено было торжественное ауто дафе въ его присутствіи. Разумѣется этимъ онъ не сразу покончилъ, потомучто страстные курильщики пытались, гдѣ-нибудь втихомолку предаваться запрещенному удовольствію, но при строгостяхъ въ вотчинномъ управленіи, послушники выдавались очень скоро и получали въ острастку другимъ примѣрное наказаніе. Потомъ только еще пастухи, пользуясь удаленіемъ въ степь, журили чѣшкомъ гдѣ-нибудь въ рощѣ, но и это доносено было генералу, и у пастуховъ сдѣлана была острота, смѣшная

срубилъ и, прощившись съ женою, съ пердегардомъ, съелъ на дорлѣтѣ, чтобъ дождаться по календѣ. Оливки досталъ, дурманъ уличилъ, бляды въ Деревосовкѣ... Дама, оставшаяся солдаты со-вѣтъ, полковникъ, лавочникъ, солдатъ, дѣла унтеръ-офицера, развѣщало, курить, но и то у себя на квартирантъ.

«Бобовихинъ перестроилъ Переносовку точь-вѣчь какъ въ военныхъ поселеніяхъ, т. е. уничтожилъ живописный безпорядкъ малорусской деревни; раскиданной по обѣ стороны рѣчки, прорѣзъ прямыя улицы, вырубивъ для этого вѣковые сады, разнѣжилъ бѣгороды и поставилъ крестьянамъ однообразныя домики съ одинаковыми же хозяйственными принадлежностями; велѣлъ посадить вдоль заборовъ деревья и принарядилъ такъ, что церковь находилась какъ разъ въ центрѣ селенія. У всѣхъ крестьянъ дома до того походили одинъ на другой, что генералъ даже притомъ въ умиленіе, и велѣлъ всѣ ставни выкрасить желтой краской. Въ Переносовкѣ вышло четыреста и на каждую сотню назначенъ былъ опытный унтеръ-офицеръ; каждый изъ нихъ имѣлъ подъ рукой десять расторопныхъ десятниковъ изъ крестьянъ, обязанныхъ доносить сотнику, какъ о благополучіи, такъ и обо всѣхъ происшествіяхъ. Главное же начальство надъ селеніемъ генералъ ввѣрилъ отставному подпоручику изъ выслужившихся рядовыхъ, который впрочемъ имѣлъ весьма небольшой кругъ власти, а обязанъ былъ рапортовать генералу и доносить по командѣ черезъ канцелярію. Всѣхъ провинившихся подпоручикъ за карауломъ представлялъ въ кордегардію, гдѣ дворецкій, имѣя особыя инструкціи, или самъ чинилъ расправу, или докладывалъ его п—ству.

Приведя такимъ образомъ въ порядокъ свое имѣніе, Бобовихинъ послѣ дневныхъ занятій, по постройкамъ, по полевымъ работамъ, измученный то повѣркой винокуренного завода, то выѣздкой лошадей, — вечеръ посвящалъ еще и воспитанію дочери, которая воспитывалась подъ руководствомъ священника и подъ надзоромъ тетки. Священникъ, по тогдашнему обычаю былъ самъ не изъ ученыхъ, но понимая вещи, отказывался да-дѣе учить дѣвочку, требовавшую уже, по его мнѣнію, иного образованія.

— А зачѣмъ ей образованіе? спросилъ генералъ, когда священникъ рѣшился сказать объ этомъ самому Бобовихину.

— Позвольте, в. п—ство, дочь такого именитого мужа, такого знатного дворянина..

— Ну чтожь? она и останется дочерью генерала, если и не будетъ знать мифологій, физикъ или другой дребедени, которыми набиваютъ головы девченокъ.

— Съ позволенія в. п—ства: у насъ въ околицѣ уже не одни богатые люди заботятся...

— А вы не знаете зачѣмъ?

— Ради просвѣщенія ума и сердца.

— Эхъ вы, батюшка! для просвѣщенія! Просто для выставки, чтобъ товаръ лицомъ показать. Повѣрьте, если узнаютъ, что за Людмилой будетъ сто тысячъ придаваго, посмотрите какіе явятся женихи!

— Само-собою. Однако и науки...

— Вздоръ! Какая наука? Не надо бабѣ никакой науки. Еще мужчинѣ можно пожалуй служить въ артиллеріи или въ колонновожатыхъ, сдѣлать карьеру... Да и то я вамъ скажу, эта модная наука свихнула головы многимъ молодымъ офицерамъ. Еслибъ не эта пренятая наука...

Тутъ генералъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Еслибъ не эта мерзостная наука, я командовалъ бы уже дивизіей. Понимаете ли вы?

— Понимаю.

— То-то же! Вы обучили Людмилу грамотѣ, молитвы она знаетъ: я самъ каждый вечеръ ее экзаменую. Теперь позаимитесь писмомъ, — я хочу сдѣлать изъ нея своего старшаго адъютанта.

Въ это время вошелъ по какому-то дѣлу подперучикъ.

— А вотъ кстатѣ Дудоренко. Ты учился какимъ-нибудь тамъ географіямъ? спросилъ Бобовихинъ.

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А въ Парижъ вѣдь ходилъ?

— Ходылъ в. п—ство.

— И всю нѣмечину какъ-есть выходилъ?

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ну, и физикъ не обучался?

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А разныхъ нехристей бивалъ?

— И еще какъ, в. п—ство!

— Видите, бабюшка, что каждый может обойтись без этой дробедени. Меня самого деревенскій дьячокъ училъ грамотѣ, а кланусь вамъ крестно, всего того я не бралъ ни одной книги въ руки, кромя устава, да календаря на дѣтсти лѣтъ, а смотрите, слава-богу не хуже другихъ.

Съ подобными занятіями объ образованіи Бобовихинъ гѣмъ не менѣе каждый вечеръ, усѣвшись за часомъ, экзаменовала свою дочь, то-есть выслушивала ея уроки изъ катихизиса и св. исторіи. Дѣвочка бойко говорила наизусть выученныя мѣста, а если ошибалась, то отецъ не собственному малограмотству не всегда замѣчалъ ея ошибки и только требовалъ, чтобъ дочь говорила урочъ громко и безъ заминки. Но окончаніи онашней если бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, Савва Михайлычъ училъ Людмилу сабаданымъ приемамъ и фламбировкѣ виной, посвящая слегка въ стойку и маршировку, несколько самъ, какъ истый кавалеристъ того времени, зналъ эту прелесть. Когда дѣвочкѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, оуъ купилъ ей на арманкѣ маленькую лешадку, вывѣсенную оглятно, и въ годъ Людмила могла не только сопровождать отца вероломъ въ конныхъ прогулкахъ, но знала даже тонкую маневренную ѣзду. Съ тѣхъ поръ, бросивъ книги, она заступила при отцѣ должность секретаря, или какъ говорилъ генералъ, старшаго адъютанта. Дѣвушка писала дѣйствительно бойко, имѣла красивый почеркъ и мало-помалу, при помощи тетки, начала заниматься женскимъ хозяйствомъ. Въ семнадцать лѣтъ это была хорошенькая дѣвушка, но она болѣе походила на красиваго мальчика, потомучто въ ея движеніяхъ и приемахъ мало оставалось женскаго.

Сознавая двойнѣе свое достоинство, какъ потомокъ древняго рода и какъ человекъ, дослужившійся до большого чина, Бобовихинъ, держалъ себя чрезвычайно гордо относительно уѣздныхъ властей и сосѣдей. Съ выходомъ изъ отставку онъ очень хорошо зналъ, что въ качествѣ помѣщика ему надо было подчиняться гражданскимъ постановленіямъ, однако рассчитывалъ, что уплачивая акуратно подати и доставляя своевременно рекрутъ, онъ избавлялся отъ всѣхъ столическій съ предводителемъ и съ земскою полиціей. Бобовихинъ не считалъ даже нужнымъ сдѣлать визитъ предводителю на томъ основаніи, что послѣдній былъ не болѣе какъ поручикъ въ отставкѣ, и только письменно увѣдомилъ его о своемъ приѣздѣ въ имѣніе. Съ исправникомъ онъ

уже совершенно не переменился, и какъ оба эти должностныя лица сразу поднялись волею Саввы Михайлыча и оба, какъ нарочно, заѣхали сами къ нему познаться, то подобный порядокъ вещей установился и на будущее время. Такимъ образомъ Бобовихинъ приобрѣталъ значеніе въ уѣздѣ и самолюбіе возростало въ немъ съ неимоверною силою. Савва Михайлычъ не сядъ и дома всѣмъ ордена, но этого мало: онъ сталъ требовать, чтобы всѣ кто ни приѣзжалъ къ нему, являлись немнѣе какъ въ мундирахъ и въ полной формѣ. Большинство чиновниковъ изъ разныхъ побужденій исполняли этотъ капризъ, и только послѣдніе два предводителя начали отвѣщаться объ этомъ съ насмѣшкой, приводя старика въ негодованіе. Относительно сосѣдей Савва Михайлычъ поставилъ себя въ очень выгодное положеніе и пользовался исключительнымъ почетомъ не собственно потому, что былъ генералъ, но въ качествѣ богатаго помѣщика-капиталиста, у котораго многіе пользовались кредитомъ, кто только умѣлъ заслужить его доброе расположеніе. Разумѣется преимущественно отставнымъ военнымъ помогалъ онъ и деньгами и совѣтами, не бралъ даже процентовъ, но, давая деньги, навязывалъ свое нравственное вѣшательство въ дѣла сосѣда и требовалъ безусловнаго повиновенія.

Генералъ былъ гостеприименъ. Онъ не задавалъ шеровъ, но снисходительно принималъ гостей и замѣчалъ сосѣдей, которые не приѣзжали поздравлять его съ годовыми праздниками. Самъ онъ выѣзжалъ довольно рѣдко, болѣе къ людямъ титулованнымъ и въ послѣднее время сталъ брать съ собою дочь, которая не умѣла одѣваться и была совершенной дикаркой въ обществѣ молодежи. Кое-кого изъ лицъ, которыхъ Савва Михайлычъ удостоивалъ выслушивать, пытался говорить ему о щекотливомъ положеніи богатой невесты, но Бобовихинъ отстранялъ подобныя бесѣды и не поддавался ничему вліянію, пока въ окрестности не поселилась княгиня Сазандарова, вдова заслужоннаго генералъ-лейтенанта. Эта гостожка, при первомъ же знакомствѣ съ Саввой Михайлычемъ прибрала его къ рукамъ и какъ авторитетъ, если не убѣдила его въ несообразности воспитанія, даннаго дочери, то покрайней-мѣрѣ заставила его принять въ домъ компаньонку для Людмилы, одну изъ своихъ воспитанницъ. Генералъ согласился на эту мѣру болѣе потому, что компаньонка обязывалось выучить Людмилу танцамъ, которые были тогда единственнымъ развлеченіемъ

не только молодежи, но и людей среднего возраста. Савва Михайлычъ, конечно, посвоему смотрѣлъ на танцы и называлъ ихъ скоморошествомъ, однако не могъ не признать за ними права гражданства, потому что безъ нихъ необходимо ни одно деревенское собраніе. А дѣйствительно въ обществѣ странную роль играла Людмила, — невѣста со ста тысячами приданого, неумѣвшая даже пройти экосеза. Между тѣмъ къ Людмилѣ начинали уже присватываться женихи, и появленіе княгини Сазандаровой подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, потому что она въ качествѣ аристократки, жившей постоянно въ Москвѣ, постаралась соединить въ своемъ домѣ избранное общество. Выѣзжая съ отцомъ къ сосѣдямъ Людмила и сама понимала неловкость своего положенія и хоть не сознавала главнѣйшаго своего недостатка — отсутствія образованія, однако видѣла, что неумѣнье танцевать мѣшало веселиться, а ей хотѣлось принять участіе въ удовольствіи сверстницъ и поболтать съ молодыми людьми, съ которыми безъ танцевъ такъ трудно разговаривать было въ провинціи. Людмила замѣтила также и всю несообразность своего туалета, которымъ занималась тетюшка, невыѣзжавшая лѣтъ двадцать изъ деревни, возбуждавшаго, какъ замѣтила она, во многихъ, если не явныя насмѣшки, то непріятный шопотъ, что приводило ее въ смущеніе. Но княгиня Сазандорова не упустила изъ виду этого обстоятельства и прямо потребовала отъ Бобовихина коренной реформы въ нарядахъ дочери. Савва Михайлычъ на этотъ разъ не оказалъ никакого сопротивленія, а выразилъ величайшую готовность построить новую экипировку Людмилѣ, которая по своему положенію какъ генеральская дочь, должна была являться не только не хуже другихъ, но превосходить всѣхъ дѣвицъ въ околodкѣ. Компаньонкой къ богатой невѣстѣ попалась веселая неглупая дѣвушка, которая тотчасъ же добросовѣстно принялась за роль наставницъ и если не могла передѣлать рѣзкихъ мужскихъ манеръ своей ученицы, то покрайней-мѣрѣ довольно скоро сьумѣла передать ей тогдашніе общепотребительные танцы: экосезъ, вальсъ, матролуръ, русскую, кадраль и мазурку. Генераль по вечерамъ присутствовавшій при урокахъ, хоть и ничего не смыслилъ въ танцахъ, однако дѣлалъ свои замѣчанія и припоминалъ, что видѣлъ балеты въ Парижѣ, гдѣ «этакія разныя кашашки чортъ-знаетъ какія штуки выдѣлывали погами.»

Компаньонка при своемъ живомъ характерѣ и умѣнии пода-

живаться ко всему, вскорѣ постигла Савву Михайлыча и мѣсяца черезъ два поладила съ его превосходительствомъ. Бобовихинъ никогда не отличался мягкостью характера, съ женою жилъ постоянно не въ ладахъ, а овдовѣвъ рѣшительно не терпѣлъ женскаго общества; онъ и смотрѣлъ на женщину чисто съ солдатской точки зрѣнія. Но это потому, что составивъ себѣ планъ жизни, онъ не отступалъ отъ программы и никогда не пытался войти съ женщиной въ болѣе интимныя отношенія. Когда же въ домъ его поселилась молоденькая хорошенькая дѣвушка, бойкая, кокетливая, генералъ невольно поддался обаянію новыхъ ощущеній, и смотря на гибкую фигуру компаньонки, на ея раскраснѣвшееся лицо во время тапцовальныхъ уроковъ, на стройныя ножки, иногда усиленно покручивалъ рыжеватые усы и, пыхтя трубку, мычалъ про себя:

— Гм! какая смазливая канашка, чортъ поберит!

Въ послѣднее время Бобовихинъ смягчился до того, что при встрѣчѣ съ компаньонкой припоминалъ даже многія французскія фразы, усвоенныя имъ, конечно, въ такой же формѣ, какъ ихъ усвоили Дудоренко и подобныя ему ветераны, побывавшіе за границей.

Въ началѣ разказа мы видѣли Савву Михайловича сидящимъ у стола съ трубкой въ зубахъ и преланнаго какой-то особенной заботливой задумчивости. Сѣдые кустистыя брови генерала свинулись, и изъ подъ нихъ большіе генеральскіе глаза посматривали грозно, какъ во время оно въ разгарѣ неудачнаго ученья. Дѣло вотъ въ чемъ. Мѣсяца два назадъ въ сосѣдствѣ Переносовки появился отставной ротмистръ Усольцовъ и не только не исполнилъ своей обязанности отдать почтеніе генералу, а нѣсколько разъ, рыская съ борзыми, вытащивалъ хлѣба у Бобовихина и у его крестьянъ и со смѣхомъ рассказывалъ про то сосѣдямъ, что передавалось Саввѣ Михайловичу многими доброжелателями. Генералъ даже не постигалъ поведенія сосѣда, и его огорчало воцервухъ невѣжество какого-нибудь ротмистра, а въ вторыхъ мысляхъ остаться въ щекотливомъ положеніи передъ дворянами, не привелъ либерала къ должному чинпочитанію. Накалуиъ описаннаго дня Усольцовъ вытопталъ значительное количество генеральской гречихи, и когда случившійся на мѣстѣ

сотникъ началъ было отстаивать собственность своего патрона, Усольцовъ чубукомъ прогнавъ сотника и велѣлъ передать генералу такія фразы, какія разумѣется были ему переданы въ весьма снягченномъ видѣ. Будь Усольцовъ мелкопомѣстный владѣлецъ, Бобовихинъ незадумался бы командировать исправника для внушенія буяну его обязанностей, но ротмистръ получилъ въ наслѣдство отъ тетки отличное имѣніе въ тысячу душъ съ угодыми чуть лишь не лучшими нежели у Бобовихина. Савва Михайлычъ не могъ не знать, что богатый помѣщикъ неслишкомъ-то обращалъ вниманіе на земскую полицію и рѣшился дѣйствовать сперва силою убѣжденія, а впослѣдствіи уже искать суда формальнымъ образомъ, чего всегда боялся Бобовихинъ, да и не имѣлъ еще къ тому повода. Если случались какія-нибудь порубежныя неудовольствія, то генералъ оканчивалъ ихъ своимъ судомъ въ двадцать четыре часа, не считая нужнымъ прибѣгать ни къ чѣму посредничеству. Разумѣется его крестьяне попадались, потомучто надъ ними распространялась слишкомъ заботливой опека, а страдали преимущественно луга, поля и рощи переносовскія отъ умышеннаго и неумышеннаго нашествія сосѣдскаго скота, отъ легкаго воровства хлѣбовъ и сѣна или незначительной порубки лѣса. Съ бѣдныхъ людей Бобовихинъ небралъ денежнаго вознагражденія, а требовалъ только примѣрнаго наказанія крестьянъ, съ богатыхъ же назначена была такса и кромѣ того мужики само по себѣ платились спиною. Случай вытаптыванья хлѣбовъ охотниками еще были совершенною новизною для Саввы Михайлыча, потомучто хотя многіе помѣщики держали охоту, однако отправлялись въ отъѣзжее поле или осевью по чернотропу или съ первой порошей. Усольцовъ же, пренебрегая мѣстными обычаями, началъ рыскать еще когда не убранъ былъ хлѣбъ съ полей и какъ нарочно для своихъ подвиговъ избралъ владѣнія Саввы Михайлыча. Первый разъ генералъ пропустилъ поѣздъ Усольцова безъ особенныхъ преслѣдованій, но когда забубенный ротмистръ не только не угомонился, а напротивъ началъ нарочно топтать переносовскія поля и однажды даже промчался съ своей стаей по селенію мимо генеральскаго двора съ гикомъ, свистомъ и выстрѣлами, Бобовихинъ возмутился такимъ забвеніемъ приличій и чинопочтанія и началъ придумывать мѣры къ обузданію неугомоннаго сосѣда. Въ это время ротмистръ учинилъ пассажъ болѣе значительный и еще

лицъ не имѣть нѣтъ, неуважительно отозвался о его превосходствѣ.

За дверью нѣсколько разъ уже раздавался легкій кашель, но генераль не слышалъ этого легкаго вопроса, можно ли войти? и не скоро позвонилъ въ колокольчикъ.

Вбѣжалъ мальчикъ въ курткѣ и рейтузакъ военного покроя.

— Что прикажете, ваше п—ство?

— Позвать мнѣ Голоножку!

— Я давно здѣсь, ваше п—ство! отозвался громкій голосъ и вслѣдъ за этимъ высокій унтеръ-офицеръ, войдя въ кабинетъ, вытянулся у притолки.

— Отчего же ты не явился?

— Несмѣль безъ приказанія вашего п—ства; я раза три кашлянулъ.

Оборотясь къ мальчику, генераль сдѣлалъ выразительный жестъ, послѣ котораго тотъ исчезъ за дверью, а другимъ жестомъ Савва Михайлычъ подозвалъ унтеръ-офицера.

— Ну, что?

— Копень на сорокъ выбито, ваше п—ство.

— А на крестьянскихъ поляхъ?

— Позмято не много просо, самая малость.

— Все равно, слѣдуетъ привести въ извѣстность. У тебя наружныхъ знаковъ никакихъ не осталось.

— Никакихъ, ваше п—ство. Они изволили меня вытянуть раза три по спинѣ и совсѣмъ небольшо ваше п—ство.

— Болванъ! Не въ томъ дѣло, а какъ онъ смѣлъ бить моего подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что ты находишься при исполненіи своей обязанности.

— Точно такъ, ваше п—ство.

— И кромѣ того при тебѣ осмѣливался неуважительно отзываться о твоихъ начальникѣхъ.

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ступай въ канцелярію и вели старшему писарю изготовить дѣло, да нарядить верхового порасторопнѣе къ этому забіякѣ.

— Слушаю. Счастливо оставаться, в. п—ство.

— Вели позвать мнѣ адъютанта.

Черезъ нѣсколько времени въ кабинетъ вошла Людмила, и не говоря ни слова, присѣла къ письменному столу, на которомъ въ

порядкѣ разложены и разставлены были всѣ канцелярскія принадлежности.

— Пиши черновую, сказалъ Бобовихинъ.

— Готово.

— Отставного генералъ-майора и кавалера Бобовихина, отставному же ротмистру Усольцову.

— А не надо, папенька, прибавить и кавалеру.

— Вотъ этого не знаю, не мудрено, что и кавалеръ, разбойникъ.

— Такъ я прибавлю.

— Ну, а если не кавалеръ, зачѣмъ напрасно величать его, пожалуй еще больше зазнается. Пиши: «Съ полученія сего предлагаю в. б—дію увѣдомить меня, по какому праву осмѣлились вы топтать неоднократно мои поля, наносить побой моимъ подчиненнымъ и оскорбительно отзываться обо мнѣ въ присутствіи своихъ холопей? Кромѣ этого донесенія для представленія его по командѣ, предлагаю вамъ явиться ко мнѣ завтра поутру въ девять часовъ для дальнѣйшихъ моихъ распоряженій.

— Есть.

— Отправь въ канцелярію перебѣлать и поднесешь мнѣ къ подпису, а потомъ запечатай въ конвертъ и отправь съ нарочнымъ.

— Слушаю, папенька. Я видѣла этого Усольцова мелькомъ у княгини, и кажется у него есть ленточка въ петлицѣ.

— Да можетъ онъ носить медальку въ память двѣнадцатаго года. Впрочемъ нѣтъ особой важности, если онъ имѣетъ орденъ, а я не назвалъ его кавалеромъ: младшему это не проходитъ даромъ, старшаго же за такія мелочи не осудятъ.

Черезъ полчаса, подписавъ грозную бумагу и отправивъ ее съ нарочнымъ, генералъ несохвѣтъ спокойно отправился обѣдать и неподдавался веселому болтанью компаньонки, которая умѣла какъ-то развлекать Савву Михайлыча. Бобовихинъ очень хорошо зналъ, что предписаніе не произведетъ желаемаго дѣйствія, а послалъ его вопервыхъ для очищенія совѣсти, а вовторыхъ для показанія Усольцову, что генералъ-майоръ не можетъ стать на одну доску съ какимъ-нибудь ротмистромъ; третьихъ же и это самое главное, что Усольцовъ не посмѣетъ нагрубить ему на бумагѣ. Онъ боялся только одного, что ротмистръ не станетъ отвѣчать письменно, и можетъ-быть велитъ конюху пе-

родить на словахъ какую-нибудь невѣжливость, оскорбительную для генеральскаго самолюбія... Вотъ почему весь обѣдъ онъ былъ мало разговорчивъ, отвѣчалъ нехотя, лаконически и почти не рассказывалъ о своихъ подвигахъ и походахъ. Онъ даже придрался къ повару за недожареную индѣйку и велѣлъ отправить его въ кордегардію.

Генералъ обыкновенно имѣлъ привычку, выпивъ чашку послѣобѣденнаго кофе и выкуривъ большую трубку, ложиться на полтора часа спать и самъ просыпался акуратно въ назначенное время. Будить его никто не имѣлъ права и въ домѣ былъ введенъ такой порядокъ, что во время сна его превосходительства не только стукъ или шумъ строго наказывались, но вообще во дворѣ и въ саду соблюдалась чрезвычайная тишина, потому что Савва Михайлычъ спалъ очень чутко. Но въ описанный день, лежась отдохнуть послѣ обѣда, Бобовихинъ приказалъ дочери тотчасъ же разбудить его при возвращеніи гонца, посланнаго къ Усольцову. Однако Саввѣ Михайлычу не пришлось подвергнуться лишенію: въ тотъ моментъ, когда онъ проснулся и позвонилъ въ колокольчикъ, ему донесли о пріѣздѣ конюха. Несмотря на слѣдное исполненіе всѣхъ своихъ привычекъ, генералъ, который проснувшись, принимался полоскаться мпнуть покрайней-мѣрѣ десять, тотчасъ же кивнулъ гонца и усѣлся въ спокойное кресло.

— Здравія желаю, в. п—ство, проговорилъ высокій парень, остановясь у порога и вытянувшись въ струнку, разумѣется съ руками, опущенными по швамъ, изъ которыхъ въ одной держалъ запечатанный конвертъ.

— Видѣлъ самого?

— Самого, в. п—ство!

— И есть отвѣтъ?

— Пожалуйте, в. п—ство!

И конюхъ, слѣлавъ два шага впередъ, подалъ письмо генералу.

— Скотина! Сколько разъ я говорилъ, что пожалуйста знать дайте, — а тебѣ слѣдовало сказать извольте.

— Выновать, в. п—ство.

— Тебя не выругали?

— Выругали, в. п—ство.

— А въ морду цепаѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ, не заѣмали, а погрозили только кулаками, в. п—ство.

— И больше ничего не сказывалъ?

— Не сказывали... нѣтъ... говорили...

Генералъ нахмурился.

— Болванъ! не заминаться!

— Не смѣю, в. п-во.

— Пошолъ вонъ, дуракъ! Не болтать въ застольной! Понимаетъ?

— Понимаю, в. п-во.

— Маршъ!

Конюхъ повернулся налѣво-кругомъ и вышелъ изъ кабинета.

Савва Михайлычъ дрожащими руками распечатала конвертъ. Всѣ письма и бумаги обыкновенно читала ему Людмила, но на этотъ разъ генералъ счелъ за лучшее не тревожить своего адъютанта. Надѣвъ очки, онъ принялъ однакожь гордый видъ, чтобъ хоть въ этомъ сохранить свое достоинство, и развернулъ листокъ почтовой бумаги. Довольно-крупнымъ и четкимъ почеркомъ было написано слѣдующее:

Милостивый государь

Савва Михайлычъ.

«Забавное предписаніе вашего превосходительства получило и довольно посмѣяся. За поматую гречиху плачу сколько придется, ибо Усольцовъ никому изъяну не дѣлаетъ и слава-богу нѣтъ чѣмъ оплачивать свои лотѣхи. Являются къ вамъ немѣренъ, а мои ворота постоянно открыты для друга и недруга. Погребъ у меня великолѣпный, и если я сегодня не пьянъ, то причиною этому поѣздка моя къ помѣщику Контрапошкину, гдѣ мы урѣжемъ какъ слѣдуетъ. Охоту смерть люблю, потому что и дѣдъ и отецъ мой выросли на псарнѣ, да и у самого какъ-то сердце лежитъ къ собакамъ. Когда вылетаю въ отъѣздное поле, я не смотрю ни на кого и ни на что: ату его! ухъ его! и вала въ всю ивановскую! Попадись на дорогѣ ветолъко несжатая полоса, а какіе угодно цвѣтники, я не посмотрю имъ въ зубы. Такъ я привыкъ дѣйствовать, а въ мои годы трудно отстать отъ привычекъ. Притомъ же у меня всю жизнь было правило: «ѣду не свищу, а наѣду не спущу!» Вашъ покорный слуга

Д. Усольцовъ.

Бобовихинъ два раза прочелъ отвѣтъ, и его бросило въ легкую испарину.

— Ишь, полдець, красно какъ пишеть! проговорилъ онъ и заверъ письмо въ столъ, чтобъ не попалось на глаза Людмилѣ или писарю.

Пораженіе было довольно полное, и не предвидѣлось никакой возможности привести буяна къ должному повиновенію. Бобовихинъ почувствовалъ даже что-то вродѣ разлитія жолчи и рѣшилъ, что не было другого средства, какъ пожаловаться губернатору. Правду сказать его тревожило любопытство узнать что сказалъ Усольцовъ его посланному, и онъ обдумывалъ, какъ бы, сохраняя приличіе, выслушать подлинныя ротмистерскія фразы, но такъ какъ ему представлялась возможность выйти побѣдителемъ въ глазахъ сосѣдей истребованіемъ съ Усольцова денежнаго вознагражденія, то и нечего уже было производить подробное сѣдствіе. Весь день Савва Михайлычъ оставался въ дурномъ расположеніи духа, распекалъ всѣхъ кто ему ни подвертывался, а потомъ вечеромъ, съ помощью Людмилы и старшаго писаря, составлялъ требованіе отъ пересосовской экономіи въ экономію Усольцова объ уплатѣ денегъ за помятую гречиху. На этотъ разъ бумага была послана не въ формѣ предписанія, а простымъ отношеніемъ изъ генеральской канцеляріи. Посланный однакоже не засталъ ротмистра дома, а контора Усольцова очень вѣжливо отвѣчала, что безъ барина не можетъ прислать требуемой суммы, не имѣя на этотъ предметъ никакого предписанія. Какъ-то уже черезъ недѣлю былъ полученъ въ канцелярію конвертъ со вложеніемъ требуемыхъ денегъ при бумагѣ отъ имени ротмистерскаго управителя, которой оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

«Демьянъ Навлычъ находятъ, что цѣна за побитую гречиху назначена довольно высокая и приказали довести до свѣдѣній пересосовской экономіи, что и на будущее время они не отказываются вытѣпывать генеральскіе носѣвы, но желали бы болѣе ушербной оцѣнки, ибо нынѣ хлѣба вообще продаются не дороже.»

Конечно въ этомъ отношеніи проглядывала насмѣшка, но какъ бумага была написана въ канцелярію и о генералѣ прямо не упоминалось, то Бобовихинъ проглотилъ и эту пилюлю, не обнаруживъ себѣаго раздраженія. Подъ-вечеръ онъ даже при-

шелъ къ тому заключенію, что современемъ можно будетъ Удольцова привести постепенно, если не къ покорности, то къ чиннопочтанию, тѣмъ болѣе, что осенью онъ ожидалъ визита губернатора, который обѣщалъ послѣ ревизіи уѣзднаго города захватить въ Переносовку.

У Саввы Михайлыча одна изъ гостинныхъ комнатъ была посвящена семейнымъ портретамъ, рисованнымъ по большей части самозванцами-живописцами, которые преимущественно обращали вниманіе на сходство костюма, аксессуаровъ, на вычурность позы, но не заботились, или можетъ-быть слишкомъ уже заботились о сходствѣ фзисіоніей, такъ что предки Бобовихина и съ отцовской и съ материнской стороны чрезвычайно походили другъ на друга и разумѣется съ подлинниками не имѣли никакого подобія. Собственный поясной портретъ Саввы Михайлыча въ генеральскомъ мундирѣ, нарисованъ былъ довольно сносно заграницей, но какъ въ то время у него не было еще звѣзды и ленты, а Бобовихину не хотѣлось видѣть изображеніе своей фигуры безъ должныхъ украшеній, то какой-то досужій маляръ на заграничномъ портретѣ прибавилъ звѣзду и ленту, испортивъ совершенно работу чужеземнаго собрата. Савва Михайлычъ, любившій до страсти симетрію, долго беспокоился при видѣ своей портретной галереи, съ значительными пробѣлами на стѣнахъ и не зналъ чѣмъ наполнить комнату, предназначенную единственно для семейныхъ изображеній. Нѣкоторые портреты были даже въ двухъ экземплярахъ, а все еще одна стѣна оставалась свободною, и Бобовихинъ не рѣшался повѣсить на ней разныхъ генераловъ, испещрявшихъ стѣны залы и большой гостиной. Наконецъ однажды ему пришла мысль, и онъ схватился за нее съ особеннымъ рвешіемъ, заказать большую картину своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности взятіе деревни Сент-Эшеля, гдѣ онъ единственный разъ въ жизни командовалъ отрядомъ. Надобно сказать, что Савва Михайлычъ не отличался ни военными способностями, ни соображеніемъ, но при извѣстной долѣ личной храбрости отлично зналъ всѣ мелочи обмундировки, фронта, пригонки, умѣлъ отчетливо дѣлать всѣ эволюціи маневровъ, ученья и исполнять въ точности всѣ приказанія начальства. Въ бою же, тамъ гдѣ дѣло представлялось его собственному усмотрѣнію, онъ терялся совершенно. Нѣсколько разъ во время большихъ битвъ онъ выходилъ неудачно именно отъ

своей суетливости и несообразительности; въ пылу сраженій этого не замѣчали, и онъ даже получалъ и награды въ числѣ прочихъ. Случилось какъ-то во Франціи Бобовихину находиться въ отрядѣ, начальникъ котораго былъ убитъ во время сраженія. Савва Михайлычъ, какъ старшій, подъ пулями принялъ начальство надъ отрядомъ въ то время, когда наши, увлекаемые храбростью и пыломъ боя, тѣснили французовъ, засѣвшихъ въ деревенькѣ Сент-эшенъ; и взяли ее приступомъ. Разумѣется честь побѣды приписана была Бобовихину, который и пожалъ при этомъ случаѣ неожиданныя лавры. Но Савва Михайлычъ, самъ ослѣпленный славою, единственно себя приписалъ удачное занятіе Сент-эшена и любилъ рассказывать объ этомъ подвигѣ съ малѣйшими подробностями. Впослѣдствіи, и именно подъ старость, штурмъ этотъ казался ему одной изъ важнѣйшихъ причинъ успѣшности всего нашего заграничнаго похода. Бобовихинъ даже пришолъ къ заключенію, что, по интригамъ, его обошли наградой, — именно ему слѣдовалъ Георгій 3-й степени, и что подвигъ этотъ оцѣнится развѣ однимъ безпристрастнымъ потомствомъ.

Бобовихинъ не былъ скупъ, денегъ у него всегда водилось много, и потому какъ только ему пришла мысль заказать картину своихъ подвиговъ, онъ тотчасъ же написалъ въ Петербургъ къ своему двоюродному брату, выслать въ Переносовку порялочнаго живописца, съ тѣмъ, чтобы послѣдній не безпокоился относительно вознагражденія за работу. Разумѣется вутевья издержки Савва Михайлычъ принималъ на себя. Исторія съ Усольцовымъ вытѣснила было на время у генерала любимую мечту о картинѣ и о скоромъ пріѣздѣ художника, который, по письму двоюроднаго брата, давно уже находился въ дорогѣ. Хотя Савва Михайлычъ и получилъ деньги за вытоптанную гречиху, что въ глазахъ сосѣдей служило нѣкоторымъ образомъ какъ доказательство его превосходства надъ буйнымъ его сосѣдомъ, который не зналъ границъ своеволю, однако тѣмъ немѣнѣе весьма ротмистра и отношеніе его конторы въ канцелярію показывали, что Усольцовъ впервыхъ не преминетъ снова выкинуть какую-нибудь пакость, а вовторыхъ, легко можетъ разгласить и о своей перепискѣ. Поэтому нужно было хорошенько подумать, какъ бы выйти изъ неловкаго положенія, наслучай если забубенный ротмистръ учинитъ новый наѣздъ, а что

всего хуже развонять о своемъ послушаніи противъ старшего. Разумѣется у него была сильная надежда на губернатора, который по мнѣнію Саввы Михайлыча, обвинить Усольцова уже потому, что ротмистръ гораздо моложе чиномъ; но до прѣизда губернатора могло еще произойти не одно столкновение. Формально жаловаться въ судѣ Бобовихинъ не хотѣлъ на томъ основаніи, чтобъ эти «приказные крючки» не подумали о несостоятельности генерала совладѣть съ какимъ-нибудь ротмистромъ.

Дни черезъ два, неуспѣлъ Савва Михайлычъ пробудиться отъ послѣ-обѣденнаго сна, какъ ему доложили о прѣздѣ изъ Петербурга какого-то молодого человѣка.

— А! проговорилъ Бобовихинъ съ просвѣтлѣвшею нѣсколько фязіономіей: — просить сюда въ кабинетъ.

И генералъ поспѣшилъ надѣть халатъ, но, не възрѣвъ на торопливость, непременно запахнулъ полу такимъ образомъ, чтобъ вѣзда бросилась ту же минуту въ глаза прѣзжему. Въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ подѣ-тридцать, довольно-красивой наружности, во фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и почтительно поклонился.

— Имѣю честь рекомендоваться, Филиппъ Андреевъ сынъ Колотырскій.

— Очень радъ. Вы художникъ?

— Точно такъ, в. п-во. По вызову вашему отправленъ Семейномъ Петровичемъ.

— Вы изъ какихъ?

— Изъ дворянъ, в. п-во.

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться. Но прежде, чѣмъ начать дѣло, скажите, батенька, обѣдали ли вы?

— Собственно говоря, в. п-ство, перекусалъ въ дорогѣ.

— Ну такъ и толковать нечего; сытый голоднаго не разумѣетъ! сказалъ улыбаясь Савва Михайлычъ и позволилъ въ несколько чашекъ.

— Подать водки и тотчасъ приготовить обѣдъ что осталось! продолжалъ онъ, обращаясь къ вошедшему слугѣ: — а вещи этого барина перенести во флигель и назначить Федотку въ услуженіе.

Вѣрный своему принципу не говорить о дѣлѣ на тощій желудокъ гостя, генералъ спрашивалъ о своемъ двоюродномъ братѣ, о дорогѣ и потомъ повелъ художника въ столовую, гдѣ

подавать былъ послѣднему хорошій обѣдъ, потому что хотя къ генералу и рѣдко сближались посторонніе, однако принято было за правило оставлять всё блюда на всякій случай. Проголодавшись въ дорогѣ, художникъ не заставлялъ себя припрашивать, что считалось въ то время необходимой принадлежностью гостеприимства, и съ усердіемъ работалъ ножомъ и вилокъ. Онъ пообѣдалъ довольно скоро, и когда ему подали чашку кофе, генералъ пригласилъ его въ кабинетъ потолковать о дѣлѣ, которое такъ долго было заветной мечтой Саввы Михайлыча. Генералъ до такой степени былъ проникнутъ предметомъ, что, позабывъ огромное разстояніе между нимъ и какимъ-нибудь маляршккой, предложилъ Колотырскому трубку.

— Такъ ты, батинька, изъ дворянъ? сказалъ онъ тѣмъ мягкимъ начальничьимъ тономъ, который употребляется иногда съ подчиненными.

— Точно такъ, в. п—ство, изъ бѣдныхъ дворянъ —ской губерніи. Съ малолѣтства имѣлъ стремленіе къ искусству и пѣшкомъ пошелъ въ Петербургъ въ академію.

— Значитъ, братецъ, поэтому ты изъ неважныхъ живописцевъ.

— Свободный художникъ.

— Какъ?

Колотырскій повторилъ.

— Это что за названіе?

— Такъ-сказать степень.

— Странная степень! Чтожь это за свободный художникъ?

Не признаешь властей чтоли?

И сѣдыя, генеральскія брови вѣскольکو захмурились.

— Помилуйте, в. п—ство! Воверхъ у насъ есть свое начальство, въ которыхъ какже можно властей не признавать!

— Точно же. Ну, такъ ты хорошо изучилъ ремесло?

— По силамъ и способностямъ. Теперь вотъ думаю писать картину на полученіе золотой медали, и можетъ-быть удастся поддаться за границу.

— Это зачѣмъ?

— Изучать произведенія великихъ мастеровъ.

— Чтожь тамъ краски составляютъ дунше нашихъ, чтоли?

— Такъ ужъ принято, в. п—ство. Не побывавъ за границей и славы не заслужишь...

— А тебѣ хочется славы? Это братъ, приобретаеся гласно съ оружіемъ въ рукахъ! сказалъ генералъ не безъ нѣкоторой гордости.

— То совсѣмъ другая слава, в. п—ство, наша болѣе скромная, такъ-сказать мирная.

— Гм! старайся, старайся батинька, это похвально. Если удачно напишешь мою картину, я похлопочу тебѣ о золотой медали, потому что вещь-то будетъ необыкновенная. Здѣсь дѣло идетъ о прославленіи нашего оружія.

— Я занимался баталической живописью, в. п—ство.

— То есть какъ?

— Неразъ копировалъ картины, изображающія разныя битвы.

— Стало-быть подготовленъ. Теперь къ дѣлу. Повторяю, если исполнишь мою мысль хорошо, впервыхъ завлачу тебѣ щедро, а вторыхъ и въ Петербургѣ о тебѣ постараюсь.

Последнее Савва Михайлычъ сказалъ уже въ видахъ преданія себѣ большей важности, потому что онъ рѣшительно не имѣлъ никакого знакомства въ академіи.

Колотырскій поклонился.

— Я готовъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ желаніе в. п—ства.

— А взялъ ли ты съ собою всѣ свои материалы? У насъ въ уѣздномъ городѣ врядъ ли найдутся краски.

— Какже, в. п—ство! нашему брату нельзя выѣзжать безъ всѣхъ необходимыхъ принадлежностей.

— Что умно, то умно. Значитъ мы можемъ приступить къ дѣлу. Ты, какъ вижу, малый не глухой. Не случилось ли тебѣ читать этакіхъ разныхъ исторій?

— Конечно... да...

— Не читалъ ли ты или не слышалъ отъ кого о французской деревнѣ Сент-Эшелѣ?

— Нѣтъ.

— Странно! можетъ быть позабылъ. Штурмъ Сент-Эшеля очень важенъ.

— Помнится слышалъ, в. п—ство! поправился художникъ, начинавшій смѣкать, что не мѣшало поддѣкивать генералу.

— То-то же. Штурмъ этотъ производилъ твой поморный слуга, и его-то я хочу видѣть на картинѣ.

— Это будет для меня особенная честь, в. п—ство, и я надеюсь сделать себя има вашей картиной.

— Еще бы! Мнѣ желательно большой картины, но мы съ тобой послѣ рассмотрим стѣну, на которой слѣдуетъ ее повѣсить, а прежде я долженъ рассказать тебѣ разныя подробности.

— Всеъ этого я не могу приступить къ работѣ, в. п—ство.

— Саме собою. Теперь же слушай внимательно.

— Савва Михайлычъ принялъ геройскую, но его мѣткою, позу.

— Деревня Сент-Эшель лежитъ надъ рѣчкой, которая въ ширину будетъ такъ сажень двадцать. По лѣвую сторону равнина и только вправо невысокая роща, а тамъ пошло пихатное поле. Тамъ знаешь поля не больше нашихъ огородовъ. Вотъ ты сперва изобрази Сент-Эшель; домики можешь нарисовать покрасивѣе, только непременно у каждаго садикъ. Въ деревнѣ стоятъ французы, пѣхота и кавалерія. Они однакожь разсыпаны за плетиво, а позади церкви два орудія. Мнѣ приказано взять деревню и выбить изъ нея непріятели. По сю сторону рѣчки ты изобрази нашихъ: батальонъ пѣхоты, дивизионъ драгунъ, сотню донскихъ казаковъ и два легкія орудія. Впереди стою на боевомъ конѣ я въ полной драгунской формѣ. Я тогда былъ полковникомъ. Значить изобрази меня стоящимъ спиной къ деревнѣ, съ саблей въ рукѣ, то-есть я поворотился къ отряду и командую. Это впрочемъ далеко отъ деревни. Потому я дѣлаю распоряженіе: посылаю двѣ роты въ кустарники, сбѣживаю драгунъ, орудія въ середину и посылаю сперва ядра, а потомъ жарю непріятеля картечью. Стрѣлки въ это время производили ружейную пальбу. Изъ деревни тоже слышны выстрѣлы, но гораздо рѣже. Такимъ образомъ я соображаю, что перестрѣлкой возьмешь не много, посылаю ординарца собрать двѣ роты въ рощѣ и иду на ширитъ. Подо мною убиваютъ лошадей. Мнѣ подають казачьяго скакуна; я приказываю переправляться черезъ рѣчку, а орудія заставить поставить за мельницей, — я забылъ сказать, ты нарисуй тутъ же мельницу, — и обдавалъ французовъ хорошимъ гостинцемъ. Наши бросаются впередъ. Неприсятели въ это время строятся въ колонны и собирается отражать приступъ. Помню одно, что мнѣ приказано взять Сент-Эшель, и хоть неприсятели гораздо многочисленнѣе, однако я воодушевилъ своихъ молодцовъ. «Робята! говорю, впереди смерть, но впереди и благодарность на-

чальства, позавиди, говорю, стыдъ. Ура! И поднимая саблю, первый бросаюсь въ рѣчку. Градъ нуль осыпается нась, но мы переходимъ бродъ, ударили въ штыки, опрокинули неприятеля и почти всю шѣкоть взяли въ плѣнь. Конница вздумала было улѣпетнуть, но я съ дивизиономъ драгунъ и сотней казаковъ настаиваю ее, крещу и разгоняю по полямъ, засѣяннымъ пшеницей. Жители принимаютъ насъ какъ побѣдителей. Вотъ тебѣ исторія, и если ты не знаешь тогдашней формы, я расскажу тебѣ все до самой послѣдней гайки на мундштукъ.

— Дѣло это дѣйствительно блестящее, и художнику можно воспользоваться многими, но только позвольте же узнать каковъ угодно будетъ в. п—ству выбрать моментъ: передъ штурмомъ, когда вы оборачиваетесь къ отряду, самый ли штурмъ, или наконецъ торжественное вступленіе въ Сент-Энваль.

— Какой тутъ моментъ, братецъ! Ты долженъ изобразить все, что я рассказывалъ.

— Это невозможно, в. п—ство, развѣ прикажете написать три, четыре картины.

— Не хочу я трехъ, четырехъ картинъ, а ты помѣсти на одной все это дѣло, какъ я передалъ.

— Мнѣ очень грустно исполнить волю в. п—ства, но я долженъ сказать, что у искусства есть свои законы и свое приличіе; истинный художникъ не переступитъ на того, ни другого.

— Это что за дребедень?

— Я говорю въ томъ смыслѣ, в. п—ство, что требованіе ваше не можетъ быть исполнено художникомъ.

— Значитъ ты попросту ничего не смыслишь въ живописи. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и вѣхать.

— Я не подозревалъ подобнаго требованія, в. п—ство. Двоюродный вашъ братъ, Семенъ Петровичъ, сказалъ только, что вамъ угодно заказать картину, но не предълагалъ ни въ какихъ вамъ условій. Иначе я, извините, не поѣхалъ бы.

— И прекрасно бы сдѣлалъ. Если не умѣешь исполнить требованія заказчика, нечего и браться; значить молодо-зелено!

— Не въ томъ дѣло, а в. п—ство извольте требовать возможнаго.

— Прошу меня не учить, если не потому, что я имѣю честь состоять въ чинѣ генераль-майора, но хотѣ изъ уваженія къ вашимъ сдѣланамъ. Ты не можешь написать картину и баста, а я

— «за свои деньги всегда найду живописца. Но ты не думай, что я тебе выписала для твоего убытка. Ты ведь получаешь от Сошана Петровича деньги на дорогу?»

— «Точно такъ».

— «А выданы тебѣ прогоны обратно до Петербурга, а сучья какъ оберъ-офицеру».

— «Покорно благодарю, в. и—ство, но мнѣ очень при—
скорбно».

— «Мнѣ братъ ни тепло ни холодно отъ твоего прискорбїа, а если провадился даромъ изъ Петербурга, гнѣвай на себя. Учись, приезжай, слушайся старшикъ и о современемъ будешь парадочнымъ живописцемъ, не разбирая никакихъ тамъ моментъ. Прощай! Переночуешь здѣсь, тебѣ завтра утромъ выдаться изъ казначейна деньги и отвезуть въ уѣздный городъ. Тамъ уже твоѣ дѣла».

И генералъ расстался съ живописцемъ въ самомъ мрачномъ расположении духа.

Верстакъ въ десяти отъ Перемыслова лежало богатое село Комарово — помѣстье отставнаго ротмистра Усольцова, въ сколько уже намъ знакомаго по стелживенїямъ съ генераломъ Бобовичемъ. Демьянъ Павлычъ Усольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гулякъ, которыхъ въ то время довольно было на мѣстѣ Россїи, и который выражалъ собою именно типъ стариннаго гусара, неразъ описаннаго Д. Давыдовымъ. Какъ сынъ богатыхъ родителей, онъ даже получилъ недурное образованїе, любилъ прозелокнуться и женился въ мнѣ корнета, украсивъ дочь у своего бригаднаго командира. Но узы Гименея не могли совладать съ широкой натурой Усольцова, и онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ холостыхъ кутежахъ и пирушкахъ. Усольцовъ танцевалъ шарварю, не больше любилъ буйнить или потѣшаться надъ кѣмъ бы то нибыло, кто подвергивался ему подъ руку, или какъ онъ выражался нѣ «мордаре» было ему не повкусу. Въ полку, въ сколько разъ его арывали на дуэль, вслѣдствїе чего лицо Усольцова нашло на себѣ три или четыре перекрестныхъ рубца — однако онъ не удивился и чуть только встрѣчалъ видоизмѣненную личность, тотчасъ же мускалъ въ ходъ самыя небезопасныя предьянїя. Несмотря однакоже на дукъ времени, въ

которое гусары не отличались скромностью, чему доказательством творения все того же Д. Давыдова, полковая жизнь съснила Усольцова и онъ кое-какъ вербился до смерти отца, который не позволялъ ему выйти въ отставку и не прощалъ за самовольную женитьбу. Но едва старикъ отправился къ праотцамъ, какъ Усольцовъ поѣхалъ за ремонтъ, а черезъ годъ рѣшился навсегда разстаться и съ любимымъ полкомъ, и съ шумными кутежами, и съ веселымъ скитаньемъ по походамъ, которые въ особенности давали обильную пищу изобрѣтательности Демьяна Павлыча. Его сманила совершенно незамерзшая жизнь въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ дѣлать что ему угодно, не страшась уже ни суда товарищей, ни распекающаго начальства. Въ хандѣ онъ ничего не смыслилъ, и хоть управляющій его обкрадывалъ периодически, однако Усольцовъ, проживъ пять лѣтъ въ отставкѣ, не промоталъ имѣнья, а только значительно его паразитировалъ. Сокращеніе доходовъ дѣшло уже до половины, когда умерла родная его тетка, жившая по сосѣдству съ Саввой Михайлычемъ Бобовихинымъ. Тетка же терпѣть не могла Усольцова, не принимала его и все грозилась лишить наслѣдства, однако такъ и скончалась, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Изъ наслѣдниковъ у ней былъ не только ближайшимъ, но и единственнымъ Демьянъ Павлычъ. Кромѣ хорошаго имѣнья, старука оставила ему богатый старинный домъ со всѣми принадлежностями, и Усольцовъ тотчасъ же переѣхалъ на новоселье, во первыхъ поближе познакомиться съ наслѣдствомъ, во вторыхъ — покутить въ другомъ уѣздѣ, славившемся своими отъѣзжими полями, куда при жизни тетки онъ изрѣдка появлялся на охоту и то въ отдаленномъ углу въ имѣніи пріятеля своего Контрашнина.

Мы называли Усольцова типомъ стариннаго гусара и это совершенная правда, потому что онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ необходимыя качества для олицетворенія и бры и забяки и дорогого собутельника, и кромѣ того съ саблей въ рукѣ тоже выдѣлывалъ чудеса храбрости. Но съ другой стороны онъ былъ великолѣпный образчикъ самодура на томъ основаніи, что въ трезвомъ видѣ могъ выкидывать ему новостижими шутки, не говоря уже о тѣхъ продѣлкахъ, какія выметывалъ онъ отъ насильнаго употребленія горячихъ напитковъ. Тотчасъ по выколѣ въ отставку, получавъ себя совершенно забавленнымъ отъ всякой

окази, Усольцовъ началъ жить по весьма широкой программѣ, по стѣсняясь уже тѣми ограниченіями, какія въ службѣ налагались: на него званіемъ офицера, честию мундира, наконецъ самого подчиненности. Правда Демьянъ Павлычъ и въ полку иногда умѣлъ искусно обходить нѣкоторыя стѣснительныя для него условія, но тѣмъ не менѣе все-таки онъ чувствовалъ себя связаннымъ, потому что безобразное буйство не было безусловно терпимо въ арміи, и если порой сходило съ рукъ, то не иначе какъ вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, а Усольцовъ имѣлъ непреодолимую склонность побуянить при каждой удобной и неудобной случаѣ. Съ выходомъ въ отставку Демьянъ Павлычъ разомъ высказалъ главныя силы самодурства и избрѣлъ много новыхъ, какъ онъ называлъ «штукантерій», непродѣлывавшихся до него въ губерніи самыми отчаянными сорваголовами.

Живя въ девятнадцать лѣтъ по любви, Усольцовъ дѣйствительно какихъ-нибудь полгода бѣшено любилъ жену и ревновалъ ее самымъ непростительнымъ образомъ. Жена его годенъ или двумя старѣе мужа, была недурная собою женщина, безъ воспитанія, избалованная въ семействѣ. Она увлеклась молодымъ красивымъ корнетомъ и легко ушла съ нимъ отъ родителей, которые не желали этого брака, зная за Усольцовымъ многія рѣзкія продѣлки еще въ юнкерскомъ чинѣ. Счастье молодой четы скоро нарушилось: старикъ Усольцовъ не прощаль сыну женитьбы и хотѣ не уменьшалъ ему годового содержанія, однако чего хватало обыкновенно и холостому, того безъ сомнѣнія мало было для женатаго, и потому молодой супругъ скоро пришлось разочароваться и пожалѣть о своемъ увлеченіи. Не успѣлъ у нихъ родиться первый ребенокъ, а уже Усольцовъ значительно охладѣлъ къ своей Антонинѣ и оставлялъ ее нерѣдко по цѣлымъ днямъ одну, порой безъ всякихъ средствъ существованія, — уѣзжал съ товарищами для кутежей и дебошей на ярманки въ дальнія окрестности. Разумѣется отецъ Антонины не скупился ни на замѣчанія, ни на строгія внушенія, но какъ дѣло шло не о службѣ, то Усольцовъ на это мало обращалъ вниманія, тѣмъ болѣе, что бригадиръ любилъ свою дочь и помогалъ ей, несмотря на свои собственные скудные средства. Дѣйствовать энергически противъ зятя генералъ не могъ: иначе, подвергая неприяностямъ Усольцова, ставилъ бы и дочь въ болѣе грустное положеніе.

Кромѣ широты натуры относительно кушечей и всякого подкормивающаго безобразія, Демьянъ Павлычъ не прочь былъ и потнуть направо-налѣво, такъ что за частую голодая чета свинкина безъ обѣда. Но къ счастью для жены Усольцова подокочила война, и она оставалась въ семействѣ генерала покрайней-мѣрѣ не голодавшая и котъ кое-какъ одѣтая. Въ походахъ Усольцовъ совершенно позабылъ о своей дражайшей половинѣ и жилъ на холостую ногу, а по возвращеніи домой отыскалъ ее и снова сдѣлалъ участницей разныхъ лишеній и недостатковъ. Любовь съ его стороны исчезла безвозвратно, и онъ содержалъ жену уже на томъ только основаніи, что ея родители умерли и ей негда было преклонить голову, но онъ не скрывалъ, что она ему надѣла. Антонина же Григорьевна все еще питала едвали не самую живую страсть къ своему мужу и если не ревновала открыто, то передъ глазами десятки его невѣрностей, то все-таки не могла оставаться равнодушной и плакала втихомолку, по мужу неизмѣняла и въ то время, когда еще много за ней ухаживали. Отдохнула она немного съ выходомъ Усольцова въ отставку: Разумѣется забубонный ротмистръ не возвратился къ ней, но сталъ богатымъ помѣщикомъ, покупалъ ей наряды, лаваль средства рещеколько жить въ хорошемъ помѣщеніи, и Антонину Григорьевну покрайней-мѣрѣ не убивала мысль что она будетъ и будетъ ли завтра обѣдать. Въ минуты особеннаго расплосненія духа Усольцовъ дарилъ ей даже порядочные куши денегъ, которыми она могла тратить куда хотѣла, но бѣдная, забытая женщина не находила въ этомъ удовольствія; тѣмъ болѣе, что при изобиліи всего необходимаго и притомъ въ деревнѣ, она не имѣла возможности купить изъ прихоти какую-нибудь бездѣлку. Вызжала она очень рѣдко. Вообще Антонина Григорьевна была женщина безгласная, отвыкла отъ общества, и все что еще оставалось ей — это занятіе по хозяйству, которому училась она отъ нечего дѣлать.

Усольцовъ не любилъ сидѣть дома. Въ этомъ отношеніи онъ постоянно сохранялъ полковую привычку, которой измѣнилъ на какихъ-нибудь полгода послѣ женитбы, а потомъ обыкновенно являлся домой только спать, да и то не всегда въ трезвомъ видѣ. Выйдя въ отставку, онъ тотчасъ же осадомился и имѣлъ «теплыхъ ребятъ» въ уѣздѣ, и какъ этого сорта не занимать — стать бывалъ во время оно, то жизнь Усольцова: новела «завѣтъ»

мелу въ кругу веселыхъ товарищей. Но по брезгии на первыхъ порахъ никакой веселой компаніей, Усольцовъ въслѣдствіи избралъ себѣ такъ-называемыхъ закадычныхъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ другой даже губерніи, и тогда только началъ считать себя счастливымъ. Выборъ этотъ онъ сдѣлалъ на харьковской ирещенской арманкѣ. Друзья эти были все такія же неугомонныя головы, и въ переѣздахъ отъ одного къ другому проводила шумная жизнь Демьяна Павлыча. Раза два въ годъ пріятели навѣщали и Усольцова и тогда разумѣется онъ сидѣлъ уже дома, но развѣ въ первый день съѣзда Антонина Григорьевна видѣла мужа и друзей его, потому что ихъ обычныя веселости были, какъ говоритъ Усольцовъ «безпорядочнаго свойства» а темныя ребята требовали какъ безграничнаго простора, такъ и самой широкой распашки. Пребываніе закадычныхъ друзей въ домѣ Демьяна Павлыча заканчивалось обыкновенно какимъ-нибудь безобразіемъ; послѣ котораго разгульная компанія переносила куда-нибудь на другое мѣсто свою разгульную дѣятельность. Вырывалось впрочемъ время, когда Усольцовъ пріѣзжалъ домой и по двѣ недѣли сидѣлъ въ деревнѣ — это или въ глухую пору бездежья, или въ періодъ головныхъ болей, одолевавшихъ эту желѣзную и неугомонную натуру. Демьянъ Павлычъ не имѣлъ впрочемъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ, а хотъ онъ въ кругу друзей пьянствовалъ по цѣлымъ днямъ безъ просыпу и могъ пить все, начиная отъ шампанскаго до самой сиверной сивухи, однако инакъ какъ въ товариществѣ собутыльниковъ; а оставаясь одинъ, невыказывалъ особенной склонности къ горячимъ напиткамъ. Зато у него были развиты двѣ неодолимыя страсти — къ собакамъ и женщинамъ. Охота его во многочисленности и породѣ борзыхъ могла считаться одной изъ лучшихъ въ губерніи, и были у него экземпляры по сту и болѣе червонцевъ. Чтоже касается до прекраснаго пола, то Усольцовъ, отъявленный врагъ однообразія, рыская по арманкамъ, выбиралъ себѣ красивыхъ спутницъ по своему вкусу и любилъ чрезвычайно столкновенія національностей. Нерѣдко, двѣ-три компаньонки сопровождали его изъ Харькова или изъ Кіева и поселялись въ большомъ флигелѣ, который назывался «номерами для пріѣзжающихъ». Когда онъ переселился въ тетяшину деревню, то первой обязанностью считалъ построить большой флигель съ тѣмъ же назначеніемъ, и надо отдать ему справед-

ливости, что никогда своих оргій и египетских пиршеств она не проводила под одной кровлей съ женою, хотя въ обществѣ помѣщеніи безобразничала со всеми перывами лебезуланной фантазіи. Выхватывались у него подъ очень пьяную руку попытки отправиться съ буйной компаніей къ женѣ, собственно для показанія, что онъ имѣлъ полное право распоряжаться какъ глава и повелитель, но всегда кто-нибудь изъ тѣхъ ребятъ умѣлъ его останавливать, представляя безропотность и покорность Антоины Григорьевны.

— Да чего же она киснетъ, чего же она постоянно хнычетъ? говаривалъ Демьянъ Павлычъ въ такихъ случаяхъ.

— А ты бы лучше хотѣлъ, чтобъ она злилась и ругалась!

— Желалъ бы, ейбогу! Я тогда показалъ бы ей что значить мужъ и какъ по закону она должна уважать меня.

— Оставь ее, Демьянъ: она тебѣ не мѣшаетъ веселиться, метрону же и ты ее въ свою очередь.

— Эхъ, жизнь! скажетъ бывало Усольцовъ, ударить кулакомъ по столу и велить сыграть какую-нибудь забористую.

Во время оргій Усольцовъ очень любилъ пляску, разумѣется, пляску, какъ говорилъ онъ, разнузданную, передъ которой блѣднѣли всѣ наши даже загородные канканы, и нерѣдко самъ доказывалъ чудеса искусства. Танцы у него для мужчинъ не были обязательны вообще, каждый могъ оставаться и спокойнымъ зрителемъ, если на то была добрая воля; но если Усольцовъ приказывалъ играть «вдоль по улицѣ» никто не имѣлъ права не участвовать въ самой бѣшеной пляскѣ, представлявшей высшую степень разгула и безобразія. Въ дни трезвости Усольцовъ любилъ проводить вечера въ своемъ флигелѣ и истиннымъ наслажденіемъ для него было ссорить его обитательницъ, поддразнивая ихъ. Женскія схватки, особенно на словахъ, тѣшили его чрезмерно, онъ допускалъ самую либеральную жестикуляцію, но если дѣло доходило до рукопашнаго боя и миролюбивое посредничество ротмистра не имѣло успѣха, онъ обыкновенно сымалъ со стѣны черкескую плѣть и посредствомъ этого аргумента соглашалъ соперницъ къ перемирію.

Интересны были въ домашней жизни отношенія Антоины Григорьевны къ обитательницамъ флигеля и ихъ къ госпожѣ Усольцовой. Конечно и предполагать невозможно, чтобъ она не знала о присутствіи въ домѣ постороннихъ женщинъ, но она старалась

неожиданно не показала этого и некоторым знакомым, мнѣ-
 щавшимъ ее, а если уже неизбежно приходилось ей говорить о
 гостяхъ по чужимъ, то она выразилась о нихъ не иначе какъ о
 комедьянткахъ, приглашонныхъ мужемъ въ деревню для развлече-
 ченія. Подобнымъ названіемъ бѣдная женщина не вѣла какъ бы
 оправдать и собственное положеніе и поведеніе мужа, который
 все-таки, несмотря на разгулъ и буйство, доставлялъ ей роскош-
 ную жизнь въ материальномъ отношеніи. Комедьянтки при-
 встрѣтъ, — а это дѣлать напримѣръ случалось довольно ча-
 сто, расклаивались съ нею, а она нехотя отдавая поклонки, стара-
 лась не уронить своего достоинства и спѣшила уйти, чтобы
 какъ-нибудь не заговорить съ ними что не ея мнѣніе могло
 компрометировать ее въ глазахъ прелуды. Комедьянтки у ре-
 жистра собиралось иногда три или четыре, и такъ какъ онѣ всѣ
 болѣе или менѣе любили пощеголять, то необходимо было при-
 командировать къ нимъ нѣсколько горничныхъ, черезъ кото-
 рыхъ и всѣ скандалы передавались настоящей барыни. Антони-
 нина Григорьевна была посвящена во внутренній бытъ общества
 и вѣла до подробностей характеристику комедьянтокъ. Она
 впрочемъ давно уже привыкла переносить нравственное униже-
 ніе: — еще въ молодыхъ лѣтахъ Усольцовъ откровенно сказала
 ей, что она ему надоѣла и даже предоставляла полную свободу
 жить гдѣ и какъ угодно, лишь бы она не предъявляла никаки-
 хъ претензій на его особу и не стѣсняла его вкуса по сердеч-
 ной части. Въ первое время Антонина Григорьевна плакала, ре-
 вновала, дѣлала даже мужу сцены, но слезы, ревность и сцены
 имѣли только одно дѣйствіе, именно доставляли ей возможность
 поближе познакомиться съ черкесскою плѣткою, оставивъ дѣла-
 лобъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ было оно и до этого
 знакомства. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Демьянъ Павлычъ,
 очень хорошо обходясь съ женою, и когда она, какъ натура
 совершенно неразвита, незная чѣмъ наполнить жизнь, ударя-
 лась въ ханство и начала водиться съ юродливыми, попрошай-
 кини и странницами, — признаки ревности начали оставаться
 мало-помалу и она постепенно шла по пути отупѣнія. Въ опи-
 сываемую эпоху Антонина Григорьевна походила на какую-то
 мумію. Кромѣ постоянного нравственнаго угнетенія, вліявшаго
 на ея здоровье, она слушалась каждой проходки и налагала
 на себя самыя строгія лишенія — не по убѣжденію, а единствен-

не по сойтости страшилось и страшица, которую и теперь еще довольно шатаются по провинции. Усольцова однакоже была-ся звать шарана и паровозъ сообщать Антонию Григорьевну во время отсутствия ротмистра, при видѣ котораго самый ловкій юрдыный, подобравъ пальца, удиралъ въ ближайшій лѣсъ, во избѣжаніе какой-нибудь весьма негуманной выходки.

Но годы брали свое, и привычка самодурствовати, владѣвшая уже въ плоти и крови Усольцова, начинала подмывати дружественныя отношенія его къ Антоніи Григорьевнѣ, Усольцовъ многолитное властью надъ всѣми окружающими, дойдя почти до абсолютнаго деспотизма надъ приятелями, которые не его мнѣнію готовы были на самое возмущенное безразудство. Демьянъ Павлычъ иногда подумывалъ — какой же онъ мунтъ, если не метъ жону «привести къ одному знаменателю.» Ему влруть ни съ сега, ни съ того приходило въ голову, что нешѣ-шло бы и Антонию Григорьевну сдѣлать участницей какой-нибудь оргіи и заставить ее вмѣстѣ съ нѣсколькими странниками и странницами проанцовати трюкака среди расхлѣданныхъ гостей подъ крышею, отрывавшые звуки балалайки. Но противъ этого восставали даже его гости, въ которыхъ все еще оставалось какое-то инстинктивное состраданіе къ жонѣ Усольцова, вслѣдствіе чего Демьянъ Павлычъ иногда выходилъ изъ себя, а все-таки не рѣшался послать за барыней или возвратиться къ ней со своею бумажавшею компаніей.

Последнее время однакоже отъ исполненія этого намѣренія его отпугивало столкновение съ Бобовихинымъ, котораго онъ не-взлюбилъ в которому задумалъ надѣлать штукъ, еще неслыхан-ныхъ, собственно потому, что Савва Михайлычъ былъ гордъ и непременно требовалъ отъ сосѣдей уваженія. Въ этомъ отношеніи Усольцовъ была одинаковъ и пьяный и трезвый, и жажда забѣ-сичъ Бобовихина овладѣла имъ до такой степени, что онъ смѣло-шолъ даже до испрашиванья совѣта у своихъ приверженцевъ, чего прежде не дѣлалъ ни въ какомъ случаѣ. Появляясь нарѣдка ни сѣдаль сосѣдей, Усольцовъ нирау еще не встрѣчалъ Саввы Михайлыча, на что сперва онъ и не обращалъ особеннаго вни-манья, но когда получилъ отъ генерала нѣзѣтную строгую бу-мигу; у ротмистра возгорѣлось желаніе сойтись гдѣ-нибудь съ Бобовихинымъ и непременно озадачить его превосходительстве. Въ особствѣ онъ встрѣтилъ разныя отзывы о Савѣ Михайлы-

что, во преимущественно о генералѣ отъивавшихъ съ уваженіемъ, и хотѣ въ некоторыхъ случаяхъ въ немъ съдѣшныя стороны, единично съдѣшны позволяли себѣ не иначе какъ въ короткое время, да и то вѣдѣ веселую руку. Вообще же Вобовихина съсѣды уважали, почитали его вліянію и смотрѣли на него не какъ на чужбана, оказавшаго важныя услуги отечеству. Мы уже видѣли, что Савва Михайлычъ самъ высокаго мѣста о своихъ подданныхъ, которые хотѣли увѣковѣчить, передавъ на золотое, и чужде упрямство художника лишило его исполненія этого завѣщанія. Когда Усольцовъ вытопталъ генеральскую тропку и получилъ вѣдѣшное предписаніе, онъ поѣхалъ рѣшавать объ этомъ обоимъ тѣмъ же ближайшимъ сосѣдямъ, разумеется выставляя истинно-математическую сторону подобной переписки. Но два-три ближайшихъ сосѣда нашли Савву Михайлыча правымъ, быть убѣждены, что генералъ иначе и не могъ написать къ ротмистру, не уронить своего достоинства. Усольцовъ только пожалъ плечами и началъ съзывать своихъ собутыльниковъ на совѣтъ какъ быть въ данномъ случаѣ и какую «сморозить» интуитивную? Исполнители этой сраду собирались самые бурные мотыльки, но оканчивалась вѣдѣшная, потому что все продѣли; и какъ только предлагалъ ротмистру, были ему давно вѣдѣшны, и Усольцовъ своихъ сосѣдскихъ обругалъ сивыми, которыя неспособны вырвать изъ бѣды принятии. Демьянъ Павлычъ рѣшился прибѣгнуть къ своей интуитивности, и въ ожиданіи счастливой мысли, вознамерился пакостить генералу всевозможными средствами. Для этого онъ поставилъ на ноги всю свою огромную деревню и община съ интуитивнымъ вознагражденіемъ тому изъ крестьянъ, кто дойдетъ на разбѣдскихъ поляхъ наную-нибудь генеральскую околицу или даже пшчу на пашнѣ или сѣнокосѣ. Разумеется въ вѣдѣшныя вѣдѣшныя стѣжки стѣжковѣдѣшны, и хотѣ у генерала рабоче и здоровое держали что называется ухо остро, однако не могли не замѣтить и вѣдѣшны съ нежею, поручиться за наное-нибудь известное, чтобы оно не перешло сосѣдской границы. Генералъ впрочемъ такъ сложился порядкомъ своей администраціи и любилъ ставить себя въ примѣръ какъ повѣдѣшны, на котораго сосѣды не могли возмаловаться. Но Вобовихина не снѣлъ съ кѣшъ пришло съдѣшны ему дѣло. Обыкновенно генеральскіе пашуки, изъ болше отвѣдѣшны, горко сѣдѣли за стѣжками и дѣдѣшны интуитивны, когда даже рѣдѣшны въ дѣдѣшны пашуки, когда онъ не горко

отъ мѣки одеше шальной, не забѣдалъ въ чужіе владѣнія.. Кото попольскіе пастухи, по случаю строгостей порубочной оценокъ, старались набѣгать впаденія въ чужіе границы, однако во встрѣилъ энергической настойчивости со стороны своихъ властей, они допускали порой различныя безпорядки, вслѣдствіе чего по генеральской границѣ разбѣгали ревазеры и захватывали чужихъ лошадей, скоть и овецъ на мѣстѣ преступленія. Усаольцовъ только дѣлалъ еще набѣги на сосѣдскія владѣнія во время охоты, въ чемъ онъ впрочемъ нагдѣ и некогда не стѣсняясь, потому что къ подобному образу дѣйствія привыкъ издавна; но теперь онъ высккивалъ всѣ средства задѣть за живое Бобовкина и посланенно отъ завѣстнаго приказанія, отданнаго крестьянамъ, считалъ обязанностью, вѣркомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ псарей, дѣлать пограничныя разбѣды съ цѣлью напасть на какую-нибудь добычу. При подобномъ положеніи вещей, случай вознамерилъ представиться къ завѣстѣ весьма интереснаго дѣла.

Какъ-то разъ назначившись хорунжимъ послѣ обѣда, Усаольцовъ выѣхалъ на охоту, направивъ путь на генеральскія владѣнія. Съ нимъ рядомъ ѣхалъ любимецъ его Игнашка и главный лесной и главный камердинеръ и наконецъ главный повѣренный всѣхъ барскихъ тайнъ, вслѣдствіе чего пользовавшійся уваженіемъ не только дворянъ, но и уграющаго и всѣхъ вочины; этотъ Игнашка огромный дѣтина съ серьгой въ ухѣ единстворядъ тѣмъ крѣпостнаго лакея прошедшихъ время, но лакея безъ принадлежности къ барину и надѣленнаго всѣми пороками разгульной и развратной дворни. Игнашка поступилъ къ Усаольцову мальчишкой и полюбился ему за красивую наружность и необыкновенную расторопность. Гола три Усаольцовъ шкелелъ его, порою сѣлъ раза три на день, пока довелъ до той степени, что Игнашка понималъ малѣйшее его движеніе. Наконецъ Демьянъ Павлычъ ошелачательно пристрастился къ расторопному мальчику, одѣвалъ его лучше всѣхъ, дарилъ вещи, но не пропускалъ ни малѣйшаго, по его мнѣнію, проступка и довольно часто высылалъ на коюшню съ приказаніемъ «вымыть» истинное малечество. Игнашка вынеслъ тяжкое обращеніе, возвращаясь потому что не видѣлъ выхода, возторжкъ все-таки имѣлъ преимущество предъ другими, которымъ больше доставалось и которымъ ничѣмъ не награждали, а стрѣлихъ имѣлъ возмож-

востъ подчасъ таскать у барина порядочныя деньги, такъ какъ Усольцовъ никогда не считалъ ихъ, да и запродакъ никогда не весьма акуратно. Притомъ же Игнашка была лажой не природъ, казится въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ и любилъ на-съѣ-дать предъ прочею прислугой хвастать своей казенской генеалогией.

— И дѣды, и прадеды, и отецъ мой всегда служили въ казакъ, говаривалъ онъ: — отецъ даже былъ буетчикомъ, а умръ дворянникъ.

Въ гостики, гдѣ бывалъ Усольцовъ, Игнашка всегда пред-столло множество интимныхъ и трудныхъ порученій, въ случаѣ исполненія которыхъ баринъ давалъ ему денегъ, и въ гостяхъ иногда необходимо съ нимъ дурно что Игнашка подавало по-водъ хвастать не только расположеніемъ барина, но и вообще бешмаказанностью всѣхъ своихъ поступковъ. Качество это придавало ему большую цѣну въ глазахъ всего лакейства.

На охотѣ какіе ни были бы гости, за Демьяномъ Павлычемъ на добромъ конѣ всегда ѣздалъ Игнашка, затимутый въ краси-вую черкеску съ дорожной флагой черезъ плечо и съ длиннымъ арапникомъ. Обязанность его была набивать барину трубку и въ случаѣ неудовольствія Усольцова отчитывать удара бича какъ провинившемуся охотнику, такъ и путнику, неуказанному сверстать съ дороги, и вообще всѣмъ, на кого бы онъ указалъ Демьянъ Павлычъ.

— Игнашка! Жги его! бывало крикнуть Усольцовъ.

И проворный Игнашка немедленно бѣжитъ исполнить при-казаніе барина со всѣмъ усердіемъ, какое чувствовалъ на зава-тиль подобнаго рода.

Въ описываемый день Усольцовъ отправился на охоту безъ товарищей въ сопровожденіи достаточно количества псарей и лакейчиковъ. Подѣлавъ на рясель къ генеральскому грама-памъ, Демьянъ Павлычъ замѣтилъ пару воловъ, которыхъ до-сильно принадлежало отъ него, но не генеральской землѣ, при кото-рыхъ однакоже не было никакого пастуха. Усольцовъ тотчасъ же велѣлъ остановиться и послалъ Игнашку перегнать воловъ на свою землю. Неусилья наперсникъ исполнить этого повелѣнія, какъ тотчасъ же, словно нарочно, изъ-за мургана показались ге-неральскій объѣзникъ на доброй степной лошади. Когда послѣд-ній подѣхалъ на близкое расстаніе, Усольцовъ поспѣлъ его

къ себѣ. Унтеръ-офицеры кѣтъ и весьма не оковно; однако: при-
былишии и протворять обычное

— Варази малаю, в. б—іе.

— Вдерезо, братецъ! сказала Усолдотъ. Непризнаете ли
тае этихъ варази?

— Какъ не признать, в. б—іе! Волы нашего крестьянина
Голомошки. Да и оны должны быть удалече, — вѣрно заснулъ
босить.

— Для меня все равно заснулъ ли оны, не заснулъ, присутствъ
ли парочковии: печально, а ваши волы ходять по моей землѣ,
и шоблять!

— Гогно такъ, в. б—іе.

— Гей! Кто тамъ претворите изъ дѣлзжачихъ, — гони варази
ше двари и приказы не отдавайъ бѣтъ меня.

— Освѣдотъ делозникъ, сказавъ унтеръ-офицеръ: — прашайте
мужика, потому что его прашасходительство. всерчагогъ в болашно
варазукты виновнаго.

— Ты вдуналъ меня учить, чтега?

— Сохрани-богъ, в. б—іе.

— Сцетра, чорта вольна! Ты тоже хороше гусъ, всерашно
чублодотень. Какъ твои фамили?

— Демешовъ, в. б—іе.

— Хорошо. Ступай, докладывай генералу о промоществѣ,
ха, ха, ха!

Дѣлзжачій вогналъ слово по дорогѣ въ Разведовку, а Усолд-
дотъ, спешившая рысью, вончался вдоль своей границы въ
отвѣдшее поле.

Того же дня вечеромъ Демьянъ Павлычъ очень долго шилъ
чушть для вдохновения и принималъ письмо къ Бобовкину о
чондѣ варази. Нѣсколько почтовыхъ листовъ испортилъ оны,
пока остался доверять своимъ прашервѣснѣ, и велѣлъ переши-
тать въ конторѣ слѣдующее:

Господину отставному генералъ-майору и кавалеру Бобовки-
ну.

Отставнаго же ротмистра и кавалера Усолдотова.

Ранорѣ.

«Имѣю честь почтительнѣйше довести в. н—ству, что вчтра-
шнито числа въ четыре часа и сорочъ двѣ минуты повелудленъ
своей лачею усотрѣдилъ башки шоты на моей трагѣ, шобруе: ида

вали исправно. Хотя я не хочу видѣть съ вашей стороны тако-
ваго нмъ приказанія, которое было бы неугодно въ отноше-
нхъ и отставномъ чинѣ, но полагаю, что каждый человекъ
имѣетъ право стоять горой за свою собственность. При чемъ
осмѣливаюсь присовокупить, что распушенные скоты наши не
только пожрали мою траву, а значительное количество оной
и выкопали, такъ что ущербъ мой понесенный оказывается не
малъ. Въ дѣствіе такого нмъ чести поворнѣше просимъ о
распоряженіи выслать нмъ 4 р. 83³/₄, копѣекъ по оцѣнкѣ всего
общества моихъ крестьянъ по строгой справедливости. Въ слу-
чай же съ вашей стороны не послѣдуетъ олаго приказанія, то
вынужденъ наглубочайше увѣдомить, что воли съ вострашняго
же дня поступать на экономическую работу, при чемъ съ нами
будутъ обходиться со всѣмъ приличіемъ, нмное снотанъ нашего
н—ва подобасть. Повергнувъ сіе на благоусмотрѣніе нмшею
н—ва, имѣю честь испрашивать немедленнаго предписанія.»

Бобовкинъ только-что окончилъ вечерній чай и былъ въ
отличномъ расположеніи духа, потому что мѣстный священникъ
прислалъ ему живописца, который за дешовую цѣну брался
изобразить на одной картинѣ всѣ его подвиги, уже мнѣтны
читателю. Но пріятныя мечты эти были прерваны дежурнымъ
мальчикомъ, который доложилъ о приходѣ унтеръ-офицера Ле-
вешова.

— Что же онъ не по командѣ? спросилъ генералъ недово-
льно тономъ: — развѣ порядка не знаетъ! Эй, Левешовъ!

— Здравія желаю, в. п—ство.

— Ты, кажется, не рекрутъ и долженъ знать, что въ началь-
ству: дѣй дороги: ва бумагѣ черезъ канцелярію, словесно черезъ
старшаго вахмистра.

— Точно такъ, в. п—ство. Но осмѣюсь доложить проше-
ствіе отца ваше.

— Что такое?

— Изъ благородіе ротмистръ Усольцовъ самодично зарталъ
на своей травѣ шару шеренсовскаго воюющаго.

Генералъ заключилъ съ мѣста.

— Доложенческиа? спросилъ онъ грозно.

— Не такъ нѣтъ, в. п—ство, крестышка черной сѣтки, третиное десятка Семени Головожки.

— А! простишь Бобовиничъ, садясь на свое кресло: Свѣдѣніе пришло?

— Я былъ самъ на мѣстѣ.

— Какъ же это случилось?

— На него звать, в. п—ство, я прибылъ когда ротмистръ приказалъ уже отдать приказъ объ уговѣ вдовѣ въ экономію.

— Гдѣ же была эта бестія? Какъ били его?

— Головошка.

— Онъ вѣрно пьянъ.

— Никакъ нѣтъ. Головошка прилежь отдохнуть, а волю велѣние бьетъ самовольно отлучился.

Во всякомъ случаѣ безпорядокъ мнѣ непріятный. Кто былъ дежурнымъ развѣзднымъ?

— Я, в. п—ство.

— Подъ арестъ на трои сутки. Головожку допросить въ канцеляріи. Но это не твое дѣло. Болванъ!

— Слушаю, в. п—ство!

— Ты долженъ зорко глядѣть за благодеятельскою вотчиною. Слушай весь шквѣ въ таможенной стражѣ и научишь оберегать границы своего генерала. Въ другой разъ выгоню изъ службы.

— Помилосердуйте, в. п—ство.

— Неразумнѣе! Маршъ!

Но указъ Демешова Бобовиничъ нахмурилъ брови и задумался о фактѣ, повидимому пустомъ и обыкновенномъ, на который въ сущности произвелъ на генерала сильное впечатлѣніе. За все время управленія его Переносовкой это былъ еще первый случай, могшій подать сосѣдямъ поводъ заключить о слабости генеральской администраціи, объ отсутствіи дисциплины и т. п. обстоятельстве, чего Савва Михайлычъ боялся хуже огня и дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, довольно энергически въ духѣ пудовицкой строгости. При томъ же онъ очень хорошо понималъ, что Усольцовъ, угоняя вдовѣ, имѣлъ въ виду не корысть, но какую-нибудь злонамѣренную выходку, что приводило генерала въ крайне дурное расположеніе. Не говоря уже, что ротмистръ могъ объ этомъ рассказать въ преувеличенномъ видѣ сосѣдямъ. Онъ былъ способенъ на дерзости, тѣмъ болѣе что теперь имѣлъ на своей сторонѣ право. Воля принадлежала крестышнику, следовательно

казалось бы генералу нечего и беспокоиться, однако онъ понималъ вещи иначе и скорбѣлъ за свою репутацію. Напрасно онъ ломалъ голову какъ бы придумать подходящее соглашеніе: ни одна утѣшительная мысль не являлась Бобовихину кромѣ одной, — наказать какъ можно строже крестьянина Голоножку, причинившаго такой важный безпорядокъ.

Людмила, пользовавшаяся правомъ являться безъ доклада, тихо вошла въ кабинетъ и молча остановилась у письменнаго столика.

— А! Это ты.

— Вы кажется озабочены, а я полагала, что веселы, какъ были недавно, и хотѣла пригласить къ намъ на танцевальный урокъ.

— Не до урока. А впрочемъ приду; все-равно ничего не придумаешь.

— Чтоже случилось?

— Прескверная исторія. Представь себѣ, мерзавецъ крестьянинъ первой сотни третьяго десятка, Голоножка, поймался съ волами на травѣ Усольцова.

— Волаи экономическіе?

— Нѣтъ, крестьянскіе.

— О чемъ же беспокоиться? Мужикамъ не разъ было приказано, не разъ подтверждалось, а поймался, — самъ виноватъ.

— Ты разсуждаешь такъ, потому что молодо-зелено.

— Виновата, — я иначе не понимаю.

— Потвоему если крестьянинъ поймался, его вздуть, заставить заплатить за поправу, и дѣло съ концомъ.

— Конечно.

— Вотъ у тебя и почеркъ очень хорошъ и предписаніе умѣешь составить, а соображенія нѣтъ. Ну, да ты женщина.

— Въ чемъ же тутъ главное?

— А отвѣтственность старшаго! Вѣдь Голоножка мой крестьянинъ, понимаешь?

— Теперь понимаю. Значитъ вы все-таки отвѣчаете?

— Иначе не будетъ субординаціи. Унтеръ-офицеръ Лемешовъ исправный служивый, онъ объѣзжалъ границы можетъ-быть верстахъ въ нѣсколькихъ отъ происшествія, а я все-таки посадилъ его подъ арестъ на три дня, и старшему вахмистру сдѣлалъ выговоръ. Нельзя, дисциплина.

— Все это хорошо, но неужели вы думаете, что Усольцов приваждется: ему все-равно, лишь бы ужалити деньги, потому что и мы жалди съ него челавно.

— Положимъ и не приваждется, вопервыхъ какъ младшій, вторыхъ тотчасъ же получить удовлетвореніе; но онъ можетъ раструбить по всему уѣзду, что генераль Бобовихинъ мокрая курица, неумѣетъ держать подчиненныхъ въ рукахъ, и шалѣдаетъ мѣ сраму. Впрочемъ утро вечера мудренѣе. Я пойду къ вамъ на урокъ, а послѣ дѣло пообдумаемъ.

Утромъ рано однакоже посланный Усольцова привезъ извѣстный рапортъ и получилъ росписку въ канцеляріи. Самъ старшій писарь принесть бумагу къ его превосходительству. Бобовихинъ слегка вздрогнулъ принимая запечатанный конвертъ и узнавъ, что посланный ждетъ отвѣта, приказалъ писарю идти въ канцелярію. Прежде всего онъ искоса посмотрѣлъ на конвертъ, не оскорбилъ ли его ротмистръ какою-нибудь выходкой, но генеральское чело скорѣ прояснилось при видѣ приличной надписи въ формѣ правильного рапорта. Оставалось прочесть содержаніе. Какъ ни тулъ былъ генераль, какъ ни старался обмануть себя почтительными фразами, однако насмѣшливый тонъ оскорбилъ самолюбіе Саввы Михайлыча, тѣмъ болѣе что продикалъ не частное письмо, а форменную бумагу, за которую на службѣ могло достаться ротмистру. Отсылку денегъ Бобовихинъ рѣшилъ тотчасъ же, хотя и зналъ, что пара воловъ не могла причинить такого убытка, но какимъ образомъ сочинить отвѣтъ, который не роняя генеральскаго достоинства и показывая вольнодумцу-ротмистру все неприличіе его поступка, уколеть бы въ свою очередь Усольцова.

— Экая досада, говорилъ Савва Михайлычъ, бросая бумагу на столъ, что вѣтъ моего аудитора Клотокова. Силенъ былъ бестія въ клѣзкахъ всякаго рода и сумѣлъ отбрить кого угодно.

Онъ взялся было за колокольчикъ позвать дежурнаго, но раздумалъ, лѣниво потянулся за перомъ, придвинулъ листъ бумаги и началъ строчить предписаніе. Около получаса сидѣлъ генераль за столомъ, выкурилъ двѣ или три трубки, а на бѣломъ листѣ бумаги появилось лишь нѣсколько перемаранныхъ строчекъ, которыя состояли изъ весьма обыкновенныхъ фразъ: «Вслѣдствіе рапорта в. б—ія», «Согласно рапорту в. б—ія», «такъ какъ въ рапортѣ своемъ за № и т. д.» Дальше генераль

да могъ ничего придумать. Наконецъ онъ велѣлъ кликнуть старшаго адъютанта.

— Что угодно, папенька? сказала Людмила, остановясь у своего стола и открывъ чернильницу.

— Дѣло очень важное. Прочти-ка эту бумагу.

Людмила прочла внимательно.

— Ну, что?

— Я вахожу рапортъ довольно деракимъ.

— Гм! И я тоже думаю. — Надо бы отдѣлать этого мерзавца.

— Извольте диктовать — я готова.

— Диктовать! Я уже написалъ кое-что, да боюсь — не слишкомъ ли мягко. Попробуй-ка ты начернить предписаніе, а послѣ поправимъ.

— Я право, папенька, незнаю, я привыкла писать подъ вашу диктовку.

— Надо же привыкать и самой заниматься дѣломъ. Ты, слава-богу, не маленькая.

— Я боюсь...

— Бояться нечего, когда приказываютъ. Сядись и пиши, а я допражду.

Людмила долго нерѣшалась, но слыша безпрерывныя поуканья, набросала отвѣтъ Усольцову.

«За потравленную водами крестьянина моего Головожки траву, дядьки столько-то при семь къ в. б—ю препровождаю. Удивительно мнѣ какъ вы, состоя въ такомъ маломъ чинѣ, осмѣливаетесь употреблять довольно дерзкія выраженія въ своемъ рапортѣ. Объявляя о семь в. б—ю, я отношу оное немнѣе какъ раздѣ къ нетрезвому виду, въ которомъ вы часто выражаетесь в строжайше предписываю на будущее время быть осторожнѣе. Въ противномъ случаѣ вынужденъ буду представить в. б—ю по командѣ, какъ беспокойнаго сосѣда въ неуваженіи къ старшимъ.»

Бобовихинъ не только одобрилъ написанное дочерью, но даже позавидовалъ способностямъ дѣвушки, которая неслуживъ ни гдѣ, получила такой навыкъ, что могла съ успѣхомъ написать самую щекотливую бумагу, на какую нехватало силы у него, у человѣка посѣдѣваго на службѣ. Ему просто сдѣлалось досадно, и давши это писарь или кто-нибудь посторонній, онъ

придрался бы, перемаралъ предписаніе и даже испортилъ бы разными неподходящими вставками. Между тѣмъ бумага выходила именно въ томъ духѣ, въ какомъ ему хотѣлось, и выраженія Людмила словно прежде уложились въ его голову, только онъ неумѣлъ ихъ выразить.

— Прочти-ка еще разъ, только внятнѣе, сказалъ онъ.

Людмила исполнила приказаніе.

— Недурно. Я только думаю — слова «довольно дерзкія выраженія» зачеркнуть и написать «неумѣстныя выраженія», потому что младшій не можетъ относиться съ дерзостями къ старшему. Въ концѣ тоже нужно прибавить «ибо отставка ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ отъ чиновничества.»

— Миѣ кажется, папенька, что послѣдняя прибавка лишняя.

— Нехорошо, душа моя, что ты позволяешь себѣ разсужденіе: въ твои лѣта необходимо одно слѣпое повиновеніе начальству. Чтоже ты находишь на примѣръ излишнимъ?

— Видите ли, папенька, Усольцовъ неразъ уже дѣлаетъ вамъ штуки.

— Поэтому-то и необходимо внушить ему.

— Но какъ видно, эти внушенія на него не дѣйствуютъ. Онъ думаетъ, что отставные чины...

— Ну?

— Онъ всѣхъ считаетъ въ отставкѣ равными.

— Ка-а-акъ? Всѣхъ равными? Это откуда ты понабралась масонскихъ, вольтерьянскихъ мыслей?

— Я папенька? Боже меня сохрани!

— То-то.

— Я говорю объ Усольцовѣ, и миѣ кажется лучше былобы рапортъ его представить губернатору.

— А ты думаешь я и не представляю! Я очень радъ, что Усольцовъ позволяетъ себѣ такія вещи: онъ тѣмъ самымъ у меня въ рукахъ, по пословицѣ «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ».

— Вы говорили, посланный ждетъ отвѣта.

— И по этому случаю садись и перепиши на форменномъ листкѣ предписаніе. Я пехочу, чтобы въ конторѣ знали содержаніе рапорта.

Но вѣроятно въ тотъ день Вобовихину суждено было испыты-

тывать несправности. Не успѣла Людмила перебѣлить предписаніе, какъ старшій писарь принесть новый запечатанный конвертъ.

— Это что такое? спросилъ Савва Михайлычъ.

— Отъ ротмистра Усольцова, в. п—во. Просятъ отвѣта.

— Хорошо. Ступай!

Генеральскія брови сильно нахмурились, и Бобовихинъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ скомандовалъ себѣ трубку. Съ нимъ даже сдѣлалась маленькая дрожь, когда онъ распечатывалъ конвертъ своего неугомоннаго сосѣда. Заголовокъ однакоже попрежнему былъ почтительный, и генералъ прочелъ слѣдующее:

«Въ дополненіе къ моему рапорту за № имѣю честь почтительнѣйше донести в. п—ву, что бывши я сегодня на своей степи, конный патруль донесъ мнѣ о чрезвычайномъ происшествіи. Значительное стадо вашихъ овецъ, перейдя самовольно мои границы, расположилось на моихъ лугахъ и будтобы съ вѣдома вашего жадно пожирало мою траву, не обращая вниманья, что самъ я имѣю не мало овецъ и прочей скотины. Случившіеся тутъ мои крестьяне, радѣя о пользѣ своего господина и во исполненіе моего приказанія захватывать чужой скотъ на моихъ земляхъ, поспѣшили угнать вашихъ овецъ въ числѣ двухсотъ-семидесяти. Когда они исполняли барскую волю, то ваши пастухи, замѣтивъ оное, начали сопротивляться и вступили съ моими людьми въ рукопашный бой, который продолжался около получаса. Поле сраженія осталось за моими. Убитыхъ нѣтъ, раненыхъ двое; одинъ вашъ пастухъ съ перешибенной ногой, а одинъ мой крестьянинъ съ выбитымъ глазомъ. Такъ какъ бой велся людьми в. п—ва, то и отвѣтственность падаетъ на нихъ, а потому осмѣливаюсь испрашивать вашего начальческаго распоряженія — первое: принять моего раненаго крестьянина въ переносовскій госпиталь и лечить на свой счетъ, удовлетворивъ его потомъ за калѣчество; второе, присылать по двадцати копѣекъ за каждую овцу, безъ чего онѣ не будутъ выпущены, а третьихъ, приказать на будущее время не дѣлать мнѣ ущерба какъ рогатыми, такъ и безрогими скотами в. п—ва. Причемъ имѣю честь нижайше присовокупить, что на случай новаго вторженія на мои земли, я приказалъ уже безъ церемоній стрѣлять все, за исключеніемъ людей и тѣхъ животныхъ, которыя за-

прягонныя будутъ слѣдовать съ повозками. Вы же, в. п—во сами можете безпрепятственно ѣздить по моимъ владѣніямъ съ какой угодно охотой и топтать мою жатву. Въ этомъ случаѣ я сосѣдь весьма снисходительный и не позволю себѣ мѣшать охотиться не только вамъ, но и послѣднему цырульнику — было бы у него желаніе. До завтрашняго утра овцы ваши будутъ цѣлы невредимы, но потомъ, если не получу слѣдующихъ денегъ, то каждый день пара овецъ, въ вознагражденіе за ихъ содержаніе, пойдетъ на кормъ для моей псарни, которая у меня въ отличномъ порядкѣ. Изъ всего вышеписаннаго в. п—во изволите усмотрѣть, что не одинъ я бываю причиною сосѣдскихъ несогласій, и не оставите своимъ начальническимъ распоряженіемъ, дабы впредь не было нарушаемо спокойствіе мое и моего семейства.»

Надобно было видѣть генерала по прочтеніи этого рапорта; онъ бросилъ бумагу на полъ, схватился руками за волосы и началъ топтать ногами. Людмила испугалась, не смѣла подать голоса.

— Позвать мнѣ старшаго вахмистра! закричалъ наконецъ Бобовихинъ.

Старый, плотный унтеръ-офицеръ вошелъ въ кабинетъ и остановился у двери.

— Здравія желаю, в. п—ство!

Савва Михайлычъ уже нѣсколько пришолъ въ себя.

— Что значать эти беспорядки, Агафоновъ! спросилъ онъ, сверкая глазами.

— Не могу знать какіе беспорядки, в. п—ство.

— Какъ не можешь знать? Ктоже будетъ заботиться? Значить ты не годишься ни къ черту, — распустить команду.

— Помилуйте, в. п—ство, денно и ночью соблюдаю правила службы.

— А какже наши овцы попались къ Усольцову?

— Еще не получено никакого донесенія.

— Кто дежурный по разъѣздамъ?

— Пѣдуховъ, в. п—ство!

— Вѣрно запьянствовался?

— Въ ротъ не беретъ хмѣльнаго, в. п—ство.

Въ это время явился писарь и доложилъ, что Усольцовъ при-

сласть еще одинъ рапортъ съ третьимъ нарочнымъ: Бобовихина выхватилъ конвертъ изъ рукъ писаря и прочиталъ слѣдующее:

«Въ дооблащеніе къ рапорту за № шестю честву почтительнѣйше довести до свѣдѣній в. п.—ства, что рязанскій князь, отставной рядовой Пѣтуховъ узнавъ объ отбитіи овецъ моими крестьянами, бросился за ними въ погоню и смело хотѣлъ возвратити стадо. При этомъ насиліи, которое означенный Пѣтуховъ производилъ побоями, люди мои связали его и представили на мое благоусмотрѣніе, накового держакго буяна я посадивъ подъ зрѣсть до поступленія съ нимъ во знакомѣ. Но, помнящая дисциплину, спѣшу увѣдомити в. п.—ство, что подчиненный вашъ наговорилъ мнѣ дерзостей, якобы я подучилъ моихъ крестьянъ захватити нарочно овецъ на вашей землѣ и т. п. вздорн. Иные честь покорнѣйше просить о почтеніи меня предписаніемъ, какъ мнѣ въ семъ случаѣ дѣйствовать: самому ли выворотѣ грубияна или положиться на наше милостивое расворяженіе. Въ такомъ случаѣ осмѣливаюсь утруждать, чтобы оный Пѣтуховъ наказанъ былъ на границѣ нашихъ владѣній при депутатѣ съ моей стороны, дабы не произошло какого-либо ослабленія. Изъ всего этого в. п.—ство изволите усмотрѣть, что не я причиною различныхъ неудовольствій, ибо не я первый началъ взыскивать штрафы, а всегда былъ готовъ смотрѣть сквозь пальцы на мелочи, случающіяся въ сосѣдствѣ.»

Этотъ рапортъ привелъ окончательно Бобовихина въ бѣшенство. Онъ выгналъ изъ кабинета всѣхъ, неисключая Людмилу, и на первыхъ порахъ рѣшился было запрягать лошадей и ѣхать прямо къ губернатору, но успокоившись немного, отложилъ это намѣреніе. У него просто закружилась голова отъ столкновенія вѣсколькихъ разнообразныхъ происшествій, и если страдало самолюбіе отъ дерзостей ротмистра, то и денежный ущербъ игралъ не послѣднюю роль, потому что генералъ былъ акуратемъ и слѣдилъ за расходомъ каждой копейки. Онъ могъ бы протестовать противъ требованій Усольцова, оцѣниваемаго довольно дорого свои убытки, но вѣсколько дней передъ снѣмъ взялъ съ него контрибуцію, которая была выплачена безъ отговорокъ. Осталось отвѣчать на всѣ три рапорта разомъ, отвѣчать съ достоинствомъ, а слѣдовательно надобно было хорошему положити голову надъ очиненіемъ такой дипломатической бумаги, тѣмъ болѣе, что отъѣта ожидали три нарочныхъ и всякое пре-

медленіе могло показать сосѣду несостоятельность генеральской канцеляріи, но и способностей самого его превосходительства. Бобовихинъ кончалъ тѣмъ, что снова кивнула Людмила, передалъ всѣ рапорты и приказалъ приготовить соответствующее предписаніе. Дѣвушка внимательно прочла письмо Усольцова и приняла живое участіе въ оскорбленіи отца, потому что въ каждой строчкѣ ротмистра видѣла насмѣшку и смутно догадывалась, что вся эта переписка не болѣе какъ одна пустая комедія. Тѣмъ неменѣе, исполняя волю отца, надо было приготовить отвѣтъ, и Людмила рѣшалась еще разъ повробовать свое канцелярское краснорѣчіе. Плодомъ этой рѣшимости явилась коротенькая бумага, исправленная весьма впрочемъ незначительно. Вотъ что подписалъ Бобовихинъ къ своему сосѣду:

«Въ разрѣшеніе трехъ рапортовъ в. б—ія за №№ увѣдомляю, что слѣдующія деньги съ семъ вмѣстѣ посылаются, а рядовой Пѣтуховъ будетъ примѣрно наказанъ за буйство, если таковое подтвердится. При семъ строжайше предписываю в. б—ію не утруждать меня впредь вашею неприличною перепискою, какую буду сообщать губернатору для поступленія съ вами по законамъ. Чтоже касается сосѣдскихъ несогласій, то рекомендую вамъ наблюдать свои владѣнія; о пограничномъ же присмотрѣ моего имѣнія слѣдано распоряженіе, дабы производимъ былъ строжайшій осмотръ ежедневно пѣшими и конными сторожами. Меня удивляетъ оплошность моихъ людей, которымъ давно уже внушены правила субординаціи, но если съ вашей стороны употреблено было какое-либо насиліе, то сіе не останется безъ послѣдствій, такъ какъ я ожидаю пріѣзда губернатора и представляю ему обо всемъ на законномъ основаніи.»

Черезъ три дня одноюжъ послѣ этой бумаги Бобовихинъ снова получилъ рапортъ Усольцова, прочелъ его, плюнулъ и велѣлъ выгнать посланнаго въ шею, сказавъ, что впредь никакіе конверты отъ ротмистра принимаемы не будутъ. Рапортъ заключался въ слѣдующемъ:

«Въ предписаніе в. п—ства за № вложена была сумма за нанесенный мнѣ убытокъ, но оказалось $\frac{1}{2}$ копѣйки излишку. Не желая пользоваться вашею генеральскою казною и не думая, чтобъ вы умышленно желали оскорбить меня подаркомъ подебной бездѣлицы, имѣю честь препроводить при этомъ ке-

пѣнку, изъ которой слѣдуетъ мнѣ только $\frac{3}{7}$. Въ денежныхъ дѣлахъ всегда необходима акуратность. Рядовой Пѣтуховъ выпущенъ изъ-подъ ареста; волы и овцы слѣдуютъ восвоится подъ присмотромъ моихъ собственныхъ людей до границъ вашихъ, гдѣ будутъ сданы кому слѣдуетъ, а въ случаѣ небытія никого отпущаются на произволъ на всѣ четыре стороны. Угрозы вашей жаловаться губернатору я не боюсь, потомучто всѣ неудовольствія происходятъ отъ генеральской гордости в. п—ства, о чемъ почтительнѣйше донести честь имѣю.»

Послѣ этого генералъ занялся строжайшимъ изслѣдованіемъ всѣхъ происшествій, и узналъ отъ рядового Пѣтухова, что не только овцы взяты были на генеральской землѣ силою, но по свидѣніямъ, собраннымъ въ деревнѣ ротмистра, оказалось, что и крестьянскіе волы угнаны были самымъ коварнымъ образомъ. Тогда Бобовихинъ, подтвердивъ не принимать никакихъ посланныхъ Усольцова и приказавъ удвоить бдительность на границахъ, далъ себѣ слово преслѣдовать судомъ ротмистерскія шалости. Спокойное состояніе продолжалось около мѣсяца, втеченіе котораго Усольцовъ отправлялся кутить куда-то къ своимъ друзьямъ.

Болѣе всѣхъ товарищей ротмистръ любилъ недоросля изъ дворянъ, помѣщика Ивана Алексѣича Контропошкина, жившаго на другомъ концѣ уѣзда. Это былъ типъ оригинальнаго самодура, конечно невозможный въ нашу эпоху, но который появлялся по временамъ еще въ сороковыхъ годахъ, хотя и тогда уже на него указывали, какъ на нѣчто ненормальное. Контропошкинъ по метрику перевалилъ уже за сорокъ, но боился и увѣрялъ, что ему около тридцати-пяти, любилъ щеголять изысканнымъ туалетомъ, особенно въ дамскомъ обществѣ, и когда бывалъ не пьянъ, охотно танцевалъ съ хорошенькими. Наслѣдовавъ отъ отца въ раннемъ возрастѣ доходное имѣніе и значительный капиталъ, Иванъ Алексѣичъ не захотѣлъ окончить курса въ частномъ пансіонѣ, а приѣхалъ въ деревню жуировать и хозяйничать подъ присмотромъ довольно благоразумнаго попечителя. Но какъ попечительство имѣло срокъ и разумѣется окончилось, то Контропошкинъ, очутясь на полной свободѣ, принялся кутить самымъ безразсуднымъ образомъ и лѣтъ въ

пять промоталъ большую часть своего капитала. Онъ ~~могетъ~~ бытъ сдѣлалъ бы тоже и съ имѣніемъ, но родъ Контропошкиныхъ по какому-то случаю владѣлъ майоратомъ, котораго не продать, ни заложить юный самодуръ не имѣлъ права. Впрочемъ по какому-то странному стеченію обстоятельствъ Контропошкину попался весьма добросовѣстный управляющій, который несмотря на свою бѣдность, не только не обкрадывалъ помѣщика, а напротивъ сберегалъ хозяйское добро словно свое собственное. Контропошкинъ зналъ это, и въ припадкѣ самаго яраго самодурства, избѣгалъ дѣлать своему управляющему малѣйшую непріятность, наверстывая разумѣется это лишеніе въ ущербъ своимъ пріятелямъ. Управляющій, оригиналъ въ своемъ родѣ, умѣлъ держаться около двадцати лѣтъ въ имѣніи Контропошкина и оставилъ должность только собственно потому, что радѣя о хозяйской пользѣ, промокъ осенью на рыбныхъ ловляхъ, схватилъ горячку и отправился къ праотцамъ. Ему-то обязанъ былъ Контропошкинъ и порядкомъ въ имѣніи, и сбереженіемъ остальныхъ банковыхъ билетовъ, потому что управляющій ухитрился втолковать самодуру простую мысль, что если уже необходимо проживагь доходы, то не слѣдуетъ тратить капитала, и всегда такъ ловко представлялъ ему картину промотавшагося кутилы, что Контропошкинъ свято исполнялъ его завѣты, транжирилъ только доходъ, а если и дѣлалъ небольшіе долги, то боялся, чтобы неprovѣдалъ управляющій. Въ этомъ случаѣ Контропошкину много помогало обстоятельство, что онъ не игралъ въ карты. Въ пылкой молодости, даже въ обществѣ самыхъ безпардонныхъ картежниковъ, онъ не поддавался обаянію игры, и хоть его за это иногда называли скрягой, свинтусомъ и даже подлецомъ, однако онъ выдерживалъ себя и не понималъ наслажденія банка, стога или гальбика (haib-zwölf, djabelek). Зато во всѣхъ прочихъ развлеченіяхъ Контропошкинъ не клалъ охулки на руку и не было ни на одной окрестной ярманкѣ мало-мальски значительнаго дебоша, въ которомъ бы онъ не принималъ дѣятельнаго участія. Пилъ онъ, какъ слѣдуетъ индивидууму его закала, но пилъ не просто какъ выютъ даже самые записные аматеры, а съ какимъ-то особеннымъ шикомъ, возводя свое пьянство въ строгую и вмѣстѣ стройную систему. Онъ чрезвычайно въ этомъ случаѣ любилъ барекую обетановку, и потому самая буйная оргія подъ предводительствомъ

Контропошкина теряла весь кабацкій характеръ, принимая колоритъ какой-то утонченности, недопускавшей грязнаго безобразія. Контропошкинъ конечно пилъ все, что только изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ для наслажденія смертныхъ: онъ могъ въ случаѣ надобности пить мерзкую, вонючую сивуху и въ количествѣ весьма почтенномъ, но чтобы эту сивуху ему подали на серебряномъ подносѣ, въ блестящемъ хрусталѣ. Шампанское напримѣръ не холодное и не въ бакалѣ онъ называлъ неприличнымъ пойломъ, и тѣхъ, кто употреблялъ его изъ стакана, считалъ грубыми пьяницами, которые рады, что дорвались до вина, бывшаго для нихъ рѣдкостью, и не понимали, что вкусъ шампанскаго и букетъ, тогда только естественны и законны, когда оно пѣнится въ узкогорломъ бокалѣ. Лафитъ пилъ онъ подогрѣтымъ, рейнвейнъ изъ зеленой рюмки, но во всякомъ случаѣ требовалъ самой щегольской изящной обстановки. Такъ уже сложилось въ немъ это пьянственное направленіе, удивительное тѣмъ болѣе, что во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ жизни Контропошкинъ обнаруживалъ особаго аристократизма и былъ напримѣръ совершеннымъ профаномъ въ гастрономіи, употреблялъ съ удовольствіемъ простые щи, не могъ отличить хорошихъ трюфелей отъ дурныхъ, а главное — чувствовалъ отвращеніе къ лимбургскому сыру, этому краугольному камню каждаго утонченнаго объѣдалы. Бѣлье и платье носилъ онъ дорогое, но скюртукъ на немъ зачастую былъ въ пятнахъ и не чищенъ, а рубашка иной разъ грязная. Разумѣется на балы Контропошкинъ одѣвался щеголемъ во всемъ новенькомъ, но собственно для себя не только что не соблюдалъ опрятности, а просто былъ неряхой и серьезно увѣрялъ, что мыться каждый день — для него сущее наказаніе. Въ домѣ у него тоже, несмотря на цѣнность мебели и украшеній, господствовалъ ералашъ и нечистота, чему впрочемъ причиною были борзые и гончія собаки, которыя безнаказанно валялись на креслахъ и диванахъ, разрывая лапами и пачкая обивку, ссорясь другъ съ другомъ и вообще пестѣлись въ своихъ нравахъ и обычаяхъ. Но много всего этого Контропошкинъ не былъ ни безпробуднымъ пьяницей, ни записнымъ охотникомъ. Нужды нѣтъ, что у него выходило нѣсколько тысячъ въ годъ на вина и попойки, что содержаніе неарня обходилось очень дорого, Иванъ Алексѣичъ могъ цѣлую недѣлю не напиться пьянымъ и недѣли двѣ невы-

ѣзжать на охоту: то и другое зависѣло отъ преобладающаго характера компаніи, его посѣщавшей или имъ посѣщаемой. Если онъ попадалъ въ общество кутилъ-картежниковъ, онъ пьянствуя безъ просыпу, торчалъ у стола въ качествѣ зрителя, и любилъ подавать мнѣніе въ случаѣ ссоры между картежниками; если съѣзжались истые охотники, онъ по цѣлымъ суткамъ пропадалъ въ отъѣзжемъ полѣ, но бывали времена, что Контропошкинъ два-три дня танцовалъ до упаду, и только не могъ воздержаться отъ какихъ-нибудь штукъ надъ тѣмъ или другимъ субъектомъ, которые повидимому рождены были служить предметомъ забавы для праздныхъ помѣщиковъ добраго стараго времени.

У Ивана Алексѣича съ юныхъ лѣтъ были двѣ преобладавшія равносильныя страсти, изъ которыхъ ни та, ни другая, по какой-то странной прихоти судьбы, не получили желаннаго исхода, хотя одна изъ нихъ погасла въ сердцѣ Контропошкина съ приближеніемъ почтеннаго возраста. Страсти эти были — гусарскій мундиръ и жевитьба на красавицѣ; обѣ онѣ не только непротиворѣчили, а напротивъ совпадали съ его характеромъ, но Ивану Алексѣичу по волѣ судебъ не пришлось ни носиться на лихомъ конѣ въ ментикѣ и долманѣ, ни стать подъ вѣнецъ съ идеальной красавицей. Сперва эти страсти были враждебны одна другой, такъ что если Контропошкинъ положимъ влюблялся и собирался жениться, ему вдругъ приспичивало поступить въ полкъ; онъ ѣхалъ опредѣляться въ гусары и раздумывалъ встрѣтить хорошенькую дѣвушку, за которой усердно принимался ухаживать. Нѣсколько разъ онъ почти опредѣлялся, нѣсколько разъ былъ почти сговоренъ, а все что называется конувились устами чаши наслажденія, невыпывалъ ее и оставался холостымъ недорослемъ изъ дворянъ для вящаго своего прискорбія и для соблазна сердобольныхъ матушекъ, у которыхъ находились на рукахъ перезрѣлыя невѣсты, разумѣется безъ приданнаго. Въ тотъ вѣкъ патріархальности и хваленной простоты нравовъ едва ли не больше чѣмъ теперь, какъ почтеннѣйшіе родители, такъ и молодежь заботились о зашибаніи копѣйки посредствомъ восторженной любви и розовыхъ цѣпей супружества. Это можно, не погрѣшая противъ истины, примѣнить къ богатому и среднему класу помѣщиковъ, между которыми, несмотря на видимую простоту отношеній, искусство ловить жениховъ доведено

было до известной степени совершенства, и во многих домах, особенно на югѣ, существовали положительныя правила, одобрявшія искательство, или отымавшія надежду. Перечислять разныя надувательства и продѣлки для овладѣнія выгодной партіей, значило бы повторять высказанное не въ одной повѣсти или романѣ; но нельзя не замѣтить, что не только описываемое поколѣніе, но и болѣе отдаленные предки наши при заключеніи браковъ руководствовались корыстными видами и самыя нѣжныя матери не задумывались торговать дочерьми, разумѣется прикрывая эту торговлю благовиднымъ предлогомъ желанія счастья, упроченія будущности и т. п. Влѣдствіе подобнаго общественнаго настроенія Иванъ Алексѣвичъ Контропошкинъ былъ сущимъ кладомъ для невѣстъ какъ своего уѣзда, такъ и нѣсколькихъ сосѣднихъ, и читателю легко вывести заключение, какими глазами смотрѣли на него батюшки и матушки, у которыхъ оставались дочери не пристроенными. Но что удивительнѣе всего, Контропошкинъ былъ влюбчивъ до крайности, и несмотря на приближеніе весьма почтеннаго возраста, не утратилъ этой способности. Страсти этой нельзя назвать вообще падкостью къ прекрасному полу, столь свойственной многимъ даже изношеннымъ старцамъ, напротивъ это была любовь въ нѣкоторомъ родѣ идеальная, та форменная любовь описываемой эпохи, которая проповѣдовалась и въ романахъ, и въ дѣйствительности по крайней-мѣрѣ при свидѣтеляхъ. При такомъ характерѣ, казалось бы, Ивану Алексѣвичу слѣдовало бы жениться лѣтъ осьмнадцати отъ роду, тѣмъ болѣе, что отказа подобному жениху бояться было нечего, не говоря уже со стороны родителей, а и отъ самыхъ невѣстъ, которымъ кромѣ выгодной партіи предстоялъ и молодой мужъ красивой наружности. Но женитьба не давалась Контропошкину собственно по его привычному непостоянству, съ какимъ онъ измѣнялъ предмету самой пламенной и повидимому неугасимой страсти. Раза три или четыре его чуть не женили силою и только благодаря значительнымъ суммамъ онъ не вступалъ въ бракъ съ некрасивыми особами и удерживалъ свою свободу, которою однакоже тяготился, все нечая принести ее въ жертву какой-нибудь значительной красавицѣ. Впослѣдствіи, когда Контропошкинъ прокутилъ молодость и поразтрясъ карманъ, если его и заискивали гдѣ-нибудь, то и родители и сами невѣсты, знавшія по преданіямъ всѣ его

похожденія, старались быть съ нимъ осторожнѣе и не вѣрили ни какимъ его божбамъ и клятвамъ. Болѣе практическіе люди требовали съ него на гербовой бумагѣ условія вступить въ бракъ съ дочерью и назначали неустойку. Притомъ же у него не было ни малѣйшей твердости характера: довольно было кому-нибудь изъ пріятелей посмѣяться надъ его волокитствомъ, намѣкнуть хоть о вымышленномъ недостаткѣ у особы, которая ему нравилась, Контропошкинымъ тотчасъ овладѣвало раскаянье, и онъ, по его выраженію «поворачивалъ оглобли въ другую сторону». Гусарство сильно завлекало его въ свою очередь: даже послѣ двадцати-пяти лѣтъ онъ бредилъ конемъ-угоремъ, красивымъ ментикомъ, писаной ташкой и стоянкой въ Польшѣ — земномъ раѣ для волокитъ тогдашняго времени. Въ опредѣленіи въ полкъ ему не везло и впоследствии Иванъ Алексѣичъ пришолъ къ убѣжденію, что его сглазилъ кто-нибудь по злобѣ или просто безъ всякой причины.

Года черезъ два послѣ смерти отца, пожурировавъ довольно на свободѣ и только-что раздѣлавшись съ одной невѣстой, Иванъ Алексѣичъ твердо рѣшился поступить въ гусары и поѣхалъ верстѣ за двѣсти въ штабъ одного извѣстнаго полка, съ цѣлью поступить на службу. Путь его лежалъ чрезъ Кіевъ, въ которомъ какъ нарочно въ то самое время кипѣли въ полномъ разгарѣ знаменитые «контракты». Такъ называлась зимняя ярманка, извѣстная далеко по огромности своихъ оборотовъ и по необыкновенно шумной жизни для провинціаловъ, стекавшихся туда тысячами. Сѣзжались преимущественно польскіе и малорусскіе помѣщики, и военныхъ всегда бывало множество. Это былъ первый шумный сѣздъ, видѣнный Контропошкинымъ, и когда молодой человекъ очутился среди ярманочнаго гама, посмотрѣлъ на груды роскошныхъ товаровъ, а вечеромъ очутился на балѣ въ контрактномъ домѣ, онъ не могъ отлатъ себѣ отчета въ разнообразныхъ ощущеніяхъ, быстро въ немъ возникавшихъ и еще быстрѣ смѣнявшихъ другъ друга. Тутъ же на балѣ онъ познакомился съ нѣсколькими гусарами, изъ которыхъ одинъ самый отчаянный обратилъ на себя особенное его вниманіе. Контропошкинъ тотчасъ же сообщилъ новому пріятелю о своемъ намѣреніи поступить въ военную службу, и лихой гусарь тотчасъ же предложилъ вступить въ ихъ полкъ, обѣщая свести его послѣ контрактовъ. Послѣ ба-

да гусарь посвятивъ юношу во всѣ тайны ярманочныхъ развлеченій, и на другой день между ними завязалась самая тѣсная дружба: молодые люди были неразлучны и въ постоянномъ кутежѣ, и въ легкомъ буйствѣ, и въ учиненіи небольшихъ скандаловъ, и въ безразсудномъ разбрасываніи денегъ, потому что и тотъ и другой имѣли порядочные запасы въ карманѣ. Но Контропошкинъ хотя и всецѣло отдался бурнымъ наслажденіямъ и успѣлъ влюбиться въ дочь какого-то пріѣзжаго пана, однако его мучила мысль, что онъ долженъ являться въ общество «рябчикомъ», «штафиркой». Ему хотѣлось на балахъ рисоваться хоть въ юнкерскомъ ментикѣ, гремѣть саблей, бряцать шпорами и вообще представлять изъ себя нѣчто высшее нежели недоросли изъ дворянъ: однимъ словомъ онъ желалъ поскорѣе погусарить и именно на контрактахъ предъ красивыми польками, которыя въ то время, какъ и наши соотечественницы на человѣка въ кавалерійскомъ мундирѣ смотрѣли особенными глазами. Онъ рѣшился даже съѣздить въ полкъ, поскорѣе опредѣлиться, надѣть ментикъ и снова прилетѣть на контракты, чтобы хоть на послѣдяхъ блеснуть кавалерійской уалью, къ которой онъ чувствовалъ себя совершенно приготовленнымъ. Но мысль эта пришла ему въ голову тогда, какъ исполненіе ея представляло физическую невозможность. При видѣ неутѣшной горести Контропошкина, лихой гусарь, изъ желанія оживить друга, предложилъ юношѣ безъ церемоніи облечься въ мундиръ ихъ полка, отпировать ярманку, и тогда уже ѣхать на службу, обѣщая уладить дѣло съ нѣсколькими своими офицерами, чтобъ они смотрѣли сквозь пальцы на костюмъ будущаго товарища. Разумѣется Контропошкинъ тотчасъ же заказалъ себѣ юнкерскую форму и на другой день появился на балѣ красивымъ, разбитнымъ юнкеромъ. Пошло какъ нельзя лучше, и балъ окончился бы для самозванца-гусара безъ особыхъ послѣдствій, еслибы Контропошкинъ, восплаившій особеннымъ воинственнымъ жаромъ, не поссорился съ молодымъ полякомъ за даму своего сердца и не подрался съ нимъ въ самомъ разгарѣ мазурки. Будь онъ статскій, его вывели бы изъ собранія и дѣло съ концомъ, но скандалъ произведенъ юнкеромъ, а потому плацъ-адъютантъ доложилъ коменданту и завязалась исторія. Хотя офицеры и уладили дѣло съ полякомъ, однако отъ Контропошкина потребовали объясненія, и самозванство его открылось. Контропош-

кину предстояло дорого поплатиться за удовольствіе надѣть нѣсколько часовъ гусарскую форму, тѣмъ болѣе что въ Кіевѣ пріѣхалъ начальникъ гусарской дивизіи, который требовалъ примѣрнаго наказанія молодого человѣка. Въ Контропошкинѣ принялъ участіе губернаторъ, но не изъ сожалѣнія къ судьбѣ юноши, а просто по духу противорѣчія, и началъ дѣйствовать для смягченія генерала разными способами. Склоняясь на просьбы одной дамы, начальникъ дивизіи подался и оставилъ дѣло безъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, но потребовалъ къ себѣ самозванца и распекъ его какъ подобало. Генералъ подконецъ рѣчи разгорячился и запретилъ Контропошкину нетолько подавать прошеніе въ какой бы то нибыло полкъ его дивизіи, но даже не смѣть появляться въ мѣстахъ расположенія войскъ, находившихся подъ его командой. Такимъ образомъ первая попытка вступить въ гусары, для Контропошкина окончилась едва не катастрофой, и онъ поѣхалъ домой въ грустномъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе что не предвидѣлъ возможности опредѣлиться именно въ ту дивизію, въ которую ему хотѣлось. Отвѣдавъ однажды наслажденіе носиться на балѣ въ гусарскомъ мундирѣ, который по его мнѣнію, придавалъ ему красоты, шикю и важности; онъ не могъ уже примириться съ мыслью, носить статское платье. Тамъ же въ Кіевѣ запасся онъ парой венгерокъ съ шолковыми спурками, накупилъ шпоръ и рѣшился до опредѣленія на службу ходить хоть полуввоеннымъ. Онъ могъ бы поступить въ драгуны, которые квартировали верстахъ въ семидесяти отъ его имѣнія, но въ то время въ кавалеріи драгуны считались чѣмъ-то вродѣ пѣхоты, да и кромѣ того Контропошкинъ только и бредилъ ментикомъ и доломаномъ. Надо было выбрать другую гусарскую дивизію. Между тѣмъ онъ влюбился въ хорошенькую барыню, молодую жену старика-сосѣда, которая сама привязалась къ пылкому Контропошкину. Влюбленные сперва мечтали о скорой смерти старика и дали слово вступить въ супружество, но старикъ жилъ отлично, пользовался здоровьемъ и не подавалъ надежды на переселеніе въ лучшій міръ. Интрига была слишкомъ соблазнительна, и хоть Контропошкинъ волочился на сторонѣ — безъ этого ужъ онъ не могъ обойтись, — однако дотога привыкъ къ прекрасной сосѣдкѣ, что его бросало въ дрожь при одной мысли о разлукѣ. Связь однакоже прервалась неожиданно: Контропошкинъ, по страстной натурѣ своей и по врожденной страсти человѣка къ

разнообразію, увлекся одною собственною крестьянкою что дошло до свидѣнія ревнивой сосѣдки, и двухлѣтняя интрига разрушилась. Мечты о гусарствѣ снова всныхнули въ головѣ Контропошкина, которыя онъ и началъ приводить въ исполненіе. Но уже въ это время у Контропошкина образовался тѣсный кружокъ пріятелей, изъ которыхъ нѣкоторые серьезно представляли молодому человѣку всю прелесть независимой деревенской жизни и всѣ невыгоды кочевого армейскаго быта, кромѣ котораго самая юнкерская служба въ иныхъ полкахъ рисовалась въ довольно мрачномъ цвѣтѣ, особенно подъ начальствомъ строгихъ командировъ. Контропошкинъ долго прожилъ на свободѣ, началъ уже порядочно самодурствовать и порой склонялся на совѣты пріятелей записаться въ предводительскую канцелярію и жить въ полномъ удовольствіи жизнью независимаго барина, а все какъ припоминалъ три часа, проведенные на балѣ въ юнкерскомъ мундирѣ, его подмывала охота послужить въ гусарахъ. Когда его разобрано ненашутку облечься поскорѣй въ доломанъ и ментикъ, онъ считался еще женихомъ одной хорошенькой дѣвушки, и любви къ невѣстѣ боролась въ немъ съ желаніемъ гремѣть саблѣй и бряцать шпорами. Какъ нарочно на именинахъ у одного сосѣда Контропошкинъ напился до положенія ризъ въ компаніи помѣщиковъ и вслѣдствіе какой-то ссоры или недоразумѣнія далъ пощечину своему нареченному тестю. Тотъ вломился въ амбіцію, и хоть Контропошкинъ былъ выгодный женихъ, хоть дочь чувствовала къ послѣднему расположеніе, оскорбленный родитель отказалъ Контропошкину отъ дому и подалъ жалобу.

Разжалованному жениху не оставалось другого утѣшенія, какъ опредѣлиться поскорѣе на службу, и онъ уѣхалъ искать какого-нибудь лихова гусарскаго полка, но непременно такого, чтобъ ментикъ или доломанъ были красные. Путь его снова лежалъ черезъ Кіевъ, столько ему памятный по контрактowymъ включеніямъ. На послѣднемъ ночлегѣ къ этому городу съѣзжался онъ съ однимъ забубенымъ уланскимъ корнетомъ, который въ качествѣ ремонтерскаго помощника рыскалъ рѣшительно безъ пѣли по всѣмъ губерніямъ російской имперіи. Молодые люди разговорились; съ Контропошкинымъ былъ ромъ, они знатно выпили, и ремонтеръ началъ хвалить какъ общество своей дивныя вообще, такъ и своего полка въ особенности. На заявле-

ніе же Контропошкина, что ему непременно хотѣлось быть гусаромъ, сказалъ, что гусарская и уланская сорѣсть одна и таже, кутилы—мученики есть всадѣ, а относительно красоты формы — уланской отдавалъ предпочтеніе. Долго они спорили о преимуществѣ доломана и ментика передъ расписаннымъ уланскимъ колетомъ, у котораго вышущи не только на рукавахъ, но и на шинѣ, и если ремонтеръ соглашался, что положимъ гусарскій мундиръ наряднѣе, то требовалъ наконецъ и согласія Контропошкина въ томъ, что гусарскій киверъ смахивалъ на нѣхотливый, а рогатая уланская шапка, надѣтая немного на бекрень, придавала человѣку вообще какую-то геройскую наружность. Контропошкинъ все-таки стоялъ за гусарскую форму. Тогда ремонтеръ кликнулъ деньщика, велѣлъ распаковать чемоданы, достать всѣ принадлежности и облекся въ полную парадную форму. Щегольски сшитый колетъ съ красными отворотами и новенькимъ серебрянымъ приборомъ, красная шапка съ блестящимъ гербомъ, новая лядунка, свѣжая португеза и шарфъ съ блестками возымѣли свое дѣйствіе на Контропошкина. Онъ сразу согласился, что и уланскій костюмъ не лишонъ своей пріятности и попросилъ ремонтера позволить ему нарядиться въ его форму. Молодые люди не слишкомъ разошлись ни возрастомъ ни объемомъ, и потому ремонтерскій мундиръ и всѣ дослѣхи почти пришлись въ пору Контропошкину, который какъ взглянулъ на себя въ зеркало, просто ахнулъ отъ восхищенія. Онъ показался себѣ такимъ красавцемъ, что мысль о гусарствѣ тотчасъ же оставила его вътрянную голову. Въ тотъ же вечеръ было рѣшено, поужиновавъ недѣлку въ Кіевѣ, ѣхать въ штабъ уланскаго полка, въ который ремонтеръ взялся отвезти его самъ и опредѣлить въ три дня и обѣщалъ представить на смотръ начальству. Восторгъ Контропошкина не имѣлъ границъ, когда ремонтеръ объявилъ ему, что уланскіе юнкера носятъ эполеты и увоманулъ объ обычаѣ дѣлать юнкерскіе эполеты больше форменныхъ, и потому въ особенноти издали, походили на офицерскіе. Въ Кіевѣ новые пріатели кутнули порядкомъ, и хотъ Контропошкину страшно хотѣлось надѣть юнкерскій мундиръ, однако помня еще живо катастрофу, онъ этого не сдѣлалъ, а только заказалъ рѣшительно всю форму, по указанію ремонтера. Выѣхавъ однакоже изъ Кіева, онъ раза два въ дорогѣ облекался въ юнкерскій мо-

стому, прицѣплялъ офицерскую саблю и на одной станціи побил писаря за какое-то двусмысленное, по его мнѣнію, выраженіе. Удаливость это впрочемъ стоило ему недорого. Полкъ, въ который съ такимъ жаромъ стремился вступить Контропошкинъ, стоялъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, куда путешественники и прибыли около полудня. Дорогою ремонтеръ расказывалъ своему спутнику о прелестяхъ юнкерской службы и увѣрялъ, что во всей дивизіи необходимы такъ, какъ у нихъ съ юнкерами, которые дѣлали что хотѣли и не только съ субалтернъ-офицерами, но и съ эскадронными командирами жили товарищески. Проѣзжая мимо манежа, они увидѣли однакоже зрѣлище, которое произвело на Контропошкина глубокое впечатлѣніе. У воротъ сидѣлъ юнкеръ и горько плакалъ. Ремонтеръ остановился, соскочилъ изъ экипажа, спутникъ его сдѣлалъ тоже и они подошли къ плакавшему. Оказалось, что начальникъ юнкерской команды ротмистръ Киргизцевъ за какую-то неисправность велѣлъ привѣсить юнкеру на шею торбу съ овсомъ и посадить наказаннаго у воротъ манежа на виду, какъ для вящаго огорченія виновнаго, такъ и для устрашенія его товарищей... Контропошкина это обезкуражило до такой степени, что онъ растерялся, а когда онъ узналъ, что юнкера собраны были въ штабъ и Киргизцевъ обращался съ ними хуже нежели съ солдатами, сажалъ ихъ верхомъ на коновязь, поминутно ставилъ на часы, распакалъ не стѣсняясь выраженіями и не пускалъ никуда за черту города, Контропошкину снова представилось пресластолюбство гусарской формы, и онъ, несмотря на слово, данное пріятелю своему ремонтеру, ночью потихоньку выѣхалъ изъ штаба полка и прежде чѣмъ опредѣлиться въ гусары, рѣшился еще завернуть домой мѣсяца на два, на три. Но тутъ уже онъ встрѣтилъ камень преткновенія, который окончательно помѣшалъ ему вступить въ военную службу. На дорогѣ, въ одномъ изъ городковъ своей губерніи остановился онъ взглянуть на ярманку, гдѣ встрѣтилъ не только знакомыхъ, но и человѣка три пріятелей. Единственнымъ развлеченіемъ, кромѣ кукольной комедіи, была бродячая труппа волтжжоровъ. Въ этомъ циркѣ отличалась красотой и граціей шестнадцатилѣтняя Тереза, дочь хозяина, которая успѣла свести съ ума какъ холостыхъ, такъ и жевательныхъ помѣщиковъ. По убѣжденію ли, изъ желанія ли, что-

бы обожатели дѣлали болѣе выгодныя предложенія, Тереза не оказывала никому особенной благосклонности, а любезничала со всѣми и принимала подарки. Съ перваго же момента какъ увидѣлъ красивую наѣздницу, Контропошкинъ далъ себѣ слово побѣдить ея колдовство и похвалился передъ товарищами не только заслужить ея взаимность, но и увести ее въ свою деревню. Во время антрактовъ въ числѣ прочихъ аматеровъ и Контропошкинъ отправился за перегородку. Тамъ пѣнулось шампанское, еще больше пѣнулись пламенныя выраженія страсти, осыпавшія со всѣхъ сторонъ молоденькую Терезу. Первый приступъ Контропошкина не увѣнчался особеннымъ успѣхомъ, однако Тереза остановила на немъ внимательно свои большіе черные глаза. Послѣ представленія Контропошкинъ пригласилъ къ себѣ всю труппу, выдавъ за это хозяину порядочную сумму, и у него до утра происходила порядочная оргія, гдѣ наѣздницы, наѣздники и даже клоуны пировали въ кругу помѣщиковъ. Контропошкинъ явно и пристально ухаживалъ за Терезой. На другой день въ циркѣ не было красивой наѣздницы и разумеется въ числѣ зрителей не видѣли Контропошкина, который, похитивъ Терезу, умчалъ ее въ свою Разводовку и сдержалъ слово, данное пріятельмъ. Хозяинъ цирка пришелъ въ отчаяніе, но какъ всѣмъ было извѣстно куда скрылась Тереза, то и отыскивать ее было незатруднительно, а потому отецъ, неимѣя возможности продолжать безъ Терезы представленій, со всею труппой отправился прямо въ Разводовку требовать своей дочери. Контропошкина это нисколько не смутило; онъ даже хотѣлъ было прогнать въ три ша незваныхъ гостей, но случившійся тутъ сосѣдь-юристъ разъяснилъ ему, что дѣло можетъ окончиться весьма нехорошо, если пойдетъ формальнымъ порядкомъ. Завязались переговоры, а за три тысячи рублей оскорбленный отецъ рѣшился оставить Терезу у Контропошкина, выкамочивъ еще пару лошадей изъ конюшни молодого безобразника. Вскорѣ наѣздница приобрѣла такую власть надъ своимъ обожателемъ, что покупая ей дорогіе подарки, Контропошкинъ, казалось, потерялъ всякую самостоятельность и не имѣлъ своей воли. Подобное ненормальное состояніе продолжалось для него около году, втеченіе котораго онъ почти измѣнился. Тереза повидимому любила его, и Контропошкинъ довольствовался этою любовью, вѣрѣдка уже бредилъ

гусарствомъ и совершенно позабылъ о жричьбѣ. Подобная жизнь ему нравилась, и онъ признавался своимъ друзьямъ, что никогда еще не встрѣчалъ женщины, которая могла бы сравниться съ Терезой. Но оказалось, что Тереза рѣшаясь на побѣгъ съ Контропошкинымъ, дала слово одному своему товарищу по цирку выйти замужъ за него, но не иначе какъ разбогатѣвъ на счетъ молодого вояки. Она успѣла добыть у Контропошкина порядочную сумму, и въ то время какъ счастливый Иванъ Алексѣвичъ отправился на именины къ сосѣду, Тереза, забравъ свои драгоценности, скрылась неизвестно куда, оставивъ записку весьма неопредѣленнаго содержанія. Вскрикнувъ Контропошкинъ и хоть онъ чувствовалъ за собою грѣшокъ по случаю одного легкаго волокитства на именинахъ, однако бѣгство Терезы взволновало его до пробужденія самыхъ звѣрскихъ инстинктовъ. Тотчасъ же онъ сварядилъ погоню въ разные мѣста, а самъ поскакалъ по направленію къ пограничной переправѣ чрезъ большую рѣку, куда по его мнѣнію, должна была преимущественно устремиться бѣглянка. На несчастье Контропошкинъ достигъ Терезу, загнавъ свою лучшую тройку. Не описываемъ возмутительной сцены, но скажемъ, что дѣвушку едва живую отняли у Контропошкина крестьяне, случившіеся на постояломъ дворѣ. Разумѣется завязалось формальное дѣло, и хоть въ прежнія времена подобныя факты покрывались зачастую, однако случайное обстоятельство, которыхъ нельзя было поспѣшно привести къ благополучному окончанію. Расправа съ Терезой стоила Контропошкину нѣсколько десятковъ тысячъ и двухлѣтняго пребыванія въ убогомъ городѣ, изъ котораго онъ не смѣлъ отлучиться. Между тѣмъ Ивану Алексѣвичу исполнилось уже двадцать четыре года и ему было неловко, казалось даже страннымъ поступить въ полкъ юнкеромъ, бросить привольную жизнь для тяжелыхъ лицевій и подчиниться строгой дисциплинѣ. Но за то Контропошкинъ далъ себѣ честное слово не поступать ни въ какую канцелярію и лучше весь вѣкъ считаться недорослемъ изъ дворянъ, нежели, какъ онъ говорилъ «окунуться въ чернильницу.» И вотъ еще года черезъ два Контропошкинъ совершенно отказался отъ гусарства, хотя съ восторгомъ рассказывалъ свои юнкерскія похождения, которые разрастались у него съ каждымъ годомъ, такъ что для невосвѣщенныхъ, военная служба его могла не

подлежать сомнѣнію. Особенно любилъ онъ рассказывать рѣчь свою съ начальникомъ дивизіи, окончивъ которой, онъ обыкновенно прибавлялъ, махнувъ рукою:

— Теперешніе юнкера и въ подметки не годятся противъ нашенскихъ.

Изъ этого очерка читателю легко убѣдиться, что характеръ Контропошкина нѣмъ много общаго съ характеромъ Усольцова, и потому оба эти «теплые ребята» сошлись и довольно скоро и довольно тѣсно. Въ одномъ только несходились они — это въ понятіяхъ о женщинахъ. Усольцовъ смотрѣлъ на нее чисто съ турецкой точки зрѣнія и не упускалъ случая безъ всякихъ нѣжностей достигать своей цѣли. Успѣхъ доставлялъ ему удовольствіе, неуспѣхъ не огорчалъ нисколько, и Демьянъ Павлычъ нѣмъ обыкновеніе говорить при подобныхъ обстоятельствахъ:

— Ну и чортъ съ нею! А все-таки бей сороку и ворону, авось попадешь на жената сокола.

Контропошкинъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Разумѣется онъ не пропускалъ хорошенякихъ и въ низшемъ сословіи, но ухаживалъ прилежно за барынями и барышнями, потому что для него сдѣлалось необходимымъ быть влюблену, хоть для того, чтобъ появляться въ кругу пріятелей своими вобѣдами. Онъ и влюблялся дѣйствительно, все еще горя желаніемъ жениться на молоденькой красавицѣ, но съ тѣхъ поръ какъ завязалась у нихъ тѣсная дружба съ Усольцовымъ, ему уже было невозможно привести въ исполненіе свою завѣтную мечту о женитьбѣ. Демьянъ Павлычъ рѣшилъ положительно, что супружество вредно Контропошкину, что другъ его изъ теплаго, лихого налага сдѣлается нудней, покатеть непременно подъ башмакъ жены и совершенно утратить характеръ веселаго, беззаботнаго кутяки. У нихъ происходили объ этомъ частыя споры, и когда Усольцовъ убѣдился, что никакіе совѣты, никакія дружескія внушенія не оказывали вліянія на matrimonіальныя наклонности Контропошкина, онъ перемѣнилъ систему насмѣшекъ и нападенъ и рѣшился дѣйствовать втихомолку. Каждую новую сердечную страсть своего друга Усольцовъ принималъ подъ свою опеку, и если замѣтана была барыня, онъ вкравительствовалъ Контропошкину, если же дѣвица, то разными негласными ву-

тими старался помѣшать сватовству, хотя бы послѣ этого слѣдовала и небольшая размолвка съ влюбленными друзьями. Между тѣмъ Контропошкинъ до такой степени привязался къ ротмистру, что незадумавшись принесеть ему въ жертву инныя свои привязанности, не догадываясь впрочемъ, что неуспѣхомъ окажется быть услужливости своего закадычнаго друга. Усольцовъ въ свою очередь доходилъ до самопожертвованія, лишь бы по его мнѣнію спасти Контропошкина отъ угрожающей опасности. Такъ въ послѣднее время, когда Контропошкинъ началъ ухаживать за одной молоденькой дѣвушкой, которую родители мимо ея воли охотно отдали бы за богатаго холостяка, — когда успѣшное сватовство пошло уже въ ходъ, Усольцовъ рѣшился на довольно энергическую мѣру. Въ ту пору въ числѣ комедіантокъ у него жила хорошенькая полька, умѣвшая около полугода держать въ рукахъ сердце вѣтрянаго ротмистра. Контропошкину она всегда нравилась, но по условію съ другомъ онъ не долженъ былъ навѣвать нѣжностей черноглазой Розаліи, хотя втихомолку и пробовалъ нарушать обѣщаніе, переманивая, впрочемъ безъ особаго успѣха съ красавицей. Можетъ-быть онъ и побѣдилъ бы непреклонную, но впервыхъ самъ Усольцовъ не свускалъ съ нее глазъ, воторыхъ прочія комедіантки, сердитыя на Розалію за предпочтеніе, пересказали бы ротмистру малѣйшее съ ея стороны уклоненіе отъ своей обязанности. Видя однакоже серьезное сватовство Контропошкина, Усольцовъ началъ убѣждать друга не дѣлать окончательной, по его понятію, глупости, не губить молодецкой волюшки, и когда друзья осушили большое количество бокаловъ, ротмистръ взявъ Розалію за руку, подвелъ ее къ тому, кто за полчаса восторгался красотой своей невѣсты.

— Знаешь что, Ваня! сказалъ онъ: — мнѣ такъ жаль тебя, такъ не хочется видѣть тебя заживо схороненнымъ, что если лишь мнѣ слово покинуть нелѣпое сватовство, я уступлю тебѣ Розалію.

Раскраснѣвшаяся дѣвушка улыбалась, сидя въ легкомъ костюмѣ и граціозной позѣ.

Глаза Контропошкина засверкали.

— Демьянъ! Ты не шутишь?

— Говорю безъ всякихъ шутокъ.

— Другъ!

И Контропошкинъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ вижу, что настоящій другъ! продолжалъ онъ.

— То-то видишь, и небось только въ первый разъ. Гей! подать венгерскаго!

Розалія очутилась на козлѣняхъ у Контропошкина и понято, что въ тотъ же вечеръ дано было слово прекратить всякія стреленія къ сватовству на сосѣдкѣ.

— Къ черту женитьбу! воскликнулъ Контропошкинъ: — те-ли-дѣло своя волюшка!

— Дурень ты, Ваня! Вѣдь самъ очень хорошо понимаешь въ какой бросался омутъ, а нѣтъ ни на-волось характера.

— У меня нѣтъ характера? Хочешь я невѣстѣ своей наплюю въ рожу, хочешь?

— Ужь и наплюешь!

— Подлецъ я буду, анафема, если не сдѣлаю! говорилъ расходившійся Контропошкинъ: — мнѣ нипочемъ. Когда я былъ гусарскимъ юнкеромъ...

— Ты, братъ, мнѣ не городи этой околесицы, а будь порядочнымъ человѣкомъ. Чего теперъ тебѣ, рожна чтоли? Да есть ли во всемъ уѣздѣ такая красавица какъ Розалія!

— О, это золото, говорилъ Контропошкинъ, лаская дѣвушку: — и я, свинья, хотѣлъ жениться на какой-то картофели!

И точно, Розалія долго удерживала Контропошкина отъ всякихъ помышленій о женитьбѣ, и хоть недоросль изъ дворянъ увлекался на балахъ хорошенькими дѣвушками, однако не доходилъ до такой степени, чтобы предлагать руку и сердце.

Контропошкинъ жилъ довольно далеко отъ Усольцова и когда у послѣдняго завязалась съ Бобовихинимъ извѣстная переписка, ротмистръ послалъ нарочнаго къ своему другу съ проебой прїѣхать немедленно по весьма важному, экстренному дѣлу. Недоросль изъ дворянъ, какъ и ожидать слѣдовало, обѣщавъ явиться, давъ слово напередъ помогать закадычному другу и защищать его до послѣдней капли крови. Контропошкину уже представлялась катастрофа и онъ горѣлъ желаніемъ принять горячее участіе въ какомъ-нибудь вопіющемъ скандалѣ. Желаніе это было такъ велико, что Контропошкинъ явился къ Усоль-

погу ровно въ полночь, когда ротмистръ давно уже покоился послѣ утомительной и удачной охоты. Но прїѣздъ Контропошкина подымялъ весь домъ на ноги, потомучто недоросль изъ дворянъ ѣздилъ съ двумя, а иногда и съ тремя колонольчиками и приближаясь къ дому прїятеля, велѣлъ обыкновенно двумъ лакеямъ трубать тревогу, а самъ дѣлалъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, приговаривая :

— У насъ такъ погусарски!

Черезъ нѣсколько минутъ гаремъ освѣтился; заспанные одалиски поспѣшно привели свой туалетъ въ порядокъ; большой самоваръ кипѣлъ на столѣ, и Усольцовъ въ богатомъ халатѣ вышелъ навстрѣчу своему другу.

— Я зналъ, Ваня, что ты прїѣдешь, сказалъ онъ.

— Да за кого же ты меня принимаешь, Демьянъ; что я твою, штафиръ какой, или мокрая курица? Другъ пишетъ «прїѣзжай!» и Контропошкинъ дуетъ во всю ивановскую. Говори, приказывай!

— Тутъ приказывать нечего. Пей чай прежде, а тамъ потужемъ.

— Да чтоже, Демьянъ! нужно ли кого отпороть или выкинуть замысловатую штуковенцію.

— Все, братъ, съ этимъ Бобовихнымъ.

— А! Ну, дѣло. Я готовъ — ты меня знаешь: вѣдь у насъ погусарски.

Усольцовъ въ короткихъ словахъ передалъ послѣднія происшествія съ генераломъ и прочелъ Контропошкину всю переписку.

— Эхъ, Демьянъ, какая изъ тебя приказная строка вышла. И ты самъ сочинялъ всю эту сволочь.

— Ей-богу самъ! Чтожъ — надо какъ-нибудь отписываться.

— Молодецъ! Хвалю, задалъ загвоздку. Ха, ха, ха! Теперь же что?

— Въ томъ и штука, что надо придумать небывальщину.

— Давай, Демьянъ, придумаемъ. Я готовъ хоть ночь неосветъ: удастся ли подвести комедію.

— Да какую же, Ваня? разумѣется комедію не мѣшаетъ.

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову: напасть на него гдѣ-нибудь на охотѣ и отравить какъ ружья. А? Каково?

— Чортъ знаетъ, что за штуки, — вопервыхъ гауче, восторжъ Бобовихинъ никогда не ѣдитъ на охоту,

— Жаль, а я вотъ какъ атукнулъ бы, Демьянъ, т. е. мое почтение.

— Ты если и выдумаешь, Ваня, то какую-нибудь глупость: съ тебя какъ съ козла — ни шерсти, ни молока.

— Шалишь, Демьянъ! Я не такія дѣла обдѣлывалъ, я, братъ, и передъ начальникомъ дивизіи перобѣлъ.

— Ахъ, Ваня, охота тебѣ со мною бобы разводить.

— Ну, такъ знаешь ли, гдѣ-нибудь на именинахъ.

— Пошолъ свое городить! Нѣтъ, ужъ видно мнѣ самому придется придумать, а ты только помоги, да не выдай.

— Кто? Я? Да мнѣ наплевать, если и самъ чортъ педвернется. Не таковъ Контропошкинъ, чтобъ выдать товарища.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. А каковы рапорты, Ваня, а?

— Что и говорить — ты, братъ Демьянъ, собаку съѣлъ. Ну, а какже насчетъ Бобовихина?

— Ужъ ты молчи и не мѣшай — къ завтраму что-нибудь да придумаю.

— Значитъ сегодня мы какъ же?

— Шарахнемъ чтоли!

— Да ты хочешь пить?

— Я неслишкомъ. А ты?

— И я нельзя-сказать, чтобъ слишкомъ.

— Ну, и ладно. А впрочемъ, Ваня, но хересамъ пройтись можно.

— Я непрочъ.

— Нѣтъ ужъ — хересъ не ночное дѣло, — лучше вдовушку клико.

— И гораздо лучше. Только, братъ Демьянъ, ты меня знаешь — не могу...

— Иначе какъ въ бокалахъ?

— Это само собою. Нѣтъ, братъ, если ужъ пить шампанское, душа требуетъ того — какъ-бишь его? Этакъ, знаешь, разби-

ристь тебя... Музыка нужна, дѣвки пусть пляшутъ, все чтобы вокругъ тебя воздухомъ ходило...

— Ха-ха-ха! Да за ного же ты меня прихватишь? Гей, Игнашка!

Игнашка: явился.

— Юга! подать сюда балалаешника и торбаниста! А вы, мои красавицы, дево въ лучшія платья.

— Э, Демьянъ, да у тебя уже на мѣсто Ровали: новенькая.

— А ты какъ думалъ.

— Подлецъ ты, братъ, какъ я тебя вижу: вѣдь это починце будетъ Розалки.

— Небось хочешь подмаваться? Дудки!

— Полно! полно! Ну, вели убирать со стола эту скучную чаевну, да поскорѣй бы музыку и пѣсни. Миѣ что-то спать не хочется.

— Жаль, что нѣтъ никого изъ шутовъ гороховыхъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Ахъ какая досада. Да вѣдь мы долго будемъ веселиться сегодня?

— Надѣюсь, что иначе не стоило бобовъ разводить.

— Такъ слѣлай дружбу, пошли за тѣмъ, который живетъ поближе.

— Игнашка! Отправить поскорѣе бѣговья дрожки за Куропаткой и велѣть ему чтобы ѣхалъ немедленно. Пошли кого-нибудь порасторопнѣе. Или лучше — жги самъ и тащи его безъ церемоніи.

Куропатка былъ пьянчужка — владѣлецъ пяти или шести хатъ, хуторокъ котораго стоялъ недалеко отъ Комарова. Пьянчужка этотъ, отецъ многочисленнаго семейства, пробавлялся преимущественно подачками богатыхъ сосѣдей, особенно съ тѣхъ поръ какъ принялся за ремесло шута и исполнялъ его со всѣмъ усердіемъ, а главное съ безотвѣтственностью предъ людьми достаточными. Это впрочемъ былъ типъ жалкаго шута, котораго не весьма любилъ Усольцовъ, а если и посылалъ за нимъ, то единственно изъ желанія доставить удовольствіе Контропошкину. Съ Куропаткой Усольцовъ и не выдѣлывалъ даже ухорскихъ штукъ, потому что Куропатка никогда не огрызался, исполнялъ всякое приказаніе, безропотно пилъ и ѣлъ пороку возмутительную мерзость, одѣвался во что угодно, а въ случаѣ какого-

нибудь насилія принимался плакать. Такихъ шутовъ терпѣть не могъ Усольцовъ и не гналъ его со двора на томъ основаніи, что онъ „какъ мы сказали“, нравился Контропошкину и подчасъ доставлялъ развлеченіе гаремнымъ затворницамъ.

Куропатка пріѣхалъ въ то время, когда оба пріятеля порядочно натянулись, и Контропошкинъ принялъ на себя роль распорядителя различныхъ дивертисментовъ. Разумѣется всѣ проекты о шуткантеріяхъ Бобовихину были забыты, и во Флигелѣ до разсвѣта раздавались пѣсни, музыка, топотъ пляски, смѣхъ, дикія восклицанія, свистъ, плачь Куропатка и вой собакъ, которыя, какъ извѣстно, иной разъ не могутъ переносить музыку и громко протестуютъ противъ какой угодно мелодіи.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

РАСКАЗЫ ДВОРОВАГО

I

ПРИЖИВАЛКА

«Нѣтъ, что ужъ за житье теперь?! не чета прежнему, и ровнять не приходится... Истинно, что люди-человѣки перерождаются, стали! Баре какіе-то все модные сдѣлались; хозяйство плохо, въ имѣньяхъ не живутъ, а все въ Питеръ или Москву наровяютъ: вишь тамъ общество, говорятъ, лучше... А извѣсно ужъ, какое тамъ общество: атрисы, да ахтерки, да нѣмцы, — а болѣ й нѣтъ никого... Эка важность ахтерки! и у нашего покойнаго Никиты Иваныча водились такія; даромъ что въ деревнѣ, а не въ Питерѣ жилъ! А по моему что Питеръ, али Москва — все тѣ же города, какъ и нашъ, напримѣръ, Нырковъ: ну, какимъ, скажешь, отдичьемъ беруть?.. такъ, сеферъ одинъ, шушера!..

«Я хоть тамъ и не бывалъ, да знаю; на то человѣкъ и созданъ, чтобъ все произойти... Вотъ что, судырь ты мой!

«Примѣрно взять покойнаго Никиту Иваныча, барина отца, — вотъ такъ человѣкъ былъ! не чета сыну... этотъ что? форсомъ и беретъ только, а важнаго такого ничего и нѣтъ въ немъ... То ли дѣло, папенька! тотъ былъ видный такой, здоровенный: настоящій баринъ! и бывало чего захочеть, сейчасъ чтобъ и было; и дѣлали дѣло, не хуже васъ, теперешнихъ-то!..

«А ужъ значитъ угостить кого, — такъ на этомъ они собаку съестъ наводили, Никита-то Иванычъ; однихъ нахлѣбниковъ, да приживалокъ съ десятокъ было, поболѣ. Ну, и значить жили, да

еще какъ! пустяками не обижались никогда. — А баринъ покойный, царство ему небесное, крутенекъ таки былъ, нече сказать... Ну, да чтожь? хоть и такъ, да хорошо было.

«Коли что не по ндраву имъ придется, такъ призовуть виноватаго, да изъ собственной ручки и поколотятъ маненько; а все жили! — да оно; тово, и пріятность, значить, свою имбеть: потому, самъ вѣдь, своеручно...

«Была у насъ, къ слову сказать, приживалка, нѣкая Авдотья Міроновна; еще баринъ Авдотькой все звали... Пришла она къ намъ осенью; «съ Кіева», говорила; погостить хотѣла, да такъ и осталась, благо что баринъ добрый былъ...

«Ну, эфтя самая Авдотька, презлющая была какая, упаси Боже; разъ даже котенку любимому ногу сломала... право, вотъ те Христось, не лгу!

«И эфтя Авдотька вздумала поперечить разъ барину, Никитѣ-то Иванычу, самому, слышь: «вы-сь, говорить, не такъ тутъ поступили, не по христіанскому обычаю; вамъ не такъ слѣдъ дѣлать!..» Не помню, что у нихъ за дѣло такое вышло... да, симъ... нѣтъ, запоматовавъ. — Ну, баринъ значить промолчалъ, слова не промолвилъ, а было это за обѣдомъ; они какъ закончили кумзать, къ себѣ и изволили уйти...

«Только, значить, съ часъ эдакъ времени прошло, слышу: «зоветь! меня самово зоветь... Я пошла; прихожу: они это на кровати изволятъ лежать, ножки задрали кверху, а ручкой волоски перебирають... я ничего: стою.

«— Ты, спрашиваютъ, Кондрашиа?

«— Я-сь!..

«— А! ну, и хорошо; позови-ка ко мнѣ Прошку!

«Я изъ спальни вышелъ тихохонько, потому: вижу, собой не довольны... Побѣгъ я къ Прохору, во едигели; а тетя въ кучерахъ жилъ у насъ, и оченно баринъ его любили: бывало, безъ него; ни на версту не выдуть...

«Пришолъ и говорю: «вставайте, Прохоръ-Потапычъ, баринъ къ себѣ зовуть; немедленно, моля, нужно!..»

«Онъ въ затылкѣ почесалъ; «сейчасъ», говоритъ; слѣзъ съ печи, одѣлся, и пошла мы съ нимъ.

«Приходимъ. А Никита Иванычъ все въ томъ же приложеніи лежать... Мы молчимъ.

«— Пришли? говорить, и грозно таково.

«— Пришли-съ!

«— Ну, ладно! иди же ты Кондрашка къ Авдотькѣ, и узнай: дома ли она?

«Само собой я пошолъ. А Прохору наказалъ онъ воды холодной и горячей приготовить, да розокъ поболѣ. И велѣлъ ему всю эту провизию сволочить въ баню...

«Баня то у насъ была новая, просторная! у ключа была поставлена, въ лѣску. — Я значить сходилъ къ Авдотьѣ Мироновнѣ, и великатнымъ манеромъ узналъ, что дома; да и уйти то ей некуда было, а все узнать лучше: на вѣрняка чтобы...

«Сходилъ я, и прихожу къ ему опять, значить.

«А онъ сердито таково по комнатѣ ходить изволить, и ножками потопываетъ... Я молчокъ.

«Увидалъ онъ меня и спрашиваетъ:

«— Ну что, узналъ?

«— Узналъ, говорю, батюшка: дома.

«Ааа!» закричалъ, и ручками радостно такъ по окну забарабанилъ.

«— Ну, говорить, возьми ты скамью изъ застойной, и въ баню носи не медля; да чтобъ никто не видалъ!.. А потомъ ко мнѣ придешь, на верхъ...

«Я скамьку стащилъ живо, да и прихожу на верхъ, во флигели, значить. А Прохоръ Потапычъ ужъ тамъ. Какъ увидалъ меня баринъ, подскочить сейчасъ, да чуть было и не въ зубы: «зачѣмъ долго мѣшкался?» спрашиваетъ. — А чево долго? въ минуту сдѣлать. Ну, да Богъ съ нимъ!..

«— Идите вы, говорить, къ ней, къ Авдотькѣ и въ баню ее, да живо! слышали?

«— Слышали-съ! говоримъ и пошли; а онъ за нами въ баню пойти изволитъ...

«Только, приходимъ это мы къ ней, а она, голубушка, чулокъ вяжетъ и котъ около ея, — ногу то которому свередила...

«— Такъ и такъ, говоримъ, баринъ пригнать васъ велѣли...

«А она хоть бы словечко пикнула, — обомляла только и сидеть.

«Видно догадалась, что онъ затѣялъ сдѣлать.

«Мы опять говоримъ, что итти надо. — А она все сидитъ, словно

камень какой, прости Господи! — Ну, Прохоръ Поташинъ, шутиливо таково, взялъ ее подъ ручку и на руки потомъ.

« — Поддерживай! кричить. — Я тово, подошолъ и тоже подсобляю нести ее... »

« Дошли мы до бани, слышимъ : свистить ! А ужъ коли свистать началъ, не въ терпѣжъ значить стало... »

« Вотъ, какъ принесли мы её, Авдотку-то, онъ и кричить :

« — А! здраствуйте, сударыня! какъ здоровы?... »

« А она, сердечная, все молчить. Да ужъ тогда, какъ велѣлъ онъ ее раздѣвать, такъ какъ всплachtetся ! и-и-и ! »

« А онъ : ничего, говорить, — что вы это ? еще ничего вамъ не сдѣлали. »

« И ужъ жутко же ей пришлось въ тую пору ! ухъ, какъ !.. »

« Вотъ какъ было дѣло : какъ раздѣли мы ее (въ рубашкѣ одной оставили), она и скажи Фарину :

« — Что это вы, Никита Иванычъ, изволите дѣлать ? Я не простая какая-нибудь говорить, и забижать меня вамъ не слѣдъ !.. Не хотите, говорить, держать, такъ уйду, — а потъшатся собой не позволю !.. »

« Право, такъ прямо и говорить. — Ну, а баринъ-то какъ заголосить, просто левъ какой, что ли ! »

« — А слова-то свои за обѣдомъ позабыла, поганица ?! не простая, а ? »

« Авдотья Мироновна ему ни слова... молчить. Онъ ждалъ-пождалъ, да видитъ, что молчить, и приказалъ намъ :

« — Положите ее, говорить, на скамью ; да привязать покрѣпче, чтобъ не соскочила ! а потомъ и жарь ее въ мою голову !.. »

« Мы все, какъ слѣдуетъ, сполнили : разложили ее, матушку, и веревочкой, не само крѣпко, привязали... »

« А Никита Иванычъ, какъ увидѣли, что готово, и говорятъ :

« — Валяй !.. да пошибче ! »

« Ужъ мы драли ее, драли, — ажно потъ прошибъ ! Что же дѣлать ? велѣно... »

« Мы деремъ, она вопить, а онъ кругомъ похаживаетъ, да покриваетъ :

« — Лихо ! говорить, — важно, молодцы !.. Что, будешь мнѣ ндравочемья дѣвать, а ? спрашиваетъ у Авдотьи Мироновны. »

« — Во вѣки вѣковъ не буду! закричала, и дѣтямъ, и внукамъ закажу! Ой, ой, ой! больно, смерть моя!

« Вѣрно ужъ жарко пришлось, или показать хотѣла, что барской гнѣвъ и наказанье понимаетъ, — не знаю.

« А относительно дѣтей, что кричала, такъ это она солгать изволила... право, такъ! у нея и впоминшъ дѣтей никакихъ не бывало... истинно! « Ну, тутъ мы ее и отпустили. »

« — Довольно, закричалъ, — кинуть!..

« А самъ изъ бани вонъ, и домой отправился; въ рукахъ тросточка.

« Мы Авдотьку отвязали, и одѣться ей помогли, — не могла сама: разуважили! А впрочемъ... дворянка, вѣдь и то правда!

« Какъ мы понесли ее домой, она нивѣсть какъ, пыталась отругивать насъ :

« — Изверги! говоритъ, -- орудія злобы демонской! и мало ли, чего ни говорила... Глупы вѣдь эти бабы, прости Господи!

« А у флигелей людскихъ дворовые собрались.

« Мионовну, кричать, несутъ! сѣкли ее!..

« (Всѣ у насъ дворовые Мионовной звали; а ужъ это если въ праздникъ, или въ другой разъ когда, такъ поименно и отечественно назовуть...)

« Ну, снесли мы ее, значить, уложили; и дверку въ ея спальню приперли...

« А въ домѣ, слышь, всѣ ходятъ носы повѣся; такъ они этому съченью спужались! Особливо еѣ братья-приживалки: такъ тѣ всѣ по своимъ каморкамъ позаперлись. Точно отъ непріятеля осажденіе получили! хи, хи, хи!

« Только братецъ ты мой, баринъ, Никита Иванычъ, какъ всталъ на утро, и спрашиваетъ у меня (а я имъ сапожки чистилъ, да привезъ) :

« А что, говоритъ, Авдотька жива? — и самъ веселый такой.

« — Жива-сь! говорю, — и усмѣхнулся таки маленько...

« Подождаль это онъ; да не подолгомъ времени и говоритъ :

« — Хорошо, говоритъ, вели же позвать ее послѣ чаю, — а теперь мыться!

« Я мыться подалъ ему, и онъ тутъ еще кой-что со мной поговорилъ, весело таково...

« Она какъ пришла, Никита Иванычъ успокоивать ее начали :

«— Ну, что жъ? говорить (я все за дверью слышалъ. . онъ ее и на креслецо посадить изволилъ), что жъ за бѣда? извините меня, Авдотья! у меня демперламентъ такой ужъ, говорить...

«И какъ сказалъ это, да и полѣзъ въ карманъ за деньгами... кажись, въ тѣ поры цѣлковыхъ 25 ей отсчитать изволилъ... ей-Богу! И намъ по рублю.

«Вотъ такъ господа! и въ страхѣ держать умѣли и награждать за то; двадцать-пять рублей не шутка, поди ты!

«А нынче что?..»

II

О Х О Т А

«А то, скажу я тебѣ, судырь ты мой, какую штуку выкинулъ Никита Иванычъ на охотѣ, значить. Важную штуку изволили выкинуть!.. Ну, да и имъ не менѣ тово попало; можетъ и болѣ!..

«Охотился то онъ не то, чтобы часто, а такъ себѣ: когда, значить, скука нападетъ.

«А только у насъ къ этому ремеслу было всего довольно: собакъ было много, и все большущія эдакія, злыя! Цсарей тоже не мало и охотниковъ наберется человѣка три, четыре въ домъ; а оружія вся висѣла въ кабинетѣ у нево, — тоже было порядкомъ: и присталетки, и ружья, и ножи, и рога были; всего было много...

«Ну, да что объ этомъ толковать: сказъ впереди еще! было всего, — и конецъ!..

«Вотъ только разъ наѣхала къ Никитѣ Иванычу гостей куча: всякіе были!

«А въ тѣ поры ужъ июнь былъ на половинѣ. — Теплень стояла такая, что ну!.. даже скотъ въ лѣсъ не хотѣлъ идти, а въ хлѣвъ наровить все: стало быть, жарко...

«День о ту пору вышелъ славный такой: ни облачка; чистехонько на небѣ....

«Ну, господа завтракать. — А пріѣхали они еще свечера: почись, значить. Онъ оповѣститъ прислалъ, чтобы собирались ..

«А на утро поднялъ всѣхъ ранымъ рано!

«— Эхъ вы, охотники! кричить имъ; заспать изволили, — а я за нимъ по комнатамъ ходилъ.

«Только, какъ повставали они, поодѣлись, да умылись, — онъ и погналъ всѣхъ въ залу: къ завтраку, значить...

И догоняю они тамъ сидѣли: съ часъ, а можетъ и поболѣ; вина такъ выпили пропасть!

«Да онъ, надо сказать, не жалѣлъ этого никогда: хоть на ноль лей!..

«Ну, позавтракавши, поблагодарили его, значить, и на дворъ: а тамъ лошади ужъ готовые стояли.

«И онъ, слышь, всѣмъ своихъ коней осѣдлалъ!..

«Какъ поуѣлись это они, онъ:

«— Маршъ! кричить, — съ Богомъ!

«Ии! какъ поскачемъ всѣ, — любо дорого! человекъ тридцать было, никакъ...

«А у насъ о ту пору подглавный псарь захворалъ; слегъ, значить: вхать ему не можно...

«Ну, вотъ Никита Иванычъ и зовутъ меня къ себѣ.

«Прихожу. — Они еще въ халатикъ, и трубочкой забавляются...

«— Здравствуй Кондратій! говорятъ.

«— Здравія желаю, батюшка, Никита Иванычъ! и поклонился, какъ слѣдуетъ.

«— Я, говорить, хочу тебя на мѣсто Трошки на сегодня назначить, а?

«(А псаря-то больново Трошкой звали.)

«— Я, говорю, вашей милости, всегда готовъ волю исполнять! и опять поклонился...

«Ну, ну! закричалъ; это мы знаемъ: хорошо! пошолъ, одѣвайся!..

«Я ногами посеменялъ маленько, да опять говорю:

«— Только я, говорю, этому дѣлу совсѣмъ непривыченъ, говорю; снаровки у меня нѣту: въ первый разъ...

«— Ничего, ничего! говорить; иди, и снаровку получишь! — А самъ веселый такой...

«Нечего дѣлать! Пошолъ я къ Трофиму, и кустюмъ его взял. — И какъ сталъ я въ него облекаться, а Трошка какъ захохочетъ! да ромъ что больной былъ...

«— Ха, ха, ха! говорить; чучело какое, — чистое чучело! Смотрите, кричить, ребята: Кондратій Павлыч чучеломъ одѣлся...

«Шутникъ онъ былъ, право? — Самъ ты посуди: какое я чучело?..

«А тѣ дураки, что во Флигеляхъ были, — и сбѣжались! — Гаупый, значить, народъ: молоды! Да и я, сказать тебѣ надо, тоже молодъ былъ въ тѣ поры, — не то, что теперя...

«А все, значить, постарше ихъ былъ, — и камердинаръ при томъ: не шутка!..

«Ну, да ладно!

«Вотъ, какъ выѣхали мы, — и отправились сейчасъ къ Черному Овражку: славное тамъ мѣсто! И утки водятся, рѣка тамъ течетъ: тоже Овражкомъ прозывается, — потому, берега круты тамъ.

«Да баринъ, правда, утокъ-то не любилъ: никогда не купалъ, «это, говоритъ, все одно, что галочье мясо»; поди ты...

«А за нами не медля телегу съ провизьей отправили: коли проголодаются въ лѣсу, такъ чтобы закусить чево было...

«А отъ нашево-то села до Чернаго Овражка версты три будетъ, поболѣ.

«Лѣсъ тамъ такой чудный, густой! — а въ лѣсу сухо, и трава большая; благодать, да и только! — Въ этакихъ мѣстахъ какъ не быть дичи, али звѣрю?..

«Приѣхали. — Антонъ Митрычъ (исаремъ старшимъ былъ) собакъ спустилъ; баре развѣхались и караулятъ...

«Любо посмотрѣтъ! Собаки какъ въ лѣсъ побѣжали, — рыскаютъ и заливаются... чудо простò! голосистыя были! по лѣсу стонъ:

«— Ату ево! ату! ату! кричатъ исари, и баре подмогаютъ...

«И я съ ними туда же: реву во все горло, да и только!

«Знай нашихъ! — не страшно, значить...

«А это мы зайцевъ тамъ искали; и много ихъ тамъ было! — Бывало, пойдемъ за грибами, али за ягодами, — и собаку возьмемъ для случая. Только ты въ лѣсъ, — а она въ кусты: глядь-поглядь, и залаетъ! — нашла, значить...

«Минуты, этакъ, съ три прошло, — глядимъ: заяцъ! матерой такой, бестія!

«И бѣжить это онъ въ баринову сторону... какъ поровнялся онъ, значить, съ нимъ, — баринъ и нацѣлился... анъ: пафъ!..

«Да не онъ только : съ гостей одинъ стрѣлилъ, — да не попалъ, вишь! — Баринъ на эту штуку ничево не сказалъ : только глаза такъ дивно свѣлъ, — внутрь совсѣмъ ушли...

«А выскочка-то эта, — что стрѣлилъ, — юнкаръ одинъ былъ. — У отца деревнюшка околъ насъ была ; такъ ёнъ на лѣто къ нему прѣхалъ, — къ отцу, значить. А тамъ, знамо, въ службѣ-то ему воли нѣту, такъ онъ тутъ и въ куражъ вошелъ... А важная ли птица? самъ посуди.

«И отецъ-то евоный тутъ же былъ ; вмѣствъ и прѣхали...

«Да отецъ-то, — правду сказать, — совсѣмъ другой человекъ былъ : добрый, смиренный, тихій ; — просто, чудо баринъ!

«Чтобы это онъ ударилъ ково изъ мужиковъ своихъ? — ни за что, никогда не ударить!..

«А сынъ другое : тотъ такой озорникъ былъ, — упаси Боже! за дѣвками всегда гонялся ; да я слыхалъ, что отъ ево и отцу доставалось... вотъ что!

«Какъ увидѣлъ юнкаръ, что не попалъ, — и камфузно ему стало : на лошади такъ и завертѣлся...

«А другіе хохочуть ; и отецъ-то, бѣдный, съѣжился весь : сынъ въдь, все-таки!

«Только, не по долгомъ времени гонять еще... выбѣжалъ ; гляжу : русакъ здоровенный!..

«Метнулся это онъ, бѣдняга, въ сторону, да въ другую потомъ, да куда онячь ; — что ты будешь дѣлать? не стоитъ на мѣствъ, да и только!..

«А къ намъ капитанъ одинъ прѣхавши былъ :

«Сергей Матвѣичемъ звали ; такъ тотъ важно стрѣлялъ, — безъ промаху. Въ кавалеріи онъ и служилъ ; я и чинъ-то помнилъ, да... забылъ теперя : вормистъ, рофмистъ, — такъ какъ-то ; на нашево бурмистра схоже...

«Только, судырь ты мой, какъ заяцъ-то вильнулъ къ нему, — онъ и баць! да ловко какъ : съ разу угодилъ.

«Тутъ всѣ, кто поплеше умѣлъ, къ нему подѣхали, — къ капитану, и проздравлять его стали :

«— Ахъ! говорятъ, — какъ славно! очень хорошо, говорятъ, — вы вѣрно большой мастеръ? это видно...

«Капитанъ улыбается только ; извѣстно : ему не въ диковину это.

«А Никита Иванычъ и съ мѣста не двинулся : стоитъ себя, да въ лѣсъ смотритъ ; и смурный самъ такой, — точно осень...

«Глядь-поглядъ : еще!.. всѣ зашевелились, да и сами, точно зайцы : туда, сюда! а заяцъ къ барину; прямо встрѣчу и бѣжитъ... ну, тотъ, сейчасъ ружье въ прикладъ и : баць!.. баць!

«И чтожъ бы ты думалъ? опять не попалъ... А все тотъ же юнкаръ помѣшалъ : какъ барину то стрѣлить, онъ чутьчку раньше его и наць!.. и съизнова не попалъ!

«Вѣрно хотѣлось ему поправиться передъ чужими-то : умѣю, вишь, стрѣлять, не думайте!..

«Да оказія-то вишь какая подошла!

«Никита Иванычъ какъ увидали, что юнкаръ этотъ перебилъ ихъ да дѣло еще спортилъ, — и подѣхали къ нему. А онъ шагахъ въ тридцати, эдакъ, стоялъ, не болѣ...

«Подѣзжаетъ къ нему баринъ и говорить :

«— Коли вы, говорить, милостивой государь, стрѣлять не умѣете, такъ и не совались бы лучше... Да притомъ, видите, говорить, что я хотѣлъ бить, — я! Прошу васъ не мѣшать мнѣ, говорить, а то я васъ велю прогнать отсюда! говорить.

«Юнкаръ все молчалъ ; да какъ баринъ стали говорить, да стращать, что прогнать велеть, — такъ онъ не вытерпѣлъ, да и говоритъ Никитѣ-то Иванычу :

«— Ну, говорить, это еще увидимъ! Если такъ, такъ зачѣмъ же звали?..

«Баринъ ни слова ; отѣхалъ и стоитъ.

«Ну, юнкарю-то надо бы прочь уйти послѣ такихъ словъ, а онъ остался ; и стыдно ему, стыдно передъ гостями!.. Потому, извѣстно дѣло : распекали его!..

«Еще тутъ штуку убили, заяцъ же ; да молоденькаво такая ; меня даже жалость взяла, какъ посмотрѣлъ на него, сердечнаво...

«Только убилъ его не баринъ и не юнкаръ, а другой кто-то... я позабылъ.

«Поѣхали потомъ мы въ болото, версты двѣ въ сторону : на мошниковъ, да рябовъ значить.

«А ихъ вѣдь тамъ многое-множество!

«Ну, прѣехали. Вязко такъ, что бѣда просто! лошадей въ тину такъ и уходитъ... что дѣлать? — да что? лошадей отдали и человѣка

къ нимъ приставили, — а сами пѣшкомъ пошли ; потому : у всѣхъ высокіе сапоги были.

«И я за ними туда же.

«Баринъ, Никита-то Иванычъ, идетъ впереди ; (сердитый такой и нагайка въ ручкѣ, а ружье за плечомъ ;) а гости за нимъ, толпой эдакой и говорятъ всѣ, точно пчелы !

«Только, вдругъ въ сторонкѣ собака : гамъ ! гамъ !

«Баринъ чуточку постоялъ, послушалъ и шепчетъ : — «Есть!» да какъ сказалъ это и подрагъ бѣгомъ по лаю, а гости за нимъ... Точно хвостъ какой ! да это бы еще что ? а то бѣгутъ, шумятъ, — кричатъ иные ; — срамъ ! что тутъ за охота ? точно барановъ стадо, — право !

«Прибѣжали ; лаетъ Шарикъ (собака у насъ была) на ель ; а на ели-то, знаешь, тетера...

«Только что баринъ разглядѣли ее, да хотѣли стрѣлить, вдругъ... пафъ !

«А это юнгарь опять ; кто его знаетъ, что это ему вздумалось ! Да хоть попалъ бы, добро, — а то, вишь, нѣтъ!..

«Ну, тутъ ужъ барина взорвало совсѣмъ ! Да какъ же ? посуди ты самъ : онъ еще передъ тѣмъ, какъ нацѣлился, «подождите, господа!» сказалъ, «я хочу попробовать» ; а тутъ другой вдругъ стрѣляетъ...

«Подскочилъ это онъ тогда къ юнгарю, да какъ крикнетъ!..

«— Ты, мальчишка, дразнить меня вздумалъ, чтоли ? кричить ; говори, говорить, оселъ ! а ?

«А юнгарь-то :

«— Самъ ты оселъ, говорить, — да еще старый ! и хотѣлъ это уйти, да баринъ не далъ ему, голубчику...

«— Какъ ? я... оселъ ? ! говорить ; да приподнял нагайку, да и хлысь его по лицу ! юнгаря-то, а ?..

«Юнгарь бѣдный поблѣднѣлъ весь (вѣрно отъ злости), а по лицу-то кровь потекла, какъ баринъ ударилъ его : право !

«— Хорошо ! сказалъ и ушелъ ; и больше, слышь, ничего не промолвилъ !

«Гости въ тѣ поры всѣ присмирѣли ; носы повѣсили, — молчать ; ну, и охота сейчасъ кончилась, — и не нашли болѣ...

«А какъ стали, воротившись къ нему, развѣзжаться, онъ и говорить имъ, гостямъ-то :

«— Скажите, говорить, пожалуйста, мерзавцу тому, что если,

да пойдетъ онъ на меня жаловаться, такъ я ево, говорить, на конюшнѣ кнутомъ отстегаю!..

«Гости молчатъ.

«А отецъ-то юнкаря тутъ же былъ : каково ему-то слышать?..

«Да что возьмешь? сила! онъ заплакалъ, сердечный, да и пошолъ вонъ.

«Гости молчатъ; мигаютъ промежь себя, — а молчатъ.

«Ну, а тутъ Никита Иванычъ сталъ имъ говорить :

«До свиданья, господа! говорить, — я усталъ! и ушолъ изъ зады; даже и обѣдать никою не оставилъ.

«Постояли они, постояли маленько, да съ тѣмъ и уѣхали...

«Только, прошолъ день. Прошолъ и другой : объ юнкарѣ ничево не слышно...

«Только, значить, на третій ужъ день пришолъ онъ, въ ночь.

«Вотъ какъ было :

«Какъ поужинали Никита Иванычъ, такъ встали да и ушли къ себѣ : спать, значить. — Мы, люди, тоже поужинавши, улеглись.

«Въ домѣ я одинъ остался, да мальчикъ маленькой, — Гришей авали; я уснулъ въ лакейской, около барина кабинета, значить. А Гриша, — тожъ въ сѣняхъ легъ : потому лѣто, тепло.

«И ужъ поздненько таки это было...

«Только, въ ночь, проснулся я вдругъ и слышу будто кто изъ сѣду лѣзетъ къ барину въ окно... Да тихо эдакъ...

«Я, знаешь, поднялся осторожно, осторожно, и вышелъ на дворъ босикомъ какъ спалъ; а со двора шмыгнулъ въ садъ прямо, черезъ калитку...

«Только, знаешь, мнѣ и въ голову не пришло вовсе, что это юнкарь лѣзъ; думалъ : воръ, али другой кто, — только не бнъ.

«Подхожу я къ кабинетнымъ окнамъ : тихо, никою нѣту.

«А окно отворено...

«Подойти-то я боюсь : долго ль до бѣды?.. а постоялъ маленько, да и слышу :

«Хлысь! хлысь! еще! еще!.. Что такое?

«А тутъ вдругъ собака на дворъ залаяла; я сейчасъ къ окну, — глядь : онъ оттуда (юнкарь-то), и кнутъ въ рукъ, — а баринъ за нимъ...

«Пролетѣлъ это онъ мимо меня, — я въ кусты, — а онъ черезъ

заборъ, да и былъ таковъ ! Тамъ ево лошади дожидались, — тройка ; съѣлъ, да только и видѣли... фю !

« А барина—то онъ раза четыре кнудомъ хватилъ ; сперва по лицу, а потомъ по спинѣ, да баринъ—то вскочилъ...

« На другой день, Никита Иванычъ самъ къ отцу махнулъ, къ юнкареву ; да ничево не сдѣлалъ этимъ :

« Отецъ—то ему сказалъ, что сынъ въ полкъ съ вечера укатилъ... далеко куда—то !

« Только мы ево и видѣли : пропалъ, какъ въ воду канулъ...

« Отцу же письмо оставилъ : пишетъ, что хочетъ позоръ свой, какой—то, смыть... Богъ ево знаетъ !

« А должно быть молодецъ ; смѣлъ видно былъ : потому, въ чужой домъ забратся, да барина побить !?..

« Я и фамилью ему помнилъ : да забылъ теперь

И. В—овскій

* * *

Послушай же — ну будь ко мнѣ добрый!
Вотъ видишь : я всегда такой бываю,
Вотъ видишь, быть и лучше и умный
Могу ли я — я право самъ не знаю.

И для чего жъ меня такъ огорчать?
И безъ того мнѣ тяжело и больно,
И безъ того готовъ я зарыдать,
И полюбилъ вѣдь я тебя невольно.

Невольно, да. Вѣдь я и самъ не радъ.
Ты говоришь, что мы сойтись не можемъ,
Ты говоришь, что самъ я виноватъ,
Что мы себя все попусту тревожимъ, —

Не знаю я. Но лишь съ тобой сойдуся,
Мнѣ станетъ вдругъ легко и такъ приятно!
Все на тебя гляжу и такъ боюсь
Я что-то все утратить невозвратно.

И счастливъ я, и грежу я тогда,
Какъ тотъ монахъ, что слушалъ птичку рая,
Минуты такъ проходятъ иль года
Не знаю я, въ восторгъ замирая...

О. ВЕРГЪ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЬ

БѢГУНЫ

II

Въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробирались по галицкимъ лѣсамъ костромской губернии трое бѣглыхъ: солдатъ съ крестьянкой и крестьянинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи и царствѣ антихриста, о говеніи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 года, о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спутники больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ потехонскаго уѣзда. Его звали Егоромъ Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ полъ въ лѣсъ оточъ солдатъ бѣглый, что за спутница съ нимъ шла и чему онъ представлялъ бѣглыхъ странниковъ? спросимъ старожиловъ-старовѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ городахъ, мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было худое, трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣсненность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя мочи переносить это горе, негодуя на свое жалкое, полатное и цеховое устройство, мѣщане, выѣсть съ крестьянами и купцами, тоже по большей части происходившими изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, поневолѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свободныя, трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитывались такимъ образомъ ужъ въ духъ раскола, тѣмъ болѣе, что при

отсутствій правительственныхъ училищъ и учителей для простаго народа, старообрядческіе граматники, наставники были почти единственными учителями молодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ потребностямъ и поватіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяславскаго мѣщанина, съ раннихъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку отъ фелосѣевскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамотой, ученемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на начаткахъ мысли, знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ непреодолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большой части русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до Кольцова. Недаромъ и старообрядческой стихъ выражаетъ эту жажду удовлетворенія умственныхъ потребностей :

Душа своей пищи дожидается,

Душѣ надо жажду утолить.

Потщися душу свою гладу не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ вопросовъ, въ порывѣ пылливости, любознательности, въ молодомъ увлеченіи и экзальтаціи религіознаго энтузіазма, бѣжить изъ дома отческаго, изъ Переяслава Замѣскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у старцевъ филиповскаго согласья, въ то время только что появившагося въ Москвѣ. Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не молиться за государей, не повиноваться никакимъ властямъ, ни гражданскимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ гражданскую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфимія поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество отдало его въ солдаты. Но солдатская служба была не только тягостна для Евфимія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время уклонялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ и ученье такого раскольниковьяго согласья, которое основано было бѣглымъ солдатомъ, зналъ ученье филиповскаго толка, что солдатская служба — есть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, опять пришолъ къ своимъ въ Москву. Фелосѣевская община преображенскаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой большой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ своихъ агентовъ—наставниковъ областныя, мѣстныя общины. Въ этой общинѣ Евфимій нашолъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ былъ наставникомъ въ поморской скитъ филипов-

скаго согласья. Здѣсь-то, въ Москвѣ оняъ взялъ съ собою послѣдовательницу Филипповаго же толка, бѣглую крестьянку тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то была его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. Здѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, вѣяко Адріанъ. Въ бытность свою въ Ярославлѣ, оняъ взятъ былъ полиціей, какъ безпашпортный, и лишонъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся отъ полиціи и пришолъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ неполадилъ и разсорился за то, что оняъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай. Сора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана жалобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться Адріану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій ушолъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго объясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь не нашолъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился и отправился съ Ириной Федоровой въ ярославскую губернію. Въ это-то время, послѣ всѣхъ странническихъ переходовъ, въ душѣ Евфимія окончателъно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою пропаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгствующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Оняъ сталъ проповѣдывать, сначала въ самомъ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со времени патріарха Никова и царя Алексѣя Михайловича зародился въ великороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, послѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововодитель антихристовъ порядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравномѣрнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со второй ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣглыхъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, обладающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отсюда Евфимій, — вотъ одинъ спасенный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его властей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ нетолько отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ подданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена новаго согласья, носѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малышевой ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлакахъ, въ четырехъ верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положилъ начало пропаганды бѣгуновъ, приобрѣлъ нѣсколько странствующихъ наставниковъ, и самъ, съ крестьянкой Ириной Федоровой и

съ крестьяниномъ Егоромъ Егоровымъ, пошелъ показывать на лѣсахъ примѣры бѣгунства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками пробирался по галицкимъ лѣсамъ костромской губерніи. Отъ шоль съ странницей Ириной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ галицкіе лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго согласья, и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгуновъ. Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую келью и поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евѳимій обдумывалъ основныя мысли своего «лицевого апокалипсиса» и «цвѣтника».

Тамъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества екатерининскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить расколъ, для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ неслышно, невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократически-оппозиціонныя согласія раскода. Въ глуши ирвинциальныхъ захолустьевъ, въ глуши лѣсовъ, бѣглые солдаты, крестьяне и крестьяне думали свою думу, по мѣрѣ, по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возникало и согласье бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала ученья Евѳимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евѳимій пребываетъ въ лѣсу и обдумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно останавливается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, ознаменовавшихъ семидесятыя и восьмидесятыя годы прошлаго столѣтія.

Въ то время, какъ въ высшемъ, образованномъ классѣ народа, невѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристократическая попытка Панина и Дашковой, и подготовлялась или начиналась уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Новикова и его общества съ матерьяльно-отрицательнымъ направлениемъ, въ то время и въ массахъ простого, податнаго народа видимъ тоже двоякаго рода движенія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терпѣнья, непосредственно-натуральное буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣвшаго въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто рьяный, сбойчатый, мятежный порывъ несвояно-сдержанныхъ могучихъ силъ народа къ выходу изъ-подъ вѣкового гнета: это *пугачевщина*. Другое движеніе тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзненное выраженіе угнетеннаго, наболѣвшаго сердца, духа народнаго, выраженіе страдальческихъ чувствъ народа крѣпостнаго, поработеннаго, оставленнаго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи; экзальтація больныхъ сердецъ, мечтанія и грезы

большыхъ, разгоряченныхъ, агадътированныхъ фанатидъ. Это общество людей божскихъ, селивановщина, и вообще всѣ такъ-называемыя мистическія пророчествующія секты.

Въ Петръ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ждали почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостного ига. Разносились въ то время даже толки, будто Петръ III ужь и даль указъ о свободѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что народъ самъ долженъ начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и начались въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончились, Послѣ Петра III вступила на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного народа не бывало. Въмѣсто того, вышла при Екатеринѣ жалованная грамота только о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на Петра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа неотчужались въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванные провозвѣстники свободы. Одни мечемъ возвѣстили о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалистической пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ душъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А рядомъ съ пугачевщиной, подъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ искомой, вожделѣнной свободѣ, движеніе духовнонравственное. Кондратій Селивановъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шолъ за свободу, но не съ мечемъ, а съ пророчесвенной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ народныхъ*. Онъ не обѣщалъ народу матеріальныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призывалъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и православно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-мифологическою настроенностью народнаго мирозозерцанія, шолъ путемъ мифической мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ образахъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человѣка, народа. Проповѣдуя о *воскресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забытый, деморализированный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ это оживленіе, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ ней. Въмѣсто вооруженной силы, вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», онъ

собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его послѣдователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчетными, беззаботными, даже веселыми пророчесственными пѣснями объ искупленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *полковникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ духовнымъ*, въ которомъ онъ былъ *кормчимъ*. Въ мифическомъ образѣ богатыря или полковника силы духовной представляетъ Селиванова пѣсня людей божіихъ:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненные.
Ужъ на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатывается,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизаная.
Во очахъ его камень моргарить,
Изъ-устъ его огонь-пламя горить.
Ужъ на томъ ли на храбромъ на конѣ
Искупитель нашъ покатывается,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По нивымъ землямъ французскимъ,
Французскимъ и иркутскимъ.
Набиралъ полки премудрые
Кавалерію духовную.
А теперь то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторонушку,
Во сѣверну, во питерскую.
При батюшкѣ искупитель,
При второмъ спасительъ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужъ сталъ нашъ батюшка родвой
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать, и проч.

.....
 Спѣшитъ батюшка, катаетъ
 Онь со страшнымъ судомъ,
 Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
 Со златыми со трубами
 Съ богатырскими конями

Не помогутъ мои други
 Сего свѣту вамъ князья,
 И цари-то всѣ земные
 Пойдутъ они подъ землю,
 И накроетъ ихъ земля,
 Что горючія каменья
 За ихъ къ вѣрнымъ не радѣнье
 Ваша воля, ваша власть,
 Что угодно, то устрой.

Глубоко задумываешься, и разгадать не можешь, что за тайна русскаго народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историческихъ метаморфозахъ или персонификаціяхъ народнаго духа. *Снизу, изъ массъ народныхъ*, выходили, цѣлыя полтора столѣтія, *самозванцы-цари*, но характеристическому выраженію лѣтописи XVII вѣка, *мирали царемъ*, и во имя свободы, льготъ матерьяльныхъ, житейскихъ, магически увлекали массы, громко заявляли о массѣ народной передъ всей Россіей, будили, пугали всѣхъ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, служилыя массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидно, не слышно было въ исторіи со временъ Стеньки Разина, вдругъ и громко выступаютъ на сцену исторіи, ворочаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, идутъ съ своимъ самозваннымъ царемъ — бѣглымъ казакомъ-раскольникомъ, и ужасають правительство! Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являются другіе самозванцы — христы, пророки, искупители, освободители, пастыри, учителя и проч., и отрицая многія библейскія книги, византійскія или православно-восточныя преданія, отрицая великороссійскую церковь съ ея іерархіей, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя религіозныя мнѣнія, распространяють демократизмъ и религіозный и гражданскій, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также сильно затрогивають церковь православную и духовное правительство! Да, что-нибудь да значать въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросозерцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значать такіа чудовищныя явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селивановщина, самозванство политическое и самозванство религіозное...

Въ то время, какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ движеніи, когда и пугачевщина не заволадала имъ воли, и мистико-идеалистическая, мифически-пророческая селивановщина не облегчала земной, ежедневной, дневной, злой неволи, — въ это время возникло согласіе бѣгуновъ. Оно не заносилось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, не носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророческія секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *владѣніи землями, рѣками и усадьбами* — въ пользу народа. Оно указывало податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а чисто земной, и притомъ уже указанный народной исторіей путь *быства, стрданичества, скрытія*. Бѣгство и скрытіе было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ великихъ сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ и не мистико-созерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣлательнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и ревизской и казенно-податной и церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключеніемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, податныхъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Равнымъ образомъ, не надѣясь, подобно пугачевца, разомъ трянуть Москвою, низвергнуть неправоудившійся политическій и церковный порядокъ, согласіе бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и обще-согласнаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ. «Братся подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до времени открытой брани съ нимъ братся нельзя, а подобаетъ только братся противленіемъ его волѣ и неисполненіемъ его законовъ; а когда придетъ время открытой брани, тогда всякъ, иже убиенъ будетъ, получитъ вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ.» Таковы главныя, общія стремленія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пропаганды и самъ Евфимій, основатель согласія бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положилъ основаніе и догматикъ ихъ. Черезъ два года, Евфимій съ Ириной Федоровой возвратился изъ костромскихъ лѣсовъ въ Ярославль, и снова началъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ то же время, для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ

1784 г. онъ издалъ *лицевой апокалипсисъ* съ картинными и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно для простаго народа изображалъ свое ученіе: *антихристъ съ короной* у него означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные въ лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служящую антихристу. Незадолго передъ смертью, Евфимій написалъ *Дельникъ*. Здѣсь онъ довольно подробно изложилъ свое ученіе — сущность и основаніе согласья бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ, послѣдователи согласья бѣгуновъ, каждый годъ, въ день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цѣлника».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ російскомъ государствѣ царство антихриста. Патріархъ Никонъ лжепророкъ антихриста, имя его Никита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 2, 8, 300, 10, 70, 200=666) ⁽¹⁾ означаетъ число звѣриво 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 года, священнослужители суть демоны, демонскія тѣлеса, уста звѣривы; духовная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то псалтырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижаль, увѣтъ, пращица и другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ первымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ I.» На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколочители федосѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства и ученья. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ російскомъ государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *императоръ* и заключаетъ въ себѣ число звѣриво. Въ семь гордостномъ князѣ міра сего заключается быть первый тейтанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ. Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеимены его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, заковопреступны и богопротивны. Обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ сретяки. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ окладомъ ⁽²⁾. Бѣсовскіе полки

(1) Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

(2) Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. з. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

воинскія и гражданскія власти исполнили царскіе указы отъ 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ.»

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы и нововведенія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: бритье бороды, народныя переписи, раздѣленіе челоуѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадебъ, завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давъ ничего; учрежденіе цеховъ и гильдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ изъ латынскихъ и вѣмецкихъ странъ странъ установленій, чѣмъ возстановилъ онъ междоусобную брань, сваръ и бой.

Со времени Петра I, училъ далѣе Евфимій, царская власть—икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Воинскія и гражданскія власти антихриста мынѣшняго времени суть образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами челоуѣческимъ, принуждающія въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего.»

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ свой основной, главный догматъ о необходимости спастись бѣгствомъ отъ антихриста и всѣхъ его властей и цорялковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не будетъ противиться власти антихриста и спастся отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ семенемъ для послѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько религіозно-политическихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя далѣе будутъ разсмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполне достаточно, убѣдительно. Умы и сердца народныя оно за живое затрогивало. Массѣ не нужно было многословное изложеніе близкихъ къ сердцу и опыту предметовъ, внушевъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теоретическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣть, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испыталъ, тяжело почувствовалъ, претерпѣлъ, — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего таготящаго въ государствѣ, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, самоосвобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка подданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, слу-

завязь имперіи, — однимъ отъ всѣобъемлющимъ догматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удушливо-тѣснѣвшихъ обстановокъ горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, ищане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласье бѣгуновъ. Горько-думная житейская яскушенность, горько прочувствованныя, горько прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семейнаго прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственной замкнутости, помѣщичьяго ига, чиновничьихъ нападковъ, обидъ и грабительство, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяжелаго пріобрѣтенія средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ затронуто было ученіемъ Евфимія и согласья бѣгуновъ. Все это и прежде такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на дѣлѣ всего того, что тяготитъ жизнь, — единственный путь спасенія и свободы. Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котораго тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шолъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, молодой, работающій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и женившійся, только-что обзаведшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, важдомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забранный въ рекруты, бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва кормившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что едва смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекрутчины, бѣжалъ въ бѣгуны. Купецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажившій капиталаецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, кругомъ испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлинъ, придирчивое насильственное закрытіе лавокъ, торга, безгласный въ шестигласной думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія купечества отъ рекрутства долженствовавшій за себя поставить рекрута, терпѣвшій отъ начальниковъ и военнослужащихъ чиновъ ругательства, побой и проч., купецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мирскіе жилковыя* и становился самъ покровителемъ, *кристанодержателемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помощникомъ ихъ пропаганды. Солдатъ, оторванный отъ родины, отъ жены и дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ словомъ, согласье бѣгуновъ возвѣстиво, открыло широкій, просторный путь для всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и служилыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласье бѣгуновъ молодымъ кипу-

чить натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что сдерживало
жизнь, давило широкую грудь молодца — все бѣгунство обрасы-
вало. Изъ душевой мастерской или фабричной, онъ бѣжалъ бѣгу-
номъ въ лѣсъ отдохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо душатъ
И токи водъ журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгу-
номъ въ пустыню.

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынь.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Прими меня пустыня
Со пренюгими грѣхами,
Со горячими слезами...
Привинимаетъ же пустыня
На свои-то бѣлы руки,
Яко мати свое чадо...
И отвѣщаетъ мать-пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
И охъ ты, гои еси, молодой юношь!
Тебѣ въ кельѣ не сожити,
Черна платья не сносить.
У меня же во пустынь
Нѣту сладкіе-то нищи,
У меня же во пустынь
Нѣту питія медвѣна.
У меня ли во пустынь
Нѣтъ свѣтлаго-то платья.
У меня ли во пустынь
Нѣту свѣтлыя палаты,
У меня ли во пустынь
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынь
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
Что возговорить молодой юношь.
Охъ ты матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!

Прими меня къ себѣ жити
 Мнѣ-ка сладкая-то пияца
 Мнѣ-ка гнилая-то колода,
 Мнѣ-ка питія медвина
 Мнѣ горька вода болотная,
 Мнѣ-ка цвѣтное-то платье
 Эта черна схима,
 Мнѣ-ка свѣтлая палата
 Эта мала хата,
 Мнѣ-ка слово-то промолвить
 Съ тобою же пустыня.
 Я пойду же, разгуляюсь
 По зеленой по дубравѣ.
 Отвѣщаетъ мать-пустыня
 И архангельскимъ своимъ гласомъ:
 Ой, ты юношь, какъ стоскуешься, молодой,
 Придетъ тогда весна красна
 Налетятъ тогда съ моря птицы
 Горемычныя кукушки.
 И онѣ станутъ куковати,
 Жалобы станутъ причитати,
 А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила юношу пустыня. Тяжело, несносно было молодому
 юношѣ сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжолъ,
 противенъ былъ монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ
 былъ отеческій деспотизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ
 черныя подрясникъ, и бѣжалъ бѣгуномъ изъ монастыря.

Една сосенка стоитъ,
 А подъ сосенкой при той
 Молодой инокъ лежитъ,
 Ничего не говорить.
 Токмо плачетъ какъ рѣка,
 Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
 Что игуменъ гнѣвъ имѣлъ,
 И соборомъ онъ смирялъ...
 Не печально пришла
 Нестерпимая бѣда.
 Куда же мнѣ и дѣтися,
 Ой лучше разгулятися.
 Какъ, идти мнѣ въ монастырь?
 И прощенія просить?
 Не хочу я у нихъ жить...
 Прѣвзжали къ судьямъ.
 Объявили мой побѣгъ,

Что я тайно у нихъ убѣгъ.
 Вы прощайте, мои други,
 Пѣвцы славны-крылошане.
 Не хочу я у васъ жить,
 Со всѣми съ вами я прощусь
 И на вѣки разлучусь
 Прощай славный монастырь.
 Не хочу я въ тебѣ жить!..

Находился человѣкъ въ состояніи мистической экзальтаціи, мучилъ его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгнувъ предавался подвигу странства. Онъ пѣлъ:

Ничто же можетъ воспретити,
 Отъ странства ми отлучити.
 Пинци тако не алкаю,
 Страствоваться понуждаюсь.
 Не такъ жаждою смущаюсь
 Скитатися понуждаюсь.
 Всему міру въ смѣхъ явлюся,
 Токмо странства не минуся.
 Бѣжи, душа, Вавилона,
 Постигай сиѣшно Сіона,
 Тецы путемъ къ горнию граду.
 Плачи, душе, о томъ времѣ,
 О грѣховномъ своемъ бремѣ,
 Како будешь отвѣщати,
 На судѣ страшномъ предстати.
 Уже часъ две сокращается,
 Смертный часъ приближается...

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласье бѣгунъ, но и возводило въ демократическій догматъ горьковатыя выводы народной горемычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Поддавныя, крѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ своей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до тѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теорій, рациональныхъ соображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, во непосредственному опыту, массы познавали многія политико-экономическія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдничествомъ, путемъ горькихъ протестацій, выразили эти истины, основали особыя согласія, пропаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и распространенія этихъ истинъ. Ихъ самородки-наставники, даровитые начитанные грамотники, только откликнулись

на горько-жизненный вопль и стонъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и исшли проповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ наукѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра двѣ-три такихъ идеи Евфимія бѣгуна.

Вотъ на примѣръ Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій*. А кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооружался и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у насъ невооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордвиновъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконенное гдѣ-либо отъ правительства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во всѣ времена и отъ всѣхъ народовъ, опытами познаваемо было за главнѣйшую препону къ народному обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ позволять одному промыслять тѣмъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать прелѣлы уму и дѣятельности человѣческой; учреждать частную каждого пользу, ему одному могущую быть извѣстною; тѣснясь волею, обстоятельствами измѣняемую и зависящую отъ обладаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, содѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ человѣка измѣняется и неупрочивается въ постоянствѣ ни естественнымъ ходомъ вещей, ни правительственными законоустройствами? Не есть ли тоже самое, что позволять одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему умъ, и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго разряда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждого пользъ. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учреждено было между-прочимъ съ намѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведеннымъ здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ торговля и внутренняя промышленность не получаютъ совершенной свободы съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа, безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притязанія, до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. Мордвиновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышленности раздѣленія на цехи и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учрежденія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Ремесленные управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятій гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заве-

девія, снабженныя льготными свидѣтельствами и даже неурядничныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько несходныхъ производствъ ⁽¹⁾ не только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерєю времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матерьяльно, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивая размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опредѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ во первыхъ удаляютъ многихъ честныхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая напримѣръ для нихъ заграничную торговлю; вовторыхъ приучаютъ купца смотрѣть на свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными путями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздаются почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій о богатствѣ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, выставленною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности валога, стѣсняють чрезмерно мелкихъ торговцевъ и чрезмерно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Отсюда происходитъ неравномѣрность: купецъ, торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ $\frac{1}{4}$ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи, торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. с., платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія человекъ*

(1) Въ 1850 г. въ числѣ 33 цеховъ, состоявшихъ при с. петербургской ремесленной управѣ, между-прочимъ поименованъ цехъ ситцопечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчичное и ваксильное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же причисленіе самыхъ разнородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

на разных чинах. Это нападки на *табель о рангах* или на чиновную иерархическую градацию и раздѣленность народа, и вообще на *сословное раздѣленіе земства*. Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшагося въ прошломъ столѣтіи *подлаго народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собой высшихъ сословій — военнаго офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ сословный, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ пугачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началось и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, нетерпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, росписаніе русской земли казалось нарушеніемъ его изстаринныхъ земскихъ правъ.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ дѣлѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ не только къ государству, но и къ личности помѣщиковъ, понялъ лишеніе крестьянъ воли ⁽¹⁾. Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенародное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею. Съ XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купить земли не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей, — имъ крайне трудно и даже невозможно было приобрѣсти землю, хотя бы они тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, вѣннѣя постояннаго, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могла приобрѣтати насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видѣли, мѣщане страдали и донынѣ страдаютъ отъ безземелья. По-

(1) Бѣгунъ Евфимій въ своемъ «Цѣтникѣ» отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизіи душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ этомъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

нятно послѣ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ лишенія земли.

III

Основанное Евфиміемъ согласье бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибири. Оно открыло податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа новый, широкій путь противъ-церковной и противъ-правительственной оппозиціи, стало своеобразнымъ и сложнымъ наростомъ и скоплениемъ новыхъ, народныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согласья бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ раскола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно происходившихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ, либо торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были — село Сопелки, на берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Ярославля (1), и деревня Малышева, въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, ученица его Ирина Федорова поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра Семенова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначала она окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ его Севастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, происшедшаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери Крайнева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жителя села Сопелокъ — крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филиппъ Курочкинъ съ матерью и женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжалъ изъ Ярославля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагринъ, поселился въ селѣ Сопелкахъ у Край-

(1) Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертенсъ. Теперь жители его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ. Промышленостью особенно они никакой не занимаются; только семейства Пановыхъ, Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крестьянъ, Курочкинъ и Полетаевъ, записались въ купечество и очень богаты. Жители Сопелокъ всѣ безъ исключенія придерживаются странническаго согласья, и всѣ занимаются пристанодержательствомъ. До 1850 года, т. е. до начала дѣйствій слѣдственной комиссіи о бѣгунахъ, скрывалось въ Сопелкахъ до ста человѣкъ бѣглыхъ раскольниковъ и въ томъ числѣ до двадцати военныхъ дезертировъ.

нева и былъ имъ перекрещенъ въ согласіе бѣгуновъ, подъ именемъ *Мокоя*. Этотъ Чагринъ странствовалъ вирожденіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ деревнѣ Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылке въ Закавказскій край за непризнаніе царя, за дерзкія выраженія противъ церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ вывернулся изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія *Евѣмїя*. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ *Евѣмїя*, и *Севастьянъ Крайневъ* стали главными распространителями толка бѣгуновъ въ ярославской губерніи. Скоро явилось и много другихъ наставниковъ по обѣимъ сторонамъ Волги.

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ учителей, странническій толкъ распространился въ самой большей части ярославскихъ селъ. Напримеръ въ приходѣ села *Сопелокъ* это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярцевъ* — вотчинѣ *Кокоткина* и въ деревнѣ *Алексѣевой* — *Араутова*. Изъ *Сопелокъ*, по правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимущественно въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ *Матлевой*, что въ восьми верстахъ отъ села *Сопелокъ*, въ деревняхъ: *Голенищевъ*, *Кочавъ*, *Тимохинъ*, *Борисовъ*, и *Телищевъ*, гдѣ оно смѣшалось съ фелосѣвскою сектою, во всемъ *красносельскомъ приходѣ*, въ которомъ господствующая секта — *Филимовщина*. Село *Красное* находится близъ границъ *костромского* и *нерехтскаго уѣздовъ*, въ сорока-пяти верстахъ отъ г. *Ярославля*. Въ приходѣ этомъ, появились бѣгуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа *Киселева* — въ селѣ *Красномъ*, въ деревняхъ: *Исаковъ*, *Лобастовъ* и *Усковъ*, въ вотчинѣ графа *Мамонова* — въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковъ*, *Гридинъ*, *Мигачевъ*; въ вотчинѣ *Хомутова* и *Лукьянскаго*, въ деревняхъ: *Ченцовъ*, *Кстовъ*, *Ивановской*, въ вотчинѣ *Толбучина*, въ деревнѣ *Мяиковъ*, въ приходѣ села *Новаго*, въ вотчинѣ *Ольхиной*, въ деревняхъ: *Гашкакъ*, *Дубкакъ*, *Борисовъ*, *Тимоновъ*, и въ приходѣ села *Туношны* — въ вотчинѣ графа *Воронцова*. Група деревень, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села *Туношны* въ городъ *Нерехту*, и составляющихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *Михайловскаго*, представляютъ особый пунктъ *сопелковской* пропаганды бѣгуновъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено въ вотчинѣ генерала *Кокоткина*, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя *Юсупова*, въ деревнѣ *Облезцовъ*, въ которомъ всѣ жители занимаются *пристанодержательствомъ*; точно также въ деревнѣ *Измайловой*, вотчинѣ того же князя *Юсупова*, въ деревнѣ *Федоровой* — вотчинѣ *Кокоткина*, въ деревняхъ *Погорьлькъ* и *Мутовкъ*, вотчинѣ *Сорокина*, въ деревнѣ *Скородумкъ*, вотчинѣ *Хомутова*, въ дерев-

въ *Шарупинной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сославицкѣ*, Комаровскаго, въ селѣ *Бурмакинѣ* и въ деревнѣ *Щипцовѣ*, вотчинѣ Воронцова. Наковецъ, по тойже линіи, ученіе Евфимія распространилось въ казенной кобыльской волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкинѣ*, *Харловѣ*, *Докукинѣ*, *Жилинѣ*, *Рыковѣ*, въ селѣ *Вышеславскомѣ*, въ деревнѣ *Прошенинѣ* и др. — По лѣвой сторонѣ Волги ученіе сопелковской секты распространилось въ ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ даниловскаго и романо-борисоглебскаго уѣздовъ, въ деревняхъ ирусовскаго прихода, находящихся противъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги — въ деревнѣ *Филимоновѣ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Теремьевской*, вотчинѣ Патрикѣева и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчинахъ *Васильева* и *Власевой*, въ деревняхъ прихода Горолицъ: *Боркахъ*, *Неспровѣ*, *Ивановской* и *Бычтинковѣ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно въ деревняхъ *Вахрузовѣ* и *Ивашинѣ*, наконецъ въ деревняхъ казенной григорьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, преимущественно въ деревняхъ *Дудкинѣ*, *Скомороховѣ*, *Бычковѣ*, *Островкахъ*, *Аграфининѣ*, въ селѣ *Гавшинкахъ*, въ дер. *Юркинѣ* и другихъ.

Такъ въ одномъ ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьмидесяти-трехъ селъ и деревень стала пріютомъ согласія бѣгуновъ. Судя по этому, можно отчасти представить степень распространенія его и въ другихъ уѣздахъ и станахъ ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ костромскую губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ Евфиміемъ. Потомъ около 1812 г., прибыли въ село Сопелки изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, вотчинны князя Вяземскаго, бѣглые раскольники филиповской секты — Родіонъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михайломъ Тиховымъ, и были крещены и приняты въ согласіе бѣгуновъ Мокѣемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки, изъ костромской губерніи, крестьянинъ села свдоровскаго, кившемскаго уѣзда, по отцѣ Андриановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и по вачтанности, скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени, туда же прибыли изъ костромскаго села Краснаго двѣ женщины, Авдотья и Анна, для узнанія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія съ сопелковскими старцами, онѣ пригласили къ себѣ въ костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласіе много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Шлеса: цѣлымъ семействомъ, поголовно, сманивали онѣ въ новое согласіе. Также

образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ костромскому, перехтскому и кивешемскому.

Изъ перехтскаго уѣзда согласно бѣгуновъ проложило себѣ дорогу во владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространилось въ шуйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ нижегородскую губернію, въ балахинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сопелковская пропаганда приобрѣла послѣдователей въ алатырскомъ уѣздѣ симбирской губерніи, въ селѣ Левлевоиъ, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ сызранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось въ Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковскій купецъ Курочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристани села Майны. Купцы эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей села Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ, и на этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозила бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовъ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще до двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ ярославскаго уѣзда, деревни Симоновской, вѣкто Симеонъ Шубникъ. Познакомившись съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать всѣ удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ, и предложилъ Иринѣ Федоровой, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославскаго мѣщанина Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Михайлову и его отцу Сергѣю Тихонову перейти на жительство въ саратовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Крюкова, а Родіонъ Михайловъ и отецъ его скрывались въ буеракахъ у Филиповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловъ рѣшились возвратиться въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они были пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродяжничала и наконецъ поселилась на жительство въ кельѣ, въ кійской волости, въ томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны занесли ученіе Евфимія въ понизовый, прикаспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ тверской губерніи ученіе Евфимія-бѣгуна распространилось преимущественно съ 1835 года. Пер-

вымъ проповѣдникомъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ кочевского уѣзда, деревни Завражя, вотчины васильчиковой, Степанъ, по переименованіи, Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ ярославской губерніи, проповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ калязинскаго уѣзда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кимрѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной и другихъ. Кононову помогалъ въ распространеніи ученія крестьянинъ казенной деревни Клетина Осипъ Фелоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, крестьяне корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили къ себѣ въ наставники Ермогена Кузьмина, жившаго въ то время въ ярославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батыева. Ермогенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ уже дѣйствовать систематически, приобращалъ много приставей или *мѣстъ*, по выраженію бѣгуновъ, въ корчевскомъ и калязинскомъ уѣздахъ. Въ то же время, онъ распространялъ сопелковское согласье и въ московской губерніи. Сюда онъ приглашонъ былъ богатымъ крестьяниномъ амитровскаго уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ему на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ Каменкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ ефимово или сопелковское ученіе распространилось съ самаго начала его появленія въ ярославской губерніи. Въ Москвѣ преимущественно усвоили его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ крестьянъ ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ярославскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласья бѣгуновъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати челомѣкъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ первые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфиміѣ. Въ новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою первую общину въ колотиловскомъ мѣсту, устюжскаго уѣзда. Наставникомъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не объявлявшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрестностямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ мѣсту двадцать-девять челомѣкъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покаявшихся и прощенныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, послѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ устюжскаго уѣзда ученіе бѣгуновъ распространилось въ чаромскую волость череповецкаго уѣзда, въ деревню Назарово.

Около 1813 года, бѣглый раскольникъ филиповскаго согласья, изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, Василій Петровъ, перекрестивъ самъ себя и переименовавшись Ивановъ, пошолъ съ проповѣдью ученія о бѣгствѣ и странствѣ въ вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ, Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ ярославской губерніи, не только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ сопелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елданкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черневой, Матьковой и Микулинѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова, ученіе ефиміево или сопелковское перешло изъ вологодской губерніи въ олоонецкую, въ каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда это ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынь архангельской губерніи, на Топь-озерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтнику» Евфимія и самъ себя окрестилъ въ странство. Теперь, прибывши въ сѣверное поморье въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣялъ здѣсь новыя семена согласья бѣгуновъ.

Въ Сибирь ефиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскимъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославской мѣщанкой Доминикой Душиной и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе, ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, клейма вытравливали разными средствами, иногда высасывали ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иногда еще на пути въ Сибирь, бѣгуны имѣли возможность разсѣивать свой толкъ, какъ на примѣръ Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласья — Мокѣемъ Федоровымъ и Иривой Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устраивали пристани. Такимъ образомъ они посѣяли ученіе Евфимія и устроили пристани, на примѣръ въ Курганѣ, пермской губерніи, въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, тобольской губерніи, также на златоустовскихъ и топлинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣстной, сибирской пропаганды согласья бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ томской губерніи, въ кійской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухихъ лѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны

сибирскіе даже со всѣми удобствами устранивають свои келья въ лѣсу: имѣють свои поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ полное хозяйство. Странствующие бѣгуны кормились и кормятся подавляющими богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селъ и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые прииски. По недостатку наставниковъ, сибирскіе странники часто переkreщиваются сами, почему въ народѣ называются *самокрещанцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта — села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странства, распространилось ефиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибиря. Сообразно съ такимъ географическимъ распространениемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ, развивалось его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ.

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ — бѣгство, странство и скрытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста, единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпости, крѣпости правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣдичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанность всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и скрытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ или странниковъ — обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ ученіи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о томъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ странство. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что до выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязательности странства и необходимости его для распространения ученія бѣгуновъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе странствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрыательства странниковъ. И вотъ согласье странниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: на странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ, мірскихъ*, пристанодержателей, и на бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выполняли обязанность *скрытія*, укрыательства и покровительства, вторые — обязанность *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья бѣгуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, большею частію богатые купцы и вѣщичные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ,

вмѣстѣ съ православными въ своихъ домахъ. Для исполненія за-
вѣтнаго догмата ефеміева о странствѣ, они шли только съ самаго
начала, до прекрещенія въ странническое согласіе, предаются не-
долговременному и недалекому странству, или на старости лѣтъ пе-
редъ смертію просто только переселяются изъ дома въ домъ. Стран-
ство, бредяжничество для нихъ — одна только формальность. Глав-
ную же, священную обязанность ихъ составляетъ скрытіе и при-
ставодержательство. Почти всѣ жилые или мірскіе бѣгуны —
приставодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ стран-
никовъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособа-
тельно къ приставодержательству. Сохраняя во всей наружности
домовъ общій и старинный архитектурный типъ русскихъ по-
строекъ, приставодержатели бѣгуновъ обыкновенно устраиваютъ
въ подзбидахъ, въ подпольяхъ, въ подклѣткахъ или подгорницахъ,
поль сѣнями, иногда на чердакѣ особыя кельи и клѣти, въ кото-
рыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странствующие бѣгуны.
Для удобства укрывательства ихъ, въ домахъ сдѣлано нѣсколько
тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во время
самаго обыска бѣгунъ можетъ незаметно увернуться, либо быстро
перебѣгая изъ клѣти въ клѣтъ черезъ сокровенныя дверки въ забо-
рахъ и стѣнахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ
поль. Иногда клѣтки устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ
садахъ, какъ напримѣръ въ саратовскомъ и астраханскомъ краю, а
иногда и въ полѣ. Усердные и богатые приставодержатели, зани-
мающіе удобную, просторную усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣ-
скольку клѣтей въ своихъ домахъ или около нихъ. По старинному
цисцово-крестьянскому обычаю клѣтки эти называются *мѣстами*.
Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селеніи *есть мѣсто*,
это значитъ незанятая келья или клѣтъ. Тѣ мѣстности, селенія или
города, гдѣ жили извѣстные постоянные приставодержатели, гдѣ
находились средоточія мѣсть, называются *пристанями* или *станами*.
Такихъ пристаней и приставодержателей много на всѣхъ путяхъ
странствованія бѣгуновъ. Мы могли бы исчислить большую часть
и селъ и городовъ, гдѣ до 1852 года были пристани бѣгуновъ, могли
бы доислѣдить много и кунцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ приставо-
держателей, но считаемъ это излишнимъ и утомительнымъ для чи-
тателя. Укажемъ общими цифрами число пристаней и приставоде-
ржателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ ярославскомъ уѣздѣ,
въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого года
248 приставодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ
5 деревняхъ 9 приставодержателей; въ г. Ярославлѣ 27; всего въ
89 поселеніяхъ въ ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 при-

станодержателя. Въ романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержателя, да въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 деревняхъ 74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехонѣ 3. Въ даниловскомъ уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ. Въ рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишкинѣ) 2. Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Угодичи 1 крестьянинъ. Въ *костромской губерніи*, въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ костромскомъ уѣздѣ, въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ кинешемскомъ уѣздѣ, въ 31 деревнѣ 30 пристанодержателей; въ нерехтскомъ уѣздѣ, въ Плесѣ, заштатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревняхъ 57; въ юрьевецкомъ уѣздѣ, въ ячневской казенной волости 1 извѣстный. Въ *владимірской губерніи*, въ шуиномъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ, извѣстно было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *нижегородской губерніи*, въ балахнинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *московской губерніи*, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей — купцовъ и мѣщанъ; въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 пристанодержателей. Въ *тверской губерніи*, въ корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 деревняхъ 25 пристанодержателей. Въ *вологодской губерніи*, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елдайкахъ 7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ 4 деревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная пристань Никиты Симеонова. Въ *тобольской губерніи*; въ Тюмени 4 пристанодержателя: у купца Якова Михайлова Опрокидникова, нынѣ умершаго, мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а у другого купца за городомъ въ полѣ выстроены особый флигель исключительно для странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели находились въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городѣ), гдѣ пристанодержателемъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кій по р. Кіѣ лѣса и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ есть пристанодержатель: 1) въ Дмитровской волости; 2) около золотостовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ заводовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алтайскихъ горахъ, на Камнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и званія, извѣстные подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Столько намъ извѣстно о пристанодержателяхъ до 1852 года; разумеется остается множество неизвѣстныхъ.

Бѣгствующие странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свидѣнія о всѣхъ этихъ пристаняхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были

свои маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, въ какую-то азіятскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительное письмо (1): «На Екатеринбургѣ, на Томскѣ, на Барнаулѣ, вверхъ по рѣкѣ Катунѣ на красной Ярѣ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова, зйти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Сибѣговья горы: оныя горы на 300 верстѣ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; настоятель схимникъ инокъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 лисъ съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ чстыре дни ходу къ Татавію, тамъ востѣонское государство; живутъ въ губѣ океана моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть .. верстѣ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣрять всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдliny каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китаецы были христіане, то бъ и ни едина душа не погибла.. Любители христовы, грядите вышеозначенную стезю!.. Отъ пана гоними изъ своая земли, отлучилися пять сотъ лѣтъ и приискивали имъ мѣсто два старца, церковей сирскихъ (асирскихъ) .. сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церковей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха, и отлучилися отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никова патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ ледовое море. И такимъ образомъ, отцы

(1) Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ онъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольниковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаніями, съ точнымъ названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогѣ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночлега или пріюта. Таковъ напримѣръ ~~находящійся~~ у меня подробный маршрутъ, кажется бѣглоповощинскій — дорога отъ г. Квалынска (сарат. губ.) чрезъ Москву, чрезъ черниговскую губернію и т. д., чрезъ Дибѣстръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. Любопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ раскольничьихъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII вѣкѣ бѣглыми гонимыми старовѣрами по саратовской степи къ Уралу.

посылаеми, проискивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное Михаилъ своєю рукою, и о Христвѣ съ братією своєю писалъ вамъ.»

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запасаются и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые пристанодержатели спеціально занимались составленіемъ поддѣльныхъ, своеобразныхъ бѣгунскихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногда даже исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣкоторые бѣгуны имѣютъ паспорта, начинающіеся такъ: «Господь покровитель и спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собственно отрицаютъ паспорта и всякій письменный видъ, считая ихъ печатью антихристовою, но свои поддѣльные паспорта, составленные въ духѣ ихъ ученія, считаютъ необходимыми для безопасности странствованія, или для показанія земской полиціи въ случаѣ поимки, что они ее и ея паспортовъ и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго правленія, и паспорта изъ града бога вышняго*, т. е. въ сущности никакой полиціи и никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія себя отъ всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ съ собою въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизусть, по простонародному обычаю, особые народные заговоры или молитвы *съ путь идущимъ и назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольниковъ и у православныхъ. За неимѣніемъ подъ руками мифическихъ путевыхъ заговоровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *съ путь идущимъ*: «Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего владыко изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творяща промыслъ по зановѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаго Духа. Аминь.» Молитва *назадъ идущимъ*: «Господи владыко, Боже отецъ нашихъ, ты просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взяти со угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтъ. Люди твоя избра, израильтjане извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя рекъ), самъ, своихъ сохрани, ихъ день и ночь, якоже укрѣпилъ Исуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою...»

Сообразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣгу-

новъ и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ пристаней, развивалось внутреннее своеобразное, юридическое самоуправство ихъ согласья. Село Сопелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ областныхъ, мѣстныхъ пристаней бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго странническаго населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего союза, или согласья великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. А совокупность всѣхъ этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ, концентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго устройства, каждая областная пристань составляла самоуправную, самоуправляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ напримѣръ, особая мѣстная пристань представляли Москва, заштатный городъ Плесь въ костромской губерніи, деревна Вахрушева для вологодскаго сословья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д. Всѣ вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристани бѣгуновъ *тянули* судомъ и совѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ, такъ какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь былъ, въ случаяхъ нужныхъ, общій, главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились обыкновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ пристаней для изученія подлиннаго ученія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ, когда кто-либо провинялся въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ цѣлаго согласья. Сюда же стекались изъ разныя великорусскихъ и сибирскихъ пристаней главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія споровъ догматическихъ. Таковъ напримѣръ былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ Сопелкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ, главныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Нетолько такія ближнія паствы бѣгуновъ, какъ напримѣръ костромская или московская, но и отдаленная тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно частыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вродѣ бѣглаго казака Овчинникова и Дементьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для совѣщанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собой много книгъ, въ томъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали у нихъ для руководства своей паствѣ *цѣлители* Евфимія.

Каждая областная группа пристаней или отдѣльная мѣстная паства бѣгуновъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ сопелковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года, слѣдующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ мышкинскаго уѣзда; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ,

ярославскій мѣщанинъ, съ фабрика Яковлевыхъ; 3) Семень Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ ярославскаго уѣзда, деревни Семеновой; 4) Яковъ, по переименованіи Фока Максимовъ, бѣглый солдатъ, родомъ борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской. Кроме этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ качествѣ главнѣйшихъ сектаторовъ: 1) Иванъ, по переименованіи Федоръ Ивановъ Кривой, бѣглый кантовистъ, родомъ костромскаго уѣзда, деревни Шелкова; 2) Алексѣй, по переименованіи Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человекъ, изъ которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офицеръ, и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управлялъ главный наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и управителями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ пошехонскаго, романо-борисоглѣбскаго и даниловскаго уѣздовъ наставниками были: 1) Димитрій Егоровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ даниловскаго уѣзда, изъ дворовыхъ людей; 2) Марко Яковлевъ Большой, изъ крестьянъ ярославской губерніи; 3) Петръ Тимофѣевъ Чумакъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще двое — одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно также имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и приставы: костромская, тверская, олонекская, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общины, эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, исключительно-рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанныхъ и возводили ихъ, паравѣ съ мужчинами, въ достоинство наставницъ. Такъ изъ начитанныхъ странницъ селковскаго согласія слѣдующія женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служенія въ малыхъ собраніяхъ: 1) Татьяна, по переименованіи Марья Васильева, крестьянка ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевой; 2) Елизавета Алексѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, ярославскаго уѣзда; 3) Екатерина, по переименованіи Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дудкина, ярославскаго уѣзда; 4) Александра Ильина, ярославскаго уѣзда, деревни Голешищева; 5) Марья Ильина, изъ деревни Нещерки, ярославскаго уѣзда; 6) Елизавета, по переименованіи Лукерья Васильева, изъ крѣпостныхъ крестьянокъ романо-борисоглѣбскаго уѣзда; 7) Авдотья Петрова, пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково; 8) Анастасія Фокина, дочь наставника Фоки Максимова, романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской; 9) Варвара, по переименованіи Меланья Васильева, изъ деревни Ивашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ-мужчинъ, болѣе начитанныхъ, занимавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., были болѣе извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бывшій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстрого развитія сопелковского согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества постороннихъ, свое семейство — мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей. 2) Василій Петровъ Горбунчикъ, крестьянинъ изъ деревни Когаева, ярославскаго уѣзда. По начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ главнаго совѣта старцевъ сопелковского согласія. Онъ имѣлъ постоянную пристань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Федора Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года найдены въ тайникахъ всѣ книги Василя Петрова, между прочимъ весьма любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основателя согласія бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, ярославской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Москвѣ портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Будучи еще только шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ларіономъ Ивановымъ бѣжалъ и поселился въ пустынь архангельской губерніи, на Топь-озерѣ. Тамъ Никита досталъ «цаѣтникъ» Евфимія, основателя толка бѣгуновъ, рѣшилъ послѣдовать его учевію, самъ себя окрестилъ въ странство и, прибывъ въ село Сопелки, для знакомства и бесѣды съ ярославскими старцами, былъ принятъ ими въ согласье. Потомъ онъ удалился въ романо-борисоглѣбскій уѣздъ, и, поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, лютевской волости, у послѣдовательницы согласія бѣгуновъ, дѣвицы Варвары Дмитріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отселѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу его. Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинительства онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его сочиненіе: «*На тридцать ересей*». Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ всѣ старообрядческія согласія, особенно поповщійскую общину, за тѣ уступки, какія она сдѣлала православнои церкви и православному правительству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской оппозиціи, увѣщеваетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, совокупнаго противодѣйствія православнои церкви и православному правительству. Кромѣ исчисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ бѣгунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Ивановъ Кривой, Василій Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бурловъ,

Афанасій Григорьевъ, Меркурій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; Иванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, села Прусова; Агафонъ, по переименованію Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, пошехонскаго уѣзда, деревни Телешина; Семенъ Григорьевъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Теретьевской; Емельянъ Григорьевъ, по переименованію Мефодій изъ крестьянъ романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Киселева; Филипъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, московской губерніи, броницкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, ученіе Евфимія развивалось и послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось съ общей безпоповщинской догматикой, особенно феодаловской, и потому находило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему, камнемъ преткновенія для старообрядческаго общества были реформы Петра великаго, до самой сердцевины коснувшіяся стариннаго, естественно-историческаго земскаго народнаго строенія. Потому, со второй половины XVIII вѣка, въ письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщинской, усилилась историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, особенно тяжело налегавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ заглавіемъ: «*челобитная объ антихристѣ еже есть Петръ I.*» Это всенародная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* эта сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который первый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтожилъ, выѣсть съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, общинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ правительствомъ, какая была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Мы смотряще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріашия пророчества, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никомомъ отступи отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазаниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, уничтожи патриаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣя бы его единою превысочайшею главою, судію

всей церкви, пріѣлъ на себя титул патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патриаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году собра весь свой синклитъ въ 1 день января мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! Отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріятъ за императора августѣйшаго, сиречь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно коспразднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истребленіи, а сатанивы извѣщены; вонистину исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на пей, да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лстыти и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и уставив сенать, и самъ бысть надъ ними главою и судьбою главѣйшимъ; тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвыпатися, учини описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той императоръ или монархъ, сиречь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини; называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа спаса научихомся законъ и заповѣди его сохранати и вѣру святую блюсти, и такому же Христу въ послушество отдатися не хожемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никога не будемъ, да и хотящимъ спастися никому несовѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмы хри-

стіане єдинаго исповѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдалцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы держимся, и въ книгѣ наши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небснаго, пожеже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывший въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужскаго пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ сульбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣцы, и воньмите, и разсмотрите по святому писанію, въ кнѣхъ лѣтахъ жительствоуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуєтъ книга: «кабинетъ Петра великаго», ибо духъ государей русскихъ єсть духъ Петра великаго. Петръ великій, восхщающій на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ I, и прочіи по немъ такожде именовуются, и паки именовася божествомъ Русіи, яко свидѣтельствуєтъ книжка, «кабинетъ Петра»: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подобаєтъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаєтъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона.»

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спасительный путь, это сочиненіе «*объ антихриствѣ, еже єсть Петръ I*» едва ли не можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполне выразилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы рассмотримъ его здѣсь. Для того, чтобы понять взгляды всѣхъ безпоповцевъ и въ особенности бѣгуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ расколъ держится между-прочимъ на старинѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпоповцы протестуютъ, во первыхъ, противъ того, что Петръ I «*императоръ наречеся, спречъ монархъ или единовластитель, не имья равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ нетворили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею главою.*» Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изстаринное русское народное воззрѣніе на единодержавную власть царя. Вопросъ о *самодержавцѣ* сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ того времени, когда московскіе цари стали называться *самодержцами*, т. е.

съ XVI столѣтія, когда «великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и въ исторіяхъ.» Лѣтопись отмѣтила это, какъ фактъ, знаменательный въ народной исторіи. И вотъ, вслѣдствіе историческаго развитія такого образа мыслей о самодержавіи, когда Петръ I не только не призналъ народосовѣтія, но и *нареченъ императоръ* и издалъ *правду воли монаршей*, расколъ грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ стало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитія историко-демократическое ученіе объ антихриствѣ, еже есть Петръ I. Съ тѣхъ поръ; многія безпоповщинскія согласія, и въ томъ числѣ бѣгуны, стали вовсе отрицать и отрицаютъ императорскую власть, находя въ самыхъ имевшихъ императоровъ со времени Петра I звѣрино число 666. Нѣкоторые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признаютъ, а императоровъ не признаютъ. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ показаніи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла Богу, молюсь, но за императора и весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не упоминаю.» Другіе бѣгуны въ показаніяхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицаютъ и царскую и императорскую власть. Мало того, они возстаютъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, «собираются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собраніе, за него Бога молити, и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читаютъ тропарь: «Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопротивныя.» Зрите, богоотчужденные! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣхъ, кон, по св. писанію, кроются въ горахъ, въ вертепахъ и земляныхъ пропастяхъ отъ лица его, и *неидутъ къ нему подъ присягу*, и недаютъ ему *свои души и душевный окладъ* и оброкъ въ смущенную, живловскую церковь. О нихъ вы и молитесь, чтобы ихъ побѣдилъ, плѣнилъ и въ свою область присовокупилъ къ вашему богоотчужденному собранію.» (Разглагольствованіе тюменскаго странника, и объ антихриствѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, что Петръ *устави сенатъ и синодъ*. Это протестъ противъ централизаціи народныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскіе земскіе люди, изстари привыкшіе *жить на всей своей прежней воли, по старинѣ и по пошлѣннѣ*, вѣрные отеческимъ преданіямъ старины, хотѣли мѣстнаго, земскаго самоуправленія и *самосуда межъ себя*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ религіозныхъ. Старожилы, коренные, *прирожденные* русскіе люди, приверженцы отчей и дѣдней старины, старообрядцы помнили, по преданіямъ отцовъ и

дѣдовъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинныя юридическіе земскіе обычаи, про мірскіе сходы и согласья въ водостадѣ, про городскія людскія собранья или сходы на думу на вѣча, про сохранившіеся еще въ первой половинѣ XVII вѣка областныя земскіе сходы и совѣты, наконецъ про московскіе земскіе соборы. Помнили и въ старыхъ лѣтописяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, напримѣръ псковское и новгородское, и сельскіе мірскіе сходы сами рѣшали даже дѣла церковныя, религіозныя. Помнили они, какъ прежде посадскіе и крестьяне судились сами межъ собой. И вотъ, когда въ Петербургѣ устроены были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнымъ дѣламъ, они возопили противъ Петра за то, что *устави сенатъ и синодъ*. Тяжкія цѣтязанія, какія претерпѣвали старообрядцы въ сенатѣ и синодѣ, по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили въ нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обояхъ высшихъ, центральныхъ правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ великомъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, — роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ, — учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ». Беспорядки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ сената и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппозиціи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщенными людьми второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напримѣръ кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадетъ, да и подлинно пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, что ихъ охуляютъ за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью генераль-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государственнаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе высшее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы выпадаютъ въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сенаторы повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ.» О синодѣ XVIII вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сенату правительство есть синодъ для духовныхъ дѣлъ. Но разсмотримъ и сіе самое, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между

собою, яко безпрестанно берущійся для приобрѣтенія себѣ большыя силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, чедовѣкъ небольшого чина и по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также императрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ и графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и безпорядки сената. Послѣдній даже пришолъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ оставить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется понапрасну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на вѣк. ст. кас. до Россіи.) Если государственные умы, по своимъ просвѣщеннымъ юридическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, сознавали недостатки высшихъ, центральныхъ правительственныхъ учреждений, то простые люди, старообрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената и синода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣлоходженія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстаютъ противъ новыхъ законоположеній Петра, противъ составленія «многихъ регламентовъ» по духовному и по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разосланныхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о всепрѣмномъ исполненіи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обязательности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, до уложенія 1649 года, не разсылались вдругъ по всей Россіи общіе, строго-обязательные нововводительные законы, указы и уставы, а отдавались только царскіе указы и грамоты мѣстнымъ, по мѣстнымъ нуждамъ. И притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ насильно, противъ воли народа, а всегда издавались и присылались въ области, вслѣдствіе мѣстныхъ, общино-областныхъ народныхъ челобитныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общино-областного челобитнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, какбы участвовалъ въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣтно было въ изданіи напимѣръ уставныхъ грамотъ объ излюбленномъ самоуправленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и строго предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдругъ радикально измѣняютъ на совершенно новый, искусственно-чуждый ладъ все естественно-историческое, вольно-народное земское строеніе, весь вѣковой, самобытный, обычный складъ народной жизни. И система регламентаціи потомъ растетъ до чрезмѣр-

ности, до крайняго стѣсненія народной дѣятельности и производительности многосложными кодексами регуль. Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламентаціи Петра великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія, и такой просвѣщенный и знаменитый государственный человекъ, какъ Мордвиновъ, такимъ образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовалъ духъ предрасужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы, никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ усиѣхамъ дѣятельности народной. Уставы, нерѣдко содера въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ испровергается; вообще же, они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствами частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать необязательность видовъ частной пользы», и проч. (О причин. разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгуны и другіе безпоповцы протестуютъ противъ поголовнаго народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очень хорошо понялъ значеніе пововведенной Петромъ подушной переписи. Онъ искони не любилъ поголовнаго числа, какъ знака даня. При главномъ, преобладающемъ значеніи въ древнемъ быту народномъ земли, земскаго строенья, при всенародной и общиной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общаго, естественнаго даннаго источника *животовъ* и *промысловъ*, въ старой, допетровской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую перепись и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и даня. Потомъ онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собственно личности и ненарушавшей общины. Но когда Петръ I ввелъ подушную перепись, народъ возопилъ. Онъ возсталъ противъ ревизіи душъ, вонервыхъ потому, что она, внося каждую душу, каждую личность въ «*переписную книгу*», прикрѣпляла такимъ образомъ каждую душу, каждую личность къ государству; вовторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ прикрѣпляла каждую душу, каждую личность къ власти помѣщика, и такимъ образомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостнаго права; втретьихъ, росписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій,

составителски дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутрѣшнюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ распасавіямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки и обороту, неподлежащую цѣнѣ. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и нестарообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ чаю жъ я проку быть; душа — вещь неосязаемая, и умомъ неосужима, а цѣны немущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ сѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысячь десятка два-три истощилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Вольинскій, въ инструкціи данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ поголовщины, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приписи или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной жидовской церкви антихриста», какъ они въражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безпоповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и даней мнѣшихъ*. Разумѣется одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тягость для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь сплошь и рядомъ можно слышать вопль о тягости податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія душъ антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ропотъ ихъ на то, что *и съ мертвыхъ дань востребова*, намекаетъ кажется на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василюемъ Москвинимъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цявѣтникѣ» Евфимія, и въ рукописи «Объ антихристѣ, еже есть Петръ І». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *житановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убиватель-

ный. Въ мірѣ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны; въ мірѣ сатаниномъ — великій градъ вешный Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются зловѣрные, злочинные, мустопенел, кони сатанины; въ первомъ праздники торжественные, во второмъ праздники табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ» (т. е. въ Россіи) по личному шифтію тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не духовно, а тѣсно и видимо, а именно съ 1666 года, когда исполнилось число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ образѣ беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, и Никона и странника князь Арсевія Грека. Шооги того антихристъ постоянно обновляется въ верховныхъ властяхъ Русское правительство, по ученію тюменскаго странника, есть обравіе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ обожеленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ иносказательный духовный судъ, и въ немъ поставилъ «богоотчужденное вѣкое зеркало», а въ зеркалѣ написалъ боговротивный человекъ, сврѣчь Петръ I, вѣль законовѣдецъ и пастырь, и новый Христось, сврѣчь антихристъ. «Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — судятъ и распоряжуютъ по своей похоти, по злату и сребру, по мышкамъ и по щифрамъ, и между судой пребываетъ и распоряжуете противникъ божій, отецъ ихъ дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ кривоказательными книгами (1), святѣйшій синодъ — окидовскимъ синодріомомъ, правительствующій сенатъ — антихристовымъ советомъ. Въ словѣ сенаторы бѣгуны усиливается отыскать число звѣрине 666, почему пишутъ не сенаторы, а *сенатри*, а такъ вычисляютъ: $c=200 + a=5 + n=50 + a=1 + m=300 + p=100 + i=10 = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное или фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учреждений имперіи, всей государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ и всѣ бѣгуны, отрицаетъ *крисляу*, отвергаетъ *реозмію души*, отвергаетъ *подати* и *оброки*: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ». Укорая раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государственныя подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мнитса службу приносить Богу, а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся, и сами

(1) Это созначала сама великая законодательница Екатерина II, когда, изображая вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ манифестѣ 1766 года: «страстные толки часто затмивали прямой разумъ законовъ» и проч. Щербатовъ также *ошулялъ* законы, (Оправд. моихъ мыслей и проч. Библіогр. Зап. за 1859 г. № 13).

себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложившася и души своя отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную яловскую церковь: овъ тридесать рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Противъ присяги бѣгунъ и вообще непризнающіе верховной власти раскольники тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто насильно принуждали присягать. Такая присяга сама себя уничтожала, не имѣя нравственнаго основанія въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ предлагавшаго принужденно. *Паспорты* и всякій письменный видъ странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя посвоему слова апокалипсаса: «дать имъ начертаніе на десныи руцѣ ихъ или на челахъ ихъ, да никтоже возможесть ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря, или число имене его» (апок. ХІІІ, 16, 17). Подъ числомъ имени его бѣгунъ разумѣють императорскій титулъ, употребляемый въ плакатныхъ паспортахъ; начертаніе видятъ въ государственномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла съ распущенными крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ, толкуютъ такъ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ, и держитъ оныя не скипетръ и державу, крестами увѣчаные, какъ прежде, во времена благочестія, а змѣи антихристовыхъ». Апокалипсическое выраженіе, что безъ начертанія никто не возможесть ни купити, ни продати, странникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ купеческаго свидѣтельства, безъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цехового и безъ паспорта нельзя торговать, ни продавать, ни покупать⁽¹⁾. Стѣснительность паспортной системы, а равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. Отрицая всѣ атрибуты или условія государственнаго вѣрноополченства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ защиту бѣгства изъ солдатской службы, странникъ приводитъ слова писанія: «на немъ же еще мѣстѣ воя соберуть, не или тамо, уклонися же и измѣни, не уснуть бо еще зла не сотворить; отъимется сонъ отъ нихъ, и не спать» и проч. (Притч. ІV, 15—17). Поэтому бѣгунъ охотно принимали въ свое общество бѣглыхъ солдатъ, да и согласно ихъ основано бѣглымъ солдатомъ, и между наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій наборъ тюменскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ другаяхъ согласій, онъ говоритъ: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсов-

(1) Въ этомъ образѣ мыслей бѣгунъ тѣмъ болѣе утверждался, что начальство, особенно въ прошломъ столѣтіи, часто пригнѣсало кушцовъ, мѣщанъ и крестьянъ въ выдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. (См. напр. доносеніе Державина, въ Архивѣ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22.)

скіе провожаютъ и снаряжаютъ, какъ и прежде зыки, незнающіе Бога». И практическимъ путемъ горькаго опыта податный народъ познавалъ, онущалъ, тягостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ тюменскій странникъ, согласно съ Евфиміемъ, говорить, что слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣжать въ горы и пустыни отъ него (Матѣ. XXIV, 16; апок. XII, 14), и пророчить про открытую борьбу съ антихристомъ. «Братъся съ антихристомъ открытою силою, — говоритъ странникъ, — до времени нельзя; но когда придетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животнаго, долженъ ополчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ получитъ такой мученическій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ мучениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы, бѣгуны утверждаютъ, что скоро спаситель придетъ съ неба *на бѣломъ конѣ*, сотворитъ брань съ антихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и затѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно цскомый или грядущій городъ, новый Іерусалимъ при каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣгуны туда, въ астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и стремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основныхъ началъ, проявлялись и проявляются нѣкоторые отбѣны и особенности въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ Василій, по переверщеніи Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, учившій въ домшинской волости вологодскаго уѣзда и въ пошехонскомъ уѣздѣ проповѣдывалъ своеобразный социализмъ: воспрещалъ собственность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу всей общины. Кромѣ того онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклеименыхъ антихристовою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскую вѣру. Напримѣръ очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служащая правительству для поддержанія порядка и богопочтенія къ земной власти».

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполне сообразенъ съ ихъ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о счасливости странства, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвышаетъ эманципацію членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на всѣ четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ купечествѣ напримѣръ, по домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная заключенность, и

дѣти находятся почти въ крѣпостной зависимости отъ деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ напротивъ свободно расторгается семья: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ куда угодно. Прямѣры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любовниками въ исторіи странниковъ повторялись нерѣдко. Напримѣръ съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Овчинниковымъ, находилась въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опрокшадникова, Надежда Яковлева. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелковскаго крестьянина Ивана Егорова Пянова, Марья. Вообще рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытную исповѣдь одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей наслаждался поэзіей любви въ лѣсахъ, подъ тѣнью деревь и проч. Иногда эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримѣръ въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбунчикъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенію сосланъ въ закавказскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастіемъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ неизвѣстной смѣлостью. На парѣ лошадей она догнала этапъ, въ которомъ шолъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяслава. Марья Васильева пѣшкомъ провожала Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь подъ надзоромъ одного конвойнаго, не подозрѣвавшаго злонамѣренности со стороны добродушныхъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались безопасностью конвойнаго, выхватили у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ тѣлѣгу, и хотя за ними погвалялись верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускакать и спрятаться въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возвратились къ своимъ пристанодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Эта необыкновенная смѣлость, энергія, удаля, нерѣдко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертливость и находчивость въ стѣснятельныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная смѣтливость, изобрѣтательность и удаля, съ какою бѣгуны освобождаются изъ остроговъ и тюремъ, эти походы, исполненные борьбы и разнообразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопытнѣйшихъ и характеристическихъ былинъ и народно-физиологическихъ очерковъ. Но для этого нужны особые изысканія и очерки. Въ настоящемъ очеркѣ, мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный характеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта за-

каменная, твердая, упорная выдержанность отрицанья, какую обнаруживали бѣгуны на судѣ. Напримѣръ бѣгунъ крестьянинъ Емельянъ, по переименованію Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ свидѣтелями, такъ смѣло и прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никола патриарха, царя за благочестивую не почитаю, а за богоотступника, сопротивника, антихриста; гражданская власть — также антихриста слуги; духовная власть — ложные пророки и еретики; за царя и Бога не молю и молеть не буду, и власть его надъ собою не почитаю, но только надъ собою къ душевному спасенію власть признаю царя небеснаго; а церковь вселенороссійскую за святую не признаю, а у еретиковъ на дуку отъ роду не бывалъ, потому я не почитаю за святое.» Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ въ 1840 году, бѣгунъ, крестьянинъ тверской губерніи, корчевскаго уѣзда, деревни Завражья, Стефанъ, по переименованію Иванъ Кононовъ, по манифесту, состоявшемуся въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ вторичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при свидѣствіи объявлялъ, что онъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ власти счтаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, но манифестъ этотъ за имлость не признаетъ, потому что благодѣаніе дано государемъ не по душѣ, а по плоти.» Въ 1841 году былъ пойманъ въ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ кинешемскаго уѣзда, села Вичуги, Прокофей Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявлялъ, что государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхныхъ мѣстъ и самыхъ помѣщиковъ не признаетъ и не почитается имъ, объясняя при этомъ, что на небеси есть царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей.» Бѣгунъ Дементій Петровъ, выдерживая твердость подобныхъ отвѣтовъ передъ судомъ, отвергалъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе женщины, бѣгунши, хотя и не отличающейся рѣзкостью отрицанья, но также достойно вниманія по прямоствѣ отвѣта и для дополненія характеристики женщинъ-странницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наименованію Улата) Тимофеева Ширяева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, грамотна, христіанка; на исповѣди и у святаго причастія не бывала, что такое значить исповѣдь и святое причастіе — понятія не имѣю; церковь божію признаю за истинную, православную, но молиться въ оную нехожу, потому что слушатели ея крестное знаменіе творять шепетью, не соблюдая святой троицы, и богослуженіе производятъ претивъ солнца; за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла, Богу молюсь; но за императора и весь императорскій домъ

Богу не молюсь, а въ молитвахъ своихъ, неумоливаю; мощи святыхъ угодниковъ не признаю; что такое именуется мощами — не знаю: ни гдѣ о таковыхъ въ книгахъ неопредѣляемой мною христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую потому что Христосъ пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... Назадъ тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣстожительства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую сенту; но по данной правительству подпискѣ быть по прежнему въ православіи — оставлена отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ кунгурскаго тюремнаго замка за первый побѣгъ, проживала семь лѣтъ въ домѣ родителей своихъ, ходила въ православную церковь молиться Богу; но святыхъ таинъ не приобщалась и побуждаема къ тому не была, а какъ зная, что истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнители оной отъ міра бѣжать, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ Ильи пророка, изъ дому отца своего сирывалась вторично; скиталась по лѣсу, вривалась на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши удобное мѣсто, основала земляную келью... куда пришла ко мнѣ дѣвица Марфа Маракулина; по окончаніи кельи мы именовали себя христіанскими именами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обратиться попрежнему въ православіе не желаю, потому что, совращаясь дважды въ расколъ, несмѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. На всѣ данные мнѣ вопросы отвѣтствую не чистой совѣсти, справедливо, въ томъ собственноручно и подписуюсь. Къ снѣгъ отвѣтамъ крестьянская дѣвка Матрена Ширелева по упрямству своему руки не приложила и приложить таковую никому не довѣрила.»

Въ заключеніе, для дополненія характеристики учонія и религіозно-политическаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе противъ странниковъ*, неизвестно кѣмъ написанное — православнымъ или бѣглопоповцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть скажутъ намъ странникъ, что отъ царей тогда такъ (христіанами странники) названы были, однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда неварицались... Мы не дерзаемъ возставлять кресту на властей, якоже странники... Отъ того, еже злорѣчится нѣмъ христіаномъ раскольниками, яко отъ небывалаго нѣкогого и внезапнаго клича ужасены будучи странники, нарушили всякое благочиніе и вѣчный законъ христовой церкви, и поставя сіе довольною причиною неточію непокоренія властей, но единственною виною гибели христовой церкви, и составили новый странническій сонмъ, все растерзали и попрали въ церкви. Сіа ихъ дерзость второпрещенья и верхъ всякаго ихъ законоположенія со-

вершеше ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присвоенія.. Я не знаю, претерпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такіа хулы и укоризны, каковыя сѣмя ея терпѣть нынѣ отъ сихъ христіанско-хулителей — странниковъ. Не вѣмъ, тщился ли кто такъ отъ еретиковъ разсвѣтать свою прелесть, какъ сіи. Они правды будучи и бездѣльны и невоستاгнуты никакими законами, успѣшно исполняютъ, какъ мнѣтъ, дѣла проповѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ дѣта 7332, аки вины претивовенія ихъ, день отъ дня вѣще и вѣще умножаются въ количествѣ. Яко болѣе 500 нынѣ быти числу ихъ какъ сами сказываютъ...

Странники не только что отвергаютъ *попиковскіе сельской елестки*, но и *всѣхъ онокъ попикующихся*, аще и въ тѣлесныхъ, *облагодѣютъ судомъ отступничества и поимбелю*... Вопросы странника: кто основалъ вашу церковь? Недолжны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфоній? Странники церкви и истинному крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ Евфоній крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался тому самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обличитель называетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны бываютъ погибели не только душевной, но и тѣлесной, за непризнаніе надъ собою человѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; крамольники суть, понеже крामолу на властей выдвизаютъ; отступники суть, понеже отступили отъ православной христовой церкви, и нехотятъ выдавать власти даней, уроковъ, чести и страха, якоже и ересеначальникъ ихъ; ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ, елико отеческаго права, ибо во всѣ времена никто не узаконивалъ, чтобъ всѣмъ бѣгать и удаляться домогъ своихъ... Развѣ токмо самая праздность учить ихъ обходить всюду трады и веси и всѣхъ развращать своимъ ученіемъ. Самъ Христосъ низайшее состояніе рабства себѣ избралъ: отъ самаго рожденія своего вписалъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти Кесаря и Пилата ни въ чемъ не протавился. Развѣ только скажутъ на сіе странники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ напасся, а по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши же изумленные странники обвиняютъ насъ и всю церковь, которая во всѣ гонительныя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей мірскихъ... Какой извѣтъ непослузанія своего дадутъ странники? Если скажутъ, что власти тогда были не таковы, какъ нынѣ; но властей въ то время, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предержащимъ, всъ всемъ мірѣ не бѣ православныхъ, но вси идолослужители, даже до Константина великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣсть въ мірѣ неодолимой цер-

вѣдъ, повсюду то ересями, то гоненіями есть одолѣна, даже и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй ревизіи и записанія ради въ расколь одолена и погибла, якоже увѣряютъ они насъ въ томъ своими тетрадами; наипаче же и самымъ дѣломъ доказалъ то начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую церковь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ російскихъ христіанъ, написавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій нигдѣ не нашолъ незаписанныхъ въ расколь по 2-й и по 3-й ревизіи; а если же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раскальвались. Бѣгуны говорятъ, что погибла церковь во вторую ревизію, бывшую въ 1744 году, и что до 1782 года, втеченіи 38 лѣтъ, отъ второй ревизіи до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ-нибудь.»

А. ЩАПОВЪ

БѢЛАЯ НОЧЬ

Дымъ потянуло вдаль, повѣяло прохладой.
Безъ тѣни, безъ огней, надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь блѣдная — лишь куполъ золотой
Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колонадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи, куда нати за счастьемъ, за отрадой,
Скажи, на что ты золь, товарищъ бѣдный мой?!
Вотъ темный монументъ вознесся надъ гранитомъ,
Иль мысль стѣсненная твоя,
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго кова...

Я. ПОЛОНСКИЙ

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ

РАСКАЗЪ

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на петербургской сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ-же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти-пяти, праздновалъ свое новоселье въ только-что купленномъ домѣ, а кстатѣ ужъ и день своего рожденія, который тутъ-же пришолся и который онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли было только двое гостей, оба прежніе сослуживцы г. Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семень Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушали чай, потомъ принялись

за вино и знали, что ровно въ половину двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: началъ онъ свою карьеру мелкимъ, необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ—пять сряду, очень хорошо зналъ до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже лѣтъ, и особенно не любилъ высказывать по какому—бы—то ни было поводу свое собственное личное мнѣнiе. Былъ онъ и честень, то есть ему не пришлось сдѣлать чегонибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ указывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой—то сладкiй, лѣнивый комфортъ и въ систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ последнее время, если не раскладывалъ гранъ—пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самага строгаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортабельное: онъ гдѣ—то засѣдалъ и что—то подписывалъ. Однимъ словомъ его считали превосходѣйшимъ человекомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать одно горячее желанье: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желанье его наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на петербургской сторонѣ, правда далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ комунибудь или въ должность, на—то была у него прекрасная двухѣстная карета шоколаднаго цвѣту, кучеръ Михай и двѣ маленькiя, но крѣпкiя и красивыя лошадки. Все это было благоприобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономiей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, приобретя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ

даже гостей на свое рожденье, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особыя виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній атажъ, а въ нижній, точно также выстроенный и расположенный, надобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семень Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человекъ тоже туго и долго временно пробывавшій себѣ дорого, съ черными волосами и бакенбардами и съ оттънкомъ постояннаго развитія жолчи въ физиономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домохозяинъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ до чего онъ дойдетъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новыя порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ жолчи, но особенно не тревожился : онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ смяздалъ до г. Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ и о его превосходительствѣ г. Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго рассказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ былъ генералъ молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ-же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мушкетеръ красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностію въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глушъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатъ и батистъ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хотъ вынести изъ него немного познаній, но на службѣ успѣлъ и дотя-

нулъ до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣловитаго и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣетъ состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осязкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили привадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь *une existence manquée*, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называлъ себя парлаеромъ, фразеромъ и хотя все это конечно приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успеетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещались ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ таилъ про себя свои неопредѣленные мечты и надежды. Однимъ словомъ человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненные минуты разочарованья стали-было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспринялъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорить на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ-же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ

особенно разгулялся. Ему захотѣлось перубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался: Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти невозражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его, Иванъ Ильичъ горючился и въ жару воображаемаго спора, чаще тѣмъ-бы слѣдовало пробовать изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ-же добавлялъ его бокалъ, что неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе что Семенъ Ивановичъ Шшуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ-же съ боку прековарно молчалъ и чаще тѣмъ-бы слѣдовало улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку» мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно уже пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность, гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! слышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что-же однакожь вы насъ такъ распекаете, возразилъ наконецъ Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могу взять въ толкъ, что вы изволили объяснять. Вы выставляете гуманность. Это значить человѣколюбіе, что-ли?

— Да, пожалуй хоть и человѣколюбіе. Я...

— Позвольте-съ. Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Человѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа-же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственныя, откупныя, нравственныя и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и все вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія такъ-сказать колебанья. Вотъ мы прочто опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже съ, замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣнить Семена Ивановича, что я отнюдь не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезъ-чуръ рѣзко замѣтилъ

Иванъ Ильичъ: — но однакъже все-таки прозвучу на себя снѣлость замѣтить и вамъ Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня все не поняли...

— Непонялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность, говорю я, можетъ послужить такъ-сказать краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силогизмъ: я гуманень, слѣдовательно меня любятъ. Меня любятъ, стало-быть чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало-быть вѣруютъ; вѣруютъ стало-быть любятъ, ... т. е. нѣтъ, я хочу сказать если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ такъ-сказать самую суть дѣла, такъ-сказать обнимутся нравственно и рѣшать все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь Семенъ Ивановичъ? не понятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется я немного лишнее вышилъ, замѣтилъ ядовитое Семенъ Ивановичъ: — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затмѣніе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ послѣ легкаго раздумья.

— То-есть какъ это не выдержимъ? епросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанью Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ. Степанъ, Никифоровичъ очевидно не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужь не на счетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ ироніи возразилъ Иванъ Ильичъ. — Ну, нѣтъ-съ; за себя-то ужь я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ-сидятъ да и вѣдутъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ приготавливаясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ же, Семенъ Ивановичъ, подумаете? сказалъ Степанъ Никифорычъ, провожая гостей.

— На счетъ квартирки—то—съ? Подумаю, подумаю—съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ г. Пралинскій съ нѣкоторымъ заискиваніемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ—будто забываютъ.

Степанъ Никифорычъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семенъ Ивановичъ торопливо откланялся.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, рѣшилъ просебя г. Пралинскій и какъ—то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифорычу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорожную шубу, стараясь для чего—то не замѣчать истасканнаго енота Семена Ивановича и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нащъ старикъ какъ—будто обидился, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой—чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда—сюда, — кареты не было. Человѣкъ Степана Никифорыча не имѣлъ объ ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ г. Шипуленко: — хотите доведу?

— Подлецъ—народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ г. Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на петербургской, какая—то кума замужъ идетъ, чортъ ее деря. Я строго запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣвствительно, замѣтилъ Варламъ, поѣхалъ туда—съ; да общалъ въ одну минутую обернуться, къ самому то—есть времени быть.

— Ну такъ! я какъ—будто предчувствовалъ! ужъ я—жъ его!

— А вы лучше поощрите его хорошенько раза два в части, вот он и будет исполнять приказанья, сказал Семенъ Ивановичъ, уже закрывавъя нелостью.

— Пожалуста не беспокойтесь, Семенъ Ивановичъ!

— Такъ не хотите, довезу.

— Счастливый путь, шегсі.

Семенъ Ивановичъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошолъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Нѣтъ ужъ, я-жъ тебя теперь мошеника! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаеть, что баринъ пѣшкомъ пошолъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбѣшонъ и въ добавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ неплюющій, и потому какія-нибудь пять-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ пройдя шаговъ пятьдесятъ почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Ктому же люди подъ хлѣбкомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошолъ, думалъ онъ про себя: и Трифону урокъ, да и миѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Чтожъ? на большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть мелкота живетъ, чиновники... купцы можетъ-быть... этотъ Степанъ Никифоровичъ! и какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon-sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но за то старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его! — Ну да чего-то нѣтъ... Невыдержимъ! что онъ отимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ впрочемъ меня совѣтъ не понималъ. А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣждаю. Гуман-

ность... человеколюбіе. Возвратить человека самому себѣ... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матерьяломъ приступайте къ дѣлу. Кажется ясно! Да-съ! Ужь это позвольте ваше превосходительство, возьмите силогизмъ: мы встрѣчаемъ напимѣръ съ вами чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: Какой ты чиновникъ? отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ. — Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу. — Что надобно для счастья? То-то и то-то. — Почему? потому... И вотъ человекъ меня понимаетъ съ двухъ словъ: человекъ мой, человекъ уловленъ такъ-сказать сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все что хочу, то-есть для его же блага. Скверный человекъ этотъ Семенъ Иванычъ! и какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифѣна словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ онъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм... вопросъ перѣшонный, гм... А не захватъ ли къ Эмерансъ? Фу ты чортъ, проклятые мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись. И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм. Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обвинутся нравственно. Ну и обвинутся, а тебѣ что за дѣло? Ужь тебя-то не обвиню; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ я былъ пьянъ и можетъ-быть не такъ выражался. Я и теперь можетъ-быть не такъ выражаюсь... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаиваешься. Чтожь, я вѣдь не шатаюсь иду... А прочемъ всѣ они мошенники!

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывочно и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и такъ-сказать раскачалъ его. Минутъ черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрицѣлъ контръ-басъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрилиный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ, и въ платкахъ на головѣ; онѣ напрягали всѣ усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставень. Видно весело было. Гулъ отъ топота тан-

пущихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ не вдалекѣ отъ себя замѣтилъ городского и подошолъ къ нему.

— Чей это братецъ, домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно на столько, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, отвѣчалъ выпрямившись городской, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? ба! Пселдонимова!... Чтожъ онъ? женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ-съ.

— Такъ-что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служить.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ-будто залумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминалъ это. Это былъ маленькой чиповникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованія. Такъ какъ г. Пралипскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и непомнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же любопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысымп и клочковатыми волосами, худосочнаго и худовыкормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприліи невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, да же возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ

то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своею просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о сватбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами; это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка съострилъ надъ столкновениемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческой языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараясь перевести всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что же! мелькало въ его головѣ: — вотъ мы всѣ говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла и только шишъ выходить. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ приѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкуться... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пиръ — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ еслибъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ было? Нѣтъ, чтобы съ нимъ было, еслибъ я теперь же вдругъ взялъ и вошелъ? гм... Разумѣется сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣщательства. Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы можетъ быть все... Да, такъ и было бы, еслибъ вошелъ всякій другой генералъ; но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы всѣ кричимъ о гуманности, но героизма, подвига, мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? такого. Разсудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на сватъбу своего подчиненнаго, регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умретъ — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: невыдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я, я вы-дер-жу! Я обращаю послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патриаркальный, высокій и нравственный. Какъ? такъ. Извольте прислушаться...

Ну... вотъ я положимъ вхожу: — они изумляются, прерываютъ танцы, смотрять дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и выказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю знаешь, здѣсь, по собѣдству...» Ну, тутъ слегка въ смѣшномъ этакъ видѣ рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошолъ пѣшкомъ... «Ну — слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, найду къ подчиненному, посмотрю какъ мои чиновники веселятся и... женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!» прогонишь! Каково словечко, для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенія, не сообразится даже на первый разъ!..

Ну что можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошолъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Гм... Объ чемъ бишь я думалъ? да!

Ну ужъ конечно они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный, али родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь разу-

жѣтся съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы, острою, смѣюсь, однимъ словомъ — я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм... то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того... т. е. не пьянъ, а такъ...

... Разумѣтся я, какъ джентльменъ; на равной съ ними ногѣ и отиудь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно дѣло другое: они поймутъ и оцѣнить... Мой поступокъ воскресить въ нихъ все благородство... Ну и сижу полчаса... Даже часъ. Уйду разумѣтся передъ самымъ ужиномъ, а ужъ они-то захопчуть, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланятся будутъ, но я только вывью бокаль, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же станутъ почти-тельно строгія лица. Этимъ я деликатно напому, что они и я, это разница-сь. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ это внушать, но надо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ я тотчасъ же улыбнусь, даже посмѣюсь пожалуй и мигомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм... даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родить къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну и всѣ захохочуть, молодая покраснѣетъ; я съ чувствомъ поцалую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и на завтра, въ канцелярїи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра я опять изыскатель, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человѣкъ — онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не прїидеть; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти... Нутка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ...

... Да знаете ли вы, понимаете ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ шировалъ и даже шлѣ на его сватьбѣ! Да вѣдь эти дѣти, будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственнѣйшій мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоидъ ихъ... и т. д. и т. д. Да

вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность приобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ — (господа, мало ли что человѣкъ говорить иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ можетъ и ограничился бы этими мечтаньями и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновеніе въ настроенномъ воображеніи его, нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ свысока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу, въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Пселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, попасть лѣвой ногой въ гадаптирь, выставленный для остуженія.

Иванъ Ильичъ нагнулся и посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы очевидно съ бламанже. Раздавленный галантирь его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновение у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые разумѣется съ улицы. Они сидѣли за некрашенымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно чрезвычайно развязнаго и даже растегнувагося человѣка: «Кавалеры впередъ, шенъ де дамъ, баланс!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ некоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ онъ ужъ и не разсуждалъ...

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушонный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшій его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно-визгливымъ голосомъ прокричалъ пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: «Э-э-эхъ Пселдонимуска!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно полъ навошили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но через минуту кадрили кончилась и почти тотчас же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошолъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопоть. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усыпанное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папирось. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человекъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобъ дать ей пинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ тоже мгновение почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ; онъ почувствовалъ тоже, что можетъ быть дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше превосходительство!... пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну то-то. Я братъ къ тебѣ совершенно случайно зашолъ, какъ вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Пселдонимовъ очевидно ничего не могъ представить. Онъ стоялъ выпучивъ глаза въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гости принимай!.. продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій расказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужь не помѣшалъ ли чему... я уйду! едва выговорилъ онъ и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... бормоталъ онъ, уторопленно кланяясь: — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ скрючившись стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно его гарунъ-аль-рашидское пашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестъся подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ такъ сказать не второе, а уже третье лицо. Съ разговоромъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А разговоръ былъ необходимымъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпился даже всѣ домочадцы и чуть не взлѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ по глупости своей все еще не садился.

— Что же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванъ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно остававшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожавшимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *a* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ; дѣйствовала какая-то виѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только-что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали можетъ-быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слышать-съ.»

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ на одинъ мигъ для приличія и для непринужденности обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ и отнѣкивался по скупости, хе-хе! а теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ пожалуй догадывается, что онъ, въ эту минуту необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ этомъ. Прощаюсь съ нимъ наконецъ, старикъ акуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, спрашиваю: Куда дѣвалъ Трифонъ карету? Открывается, что онъ, понадѣясь, что я

засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужь Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на петербургской. Да и карету ужь кстати съ собою захватилъ. — Генералъ опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ» промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошолъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю добреду до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи! почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошолъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся, и строго посмотрѣлъ на лампу, но генералъ даже не обратилъ вниманія и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топоть, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю петербургскую сторону балы задаешь? ха-ха, вдругъ обратился онъ оять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости оять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился оять, но даже и теперь не улыбнулся, точно овъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, чтоли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ-то бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцахъ. «Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашолъ посмотрѣть...»

Но мало-помалу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ усланеннымъ видомъ: «Дескать можете ли ваше превосходительство помѣшать?» Всѣ гости пошевеливались и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ встертомъ бархатномъ платьѣ что-то нарочно громко прогово-

рила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и дватри студента, переглядывались, какбы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и даже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить какъ твое имя и отчество? спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, отрывисто, точно на смотру.

— Познакомь же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только-что услышала, что объ ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ: — и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ смотрѣли пристально и даже съ оттѣнкомъ какой-то злости. Очевидно Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыпляче, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не сдумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, продолжалъ онъ, вполго-

деса, какъ-будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожь, во чтобы то ни стало, надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

— Однако парочка! подумалъ онъ. Впрочемъ...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только да и нѣтъ, да и тѣхъ правда вполнѣ не получилъ.

«Хоть бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное.» И Акимъ Петровичъ какъ нарочно тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все же было неизвинительно. «Господа! ужь я не помѣшалъ ли вашимъ удовольствіямъ?» обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не беспокойтесь ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохлаждаемся-съ, отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ, и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ и казалось еще болѣе чѣмъ прежде выставлялъ свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и приварядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашнуренномъ у горла и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непечатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бока-

ла, ни больше, ни меньше. Бутылка очевидно назначалась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина прямо приблизилась къ генералу.

— Ужь не взыщите, ваше превосходительство, сказала она кланяясь, а ужь коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужь просимъ милости проздравьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пять или шести не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ра-ди-тель-нида вашего сы-на, сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, промямлилъ Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокаль.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ, что могу... при семъ засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ какъ начальникъ... желаю вамъ суларывя (онъ обратился въ новобрачной) и тебѣ мой другъ Порфирій — желаю полного, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокаль, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

— Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчитъ. Ну, чтобы хоть ему прокричать: Ура! И пошло бы, и пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и проздравьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

— А штъ какія славыя эти русскія старуха! подумалъ Иванъ Ильичъ. Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще поднось. Несла дѣвка, въ шумящемъ, еще немытомъ ситцевомъ платѣ и въ приносивъ. Она едва обхватывала поднось руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч. и проч. Поднось стоялъ до сихъ-поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ аскетомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторила кланяясь старуха.

— Помилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ ваялъ и раздвигалъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

— Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ, съ улыбкой обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Костенькинычъ смѣшнѣе-съ, отвѣчала она потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурного собой, спрятавшагося на стулѣ съ другой стороны дивана и что-то машептывавшего ш-ше Пселдоминовой. Юноша вставалъ. Онъ повидимому былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, пробормоталъ онъ какъ-будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если г. Панаева во снѣ увидѣтъ-съ, то это значитъ кофе съ маннишку залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобою Иванъ Ильичъ. Молодой человекъ хоть и очень раздумялся говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что рассказалъ про г. Панаева.

— Ну да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ подлѣ самаго Ивана Ильича: — новый лексиконъ издается, такъ

говорять г. Краевскій будетъ писать статьи, Алфараби... и обличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не сконфузился, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не тавцовалъ, смотрѣлъ высококошдро, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала «Головешка», задавалъ тонъ и пошелъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Псевдонимовъ, съ которымъ былъ на ты и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки въ углахъ. Водку онъ однакожъ шилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнату, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-сь, съ радостію перебилъ вдругъ блочурый юноша, рассказавшій про манишку, и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ неининостью: — потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается будто г. Краевскій правописанья неимать и думать что «обличительную литературу» надобно писать обличительная литература...

Но бѣдный юноша едва докончилъ. Онъ по глазамъ увидаль что генераль давно уже это знаетъ, потому что самъ генераль тоже какъ-будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступешаться и потомъ все остальное время былъ очень грустенъ. Взавѣвъ того развязный сотрудникъ «Головешки» подошелъ еще ближе и казалось нахѣревался гдѣ-нибудь во близости сѣсть. Такая развязность показалаъ Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! скажи пожалуйста Порфирій, началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить: — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Псевдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты навѣрно Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Псевдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отду-сь, при поступленіи на службу, въ бумагахъ переиѣшали-сь, такъ что онъ и остался теперь Псевдонимовъ, отзвался Акимъ Петровичъ. Это бываетъ-сь.

— Неп-ре-мѣнно, съ жаромъ подхватилъ генераль: — неп-ре-

нѣн-но, потому сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происхо-
дитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну а Пселдонимовъ,
ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То-есть соответственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ; по глупости измѣняетъ иногда лѣ-
теры-съ и выговариваетъ иногда по своему-съ. Напримѣръ го-
ворятъ невалидъ, а надо бы сказать ввалидъ-съ.

— Ну да... невалидъ, хе-хе-хе...

— Мумеръ тоже говорить, ваше превосходительство, бряк-
нулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-
нибудь отличиться.

— То-есть какъ это мумеръ?

— Мумеръ, вмѣсто мумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ да, мумеръ... вмѣсто мумеръ... Ну да, да... хе, хе,
хе!.. Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офи-
цера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, визвался было сотруд-
никъ «Головешка». Но его превосходительство постарался этого
ужь не разслышать. Не для всѣхъ же было хихикать.

— Нимо вмѣсто нимо, приставалъ «сотрудникъ», съ види-
мымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталъ? Шепнулъ Пселдонимовъ «сотруд-
нику».

— Да чтожъ это, я разговариваю. Нельзя чтоль и говорить,
заспорилъ было тотъ шопотомъ, но однакожъ замолчалъ, и съ
тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо вбрался въ привлекательную заднюю комнатку,
гдѣ для тащущихъ кавалеровъ, еще сначала вечера, постав-
лена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою ска-
тертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра лемтыками и бу-
тылка крѣпчайшаго хересу изъ національнаго погребка. Съ
злобью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ
вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами,
первый танцоръ и кавкамеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ то-
ропливою жадностью бросился къ графину,

— Сейчасъ начать! проговорилъ онъ наскоро распоря-

налезъ. — Приходи смотреть: соло сдѣлаю верхъ ногами, а послѣ ужина рискну рыбку. Это будетъ даже идти къ сватѣбѣ-то. Такъ сказать дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчалъ сотрудникъ вынивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то, передъ которой пастилу поставили. Ретроградъ! я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! вробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритуриель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ себѣ еще, для большаго куража и независимости, выпилъ, закурилъ и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ вренебреженщыннй сотрудникъ «Головенки», особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго влияние на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на сватѣбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все переизмѣнилось какъ волшебствомъ; всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно также, какъ еслибы неожиданнаго гостя гдѣсь-то не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ нечаянно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шопотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того... подъ-шесъ. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-помалу стало какъ-будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торопилъ медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новообращной, мытаясь въ этотъ разъ думать ее какимъ-то камбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ, и съ размаху сталъ на одно колено. Она тотчасъ же вскочила съ

двѣма и упорнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ-будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ: — да и приличій они не знаютъ Гм... ты бы, братъ, Порфирій, не церемонился, обратился онъ къ Пселдонимову. Можетъ у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распорядженій... или тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся. — Что онъ сторожить чтоли меня? прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство, спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь наливать въ бокаль его превосходительства.

— Я... я правъ не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно-сіяющими лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокаль онъ какъ-будто украдкой, какъ-будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась наливалъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый надецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ въ самомъ дѣлѣ заговорить? а развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было что тотъ наливалъ, — не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старикъ самому хочется выпить, подумалъ Иванъ Ильичъ, — а безъ меня не смѣетъ. Не задерживать же... Да я смѣшно, если бутылка такъ простонитъ между нами.

Онъ прихлебнулъ и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удареніями

ми; — и вѣдь здѣсь такъ-сказать случайно и поочино можетъ быть нибудь найдутъ... что мнѣ... такъ сказать не-примѣчно быть на такомъ... обраніи.

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкими любопытствомъ.

— Но я надѣюсь вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не стою же въ самомъ дѣлѣ я нить пришло. Хе, хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтила ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы такъ сказать ободрить... показать такъ сказать нравственную, такъ сказать, пѣнь, продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ-будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлилъ снова.

— А немного-жь у тебя ресурсовъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ неподымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненные минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человѣкъ смирный какъ курица, самаго стараго закала, влелѣянный на подобострастіи и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ и дѣдъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. Объ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ сужень Петербургомъ, и главное мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копѣечнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованья. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русскаго пѣсни, кромѣ «случишукки», да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ есть два существенные и незыблемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго

русские: Первый признак состоит в томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ: «Петербургскія вѣдомости» а всегда говорятъ: «Академическія вѣдомости». Второй, одинаково существенный признакъ, состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово: «завтракъ», а всегда говоритъ: «форыштникъ», особенно на- паря на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличитель- нымъ признакамъ вы ихъ всегда различите; однимъ словомъ это тихъ смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣдніи тридцать-пять лѣтъ. Впрочемъ Анимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генералъ объ чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь не прилично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы; вотъ Анимъ Петровичъ умираетъ отъ любопытства узнать что-ни- будь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходитель- ства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье, и въ какое-то коловращеніе идей; въ разсѣянности онъ непримѣтно, но неминутно прихлебывалъ изъ бочала. Анимъ Пе- тровичъ: вотчасъ же и усерднѣе ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманье. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцова- лось въ простотѣ сердца, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очей немного; но неловкіе такъ сильно притопывали, что ихъ можно было принять и за лов- кихъ. Отличался вопервыхъ офицеръ: онъ особенно любилъ фи- гуры, гдѣ оставался одинъ, вродѣ соло. Тутъ онъ удивительно выгваблялся, а именно: весь, прямой какъ верста, онъ вдругъ склонялся на бокъ, такъ что вотъ думаешь упадеть; но съ слѣ- дующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжде- ній, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фи- гуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ; отплясывавшій съ дамой въ голу- бомъ шарфѣ; во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадрилихъ;

которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывала все одну и ту же штуку: а именно, она нѣсколько отставала отъ своей дамы, подхватывала кончикъ ея шарфа, и малюту, при перекодѣ визави, успѣвала влѣпять въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама же впереди ея, пляла какъ-будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соло вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, тонотъ и восторга удовольствія. Однимъ словомъ непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-помалу какое-то горькое сомнѣнiе начало закрадываться въ его душу: конечно онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее, эту развязность, когда они всѣ натянулись, а вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама наврѣмѣрь, въ истертomъ синемъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ зашила свое платье булавами, такъ что выходило какъ-будто она въ вандаловахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженiю ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какже это? То пятились, а тутъ вдругъ такъ скоро эманципировались! Кажись бы и нечего, но какъ-то странно былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и позабыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется онъ хохоталъ первый, и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя впрочемъ съ видимымъ удовольствiемъ, и неподозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человекъ, танцуете, принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, прокодившему мимо, только-что кончилась кадрили.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу, и приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличiя разстоянiе, во все горло прокричалъ пѣтухомъ. Этого уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залвъ неудержимаго хохоту, потомучто крикъ пѣтуха былъ удивительно натураленъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ

въ недоумѣніи, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ, и кланяясь сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она кланяясь: — скажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я право не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ: — я вѣдь не для того .. я... потѣлъ было ужъ шти...

Дѣйствительно онъ ужъ держалъ въ рукахъ шанку. Мало того: тутъ же, въ это же самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, вочто бы то ни стало уйти и никакъ не оставаться и... и остался. Черезъ минуту онъ открылъ шестіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто и опять неочаятая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Столаа закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ-будто катился съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности...

Дѣйствительно положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентрическимъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ богъ-знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ такъ сказать простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жену его и сватьбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ чуть-чуть не говоря: «А чебъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно Иванъ Ильичъ, даже и теперь, сядя за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балавсе. Но сердце, серд-

пе... оно пале! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдышку. Вѣдь омишкомъ ужь добрый человекъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно было надо было уйти, и несколько уйти, но даже спастись. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

— Я вѣдь зачѣмъ пришолъ? Я развѣ за тѣмъ пришолъ, чтобъ здѣсь есть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая сиделку. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелелась мгновеніями иронія на собственный ходивгъ. Онъ начиналъ даже самъ непонимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошолъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, недокончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ напримѣръ завтра же (потому что вѣдъ вездѣ разнесется) Степанъ Никифоровичъ, Семенъ Ивановичъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? они такъ развязны, какъ-будто безчувственные... Да, я давно подозрѣвалъ все молодое поклѣнѣніе въ безчувственности! Надо остаться, вѣчто бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ. Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величїи Россїи... я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть еще совершенно ничего не потеряю... Можетъ быть такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними пачать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой приѣмъ изобрѣсть! теряю, просто теряю... И чего имъ надо, чего они требуютъ?.. И вижу они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, господи-боже! Да чето мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не ухожу, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокой, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужь такъ и шло, одно къ одному.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, т. е. не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ, и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слѣбѣтъ окончательно. Конечно куражу прибавилось много, но сознаніе не оставляло его и кричало ему: «нехорошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно неустойчивыя пьяныя души не могли остановиться на одной точкѣ: въ нещъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, неспрочверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцахъ. «Что скажутъ? чѣмъ это кончится? что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ. Какое же было его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, но несомнѣннѣйшимъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться.

— И зачто! зачто! думалъ онъ.

За этииъ столомъ помѣстились всѣ человекъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, упалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой хотѣлъ непремѣнно влѣсть на столъ и провозгласить тостъ, и только ошцерь, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночинный, хотя и начинался для него поваръ, ирѣпостной человекъ какого-то генерала: былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картошелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ наконецъ гусь, и подѣ-

конецъ всего блманже. Изъ вина было: пиво, водка и керсъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственной своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для гостей же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вѣтѣй, въ число которыхъ пополю даже лемберный. Накрывать оны были многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цѣтная. Гости сидѣли въ перемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова смѣлъ за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распорядилась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, непоказывавшаяся прежде, въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти наконецъ изъ задней комнаты къ ужину. До-сихъ-поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и очевидно не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны, и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. Покрайней-мѣрѣ ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашептывалъ. Другой, изъ учащихся, былъ правда совершенно ужь пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ тоже и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ несовсѣмъ благонадеженъ. Но особенною и видимою ненавистью сіялъ сотрудникъ Головешки: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого особеннаго вниманья на сотрудника, нависавшаго въ Головешкѣ только четыре стшка и слѣлавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, оче-

видя назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ не кто другой, какъ сотрудникъ Головешки.

Все это конечно дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ-будто сталъ забываться и главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнетъ и засмѣется, тогда какъ вовсе нечелу было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хотъ и налилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить, и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакить: Онъ чувствовалъ, что упадетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника Головешки. Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и главное какой, онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ свизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и наконецъ, въ заключеніе, откровенно рассказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, и вижу ясно; она даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорою неотразимо. Они наполнять рюмки и съ кривомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже еслибъ покачать вздумали погусарски, и бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я воцалю въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ конечно впослѣдствіи исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя конечно нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого

новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всё они будутъ любить меня и я выйду со славою!..

Эти мечты конечно были очень пріятны, но неприятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно: плевать. Покрайней-мѣрѣ слюна вдругъ начала высккивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгала щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому дотога нелѣпнымъ, дотога вѣдъ всего вдроваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей вещи, но что Акимъ Петровичъ слушая его, нисколько какъ-будто сконфузился, но даже чаго-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ неприятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ-будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышанье началъ говорить.

— Я сказалъ уже! началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже господа сейчасъ Акиму Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ вы понимаете, что я хочу ска-ка-зять... Россія переживаетъ по моему глубочайшему убѣжденію гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось на другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачивалъ головою, какъ бы усовѣщевая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! уверенно продолжалъ онъ: — и давеча... и именно давеча я говорилъ Стефану... Никя-ки-Форовичу... да... что... что обновленію, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громно раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отафчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть кто ему крикнулъ,

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся; продолжайте! пра-дал-жайте! послышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыкъ вещей...

— Ваше превосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обществу. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно намякшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканы и дѣй тарелки, утверждая, что на свадьбѣ будто-бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекалъ крикуна:

— Что ты, чего орешь? вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалился на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! шопотомъ подсказалъ Цеселопомовъ.

— Вижу что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно также разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять мѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! сошолъ съ

ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подѣ арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усобищевалъ; а тотъ ему: па-хвально, па-ахвально! И страшно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подѣ судъ отдать, но замѣтили что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго... Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ.

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на перасе время даже почти не занимаясь: — я очень хорошо въ состояніи различить, что живого не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ въ помѣшательствѣ былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хотчу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, и люблю Пор... порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человекъ, ваше превосходительство, снова-было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижалъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи: если я пришолъ... да... да на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчанье, да еще на такой категорической вопросъ. «Ну что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» мелькнуло

въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопль, который давно уже ему представлялся :

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ ?

Вдругъ сотрудникъ Головешки, уже сильно пьяный, но сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества :

— Да-съ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ : — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ра-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами и восторыхъ я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это ! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился какъ столбъ и совершенно не зная, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво !

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью :

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы поѣхали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ жонъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ

задалъ ему нѣсколько тумановъ въ спину, и вытолкнулъ его въ дверь.

— Всѣ вы полдецы! кричалъ сотрудникъ: — и васъ всѣхъ завтра же въ Головешкѣ окарикатуру!..

Всѣ повскакали съ нѣтъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпаясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генераль: — я уничтоженъ... я пришолъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно желая уйти, покачнулся, зашпунлся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенья сохраняютъ они сознание и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознание. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по своему толкуя о пропедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покаместъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ, избранное нами теченіе расказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріѣ Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяць до своего брака, онъ погубилъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи.

гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получивъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ оставалось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибали вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матерьялами. Бывали дни что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляри : къ нему подходило начальство съ вопросами : давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно : мыслилъ ли онъ, создавалъ ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? Но възаимнѣ того въ немъ выработывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное : у муравьевъ разорите гнѣздо и они тотчасъ же вновь начнутъ создавать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На абу его было видно, что онъ добьется дороги, устроитъ гнѣздо и можетъ-быть даже скопить и про-запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ можетъ-быть еще лѣтъ пять или шесть, до переменъ обстоятельствъ, еслибъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то, когда-то обязанъ. Деньжошки у него водились, конечно, неболь-

нія, но они были; сколько ихъ дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я дескать знаю его, отецъ его былъ хорошій человѣкъ и сынъ будетъ хорошій человѣкъ.» Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ; сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожь пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непременно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, большую и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ тысячи одной noci. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбниками, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, неисключая и жены его, родившейся съ зубною болію, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онѣ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ своимъ мужемъ и наконецъ овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не любилъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣспилась въ деревянномъ домѣ на петербургской, недоѣдала, потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копѣйками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ бессонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ все это бѣдствовалъ и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пражонъ его длиннымъ носомъ и

спиревнымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семьнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую школу, но изъ нея почти ничего, кромѣ азбуки, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпіонствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужь ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маньки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстину имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки чего-нибудь стоявшій. Сверхъ того давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ челоуѣка? кричалъ пьяный самодуръ. Впервыхъ, для того, что всѣ вы бабѣ, а мнѣ надоѣло одно бабѣ. Я хочу чгобъ и Пселдонимовъ по моей дулкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Вотгорыхъ потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидятъ. Всѣхъ изгони и клюку изготовлю»...

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужъ рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до сватъбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на сватъбу. Старикъ ихъ покровительствовалъ, можетъ-быть именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ самого Пселдонимова заставилъ еще за педѣлю до сватъбы проплясать передъ собой казачка. — Ну довольно, я хотѣлъ только видѣть не забываешься ли ты передо мной, сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на сватъбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственничковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ,

что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужь такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ: Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одинадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и къ ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться зачѣмъ ее не предувѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣряли, что онъ пришолъ самъ, незванный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашолся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копѣйки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовершенствовали. Она дала наконецъ собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу жолчи и оцта, что онъ уже неоднократно вбѣгая въ комнату, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и можетъ-быть на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укоры безтолковой невѣстиной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой, и непременно карету, потому что на ванькѣ въ такомъ видѣ, и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшленная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копѣйки. Можетъ-

быть и въ самомъ дѣлѣ не было ни возможности. Гдѣ взять? Что сдѣлать? Да, было отчего терять себя волосѣи.

Между тѣмъ Иванъ Ильичъ покаместъ перенесся на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покаместъ убрали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во всё углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого-ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было на-безпоиить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человекъ, услышавъ о деньгахъ, пришолъ въ такое недоумѣнье и къ такой даже испугу, что наговорилъ самой неожиданной дряни :

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, болталъ онъ : — а теперь... право меня извините...

И взявъ шапку носкорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ еще пригедился на что-нибудь, да и то нестати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покаместъ, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на петербургской даже и вѣнокъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились однако въ трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемянилось рѣшенье. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой, стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. «Еще что изъ этого выйдетъ?» говорилъ совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ :

Если ужъ оставить большого дома, то куда же перенести его, и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая, новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели или лучше сказать обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продуронныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить большого? Перина-то бы еще пожалуй и нашлась, — можно было вытащить изъ подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлатъ. Оказалось, что постлатъ надо въ залѣ, такъ-какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ вѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлатъ? неужели на стульяхъ? Извѣстно что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказалъ бы онъ наавтра, увиди себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрасъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ каленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узорами. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ все было, какъ слѣдуетъ и гости, почти всѣ перебивавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково же было ея негодование, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то вродѣ холернымъ! Машенька новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщала наавтра же жаловаться мужу; но Пселдонимовъ позвалъ себя в вистоялъ: Изава Ильича перевесли, а новобрачными послали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была шипаться; но слушаться не могла: у панаши былъ костюмъ, ей очень знакомый, и она знала, что панаша непремѣнно

завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже ненужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривеника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Песни, въ четвертую рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшего у своихъ знакомыхъ, и попытаться: шѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она принежилась на полу, на коврикъ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потомучто принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ едѣвалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однако жъ несчастья этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ, послѣ того какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отрадный крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ-будто паденіе стульевъ, и въ мигъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ всевозможныхъ дезабиле. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ большихъ дѣтей, три ея тетки, приплелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже проживалка-нѣвна, рассказывавшая сказки, изъ подъ которой вытащили силей для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, приплелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины, уже съ четверть часа,

какъ пробрались изъ кухни, черезъ коридоръ на крылечникъ и подслушивали въ передней, покираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ кто-то наскоро зажогъ свѣчку и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Студя, невыдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, разбѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она бытъ до-сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Совѣтъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но машина новобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова страшными и по большей части несправедливными упреками на тѣму: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этаго? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее, и наконецъ взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя всю отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцомъ, требующимъ отчета. За нею убралась и воѣ, ахая и покрывая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его, и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьи, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ бы машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣсились танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки папиросъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутыя стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжолыя мысли, какъ напри- мѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? онъ мучительно сознавалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во чтобы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего что случилось въ срей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который пожалуй завтра же заставитъ его опять плясать козачка, чтобъ испятать его кротость. Сообразилъ онъ также, что Млекопитаевъ хотъ и далъ пятьдесятъ рублей на свидѣбный

день, которые всё ушли до копѣйки, но четыреста рублей приданных и не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, становившимся на одно колѣно передъ его женѣй. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала наконецъ такіе сюрпризы, что можно было наконецъ и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ должно-быть спать приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе неприятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше еслибы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ наприимѣръ мать Пселдонимова, — слышалъ ея незлобивыя увѣщанія вродѣ: «потерпи мой голубчикъ, потерпи батюшка, стерпится-слюбится», узнавалъ, и не могъ однако дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему:

чаще всѣхъ представлялся ему Семень Иваичъ; но вглядываясь пристальнѣе онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Иваичъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ и старуха съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату и все добивался мысленно: к чему служить это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспалъ около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильячъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ наконецъ до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его, и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и жолтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомоѣйникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомоѣйникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какже, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись—то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, котораго онъ бы могъ теперъ не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжолыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызений совѣсти и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукояйникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копѣекъ въ пятнадцать пѣною, очевидно купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плеча шубу, поданную ему Пселдонимовой и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проѣзжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще домъ и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно; чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ и должно быть они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное гнѣздо, отверзтый гробъ, житье въ уединенной кельи, лѣса и пещеры; но очнувшись онъ почти тотчасъ-же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственныя припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его; разомъ овладе-

валъ ея и все выжигалъ и разтравливалъ. Онъ соображалъ, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шопоть его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ-же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно : онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человечества. Во всякомъ случаѣ надо было непременно переменить всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободраться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить невзвѣстности и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома, въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышитъ за собою двусмысленный шопоть, увидитъ двусмысленныя лица, пожметъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково-же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почти-тельно ; ему кланялись ; всѣ были серьезны ; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ-же и пресерьозно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не рассуждалъ, и рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла-бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ явился и Акимъ Петровичъ, съ какими-то бумагами. При появленіи его, что-то какъ будто колдунъ Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся

съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывая ему какъ надо садиться и радъяснялъ. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ-будто забываетъ, слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича, или лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше: — чиновника Пселдонимова о-переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семень Ивановичъ Шипуленко общали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Чтожъ, я съ моей стороны... я употреблю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!.. Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ оскѣся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. Въмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то утробленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пытался къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или лучше сказать добратся поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все

его лицо. Ему стало вдруг до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКИЙ

НА МЫЗЪ

(Е. А. Шт. к. и. шн. д. р.)

Ползеть ночная тишина
Подслушивать вочные звуки...
Травкою пахнетъ и влажна
Въ саду скамья твоя... Больва,
На книжку уронивши руки,
Сидяшь ты въ тѣнь погружена,
И говоришь о дняхъ грядущихъ,
Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,
О роковой растратѣ силъ,
Которыхъ ключъ едва пробилъ
Кору тупаго закоснѣнья,
О всемъ, что губитъ вдохновенье,
Чѣмъ такъ униженъ человекъ
И что великаго презрѣнья
Достоинъ въ нашъ великій вѣкъ.

А тамъ — сквозь тѣнь — огни за чаемъ,
Сквозь окна — музыка... Серпомъ
Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ,
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земнаго рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ,
На тундрахъ домъ возникъ — и вотъ
Трудомъ тяжолымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило : нежданнымъ

Паденьемъ безмятежныхъ водъ
 Возмущены ночныя тѣни,
 И усыпительно для лѣни,
 Однообразно жернова
 Шумятъ, — и лодка у плотины,
 И Термуса изъ бѣлой глины
 Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай, и ты привыкла
 Къ благополучью своему.
 Здѣсь рай. Зачѣмъ же ты поникла,
 И вновь задумалась к чему?
 Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
 Для гражданина и для пѣсенъ,
 Что мысли здѣсь займутъ луна,
 Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
 И новой жизни семена
 Взойдутъ быть-можетъ пустоцвѣтомъ;
 Что въ этомъ маленькомъ раю
 Все измельчаетъ понемногу.
 Иные скажутъ: «слава-богу!»
 А ты, — ты голову свою
 Повѣсивъ, будешь какъ нѣмая
 Сидѣть и думать: «Боже мой!
 Какъ хорошо бѣжать изъ рая
 И окунуться съ головой,
 Въ жизнь, поднимающую вой,
 Какъ злое море подъ грозой...»

Л. ПОЛОНСКІЙ

КЪ ВОПРОСУ О ПОСТРОЙКѢ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ НА ЮГѢ РОССИИ

I

Конечно никто теперь не сомнѣвается, что польза отъ возможнаго увеличенія въ Россіи количества желѣзныхъ дорогъ, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайняя необходимость ихъ въ нѣвѣстныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ нашего общества. Едвали сдѣлаемъ мы какое-либо преувеличеніе, если скажемъ, что убѣжденіе въ необходимости такихъ дорогъ для Россіи столь же прочно и спльно въ умахъ образованныхъ людей, какъ и убѣжденіе въ необходимости совершеннаго уже улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и уничтоженія откупной системы. Причина тому понятна. Несмотря на ограниченность сферы нашей гласности, общество наше въ послѣднее время все-таки имѣетъ несравненно болѣе возможности, чѣмъ въ прежніе годы, слѣдить за развитіемъ и состояніемъ между прочимъ и нашего экономическаго быта; вмѣстѣ съ этимъ оно можетъ лучше прежняго слѣдить за состояніемъ и развитіемъ экономическаго быта другихъ народовъ, преимущественно передовыхъ, а потому оно и въ состояніи вѣрнѣе сравнивать свои успѣхи и неудачи въ этомъ отношеніи съ успѣхами и неудачами другихъ народовъ. Такое сравненіе конечно не можетъ не имѣть благотворнаго вліянія на умы и не вести ихъ между прочимъ къ тому заключенію, что несмотря на благотворность совершаемыхъ нынѣ у насъ реформъ, Россія далеко еще не догнала запада какъ во многихъ другихъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такое убѣжденіе имѣетъ тѣмъ болѣе силы и значенія и становится съ каждымъ днемъ тѣмъ глубже, что общество наше въ высокой степени *чувствуетъ* (ибо выносить на себѣ) тяжесть тѣхъ затрудненій, которыя порождены неразвитостью нашего экономическаго быта. Эта тяжесть выражается конечно въ

возрастающей ежедневно дороговизнѣ предметовъ потребленія, почти нисколько неумѣримою въ общей сложности (такъ по крайней мѣрѣ кажется большинству нашего городского народонаселенія) увеличеніемъ количества средствъ къ жизни (т. е. доходами, заработной, платой, жалованьемъ и проч.); она выражается также въ безденежьи, на которое, какъ извѣстно, постоянно жалуются теперь почти всѣ, въ недостатокѣ кредита, въ уменьшеніи количества производства нѣкоторыхъ важныхъ статей производительности страны, въ недостаточномъ развитіи, даже въ застоѣ торговли и проч. и проч. Продолжая свое сравненіе, образованные классы нашего общества приходятъ и къ тому заключенію, что Россія не только не догнала запада, но и отстаетъ не только отъ него, но и отъ себя въ важнѣйшихъ для нея статьяхъ торговли съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, если и не уменьшаются, а напротивъ увеличиваются вообще, по мѣрѣ возможности, наши торговые сношенія съ другими государствами, тѣмъ не менѣе изъ Россіи вывозится теперь за границу менѣе изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ статей ея производства, чѣмъ въ прежніе годы, и это въ то время, когда значительно увеличивается вывозъ тѣхъ же статей производства изъ другихъ странъ, конкурирующихъ въ торговлѣ съ Россіей этими статьями.

Прійдя къ такому заключенію, т. е. убѣдясь, что если мы страдаемъ отъ безденежья, что если торговля наша съ иностранными государствами находится въ стѣсненномъ состояніи, то все это между прочимъ происходитъ отъ того, что значительно уменьшается вывозъ за границу нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ статей нашего производства, — убѣдясь въ этомъ, а не убѣдиться въ этомъ нельзя, ибо факты на лицо, — понятно, что общество наше не удовольствовалоь подобной находкой, а пошло далѣе, т. е. начало отыскивать причины такого знаменательнаго факта, какъ уменьшеніе вывоза нашихъ произведеній за границу. Конечно уже давно знали у насъ многіе, какія вообще препятствія существуютъ въ Россіи къ развитію промышленности вообще; но знать, даже вполне сознавать и глубоко чувствовать, — не одно и тоже, а потому и знаніе это не имѣло ни значенія народнаго сознанія, ни мощи болѣе или менѣе громко кричащей о себѣ народной нужды. Потому-то это знаніе, даже подъ-часъ полное сознаніе положенія, оставалось какъ бы дѣломъ только кабинетнымъ, и притомъ не министерскп-кабинетнымъ конечно, а только учено-кабинетнымъ, такъ что, какъ извѣстно, лѣтъ съ десять-пятнадцать тому назадъ, даже менѣе, нѣкоторымъ *практикамъ* нашимъ — высшаго полета разумѣется, а не изъ тѣхъ, которые по собственному опыту знали Россію и ея нужды, — наши пути сообщенія вообще казались де-

статочко-хорошими, и Россія не идя понятіямъ не нуждалась и надолго немогла нуждаться въ болѣе совершенныхъ путяхъ сообщенія, въ особенности въ желѣзныхъ дорогахъ. Но настало наконецъ другое время, — и учено-кабинетское знаніе сдѣлалось знаніемъ болѣе или менѣе общественнымъ, ибо фактъ сдѣлался обязательнымъ для всего нашего общества, сдѣлался его нуждой. Въ подобнѣхъ случаяхъ общество поступаетъ и у насъ по возможности такъ же, какъ и вездѣ, а именно оно хочетъ знать, отыскиваетъ, а потому и находитъ причину зла, которое дѣйствуетъ неблагопріятно и враждебно на его благосостояніе. Благодаря наукѣ и журналистикѣ, въ которыхъ и въ этомъ отношеніи не могли не ирриять большаго или меньшаго участія всѣ болѣе или менѣе образованныя сословія наши, а также и многіе въ полномъ смыслѣ слова практическіе люди, — благодаря наукѣ и журналистикѣ, говоримъ мы, общество наше легко разъяснило себѣ, если быть-можетъ еще и не всѣ, то многія важнѣйшія ирричины подобнаго зла, т. е. уменьшенія вывоза нашихъ естественныхъ произведеній за границу, и нашла одну изъ такихъ ирричинъ, въ несовершенствѣ нашихъ путей сообщенія вообще, и въ недостаткѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Оно и немогло не прійти къ такому выводу, вѣрности котораго лишній разъ подтверждаетъ истину, что каждое общество равно или поодно лучше кого бы то нибыло сознаетъ свои потребности, и притомъ тѣмъ скорѣй и лучше, тѣмъ заблаговременнѣе, чѣмъ менѣе тому естественныхъ и въ особенности искусственныхъ препятствій.

Вѣрность такого вывода бросается въ глаза и подкрѣпляется самыми основательными соображеніями и несомнѣнными фактами. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ уменьшать, при настоящихъ обстоятельствахъ, отпускъ нашихъ произведеній за границу въ то время, когда отпускъ тѣхъ же произведеній изъ другихъ странъ не только не уменьшается, а даже увеличивается? Конечно *дороговизна* нашихъ произведеній. Торговля не разбираетъ, или по меньшей мѣрѣ не очень-то увлечается ни національностью, ни политическими вообще соображеніями, ни чѣмъ другимъ, кромѣ своихъ интересовъ. Покупщикъ, — а каждый народъ есть и покупатель и продавецъ, — продавецъ, а вотому и каждый купецъ, промышленникъ и коммерсантъ, покупаетъ по возможности только тамъ, гдѣ можетъ купить товаръ дешевле, точно также, какъ и продаетъ онъ свои произведенія и товары по возможности только тому, кто дастъ за нихъ высшую цѣну. Наши произведенія вздорожали въ сравненіи съ такими же произведеніями другихъ странъ, — у насъ и перестали или стали менѣе покупать, чѣмъ у другихъ. Уменьшеніе нашего

сбыта происходить стало—быть отъ дороговизны нашихъ произведеній. Откуда же такая дороговизна?

Правильная (обычная) цѣна произведеній зависитъ отъ *стоимости* (или цѣны) *производства* ихъ и *количества* существующихъ на нихъ *требованій*. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только весьма рѣдкія случайности. Въ вопросѣ о томъ, почему уменьшается сбытъ нашихъ произведеній за границу, *количество требованій* на нихъ не имѣетъ важнаго значенія, ибо требованія на нихъ, какъ напримѣръ на пшеницу для Англіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, продолжаютъ по прежнему, но не по прежнему, а въ меньшей противъ прежняго степени удовлетворяются эти требованія отпускомъ пшеницы изъ Россіи и въ болѣе въ то же время степени, чѣмъ въ прежніе годы, отпускомъ изъ другихъ странъ, какъ напримѣръ изъ Венгріи, турецкихъ владѣній, Пруссіи. Такимъ образомъ цѣны нашихъ отпускныхъ произведеній, по отношенію къ цѣнамъ тѣхъ же произведеній нѣкоторыхъ другихъ странъ, зависятъ исключительно отъ стоимости производства этихъ произведеній, а въ томъ числѣ разумѣется и доставки ихъ какъ на *рынокъ* (городъ, портъ, ярмарку и проч., т. п.), гдѣ они могутъ найти покупателей, такъ и на *рынокъ*, на которомъ они могутъ быть перепроданы потребителямъ. Такимъ образомъ произведеніе, стоящее въ Петербургѣ и Парижѣ рубль, будетъ конечно покупаться для Англіи или для Германіи не непременно въ Парижѣ и Петербургѣ, а или въ Петербургѣ, или въ Парижѣ, смотря по тому, откуда, при тождествѣ другихъ условій и обстоятельствъ, провозъ этого произведенія въ Англію или Германію обойдется дешевле покупателямъ, ибо въ такомъ случаѣ отъ провоза только будетъ зависѣть разница въ цѣвахъ произведенія, происходящая отъ покупки его въ этихъ городахъ.

Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу странъ, изъ которыхъ вывозится множество сырыхъ, преимущественно льняныхъ и земледѣльческихъ вообще произведеній. Главный предметъ нашего вывоза — пшеница. До послѣднихъ годовъ Россія была самымъ опаснымъ и могущественнымъ соперникомъ въ заграничной торговлѣ пшеницей для всѣхъ странъ, производящихъ пшеницу; въ послѣднее же время эти страны, какъ напримѣръ Венгрія, все болѣе и болѣе увеличивали въ этомъ отношеніи свое значеніе, а Россія утрачивала свое, т. е. ихъ сбытъ увеличивается, а нашъ уменьшается, и такимъ образомъ соперничество этихъ странъ становится опаснымъ для Россіи. Откуда такая перемѣна? Почему наши произведенія, напримѣръ хоть наша пшеница, не могутъ, по цѣнѣ, въ той степени конкурировать съ удобными произведеніями дру-

гихъ странъ, въ какой конкурировали прежде? Вѣдь неизмѣнились ни географическія условія мѣстностей, ни даже политическія въ той мѣрѣ, чтобъ оченъ вліять на цѣны такихъ произведеній. Что же измѣнилось? Въ чемъ перемѣна?

Измѣнились условія производства, имѣющія главнѣйшее вліяніе на цѣны произведеній; измѣнились въ особенности условія перемѣщенія, провоза произведеній.

Сравнивая Россію съ другими странами по отношенію къ отпуску ея произведеній на западъ, остающійся до сихъ поръ главнѣйшимъ потребителемъ нашихъ произведеній, нельзя не видѣть, что на ея сторонѣ не много выгодныхъ условій; на примѣръ она болѣе другихъ странъ, съ которыми соперничаетъ по предметамъ своей отпускной торговли, удалена отъ важнѣйшихъ европейскихъ рынковъ. Кромя того она мало населена, мало развита и въ экономическомъ отношеніи, такъ что не можетъ производить *трудо*мъ столь же дешево, какъ другія, болѣе ея образованныя страны; въ ней мало, относительно, природныхъ и въ особенности искусственныхъ путей сообщенія; въ ней, относительно, мало рукъ и капиталовъ; крѣпостное право не менѣе, какъ на половину, уменьшало производительность народнаго труда и при этомъ не менѣе, какъ вдвое увеличивало расходы природныхъ силъ страны; а между тѣмъ до послѣдняго времени регламентація даже промышленности считалась у насъ чѣмъ-то особенно выгоднымъ и необходимымъ для края; по тязолымъ бременемъ, гнетущимъ тормазомъ была она для развитія нашихъ экономическихъ силъ и т. п. Несмотря однако на все это, природа столь щедро надѣлила Россію своими дарами, что отъ продажи одного избытка естественныхъ и земледѣльческихъ произведеній края, Россія долгое время, какъ казалась по крайней мѣрѣ многимъ, богатѣла между прочимъ отъ значительнаго торговаго западомъ и была опасной соперницей, преимущественно своими земледѣльческими произведеніями, для странъ, находящихся въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ для сбыта такихъ же произведеній, въ особенности важнѣйшихъ изъ нихъ, какъ на примѣръ пшеницы.

Всѣ почти выгодныя и невыгодныя условія для такой торговли у насъ сохранились въ большей или меньшей степени. На примѣръ уничтоженіе крѣпостнаго права и другія благотѣльные реформы еще, по недавности своей, не могли выказать всего своего благотворнаго вліянія на нашу заграничную торговлю, тѣмъ болѣе, что благотворность этого вліянія значительно парализируется другими неблагоприятными для производительности страны обстоятельствами, какъ-то: дороговизной и большею противъ прежняго времени

рѣдкостію свободныхъ капиталовъ, уменьшеніемъ размаха кредита и проч. Стало быть, въ этомъ отношеніи степень возможности для Россіи конкурировать въ торговлѣ своими произведеніями съ странами, съ которыми она соперничаетъ, покуда еще не увеличилась, да и не могла, по обстоятельствамъ, увеличиться.

Напротивъ она къ сожалѣнію уменьшилась и должна была, по обстоятельствамъ, уменьшиться, ибо увеличилась степень возможности другихъ странъ конкурировать съ Россіей. Покуда мы вели крымскую войну, покуда у насъ совершались между прочимъ безспорно благодѣтельные, но тѣмъ не менѣе такія реформы, которыя требовали немало умственныхъ напряженій и матеріальныхъ вѣтратъ до своего осуществленія, — соперничающія съ нами по затранный торговлѣ страны совершенствовались свое производство и свой экономическій бытъ вообще, улучшали у себя пути сообщенія, строили желѣзныя дороги, и это, конечно, несмотря на то, что несравненно менѣе Россіи нуждались въ такихъ улучшеніяхъ и дорогахъ.

Конечно и у насъ строились желѣзныя дороги и улучшались пути сообщенія вообще въ послѣднее время; но количество такихъ построекъ и улучшеній далеко не соответствовало потребностямъ въ нихъ страны, особенно при той спѣшности, съ какой это дѣлалось въ соперничающихъ съ нами въ промышленномъ отношеніи государствахъ.

Венгрія напимѣръ изобилуетъ естественными водными сообщеніями, рѣками. Дунай соединяетъ ее съ нѣсколькими государствами Германіи, а притоки его — съ внутренними венгерскими жилищами и рынками. Дунай же соединяетъ ее съ Чернымъ моремъ; да притомъ же она гораздо ближе чѣмъ Россія къ Средиземному морю. Несмотря на такія благоприятныя для торговли естественныя удобства, несмотря на каналы и болѣе или менѣе хорошія шоссевыя дороги, въ Венгріи построено уже нѣсколько значительныхъ ливій желѣзныхъ дорогъ и употребляются всѣ средства, чтобы увеличить ихъ количество. Вотъ почему отпускъ хлѣба напимѣръ изъ этой страны быстро растетъ съ каждымъ годомъ, и отъ двухъ до трехъ миліоновъ центнеровъ въ 1855—1859 годахъ возросъ безъ малаго до семи миліоновъ въ 1860 году. Кромѣ того, земледѣліе и сельское хозяйство вообще значительно улучшаются въ Венгріи, чего нельзя еще сказать конечно о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, ибо оно находится еще только на пути къ улучшеніямъ. Такимъ образомъ, если и въ прежніе годы Венгрія могла иногда съ успѣхомъ конкурировать съ Россіей въ торговлѣ хлѣбомъ, то конечно сдѣлавъ значительные успѣхи въ своемъ экономическомъ бытѣ, при неизбѣж-

ной пекула недостаточности такихъ усѣлковъ въ Россіи, Венгрія должна была сдѣлаться для насъ болѣе или менѣе опасной соперницей въ торговлѣ хлѣбомъ, а частію и другими сельскими произведеніями.

Тоже самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Такимъ образомъ торговля Россіи хлѣбомъ начала утрачивать свое прежнее значеніе. Нашъ промышленный міръ, а за нимъ и все русское общество не могли конечно не открыть равно или мозло такой причины уменьшенія отпуска русскихъ произведеній, составляющей въ тоже время и одну изъ причинъ какъ нашего безденежья, такъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій въ нашей современной жизни.

Сознавъ эту причину, у насъ заговорили о крайней необходимости желѣзныхъ дорогъ для Россіи, особенно южной дороги, долженствующей соединить внутреннія, хлѣбородныя мѣстности страны и ея внутренніе хлѣбные рынки съ Чернымъ моремъ.

Какъ извѣстно, существуетъ уже нѣсколько проектовъ и предположеній о постройкѣ южныхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Одни требуютъ соединенія Кіева, Харькова, Воронежа, Москвы съ Одессой, другіе такъ-называемую Феодосійскую дорогу.

Есть и еще одинъ проектъ, неизвѣстный еще публикѣ, именно караовско-таганрогской желѣзной дороги. Много есть проектовъ.

II

Считая, подобно многимъ другимъ, вопросъ о необходимости постройки южной дороги рѣшоннымъ, но въ тоже время не имѣя достаточно свѣдѣній, чтобъ разбирать достоинства и недостатки извѣстныхъ намъ проектовъ и соображеній касательно направленія предполагаемыхъ линій, мы понеобходимости должны предоставить такой разборъ спеціалистамъ и вообще людямъ болѣе насъ состоятельнымъ въ этомъ отношеніи. Да и не съ цѣлью подобнаго разбора пишемъ мы эту статью. Цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобъ посылить содѣйствовать къ разрѣшенію уже поднятаго въ нашей литературѣ вопроса, а именно: какъ ни необходима та или другая южная линія, имѣетъ ли Россія въ настоящее время возможность и средства построить ее? Другими словами: гдѣ взять денегъ на проведеніе новой линіи желѣзныхъ дорогъ? Не мало ли на то у насъ теперь свободныхъ капиталовъ? Можемъ ли мы обойтись безъ капиталовъ иностранныхъ и возможно ли намъ въ настоящее время приобрести ихъ на своихъ условіяхъ? Кроме того сюда же относится и вопросъ: кому строить дорогу, —

правительству ли на общественные капиталы или на казенныя средства, или же частной компаніи, русской или иностранной, на частныя, русскіе или иностранныя капиталы?

Такие вопросы неизбежны при современномъ состояніи нашего денежнаго рынка, равно какъ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, которыми обуславливаются средства Россіи для важныхъ и необходимыхъ общественныхъ построекъ.

Займемся сначала вопросомъ: есть ли у насъ *деньги* на постройку желѣзныхъ дорогъ или покуда *одной* только южной дороги? При этомъ прежде всего необходимо знать, во что можетъ обойтись такая дорога. Судя по предположеніямъ одного проектора (г. Джурича), дорога отъ Харькова до Таганрога (*главную* южнаго порта нашего, ибо онъ, благодаря Волгѣ и Дону съ ихъ притоками, лучше другихъ черноморскихъ портовъ соединяетъ сѣверо-восточную, юго-восточную, среднюю и южную полосы Россіи съ Чернымъ моремъ) должна стоить не дороже 20 миліоновъ руб. (400 верстъ по 50,000), но можетъ, въ случаѣ крайности стоить и несравненно меньше. Судя же по предположеніямъ другихъ лицъ, совѣтующихъ вести дорогу напрямѣръ на Одессу и Феодосію, она должна обойтись несравненно дороже, а именно отъ 60 до 80 и болѣе миліоновъ. Возьмемъ среднюю между ними цифру въ 40 миліоновъ, ибо на первыя два, три или четыре года, пока строится дорога, и эта цифра должна быть во всякомъ случаѣ достаточна, хотя бы проведеніе всей линіи и стоило отъ 80 до 100 миліоновъ. Гдѣ же намъ взять 40 миліоновъ, предполагая, что будетъ отлавно предпочтеніе какой-либо наиболѣе длинной и дорогой линіи?

Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о состояніи нашего денежнаго рынка, нашей монетной системы и нашихъ государственныхъ финансовъ вообще, и потому болѣе подробное рѣшеніе его мы должны отложить до другого раза, а теперь заняться имъ лишь настолько, насколько это крайне-необходимо для предмета настоящей статьи, а именно о средствахъ добыть 20 или въ случаѣ необходимости 40 или нѣсколько болѣе миліоновъ рублей на постройку одной какой-либо южной желѣзной дороги. Россія конечно нуждается не въ одной, а въ нѣсколькихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на проведеніе которыхъ потребуются не 20, 40, а 200, 300 и можетъ-быть значительно болѣе миліоновъ, которые также конечно могутъ, *должны* быть и будутъ добыты, ибо желѣзныя дороги необходимы и полезны во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Но куда, какъ мы сказали, мы ограничимся разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ средствъ для постройки одной южной дороги.

Итакъ *есть* ли у насъ 20 или 40 свободныхъ миліоновъ на цо-

стройку одной южной дороги? Есть! Они едва ли не вовсе праздно и бесполезно для страны лежать въ нашемъ государственномъ банкѣ, за покойное и благополучное пребываніе въ которомъ это учрежденіе обязано платить въ общей сложности не менѣе четырехъ процентовъ вкладчикамъ, которые одни только и выигрываютъ отъ такого для нихъ благополучія, за что конечно ихъ не слѣдуетъ осуждать, ибо при другихъ, болѣе нормальныхъ обстоятельствахъ они вѣроятно пользовались бы еще высшимъ благополучіемъ, и притомъ съ болѣею пользою для народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ оказывается, что нашъ государственный банкъ повидимому *можетъ* или *могъ бы* находящіяся въ немъ вклады употребить или ссудить на постройку южной линіи, и это съ пользою для себя и государства, а также и съ пользою для своихъ вкладчиковъ. Однако какъ ни просто повидимому такое употребленіе капиталовъ, праздно лежащихъ въ кладовыхъ банка, тѣмъ не менѣе оно представляетъ собою довольно сложный и запутавшій вопросъ, вслѣдствіе образа дѣйствій и положенія нашего банка въ государствѣ. Напримѣръ онъ по назначенію своему есть *государственное* кредитное учрежденіе и потому обязанъ содѣйствовать какъ дѣлу улучшенія нашей денежной системы, такъ и дѣлу промышленнаго и экономическаго вообще развитія Россіи, т. е. обязанъ стремиться къ достиженію *чисто-государственныхъ*, общепользныхъ цѣлей; но по устройству своему нашъ государственный банкъ есть только частію государственное учрежденіе, ибо онъ устроенъ *преимущественно* на *коммерческихъ* основаніяхъ, а потому и долженъ по необходимости болѣе всего дѣйствовать на *коммерческихъ* основаніяхъ, т. е. по образу дѣйствій *частныхъ* банковъ, хотя весь капиталъ его, по крайней-мѣрѣ судя по его уставу, есть капиталъ *государственный*, а не *частный*. Вотъ почему банкъ всегда можетъ оправдать образъ своихъ дѣйствій (какими бы ни представлялись они съ истинно-государственной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія, общественной пользы) своими коммерческими основаніями и интересами. Вотъ почему также государственный банкъ нашъ можетъ казаться почти всегда и правымъ и вповалымъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія, государственной или частно-коммерческой, смотрѣть на его операціи и вообще на его образъ дѣйствій. Вотъ почему и несмотря на то, что банкъ располагаетъ капиталами на постройку южной дороги, изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ ни то, что онъ употребитъ, ни то даже, что онъ *можетъ* или *долженъ* употребить эти капиталы на такое предпріятіе. Для того, чтобъ знать: употребитъ ли, можетъ ли и долженъ ли онъ употребить располагаемые имъ свободные капиталы на устройство южной

или какой-либо другой желѣзной дороги, необходимо звать всѣ тайныя и явныя пружины его дѣйствій, видовъ, намѣреній, цѣлей; необходимо также звать состояніе располагаемыхъ имъ денежныхъ средствъ со всѣми ихъ тончайшими свойствами и качествами, а этого никакъ не узнаешь изъ однихъ хотя и довольно часто публикуемыхъ имъ отчетовъ, даже и при увѣренности, что эти отчеты въ общей сложности математически точны. Напримѣръ, что такое означаютъ въ балансахъ нашего государственнаго банка, въ отдѣлѣ актива, 12,000,000 государственныхъ фондовъ? Иностранные ли это фонды, могущіе быть реализованы и замѣнены звонкою монетою или слитками, или же это неотвержденный или отвержденный долгъ нашей казны, и потому если и видно, что эта сумма входитъ и должна входить въ отдѣлъ актива государственнаго банка, то никакъ не видать изъ балансовъ банка принадлежить ли она къ активу или къ пассиву нашей казны? Въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій было объявлено, что эти 12 миліоновъ — долгъ нашей казны; но такъ ли это? или правильнѣе, можно ли это вывести изъ балансовъ государственнаго банка? Конечно нѣтъ.

По всему этому, какъ правительство, представитель общественныхъ интересовъ, такъ и общество наше могутъ имѣть свои виды и цѣли между прочимъ и по отношенію къ операціямъ нашего государственнаго банка, но банкъ можетъ имѣть и свои собственныя, которые могутъ иногда далеко не вполне согласоваться съ видами и цѣлями какъ правительства, такъ и общества, ибо будучи государственнымъ учрежденіемъ, онъ въ тоже время есть и учрежденіе коммерческое, частное, хотя и устроенное насчетъ казны, и за состоятельность котораго ручается казна. Онъ не то что французскій и англійскій банки. Эти банки — чисто-коммерческія, частныя, а не государственныя учрежденія, созданы на частныя средства, даже кредитуютъ правительствамъ, и потому-то между прочимъ пользуются отъ нихъ извѣстными привилегіями. У насъ же выходитъ наоборотъ: не государственный банкъ ссужаетъ правительство или казну, а напротивъ только благодаря казнѣ пользуется нашъ банкъ извѣстнымъ довѣріемъ публики; только благодаря капиталамъ и средствамъ казны существуетъ онъ, и потому конечно онъ ей не въ помощь и въ случаѣ нужды никакъ не выручитъ ее, — онъ не то что французскій и англійскій банки, которые, благодаря своимъ значительнымъ средствамъ и образу своихъ дѣйствій, не разъ помогали англійской и французской казнамъ своими капиталами и довѣріемъ къ нимъ публики.

По всему этому нельзя также ни требовать, ни ожидать, чтобы государственный банкъ употребилъ тѣ вклады, которые безъ поль-

зы даже для него самого лежать въ его кладовыхъ, на построеніе крайне-необходимой для Россіи южной желѣзной дороги. Банкъ *можетъ* опасаться, что эти вклады могутъ быть у него потребованы, и въ такомъ случаѣ не только онъ, но и казна — такъ покрайней-мѣрѣ кажется нѣкоторымъ лицамъ — можетъ быть поставлена въ затрудненіе. Такое опасеніе банка при его организаціи, при настоящемъ вообще устройствѣ нашей денежной системы и т. п., такое опасеніе банка *можетъ* быть основательнымъ, хотя бы въ тоже время и не безосновательно, а напротивъ весьма основательно было высказанное въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») мнѣніе, что слѣдовало бы употребить болѣе или менѣе обременительное для банка значительное количество частныхъ вкладовъ на проведеніе необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, или по меньшей мѣрѣ, на содѣйствіе этому дѣлу такими вкладами. Противъ такого мнѣнія можно сказать только то, что и промышленность и недвижимая собственность крайне пуждаются у насъ въ кредитѣ, и потому заботясь о желѣзныхъ дорогахъ, не слѣдуетъ терять изъ виду интересовъ недвижимой собственности и промышленности вообще. Но съ другой стороны и недвижимая собственность и промышленность могутъ только выиграть отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, такъ что такой выигрышъ отчасти вознаграждаетъ ихъ за недостатокъ въ кредитѣ и въ оборотныхъ капиталахъ. Словомъ, при настоящемъ устройствѣ нашего банка и при настоящемъ направленіи, или правильнѣе, характерѣ нашей финансовой администраціи, невозможно прерѣшить этотъ вопросъ частнымъ лицамъ, ибо и самое правильное рѣшеніе его можетъ несогласоваться не только съ нѣкоторыми видами и цѣлями, но даже и съ извѣстными только немногимъ лицамъ, но тѣмъ неменѣе существующими обстоятельствами. Напримѣръ банкъ, при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, и на такихъ-то и такихъ-то основаніяхъ, могъ бы конечно съ значительной пользой и для него самого и для всей Россіи употребить частныя вклады на постройку желѣзныхъ дорогъ; но если эти вклады уже получили назначеніе, или если банкъ и даже министерство финансовъ уже имѣютъ въ виду *избавить* банкъ отъ прилива вкладовъ, къ чему въ такомъ случаѣ поведутъ и самыя правильныя соображенія и предположенія касательно такихъ вкладовъ?! Конечно ровно ни къ чему... Каждый родъ капиталовъ, даже каждый видъ ихъ долженъ имѣть свое назначеніе и употребленіе, и имѣетъ его конечно тамъ, гдѣ есть полная и вполне сформировавшаяся денежная и финансовая система; тамъ только и можно съ основательностью и толкомъ располагать такимъ назначеніемъ и употребленіемъ, а также и судить о нихъ.

По всему этому заслуживаетъ полнаго вниманія и мнѣнїе, что на постройку желѣзныхъ дорогъ намъ безусловно необходимо значительное содѣйствїе иностранныхъ капиталовъ, даже и на постройку одной южной дороги. Мы думаемъ однако, что Россїя можетъ рѣшительно обойтись безъ займовъ, т. е. безъ иностранныхъ капиталовъ, при постройкѣ одной только южной дороги, въ особенности харьковско-таганрогской; если же строить нѣсколько линїй желѣзныхъ дорогъ, примѣрно милїоновъ на 200, а тѣмъ болѣе на 300, то конечно при нынѣшней финансовой и денежной системѣ пашей, а также и при современномъ состоянїи нашего денежнаго рынка, Россїя никакимъ образомъ не можетъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ, т. е. займовъ. Конечно отъ такихъ займовъ немногимъ улучшится состоянїе русскихъ финансовъ, наше денежное обращенїе, и даже нашъ денежный рынокъ, что видно уже изъ того, что у насъ есть, можетъ и должно быть въ этомъ отношенїи при настоящемъ характерѣ нашей финансовой администраціи. При такихъ обстоятельствахъ займы болѣе или менѣе необходимы, или правильнѣе неизбѣжны, а тѣмъ болѣе въ случаѣ постройки нѣсколькихъ линїй желѣзныхъ дорогъ, предполагая въ особенности, что ихъ будетъ строить правительство или иностранная компанїя. Конечно и мы бы обошлись безъ иностранныхъ капиталовъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не только на 200, но и на 300, а можетъ-быть и болѣе милїоновъ, потому что количество свободныхъ у насъ капиталовъ никакимъ образомъ не ограничивается тѣми вкладами, которыми тяготеетъ нашъ государственный банкъ. Россїя болѣе богата свободными капиталами, нежели это кажется людямъ очень небогатымъ своими государственно-финансовыми способностями и знанїемъ Россїи. Россїи нужны, необходимы и полезны желѣзныя дороги, а потому Россїя имѣетъ въ самой себѣ и средства надѣлать себя ими, точно также, какъ каждый человекъ, маломальски не инвалидъ и не страдающій какой-либо особенной болѣзнью, имѣя потребность въ пищѣ, одеждѣ, всегда имѣетъ и возможность, при отсутствїи лишнихъ, искусственныхъ препятствїй, добыть себѣ трудомъ, т. е. своими силами, и пищу, и одежду и т. п. Русскій Кольбергъ, Тюрго, Ревентловъ, Брукъ или Кавуръ *впродолжѣнїи* бы непремѣнно, и притомъ сознательно въ Россїю, ибо зналъ бы ея нужды и средства, а потому—то непремѣнно нашолъ бы въ ней и капиталы, и все нужное на необходимыя для нея линїи желѣзныхъ дорогъ. Да онъ бы и не могъ ихъ не найти: они есть, они разбросаны по всей Россїи, но почти всѣ лежатъ втупѣ, не только праздыми, но отчасти и гнѣющимися капиталомъ. Да и какъ не вѣровать въ силы Россїи, въ особенности въ настоя-

шее время, когда, несмотря на свое тысячелѣтнее существованіе, она по своему развитію, едва достигаетъ совершеннѣйшаго и извѣщается отъ власти надъ собою крѣпостного права и отъ болѣе или менѣе подобныхъ ему, по вредности, стѣснительныхъ и уже совершенно неумѣстныхъ цепенъ и оковъ? Такъ можетъ ли не быть въ такой странѣ средствъ для ея безбѣднаго существованія, въ особенности, когда все то, что наиболѣе до сихъ поръ противо-дѣйствовало производительности народнаго труда и вообще развитію благосостоянія страны, все то или окончательно устраняется или значительно парализируется благими реформами и сознаниемъ народа?

Мы сказали выше, что по нашему мнѣнію, если при современной финансовой администраціи у насъ и неизбежны займы на постройку нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, то во всякомъ случаѣ можно бы было обойтись безъ займа въ случаѣ постройки одной только южной желѣзной дороги, въ особенности харьковско-таганрогской. Гдѣ же и какъ добыть деньги на эту дорогу?

До рѣшенія этого вопроса необходимо рѣшить вопросъ: кому строить, или кто будетъ строить дорогу? Строить ее, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, слѣдуетъ правительству, ибо, говорятъ они: ваше правительство прекрасно построило николаевскую желѣзную дорогу, а частныя лица, главное общество напр. построили извѣстныя линіи далеко не такъ хорошо, да притомъ же и не слишкомъ дешево, и прочее тому подобное.

Такое доказательство, по нашему мнѣнію, не довольно убѣдительно. Французское общество могло дѣйствовать и хуже того, чѣмъ оно дѣйствовало, а все-таки это нисколько не свидѣтельствовало бы въ пользу постройки дорогъ правительствомъ, ибо англичане, бельгійцы, нѣмцы, шведы, даже русскіе, по всей вѣроятности, построили бы дороги лучше французовъ, въ особенности еслибъ всѣ основныя условія постройки были бы опредѣлены надлежащимъ образомъ, и еслибъ во главѣ управленія этого дѣла стояли не чья-либо кліенты или протеже, а люди способные. Не французы дурны, а дурны, по крайней-мѣрѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ, въ особенности въ Россіи или на примѣръ Турціи, французы вѣка Людовика-Наполеона, воспитывающіеся на безотчетности, произволѣ и тому подобныхъ правилахъ.

Мы думаемъ, что слѣдовало бы дорогу строить не правительству, а компаніи частныхъ лицъ, если не русской, такъ хоть иностранной, даже французской, но безъ содѣйствія конечно вышшняго французскаго правительства или, что иногда тоже, гг. Перейра и Фульда. Правительство конечно можетъ построить дорогу хорошо,

прекрасно (доказательство николаевская дорога); но дешево, дешево частных лиц оно строить *не может*, что уже известно всему образованному миру. Вот почему желательно было бы, чтобъ правительство, какъ наше, такъ и всякое другое, никогда, кромѣ крайней необходимости, не занималось подобнымъ дѣломъ, даже и тогда, когда у него денегъ много, ибо лишнѣхъ денегъ ни у кого нѣтъ и никогда не бываетъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которые не знаютъ цѣны деньгамъ, а потому и не способны употреблять ихъ съ толкомъ, яраво-экономически. Кромѣ того такое дѣло было бы противорѣчіемъ болѣе или менѣе общему и благому характеру и направленію нашей государственной администраціи въ настоящее время, которая старается не усложнять, а упрощать свой механизмъ и не увеличивать, а по возможности уменьшать служебный персоналъ, что разумѣется въ высшей степени рационально. Назначеніе правительства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ состоитъ не въ постройкѣ ихъ своими чинами и средствами, а въ *необходимомъ* содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ частнымъ компаніямъ, сообразно требованіямъ государственныхъ интересовъ. Такое содѣйствіе можетъ выражаться конечно какъ въ некоторыми необходимыми привилегіями, гарантіями, ссудами или субсидіями, такъ и дозволеніемъ между-прочимъ состоящимъ въ государственной службѣ лицамъ вступать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ на служеніе компаніямъ, подобно тому, напримѣръ, какъ это уже у насъ дѣлается морскимъ министерствомъ и т. п.

Но если будетъ строить южную дорогу правительство, то гдѣ добыть ему денегъ, предполагая, что государственный бюджетъ не представляетъ излишка?

Правительство можетъ добыть такіе капиталы различными способами. Оно можетъ во первыхъ заключить новый заемъ на иностранныхъ рынкахъ; но это средство далеко не выгодное для Россіи, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ и тѣмъ болѣе при постройкѣ дороги правительствомъ. Вообще всегда легче занимать, чѣмъ уплачивать долги, даже и такіе, которые дѣлаются на производительныя и выгодныя промышленныя предпріятія, къ которымъ принадлежитъ и постройка желѣзныхъ дорогъ. Во вторыхъ правительство можетъ увеличить налоги; но такимъ образомъ польза отъ постройки желѣзной дороги будетъ значительно, а можетъ быть и до того парализована зломъ, что уничтожить все значеніе такой пользы. Въ дѣлѣ налоговъ, для блага страны и пользы казны, намъ необходимо не увеличеніе, а правильное распределеніе ихъ, т. е. новую финансовую систему, но не такую конечно, какою готовы надѣлать Россію, но иностран-

шимъ примѣрамъ и въ особенности учебникамъ, въ которые изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ финансистовъ, вся экономическая и финансовая ученость которыхъ ограничивается одними вершками науки, какъ видно изъ ихъ дѣлъ и мнѣній. Въ третьихъ правительство можетъ заключить внутренній заемъ; но опять, при современной намъ финансовой системѣ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, такая мѣра, рациональная въ другое время, неудобна и невыгодна въ настоящую минуту ни для казны, ни для страны, не избоблюющей свободными капиталами. Въ четвертыхъ правительство можетъ воспользоваться праздно-лежащими въ государственномъ банкѣ капиталами и употребляя ихъ на устройство южной на примѣръ дороги, воспользоваться ими лучше, чѣмъ пользуется банкъ. Оно можетъ это сдѣлать, потому что, ввѣряя банку свои выгоды, капиталисты ввѣряютъ ихъ собственно не банку, а правительству, государственной казнѣ, которую считаютъ, и весьма основательно, вполнѣ состоятельной. Да и странно было бы не считать казны нашей даже богатой, когда она могла бы создать безъ малѣйшей затраты своихъ капиталовъ и съ значительной для себя выгодой, громаднѣйшій и прочнѣйшій въ мірѣ банкъ, и когда она на свои собственные, значительныя средства (до 15 миліоновъ), создала нашъ государственный банкъ и своей самостоятельностью обезпечиваетъ его вкладчиковъ. Такъ покрайней-мѣрѣ должно предполагать между-прочимъ на основаніи устава и балансовъ государственнаго банка.

По всему этому правительство имѣетъ полное право воспользоваться частными вкладами банка и употребляя ихъ производительно и экономно на устройство желѣзныхъ дорогъ, дать имъ назначеніе, при которомъ частные капиталы вкладчиковъ банка будутъ употреблены лучше, чѣмъ употребляются они банкомъ. Притомъ такая затрата ихъ, выгодная для всей Россіи, доставитъ нашей казнѣ меньше риска или невыгодъ и больше пользы, чѣмъ при настоящемъ ихъ употребленіи или неупотребленіи банкомъ.

Вѣроятно отъ того выиграетъ и самый банкъ. Опасеніе, что капиталы будутъ потребованы вкладчиками, въ особенности когда на желѣзную дорогу затрачено будетъ въ первые годы не болѣе 40 миліоновъ — такое опасеніе едва ли основательно, да притомъ же и въ случаѣ отлива вкладовъ изъ банка, вкладчики могутъ быть удовлетворены другими средствами казны, а не банка конечно. Но опять такая мѣра можетъ не согласоваться съ нѣкоторыми видами и цѣлями, чего въ настоящее время невозможно съ точностью опредѣлить и трудно избѣжать. Въ такомъ случаѣ правительство

можетъ воспользоваться еще однимъ способомъ : оно можетъ сдѣлать *новый выпускъ кредитныхъ билетовъ*.

Мы очень хорошо знаемъ что хорошаго и что дурного въ системѣ кредитныхъ билетовъ. Мы неразъ печатно опредѣляли ихъ свойства, и неразъ писали противъ произвольныхъ выпусковъ ихъ на непроезводительныя употребленія. Мы бы и теперь также возставали противъ выпуска кредитныхъ билетовъ, на какое бы то ни было по пользѣ и производительности употребленіе, еслибъ обстоятельства не вполне оправдывали такого выпуска. Мы попрежнему убѣждены, что Россіи необходимы не кредитные, а банковые ⁽¹⁾ билеты, за отсутствіемъ которыхъ первые частью, но только частью и вовсе не вполне, по своему достоинству, замѣняютъ послѣднихъ. Попрежнему же мы убѣждены, что какъ наша финансовая, такъ и наша денежная система нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Но принимая въ соображеніе всѣ современные обстоятельства и условія благосостоянія нашего отечества, мы, *за отсутствіемъ болѣе рациональныхъ средствъ и мѣръ, вслѣдствіе существующихъ противодѣйствій и препятствій такимъ мѣрамъ, допускаемъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на дѣло болѣе чѣмъ производительное, на дѣло крайне необходимое — устройства желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что сдѣланный съ такою цѣлью и экономически употребленный, согласно своему назначенію, выпускъ кредитныхъ билетовъ принесетъ несравненно болѣе пользы, нежели вреда всему и всѣмъ въ государствѣ. Притомъ же возможное зло отъ такого выпуска можетъ быть не только значительно парализовано, но даже и вполне устранено постройкой желѣзной дороги по возможности исключительно на капиталы и вообще промышленныя средства в силы Россіи ⁽²⁾.*

Есть конечно и другіе способы добыть капиталы на постройку

(1) Не наши 4 или 5 процентные банковые, а такіе, каковы билеты напримѣръ французскаго и англійскаго банковъ.

(2) Рельсы положительно могутъ и по требованію здоровой экономіи должны быть изготовляемы въ Россіи, изъ русскаго метала, русскимъ топливомъ и русскими руками. Для этого между прочимъ стѣять только нѣкоторыя, малопроизводительныя казенныя на югѣ Россіи заводы передать въ частныя руки, съ тѣмъ между прочимъ, чтобъ на этихъ заводахъ изготовлялись рельсы и проч. Локомотивы тоже едва ли не выгоднѣе было бы строить у насъ въ Россіи, чѣмъ за границей, ибо намъ нужно же когда-нибудь выучиться практической механикѣ, а не все только платить за свое ученіе. Не бросааясь въ воду, не выучившись плавать; такъ точно не пробуя своихъ силъ въ механическомъ (свойственномъ и необходимомъ для Россіи) дѣлѣ, мы никогда не будемъ имѣть механиковъ, и вся наша промышленность будетъ оттого всегда терпѣть.

желѣзныя дороги, но мы считаемъ лишнимъ теперь разсуждать о нихъ.

Если же будетъ рѣшено, чего и слѣдуетъ по нашему убѣжденію желать, что же правительство, а частная компанія должна строить южную дорогу, то спрашивается: какая лучше, русская или иностранная, ия русскіе или иностранные капиталы?

Наука отвѣчаетъ: та, которая можетъ исполнить свое назначеніе в спорѣ, и лучше, и дешевле. При равенствѣ условий, русскій патристизмъ даетъ конечно преимущество русской компаніи и постарается употребить въ пользу предложеніе иностранныхъ капиталовъ на какое-либо другое, полезное для Россіи дѣло. Но допуская и требуя свободной конкуренціи, политическая экономія, подобно здравому уму и разуму, научаетъ насъ не увлекаться тѣмъ, что видно, но совѣтуетъ не забывать и того, что невидно. Вотъ почему и при равенствѣ условий и основаній русской и иностранной компаніи никакъ не протаворѣчить, а вполне согласуется съ требованіями политической экономіи, обсужденіе вопроса: не выгодно ли отдать преимущество русской компаніи только при равенствѣ, но даже и при неравенствѣ условий, если она вѣщаетъ и способна построить дорогу безъ содѣйствія капиталовъ иностранныхъ и механиковъ, заводчиковъ и проч.? Въ такомъ случаѣ будетъ бросаться въ глаза очевидная невыгодность такого предпочтенія, но слѣдуетъ ли терять при этомъ изъ виду ту пользу, которую принесутъ Россіи, русскіи рабочіи, заводчикамъ, механикамъ, инженерамъ, — ученые и знанье устройства желѣзныхъ дорогъ и всего для нихъ необходимаго?

Читатели воймутъ, что мы не имѣемъ права предпрѣшать вопросъ: какой, русской или иностранной компаніи, слѣдуетъ дать преимущество? ибо для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, въ особенности въ настоящее время, необходимо имѣть, кромѣ надлежащаго авторитета, множество такихъ свѣдѣній, которыя намъ недоступны. Мы имѣемъ право только высказать свое желаніе, чтобъ преимущество было дано, по возможности, русской компаніи. Это потому, что польза отъ иностранной компаніи будетъ всегда значительно парализироваться невыгодами отъ нея, — при тѣхъ обстоятельствахъ, разумѣется, которыми обуславливается въ настоящее время благосостояніе Россіи. Наше желаніе оправдывается и тѣмъ, что въ случаѣ постройки южной дороги на исключительно русскія средства, всѣми выгодами отъ нея воспользуются одни русскіе люди, — капиталисты, землевладѣльцы, рабочіе, заводчики и фабриканты, техники и проч., а съ ними и наша казна, которой при

этомъ условіи будетъ легче воспользоваться предлонами Россіи иностранными капиталами для улучшенія нашей денежной системы и проч. Кроме того, дѣло построенія желѣзныхъ дорогъ у насъ только-что начинается; оно непременно разовьется, а потому и нельзя не желать, чтобъ у насъ были свѣдущіе по этой части люди. Наконецъ очень много русскихъ людей хотятъ заняться торговлею въ честной заработкѣ насущнаго хлѣба. Очень можетъ быть, что количество такихъ людей даже увеличится въ скоромъ времени между прочимъ отъ реформъ въ нашей администратціи. Конечно правительство не оставитъ такихъ людей и участъ имъ быть своего вникновенія; тѣмъ менѣе оно-такимъ желательнымъ было бы, чтобъ они какъ можно скорѣй выкопали для себя занятія, между прочимъ, и въ промышленномъ мірѣ. Чемъ больше личинокъ выростаетъ въ обществѣ, темъ бы причина ихъ страданій-сократилась въ самыхъ благодѣ для государства реформахъ и обстоятельствахъ, тѣмъ лучше для всѣхъ и для всего въ государствѣ.

Если преимущество будетъ дано какой-либо иностранной компаніи, то конечно дорога будетъ строиться, по всей справедливости, если не зрѣлишь, то преимущественно на иностранные капиталы. Въ такомъ случаѣ въ капиталахъ недостатка не будетъ. Попробовать можно будетъ устранить такой недостатокъ новыми законами, особенно если миръ Европы не будетъ въ это время нарушенъ какими-либо новыми подвигами Людовика-Наполеона и проч. Война же, конечно, можетъ значительно затруднить, даже и вовсе приостановить постройку дороги иностранцами и на иностранные капиталы.

Если же построеніе дороги будетъ предоставлено русской компаніи, то спрашивается: гдѣ и какъ такая компанія добудетъ капиталы въ настоящее время? Какъ извѣстно, почти всѣ наши промышленныя предпріятія, даже самыя основательныя и прочныя между ними, страдаютъ отъ недостатка въ оборотныхъ капиталахъ. Банкисты наши предпочитаютъ 5% банковые билеты и имъ подобныя цѣнности едвали не всѣмъ акціямъ и облигаціямъ. Конечно такое положеніе будетъ продолжаться не вѣчно; тѣмъ не менѣе, въ настоящее время, оно одно изъ главныхъ препятствій и тормозовъ, противодействующихъ развитію у насъ промышленныхъ предпріятій. Какъ однако ни затруднительно въ настоящее время находятъ капиталы, какъ ни кажутся они рѣдкими, тѣмъ не менѣе найти ихъ можно, и притомъ не только 20, 40, но и значительно болѣе миліоновъ. Для этого необходимы два условія: 1) прочность ихъ помѣщенія, гарантированная по возможности, или правильнѣе какъ можно болѣе солидностью и свойствами вообще предпріятія или же

предпріятельствѣ, а еще лучше и правительствомъ и самимъ предпріятіемъ; 2) *свобода предпріятія для капиталистовъ*, также гарантированная правительствомъ. Центральнѣе мѣръ такихъ условій необходимо для привлеченія капиталомъ большинства капиталистовъ.

Поименованіе капиталомъ въ акціи и облигаціи желѣзныхъ дорогъ, по сущности своей, принадлежать всегда къ самымъ прочнымъ, если и не всегда къ самымъ выгоднымъ поименованіямъ. Потери акціонеровъ и владельцевъ облигацій возможны здѣсь только отъ дурной администраціи, общественной и частной. При хорошей же администраціи, вполне знающей съ дѣломъ, такихъ потерь едва ли возможны. Южная дорога представляетъ капиталистамъ одно изъ тѣхъ имѣній, и если при образованіи и устройствѣ компаніи будутъ приняты надлежащія мѣры къ устраненію возможныхъ въ администраціи такихъ козвасій злоупотребленій, то конечно эта дорога представитъ собой не только прочное, но и выгодное поимѣніе для капиталовъ.

Но если капиталы вообще, кромѣ исключеній, откажутся отъ такого поимѣнія своихъ капиталовъ, если съ нимъ будетъ связана большая или меньшая необходимость слѣдить за образомъ дѣйствій администраціи компаніи. Вотъ почему, для привлеченія капиталовъ, необходима гарантія правительства, и впритомъ съ точностью формулированная, причемъ необходимо принять въ соображеніе и то количество капиталовъ, которое можетъ быть въ настоящее время привлечено къ такому предпріятію. Какъ весьма основательно было замѣчено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») громадная гарантія правительства (напримѣръ въ 6 и болѣе процентовъ) была бы подрывомъ для акціонеровъ другихъ компаній, а потому была бы несправедливостью. Дѣйствительно, самый лучший способъ содѣйствія компаніямъ желѣзныхъ дорогъ со стороны правительства заключается въ достаточныхъ субсидіяхъ, которыя бы обезпечивали и своевременное окончаніе дорогъ, и доходы акціонеровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣстные землевладельцы окажутъ весьма важное содѣйствіе и со своей стороны компаніи и не откажутся употребить въ дѣло всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобъ обезпечить капиталистовъ. Еслибъ у насъ существовали еще прежнія кредитныя установленія для были ипотечные банки, то конечно мѣстные землевладельцы въ случаѣ надобности воспользовались бы ими, чтобъ заложить свои имущества и употребить капиталы на желѣзную дорогу. Въ настоящее же время они, *въ случаѣ надобности*, могутъ гарантировать доходы капиталистовъ своими имуще-

ствами, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что предѣлы доходности предпріятія, многіе изъ нихъ не откажутся отъ такого обязательства, въ особенности если съ ними будетъ сопряжено и право пользоваться извѣстнымъ процентомъ изъ тѣхъ доходовъ желѣзной дороги, которые будутъ превышать всѣ необходимые расходы, и въ томъ числѣ и гарантированный правительствомъ и землевладельцами процентъ капиталистамъ.

По нашему крайнему убѣжденію, и правительству, въ случаѣ содѣйствія компаніи или компаніямъ субсидіями (1), осудили капиталовъ, кромѣ права на возвращеніе ихъ при извѣстныхъ условіяхъ имѣетъ основаніе выговаривать себѣ также и право на участіе въ превышающихъ извѣстный процентъ доходахъ компаніи. Совершенно подобная мѣра доставила бы нашей казнѣ не несомнительные доходы.

Успѣшность подписки на акціи южной желѣзной дороги можетъ быть значительно обезпечена нѣкоторыми мѣрами, которыя побуждаютъ нашихъ коммерсантовъ, располагающихъ свободными капиталами, приобрести эти акціи. Одна изъ такихъ мѣръ состоитъ въ томъ, чтобъ государственныи банкъ или казначейство выдавалъ подъ залогъ этихъ акцій кредитные билеты, сто за сто. Выпущенные такимъ образомъ кредитные билеты не будутъ конечно безпроцентнымъ долгомъ государственнаго казначейства, а будутъ только своего рода банкскими билетами, въ особенности когда обѣтъ ихъ на монету будетъ вполне свободенъ и курсъ ихъ возвысится до *at par*. Выпускъ кредитныхъ билетовъ съ такою цѣлью будетъ безвреденъ во всѣхъ отношеніяхъ и не понизитъ курса кредитныхъ билетовъ вообще, въ особенности если все необходимое для желѣзныхъ дорогъ будетъ снабжено Россіей и не потребуетъ вывоза нашей монеты за границу.

Вообще, было бы только желанье да умѣнье, а за средствами; притомъ рациональными, дѣло не станетъ. Россія относительно небогата денежными капиталами, нѣто что Англія наприимѣръ; тѣмъ неменѣе у насъ есть и достанетъ ихъ по крайней мѣрѣ на то, чтобъ удовлетворить нашимъ насущнымъ потребностямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ проведеніе линій желѣзныхъ дорогъ, въ особенности южной дороги. Если наша недвижимая собственность и промышленность вообще нуждаются въ капиталахъ, то это не столько происходитъ отъ недостатка ихъ, сколько отъ другихъ причинъ.

(1) Субсидіи могутъ быть не только денежныя, но между прочимъ и имущественныя. Наприимѣръ правительство можетъ въ случаѣ надобности надѣлать компанію поземельными угодьями, каменноугольными копями и т. п.

Вотъ почему, если промышленность и собственность у насъ нуждаются въ капиталахъ, то вѣдь и капиталы у насъ нуждаются въ помещикахъ, ибо многіе изъ нашихъ капиталистовъ внесли ихъ въ государственныя банки напримѣръ только потому, что не знаютъ другихъ достаточно прочныхъ и удобныхъ помѣщій. Никто не имѣетъ права осуждать за это капиталистовъ. Осторожности ихъ куплею ими очень дорогою цѣною, благодаря различнымъ ложнымъ теоретическимъ увлеченіямъ нашего общества въ послѣдніе годы. Только теоріи, даже истинныя, но ложно-поименныя послѣдніи мнимо-передовыми людьми, могутъ задержать у насъ дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ, точно такъ же, какъ задерживаютъ онѣ и многое другое, необходимое и полезное. По нествѣннѣ некоторыхъ нашихъ финансистовъ напримѣръ намъ и нѣтъ не ступить на иностранныя рынки безъ помощи дома Ротшильдовъ, а между тѣмъ Россіи стоитъ только пожелать — и иностранныя капиталы явятся къ ея услугамъ, что весьма понятно кажется, ибо какъ извѣстно, «есть нѣкто побогаче (а мы прибавимъ: и подешевле) Ротшильдовъ: это — всѣ.» Одна Россія, относительно богатая денежными капиталами, въ случаѣ дѣйствительной необходимости и при небольшомъ хотя умѣннѣ распорядителей дѣла, можетъ доставить болѣе свободныхъ капиталовъ, даже въ монетѣ, чѣмъ домъ Ротшильдовъ. Но, разумѣется, дѣло мастера боится.

III

Успѣхъ постройки южной желѣзной дороги и вообще дѣло постройки у насъ желѣзныхъ дорогъ въ значительной степени обуславливается тѣми мѣрами и способами, отъ которыхъ можетъ въ болѣе или меньшей степени зависѣть возможная дешевизна такихъ построекъ, съ наименьшимъ убыткомъ для нашего народнаго хозяйства, а потому и съ устраниемъ, по возможности всего, того, что можетъ стѣснять какія-либо отрасли нашей промышленности, въ обширномъ значеніи этого слова.

Къ числу такихъ мѣръ принадлежатъ слѣдующія двѣ: а) наибольшее употребленіе въ дѣло отечественныхъ матерьяловъ, русскихъ заводовъ и фабрикъ, русскихъ техниковъ, рабочихъ и т. п., б) содѣйствіе войска въ производствѣ работъ по постройки желѣзныхъ дорогъ, мѣръ, о которой уже заявлено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника»).

Каждый здравомыслящій человекъ согласится, что Россіи не для чего, что не экономно, безрасчетно покупать, во что бы то ни стало,

за границей: железо и другие материалы; тогда они могут только оказать, вылететь или гнить дома без употребления и пользы: Не может быть для народного хозяйства особенно выгодным экспорт или продажа за границу чугуна и железа, когда они должны возвращаться к нам в передельном виде и в собственности, когда такая передьлка возможна внутри России, выгода для отечественной промышленности и уступается иностранной промышленности только вследствие какой-то безрассчетности или не пришедших каких-либо неуместных регламентаций. Производиться съ железною цѣною передьлка такихъ материалов за границей, конечно можетъ быть для Россіи выводной и обходиться ей дешевле передьлки у себя дома, ибо одинъ провозъ туда и обратно стоитъ конечно не дешево. Недостатокъ рукъ для земледѣлія за границей, который обыкновенно оправдывается, во имя свободы торговли, подобное предпочтеніе заграничнымъ заводамъ и фабрикамъ; въ ущербъ отечественнымъ, представляетъ собою крайне недостаточное оправданіе подобнаго образа дѣйствій. Наши земледѣльцы за границей терять или терять до сихъ поръ не отъ недостатка рукъ, а между-прочимъ отъ недостатка рукъ, свободныхъ отъ прѣстѣленія и ему подобнымъ правъ, отъ неумѣнья или невозможности вести сильное хозяйство на болѣе рациональныхъ основаніяхъ и т. п. Довказательствомъ этому служитъ то, что въ настоящее время нѣкоторые лучшіе сельскіе хозяева обрабатываютъ уже меньшее противъ прежняго количество земли и съ меньшимъ числомъ рабочихъ, а между-тѣмъ производятъ значительно болѣе прежняго. Соответственное физическимъ и другимъ средствамъ Россіи развитіе у насъ мануфактурной и заводской промышленности никакъ не можетъ поврѣдить, а напротивъ, по здравому смыслу, опыту и здраво-понимаемымъ экономическимъ законамъ, должно содѣйствовать процвѣтанію у насъ между-прочимъ и земледѣльческихъ отраслей промышленности. Процвѣтаніемъ у насъ всѣхъ родовъ промышленности обуславливается между-прочимъ и процвѣтаніе заграничныхъ отраслей промышленности. Между-тѣмъ только въ исключительную пользу этихъ послѣднихъ и въ ущербъ отечественнымъ, ратуютъ повидному (впрочемъ добросовѣстно въ невинности души) наши министры, но тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе знаменитые у насъ авторитеты-экономисты. Благодаря знакомству своему съ двумя-тремя иностранными политико-экономическими учебниками, схвативши такимъ образомъ одни только верхки науки, большинство нашихъ экономистовъ, по экономическому закону, что *рѣдкостью* между прочимъ обуславливается дороговизна, т. е. болѣе или менѣе высокая цѣна предметовъ, приобрѣло свѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ друзей нашего

общества означеніе, которое нисколько не соответствует конкуренции: дешовизму ставъ лицъ и объясняется одною лишь рѣдкостью знанія дѣлѣ извѣстнаго знанія политическихъ наукъ. Пробрѣсти себѣ таковыя способности и такъ дешево извѣстность, даже нѣчто существеннѣйшее, чѣмъ извѣстность, и не прилававъ при этомъ надлежащаго значенія смыслу русской поговорки: *дешево, да мило*, наши спорщики-экономисты легко воображали, что и все иностранное должно тоже скоро, выгодно и дешево доставаться Россіи, а потому, съ свойственною имъ благоприобрѣтенною при помощи иностранныхъ учебниковъ мудростью, рѣшили, что стоить только какъ можно болѣе понизить таможенные пошлины на иностранные товары, — въ ущербъ русской промышленности, и Россія будетъ надѣлена однимъ изъ величайшихъ и дѣйствительнѣйшихъ благъ — свободой торговли. И нечего сказать, послужили же они такимъ образомъ службу русскому прогрессу. Наши юности-экономисты забыли напомнить, что если начало свободы торговли вѣрно, то вѣрно именно потому, что оно основано на непреложной правдѣ и справедливости; а правда и справедливость требуютъ свободной конкуренціи, требуютъ полного равенства правъ и обязанностей для конкурирующихъ между собой промышленностей. Кто же изъ здравомыслящихъ людей не согласится, что если промышленность какой-либо страны связана какими-либо въпрямь регламентативными узамъ, то правда и справедливость, основной элементъ всѣхъ истинныхъ экономическихъ, равно какъ и другихъ законовъ и началъ, требуютъ или освобожденія промышленности отъ противодѣйствующихъ ей развитію узъ, или же отращенія ея, въ вознагражденіе за нихъ, какими-либо льготами, напримѣръ таможенными пошлинами, чтобы она могла, сообразно естественнымъ силамъ своимъ и по требованію правды и справедливости, на болѣе или менѣе одинаковыхъ правахъ конкурировать съ дѣйствительно свободными отъ регламентацій промышленностями. Наши экономисты забыли, что свобода торговли не возможна безъ свободы промышленности вообще, ибо безъ нея такая свобода превращается въ торговое крѣпостное право, даже въ своего рода рабство или, еще, въ неравную, но не по естественнымъ, а по искусственнымъ силамъ, часто убійственную для связанной регламентативными узамъ промышленности борьбу. Они забыли, что свобода торговли вовсе не обуславливается однимъ размахомъ таможенныхъ пошлинъ. И при самыхъ высокихъ охранительныхъ пошлинахъ внутренняя конкуренція можетъ создать, что и бываетъ на дѣлѣ, возможную дешовизму предметовъ внутренняго производства, дешовизму, которая однако-шнѣдъ бы не была возможна, даже при полной отсутствіи таможенныхъ сборовъ, еслибъ внутренній ре-

максимальном мѣрѣ (или все то, что подобно имъ дѣйствуетъ на промышленность, какъ наиримѣръ отсутствіе дѣйствительнаго правосудія) вездѣ протаводѣйствовали дешёвымъ произволу и торгавли. Ясно, что наши экономисты и въ этомъ отношеніи увидѣлись тѣмъ что *видно*, и не подумали о томъ, что *невидано*.

Не въ одной экономической свободѣ, не въ одномъ освобожденіи отъ крѣпостнаго права нуждаются наши крестьяне. Для благополучія ихъ нужно еще, между прочимъ, чтобы они могли еще мажко болѣе случаевъ къ заработкамъ. Земледѣліе не можетъ, да и не должно быть, во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества, единственнымъ средствомъ къ жизни и къ благополучію нашихъ сельскихъ жителей уже потому, что не вездѣ земледѣльческія работы могутъ продолжаться круглый годъ. Наши крестьяне сами прекрасно сознаютъ это, что лучше всего доказывается ихъ различными промыслами въ зимнее и вообще въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Сама природа нашего отечества вознаграждаетъ его обитателей между прочимъ за долгую зиму самыми разнообразными средствами къ существованію. Еслибъ всё рабочія силы нашихъ крестьянъ, или иначе, всё руки ихъ были заняты однимъ земледѣліемъ, къ которому неслишкомъ-то и благосклонна, во многихъ мѣстностяхъ, природа нашего отечества, то бытъ нашихъ крестьянъ былъ бы не лучше, а хуже настоящаго уже потому, что въ случаи неурожаевъ, имъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ только умирать съ голоду или жить на счетъ Россіи, ибо промышленность, въ особенности фабричная, не создается мгновенно по щучьему велѣнію. Неосновательно и мифіе, что на фабрикахъ развивается безнравственность рабочихъ классовъ. Безнравственность развивается не отъ фабрикъ и честныхъ промысловъ, а отъ нечѣжества, праздности и разнообразнаго гнета. Чѣмъ шире и свободнѣе область труда, тѣмъ менѣе поводовъ къ праздности, тѣмъ болѣе и средствъ у рабочихъ выйти изъ гнетающаго положенія, тѣмъ ближе они и къ просвѣщенію, ибо тѣмъ короче и легче для нихъ путь къ нему. Это потому конечно, что чѣмъ болѣе требованій на трудъ, тѣмъ выше и плата за него, тѣмъ легче трудящимся, тѣмъ лучше участь ихъ. Волкѣ честный, по достоинству вознаграждаемый трудъ только облагораживаетъ человека между прочимъ потому, что спасаетъ его отъ праздности, а потому и никакъ не можетъ вести его къ разврату и безнравственности. Въ этомъ отношеніи онъ также благотворно дѣйствуетъ на человека и на душу его, какъ чистая и честная любовь: она одна спасаетъ его отъ любви нечестной и нечестой, притомъ же и не отъ одной подобной любви.

Но если таково сдѣдствіе труда, если отъ расширенія области

она въ Россіи можетъ только выстрѣить въ промышленныя, промышленности и благосостояніе вообще наиболѣе многочисленныя и почтенныя сословія: высшій классъ нашего народонаселенія, и еслибъ это сословіе являлось небогатою, во всякомъ случаѣ, приплотой за предвѣтныя потребности преимущественно наиболѣе развитыя и благополучныя классы нашего общества, то не стоить ли принести такую жертву въ несчастливую пользу для многихъ, т. е. для всей шестой части народонаселенія? «Дорого стоить намъ наша конституція», говорятъ практическіе и здравомыслящіе англичане, «но она такая хорошая для насъ вещь, что стоить платить за нее — даже дорого!»

Притомъ же правдѣное, естественное, по промышленнымъ условіямъ края, развитіе нашей фабричной и заводской промышленности не можетъ ни вести къ дороговизнѣ, ни препятствовать развитію нашего земледѣлія. Напротивъ. Кромѣ того наша заводская и фабричная промышленность нуждается не въ какомъ-либо исключительномъ покровительствѣ, а въ правдѣ, т. е. въ устраненіи искусственныхъ къ развитію ихъ препятствій или же въ законномъ вознагражденіи ихъ за такія препятствія, ибо безъ того нигдѣ законнымъ образомъ нельзя ни конкурировать съ промышленностью другихъ народовъ, ни даже существовать.

Безъ такого устраненія препятствій или безъ вознагражденія за нихъ, на примѣръ таможенными пошлинами, для нихъ будетъ только *улетеніе*, своего рода *крѣпостное право*, а для промышленностей другихъ странъ экономическая свобода. Нѣтъ, даже не свобода, а привилегія, т. е. какъ для одной, такъ и для другой стороны — отсутствіе свободы, сначала въ видимый ущербъ для одной только стороны, а потомъ и въ ущербъ для всѣхъ сторонъ, къ чему и ведетъ всегда отсутствіе свободы, или правомѣрной конкуренціи.

Что касается употребленія въ дѣло части нашего войска для производства въ некоторыхъ, возможныхъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ работъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, то, какъ намъ кажется, эта мѣра представляетъ только выгодныя стороны, или по крайней мѣрѣ болѣе выгодныхъ, нежели невыгодныхъ сторонъ. Немного вознагражденія, но и у насъ очень недавно сдѣлавъ, какъ извѣстно, удачный и притомъ въ довольно большомъ размѣрѣ опытъ тому, а именно участіемъ на работахъ двухъ полковъ гренадерской дивизіи по линіи московско-нижегородской желѣзной дороги.

Мы впрочемъ далеко не вполне раздѣляемъ высказанное недавно въ нашей, какъ прежде въ другихъ литературахъ, мнѣніе, будто употребленіе воинскихъ рабочихъ на постройку желѣзныхъ дорогъ

не подвержены, въ экономическомъ отношеніи, сравнительно сара-
донъ войска. Государь империруеть, что «сара парадъ войска устро-
еніемъ парадныхъ и въ помещики, а этииъ людьмиъ необходимо
такие платитъ, хотя они и не участвуютъ въ работати». Вольные
работи обходится дороже, дороже создать, въ пробыности въ такое
время, когда работъ много, а мало относительное руки. Кромеъ за-
содной платы, должныиъ рабочихъ надо кормити, строить для нихъ
помещикани, нанимать для нихъ врачей, устраивать казарменн. При
парадн. на войска назначеніе поденной платы и ея размеръ, зави-
суетъ отъ правительства, нища и содержаніе произведетъ: ввсичеъ
министерства и зависать весьма мало отъ того, употребляется ли
войска на государственныя работы, или занимаютъ (стропани
упрежненіемъ).

Далеко говорить, что «въ усилкѣ работъ войскаи сомнѣвается
также почему: они будутъ имѣть преимущество предъ вольными
работани. Роты и батальоны, нанимаемые на работы надо надер-
ромъ дешифровъ, представляютъ собою дисциплинированную армию,
которую нельзя сравнивать даже съ артелями, часто неполицеуемъ
миса нодраликамъ. Ничтожная поденная плата, которую предъ-
тельство можетъ назначити солдату, будетъ служить для него луч-
шимъ вознагражденіемъ, нежели для вольнаго рабочаго плата под-
раликамъ и т. п.

Въ этомъ мнѣніи есть своя, и притомъ большая доля правды,
но есть и такое, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться, потому что
оно противорѣчитъ экономическимъ законамъ и опыту. То-есть
нельзя согласиться по принципу, въ теоріи, но при настоящемъ по-
ложеніи вещей приходится многимъ поступаться. И въ самомъ
дѣлѣ, польза отъ войскаи въ этомъ отношеніи обусловливается
только тѣмъ, что оно превращается такимъ образомъ, котъ, на вре-
мя и частію только, въ производительно-промышленную силу, что
особенно важно тогда и тамъ, гдѣ числѣ рабочихъ не соответствуетъ
требованію на нихъ. Войска, насколько оно необходимо, должно
быть только войскамъ; если же его много, такъ-что часть его мо-
жетъ исправлять свое воинское дѣло, съ необходимыми разу-
мѣется днями и часами отдыха, а другая можетъ заниматься по-
сторонними для военныхъ людей работани и промыслами, то эта
послѣдняя часть совершенно лишняя, лишняя уже потому, что
она дорого стоитъ государству, и невольная чуждыя своему назна-
ченію обязанности, не можетъ по необходимости ономъ исполнитъ
свое прямое назначеніе. Вотъ экономическій законъ, которому слѣ-
дуетъ конечно въ настоящее время и наша военная администрація.
Покрайней мѣрѣ, думаемъ мы, она не должна дать на ослѣдствіи мо-

яду — призывая къ отъѣду запасовъ, съ одной стороны уменьшаетъ количество войска, а съ другой — значительно улучшаетъ его составъ, отъ чего и наши воины оцѣны не только не уменьшаются, а напротивъ; значительно увеличиваются, ибо и военныя оцѣны стрелковъ оцѣны имъ, если только не были, обуславливаются ихъ личными, а не количествомъ. Но такъ, что отъ подобной мѣры — правительству можно извлечь государству, чему и слѣдуетъ быть, ибо эта мѣра вполне согласуется съ вышеприведенными экономическими законами, подтверждаясь какъ водами добытыми научной практикой, такъ и опытомъ.

Но разумеется никакое рациональное преобразование не совершится даромъ, безъ необходимой послѣдствительности: при этомъ политическое состояніе міра, да и некоторые другія обстоятельства не позволяютъ покада еще болѣе уменьшить нашу армию и улучшить положеніе всѣхъ нашихъ военныхъ чиновъ до того, чтобы она не была ни лишняго времени для камиръ — либо постороннихъ и чуждыхъ намъ званій ваятій, ни въ особенности нумера въ такъ называемыхъ. По этому — то и желательно, чтобы войска наши между прочимъ находили дѣло для себя и въ общественныхъ работахъ вообще, особенно тогда и тамъ, гдѣ можетъ означаться недостатокъ въ рабочицъ. Такія работы, а въ томъ числѣ конечно и работы по устройству желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе возможны и удобны для нашего войска или крайней мѣры некоторыхъ частей его, что и теперь слагаютъ не во всѣхъ войскахъ у насъ отпускающа болѣе или менѣе восточною нижніе чины на вольныя работы, а цѣлю улучшения ихъ хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ парадны войска на работы по желѣзнымъ дорогамъ будутъ только: но на нашихъ попятіяхъ и должны только быть своего рода отпусками вольныя работы, съ тѣмъ естественнымъ отличіемъ отъ этихъ послѣднихъ, что парадны войска на постройку желѣзныхъ дорогъ будутъ дѣлаться массами и на болѣе продолжительное время, чѣмъ обыкновенныя, существующіе отпуска на вольныя работы. Ставить же солдатамъ въ обязанность заниматься работами, которыя не соответствуютъ ихъ назначенію, ремеслу солдата, а иногда и напротивъ ихъ естественнымъ склонностямъ, — не правомерно, да и не выгодно. Вотъ почему мы и не раздѣляемъ мнѣнія, будто парадны войска исполнять съ болѣею выгодною для казны или частныхъ лицъ работы, нежели вольныя рабочіе. Солдаты въ такомъ только случаѣ исполняютъ дѣло не хуже вольныхъ рабочихъ, когда они будутъ на этихъ работахъ не противъ своей воли, а охотно, и когда они будутъ получать такую плату, которая будетъ соответствовать ихъ трудамъ. Этого требуетъ правда и совѣсть; этою же

требуетъ политическая экономія; наконецъ это оправдывается: и общество, о чемъ и скажемъ мы ниже.

Солдаты прежде всего таковы же какъ и всякъ, какъ и всякъ же люди, а потому и должны прежде всего поступать съ ними по-человѣчески, — воздавать ему должное, помнить, что онъ, подобно всякому человѣку, имѣетъ свои наклонности, свои способности; а потому и можетъ между прочими думать о себѣ и думать о себѣ исполнять только тѣ работы, которыя соответствуютъ его наклонностямъ и способностямъ. Весторыхъ, солдаты, какъ солдаты, имѣютъ свои права и въ особенности обязанности. Менее или более важно для него, ибо онъ подѣл строгимъ присмотромъ. Права же его какъ солдата, такъ и вообще человѣческа должны быть тѣмъ священнѣе для его согражданъ, что несовершенство то легки его обязанности и далеко не всегда достаточно вознаграждаются труды его. Вотъ почему когда правительство предоставляетъ солдату право и возможность заниматься вольными работами, когда онъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть солдатомъ и дѣлается просто человѣкомъ, рабочимъ, то въ это время даже и при общественныхъ работахъ слѣдуетъ вести съ нимъ дѣло и поступать съ нимъ какъ съ человѣкомъ вольнымъ, рабочимъ, а не солдатомъ, котораго можно принуждать къ работѣ, къ которой онъ неспособенъ или которой не любитъ. Этого требуетъ *свобода* и *справедливость*; этого требуетъ и ясно сознаваемый интересъ, ибо свободный и добровольный трудъ не только лучше какъ извѣстно труда крѣпостнаго и рабскаго, но и дешевле ихъ, хотя бы поденная плата рабу или крѣпостному человѣку была значительно ниже платы вольному рабочему. По этой же причинѣ желательно было бы, чтобы въ случаѣ наряда войскъ на работы по желѣзнымъ дорогамъ вызывались охотники и чтобы не требовалось наиримѣрь отъ сапожниковъ, слесарей и портныхъ, чтобы они немедленно превращались въ землеконовъ. Хорошо было бы также, чтобы поденная плата солдатамъ была не возможно-низкая, произвольная, а такая, которая бы вполне соответствовала дѣйности ихъ работъ и была пропорціональна платѣ вольнымъ рабочимъ, ибо въ противномъ случаѣ будетъ *дешево да много*, отчего потерпятъ и солдаты, и самое дѣло. Конечно въ большей части случаевъ плата солдатамъ будетъ и должна быть ниже платы вольнымъ рабочимъ (если только не будетъ задѣльной платы), ибо работа солдатъ, временно и случайно занимающихся земледѣльной работой, будетъ вообще уступать въ количествѣ и качества работѣ привыкшихъ къ ней людей. Но и изъ этого обстоятельства не слѣдуетъ выводить, чтобы солдаты должны были получать все-

воинско-инженерную плету. Наука имъ должна вполнѣ по возможности содействовать ихъ труду и постоянно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ будутъ количественно и качественно совершенствоваться ихъ работы. Качественное же и количественное улучшение работъ солдатъ будетъ непереносимымъ орудіемъ справедливаго вознагражденія за ихъ труды. Безъ такого вознагражденія улучшение немыслимо. Словомъ, и на общественныхъ работахъ солдаты должны работать на правахъ вѣрныхъ рабочихъ, на условияхъ доброй воли и найма. Выгода отъ наряда войскъ будетъ уже и оттого значительна, что такимъ образомъ вспомогательскіе въ работѣ и войско по мѣрѣ возможности и необходимости ихъ непереносимой силой превратится въ производительную или преждевременно изъ отрицательно-производительной превратится въ положительную-производительную силу.

Все здѣсь нами сказанное оправдывается какъ требованіемъ политической экономіи и конечно человеколюбіемъ, такъ и опытомъ производственнымъ въ другихъ государствахъ.

Извѣстно напримѣръ, что во Франціи нѣсколько разъ въ послѣднее столѣтіе, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ (въ первомъ случаѣ по повелю наряда войскъ на пражеліе и улучшение государственныхъ дорогъ, а во второмъ по повелю сооруженія парижскихъ стѣнъ) поднимался вопросъ о нарядѣ войскъ на подобныя работы. Всѣ экономическія, инженерныя и военныя значимости того времени принимали участіе въ разрѣшеніи этого вопроса, и если далеко не всѣ, то тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ говорили и писали въ пользу производства такихъ работъ войсками. По крайней-мѣрѣ восторжествовало мнѣніе, что необходимо предоставлять арміи возможность быть не только воинскою, но и сколько позволяютъ обстоятельства и производительной силой. Въ примѣръ такихъ бойцовъ за употребленіе войскъ на общественныя работы назовемъ извѣстнаго генерала Ронья (Rogniat). Сторонники этого мнѣнія находили почти только одну выгоду стороны въ употребленіи войскъ на общественныя работы. Во время мира, утверждали они, назначеніе солдата состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ не угрозою для мирныхъ гражданъ, а вмѣстѣ съ ними содѣйствовалъ развитію общественнаго благосостоянія. Кромѣ того они утверждали, что наряды войскъ на общественныя работы полезны и для самаго воинскаго дѣла, ибо солдаты привыкаютъ на нихъ къ тяжелымъ трудамъ и непогодѣ, крѣпнутъ тѣломъ и духомъ. Для солдатъ подобныя работы полезны и потому, что на нихъ они привыкаютъ къ такому рода труду, который можетъ дать имъ болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба по выходѣ ихъ въ отставку. Въ под-

тверждение всего этого: приводился примеръ катъ изъ древней, такъ и новой исторіи. Дѣйствительно Ю. Царь и императоры и воюющіе другіе римскіе императоры и полководцы часто заставляли войска свои производить различныя работы, иногда колоссальныя, и это дѣлалось ими не къ тому, что такія работы были необходимы для достиженія военныхъ цѣлей, такъ и потому, чтобы войско было постоянно занято и не предавалось праздности. А между тѣмъ катъ не забываетъ, конечно, римское было почти всегда значительно многочисленнѣе армій современнѣйшихъ антиквизскихъ европейскія государствъ. Въ царствованіе Гейнриха IV во Франціи до 6,000 солдатъ работала наль прорытіемъ брѣвскаго канала. При Людовикѣ XIV довольно часто употреблялись войска для подобныя работы, что оправдывали эти монархи, равно какъ и Людовикъ XVI, тѣмъ, что страна нуждается въ рабочихъ рукахъ.

Въ 1825 и 1836 годахъ французскія войска участвовали въ работѣ по проведенію такъ-называемыхъ восточныхъ стратегическихъ дорогъ. Этотъ новѣйшій въ то время опытъ оказался весьма неудачнымъ, или признанъ весьма невыгоднымъ для французской государственной казны, что неважно и оправдало мнѣніе тѣхъ, которые были противъ употребленія войскъ на общественныя работы. Но подробнѣйшее исследование дѣла свидѣтельствуетъ противъ основательности такого мнѣнія и спеціалъ опровергаетъ его. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ дурны были нѣкоторыя распоряженія французскаго правительства и работы производились противно приказаниямъ и требованіямъ политической экономіи. Такъ императоръ, войска отправлялись на работы цѣлыми батальонами и ротами въ полномъ ихъ составѣ, съ здоровыми и больными, съ способными и неспособными къ такимъ работамъ людьми и т. п., а между тѣмъ всѣмъ имъ назначена была и раздавалась одинаковая военная плата, не соответствовавшая вообще достоинству работъ непривыкшихъ къ нимъ солдатъ. Кроме того, надзоръ за работами былъ порученъ гражданскимъ чиновникамъ, приказанія которымъ мало уважались военскими чинами, вмѣсто того, чтобы поручить его императору инженерамъ, которымъ солдаты обыкновенно охотнѣе повинуются, какъ лицамъ, принадлежащимъ, хотя бы иногда и по числу только, къ военному сословію.

Въ 1837 и 1838 годахъ опытъ былъ повторенъ, и онъ былъ несравненно удачнѣе предыдущаго, а именно при постройкѣ одного моста въ морбиганскомъ департаментѣ. Успѣшность этого опыта обуславливалась именно тѣмъ, что строитель моста, инженеръ Лебланъ (Leblanc) не иначе хотѣлъ пользоваться работой военныхъ командъ, какъ только съ условіемъ, чтобы на работы ходили люди

не обязательно, а добровольно и въ большей или меньшей степени на правахъ «вольныхъ рабочихъ».

Еще успѣшнѣе во всѣхъ отношеніяхъ производились войсками работы при возведеніи парижскихъ стѣнъ; но и здѣсь причина успѣха, какъ видно изъ донесеній начальниковъ войскъ и производителей работъ, состояла въ томъ, что на работы вызывались охотники и плата имъ назначалась соотвѣтственно качеству ихъ работъ.

По всему вышесказанному, если мы глубоко сочувствуемъ и у насъ въ Россіи возможному и полезному наряду войскъ на общественныя работы, особенно на проведеніе линій желѣзныхъ дорогъ, то это не потому, что можно заставить солдатъ работать за самую ничтожную плату, а потому что, съ одной стороны, увеличеніе производительныхъ силъ страны и особенно обращеніе непродвинутой силы въ производительныя всегда полезно для государства, а съ другой стороны, если страна нуждается въ работѣ солдатъ, то и солдаты, особенно греческіе, нуждаются въ своей очереди въ работѣ, благодаря которой они могутъ улучшить свой землеметскій бытъ. Но повторемъ, на работахъ и для работъ, не входящихъ въ область воинскихъ обязанностей, солдатъ долженъ быть солдатыми рабочими, а не солдатами, иначе трудъ его обходится весьма дорого, хотя и будетъ можетъ-быть казаться очень дешевымъ. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ гнаться за двумя зайцами.

Г. ПИКАЛЬ

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ издава была презабавная расширенная таблица, показывавшая путешествіе и судьбу бумаги отъ нижней полицейской и судебной инстанціи до самой верховей, и объяснявшая нагляднымъ образомъ, сколько мытарствъ должна пройти несчастная, сколько личностей, облеченныхъ большимъ или меньшимъ властью, должна она встрѣтить, какіе изгибы и криволинейные пути надлежало ей описать вверхъ и внизъ, какое непоимѣрное количество времени слѣдовало ей употребить на путешествіе отъ уѣзднаго и земскаго учрежденія до палаты, отъ палаты до учрежденій отомыльных и обратно, чтобы довести наконецъ до термидурскаго просителя рѣшеніе или только цѣлоторый результатъ, перѣлако вызывавшей другую бумагу на такое же нескончаемое путешествіе, оканчивавшееся такимъ же грустнымъ исходомъ. Вѣроятно многимъ случилось видѣть эту таблицу, на которой мѣста и учрежденія были подвижны и хитро соединялись безчисленными перекутанными нитями, сходящимися къ одному приводу, который стоило немножко потянуть у того или другого учрежденія, чтобы весь механизмъ пришолъ въ движеніе, и стоило опустить, чтобы обозначилось движеніе обратное. Если механизмъ достигалъ своей цѣли и показывалъ нагляднымъ образомъ соотвѣтствіе и связь между всѣми своими частями, то главная, передаваемая имъ идея была невѣрна въ основаніи, что такой наглядный опытъ не давалъ никакого понятія о времени прішествія бумаги, о задержкахъ, ею встрѣчаемыхъ, и совершенно противорѣчилъ дѣйствительности. Представляя превосходно устроенный механизмъ, который весь приходилъ въ движеніе отъ одного прикосновенія къ приводу, онъ производилъ впечатлѣніе протиноположное намѣреніямъ изобрѣтателя, ибо какъ бы сложна ни была машина, она не представляетъ особенныхъ неудобствъ, если легко приходитъ въ дѣйствіе и достигаетъ предполагаемой цѣли безъ особенной траты силъ и времени. Напротивъ

того, такой сложный механизм и такъ легко поддающийся приводу, такъ быстро передающій движеніе до отдаленнѣйшихъ сферъ отъ просителя, былъ бы чудомъ, совершенствомъ своего рода и ничего лучшаго и большаго не можетъ пожелать самый требовательный проситель. Противъ такого сложнаго, хотя и совершеннаго механизма, мы можемъ сказать только то, что чѣмъ сложнее механизмъ, тѣмъ онъ дороже стоитъ и что его слѣдуетъ непремѣнно замѣнить простѣйшимъ и дешевѣйшимъ, если послѣдній достигаетъ тѣхъ же цѣлей и даетъ тѣже результаты.

Вотъ почему простая, раскрашенная таблица съ обозначеніемъ только путей, тоже раскрашенныхъ и съ указаніемъ, что красный путь означаетъ, что дѣло принимаетъ такъ-сказать кровавый характеръ и непремѣнно требуетъ расходовъ на его веденіе, — несравненно ближе къ жизни и дѣйствительности. Несмотря на несомнѣнныя достоинства этой таблицы, въ ней есть недостатокъ, пробѣлъ, восполненіе котораго необходимо придастъ ей особенный характеръ, и общее впечатлѣніе, ею производимое, возведетъ въ квадратъ, если не въ кубъ: въ таблицѣ опущено путешествіе бумаги въ каждомъ изъ обозначенныхъ учрежденій, путешествіе, рельефно дорисовывающее общую картину. Въ послѣднее время, какъ всѣмъ извѣстно, у насъ притуплено было къ преобразованіямъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; всюду только и слышится объ ограниченіи расходовъ, объ упрощеніи дѣлопроизводства, о сокращеніи переписки, объ уменьшеніи штатовъ. Самыя дѣятельныя, самыя энергическія мѣры для усовершенствованія бюрократіи предприняты были особенно въ морскомъ министерствѣ. Къ сожалѣнію, обществу остались неизвѣстны результаты, которыхъ достигли на этомъ пути и насколько они соотвѣтствовали цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремились; крайней-мѣрѣ никакихъ отчетовъ, никакихъ разсужденій или прерій по этому поводу не было заявлено нашей журналистикой; если же вопросъ этотъ и разрабатывался, то въ сферахъ недоступныхъ для большинства читающихъ, въ сферахъ слишкомъ ограниченныхъ и специальныхъ. Между-тѣмъ литература могла бы принести не малую долю пользы разработкою этого вопроса. Мы скажемъ свое слово объ этомъ важномъ предметѣ, вовсе не считая его послѣднимъ и окончательнымъ безъ всякой претензіи, что захватили предметъ во всей его совокупности или подошли къ нему со всѣхъ сторонъ.

Предпошлемъ нашему разсужденію нѣсколько теоретическихъ соображеній. Прежде всего писмоводство, камора, бюро, письменное дѣлопроизводство есть средство въ высшей степени полезное и необходимое для веденія дѣла. Главная его цѣль — выиграть время

и сохранить расходы. Только въ самомъ немногочисленномъ обществѣ, занимающемъ самую незначительную по пространству территорию, можно обойтись безъ переписки въ какомъ бы то ни было дѣлу, будетъ ли оно законодательное, судебное, административное. Если же общество многолюдно, занимаетъ обширное пространство земли, то обойтись безъ переписки, слѣдовательно безъ письменоводства, невозможно. Къ сожалѣнію отчасти вслѣдствіе самаго значенія письменнаго дѣлопроизводства, отчасти вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій и несовершенствъ человѣческаго организма, письменоводство, необходимое и полезное содѣйствіе для веденія дѣлъ въ случаѣ невозможности веденія устного, затмило самое дѣло, отодвинуло его на задній планъ и заняло его мѣсто: отсюда всѣ злоупотребленія и несовершенства бюрократіи, обратившія письменное дѣлопроизводство изъ средствъ въ цѣль, а самое дѣло въ нечто второстепенное; вотъ почему за бумагой мы обыкновенно не видимъ дѣла. Если можно въ этомъ случаѣ сдѣлать физиологическое сравненіе, то вообразите, что вы укололи ногу и вамъ слѣдуетъ павлець занозу и привести для этого въ дѣятельность мускулы руки, а вы между-тѣмъ заняли особаго рода переписку между нервами и мускулами, которая поглощаетъ все ваше вниманіе, между-тѣмъ какъ нога все болѣе худнеть. Коначный и единственный результатъ всякой переписки, всякаго дѣлопроизводства есть выраженіе воли, приказаніе имѣющаго власть, которое слѣдуетъ исполнить, привести въ исполненіе лицу, получившему его. Письмоводство стало-быть есть орудіе, посредствующій механизмъ для передачи воли. Ясно, что чѣмъ лучше, чѣмъ совершеннѣе этотъ механизмъ, тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе будутъ отправления воли. Идеаль былъ бы достигнуть, еслибы проситель и исполнитель были налицо предъ властью: проситель просить, власть немедленно поручаетъ исполнителю привести свое рѣшеніе (согласно съ просьбой просителя или нѣтъ) въ исполненіе — и дѣло кончено. Такое простое отношеніе къ сожалѣнію невозможно, и невозможно тѣмъ болѣе, чѣмъ сосредоточеніе власти исключительнѣе. Вслѣдствіе немощнаго увеличенія числа прошеній и желаній, вслѣдствіе удаленія ихъ отъ центра разрѣшающей власти, сама власть необходимо раздробляется, она требуетъ болѣе и болѣе посредствующихъ степеней и посредниковъ, докладчиковъ. Все же главная задача остается таже: чтобы дѣйствія и распоряженія шли быстро и безостановочно. Лицо, облеченное властью, не въ состояніи принять на себя исполненія всѣхъ дѣлъ и поручаетъ часть ихъ товарищу или подчиненному, возлагая на нихъ имѣть съ нимъ и отвѣтственность за точность и добросовѣтность исполненія и во всякомъ случаѣ наблюдая за нимъ,

дѣлаться. Вотъ теоретическое объясненіе и подается на каждой бумагѣ, а скрѣпляется секретаремъ или дѣлопроизводителемъ.

Предполагая эти неизвѣстныя мысля, я могу уже сказать, насколько соответствуетъ дѣла дѣлопроизводство начерченному идеалу и въ чемъ состоитъ его неудобства и несовершенство, но для большаго разъясненія дѣла, я долженъ рассказать что происходитъ съ каждой бумагой съ поступенія ея въ правительственное или судебное мѣсто до ея выхода; какія она испытываетъ судьбы, чтобы дополнить общую картину, представляемую упомянутой мною выше таблицей. Для полной и всесторонней характеристики я избираю самое центральное управленіе — министерство. Бумаги получаются съ молотка въ канцеляріи министерства и распределяются по его департаментамъ и канцеляріямъ; адресованныя на имя министра вскрываются и не подвергаясь своему тоже распределяются по департаментамъ и канцеляріямъ, ибо дѣло адресованное къ министру нигдѣ не можетъ быть ведено ямъ: въ одномъ изъ его департаментовъ или въ канцеляріи. Изъ этого уже видно, что большинство бумагъ, адресованныхъ на имя министра, слѣдуетъ обращать прямо въ соответствующіе дѣла департаменты, ибо если исполненіе по нимъ и зависитъ отъ министра, то не въ какомъ случаѣ онѣ не могутъ впадать въ него, а значителіе это уже сократило бы веренищу на нѣсколько дѣней по значительному количеству дѣлъ.

Не насъ занимаетъ на этотъ вопросъ. Бумаги, полученные въ департаментѣ, распечатываютъ (или должны распечатать) директоръ департамента. Онѣ имъ читаются и кладутъ на нихъ свою резолюцію, которую слѣдуетъ исполнить дѣлопроизводителю. Далѣе бумаги поступаютъ къ журналисту, который долженъ переписать ихъ содержаніе и номера во входящій журналъ, а потомъ распределять ихъ и роздать по отдѣленіямъ и канцеляріямъ департамента. Начальники отдѣлений и правители канцелярій, получивъ бумаги, распределяютъ ихъ и раздаютъ во столамъ столоначальникамъ, помощникамъ столоначальниковъ или дѣлопроизводителямъ. Назначеніе начальниковъ отдѣлений состоитъ въ томъ, чтобы дать должное направленіе бумагѣ, которая должна составляться подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Они скрѣпляютъ изготовленные столоначальникомъ бумаги своей подписью и несутъ за нихъ отвѣтственность передъ закономъ, какъ официальные дѣлопроизводители, секретари и докладчики.

Къ дѣятельности ихъ мы вернемся ниже, а теперь будемъ продолжать наше наблюденіе за поступившей бумагой.

По этой бумагѣ надобно сдѣлать распоряженія, выражающіяся чиновничьимъ языкомъ, слѣдуетъ исполнить бумагу. По одній изъ

нать исполненіе зависитъ отъ директора департамента, изъ другихъ исполненіе превращаетъ закономъ опредѣленную власть директора въ принадлежать или министру, или высочайшей волѣ. Въ первомъ случаѣ столоначальникомъ по резолюціи директора и подъ наблюденіемъ начальника отдѣленія дѣлается справка, соображеніе и составляется черновой проектъ отвѣта или исполнительная бумага.

Проектъ переписывается писаремъ и снова прочитывается и сверяется съ черновымъ — столоначальникомъ, чтобы не вкрались никакіе пропуски, бессмысленности, грамматическія ошибки. Переписанный проектъ поступаетъ къ подписи начальника отдѣленія, который извѣщаетъ ее направлениемъ и сущностью исполненія, слѣдить за логическою и грамматическою правильностью бумаги и проч. Въ случаѣ еслибы оказались нѣкія ошибки, а это случается: нарѣдке, бумага снова исходитъ до столоначальника и тѣмъ же порядкомъ снова восходитъ до начальника отдѣленія, къ его подписи или скрѣпѣ. Подписавши бумагу, начальникъ отдѣленія идетъ доложить ее къ директору, который требуетъ объясненій, совместнаго изложенія всего дѣла и подписываетъ ее, если проектъ рѣшенное исполненіе согласно съ его мнѣніемъ; въ противномъ случаѣ онъ несогласенъ и приложитъ свою подпись, требуетъ измѣненій къ ее сущности или содержанію, исправляетъ логическія и грамматическія погрѣшности въ нее вкрашіяся, и тогда бумага снова исходитъ до столоначальника для исправленія и снова восходитъ тѣмъ же путемъ къ подписи директора. Бумага, подписанная директоромъ департамента (замѣтимъ, что директорамъ же выставляется число мѣсяца на бумагѣ), поступаетъ къ журналисту, который вписываетъ ее въ входящій журналъ и выставляетъ на ней нумеръ. Отъ журналиста она идетъ обратно къ писарю, который ее переписывалъ, чтобы снять съ нея копію, такъ называемый *отпускъ*, всегда необходимый при дѣлопроизводствѣ для свѣдѣній и справокъ. Копію съ бумаги или отпускъ свѣрляетъ съ подлинникомъ тотъ же столоначальникъ, который составлялъ бумагу и скрѣпляетъ ихъ (съ подлинникомъ вѣрно). Когда снимутъ копію, бумага поступаетъ къ чиновнику или писарю, обязанность котораго вложить ее въ конвертъ и запечатать, а потомъ вписать адресъ ее и нумеръ въ рассылную книгу и слать на руки рассылному или курьеру, который выноситъ ее наконецъ въ другое учрежденіе, гдѣ съ нею повторится та же описанная мною судьба.

Во второмъ случаѣ, когда исполненіе на бумагѣ зависитъ отъ министра или отъ высочайшей воли, то поступаетъ двойнымъ образомъ. Впервыхъ тѣмъ же столоначальникомъ, подъ руководствомъ начальника отдѣленія, пишется докладъ, то-есть особанная

бумага, въ подлинной директора, въ которой указывается: содержание дѣла, справка съ положеніемъ или съ другимъ дѣломъ, подпись директора департамента и исправляется согласно министру; поступить такимъ образомъ, какъ предлагаетъ директоръ. Въ случаѣ его отказа предлагается къ подлинку одна или несколько бумагъ, исполнительныхъ, скрѣпленныхъ подписью директора. Если директоръ согласенъ съ докладомъ и съ исполнительными бумагами (и тотъ и другія принадлежатъ ему начальникомъ отдѣленія), то подписывается докладъ и скрѣпляются исполнительныя бумаги; въ противномъ же случаѣ все возвращается внизъ до столоначальника; исправляется, передѣлывается и тѣмъ же путемъ восходить снова къ директору. Подписанный имъ докладъ и скрѣпленные исполнительныя бумаги идутъ уже общепринятымъ путемъ къ журналисту (который выписываетъ въ журналъ содержаніе дѣла и выставляетъ на немъ думера); замечанія вносятся и отправляются къ министру. Последний или соглашается съ докладомъ, представленнымъ въ докладъ и подлинку исполнительныя бумаги, или не соглашается и къ докладу своею резолюціею, исправляетъ докладъ и бумаги, и въ такомъ случаѣ все дѣло снова спускается до столоначальника, передѣлывается имъ, снова передѣлывается и тѣмъ же путемъ идетъ къ подлинку министра. Если подлинку положена, дѣло съ бумагами возвращается въ тотъ департаментъ, изъ котораго оно вышло, и поступаетъ къ директору, отъ него къ журналисту, который теперь выписываетъ въ ежедневный журналъ содержаніе исполнительныхъ бумагъ и выставляетъ на немъ номеръ, потомъ уже съ этихъ бумагъ снимается отъ цусецъ и т. д. Чтобы избѣжать излишняго переносыванья исполнительныхъ бумагъ въ томъ случаѣ, когда министр не согласенъ съ ними, въ некоторыхъ департаментахъ заведено присылать къ министру одинъ докладъ безъ исполнительныхъ бумагъ. На докладъ кладется министромъ резолюція и докладъ возвращается въ департаментъ все къ тому же столоначальнику, который изготавляетъ исполнительныя бумаги согласно съ положеніемъ на докладъ резолюціею, и онѣ идутъ съ тѣмъ же докладомъ и тѣмъ же путемъ, претерпѣвая ту же судьбу, до министра и снова возвращаются въ департаментъ къ журналисту и для снятія копій. Безъ всякаго сомнѣнія, что такимъ путемъ избѣгается переносываніе лишній разъ бумаги, если не согласенъ съ нею министръ, но зато докладъ два раза проходитъ всю іерархическую лѣстницу и теряется значительное количество времени.

Я ограничусь тѣмъ, что сказалъ о путешествіи бумаги по департаменту. Замѣчу, что все сказанное мною объ отдѣленіи и его начальникѣ относится прямо до канцеляріи и ея правителя. Если же

я ощущала бы весьма действительное действие и выискивать бумаги, то устроились бы на это еще нѣсколько случаевъ своей общественной справкѣ и въ настоящее время случаевъ было бы много.

Отъ описанія перейду теперь къ разсужденію, а не отому порядку о порочности и рациональности существующей системы дѣлопроизводства, о приведеніи его въ простѣйшій видъ, о казенной системѣ самымъ удобнымъ и принятымъ во всѣхъ торговыхъ конторахъ. Я не скажу ни одного слова противъ самой системы, а намерѣнъ сказать только нѣсколько словъ о возможности ея усовершенствованія, упрощенія, сокращенія переписки, уменьшенія расходовъ на такую сложную организацію.

При внимательномъ разсмотрѣніи описанной мною системы уже всякому свѣдѣльному человѣку бросается въ глаза три несовершенства ея, которыя могли бы быть устранены или измѣнены, чрезъ что весь механизмъ значительно бы упростился: 1) непонятная роль начальнаго отдѣленія, какъ человѣка, не несущаго de facto обязанности дѣлопроизводителя, но скрѣпляющаго бумагу подписью и несущаго за нихъ отвѣтственность, и раздѣленіе обязанностей дѣлопроизводителя отъ обязанностей докладчика по существу своему нераздѣлимыхъ; 2) непонятные доклады, принимающіе ктому же иногда громадные размѣры, представляющіе часто замѣчательный, капитальный трудъ и остающіеся совершенно безплодными послѣ появленія по нимъ исполнительныхъ бумагъ, и 3) святіе копій и отпусковъ, когда существуютъ черновые проекты дѣлопроизводителя и когда съ помощью механическихъ пособій, припаятыхъ во всѣхъ конторахъ, есть возможность сохранить силу, трудъ и выиграть значительное количество времени.

Скажемъ о трехъ этихъ неудобствахъ нѣсколько словъ, — можетъ быть слова наши принесутъ какую-нибудь пользу и мы достигнемъ хотя отчасти цѣли, ради которой мы рѣшились произнести свое слово.

Припомнимъ, что для правильного и усвѣданаго дѣлопроизводства по изложенной нами системѣ существенно необходимы: лицо разрѣшающее, облеченное властью для извѣстнаго круга дѣйствій и подписывающее бумагу; секретарь, докладчикъ или дѣлопроизводитель, исполняющій его приказанія, работающій по его указаніямъ, составляющій бумагу и скрѣпляющій ее и наконецъ чернорабочій, писарь, переписывающій бумагу на-бѣло, котораго при разсмотрѣваемой нами системѣ, какъ видно, обойти было невозможно. Начиная сначала съ востуженія бумаги въ департаментъ. Ее расбѣдывать, какъ мы сказали, директоръ, прочитываетъ и кладетъ резолюцію. Потомъ, что можетъ встрѣтиться бумага, требующая

обещанія соображеній, справокъ, ссылки на законъ, на которую онъ не можетъ положить немедленно резолюцію. Прекрасно: онъ приказываетъ исполнить бумагу, если исполненіе не встрѣчаетъ затрудненій; дѣло ему хорошо извѣстно и не требуетъ разъясненій; въ противномъ случаѣ онъ приказываетъ навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельства, объясняющія дѣло и проч. и дѣлаетъ въ такомъ смыслѣ пометку. Перваго рода бумаги просто и немедленно исполняются согласно положенной на нихъ резолюціи; во вторыхъ необходимъ докладъ, ибо по докладу на нихъ должна быть положена резолюція, которая и направляетъ бы дѣло съ извѣстной стороны; только директоръ и никто кромѣ него не имѣетъ права и не облеченъ властью давать извѣстный ходъ, то или другое направленіе дѣлу.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ поступаютъ бумаги къ начальнику отдѣленія, который de jure есть официальный дѣлопроизводитель и докладчикъ. Посмотримъ на его дѣятельность въ настоящемъ случаѣ. Если онъ докладчикъ и дѣлопроизводитель, если онъ скрѣпляетъ бумагу и несетъ за нее часть ответственности, то ясно, что онъ долженъ изготавить бумагу. Между-тѣмъ обязанности его въ существующей системѣ раздѣлены: онъ удерживаетъ за собою обязанности докладчика, а часть дѣлопроизводительную поручаетъ столоначальнику, который работаетъ подъ его наблюденіемъ. Это противорѣчитъ логикѣ и влечетъ за собою многія неудобства. Получивъ бумагу съ резолюціей и пометками директора, начальникъ отдѣленія первый долженъ просто исполнить согласно положенному на нихъ приказанію, вторымъ долженъ разработать, отыскать законъ, навести справку и доложить директору, чтобы получить разрѣшеніе дать извѣстное направленіе бумагѣ. Легче всего исполнить бумагу ему, такъ какъ онъ хорошо ознакомился съ нею, отвѣтъ созрѣлъ въ головѣ его и его слѣдуетъ только написать. Для чего же поручать это готовое уже дѣло другой головѣ, другимъ рукамъ? Не значить ли это потерять понапрасну время?

Начальникъ отдѣленія de jure не имѣетъ права давать направленіе дѣлу; право это принадлежитъ высшей іерархической власти; да ослабы онъ и имѣлъ это право, то не для чего поручать дѣло столоначальнику, обращать его въ дѣлопроизводителя de facto, которому придется совершенно бесполезно во второй разъ наводить справку, отыскивать законъ и проч., когда все это уже извѣстно начальнику отдѣленія.

Навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельства — это тоже что исполнить бумагу; написать ее недолго, когда всѣ данныя извѣстны, факты собраны. Итакъ начальникъ отдѣле-

нія въпервыхъ не имѣеть права направлять дѣла въ ту или другую сторону: онъ можетъ только явить директору, что такое это личное мнѣніе; онъ не можетъ направлять и работу столоначальника, ибо для этого онъ долженъ изучить дѣло совершенно съ начала, ознакомиться, а это, какъ сказано, тоже что исполнить бумагу; если же наконецъ послѣднее и возможно, то нечего даромъ терять время, объяснить дѣло столоначальнику, послѣднему снова написать справку, отыскивать законъ и проч.; чтобы составить бумагу, однимъ словомъ два раза дѣлать одно и тоже дѣло.

Всѣ эти неудобства легко объясняются практикой. Еслибы обязанности начальника отдѣленія ограничивались бы направлениемъ дѣла, то это значило бы, что онъ имѣеть полное право ничего не дѣлать, и только долженъ раздать поступившія къ нему въ отдѣленіе бумаги по столамъ, съ новою надписью исполнить или навести справку, ибо еслибы онъ занялся разъясненіемъ какой-нибудь бумаги, то это бы было все равно, что онъ исполнилъ ее.

На дѣлѣ начальникъ отдѣленія и раздаетъ только бумаги по столамъ, оставляя себѣ, чтобы не сидѣть сложа руки, болѣе важныя и серьезныя, сколько успѣетъ исполнить; то-есть сама практика показываетъ, что въ сущности онъ лишнее посредствующее лицо, а такой же дѣлопроизводитель, какъ его столоначальникъ, да кромѣ того еще онъ и официальный докладчикъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Между-тѣмъ какъ обязанности докладчика остались за начальникомъ отдѣленія, характеръ его дѣятельности, какъ дѣлопроизводителя, измѣнился вслѣдствіе огромной массы дѣлъ и бумагъ; продолжикъ чрезъ его руки. Въсто того, чтобы увеличить поэтому число дѣлопроизводителей *de jure* или число начальниковъ отдѣленій, предоставляя имъ работу по силамъ, увеличивали число столоначальниковъ, дѣлопроизводителей *de facto*; такъ какъ содержаніе первыхъ обходится казнѣ несравненно дороже содержанія вторыхъ. Посему и результатъ вышелъ противоположный. Настоящій дѣлопроизводитель — столоначальникъ, занимающійся порученной бумагой, изучая дѣло въ возможной подробности, справляясь съ законами, наводя справки, разумѣется знаетъ или долженъ знать его до малѣйшихъ подробностей — онъ положительно и лучший, и законнѣйшій докладчикъ дѣла до той самой минуты, пока оно не будетъ рѣшено высшей іерархической властью, которая по закону имѣеть право порѣшить его. Что же выходитъ на дѣлѣ? Столоначальникъ, дѣлопроизводитель *de facto* объясняетъ дѣло, насколько случится, начальнику отдѣленія, дѣлопроизводителю и докладчику *de jure*, который положительно не можетъ знать его въ такой же подробности,

тотъ самый, къ которому я и угодъ уже съ мною въ сѣдѣніи) идетъ съ докладчикомъ къ директору департамента. Въ этомъ обиходѣ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно разумнѣю и наблюдению за характеромъ ходовъ дѣлъ, замечается одна изъ классическихъ причинъ, почему при существующей системѣ дѣлопроизводства терзаетъ поваррису столько труда и времени и почему столько докладчикъ возвращается назадъ для переписки и передѣлки. Еще разъ повторю: *лучший докладчикъ есть дѣлопроизводитель*. А те что же выводить уже не только описанныхъ неудобствъ? Хорошо пошла бумага — честь в слове начальнику отдѣленія, загибающему въ этомъ случаѣ жаръ чужими руками; возвращена назадъ — вся вина падаетъ на столоначальника. Одно изъ двухъ: или столоначальникъ лишнее лицо и мѣсто его слѣдуетъ упразднить, замѣнить его дешовымъ черноработникомъ, писаремъ, и увеличить въ должномъ количествѣ начальниковъ отдѣленій; или уничтожить мѣста послѣднихъ, и въ такомъ случаѣ можно обойтись безъ увеличенія числа столоначальниковъ; столоначальниковъ же, какъ дѣйствительныхъ дѣлопроизводителей, сдѣлать докладчиками. Дѣло выпрастъ много чрезъ это измѣненіе даже при настоящей системѣ письменводства, не говоря о возможныхъ сбереженіяхъ и выгодахъ казны. Что мѣшаетъ подобному преобразованію? рутинна? но противъ нея такъ много говорилось въ послѣднее время; неловкость оставить безъ мѣста начальниковъ отдѣленій? но преобразование можетъ быть сдѣлано постепенно, по мѣрѣ открытія и упраздненія нанансій. Возраженіе, что такимъ образомъ расплодилось бы число докладчиковъ и обременило бы директоромъ департаментовъ, падаетъ само собою предъ тѣмъ доводомъ, что необходимо для выслушанія докладчиковъ время рассчитывается директоромъ не по числу докладчиковъ, а по числу докладовъ и бумага, а количество тѣхъ и другихъ останется неизмѣненнымъ при обращеніи дѣлопроизводителей *de facto* въ докладчиковъ.

Обратимся теперь къ выгодамъ и удобствамъ, представляемымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣлопроизводитель и докладчикъ не только одно лицо, и оставимъ въ сторонѣ вопросъ о сбереженіи расходовъ и выгодѣ казначейства. Прежде всего докладчикъ будетъ знать несравненно лучше докладываемое дѣло, бумаги рѣже будутъ возвращаться назадъ: онъ обстоятельнѣе будетъ объясняться начальнику; за непредвидѣнною начальникомъ отдѣленія справокою в зачѣтъ будетъ возвращаться къ столоначальнику или затѣмнать дѣло первымъ попавшимся объясненіемъ, чтобы самому выпорваться изъ непріятнаго положенія вслѣдствіе повліянаго и легко объяснимаго незнанія какой-либо подробности, такъ какъ видъ дѣломъ работавъ другой, а между тѣмъ эта подробность часто можетъ

быть: прѣдѣльное вознагражденіе назадъ доллано и его распредѣленіе вопреки естеству и справедливости; выигрывается время, соблюдается справедливость относительно труда великаго теперь чиновника, работающаго де поту: безъ надежды на сколько-нибудь достойное его трудовъ вознагражденіе.

Съ другой стороны число докладчиковъ уменьжится; директора департаментовъ и министры придутъ въ соприкосновеніе съ большимъ числомъ личностей, что не можетъ не дать благодѣтельныхъ результатовъ. Выборъ для порученій, для особенныхъ работъ поможетъ остричь затрудненій, ибо вмѣсто трехъ или четырехъ личностей начальникъ ознакомится съ пятнадцатью и двадцатью. При настоящей системѣ директору департамента, не говоря уже о министрѣ, положительно нѣтъ возможности знать и положенія работающих у него чиновниковъ. Сколько молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, съ юношескою пламенною готовностью служить обществу сидятъ столоначальниками или ихъ помощниками въ совершенной и несправедливой неизвѣстности, чернорабочими дѣлопроизводства, между-тѣмъ какъ они и исполняютъ всѣ дѣла, за которыми только не имъ слѣдуютъ награды! Они должны быть докладчиками по праву, потому что они дѣлопроизводители на дѣлѣ. Мы твердо увѣрены, что если вообще настоящая система дѣлопроизводства удержится, то преобразование ея въ обозначенномъ нами направленіи принесетъ огромныя пользы, не говоря о сбереженіяхъ. Лучше имѣть нѣсколько дѣльныхъ, работающих дѣлопроизводителей и обезпечить имъ существованіе безобиднымъ содержаніемъ, чѣмъ держать сонмы бесполезныхъ чиновниковъ, далеко не окупающихъ своею службою стоимости ихъ содержанія для казначейства. Намъ не безызвѣстно, что проектъ нашъ найдутъ зараконнымъ демократическимъ духомъ, — мы ставимъ на несомнѣнной его пользѣ.

Высшимъ властямъ не придется сѣтовать, что при такомъ порядкѣ у нихъ недостанетъ времени выслушивать большее число докладчиковъ. Мы уже упоминали, что количество докладовъ останется тоже и нѣтъ причинъ думать, что человѣку, которому хорошо извѣстно дѣло, понадобится бы на изложеніе его болѣе времени, чѣмъ человѣку менѣе съ нимъ знакомому или знакомому съ нимъ по сообщенію дѣлопроизводителя. Намъ даже кажется, что дѣлопроизводителю было бы весьма полезно находиться и при дальнѣйшихъ докладахъ производимаго имъ дѣла, ибо весьма легко можетъ случиться, что опущенное имъ обстоятельство въ докладѣ, которое онъ считалъ незаслуживающимъ вниманія, будетъ поднято при докладѣ; потребуются справки, и если дѣлопроизводитель на лицо, то

одинъ изъ этихъ случаевъ разъяснить обстоятельство и принять дѣло, т. е. вернуть въ подлинъ исполненной бумаги, тогда даже при его отсутствіи все дѣло будетъ возвращено назадъ, часто сълѣдствіе самаго ничтожнаго недоразумѣнія, которое не могъ объяснить официальный докладчикъ. Мы ничего не можемъ сказать противъ докладчика (будь это хоть самъ директоръ департамента на докладѣ министру), если онъ очутится въ невозможности объяснить какого-либо обстоятельства: вѣдь положительно нѣтъ никакой человеческой возможности знать ему дѣло до такой подробности, какъ оно извѣстно дѣлопроизводителю, копавшемуся надъ нимъ дни и часто недѣли, — да это не всегда бываетъ и нужно, — а между-тѣмъ понятно неловкое его положеніе, если онъ не въ состояніи дать положительнаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ министра. Что же выхолить? Онъ не можетъ же сказать: «не знаю этого обстоятельства», но вѣроятно оно не могло ускользнуть отъ вниманія дѣлопроизводителя и что-нибудь напутаетъ болѣе или менѣе правдоподобное. Докладъ возвращается, исполнительныя бумаги не подписаны, время потеряно. Еще хорошо, если его замѣшательство и объясненіе не повлекутъ за собой болѣе печальныхъ послѣдствій. Чтобы поддержать авторитетъ директора, можетъ придется передѣлывать докладъ вопреки чувству справедливости и здравому смыслу. Все это пагубно отражается на характерѣ дѣятельности дѣлопроизводителя. Съ энергіей, достойной лучшей участи, съ любовью къ дѣлу начинаетъ онъ свое служебное поприще, посвящаетъ ему лучшія свои силы, кладетъ въ него часть души своей. Мало-помагу иллюзіи его разлетаются какъ дымъ, доклады по разнымъ причинамъ возвращаются назадъ, нерѣдко съ выговоромъ за небрежность, за отступленіе отъ формы, за неумѣнье докладчика выказать дѣло съ надлежащей стороны и проч.

Энергія его упадаетъ, пропія надъ дѣломъ вытѣсняется любовью къ нему, безразличіе овладѣваетъ имъ все болѣе и разрывается въ лѣтѣншіе или индифферентизмъ, апатію, кончающимися извѣстными у насъ и получившими права гражданства: лишь бы обуть съ рукъ дѣло, отягаться, или фамосованіемъ «подписано, такъ съ плечъ делай!»

Сколько хорошихъ, свѣтлыхъ личностей, благородныхъ и энергическихъ, могущихъ быть весьма полезными своею дѣятельностью, погубила формалистика, рутинизмъ и педантизмъ нашей канцелярской службы! Человѣкъ заломленный неправдами и несообразностями бюрократическихъ требованій, четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ недослужившійся до знака отличія за безпорочную службу, перешелъ въ литературу, сдѣлавъ однимъ изъ ее любимыхъ те-

цель. Это что и будет поправкой. Результаты этого парламентского надъ его бесполезномъ, доникотскомъ разностыю, да къ чему же доведеть насъ и много ли она разъяснить и поправить дѣло?

Я упоминаю о неловкомъ положеніи докладчика, вызванномъ приятнымъ и легко оправдываемымъ замѣшательствомъ и неумѣніемъ разъяснить какое-либо обстоятельство доклада, надъ которымъ работалъ другой. Это неловкое положеніе имѣеть съ другими обстоятельствами, болѣе личнаго и независащаго отъ службы свойства, породило другое неудобство нашего дѣлопроизводства, запутавшее письмоводство и вызвавшее особенно тягостное увеличеніе переписки — это письменные доклады, къ которымъ я и перейду теперь. Я не говорю о докладахъ самостоятельныхъ, въ формѣ записокъ, мнѣній, составляющихъ спеціальныя работы по вопросамъ административнымъ или по преобразованіямъ. Такіе доклады будутъ всегда необходимы. Отличительная черта ихъ — это то, что они не сопровождаются исполнительными бумагами и исполняются по окончательному ихъ рѣшенію въ совѣтахъ, комитетахъ или высочайшей волей. Докладъ, о которомъ я говорю, имѣеть цѣлю изложеніе дѣла, подлежащаго рѣшенію; подносится онъ собственно для того, чтобы прочитавши его, лицо, облеченное властью, подписало исполнительныя бумаги. Онъ служитъ только для разъясненія, почему то а не другое распоряженіе слѣдуетъ сдѣлать, чтобы достигнуть лучшей и полезнѣйшей цѣли. Докладъ, по прочтеніи его и подписаніи бумагъ, возвращается въ то мѣсто, гдѣ онъ составлялся, и хранится при дѣлахъ, то-есть при отпускахъ посланныхъ по немъ бумагъ въ отвѣтъ на бумагу, его породившую. Хотя для справокъ докладъ и бываетъ нуженъ, но легко обойтись и безъ него, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ докладѣ излагается прежде всего сущность бумаги, вызвавшей его, за тѣмъ помѣщается справка (съ закономъ или съ бумагами, производившимися по этому же дѣлу), потомъ приводится соображеніе, высказывается мнѣніе, какъ слѣдовало бы поступить въ данномъ случаѣ и наконецъ испрашивается согласіе на это мнѣніе, а въ такомъ случаѣ подносится къ подписи проектъ исполнительныя бумаги. Не проще ли было бы на той же бумагѣ, которая сопровождаетъ докладъ, въ которой стало-быть уже изложена вся сущность дѣла, кратко привести справку, помѣтить число мѣсяца, номеръ бумаги, статью закона за подписью дѣлопроизводителя, и все остальное: мнѣніе, испрашиваніе согласія и разрѣшеніе поступить извѣстнымъ образомъ, высказать устно при докладѣ, тѣмъ болѣе, что сущность всего изложеннаго помѣщена въ проектѣ испол-

листной бумаги. Все въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность при справкахъ, останется въ департаментѣ налицо, на входящей бумагѣ, хранящейся при дѣлахъ. Дѣло ничего не проиграло бы, напротивъ въ барышахъ остались бы сбереженный трудъ, и время и всѣ выгоды, представляемыя устнымъ докладомъ. Я привелъ выше неизмѣнный законъ правильно и рационально-организованнаго дѣлопроизводства, что дѣлопроизводитель и докладчикъ долженъ быть одно лицо, ибо дѣлопроизводитель есть несомнѣнно лучший, единственно возможный хороший докладчикъ; теперь присоединю второе правило, нарушение котораго ведетъ къ печальнымъ результатамъ бюрократіи, порождаетъ бесплодную переписку и отстраняетъ дѣло на задній планъ, выдвигая впередъ переписку: *если доклады по возможности должны быть устными; всѣ же письменныя должны быть отстранены, за весьма немногими исключеніями, когда дѣло выходитъ изъ тѣсовой сферы спеціальнаго вѣдомства, въ которомъ оно рѣшается и переходитъ на разсмотрѣніе въ другія, постороннія учрежденія.* Уничтоженіе письменныхъ докладовъ, мы утверждаемъ съѣло, сократитъ ненужную переписку по крайней-мѣрѣ на сорбѣ процентовъ.

Разсудите хорошенько что такое письменный докладъ, при которомъ посылается исполнительная бумага? это не документъ, который слѣдуетъ хранить, въ которомъ можетъ встрѣтиться надобность въ будущемъ; это не распоряженіе, ибо распоряженіе есть исполнительная бумага — это просто записка для памяти докладчика, записка нерѣдко на десяткахъ листовъ, порожденная тѣмъ обстоятельствомъ, что обязанности докладчика и дѣлопроизводителя раздѣлены, когда онѣ по сущности своей раздѣлены быть не могутъ. Не показываешь ли онъ наглядно, что докладчикъ не имѣетъ возможности сохранить въ своей памяти всѣ обстоятельства дѣла? И это весьма понятно: такъ какъ не имѣ производилось оно, не онъ работалъ надъ нимъ, и такъ какъ при устномъ докладѣ онъ могъ бы напутать и не объяснить могущаго встрѣтиться обстоятельна, то докладъ *посылается писанный*, когда по здравому смыслу онъ долженъ быть *личный и устный*. Мы не забываемъ возраженія, которое намъ могутъ сдѣлать, что докладчикъ можетъ быть обремененъ такимъ количествомъ занятій, что прибѣгаетъ къ письменному докладу, чтобы вытратить время. Но лицо облеченное властью, къ которому поступаетъ письменный докладъ, непременно обременено еще болѣе дѣлами, а при настоящемъ порядкѣ оно обязано же считать докладъ и убивать на это ровно въ два раза больше времени, чѣмъ потребовалъ бы докладъ устный? а тѣ дѣлопроизводители, на обязанность которыхъ возложена вся черная работа, требую-

щая по преимуществу большого количества времени, развѣ обработаны меньше официальнаго докладчика?

Безъ всякаго сомнѣнія тѣмъ лучше будетъ всякая часть административнаго управленія, чѣмъ меньше посредствующихъ степеней, задерживающихъ быстрое рѣшеніе дѣла: чѣмъ ближе власть къ непосредственному исполнителю, тѣмъ скорѣе рѣшеніе приводится въ исполненіе. Но высшая іерархическая власть положительна не въ состояніи рѣшать всѣ дѣла по ея вѣдомству; вотъ почему закономъ облекъ частью ея лицо посредствующее, которое въ опредѣленной сферѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно, отъ своего имени и подлѣ личною отвѣтственностью. Въ такомъ положеніи находится директоръ департамента, какъ помощникъ министра, и только по дѣламъ высшаго управленія онъ есть его дѣлопроизводитель и докладчикъ, имѣя своего официальнаго дѣлопроизводителя и докладчика въ начальникѣ отдѣленія. Все было бы хорошо, еслибы бюрократическая іерархія de facto, какъ и de jure останавливалась на этомъ послѣднемъ дѣлопроизводителѣ и докладчикѣ. На дѣлѣ этого нѣтъ. Существуетъ еще настоящій, но не официальный дѣлопроизводитель, вошедшій помимо законовъ въ обычай бюрократіи, служащій впрочемъ не по найму, не на торговомъ, свободномъ правѣ, а числящійся на службѣ, получающій отъ назвы жалованье, чины и знаки отличія, это — столоначальникъ и его помощникъ; такъ что начальникъ отдѣленія является тоже какъ особая посредствующая ступень, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не облеченъ никакою властью, никакою самостоятельностью для рѣшенія хотя самаго незначительнаго дѣла. И съ этой точки зрѣнія или онъ лице лишнее, ненужное, или какъ мы уже говорили, ненуженъ столоначальникъ; то-есть слѣдовало бы: или уничтожить столоначальниковъ, увеличивъ число начальниковъ отдѣленій соответственно дѣйствительной надобности, или уничтожить начальниковъ отдѣленій, обративъ въ докладчиковъ дѣлопроизводителей, и такъ какъ первое преобразование сопряжено съ большими расходами, то слѣдовало бы остановиться на второмъ и хорошенько его разработать. Мы увѣрены, что при рациональномъ преобразованіи дѣлопроизводства можно бы было сократить и число самихъ дѣлопроизводителей, увеличивъ ихъ содержаніе изъ остаточныхъ суммъ и имѣющихъ открыться вслѣдствіе упраздненія мѣстъ начальниковъ отдѣленій.

Изложивъ главнымъ образомъ сущность дѣлопроизводства при настоящей системѣ, прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ на бумагѣ при упрощенномъ канцелярскомъ механизмѣ. Дѣлопроизводитель получаетъ двоякаго рода бумаги, помѣченныя директоромъ депар-

таменту: одѣ, но представляя никакихъ затрудненій, не требуя никакихъ справокъ, подлежать немедленному исполненію въ смыслѣ, обозначенномъ резолюціей директора, другія для исполненія требуютъ особой разработки, справокъ и проч. По первымъ тотчасъ заготавливаются исполнительныя бумаги и подносятся къ подписанію директора департамента; на вторыхъ съ боку на поляхъ помѣщается справка, ссылка на статью закона и въ такомъ видѣ докладываются устно директору департамента. Зависитъ ли теперь исполненіе бумаги отъ власти директора или бумага должна идти къ подписи министра, директоръ согласно съ своимъ мнѣніемъ и наведенными справками, законамъ, приказываетъ приготовить исполнительную бумагу, изготовивши которую, дѣлопроизводитель несетъ ее къ подписанію, и если разрѣшеніе зависитъ отъ власти министра, то непременно представляетъ при докладѣ директору, которому можетъ встрѣтиться въ немъ надобность при разъясненіи какого либо вопроса. Такъ какъ такихъ докладовъ встрѣчается сравнительно гораздо меньше, а письменное ихъ заготовленіе требуетъ наибольшаго времени, то этихъ-то и сохранился больше всего переписка и выигрывается время. Этотъ порядокъ представляетъ еще ту выгоду, что теперь извѣстны будутъ не только способности дѣлопроизводителей, но и количество несомато ими труда, что необходимо повлечетъ за собою и основное правило вознагражденія: *à chacun selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres.*

Мы не можемъ окончить нашего краткаго и по необходимости слишкомъ спеціальнаго изложенія, не сказавъ въ заключеніе нѣсколько словъ о чернорабочихъ канцеляріи, о поденщикахъ бюрократіи, о писаряхъ. Уже почти на половину былъ бы сокращенъ ихъ безспорно тяжелый трудъ уничтоженіемъ такъ-называемыхъ отпусковъ, копій со всѣхъ исходящихъ бумагъ. Мы рѣшительно не понимаемъ къ чему эти отпуски, требующіе огромнаго чернаго труда и еще большаго количества времени, задерживающіе отправленіе часто весьма спѣшной бумаги, пока съ нея не будетъ снята копія? Мы не можемъ также объяснить себѣ, почему черновые проекты бумагъ дѣлопроизводителя не могутъ замѣнить ихъ и служить руководствомъ для наведенія справокъ? Вѣдь если проставить на нихъ номеръ ихъ исходящаго журнала и число мѣсяца, то кромѣ болѣе или менѣе разборчиваго почерка, они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ копій, такъ какъ они служили оригиналами для исполнительной бумаги. Въ торговыхъ конторахъ тоже оставляются копіи съ исходящихъ бумагъ и писемъ. Но для этого употребляется не дорогой и кропотливый трудъ переписчика, а копировальныя прессы. Если уже необходимо снимать копіи съ бѣловыхъ бумагъ, то почему бы

не завеста такихъ прессовъ (я стоятъ—то она отъ 15 до 25 руб.) въ канцеляріяхъ? Правда, что этими прессами возможно снять копию только въ первые часы по нанесеніи бумаги, пока чернила не сорвѣтъ засохли, а бумага съ надписью можетъ вернуться и черезъ нѣсколько дней, но чтоже мѣшало бы снять копию немедленно послѣ переписки бумаги, а еслибы она возвратилась назадъ для перекрѣпки, какъ негодная, то перекрѣпить копию и снять новую со вновь изготовленной бумаги? Но повторяемъ, это дѣло лишнее, потому что вмѣсто копій, или отпуска, можетъ служить черновая дѣлопроизводитель, сберегая на половину трудъ писарей.

Все сказанное нами далеко не захватываетъ глубь самаго предмета, неуклоняется нисколько отъ существующей системы дѣлопроизводства, не противорѣчитъ главнымъ ея основаніямъ; именно поэтому мы и рѣшились сказать свое слово; и въ, предлагаемыя нами, можетъ—быть даже и неопредѣленныя, тѣмъ не менѣе мы подвергаемъ ихъ общему обсужденію, такъ какъ вопросъ объ уменьшеніи переписки, объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства, о сокращеніи штатовъ и расходовъ казны, если и рѣшался въ спеціальныхъ административныхъ сферахъ, то литературой почти не затрагивался.

П. ВИНКОВЪ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ СТРИЦАТЕЛЬНАГО ВЗГЛЯДА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

IV

ЗАКОННЫЯ СТОРОНЫ РОМАНТИЗМА

Поэтъ скорбей и страданій того поколѣнія, которое поэтически-буйствовало и вмѣстѣ стеноло съ Полежаевымъ, которое думало застыть въ гордости отчаянія съ Лермонтовымъ и между тѣмъ дошло только до поворотной грани къ комизму въ лицѣ его Печорина, поэтъ отпѣлъ ему грустную и искреннюю панихиду въ своемъ посланіи къ «Друзьямъ»:

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участія
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты.
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли сердцу скажетъ дерзкій умъ?
Ка. XI. — Отд. II.

Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложимъ
И въ ней затворимся — безъ жолчи, если можемъ!..

Сопоставьте съ этой дышащей искренностью панихидою лермонтовскую «думу», и вы поразитесь очевидною разницею результатовъ, добытыхъ, очевидно страданіями, тѣмъ и другимъ. Разумѣется о сопоставленіи по отношенію къ формѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи: свистащій какъ бичъ в стальной стихъ Лермонтова, энергическая сжатость его формъ, выпуклость его поэтической манеры, нейдутъ въ параллель съ небрежною формою поэта «монологовъ», но дѣло не въ сравненіи ихъ талантовъ... Поэтъ «монологовъ» самъ лучше другихъ сознавалъ силу и могучесть Лермонтова; самъ онъ говорилъ о немъ разъ:

Нѣтъ!.. есть поэтъ
Хоть онъ и офицеръ армейскій...

Сила въ томъ, что въ лермонтовской «думѣ», столь безпощадной въ отношеніи къ тому поколѣнію, которое бичуя воспѣвалъ онъ въ ней, въ поколѣніи, которое приравнялъ онъ къ «плоду до времени созрѣлому», которое пройдетъ

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovитой,
Ни геніемъ зачатого плода;

въ этихъ «дубовыхъ листахъ», «оторвавшихся отъ вѣтки родимой», въ поколѣніи, котораго прахъ

Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Сила въ томъ, говорю я, что въ этой безпощадной, мрачно-про-нической «думѣ» гораздо больше гордости и самообольщенія, чѣмъ въ панихидѣ поэта «монологовъ» по безплодной борьбѣ и погибшимъ надеждамъ своего поколѣнія... Ну чтожь?.. какъ будто говоритъ Лермонтовъ: да! мы таковы, да! въ насъ

И радость и горе и все такъ ничтожно...

да! мы сознали мелочность и ничтожность нашей радости и горя... но въ этомъ сознаніи — наша сила, и мы гордимся этою силою. Пусть грядущее наше и «пусто и темно», пускай безвременно состарилась мы «подъ бременемъ страданья и сомнѣнья», нужды нѣтъ! Мы купили опытомъ жизни холодъ самообладанія.

И вотъ, вслѣдствіе такого нравственнаго процесса, является у поэта образъ Печорина, котораго комическія стороны едва ли и самому ему были ясны, и который долго дѣйствовалъ обаятельно на другихъ.

Какъ задатки комическаго въ образѣ Печорина, задатки обозначившіяся рѣзко какъ только этотъ образъ наивно повторился въ Тamarinъ, такъ и обаятельныя, могущественно дѣйствовавшія на его воображеніе черты его — несомнѣнны. Разсмотрѣть тѣ и другія, дѣло далеко не бесполезное, даже и въ настоящую минуту...

Но обаятельныя стороны печоринскаго образа, какъ типа чело-вѣка *жизннаго*, въ противоположность чело-вѣку *смирному*, представителя тревожныхъ началъ «необъятныхъ силъ» по его собственному выраженію — въ связи съ тѣмъ же самымъ русскимъ романтизмомъ, о которомъ уже говорилъ я. Вѣдь когда обаятеленъ Печоринъ?.. Неужели тогда, когда онъ *боится* обаять Максима Максимыча и вообще фарсить великосвѣтскостью... Иначе будетъ обаятеленъ и Тamarinъ, когда онъ фарсить передъ степными помѣщиками тѣмъ, что завтракаетъ по утрамъ вѣсто того, чтобы чай пить. Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлекать, и вѣроятно всегда будетъ увлекать тѣмъ что въ немъ есть физиологически нашего, а именно — броженіемъ необъятныхъ силъ съ одной стороны и соединеніемъ съ этимъ вмѣстѣ съ-верной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія. Вѣдь можетъ-быть, этотъ какъ женщина нервный господинъ способенъ былъ бы умирать съ холоднымъ спокойствіемъ Стеньки Разина въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Отвратительныя и смѣшныя стороны Печорина, въ немъ нѣчто напускное, нѣчто миражное, какъ вообще вся наша великосвѣтскость... основы же его характера трагичны, пожалуй страшны, но никакъ уже не смѣшны... Какъ онъ ни изѣденъ анализомъ и какъ ни безпощаденъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мицѣри прорывается въ рыданія по уѣхавшей Вѣрѣ; чуются люди иной титанической эпохи, готовые играть жизнию при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удали, въ его похожденияхъ съ контрбандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только былъ героемъ своего времени, но едва ли не одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго.

О законности этого типа въ нашей литературѣ, о законности столь же несомнѣнной, какъ и законность другого нашего типа, типа смирнаго чело-вѣка, я поднимаю вопросъ довольно часто, но,

съ опасностью наскучить читателямъ, долженъ поднять его еще разъ: въ отношеніи же къ Лермонтову и къ его представленію о героическомъ онъ неизбѣженъ.

Около десяти лѣтъ, литература наша ведетъ и глухую и открытую, и болѣзненную и здоровую борьбу съ этимъ хищнымъ тяпомъ, съ легкой руки Ивана Петровича Бѣлкина.

Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ былъ человекъ себѣ на умѣ, несмотря на свою кажущуюся простоту; онъ отшатнулся отъ мрачнаго и сосредоточеннаго Сильвіо, засвидѣтельствовавъ только, что вотъ дескать какой странный человекъ мнѣ встрѣтился. Мы пошли дальше. Мы заподозрили съ самихъ себѣ и стало-быть въ нашихъ герояхъ начала тревоги и страстности, мы начали обвинять ихъ въ неискренности, въ «приподнятости» и «подогрѣтости» чувствъ, не подозревая того, что сами готовы впасть въ другого рода неискренность, въ нѣкоторую мономанію искренности.

Быть искреннымъ! Да! Искренность дѣйствительно слово огромной важности, но подвергая критикѣ все, должно и самое это слово, т. е. понятіе, замыкающееся въ словѣ, подвергнуть критикѣ.

Есть люди, которые весьма искренно не понимаютъ Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; знавалъ я даже такихъ, которые весьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые по ихъ мнѣнію неискренно восторгались Шекспиромъ. Знавалъ я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность. Дѣлая величайшія несообразности и даже мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагѣ восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: «зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?» Чтожъ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ была очень искренна! Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными, искренно метала икру, т. е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было, — именно вѣтромъ, потому что своихъ собственныхъ мыслей или чувства у нея никогда не зарождалось; — но при всей этой искренности внѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива, чуть ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя алейки сада лѣтнихъ маскарадовъ, представлялись *мерцающими звѣздачками*, которая закатывала глаза подъ лобъ, и несмотря на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героини Марлинскаго.

Впрочемъ обѣ барыни были одинаково постыдно невѣжествен-

ны, равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искреннюю хулу на Шекспира.

Виновать, — впрочемъ въ господахъ можно было различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество «заматорѣвшее во двѣхъ», невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши; 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно или отрицательно эрготировать о вопросѣ: *An non spiritus exsunt*, школьника воспитавшагося въ бесплодной діалектической словобитвѣ и нестрахнувшаго съ себя чувства злобы, развиваемаго тѣлолымъ гнетомъ бурсы; 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество специалиста, который искренно считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который онъ удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее къ несчастію, что оно умно.

Все это, говорю я вамъ, очень искренно, будетъ не понимать многого и очень искренно заподозрить въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности, и нѣтъ ничего вреднѣе, ибо ничто неспособно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ, т. е. ложныхъ душевныхъ движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы приучили сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно отзываться струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и выѣстъ цѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Когда-то покойный К. С. Аксаковъ, анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ которому принадлежалъ онъ, вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣнценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда жизни уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облакается и только по степени того, прекрасенъ ли и эффектенъ ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажушеюся глубиною, еще и прежде меня долго мучила, но болѣе или менѣе превращалась всегда въ одинъ и тотъ же результатъ,

т. е. въ то, что всѣмъ, а не одной категоріи людей правда дается красотой, образомъ, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота истинная и красота фальшивая, но отзвѣтъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непреклонно* красотой. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность «въ бытій, свойствахъ и дѣйствіяхъ» правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процесомъ, однимъ логическимъ путемъ, т. е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ.

Истинная истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что тѣмъ разумѣется, которые «имгутъ пріяти», истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не по частно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по частно, а всецѣло, или вовсе не дается. По частно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины; отъ которыхъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнью, ни даже благосостояніемъ, а если и жертвуемъ, то жертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ которыми онъ связанъ, за правду собственной природы или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери.

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ, и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего, и наконецъ точно ли они сложились и образовали живые органическіе образы или засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ ли мы въ эти типы или готовые данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно — это тоже очень важно) хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ и уже не естественно, искусственно, а напротивъ насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простого, неразложимаго типа, и здоровая красота его, въ особенности когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою безцвѣтностью, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ образованій, населяющихъ голову многихъ, весьма впрочемъ образованныхъ господъ, — эти-то прекрасныя качества типа *цѣлѣнно*, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ владѣть въ

наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая натура познается потому, какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ, есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застою, жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т. е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи, пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличныя, сухіе, непривлекательныя, почти что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Ивановича Чичикова.

Дѣло въ томъ, что процессъ исканія въ себѣ и въ жизни простого и непосредственнаго завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чисто-типовое, мы на первый разъ приняли тѣ свойства души, которыми сами по себѣ суть отрицательныя а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чисто-механической.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организационно-человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжему и органически-цѣльному. Существенное въ такихъ стремленіяхъ одного изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей, (а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательныя, какъ авторъ «Деревенскихъ рассказовъ» Ауэрбахъ) — было именно это стремленіе, порожденное анализомъ съ одной стороны и пресыщеніемъ съ другой.

Тоже самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ петровской реформы, вдавнувшей насъ хоть и напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, явилось и въ нашей литературѣ. Покрайней-мѣрѣ несомнѣнно таково происхожденіе той школы описателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но внѣшнимъ, чисто-рефлективнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы «Деревня», «Антонъ Горемыка». Всѣ они не болѣе какъ мозаика,

составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ путешественникъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи, и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаическую, миниатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо индивидуальскій характеръ...

Но кромѣ этого чисто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органической, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани — въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ представителѣ художественномъ, Пушкинѣ; процессъ борьбы скудной, еще не воздѣланной почвы съ громадными и воспримчивыми силами.

Исходною точкою этого процесса была наша критическая, анализирующая и повѣряющая жизнь способность.

Эту способность мы довели однако до крайности.

Всѣ люди, сколько-нибудь мыслящіе, знаютъ вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспріятія впечатлѣній, это мы сами, это — наше я. Оно становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или, что еще хуже того и что часто бывало вѣроятно съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать, кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитаго. Или наконецъ, что тоже вѣрѣдко бывало вѣроятно со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы, это я заставляетъ при воспріятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ такъ-сказать совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами какъ завдовскій Орастъ, то передъ самимъ собою, т. е. передъ тѣмъ я, которое судить другого себя, т. е. позирующаго, любитъ красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, *позирующимъ*, по сличенію представится мнѣ, *судящему*, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытѣщенной изъ стараго запаса и

насилъственно повторенноу, тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя — ибо оно не свободное, а родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности) стало-быть по необходимости есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ *прокъ*, въ запасъ на будущее время: ампутація, нѣсколько конечно болѣзненная, вытерпливается героически — и избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ полражаніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой *tabula rasa*, *стусшеваться*, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть нечто иное какъ оборонительное положеніе, т. е. новая, если не красивая, то по крайней-мѣрѣ прочная поза, прицѣпая въ конечное обезпеченіе своей личности. Этотъ процессъ столь обыкновененъ, что совершается даже и во внутреннемъ мѣрѣ лицъ, которыя вовсе незанимаются душевнымъ рудокопствомъ. Какое бываетъ напримѣръ первое отношеніе *благоразумнаго* большинства людей или собственно того, что можетъ быть названо умственно-правственнымъ мѣщанствомъ, ко всему новому или ко всему вообще не ежедневному, необычному во внѣшней или внутренней жизни? (я не говорю о толпѣ или о верхахъ, но о моральномъ и общественномъ мѣщанствѣ). Непремѣнно подовѣрчивость, т. е. желаніе видѣть единственно невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому-что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое *statu quo* опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще болѣе — осмѣянія. Первый приемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано, общее свойство человѣческой природы, вслѣдствіе котораго преслѣдовали галилеевъ и смѣялись надъ колумбами и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-мальски галилеевское или колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недоувѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣ ликаго энтузіазма, который именно только въ одно новое и небывалое вѣрить, одному новому и небывалому служить; такъ какъ большая часть галилеевскаго и колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками морганы, то оправданное недоувѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправления. Бѣда только въ томъ, что точку отправления многіе въ наше время такъ-сказать останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ критическимъ отношеніемъ, когда съ нея, какъ съ

исходной точки только-что начинается настоящее, совершенно свободное критическое отношеніе нашего я къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. Посмѣялся, значитъ отрѣшился отъ него. Хорошо! Какое же отношеніе къ извѣстному вѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнью не можетъ, — деревашка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Чтоже именно?..

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни, — оно будетъ виднѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ и заподозрилъ совершенно основательно романтическое чувство любви или лучше сказать чувство любви въ его романтическихъ формахъ, съ романтическими движеніями. Беру поле всѣмъ доступное «идѣже пѣсть ни мужскъ полъ, ни женскій, ни іудей, ни еллинъ.» Найдется ли кто, на кого бы именно то что называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало *когда-нибудь*; скажу болѣе, на кого бы оно совершенно *утратило* свои дѣйствія.

Всякій чувствующій человекъ нашей эпохи повинамъ же хотя разъ, какъ напримѣръ сладко — больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манящей женской рѣчи, слышанной наканунѣ, какъ отрадно быть больнымъ нравственной лихорадкой, какъ хорошо, мучительно-хорошо

Шептать и повѣрять былыя выраженья
Рѣчей мовъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты.

Какъ можно доходить до того, чтобы

...въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить почую тьму...

что такое однимъ словомъ

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...

и тому подобныя душевныя настроенія.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно. Прекрасно! Романтическое чувство признано зашедшимъ откуда-то, или блюдомъ изъ подогрѣтыхъ отсадокъ. Еще лучше! Значитъ, названіе впечатлѣ-

нія признавае на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то вѣдь было однако? Недобросовѣстно же сказать, что ничего не было! А какъ только мы назвали это странное *что-то* какимъ-нибудь именемъ, такъ и отнесли къ извѣстному роду и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто кипѣніемъ крови, т. е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а всю романтическую его оболочку — незаконною, фальшивую, или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства: въ томъ, и другомъ, и третьемъ случаѣ мы стараемся дать настоящее имя впечатлѣнію или чувству, вѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ у Писемскаго въ «Бракѣ по страсти», чувство Мари Ступицкой къ Хазарову (не Хазарова къ ней, ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романческаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую, — равно какъ романтическимъ чувствованіямъ т-ше Мамиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго «Фразы», сведена съ романтическихъ холуль, объяснена, растолкована, обличена въ ея эффектныхъ позахъ и ея эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежитъ т-ше Мамилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія. Кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я покрайней-мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ т-ше Мамиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора «Брака по страсти».

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти «Фразы». Я же лично разсердился, конечно не на разоблаченіе лица эванизпированной барыни, а за недостатокъ глубины и за грубую рѣзкость разоблаченія. Стоитъ только сличить два этихъ образа: «т-ше Мамилову» и героиню повѣсти «Фразы», чтобы понять — какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпитафій *indignatio fecit versum*, которыя будучи порожденіемъ однихъ только

• Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ, •

имѣють странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтите между прочимъ, что г. Крестовскій зваеть свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣеть говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку, а Писемскій вовсе въ этомъ не силенъ, но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ, и съ другой стороны извиняють даже малевку того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное, если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣеть право искусство, т. е. воплощеніе мысли, на то не все имѣеть право. Голый анализъ еще не господиеть, а такой же рабъ, какъ безразличнѣйшій синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сердить, и сердить справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т. е. лишонному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся, ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сердить потому, что самъ сердится, ибо сердится на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣляетъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. За симъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляють въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть «Фразы» разсердила лично меня когда-то, именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ сплеча во что нипопало.

Авторъ казнить афектацію чувства, безнравственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными, и чтоже противопоставляетъ этому? Деревяную ограниченность чувства, мѣщанскую добродѣтель, узенькія понятія губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ онъ рубить сплеча не только мишурную одежду, т. е. фразы, но и живое тѣло, т. е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернскій муравейникъ.

Не таково истинное искусство. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни, оно не сердить, а «обращаетъ его внутрь души», выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное искусство даже не дѣйствуетъ прямо на то, что повидимому казнить. Въ этомъ заключается его высокая бевполезность. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по по-

воду «Доходнаго мѣста», Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ спѣть въ театрѣ въ представленіе пьесы (а представленія-то между-прочимъ по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не воссоздавало), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т. е. они взгляды на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о воспитаніи дочерей и о домашнемъ порядкѣ примутъ вовсе не съ комической стороны, а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное, въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Скольکو настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицѣ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали глубинѣ юсовскаго міросозерцанія насчетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе «всякой неправды» не тѣ, въ комъ неправда «весьма застарѣла», по выраженію старика-Посошкова. Наши подъячіе (я еще это помню), сами подъ гитару пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣдъ за романсомъ «Подъ вечеръ осенью ненастной» и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію въ полномъ убѣжденіи, что дескать, «толкуй себѣ, толкуй, а ужъ это изпоконъ-вѣка заведено: во нами началось, не вами и кончится.» Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ нѣскольکو аристофановскою свободою приѣма, выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей пѣрвой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ, да ѣстъ ..

Только совѣтъ, которій даетъ онъ повару, полезенъ для повара, но неотучитъ Ваську отъ лакомаго куска, равно какъ и то, что Гоголь называетъ «страхомъ идущаго вдали закона», весьма мало измѣнитъ нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго... ибо все это есть только голое отрицаніе извѣстнаго нравственнаго факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заклеяенія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ определенное мѣсто въ числѣ фактовъ, или совершенно незаконныхъ, по душевному, внутреннему, а не внѣшнему, только извнѣ пришедшему убѣжденію, или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало — не значитъ уничтожить фактъ, но заставить его только на время *притвориться* несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ

же фактомъ , т. е. фактомъ , составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому за что я стою , и что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души , я скажу тоже самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара , а въ продолженіи его проповѣдей , романтической Васька слушалъ да ѣлъ. Обличители отнимали обглоданный кусокъ , но Васька кралъ другой , можетъ быть по той простой причинѣ , что Васька ѣсть хотѣлъ , а пищу ему не давали , т. е. что *силы* чувствовали себя «необъятными». Ктѣ говорить , что котъ Васька — котъ нравственный и хорошо дѣлалъ , что кралъ ; ктѣ говорить , что Печоринъ , «чувствуя въ себѣ силы необъятныя , занимался спеціально «высасываньемъ аромата свѣжей , благоухающей души» , что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только , что

Чинувъ я не хотѣлъ , а славы не добился ,

что Веретьевъ тургеневскаго «Затишья» съ его даровитостью пьянствовалъ , шатался и безобразничалъ , что Хорьковъ запилъ навѣкъ , а Тюфякъ умеръ отъ запоя ; ктѣ говорить , что дни правы? — но не на нихъ же однихъ взложить всю вину безумной растраты силъ даромъ , растраты на мелочи или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ романтиковъ , такъ или иначе себя сгубившихъ , такъ или иначе поавшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцовъ , несмотря на безумную трату данныхъ ему силъ , не сдѣлался котомъ-Васькой ; для него одного , «воровство» , т. е. вообще нарушение порядка природнаго и общественнаго , не стало чѣмъ-то нормальнымъ , чѣмъ стало оно и для Арбенина и для Печорина , и для Владиміра Дубровскаго , и поэтому-то онъ въ своемъ родѣ совершенно правъ , говоря : «Любимъ Торцовъ пьяница , а лучше васъ всѣхъ... Всѣ другіе — общественные отщепенцы , которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправленія , отъ исканія простора своей силѣ пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ конечно принадлежитъ не имъ , а тѣмъ силамъ , которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ , или нелѣпо извращаютъ , но во всякомъ случаѣ , оно есть истинно-трагическое. Едвали даже не приходится сознаться , что всѣ «необъятныя» силы нашего духа покамѣстъ выражались въ тѣлѣ , одно изъ самыхъ яркихъ отраженій котораго выражаетъ собою лермонтовскій Печоринъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа , отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до геніальныхъ начинаній Лермонтова , до лицъ постоянно мучавшихъ и едвали еще переставшихъ мучить Тургенева , отъ гордой , вольнолюбивой , и виѣсть «какъ птичка» , безза-

бѣтной, и вѣсть восточно-эгоистической и ревнивой природы Алеко, до того демонски-убылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; взгляните въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ, общественныхъ отношеніяхъ, какъ на примѣръ Островскимъ — Любимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ, или Писемскимъ его «Тюфякъ», вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши положительныя качества, наши высшія стихіи, и въ артистически-товковую, мирскую жажду наслажденія пушкинскаго Жуана, и въ критическую послѣдовательность печоринскаго цинизма, и въ холодное, сѣверное самообладаніе при бѣшенномъ южной страстности Василья Лучинова, и въ «прожиганіе жизни» Веретьева, и въ загулъ Любима Торцова. Только стихіи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ «турманомъ кружить», говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бородинъ, «основательности нѣтъ...» къ жизни, т. е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независимымъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ центръ, онѣ сіали бы какъ наши блестящія типовыя достоинства.

Морально запуганные крайними послѣдствіями логической мысли, ставшей въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и въ почвѣ ненаходя ей отвѣта, мы впадали и въ уныніе и даже въ глубокое отчаяніе, мы скорбно стевали съ поэтомъ монологовъ:

Отъ старыхъ истинъ я отрекъ правды ради,
 Для призраковъ давно я заперъ дверь;
 Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради
 И все, и все изорвано теперь...

и въ сознаніи собственнаго безсилія на борьбу, говорили съ нимъ же, нашимъ искреннѣйшимъ исповѣдникомъ идеализма:

Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
 И видѣть вокругъ себя безсиліе людей;

и дѣйствительно или смѣялись надъ собою съ Тургеневымъ судорожкимъ смѣхомъ «Гамлета цыгровскаго уѣзда», издѣвались съ нимъ же болѣзненно надъ «Дневникомъ лишняго человѣка...» Но именно Тургеневъ, который хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ жизни и дѣйствительности, писатель наиболѣе добросовѣстный изо всѣхъ осужденныхъ какимъ-то роковымъ проклятіемъ добиваться отъ самихъ себя искренности, разоблачавшій самъ для себя и на глазахъ своихъ читателей и полюбившій различныя искусственно-сложившіеся идеалы, занимав-

шіе въ душахъ людей современнаго ему по-развитію поколѣнія неэ-
ковное мѣсто, — Тургеневъ самъ между тѣмъ борьба, и борьба бо-
лѣзненная. Слѣды этой борьбы поэта, безпощадно разоблачавшаго,
напримѣръ въ грубыхъ чертахъ своего «Бреттера», одну сторону Пе-
чорина, и во множествѣ другихъ своихъ произведеній была фаль-
шивыя стороны обаятельнаго образа, видны на всей его дѣятельно-
сти, чѣмъ можетъ быть онъ намъ всѣмъ и дорогъ въ особенности.

Когда утомленный горькимъ и тяжелымъ обличеніемъ несостоя-
тельности личности, Тургеневъ, отдаваясь душою всѣмъ вѣяніямъ,
бросился искать успокоенія въ простомъ, органически-типовомъ,
непосредственномъ, онъ нежданно удивилъ въ ту пору всѣхъ инди-
лическими изображеніями Хоря и Калиныча, но въ тоже самое вре-
мя, — и это фактъ въ высшей степени знаменательный, — старый обя-
тельный типъ вновь поднялся у нашего поэта блистательнымъ очер-
комъ лица Василья Лучинова, въ повѣсти «Три портрета», къ не-
малому оскорбленію исключительныхъ поклонниковъ смирнаго ти-
па, сразу же назвавшихъ Василья Лучинова «гнилымъ человѣкомъ.»
А что вы говорите о безнравственности Василья Лучинова, но несом-
нѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это
обаяніе, въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочув-
ствовавшіе нѣкоторымъ образомъ, это обаяніе даже сильнѣе и зна-
чительнѣе обаянія лермонтовскаго Печорина, какъ у-самого Лермон-
това его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Ар-
беньевъ, поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Пе-
чорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго
мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе; Тургеневъ пытался
нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдова-
тельности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ...
То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной стра-
сти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ
съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту и созда-
валъ Веретьева въ «Затишьѣ», придумывая и сочиняя достойное
наказаніе его безплодному существованію — и чтоже? безплодное
существованіе точно являлось безплоднымъ, но созданное поэтомъ
лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало неволью,
оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтического колорита.
Безнравственность Василья Лучинова вы, разумѣется моральнымъ
судомъ, казнили, но то грозное, то страстное до безумія и вѣсть
властвующее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни худож-
никъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли и внутри вашей
души никакъ не могли согласиться съ Аксаковымъ, назвавшимъ Ва-
силья Лучинова *гнилымъ* человѣкомъ. Василій Лучиничъ, пожалуй

не только—что гниль, — онъ гнусеть, но сила его, эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи, или рефлексія пламенности, есть типовая особенность. Типовую же особенность вы не сдвинете въ душѣ вашей съ мѣста, если таковое она въ ней занимаетъ, однимъ логическимъ судомъ надъ нею; докажите что она нетиповая особенность, или лучше скажите докажите, т. е. покажите, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т. е. жизненными сторонами. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургеневу я придаю особенную важность, потому что въ этомъ лицѣ старый типъ донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы, формы нашего русскаго XVIII вѣка.

Но донъ-жуановское или ловласовское начало неисчерпывается еще всего содержанія типа, съ которымъ литература вступала въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо увлекающія, обаятельныя, то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ «Рудинѣ», человѣкѣ исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, человѣкѣ, по даннымъ природы котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, хотя эпилогъ и выходитъ апотеозой Рудина. Къ повѣсти «Рудинъ» у меня, каюсь въ этомъ, есть особенная слабость, и именно вотъ за что. Въ ней, въ этой повѣсти, совершается передъ глазами читателей явленіе наивно-искреннее и совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго сочувствія, снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ рассказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апотеозѣ: такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ. Такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, до той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скаплинаскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, приемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, покойнаго Гра-

новскаго, что кромѣ этого, говорю я, неа остальное *сдѣлаю*, а не рождено, сдѣлаво искусственно, хоть и несовсѣмъ искусно, вымучено изъ души насильственно... Тутъ однимъ словомъ обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніяхъ тѣхъ изъ насъ, кто только полюбросвѣстиѣе, замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти? Фразеръ, — но откуда же у Фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? человекъ слабый и безхарактерный, «куцый» по выраженію Пигасова, — но отчего же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ помѣтилъ его куцымъ и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперегъ боится его вліянія на другихъ? Отчего *благородный малый* Волынской такъ «скорбень головой» при своемъ благородствѣ и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, быть подъ башмакомъ у Натальи? что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они тѣни, или ихъ быють. Право такъ.

Въ литературѣ у насъ или лучше сказать на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ въ одномъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей на счетъ въ ней выведеннаго типа. Въ комедіи, авторъ повидимому имѣлъ задачей анализировать и казнить лицо одного изъ отверженниковъ и отщепенцевъ общества, Ферагусовъ и Монриво, поколику Ферагусы и Монриво, смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь, всякому чуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужь по крайней-мѣрѣ далеко несвободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по созванію самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера, — игра казалась намъ довольно слабою и мы оба хотѣли бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій человекъ, въ первомъ актѣ, онъ былъ бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружала извѣстнаго рода ореола.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенцѣ общественномъ были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или по крайней-мѣрѣ весьма несвободное отношеніе къ нему автора преглядывало и въ явномъ стараніи, съ которыми выставлялись блестящія свойства его натуры, и въ под-

человѣка его моральной силѣ всего окружающаго и въ томъ, что честный человѣкъ, благородный мальчѣ, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то идіотомъ и поставленъ хоть и разъ правда, но разъ несмыслимый, разъ неизгладимый, поставленъ него что въ комическое, въ безвыходно-сравное положеніе и наконецъ въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти что мிரять съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обаятельные стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ *ad hominem*, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ, т. е. самаго меня укоряя какъ всегда въ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Я же собственно ничего не сдѣлалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или то впечатлѣніе, которое какъ онъ, такъ и я испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эманципированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба и я это совершенно понимаю. Что же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Сабакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ почелъ нужнымъ замѣнить имя: «Елисавета Воробей», именемъ «Елисаветъ Воробей», чтобы придать существу, носящему это имя, ревнижскій характеръ, — но вѣдь область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

На сколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю рѣшить читателямъ. Дѣло же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ есть единственная смерть для типа или лучше сказать для извѣстныхъ его сторонъ, — но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо мало-мальски онъ насильственъ — онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ напримѣръ убилъ вѣшнія стороны Печорина, но зато рельефно отгнѣнилъ его внутреннія. Батмановъ Цисемскаго — эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, или его же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ «Тюфякѣ» — цѣли своей не достигли, можетъ-быть именно по-

тому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ известную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самаго начала. «Моричъ» Островскаго, этотъ замоскворѣцкій франтъ, съ претензіями на Чайльдъ-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное, убиваетъ только мелочныя стороны Печорина. Наконецъ лица, съ которыми ведетъ наивѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ «Бреттеръ» или дразнятъ обаятельными сторонами типа какъ Веретьевъ, или наконецъ поднимаютъ типъ до патетическаго въ «Рудинѣ» — представляющемъ другую его сторону. Въ этомъ лицѣ захвачены глубоко и стремленія и самыя формы, колоритъ стремленийъ цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая только на своей родинѣ въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни, съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало-быть органически, а у насъ, благодаря независимымъ отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила у насъ въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ наприимѣръ натура Бѣлинскаго, конечные результаты гегелизма, она даже гениально-безхарактернаго самоучку Полевого ставила сознаниемъ выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ когдато всю свою премудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ сознанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вліяніе переходило такъ-сказать въ религію, т. е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторю вѣролатно еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому всякое идеальное вліяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное, сообщало доселѣ умственнымъ эпохамъ нашего развитія особый цвѣтъ и запахъ. Поэтому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысле-боязни; но слѣдая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство не видятъ по ограниченности своей, что стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами были виною того, что мысль ломается, со-

крушаетъ факты вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Опять обращаюсь я къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на дивніе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева; на страшную и холодно-безопасную послѣдовательность Лермонтова; на мучительныя «Думы» самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика; на глубокую религиозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта, которые невольнo цитуешь безпрестанно, какъ только заговоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь и мракъ! какъ все томительно пустынно!

Бессонный дождь стучитъ въ мое окно,

Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,

И на сердцаѣ печально и темно.

Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;

Еще ловлю я призраки вдали,

Еще желаніе въ груди кипитъ невольнo!

Но жизнь и мысль убили сны мои...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,

Страшна твоя тяжолая борьба,

Грозившій небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе,

Неумолима какъ сама судьба!

Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,

Меня навѣкъ въ броженіе вовлекла,

За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,

Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безъискусственномъ стоишь задушевная исповѣдь цѣлой эпохи, стоишь цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отдававшееся мысли поколѣніе, толкуя какъ кружокъ «Гамлета штигровскаго уѣзда» о вѣчномъ солнцѣ духа «перехода in's Unendliche» съ Гете и сливаясь съ жизнью des absoluten Geistes, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство... «Было время — говорило оно тогда устами Бѣлградскаго, одного изъ высшихъ и гениальнѣйшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неопитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимало въ чаду упоенія символами и мистеріями, — было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть сча-

ствѣ. Твердили о суетности, невѣрности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока живешь и наслаждаться жизнью во что бы то ни стало. Разумѣется всякій по своему понималъ и толковалъ счастье жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачныя контракты, совершали брачныя обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія, знали вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ, должны соединять религія и законы, знали это хорошо и принаровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастьи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоею душою
 Благословий судьбѣ ударъ

.....

Пой, ѣшь и веселись, сосѣдь!
 На свѣтѣ жить намъ время срочно;
 Веселье то лишь непорочно
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

«Это была еще самая высочайшая нравственность: самые лучшие люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философвъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели — нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышерѣченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ вѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: донъ-Кихотъ XIX вѣка — этомъ истинномъ chef d'œuvre русской литературы, и которыхъ наконецъ недавно убилъ наповаль «Библіотека для Чтенія». Эти новые надуватели съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастьи, не въ наслажде-

нѣжъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость жадныхъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишений и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая, есть большее или меньшее приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто бы по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: что человѣкъ непремѣнно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію, или отдать всего себя знанію для самого знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звѣзвъ, соединяющихъ землю съ небомъ, или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствителя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не признаніе кармана, или любить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила :
Я на землѣ любила и жила ,

или наконецъ просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческой интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческой стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, потопенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право незнаю стѣ правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣми и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ...» (Сочин. В. Бѣляскаго томъ I, стр. 382).

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ, нужды нѣтъ, что въ концѣ концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо возстававшій на XVIII вѣкъ, сошолся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ, дѣло въ процесѣ, который

приводить къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей феноменологiи...

И вотъ почему всѣ, и здоровыя, и болѣзненные попытки наши насмѣяться надъ нашимъ броженіемъ, окончательно побѣдять обаятельный типъ слагавшійся передъ нами, типъ, который въ лицѣ Печорина сознаетъ въ себѣ «силы необъятныя», растрчиваемыя имъ на мелочи, типъ сильнаго страстнаго человѣка, оказались тщетными. Комизмомъ мы убили только фальшивыя, условныя его стороны.

Еще болѣе оказались мыльными пузырями попытки наши замѣнить этотъ типъ другимъ, выдвинуть на его мѣсто типъ положительно-дѣятельный. Увы! дальше героевъ, недослуживающихъ четырнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ до пряжки, мы пока неходили. Положительно-дѣятельный типъ только-что опозоревъ и промахомъ великаго Гоголя въ его Констанжогло и промахомъ даровитаго Писемскаго въ героѣ его «Тысяча душъ», и повѣстями г. Дружинина, съ его докторами Армгольдами и другими господами, дѣйствующими благородно и ревностно въ какихъ-то никому невѣдомыхъ областяхъ и окончательно наповалъ убитъ этотъ типъ Штольцомъ, идеаломъ г. Гончарова.

Путемъ анализа и разоблаченія мы добрались пожалуй до того, что героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется героическимъ, то въ сущности — тамаринское или даже хлестаковское. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, какого именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ, и въ какой натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли вѣкоторые или стоять за героическое уже осмѣянное (и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе склонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ), — или стоять за натуру.

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма простое. Со временъ Петра великаго народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали переважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ, и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да умъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣтъ скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы совсѣмъ остаться безъ кафтана, или продолжать палить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ: Гоголь выказалъ передъ сложеными вѣками идеаломъ героическаго несостоятельность

только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеаль примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще нѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли, — идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ основахъ своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротиться и клятися» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е. стихіямъ природы до извращенія ихъ. Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ героя. Максимъ Максимычъ, конечно очень хорошій человекъ, и конечно правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ Печоринъ, но мѣдъ онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ внасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть конечно прекрасный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закъсь, моральное мѣщанство.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

МИРОВОЙ СУДЪ

ПО СМЫСЛУ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОСНОВАНІЙ ДЛЯ ПРОЕКТОВЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И СУДОУСТРОЙСТВА.

Нѣсколько времени тому назадъ, приблизительно съ 1861 года, начались у насъ, и въ обществѣ и въ литературѣ, толки о мировыхъ судахъ и судьяхъ, поднялся *мировой вопросъ*.

Каждый хотѣлъ сказать *свое* слово, представить *свой* проектъ. И какихъ только не составлялось проектовъ! Проекты эти не блистали разумѣется новизною: всѣ они были по большей части сколми, передѣлки, болѣе или менѣе неудачныя, съ существующихъ уже мировыхъ учрежденій на западѣ. Одни напримѣръ хотѣли ввести въ нашъ будущій мировой судъ французское, бюрократическое начало; другіе, англomanы — англійское, аристократическое; третьи, и это были самые остроумные, — хотѣли слить оба начала во одно, и на этой-то неблаговидной смѣси аристократизма съ бюрократизмомъ построить нашъ мировой судъ. Но были также и такіе, которые замѣчая, что ни французскія, ни англійскія учрежденія, ни безалаберное соединеніе тѣхъ и другихъ, не могутъ быть совершенно примѣнимы къ намъ, русскимъ; понимая, что насъ въ настоящее время не могутъ вполне удовлетворить ни *только* аристократическія, ни *только* бюрократическія, ни *только* бюрократо-аристократическія начала, — вводятъ въ него новое начало, *земское*, вносятъ въ него новый элементъ, *простонародный*. Но, боже мой, какую жалкую роль давали они этому *новому* началу! Въ ихъ проектахъ земство является не болѣе какъ для виду; на самомъ же дѣлѣ вліяніе его совершенно парализируется вліяніемъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Впрочемъ о проектахъ этого сорта мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ, написанной по поводу «Деревенскихъ писемъ» г. Сумарокова. Тогда мы ихъ называли «двуличными, псевдо-либерально-помѣщичьими». Мнѣніе наше о нихъ и теперь

не измѣнилось: господа, писавшіе подобные проекты были, извините за рѣзкость выраженія, самые уклончивые, вялюющіе господа. Бюрократы и помѣщики-англомамы говорили по крайней-мѣрѣ прямо что они хотятъ, они не прикрывались фразами о земствѣ и его интересахъ, они не воодушевлялись мнимымъ сочувствіемъ его нуждамъ, мнимымъ движеніемъ къ его правамъ. И за то имъ спасибо!

И вотъ среди хаоса всевозможныхъ противорѣчивыхъ мнѣній всѣ съ нетерпѣніемъ ждали «слова» отъ правительства. Какъ оно откликнется на этотъ вопросъ, какъ оно рѣшитъ его? И вотъ это давножданное слово сказано.

Въ первыхъ числахъ октября опубликованы были во всѣхъ газетахъ «главныя основанія для пржектовъ гражданскаго и уголовного судопроизводства и судоустройства». Мы высказали уже наше мнѣніе касательно благодѣтельной важности этой реформы для Россіи («Время», октябрь, Наши дом. дѣла). Изъ этихъ «главныхъ основаній» мы узнаемъ начала, на которыхъ долженъ создаться нашъ будущій мировой судъ.

Какія же это начала? На сколько они благотворны для народа? Какъ отвѣтило самой жизненной потребности народа, какъ повало ее правительство?

Вопросы эти стоятъ того, чтобы подумать о нихъ обстоятельнѣе, серьезнѣе; отдѣльваться пустыми фразами, да восклицаніями, какъ это уже и было сдѣлано при настоящемъ случаѣ нашими многими псевдо-публицистами, мы считаемъ здѣсь въ высшей степени неумѣстнымъ. Это значило бы слишкомъ поверхностно и въ этомъ отношеніи слишкомъ неуважительно относиться къ реформамъ правительства. А относясь къ нимъ поверхностно, наши публицисты впадаютъ въ страшную непослѣдовательность.

Сами же они кричатъ, что эти реформы важны и радикальны; а если онѣ дѣйствительно важны и радикальны, то зачѣмъ же не остановиться на нихъ повнимательнѣе, не растолковать ихъ публикѣ со всевозможною точностью? Неужели однѣ восклицанія, неужели однѣ патріотическія изліянія *умиленныхъ* публицистовъ могутъ привести хоть кому-нибудь, хоть какому-нибудь пользу?..

Что касается до насъ, то мы по мѣрѣ силъ своихъ постараемся со всѣмъ уваженіемъ, т. е. какъ можно серьезнѣе отвѣстись къ правительственной реформѣ; обстоятельнѣе, всестороннѣе, *на сколько это только возможно*, рассмотримъ данныя основанія. Быть-можетъ вѣкоторыя изъ нашихъ замѣчаній и пригодятся при дальнѣйшемъ развитіи этихъ основаній.

Главные основанія проектируемаго мирового суда мы изложимъ

какъ можно кратче; въ послѣднее время о судебной реформѣ такъ уже много говорили, что мы право боимся наскучить читателю частымъ повтореніемъ одного и того же.

Каждый уѣздъ со всѣми своими городами составляетъ *мировой округъ*. Мировой округъ можетъ имѣть нѣсколькихъ мировыхъ судей: каждому изъ этихъ судей подвѣломственъ извѣстный участокъ; оттого и судья получаетъ названіе *участковаго*. Кромѣ дѣйствительныхъ, участковыхъ мировыхъ судей, будутъ еще *почетные* мировые судьи. Почетные мировые судьи пользуются всѣми правами и преимуществами дѣйствительныхъ, во многихъ случаяхъ даже замѣняютъ ихъ, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что не получаютъ, какъ дѣйствительные судьи, отъ общества вознагражденія. Единичный судья мирового судьи составляетъ первую мировую инстанцію, съѣздъ всѣхъ (въ томъ числѣ и почетныхъ) окружныхъ мировыхъ судей составляетъ вторую, высшую инстанцію; сюда приносятся апеллія на единичный мировой судья. О томъ, какія дѣла подлежатъ этой инстанціи и какъ великъ вообще кругъ дѣятельности мирового судьи мы скажемъ ниже; посмотримъ теперь кто составляетъ *среду*, изъ которой будутъ выбираться мировые судьи. «Мировымъ судьей можетъ быть всякій, удовлетворяющій слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣющій гдѣ-нибудь, какую-нибудь недвижимую собственность, приносящую извѣстный доходъ (величина дохода опредѣлится вполсаѣдствіи); 2) окончившій курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи. Также всякій, прослужившій пять лѣтъ по судебной части имѣетъ право быть мировымъ судьей.» Къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастью, по этому опредѣленію еще ничего нельзя сказать положительнаго о той средѣ, изъ которой будутъ выходить мировые судьи. Приблизительно можно конечно и теперь сказать, что она будетъ состоять главнымъ образомъ изъ такъ-называемыхъ «благородныхъ», дворянъ; что вся масса, или почти вся, крестьянъ будетъ удалена отъ отправленія должностей мировыхъ судей; можно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что «въ потѣ лица трудящійся» крестьянинъ, не говоря уже при нынѣшней, но даже и при лучшей обстановкѣ станетъ серьезно мечтать о высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, будетъ въ состояніи окончить въ нихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ. Право, ему теперь не до того: и радъ бы былъ да... жена, дѣти, оброкъ помѣщику, государева повинность и многое еще множество другихъ прямыхъ и не прямыхъ поборовъ — одному никакъ не свернуться; дѣти подростаютъ — они должны помочь, въ работу ихъ, скорѣй въ работу! Какая ужъ тутъ гимназія, какой ужъ тутъ университетъ! Такъ что если и будетъ когда-нибудь, что вдругъ «всѣ мужики полѣзутъ въ университетъ»,

то это будетъ еще въ очень и очень далекомъ будущемъ. А теперь мы довольны бы были и тѣмъ, что крестьянинъ знаетъ хотя и грамоту, учился хотя и въ приходскомъ училищѣ.

Но даже и это приблизительное опредѣленіе «среды», изъ которой будутъ выбираться мировые судьи, несовсѣмъ точно. Мы называли ее средою, состоящую изъ *благородныхъ*; но это въ высшей степени неопредѣленное названіе невѣрно. Купцы, мѣщане, городскіе обыватели и т. п., хотя и не составляютъ въ сущности тотъ классъ, который мы привыкли называть *благороднымъ*, могутъ и будутъ во многихъ случаяхъ удовлетворять условіямъ, требующимся отъ мирового судьи: имѣть недвижимую собственность (домъ на примѣръ) и окончить образованіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи. Такъ что если мы хотимъ по сословіямъ перечислить приблизительно лица, которые могутъ удовлетворять этимъ неяснымъ требованіямъ, то мы должны сказать, что это будутъ: 1) всѣ помѣщики, большинство чиновниковъ и вообще дворянъ; 2) большинство купцовъ; 3) большинство состоятельныхъ мѣщанъ и 4) очень небольшой процентъ, богатые крестьяне — собственники.

Слѣдовательно среда, изъ которой будутъ браться наши будущіе мировые судьи, *можетъ быть* довольно обширна, чужда аристократической замкнутости, имѣетъ характеръ не исключительно *дворянскій*, а *дворяно-мѣщанскій*, приправленный нѣкоторою дозою демократизма; но она также можетъ получить и *исключительно-дворянскій* характеръ, замкнуться въ тѣсный кругъ многоземельныхъ помѣщиковъ — все будетъ зависѣть отъ размѣра ценза: если цензъ будетъ великъ, среда приметъ узкій, исключительный, аристократическій (на сколько это у насъ возможно) характеръ; если цензъ будетъ незначителенъ — *фактическое* право быть мировымъ судьей распространится почти на всю массу дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и на нѣкоторыхъ крестьянъ.

Ни мѣнѣшмъ, ни махѣшмъ ценза не опредѣленъ, слѣдовательно коммиссія, которой поручено составленіе полныхъ проектовъ по судебной части, имѣетъ передъ собою обширное поле дѣятельности: она ничѣмъ не стѣснена, такъ что она можетъ или влить струю земства (принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи) въ наши мировыя учрежденія, или наложить на нихъ печать строгаго аристократизма, т. е. правильнѣе *печать помѣщичества*, придать этимъ учрежденіямъ чисто-помѣщичій характеръ; разумѣется, *первое* гораздо лучше *второго*. Допустить до избранія въ мировые судьи только, или покрайней-мѣрѣ почти только однихъ помѣщиковъ, да еще притомъ многоземельныхъ, значить убить въ началѣ, въ са-

момъ зародившѣ наши мировыя учрежденія, сдѣлать мировой судъ непопулярнымъ, ненавистнымъ для народа, уничтожить въ народѣ всякое къ нему довѣріе, а мировой судъ безъ довѣрія, опять повторю, худшая нелѣпость изъ всѣхъ нелѣпостей!

Съ точки зрѣнія *чистаго* права такой мировой судъ покажется также безсмысленнымъ. Какое право имѣеть одно, сравнительно малочисленнѣйшее сословіе присвоить себѣ судъ надъ другимъ сословіемъ, сравнительно многочисленнѣйшимъ.

Нѣтъ, такой судъ не согласенъ съ духомъ *данннхъ основаній*. Основанія эти не должны быть искажены, они должны быть развиты не въ духѣ одной какой-нибудь касты, а въ духѣ, въ интересъ всего народа, всего земства, всего *міра*; только тогда это будетъ *дѣйствительно мировой судъ*, только тогда принесетъ онъ намъ *дѣйствительную* пользу.

Примѣромъ Англіи, этой классической страны аристократизма, намъ нечего увлекаться. Тамъ, благодаря особенному ходу исторической жизни, сложился экономическій бытъ въ высшей степени *неблагопріятный для массъ*, для простого, трущадскаго народа, и въ высшей степени благопріятный для меньшинства, счастливицевъ, самымъ бесовѣстнымъ образомъ эксплуатирующихъ трудъ большинства. Поземельная и промышленная аристократія, развившаяся тамъ до чудовищныхъ размѣровъ, заслоняетъ собою массу *чернаго* народа, массу пролетаріата; и вотъ почему долгое время намъ казалось, что государственное устройство въ Англіи есть *идеаль* государственнаго устройства. Для аристократіи, для богачей, бакинровъ, для *мущинъ* оно дѣйствительно чрезвычайно удобно, выгодно, а мы, принимая эту аристократію, этихъ фабрикантовъ-эксплуататоровъ, этихъ горлаыхъ денди, этихъ шаящихъ джентльменовъ за англійскій народъ, наивно восхищались англійскими учрежденіями! Впасть опять въ эту ошибку, начать теперь намъ, русскимъ, пра *нашемъ* экономическомъ бытѣ, рабски подражать Англіи въ одномъ изъ ея самыхъ аристократическихъ учрежденій — мировомъ *институтѣ*, — будетъ непростительною виною. Но довольно объ этомъ.

Какъ великъ будетъ объемъ власти будущаго мирового судьи? «Вѣдомству мирового суда подлежать:

1) Дѣла о менѣ важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которыя въ законѣ опредѣляются слѣдующія наказанія:

а) выговоры и замѣчанія;

б) денежныя взысканія на сумму до 300 руб.;

с) аресты до трехъ мѣсяцевъ или замѣняющія оныя наказанія.

2) Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, по которымъ прошеводство, начинаясь не иначе какъ по жалобамъ лицъ, потерпѣ-

щикъ убытокъ или обиженныхъ, можетъ быть превращено примиреніемъ.

3) Дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, дѣсныхъ и порубкахъ, присвоеніи себѣ найденныхъ вещей и другихъ преступленій сего рода, совершонныхъ лицами, подлежащими за эти противозаконныя дѣйствія заключенію въ смирительномъ домѣ».

«Для дознанія истины судья можетъ призывать свидѣтелей и дѣлать обыски».

Всѣ дѣла онъ долженъ рѣшать по закону, причемъ ему дозволяется уменьшать наказаніе на цѣлыхъ двѣ степени. На рѣшеніе мирового судьи апеллія допускается только для дѣлъ, стоимость которыхъ превышаетъ пятнадцать рублей. Вотъ все что мы знаемъ объ объемѣ власти и о характерѣ мирового суда.

Остановимся прежде всего на чертѣ, общей всѣмъ вообще мировымъ учрежденіямъ. Важность дѣла опредѣляется не потому, какъ глядятъ на него сами тяжущіеся, а потому, какъ велика его *демократическая стоимость*, его *цѣнность*. А эта стоимость, эта цѣнность опредѣляются заранее, *по предположенію*; предполагается напрямѣръ, что всѣ тяжбы на сумму, непревышающую трехсотъ рублей, не могутъ тяжущихся, кто бы ни были эти тяжущіеся, слишкомъ сильно интересоваться, настолько по крайней-мѣрѣ, чтобы они захотѣли переносить ихъ въ высшую инстанцію, гдѣ гарантій для правильныхъ рѣшеній всегда болѣе, чѣмъ въ мировомъ судѣ. Или напрямѣръ, что кража, на сумму непревышающую тридцати рублей, не можетъ произвести слишкомъ большого разстройства въ имѣніи пострадавшаго, кто бы ни былъ этотъ пострадавшій, а потому и не стоитъ о ней много беспокоиться; тяжущихся разсудить и помирить одиной мировой судья безо всякихъ ненужныхъ формальностей и *малышечныхъ гарантій* суда второй инстанціи.

Конечно подобныя предположенія могутъ быть весьма справедливы для многихъ случаевъ, особенно если процессъ въ судѣ второй инстанціи сопряжонъ со многими издержками да со многими проволочками, но все-таки законодатель, рассчитывая а priori, можетъ часто и очень даже часто ошибаться. Тяжба въ триста рублей и кража въ тридцать рублей для многихъ бѣдняковъ тоже, что для богачей процессъ въ 30,000 или кража въ 3,000 рублей. Впрочемъ объ этомъ мы уже имѣли случай разъ говорить во «Времени» (кн. VII): тогда мы сказали, что не слѣдуетъ проводить рѣзкую черту между мировымъ и обыкновеннымъ судомъ; что не слѣдуетъ говорить: такія-то и такія-то дѣла подвѣдомственны суду мировому, и такія-то и такія-то общему суду; пусть самимъ тяжущимся будетъ предложено рѣшить: въ какомъ судѣ, у какого судьи хотятъ они су-

даться? Свобода ихъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не должна быть стѣснена. И эта мысль, мысль о томъ, какъ нераціонально важность дѣла опредѣлять его цѣнностью, была гораздо прежде высказана знаменитымъ Бентамомъ; однако нѣтъ и не было до сихъ поръ ни одного мирового учрежденія, гдѣ бы она прилагалась къ практикѣ, гдѣ бы отъ произвола тяжущихся зависѣло подвергнуться или обыкновенному суду, или же удовольствоваться мировымъ.

Принципъ Бентама совершенно рационаленъ, неоспоримъ; отчего же происходитъ, чѣмъ объясняется эта упорная во всѣхъ государствахъ рутина? Вопросъ этотъ такъ интересенъ, что нельзя не остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не чуждъ нашему предмету, и останавливаясь на немъ, мы ни на волосъ не отвлекаемся отъ цѣли. Итакъ, чѣмъ же объяснить это странное явленіе? Объясняется оно очень просто. Если размѣры власти мирового судьи не будутъ тѣсно ограничены, кругъ дѣятельности мирового суда не будетъ строго отдѣленъ отъ вѣдомства общихъ судовъ, то случаи вторженія мировой власти въ сферу обыкновенныхъ судовъ *могутъ и будутъ* повторяться очень часто; эта власть будетъ все болѣе и болѣе втѣсняться и усиливаться насчетъ власти общихъ судовъ. А это чрезвычайно губительно для общества. Мировой судъ по самой своей сущности не можетъ дать обществу тѣхъ гарантій, которыя даетъ ему судъ высшей инстанціи; онъ производится быстро, сокращеннымъ порядкомъ, безъ присяжныхъ и безъ адвокатовъ — судьба подсудимаго ввѣряется почти вполнѣ *одному* *человѣку*; потому-то прибѣгать къ такому суду часто, а главное, въ важныхъ случаяхъ, невыгодно и опасно для общества. Вотъ откуда и является необходимость ограничить кругъ дѣятельности мирового суда, поставить рѣзкую границу между нимъ и обыкновеннымъ судомъ, границу, которую бы ни тотъ, ни другой не могъ безнаказанно переходить. Иными словами, это вотъ что значитъ: единственный мировой судъ представляетъ очень мало гарантій въ правильности, въ непокупной истинности своихъ рѣшеній, а потому пусть онъ будетъ вѣчнымъ достояніемъ бѣдняковъ «съ ихъ грошовыми тяжбами, съ ихъ мелочными раздорами», намъ же съ нашими тысячными тяжбами, съ нашими громадными процессами, намъ нуженъ судъ *самый* *правильный*, *самый* *истинный*, намъ нужны положительныя гарантіи въ правильности его приговоровъ, намъ нужны присяжные, адвокаты и т. п.!

«Ну такъ чтоже», скажутъ люди, доказывающіе необходимость рѣзкой границы между мировыми и обыкновенными судами, — «допустимъ, что это объясненіе справедливо; изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее: или власть мирового суда слѣдуетъ заключить

въ тѣхъ же границахъ, какъ же общество подвергается существенной опасности потерять все то, что оно привыкло считать за основныя гарантіи права».

Мне спорю; при нынѣшнемъ состояніи мировой и немировой юстиціи въ Европѣ, такая альтернатива существуетъ; при нынѣшнемъ устройствѣ мировыхъ и общихъ судовъ дѣйствительно опасно прилагать къ практикѣ принципы Бентама; но вѣдь это все-таки происходитъ не отъ состоятельности принципа, а отъ несостоятельности судебныхъ учрежденій, отъ ихъ фальшиваго положенія. Имѣютъ ли основаніе думать, что власть мирового суда, при уничтоженіи раздѣляющей черты, увеличится въ ущербъ власти общихъ судовъ? Разумѣется имѣютъ; но какое? А вотъ какое: процессъ въ обыкновенныхъ судахъ съ адвокатами и присяжными сопряженъ съ большими денежными издержками, — издержками, которыя бываютъ часто очень чувствительны и для богатыхъ людей (например какъ въ Англіи) и съ большими проволочками. Издержки же и проволочки — вещи очень непріятныя. Чтобы избѣжать ихъ, ташущіеся перѣдко готовы пожертвовать всѣми гарантіями судовъ высшихъ инстанцій — скажице: онѣ уже дороги. Нога перенородки существуютъ, такая возможность ташущихся не имѣетъ разумѣется никакого значенія; но уничтоженіе перенородки — и дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ: скажице въ судахъ высшихъ инстанцій чаще обыкновеннаго будутъ оставаться пустыми, дѣла у судей убавится на половину, зато у мировыхъ судей вдвое прибавится. Есть значить основаніе бояться уничтоженія перенородки, основаніе очень вѣрное, тѣмъ болѣе что принципъ у насъ передъ глазами. Въ Англіи, гдѣ кругъ власти мировыхъ судовъ очень властиченъ, и гдѣ процессъ въ обыкновенныхъ судахъ очень дорогъ, сопряженъ съ большими проволочками, тамъ въ настоящее время значеніе мировой юстиціи все болѣе и болѣе возрастаетъ, и власть мирового суда все болѣе и болѣе стѣсняется въ сферу дѣятельности общихъ судовъ.

Причина болѣзни слѣдовательно найдена: она заключается во внутренней несостоятельности самого суда. Доведите издержки и проволочки, съ которыми онъ неразлученъ, до шпітша — и бояться будетъ нечего. Кто пойдетъ тогда въ мировой судъ, когда и въ обыкновенномъ судѣ, со всѣми его гарантіями, дѣло будетъ рѣшаться скоро, не будетъ стоить большихъ издержекъ? Если же и тогда вы не перестанете бояться слишкомъ большого расширенія мировой власти, то прибѣгните къ послѣднему, опасительному лекарству. Лекарство очень не мудро. Поставьте мирового судью подъ всеобщій и непосредственный контроль общества, сдѣлайте такъ, чтобы ему было выгодно, съ денежнами, въ чисто-матерьяль-

воиъ отношеніи выгодно возстановляетъ правильная рѣшенія, — и власть его, если она дана и усиливается (чего мы впрочемъ не думаемъ), рѣшительно перестанетъ быть опасною.

— Должна ли измениться форма, особенный способъ вознагражденія, по которой судья вознаграждался бы по своимъ заслугамъ, т. е. пропорціонально числу верховныхъ дѣлъ (отчего засада судьи можно считать числомъ верховныхъ дѣлъ? объ этомъ мы скажемъ ниже), несомненно давая срокъ службы — вотъ что дастъ обществу возможность постоянно контролировать своихъ судей, а судей оставшию бы была возможность правдивости, осторожности и осмотрительности въ своихъ приговорахъ (!).

Но въ предыдущаго мы могли видѣть, что кругъ дѣятельности старыхъ будущихъ мировыхъ судей будетъ очень значителенъ: всѣ преступленія и преступки, влекущіе за собою трехмѣсячное тюремное заключеніе, или запрещеніе въ спиритическихъ дѣлѣхъ, а также всѣ споры и тяжбы стоимостью въ 300 руб., подлежатъ ведомаго мирового суда. Мировой судья можетъ дѣлать обыски, снимать показанія на дѣлѣ степенно — власть обширная! Но она можетъ слѣжаться еще обширнѣе: для того, чтобы кругъ мировой власти была постоянна, ее моча бы ни суживаться, ни расшириваться по произволу, необходимо, чтобы званіе съ возможною точностью были перенесены на всѣ случаи ее призначенія. А это трудъ невозможный. Возникнуть стѣна между мировымъ и обыкновеннымъ судонъ, можетъ быть и можно по теории, но на практикѣ рѣшительно выше силъ человеческихъ. Вспомнивъ при этомъ, что процессъ въ обществѣ судахъ, особенно въ первое время будетъ требовать и денежнаго поддержанія и проволочекъ времени, ни чуть не меньшакъ, чѣмъ мы примѣряемъ во Франціи или въ Англіи, а во всей фронтности и балачихъ; что, какъ все новое и невзатомое, наши переформированныя суды не сразу преобрѣтутъ себѣ любовь и довѣріе съ народѣмъ, тогда какъ напротивъ мировой суатъ, простой, короткій, безъ всякихъ формальностей и торжественности (чего такъ не любить и бѣдится нашъ народъ) и теиерь уже отчасти знакомъ народу по сходству своему съ третейскимъ судонъ, пользовавшимся всегда его симпатіями.

(1) Жалованье мирового судьи пропорціонально числу верховныхъ дѣлъ: чѣмъ больше следовательно дѣлъ у судьи, и чѣмъ скорѣе вершить онъ эти дѣла, тѣмъ ему лучше. Выгода его требуетъ привлечь къ себѣ какъ можно болѣе тяжущихся, внушить имъ къ себѣ какъ можно болѣе довѣрія. А чѣмъ онъ можетъ привлечь ихъ къ себѣ, заставить ихъ довѣрять себѣ, какъ не постоянною честностью, неподкупностью, правдивостью и осмотрительностью въ своихъ приговорахъ? Итакъ чѣмъ правдивѣе и скорѣе будетъ рѣшать онъ тяжбы, тѣмъ ему выйдеть. Это такъ просто, что и распространяться объ этомъ много не стоить.

тій, гораздо болѣею, чѣмъ общій судья, который только пугалъ и отталкивалъ его, и что много времени пройдетъ, пока народъ пойметъ существенную разницу между этимъ судьей и судьей новымъ; вспомнивъ все это, я говорю, и мы легко поймемъ почему мировая власть не удержится въ назначенныхъ ей предѣлахъ (какъ бы ни были обширны эти предѣлы), почему она будетъ постоянно стремиться втѣсниться въ сферу общихъ судовъ, будетъ имѣть пострадную тенденцію все расширяться, расширяться... и наконецъ можетъ дойти до такихъ размѣровъ, что сдѣлается опасною для общества. А потому намъ кажется, что общество всегда должно имѣть въ рукахъ всевозможныя средства для постояннаго контроля надъ мировыми судьями. Это совершенно необходимо при такомъ положении мировой власти. Насколько же удовлетворятъ начала, данныя главными основаніями для проектовъ» и т. д. этой потребности, этой необходимости, мы именно здѣсь и намѣрены рассмотреть. Чтобы сдѣлать контроль общества надъ новыми судьями действительнымъ и постояннымъ, слѣдуетъ удовлетворить слѣдующимъ тремъ условіямъ:

Во-первыхъ, избраніе мирового судьи должно зависеть только отъ міра, и отъ всего міра, а не отъ какой-нибудь одной его части: всякія немірскія вліянія здѣсь положительно вредны: какъ только судья узнаетъ, что онъ избранъ и держится на своемъ мѣстѣ не силою міра, а какими-нибудь другими посторонними силами, онъ тотчасъ же перестанетъ обращать вниманіе на волю, мѣтнія, желанія міра, перестанетъ служить ему «вѣрою и правдою», не будетъ стараться достоинствомъ своихъ приговоровъ приобретать себѣ у него довѣріе, и сдѣлается рабомъ той силы, которая избрала и поддерживаетъ его.

Во-вторыхъ, необходимъ короткій срокъ службы, въ противномъ случаѣ міръ будетъ часто вынужденъ держать у себя слишкомъ долго судью, который нелюбитъ ему. Судья, при короткомъ срокѣ службы, будетъ чувствовать себя болѣе подъ контролемъ общества, чѣмъ при долгомъ; это такъ ясно, что и говорить объ этомъ не стоитъ: всякому понятно и безъ объясненія.

В-третьихъ, вознагражденіе ⁽¹⁾, назначаемое отъ міра мировому судья, должно быть пропорціонально его заслугамъ. А такъ, какъ его заслуги измѣряются числомъ верныхъ имъ дѣлъ, то очевидно, что *осаловеніе* мирового судьи должно быть пропорціонально чи-

(1) Подъ словомъ «вознагражденія» я здѣсь разумю только жалованье, платимое судья за его личныя заслуги; деньги проѣздныя, и деньги на канцелярскіе расходы, въ расчетъ разумѣется не входятъ: количество ихъ не можетъ очевидно соразмѣряться заслугамъ и вообще личными качествами судьи.

слу вершоновъхъ имъ дѣлъ. Первое уравненіе — вознагражденіе по заслугамъ, такъ безспорно очевидно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Такъ ли же точно второе уравненіе: заслуги по числу вершоновъхъ дѣлъ? Можно ли заслуги судья измѣрять только количествомъ, а не качествомъ порѣшоновъхъ имъ дѣлъ? Можно, и вотъ почему:

1) дѣла, подлежащія вѣдомству мирового суда, почти всѣ одинаково просты, незапутаны, не головоломны, т. е. по своему качеству они почти всѣ равны, слѣдовательно при оцѣнкѣ заслугъ судья, количество дѣла не можетъ играть никакой роли;

2) допустимъ однако, что различіе въ свойствахъ дѣлъ, подчиненныхъ мировой юстиціи существуетъ, что изъ этого выйдетъ? А вотъ что: чѣмъ правдивѣе и скорѣе рѣшитъ судья запутанное, важное дѣло, тѣмъ больше ему чести, тѣмъ больше извѣстности приобрѣтетъ онъ въ округѣ, тѣмъ обширнѣе будетъ его практика, слѣдовательно все-таки увеличится количество дѣлъ; по разсмотрѣніи его увеличенія мы можемъ судить, почти безошибочно, и о самомъ качестве дѣлъ. Судья, который все только рѣшаетъ малонажныя, пустыя, незапутанныя дѣла, никогда не приобрѣтетъ себѣ такой практики, какъ судья, уже прославившійся рѣшеніемъ трудныхъ, тяжелыхъ таже.

Такъ что, при опредѣленіи заслугъ судья количествомъ вершоновъхъ дѣлъ, ничуть не упускается изъ виду и качество этихъ дѣлъ. Итакъ уравненіе вѣрно.

А если вѣрны оба эти уравненія, первое и второе, то должно быть вѣрно и третье, т. е. вознагражденіе мирового судья относится къ его заслугамъ равно какъ заслуги къ числу вершоновъхъ имъ дѣлъ.

Или: вознагражденіе мирового судья равно числу вершоновъхъ имъ дѣлъ.

Посмотримъ же теперь насколько удовлетворяютъ данныя основанія этимъ тремъ условіямъ?

Выборы въ мировые судьи производятся слѣдующимъ образомъ: Въ каждомъ округѣ составляются списки лицъ, могущихъ занять должность мирового судьи. Списки эти просматриваются губернаторамъ, и изъ нихъ послѣ всѣми сословіями совокупно избираются мировые судьи.

Слово просматривается здѣсь очевидно только значитъ, что губернаторъ просто просматриваетъ списки, нѣтъ ли въ нихъ какихъ пропусковъ, недосмотровъ и т. п. Вычеркивать же изъ нихъ тѣхъ лицъ, которыя по его мнѣнію (безъ подкрѣпленія этого мнѣнія очевидными фактами) не годятся быть мировыми судьями, хотя бы въ сущности они и удовлетворяли всѣмъ требуемымъ условіямъ,

еще внести въ списки лица, которыхъ только по *его* мнѣнію годятся для должности: все это разумѣется не можетъ имѣть никакого мѣста. Вѣдь сказано: *провьрятся*, а не *исправляется*; слову же *провьрятся* дать другое толкованіе, чѣмъ мы ему дали, невозможно. Итакъ, насколько мы можемъ судить по «общимъ основаніямъ», исполнительная власть не должна имѣть никакого значенія, никакого вліянія на ходъ избранія мирового судьи. Иначе это будетъ несогласно съ духомъ «данныхъ началъ». Мировой судья избирается *всѣмъ земствомъ, всѣмъ миромъ, всѣми сословіями совокупно*. Фактъ въ высшей степени утѣшительный. Сословныя *перегородки* начинаютъ ломаться, къ великой скорби гг. Бориса Чичерина, Сумарокова и всей братіи. Жалко только, что такъ мало говорится въ «общихъ основаніяхъ» о томъ, *какимъ образомъ* будетъ производиться это совокупное избраніе. Каждое ли сословіе будетъ имѣть одинаковое число голосовъ (депутатовъ), или число голосовъ будетъ пропорціонально численности каждаго сословія? Въ первомъ случаѣ выигрываютъ разумѣется помѣщики, дворяне, во второмъ — крестьяне. Въ первомъ случаѣ выборы будутъ производиться преимущественно подъ вліаніемъ дворянства, во второмъ — крестьянства. Во второмъ случаѣ выбранный судья можетъ разумѣется съ большею справедливостью назваться «мировымъ» земскимъ судьей, чѣмъ въ первомъ. Тамъ онъ зависитъ почти исключительно отъ крестьянства, здѣсь почти исключительно отъ дворянства. Интересно знать, какъ рѣшится этотъ важный вопросъ; все конечно будетъ зависѣть отъ комиссіи; въ «основаніяхъ» глухо сказано: «выбираются совокупно всѣми сословіями», но какъ совокупно? Вотъ обширное поле для всевозможныхъ толкованій.

Второе условіе — ведегій срокъ службы — вполне удовлетворено въ «основаніяхъ». Трехлѣтній срокъ службы избранъ необыкновенно удачно. Этотъ срокъ не слишкомъ коротокъ, такъ что судья будетъ имѣть достаточно времени ознакомиться и свыкнуться со своею обязанностию; онъ и не слишкомъ дологъ, такъ что общество не можетъ потерять свой контроль надъ судьей; самъ судья, безъ простаго страха, чтобы не лишиться черезъ три года мѣста, будетъ стараться быть въ своихъ приговорахъ честнымъ, скорымъ, правдивымъ и осторожнымъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о вознагражденіи.

Въ «основаніяхъ» сказано просто, что «дѣйствительные мировые судьи будутъ получать *опредѣленное* вознагражденіе». Но *какимъ образомъ* будетъ производиться это вознагражденіе, этого не сказано. Изъ предыдущаго намъ однако извѣстно, что мировой

округъ раздѣляется на участки, что каждый участокъ будетъ имѣть своего мирового судью, что этому судью будутъ подвѣдомственны всѣ жители участка, по всѣмъ дѣламъ и тяжбамъ, подлежащимъ мировому суду. Следовательно могутъ ли тяжущіеся, подвѣдомственные одному участковому судью, судиться у другого? Въ рѣшеніи этого вопроса заключается и рѣшеніе вопроса о способѣ вознагражденія. Если свобода тяжущихся выбирать себѣ судью не будетъ стѣснена, если они будутъ пользоваться правомъ судиться у судьи, потому что онъ имъ любъ, потому что они ему довѣряютъ, а не потому, что живутъ въ его участкѣ, не потому только, что они по закону подвѣдомственны ему, то мы не видимъ почему бы здѣсь нельзя приложить предлагаемаго нами способа вознагражденія. Другое дѣло, если *всѣ жители* одного участка будутъ обязаны судиться именно у своего судьи, если переходъ отъ одного судьи къ другому будетъ строго воспрещенъ, тогда конечно невозможно будетъ измѣрять заслуги судьи числомъ вершонныхъ имъ дѣлъ. Хорошъ ли судья, худъ ли онъ, довѣряютъ ли ему или не довѣряютъ, у него все-таки будутъ дѣла, и количество этихъ дѣлъ будетъ зависѣть не отъ личныхъ достоинствъ судьи, а просто отъ большей или меньшей склонности жителей участка къ спорамъ и тяжбамъ. Если нравственность жителей, если ихъ умственное развитіе стоять на низкой степени, если экономическій бытъ ихъ устроенъ фальшиво, односторонно, способствуетъ развитію бѣдности, крайней нищеты, то очевидно въ этомъ участкѣ будетъ больше поводовъ ко всевозможнымъ нарушеніямъ права, ко всякаго рода процесамъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, съ болѣе благоприятной обстановкой, и вотъ потому-то измѣрять достоинства и заслуги мировыхъ судей двухъ разныхъ участковъ, числомъ вершонныхъ ими дѣлъ, было бы вышею нелѣпостью. Такъ что если тяжущимся не будетъ вполне обезпечено право свободнаго выбора судьи изъ всѣхъ судей округа, то подъ словомъ «опредѣленное вознагражденіе» слѣдуетъ понимать, что мировой судья будетъ получать отъ своего участка *заранѣе назначенное, неизмѣнное годовое содержаніе*. И въ этомъ случаѣ одно изъ могучихъ средствъ контроля будетъ отнято у общества, судья будетъ получать жалованье *за предполагаемая, а не за дѣйствительныя* заслуги, за то только, что онъ судья, а не за то, что онъ *хорошій судья*, т. е. за свою *блжзность*, за свое *мѣсто*, а не за свои личные *достоинства*. Не думаемъ, чтобы такой порядокъ вещей можно было назвать *рациональнымъ, справедливымъ* порядкомъ. Не думаемъ, чтобы могло выйти что-нибудь хорошее изъ стѣсненія свободы тяжущихся судиться *тѣмъ они хотятъ и у кого они хотятъ*.

На *дѣлопроизводство* въ мировомъ судѣ мы здѣсь не будемъ останавливаться. Позволимъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ только одно замѣчаніе, или лучше сказать одинъ вопросъ: почему бы въ дѣлахъ сомнительныхъ, важныхъ (относительно разумѣется), запутанныхъ, *темныхъ* (если только это прилагательное можетъ быть примѣнено къ дѣламъ; подвѣдомственнымъ мировому суду) не дозволить мировому судѣ по собственному желанію, или по требованію тяжущихся, призывать «къ слушанію дѣла и къ совѣту» лицъ, пользующихся и довѣріемъ судьи, и довѣріемъ обѣихъ сторонъ (этотъ призывъ, или лучше сказать это приглашеніе можетъ быть или обязательнымъ или *необязательнымъ*): это было бы впервыхъ значительнымъ облегченіемъ тяжелой обязанности судьи, во вторыхъ тѣснѣе бы скрѣпило миръ съ его судомъ; въ третьихъ, было бы новою, могущественною гарантіею для общества.

Этимъ мы и окончимъ нашу зашѣтку.

Въ началѣ ея мы говорили, что постараемся *насколько это возможно* рассмотреть *подробно, всесторонно, обстоятельно* данныя «основанія» проектируемаго мирового суда. Но едва принялись мы за дѣло, какъ увидѣли невозможность исполнить обѣщаніе. *Оказался* эти, какъ и вообще всѣ основанія, всѣ проекты, такъ неопредѣлены, допускаютъ такое множество истолкованій, что изъ нихъ можно вывести самыя противурѣчивыя слѣдствія, потому намъ приходилось только указывать на эти слѣдствія, болѣе спрашивать, чѣмъ дѣлать замѣчанія.

Выходя изъ однихъ и тѣхъ же началъ, мировой судъ нашъ *оказался* можетъ принять къ совершенно противоположнымъ результатамъ, — все будетъ зависѣть отъ рѣшенія этихъ трехъ вопросовъ:

- 1) Какъ великъ будетъ цензъ?
- 2) Какимъ образомъ будутъ производиться выборы судей?
- 3) Будетъ ли, или не будетъ дана свобода тяжущимся судиться *между и до того* они хотятъ, и отсюда прямо вытекаетъ вопросъ: какимъ способомъ будетъ производиться вознагражденіе мировымъ судьямъ?

Только съ окончаніемъ трудовъ комиссій, на эти вопросы будетъ дано категорически отвѣчено, и только тогда мы можемъ сказать: вопросъ о мировыхъ судахъ рѣшонъ окончательно.

Будемъ ждать и надѣяться.

П. ТКАЧЕВЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Куда мы идемъ? — Журнальныя объявленія. — Загадка мирового съѣзда. — Загадка статистическая. — Первобытный помѣщикъ. — Г. фонъ-Укте и пого-рѣлые мужики. — Какимъ образомъ доходить до острога. — Мировая по случаю кражи 3,000 рублей. — Недосмотры политической экономіи. — Ничто о политической экономіи, заграничной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ съ русской точки зрѣнія. — Пристань Екатериновка и торговля хлѣбомъ. — Выкупная операція. — Гомеопатія для народа. — Помѣщенія для нуждающагося населенія. — Пересмотръ горнаго устава. — Вызовъ комиссіи по преобразованію судебной части.

Прежде всего, надо какъ можно яснѣе постановить вопросъ. Безъ этого нѣтъ никакой возможности договориться до чего бы то нибыло, кромѣ вопіющихъ противорѣчій. Всѣ безконечныя и ни къ чему неведущіе споры происходятъ именно отъ не ясно постановленнаго вопроса, и нерѣдко двѣ спорящія стороны, потерявъ много времени, рассылавъ множество цвѣтовъ краспорѣчія, доходятъ до того, что рѣшаются поточнѣе опредѣлить, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь. Такъ напримѣръ: какъ намъ быть съ постройкою новыхъ желѣзныхъ дорогъ? Вопросъ чрезвычайно неясный и можно говорить о немъ безконечно, вѣсколько лѣтъ сряду, въ разныя стороны. Но о чемъ именно рѣчь? О деньгахъ? или о направленіи новыхъ дорогъ? или о довѣрїи къ тѣмъ, кто будетъ собирать подписку на желѣзныя дороги? Но для отвѣтовъ на эти вопросы, нужно рѣшить еще вѣсколько предварительныхъ вопросовъ, важнѣйшихъ, основ-ныхъ.

Стоять ли наша свеклосахарная промышленность мраморнаго памятника въ видѣ колоссальной сахарной головы, какой хотятъ поставить въ Кіевѣ? Опять неясно. По отношеніи къ кому эта промышленность можетъ стоять памятника? По отношенію къ заводчи-

нать? или къ потребителямъ? или къ крестьянамъ, которые гдѣ-то съелъ вместо пивенницы? И что за памятникъ? триумфальный, или надгробный?

Или еще вопросъ, возбужденный одною почтенною газетою, которая при этомъ сама съ собою спорить: что важнѣе, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости или преобразование судебной части? Не говоря уже о томъ, что безплоднѣе этого вопроса ничего нельзя выдумать, потому что объ эти мѣры были съ одинаковою радостью привѣтствованы всѣми честными людьми, — все-таки вопросъ постановленъ неясно. Въ какомъ смыслѣ важнѣе? По отношенію къ матеріальному благосостоянію? По отношенію къ будущему, болѣе или менѣе отдаленному? Въ смыслѣ нравственнаго преуспѣянія? Или въ смыслѣ политическаго значенія нашего отечества? Или въ отношеніи къ удовлетворенію насущнѣйшихъ потребностей нашихъ. Но тутъ, для рѣшенія основнаго вопроса слѣдуетъ рѣшить, куда же мы идемъ? къ чему стремимся? Къ какимъ послѣдствіямъ или результатамъ слѣдуетъ желать прийти. Нуженъ идеалъ, и прежде всего идеалъ. А послѣ, когда идеалъ выясненъ, несрѣдней-мѣрѣ насколько идеалъ выясненъ быть можетъ, не трудно уже отдать отчетъ о каждомъ шагѣ: ведетъ ли онъ прямо къ цѣли, или сворачиваетъ въ сторону; не трудно сравнить и два шага: который изъ двухъ составляетъ болѣе близкій переходъ, при помощи котораго мы дальше отодвигаемся отъ прошедшаго и ближе подходимъ къ идеалу, иначе сказать, который изъ двухъ имѣетъ болѣе революціонное значеніе. Революція, какъ великому извѣстно, значитъ переворотъ, перемѣна, преобразование, и революція въ бытѣ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ есть безъ сомнѣнія не исключительная, не одиночная мѣра: она есть только начало, прямоугольный камень будущаго зданія, приближающагося къ идеалу. Преобразование судебной части есть прямо продолженіе, и дѣле на этомъ не остановится: Впередъ, впередъ! — есть девизъ нашего правительства:

Тотъ же самый девизъ имѣетъ и вся наша литература, за исключеніемъ траурными исключеніями, о которыхъ ничего говорить. Даже «Роспись» г. Краевскаго утверждаетъ, что у него будетъ стремленіе въ прогрессу; стало-быть о направленіи нашего движенія говорить нечего. Но съ рѣшимости цензуры и въ предѣлахъ этого разрѣшенія есть отбѣнки чрезвычайно тонкіе, даже совершенно неудовольные. Въ изданныхъ объявленіяхъ о подпискѣ на слѣдующій годъ казенной журналь старается опредѣлить и обозначить свое направленіе со своими собственными отбѣсками. Въ итогѣ выходитъ, что все отстраняется впередъ, все чувствуютъ потребность улучшеній, все собираются впередъ.

не обесцвѣтять современныя насущныя потребности нашего общества; всё стремится къ переворотамъ и къ реформамъ; всё вполнѣ вѣрять прогрессивнымъ стремленіямъ и не вѣрять въ реакцію. На при большомъ вниманіи можно отыскать различіе отъѣнковъ, которыми сущности мы не беремся посягать. Есть либеральныя прогрессисты, есть прогрессисты умѣренные, есть умѣренныя либералы, есть либеральныя консерваторы, прогрессивныя консерваторы, умѣренныя консерваторы. Всѣмъ этимъ и многимъ другимъ еще болѣе тонкимъ отъѣнкамъ нельзя придавать особеннаго значенія, потому что все это происходитъ въ предѣлахъ цѣнаурнаго разсужденія и разрѣшенія. Всѣ безъ исключенія честныя люди инстинктивно радуются всѣмъ преобразованіямъ, которыя совершаются, предприняты и предпринимаются правительствомъ. Всѣ до одного периодическія изданія стоятъ на сторонѣ прогресса, т. е. движенія впередъ. Но куда же это впередъ? Гдѣ идеаль? Гдѣ планъ, по которому возведется окончательное зданіе нашего благосостоянія, могущества и величія нашего отечества? Безъ плана, хотя бы самого легкаго, хотя бы набросаннаго отъ руки, нѣтъ возможности проархитировать никакой передѣлки или перестройки, и только видя планъ можно съ большою или меньшею основательностью сказать въ какой мѣрѣ данный положенный въ стѣну камень кѣсасообразенъ, или въ какой мѣрѣ теперь строящіеся дѣла будутъ пригодны для будущаго величественнаго зданія. Удовлетвореніе насущныхъ потребностей нашего общества, какъ выражаются въ некоторыхъ программахъ нашихъ периодическихъ изданій, дѣло конечно хорошее; но этимъ окончательно удовлетвориться нельзя, потому что иногда полезное, даже необходимое удовлетвореніе насущныхъ потребностей не является къ главной, основной цѣли, къ идеалу. Иногда необходимо бываетъ поддержать ветхую, ненадежную стѣну зданія, построеннаго въ передѣлку, и подпорку сдѣлать истинно полезную, фундаментальную, такъ что въ домѣ можно будетъ еще вѣкъ прожить. Но и полпорка пойдетъ въ ломъ, когда дойдетъ до нея очередь по общему плану работать, сообразно съ планомъ возводимаго зданія. Стало-быть иногда насущная потребность есть не болѣе, какъ переходная мѣра, или подпора, которая впоследствии будетъ затруднительна. Стало-быть удовлетвореніе насущныхъ потребностей — само по себѣ, а планъ, идеаль — самъ по себѣ, и въ насущныхъ потребностяхъ забывать его нельзя.

Правительство предпринимало преобразованія не всѣхъ частей, и теперь нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой не происходило бы или не подготовлялось бы перемѣнъ, преобразованій. Изъ всѣхъ этихъ преобразованій, Россія подождетъ

идеть обновленною, свѣжею, могучею, исполненною умственными и матеріальными богатствами. Но какой именно она придетъ идя? Гдѣ тотъ идеалъ, къ которому она стремится?

Одинъ почтенный журналъ увѣряетъ, будто такъ-называемая наука, политическая экономія, несомнѣнно показываетъ эту цѣль. Другой почтенный журналъ говоритъ, что для насъ всего выгоднѣе хоть понемногу, а какъ можно постепеннѣе приближаться къ Англіи. Третьему можетъ-быть болѣе нравится Франція, четвертый можетъ быть предпочитаетъ Гессенъ-Кассель или Шварцбургъ-Мейнингенъ-Гильдбурггаузенъ. Наконецъ иные могутъ полагать, что конечная цѣль развитія не можетъ быть предугадываема никѣмъ, что народъ долженъ свободно развиваться въ томъ направленіи, какое внушено ему будетъ его геніемъ и согласно съ будущими обстоятельствами, для чего нужно только, чтобы ему предоставлены были какъ можно большая свобода, чтобы онъ избавленъ былъ отъ всѣхъ возможныхъ насильственныхъ и искусственныхъ вліаній.

Но такъ-называемая наука, политическая экономія, есть только зародышъ науки. Очень можетъ быть, что при дальнѣйшей разработкѣ она въ самомъ дѣлѣ и сдѣлается наукой; но до сихъ поръ она еще не подозрѣваетъ своего истиннаго призванія. Точно такъ же, какъ существуетъ общая патологія и частная патологія, общій теранія и частная теранія, такъ должна существовать общая и частная политическая экономія. Да сверхъ того, соображаясь съ организмомъ и исторіей каждаго пациента, приходится принимать различныя мѣры и прилагать правила частной тераніи не безъ разбора ко всякому лицу и во всякомъ его возрастѣ, а съ нѣкоторымъ моральнымъ выжидательнаго способа, другому давать энергическія средства, третьему слабодѣйствующія. Точно такъ же и въ политической экономіи, которая относится къ весьма ограниченному числу вѣдѣливыхъ. Для каждаго государства необходимо должны существовать особыя, отдѣльныя законы политической экономіи, и общіе законы, вслѣдствіе даже они были несомнѣны и несогласны, должны прилагаться къ отдѣльнымъ народамъ съ большою осторожностью. При дальнѣйшей разработкѣ науки окажется, что правды тамъ гораздо больше, нежели исключеній, точно такъ же, какъ было въ алхіміи, когда она стала переходить въ химию.

Такимъ образомъ алхімія или политическая экономія никакъ не можетъ сказать намъ, куда мы идемъ: она сама еще не рѣшила тераніальнаго, куда она идетъ и откуда. Она сама еще не сказала, что это такое: народъ? что такое государство? Составляется ли народъ что-нибудь особенное отъ другихъ народовъ, вѣдетъ ли онъ исключительнаго. Помочь быть каждому народу есть особенный, отдѣльный орга-

видать, который болѣе или менѣе нуждается въ другихъ людяхъ, ему организмамъ и долженъ составлять съ ними общество. Разсматривая народы, политическая экономія, конечно сдѣлаетъ различіе между государствомъ и народомъ и постановитъ, что Валдовъ-Пирмонтъ или Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ хотя и отдѣльные государства, но вовсе не отдѣльные народы и каждое изъ нихъ не составляетъ особеннаго организма. Она найдетъ, что и Пруссія съ своими двумя большими землями и пятнадцатью или двадцатью череполосными малыми участками не составляетъ отдѣльнаго народа, хотя и принадлежитъ къ числу великихъ державъ, и что прусскій патриотизмъ такая же забавная вещь, какъ патриотизмъ костромской или смоленскій. Потомъ политическая экономія постарается опредѣлять внутреннюю дѣятельность каждаго отдѣльнаго политическаго организма и указать что именно совершенно необходимо для того, чтобы организмъ не разрушился, не пересталъ быть организмомъ, при чемъ окажется, что не всякому организму необходимы одинакія учрежденія, законы, и что у всякаго есть свои потребности, кромѣ тѣхъ, которыя общи всѣмъ. Потомъ наука востарается хорошенъко, повнимательнѣе ввслѣловать одну изъ такъ называемыхъ истинъ, будто бы выработанныхъ ею: *Laissez faire, laissez passer*. Ирокезы и Могиканы держались томе этого правила, когда давали волю и дорогу различнымъ пришлецамъ изъ цивилизованной Европы. Повтому отъ нихъ осталось очень немного на этомъ свѣтѣ: пара хорошихъ романовъ, да нѣсколько названій урочищъ въ Америкѣ. Но по извѣстному глубокомысленному правилу: *regem in modum, fiat justitia*, политическая экономія говоритъ, что такъ имъ и надо было, что ежели ирокезы и могиканы не выдержали напора цивилизованныхъ варваровъ, то значить ихъ не нужно было на свѣтѣ, они напрасно тяготили землю. Томе самое можно сказать о челоѣкѣ, который не выдержитъ напора падающаго снола. Падаетъ, такъ *laissez faire*, не дѣлай подморокъ, выноси на своей голѣвѣ, а не выдержимъ, такъ значить, не нужно тебя на свѣтѣ. Вообще политической экономіи надо будетъ нѣсколько воздержаться отъ своихъ людодѣльныхъ склонностей. Да если потому эта «наука» переберетъ все своимъ такъ называемымъ истины, то окажется, что большая часть изъ нихъ пойдетъ въ лопъ. А ввслѣдствіи, когда политическая экономія по справедливости будетъ называться наукой, она и будетъ въ состояніи указать идеалъ, къ которому каждый народъ долженъ стремиться, и для каждаго народа окажется свой путь къ своей себѣи и вѣл.

При этомъ окажется совершенно несомнѣннымъ, что для насъ болѣе ввгоднее на французскіе, на англійскіе, на вѣмецкіе, или

шведскіе идеалы. Начать съ того, что надо опредѣлить съ точностью, что мы такое, — земледѣльческій народъ, или какой другой; опредѣлить отношеніе между собою различныхъ слоевъ общества, опредѣлить наши свойства, наклонности, стремленія, восприимчивость къ преобразованіямъ т. е. революціонную способность, опредѣлить нашу способность къ городской и сельской жизни, и т. д. Еслибы кто-нибудь, вовсе не зная Россіи, вздумалъ искать этихъ опредѣленій въ газетахъ, отыскивая тамъ нашего быта такъ какъ онъ есть, то онъ былъ бы поставленъ въ тупикъ, въ безвыходное недоумѣніе и отправился бы искать разрѣшенія куда-нибудь на площадь, на покосъ, на постоялый дворъ, въ присутственное мѣсто — куда угодно, но уже никакъ не положился бы на газеты или на журналы.

Вотъ напримѣръ что нашолъ бы въ газетахъ за прошлый мѣсяцъ любознательный читатель.

Одинъ мировой съѣздъ разсматривалъ отвѣтъ одного помѣщичьяго управленія посреднику и нашолъ въ этомъ отвѣтѣ слѣдующую фразу: «Мировой съѣздъ не можетъ измѣнить ни одной іоты въ высочайше утвержденномъ положеніи — неопровержимая истина, извѣстная съѣзду вѣроятно не менѣе подписавшаго будущу?» Съѣздъ заключилъ, что отвѣтъ «неумѣстенъ и дерзокъ» и постановилъ: «сдѣлать подписавшему отвѣтъ выговоръ, а за повтореніе того же предать его суду.» — Что за страшная власть мировой съѣздъ, подумаетъ читатель, вовсе не знающій Россіи. Это что-нибудь громадное, вродѣ съѣзда юристовъ въ Вѣнѣ; и что-нибудь преувеличано-шекотливое, нетерпящее неопровержимыхъ истинъ. А «предать суду», конечно, что-нибудь особенное, неизвѣстное въ Европѣ, потому что какъ это судить человека за то, что онъ сказалъ такую неоспоримую истину, что дважды два четыре?

Въ четвертой московской гимназіи какъ-то не топили печей и въ классѣ было холодно. Напечатано объ этомъ въ газетахъ, да не одна, а нѣсколько статей. О чемъ же это они хлопочуть? о вязанкѣ дровъ? Да неужели же учитель не могъ просто приказать сторожу потопить печку, а ежели не имѣлъ права распорядиться самостоятельно, то развѣ не могъ сказать объ этомъ кому слѣдуетъ? Или ужъ такъ сильна субординація; какъ бывало при Фридрихѣ великомъ между солдатами, когда ни одинъ рядовой ни въ какомъ случаѣ не могъ заявить своего желанія или своихъ нуждъ?

Въ разныхъ мѣстахъ газетъ видно, что въ Россіи есть губернскіе статистическіе комитеты, и въ газетахъ же есть примѣръ, какіи собираются статистическія цифры. Хлѣба въ одной волости собрано среднимъ счетомъ полчетверти съ десятины, а рядомъ семь

четвертей. Еще въ одной волости сѣна собрано съ десятины все-таки среднимъ счетомъ $3\frac{1}{2}$ пуда, а въ другой, рядомъ 110 пудъ. Въ одной волости при урожаѣ $1\frac{1}{8}$ четверти на душу, хлѣба будто бы не покупають, а въ другой волости, при урожаѣ $4\frac{5}{8}$ четверти хлѣба покупаетъ каждая душа на семь рублей. Одна волость собрала 84 пудъ соломы на каждую четверть хлѣба, а другая на тоже количество хлѣба только $2\frac{1}{2}$ пуда сѣяомы. И много такихъ нефронтныхъ показаній. И въ этомъ—то заключается русская статистика? На такихъ—то данныхъ правительство обязано основывать свои распоряженія? Какая же тутъ есть возможность распорядиться? Кому иль чему повѣрить? на чемъ остановиться?

Помѣщикъ пишетъ между прочимъ мировому посреднику: «Хотя сосѣди мои капитальные люди и уже нѣвѣютъ нанятыхъ сторожей, но нѣмцакъ, яко нѣмцакъ, не всегда можетъ быть вѣдѣющимъ сторожемъ, потому что въ насъ худшіе люди не изъ добрыхъ ходятъ, а изъ какой-либо сволочи и пьяницъ. Докладывалъ мнѣ сельскій староста Федоръ Омельниченко, что недавно устрашовакъ былъ ночью какимъ-то страшнымъ явленіемъ; то я ему растолковывалъ, что подъ часъ устрашающее насъ видѣніе почвоесть нечто иное, какъ переодѣтый воръ, мошенникъ, что подчасъ видѣніе духа тьмы можетъ быть переодѣтый, суеумудреный духъ западнаго просвѣщенія, и что если староста будетъ съ помощію креста и съ молитвою на устахъ: съ нами Богъ! то англичанамъ не доведется дохватить первого своего министра Пальмерстона за его революціонныя планы... И посему, по требованію вашему, я даю отвѣтъ на докладу Макара Самоботченка, а ваше высокоблагородіе, яко избраннаго и поставленнаго между потомками Сима и Асета и между есвобожденнымъ племенемъ Хама, почтительнѣйше прошу васъ повелѣть удержатъ въ порядкѣ Макара Самоботченка, равно и его сына Виктора. Макаръ Самоботченко, еще въ прошломъ году, кричалъ на меня изъ своей избы, что якобы его Викторъ поревнился со мною, что онъ теперь такой же панъ, какъ и я, то въ этомъ разѣ растолковать ему, что дворянствъ не можетъ быть равенъ мужику и что по новымъ положеніямъ всякій потомственный дворянствъ въ званіи высокоблагородія, а не дворянствъ не можетъ быть дворянствомъ, не выслуживши «стадкаго» совѣтника. Это твердить нужно не только моему Макару Самоботченку, но и всѣмъ простолюдинамъ, кои какъ полагаютъ должно — обоняютъ уже духъ западной цивилизаціи, масонацкіи и либерализаціи.» — Ну, здѣсь что-нибудь не такъ, подумаетъ любознательный читатель, мало знакомый съ Россіей. Почтенный помѣщикъ мало знакомъ съ виконтомъ Пальмерстономъ, который меньше всего способенъ на революціонныя планы,

и англійчанамъ не доведется похвалить его за это даже и божь крестъ и молитвы старосты. Что же касается до того, что почтенный помѣщикъ приходитъ въ негодованіе противъ того, что престолюдины будто бы «обоняютъ духъ» западной «цивилизаци», насмѣяніи и либерализаци, то пусть спроситъ того же виконта Пальмерстона. Отъ себя со своимъ лордствомъ считаетъ выше всѣхъ остальныхъ своихъ соотечественниковъ мелродовъ и очень твердо знаетъ (и вовсе не ошибается въ этомъ случаѣ), что и всѣ остальные англичане видятъ въ немъ не простаго человѣка, не такого же смертного, какъ всѣ прочіе, а существо, стоящее выше обыкновеннаго человѣческаго уровня. Лордъ Пальмерстонъ увѣренъ, что ни одному изъ его соотечественниковъ-престолюдиновъ никакъ не можетъ прийти въ голову, что обыкновенный смертный могъ пересилить съ лордомъ, даже при помощи выслуги «стадакого» совѣтника. Во всякомъ случаѣ престолюдины такой разаратной мысля итъ и не будутъ, конечно, еще въ такомъ стодѣтій, пока они съ самимъ дѣломъ ничуть «обоняютъ духъ» истинной цивилизаци. Если же въ самомъ дѣлѣ русскіе престолюдины не считаютъ лорда мелробога, то это показываетъ, что у нихъ есть врожденный или исторически выработанный, но совершенно вѣрный взглядъ на различіе сословій; значитъ, у нихъ однимъ предразсудкомъ или однимъ гордымъ мотомъ. По отношенію къ «цивилизаци» и грамотности самихъ помѣщиковъ, любознательный читатель не долженъ делать заключенія, такъ какъ данное письмо могло быть искомоченно, было или мотѣ рѣдкимъ.

Далѣе читаетъ и поучается любознательный читатель.

Въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи въ селѣ Барановѣ, нѣмнѣ баронесы Буа-Романъ-Кайсаровой случился пожаръ въ то время, какъ крестьяне были въ полѣ на баранцонной работѣ у своей владѣлицы. Сгорѣло 34 двора со всѣмъ имуществомъ, съ платьемъ, обувью, хлѣбомъ, съ лошадыми, съ упряжью и съ казней-шешными орудіями. Мировой посредникъ г. Фодичъ (живущій въ Россіи читатель подумаетъ, что саратовская губернія съ остзейскимъ краемъ) просилъ управляющаго нѣмнѣмъ баронесы дать погорѣвшимъ крестьянамъ нѣкоторыя льготы. Но управляющій, г. Улицъ (любознательный читатель начинаетъ приходитъ къ полному убѣжденію, что дѣйствіе происходитъ въ остзейскомъ краемъ) не согласился дать несчастнымъ никакой льготы. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе постановило ходатайствовать о выдѣлѣ погорѣвшимъ особаго вспоможенія, сверхъ 45.рублей, которое обыкновенно выдается на каждый сгорѣвшій дворъ.

Любознательный читатель становится вступивъ, а по мотѣ,

не сносить никакой нити, чтобы выйти из недоумения. Вся галерея — думаетъ онъ — наполнены подлинною въ пользу червогерцовъ, петербургскихъ лавочниковъ и филиалцевъ. Это прекрасно, великодушное, величественно. Первые пострадали въ нынешнюю войну, вторые въ нынешние пожары, третьи въ нынешний хирургий. Не чьимъ же всё эти счастливицы лучше жителей сельцо Барановки, у которыхъ вина на носу, голову преклонить негдѣ, а подошвы ходить на барщину. Положимъ, что подписка въ пользу червогерцовъ есть нечто вроде политическаго митинга, демонстрація противъ Бароны, угнетающей нашихъ соплеменниковъ посредствомъ блистательной Перты; филиалцы хоть и совершенно чужой для насъ народъ, но въ самомъ дѣлѣ имъ грозитъ голодная смерть; вина не будетъ полана дѣлательная помощь, а лавочники потеряли все, что торговали въ нѣсколько лѣтъ. Но жители Барановки еще страшенно ближе: потеряли все, что заработали во вѣсь вѣтъ аршинныхъ нитокъ, и уже если пошло на демонстрацію, то подписка въ пользу петербургскихъ жителей Барановки была бы прекрасное мероприятие противъ разныхъ господъ фонъ-Укке, которые эксплуатуютъ весь бѣдный крестьянскій никакой люты, чтобы оставить имъ время построить себѣ хоть нитки-набуль хаты на зиму. Господинъ фонъ-Укке правъ, совершенно правъ съ западной точки зрѣнія. Лордъ Пальмерстонъ, котораго почтенный землевладелецъ такъ несправедливо упрекаетъ въ революціонныхъ замыслахъ; никогда не давать льготы своимъ фермерамъ, это правда, и господа фонъ-Укке дѣйствуютъ совершенно на основаніи западной «целилизаціи», но собственно говоря, это дикій эгоизмъ въ соединеніи съ грубымъ неуваженіемъ права.

Академія наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что впускъ въ музеи, открытые въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 9 октября прекращенъ.

Любопытный читатель, не зная устройства академіи наукъ, подумаетъ непременно, что это странное заведеніе учреждено на нитки-набуль частнымъ лицомъ, очень капризнымъ, которое то позволяетъ входить въ свои музеи, то запрещаетъ, какъ вздумается, и не забываетъ о пользѣ общей, исполняетъ только свои прихоти. Иначе почему бы запрещать входить въ музеи осенью, зимою и весною? Въ это время музеи особенно были бы полезны, какъ учащимся, которые на лѣто разбѣгаются въ разные стороны, такъ и публикѣ, живущей лѣтомъ на дачкахъ. Для кого же существуютъ музеи? Для рабочихъ, которые лѣтомъ стекаются въ Петербургъ въ огромныхъ количествахъ? Но имъ не до музеевъ, и почтенные труженники работаютъ лѣтомъ для того, чтобы быть сытыми зимою. Стало-

быть, заключаетъ читатель, музеи академіи существуютъ преимущественно для академиковъ. Но въ газетахъ не оказывается слѣда пользы академіи, и читатель остается въ недоумѣніи касательно значенія академіи наукъ въ Россіи.

Далѣе по газетамъ оказывается, что уѣздныя аптеки наши находятся въ печальномъ состояніи. Въ Глуховѣ (болѣе 10,000 жителей) аптека находится въ завѣдываніи неэкзаменованнаго ученика и беретъ съ своихъ потребителей непомѣрные цѣны за лекарства. Жители не ропщутъ, потому что ропотъ вообще показываетъ безпокойный характеръ, къ тому же аптекарь вѣроятно есть начальство надъ всѣми пациентами, которые вынуждены къ нему обращаться. Стало-быть какъ же можно роптать? У аптеки есть свой чиновникъ особыхъ порученій студентъ Бродовскій, высланный изъ кіевскаго университета будто бы по политическимъ дѣламъ. Этотъ г. Бродовскій лечилъ глуховскую публику съ большимъ успѣхомъ, но по какому-то случаю не поладилъ съ городовымъ врачомъ, и уѣхалъ, а мѣсто его занялъ другой господинъ К—въ. Но тутъ вышелъ опять странный случай. Одинъ больной солдатъ показалъ, что это не лекарь К—въ, а фельдшеръ Гиря, за какое-то преступленіе лишонный правъ состоянія и сосланный, но потомъ убѣжавшій съ дорогъ. Другой солдатъ показалъ тоже самое, и не смотря на то, что документы г. К—ва были въ порядкѣ, его арестовали. Городничій предписалъ городовому врачу проэкзаменовать арестованнаго, и экзаменъ оказался неудовлетворительнымъ. Сверхъ того слѣдователь (вѣроятно не врачъ) спрашивалъ его между прочимъ, что такое литотомія, и отвѣтъ оказался неудовлетворительнымъ. Ко всему этому прибавилось отсутствіе всякаго самолюбія у К—ва, его кротость и терпѣніе при всякаго рода поруганіяхъ. Г. К—ва посадили въ острогъ, до полученія справокъ, и почти черезъ мѣсяцъ выпустили. Все это напечатано въ журналѣ «Современная Медицина» за подписью г. Ивана Пантюхова, и любознательный читатель вовсе отказывается понимать.

Въ городѣ Глуховѣ черниговской губерніи образуется экзаменаціонная коммиссія для того, чтобы убѣдиться въ степени знаній доктора или лекаря. Эта коммиссія-факультетъ состоитъ изъ городского врача и судебного слѣдователя. Лекарь-арестантъ, подвергаемый всякаго рода поруганіямъ (мы ничего не прибавляемъ и не выдумываемъ) отвѣчаетъ неудовлетворительно, какъ-будто человекъ, которому посредствомъ самоуправства, насилія и всякаго рода поруганій производятъ цефалотомію, можетъ во время операціи отвѣчать, что значить литотомія. Къ тому же г. К—въ переносилъ всякаго рода поруганія съ кротостью и терпѣніемъ, стало-быть онъ

человѣкъ не безпокойный, не высланный по какимъ-нибудь псевдо-политическимъ дѣламъ. Что же все это значить? Какой во всемъ этомъ смыслъ. И любознательный читатель дѣлаетъ такой выводъ. Степень образованности въ Россіи такъ высока, что въ любомъ городѣ въ 10,000 жителей съ большимъ удобствомъ образуется медицинскій факультетъ, получающій предписанія отъ городничаго. Экзамену подвергается всякій, кто имѣетъ документы въ порядкѣ, но заподозрѣвъ больнымъ солдатомъ. Въ случаѣ, если экзаменуемый терпѣливо и кротко переноситъ всякаго рода поруганія, то его сажаютъ и держатъ вмѣстѣ съ разными ворами и разбойниками мѣсяцъ, до полученія справокъ, а потомъ (такъ развито чувство справедливости!) если окажется, что онъ дѣйствительно кончилъ медицинскій курсъ, въ самомъ дѣлѣ г. К—въ, а не бѣглый сосланный фельдшеръ Гира, то его изъ острога выпускаютъ. Между тѣмъ изъ другихъ фактовъ, тоже обнародованныхъ въ газетахъ, оказывается, что если человѣкъ не кротко и не съ терпѣніемъ переноситъ всякаго рода поруганія, то его тоже сажаютъ въ острогъ, изъ чего незнакомый съ Россією читатель и можетъ заключить, что острогъ есть въ Россіи нѣчто индифферентное, вродѣ кристальнаго дворца, или нѣчто похожее на справочное мѣсто для опредѣленія званія врачей, или наконецъ обычное послѣдствіе докторскаго экзамена, или что-то непонятное, непостижимое.

Но теперь становится до послѣдней очевидности ясно, что мало знакомый съ Россією читатель не въ состояніи будетъ вывести изъ нашихъ газетъ правильнаго заключенія, ничего ровно не пойметъ, потомучто не совсѣмъ понятны газетныя статьи и для коренныхъ жителей, имѣющихъ претензію очень хорошо знать свое отечество. Дѣло въ томъ, что плохо мы сами знаемъ Россію, свѣдѣнія о ней почерпаемъ нерѣдко изъ иностранныхъ сочиненій, смотримъ на себя сквозь очки англійской политической экономіи и гораздо больше обращаемъ вниманіе на черногорцевъ и финляндцевъ, нежели на погорѣлыхъ жителей сельца Барановки, блаженствующихъ подъ управленіемъ господина фонъ-Укка.

Дѣло въ томъ, что ни французскій, ни англійскій, ни нѣмецкій, никакой другой идеалъ къ намъ никакъ не подходитъ. Климатическія, географическія и историческія условія слѣбали изъ насъ нѣчто до такой степени отдѣльное, особенное, что къ намъ не подойдетъ никакая иностранная мѣрка. Вотъ маленькій примѣръ.

Въ вѣдомостяхъ московской городской полиціи расказано, что 13 октября вечеромъ, городской части 4 квартала, изъ номера кирсановскаго мѣщанина Дуботолкова, украдена шкатулка съ деньгами 1,500 руб. и векселемъ на такую же сумму, выданнымъ московскимъ

ищанномъ Казариновымъ , въ кражѣ кося Дуботолковъ подозрѣваетъ живущаго съ нимъ по сдѣлству крестьянина Кондакова. При дознаніи полиціи Кондаковъ сначала въ кражѣ не сознался, но потомъ объявилъ , что укралъ шкатулку по просьбѣ Казаринова и передалъ ему такую; но Казариновъ въ этомъ не сознавался и по обыску шкатулки у него не найдено. Послѣ чего Казариновъ, сознавая свою неосторожность въ томъ , что бывши въ номерѣ у Кондакова 13 октября, ушелъ оттуда, не показавшись никому , чѣмъ и можетъ навлечь на себя подозрѣніе , обязался удовлетворить Дуботолкова за покраденное , съ тѣмъ , что если шкатулка съ деньгами будетъ найдена, то уже должна принадлежать ему , на что и Дуботолковъ изъявилъ свое согласіе. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ну гдѣ въ Европѣ можно встрѣтить такое прелестное окончаніе дѣла? Гдѣ-нибудь во Франціи, гдѣ совершенно возможенъ Жанъ Вальжанъ , сосланный на галеры, за покушеніе украсть кусокъ хлѣба, сейчасъ принялись бы, въ интересахъ закона , раскапывать истину , засадили бы Казаринова и Кондакова въ тюрьму, какъ соучастниковъ ; они выбрали бы себѣ адвокатовъ ; доказано было бы, что Казариновъ имѣлъ выгоду въ произведенной кражѣ, что Кондаковъ не могъ на себя визачто-нипрочно взвести напраслину, что вынужденный дознаніемъ возвратъ покраденнаго не покрываетъ совершеннаго преступленія, что наконецъ въ интересахъ закона, ради торжества юстиціи, не могутъ быть допущены никакія сдѣлки между преступникомъ и его жертвой. А тутъ дѣло кончилось полюбовно. Человѣкъ попался, но не признается, хотя улики противъ него, и чтобъ не растравлять юстиціи и не выносить изъ избы сору, онъ соглашается отдать украденныя деньги. Обвиняютъ русскихъ въ подражательности. Но тутъ , въ этой драгоцѣнной, невыдуманной, офиціально засвидѣтельствованной, неподражаемой чертѣ нравовъ кому они подражаютъ? И что здѣсь пойметъ мало знакомый съ Россіей, хотя и любознательный читатель?

Можно бы привести еще множество подобныхъ происшествій, изъ которыхъ несомнѣнно окажется наша нравственная своеобразность. Но не въ этомъ покамѣстъ наша цѣль. Главный, насущный и дѣйствительно чрезвычайно важный вопросъ теперь — экономическія отношенія, вещественная сторона жизни, матеріальное благосостояніе, которое составляетъ необходимое условіе успѣховъ въ нравственной и умственной жизни. Казалось бы, что тутъ всего лучше, всего удобнѣе слѣпо предоставить себя предписаніямъ той государственной гигиены, которая выработана въ политической экономіи. Но кромѣ того, что эта наука выработала лишь небольшое количество безспорныхъ общенародныхъ истинъ, а всѣ остальныя

весьма еще спорны, она до сихъ поръ еще не затронула вопроса о различной приложимости своихъ гигиеническихъ правилъ къ различнымъ политическимъ организмамъ, что конечно показываетъ еще весьма раннее младенчество науки и лишаетъ ее въ данномъ случаѣ довѣрія. А вопросъ въ высшей степени серьезный, потому что идти впередъ безъ яснаго сознанія куда именно идешь, не зная напередъ условій очень большого количества будущихъ шаговъ, дѣло довольно рисковое. Здѣсь будущее больше всего похоже на сѣмька, который задаетъ загадку и говорить: «Угадай, а не то съѣмъ.»

Разсматривать вопросъ о томъ, куда мы идемъ, мы здѣсь не станемъ по многимъ причинамъ, и только коснемся нѣкоторыхъ несосмотровъ политической экономіи по отношенію къ намъ. Эти несомотры въ вину такъ называемой наукѣ мы ставить не будемъ. Она родилась на чужой намъ почвѣ, насъ не знала, а наши политико-экономы по большей части, не всѣ конечно, занимаются только переводами «съ иностраннаго».

Въ послѣднее время стали особенно рѣшительно говорить о крайней необходимости устроить южную желѣзную дорогу, изъ Москвы въ Феодосію. «Московскія Вѣдомости» нерѣдко помѣщаютъ статьи въ этомъ смыслѣ; «Современная Лѣтопись» предлагаетъ разныя мѣры для постройки этой дороги, на примѣръ употребить на нее срочные вклады государственнаго банка и наряжать на земляныя работы войска вмѣсто вольнонаемныхъ рабочихъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» увѣряетъ, будто теперь то и есть самое настоящее, удобное время для совершенія внутренняго займа на постройку 5,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы до Перми, до Риги, до Одессы и до Феодосіи. «Русскій Вѣстникъ» убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывалъ надобность въ дорогѣ отъ Одессы до Кіева. Слова вѣтъ, очень бы хорошо имѣть желѣзныя дороги по этимъ и еще по многимъ другимъ направле-ніямъ; но зачѣмъ же такая непроходимая наивность? Какимъ образомъ для перевозки сырыхъ продуктовъ рассчитывать на тысячеверстные желѣзные пути, какъ-будто хлѣбъ въ обыкновенный средне-урожайный годъ можетъ вынести такую перевозку безъ убытка? Какъ рассчитывать на вѣчную отправку за границу хлѣба, льну, лѣсу, поташу, костей, тряпья? Это все равно какъ-будто для частнаго человѣка, на примѣръ, возможно вѣчно разоряться, и не дойти наконецъ до того, чтобы самая возможность разоренія прекратилась? Какъ прибѣгать къ такого рода наивностямъ, для подтвержденія пользы новыхъ дорогъ, будто у насъ явятся десятки новыхъ торговыхъ мѣстъ такихъ, какъ Петербургъ, Рига

в Одесса? Будто во многихъ губернскихъ городахъ поселятся просвѣщенные торговые дѣятели, которые принесутъ странѣ громадную пользу? Какъ рѣшаться увѣрять, будто отъ постройки кievо-одесской желѣзной дороги хлѣбъ въ Одессѣ подешевѣетъ, такъ что будетъ въ состояніи выдержать соперничество съ венгерскимъ хлѣбомъ? Зачѣмъ же не заняться хорошенько изученіемъ сельскаго хозяйства въ Европѣ, чтобы потомъ сравнить его съ нашимъ и съ какою-нибудь основательностью заключить о надеждахъ на соперничество? Какъ же не обратить вниманія на наши климатическія и географическія условія? Какъ не дойти до убѣжденія, что страна, приговоренная къ вѣчному отпуску за границу сырыхъ продуктовъ и вѣчному полученію фабрикатовъ изъ-за границы, этимъ самымъ приговорена къ вѣчному первобытному состоянію и къ роли черно-рабочаго по отношенію къ фабрикующимъ странамъ? Можно такимъ образомъ наивничать только при одномъ условіи, при взглядѣ на Россію сквозь очки англійскаго политико-экономическаго ученія, да еще при извѣстномъ научномъ стоицизмѣ, который утверждаетъ, что если при невыгодныхъ условіяхъ страна не можетъ выйти изъ первобытнаго, варварскаго состоянія, изъ роли черно-рабочаго, такъ стало-быть и не надо ей выходить, туда ей и дорога. Точно такъ же разсуждалъ бы врачъ, давая своему пациенту невыносимый пріемъ сильнаго лекарства: не поправится, такъ туда ему и дорога. Не мѣшаетъ однако же спросить пациента, согласенъ ли онъ на эту дорогу?

Никто не сомнѣвается въ великой выгодѣ хорошихъ, удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія. Они сближаютъ между собою производителей, при помощи ихъ населеніе страны становится какъ-будто гуще и такимъ образомъ мѣна облегчается. Еслибы для общества не нужна была мѣна, то не было бы никакой надобности и въ дорогахъ. Мѣна въ обширномъ смыслѣ есть душа обществъ, первое и послѣднее слово цивилизаціи.

Мѣна происходитъ отъ раздѣленія труда. Только что люди дошли до умѣнья защищать себя и свои жатвы отъ дикихъ звѣрей, какъ земледѣліе начало давать излишекъ противъ того, что необходимо для существованія земледѣла. Тогда часть общины оставляетъ обработку земли и принимается за ремесла. Кузнецъ и ткачъ получаютъ свое продовольствіе, обмѣниваясь услугами и продуктами съ нахаремъ. Даже еще раньше этой степени общиннаго развитія мѣна услугъ происходитъ въ семействѣ. Дикарь доставляетъ пищу, женщина ее готовитъ; онъ убиваетъ звѣрей, она дѣлаетъ изъ шкуръ одежду. Домашняя мѣна началась съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ сталъ воздѣлывать землю, а Ева прясть.

Чтобы произошла мѣна, необходимо нужны два продукта, два производителя, да еще надобно производителямъ войти въ сношеніе между собою. Въ дѣйствительности они обмѣниваются только взаимными услугами, т. е. услуга одного обмѣнивается на услугу другого. Эта истина несомнѣнна, когда обмѣниваются личныя услуги, напримѣръ въ семействѣ или въ крестьянской помощи во время уборки хлѣба. Имѣется безчисленное множество формъ взаимныхъ услугъ людей, составляющихъ общину, и выгоды этого очевидны, потомучто сообща можно сдѣлать то, чего одинъ человекъ никогда не сдѣлаетъ безъ помощи машинъ, напримѣръ выстроить домъ. Въ обмѣнѣ услугъ, заключающихся въ предметахъ вещественныхъ, этотъ фактъ нѣсколько затемненъ. Дѣйствительные производители рѣдко входятъ въ личныя сношенія, и продукты, которыми они мѣняются, почти никогда не сравниваются между собою непосредственно. Новгородскій крестьянинъ привозитъ въ Патеръ возъ сѣна и продаетъ на наличныя деньги, потомъ на эти деньги онъ покупаетъ самоваръ, сдѣланный въ Тулѣ изъ уральской мѣди и фунтъ чаю, выращеннаго и собраннаго въ Китаѣ. Производство сѣна было необходимымъ условіемъ продажи мѣди, самовара и чаю, а производство самовара и чаю неизбѣжное условіе продажи сѣна. Производство одного зависѣло отъ производства другого, потомучто рабочіе производили обмѣненные тутъ предметы не для личнаго своего употребленія. Если производители мѣди, самовара и чаю не получаютъ прямо новгородскаго сѣна за свою работу, то сѣно здѣсь замѣняетъ другіе продукты, которые были имъ выданы, и пока эти продукты не замѣнены сѣномъ, самоваръ и фунтъ чаю только занимаютъ мѣсто на рынкѣ, въ ожиданіи воза сѣна, мѣшаютъ новому производству сырого матерьяла, изъ котораго они сдѣланы и приложенію труда, необходимаго на фабрикацію окончательныхъ предметовъ новой мѣны. Всего важнѣе при этомъ замѣтить, что люди, предлагающіе сбытъ продуктовъ и дающіе поводъ къ ихъ производству — вовсе не тѣ, которые перевозятъ ихъ и торгуютъ ими, а тѣ, кто потребляетъ ихъ окончательно для удовлетворенія своихъ нуждъ и производитъ новые продукты или услуги для мѣны. Только трудъ создаетъ запросъ на трудъ, и именно трудъ, посвящаемый на производство, а не тотъ, который посвященъ только производству мѣны. Этотъ послѣдній только возвышаетъ цѣнность продуктовъ, не увеличивая ихъ количества.

Милль, знаменитый англійскій политико-экономъ, стало-быть пристрастный поклонникъ капитала, постановляетъ основное ученіе свое о капиталѣ. «Если что платитъ и производительно употребляетъ трудъ, такъ это капиталъ, истраченный на то, чтобы занять

этотъ трудъ , а не запросъ со стороны потребителей оконченныхъ продуктовъ труда. Спросъ продуктовъ не есть спросъ труда. Запросъ на продукты опредѣляетъ только , къ какой особенной отрасли производства будутъ направлены капиталъ и трудъ. Запросъ опредѣляетъ *направленіе* труда, а вовсе не большее или меньшее количество самого труда или его вознагражденіе.» Знаменитый поклонникъ капитала объявляетъ , что эта истина можетъ казаться парадоксомъ для умовъ обыкновенныхъ , и что только Рикардо и Сей постоянно имѣли это въ виду. Но тутъ понятно само собою, сколько лжи можно построить на ложномъ основаніи. Это основаніе подстроено въ особенности затѣмъ , чтобы на немъ возвести ученіе будто бы , съ точки зрѣнія народнаго труда, все равно какъ потребитель тратитъ деньги для удовлетворенія своихъ нуждъ : обращается ли онъ къ національной промышленности , или къ иностранной. Но мы пока не станемъ останавливаться на этомъ не будемъ. Когда-нибудь мы подробно разберемъ эту основную теорему капитала и докажемъ , какъ она далека отъ истины. Но отсюда , въ этомъ вопросѣ и въ его развитіи мы идемъ въ другую сторону отъ Милля.

Одного только физическаго сближенія не довольно для установленія правильной мѣны. Никто не оставитъ и на нѣкоторое время работы , доставляющей ему пищу и одежду безъ твердой увѣренности, что одна изъ этихъ потребностей удовлетворена будетъ кѣмъ-либо другимъ , въ обмѣнъ на подобную же съ его стороны услугу. Такииъ образомъ имѣется настоящій , хотя и безмолвный контрактъ , въ силу котораго земледѣль , собирающій болѣе хлѣба , чѣмъ ему нужно, можетъ обмѣниваться на работу челоуѣка, приготавлиющаго тоже лишнее количество одежды.

Въ первыя же времена общества люди должны были замѣтить , что раздѣленіе труда представляетъ значительныя выгоды. Они должны были замѣтить , что отъ раздѣленія труда увеличивается производительная его сила по многимъ причинамъ , прекрасно развитымъ и доказаннымъ въ политической экономіи. Повторять ихъ здѣсь мы не будемъ.

Мѣна и раздѣленіе труда имѣютъ одинаковый объемъ и взаимно зависятъ другъ отъ друга. Мѣна бываетъ выгодна челоуѣку или его общинѣ на столько , на сколько увеличивается производительность отъ раздѣленія труда. Положимъ , что двумъ людямъ А и В необходимо имѣть по одной шляпѣ и по парѣ сапогъ ; можно кстатн предположить , что сдѣлать шляпу можно ровно во столько же времени, во сколько сапоги. Чтобы примѣръ вышелъ яснѣе, положимъ также , что А дѣлаетъ одиъ только шляпы и такъ набилъ себѣ руку въ этомъ дѣлѣ , что можетъ сдѣлать шляпу въ три дня , и ровно во

столько же времени В сошьетъ пару сапогъ, тоже вслѣдствіе привычки. Еслиже каждый изъ нихъ будетъ самъ дѣлать и шляпы, и сапоги, и телѣги, и печки, и еще нѣсколько другихъ вещей, то безъ преувеличенія можно сказать, что имъ нужно было бы, безъ привычки къ одной работѣ, цѣлые шесть дней на производство шляпы и ровно столько же на производство пары сапогъ. Тутъ при раздѣленіи труда три дня даютъ такой же результатъ, какъ шесть дней безъ этого раздѣленія. Въ три дня шляпочникъ дѣлаетъ шляпу себѣ, а въ три слѣдующіе дня, дѣлая шляпу для своего сосѣда-сапожника, онъ зарабатываетъ себѣ пару сапогъ. И сапожникъ дѣлаетъ тоже самое. Въ шесть дней у каждаго явилось по шляпѣ и по парѣ сапогъ, тогда какъ безъ раздѣленія труда и безъ мѣны у одного не было бы сапогъ, а другой ходилъ бы безъ шляпы. До-сихъ-поръ выгода ограничивается только двумя лицами. Но если они будутъ продолжать работать еще недѣлю, община обогатится еще двумя парами сапогъ и двумя новыми шляпами, для двухъ другихъ лицъ, которыя безъ сообщества производителей не имѣли бы этихъ вещей, необходимыхъ для ихъ здоровья или удобства, стало-быть для увеличенія ихъ производительныхъ силъ. Выигрышъ производящихъ и мѣняющихся лицъ есть выигрышъ ихъ общины. Что тутъ выигралъ сапожникъ? — Время, оставшееся у него въ экономіи, три дня, которые не пропали у него на дѣланье половины шляпы и въ которые онъ могъ прибавить къ общему богатству новую пару сапогъ. Подобнаго же рода выигрышъ на сторонѣ шляпочника. Ихъ община выиграла одну шляпу и одну пару сапогъ, которыхъ бы безъ раздѣленія труда и безъ мѣны вовсе бы не было.

Но положимъ, что оба эти лица не члены одной общины, а сапожникъ живетъ въ Москвѣ, а шляпочникъ въ Парижѣ, и предположимъ, что какимъ-нибудь образомъ мѣна ихъ продуктовъ произойдетъ безъ расходовъ на перевозку и безъ вмѣшательства купцовъ. Чтоже выйдетъ? Русскій сапожникъ точно такъ же выиграетъ время на производство новой пары сапогъ, или просто новые сапоги; это будетъ въ барышахъ для его страны; но страна ничего не выиграетъ отъ лишней шляпы, которую, благодаря мѣнѣ, успѣетъ сдѣлать французскій шляпочникъ. Эта лишняя шляпа потеряна для Россіи, и становится барышомъ Франціи. Имѣется конечно выгода для обѣихъ странъ (оставляя пока всторонѣ перевозку, купцовъ и пр.); но эта выгода составляетъ ровно половину той, которая была бы въ случаѣ принадлежности обонихъ мѣняющихся къ одной общинѣ. Еслибы можно было уговорить парижскаго шляпочника переѣхать въ Москву и сдѣлаться русскимъ, то

понятно, что его мѣна съ сапожникомъ доставитъ странѣ двойную выгоду. Увеличеніе дѣйствительности его труда (вслѣдствіе возможности мѣнять свои продукты на трудъ своихъ соотечественниковъ) составитъ прибыль страны въ видѣ большого запаса шляпъ.

Какъ бы ни опредѣлялась цѣнность мѣняемыхъ продуктовъ, какая бы ни была разница въ цѣнѣ шляпъ русскихъ и французскихъ, это не взмѣняетъ силы великаго закона о бѣльшей выгодности внутренней мѣны противъ заграничной, но разсужденіе, основанное на цѣнности и цѣнахъ можетъ нѣсколько затемнить дѣло, нисколько впрочемъ не взмѣняя его сущности. Цѣнность и цѣна, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, могутъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлять предѣлъ, до котораго внутренняя мѣна выгодна для общины; но это нисколько не ослабляетъ заключенія, что внутренняя мѣна, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, и пришивая въ соображеніе только существенныя основанія всякой мѣны, выгоднѣе иностранной торговли.

А. Смитъ съ этимъ совершенно согласенъ, но затемняетъ дѣло вводящимъ обстоятельствомъ, именно капиталомъ, который служитъ орудіемъ мѣны. На конечный результатъ, на сущность, на смыслъ дѣла капиталъ не имѣетъ никакого вліянія, кромѣ того, что онъ требуетъ уплаты за свои услуги и такимъ образомъ беретъ на свою долю часть продуктовъ у производителей, отнимаетъ часть ихъ выгоду. Не прибавляя ничего къ количеству продуктовъ, капиталъ отнимаетъ у обѣихъ сторонъ по нѣкоторой части, которыя достались бы на долю производителей, еслибы они стали въ непосредственныя между собою сношенія, безъ его помощи. Изъ этого не слѣдуетъ, что услуги капитала въ этомъ случаѣ бесполезны для общины. Напротивъ, нѣкоторое количество капиталовъ, посвященныхъ мѣнѣ совершенно необходимо, по тому же закону раздѣленія труда. Но понятно, что чѣмъ относительно менѣе нужно капитала и труда для удовлетворительнаго движенія мѣны въ данной общинѣ, тѣмъ болѣе останется капитала и труда на дѣла производительныя. Въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ рѣчь впереди.

Рикардо и другіе поклонники капитала несогласны съ этимъ закономъ о выгодности внутренней мѣны, и оставляя въ сторонѣ производителей, истинныхъ и конечныхъ дѣйствующихъ лицъ всякой мѣны, ставятъ на ихъ мѣсто купцовъ, которыхъ выгоды зависятъ просто отъ цѣны, по которой они могутъ продать товаръ свой за границей, тогда какъ по отношенію къ внутренней мѣнѣ важно количество продуктовъ, а вовсе не ихъ цѣна, которая никогда почти не соответствуетъ цѣнности. По отношенію къ выгодамъ народа,

цѣна и цѣнность находятся въ правильномъ отношеніи между собою только тогда, когда *дѣйствительный* трудъ общины равняется *ея нарицательному* труду, когда вся производительная способность общины находится въ полной дѣятельности и трудъ раздѣленъ выгоднѣйшимъ образомъ. Все, что имѣетъ община, идетъ на содержаніе членовъ этой общины, несмотря на то, могутъ они или хотять они работать, или не могутъ и не хотять. И въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить. Вспомнимъ только покамѣнь, что нашъ дѣйствительный трудъ вдвое меньше нарицательнаго по одному уже тому, что климатъ мѣшаетъ намъ работать половину года, не считая другихъ невыгодныхъ для нашего труда условій, изъ которыхъ нѣкоторыя перестали существовать съ 19 февраля прошлаго года, а другія и до-сихъ-поръ еще существуютъ. Частному торговцу до всего этого нѣтъ дѣла. Барышомъ въ рубляхъ и въ копѣйкахъ для него рѣшаются и заканчиваются всѣ его операціи, а тамъ — хоть трава въ полѣ не расти. Какъ только цѣна купеческихъ барышей примѣшается къ нашимъ соображеніямъ, тотчасъ является нѣкоторая сбивчивость, и надо постоянно быть насторожѣ, чтобы не впасть въ ошибку. Такъ не воздержался Робертъ Пиль въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, когда хотѣлъ примѣромъ подтвердить ученіе Рикардо и другихъ новѣйшихъ англійскихъ экономистовъ.

«Положимъ — говоритъ онъ — что въ одномъ городѣ живутъ два ремесленника или два купца: одинъ сапожникъ, а другой портной. Этому нужны сапоги, а тому платье. Имъ кажется, будто они обязаны поддерживать промышленность своего города и торговать другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы мѣняться съ иностранцами. За нѣкоторое количество платья сапожникъ платитъ портному десять шиллинговъ, тогда какъ въ сосѣднемъ городѣ могъ бы имѣть тоже самое за семь шиллинговъ. Портной точно также платитъ десять шиллинговъ за сапоги, которые могъ бы имѣть въ другомъ городѣ за семь. Развѣ въ этомъ городѣ не произошло такннхъ образомъ убытку шесть шиллинговъ?»

Замѣчательно, что умному человѣку представилось, будто бы на этотъ вопросъ можно отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Вся эта операція есть обмѣнъ сапогъ на платье, и больше ничего. Что же за дѣло городу, высока цѣна или низка, когда она одна и та же съ обѣихъ сторонъ? Пусть даже часть платья стоитъ тысячу рублей, и сапожникъ занимаетъ эту сумму у банкира, чтобы платье купить. На другой день портной покупаетъ пару сапогъ за ту же тысячу, которую вчера получивъ отъ сапожника, который и отвеситъ эти

деньги банкиру въ уплату своего долга. До мѣны городъ имѣлъ сапоговъ, платье и тысячу рублей, послѣ мѣны осталось тоже самое. Что справедливо о городѣ, то одинаково справедливо и о гораздо большемъ пространствѣ, объ огромной общинѣ. Для тѣхъ, кто мѣняется своей работой, совершенно все равно, какая цѣна показана на ярлычкахъ, прилѣпленныхъ къ товару, высокая или низкая, лишь бы въ обоихъ случаяхъ они заработали, т. е. вымѣняли одно и тоже.

Робертъ Пиль объясняетъ свою фразу предположеніемъ, будто каждый шиллингъ соотвѣтствуетъ часу работы и говорить, что въ мѣнѣ между портнымъ и сапожникомъ каждый отдастъ десять часовъ труда за вещь, которую могъ бы приобрести за семь часовъ, и имѣть три часа въ своемъ распоряженіи. Весь вопросъ значить въ томъ, чтобы въ случаѣ заграничной мѣны нашлась работа. Положимъ, что сапожникъ могъ бы купить нужное ему платье за границей, но въ такомъ случаѣ онъ приговорилъ бы портного къ десятичасовому бездѣйствію. Тоже самое могъ бы сдѣлать портной относительно сапоговъ и сапожника. Стало-быть задача въ томъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ получить семь шиллинговъ за десять часовъ бездѣйствія? Конечно легче заработать семь шиллинговъ, чѣмъ десять, работая по шиллингу за часъ, но когда нѣтъ работы, точно также невозможно добыть семь шиллинговъ, какъ и десять.

На примѣръ Роберта Пила, ничего не доказывающій въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ, наводитъ однакоже на весьма важный вопросъ касательно весьма низкаго заработка, дающаго только хлѣбъ насущный. Два работника, которыхъ трудъ только что ихъ прокармливаетъ, прибавляютъ къ народному капиталу не болѣе того, что прибавляетъ одинъ. Все равно, одинъ ли человѣкъ добываетъ себѣ пропитаніе безъ всякихъ остатковъ, или два, капиталъ общины остается неподвижнымъ. Еслибы они оба умерли, то народъ нисколько не сдѣлался бы бѣднѣе прежняго. Но если кромѣ пропитанія они производятъ излишекъ, то, какъ бы онъ малъ ни былъ, народное богатство увеличивается, и смерть одного изъ нихъ была бы истинною потерей. Внутренняя торговля въ сравненіи съ иностранной оживляетъ большее количество труда, это несомнѣнно. Если же къ тому можно доказать, что она дѣлаетъ данный трудъ производительнѣе, то преимущества ея будутъ несомнѣнны, и самые ученики англійскихъ экономистовъ согласны будутъ въ томъ, что, правда, ихъ ученіе весьма выгодно, представляетъ наибольшее ручательство успѣшнаго хода дѣла, но для одной только Англій.

Итакъ выгода мѣны внутренней или заграничной заключается въ увеличеніи производства вслѣдствіе раздѣленія труда. Мы говорили все о трудѣ, приспособляющемъ предметы къ непосредственному употребленію. Шляпочникъ, сапожникъ, портной берутъ шерсть, шолкъ, кожу или мѣха, измѣняютъ ихъ первоначальную форму и превращаютъ ихъ въ издѣлія, ожидающія только потребителя. Если бы обѣ системы мѣны дѣлають трудъ болѣе производительнымъ, то или доставляютъ сбереженіе сырого продукта, т. е. дозволяютъ производить тоже количество и тоже качество фабрикатовъ изъ меньшаго количества сырыхъ матерьяловъ, или даютъ той же суммѣ труда силу измѣнять и превращать въ окончательный видъ большее количество сырья. Но это послѣднее условіе выгодно только тогда, когда ведетъ къ производству большаго количества матерьяловъ. Если не является большее противъ прежняго количество шерсти, льну или хлопку, то умѣнее превращать ихъ въ одежду съ сбереженіемъ труда становится совершенно бесполезнымъ. Надо чтобы трудъ, сберегаемый въ окончательной обработкѣ, былъ обращенъ на производство обрабатываемыхъ матерьяловъ. Въ другомъ случаѣ, когда выгода заключается въ сбереженіи матерьяловъ, въ результатѣ выходитъ тоже самое. Во всякомъ случаѣ выгода состоитъ въ производствѣ даннаго предмета съ остаткомъ матерьяловъ на новый предметъ.

Стало-быть вопросъ въ томъ, какая система болѣе благоприятствуетъ производству сырыхъ продуктовъ, та ли, при которой сырые продукты перерабатываются по близости производителей, или та, которая вывозитъ сырье за границу, для употребленія другихъ народовъ? Иначе сказать, надо разсмотрѣть, какое вліяніе имѣетъ близость или дальность потребителей на выгоды земледѣльской промышленности. Поэтому надо разсмотрѣть препятствія къ мѣнѣ, то есть то, во что мѣна обходится. Разстояніе между производителемъ и потребителемъ есть великое препятствіе; цѣна провоза составляетъ для нихъ великую тягость, и въ этомъ случаѣ согласны всѣ экономисты.

Четыре тысячи четвертей хлѣба стоятъ гдѣ-нибудь въ хлѣбородной губерніи положимъ четыре тысячи рублей. За провозъ ихъ до Москвы надо заплатить тысячу, что и составитъ четвертую часть всего количества, или 1000 четвертей только за провозъ товара на рынокъ. Хозяинъ отправился съ мѣста имѣя 4,000 четвертей, а на мѣстѣ у него оказывается всего только 3,000. Результатъ одинъ и тотъ же, удерживаютъ ли перевозчики хлѣбъ натурой за свои личные услуги и въ видѣ процентовъ на капиталъ, заключающійся въ ихъ лошадяхъ и баркахъ, или производитель хлѣба платитъ за ихъ

услуги деньгами. Во всякомъ случаѣ у производителей останется три тысячи четвертей или цѣна трехъ тысячъ четвертей на покупку необходимыхъ для него продуктовъ. Если однакоже онъ тратитъ эти три тысячи четвертей на покупку московскихъ фабричныхъ издѣлій на продажу или для собственнаго употребленія, эти товары должны еще сдѣлать весь обратный путь, на мѣсто производства хлѣба, гдѣ они и будутъ потреблены окончателъно. Стало-быть надо сберечь еще достаточно хлѣба или цѣны хлѣба, чтобы заплатить за ихъ провозъ. Къ счастью мануфактурныя издѣлія въ меньшемъ объемѣ заключаютъ болѣе цѣнности, чѣмъ земледѣльческіе продукты, и слѣдовательно провозъ ихъ дешевле. Двухъ сотъ четвертей хлѣба или даже меньше достаточно для перевозки мануфактурныхъ издѣлій, замѣняющихъ такое количество хлѣба, котораго провозъ обошелся въ тысячу четвертей. И тутъ результатъ одинъ и тотъ же, заплатится ли провозъ мануфактурныхъ издѣлій хлѣбомъ, или самыми издѣліями, или деньгами отъ продажи нѣкоторой части этихъ издѣлій, все равно. Производители хлѣба получаютъ ихъ меньшее количество, и какія бы ни были приняты мѣры для уплаты, во что бы ни обошлись купленные товары, все-таки провозъ въ оба пути ложится весь на производителя хлѣба.

Еслибы это не было понятно само собою, то можно въ этомъ убѣдиться, разсмотрѣвъ цѣны хлѣба на разныхъ разстояніяхъ отъ большого рынка, напримѣръ въ Оренбургѣ, въ Самарѣ, въ Казани, въ Нижнемѣ, въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ, въ Питерѣ и въ Лондонѣ. Разницы въ цѣнахъ довольно вѣрно соотвѣтствуютъ цѣнамъ провоза отъ мѣста до мѣста.

По отношенію къ цѣнности труда все это точно такъ же справедливо. Понятно само собою, что за извѣстное количество хлѣба можно получить столько труда, сколько это количество, пройдя сквозь человѣческое тѣло, можетъ поддержать мускульной дѣятельности; очевидно точно такъ же, что хлѣбъ не приобрѣтетъ большей питательной силы отъ перемѣны мѣста. Четверть хлѣба возстановитъ такое же количество потерянной мускульной силы въ курской губерніи, какъ и въ англійской мастерской, и посредствомъ животной химіи можетъ быть обращена тамъ и здѣсь въ одинаковое количество механической силы. Ремесленникъ, потребляющій этотъ хлѣбъ въ Англіи не можетъ ни въ какомъ случаѣ сдѣлать больше дѣла, чѣмъ сколько онъ сдѣлалъ бы, еслибы работалъ близъ самаго того мѣста, гдѣ растетъ этотъ хлѣбъ. Тоже самое можно сказать о сыромъ матерьялѣ для фабрикъ. Все, что можно получить въ обмѣнъ на берковецъ льну, это кусокъ ткани, которая изъ него выйдетъ безъ того, что стоило спрядь его и соткать. Но это можно бы полу-

чить рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ , гдѣ ленъ растетъ. Но если фабрика въ Голландіи , то земледѣлецъ долженъ еще потерять все то , что стоятъ провозъ льну изъ ярославской губерніи въ Голландію и провозъ ткани обратно. Кстати замѣтить , что провозъ льну стоитъ почти тоже , что передѣлка его въ ткань. Гораздо дешевле обошлось бы соткать полотно на мѣстѣ , свозить его въ Голландію и привести обратно , чѣмъ везти туда ленъ и привезть полотно , потому что послѣднее занимаетъ меньше мѣста.

Всякое улучшеніе въ средствахъ перевозки , ведущее къ удешевленію провоза , производитъ такое же дѣйствіе , какъ уменьшеніе разстоянія. Замѣна луговой дороги шоссейною , замѣна шоссейной дороги желѣзною или еще лучше каналомъ уменьшаетъ цѣну провоза земледѣльческихъ продуктовъ на рынки , и вся разница въ цѣнѣ немедленно прибавляется къ цѣнности продуктовъ на мѣстѣ ихъ производства. Это обстоятельство вмѣстѣ съ своимъ результатомъ , который состоитъ въ сбереженіи производителю всѣхъ расходовъ перевозки , повторяется такъ часто , что доказывать его нечего.

Еслибы цѣны земледѣльческихъ продуктовъ были неподвижны , то очевидно , что можно отыскать такое разстояніе отъ рынка , на которомъ вся цѣнность этихъ продуктовъ будетъ вполне поглощена провозомъ. А провозъ обходится дороже или дешевле , смотря по объему и вѣсу продуктовъ и по способу перевозки. Изъ обнаруженныхъ отчетовъ , о дѣйствіяхъ провіантскаго вѣдомства во время крымской войны видно , что бывали иногда приказанія отправить для потребностей арміи сѣно изъ екатеринославской губерніи въ Севастополь на волахъ. Случалось , что дорогою вола съѣдали все сѣно , которое везли , и являлись въ дѣйствующую армію вовсе безъ сѣна , такъ что приходилось еще имъ же выдавать кое-что на обратный путь , или покупать воловъ на убой , а сѣна все-таки не было. Тутъ осозательно продуктъ поглощался сполна перевозкой. Въ Самарѣ бывали случаи , что пшеница бѣлокурка , привезенная на волахъ съ Урала , вся безъ остатка отлавалась возчикамъ за провозъ. Будь это не пшеница , а рожь , то при болѣе низкой своей цѣнѣ она не доѣхала бы до Самары. Картофель , имѣющій объемъ еще болѣе , не имѣетъ никакой цѣны еще на меньшемъ разстояніи. Другіе продукты , какъ напримѣръ персики , малина , не могутъ выносить значительной перевозки , такъ какъ они очень нѣжны. Молоко можетъ перевозиться лишь на небольшое разстояніе ; масло можетъ ѣхать нѣсколько далѣе , сыръ еще далѣе. Собираясь съ этимъ , производитель можетъ разнообразить свою промышленность , и емели отъ него рынокъ такъ далекъ , что напримѣръ цѣнность

ржи вся доглащается провозомъ, онъ можетъ обойти затрудненіе, превративъ свою рожь въ свиное мясо. Семь фунтовъ зерна, при хорошемъ уходѣ за домашнимъ скотомъ, превращаются въ фунтъ свиного мяса, перевозка котораго обходится въ семь разъ дешевле, нежели семь фунтовъ зерна. На извѣстномъ разстояніи поглощается и цѣнность мяса. Въ Бразиліи и въ южной Россіи убивается несмѣтное множество животныхъ ради только кожъ и сала, а мясо остается безъ употребленія. И вездѣ, въ цѣломъ свѣтѣ земледѣлецъ обязанъ приспособлять свои приемы не только къ свойствамъ своей почвы, но и къ разстоянію своему отъ потребителей. Въ своихъ посѣвахъ, сѣвооборотахъ и въ уходѣ за скотомъ онъ вынужденъ сообразоваться не съ количествомъ, которое онъ можетъ получить въ общій на данное количество труда, но съ тѣми жертвами, которыя онъ долженъ принести для доставленія своихъ продуктовъ потребителямъ.

Такимъ образомъ иностранная торговля, отвлекая трудъ отъ производства и обращая его на перевозку продуктовъ, влечетъ за собою необходимо, въ сравненіи съ внутренней торговлей, значительную потерю силы. Чѣмъ ближе другъ къ другу мѣняющіеся между собою, тѣмъ большее количество продуктовъ они могутъ привозить на рынокъ и взаимно предлагать, и тѣмъ больше сѣдовательно будетъ цѣнность и итогъ происходящей между ними мѣны. Ясно, что близость ихъ между собою будетъ пропорціональна числу жителей страны. Когда въ Россіи будетъ вмѣсто нынѣшнихъ шестидесяти-пяти — сто тридцать мильоновъ жителей, разстоянія между жителями будутъ вдвое менѣе. Перевозочныя средства всей торговли ста-тридцати мильоновъ не должны будутъ превышать тѣхъ, которыя достаточны для шестидесяти-пяти мильоновъ. А между тѣмъ количество ихъ продуктовъ, по естественному ходу дѣла, болѣе нежели удвоится, потому что меньшее количество труда будетъ отвлечено отъ производства и сверхъ того производство будетъ обильнѣе вслѣдствіе большаго раздѣленія труда.

Внѣшняя торговля необходимо ведетъ къ объднѣнію почвы, къ уменьшенію ея производительныхъ силъ или, что тоже самое, требуетъ все большаго количества труда и капитала для поддержанія одинаковой степени ея плодородія. Нѣтъ на свѣтѣ неистощимой почвы. Если изъ почвы извлекается извѣстная составная часть ея, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ, то продуктъ, которому эта часть необходима, наконецъ перестанетъ образовываться. Когда на извѣстномъ пространствѣ земли пасутся животныя, то производительность почвы повидимому не уменьшается. Но если это коровы, то въ ихъ молоко заключаются значительное ко-

личество фосфорнокислой извести, и если постоянно отсылать его на рынок, то почва переставет наконец рано или поздно давать траву, годную на производство молока. Честширскія пастбища, въ Англіи, знаменитыя огромнымъ количествомъ производившагося на нихъ масла и сыру, об'единѣли такимъ образомъ. Плодородіе возстановилось отъ обильной посыпки молотыми костями, которыя были привезены большею частью изъ Ватерлоо и съ другихъ мѣстъ сраженій на материка. Всякая жатва безъ исключенія извлекаетъ изъ почвы какую-нибудь существенную составную часть, и въ какой бы формѣ эта часть ни была вывезена, въ мускулахъ и костяхъ животныхъ, въ видѣ льнянаго волокна или въ видѣ руна, сколько бы передѣлокъ ни прошла она, но только-что она вывезена, земля столько именно потеряла. Природа есть очень добродушный кредиторъ, который вовсе не требуетъ процентовъ и убытковъ за истощеніе своей производительности. Но капиталъ ей слѣдуетъ возвращать непременно въ видѣ удобренія, иначе она не въ состояніи будетъ давать. У насъ не въ обычаѣ считать, сколько мы должны землѣ, а стоило бы объ этомъ подумать. Въ 1850 году считано, во что обходится удобреніе, ежегодно возвращаемое почвѣ въ Великобританіи. Выходятъ, что удобреніе это стоитъ ежегодно 103,369,139 фунтовъ стерлинговъ, т. е. немного менѣе той суммы, которая составляетъ въ годъ изъ привоза всѣхъ въ Великобританію товаровъ изъ всѣхъ частей свѣта. (Въ 1858 году эта сумма была 116,414,331 ф. ст.).

Такимъ образомъ торговля внутренняя или домашняя содержитъ покрайней-мѣрѣ двойное количество производителей, нежели могла бы содержать торговля внѣшняя; она стремится къ увеличенію производительной силы всѣхъ рабочихъ, тогда какъ внѣшняя торговля похищаетъ изъ земли важнѣйшія для плодородія составныя части. Это особенно вѣрно по отношенію къ тому виду торговли, который стараются навязать другимъ народамъ англійскіе экономисты и настойчивая политика англійскаго правительства. Имъ хочется, чтобы всѣ страны производили сырые продукты, которые вывозились бы въ Англію для переработки и потомъ снова привозились бы для употребленія первыми производителями. Ад. Смитъ сильно возставалъ противъ распоряженій правительства, стѣснявшихъ производство въ американскихъ колоніяхъ, когда онѣ еще не освободились. Между прочимъ онъ замѣчаетъ:

«Англія покровительствуетъ въ Америкѣ производство сырого желѣза въ брускахъ, избавляя его отъ пошлины при ввозѣ въ Великобританію, а между тѣмъ безусловно запрещаетъ устройство въ Америкѣ мануфактуръ стальныхъ. Она не хочетъ, чтобы колоніи фабрикавали эти болѣе тонкія издѣлія даже для своего собствен-

наго употребленія, но требуетъ, чтобы онѣ покупали всѣ необходимыя для нихъ вещи у ея купцовъ и заводчиковъ. Она безусловно запрещаетъ перевозъ изъ одной американской провинціи въ другую сухимъ путемъ и волою, на лошади или на телегѣ шлепъ, шерсти и шерстяныхъ издѣлій американскихъ мануфактуръ; отъ этого никакъ тамъ не могли устроиться большія мануфактуры для тонкихъ издѣлій, такъ какъ не было выгоды прилагать слишкомъ большія старанія для каждой маленькой провинціи отдѣльно.»

Англійская политика и до сихъ поръ держится тѣхъ же самыхъ правилъ вездѣ, гдѣ только можетъ, во всѣхъ странахъ земного шара, гдѣ силою, а гдѣ и убѣжденіемъ. Главная забота ея — заставить народъ привозить сырые продукты, въ самой необработанной формѣ и посредствомъ машинъ обращать эти продукты въ окончанный видъ на англійскихъ фабрикахъ и заводахъ. Соединенные-Штаты семь лѣтъ вели войну, чтобы освободиться отъ такого стѣсненія. Когда новые штаты освободились, то у нихъ вовсе не было промышленнаго развитія, которое запрещалось у нихъ метрополіей, и запрещеніе это продолжалось косвенно, посредствомъ остановки вывоза ремесленниковъ и вывоза машинъ изъ Англіи. Съ тѣми выгодами, которыя были на ея сторонѣ, съ монополіей машинъ и искусныхъ, опытныхъ, привычныхъ рабочихъ, ея мануфактуры продавали свои продукты такъ дешево, что въ концѣ разорили предпринимчивыхъ ремесленниковъ, которыя въ другихъ странахъ вздумали вооружать ея машинамъ и привыкать къ ихъ употребленію.

Понятно само собою, что монополія фабричнаго, оканчивающаго труда имѣетъ точно такое же дѣйствіе на народы, которые ей покоряются, чѣмъ она ни поддерживается, умѣньемъ ли, ловкостью, талантомъ или силою оружія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ народы вынуждены производить мѣну такъ, что она тратитъ и истощаетъ самые источники производства, похищая у труда его законное вознагражденіе. Если народы свободны, если они не связаны какими-нибудь дипломатическими обстоятельствами или силою оружія, то они могутъ выбирать и рѣшать, что имъ выгодноѣ. Невыгоды внѣшней торговли, по свойству своему, постоянны. Выгоды внутренняго производства и внутренней торговли постоянны точно также, и сверхъ того постоянно возрастаютъ. Возрастающее разнообразіе работъ, и стало-быть талантовъ и способностей, увеличеніе капитала вслѣдствіе возрастанія плодородія земли и сокращенія бесполезныхъ тратъ на перевозку, естественнымъ образомъ увеличиваютъ еще большее возрастаніе способностей и капиталовъ на будущее время. Народъ, однажды начавшій увеличивать свою производительную силу, находитъ, что каждый шагъ его впередъ легче предыдущаго;

тогда какъ если онъ дастъ себя увлечь назадъ, съ каждымъ шагомъ становится труднѣе остановиться на стремнинѣ. Съ другой стороны въ сопротивленіи заключается осязательная и непосредственная невыгода. Она заключается въ видимомъ пожертвованіи, въ покупкѣ за высшую цѣну, деньгами, продуктовъ, сдѣланныхъ дома въ сравненіи съ тѣми, которые предлагаются другими народами. Таково по крайней мѣрѣ временное сдѣлствіе сопротивленія. Но еслибы можно было доказать, что это сдѣлствіе постоянное и вѣчное, и что цѣна на деньги есть истинный указатель траты труда, посредствомъ котораго можно добыть иностранный продуктъ, тогда конечно придется согласиться, что кто хотѣлъ бы зашѣнить иностранную торговлю внутреннюю, тотъ долженъ опираться на какія-нибудь другія соображенія, а не на одни чисто экономическіе доводы. А другія соображенія тоже есть, и не такого рода, чтобы можно было ими вовсе пренебрегать; но о нихъ приходится отложить рѣчь до другого раза.

Въ псковской губерніи растутъ на одномъ полѣ ленъ, а на другомъ, рядомъ, рожь. Всѣ рѣчки и ручьи, текущіе теперь безъ пользы, имѣютъ всѣ условія хорошей двигательной силы для машинъ. Еслибы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что псковскій земледѣлецъ; отправляя въ Англію свой ленъ, чтобы его тамъ спрели и соткали, и отправляя также рожь, чтобы ею поддерживать механическую мускульную силу прядильщиковъ и ткачей, можетъ получить ткань дешевле, чѣмъ если онъ заставитъ прядь и ткать свой ленъ у себя дома или у сосѣда, причѣмъ работники будутъ потреблять его рожь, то сказать это легко, а доказать нѣтъ возможности. Мы говоримъ о ржи и льнѣ только для ясности, хотя англійскій работникъ ржи не ѣстъ, предпочитая откармливать этимъ хлѣбомъ своихъ свиней, а самъ ѣстъ пшеницу, тогда какъ нѣ чисто земледѣльческой, по увѣренію англійскихъ экономистовъ, стравъ и себѣ то часто недостаетъ ржи, такъ что приходится шѣшать ее съ мякиной. Но особенно ощутительной разницы въ результатѣ не будетъ, если ленъ привезется въ Англію изъ Ярославля, а пшеница изъ Одессы. Если намъ покажутъ рейсъ-курантъ такъ-называемой послѣдней распродажи голандскаго и ирландскаго полотна, привезеннаго изъ-заграницы, въ доказательство того, что ярославское полотно того же достоинства дороже, то можно будетъ подумать, что цѣна на деньги не обозначаетъ настоящаго положенія вещей. Во-первыхъ земледѣлецъ долженъ заплатить за провозъ своего льна до англійскихъ фабрикъ; можетъ быть нужна пятая доля всего количества льну, чтобы окунуть провозъ. Можетъ быть такое же количество останется въ видѣ оческовъ. Потомъ онъ заплатитъ за

привозъ пшеницы, служащей для пропорціи прядильщиковъ; и этотъ расходъ поглощаетъ двѣ трети цѣнности пшеницы, которая въ Манчестерѣ стоитъ втрое дороже, чѣмъ въ Харьковѣ, а иногда и болѣе чѣмъ втрое. Прядильщики и ткачи покупаютъ ее по этой возвыщенной цѣнѣ, и такъ какъ эта цѣна составляетъ значительную часть ихъ заработка, то пшеница входитъ въ цѣнность полотна по англійской цѣнѣ. Земледѣлецъ (или весь земледѣльческій край) продаетъ пшеницу по пяти рублей за четверть, а выкупаетъ ее обратно въ видѣ полотна по пятнадцати. Сверхъ того часть льну идетъ фабриканту въ вознагражденіе за употребленіе его машинъ и работниковъ въ прибавку къ тому, что они употребляютъ на покупку пшеницы. Наконецъ земледѣль платитъ за провозъ ткацки въ Англійю обратно въ Россію, и потомъ по Россіи до мѣста производства льну. Въ такой громадной странѣ, какъ наша, это тоже чего-нибудь да стоитъ. Изъ всѣхъ исчисленныхъ издержекъ, внутреннему производству и въѣзному общи только заработная плата рабочихъ и прибыль фабриканта на машины. Все остальное чистѣйшая потеря, не приносящая выгоды ни той, ни другой странѣ. Если можно привезти иностранный продуктъ дешевле, нежели можно произвести его дома, тамъ гдѣ производится сырой для него матеріалъ, то это вѣроятно потому, что иностранный производитель имѣетъ преимущества въ дешевизнѣ капитала и въ дешевизнѣ труда, до такой степени, что эти преимущества перевѣшиваютъ потерю, происходящую отъ всѣхъ остальныхъ частей операціи. О дешевизнѣ труда и капитала здѣсь говорить не мѣсто; но развѣ сколкому земледѣльцу не все равно, заплатитъ ли живущему рядомъ съ нимъ прядильщику пудъ хлѣба, или заплатитъ англійскому такому же работнику только пятнадцать фунтовъ, употребивъ остальные двадцать-четыре на провозъ хлѣба туда и фабрикованнаго товара отсюда? А если уже держаться только счета на деньги, то не все ли равно: заплатить ли четвертакъ за поленную работу, заключенную въ известномъ кускѣ полотна и продать свой хлѣбъ по четвертаку за пудъ (потому что цѣна его опредѣляется весьма отдаленнымъ рынкомъ) — или заплатить рубль за поленную работу и продать пудъ ржи за рубль (потому что рынокъ рядомъ). Что справедливо о хлѣбѣ, точно такъ же справедливо и о другихъ земледѣльческихъ продуктахъ, которые надо вывозить, если нѣтъ имъ сбыта внутри страны. Стало-быть внутреннія, туземныя мануфактуры идутъ къ тому, чтобы уменьшить стоимость мануфактурныхъ произведеній посредствомъ возвышенія цѣнности сырыхъ продуктовъ и хлѣба, на которыхъ они вымѣниваются, и труда который они представляютъ. Если принимать въ соображеніе только денежные дѣны, то всѣ эти

воображенія ускользають. Тоже самое надо сказать и объ уменьшеніи производительности почвы въслѣдствіе постоянного вывоза продуктовъ. По этому насчетъ обѣднѣнія почвы слѣдовало бы къ номинальной цѣнѣ всякаго привознаго фабрикованнаго продукта, привозимаго въ обѣднѣнъ на отпускаемое сырье, прибавлять еще нѣкоторую сумму, достаточно представляющую это обѣднѣніе.

Сверхъ того внутренній рынокъ представляетъ такую правильность въ спросѣ и въ сбытѣ, какой напрасно стали бы мы ожидать отъ иностраннаго. А всякій производитель очень хорошо знаетъ какую важность имѣеть правильный, обеспеченный сбытъ не только на выгоды, но и на самую возможность производства. А сбытъ сырья, сбытъ хлѣба меньше всего правиленъ, потому что онъ зависитъ отъ урожая, стало-быть частію отъ погоды, не говоря уже о весьма возможныхъ политическихъ причинахъ, которыя могутъ вовсе остановить всякій сбытъ. Къ тому же еще наши доморощенные политико-экономы знать не хотятъ, что нашъ сбытъ находится въ зависимости отъ просвѣщенія Франціи такимъ образомъ, что мы вынуждены желать ей всяческихъ политическихъ а стало-быть и умственныхъ бѣдъ для сбыта нашего хлѣба. По самому точному вычисленію оказывается, что въ нынѣшнемъ году при рациональномъ хозяйствѣ, четверть пшеницы на образцовыхъ фермахъ обошлась въ четыре рубля девять гривенъ четверть, и это безъ крепостного труда, безъ казенной приплаты, а совѣмъ, съ процентами на покупку земли и съ жалованьемъ директорамъ. Вотъ тутъ-то какъ намъ быть? Если народное развитіе дойдетъ до такого совершенства въ хозяйствѣ, то Франція будетъ вывозить хлѣбъ въ Англію, какъ теперь уже вывозитъ Бельгія, даже въ годы посредственныхъ урожаевъ, несмотря на то, что народонаселеніе въ ней относительно гораздо плотнѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, и хлѣбъ этотъ будетъ ей обходиться безъ малаго по пяти рублей четверть на мѣстѣ, а провозъ до Англіи — только черезъ проливъ. Соперничать съ такимъ хлѣбомъ и по такой дешевой цѣнѣ возможности не будетъ — это яснѣе солнца, — и тогда намъ придется вывозить одно сало, да шкуры, стало-быть обратиться въ пастушеское состояніе и вдоволь одичать. Можетъ быть съ англійской точки зрѣнія это и хорошо, только не совѣмъ выгодно для насъ.

А между тѣмъ каждая четверть хлѣба, ускользнувшая отъ вывоза за границу, всякая четверть, происходящая отъ увеличенія производства въслѣдствіе сохраненія удобренія, которое иначе было бы выслано за границу въ видѣ хлѣба и сырыхъ продуктовъ, увеличиваетъ всю свою цѣнностью покупательную силу земледѣльческой половины народа и открываетъ для туземныхъ мануфактуръ

н сбить, котораго бы не было и не могло бы быть по случаю иностраннаго соперничества.

Въ случаѣ, еслибы туземные фабриканты, пользуясь отсутствіемъ иностраннаго соперничества, брали слишкомъ большіе барыши, тягостные для потребителей, то это возможно лишь на самое короткое время, потому что немеленно явится внутреннее соперничество, которое не замедлитъ низвести выгоды новой промышленности къ обыкновенному уровню.

Такимъ образомъ мы стоимъ для Россіи за покровительственную систему. Большая часть новѣйшихъ экономистовъ держится противоположнаго мнѣнія; ихъ главный доводъ состоитъ въ томъ, что для народа, съ точки зрѣнія выгоды, вѣтъ никакой разницы между внутреннею торговлею и вѣшнею. Но всѣ они допускаютъ однакоже исключеніе, чрезвычайно широкое, покрывающее чуть ли не все правило.

Милль говоритъ: «Превосходство одной страны надъ другою въ извѣстной отрасли промышленности весьма часто происходитъ лишь оттого, что одна страна раньше другой занялась этою отраслью. Можетъ не быть никакой существенной выгоды съ одной стороны и никакой невыгоды съ другой, кромѣ дѣйствительнаго превосходства опытности и приобретеннаго умѣнья. Страна, которой приходится приобрести недостающую опытность и умѣнье, можетъ быть въ другихъ отношеніяхъ еще способнѣе къ производству чѣмъ та, которая раньше занялась этимъ производствомъ; сверхъ того справедливость требуетъ замѣтить, что почти всякая отрасль производства приобретаетъ особенную склонность къ успешности, ежели испытывать ее въ благоприятныхъ новыхъ условіяхъ. Но нельзя ожидать, чтобы отдѣльныя лица захотѣли вводить новую отрасль промышленности на свой собственный счетъ и рискъ, или, вѣрнѣе сказать, съ вѣрнымъ убыткомъ и взять на себя заботу развивать ее до тѣхъ поръ, пока новые производители стануть въ уровень съ тѣми, которые знакомы съ приемами уже очень давно. *Покровительственная пошлина* въ продолженіи благоразумнаго срока есть иногда удобнѣйшій способъ, посредствомъ котораго страна можетъ поддѣржать полезный опытъ.»

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой весьма широкой уступкѣ неупомянуты облегчающія обстоятельства, которыя съ самаго начала опыта уменьшаютъ, если не совершенно уравниваютъ временное возвышеніе цѣны покровительствуемаго продукта. Обдѣливіе почвы, потеря вслѣдствіе перевозки земледѣльческихъ продуктовъ на весьма удаленные рынки и тѣ продукты, которые тоже надо вывезти для покрытія цѣны фабрикаціи, всѣ эти и другія помертвѣ-

вешія считаются у Милла и его послѣдователей ничто. Они не хотятъ подумать, что во всякой безъ исключенія странѣ живетъ больше выгодъ для переработки сырыхъ матерьяловъ, *извлекаемыхъ изъ ея собственной почвы*, чѣмъ со всякой другой, потомучто сохраняется цѣна провоза этихъ матерьяловъ и предметовъ, на которые они употребляются. Свеклосахарные заводы показываютъ намъ между прочимъ какъ иногда эти выгоды перевѣшиваютъ даже климатическія преимущества. Во Франціи эта промышленность началась тогда, когда блокада закрыла тропическому сахару входъ въ порты европейскаго материка. Сначала она обходилась дорого, развивалась медленно, подъ покровительствомъ пошлины, взимаемой съ тропическаго сахара для покрытія нуждъ казначейства, до тѣхъ поръ, пока наконецъ производство свекловаго сахара стало значительно убавлять таможенный доходъ. Въ 1837 году внутренній сахаръ обложенъ былъ пошлиной, которая тогда считалась достаточною для ограниченія его фабрикаціи до одной трети всего потребленія, съ тѣмъ чтобы двѣ остальные трети дополнялись сахаромъ колониальнымъ. Но свекольный сахаръ продолжалъ вытѣснять своего соперника. Съ 1847 года свекольный сахаръ внутренняго приготовленія платилъ совершенно одинаковую пошлину съ колониальнымъ. Но фабрикація продолжала увеличиваться, и стало быть подрывать таможенный сборъ. Тогда положено было, что съ 1851 года сахаръ, привозимый изъ французскихъ колоній будетъ платить цѣлымъ рублемъ съ пуда меньше пошлины, чѣмъ свекольный. Но фабрикація все-таки усиливалась, такъ-что въ 1850 году приготовлено было 62 миліона килограммовъ, а въ слѣдующемъ году 76 миліоновъ. А между тѣмъ доказано, что десятина сахарнаго тростнику дастъ гораздо больше сбора, чѣмъ десятина свеклы, и въ тростникѣ заключается сахару гораздо больше. Въ земляхъ германскаго союза добыча свекловаго сахару шла еще быстрее: съ 1844 года до 1851 она увеличилась въ четыре раза.

Всякая страна можетъ приняться за передѣлку своихъ сырыхъ продуктовъ съ несомнѣнною выгодною, если только жители способны прѣвзойтись до той степени умѣнья и ловкости, которыми обладаютъ иностранныя рабочіе, и если они могутъ добыть такихъ же хорошихъ машинъ. Если только страна не хочетъ признать, что ея ремесленники отъ природы тупы, глупы и не способны ни къ какому усовершенствованію, то нѣтъ поводовъ не стремиться къ этой цѣли. А потомъ, какъ только приобретено умѣнье, касательно капитала не можетъ быть никакого затрудненія. Питательные продукты и сырой матерьялъ есть вездѣ, матерьялы для постройки зданий и машинъ, дерево, желѣзо тоже живутся въ каждой странѣ, они

ждутъ только образованнаго ума, который поставитъ ихъ между собою въ надлежащія отношенія и пуститъ въ ходъ мертвыя силы, лежащія непродуительно въ лѣсахъ и рудникахъ. А такъ какъ ума русскому человеку не занимать стать, то опять—таки всего нужнѣе образованность, наука, университеты. Да еще не менѣе того нужны всевозможныя канцелярскія облегченія, полная свобода внутренней промышленности и торговли. Возьмемъ хотя одинъ только примѣръ.

Вы знаете, что олопецкая губернія чрезвычайно богата минералами и всѣми условіями, при которыхъ въ Америкѣ или въ Англіи она замалила бы желѣзомъ и мѣдью всѣ внутренніе рынки. Вы хотите употребить свой капиталъ на разработку тамошнихъ богатствъ и дѣлаете внимательный обзоръ мѣстности. Оказывается, что вытегорскій уѣздъ наполненъ быстро-текущими рѣчками и каскадами, никогда не замерзающими, которые вполне удобно могутъ быть съ пользою употреблены какъ двигательная сила. Оказывается, что лѣса тамъ непочатые, но таксѣ государственныхъ имуществъ продаются изъ казенныхъ дачъ по 60 коп. сер. за кубическую сажень, а подъ землею, на глубинѣ какой-нибудь сажени кругомъ вездѣ — неисчерпаемый слой желѣза, изъ котораго безъ переплавки въ чугуунъ туземцы куютъ молотки и топоры. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ благамъ, тутъ же, на глубинѣ, толстый пластъ богатѣйшаго каменнаго угля. Чего же лучше? Прямо за работу, за дѣло. Желѣзо намъ теперь всего нужнѣе, кому же тамъ драгоценная маринская система въ великолѣпнѣйшими сооруженіями. Доставка $3\frac{1}{2}$ копѣйки до Питера и сверхъ того рукой-подать Волга. Но какъ быть? Прежде всего нужно разрѣшеніе, нужно стало быть писать бумагу на листъ надлежащаго достоинства. Вы рѣшили устроить заводъ именно на такомъ-то мѣстѣ, готовы, разумѣется, платить надлежащую цѣну за пользованіе народнымъ богатствомъ, и подаете прошеніе, полагаясь въ министерство финансовъ, такъ какъ оно завѣдуетъ лѣсами, во части рудниковъ и металлическихъ заводовъ. Надо замѣтить, что мы рассказываемъ то, чего вовсе не было, мы говоримъ только о порядкѣ, неизбежномъ въ данномъ случаѣ. Производится справка. Избранное вами мѣсто находится въ странныхъ обстоятельствахъ. Руда состоитъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, надъ нею растущій лѣсъ — въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, лѣсной департаментъ; по сосѣдству живущіе казенныя крестьяне, двора четыре, въ вѣдомствѣ другого департамента, да сами на выбранномъ участкѣ имѣется нѣсколько пачтовыхъ деревень, то лѣсъ по справедливости участвуетъ морское министерство. Всѣ эти вѣдомства очень естественно, чтобы не противорѣчить

другъ другу, должны спешаться, а это не дѣлается и не можетъ дѣлаться скоро. Послѣ многихъ просьбъ, справокъ, ходатайствъ, дѣло наконецъ налаживается, повидимому просьба будетъ исполнена, «имѣя въ виду съ одной стороны приращеніе казенныхъ доходовъ отъ предлагаемой такимъ-то арендной платы, а съ другой развитіе столь полезной и во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для страны промышленности...» Вдругъ открывается новое обстоятельство. Избранное мѣсто находится еще подъ вѣдомствомъ военнаго министерства, такъ какъ оно находится по прямому направленію мѣлѣ чѣмъ на 150 верстѣ отъ Петрозаводска, и стало быть всѣ руды, лежащія на этомъ разстояніи, приписаны къ одному заводу какии-то стариннымъ распоряженіемъ, несмотря на то, что желѣза въ землѣ достанетъ на пятьсотъ, подобныхъ заводовъ, если они будутъ съ утроенною дѣятельностью работать сто тысячъ лѣтъ. Такъ благополучно налаженное дѣло окончательно разстроивается, при чемъ вы уже истратили весьма замѣтную долю своего капитала и потеряли нѣсколько лѣтъ времени. Понятно, что при подобныхъ порядкахъ промышленность неслишкомъ торопится въ своемъ развитіи. Но это маленькая вводная рѣчь. Дѣлая свои предположенія о нашей экономической будущности, мы прямо рассчитываемъ, что промышленность наша будетъ въ скоромъ времени освобождена отъ канцелярской зависимости. Это такое условіе, безъ котораго всѣ остальные рѣчи и соображенія суть нечто иное, какъ бесполезнѣйшее словозверженіе. Но далѣе.

Нельзя не замѣтить, что механизмъ мѣны съ чужими странами точно также дорогъ, какъ и фабрикація внутри страны. Работа и матерьялъ, употребленные на постройку корабля для перевозки желѣза изъ Англіи и для вывоза туда хлѣба, совершенно достаточны для возведенія хорошаго завода, который прослужитъ гораздо долѣе корабля и превратитъ руду въ такую массу желѣза, какой не перевезетъ корабль въ тройной свой вѣкъ. Не въ томъ дѣло, кто поставяетъ механизмъ заграничной мѣны, это все равно; дѣло въ томъ, что надо заплатить за употребленіе этого механизма, и не менѣе того, сколько нужно для его возобновленія въ такой періодъ времени, когда онъ при обыкновенной работѣ ввозится. Да къ этому еще надо прибавить барыши завѣдывающихъ мѣновымъ механизмомъ.

Человѣкъ, котораго существованіе коротко и способности ограничены, можетъ находить иногда совершенно необходимыми употреблять болѣе дорогой способъ иностранной торговли вмѣсто того, чтобы имѣющимъ подъ рукою матерьяламъ дать болѣе прочную и только въ послѣдствіи болѣе выгодную форму промышленнаго меха-

низкимъ. Но община вѣчна, ея именно общинная сила довольно велика для совершенія всѣхъ плановъ предосмотрительной бережливости. Такъ какъ она существуетъ вѣчно и члены ея смѣняются безъ перемежки, то она никакъ не должна позволять себѣ жертвовать постоянными выгодами безграничнаго будущаго удобству настоящаго времени, которое короче мгновения.

Говорятъ, что покровительственная политика вредитъ торговлѣ, что различныя народы, по различію климатовъ, по необходимости производить неодинакіе продукты, что ихъ взаимныя выгоды требуютъ мѣны. Въ Россіи не растетъ хлопокъ; чтобы ее имѣть, она обязана отпустить другіе товары, для производства которыхъ она имѣетъ особенныя удобства. Сама природа назначила то, что называется «поземельнымъ раздѣленіемъ труда», которое можетъ быть поддержано только международною мѣною. Все это совершенная правда. Само собою разумѣется, что не садить же намъ хлопковъ въ тульской губерціи, не разводить же намъ винограду въ Архангельскѣ. Но все это нисколько не противорѣчитъ вышеизложеннымъ соображеніямъ. Вопросъ не о томъ, должны ли народы мѣняться между собою своими продуктами, но о томъ, въ какомъ видѣ эти продукты должны быть размѣнены. Разумѣется каждый народъ долженъ, по удовлетворенію своихъ потребностей, промѣнять излишекъ своихъ продуктовъ на излишекъ другихъ продуктовъ, предлагаемыхъ другими народами. Но онъ долженъ дѣлать это съ возможно меньшими расходами. Въ дѣйствительности мѣняется трудъ, заключенный съ каждой стороны въ продуктахъ, цѣнность происходящая отъ труда и представляющая главнѣйшимъ образомъ пищу, служившую для поддержанія этого труда. При данномъ разстояніи между обѣими сторонами, желающими мѣняться, пренатствія мѣны измѣняются объемомъ продуктовъ каждой изъ сторонъ и пропорціею произведшаго ихъ труда. Каждая сторона больше вымѣняетъ и больше возьметъ въ обмѣнъ, если большую цѣнность заключить въ меньшемъ объемѣ. Понятное дѣло, что можно размѣнять большее количество желѣза въ брускахъ на большее количество свинцу въ свинкахъ, чѣмъ тогда, когда бы эта мѣна происходила въ видѣ руды съ обѣихъ сторонъ.

Конецъ концовъ, люди мѣняются между собою только хлѣбомъ и умомъ. Зерна иной разъ нельзя увезти въ его первобытной формѣ. Тогда выкармливаютъ имъ скотъ и увозятъ мясо. А еще выгоды дать его рабочимъ, заставивъ ихъ посредствомъ ума произвести фабричныя издѣлія, и зерно, въ видѣ фабриката, можно вывезти перевозку на праѣ свѣта.

Такимъ образомъ выходитъ, что можно увеличить и расширить

вѣдѣнную торговлю только однимъ способомъ, именно равнять сначала торговлю внутреннюю. Излишекъ сырыхъ произведеній всего удобнѣе сойдеть съ рукъ, когда получить форму, удобную для дальней перевозки. Такъ дѣйствуетъ Англія; о ней весьма оцрѣдѣливо выразился одинъ изъ членовъ парламента, жаркій поборникъ вѣншей торговли, что «Великобританія больше всѣхъ страдаетъ на свѣтѣ вывозитъ зерноваго хлѣба, потому что ея хлѣбъ, передѣланный человѣческой лабораторіей въ сукно, каленкоръ и проч. проложилъ себѣ дорогу во всѣ концы свѣта». Чтo же касается до денегъ, то конечно въ цѣнѣ фабрикованнаго продукта, кромѣ расходовъ по фабрикаціи, заключается еще плата за умъ. Это особенно выгодно, потому что въ сыромъ продуктѣ этой платы не полагается: не платятъ.

Итакъ отправкою сырья за границу мы постепенно понижаемъ плодородіе нашихъ почвъ. Этого надо бояться пуще всего, а то придется выписывать кости изъ-за границы.

Чтобы не отправлять сырье, намъ нужны фабрики для обработки нашихъ собственныхъ продуктовъ, а хлопчатую бумагу и т. п. намъ могутъ обрабатывать и другіе.

Чтобы наши фабрики могли существовать, нужны удобные внутренніе, хотя мѣстами и короткіе пути сообщенія, которые потому пожалуй могутъ протянуться до границъ имперіи, но не для вывоза сырыхъ продуктовъ (этотъ вывозъ во всякомъ случаѣ разорителенъ) а уже для другіихъ цѣлей.

Чтобы явились внутренніе пути сообщенія, нужна возможно достаточная самостоятельность общинъ, потому что проведеніе дорогъ административнымъ порядкомъ неудобно и невыгодно.

И разумѣется само собою нужна образованность, которая откроетъ намъ глаза не на одинъ обыкновенный, насущный потребности, которая чувствуются ошунью, а на отдаленное будущее.

Она же насъ избавитъ и отъ мечтателей, вроде автора статьи «Московскихъ Вѣдомостей», который утѣраетъ, будто теперь-то и есть самое удобное время для займа 300 миліоновъ на постройку 5.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

И вѣдь непремѣнно какъ можно больше; такая ужъ широкая натура; меньше пяти тысячъ верстъ не надо, а кака-нибудь дорога въ 25, 50 или 100 верстъ — нечего и шачкаться изъ-за такого малору, какъ вѣченнѣйшій Михаилъ Ивановичъ Собакевичъ, которому ужъ если барана, то всего барана подавай.

Кажется, что насъ тутъ до вѣншоторой степени соблазняетъ примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ дороги строились на ужаснѣйшія, протяженія, часто во пространствахъ, едва населенныхъ, какъ

вещи, причесть имѣлось въ виду, что переселенцы скоро заселятъ пустыни, и если дорогу вести не до города, то все-равно городъ слять-стаетъ на концѣ дороги. Но тамъ — дѣло другое: туда изъ азіи: переполненныхъ народомъ странъ Европы вародъ идетъ искать простора и благопріятнаго климата. У насъ этого долго еще не будетъ. На что лучше климатъ и почва, какъ въ таврической губерніи, и на что хуже житье славянъ, какъ не въ Турціи. И то съ начала нынѣшняго года до половинны іюля обратно выселилось за границу 7,268 душъ обоого пола видинскихъ болгаръ, которые было водворались у насъ въ бердянскомъ, милитопольскомъ и дивпровскомъ уѣздахъ и въ Крыму. Конечно, значительное число ихъ осталось, потому что втеченіе прошлаго года и въ первую половину нынѣшняго водворено всего 5.986 семействъ въ числѣ 24,196 душъ обоого пола, почти все славянъ. Если предположить, что семь тысячъ душъ выселилось обратно въ Турцію въ нынѣшнемъ году, да тысячи двѣ въ прошломъ, то все-таки мы обогатились почти пятнадцатью тысячами душъ новыхъ соотечественниковъ. Но это весьма немного.

Мы можемъ рассчитывать стало-быть почти исключительно на естественное размноженіе числа жителей безо всякаго притока иностранныхъ поселенцевъ. А при нашемъ нынѣшнемъ числѣ жителей, при существующемъ запросѣ на передвиженіе пассажировъ и товаровъ, при нынѣшней степени развитія промышленности, при самомъ свойствѣ нашихъ товаровъ намъ положительно еще рано строить колоссальныя желѣзныя пути вроде московско-оодосійскаго или московско-одесскаго. Рано не потому, чтобы мы не созрѣли для такихъ дорогъ, или не потому, чтобы мы не нашли на эти дороги машинистовъ и механиковъ, не потому рано, чтобы намъ не нужно было быстрыхъ, удобныхъ и дешовыхъ путей сообщенія; напротивъ, они намъ нужнѣе нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ онѣ сблизили бы слишкомъ разсѣянное населеніе, убавили бы чрезвычное разстояніе, облегчили бы внутреннее движеніе продуктовъ земледѣлія и фабрикъ. Но рано ихъ намъ имѣть потому, что онѣ облегчили бы разорительную отправку за границу сырыхъ продуктовъ, стало-быть въ этомъ смыслѣ помогали бы нашему разоренію; во вторыхъ рано потому, что если даже согласиться на разорительную вышнюю торговлю, то все-равно, хлѣбъ и другое сырье слишкомъ тяжелы, чтобы выдерживать тысячевѣрствую перевозку по желѣзной дорогѣ, и можетъ произойти одно изъ двухъ: или въ видѣхъ ошибочнаго поощренія отправки сырья къ портамъ, отправки весьма въпречемъ выгодной для иностранныхъ торговцевъ, торгующихъ въ Одессѣ, или слишкомъ удешевить перевозъ

по южной желѣзной дорогѣ, такъ что издержки провоза намъ не будутъ окутаться; или напротивъ, назначимъ за провозъ настоящую цѣну, способную покрыть вслѣдствіе разъ какъ издержки самой операциі перевозки такъ и принести хотя два-три процента на капиталъ; употреблемый на содержаніе самаго пути и подвижного состава его въ надлежащей исправности, такъ наконецъ сверхъ того и принести семь, восемь или десять процентовъ для уплаты по займу на постройку дороги; въ такомъ случаѣ провозъ хлѣба будетъ такъ дорогъ, что возить не будутъ, и дорога будетъ служить только для стратегическихъ цѣлей. Выходить, что въ томъ и въ другомъ случаѣ, то-есть при слишкомъ дешевой перевозкѣ сырыхъ продуктовъ и при назначеніи за эту перевозку ни слишкомъ дорогой, ни слишкомъ дешевой, а справедливой цѣны, — дорога не будетъ достигать своей цѣли и за нее проценты будутъ платить не тѣ, кому она станетъ приносить выгоды, такъ какъ небольшія, незначительныя мѣстныя выгоды все-таки будутъ.

Изъ Одессы пишутъ, что цѣны на хлѣбъ тамъ, вслѣдствіе издержекъ провоза, выше тѣхъ, которыя стоятъ на рынкахъ западной Европы. Такимъ образомъ землевладѣльцамъ будтобы остается или держать хлѣбъ, какъ мертвый капиталъ, въ рукахъ, выжидая голоднаго года въ западной Европѣ и высокихъ цѣнъ, или пролавать свой товаръ въ убытокъ. «И такъ (прибавляетъ «Сѣверная Почта», говоря о желѣзныхъ нашихъ дорогахъ) въ настоятельной необходимости какъ можно скорѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ, южной и сибирской, а особенно первой, согласны всѣ люди мыслящіе и практичныя.»

«Но — прибавляютъ «Биржевыя Вѣдомости» — намъ кажется, что неслабъ тѣхъ радикальныхъ преобразованій, которыми ознаменованы послѣдніе годы, не мѣшало бы приостановиться навремя и присмотрѣться къ тѣмъ явленіямъ, которыми отразились они въ народной жизни.»

Все это совершенно справедливо. Какъ не желать желѣзныхъ дорогъ? Мы сами въ этой же книгѣ помѣщаемъ статью г. Шмалля о «Южной желѣзной дорогѣ» и нашими замѣчаніями несколько не противорѣчимъ ей. Все дѣло въ деньгахъ, которыхъ у насъ не много, и въ томъ, на что лучше употребить ихъ. И еслибы събы ихъ дивною въ какія-нибудь двадцать или тридцать тысячъ верстъ овалилась къ намъ съ неба, мы были бы въ восторгѣ. Но ради блага Россіи строить ихъ теперь не нужно, по крайней-мѣрѣ въ томъ объемѣ и въ тѣхъ направленіяхъ, какія теперь предлагаются мечтателями, а если строить, то только тѣ и только такія, которыя несомнѣнно должны быть выгодны, и именно для внутренней

промышленности. Надо присмотрѣться къ результатамъ совершенныхъ радикальныхъ преобразованій, — говорить «Биржевыя Вѣдомости». Слѣдуетъ прибавить, что еще и еще ожидаются преобразованія. Во очію совершается громадѣйшій переворотъ. Все до одной отрасли управленія пересматриваются. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразованія совершаются въ смыслѣ большой свободы и большого обезпеченія личности отъ административнаго произвола. Что изъ этого выйдетъ? Куда обратится промышленность? Какое направленіе приметъ наша экономическая дѣятельность — можно только догадываться. Да къ тому же спѣшить нѣтъ никакой возможности, потомучто нѣтъ денегъ. А на нѣтъ и суда нѣтъ. Мечтатели совѣтуютъ заемъ; но овъ невозможенъ рѣшительно. Внутренній заемъ стѣснилъ бы наши рынки до послѣдней степени, производство окончательно должно бы остановиться, торговля пришла бы въ полный застой. О вышнемъ займѣ на постройку желѣзныхъ дорогъ нечего и думать, покрайней-мѣрѣ за столько процентовъ, сколько можно ожидать отъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ впродолженіи многихъ лѣтъ. Но о займахъ какъ внутреннихъ, такъ и вышнихъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

Повидимому, страннымъ можетъ показаться, что въ наше время желѣзныхъ дорогъ могутъ раздаваться голоса именно противъ желѣзныхъ дорогъ. Но мы отнюдь не говоримъ противъ желѣзныхъ дорогъ вообще; мы только утверждаемъ, что по одежѣ слѣдуетъ протаскивать ножки, и больше ничего. Желѣзная дорога отъ Анадырскаго острога до Нижнекамчатска или до Авачинской губы могла бы принести пользу: оживила бы край, способствовала бы развитію промышленности, пробудила бы въковой застой тамошнихъ дѣлкихъ странъ, и т. д.; можно бы наговорить объ этомъ еще разныхъ пріятности, вроде моста черезъ прудъ, по обѣимъ сторонамъ лавки, а въ нихъ сидятъ купцы и продаютъ разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Желѣзная дорога есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ результатовъ и одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ раздѣленія труда. Но во всѣхъ промышленныхъ и механическихъ производствахъ раздѣленіе труда можетъ быть довольно лишь до известной степени, только до той степени, пока ово выгодно. Это доказываетъ Милль слѣдующимъ прирѣзомъ:

«Раздѣленіе труда ограничивается размѣромъ продажи. Если на булавочной фабрикѣ каждая булавка проходитъ черезъ десять отдѣльныхъ и различныхъ операций, и при этомъ можно сдѣлать въ день 48,000 булавокъ, то подобное раздѣленіе можетъ быть выгодно только тогда, когда число потребителей достаточно велико для

истребленія всякій день 48,000 булавокъ. Но если имѣется ежедневный спросъ только на 24,000, то раздѣленіе труда можетъ быть съ выгодой доведено только до возможности производства въ день именно этого количества. Объемъ сбыта можетъ быть ограниченъ различными причинами: слишкомъ малымъ населеніемъ, слишкомъ далеко разбѣяннымъ населеніемъ, отсутствіемъ дорогъ и водяныхъ сообщеній, и наконецъ слишкомъ большою бѣдностью населенія, когда его трудъ недовольно производителенъ, чтобы дозволить ему значительное потребленіе.»

Тѣже самыя причины ограничиваютъ выгодность желѣзныхъ дорогъ. Слишкомъ длинныя пути по малонаселеннымъ и не промышленнымъ, а только земледѣльческимъ странамъ невозможны, потому что не только процентъ на капиталъ не окупается, но могутъ не окупиться и самыя издержки эксплуатаціи. Читая смѣту расходовъ и доходовъ рижско-динабургской желѣзной дороги въ этомъ нельзя не убѣдиться. По общему мнѣнію эта дорога построена очень рачетливо и ея эксплуатація производится весьма осмотрительно, умѣренно и аккуратно, а между тѣмъ, не говоря уже о чистой прибыли, расходъ покрывается только исключительно посредствомъ пособія отъ правительства. Мы не можемъ ничего сказать противъ того, что процентъ на заемъ, сдѣланный рижско-динабургскою желѣзною дорогою, въ вознагражденіе можетъ окупаться, но теперь пока мнѣсть этого не видно.

Дѣятельность желѣзной дороги въ полномъ объемѣ есть не причина, а результатъ значительнаго развитія разнообразныхъ потребностей, результатъ населенности, развитой промышленности, быстрого оборота торговли и т. д. Только въ одной странѣ, поставленной въ исключительное положеніе несмѣтнымъ приливомъ поселенцевъ, желѣзная дорога до нѣкоторой степени можетъ быть если не вполне причиною всего этого, то по крайней мѣрѣ этому способствовать. Это въ Соединенныхъ Штатахъ, и то только до нынѣшней несчастной войны. Въ другихъ странахъ она едва только можетъ ускорить все эти явленія, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Какъ всякая усиленная дѣятельность, она точно такъ же какъ усиленное производство булавокъ, приводимое въ примѣръ Миллемъ, можетъ быть и выгода и полезна только при соответственномъ усиленіи дѣятельности во всѣхъ прочихъ отрасляхъ, при достаточной производительности другихъ отраслей труда. Иначе выйдетъ весьма убыточная несообразность, наслѣдіе, за которое должна будетъ платить все-таки община.

Еслибы кто-нибудь вздумалъ въ оренбургской губерніи обрабатывать землю точно такъ же, какъ она обрабатывается въ Бельгіи,

это была бы точно такая же несообразность, какъ испальско-авачинская желѣзная дорога, потому что всякое усиленіе производства точно такъ же, какъ и всякое усиленіе перевозочныхъ средствъ должно быть вызываемо только потребностью. Никакіе на свѣтѣ примѣры, никакія распоряженія не въ силахъ разомъ превратить край лѣсной въ край скотоводственный, этотъ послѣдній въ край широкаго, захватывающаго земледѣлія, а этотъ послѣдній въ край усадебнаго, сосредоточеннаго хозяйства. Для этого необходимо такое увеличеніе населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и запроса, чтобы эти переходы совершались естественно; необходимы города, но не простые административные центры и центрики, а города естественные, то есть промышленные центры. Но разсмотрѣніе законовъ этихъ переходовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; отложимъ это до другого раза.

Чтоже касается до нашихъ городовъ, то вотъ маленький образецъ: Енисѣевъ, тульской губерніи, съ 2,934 жителей. Эта цифра относится къ 1858 году и взята изъ свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній расходовъ и доходовъ этого города на 1862 годъ видно въ какомъ смыслѣ это городъ. Расходоу предполагается 3,453 рубля, цифра весьма значительная, такъ какъ надо предположить изъ 2,934 жителей никакъ не болѣе 719 или 720 взрослыхъ мужчинъ, считая тутъ же и городскія, и уѣздныя, и всякія чиновныя власти, но платящихъ въ доходъ города конечно не болѣе 760 человекъ. Выходитъ, что они платятъ каждый кругомъ по 4 руб. 96 коп. въ годъ. Но въ этотъ доходъ входятъ 827 руб. съ городскихъ имуществъ, 746 руб. съ промышленниковъ, 532 руб. съ контрактовъ, договоровъ и векселей; но главный доходъ получается по добровольной раскладкѣ съ купцовъ и мѣщанъ 1,026 руб. 80 коп. Стало-быть около третьей доли всего городского дохода не составляетъ обыкновеннаго, нормальнаго поступленія, а происходитъ изъ налога на доходы, своего рода income-tax. Но расходъ этихъ 3,453 рублей несравненно замѣчательнѣе источниковъ, изъ которыхъ они собираются. Двѣ трети этой суммы 2,253 руб. идетъ на содержаніе лицъ городского управленія, а на наружное благоустройство города, на ремонтъ городскихъ зданій и заведеній назначается не болѣе семнадцати рублей двадцати-восьми копѣекъ. Не говоря объ этой ничтожной суммѣ, потому что на семнадцать рублей едва поправить порядочно двѣ печи, первая расходная статья 2,253 рубля ясно показываетъ, для кого и для чего существуетъ городъ. Дальнѣйшіе расходы: прихолоскому училищу 142 руб., городской больницѣ 37 руб., акушеркѣ 30 руб., и енисѣевскому городничему за двѣ

саженъ основныхъ дровъ 27 руб. Эти 27 руб. едва ли не кончили бы 17 руб. на ремонтъ городскихъ зданій и на наружное благоустройство города, и были бы совсѣмъ невѣроятны, могли бы быть признаны мѣлкою клеветою съ нашей стороны, еслибы это не было напечатано въ официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вѣдаетъ дѣла по городскому хозяйству. «Сѣверная Почта» однако замѣтила, что это «обстоятельство довольно важное». Не стоило бы говорить объ этихъ основныхъ дровахъ и доказывать, что городничій не имѣлъ никакого права продавать городу дрова, что онъ самъ ихъ получаетъ отъ города, еслибы всѣ остальные или почти всѣ городскіе расходы Елифана не были такъ вполне безполезны. И этотъ любопытный городъ показываетъ положеніе и значеніе всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, за весьма немногими исключеніями.

Городскія общества до сихъ поръ пользовались такими незначительными правами, такъ много власти имѣлось у лицъ весьма незначительныхъ, но стоящихъ внѣ городского общества, такъ эти лица произвольно распоряжались всѣмъ, до чего только могла подѣлаться какою-нибудь предлогомъ добратся, что городскія общества теперь не только не имѣютъ никакой самостоятельности, но въ строгомъ смыслѣ даже и обществами назваться не могутъ. Привыкнувъ съ похвальною безропотностью переносить административный произволъ, они не вѣрятъ возможности той тѣни самостоятельности, какая теперь предоставляется имъ въ устройствѣ сначала пожарныхъ командъ, а потомъ и прочихъ отраслей городского управленія. Имъ не вѣрится, и едва ли можно ихъ за это винить. Напримѣръ въ пензенской губерніи «вопросъ объ устройствѣ пожарныхъ учреждений на началахъ, указанныхъ министерствомъ еще въ 1860 году не достигъ практическаго примѣненія, сколько по недостатку должной дѣятельности городскихъ управленій, столько же и по уклончивости городскихъ сословныхъ обществъ отъ дѣлъ общественно-городского интереса.» (Сѣв. Поч. № 223). Это въ высшей степени справедливое замѣчаніе. Но чѣмъ объяснить это странное и повидимому явленіе, что городскія общества уклоняются отъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ по городскому общественному хозяйству. Чѣмъ объяснить эту повидимому неестественную, тупую, упрямую, бессмысленную холодность людей къ своему собственному карману, къ своему имуществу, которое съ устройствомъ общественной пожарной команды было бы подѣлано ихъ собственною охраной. Губернскія начальства, исполняя циркуляръ государственнаго министра, распоряжаются по этой части весьма дѣятельно, но распоряженія недостаточно выполняются городскими мѣстными управ-

деніями. Но большей части въ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе не всѣ сословія, а преимущественно только тѣ, которыя болѣе привыкли къ покорности, именно сословія податныя, купцы, мѣщане, цеховые, а неподатныя лица, чиновники, дворяне, духовенство, хотя тоже домовладѣльцы, но уклоняются. Губернское начальство, очень хорошо понимающее намѣренія правительства, недовольно такою властью хода дѣлъ. Въ городѣ Керенскѣ мѣщане и цеховые постановили, что «они согласны принять на себя устройство пожарной команды, если въ томъ примутъ участіе прочія сословія.» Въ Наровчатѣ купцы и мѣщане «принимаютъ на себя выборъ изъ среды своей, но очередь, извѣстнаго числа лицъ для дѣйствія на пожарахъ, но желаютъ останить на прежнемъ основаніи расходы на поставку лошадей, содержаніе и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ.» Губернское начальство недовольно, вновь *подтверждаетъ о безотлагательномъ* обсужденія этого вопроса, говоря, что въ Керенскѣ городское управленіе должно было *вызвать участіе* къ этому предмету прочихъ сословій.

Мы останавливаемся такъ долго на пензенской губерніи, потому что впервыхъ состояніе пожарнаго вопроса въ этой губерніи обнаружено, а во вторыхъ она можетъ служить образчикомъ того, что впрямь должно происходить и въ прочихъ губерніяхъ. Всѣ части нашего отечества, если не развивались, то стояли въ послѣднее время въ такихъ одинаковыхъ условіяхъ, что нѣтъ никакого повода полагать, чтобы отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ рѣшались въ различныхъ мѣстностяхъ различно.

Губернское начальство имѣетъ совершенно достаточные поводы быть недовольнымъ, но оно упускаетъ изъ виду, что приказать, предписать и потомъ подтвердить о безотлагательствѣ добровольнаго участія — по меньшей мѣрѣ нелогично, точно также, какъ нельзя приказать радоваться или веселиться. Если обществу или известной части общества предоставляется известная доля самоуправления, то нѣтъ возможности поступить иначе, какъ *обезпечить* эту долю навсегда. Нетолько русскій, но и всякій безъ исключенія чужеземецъ, для проявленія свободной дѣятельности своей, требуетъ прежде всего ея обезпеченія. Еслибы дано было право, но вѣчное и неотъемлемое право, съ несомнѣннымъ завѣреніемъ о его вѣчности и неотъемлемости, то ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что люди немедленно бы имъ воспользовались. По обыкновенію недовѣрію нашему, или по недовѣрчивости, мы скептически принимаемъ приказаніе произвольно распорядиться пожарной командой уже въ своемъ городѣ. Какъ бы на первыхъ порахъ не потерпѣть убытка,

повторяемъ мы съ номѣщицей Коробочкой. И скептицизмъ намъ идетъ далеко. Хорошо, думается намъ, положимъ, что мы повѣримъ, да и накупимъ и лошадей, и пожарныхъ трубъ, и слѣлсимъ даже (какъ намѣрены слѣлать въ Пензѣ) водопроводъ для пожарныхъ случаевъ. А дакъ устроимъ все какъ слѣдуетъ въ лучшемъ видѣ, вдругъ все я поступитъ въ кавву. Знаемъ мы твердо, что въ предписаніи его превосходительства сказано несовсѣмъ ясно, а секретарь думы или магистрата ясно подтверждаетъ, что это все будетъ наше, общественное. Положимъ, что мы и повѣримъ обѣщаніямъ его превосходительства, но выдали мы и не такія обѣщанія. Вдругъ его преемникъ задумаетъ распорядиться иначе, вотъ и прощай и лошадки, и трубы, да съ ними пожалуй и насъ заишутъ въ пожарную команду съ жалованьемъ 2 р. 12 коп. въ годъ и вѣзешнымъ пайкомъ. Съ другой стороны и то надо подумать, что мы выберемъ себѣ пожарнаго старосту, который и будетъ распорядяться на пожарѣ, и всѣ мы уже станемъ тогда его слушаться. Не понятное дѣло, что выше его, надъ нимъ будетъ же начальство, городничій, частный, брайтъ-мейстеръ или кого поставятъ. Ну на пожарѣ извѣстное дѣло народъ въ попыхахъ, хлопочетъ, суетится. Пожарный староста скажетъ: ломай, ребята, этотъ домишко! А начальство скажетъ: отставвай! вальцемъ не тронь! Конечно, начальство у насъ доброе, но въ попыхахъ всяко бываетъ, можетъ и разгорячиться, да захватъ... Нѣтъ ужъ лучше все по старому, пусть будетъ на прежнемъ основаніи. По крайности заплатилъ что знаю, а съ начальствомъ ни-ни, чтобъ никакой встрѣчи не было, особенно въ жаркое время. Опять же и охотники наберутся: много найдется изъ мастеровыхъ народу ловкаго, расторопнаго, будутъ дѣйствовать не такъ, какъ наши пожарные инвалиды. Да опять бѣда. Чуть что начальству не понравилось, — одного въ рыло, другого въ рожу, третьяго въ зубецъ, противиться не смѣй. Народъ-то, помилуй Богъ, и разбѣжится. И пошла въ Питеръ донесеніе, что по случаю грубости и неуваженія къ начальству, упущенъ пожаръ на большое разстояніе, и вышло разореніе на многія тысячи; тогда пожалуй и угодишь въ острогъ... Не то, чтобы начальство было недоброе, нѣтъ, начальство какъ быть, да вѣдъ пожарный случай пуще всего кровь кипятить, и опять же усердіе надо показать, награду получить... Нѣтъ, ужъ лучше мы какъ-нибудь такъ промаячимъ, а съ начальствомъ сталкиваться и грубить не желаемъ.

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ Россіей, согласится, что мы нисколько не преувеличиваемъ. У насъ и нѣтъ довѣрія, и не

принимая на себя труда изслѣдовать, въ какой мѣрѣ это основательно, мы выставаемъ только фактъ. Для жителя Наровчата или Керенска весьма недостаточно одного только циркулярнаго предписанія губернскаго правленія, чтобы развязать свою болѣе или менѣе жидконаполненную молну. Что по закону слѣдуетъ, заплатилъ, сверхъ того обычнаго приношенія совершилъ. Чего же еще надо? Чтобы намъ лучше было? Да развѣ можно приказать, чтобы было лучше? и развѣ лучше будетъ, какъ по приказу больше тратить денегъ станемъ? На своей на всей волѣ мы истратимъ сколько угодно, въ свое удовольствіе. Слышали мы, что въ сѣверной Америкѣ богатые жители щеголяютъ пожарными трубами своими и въѣзжаютъ съ ними по праздникамъ промать лошадей и людей показывать нарочно заказанную новую трубу, а отчасти тоже и престо похвастать, какъ мы хвастаемъ своими рысакими. Пожалуй завелось бы это и у насъ, потомучто и у насъ есть люди капиталныя. Пожалуй г. Голопузиковъ и г. Краснобрюшкннъ стали бы тѣтаться, кто лучше завести трубу, у кого она будетъ исправнѣе и дальше бить, но для этой полезной и выгодной для общества затѣи нужно какъ можно большее самоуправленіе общинъ и какъ можно большая свобода отъ административнаго произвола. Поэтому смѣло можно сказать, что добросовѣствія, усердныя усилія губернскихъ начальствъ будутъ безплодны, потомучто встрѣчаются съ недоверіемъ. А это неблагоприятнѣйшая въ мѣрѣ почва, на которой не взойдетъ никакое зерно. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что покамѣстъ не будетъ обезпечено полнѣйшее и главное всеглашнее безотнѣнное самоуправленіе обществъ по части пожарныхъ командъ, пока общества не будутъ такимъ образомъ застрахованы отъ административнаго произвола, до тѣхъ поръ всѣ усилія губернскихъ начальствъ будутъ также точно безплодны, какъ въ пензенской губерніи, или будутъ приносить недоношенные плоды вродѣ тѣхъ предположеній по устройству пожарной части, какія составились въ самой Пензѣ. Они еще не утверждены и вѣроятно не утвердятся, какъ печальное порожденіе канцелярскихъ внушеній въ совокупленіи съ новорожденнымъ одностороннимъ самоуправленіемъ.

Вопросъ о взаимномъ застрахованіи, возбужденный вмѣстѣ съ вопросомъ о добровольныхъ пожарныхъ командахъ, по неимѣнію мѣста отложимъ до другого раза.

Вслѣдствіи можетъ-быть у насъ будутъ являться города тамъ, гдѣ укажетъ на это сила обстоятельствъ, помимо административныхъ соображеній, и гдѣ устранены будутъ нѣкоторыя вѣпостыжи.

мыя препятствія, какъ напримѣръ въ селѣ Промзвнѣ или въ селѣ Екатериновкѣ. Это послѣднее село стоитъ на правой сторонѣ Волги, въ семидесяти верстахъ ниже губернскаго города Самары, и находится въ удѣльномъ вѣдомствѣ. До сихъ поръ въ этомъ селѣ производилась большая торговля хлѣбомъ. Окрестности Екатериновки — гладкая степь, превосходный черноземъ двухъ вѣдомствъ, удѣльнаго и казеннаго, и далѣе нѣсколько частныхъ громадныхъ и весьма хлѣбородныхъ пространствъ. Тамошняя пшеница—бѣлотурка славится и достоинствомъ зерна и урожайностью. Въ Екатериновкѣ живетъ нѣсколько купцовъ и крестьянъ, скупающихъ окрестную пшеницу, какъ водится, по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ опять—таки смыслъ торговой операціи частнаго человѣка заканчивается барышомъ въ рубляхъ и копѣйкахъ. Окрестные и туземные крестьяне, а съ ними и вся Россія, которая весьма нуждается въ пшеницѣ, жестоко страдаютъ отъ этихъ скупщиковъ—кулаковъ. Послѣднее слово техническое, его изъ пѣсни не выкинешь. Кулаковъ тамъ мало, и потому между ними имѣется почти постоянная стачка относительно цѣнъ, а мало ихъ потому, что кромѣ удѣльныхъ крестьянъ никто не имѣлъ права строить амбары на пристани, стало-быть некуда было складывать огромнаго количества привозимаго хлѣба, а туземные монополисты по части амбаровъ разумѣется не упустили случая пользоваться своимъ правомъ и брали за складъ что хотѣли. Вотъ съ краю села далеко по степи видно, какъ твечется обозъ. Кулаки, очень пріятно и дружно проводяшіе время, оставляютъ картишки, шашки и пуншикъ и расходятся по разнымъ избамъ, чтобы сдѣлать видъ, будто они не всѣ принадлежатъ къ одной шайкѣ, а напротивъ стараются другъ у друга перекушнить. Мужики знаютъ очень хорошо, что между кулаками существуетъ стачка; съ своей стороны кулаки тоже знаютъ очень хорошо, что мужикамъ это извѣстно, однако комедія акуратно повторяется каждый разъ. Обозъ безостановочно проходитъ мимо первыхъ избъ, направляясь на базарную площадь. Съ шскомъ отворяется калитка, выходитъ кулакъ на улицу, дѣлаетъ видъ, будто дѣшаво зѣваетъ, потягивается, и будто случайно замѣчаетъ обозъ. Медленно, съ переваломъ подходитъ, спрашиваетъ еще, не пшеницу ли везутъ мужички—голубчики (тогда какъ некогда въ Екатериновку ничего другого они не провозятъ сухимъ путемъ), и медленно запускаетъ руку въ тщательно окутанный толстымъ рядомъ возъ. Опытная рука знаетъ способъ этого укутыванья и никакъ не ошибется, не задумается какъ добраться до зерна. Обозъ останавливается. Кулакъ вытаскиваетъ горсть зерна,

разсматриваетъ его, одно или два зерна ловко кидаетъ себѣ въ ротъ и наконецъ съ сожалѣніемъ и ласково говорить :

— Нѣтъ, любезный, такого товару не требуется! и сынаетъ горсточку себѣ въ карманъ.

Мужикъ уже знаетъ этотъ пріемъ, но все-таки чувствуетъ себя нѣсколько оскорбленнымъ.

— Какого еще товару тебѣ надо? Весь какъ есть зерно къ зерну подобрано! отвѣчаетъ онъ обиженнымъ тономъ, завертывая раскрывшееся мѣсто на своемъ возу.

— Не требуется такого, не требуется! продолжаетъ небрежно кулакъ, идя къ другому возу.

Между тѣмъ вышолзаютъ изъ другихъ скрипучихъ калитокъ еще кулаки, и подходятъ къ другимъ возамъ. Начинается комерція. Кулаки увѣряютъ, что товаръ никуда не годится; мужики увѣряютъ, что зерно первое, лучше не надобно. Сначала дѣло идетъ вполголоса или не громче обыкновеннаго разговора, но мало-помалу обѣ стороны одушевляются, споръ становится шумнѣе; кулаки набавляютъ къ своей цѣнѣ по четверть-копѣйкѣ, разумѣется асыгнаціями, мужики съ своей цѣны уступаютъ по копѣйкѣ. По мѣрѣ того, какъ обѣ стороны сближаются къ соглашенію, пафосъ доходитъ до высшей степени. Прежде закутанные возы расстрепаны, голоса охрипли; покупатели и продавцы уже ругаются постыднѣйшимъ образомъ.

— Ну, какого ты чорта продаешь! кричитъ озлобленный кулакъ: — вишь какую пшевицу вывезъ! При этомъ онъ скватываетъ горсть пшеницы и тычетъ ее подъ носъ мужику. — Развѣ это пшеница, посконное твое рыло! Это горохъ, а не пшеница.

— А ты чего лаешься-то? Кулакъ, право, ейбогу, кулакъ и есть. Извѣстно, зерно крупное, какъ быть.

— Крупное! Выдали мы не златое крупное! Куда намъ его? Намъ за границу требуется, въ Англію, понимаешь? Глупая голова! Туда гороху твоего не надо, туда мелкое надо зерно, чистое.

— Коли это еще не хлѣбъ, такъ сыты вы, черти эдакіе, пра черти. Никуда не надо лучше этого хлѣба.

— Никуда! азвительно замѣчаетъ кулакъ. Ворона ты заморская! Видишь, знаетъ что въ Англіи требуется, значитъ бывалый, образованный, баринъ, чортъ! Провались ты съ своимъ зерномъ, коли мало тебѣ восьмидесяти-четырехъ! И разсвирѣпѣвшій кулакъ бросаетъ горсть драгоцѣннаго хлѣба на возъ, и пшеница летитъ во всѣ стороны на землю.

Но комерція наконецъ слаживается. Мужики знаютъ очень хо-

рошо, что съ хлѣбомъ куда нибѣ дѣваться. Ѣхать въ Самару! Тамъ дадутъ подороже, но мѣль это семьдесятъ веротъ въ одинъ коонецъ да семьдесятъ обратно: прибавкой цѣны а не окупится пожалуй поѣздка. И отдають они хлѣбъ по той цѣнѣ, выше которой кулаки положили не платить, и везуть ссыпать. При ссылкѣ опять торгуются изъ-за каждой горсточки, и обобранные мужики, получая деньги, еще благодарятъ своихъ грабителей и, заувиавъ коекакой мелочи у тѣхъ же кулаковъ, торопятся домой къ новымъ угнетительнымъ, изнуряющимъ трудамъ. Вида такую коммерцію довольно подумаешь о крайней необходимости для насъ свободы торговли, но сначала внутренней торговли.

Теперь слѣдуетъ огромный шагъ впередъ: по ходатайству управляющаго удѣльной конторой снято запрещеніе постороннимъ лицамъ строить амбары въ Екатериновкѣ. Теперь всякій желающій можетъ строить амбары, но все-таки «иначе, какъ съ дозволенія удѣльной конторы, и съ платою въ доходъ удѣла: за первую путину по 2½ копѣйки съ четверти хлѣба по вѣстимости амбара, а за вторую путину тотъ же сборъ полагается по количеству дѣйствительно ссыланнаго въ амбаръ хлѣба.» Въ какой мѣрѣ благотвительно подѣйствуетъ эта мѣра на развитіе торговли края, видно ужъ изъ того, что цѣны эти ничуть не дешевле петербургскихъ. Удобно устроенный амбаръ длиною одинадцать, а шириною пять сажень легко вмѣститъ въ себѣ 2,200 четвертей хлѣба, за что удѣльная контора получитъ 55 рублей серебромъ, или ровно по рублю въ годъ за квадратную сажень голой земли, на которой наниматель на свой счетъ выстроитъ амбаръ. Въ случаѣ же, если ему удастся на вторую путину ссыпать, хотя половинное противъ этого количество, то онъ заплатитъ по полтора рубля въ годъ за квадратную сажень, кромѣ того, что ему придется перемѣривать ссыпанный на вторую путину хлѣбъ при чиновникахъ, которые обязаны будутъ брать за наемъ земли подъ амбаръ по количеству хлѣба. Правда, что число скупщиковъ хлѣба въ Екатериновкѣ можетъ вслѣдствіе новой мѣры до нѣкоторой степени увеличиться, стало-быть стачка между ними можетъ слѣзаться нѣсколько затруднительнѣе.

Но довольно о такихъ прискорбныхъ предметахъ. У насъ есть еще въ запасѣ нѣсколько пріятныхъ явленій, которые должны быть занесены въ нашу лѣтопись.

По цѣлой Россіи въ разныхъ мѣстахъ множество открывается школъ; часто попадаются въ газетахъ сравненіе количества школъ въ разныхъ мѣстахъ до освобожденія крестьянъ и послѣ освобожденія. Въ послѣднее время отъ 19 февраля 1861 года, почти въ полтора

года количество школъ мѣстами удвоилось, мѣстами даже болѣе нежели удвоилось, тогда какъ до того десятки лѣтъ стояло все въ одномъ положеніи.

Выкупная операція совершается надлежащимъ порядкомъ. Крестьяне освобождаются окончательно отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику посредствомъ выдачи помѣщику части выкупной суммы государственными пятипроцентными банковыми билетами, а вмѣсто остальной части назначается помѣщику непрерывный доходъ изъ казны въ размѣрѣ $5\frac{1}{2}$ процентовъ. Въ этихъ процентахъ не заключается погашеніе самого капитала; этотъ доходъ въ полномъ размѣрѣ будетъ производиться постоянно, до тѣхъ поръ, пока правительство не найдетъ возможнымъ и нужнымъ уплатить получателямъ непрерывнаго дохода самый капиталъ, доходу этому соответствующій. До истеченія десяти лѣтъ правительство предоставляетъ себѣ объявить о способѣ и порядкѣ погашенія той части выкупной ссуды, которая обращается въ непрерывный доходъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобной операціи.

У г. Кочубея въ черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, было имѣніе съ 963 ревизскими душами. Мировыя учрежденія законнымъ порядкомъ удостовѣрили въ состоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей. Выкупаютъ они свой полный надѣлъ, 1,761 десятину съ саженьями, за 58,720 руб. 26 к., слѣдовательно по 33 руб. 34 коп. за десятину. Правительство беретъ на себя эту уплату, удерживая конечно лежащій на имѣніи банковый долгъ. Въ этомъ случаѣ долгу было 47,368 руб. 50 коп., стало-быть осталось выдать помѣщику 11,351 руб. 76 коп. Дѣйствительно выдано 2,900 руб. пятипроцентными билетами, наличными 1 руб. 75 коп., и выкупное свидѣтельство въ 8,450 руб., по которому бывшій помѣщикъ будетъ получать по $5\frac{1}{2}$ процентовъ, впредь до окончательнаго полученія этой суммы. Такимъ образомъ бывшій помѣщикъ получаетъ 609 руб. 75 коп. доходу изъ казны, а крестьяне будутъ выплачивать въ казну 58,730 руб. 26 коп., въ теченіе опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ малыми суммами, съ придачею шести процентовъ.

Подобныхъ выкупныхъ операцій произведено въ три мѣсяца (май, июнь, июль нынѣшняго года) шесть сотъ тринадцать, на 76,792 ревиз. души, выкупившихъ 266,466 десятинъ земли. Такимъ образомъ выдано, такъ сказать, крестьянамъ займы 8,307,134 рубля. Нѣсколько менѣе половины этой суммы 4,121,118 руб. назенныхъ долговъ, остальное выдано выкупными ($5\frac{1}{2}\%$) свидѣтельствами

3,269,570 руб., пятипроцентными билетами 907,750 руб. и наличными деньгами 8,696 руб. Каждая десятина удобной и неудобной земли обошлась крестьянамъ кругомъ по 31 р. 17 к. Это довольно дорого; но если принять въ соображеніе, что уплата разложена на продолжительный срокъ, и что въ придачу къ землѣ получается за тѣ же деньги и воля, то оказывается, что совѣтъ не дорого. Но на каждую душу приходится кругомъ довольно мало земли, немногимъ болѣе 3½ десятины. Въ августѣ и въ сентябрѣ утверждены еще 474 выкупныя сдѣлки, но подробности ихъ еще не обнаружены, а считая и тѣ сдѣлки, которыя до 1 августа поступили въ губернскія присутствія, но по разнымъ причинамъ еще не были представлены въ главное выкупное учрежденіе, оказывается, что число ихъ доходитъ до 1,518; для 173,013 душъ. Это составляетъ нѣсколько болѣе одной пятьдесятъ-седьмой доли всѣхъ душъ, бывшихъ крѣпостныхъ. Изъ 57 человекъ одинъ покончилъ теперь всѣ счеты съ своимъ прежнимъ владѣльцемъ, а остальные 56 находятся еще если не въ зависимости, то по крайней-мѣрѣ въ отношеніяхъ болѣе или менѣе обязательныхъ, начиная отъ оброка до издѣльной повинности натурой.

Но этотъ одинъ изъ 57 теперь землевладѣлецъ, такой же точно, какъ бывший его помѣщикъ, но владѣющій небольшимъ количествомъ земли, около 3½ десятины, которыя заложены въ казну за 108 рублей, съ расплатою въ теченіе продолжительнаго срока, рублей по семи въ годъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Почты», въ неофициальномъ отдѣлѣ этой газеты, горько и весьма справедливо сѣтуетъ, что большинство нашего народа рождается, живетъ и умираетъ безъ всякой медицинской помощи. У насъ приходится кругомъ по одному врачу на 7½ тысячъ жителей, и такъ какъ двѣ трети всего числа врачей заняты своей службой, гражданской и военной, то едва ли на двадцать тысячъ сельскаго населенія приходится одинъ медикъ. Все это совершенно справедливо, и съ точно такою же справедливостію сотрудникъ «Сѣверной Почты» продолжаетъ, что по огромности уѣздовъ нашихъ, врачъ, живущій въ уѣздномъ городѣ, никакъ не можетъ поаавать помощь всѣмъ живущимъ въ уѣздѣ. Поэтому необходимо распространить въ массѣ народа вѣрныя познанія о сохраненіи здоровья и развить домашнюю медицину. Заняться же леченіемъ всего удобнѣе сельскимъ священникамъ и всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ народу, особенно же землевладѣльцамъ, чтобы заслужить любовь и расположеніе народа. Это все

тѣмъ, замѣчательнѣе всего, что далѣе совѣтуется гомеопатическая метода леченія, какъ наиболѣе легкая, безопасная и безвредная, лекарства предписанныя по этой методѣ будтобы дѣйствуютъ только въ такомъ случаѣ, когда соотвѣтствуютъ болѣзни: и дешево и хорошо. Ктому же «Народная Вѣзда» предполагаетъ издать въ 1893 году «Народный гомеопатическій лечебникъ», а центральная гомеопатическая аптека, по соглашенію съ редакціей, берется доставлять необходимыя при лечебникѣ лекарства по возможно дешевой цѣнѣ. То—есть иначе сказать: пожалуйста, сейчасъ начнется, для васъ только, товаръ первѣйшаго сорта, отдадимъ съ уступочкой. Пожалуйста, честные господа.

Хвалебное слово гомеопатіи напечатано было въ «Сѣв. Почтѣ», и выиграло сердце всѣхъ россійскихъ гомеопатовъ. Ура! наша взяла! Нѣтъ болѣе мелицины! Да процвѣтаетъ гомеопатія. Одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ Ганемана продолжалъ хвалебный гимнъ гомеопатіи въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ что составлялся понемногу довольно согласный и пріятный хоръ. «Эта великая, неопровержимая истина (о преимуществѣ гомеопатіи) — говорить статья «Сѣверной Пчелы» — высказана здѣсь въ официальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго медицинскою частью въ Россіи. Честь ему и слава, что оно, въ видахъ пользы человечества, въ видахъ государственнаго блага, признало вѣрность и благодѣтельность важнѣйшаго открытія новыхъ временъ, которое въ другихъ (даже просвѣщенныхъ) странахъ томится подъ гнетомъ предрасудка и педантскаго упрямства, непреодолимыхъ и для самаго благонамѣреннаго правительства...» То—есть иначе сказать мелицина есть предрасудокъ, педантское упрямство, которое управляетъ правительствами не только у насъ, но даже въ просвѣщенныхъ странахъ, а гомеопатія есть важнѣйшее открытіе новыхъ временъ. Но почтенная «Пчела» нѣсколько поторопилась: въ не-официальномъ отдѣлѣ «Почты» часто помѣщаются статьи частныхъ лицъ, имѣющихъ право выражать свои мнѣнія независимо отъ вѣдомъ и соображеній министерства, на общихъ литературныхъ основаніяхъ. А директоръ медицинскаго департамента напечаталъ въ «Сѣверной Почтѣ» не совсѣмъ пріятное для гомеопатовъ заявленіе, что леченіе больныхъ по гомеопатическому способу никогда досихъ—поръ ни въ Россіи, ни въ образованныхъ европейскихъ государствахъ официально рекомендуемо со стороны медицинскои администраціи не было и что напротивъ того, если у насъ и было доускаемо и терпимо это леченіе, болѣе какъ уступка настоящему желанію со стороны публики, тѣмъ не менѣе однако это леченіе со-

стоитъ подъ особеннымъ надзоромъ и контролемъ полиціи и начальства.

Такъ нарушилась великая радость гомеопатовъ, и «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ» осталось попрежнему безъ официальной поддержки. А жаль. Это такой дешовый, безопасный, безвредный, не научный способъ леченія, такъ онъ въ существѣ своемъ противорѣчатъ всѣмъ даннымъ естественныхъ наукъ, составляющихъ единственное прочное основаніе меліцины, что для своихъ поклонниковъ, увѣданныхъ почмейстеровъ, мелкопомѣстныхъ помѣщичъ и отставныхъ кавалеристовъ онъ въ высшей степени удобенъ. Знаній никакихъ не требуется: маленькая книжечка, да аптека цѣною въ три рубля, и того за четыре рубля можно прикинуть къ «важнѣйшему открытію новыхъ временъ» и сдѣлаться такимъ же отличнымъ гомеопатомъ, какъ первѣйшій гомеопатъ на свѣтѣ. Да за ту же цѣну можно еще вздыхать о «гнетѣ предрасудка и педантскаго упрямства, непреодолимыхъ и для самого благонамѣреннаго правительства.» Дешевле вѣтъ возможности добыть себѣ удовольствіе на цѣлую жизнь, потому что трехъ рублевой аптеки и рублевой книжечки доставить на весь вѣкъ, да въ добавокъ подобная аптека имѣетъ еще волшебное свойство того неимощнаго кошелька, изъ котораго сколько ни берешь, все въ немъ остается больше прежняго. Извѣстно, что чѣмъ больше разбавить гомеопатическое лекарство, тѣмъ оно сильнѣе дѣйствуетъ. А тѣ-то, угнетатели, люди предрасудка и педантскаго упрямства, учатся, учатся цѣлые годы, лучшіе годы своей жизни и потомъ всю жизнь отдають наукѣ, добиваются степеней, а все изъ-за чего же? Чтобы угнетать «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ», и все угнетеніе состоитъ въ недаванні гомеопатимъ официальнаго покровительства, въ предпочтеніи науки невѣжеству. Все это пустякъ. Маленькая книжечка и маленькая аптека въ форматѣ книжечки, такъ что все мило и уютно укладывается въ карманъ. Вотъ и вся наука, въ собственномъ смыслѣ карманная или портативная наука, отрицающая всякіе авторитеты кромѣ тѣхъ, которые въ карманѣ. Можно бы привести нѣсколько курьознѣйшихъ примѣровъ изъ этой карманной науки; но мы вообще не любимъ вещей непримичныхъ, скандализирующихъ здравый смыслъ, и потому оставляемъ гомеопатию въ сторонѣ.

Но дѣлать нечего, надо сказать нѣсколько словъ объ обществѣ для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія и объ образцовомъ его домѣ. О важности дешовыхъ и удобныхъ помѣщеній говорить нечего: она понятна всякому, даже поклоннику «важнѣйшаго открытія новыхъ временъ.» Общество

поставило себя задачей устроить въ Петербургѣ дома, приспособленные къ потребностямъ недостаточныхъ обывателей, съ обезпеченіемъ здоровья и удобства живущихъ. Положено ограничиваться незначительнымъ дивидендомъ на складочный капиталъ, съ тѣмъ чтобы какъ можно болѣе понижать наемную плату. Былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проектовъ, и тутъ произошло то, чего обыкновенно въ Европѣ не бываетъ. Гг. Меркуловъ и Гиппиусъ представили лучшіе проекты, и получили за нихъ премію, а исполнителемъ выбранъ г. Гавъ, тоже архитекторъ. Почему же исполнителемъ не назначенъ г. Меркуловъ, — покрыто мракомъ неизвестности. Послѣ смерти г. Гава, окончаніе постройки поручено было г. Жиберу. Выстроили домъ въ шесть этажей. Всѣхъ квартиръ девяносто восемь, цѣна за наибольшую (кромѣ магазинной нижняго этажа) 162 рубли въ годъ, а за наименьшую, въ одну крошечную комнату 48 рублей. Цѣна очень дешовая, конечно. Но надо знать размѣръ комнатокъ. Вся наибольшая квартира, семейная, заключаетъ въ себя вмѣстности неполныхъ одиннадцать кубическихъ сажень. Это значитъ, что при вышинѣ въ четыре аршина, вся квартира съ кухней, переднею, и прочими необходимостями не болѣе восьми аршинъ ширины и девять аршинъ длины, то-есть столько, сколько занимаетъ обыкновенная крестьянская изба. Квартирка въ одну комнату занимаетъ пространство по полусажени въ ширину и двѣ сажени въ длину, при высотѣ въ сажень съ верхкомъ. Такимъ образомъ за кубическую сажень вмѣстности квартиры «вуждающійся» жилецъ платитъ 22 рубля въ годъ. Цѣна громадная. Но за то во всемъ домѣ большая чистота, порядокъ, тепло и сухо. Жильцы высоко цѣнятъ это благополучіе и дорожатъ квартирами. Всѣ заняты, и имѣется столько кандидатовъ, что большая половина ихъ перемретъ, не дождавшись благополучія пожить въ «образцовомъ» домѣ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что въ кандидаты на занятіе квартиры можно попасть только по большой протекціи, по рекомендаціи важныхъ лицъ, составлявшихъ общество, которое тѣмъ не менѣе получаетъ за свои благодѣянія чистаго дохода 7,817 рублей или около четырехъ процентовъ на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ это общество по справедливости можетъ называться обществомъ взаимнаго одолженія. Его акціи выгодуе многихъ другихъ, а капиталъ его тратился точно такъ же какъ и въ другихъ, безъ скупости, размахисто, прусски, безъ нѣмецкой расчетливости.

Изъ многихъ облегчительныхъ мѣръ, приготовляемыхъ правительствомъ, вѣльзи не упомянуть о пересмотрѣ устава о полиціи.

Новый уставъ уже составленъ и разсматривается въ высшей инстанціи.

Пересматривается уставъ горный. Говорятъ, что въ новомъ уставѣ горная промышленность получить весьма большую свободу. Вліяніе горнаго управленія ограничится только общимъ надзоромъ, для охраненія безопасности рабочихъ, для собиранія налоговъ, какими эта промышленность будетъ обложена и для собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ. Налогъ на частную горную промышленность будетъ распределенъ равномерно, чѣмъ до-сихъ-поръ. Наконецъ, главная и самая интересная черта въ этихъ надеждахъ состоитъ въ томъ, что будтобы проектъ новаго устава, до его утвержденія, будетъ обнародованъ и предоставленъ общему обсужденію.

Эта склонность къ разрѣшенію всѣмъ и каждому смѣть свое сужденіе имѣть является и въ объявленіи отъ комиссіи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. Эта «комиссія признала не только возможнымъ, но *существенно необходимымъ*, для успѣшнаго совершенія предстоящихъ ей работъ, имѣть въ виду всѣ тѣ практическія и теоретическія свѣдѣнія и соображенія относительно развитія преподаваемыхъ въ руководство комиссіи основныхъ началъ означеннаго преобразованія, которыя могли бы быть доставлены изъ разныхъ мѣстностей Россіи лицами, знакомыми съ судебною частью вообще и съ особыми условіями разныхъ губерній. Вслѣдствіе сего, согласно съ заключеніями комиссіи, сдѣланы распоряженія о приглашеніи должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, а также професоровъ юридическихъ наукъ въ университетахъ, лицейхъ и училищъ правовѣдѣнія, которые пожелаютъ содѣйствовать успѣху этого общаго для всей Россіи дѣла, доставить въ государственную канцелярію свои замѣчанія и соображенія, относительно способовъ развитія обнародованныхъ уже основныхъ положеній. Независимо отъ сего комиссія проситъ *всѣхъ желающихъ* оказать ей свое содѣйствіе, доставлять въ государственную канцелярію замѣчанія и предположенія о наиболѣе соответствующемъ требованіямъ науки и практики развитія и примѣненія основныхъ положеній преобразованія судебной у насъ части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ ихъ предметамъ. Всѣ подобнаго рода сомнѣнія и предположенія комиссія будетъ принимать съ особенною признательностью и воспользуется ими при окончательномъ составленіи проектовъ, уставовъ и законоположеній по преобразованію судебной у насъ части.»

Недѣля не замѣтитъ, что это въ высшей степени рациональное

обращеніе комиссій къ сотрудничеству всѣхъ знающихъ и опытныхъ людей въ Россіи принесетъ великолѣпные плоды. Умъ хорошо, а сто лучше. Триста или четыреста умовъ даже образуютъ прекрасное, плотное, здоровое ядро общественнаго мнѣнія. Но если уже нельзя собрать триста или четыреста умовъ, то можно покрайней-мѣрѣ замѣтить, что комиссія возложила на себя такимъ образомъ невообразимо громадную работу. Она обратилась къ сотрудничеству *всѣхъ желающихъ*. Это масса ужасающая. У насъ великое множество охотниковъ писать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только спросить редакторовъ журналовъ, которые не знаютъ куда дѣваться отъ множества поступающихъ къ нимъ «сочиненій» по всѣмъ частямъ. Къ счастью еще журналовъ довольно много, и *всѣ желающіе* раздѣляются. Но комиссія одна, она одна и будетъ цѣлью невѣроятно плодовитыхъ присылокъ со всѣхъ концовъ Россіи. Произойдетъ бомбардировка комиссій, и конечно, среди множества непроходимаго вздору, будутъ перлы, которыми справедливость требуетъ воспользоваться. Но какъ же отыскать эти перлы? Перечесъ все не будетъ никакой возможности. Поэтому не было ли бы несравненно выгоднѣе предоставить печати разработку вопроса. Печать имѣетъ то удобство, что профильтрованное сначала сквозь редакціи, а потомъ сквозь мнѣнія читателей — статьи очищаются великолѣпно, такъ что комиссіи останется только еще разъ пересмотрѣть не готовые, а подготовленные результаты и свести ихъ въ одно цѣлое. Былобыдесятеро меньше труда; но еслибы даже комиссія не боялась ужасающей работы, то былобы и несравненно больше пользы. Печать точно также какъ и рукописи, съ которыми придется возиться комиссіи, наговоритъ пропасть вздору; но это обстоятельство не важное: вздоръ какъ-то самъ собою отваливается, отпадаетъ, и остается дѣло. Затѣмъ остается еще другое, не менѣе важное и совершенно неотъемлемое преимущество на сторонѣ печати. Она одна можетъ подготовить далеко не приготовленную публику къ принятію новаго преобразования. Теперь печать только извѣстила о готовящемся преобразованіи, отнеслась къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ, потомучто нельзя же не сочувствовать такому благу дѣлу, и потомъ замолкла, за неимѣніемъ права говорить подробнѣе, развивать основныя положенія, толковать о ихъ примѣненіи и т. д. Печать, въ особенности наша, русская, всегда вѣрой и правдой служила либеральнымъ намѣреніямъ нашего правительства. Сошлемся въ этомъ случаѣ на крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что былъ у насъ «Журналъ землевладѣльцевъ». Еслибы населенія не были подготовлены къ его разрѣшенію печатью, та-

кого рода явленія, какъ въ казанской губерніи повторялись бы можетъ-быть въ каждой волости. Вопросъ о преобразованіи судебной части конечно относится къ другой сферѣ: даже тѣни волненія ожидать нельзя, развѣ это будетъ волненіе восторга, огромное ура! по всей Россіи. Но несомнѣнно также, что чѣмъ болѣе народъ будетъ приготовленъ къ новой мѣрѣ, тѣмъ самая мѣра легче, свободнѣе, непринужденнѣе будетъ дѣйствовать. Изъ запроса министерства, по губерніямъ, въ какой мѣрѣ будущіе мировые судьи въ составѣ будутъ къ концу 1863 или къ началу 1864 замѣнить нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, оказывается, что окончательнаго преобразованія судебной части можно ожидать черезъ годъ и даже черезъ полтора. Это большое время, и печать успѣетъ наговориться вдоволь и договориться кое-до-чего хорошаго.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» (1)

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ : «ПѢВЕЦЪ КУБРЫ»

Et voilà comme on écrit l'histoire.

М. г. Какъ жена покойнаго князя Петра Ивановича Шаликова, котораго вѣроятно вы не знали ни лично, ни по репутаціи, чело-вѣка много лѣтъ уважаемаго и любимаго въ московскомъ обще-ствѣ, я позволила себѣ нѣсколько замѣчаній на статью Е. Колба-сина «Пѣвецъ Кубры», гдѣ я нашла нѣкоторыя невѣрныя черты характеристики моего мужа, и прощу васъ покорнѣйше, милости-вый государь, дать мѣсто моимъ замѣткамъ въ издаваемомъ вами журналѣ.

Признаюсь вамъ, не только я сама, но и всѣ знавшіе лично по-койнаго моего мужа, едва вѣрили глазамъ своимъ, читая истинно-забавныя... я бы сказала клеветы г. Колбасина, еслибъ могла пред-полагать въ чело-вѣкѣ совершенно постороннемъ какой-нибудь умы-селъ бросить тѣнь на его память. Г. Колбасинъ можетъ-быть и самъ непрочъ отъ того, чтобъ узнать нѣкоторыя болѣе точныя подро-бности о личности, которой онъ коснулся въ своемъ психологиче-скомъ очеркѣ.

Усиливаясь доказать, что кв. Шаликовъ былъ «интриганъ и

(1) Редакція печатаетъ это письмо единственно изъ принципа справедливо-сти. Оцѣнка дѣятельности и самаго характера лицъ, сошедшихъ съ обще-ственной сцены, есть несомнѣнная принадлежность литературы, и оспаривать у нея это право въ наше время немыслимо. Г. Колбасинъ, авторъ статьи «Пѣ-вецъ Кубры» выводилъ свои заключенія основываясь на фактахъ и на *подлин-ныхъ* письмахъ. Вѣрны ли его выводы, онъ предоставляетъ судить читателямъ. Факты и письма на лицо. Но еслибъ онъ въ чемъ и ошибся, то это будетъ только ошибка, и подозрѣвать его въ клеветѣ на чело-вѣка давно уже умершаго, мы не могли и не имѣли на то права. Это искреннее мнѣніе редакціи. Письмо это мы печатаемъ безъ малѣйшихъ перемѣнъ и выпусковъ. *Ред.*

низкопоклонникъ», авторъ статьи: «Пѣвецъ Кубры» до такой степени не попалъ на настоящій его недостатокъ, что заставилъ всѣхъ невольно улыбнуться. Крайняя вспыльчивость моего мужа, нещадившая никакое лицо, вошла даже въ пословицу въ кругу нашихъ знакомыхъ; а рѣзкая правдивость, возстановившая противъ него многихъ, въ глазахъ друзей его извинялась только рѣдкою доброотою сердца и совершенно дѣтскою нерасчетливостью. Довѣрчивый до наивности, онъ даже въ другихъ непонималъ духа иттриги; взглядъ его на жизнь былъ взглядомъ поэта и философа, а денегъ считать онъ никогда не умѣлъ. Такимъ представлялся онъ каждому, кто видѣлъ его мелькомъ раза два; такимъ знали его тѣ, которые были сближены съ нимъ съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости. Никто менѣе его не измѣнялся съ лѣтами. Этотъ недостатокъ практичности, эта неукротимость избалованной натуры, составлявшіе главную черту его характера, могутъ служить истолкованіемъ многихъ его странностей. Кто не зналъ его за неисправимаго оригинала. Кто не помнитъ, какъ онъ, не только въ салонахъ, но и во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, свободно и открыто говорилъ о происшествіяхъ и лицахъ, возмущался крѣпостнымъ правомъ, и не стѣнялся ничѣмъ, высказывалъ среди собравшейся вокругъ него публики самыя смѣлыя идеи. Кому не приходилось удивляться тому, что не разъ самыя почтенныя дамы, которымъ случалось ему наговорить всердцахъ пропасть колкостей, приѣзжали первыя мириться съ нимъ? На него нельзя было сердиться: живая, пылкая натура этого человѣка, всегда юная и увлскающаяся, всегда вдаввавшаяся въ крайности, съ ироническимъ складомъ ума, съ большою начитанностью, съ южнымъ воображеніемъ и съ женскою, непритворною доброотою, обаятельно дѣйствовала на все окружающее, и ему все прощалось. Да, это была не пошлевкая личность, какою выставилъ ее г. Е. Колбасинъ, скорбя о пагубномъ вліяніи, какое будтобы имѣлъ князь Шаликовъ на стихотворное развитіе графа Хвостова.

Въ тридцатыхъ годахъ (эпоха, въ которую упоминаетъ о моемъ мужѣ г. Е. Колбасинъ), ему было уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но несмотря на эти преклонныя лѣта, его всюду желали видѣть, какъ человѣка пріятнаго, всегда принадлежавшаго къ образованному, лучшему обществу. Будучи крайне разборчивъ въ знакомствѣ съ свѣтскими людьми, и передавъ это свойство своему семейству, онъ для иныхъ литераторовъ дѣлалъ исключенія, принимая ихъ во имя литературы, а съ другими былъ друженъ съ молодыхъ лѣтъ, какъ напримѣръ съ В. Л. Пушкинымъ, Блужковскимъ и другими; былъ всегда дружески принять у двардн

Зеневы Волконской. Прочитавъ статью г. Е. Колбасина «Пѣвецъ Кубры», право можно подуматъ, что князь Шаликовъ былъ нѣчто вродѣ высланнаго изъ бурсы семинариста, или вольноотпущеннаго лакея, пробившаго себѣ дорогу интригами, сплетнями, угодливостью и всякими подобными средствами.

Видно, что г. Е. Колбасинъ вообще мало знакомъ съ преданьями московскихъ салоновъ того времени, когда еще существовало общественное мнѣніе въ аристократическомъ кругу, и любезность французскаго ума: *l'urbanité française*, была сильно въ ходу. Иначе онъ не рѣшился бы дѣлать заключенія о человѣкѣ по выхваченному наудачу письму.

Семейство наше никогда ничѣмъ не пользовалось отъ графа Хвостова, и если мужъ мой, равный ему по рожденію и воспитанію, писалъ лестные отзывы о его сочиненіяхъ, то это дѣлалось съ добродушіемъ, чтобъ потѣшить добраго старика, считая стихотворство его вполнѣ невинною забавою, и притомъ высоко цѣня его нравственные качества и эту любовь къ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ все свое утѣшеніе. И вправду, кому могъ повредить почтенный гр. Хвостовъ, воспѣвая Кубру?

Мужъ мой, прожившій болѣе восьмидесяти-трехъ лѣтъ⁽¹⁾, можно сказать не зналъ старости. За годъ до своей кончины, онъ читалъ очень много, писалъ твердымъ и красивымъ почеркомъ, ѣздилъ верхомъ; за два мѣсяца цитировалъ Вольтера и Монтескьё, разбиралъ «*Contrat Social*», съ любовью говорилъ о Ж. Ж. Руссо, которому всегда пламенно сочувствовалъ. О евангеліи онъ однако постоянно относился какъ о высшемъ произведеніи истинной мудрости и за четыре года до смерти, вполнѣ выскнувъ въ духъ евангельскаго ученія, онъ пожелалъ приобщиться св. таинъ, чего прежде не дѣлалъ нѣсколько лѣтъ. О кончинѣ его можно сказать, что она была проста и естественна какъ и вся жизнь его. Онъ безъ болѣзни уснулъ вѣчнымъ сномъ, какъ младенецъ, угасъ какъ лампада.

Не такова была старость графа Д. И. Хвостова. Когда мужъ мой началъ издавать «Дамскій журналъ», графъ былъ уже дряхлъ и слабъ, и вмѣсто своего имени, ставилъ чрезвычайно смѣшную каракулю, которая очень потѣшала моихъ маленькихъ дѣтей. По словамъ же г. Е. Колбасина иной право подумалъ бы, что графъ Хвостовъ былъ пылкій юноша, котораго сбили съ толку и погубили коварные льстецы и интриганы, во главѣ которыхъ стоялъ князь

(1) Онъ скончался въ 1852 г.

Шаликовъ. Да это до крайности забавно всѣмъ, кто знаетъ не только лично, но даже и понаслышкѣ, того и другого.

Г. Колбасина приводитъ въ страшное недоумѣніе вопросъ: Отчего графъ Хвостовъ писалъ стихи? Онъ убѣжденъ, что все это потому, что кн. Шаликовъ и Щедрицкій надули ему въ уши о какомъ-то безсмертіи, ожидающемъ поэтовъ за гробомъ.

Но это предположеніе такъ смѣшно, что объ немъ не стоитъ много толковать. Взглянемъ лучше на эпоху Екатерины. Сама великая монархиня занимается литературой, пишетъ для театра, слушаетъ съ наслажденіемъ оды Державина, осыпаетъ милостями и вниманіемъ Фонтъ-Визина, переписывается съ Вольтеромъ, который говоритъ:

c'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière,

и плеяда поэтовъ, окружавшая ее, такъ возвеличена и прославлена въ глазахъ цѣлой Россіи, что каждый, кропя стихи, мечтаетъ заимствовать хоть одинъ лучъ отъ этого ослѣпительнаго свѣта. Хвостовъ, жившій въ кругу министровъ-писателей, увлекается блескомъ повѣстической славы ихъ, и подобравъ нѣсколько рифмъ, называетъ себя именемъ Кубры, маленькой рѣчки, протекавшей въ его имѣніи, которую онъ и желаетъ обезсмертить.

Александръ Пушкинъ, родившійся 50 лѣтъ спустя послѣ Хвостова, подшучиваетъ надъ нимъ подъ рукою, но какъ человѣкъ гениальный и образованный вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволяетъ себѣ открыто сѣяться надъ почтеннымъ старикомъ.

Очень вѣроятно, что умный, достойный всякаго уваженія гр. Д. И. Хвостовъ не писалъ бы стиховъ, еслибъ родился въ наше время; онъ можетъ-быть и литераторовъ бы не сталъ принимать у себя въ домѣ, и еслибы провѣдалъ, что въ вотчинѣ его протекаетъ Кубра, то это для того, чтобы поставить на ней мельницу.

Сверхъ того, едвали кому-нибудь покажется вѣроятнымъ, чтобы единственной причиною разоренія гр. Хвостова могло быть печатаніе его сочиненій, какъ увѣряетъ въ томъ публику г. Колбасинъ.

Конечно очень естественно, что человѣкъ, мечтающій о царнаскихъ богахъ, въ житейскихъ дѣлахъ бываетъ очень непрактиченъ. Но еслибъ это было и такъ, то мужъ ли мой виноватъ въ этомъ, онъ, который и самъ страдалъ, увы! тѣмъ же самымъ недугомъ. Грустную обстановку одинокой старости графа Хвостова согрѣвала литература, и этому-то и сочувствовалъ мой мужъ, какъ душа любящая. О состояніи дѣлъ и доходовъ графа мы никогда ни-

чего не знали и о нихъ не справлялись. Графъ жилъ постоянно въ Петербургѣ, а мужъ мой въ Москвѣ; для свиданій съ графомъ онъ въ Петербургъ не ѣздилъ, не пилъ на его счетъ шампанскаго, не обыгрывалъ его въ карты, не занималъ у него денегъ (да и ни у кого никогда не занималъ, слава-богу!). Все, что можно допустить, это то, что графу посылались можетъ быть пять или шесть билетовъ на «Дамскій журналъ», который самъ же графъ просилъ иногда прислать ему для раздачи знакомымъ. Этимъ трудно было править въ бѣдственное состояніе богатаго человѣка. Это были просто литературныя отношенія, безъ всякаго значенія для семейства.

Намекъ г. Е. Колбасина, который говоритъ, что будтобы «звѣлители графа Хвостова взяли съ него что могли», можетъ заставить думать, что литературные друзья графа жили на его счетъ. Смѣло скажу, это чистая клевета, по крайней-мѣрѣ касательно моего мужа и гг. Щедрицкаго и Макарова. О петербургскихъ господахъ я ничего не знаю, но за этихъ многіе готовы поручиться. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, что мнѣ извѣстно о графѣ Хвостовѣ и объ отношеніяхъ этихъ господъ къ нему.

Отецъ его, И. М. Хвостовъ, былъ довольно богатый переяславльскій помѣщикъ, а г. А. Щедрицкій (отецъ профессора московскаго университета, о которомъ идетъ рѣчь) занималъ должность учителя въ Переяславлѣ и былъ всегда радушно принятъ у старика Хвостова. М. Н. Макаровъ имѣлъ также помѣстье въ томъ уѣздѣ, и знакомство ихъ обоихъ съ гр. Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ относится ко времени ихъ молодости. Изманилъ Алексѣевичъ Щедрицкій помнить какъ онъ еще ребенкомъ бывалъ въ пышныхъ палатахъ И. М. Хвостова, и какъ тотъ всегда ласкалъ его. Сынъ Хвостова, гр. Дмитрій Ивановичъ, впоследствии женился на племянницѣ Суворова, княжнѣ А. И. Горчаковой и получилъ титулъ сардинскаго графа. Братъ графини, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ въ то время былъ министромъ. Эти родственныя связи и вообще жизнь при дворѣ требовали разумѣется самой блестящей обстановки, и весьма вѣроятно, что расходы графа Хвостова постоянно превышали его средства. Графиня, какъ и всѣ знатныя ляды того времени, конечно не занималась хозяйственными расчетами, да и самъ графъ не слылъ практичнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи.

Нетолько въ Петербургѣ, но даже и въ имѣніи своемъ, они давали балы и обѣды, на которые съѣзжалось до двухъ-сотъ человѣкъ, конечно не литераторовъ. При такомъ образѣ жизни мудрено ли было разстроить свое состояніе и безъ литературной слабости.

безъ всякихъ издержекъ на печатаніе стихотворныхъ произведеній? У графа былъ только одинъ сынъ, и онъ, какъ говорили, мало заботился о его будущности. На самого же графа Дмитрія Ивановича сыпались всѣ почести современія его женитьбы. Императрица Екатерина II, когда ей намекнули, что надо бы пожаловать Хвостова въ камергеры, сказала: «Для Суворова я и въ статсъ-дамы его произведу, если нужно», давая этой шуткою понять, что для Суворова у ней нѣтъ ничего невозможнаго. Къ чести графа Хвостова, надо прибавить, что онъ не былъ ослѣпленъ всѣмъ этимъ блескомъ, и остался простымъ, добрымъ человѣкомъ, до конца жизни, предпочитая рифмы чинамъ и почестямъ. Правда, онъ верѣдко *зачитывалъ*, какъ говорится, *на-смерть* попадавшагося ему слушателя (1); но кто не былъ снисходителенъ къ этой слабости, особенно когда графъ сталъ уже очень старъ? Всѣ эти господа, будучи несравненно моложе его, не могли же читать ему наставленій и отечески говорить, какъ говорилъ Суворовъ: «не пиши, любезный другъ, стиховъ — это пустяки! займись лучше хозяйствомъ!» Но Макаровъ, Щедрицкій и Волковъ, точно также какъ и мужъ мой, ограничивались литературными сношеніями съ графомъ, и тѣми же лестными фразами, и комплиментами, въ которыхъ не отказывали ему ни Карамзинъ, ни Державинъ, поддерживали знакомство съ почтеннымъ старикомъ. Когда и гдѣ этого не дѣлалось? Щедрицкій отъ души расхохотался, когда узналъ къ какой категоріи причислялъ его Е. Колбасинъ, котораго онъ не имѣетъ чести звать и считаетъ псевдонимомъ. «Ни копѣйки никогда не видалъ отъ графа, да и не просилъ!» воскликнулъ онъ съ добродушіемъ безукоризненнаго чловѣка. Занимая кафедру статистики при московскомъ университетѣ, онъ давалъ частные уроки въ лучшихъ домахъ (жена поэта Пушкина одна изъ его ученицъ) и такимъ образомъ трудомъ составилъ себѣ обезпеченное состояніе и донынѣ безбѣдно живетъ съ семействомъ, пользуясь заслужоннымъ уваженіемъ.

Начиная съ того, что письма графа къ моему мужу были тоже наполнены комплиментами и разными пѣжностями, которыя были въ духѣ того времени, я замѣчу біографу и психологу Е. Колбасину, что желая безпристрастно описать какую-либо эпоху, надо схватить всѣ ея отгѣнки и особенности и не забывать напримѣръ, говоря о людяхъ образованныхъ екатерининскаго времени, что

(1) Чего никогда не дѣлалъ мой мужъ. Это чистая выдумка со стороны не помню кого-то, и желаніе сдѣлать его смѣшнымъ, расказавъ будто онъ читалъ свои стихи дворовому мальчишкѣ. Онъ, даже и въ засѣданіяхъ любителей россійской словесности никогда самъ не читалъ своихъ произведеній, признаваясь, что слишкомъ робѣетъ.

учтивость ихъ доходила до крайнихъ предѣловъ и впадала нерѣдко въ фразерство. Теперь конечно не то: теперь хвастаются тѣмъ, что готовы всячески насолить челоуѣку, оказавшему имъ услугу; но въ то время считалось признакомъ хорошаго воспитанія преувеличить сдѣланное одолженіе и восхвалять за малѣйшую услугу. Autre temps, autres mœurs. Можетъ статься, что въ будущемъ столѣтіи формула нашихъ писемъ: *милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга*, будетъ казаться верхомъ нелѣпости; но воля ваша, не могу предполагать, чтобъ потомство всѣхъ насъ осудило за это, какъ тупицъ и льстецовъ. Г. Колбасинъ, надо признаться, взглянулъ съ своей точки зрѣнія на отдаленную эпоху и выпустилъ все это изъ виду. Добросовѣстный біографъ долженъ справиться путемъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ при жизни челоуѣкъ, о которомъ онъ пишетъ. Литераторы стараго времени заслуживаютъ, чтобы о нравственныхъ качествахъ ихъ говорили осторожнѣе нынѣшніе жрецы науки. Между первыми не существовало никогда корыстныхъ связей; они не обирали другъ друга, не подставляли ноги собрату въ надеждѣ уронить его, напротивъ поддерживали другъ друга побратски — честно и добросовѣстно. Если мужъ мой не любилъ Н. А. Полевого, такъ это именно потому, что считалъ его меркантильное направленіе весьма вреднымъ въ дѣлѣ литературы; тогда какъ никто изъ старинныхъ литераторовъ, такъ вѣрно не цѣнилъ, такъ горячо не сочувствовалъ А. С. Пушкину, какъ мужъ мой.

Въ жизни и характерѣ моего мужа преобладалъ поэтической элементъ; изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ былъ писать прекрасные стихи, но прямо истекаетъ то, что онъ не былъ черненькою личностью, съ которой знакомитъ г. Колбасинъ своихъ читателей, навязывая этой личности, созданной его воображеніемъ, имя князя Шаликова.

Одннадцати лѣтъ отъ роду, еще будучи въ благородномъ пансіонѣ, мужъ мой получилъ офицерскій чинъ и служилъ въ военной службѣ при Екатеринѣ, большею частью въ Варшавѣ; но былъ прежде всего свѣтскимъ челоуѣкомъ, хотя и собиралъ бібліотеку классиковъ. Какъ ни легка и пріятна была его адъютантская должность, однако онъ, по смерти отца своего, премьеръ-майора Сумскаго гусарскаго полка, поспѣшилъ выйти въ отставку, предпочитая всему на свѣтѣ свободу и покой. Въ это время явился на сцену Карамзинъ, съ которымъ онъ скоро сблизился. Блескъ Карамзина, его привлекательная личность, новые элементы, которые онъ внесъ въ нашу литературу, увлекъ многихъ, въ томъ числѣ и моего мужа, слогъ котораго былъ тогда замѣченъ и расхваленъ. Онъ сталъ печатать свои статьи, издавать журналы: «Аглаю» и «Зрителя». Со-

чиненія его расходились хорошо, онъ имѣлъ успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ; романсы его перекладывались на музыку и пѣлись въ салонахъ, самъ онъ имѣлъ очень пріятный теноръ, выразительную, южную фizioномію, зналъ иностранные языки, говорилъ бойко и складно, словомъ считался однимъ изъ блестящихъ людей своего времени. Старинныя связи съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ и Иваномъ Ивановичемъ Дмитриевымъ незамѣтно двинули его въ литературную колею. Вся эта сфера была возвышенная и благородная, которой много обязано нынѣшнее просвѣщеніе. Но вотъ бѣда, что у насъ на Руси все слишкомъ скоро забывается.

Что мужъ мой о чинахъ не думалъ, доказательствомъ тому служить то, что будучи близокъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, онъ жилъ въ отставкѣ около двадцати лѣтъ. Уже послѣ двѣнадцатаго года, женившись и разстроивъ дѣла своею непрактичностью (не желая отыскивать крѣпостныхъ крестьянъ, пожалованныхъ дѣду его въ полтавской губерніи, онъ продалъ за безцѣнокъ имѣніе) онъ по ходатайству Карамзина, получилъ должность при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и скоро сталъ издателемъ ихъ. Еслибъ даже онъ и былъ очень честолюбивъ, то имѣя титулъ, онъ могъ бы неслишкомъ заботиться о чинѣ. Дѣло въ томъ, что ему уже не хотѣлось, въ силу новаго указа императора Николая, держать экзаменъ на чинъ коллежскаго асесора и онъ можетъ-быть просилъ графа Хвостова напомнить министру о его представленіи, которое очень долго лежало подъ сукномъ, какъ говорится. Скажу къ слову: могъ ли Хвостовъ раздавать чины служившимъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія? Не думаю. Притомъ же съ чиномъ коллежскаго асесора не было сопряжено для моего мужа ни особаго блеска, ни особыхъ выгодъ; этотъ несчастный чинъ я едва затвердила и то только тогда, какъ овдовѣвъ, стала подписывать дѣловые бумаги.

Право, въ Москвѣ насъ принимали не по чину коллежскаго асесора.

Кто знаетъ Москву, тотъ скажетъ что здѣсь о чинахъ въ хорошемъ обществѣ и не говорятъ. Жаль, что г. Колосницъ этого не зналъ, писавши свой психологическій очеркъ. Если въ действительности въ письмѣ моего мужа къ графу Хвостову и говорилось: «жена моя проситъ васъ . . . о чинѣ» то самыя точки показываютъ что тутъ было намѣреніе вызвать улыбку на лицѣ старика. Мужъ мой любилъ употреблять шуточный тонъ и нерѣдко говаривалъ, желая охарактеризовать какого-нибудь господина: онъ такъ глупъ, что шутки не понимаетъ. Нынѣ въ самомъ дѣлѣ, всѣ такъ глубокомы-

слепно погружены въ свои интересы, что не достигаютъ смысла той игривости, которая проявляется у людей ребячески чистыхъ душою, Говоря откровенно, ни портрета графа, ни просьбы нашей о чинѣ я не помню; все это были такими незначительными событіями въ моей жизни. Я знаю одно, что мужъ мой отъ всей души любилъ графа. Удивляться ли этому, когда самъ біографъ признастъ за нимъ много прекрасныхъ душевныхъ качествъ?

Что сказать послѣ того о людяхъ, которые льстятъ какому-нибудь безграмотному превосходительству? Что сказать о тѣхъ, которые преднамѣренно и дерзко бросаютъ тѣмъ клеветы на человѣка, основывая свое право только на томъ, что встрѣчали имя его подъ печатною статьею?

Къ счастью есть еще люди, которые хорошо помнятъ моего мужа, и знали его любовь къ правдѣ, его пылкую благородную душу. Алексѣй Алексѣевичъ Писаревъ, бывшій попечитель московскаго университета, никогда не пользовался репутаціею блестящаго человѣка, но былъ человѣкъ хорошій. Онъ не важничалъ, не заносился, бывалъ у насъ за-просто, принималъ у себя радушно, равно какъ и жена его, замѣчательно умная женщина. Стихи свои онъ неоднократно печаталъ въ «Дамскомъ журналѣ».

Не знаю на какомъ основаніи Е. Колбасинъ увѣрлетъ, что Рачъ, въ заведеніи общества любителей россійской словесности, назвалъ моего мужа взяточникомъ и Булгаринымъ. Намъ позволено думать, что это импровизація, дѣлающая честь воображенію автора, но ни съ чѣмъ несообразная. Объявивъ, что Мерзляковъ, Каченовскій, Волковъ и Загоскинъ желали выжить князя Шаликова изъ общества любителей россійской словесности, Е. Колбасинъ не подумалъ, что безчеловѣчно чернить память этихъ покойниковъ, потому что не зналъ вѣроятно, что не только сами они, но и семейства ихъ были хорошо знакомы съ нами. За что же? Колбасинъ выставляетъ ихъ людьми двуличными? Да и на чемъ основано его мнѣніе, что они не знали какъ отдѣлаться отъ него? Сцена съ М. А. Дмитриевымъ была несколько не подготовлена. Мужъ мой вспылалъ и на дерзость отвѣчалъ можетъ быть слишкомъ рѣзко. Его надобно было буквально за руки держать изъ боязни, чтобы онъ по окончаніи заведенія, не бросился душилъ человѣка, сказавшаго ему, будто онъ взял у графа Хвостова какихъ-то пятсотъ рублей. Самая эта исторія показываетъ, что моему мужу во первыхъ была несвойственна и ненавистна двуличность, во вторыхъ, что онъ ничѣмъ не пользовался отъ графа. Все это ясно доказываетъ, что такой человѣкъ въ Булгары не годится. Его можно было упрекнуть въ раздражительность, въ неуваженіи подлаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, чѣмъ

онъ и не правился многимъ. Нало замѣтить, что многіе и ему не правился и онъ этого не скрывалъ. Это была конечно большая ошибка съ его стороны: ему недоставало иезуитской уклончивости.

Когда произошолъ такимъ образомъ скандалъ въ засѣданіи общества, то мужъ мой успѣшилъ выйти изъ него, и искренно жалѣлъ, что такъ случилось. Дѣло состояло въ одномъ М. А. Дмитріевѣ; всѣ же другіе старались примирить ихъ, зная азіатскую вспыльчивость моего мужа. Какъ всѣ добряки, онъ нерѣдко впадалъ въ чрезмѣрную запальчивость; несмотря на это, сколько друзей у него было! Это доказываетъ, что въ характерѣ его не было ничего ложнаго, искаженнаго и низкаго. Все въ немъ было до того естественно, такъ прямо вытекало изъ особенностей его природы, что ему надѣвать маску было положительно невозможно. Манеры его между тѣмъ напоминали маркизовъ стариннаго вѣка и многое въ убѣжденіяхъ его отзывалось блестящимъ временемъ энциклопедистовъ. Всѣ образованные русскіе той эпохи смахивали болѣе или менѣе на этотъ типъ; но богатая натура моего мужа вносила въ него много своего, оригинальнаго что бросалось въ глаза каждому. Иные можетъ-быть тайнѣ и въ одиночку не любили его, но открыто противъ него никогда не могли бы ополчиться цѣлой толпою: общественное мнѣніе было за него. Вотъ поэтому-то и не вѣревъ очеркъ Колбасина. Мужъ мой пользовался большою популярностью, даже между купцами; его бывало запотчуютъ она, какъ встрѣтятъ гдѣ-нибудь, и большою частью люди, которыхъ онъ не зналъ по имени назвать. Никогда «Московскія вѣдомости» не были такъ распространены до редакторства моего мужа. Его имя сдѣлалось извѣстно повсемѣстно. Статьи его о бѣдныхъ, печатавшіяся въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и въ его журналѣ, сближали его со множествомъ людей разнаго класса. И теперь еще помнятъ добро, которое онъ дѣлалъ. У него была рука легка. Его бѣдные богатѣли. Отраднo было для насъ приближеніе пасхи, рождества хридова или полагю года. Со всѣхъ концовъ Россіи посылались отъ неизвѣстныхъ лицъ деньги для вспомошествованія немущимъ, о которыхъ писалъ онъ; нерѣдко изъ дальнихъ губерній писали ему незнакомыя дѣти, что откладывали нѣсколько мѣсяцевъ деньги отъ лакомства и тому подобнаго съ тѣмъ, чтобъ скопить нѣкоторую сумму и отправить на помощь такому-то семейству. Ни концерты, ни спектакли не устраивались на эти деньги... никто не веселился, не въспиривалъ, костюмовъ себѣ не шилъ, а между тѣмъ назывались люди и во множествѣ, которые дѣлая добрыя дѣла, скрывали свои имена и отъ души благодарили мужа, что доставлялъ имъ случай быть полезными. Успѣхъ этого дѣла былъ значителенъ и

радовалъ насъ , потомучто мы видѣли , что цѣлыя семьи извлечены изъ нищеты и устроены. Многіе помнятъ , съ какой горячностью мужъ мой дѣлалъ добро , какъ неостанавливаясь ни передъ какимъ затрудненіемъ , доставлялъ мѣста , обращаясь для этого иногда къ вовсе незнакомымъ людямъ , словомъ дѣятельно хлопоталъ о меньшихъ братьяхъ , ссорясь перѣдко за это съ богачомъ и подвергаясь истиннымъ непріятностямъ. Это была потребность его души. Онъ отыскивалъ несчастныхъ по чердакамъ и трущобамъ и любилъ , чтобъ дѣти его видѣли что такое нужда и приучались бы отыскивать средства облегчать страданья ближнихъ. Безпечный во всемъ другомъ , тутъ онъ былъ неутомимо дѣятелемъ , терпѣливъ и практиченъ гораздо болѣе , чѣмъ въ дѣлахъ собственнаго своего семейства. Степанъ Степановичъ Апраксинъ , Александръ Ивановичъ Бахметевъ , князь Андрей Петровичъ Оболенскій , эти добродѣтельные люди своего вѣка , образцы какихъ становятся очень , очень рѣдки въ нашемъ обществѣ , любили его , считая добрѣйшей душою. Оно такъ и было. Тщеславія и подмалевки не было и тѣни въ его заботахъ о бѣдныхъ. Любви его не было конца.

Ничто необличаетъ въ мужѣ моемъ «мелкую , подозрительную , интригантскую натуру» , какую ему навязываетъ г. психологъ. Прибавлю къ характеристикѣ мужа , что онъ не побоялся написать эпиграму на важное административное лицо , противорѣчилъ начальнику , шолъ на перекоръ ему и рисковалъ потерять мѣсто. Правда , что съ лѣтами онъ сдѣлался нѣсколько страненъ , рѣзокъ , взыскателенъ , но тѣмъ не менѣе глубокая честность и безкорыстіе , которыя лежали въ основаніи его натуры , чувствовалось всеми. Самый взглядъ его на образованіе женщинъ показываетъ въ немъ не дюжннаго человека. Онъ высоко ставилъ всегда свободу женщины , полагая ее конечно не въ куреніи папирозъ и не въ студенческой беззащитности молодыхъ дѣвушекъ ; онъ говорилъ : честь женщины должна быть охраняема ею самою , а не другими , и всегда предпочиталъ англійское воспитаніе французскому , которое дѣлаетъ изъ женщины лицемѣрную куклу. Его недостатки , можно смѣло сказать , происходили по прямой линіи отъ его достоинствъ , и носили на себѣ характеръ той эпохи , неустановившейся , но широкой и благородной , недопускавшей мелкихъ пороковъ и мелкихъ дразгъ.

Карамзинъ , Иванъ Ивановичъ Дитриевъ , Жуковскій , князь Вяземскій , Вас. и Ал. Пушкины конечно не Булгарина видѣли въ немъ , бывши съ нимъ постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ ; а предполагать , чтобъ въ комъ-либо можно было ошибаться впродолженіи шестидесяти лѣтъ почти несбыточно. Въ одинъ изъ тяжкихъ годовъ , когда Россія переживала жестокое испытаніе , Карамзинъ

писалъ мужу: «Добрый князь, молитесь за Россію!» Жуковскій въ бытность свою въ Москвѣ, увидя нашу меньшую дочь, уговорилъ отдать ее въ институтъ, и она вовсе неожиданно была принята на счетъ императрицы. А. С. Пушкинъ всегда присылалъ мужу свои сочиненія, едва появившіяся въ свѣтъ, съ самою лестною надписью и никогда не забывалъ захватить къ намъ, будучи въ Москвѣ. Василій Львовичъ Пушкинъ говорилъ ему въ стихахъ: «Я эгоистъ — твоѣ здоровье берегу...» Большая пачка писемъ отъ всѣхъ этихъ людей хранится у меня въ портфель. Но мнѣ право странно и смѣшно выставлать все это на видъ публики, какъ бы хвастая простыми отношеніями, на которыя привыкло мое семейство смотрѣть какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но г. Колбасинъ вызвалъ меня на это объясненіе, и всякій пойметъ чувство, которое овладѣло мною при чтеніи его статьи.

Еслибъ мужъ мой былъ интриганъ, то вмѣсто того, чтобъ заискивать въ графѣ Хвостовѣ, онъ бы поддѣльвался къ своимъ богатымъ родственникамъ: двоюродная сестра его, графиня Завадовская имѣла огромное состояніе; несмотря на это родныя тетки ихъ жили у моего мужа, и изъ-за нихъ-то онъ и ссорился съ нею постоянно. Единственный сынъ ея графъ Иванъ Яковлевичъ Завадовскій умиралъ бездѣтно; мужъ былъ друженъ съ нимъ въ молодости (они были почти однихъ лѣтъ), но впоследствии разошелся и съ нимъ послѣ того, какъ окончательно разсорился съ его матерью. Графиня умерла, оставивъ сыну большіе капиталы и нѣсколько тысячъ душъ (1). Графъ жилъ въ Петербургѣ; мужъ мой и несправлялся о немъ никогда. Но князь Кочубей, пріятель Завадовскаго, встрѣтившись съ мужемъ моимъ, объявилъ ему, что графъ Иванъ Яковлевичъ въ безнадежномъ состояніи и совѣтовалъ ему съѣздить къ нему въ Петербургъ, прибавивъ, что бѣдный Завадовскій умираетъ на чужихъ рукахъ. «Чтобъ я поѣхалъ къ умирающему богачу за духовной! воскликнулъ мужъ мой: — да сохрани меня Богъ! Подать ему мысль, что я подличаю передъ нимъ, заискиваю его милостей — никогда!» Такъ и не поѣхалъ, не написалъ даже Завадовскому! Завадовскій умеръ, вспоминая однако передъ смертью о моемъ мужѣ, которому по духовному завѣщанію отказалъ двадцать пять тысячъ ассигнаціями наравнѣ съ камердинеромъ, съ докторомъ и духовникомъ, прибавивъ, что князь П. И. Шапкинъ «ближайшій родственникъ мой со стороны родительницы моей.» — «И за то спасибо!» сказалъ мужъ мой: — его воля была отдать кому взду-

(1) Двѣ тысячи душъ выморочнаго имѣнія поступило въ казну по смерти сына.

мается!» А отдалъ графъ Иванъ Яковлевичъ огромную сумму денегъ совершенно посторонней особѣ.

Прилагаю при этомъ письмо, писанное ко мнѣ Из. Ал. Щедритскимъ, которое и прошу васъ, г. редакторъ, помѣстить въ концѣ моей статьи, если вы желаете показать безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ. Вотъ оно:

ПИСЬМО Г. ШЕДРИТСКАГО (1)

Милостивая государыня!

Прочитавши статью: «Пѣвецъ Кубры», составленную Е. Колбасинымъ, нахожу, сколько могу припомнить, что дѣйствительно были писаны мною письма къ гр. Хвостову, но въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и все ли писалъ то что напечатано — не помню. Вѣроятно также, что я упомянулъ въ письмѣ и о сестрѣ своей, ибо какъ я узналъ отъ нея, она, живши еще въ Переяславлѣ, подавала просьбу императору чрезъ министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи ей пенсіона покойнаго отца нашего въ знакъ особенной, исключительной милости государя, — но не получила пенсіона. Изъ этого видно, какъ равно изъ содержанія самыхъ писемъ заключить можно, что они писаны были не изъ полкупной обязанности непремѣнно хвалить и льстить, но писаны были къ человѣку давно знакомому, земляку, знавшему положеніе семейной нашей жизни и принимавшему въ своихъ единоземцахъ живое, сердечное участіе. Одинъ только злонамѣренный Колбасинъ хочетъ дать превратный толкъ нашимъ письмамъ, то-есть, что мы будтобы умышленно напередъ расточаемъ похвалы гр. Хвостову, какъ бы жлая размягчить его сердце, а потомъ уже просимъ о своихъ надобностяхъ. Такой черныи взглядъ выражаетъ только худое воспитаніе Колбасина, низкую среду, въ которой онъ родился, выросъ и изъ которой выползъ на свѣтъ божій для того, чтобы злорѣчить о другихъ своимъ гусинымъ перомъ. Похвалы, которыя помѣщались въ письмахъ къ гр.

(1) Помѣщаемъ это письмо г. Щедритскаго безъ всякихъ перемѣнъ и выписокъ, во первыхъ по просьбѣ княгини Шаликовой, призвавшей его удобнымъ къ печати и полезнымъ для своей статьи, а вторыхъ какъ образецъ полемики хвостовскаго времени. Мы просимъ извиненія у г. Колбасина за тѣ личныя, невозможныя ни въ какой литературѣ ругательства, которыя онъ встрѣтитъ въ этомъ письмѣ. Впрочемъ мы не помѣстили бы его никакъ, еслибъ не были утѣрены, что письмо это и особенно его неопозволительный тонъ послужатъ скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію г. Колбасина. Такія письма не оскорбляютъ.

Ред.

Хвостову, всегда были слѣдствіемъ дѣйствія, произведеннаго самимъ графомъ, или присылкою сочиненія, представляемаго благосклонному вниманію, или жалобою на несправедливость людей. Какъ же бы поступить тутъ по миѣнію Колбасина? Отослать назадъ сочиненіе къ графу и написать: мнѣ ненадобно твоихъ сочиненій; ты пишешь худо; ты дуракъ, какъ величаетъ его Колбасинъ, шутъ-скоморохъ. Колбасинъ невѣжда, онъ не знаетъ и не понимаетъ условій общественной жизни. Когда и кто неблагодарилъ графа и не хвалилъ его сочиненій? Цари, вельможи, академіи, университеты, писатели... самъ превозносимый Колбасинымъ Пушкинъ, называетъ графа своимъ славнымъ и любезнымъ патриархомъ, стихи его — пѣснями лиры заслужонной и вѣчно-юной; поэтъ Шатровъ пишетъ ему въ стихахъ похвальное слово, называя графа по уму и сердцу гениемъ — и все это позволительно; а намъ, такъ названнымъ хвалителямъ графа, нельзя уже назвать его маститымъ пѣвцомъ, старѣйшимъ членомъ русскаго парнаса, — все это ставить намъ въ укоръ, стыдъ, поношеніе, недобросовѣстность, безнравственность. Что за нападка! Что за гнусное злорѣчіе? Что за кривой судъ? Чѣмъ же представляетъ себѣ пошлый Колбасинъ почтеннаго, добраго графа? Извергомъ, чудовищемъ, язвою, чумою, къ которому нельзя прикоснуться и письмомъ, ибо и это дѣйствіе считается позоромъ или подкупомъ. Безуміе психолога Колбасина, относительно гр. Хвостова и насъ, его хвалителей, доходитъ до того, что онъ, посредствомъ насъ, хочетъ объяснить психологическую задачу: отчего графъ не покидалъ писать стихи, несмотря на всѣ насмѣшки, злыя эпиграмы, совѣты умирающаго Суворова — не писать стиховъ, несмотря на то, что онъ былъ образецъ сенаторовъ, умный, образованный, честный, добрый человекъ. Были люди, говоритъ Колбасинъ, говорившіе Хвостову, что имя его бессмертно, и что онъ не умретъ въ потомствѣ, и что не признаютъ его изъ одной зависти — это мы, его хвалители, то-есть кн. Шаликовъ, я, Лалинъ, Макаровъ и другіе. Скажите, есть ли тутъ какой-нибудь здравый смыслъ и не ребяческое ли это сужденіе? Я началъ переписку съ графомъ, современникомъ, по Колбасину, фонъ-Визина, Державина и др. съ 1827 года; мои письма, приводимыя Колбасинымъ, относятся къ 1827 году; графу Хвостову было тогда уже семьдесятъ лѣтъ и писать стихи вѣроятно началъ онъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: какъ же я могъ увѣрить въ бессмертіи графа, когда меня не было еще и на свѣтѣ, и что значило мое, молодого человека, увѣреніе послѣ совѣтовъ умирающаго Суворова, почти боготворимаго Хвостовымъ. Не галиматію ли пишетъ Колбасинъ? и такою галиматіею хочетъ онъ разрѣшать психологическія явленія? Колбасинъ

не имѣеть понятія *о душѣ*. Онъ плететь только ложь и хочетъ очернить ближняго! Далѣе Колбасинъ увѣряетъ, что мы, хвалители, дали названіе Пѣвца Кубры графу, послѣ чего будто бы и самъ Хвостовъ сталъ величать себя такимъ. Это сущая ложь! Давнымъ-давно Хвостовъ самъ называлъ себя Пѣвцомъ Кубры — и повторяли ему это названіе, потому что знали, что это ему нравилось. Но всего забавнѣе увѣрвеніе Колбасина, будтобы графъ Хвостовъ такъ переполненъ былъ нашими похвалами, что ни на минуту не забывалъ о нихъ. «Кланяясь Пушкину и Баратынскому, пишетъ Колбасинъ, онъ невольно припоминалъ фразы своихъ хвалителей вродѣ знаменитой фразы Щедритскаго: вы безсмертный писатель, вы гражданинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.» Полно, такъ ли? Думалъ ли такъ графъ Хвостовъ? Не самаго ли себя описываетъ Колбасинъ, самолюбивое твореніе? И для чего эти общія мысли, общее разсужденіе примѣнилъ онъ къ графу Хвостову, хотя онѣ и были помѣщены въ письмѣ къ нему? Эти мысли могли бы относиться къ самому Колбасину, еслибы онъ заключалъ въ себѣ тѣ достоинства, за которыя награждаютъ подобными фразами. Но довольно: я усталъ; у меня болитъ голова. Прощайте! Будьте здоровы и благополучны!

Вашъ покорный слуга

Измаилъ Щедритскій.

P. S. Весьма любопытно бы знать, кто и чтѣ такое Колбасинъ? Какъ равно любопытно знать, имѣеть ли право журналистика обнародывать переписку лицъ, которые еще не перешли въ міръ историческій.

КН. АЛЕКСАНДРА ШАЛНКОВА

Москва.

ДУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

O quam contempta res est Homo, nisi supra
humana se erexerit! Линнея.

On the origin of species by Ch. Darwin. 1859.

Charles Darwin, über die Entstehung der Arten im Thier-
und Pflanzenreich durch natürliche Züchtigung. Uebers. und
mit Anmerk. v. Dr. H. G. Bronn. Stutt. 1860.

De l'origine des espèces, ou des lois du progrès chez
les êtres organisés par Ch. Darwin. Trad. par *Clémence-Aug.
Royer*, avec préf. et notes du traducteur. Paris 1862.

Настоящее время, во всякомъ случаѣ загадочное, и можетъ быть болѣе загадочное чѣмъ всякое другое, нередко сравниваютъ съ эпохою упадка древняго міра; говорятъ, что мы переживаемъ періодъ такого же всеобщаго одряхленія, такого же постепеннаго и безвыходнаго разрушенія всѣхъ формъ, въ которыхъ жизнь до сихъ поръ выражалась. Гдѣ и какъ возникаетъ новая жизнь, какія формы она приметъ, неизвѣстно.

Судить основательно и точно о вопросахъ такого широкаго объема, конечно, очень трудно. Духъ исторіи, совершающейся вокругъ насъ, та глубокая жизнь, которая движетъ развитіемъ чело-
вѣчества, есть безъ сомнѣнія величайшая тайна для ума. Мы сами погружены въ потокъ этой жизни, сами увлечены ходомъ этого развитія; слѣдовательно не можемъ глядѣть на это движеніе со стороны, какъ наблюдатель, имѣющій твердую точку опоры. Болѣе или менѣе ясно, но мы чувствуемъ, что въ насъ дѣйствуетъ эта сила, для которой мы сами не составляемъ полнаго и совершеннаго проявленія; слѣдовательно мы не можемъ признать себя вполне точнымъ ея мѣриломъ.

Но мысль, какъ извѣстно, старается отрѣшиться отъ временныхъ и частныхъ условій. Она, по самой своей природѣ, считаетъ возможнымъ найти въ себѣ самой ту неподвижную точку, то начало координатъ, отъ котораго измѣряются всѣ явленія, всѣ разстоянія и направленія. Поэтому мысль не можетъ отказаться отъ права измѣрять даже ходъ современнаго ей историческаго развитія.

Итакъ положимъ, что мы будемъ стараться проникнуть въ ходъ этого развитія. Для этой цѣли замѣтимъ, что изъ всѣхъ областей человѣческой дѣятельности самая ясная, наиболѣе доступная для пониманія и оцѣнки, есть область умственной дѣятельности. Такъ что изъ всѣхъ сферъ развитія, въ этой сферѣ всего прямѣе и отчетливѣе могутъ для насъ обнаружиться и черты, зависящія отъ духа эпохи; по этимъ чертамъ можетъ-быть возможно составить понятіе и о состояніи цѣлой жизни человѣчества.

Что же мы находимъ въ современной умственной дѣятельности? Поглядимому едва ли кто рѣшится сказать, чтобы въ этой дѣятельности замѣтенъ былъ упадокъ или дряхлость. Безъ сомнѣнія некогда еще на земномъ шарѣ науки не процвѣтали такъ, какъ процвѣтаютъ нынѣ: ученая дѣятельность кипитъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Притомъ успѣхи, дѣлаемые науками, не ограничиваютъ самыхъ наукъ, не указываютъ имъ предѣловъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяютъ ихъ горизонтъ и открываютъ поприще для новыхъ успѣховъ.

Таково по крайней-мѣрѣ обыкновенное наше понятіе о ходѣ и движеніи наукъ. Но умы скептическіе и тоскующіе, какъ извѣстно, смотрятъ на это иначе. Въ этомъ движеніи, столь быстромъ и разительномъ, они находятъ коренную фальшь. Они думаютъ, что наука во многихъ и именно въ важнѣйшихъ случаяхъ дошла до внутренняго противорѣчія съ самой собою, до отрицанія самой себя. Они утверждаютъ поэтому, что наука въ этихъ случаяхъ держится и движется только рутинною, но что въ ней нѣтъ уже живой вѣры въ себя, и что слѣдовательно раньше или позже ей неминуемо грозитъ катастрофа.

Мы говоримъ здѣсь о глубокомъ скептицизмѣ и глубокой тоскѣ. Сюда однако же примыкаетъ и тотъ ленивый и легкій скептицизмъ, который въ большомъ ходу кажется во всѣ времена. По мнѣнію многихъ, обыкновенно незнакомыхъ близко съ науками, умъ человѣческій повторяетъ одно и то же, только въ различныхъ формахъ; каждый вопросъ имъ кажется спорнымъ, и въ умноженіи изысканій и книгъ они видятъ только умноженіе разнорѣчія. Въ исторіи они находятъ одну путаницу лицъ и событій, въ философіи — одинъ туманъ, въ занятіяхъ древними — пустую забаву, пу-

стю трату времени, вездѣ бесплодное круженіе ума, обманчивый, ни къ чему неведущій трудъ.

Есть однако же науки, передъ которыми умолкаетъ всякій скептицизмъ, какъ поверхностный, такъ и глубокій, которыхъ успѣхи никто не рѣшится отвергать, которыхъ польза и плодотворность ясны до несомнѣнной очевидности. Это — науки естественныя, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя уже издавна пользуются почетнымъ названіемъ *точныхъ* наукъ. Если въ настоящее время эти науки приобретаютъ все больше и больше приверженцевъ и соотрудниковъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ этой ихъ *несомнѣнности*, ставящей ихъ выше всякаго подозрѣнія и отъ болѣе или менѣе ясно чувствуемаго скептического отношенія къ другимъ наукамъ. Умъ необходимо требуетъ дѣятельности и ищетъ спасенія тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполне самоувереннымъ, гдѣ у него твердая почва подъ ногами.

Въ этомъ отношеніи естественныя науки дѣйствительно имѣютъ явное преимущество передъ всѣми другими. Предметъ ихъ такъ очевидно-ясенъ, методы такъ просты и элементарны, что твердость приобретаемыхъ познаній не можетъ казаться подлежать никакому сомнѣнію. Нужно быть повидимому или крайне-тупымъ, или крайне-легкомысленнымъ для того, чтобы значительно отступить отъ истины въ изслѣдованіи по предмету естественныхъ наукъ. Поэтому натуралисты всѣ составляютъ одну школу, безъ раздѣленій, безъ сектъ; по крайней-мѣрѣ у нихъ такъ много общаго, что небольшія разногласія ничего не значатъ въ сравненіи съ общепринятыми познаніями. Философія вѣчно дѣлится на разногласныя школы; историческіе взгляды могутъ быть весьма различны; между тѣмъ точно такъ, какъ существуетъ только *одна* математика, такъ существуетъ только *одна* физика, одна химія, одна физиологія и проч. Служить другимъ наукамъ, не входящимъ въ кругъ естественныхъ, трудно: въ нихъ значительная часть дѣятельности пропадаетъ даромъ, то-есть оказывается трудами, не приносящими самой наукѣ никакой пользы. Извѣстно, что книги съ историческимъ содержаніемъ могутъ не имѣть никакого значенія для исторіи; большая часть книгъ, по заглавію философскихъ, представляютъ мертворожденныхъ уродовъ и ничего не значатъ для философіи. Между тѣмъ, если кто станетъ самостоятельно изучать природу, то передъ нимъ прямо открывается твердый путь; каждое наблюденіе, ничтожный фактъ — все это годится, все быстро и правильно примыкаетъ къ цѣлому науки; ошибки, недосмотры исчезаютъ и исправляются съ величайшею легкостію и очевид-

искусствъ, такъ что не представляють никакой задержки общему теченію науки впередъ.

Эта теоретическая путя, эта несомнѣнная правдивость приѣмовъ доказывается и самими результатами, до которыхъ достигаютъ естественныя науки. Нельзя вообразить себѣ успѣховъ болѣе блестящихъ, болѣе многообъемлющихъ и многообщиющихъ. Эти успѣхи всѣмъ признаны, но настоящую ихъ важность и цѣну знаютъ только одни натуралисты. Тотъ, кто незнакомъ съ естественными науками, никогда не представляетъ себѣ, какъ широки бываютъ эти новые потоки свѣта, вдругъ озаряющіе цѣлыя области мірозданія, которыя до тѣхъ поръ были какъ хаосъ закрыты мракомъ и недоступны для ума. Въ два-три десятка лѣтъ достигаютъ цѣлыя науки поразительной отроивающей и глубины; таковы напримѣръ — палеонтологія, органическая химія.

Послѣ этого понятно, что естественныя науки вѣрагъ въ себя, что они полны жизни, радости, и что умъ, расположенный къ жизни и сомнѣнію ищетъ себѣ отрады въ этой свѣтлой области знанія. Вотъ одна изъ чертъ современнаго умственнаго настроенія. Какъ бы мы ни смотрѣли на ходъ другаяхъ проявленій ума, въ наукѣ о природѣ невозможно видѣть признаковъ усталка, а необходимо признавать полную живучесть, свѣжую и здоровую силу.

Короче говоря вообще есть нѣчто новое. Въ немъ можно видѣть одну изъ живыхъ струй, отличающихъ нашъ новый міръ отъ древняго міра. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если мы вспомнимъ, что древнѣе были люди высоко-развитые, обладавшіе глубокимъ умственнымъ дѣятельностью. Ихъ философія, ихъ поэзія — вѣчные образцы для насъ. Между тѣмъ ихъ познанія о природѣ были въ познаниѣ смыслѣ слова ничтожны въ сравненіи съ нашими. Объяснить это можно только однимъ, именно особеннымъ, *древнимъ* отношеніемъ ихъ ума къ природѣ. Для насъ удивительно, какъ они не замѣчали самыхъ простыхъ, ежедневныхъ повторяющихся законовъ и явленій. Очевидно въ это время духъ человѣческій сталъ въ особенное, новое положеніе въ отношеніи къ природѣ и вотъ почему быстро и успѣшно пошла эта новая умственная дѣятельность.

Такимъ образомъ вышшіе успѣхи естественныхъ наукъ необходимо предполагають въ некоторый великій переворотъ въ умственномъ настроеніи человечества. Обширно этого не замѣчаютъ и не признають. Въ крикахъ изумленія природы не умѣють видѣть никакой особенной глубины, никакого особеннаго достоинства. Даже наоборотъ извѣстно, что ученые перѣдко смотрятъ съ снисходительностью на натуралистовъ: она кажется имъ слишкомъ мелкою, слишкомъ престою и грубою. Названія, дѣлающія въ

этому смыслъ надъ натуралистами; очень общивованны. Самый интереснѣйшій примѣръ, доказывающій между прочимъ ихъ лживость, приведу здѣсь слова Малесбранна, который, какъ известно, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философіи. Эти слова сказаны были двѣсти лѣтъ назадъ, но уже въ то время, когда естественныя науки славяли себе первыми богатѣйшими успѣхами, такъ называемомъ эпохѣ великаго энциклопедизма. «Люди», говоритъ онъ въ своей книгѣ объ изысканіи истины, «не созданы для того, чтобы всю свою жизнь изслѣдовать мошекъ и насекомыхъ; нельзя вводить племени трудозъ, поддѣльныхъ нѣкоторымъ господамъ. Для того, чтобы изучать, какъ устроены уши у каждаго рода животныхъ и какъ различныя черви превращаются въ мухъ и мотыльковъ. Такими вещами позволительно развѣ забавляться для развлеченія, когда нечего дѣлать.»

Философъ обнаруживаетъ здѣсь очевидное непониманіе. Изученіе природы все еще кажется ему въ извѣстной степени загадочною. Для него странно, какъ можно серьезно заниматься такими пустяками какъ черви и букашки; онъ находитъ, что гораздо лучше разсуждать о Богѣ. Но натуралистъ имѣетъ полное право смѣяться надъ энциклопедомъ, какъ скоро самъ занятъ букашками въ усиліяхъ превратить въ научный, полезный мысл. трудъ. Въ помощи науки онъ совершаетъ важнѣйшую умственную дѣятельность, которой философъ не понимаетъ и потому не можетъ думать. Еще больше натуралистъ имѣетъ право смѣяться, если эта дѣятельность даетъ ему точныя, строгіе результаты, и ведетъ его шагъ за шагомъ впередъ, между тѣмъ какъ философъ, разсуждая о Богѣ, можетъ остаться при одной заслугѣ добраго камареня.

Слова Малесбранна вѣрѣе повторяются, и вынѣ. Очевидно есть нѣкоторая трудность въ томъ, чтобы какъ слѣдуетъ ценить и думать изученіе природы. Конечно въ настоящее время, когда дѣятельность этого изученія очень развита, она передается и поддерживается однимъ поколѣніемъ въ другое. Но Малесбранну или какому-нибудь ученому среднѣхъ вѣковъ, или древнему греку дѣятельно надо бы оказалось чѣмъ-то *индифферентнымъ*, переломнымъ то *амманіе* и *усердіе*, съ какими натуралистъ цѣлые годы занимается анатоміею ничтожнаго животнаго или предается мельчайшему и крошечнѣйшему анализу лезикъ-нибудь *идеи*, и съ неслогичнымъ терпѣніемъ конторскъ и реверлетъ *извѣстные* опыты. Натуралисты усердно работаютъ, потому что ясно видятъ или твердо убѣждены, что дѣлаютъ дѣло. Пока все это не было *испытано*, *попытано*, до тѣхъ поръ за него и не дурачились бы и не *придавали* ему никакого важнаго значенія.

Иногда въ современной умственной дѣятельности логическому существу элементъ дѣйствительно арбітрій, дѣйствительно воля, дѣйствительно свободный, ширинно разуміе пришло. Оно составляетъ лучший и несоизвѣрный признакъ низшежности современной развитія. И вотъ потому изученіе природы въ настоящее время обнаружено таланимъ свѣтлымъ орудіемъ надомъ и въразвѣній. Отъ него много всего ожидаютъ, въ него вѣрятъ, не въ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, какъ въ источникъ всякой мудрости. На истощающую наука безпрестанно сылаются, какъ на непреодолимый заборъ; ихъ метода, ихъ времени перенесены въ другія науки, дѣлаются правиломъ для тѣхъ областей знанія, которыя возможно всего дальше отходятъ отъ нихъ по своему предмету; напримеръ для исторіи, для философіи.

Безъ сомнѣнія все это составляетъ очень хорошіе признаки настоящаго времени: все это свидѣтельствуетъ о живомъ, сильномъ развитіи, о глубокомъ прогрессѣ. Такъ что, кто будетъ судить о состояніи человѣческаго духа по той жизни, какую обнаруживаютъ естественныя науки, тотъ никакъ не согласится съ мыслью о паденіи этого духа, о разрушеніи современной цивилизаціи.

Сомнѣніе однако же все-таки возможно; въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно ли можно судить о современной жизни человѣческаго духа по естественнымъ наукамъ? Эти науки во всякомъ случаѣ есть частный фактъ, частная область умственной дѣятельности. Дѣйствительно ли можно искать въ нихъ спасенія, найти въ нихъ твердую точку опоры, на которой можно крѣпко держаться среди окружающаго разрушенія?

Нужно многое для того, чтобы рѣшиться отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Вообще говоря, мы знаемъ, что главный центръ тяжести историческаго движенія не совпадаетъ съ областью естествознанія. Жизнь человѣческая руководится и направляется другими, болѣе глубокими основаціями. Если мы обратимся къ исторіи естественныхъ наукъ, то легко убѣдиться, что они сами никогда не были совершенно самостоятельны. Легко было бы доказать многочисленными примѣрами, что въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ они обыкновенно поминались другими, болѣе сильными вліяніемъ, что не отъ нихъ зависѣлъ духъ времени, а скорее наоборотъ они отъ духа времени. Ибо въ себѣ задатки самостоятельнаго развитія, они постепенно освобождаясь отъ постороннихъ вліяній, постепенно сбрасывали съ себя сады чуждаго имъ духа, но однакоже никогда не были во главѣ движенія, никогда не руководили общимъ настроеніемъ умовъ. Тѣ, которые надѣются, что

это будет со временемъ, во всякомъ случаѣ должны признаться, что этого до сихъ поръ не было.

Если мы такимъ образомъ предполагаемъ, что изученіе природы не составляетъ главнаго русла человѣческаго ума, то должны будемъ признать, что оно не спасетъ насъ, когда обидѣтъ главное русло, когда иссякнутъ главные источники. Въ настоящее время естественныя науки часто заявляютъ притязаніе на господство, на руководящее значеніе. Въ этихъ случаяхъ всего легче судить о томъ, справедливы ли ихъ притязанія и надежды. Кто борется съ дѣломъ, превышающее его силы, тотъ сейчасъ же обнаружитъ слабость своихъ силъ.

Въ недавнее время намъ встрѣтился любопытный случай именно такого рода. Мы изложимъ его читателямъ, такъ какъ, вѣроятно, удастся, въ немъ можно найти ясныя черты и современнаго состоянія европейской жизни, и отношенія къ нему естественныхъ наукъ.

Въ послѣдніе годы въ ученіи объ организмахъ, то-есть о животныхъ и растеніяхъ, совершился великій переворотъ. Этотъ переворотъ произвела книга *Дарвина о происхожденіи видовъ*, которой заглавіе, также какъ и заглавіе ея переводовъ, стоитъ въ началѣ нашей статьи. Она кореннымъ образомъ измѣнила самыя главныя, самыя существенныя понятія, которыхъ до сихъ поръ держались относительно организмовъ. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о важности этого переворота, припомнимъ тотъ взглядъ на вещи, то міросозерданіе, которое крѣпко стояло въ прежнее время и отъ котораго мы конечно не вполне освободились и до сихъ поръ. Предполагалось, что всѣ вещи имѣютъ опредѣленные, неизмѣнныя свойства, что эти свойства нераздѣльны съ ихъ сущностью и принадлежатъ имъ отъ вѣка. На міръ смотрѣли какъ на совокупность такихъ вещей; на жизнь и на исторію какъ на случайное столкновеніе этихъ вѣчныхъ свойствъ и неизмѣнныхъ вещей, такъ что въ сущности жизнь не была наростаніемъ новаго, и въ исторіи не происходило никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Этотъ взглядъ, очевидно метафизическій и имѣющій глубокіе источники въ духѣ челоука, былъ цѣлкомъ перевесенъ и на организмы. Каждая форма растеній и животныхъ, ясно отличающаяся отъ другихъ формъ, была признаваема за особый видъ, которому отъ созданія принадлежатъ всѣ его свойства и особенности. Виды считались неизмѣнными, т. е. неизмѣнно обладающими опредѣленными свойствами, какъ принадлежащими къ ихъ сущности. Натуралисты заботились о томъ, чтобы различить, наименовать и пересчитать всѣ виды; а *видовъ*, говорилъ Линней, столько, сколько могъ ихъ создать Богъ.

Изъ чуждому взгляду неподвижныхъ, неизмѣнныхъ существъ тѣхъ или иначе повсюду возвращается человѣческій умъ. Но прежде онъ былъ строго и послѣдовательно примененъ ко всему, о чемъ мыслятъ человѣки. Самое познаніе считалось ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ открытіемъ неизмѣнныхъ, вѣковѣчныхъ соприкоснута истины. Новые открытія только численно умножали умственные познанія, но нѣ въ чемъ существенно не измѣняли дѣла. Мало-помалу однакоже въ несобленной почвѣ, на которую люди такъ твердо опирались, стало замѣтно колебаніе. Велико должно было быть удивленіе тѣхъ, кто первый это замѣтилъ. Все, что считалось неподвижнымъ и несомнѣннымъ, поколебалось и дашурлось; земля стала обращаться около солнца; величайшіе авторитеты были разбиты въ прахъ, вѣковыя отношенія и связи нарушались; наконецъ самая мысль измѣнила свои приемы и стала дѣйствовать иначе: человѣчество живо почувствовало, что въ немъ совершается исторія, что въ мірѣ происходятъ не одніи случайныя и видныя, а существенныя перемѣны.

Съ тѣхъ поръ постепенно все больше и больше распространяется новое міросозерцаніе. Неизмѣнныя существа и ихъ необходимыя свойства все дальше и дальше отодвигаются на задній планъ. Послѣднее проникаетъ всюду убѣжденіе, что все измѣняется и что несомнѣныя не существуютъ, а только кажутся неизмѣнныя. Вѣра въ прогрессъ, въ развитіе, въ усовершенствованіе заступила мѣсто вѣры въ неизмѣнныя существа и вѣчныя истины. Послѣдній ушибъ этому взгляду, послѣднюю его побѣду мы видимъ въ книгѣ Дарвина. Эта книга опровергаетъ такъ называемое *нестоящее видоизмѣненіе*, догмату, которой упорно защищали до сихъ поръ всѣ *признаемые натуралисты*. Они думали, что каждый видъ животныхъ и растеній является первоначально со всѣми своими вышними свойствами; что при развитіи происходятъ только повторенія тѣхъ формъ, которыя развиваются, и слѣдовательно самыя формы остаются неизмѣнными. Каждое растеніе, каждое животное производитъ себѣ подобныя и слѣдовательно виды не происходятъ, но существуютъ вечно.

Вѣрныя замѣчательно, что такой метафизическій взглядъ на стоимость вещей всего дольше и крѣпче держался въ естественныхъ наукахъ. Были правда попытки поколебать его, но натуралисты смотрѣли на нихъ съ большимъ презрѣніемъ. Большею частью эти попытки принадлежали такъ называемымъ *натур-филозофамъ*, то-есть людямъ, въ мѣтніяхъ которыхъ натуралисты ничего не замѣтили крошѣ бредней. Еслиже достоинство видоизмѣненій и мѣтаторыи настоящимъ натуралистамъ, напримеръ Ла-

маршалъ, Степановъ, Жюфруа Сентъ-Мэрема, то все было въ глыбахъ ученыхъ патронъ на лямбдахъ этикъ людей, какъ животная олимпикомъ смѣла, какъ игра воображенія, недостойная науки. Сами Дарвинъ, хотя давно знамениты превосходными работами, хотя выступилъ съ полною твердостью и упрямостью, однакоже преслѣ, чѣмъ задать свое мнѣнiе, двадцать лѣтъ наполдалъ матерьялы и размышленiя.

Нельзя оправдывать въ этомъ случаѣ натуралистиче скѣпъ, чѣмъ они ближе держались фактовъ; — фактовъ, доказывающихъ независимости вещей, гнѣтъ и бытъ не можетъ. Сколько бы времени они бы наблюдали вещи, ны не моментъ руются, что она не измѣнялась до нашихъ наблюдений, и что они не измѣнятся послѣ нашихъ. Невозможности открыть нельзя, открыть измѣненiе невозможно.

Въ своей книгѣ Дарвинъ своими множествомъ фактовъ, доказывающихъ измѣнчивость видовъ. Со временемъ мы надѣемся болѣе поговорить объ этомъ предметѣ, теперь же ограничимся одними результатами. Дарвинъ нашолъ, что виды переходятъ одинъ въ другой, что они постепенно *вырождаются* изъ одной формы въ другую. Такимъ образомъ изъ сѣмянъ одного и того же растенiя, въ различныхъ мѣстностяхъ, при различныхъ обстоятельствахъ можетъ въ длинной сѣнѣ поклѣпнiи произойти нѣсколько различныхъ растенiй. Различныя виды животныхъ и растенiй происшедши постепенно вслѣдствiе того же расаженiя одной формы на нѣсколько новыхъ. Организмы никогда не производятъ *отбѣдодобныхъ* въ точномъ смыслѣ слова: дѣти всегда отличаются отъ родителей и также во взрослѣ схожи между собою. Отъ постепеннаго накопленiя этихъ различiй въ длинныхъ расахъ поклѣпнiи и произошло все разнообразiе животнаго и растительнаго царства.

Вотъ великiй переворотъ, который заключаетъ въ себѣ книга Дарвина. Но открытiе его состоитъ собственно не въ этомъ. Мнѣнiе о перерожденiи видовъ было пераго высказано и подтверждено фактами и до него. Оно получало молчаливый вѣтъ у Дарвина только потому, что ему удалось найти черты одного изъ этихъ *законовъ*, по которымъ совершается измѣненiе видовъ. Законъ этотъ, который нынѣ найденъ, назвать мы *закономъ естественнаго избранiя или естественной конкуренци*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

• Между всѣми органическими существами, разбѣянными на поверхности земнаго шара, существуетъ конкуренция, неизбежно происходящая изъ ихъ размноженiя въ геометрической прогрессii: это законъ Мальгуса въ приложенiи ко всему животному и растительному царству. Такъ какъ рождаются гораздо болѣе животныхъ, чѣмъ сколько можетъ жить, и такъ какъ вслѣдствiе этого между ними происходитъ

возбужденности борьбы за средства существованія, то очевидно слѣдуетъ, что если нѣкогда-нибудь существово отличаетя отъ другихъ хотя бы едѣмъ незначительно, но такъ, что это отлїчїе выгодно для него лично, то при сложныхъ и часто вѣнѣчивыхъ условїяхъ жизни такое существо имѣетъ больше возможности пережить другїя и такимъ образомъ будетъ естественнымъ образомъ избрано или предпочтено другимъ. Затѣмъ по всесильнымъ законамъ наслѣдства, всякая избранная разновидность получаетъ стремленїе передавать размноженїемъ свою новую видоизмѣненную форму.

Всѣмъ знаетъ Дарвина, который ны передали его собственными словами. Въ этомъ естественномъ избранїи, по его изслѣдованїямъ, замѣчается главный, если и не исключительный способъ послѣдствительныхъ измѣненїй организмовъ. Смыслъ и важность этого прекраснаго закона, пробовали бы многїе подолженїй. Вѣнѣчивъ только вообще, что въ силу этого закона измѣненїе организмовъ, перерожденїе и распаденїе видовъ зависятъ не отъ чего либо посторонняго, а отъ самихъ же организмовъ. Организмы сильно размножаются, они получаютъ иногда болѣе выгодное устройство; онѣ борются между собою за средства существованїа; вотъ три условїя, отъ которыхъ зависятъ постепенное перерожденїе видовъ путемъ естественнаго избранїа. Совершенно ясно, что законы развитїа организмовъ давно этимъ не исчерпаны, хотя Дарвинъ кажется не замѣчаетъ недостаточности своего закона; тѣмъ менѣе ему принадлежить великая заслуга перваго указанїа на внутреннїй законъ развитїа организмовъ. Всѣ органическія существа составляютъ у него единую область и развиваются внутреннимъ взаимодействїемъ; вслѣдствїе размноженїа, усовершенствованїа и борьбы. Процессъ этого внутренняго развитїа конечно очень сложенъ и не такъ еще скоро намъ будетъ ясенъ; но тѣ черты, которыя указалъ въ немъ Дарвинъ, безъ сомнѣнїа совершенно точны и вѣрны.

Изъ всего этого читатель видитъ, что книга Дарвина представляетъ великїй прогрессъ; огромный шагъ въ движенїи естественныхъ наукъ. Разумѣется она тотчасъ же возбудила общее вниманїе. Въ Англїи каждый годъ является новое ея изданїе. Тотчасъ же послѣ ея выхода она была переведена на нѣмецкїй языкъ и недавно, слѣдовательно по обыкновенїю немножко позже, на французскїй. По обыкновенїю она возбудила сильную оwoенщїю, въ особенности въ Англїи, въ особенности у тамошнихъ духовныхъ, чего конечно и надобно было ожидать. Но среди всего шума и движенїа, возбужденнаго книгою Дарвина нельзя найти ничего страннаго и неожиданнаго, какъ тотъ отрывъ, который слѣланъ французскою переводчицею и на который мы рѣшаемся указать чита-

телами. На французскій языкъ книга была переведена двинско-Кле-
вельскою *Ассуманъ Ройе* (Royer), снабдившемъ переводъ длиннымъ пре-
дисловіемъ и примѣчаніями. Эта двинка, какъ видно изъ предисло-
вія читала въ Швейцаріи публичныя лекціи *философіи природы и*
исторіи. Но это не все. Недавно ею написано сочиненіе *о налогахъ*,
которое было удостоено преміи, наравнѣ съ сочиненіемъ Прудона о
томъ же предметѣ. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло не съ долж-
нымъ человекомъ, а съ писательницей, имѣвшей успѣхъ; сюда во
всему она — передовой человекъ, представительница современнаго
образованія Европы. Идея Дарвина глубоко ее заинтересовала: по
ея словамъ она давно сошлась съ тѣмъ началомъ, которое она
еще раньше налагала на лещикъ. О вѣсть она постигла изъ
вестія изъ великаго переломка естественныхъ наукъ самымъ далекимъ
и самымъ общимъ слѣдствіемъ, она готова, какъ она говоритъ, написать
объ нихъ даже цѣлую книгу.

«Теорія г. Дарвина», говоритъ г-жа Ройе, въ особенности богата
гуманитарными, нравственными слѣдствіями. Здѣсь я могу только ука-
зать на эти слѣдствія; они одни наполнили бы цѣлую книгу, которую
я желала бы имѣть возможность написать когда-нибудь. Эта теорія
включаетъ въ себя цѣлую философію природы и цѣлую философію че-
ловѣчества. Никогда взглядъ болѣе широкій не былъ проведенъ въ
естественной исторіи: можно сказать, что это — всеобщій свѣтъ, все-
общій законъ, естественная социальная наука, волею жизни
существовъ всякаго рода и времени. Здѣсь мы находимъ объясненіе на-
цикъ мистиктовъ, столь долго искомое основаніе нашихъ нравовъ,
гдѣяственный источникъ понятія о долгѣ и капитальную важность его
для сохраненія вида. Съ этихъ поръ мы будемъ обладать абсолютнымъ
критеріемъ того, что хорошо и что дурно въ нравственномъ отноше-
ніи, такъ какъ нравственный законъ всякаго вида есть тотъ законъ,
который стремится къ его сохраненію и размноженію, къ его прогрессу
сообразно съ мѣстомъ и временемъ.

Это восторженное изліаніе, мы надѣемся, не произведетъ осо-
бенно пріятнаго впечатлѣнія на читателя. Сказать, что въ 1859 году,
когда явилась книга Дарвина, найдено наконецъ *абсолютное разни-
чіе между добромъ и зломъ*, — значитъ сдѣлать предположенія весьма
страннаго, и не менѣе странно то мнѣніе, что понятіе долга до
этого года оставалось *таинственнымъ* для человѣчества. Но каковы
чудеса не бываетъ на свѣтѣ! Посмотримъ, что-то намъ ожидаетъ
новое откровеніе.

«Обобщеніе закона Мальтуса, сдѣланнаго Дарвиномъ, доказываетъ
очевиднѣйшимъ образомъ, какъ ошибочны заключенія, выведенныя
изъ этого закона для человѣческой породы самимъ Мальтусомъ; такъ

наше убеждение, что всякого вида злыбцы от его обильнаго рас-
слабления, то останеться это расслабленіе звысить звышше простотою
его прогрессу. Незъ книги г. Дарвина оказавшася наемна, что звыш
законъ, повидиному столь зрубый, скупой и роковой, поидиному улъ,
чвдцій и природу въ скарденостъ, злости или безсиди, есть надротмаъ,
премудрый законъ провидѣнія, законъ эконоиди и изобадид, необходи-
мая гарантія благосостоянія и прогреса всей органической твари.

Въ самомъ дѣлѣ, какія удивительныя открытія! Что значить
нежда! Когда въ семействѣ много дѣтей, а зѣтъ всего, Мамуль
простодушно принималъ это за несчастіе. Теперь она нѣ видитъ,
что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, тѣмъ сильнѣе мощь дѣй-
ствительнаго благодѣтельнаго закона конкуренціи. Слабыя погибнуть, а
выдержатъ борьбу только естественно избранныя, лучшія привле-
каемыя членъ, такъ что въ результатѣ получится прогрессъ —
улучшеніе всего племени.

Подобныя мѣтвы чудовищны, невѣроятны, но какъ видите, ни-
татель, они существуютъ. Дѣвица Ройе безтрепатно приводитъ свою
мысль до конца и не останавливается ни передъ какими свѣдѣні-
ми. Послушайте дальше :

• Какъ скоро мы приложимъ законъ естественнаго избранія къ че-
ловѣчеству, мы увидимъ съ удивленіемъ, съ горестію, какъ были бо-
жны дѣла наши законы политическіе и гражданскіе, а также
наша религіозная мораль. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достато-
чно ука-
зать дѣла на одинъ изъ самыхъ еще незначительныхъ ее недостат-
ковъ, именно на преувеличеніе того состраданія, того милосердія, того
братства, въ которомъ наша христіанская эра постоимно полагаала идеалъ
соціальной добродѣтели; на преувеличеніе даже самопожертвованія,
состоящее въ томъ, что вездѣ и во всемъ сильныя приносятся въ жер-
тву слабымъ, добрыя злымъ, существа обладающія богатыми дарамъ
духа и тѣла — существамъ порочнымъ и хилымъ. Что выходитъ изъ
этого исключительнаго и неразумнаго покровительства, оказываемаго
слабымъ, больнымъ, невзлечнымъ, даже самымъ злодѣямъ, словомъ
всѣмъ обиженымъ природою? То, что бѣдствія, которыми они пора-
жены, укореняются и размножаются безъ конца, что зло неумень-
шается, а увеличивается, и возрастаетъ на счетъ добра. Мало ли на
свѣтѣ звышъ существъ, которымъ неспособны жить собственными си-
лами, которыя всю свою тяжестію висятъ на злородныхъ рукахъ и,
будучи втагость себѣ самимъ и другимъ членамъ общества, гдѣ про-
ходитъ ихъ чадое существованіе, занимаютъ на солнцѣ большіе мѣ-
ста, чѣмъ три индивидуума хорошей комплексіи! Тогда какъ эти по-
слѣдніе не только жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ
собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажде-
нія, превышающую то, что бы они сами потребили. Думали ли когда-
нибудь объ этомъ серьезно? »

Кому бы из нас принадлежала подобная рѣчь: жена или вѣстникъ умной и сердечной дѣвицы, читатель согласится что онъ весьма заботливъ. Въ настоящемъ же случаѣ сверхъ-того ясно, что это не простая болтовня, а послѣдовательный, строгій выводъ изъ фактъ, взятыхъ за основаніе. Г-жа Роше только смѣлке другихъ и справедливо укоряетъ нашъ вѣкъ въ недостаточной послѣдовательности, говоря, что со временемъ его назовутъ *вѣкомъ близкимъ*.

«Всѣмъ основательно она вывела, что мы въ эпоху развитія мистическимъ такъ сказать *противоестественно*, что мы не слушаемся природы. Только напрасно она предполагаетъ, что человечество какъ-то *сначала обещало не драться*. Нѣтъ, эта идея была весьма довольно ясна и сознательна. Мы сознательно составляли для себя иной законъ, иную веру, иной идеалъ, чѣмъ тѣ законы и идеалы, которыми обфигуретъ природа. Мы знали, что идеалъ въ разрывѣ съ природою и верѣдко жаловались на ея противодѣйствіе, потому что побѣждать его не легко. Но, хотя мы довольно ясно сознавали эту идею, дѣвица Роше напрасно жалуетъ на то, что будто бы мы дали ей слишкомъ широкое прииѣненіе, слишкомъ большое господство въ жизни. Мы кажется неслишкомъ преувеличивали состраданіе, милосердіе и самопожертвованіе. Для нашего прогресса и развитія мы дѣйствовали конечно ни чѣмъ не хуже растений и животныхъ. Мы являлись въ достаточномъ количествѣ и постоянно ради гору чую борьбу не только за средства существованія, но и за другія блага. Если рассмотреть на дѣло немножко внимательнѣе, то легко убѣдиться, что эта борьба была у насъ даже такъ сильна, равнообразна и сложна, какъ она и не можетъ быть у животныхъ и растений. У насъ всегда шла великозѣпнѣйшая *жизненная конкуренція* и законъ *естественнаго избранія* постоянно находилъ полнѣйшее прииѣненіе. Сильный давилъ слабого, богатый бѣднаго, и вообще изъ малѣйшаго преимущества была извлекаема въ этой борьбѣ наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. Жертвы погибали во множествѣ. Люди, которымъ не было мѣста на пиру жизни, тѣмъ виднѣшимъ способомъ должны были покидать поле битвы. Такимъ образомъ влажными жизни и обладателями благъ всегда оставались *естественные избранныки* и прогрессъ усовершенія человеческой породы шло впередъ быстро и безостановочно.

Въ заключеніе приведемъ послѣдній выводъ, который переводчица Дарвина дѣлаетъ изъ его теоріи. Она находитъ въ ней сильныя основанія противъ ученія о политическомъ равенствѣ людей, которое она считаетъ «невозможнымъ, вреднымъ и противоестественнымъ».

нѣтъ, въ чѣмъ и заключается, а именно: тѣмъ, каковы различія: различіе между различными расами; и тѣмъ, изъ чего: состоитъ, каковы, это же, неравенство между различными недѣлимыми одной и той же расой. Факты, теории, естественнаго мабрація, не оставляютъ никакого сомнѣнія, въ томъ, что высшія расы произошли постепенно, и что следовательно, въ силу закона прогресса, онѣ предназначены въ дальнѣйшемъ ходѣ зажить собою низшія расы, а не смѣшаться и слиться съ ними, причемъ онѣ подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредствомъ скрещиваній, которыя понизили бы средній уровень всей породы. Однимъ словомъ человѣческія расы не суть отдѣльные виды, но суть рѣзко-отличающіеся и весьма неравные по равновидности; вѣрно не рѣзко-отличающіеся, прежде чѣмъ въ произшествіи политическую и гражданскую свободу въ европѣ, состоящую изъ меншихъ и великихъ перемѣнъ, и тѣмъ (Балканскіе монголы, индусы, Теория г. Дарвина требуетъ поэтому, чтобы иерархическое возросшее, самодомъ, послѣднее, дѣтство, были снова подвергнуты серьезному изслѣдованію. Люди не равны по природѣ: вотъ изъ какой точки должно исходить. Они не равны индивидуально, даже въ самыхъ чистыхъ расахъ; а между различными расами эти неравенства получаютъ столь большіе размѣры въ умственномъ отношеніи, что законодатель никогда не долженъ упускать этого изъ виду.

Замѣтимъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣвица Ройсъ приписываетъ теоріи Дарвина гораздо больше важности и значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Уже и прежде, и до появленія книги Дарвина было замѣчено, что если смотрѣть на людей какъ на животныя, то между ними существуетъ большое неравенство. Достоверно замѣчено было, что люди различаются между собою по возрасту, по росту, по полнотѣ или худобѣ, по силѣ мускуловъ, по цвѣту кожи, по остротѣ или меньшей остротѣ чувствъ и даже по большей или меньшей смышленности. Если же несмотря на эти и другія, даже больша важныя различія, существовала идея о равенствѣ людей между собою, то это равенство признавалось никакъ не въ смыслѣ зоологическомъ, а съ точки зрѣнія совершенно особенной, странной, загадочной, таинственной: люди считаютъ, что они равны между собою именно какъ люди, а не какъ животныя. Этотъ одинаково всѣмъ принадлежащій принакъ *человѣческаго достоинства*, принакъ повидному неуловимый, неизмѣримый и неопредѣлимый никакими ясными чертами, былъ однакожъ въ глазахъ людей такъ важенъ, такъ великъ и существенъ, что покрылъ собою всѣ очевидныя различія, которыя отдѣляютъ невѣжественнѣйшаго изъ негровъ отъ образованнѣйшаго изъ европейцевъ.

Мы здѣсь не думаемъ впрочемъ рѣшать или изслѣдовать какой бы то нибыло вопросъ. Мы постарались только ясно представить

читателямъ неболытаймъ вѣстѣ западно-европейскаго образованія и подѣмся, что они сами отдадутъ себѣ отчетъ въ значеніи, которое онъ производитъ.

Совершенно очевидно одно: мы перестаемъ понимать человѣческую жизнь, мы теряемъ ея смыслъ, какъ скоро не отдѣлимъ человѣка отъ природы, какъ скоро ставимъ его на ряду съ ея произведеніями, и начинаемъ судить о немъ съ той же точки зрѣнія, какъ о животныхъ и растеніяхъ. Тайна человеческой жизни заключается въ ней самой.

Изученіе природы еще не все что нужно. Если кто смотритъ на это изученіе, какъ на живую струю, которая можетъ спасти жизнь дражайшей цивилизаціи, то ему можно указать на шведскія сдѣланные въ великаго отирити въ природѣ г-номъ Ребе: эти шведскіе совершенно приличны эпохѣ паденія.

Заключимъ нашу замѣтку словами величайшаго изъ натуралистовъ, поставленными нами въ эпиграфъ: *какая жалкая вещь былъ бы человекъ, еслибы онъ не стремился къ сверхчеловѣческому!* Это парадоксальное восклицаніе принадлежитъ Линнею, натуралисту, который вмѣстѣ съ безпримѣрнымъ даромъ понимать природу, обладалъ, вѣроятно какъ слѣдствіемъ это дара, глубокимъ поэтическимъ прозрѣніемъ. Разсматривая человѣка на ряду съ животными и другими произведеніями природы, онъ явно убѣдился, что человекъ есть жалкая вещь. Спасеніе отъ этого ничтожества онъ находитъ въ стремленіи къ сверхчеловѣческому; но мы твердо увѣрены, что то, что Линней называетъ сверхчеловѣческимъ, въ сущности есть истинно-человѣческое.

И. СТРАХОВЪ

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

V

На нынѣшній разъ мы опять начнемъ голыми статистическими данными репертуара нашей сцены и, откровенно сказать, не можемъ ручаться, чтобы это было въ послѣдній. На ознакомленіе и ознакомленіе этого репертуара какъ-то плохо пока надежда — а до тѣхъ поръ, пока онъ не выяснится, мы уверяе буденъ констатировавъ факты и вести лѣтописи его странностей.

Мы начинаемъ съ 21 октября.

21 октября. На Марининскомъ: «Февалла». — На Александринскомъ: «Донъ», «Русскіе въ Эно», «Утка и стаканъ воды» (содѣлалъ г. П. Федорова).

22 октября на Александринскомъ: «Ермакъ Тимофеевичъ», «Тотъ любить честь», «Первое декабря». — На Марининскомъ: «Страдалецъ».

23 октября. На Марининскомъ: «Шейлекъ», «Женатыя овчарки». «Осенній вечеръ въ деревнѣ». — На Александринскомъ: «Бѣдность не порокъ» (Любимъ Торцовъ г. Бурдовъ). «Зачѣмъ шныре люди женятся» (содѣлалъ съ переодѣваньемъ). (!!!)

24 октября. На Марининскомъ: «Любовь и предраждленіе» (Sullivan) переводъ г. П. Федорова. «Всѣхъ цвѣтчиковъ богъ». «Голь на выдумки хитра». — На Александринскомъ «Мозгосредствъ въ Рязанѣ» большое представленіе съ коньякомъ и пѣшными «оруженіями, съ. (11)» г. Соколова и Егорова. «Война конь съ мушкетеромъ» содѣлалъ въ пяти дѣйствіяхъ (содѣлалъ г. Леонидова).

25 октября. На Марининскомъ: «Не первый и не послѣдній», «Крестъ въ чести дѣтскихъ г. Давыдова: «Учитель и Малышечкин».

26 октября. На Маринскомъ: «Страделла». «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ». «Война жонъ» (объ во второй разъ).

28 октября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дьяченко, (который разъ? Мы ужъ и счетъ потеряли). «Проказы барышень на Черной рѣчкѣ». — На Александринскомъ: «Двумужница», князя Шаховскаго. «Живчикъ», водевиль гг. Тарновскаго и Руднева.

29 октября. На Маринскомъ: «Страделла». — На Александринскомъ: «Легкая надбавка» г. Погосскаго. «Три пощечины». «Средство выпивать водку».

30 октября. На Маринскомъ: «Горе отъ ума». «Отецъ какихъ мало». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ третій разъ). «Царульничъ на Пескахъ». «Милые братцы» водевиль г. Тарновскаго.

31 октября. На Маринскомъ: «Гугеноты», (бенефисъ г. Васильева). — На Александринскомъ, въ первый разъ по возобновленіи «Маритимка» г. Кукольника. «Воспитанное обученіе».

1 ноября. На Маринскомъ: «Не въ деньгахъ счастье» г. Парышева (Безрышищевъ г. Марковеній). «Запутанное дѣло». Сидла г. Горбунова. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ четвертый разъ). «Андрей Степановичъ Букава» (г. Васильевъ 2-й).

2 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя». — На Александринскомъ: «Одѣвъ и откусающій для дѣтей и откусающій», комедія Подрого, въ первый разъ по возобновленіи; стоило вѣтъ возобновленія). «Въ людяхъ ангелъ не жена» Ленскаго, (въ первый разъ по возобновленіи). «Домовитъ и Серафимъ» (бенефисъ г. Каратыгина).

4 ноября. На Маринскомъ: «Трубадуръ» (г. Владиславлевъ). — На Александринскомъ: «Не по носу табакъ» г. Погосскаго. «Свои ербаки гризутся — чужаки не пристають». Острейкаго. «Чего на свѣтѣ не бывало?».

5 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 210 разъ). — На Александринскомъ, повтореніе бенефиса г. Каратыгина.

18 ноября. На Маринскомъ: «Машура» г. Шоткина, (г-жа Спорова). «Тотъ любить чужой» г. Мотя, (идея г. Тарновскаго). — На Александринскомъ: «Братья Тимошенинъ». «Будемъ жить иронически», подшопное представленіе.

7 ноября. На Маринскомъ: «Мартя» (г. Владиславлевъ). «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Маритимка» «Щераша».

8 ноября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дья-

ленте. «Бабушкины грѣшки». — На Александринскомъ: «Жизнь игрока». «Сынъ венеціанскаго разбойника».

9 ноября. На Маринскомъ: «Испорченная жизнь» г. Чернышова. Водевиль съ переодеваньемъ (!! даже и на *аристократическомъ* Маринскомъ !!!) «Полтора рубля». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревель» (въ пятый разъ). «Въ тинномъ омутѣ» г. Коци. «Жена и зонтикъ».

11 ноября. На Маринскомъ: «Машура» г. Потѣлина. «Несчастье особаго рода». «Бѣдовая бабушка». — На Александринскомъ: «Велизарій». «Жена камихъ много».

19 ноября. На Маринскомъ: «Страдалецъ». «Москвитинъ-чарошникъ». — На Александринскомъ: «Легкая наглбавка» г. Петосава. «Балъ у банкира».

13 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова. «Что такое любовь?», оперетка Сидна г. Горбунова (бенефисъ г-жи Жулевой). — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревель» (въ шестой разъ). «Упрямство и настойчивость». «Дочь русскаго актера».

14 ноября. На Маринскомъ: «Жидовка». — На Александринскомъ: «Парама Сибирячка», Полевого (въ возобновленіи въ второй разъ). «Бродяги», водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ.

15 ноября. На Маринскомъ: повтореніе бенефиса г-жи Жулевой. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревель» (въ седьмой разъ!!!). «Старый наемщикъ». «Нежная».

16 ноября. На Маринскомъ: «Фенелла». — На Александринскомъ: «Гроза», Островскаго (Тялоуъ Кабановъ г. Васильевъ 2).

18 ноября. На Маринскомъ: «Аскольдова могила». «Москвитинъ-чарошникъ». — На Александринскомъ: «Бриакъ». «Въ чужомъ саду похаживалъ», Островскаго. «Осенній вечеръ въ деревнѣ».

19 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 211 разъ). — На Александринскомъ: «Балъ молодцу не укоряи», комедія г. Н. Потѣлина. «Заемныя жены», водевиль.

20 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ третій разъ). «Беззаботная» (г-жа Слюрова). — На Александринскомъ: «Парама сибирячка» (во второй разъ). «Не сошлась характеристика», Островскаго (въ первый разъ по возобновленіи). «Женщины-чарошники».

21 ноября. На Маринскомъ: «Страдалецъ» (въ шестой разъ). — На Александринскомъ: «Жертва за жертву», г. Дмиченко. «Жапись изъ долговаго отдѣленія», комедія г. Чернышова. «Комедія въ двашкой».

22 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ четвертый разъ). «Видъ-шударъ». Сцена г. Горбунова. — На Александринскомъ:

скомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ восьмой разъ). «Историческіе случаи». «Жена кавалерюга».

Мы никакъ терпѣвнѣе прослѣдить репертуаръ за цѣлый мѣсяцъ, — незнаемъ, имѣютъ ли терпѣвнѣе читатели просмотрѣть его. Во всякомъ случаѣ, вотъ факты, которые должны быть выведены изъ него по здравому разуму.

1) Русская драматургія обогатилась *восемью* новыми капитальными произведеніемъ «Новгородцы въ Ревелѣ». Въ теченіе годае чѣмъ четырехъ подъя, эта прекрасная драма дана *одинъ* разъ.

2) Другое высокое и капитальное произведеніе — «Не первый и не послѣдній», г. Дьяченко, по прежнему продолжаетъ интересовать публику.

3) Восходить новое лучезарное явленіе — «Слово и дѣло», комедія г. Устрялова, данная уже *четыре* раза, съ 13 по 22 ноября.

4) Изъ старыхъ капиталовъ драматургіи возобновлены съ успѣхомъ: «Ермакъ», «Нараша», «Отецъ и Окушникъ», Поленова. «Ермакъ» въ особенности имѣетъ успѣхъ. Жаль, что не возобновлено до сихъ поръ комедія «О войнѣ Федосыя Федоровича съ китайцами», *прекрасное* произведеніе того же пладевитана и великаго русскаго драматурга и его chef-d'œuvre въ серьезномъ родѣ: «Влady Глиньской». Публлка, т. е. какіе-нибудь Павелъ Степановичъ и Прасковья Сергѣевна останутся вѣроятно очень довольны возобновленіемъ этихъ произведеній, вполне соответствующихъ потребностямъ ихъ утонченнаго и образованнаго вкуса.

5) Пьесы Островскаго, могутъ быть лаваны только на *плебейскомъ* театрѣ — на Александринскомъ. На Маринскомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца *не* было ни одной изъ нихъ. Вообще, онѣ имѣютъ весьма мало успѣха, такъ что изъ признаваемыхъ «этою высококультурною русскою литературою» капитальными его произведеніемъ («Свои люди сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Доходное мѣсто», «Гроза», «Мининъ») можетъ быть лавана только «Гроза». Для драматическихкихъ артистовъ гораздо благодарнѣе роли «Ермана» и ессыльнаго въ «Нарашѣ», чѣмъ роль Минина; для драматическихкихъ артистовъ — роли въ пьесѣ г. Дьяченко, чѣмъ роль «Бѣдная невѣста»; для комиковъ — роли, создаваемые г. Чернышовымъ, чѣмъ роли Большова и Лазаря, Беневоленскаго и Доброворскаго, Вышневаго и Юсова. И благодарно, да и безозавно. Въдѣ благодаря этой высококультурной *высококультурной* русской литературѣ, *такіе* роли

недѣля играть, возложивъ всѣ упованія на суевѣрную будку: вѣдь въ нихъ не простятъ незванія вожаку даже и такому огромному дарованію какъ г. Самойловъ, не простятъ, даже и признавая его огромность! Тутъ обдуманность, изученіе потребуется, а изъ чего спрашивается хлопотать? Вѣдь мало ль что вретъ, со временъ Бѣлинскаго, эта такъ называемая русская литература, которая и въ театрѣ даже рѣдко ходитъ!

б) Въ русской оперѣ считается семь теноровъ, три bassi profondi, нѣсколько баритоновъ, несчетное количество пѣвицъ, а пѣть у насъ должно-быть можно только всего шесть оперъ, да одну оперетку. («Жизнь за царя», «Жидовка» и «Фенелла» (г. Сѣтовъ), «Страделла (г. Никольскій), «Марта» (г. Сѣтовъ) и «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова), «Аскольдова могила» (г. Булаховъ). Разъ даже, говорятъ, при семи тенорахъ не нашли кѣмъ замѣнить одного заболѣвшаго, и не знали что дать. «Гугеноты» даны всего одинъ разъ, хотя въ нихъ, по мудрымъ соображеніямъ публики, т. е. разныхъ Павловъ Степановичей вмѣсто г-жи Валентины Біанки, которую ожидала слышать масса, пѣла пѣвица не ей чета — г-жа Лаврова-Спекки.

Вотъ главные выводы, къ которымъ приводятъ статистическіе факты. Печальны или веселы эти выводы — пусть судятъ читатели.

Позвольте спросить васъ, милостивые государи — фантастическіе или нефантастическіе члены разныхъ къ сожалѣнію нефантастическихъ комитетовъ, какъ по вашему разумѣнію — театр ли существуетъ для публики, или публика для театра?.. Знаемъ, что вы на этотъ вопросъ намъ не отвѣтите прямо: мы читали, какъ защищалъ васъ потребностью сборовъ г. Театринъ. Резонъ, единственный резонъ, на который вы обопретесь, будетъ хоть, что хваленныя дескать вами пьесы Гоголя и Островскаго играются, передъ пустымъ театромъ, а въ «Новгородцевъ» и въ новыя вещи г. Дьяченко народъ, что говорится, ломится; что изъ возобновленныхъ безсмыслицъ штука вродѣ Ермака — тоже сборы большіе даетъ.

Но вѣдь какже ставятся пьесы Гоголя и Островскаго? вотъ въ чемъ вопросъ, вопросъ, на который вы ни гугу, и на который поэтому приходится отвѣчать намъ.

Оставимъ на время Гоголя, потомучто и театръ на это время оставилъ въ покоѣ великаго покойника; неправда ли, каламбуръ нашъ сорветъ улыбку одобренія съ устъ вашей публики, то-есть

Павловъ Степановичей и пр.: въ одной его пьесы втеченіе цѣлаго мѣсяца не было дано, а фантастическій комитетъ все пльз изъ «Роберта»:

Дыче... Дыче... Дычениѣ предоставитъ
Мы пу... мы ну... ны публику пльвять.

Займемся постановкой пьесъ Островскаго. Вы вѣроятно для очищенія совѣсти скажете, что втеченіи этого мѣсяца дано было пять пьесъ его и одна даже возобновлена (Не сошлась характерами). Точно, вотъ передъ вами пять афишъ, напоминающихъ намъ о томъ, что мы, по обязанности и по сердечному влеченію, были въ театрѣ.

23 октября на александринскомъ театрѣ шла: «Бѣдность не порокъ». Не говоримъ уже о томъ, что высокое созданіе народнаго поэта осквернено сопоставленіемъ съ нимъ пошлости г. Григорьева 1-го: «Зачѣмъ нвые люди женятся» и невыносимымъ для всякаго порядочнаго человѣка «Водевиль съ переодѣваньемъ» г. Куликова; мы этихъ гадостей и не видали въ этотъ разъ, но какъ обставлена комедія: Любимъ — г. Бурдинъ, который только краткое время могъ

Пу... пу... публику пльвять

подражаніемъ манеръ Садовскаго, пока самъ Садовскій не прѣхалъ въ Петербургъ, г. Бурдинъ, въ которомъ прежде всего нѣтъ искренности игры, и котораго драматическіе порывы просто непереносимы для всякаго уха неиспорченнаго фальшивыми тонами. Г. Бурдинъ въ Любимѣ Торцовѣ, когда въ этой роли мы видѣли и Садовскаго, и Самойлова, и Васильева 2, который въ ней чуть ли не выше того и другого... А вѣдь Любимъ Торцовъ одинъ изъ весьма немногихъ трагическихъ образовъ, созданныхъ нашими художниками, одно изъ великихъ откровеній нашей народной сущности... Не забыть намъ никогда ни той пьяной улыбки, съ которою г. Васильевъ 2 общается «сдѣлать штуку съ братомъ», ни болѣзненныхъ, судорожныхъ кривляній г. Самойлова, ни просвѣтленія Садовскаго въ концѣ третьяго акта, а насъ угощаютъ г. Бурдинъ!

Любовь Гордѣевна — поэтическая образъ русской дѣвушки въ первой порѣ ея развитія; съ глубокою впечатлительностью души, съ милой граціозностью и шаловливостью, съ гордостью хозяйской дочери («Ты смотри, не смѣй теперь смотрѣть!») съ полудѣтскимъ лукавствомъ (только что пальцы замарала!) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ вѣжною страстностью, вѣдь это роль для первостепенной артистки, а ее играетъ г-жа Струйская.

Анна Ивановна — одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, созданныхъ нашимъ народнымъ поэтомъ, торжество такой артистки, какова г-жа Косицкая; заѣсъ г-жа Воронова, недурная иногда въ свахахъ Островскаго, но положительно неспособная выразить блестящую, размашистую и вмѣстѣ поэтическую, и увлекающуюся, и способную увлечь натуру Анны Ивановны. Удивительно ли, что у г-жъ Струйской и Вороновой пропадаютъ всѣ тонкіе, поэтическіе оттѣнки, вродѣ сцены, въ началѣ второго дѣйствія, когда онѣ ходятъ обнявшись въ потемочкахъ и говорятъ о любви.

Митя — г. Пронскій. Онъ не хуже и не лучше всѣхъ господъ, которыхъ мы видали въ Митѣ, но вѣдь изъ этого ничего не слѣдуетъ. Неужели же нѣтъ актера, который бы сыгралъ Митю безъ фальшивыхъ, сентиментальныхъ нотъ. Что бы напримѣръ г. Горбунову, у котораго всегда такъ вѣренъ *тонъ* въ пьесахъ Островскаго, попробовать свои силы надъ Митей.

Коршунувъ, котораго игралъ Щепкинъ (Щепкинъ, милостивые государи!) — г. Шемаевъ... Коментаріи не нужны.

Гуслинъ — г. Озеровъ. Да вѣдь въ этой роли, хоть и маленькой, но трудной, — первое дѣло, надо вѣрный тонъ имѣть, второе дѣло — надобно пѣть хорошо. Вѣдь этою *маленькою* ролькой въ Москвѣ создалъ свою репутацию актера пѣвецъ Климовскій!

Разлюляевъ — г. Марковецкій, рутинеръ, давно всѣмъ извѣстный. А это была тоже одна изъ самыхъ блестящихъ ролей г. Васильева 1, нынѣ, къ сожалѣнію друзей искусства, покойника.

Хороши только гг. Зубровъ (Городѣй), г-жа Линская (мать), г-жа Громова (нянька).

О другихъ лицахъ и говорить нечего, просто срамъ! А у Островскаго тутъ все вѣдь лица, живыя лица, съ живымъ, колоритнымъ тономъ.

А зачѣмъ пѣсни поются въ пьесѣ не тѣ, какія слѣдуютъ?.. А зачѣмъ даже свадебные мотивы испорчены?..

И вотъ еще что: г. Самойловъ бросилъ роль Любима; ну, это его воля; хоть это и жаль, но развѣ роль Коршунуова недостойна его таланта?.. Зачтоже это великолѣпно набросанное художникомъ лицо досталось въ жертву г. Шемаеву?

А ноября, на Александринскомъ театрѣ, удостоили чести занимать середину между ерундой г. Погосскаго: «Не по носу табакъ» и чьей-то пошлостью подъ названіемъ: «Чего на свѣтѣ не бываетъ», — вторую часть трилогіи о Бальзаминовѣ: «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (третьей части т. е. женитьбы Бальзаминова, фантастическій комитетъ, какъ извѣстно, неудостоили представленія, яростно вопія, изъ «Роберта»:

**Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставивъ
Иль пьесъ .. или пьесъ на сцену не цускать!**

Обставлена она была много лучше чѣмъ «Бѣдность не порокъ», Г. Горбуновъ игралъ Бальзамина, и въ тонѣ былъ удивительно вѣренъ: странно только, что этому замѣчательно понимающему тонъ артисту, недостаетъ сценической живости, недостаетъ даже апломбу, необходимаго для успѣха, ужь не оттого ли, что онъ мало играетъ? Всѣ остальные лица, хотя артисты кажется и хорошіе (г-жи Громова, Линская) не попали въ тонъ, кромѣ г-жи Вороновой, которая была отлично хороша въ роли свахи. Г-жа Линская въ особенноти не поняла Анфису Даниловну Автрыгину. Г. Степановъ хотѣлъ изъ Устрашимова слѣлать нѣчто напоминающее фамилію этого лица, но вѣдь онъ забылъ, что г. Островскій вовсе не имѣлъ въ виду фигуры съ ярыкомъ на лбу: вышло что-то нелѣпое, какъ суздальскія картинки и дикое какъ герои александринскихъ драмъ.

18 ноября, послѣ «Ермака Тимофенча», и передъ «галантерейностью» г. Куликова (галантерейное, чортъ возьми, обхождение!) «Осенній вечеръ въ деревнѣ», шло «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Учителя Иванова, котораго въ Москвѣ играетъ г. Шумскій, игралъ г. Вороновъ, изображающій обыкновенно разныхъ королей александринскихъ драмъ, артистъ по видимому толковый, но совершенно бездарный. Дочь его, которую въ Москвѣ играетъ артистка съ высокимъ талантомъ, г-жа Васильева, изображала г-жа Надеждина; Аграфену Платоновну, играла и играла превосходно г-жа Линская, но зато въ Андрюшѣ и въ Титѣ Титычѣ, «отличались» г. Шемаевъ (что это, сколько хорошаго и характернаго, отъ Молчалина до Коршунова и Андрюши, отдано ему въ жертву?) и г. Бурдинъ, которому какъ человѣку умному давно бы кажется пора понять, что роли вродѣ Дикова, въ «Грозѣ», и Тита Титыча, вовсе не по его силамъ: въ нихъ нужно искреннее созданіе, а не подражаніе. Захара Захарыча какъ-то казенно и безцвѣтно игралъ г. Зубровъ, и глубоко-задуманный и рельефно очерченный художникомъ типъ Купидоши, погибъ въ игрѣ г. Озерава. Г-жа Воронова, опять прекрасно поняла и передала Наталью Панкратьевну, но у г-жи Громовой, ничего не вышло изъ Ненилы Сидоровны.

Чтожъ это? Вѣрно и роль учителя Иванова считается г. Самойловъ недостойною своей славы?

16 ноября. На Александринскомъ театрѣ дана была «Гроза», единственная пьеса Островскаго, идущая съ ансаблемъ на нашемъ театрѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше чѣмъ въ Мо-

снѣтъ, прои́тъ разу́мѣтся того обстоятельства что тамъ Дикова, играетъ Садовскій, а у насъ прежде провалился въ немъ г. Бурдинъ, а нынѣ «представляетъ» его «нарочно», г. Григорьевъ 1-й, точно также «нарочно» какъ все что онъ ни представляетъ отъ королей и рыцарей до куццовъ. Г. Бурдинъ предпочелъ по временамъ являться въ этой драмѣ въ роли Кабанова, чередуясь съ г. Васильевымъ 2 и должно быть онъ признается актеромъ аристократическимъ, а г. Васильевъ 2-й, влюбскимъ, ибо въ прошлый разъ, когда давали «Грозу», на Маринскомъ театрѣ, Кабанова изображалъ онъ. А вѣдь г. Васильевъ 2-й, въ этой роли равенъ, шутка сказать, и покойному Мартынову и покойному брату своему, играя ее впрочемъ совершенно самостоятельно. О г-жѣ Ливской, Свѣтковой 3-й, о г. Горбуновѣ мы не считаемъ нужнымъ говорить; мы на похвалы скупы до времени. Г. Малышевъ самый сносный Борсь, какого мы видѣли, но г. Шемаевъ (опять г. Шемаевъ, ужасное божество, пожирающее страшное количество жертвоприношеній) уничтожаетъ вѣчное звѣно драмы, — Кулигина.

За «Грозою» послѣдовала картинка съ натуры, (съ какой это натуры?) и волевалъ г. Ермолова «Волшебная флейта...» Положимъ, что таковъ обычай, но

Зачѣмъ не уничтожить намъ такой дурной обычай
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшашцемъ другихъ...

20 ноября *ibidem*, т. е. въ Александринскомъ возобновили комедію Островскаго, «Не сошлись характерами», сунувши ее между «Парашей сибирячкой», и «Женщинами гвардейцами». Горестное представленіе, гдѣ главное лицо Поля, господина съ претензіями на большой свѣтъ, игралъ опять-таки всепожирающій идолъ, г. Шемаевъ, а знатную барыню, мать его, г-жа Сабурова 2, и гдѣ истинно хороши и вѣренъ тону только кучеръ куица Толстого-раздова, г. Горбуновъ.

Чтоже мудренаго, что такимъ образомъ обстановленныя произведенія нашего народнаго драматурга не приносятъ сборовъ. Вы, по здравому разуму полагаете иля въ театрѣ видѣть въ Ивановѣ г. Самойлова, или въ Полѣ г. Нильскаго, а на дѣлѣ выходятъ, что играютъ гг. Вороновъ, и Шемаевъ, ждете въ «Любимѣ» г. Васильева 2, а должны улаждаться г. Бурдиннымъ!

«Да чтоже вы все старую пѣсню поете, могутъ обратиться къ намъ читатели. Островскій, да постановка пьесъ Островскаго, а объ новомъ ничего не говорите».

«О чемъ же принажете, милостивые государи? О «Новогородцахъ въ Ревелѣ?» Мы говоримъ съ вами о театрѣ; а не о масленич-

ныхъ представленийъ на адмиралтейской площади... О произведеніяхъ г. Дьяченко? Мы не хотимъ

пу... пу... публику плѣнять.

А кстати, приводя часто этотъ взглядъ и вообще хоръ фантастическаго комитета, мы совѣтъ и забыли спросить васъ, читали ли вы въ «Гудкѣ» весьма ядовитыя и злыя, и — что очень рѣдко въ произведеніяхъ нашей обличительной литературы — вполне остроумныя сцены, въ которыхъ какой-то фантастическій Репертуаръ испытываетъ всю тяжесть «благодѣтельной гласности» и сѣтуеть о конечной погибелѣ общественнаго и нравственнаго порядка, совокупно съ глазами «общества умственнаго паралича»... Право, преувеличенныя сцены — и мы отъ души совѣтуемъ вамъ прочесть ихъ. Незнакомый авторъ выказалъ въ нихъ гораздо больше комическаго дарованія, чѣмъ всѣ привилегированныя драматурги Александринскаго театра, азатые вѣсть, отъ г. Н. Потѣхина до г. Дьяченко включительно.

Животрепещущею, волнующею, даже сценическою новостью была въ послѣдніе дни комедія г. Ф. Устрялова: «Слово и дѣло». Театръ полонъ до сихъ поръ во всѣ ея представленія. Рукоплещуть ей навсильнѣйшимъ образомъ и рукоплещеть не та публика, которую плѣняетъ г. Дьяченко. Молодость ей рукоплещеть, молодость, составляющая для насъ какъ и для всѣхъ порядочныхъ людей — предметъ любви и уваженія, несмотря на ея способность увлекаться или пожалуй за эту самую, святую способность увлекаться — благородная, искренно чувствующая и еще искреннѣе выражающая свои чувства, молодость.

Но она не самой комедіи рукоплещеть, а задней мысли, которая подложена самимъ авторомъ или лучше современнымъ вѣніемъ надъ комедіею — она видитъ въ ней поправку тургеневской якобы ошибки, изображеніе Базарова, отпоръ того, что называется нигилизмомъ.

Герой ея, Вертлевъ, впрочемъ потому только нигилистъ, что на вопросъ о томъ, чѣмъ онъ занимается и какихъ убѣжденій, отвѣчаетъ: «я мыло варю», какъ Базаровъ говоритъ: «я лягушекъ рѣжу». Другого нигилизма въ немъ нѣтъ никакого: напротивъ, онъ идеалистъ, да еще какой! Онъ ради дружбы таитъ въ себѣ сильную страсть къ дѣвушкѣ, которая сама его любитъ, ради дружбы жертвуетъ своей страстью, потомъ въ заключеніе, жертвуетъ этой страстью неизвѣстно чему-то. Другъ его умеръ, и умирая передалъ ему невѣсту. Невѣста влюблена въ него безъ памяти, имѣетъ состояніе, стало-быть не помѣшаетъ ему «мыло варить», и если еще не раз-

вышла до его нигилизма, то «рада стараться» и стало-быть тоже не может помѣшать ему въ жизненныхъ воззрѣніяхъ. Подозрѣваемъ, что авторъ недосказалъ одного весьма важнаго обстоятельства: не пошолъ ли нигилистъ его въ одинъ браконсавистный, до вольнаго мученичества раскольническій толкъ?

Но г. Самойловъ превосходно схватилъ манеры и тонъ тургеневскаго Базарова, и кукольная комедія не только нравится, — увлекаетъ. А все-таки о ней, какъ о ней самой, говорить не стоитъ. Литературно она — плоха, изъ рукъ вонъ, и едвали какой-либо изъ нашихъ журналовъ ее напечатаетъ, а это въ настоящую минуту, какъ хотите, единственное необманчивое мѣрило литературнаго достоинства драматическаго произведенья. Правда, «Отечественныя Записки» напечатали какъ-то комедію г. Н. Потѣхина, но и то вѣроятно не мало калялись. Хорошая вещь можетъ не даваться на сценѣ, чему мы видимъ множество примѣровъ, къ сожалѣнію, благодаря фантастическимъ и нефантастическимъ комитетамъ, но не можетъ не явиться въ которомъ либо изъ признанныхъ авторитетами, журналовъ, по той простой причинѣ, что хорошія вещи имъ самимъ нужны.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Французскія дѣла. — Итальянскія дѣла. —
Последнія извѣстія.

Общее положеніе.

За послѣдній мѣсяцъ важнѣйшее политическое событіе состоитъ въ томъ, что у Гарибальди изъ ноги вынули пулю, и такимъ образомъ его выздоровленіе сдѣлалось возможнымъ, даже вѣроятнымъ. Министерство Ратацца будетъ облегчено въ своей громадной отвѣтственности передъ стравою по крайней-мѣрѣ въ томъ, что народный герой не умретъ вслѣдствіе аспромонтской рааны, которая могла бы весьма худо кончиться. Смерть бывшаго диктатора легла бы на тѣхъ, кто приказалъ подстрѣлить чистѣйшаго представителя итальянской народности.

Во Франціи политическихъ событій никакихъ не было. За немѣнѣемъ новостей, газетчики пробавлялись обсуживаньемъ греческихъ дѣлъ, да предположеніями о томъ, какъ встрѣтятся въ Компьени министръ финансовъ Фульдъ съ королемъ финансовъ Ротшильдомъ, и какъ они будутъ бесѣдовать въ присутствіи императора французовъ о благѣ финансовъ. Но за немѣнѣемъ событій политическихъ, есть двѣ-три черты нравовъ, въ которыхъ проявляются слѣдствія политическихъ вліяній, подъ которыми Франція находится въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ. Изъ этихъ драгоценныхъ чертъ оказывается, что нынѣшнее поколѣвіе французовъ служитъ исключительно денежнымъ интересамъ и дальше денегъ, и помимо денегъ ничего не видитъ и видѣть не хочетъ, и что всего плачевнѣе, кажется потеряло способность видѣть.

Если не въ самой Англіи, то для Англіи произошло важное по-

литическое событіе : валлійскій принцъ, наслѣдникъ великобританскаго престола , встрѣтился въ Килѣ съ своею нареченною невѣстой , дочерью датскаго короля Александрю-Каролиной-Маріей-Шарлоттой-Луизой. Говорятъ , что парламентъ будетъ созванъ въ началѣ или въ половинѣ января. Тогда обстоятельства оживятся и начнутъ по немногу выступать наружу вся накопляющаяся въ ваканціонное время ложь.

Въ Пруссіи , послѣ распущенія палаты министерство стало въ ложное положеніе ; оно нарушило конституцію , прикрываясь конституціонными оговорками ; явилось противорѣчіе между дѣломъ и словами , и необходимо вывертываться посредствомъ изворотовъ , въ которыхъ тоже нѣтъ правды. Депутаціи , снаряженныя и подстроенныя вліятельными лицами , безпрестанно беспокоютъ короля своими выраженіями преданности и своими поздравленіями съ побѣдой надъ конституціей. Король милостиво принимаетъ ихъ. Рѣчи ихъ заранѣе извѣстны начальству. Церемонія происходитъ обыкновенно въ королевскомъ дворцѣ , и такъ-какъ наконецъ скучно становится принимать каждую депутацію порознь , то въ послѣднее время стали пригонять ихъ такъ , чтобы можно было отдѣлаться отъ нѣсколькихъ депутацій разомъ. До послѣдняго времени все шло прекрасно. Но вотъ въ одной изъ депутацій оказался очень честный и очень преданный королю нѣмецъ , который имѣло честностью своею и испортилъ все дѣло. Онъ попросилъ позволенія выразить королю свои чувства вѣрности и преданности и прибавилъ , что эти чувства раздѣляютъ съ нимъ все до одного члены представляющей депутаціи. «Однакоже , сказалъ онъ въ добавокъ : — справедливость требуетъ замѣтить , что подписавшіе адреса составляютъ меньшинство довольно слабое , а страпа вся вообще не раздѣляетъ мнѣній , выраженныхъ въ адресахъ. Стало-быть было бы разумно , въ интересахъ короля и страны , поискать средства ихъ помирить.» Остальные депутаты machten dazu ein dummes Gesicht , какъ говоритъ Гейне , и произошелъ между ними великій скандалъ. Но его величество изволилъ благосклонно выслушать чудака , и безъ его неумѣстной честности зная все это очень хорошо , милостиво поклонился оратору и началъ читать свой отвѣтъ.

Въ Австріи происходятъ попытки сближенія между правительствомъ и Венгріею , или какъ тамъ говорятъ , между имперіей и королевствомъ. Императорское правительство обпароловало для Венгріи прощеніе политическихъ преступленій и ожидало , что подобная мѣра будетъ встрѣчена съ восторгомъ , съ пышными изъ-

явленіями благодарности; но ожиданія не оправдались. Амнистія встрѣчена неблагодарнымъ населеніемъ какъ вѣчто должное, какъ возвратъ несомнѣнно принадлежащаго. Замѣтали даже, что императоръ австрійскій не былъ коронованъ въ качествѣ венгерскаго короля, а между тѣмъ прощеніе обнародовано отъ имени короля, что, стало-быть, не совсѣмъ такъ. Потомъ замѣтили даже, что прощенные политическія преступленія вовсе не считались бы преступленіями, если бы императору угодно было чистосердечно признать венгерскую конституцію во всемъ ея объемѣ, потому что прощены теперь только тѣ, которыхъ все преступленіе состояло въ вѣрности этой конституціи и въ томъ, что они отстаивали права, неоспоримо имъ принадлежащія въ силу конституціи. Стало-быть — не стоитъ благодарности, хотя надо правду сказать, что актъ амнистіи показываетъ, если не откровенное желаніе приблизиться къ конституціи, то покрайней-мѣрѣ кое-что общающее въ будущемъ. Это уже много.

Въ Турціи тоже произошло замѣчательное политическое событіе. Въ теченіи шести мѣсяцевъ во второй уже разъ султанъ испытывалъ отеческія радости; на этотъ разъ третья супруга султана подарила ему принца, который названъ Махмудъ-Джемаль-Эдинъ. Въ теченіи трехъ дней всѣ батареи сухопутныя и морскія, по всему Босфору вплоть до Черваго моря, и всѣ военные корабли производили неутомкаемые салюты во время каждой изъ пяти ежедневныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи новорожденнаго. Всѣ дома официальныхъ людей были надлежащимъ образомъ иллюминированы.

Въ Испаніи объявлено официально, что королева опять находится въ благословенныхъ обстоятельствахъ. Въ церквахъ произведены надлежащія моленія.

Въ Швеціи предложено было измѣненіе конституціи для подведенія шведской уставной грамоты къ одному знаменателю съ англійскою и прусскою; предложено было учредить вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ палатъ: дворянской, духовной, мѣщанской и крестьянской, только двѣ, — верхнюю и нижнюю съ сохраненіемъ нынѣшняго количества членовъ. Но члены всѣхъ четырехъ палатъ, даже дворянской, не согласились на перемѣну и предпочли остаться при нынѣшнихъ своихъ законахъ.

Въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ смѣненъ главнокомандующій Макъ-Клеанъ; оказывается, что онъ командовалъ сѣверными, свободными войсками и постоянно старался дѣйствовать такъ, чтобы какъ можно меньше нанести югу вреда, ни разу не воспользовался побѣдой, останавливался и не шолъ далѣе, когда всѣ

заватки успѣха были на его сторонѣ; а теперь, получивъ отставку, онъ открыто сталъ на сторону рабовладѣльцевъ и уже числится кандидатомъ на будущій выборъ въ президенты, на мѣсто Линкольна. Вотъ съ кого долженъ бы брать примѣръ достопочтенный членъ той депутаціи, который представлялся прусскому королю, не могъ удержаться, чтобы не сказать правды. Въ дѣлахъ политики и дипломатіи, правда никогда до добра не доводитъ.

Французскія дѣла

Мѣсяцъ тому назадъ мы рассказывали о поединкѣ, бывшемъ 22 октября, между молодымъ герцогомъ де-Кадеруссъ-Граммонемъ и молодымъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», г. Дильономъ, который тогда былъ заколотъ наповалъ. 18 ноября назначенъ былъ судъ. Въ отчетахъ о судѣ, какъ водится, газеты съ омерзительною извращенностью рассказываютъ, что стеченіе публики было немнѣжное, благодаря имени и «общественному положенію» обвиняемыхъ, таланту ихъ защитниковъ, всеобщему сочувствію къ жертвѣ, и наконецъ благодаря самому свойству процесса, къ счастью исключительнаго. Обвиняемыхъ пятеро, именно убійца и четверо сокудентовъ. Изъ обвинительнаго акта, составленнаго «со всѣмъ извѣстномъ формѣ», на какое способенъ только нашъ (французскій) языкъ», явствуетъ, что Дильонъ родился въ Англіи, былъ старшимъ сыномъ протестантскаго священника англиканской церкви и внукомъ «леди Аугусты Дильонъ, тетки нынѣшняго маркиза Кларикарда». Стало-быть Дильонъ былъ тоже не какой-нибудь чловѣкъ «средняго рода», какъ говорится у насъ, и ежели былъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», то не по страсти къ стяжанію, а вслѣдствіе самаго пламеннаго призванія. Онъ всегда писалъ о скачкахъ, о лошадяхъ, о большей или меньшей ловкости наѣздниковъ. Онъ обсуживалъ нѣкоторыя затрудненія, возникавшія по поводу скачекъ, и ни въ одной изъ своихъ статей не заходилъ за предѣлы дозволенной критики. Всего любопытнѣе поводъ къ началу ссоры между двумя противниками. Молодой герцогъ не хотѣлъ призвать за однимъ всадникомъ достоинства «джептльмена», сторону котораго держалъ Дильонъ. Потомъ г. Кадеруссъ обидѣлся нѣсколькими журнальными статьями, въ которыхъ мерещилось ему враждебное поддразниванье журналиста. Онъ послалъ редактору «Спорта» письмо, заключавшее въ себѣ оскорбительныя выраженія противъ Дильона, и требовалъ, чтобы редакторъ это письмо напечаталъ. Это

письмо было оскорбительно по формѣ своей, и заключало въ себѣ обидныя выраженія для Дильона; тамъ были нападки на его честность и его честь, и выраженія вообще недопускаемыя. Напримѣръ тамъ было сказано: «Г. Дильонъ не пропускаетъ никакого случая дѣлать замѣчанія, всегда неблагопріятныя, когда они касаются свѣтскихъ людей и всегда невѣрныя. Г. Дильонъ лучше всѣхъ знаетъ невѣрность того, что говоритъ.» Далѣе сказано: «Любопытно также, что г. Дильонъ считаетъ себя въ правѣ быть судьей въ названіи *джентльменъ*; но гдѣ же ему было научиться это узнавать?» Редакторъ «Спорта» не напечаталъ письма. Тогда г. де-Кадеруссъ послалъ это письмо въ какой-то брюссельскій журналъ; тамъ письмо напечатали, и экземпляръ журнала былъ доставленъ въ редакцію отъ имени молодого герцога. Нападеніе было прямое, обида кровная и сверхъ того публичная. Какъ? Что? Мы не знаемъ, что такое джентльменъ? Я? да я... И пошолъ Дильонъ къ своему другу, полковнику де-Ноэ, посоветоваться. Эти двѣ умныя головы рѣшили, что ежели молодой герцогъ не отречется публично отъ напечатанныхъ имъ словъ, то требовать удовлетворенія оружіемъ.

Г. де-Кадеруссъ не отрекся, и Дильонъ выбралъ себѣ секундантами полковника де-Ноэ и отставного офицера де-Мюсси; съ своей стороны г. де-Кадеруссъ назначилъ г. Фитцъ-Джемса и г. Толона. Если были сдѣланы попытки примирить противниковъ, то онѣ весьма скоро оказались тщетными: оставалось только назначить часъ и мѣсто встрѣчи, и выбрать оружіе. Дильонъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, никогда не держалъ въ рукахъ рапиры; его свидѣтели считали его обиженнымъ и требовали поединка на пистолетахъ. Но свидѣтели молодого герцога отказали на-отрѣзъ, утверждая, что обиженный — не Дильонъ, а г. де-Кадеруссъ, и выбрали оружіемъ шпагу. Напрасно де-Ноэ представлялъ имъ, какъ тяжка для Дильона обида, напечатанная въ бельгійскомъ журналѣ, напрасно напоминалъ имъ, что Дильонъ неопытенъ, и никогда даже не бывалъ въ фехтовальномъ залѣ, тогда какъ его противникъ былъ хорошимъ фехтовальщикомъ и уже имѣлъ два поединка на шпагахъ. Секунданты герцога отвѣчали, что тѣмъ хуже для него; даемъ ему пять часовъ на размышленіе, и если онъ не рѣшится на шпагу, то мы объявляемъ, что онъ дрянъ, и заставимъ его выгнать изъ всѣхъ *турфовъ* на свѣтъ. Дильонъ въ сосѣдней комнатѣ ожидалъ результата этой конференціи; ему тѣмъ нужнѣе было знать исходъ переговоровъ, что черезъ недѣлю назначена была его свадьба. Ему передали рѣчи секундантовъ и тогда онъ вскричалъ: «Мы нечего думать пять часовъ: они у меня хлѣбъ отнимутъ.»

Лучше смерть, нежели безчестье! Скажите мнѣ, что я принимаю шпагу.»

Встрѣча назначена была на завтра, 22 октября, въ сен-Жерменскомъ лѣсу. Полковникъ де-Ноэ хотѣлъ дать своему другу хоть какое-нибудь понятіе о фехтованьи, и повезъ его къ учителю фехтованья, который и опредѣлялъ, что онъ вполнѣ неопытенъ въ дѣлѣ. На другой день произошла встрѣча. Дрались не болѣе двухъ секундъ; со второго раза Дильонъ былъ зарѣзанъ на-повалъ.

Молодой герцогъ уѣхалъ въ Бельгію, но по требованію суда явился. Газеты съ большою заботливостью замѣчаютъ, что г. де-Кадеруссъ одѣтъ весьма элегантно въ черномъ фракѣ и въ свѣтлыхъ перчаткахъ сѣровато-перлового цвѣта. Онъ сказалъ, что выбралъ шпагу, а не пистолеть, очень просто потому, что онъ былъ вызванъ Дильономъ и имѣлъ право выбирать оружіе, а ежели что толкуютъ о его фехтовальномъ искусствѣ, то это пустяки; онъ ввѣлъ всего только какой-нибудь десятокъ уроковъ, и ежели передъ тѣмъ дрался на дуэли, то все-таки до крайности неопытенъ. На вопросъ императорскаго прокурора, какъ же это случилось, что его поединокъ съ г. де-ла-Рокка продолжался весьма долго, обвиняемый сказалъ, будто до встрѣчи съ де-ла-Рокка онъ никогда не имѣлъ въ рукахъ шпаги, а дуэль продолжалась долго потому, что они во время боя семь разъ отдыхали.

Показаніе полковника де-Ноэ, по мнѣнію газетъ, отличалось совершенною военною откровенностью. «Я не былъ знакомъ съ г. Дильономъ, разъ только встрѣтилъ я его на желѣзной дорогѣ. Когда я имѣлъ честь служить въ военной службѣ, то адресуйся ко мнѣ простой солдатъ съ просьбой быть его секундантомъ, я не могъ бы отказать. Дильонъ обратился ко мнѣ какъ журналистъ; я тоже журналистъ; онъ хотѣлъ меня взять секундантомъ. Я прочелъ статью герцога де-Кадерусса, и говорю Дильону: Вы знаете, что я военный. Принимая роль, которую вы мнѣ поручаете, я постараюсь вообразить себя на вашемъ мѣстѣ, а вы представьте себя на моемъ. Хотите вы отступить, или нѣтъ? Дильонъ сказалъ, что нѣтъ, не отступить. Ну и рѣшили, что будутъ драться. Дильонъ былъ слезъ въ пистолеть. Признаться, я предпочелъ бы это оружіе, потому что ежели Дильонъ очутился подъ моимъ покровительствомъ, то уже ему и слѣдовало убить или ранить г. де-Кадерусса. Однако тѣ пистолета не захотѣли. Дильонъ былъ не въ своей тарелкѣ. Я ему и говорю: «Да вѣдь вы, несчастный, не умѣете шпаги держать въ рукахъ; вы хотите драться на пистолетахъ; да это страшное оружіе, тогда какъ человекъ съ сердцемъ, шпагой можетъ защищаться противъ кого угодно.» Дильонъ и говорить: «Чтобы вы слѣ-

дали на моемъ мѣстѣ?» Я и говорю, что вѣдь я военный, а у насъ въ арміи на это есть свои правила. Дильонъ говоритъ: Полковникъ, говорите, не покидайте меня, я рѣшился на шпагу. Цошоль я къ нимъ и объявлялъ, что мы шпагу принимаемъ. И говорю: можноли мнѣ сводить Дильона къ фехтовальному учителю, такъ какъ онъ никогда не бралъ шпаги въ руки. Они и говорятъ, что пусть его учится сколько хочетъ до завтра. Тогда я повезъ его къ Понсу, фехтовальному учителю. Узнавши, что дѣло идетъ о дуэли, Понсъ мнѣ сказалъ, что, говорить, г. де-Кадеруссъ мой ученикъ, такъ мнѣ нельзя давать уроки его противнику. Поѣхали къ Гатшеру. Дильонъ взялъ урокъ у Гатшера—отца и два урока у Гатшера—сына. Гатшеръ, человекъ искусный, объяснилъ, что фехтованье въ залѣ и фехтованье на поединкѣ — разница, и доказалъ, что съ двумя, съ тремя уроками, Дильонъ могъ и долженъ былъ отлично убить г. де-Кадерусса. Гатшеръ научилъ, или старался научить Дильона, что такое тьерсъ и картъ, но бѣднякъ ничего не понималъ. Гатшеръ однако доказалъ ему, что лучше ему начинать съ тьерса, чѣмъ съ карта. Гатшеръ и говоритъ мнѣ передъ поединкомъ: «Вы, говорите, ѣдете, полковникъ; эти господа должны васъ уважать; поэтому вы постарайтесь поставить вашего господина въ тьерсъ, а если онъ станетъ въ картъ, то пропалъ.» Я сказалъ, что постараюсь. Приѣхали мы въ сен-Жерменскій лѣсъ. Я говорю Дильону: Помните же уроки Гатшера; на мѣстѣ я вамъ слѣлаю знакъ, когда хорошо станете на линію. Въ самомъ дѣлѣ, я пристально смотрѣлъ на Дильона, по уговору. Можетъ быть я поступалъ не хорошо, но думаю себѣ: Чтоже? они ничего не видятъ, тѣмъ хуже для нихъ. И говорю Дильону: Помните же свое дѣло: начинайте съ тьерса, потомъ увернетесь; Кадеруссъ кинется на васъ и вы его посадите на шпагу, какъ на вертелъ куропатку. Сначала Дильонъ и послушался моего совѣта, но потомъ хотѣлъ парировать. Г. де-Кадеруссу стоило только протянуть руку, и Дильонъ упалъ мертвый. А вѣдь непременно хотѣлъ драться.»

Пропуская всѣ прочія показанія, замѣтимъ только, что императорскій прокуроръ напомнилъ о *правилахъ* поединка, по которымъ оскорбленный имѣетъ право выбирать оружіе. Адвокатъ обвиняемыхъ цитировалъ разныхъ авторовъ, писавшихъ о дуэли. Вотъ что говоритъ Гизо: «Французскіе нравы — рыцарскіе и влѣгантные. Они замѣнили убійство поединкомъ. Когда совершено покушеніе на честь мужчины или женщины, необходимо удовлетвореніе. Варвары мстятъ посредствомъ засады и убиваютъ изъ-за угла; у французовъ на это имѣется дуэль. Напрасно станете вы писать законы противъ поединка: люди съ сердцемъ будутъ надъ ними смѣяться.»

Вотъ что говорилъ Дюпенъ въ 1837 году: «Совѣсть присяжныхъ знаетъ тайны, которыхъ никто не можетъ проникнуть. Они отвѣчаютъ только передъ Богомъ и странюю. Всегда такъ будетъ въ приговорахъ присяжныхъ, составленныхъ изъ почтенныхъ гражданъ, и когда они будутъ призваны къ произнесенію приговора вслѣдствіе поединка, всякій внесетъ въ приговоръ строгость, и въ тоже время осмотрительность. При этой системѣ все остается въ порядкѣ. Всякій фактъ, нарушившій нормальный ходъ общества, преслѣдуется. Отчетъ о поединкѣ, повлекшемъ за собою смерть или рану гражданина, является въ публику не черезъ газеты, всегда слишкомъ краснорѣчивыя по поводу всякаго рода поединка, но онъ проходитъ сквозь строгое разсмотрѣніе суда, сквозь судъ страны; даже въ случаѣ признанія невинности, по крайней-мѣрѣ воздается должное закону, нравственности и справедливости.»

Присяжные объявили, что ни убійца, ни его свидѣтели, ни свидѣтели Дильона не виноваты.

Но вопіющее безобразіе, мерзостная безнравственность всего дѣла кидается въ глаза. Чтобы герцогу де-Каде руссъ-Граммону не стыдно было, если онъ убьетъ какого-нибудь человѣка средняго рода, услужливыя газеты отыскиваютъ у покойника бабушку, леди Августу Дильонъ, стало-быть убитый есть почти родной племянникъ нынѣшняго маркиза Кленриккарда. Далѣе — толкуютъ люди о джентльменствѣ, лѣзутъ на рожонъ за джентльменство. Потомъ уговариваясь касательно убійства, секунданты говорятъ, что *тѣмъ хуже* для Дильона, если онъ не учился рѣзаться, *тѣмъ хуже*, потому что онъ будетъ зарѣзанъ. Потомъ для бѣдняка Дильона, жившаго своимъ трудомъ, дѣйствительно нужно было быть членомъ разныхъ клубовъ, чтобы писать о скачкахъ; но сгорая онъ смѣшалъ кусокъ хлѣба съ выборомъ между смертью и такъ-называемымъ безчестьемъ, если только безчестье — даже въ самомъ дѣлѣ не имѣть понятія о джентльменствѣ. Далѣе, убійца прямо, не краснѣя, лжотъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ, увѣряя будто онъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, когда дрался съ г. де-ла-Рокка, и отдыхалъ семь разъ, тогда какъ вовсе не нужно глубокихъ познаній въ фехтованьѣ, чтобы повясть всю нелѣпость этого. Кто можетъ семь разъ отдыхать, тотъ великій мастеръ убойнаго дѣла; безъ глубокихъ знаній по этой части, и съ обѣихъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ достаточно двухъ секундъ, чтобы наткнуться на шпагу, какъ куропатка на вертелъ. Но верхъ совершенства тутъ полковникъ де-Ноэ. Онъ не сдѣлалъ ни одного шагу, чтобы помирить противниковъ; напротивъ, онъ раздувалъ въ Дильонѣ желаніе драться, увѣряя его, что хоть онъ и не умѣетъ держать шпаги въ рукахъ, но человѣкъ

съ сердцемъ шпагою можетъ защищаться противъ кого угодно. Потому онъ же во время драки, когда все вниманіе человѣка должно быть всецѣло устремлено на конецъ шпаги своего противника, отвлекаетъ его какими-то знаками. Хорошъ тоже императорскій прокуроръ, который толкуетъ о законахъ поединка. Если въ судѣ можно толковать о законахъ такой вещи, какъ поединокъ, то уже держаться ихъ строго и преслѣдовать ихъ нарушеніе. Если въ самомъ дѣлѣ законъ въ этомъ случаѣ таковъ, что оружіе долженъ выбирать оскорбленный (и если оскорбленіе было), то молодой герцогъ есть обыкновенный убійца, но только гораздо хуже разбойника, который рѣжетъ по большимъ дорогамъ. И въ такомъ случаѣ поединокъ есть призванное установленіе съ опредѣленными законами. Оправдательный приговоръ произнесенъ присяжными именно вслѣдствіе того, что они несомнѣнно признаютъ поединокъ правильнымъ учрежденіемъ, но покривили душою ради того, что г. Кадеруссъ-Грамонъ все-таки, кто что ни говори, а герцогъ, и потомъ ловкій адвокатъ напомнилъ имъ, что и по мнѣнію важнаго, суроваго Гизо, у французовъ нравы рыцарскіе и элегантные. Такъ какъ же не оправдать людей, которые убійствомъ доказываютъ и элегантность и рыцарство французскихъ нравовъ.

Но хорошо, пусть такъ, допустимъ рыцарство, допустимъ элегантность, допустимъ все это въ серьезномъ смыслѣ. Черезъ недѣлю новый судъ: мать зарѣзаннаго Дильона требуетъ себѣ пожизненной пенсіи отъ богача герцога, элегантно убившаго ея сына. Мать зарѣзаннаго, бѣдная вдова, старуха, промышлявшая кое-какъ уроками англійскаго языка и получавшая пособіе отъ сына, теряетъ уже и способность и возможность продолжать жить своимъ трудомъ. Ктоже ее поддержитъ? Казалось бы; что рыцарство и элегантность не станутъ торговаться о грошахъ. Да, матушка, имѣлъ я несчастье убить твоего сына (элегантность требуетъ, чтобы убійца жалѣлъ о своей жертвѣ); судьба рыцарскаго поединка рѣшила такъ, что я сына у тебя отнял. Замѣнить его я не могу, такъ вотъ покрайней-мѣрѣ тѣ деньги, которыя онъ могъ тебѣ давать, только не ропщи на меня, что мнѣ привелось убить твоего сына по правиламъ элегантнаго рыцарства. Вотъ тебѣ на похороны моей жертвы, и вотъ половина моего состоянія.

Но нѣтъ. Только что рѣчь коснулась денегъ, выдачи, какъ пропали и элегантность и рыцарство. У меня денегъ нѣтъ, я самъ бѣдный человѣкъ, перебиваюсь кое-какъ, день да ночь и сутки прочь, кругомъ долженъ. Нашлись даже искусные адвокаты, которые посредствомъ пышныхъ фразъ старались замаять дѣло. Какъ? Неужели мать станетъ спекулировать кровью своего сына? Неужели

она рѣшается взять въ руки за свое шествіе и позволить утѣнить себе лезвиемъ? Мотера была, такая громадная, невообразимая шефля мотера, что у неся не хватить духу предложить ей какому либо въ быломъ сумму, какъ бы она велика или какъ бы мала она была. Чтобы отогнать свои гроши, рѣшилась эмансипировать не поспѣвая раскопать частную, домашнюю жизнь покойнаго Диллонга. Въ судѣ подробно перечислено было сколько заработала Диллонгъ, сколько получала за статьи, какъ ему выдавалось дешифровать франковъ суточныхъ денегъ, кромѣ путевыхъ издержекъ, когда она должна была ѣхать куда-нибудь въ Шриана на свѣчки; раскопано, что она имѣла прекрасную жизнь, что у неся была незаконная связь, вывела невѣроятныя сплетни, устранила, будто она мотера никогда ничего не дала, и потому она имѣла право ничего требовать. Кѣмъ же она была такъ велика, мотера такъ громадна, что ее невозможно ни вознаградить, ни даже въ сколько утѣнить. Клянясь багъ ты былъ дьяволомъ! Да сверхъ того она далеко перевернула, хоть правда, она это и говоритъ; хотѣ бы, сомнѣваясь и неспрашивая дурно, а приличномъ шену званію, но почему она багъ ты была, герцогу нельзя же жить такъ, какъ имѣлъ покойный Диллонгъ, хотя можетъ быть она и заработала своихъ статей около десяти или пятнадцати тысячъ франковъ. Если дико она и величина какой-то (сейчасъ воли на кисель) вывѣдалому англійскому маркизу Кларенарду, единю титулъ герцога для чести и для славы Франціи нельзя считать совершенно ничтожною вещью. Говоритъ еще, что у покойнаго остался единственный какой-то братъ, за котораго она будто бы цѣплятъ въ лѣвъ ушамишонныхъ, такъ въ дѣло ли чего? А деньги счетъ дѣлать...

Но все это было бы не бѣда. Мало ли какия бывають рѣшенія судовъ и приговоры многообразныхъ инстанцій; но нельзя же въ нихъ мнѣнить все общество; нельзя дѣлать изъ нихъ никакого заключенія о цѣломъ обществѣ, когда имѣется хоть какой-нибудь протестъ. Но протестъ оправдательнаго приговора убійцы, молодому герцогу, никто не протестовалъ ни въ какой формѣ, ни въ газетѣ; ни лично, и все общество, напротивъ, замѣчательно добродѣльно и судомъ, и защитой, и свѣтлыми сѣрвато-перловыми перчатками молодого герцога и даже тѣмъ, что она сначала бѣжала въ Бельгійю, чтобы не сидѣть въ тюрьмѣ до суда, и утѣшаясь своимъ адвокатомъ, что по первому требованію она будетъ въ распоряженіи суда. А по поводу другого процесса, по поводу некоего Диллонга, матери убитаго, замѣчается отвратительное молчаніе, по отношенію къ сущности дѣла (такъ какъ не-

того и толковать, что деньги считать любовь), в сущности там же является глумливый поворотъ передъ той или другой левое съвернутой и въ самомъ дѣлѣ элегантной фразой адвоката. Само собой разумѣется, что отъ подобнаго общества съ такою вышестностию, съ такими воззрѣніями, Европа не будетъ ждать ничего до тѣхъ поръ, пока оно не слѣдуетъ намеканію усилій, чтобы переродиться, отрешиться отъ условій, которые выносили его съ архаичной мудрости передоваго общества туда, куда за нимъ никто слѣдовать не захочетъ.

Чужие касаются до другой: условныя жизни французскаго народа, до *gléige militaire*, не дѣла идутъ пропастью. Мокеннавоши экспедиція вопонидею, число войскъ доведено въ Моконгѣ до тридцати или тридцати-шести тысячъ человекъ, шажушнхъ фел, какъ доносатъ терроніе начальники. Маленькія неспрѣтнати ерадѣ урагаче, распространяшаго весь фактъ и погубившаго: напачкомъ-то разбитомъ кораблѣ сколько-то севъ человекъ, предѣ вѣсна, отъ котораго перемерло тоже сколько-то севъ, пер это не счтывался. Главное дѣло въ томъ, что воинская слава преслѣтъ въ Америкѣ, какъ она прогрессивна, малево не подлѣтъ хвѣрней. Итѣмъ и на рѣднцвѣтъ Кошишкины. Кланъ полка для Франціи етъ сѣвѣтъ этикъ потерѣ, стрѣлашій и смертей, ништо разумѣется не думаетъ. Раздѣлѣлся бы громъ: вѣбѣтъ, чувствѣвался бы лѣ вѣздуѣ марокелой дѣмъ: да была бы доцелью: блггеладекны биржевыя дурѣ, и ядерный народъ въ мѣрѣ совершенно аматгавѣтъ: Огъ не станеть обращеть вниманія на мелочи, которые вѣдѣтъ, во вселой другой странѣ иумдѣ бы все образованное общество; онъ будетъ смотрѣтъ какъ на обыкновенную мѣру личности, на абсолютство, обозначающее вѣчто совершенно другое. На дняхъ объявленъ бѣтъ стрѣжайшій выговоръ начальству одному марокелому ейтѣнтату за то, что онъ напечаталъ въ какомъ-то периодическомъ изданіи статью о дохидивской экспедиціи «безъ разрѣшенія министра». Стада-быть рѣшьтуть же о томъ, какъ онъ смотрѣтъ, на эту амеліцію: находить ли ее: хороню или дурною, находить ли онъ полезныѣ придобрѣтеніе новой колоніи для Франціи, которая некогда не умѣла колонизировать, или находить подобную трату людей и денегъ вовсе ненужною. Дѣло идетъ дольда о томъ, какъ человекъ, находясь на службѣ, рѣшился напечатать статью безъ разрѣшенія его превосходительства господина министра.

Но чѣмъ же наполняются, чѣмъ пробавляются горемычныя французскія газеты? Большою частью толкують объ австралийскъ дѣлахъ, сажаютъ королей на упраздненный греческій престолъ, толкують о томъ, что скоро земля съедетъ на луну и раздавить та-

днѣмъ обнародованъ дѣла надъ нось, то есть развѣдать и размазываютъ предположеніе о томъ, какъ Италия примирится съ парой; а въ зѣлахъ внутренней политики серьезно обсуждаютъ вопросъ о томъ, кто вотъ скоро Эмиль де Жирардевъ, придавшій столько блеску газетѣ «Fraser», снова будетъ принимать участіе въ редакціонаніи этой газеты, а что Constitutionnel вѣбралъ свой политическій отдѣлъ Огюсту Шевалье, депутату. «Въ движеніи нашего вѣка печать призвана къ великой роли; она можетъ потворить наступленіе этой эры плодотворной свободы, которую призываетъ она дѣлами своими желаніями, но это только съ условіемъ, чтобы она не была «смутнымъ вихремъ», въ чемъ упрекаетъ ее г. де-Жирардени, ни стремилась бы сдѣлаться «властью», какъ она подлинному, того ей желаетъ. Пусть она упражняетъ свое вліяніе въ истинѣ, въ добрѣ и въ прекрасномъ; пусть она будетъ суровымъ и честнымъ, провозвѣстникомъ истинныхъ и дѣйствительно прогрессивныхъ идей; только такимъ образомъ она снова получитъ то вліяніе и ту власть, которыя ослабѣли въ послѣднее время вследствие политическихъ и нравственныхъ беспорядковъ». Это говорить знаменитая газета «La France», офиціальный органъ правительства.

И французы читаютъ, да похваляютъ. Вотъ чѣмъ должна быть печать! Это мы открыли, и честь этого открытія, какъ впрочемъ и всѣхъ другихъ, принадлежитъ нашему отечеству, великой Франціи.

Итальянскія дѣла

Министерство подало въ отставку. До послѣдняго времени оно вѣдало, что король согласится распустить палату представителей народныхъ и восторжествуетъ политика покорности передъ волею императора Наполеона. Однако распустить не рѣшились. При нынѣшнемъ воженіи умовъ въ Италиа, распушеніе могло бы дѣлать весьма вредное вліяніе, и результаты новыхъ выборовъ были бы весьма сомнительны. Теперь еще есть возможность управлять при содѣйствіи палаты, которая съ голоса Гарибальди сама провозгласила соединеніе Италиа въ одно королевство подъ скипетромъ Виктора Эмануила. Нынѣшняя палата и выбиралась подъ вліяніемъ всеобщаго восторга и мысли о соединеніи. Но теперь восторгъ охладился, инициатива, само министерство Ратацци позаботилось объ этомъ охлажденіи, подстрѣливъ восторгъ при Аспромонте. Но по крайней мѣрѣ нынѣшніе депутаты, если безъ энтузіазма, то хотя

изъ одного желанія остаться вѣрными себѣ, будутъ вѣрно держаться мысли о единствѣ. А новая палата, выбранная подъ вліяніемъ безчисленнаго множества возбужденныхъ неудовольствій, можетъ уже далеко не такъ упорно слѣдовать этой мысли; даже, кто знаетъ? можетъ отнестись къ ней скептически; и тогда чтоже будетъ съ единствомъ?

Изъ нынѣшнихъ преній въ палатѣ итальянскихъ депутатовъ оказывается, что страна именно держится той программы, которой держался Гарибальди, что стало-быть при Аспронотѣ министерство Ратацци одержало побѣду надъ странюю. Но въ государствѣ съ правленіемъ представительнымъ, съ конституціей или уставною грамотой такое торжество не можетъ быть продолжительнѣе. Надо, чтобы кто-нибудь уступилъ: или палата, которая можетъ быть невѣрнымъ представленіемъ страны, или министерство, которое можетъ быть въ противорѣчій со странюю. На этотъ разъ уступило министерство. Для дѣла Италия это несомнѣнно однако счастливо. Новое министерство при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ можетъ все-таки не имѣть ясно-опредѣленнаго характера, можетъ быть чисто только административнымъ, какъ и можно догадываться по *спрошаннымъ* именамъ новаго министерства. Предсѣвателемъ министровъ будетъ, говорятъ, Пазоллини, онъ же и министръ иностранныхъ дѣлъ; финансы — Мингетти; внутренніе дѣла — Перуцци. Въ случаѣ обращенія къ странѣ, то-есть распушенія палаты и выбора новыхъ депутатовъ, г. Ратацци конечно удержаться бы не могъ, потому что если большинство палаты противъ него, то страна еще болѣе противъ, такъ какъ онъ далеко не пользуется популярностью. Но зато новые выборы яснѣе нынѣшнихъ преній показали бы истинныя желанія страны, стремленія опредѣлялись бы гораздо точнѣе; стало-быть каждый шагъ будущаго министерства былъ бы тверже, устойчивѣе, каждое предпріятіе находило бы больше сочувствія.

Нѣкоторыя газеты стараются придать нѣто трогательный, нѣто величавый видъ положенію предсѣвателя министровъ, г. Ратацци, который борется одинъ противъ цѣлой палаты. Но если что тутъ трогательно, то ужь конечно не положеніе президента; а страны, которая такъ долго была подъ управленіемъ человека, не понимавшаго истинныхъ ея потребностей, ея стремленій. Министерство вполне заслужило упреки въ томъ, что не посоветовавшись съ палатою объявило южныя провинціи въ осажденномъ положеніи. Съ этимъ почти согласны и самые приверженцы министерства: да и много накопилось за все время разныхъ промаховъ. Особенно невыгоденъ былъ для министерства арестъ въ Неаполѣ трехъ деу-

татствъ, Моралии, Кольшино и Фабрици. Первый изъ нихъ оказалъ по этому поводу блестящую рѣчь.

— Мнѣ весьма непріятно, сказалъ онъ: — говорить о вѣрности личности, возмущаемъ меня и моихъ достопочтенныхъ друзей Кольшино и Фабрици. Но дѣлать нечего. Постараюсь говорить спокойно, какъ слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ. Дичаго неудовольствія у меня нѣтъ; но все-таки дѣло далеко непріятное, потому что тутъ было поправо право. Мнѣ не трудно впрочемъ одолѣть свое негодованіе, потому что всякое наше несогласіе за границей дѣлается большимъ удорожаніемъ. Говорятъ, что Асиромонте было трауромъ для народа. Согласенъ; но главное, это было торжествомъ за границей. Наше правительство стремится къ расширенію круга своей дѣятельности и въ оправданіе свое выставляетъ намъ прѣдвѣтръ англійскаго парламента. Но ничего похужаго нѣтъ. Я изучаю исторію Англій и зналъ, что тамъ короли и министры подвергались суду и даже осужденію парламентовъ. Правительство въ Англій уважаетъ власть парламента. Но у насъ иначе: правительство живетъ произволомъ, и какъ только произволъ достигаетъ нѣкоторой степени, то являются воетаріи. Пока наши конституціонныя вѣлности не будутъ обезпечены, всегда намъ будетъ грозить опасность. Бывшая нѣмецкая нагата представляла множество приквѣровъ мудрости и независимости. Напримѣръ одинъ итальянецъ изъ старыхъ провинцій былъ изгнанъ, въ чужихъ земляхъ дрался противъ тирани и вернулся въ Италію въ 1848 году. Цесарь меленія Рима, этотъ итальянецъ ушелъ изъ города цѣль и неарелія и попробовалъ поднять провинціи средней Италіи. Но онъ долженъ былъ отказаться и направился къ городу Лагуна, гдѣ народъ еще сопротивлялся иностранцу. Непріятельскіе корабли на него напали и онъ, вступивъ послѣдній видохъ жены, ушелъ убѣжище къ ардіанскимъ землямъ. Этого человека звали, — нечего и говорить — Гарibaldi. Его арестовали и свезли въ Генуу. Въ одномъ изъ засѣданій парламента прочитано было прошеніе гражданъ Кіовари, которые арестовали противъ ареста Гарibaldi. Министерство утвердило, что Гарibaldi долженъ быть изгнанъ изъ Италіи. Пренія были замѣчательныя; кончилися они постановленіемъ, что арестъ Гарibaldi и его изгнаніе аротивны всякимъ человѣческимъ правамъ. Въ 1862 году произошло арестъ трехъ дѣпутатовъ. Не стану разбираться, было ли на это приказаніе министерства; это мнѣ неважно. Но тотъ же мнѣ министерство насъ не смущало потчасъ же, я значить, оно аринило на себя и всю отвѣтственность, которая падаетъ на генерала де-Мермера и его подчиненныхъ. Пора же наконецъ Италію днать, что аринило и совершилъ не можеть, мѣ-

нать низкими агентамъ несполнять незаконныхъ предписаній. Не-
чего спрашивать, можно ли арестовать депутата иначе, какъ въ томъ
же мѣстѣ преступленія. (Тутъ ораторъ читаетъ во всеобщее вниманіе
статію усмиренной грамоты о неприкосновенности депутатовъ). Но
онъ и его два товарища жили мирно въ Неаполь. Онъ объявляетъ,
что еслибъ у него тогда было оружіе, то онъ сталъ бы защищаться
и прибѣгнуть бы на дѣль-правило, что всякій можетъ защищаться
противъ самоволія и насилія. Далѣе онъ доказываетъ примѣрами
Англіи и Франціи, что король ни подѣлываетъ предлогомъ не
имѣть права нарушать или отмѣнять конституціонныя вольности.
Когда еще не было единія Италіи, а была только Пьемонтъ; въ
1852 году объявлено было осадное положеніе въ городѣ Сассари.
Палата возстала. Произошли бурныя пренія. Тогдашній министръ
внутреннихъ дѣлъ Пернати выстѣпъ съ г. Ратадди утверждая, что
осадное положеніе прекращаетъ всѣ конституціонныя вольности.
То было еще въ Пьемонтѣ. Но Италія, соединяясь, искала увеличе-
нія, а не ограниченія своихъ вольностей. Къ тому же въ южныя
провинціи исполнительная власть была достаточно вооружена,
такъ что не имѣла надобности нарушать конституцію, что всегда
ведетъ къ вѣрному разоренію. Государственный человѣкъ, приня-
мавшій большое участіе въ объявленіи осаднаго положенія Сассари,
именно Казуръ, всегда отталкивалъ мысль объ осадномъ положеніи
южныхъ провинцій и на смертномъ одрѣ своемъ завѣщалъ странѣ
— не прибѣгать къ осадному положенію. Общественное мнѣніе
страны требуетъ, чтобы министерство, которое такъ нарушило кон-
ституцію, удалилось, тѣмъ болѣе, что оно имѣло несчастіе зани-
мать на своемъ знамени съ одной стороны Асиромонте, а съ другой
последній унижительный циркуляръ французскаго министра ино-
странныхъ дѣлъ. Мы всѣ недавно были въ соотношеніи съ из-
бирателями, а знаемъ очень хорошо, что приливъ негодованія про-
тивъ министерства поднимается и возрастаетъ со дня на день. Что
сказать о героической Ломбардіи, гдѣ оно не суждено имѣть ни од-
ного приверженца? Что сказать о благородной Тосканіи? Что сказать
о южныя провинціяхъ, о несчастномъ ея положеніи? Всѣ воль-
ности тамъ попораны, аресты происходятъ въльми толпами, приде-
воры производятся безъ суда... Развѣ такимъ образомъ они наи-
рѣны сдѣлать Италію свободною? Никто въ Италіи не доволентъ, ми-
нистерство не имѣетъ нравственной силы, страна потеряла бодрость,
грозитъ со всѣхъ сторонъ безначаліе... У Италіи осталась одна
только надежда, именно на парламентъ. Италія идетъ отъ парла-
мента еста, который возстановилъ бы его значение; отомститъ бы
неправдой законъ; она идетъ слово жизни и дѣла жизни. 41

.. Свободолюбивые граждане призывают депутата Никотера. Отец доказывает, что министерство Ратации поступает шлоф разъ хуже бурбоискаго правительства. Въ армянских провинціях такъ необходимо возмысливъ нравственность народа, а правительственно дуетъ арміябрь беспривозговности. Чгобы прекратить промѣлки каторжистовъ, задерживаемыхъ неслѣдъ ворѣшекъ, а предводитывають въ издѣлеть орденна и доходный мѣста. Г. Никотера предлагалъ привести факты на доказательствѣ своихъ словъ. Гг. Ратация и Депретитъ, когда было разогнать новонаставленскихъ судей; наведенъ справки, требованна доказательствъ; а когда дѣло идетъ о гарибальдійцяхъ, щасливо не стѣсняются: сажаютъ ихъ въ тюрьмы, шаривѣ съ накомъ рѣшиши. И повсѣдѣ этихъ не ограничиваются. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ Комбаттѣ нельзя было засадить свидика, а предводило: Гарибальди; такъ засадили его отца, семидесяти-пятилѣтняго старика. Въ Ното редакторъ журнала печатаетъ статью противъ министерства: его сажаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ черезъ двѣ недѣли на чинахъ каркать крошмо. Въ другомъ мѣстѣ человекъ выстрѣлилъ изъ ружья; но тутъ же улыналь; что приближается войско, а ушелъ изъ своему приятелю; тотъ старается уснекнуть его, говоритъ, что стоять только неважно, дубитую и въ плечу. Подходить войско; человекъ арестуоръ и тутъ нар разсѣривають. Когда воймяють дезертира, во кажется его слѣдуетъ судить важнымъ судомъ прежде: неможе разстрѣлять. Однажды въ Фонтинѣ аваютъ сами человекъ одѣвѣтъ гарибальдійцями. Командиръ поста принимаетъ ихъ за дезертировъ и приказываетъ разстрѣлять. Напрасно несчастливую уѣривать, что они вовсе не бѣглые: ничего не поможе, разстрѣлилъ, а послѣ ужъ узнала, что между ними дѣйствительно дезертировъ было только двое, а остальные пятеро вошли на тотъ сайтъ такъ, въ плечу. А прокламція генерала Чіальдини — что это такое? Любопытство наро-то, признаетъ, достойный Тамераса. Это было парусионась комбаттудин, алиорѣ. Приказъ Чіальдини — амархонитъ, которому кто-то не повѣритъ. Вовзвать ли были гарибальдійцы?.. Если Гарибальди бытъ виновонъ, то слѣдовало еиъ кичить; а если ужъ не арфанать въ соображеніе его услуги. При Аокремонте слѣдовало просто оружить еиъ возницю, а не яриво напутъса на него съ ружейными выстрѣлами. Какъ можно было етѣвать битву съ людьми, которые не хотѣли драться? Мнѣ хотѣлось бы сообщити вамъ правдивѣе далнее мнѣ генералымъ въ департаментѣ того, что Гарибальди не думалъ драться. Хотѣли только расстрѣлять, подстрѣлять войовѣда; ну, а подстрѣлила. Героя, поварий, дакъ Миталин два королевства, прослѣдовали какъ одного авторѣ; а кто дезертира Ніальдини требуетъ награды двѣ; а кто

было. Гарибальди и тогда, какъ и теперь, открыли свободу общинамъ министерствамъ суда: валь-инья. Пусть судитъ, оно каменитъ, да въ г. Дебретисъ хотѣлъ, и въ г. судила Гарибальди.

При этихъ словахъ г. Ратацци, ошил на своемъ афишѣ, комочекъ, а г. Дебретисъ утверждаетъ, что онъ не признаетъ судній на основаніи сарказмовъ и личностей. Въ залѣ вѣшалась флюидность.

Это все явленія инфоземонетельныя, показывающія, куда вѣдетъ Италия. Само собою разумѣется, что залага вѣдетъ полнѣйшее право передать министерства суду; но забывшая залага этого не сдѣлаетъ, не рѣшится сдѣлать, и г. Ратацци вѣдетъ съ персоналіа хотѣть, сибкойно суда на своемъ вѣствѣ, а другой министр, г. Дебретисъ, вѣдетъ ваволь: навывать сарказмовъ и личностей вель оскорбленной и униженной страны. Поэтому залага на обиды справедливости глубокой пронизательности кралю, который не хотѣлъ распустилъ залату. Нынѣшніе депутаты: выбраны тогда, когда страна не была еще оскорблена; министромъ, предлаживающимся царю тьюлеріфскимъ кабинетомъ; вольно депутатамъ съ больше опредѣленнымъ взглядомъ, могли бы надѣяться министру большіи хлѣбъ, и суда бы кому не вивавать.

26 ноября г. Ратацци торжествъ свою оправдательную фразу. Онъ говорилъ холодно, съ некоторымъ отъвикомъ презрительности, какъ икъ слѣдовало ожидать, и остался вѣрять самому себѣ в той залучихѣ, которой онъ слѣдовалъ: торжество канцелярскаго порядка и вѣрность императору французовъ. А мы знаемъ омерзительную, какъ различіе между канцелярскимъ порядкомъ и истиннымъ порядкомъ. Но канцелярскому порядку слѣдовало арестовать въ Наваррѣ трехъ депутатовъ, тогда какъ это страшный безпарламентъ, пофростное злоупотребленіе власти. Въ Шалерно и въ генералу Ламарвера была послана ланета такого рода: «Обратите вниманіе на то, что Морини, Кальвине и Фабриси поухали молниеносно, посланіе. Сдѣлавъ былъ вѣсьма на то, что они летаютъ молнией. Неполно Морини съ товарищами поухавать Социалю въ видѣхъ вирительныхъ, потому что они были избраны въ Сенатъ и вѣждей служить представителемъ своего округа. Въ минуту парижскій имъ хотѣлось быть среди воевнѣ собирателей, чтобы вѣсти на ихъ благодѣтельное вліаніе. Но они сарко ситуа ухлели, почти вольно затѣли, какъ объявлено было орденомъ молниеносно, потому что вирительному вольно вѣрять тѣмъ, что тѣмъ сарко вѣсть обили, гдѣ гримать ружейные выстрѣлы. Арестованіе депутатовъ шарлотскихъ представителей, которыхъ личности не признаны» (привѣ, случавъ захвата на вѣствѣ, проступили) рѣтъ

на требования Рима, легче такъ же вѣрнѣе для Франціи не можетъ требовать Балканъ. Но пусть она только оставитъ Рима, и тогда уже будетъ совершенно довольно. За тѣмъ, если наша ельзаветъ въ некоторой уступки и римляне будутъ довольны — тогда прежде всего балкане дѣлать. Но если они будутъ протестовать, если протестуютъ на ирландцахъ, тогда мы имѣемъ право вмешаться также такъ же, какъ Франція вмешалась въ колону угнетенныхъ христіанъ въ Турціи. Разли римляне неже достойны сомнѣнія, что въ турціи христіане?

Какъ бы то ни было, министерство по докладомъ владетелю государя и вышелъ въ отставку, оставаясь однимъ проминившимъ для гораздо болѣе запутанныя, нежели пришло ихъ само. Отношенія съ Франціей становятся болѣе и болѣе натянутыми, южная и средняя провинція все желательны, въ южныхъ провинціяхъ шайки разбойниковъ образовали правительныя общества и вымогаютъ съ себя агентовъ по городамъ, нуть не во всѣхъ классахъ общества; несмотря на преданій заерь, означены такъ разстроены, что въ самомъ неурядничательномъ времени предвидается новый заемъ въ 500 милліоннъ; огромное количество казенныхъ имѣній распродали и имущество величайшей силы Италіи, та сила, на которую всегда можно было надеяться въ случаи крайней бѣды, Герибалдан, земля болшой. Что-то будетъ съ бѣдною Италіей?

Послѣднія извѣстія

На дняхъ будутъ въ Гроднѣ выборы короля. Кандидатура, какъ извѣстно, множеству. Въ послѣднее время особенно стала выдвигаться посредствомъ своихъ агентовъ принцъ Альбертъ, второй сынъ королевы Викторіи, родившійся въ августѣ 1844 года. Россія и Франція объявили, что исполняя въ точности посланное преданіе, они не будутъ ни поддерживать, ни даже имѣть своихъ кандидатовъ. Говорятъ, что англійское правительство объявило, будто оно никогда не согласится на избраніе принца Альберта въ гротеніе короля. Говорятъ въ то же время, что преемники все-таки выберутъ этого принца, надѣясь, что тогда Англія согласится принять выборы.

Въ курпринствѣ Гессенскомъ, для котораго наша благотворительно развѣрнула и исполнено желаніе тому наряду непосредственно пружбату внимательности; курпротъ позоренно такъ собой правдой светомъ; распустилъ налету; увеличь министерство и сдѣлать всея управить на старыхъ; абсолютными основаніями. Но пруж

ТЕМНЫЕ СЛУХИ

по поводу «Отъезда изъ Кіева» (Совр. Лѣт. № 46)

Земля наша, какъ извѣстно, покрыта густымъ мракомъ. Въ ней нѣтъ или почти нѣтъ ничего такого, что бы было освѣщено вполнѣ ярко, вполнѣ дневнымъ свѣтомъ, и что бы по этому можно было совершенно ясно видѣть и разсмотрѣть. Всѣ предметы и событія больше или меньше облечены сумракомъ. Между тѣмъ видѣть намъ непремѣнно хочется и даже совершенно необходимо, — иначе можно свалиться въ яму или выколоть себѣ глаза. И вотъ мы всячески тарашимъ глаза, чтобы увидать, что вокругъ насъ дѣлается. Но извѣстно, какъ дѣйствуютъ сумерки на зрѣніе: очертанія предметовъ становятся неопредѣленными, разстоянія и размѣры путаются; маленькое кажется большимъ, далекое близкимъ. Наконецъ явлются призраки, порождаемые усталостью нервовъ, и въ неподвижныхъ предметахъ чуются несуществующія движенія. Вся эта неопредѣленность, эта невозможность ясно видѣть свое положеніе, порождаетъ *ночные страхи*. Невольно явлются передъ нами воображаемыя опасности; опасности дѣйствительныя принимаютъ чудовищныя, преувеличенныя формы; мы не узнаемъ ни своихъ друзей, ни враговъ; мы начинаемъ наконецъ считать все враждебнымъ и опаснымъ. Въ настоящее время существованіе такихъ фальшивыхъ страховъ и опасеній не подлежитъ сомнѣнію. Они должны исчезнуть точно такъ, какъ исчезаютъ всякіе ночные страхи, — съ первымъ лучомъ солнца.

Но этого еще мало. Не видя въ потемкахъ ничего, кромѣ развѣ ближайшихъ предметовъ, мы однакоже непремѣнно стараемся составить себѣ понятіе о томъ, что закрывается отъ насъ мракомъ. Мы стараемся воспользоваться другимъ чувствомъ и начинаемъ прислушиваться. Чего мы не можемъ вѣрно узнать, увидѣть собственными глазами, о томъ мы начинаемъ судить по *слухамъ*. Русская

земанъ питается слухами и порождаетъ ихъ въ страшномъ изобиліи. А слухи — известно что такое слухи. Они изъ мухи дѣлають слона. Они не оставляють безъ искаженія ни одного факта, ни одной черты. А между тѣмъ чтоже дѣлать? Мысль требуетъ пищи, душа ищетъ чему отозваться, и вотъ безчисленные нити слуховъ протягиваются со всѣхъ сторонъ. Тысячи извѣстій повторяются, передаются, а хотя каждый почти навѣрное знаетъ, что въ нихъ есть большая доля лжи и очень малая правды, — никто однакоже не въ силахъ отказаться отъ участія въ толкахъ. Всѣ вѣдъ люди, всѣ человѣки.

Читатели помнятъ конечно нелѣпные толки, которые были возбуждены петербургскими пожарами. Въ воздухѣ носились обвиненія на какихъ-то молодыхъ людей; простой народъ прямо обвинялъ студентовъ. Вся исторія вмѣстѣ взятая надѣлала много шума, тогда какъ дѣло въ сущности совершенно обыкновенное. И впервыхъ — пора бы намъ кажется привыкнуть къ пожарамъ и водмотамъ; кто ихъ не помнить на своемъ вѣку? кто не знакомъ со всѣми частными признаками этого явленія? Каждый русскій долженъ бы кажется знать ихъ съ малыхъ лѣтъ. Известно, что пожары у насъ часто бываютъ поособно, пожаръ за номеромъ; известно, что нѣтъ въ одно время даже подвергается городъ за городомъ; известно, что такіе пожары приписываются, и конечно не безъ основанія, умысленнымъ поджогамъ; известно, что при этомъ ходятъ слухи о подкинутыхъ запискахъ, угрожающихъ новыми пожарами; известно, что жителями овладѣваетъ жестокой страхъ; известно, что въ народѣ начинаютъ ходить слухи о поджигателяхъ, и обвиненіе падаетъ обыкновенно на тѣхъ, кого можно пододвѣрнуть въ недовольствѣ, очень обыкновенно — на ссыльныхъ полковъ, въ истинномъ случаѣ на студентовъ, такъ какъ въ это время известными событіями довели до закрытія университета. И такъ все было такъ, такъ и всегда бывало; но событие, которое мы терпѣли столько разъ, очевидно до сихъ поръ не научило насъ ничему; мы не обвиняемъ его попрежнему и попрежнему къ нему отнеслись.

Въ то время нѣкоторые рѣшились заявить печатно о существованіи тѣхъ толковъ, которые мы упомянули; за такое заявленіе они подверглись жестокимъ упрекамъ со стороны другихъ. Странное дѣло! Еслибы кто даже вполне вѣривъ слухамъ, сильно ходившимъ въ обществѣ и высказывалъ печатно свою увѣренность, то и тогда едвали бы можно было поставить ему это въ вину. Литература есть впервыхъ отголосокъ общества, а уже вовторыхъ его наставница. И будтобы умысленное умолчаніе, основанное на соглашеніи литературы, на ея внутренней цензурѣ — могло бы помочь дѣлу?

Молнии есть во всякомъ слоевъ мира; она много не направляетъ и только даетъ злу расти стихомолку.

Какимъ образомъ можно обвинять то или другое частное лицо за то, что оно повѣрило известнымъ толкамъ, увлеклось ими и не удержалось отъ того, чтобы не высказать своего волнения? Обвиняйте лучше настроеніе цѣлага общества. Недѣльные слухи, хотя бы и печатные и много не значатъ, если возарънія общества твердо сложены, если въ немъ есть опредѣленные, осмолательныя взгляды на вещи. А ужъ насъ развѣ существуетъ что-нибудь подобное? Распутіе, дикій слухъ; но развѣ мы не црмалыди слышать ихъ каждый день? Такой-то ему повѣрился; но развѣ каждому не случилось на минутку повѣрить иногда невѣроятнѣйшимъ вещамъ? Развѣ есть что-нибудь столь вѣрное, чтобы у насъ не нашлось людей, которые тому повѣрятъ? Развѣ есть твердая точка опоры, на которую бы мы могли опереться въ своихъ сужденіяхъ? Развѣ мы привыкли къ нормальнымъ определеніямъ жизни, развѣ умѣемъ ихъ принимать?

Все это сводится къ одному — свѣта, больше свѣта, и тогда исчезнутъ всѣ эти двираки, парожлаемые тьмою. Пока мы въ сумеркахъ, до тѣхъ поръ мы будемъ возмолжаться, воздавать мнимымъ опасностямъ и кричать со страху. Только свѣтъ успокоиваетъ, даетъ ясно видѣть дорогу, даетъ возможность совершить правильную работу.

Предъидущія размысленія и воспоминанія пришли намъ въ голову по поводу статьи «Отъиеть изъ Киева», напечатанной въ № 46 «Современной Литовиски Русскаго Вѣстника». Это въ высшей степени любопытное замечаніе удариваетъ на какую-то внутреннюю связь на тайную борьбу, о которой мы не имеемъ никакого яснаго понятія. Что-то случилось, что-то дѣлается, слышенъ отрывочный, гласный стонъ, но въ темнотѣ, ничего яснаго, разобрать нельзя. Этотъ стонъ предсказываетъ малобу, приносимую невѣстными людьми обществу мнѣнію. Делъ всего, подлпсадо двадцать одно имя и вѣроятно готовы подписаться многіе другіе (!). Подписавшіеся — малоросы и причисляютъ себя къ малододому доколдиръ. Они жалуются на «гнетъ недослужонныхъ уграковъ», на «несправедливья обвиненія», на «подозрѣнія, сипетни и дожвые анекдоты», на

(!) Вотъ эти имена: Владимиръ Антоновичъ, Павелъ Чубинскій, Крпстантинъ Солонина, Ал. Стояновъ, Михайло Милашенко, Антошь Тищенко, Еягеній Синегубъ, Иванъ Нечипоренко, Павелъ Житецкій, Викторъ Торскій, Дмитрій Богдановъ, Фаддей Рильскій, Николай Синегубъ, Петръ Супруненко, Владимиръ Синегубъ, Александръ Лашкевичъ, Федоръ Горячковскій, Андрей Степановичъ, Иванъ Косиенко.

спасеніемъ слухи», на то, что слухъ гонимъ и преслѣдуемъ общественными мнѣніемъ (а по временамъ и «защитчески»), что они «каждомъ шагу встрѣчаютъ сильное озабоченіе, лютыя и угрозы».

Вотъ неожиданное открытіе! Слухи, о которыхъ никто не зналъ, которые ничѣмъ не были явлены, рождались и плодились во тѣхъ до того, что стали наконецъ невыносимы для тѣхъ, кого они касались. Тогда и клеветы усилились; какъ видно, до страшной степени, прежде чѣмъ возможно было какое-нибудь ихъ разъясненіе и опроверженіе. Молодые люди рѣшились наконецъ сами вмѣстѣ на свѣтъ эту темную силу, которая ихъ давитъ, и подробно перечисляютъ взводимыя на нихъ обвиненія. Они обвиняются (по ихъ указанію обвиненія исходятъ преимущественно изъ «мало-развитаго, провинціальнаго дворянства обѣихъ береговъ Днѣпра») въ слѣдующемъ :

1) Что они держатся мнѣній «молодой Россіи», то-есть отпадаютъ «религію, семейныя связи, древн. обрядности» и признають справедливыми и разумными «самыя дрыя революціонныя сраженія».

2) Что они «стараются препятствовать принятію крестьянскихъ участковыхъ законовъ, да-и не протѣ-бемъ бы эти возбужденія ихъ къ реформѣ».

3) Что они стремятся къ «государственному сепаратизму».

Таковы страшныя обвиненія, хотяція по обѣимъ берегамъ Днѣпра и заявленныя на этотъ разъ не обвинителями, а самими обвиняемыми. Понятно, какой сильный внутренній разладъ они должны производить въ обществѣ. Невольно думаешь, что же дѣлается въ другихъ мѣстахъ? Не ходять ли эти самыя слухи, или тысячи другихъ злобныхъ по другимъ берегамъ? Не гнетуть ли они многихъ другихъ? Не возбуждаютъ ли взаимнаго страха, ненависти и подозрѣній? Не ослабляютъ ли они положенія дѣлъ до того, что самыя вредныя дообидятелы, самыя проиждательныя терзаютъ?

Какъ видно изъ «Отвѣта» страшное придѣвленное прираще естествонаучный обменъ чувствъ. Обвиненные смѣло вызываютъ своихъ обвинителей:

«Мы объявляемъ, говорятъ они, что мы: нусть это сдѣлають и наши обвинители, если они хотятъ дать нравственный вѣсъ своимъ обвиненіямъ».

Разрѣшимъ споръ честнымъ образомъ: если мы дѣйствительно злодѣи; если мы затѣваемъ рѣзню, разбой, грабежи и т. д., то изобличите насъ, ради-бога! изобличите гласно и подробно, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, съ обозначеніемъ времени и обстоятельствъ. Пусть одна законная и правдивая общедства заклеймятъ нашихъ преступленій».

Но обвиняемые, вопль уверены, что обвинители не имеют право своего желанія не въ состояніи будутъ представлять какой-либо политическое указаніе для подтвержденія своихъ обвиненій.

Чтобы уничтожить всякую мѣлодь тайныхъ и умысленно-серываемыхъ замыслахъ, обвиненные дѣлаютъ еще болѣе, именно: открыто заявляютъ свои убѣжденія, самодовольно совершаютъ торжественный актъ, при которомъ лежъ есть весьма важное безчестіе. Чтобы разрушить обвиненія, которые да имъ возмозго, они объявляютъ слѣдующее.

1) Религію, семейную нравственность и право собственности мы считаемъ неотъемлемымъ народнымъ достояніемъ; посягательство на эти начала считаемъ вреднымъ для народа и истекающимъ изъ секторскаго эгоизма въ противность народному духу и народной волѣ.

Немѣте вредными для нашего народа считаемъ проповѣдуемыя Молодой Россіей революціонныя средства, какъ препятствующія всякому законному спокойному труду общества, какъ влекуція за собой моральныя, эстетическія, физическія и духовныя средства развращенія и увечія, вмѣсто того, чтобы примѣнять ихъ къ честному и плодотворному труду.

2) Никто болѣе насъ не имеетъ усобицаго дела, какъ считать грамотамъ, такъ какъ принятіе ихъ, по нашему мнѣнію, будетъ дѣлать шагомъ къ гражданскому развитію народа; дикта болѣе не страдаетъ надъ тѣмъ печальнымъ недоуѣніемъ, которое застаетъ крестьянъ, опираясь на ложныя надежды, подвергаться вмѣшательству административному и военному и вынуждать насильственные мѣры.

3) Если насъ упрекаютъ въ сепаратизмъ, или покрайней-мѣрѣ въ желаніи сепаратизма государственнаго, то мы объявляемъ, что это самая ядовитая и самая наивная клевета. Никто въдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое политическое стремленіе, при исполненіи состояніи общества дѣлаетъ свѣдѣно и революціоннымъ въ нашихъ глазахъ, что серьезно даже считали лишнимъ возражать на этотъ уприскъ. Да и въ самомъ дѣлѣ неслѣдуетъ думать, что было бы съ нашей стороны стремленія къ народу политическія, вѣдь, когда вслѣдъ намъ не политикѣ (мы оумитъ не политикѣ польской пропаганды) устраняется смыслъ, и дѣлается народомъ, когда всѣ симпатіи его обращены въ ту сторону, откуда пришло къ нему набавленіе отъ работы египетской? — Нашъ народъ — говоритъ въ другомъ мѣстѣ, — вѣрнѣе въ своего освободителя, и съ его именемъ соединяетъ всѣ свои понятія о высшей правдѣ.

Немѣте ясно и определенно лица, полцесамца отъзвѣ, объявляютъ и та, кто она додетъ, чѣмъ она руководилась и будетъ руководиться въ мой способъ дѣятельности, которая показала себя въ клеветамъ и обвиненіяхъ. Они указываютъ на открытыя статьи,

затѣ на жгучѣйшее событіе, разстроившее ихъ кругъ дѣятельности и принудившее ихъ заявить настоящій протестъ.

• По нашему крайнему разумѣнію, — говорятъ они, — единственная обязанность людей, успѣвшихъ приобрести высшее образованіе, состоитъ въ томъ, чтобы употребить всевозможныя усилія съ лѣталью доставить народу возможность образоваться, сознать себя, свои нужды, умѣть адекватно ихъ, словомъ внутреннимъ своимъ развитіемъ стать на ту степень гражданственности, на которую онъ возведенъ закономъ. • Единственное дѣло истинныхъ друзей народа въ настоящее время — способствовать развитію народа, не вдаваясь въ политическія или социальныя тѣни и ожидая торжѣвно времени, когда народъ будетъ въ состояніи толковать съ нами о предметахъ, которые теперь недоступны его умственному развитію, а потому для него загадочны, темны и ненужны. •

Многое открывается изъ этихъ объясненій и замеченій. Мы видимъ изъ нихъ нѣсколько образъ мыслей того кружка, который подписался подъ отзывомъ, но не находимъ въ некоторыхъ чертахъ народнаго настроенія въ извѣстной мѣрѣ ясности. Народъ для насъ покрытъ болѣе густою тьмою, чѣмъ чтобы то было другое. Мы только гадаемъ и предполагаемъ, въ какомъ настроеніи онъ находится, къ чему обращены его помыслы, съ какимъ расположеніемъ онъ встрѣчаетъ тѣ или другія событія. Отсюда для насъ возможны тысячи ошибокъ, возможны желанія и надежды, которыя всею несбыточны, опасенія и страхи, неимѣющіе никакого основанія. Народъ — темная сила, которая, смотря по случаю и по нашему расположенію духа, то намется намъ несбыточною опорой, то страшною, разрушительною стихіей. Какъ видно нашлась люди, которые рѣшились сблизиться съ народомъ, чтобы изучать его въ его собственной средѣ, въ возможной близости къ нему. Какого бы мнѣнія кто не былъ о результатахъ этого изученія, хотя бы считалъ ихъ невозможными и неувѣрными, никто однако не усумнится въ полной искренности, съ которою они передаются. Какъ видно эти люди готовы безъ всякаго искаженія передать намъ, чѣмъ они нашли народъ и чѣмъ находятъ его въ каждую минуту. Что же намъ мѣшаетъ узнать дѣло какъ возможно лучше? Что же намъ мѣшаетъ разсѣять наконецъ этотъ густой мракъ, порождающій вслѣдствіе призраки и не дающій намъ ничего видѣть какъ слѣдуетъ?

Темнота вредна вездѣ, гдѣ бы она ни господствовала. И въ малыхъ дѣлахъ она составляетъ такую же помѣху, какъ и въ большихъ. Въ томъ же номерѣ «Современной Лѣтописи» намъ встрѣтился фактъ, который переноситъ насъ въ другую сферу, гораздо мѣтче замкнуто, но немало для насъ любопытную. Въ полемическомъ

статье, направленной противъ издателя «Нашимъ Временемъ», «Современная Летопись» говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Правительству, не менѣе московскаго университета, изготоятъ образъ мыслей и вся общественная дѣятельность будущихъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей». Если оно утвердило выборъ университета, то оно знало что дѣлало. Значитъ оно, также какъ и университетъ, признаетъ за нимъ достаточныя нравственныя обезпеченія и состоятъ чуждыя людямъ, заслуживающаго доверія.»

Такъ говорятъ о самихъ себѣ гг. Катковъ и Дроздовъ. Нельзя не показать, что слова эти сказаны фимехолодомъ, эсоломомъ, тогда какъ по нашему мнѣнію они чрезвычайно важны и наводятъ на многія размышленія. Всякій согласится, что полемика между «Современною Летописью» и «Нашимъ Временемъ» ведется въ полномъ смыслѣ благостательно; въ ней бездна остроумія, ироніи, жару; противники даже очень доводны другъ другому, и любятъ взаимную доверность; но собственному выраженію одного изъ нихъ, они подносятъ другъ другу, горько въ *поллаксимыя кашаля*; прекрасно! Но отчего же вопросъ столь великой важности порѣшомъ такъ глухо и безъ всякаго воодушевленія? Отчего не дорастаю жару и остроумію тамъ, гдѣ желалось бы самого живого объясненія?

Будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей» конечно понимаютъ весь вѣсь своихъ словъ. Они говорятъ, что правительствомъ сдѣлано имъ заслуживающаго доверія; но они конечно знаютъ, что доверіе — поръ такъ нието не говоритъ, слѣдовательно первое замечаніе такого рода не можетъ не имѣть большого значенія и большого порока.

Безъ такъ, то что же оно означаетъ? Ужели то, что гг. Катковъ и Дроздовъ оставили въ неясномъ между редакторами, что они пользуются доверіемъ правительства, тогда какъ другіе, многіе или нѣкоторые возбуждаютъ оно недоверіе? Безъ сомнѣнія мы не имеемъ давалъ такой смыслъ приведеннымъ словамъ; мы очень хорошо знаемъ, что изданіе журналовъ вообще разрѣшается только лицамъ благонамѣреннымъ и не думаемъ, чтобы «Современная Летопись» хотѣла бросить тѣнь на благонамѣренность этихъ лицъ. Нѣтъ, смыслъ ее словъ очевидно другой; очевидно она хотѣтъ сказать, что хотя правительство доверитъ многимъ лицамъ издающимъ журналы, но гг. Катковъ и Дроздовъ оно считаетъ заслуживающими особеннаго, преимущественнаго доверія. Если такъ, то опять, что же это значитъ? К чему, выстарана такая прощала самими себѣ?

Ужели въ дѣлахъ литературы правительствомъ имѣтъ настоятельную надобность възыскивать, что и на сколько заслуживаетъ его до-

дѣла? Указанъ особенная благопозабоченность писателя: для него больша цѣль: а важность? Мы охотѣе ждали бы думать, что предательство смотритъ на литературу спокойно и ровнѣе. Если литература можетъ оказать ему услуги, то для него все равно изъ какой бы точки литературнаго міра эти услуги ни приходили; чтобы пользоваться литературой, ему нѣтъ нужды подраздѣлять ее на отдѣлы по большому или меньшему степеню своего довѣрія.

Такии образцы, просмотрѣвъ на всѣ наши размышленія и соображенія, дѣло осталось въ першихъ главахъ совершенно чиннымъ. Поэтому случаю нашъ невѣдомо: пришли ли назвать другія слова, также тонныя и загадочныя и сказанныя тѣмъ же лицомъ. Недавно въ объявленіи объ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1863 году, гг. Катковъ и Лесотъевъ говорятъ о себѣ такъ:

«Какъ при изданіи «Русскаго Вѣстника», такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей», свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правдивости его сужденій. Затѣмъ они не имѣютъ никакихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій, они не связаны ни съ какими кружкомъ, ни съ какою партией, и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ всего болѣе независимостью своихъ сужденій и своего слова.»

Вотъ это кажется несравненно яснѣе. Конечно не даромъ сюда попали такіа опредѣленные выраженія, какъ «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружокъ», «партія.» Конечно они употреблены здѣсь не для одной красоты слога. Едвали также кто повѣрить, что эти «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружки», «партіи» существуютъ гдѣ-нибудь далеко, въ Англіи или въ Америкѣ; нѣтъ, очевидно дѣло идетъ о чемъ-то близкомъ, находящемся тутъ же подъ бокомъ.

Но здѣсь и запятая. Въ самомъ дѣлѣ, какіе эти кружки, какія партіи, какія затаенныя тенденціи и цѣли, отъ которыхъ отрицаются будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей?» Темнота непроходимая! Мы очевидно попали въ темную область слуховъ, въ которой, какъ мы знаемъ, вополь довѣряться ничему невозможно. Если слова, приведенныя нами, сами въ свою очередь послужатъ источникомъ новыхъ или поддержкою старыхъ слуховъ, то въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго: въ полумракѣ призраки вырастаютъ легко и иногда роятся цѣлыми толпами.

Признаемся, во всемъ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, мы не можемъ надвинуться тому странному простодушію, съ которымъ поступаетъ «Русскій Вѣстникъ.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ

очень смѣлъ и рѣшительнѣе; уже не въ первый разъ онъ рѣшаетъ такіе вопросы: и опредѣляетъ такіе отношенія, надъ которыми бы великій другой нелюбно задумался. Что для другихъ трудно, для него легко; что для другихъ темно, для него ясно; въ то время какъ другіе смущаются и теряются, онъ повиданному являеть твердое и свѣтлое дорожку.

Между тѣмъ одно здѣсь дурно. Если онъ такъ опредѣленно смотритъ на вещи, если онъ такъ легко разрѣшаетъ затрудненія, если у него столько положительнѣе твердыхъ основъ, — то онъ кажется имѣеть все условія для горячей и ревностной проповѣди. Какъ-то бы тутъ-то и проповѣдывать съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ это дѣлалъ въ былыя времена! Но что же выводитъ на дѣла? У него какъ-будто иссякъ источникъ вдохновенія. Бывало по самому пустому поводу у него пойдутъ прекрасныя рѣчи на общія темы; вынече по самымъ важнымъ поводамъ являются короткіе, глухіе отзѣвы. Не можетъ онъ не знать, какъ удивляютъ лубдику нѣкоторые изъ его смѣлыхъ рѣшеній затруднительныхъ вопросовъ, и однакоже въ объясненіи этихъ рѣшеній онъ бываетъ очень сухъ на общія начала. Тѣмъ образомъ онъ, повиданному столь свѣтлый и блестящій, вдругъ въ неясныхъ мѣстахъ тускнеть и покрывается мглой.

Н.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ. № 11

Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Часть первая. Москва и начало тридцатыхъ годовъ литературы. Мое младенчество, дѣтство и отрочество. Глава I. Первые общія впечатлѣнія. — II. Миръ суевѣрій. — III. Дворян. — IV. Страна. — V. Последнее впечатлѣніе младенчества. Аполлона Григорьева	5
Соборъ парижской богоматери. (Notre-Dame de Paris). Романъ Виктора Гюго	32 ✓
Страница. Н. А. Благовѣщенскаго	141
Очерки прошлаго. Самодуры. А. Чужбинскаго	161 ✓
Рассказы двороваго. I. Проживалка. — II. Охота. Н. Б—овскаго.	237
<i>Послушай же — ну будь ко мнѣ добрый!</i> .. Стих. Э. Берга.	250
Земство и расколъ. Бѣгуны. А. Щапова	251 ✓
Бѣлая ночь. Стих. Я. П. Полонскаго.	298
На мызѣ. Стих. Его же	353
Скверный анекдотъ. Рассказъ. Э. М. Достоевскаго.	299 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Къ вопросу о постройкѣ желѣзной дороги на югъ Россіи. I. Шилля. Дѣлопроизводство въ департаментахъ. П. Бибикова	32
Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Статья вторая. IV. Законныя стороны романтизма. Аполлона Григорьева.	49
Мировой судъ. По смыслу главныхъ основаній для проектовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и судоустройства. П. Ткачева	74
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Куда мы идемъ? — Журнальныя объявленія. — Загадка мирового съѣзда. — Загадка статистическая. — Первобытный помѣщикъ. — Г. фонъ-Укке и погорѣлые мужики. — Какимъ образомъ доходить до острога. — Мировая по случаю вражи 3,000 руб.	

лей. — Недосмотры политической экономіи. — Нѣчто о политической экономіи, заграничной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ съ русской точки зрѣнія. — Пристань Екатериновка и торговля хлѣбомъ. — Выкупная операція. — Гомеопатія для народа. — Помѣщенія для нуждающагося населенія. — Пересмотръ горнаго устава. — Вызовъ комисіи по преобразованію судебной части	88
Письмо къ редактору журнала «Время». По поводу статьи: «Пѣвецъ Кубры». Александры Шаликовой.	143
Дурные признаки. Н. Стрехова	158
Русскій театр. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья вторая.	173
ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Французскія дѣла. — Итальянскія дѣла. — Последнія извѣстія	184
Темные слухи. По поводу «Отзыва изъ Кіева». («Совр. Лѣт.» № 46).	204

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 12. ДЕКАБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРА ПРАЦА

1862

252960

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 7 декабря 1862 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

ВЪ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ

I

ФОМА НЕПОМНЯЩІЙ РОДСТВА

Изъ партіи арестантовъ, посланной на работу въ садъ къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ, двое бѣжали; на другой день мнѣ дали знать о побѣгѣ, и я отправился въ арестантскую роту, чтобы переспросить всѣхъ, бывшихъ въ одной партіи съ бѣжавшими.

— Какъ тебя зовутъ? обратился я къ одному арестанту лѣтъ подлѣ-пятьдесятъ.

— Фома непомнящій родства.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятьдесятъ-два года...

Продолжая отбирать «*формальные*» показанія, я спросилъ Фому «непомнящаго» на сколько лѣтъ по приговору суда онъ заключенъ въ арестантскія роты.

— На десять лѣтъ.

Такой отвѣтъ удивилъ меня: срокъ содержанія бродягъ, по нашему законодательству, не простирается свыше одного года.

— Кромѣ заключенія въ арестантскія роты не былъ ли ты еще чѣмъ наказанъ?

— Трехъ-стами ударами шпицрутеновъ.

Это уже окончательно выходило изъ уровня обыкновенныхъ наказаній, налагаемыхъ на бродягъ и еще болѣе заставило меня обратить вниманіе на Фому непомнящаго родства.

— Не можетъ быть чтобы ты судился за одно бродяжничество, —

ты стало быть совершилъ другія преступленія?.. Бродягъ такъ не наказываютъ...

— Никакъ нѣтъ ваше благородіе, судился за одно бродяжничество...

Я обратился къ находящемуся при слѣдствіи депутату, за разъясненіемъ недоразумѣнія.

— Скажите пожалуйста, не знаете ли вы что это значитъ?..

Офицеръ засмѣялся.

— Вы не знаете, Дмитрій Ивановичъ, что это за гусь Фома? А вы спросите—ка его, что нашли у него на спинѣ, какъ поймали его, да стали судить?

— Что же у тебя нашли, Фома?..

Фома тоже усмѣхнулся.

— Да не знай что, ваше благородіе, — люди сказываютъ что кнутъ да палки.

— Какъ кнутъ да палки?

— Да такъ ваше благородіе. Какъ потеряли спину сукномъ, да оглядѣлъ меня лекарь, ну и порѣшилъ, что до-прежде былъ наказанъ и кнутомъ и палками.

Я взглянулъ попристальнѣе на Фому и увидѣлъ на заторѣвшей кожѣ лба его едва замѣтный, въ видѣ бѣлаго рубчика, знакъ каторжнаго клейма.

— Ну братъ, Фома, ты видно въ самомъ дѣлѣ бывалый и съ каторгой стало знакомство велъ.

— Бывалый небывалый, а на своемъ вѣку виды видывалъ.

— Да что Дмитрій Ивановичъ, вмѣшался депутатъ: — кнутъ да палки, — у него во всѣмъ тѣлѣ ни одного сустава вы не найдете цѣлаго: онъ и на ухо—то одно глухъ и рука—то у него переломлена. — Бѣдовый, однимъ словомъ бѣдовый былъ.

Мое удивленіе къ Фомѣ все больше и больше возрастало. Я сначала никакъ не предполагалъ, чтобы стоявшій предо мною невзрачный съ виду человекъ, съ лицомъ обыкновеннымъ, веселымъ, имѣлъ за собой длинную исторію, полную быть-можетъ кровавыхъ, потрясающихъ эпизодовъ.

— Гдѣ это тебя угораздило, Фома, руку—то сломать?

Фома не принадлежалъ къ числу тѣхъ упорно молчащихъ арестантовъ, отъ которыхъ помимо односложныхъ отвѣтовъ вы не добьетесь ничего. Какъ арестантъ опытный, Фома очень хорошо зналъ, что въ этомъ случаѣ я спрашиваю его не какъ слѣдователь, а просто

какъ частный человекъ и что его небольшіе рассказы, безъ наименованія мѣстности и времени, не могутъ служить причиною измѣненія къ худшему его участи.

— Чувашкишки проклятые уходи, вѣще благородіе. Забрался я къ одному: лошади больно были хороши, хотѣлъ прокатиться на видѣ, да неладно сбѣдалъ, — услыжалъ басурманъ. Я бѣдо туда-сюда, да что сбѣлаешь, какъ вся деревня гонится за тобой. Отбояриваться хотѣлъ, да дубье-то не свой братъ... какъ стали, собаки, всё дупить меня, такъ я думалъ, что изъ меня и духъ вонъ, тутъ и смерть пришла...

— Ну что еще, въ судъ чтоли они тебя потомъ представили?..

— Какой судъ! Сами порѣшили и печать приложили такую, что до второго пришествія не забуду. Ужъ такъ, ваше благородіе, били, что кости и теперь трещать. Подлинно, что небо съ овчинку показалося.

— Еще диво какъ они тебя тутъ же не уколошили?

— И такъ диво... Полагать должно, они-то вишь думали, что я мертвый — такъ за мертвого подъ оврагъ и свалили.

— Какъ же ты очнулся-то?..

— Да спасибо такому же проходимцу, какъ и я: кабы не онъ, сдохнулъ бы въ оврагъ, какъ собака...

Фома замолчалъ, я не прерывалъ его молчанія.

Прошло нѣсколько секундъ...

— Ну ужъ подпустилъ же я имъ краснаго пѣтуха, — долго они не забудутъ Фому непомнящаго родства.

— Всю деревню что ли вымахнулъ?

— Почитай что всю, а коли и остаюся, такъ труба одна.

— А какъ деревня-то называется?

Фома взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Деревня-то? Забылъ, ваше благородіе... вѣдь я дамъ докладывалъ, что память тогда они же у меня отшибли.

— А глухъ-то ты отчего на одно ухо сталъ?

— Глухъ-то, да отъ того что глушъ былъ съ мамоушества, по дѣвкамъ часто таскался, чужихъ жонъ любилъ, — ужъ такой лакомый былъ на этотъ товаръ, что и сказать нельзя.. Хотъ что хошь бывало скажи, а ужъ пойду на то мѣсто, гдѣ онъ лежитъ. Коли бы не этотъ товаръ, такъ я бы въ браслетахъ теперь не сидѣлъ, по своей водошкѣ на божьемъ свѣту похаживалъ бы.

— Плахое братъ дѣло значить любить этотъ товаръ?

— Плохое не плохое, только какъ-разъ такую же заплату вставятъ какъ и мнѣ.

— Ну чай и ты въ долгу не оставался...

— Зачѣмъ въ долгу. Последнее дѣло оставаться въ долгу.

— Что, тоже чай помнить будутъ Фому непомнящаго!

— Незнай — можетъ помнить, а можетъ и вѣтъ... И такъ бываетъ, что память-то сразу пришибаютъ...

— Ну, — а ты пришибалъ?

— Объ этомъ ваше благородіе на томъ свѣтѣ спросятъ, а на этомъ-то помолчать можно...

— Давно ты бездомничать сталъ?

— Давно не давно, а почитай что васъ чай и на свѣтѣ-то не было, какъ я матушку Рассею изъ конца въ конецъ сталъ мѣрять.

— Что велика?..

— Немаловата, а исходить можно, какъ неполѣнишься...

— Ты исходилъ?

— Я не исходилъ, — что хвалиться, а на своемъ вѣку такихъ видывалъ, что почешь только тамъ небывали, гдѣ земля съ небомъ сходятся...

— За чѣмъ же ты ходилъ-то?

— За чѣмъ? По землемѣрской значить части служилъ, волюшку все отыскивалъ, — да запрѣпала она нынѣ... Въ землю бають ушла, горючъ камень лежитъ надъ ней, чтобъ несорвалъ ее и тамъ какой бездомовникъ.

— А признаться, Фома, желалъ бы я знать, какъ звали тебя прежде и что ты подѣлалъ на своемъ вѣку.

— Эхъ, ваше благородіе, какая вамъ отъ того польза. Я и самъ забыть бы хотѣлъ какъ звали меня прежде.

— Вотъ видите ли, Дмитрій Ивановичъ, стало-быть гусь прежде былъ Фома, вмѣшался опять депутатъ... А у насъ онъ сидитъ шестой годъ, такъ мы имъ и не нахвалимся, и повѣрьте смиренѣе арестантика во всей ротѣ его вѣтъ... Знаете ли что онъ дѣлаетъ цѣлый день?.. Вы чай видѣли, что напротивъ арестантскихъ камеръ, въ одномъ коридорѣ унтеръ офицеры живутъ... Народъ все женатый, ребятишекъ у нихъ пропасть. Фома какъ съ работъ придетъ такъ только и дѣлаетъ что съ дѣтьми возится: игрушки ихъ мастерить, нянчится съ ними, сказки рассказываетъ... Пуще своихъ отцовъ да матерей дѣти его любятъ. Такъ все дядей Фомой и зовутъ.

Я никакъ не ожидалъ такого конца. Должно быть, по выраженію лица моего Фома угадалъ, что исходъ его скитальческой жизни крайне удивилъ меня и что я хочу спросить его, вслѣдствіе какихъ причинъ пришолъ онъ къ нему.

— Укатали сивку круты горки... Погулять молодець, пора и честь знать, — предупредилъ меня Фома на неусиѣвшіе высказаться вопросы.

— Одно въ тебѣ нехорошо Фома, докторально сказалъ офицеръ: въ церковь ты совсѣмъ не ходишь, Богу мало молишься. Кабы не это, совсѣмъ былъ бы примѣрный арестантъ... Одно слово молитва... Но Фома посмотрѣлъ на офицера такъ пристально, что тотъ замолчалъ, не успѣвъ кончить непрошенную проповѣдь.

Офицеръ вышелъ изъ комнаты, Фома подошелъ ко мнѣ ближе.

— Ваше благородіе, я у васъ пришолъ милости просить.

— Какой?

— Нельзя ли попросить вамъ командира, чтобы расковали меня. Ужь я не убѣгу никуда, бояться нечего...

Въ арестантскихъ ротахъ существуетъ законъ, что если изъ партіи арестантовъ, отправленныхъ на работы, кто-нибудь убѣжитъ, то всѣ остальные, какъ бы въ наказаніе за то, что недонесли предварительно объ умыслѣ товарищей, заковываются въ кандалы на неопредѣленное время, хотя быть-можетъ ни одинъ изъ оставшихся, на самомъ дѣлѣ не зналъ, что замышляется побѣгъ.

— А что, видно тяжело въ нихъ?

— Тяжело-то не тяжело, ваше благородіе, да больно стыдно... Человѣкъ-то я ужь не молодой.

Я обещалъ Фомѣ похлопотать за него передъ начальствомъ, но начальство было неумолимо: Фому отъ кандаловъ не освободили.

II

БАТЬКА

А вотъ и ихъ батька, сказалъ мнѣ тотъ же офицеръ, указывая на вновь входящаго арестанта, призваннаго для допроса по тому же дѣлу о побѣгъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Насыръ Веллеуловъ.

— Изъ татарь?

— Татаринъ.

— Что же ты мулой что ли былъ, что тебя г. поручикъ батькой зоветъ...

Измѣнившіяся черты подвижнаго лица арестанта показали, что вопросомъ дотронулись до одного изъ большихъ мѣстъ, до одного изъ воспоминаній, которыя хотѣлось бы забыть. Веллеуловъ горько улыбнулся...

— Ихъ благородіе изволятъ все шутить, потому и зовутъ меня батькой...

Веллеуловъ былъ обрусѣвшій татаринъ: только незначительная разница въ акцентѣ измѣняла его происхожденію.

— Вѣдь онъ однакожь незоветъ другихъ батькой, отчего же тебя такъ величаетъ?..

— Я, ваше благородіе, палачемъ былъ, вотъ они батькой меня и прозвали.

— Палачемъ! Какъ же ты сюда попалъ? вѣдь не можетъ быть чтобы ты отслужилъ свой терминъ. Тебѣ всего лѣтъ тридцать... Да и палачи приписываются въ крестьяне или мѣщане?

— Да я не долго и былъ имъ...

— Что же ты сдѣлалъ, что опять попался?..

— Изъ острога убѣжалъ.

— Что тебѣ за охота пришла, вѣдь палачу житье хорошее: въ иной разъ водки столько, хоть вымойся, да и денегъ въ придачу дадутъ.

— Тото и есть, ваше благородіе, кому хорошее, а кому и нѣтъ. Вотъ Иванъ Захаровъ (имя одного заплечныхъ дѣлъ мастера) не убѣжить.

— Чѣмъ же для тебя-то оно не хорошо было?

— И незнай што... Какъ учился на лубку, ну думаю себѣ, дѣло легкое — валяй, только знай, а какъ привели передъ живого челоука, да какъ взглянулъ на него, — а онъ стоитъ такой худой, жалостливой, кровинки въ лицѣ нѣтъ, словно мертвый, — такъ у меня руки опустились: къ кобылѣ его привязать не могу, — стою что твой столбъ. Ужъ частный ко мнѣ подошелъ, да палками пригрозилъ, такъ принялся справлять свое дѣло. Только и помню, какъ кричалъ онъ, сердешный, послѣ каждой плети.

— Что же, ты послѣ этого разу и бѣжалъ?..

— Нѣтъ еще в. б—діе... Ну думаю дѣло неприличное, обой-

дется... Повезли меня вмѣстѣ съ старымъ палачемъ въ Зачурскъ женщину наказывать. Мужа что ли отравила. Иванъ Захарычъ привязалъ ее, да и подаетъ мнѣ плеть: — бей молъ ты, а я буду смотрѣть. Взялъ я плеть, а народу на площади видимо-невидимо. Кричатъ всѣ: собака, басурманъ окаянный, порѣшитъ христіанскую душу. А чего мнѣ порѣшать, — у меня ноги дрожать, изъ глазъ въ три ручья слезы катятся. Жалость такая на меня напала, что лучше сквозъ землю провалиться, только бы не бить.

— Что же ты такъ ее и не наказывалъ?

— Нѣтъ, три раза ударилъ. Да ужъ Иванъ Захарычъ плеть у меня изъ рукъ вырвалъ. — «Баба, говоритъ ты». Вотъ онося этого-то раза я и думаю, не бывать видно тебѣ въ мастерахъ, — взялъ, да тягу и задалъ изъ острога. Скоро только поймали, да вотъ сюда и засадили.

— Зачѣмъ же ты пошолъ въ палачи, вѣдь ты зналъ за что ты берешься?

— Глупость ваше благородіе. Какъ есть одна глупость. Мнѣ рѣшеніе выходило, въ Сибирь значить ссылали. Больно отъ своей стороны далеко идти не хотѣлось. Я и объявилъ начальству, что въ палачи молъ имѣю желаніе поступить. Знамо дѣло, кабы я чуялъ что со мной будетъ, такъ бы не то што въ Сибирь, а и дальше куда бы пошолъ. Душа—то одна, что у татарина, что у христіанина, только что насъ собаками зовутъ.

— А скажи пожалуста за что ты прежде попался?

— Лошадь у меня увели, работать не на чѣмъ было. Што тутъ станешь дѣлать: подушные требуютъ, — работникъ—то въ семьѣ я одинъ, а душъ—то на мнѣ четыре лежитъ. Я думалъ, думалъ, какъ быть, да ничего хорошаго невыдумалъ, окромѣ того, что пошолъ въ К—кую губернію, да тамъ съ поля первую лошадь и угналъ. Опустили скоро, — я человекъ не бывалый, — съ перваго же слова сознался.

— Какъ же теперь семья—то безъ тебя?

— Семья—то? Незнай какъ, а ужъ наболѣлся я объ ней.

При напомниманіи о семьѣ, лицо Веллеулова приняло такое печальное выраженіе, на немъ отразилась такая непритворная, простая грусть, что видно было какъ мало лжи, какъ много правды заключалось въ его словахъ, что онъ «наболѣлся объ ней». Много знать недоспалъ ночей Веллеуловъ, вспоминая своихъ малыхъ дѣтей, своей убогой домъ.

Странные люди сидят иногда въ нашихъ арестантскихъ ротахъ.

III

ЧАПУРИНЪ

Еще до поступления моего въ слѣдователи я уже многое слышалъ о Чапуринѣ, и съ нетерпѣніемъ выжидалъ случая повидаться съ нимъ. Двадцатишести-лѣтній юноша, судящійся за убійство нѣсколькихъ человѣкъ, — согласитесь, личность такого рода, что можетъ заинтересовать собой человѣка самага не любопытнаго.

Въ острогѣ случился какой-то незначительный скандалъ : между прочими мнѣ нужно было спросить Чапурина. Я производилъ слѣдствіе въ конторѣ тюремнаго замка ; со мной былъ депутатъ съ военной стороны.

— Надо убрать вотъ эти штуки-то! сказалъ офицеръ, взявши со стола огромныя ножницы.

— А что?

— Да вѣдь вы позвали Чапурина?

— Чапурина.

— То-то! Вѣдь это я вамъ доложу звѣрь, ему ничего не стоитъ сгубить христіанскую душу.

— За что же онъ насъ съ вами сгубить, вѣдь онъ противъ насъ ничего неимѣетъ, слѣдствіе до него почти не касается, стало быть у него нѣтъ и причины пырнуть котораго нибудь изъ насъ.

— Какая у него причина!.. Онъ отца роднаго ни за грошъ хватить.

Въ это время на дворѣ тюремнаго замка раздалось брянчаніе цѣпей; офицеръ поспѣшно сунулъ подъ кипу бумагъ ножницы, такъ что ихъ вовсе нельзя было запримѣтить и взялъ въ руки перочинный ножикъ. Въ контору съ двумя конвойными ввели Чапурина.

— Терещенко! сказалъ офицеръ одному изъ конвойныхъ, оставшемуся за рѣшоткой, встань здѣсь.

Часовой вошелъ въ самую контору и неподвижно всталъ у шкапа.

Чапуринъ посмотрѣлъ въ сторону депутата; едва замѣтная улыбка показала у него на губахъ.

Чапуринъ былъ молодой человекъ бѣлокурый, съ едва замѣтной, только что начинающей прорываться рѣдкой бородой; лицо Чапурина было изъ числа тѣхъ лицъ, на которыхъ не останавливаются съ перваго раза: въ толпѣ вы не обратили бы на него вниманія, но за то разъ остановившись, вы ужъ никогда не забудете его. Я много видѣлъ на своемъ вѣку антипатичныхъ физиономій, но ни одна изъ нихъ не производила на меня такого отталкивающаго впечатлѣнія; впрочемъ Чапуринъ никакъ не походилъ на тѣхъ героевъ, которыми мы привыкли угощаться во французскихъ мелодрамахъ. Лба у Чапурина почти не было, волосы начинали расти надъ самыми бровями, губы тоже не бросались въ глаза, но за то страшное развитіе челюстей напоминало кровожаднаго звѣря. Во все время спора я хотѣлъ взглядѣться въ цвѣтъ глазъ Чапурина, въ ихъ выраженіе, но не могъ: впадины были такъ глубоки, что скрывали почти глазное яблоко. Только потомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Чапуринымъ, я увидалъ, что глаза его неимѣли своего цвѣта, покрайней-мѣрѣ обыкновенно сѣрые, они иногда какъ-то чернѣли и искрились. Какъ у всѣхъ долго сидѣвшихъ въ тюремномъ замкѣ, лицо Чапурина было зеленогрязноватое, и это еще болѣе усиливало общее впечатлѣніе, произведенное физиономіей. Но что особенно было поразительно при лицѣ Чапурина, такъ это голосъ: я никакъ не ожидалъ услышать такой мягкости, почти нѣжности въ его тонѣ. Во все время какъ этого спора, такъ и послѣдующихъ Чапуринъ говорилъ тихо, нисколько не рассчитывая на эффектъ (какъ это дѣлалъ другой мой осторожный знакомый Домбровский), улыбка никогда почти не сходила съ его широкаго рта. Не видавши лица и незная смыслу кровавыхъ разсказовъ, вы бы никакъ не думали, что этотъ мягкій голосъ принадлежитъ такой личности каковъ былъ Чапуринъ; но увидавши это лицо и услышавши этотъ голосъ, первой мыслью, промелькнувшей въ вашей головѣ, я увѣренъ была бы: «вотъ не дай богъ съ кѣмъ встрѣтиться въ темномъ лѣсу съ глазу на глазъ!» Въ самомъ дѣлѣ не дай богъ: пощады ждать нечего, — рука Чапурина дрогнуть не можетъ.

Я только разъ видѣлъ какъ измѣнилось лицо Чапурина (объ этомъ разѣ мы скажемъ впослѣдствіи)... признаюсь откровенно, невольная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, я едва не отскочилъ отъ Чапурина: такъ страшно было въ это время выраженіе его лица. Красная краска выступила пятнами у него на лицѣ, въ глубокихъ

впадѣнакъ главъ засвѣтился странный огонь. Я думаю, когда Чапуринъ совершалъ первыя убійства, такъ у него было такое же лицо и такіе же глаза.

Между прочими вопросами и спросилъ Чапурина за что онъ находится подъ судомъ.

— За убійство.

— Чтоже, за одно?

— Когда за одно! лѣзливо отвѣтилъ Чапуринъ: — чай вы слышали.

— Нѣтъ ничего не слыхалъ, да и притомъ еслибы я и слышалъ, такъ отъ постороннихъ, а мнѣ нужно это отъ тебя слышать, чтобы записать.

— Коли нужно, такъ извольте: за убійство трехъ человѣкъ на чувашинскомъ затонѣ, за солдата, за бабу...

Чапуринъ остановился какъ бы припоминая.

— Ну.

— Дальше забылъ, ваше благородіе, съ улыбкой отвѣчалъ Чапуринъ.

— Развѣ можно забывать такія вещи?

— Видно можно, коли забылъ.

— Давно ли ты содержишься въ тюремномъ замкѣ?

— Да вотъ ужъ съ покрова четвертый годъ пошолъ.

Замѣйте, что Чапуринъ сидитъ въ острогѣ четвертый годъ: стало быть всѣ убійства совершены имъ двадцати-одного года.

— Что же, ты двадцати лѣтъ такъ накурагьсиль?

— Должно полагать что такъ.

— А что, скучно сидѣть въ острогѣ?

— Очень скучно, неприятностей много. Все лучше, какъ рѣшенье выдѣть.

— Ну, не больно будетъ весело, какъ и выдѣть.

— Извѣстно дѣло не весело какъ Иванъ Захарычъ (имя палача) въ гости позоветъ, а все лучше, покрайности рѣшенье есть. Отвѣляли значить на оба бока, сколько душѣ ихъ угодно, да и въ сторону... съ прежней улыбкой, своимъ ровнымъ голосомъ говорилъ Чапуринъ.

Чапуринъ былъ сынъ очень зажиточнаго верховаго крестьянина-лѣсопромышленника. Незадолго передъ моимъ спросомъ отецъ Чапурина нарочно приѣзжалъ въ нашъ городокъ и видѣлся съ сыномъ.

Старикъ заливался слезами; сынъ оставался все тѣмъ же тихимъ, ровнымъ, улыбка несходила съ его губъ.

— У тебя отецъ былъ недавно? спросилъ я Чапурина...

— Привезалъ старикъ, калачей мнѣ привезъ.

— Жалко тебѣ чай старика-то было?

— Чего мнѣ его жалеть-то, не въ камѣнномъ мѣшкѣ сидитъ, — по своей волѣ гуляетъ.

— Да онъ говорить все плакалъ, какъ съ тобой свидѣлся!

— А низамей его плачетъ, коли охота на те пришла. Нестоя бы заплакалъ, колибъ вотъ въ эдакихъ чертогахъ побывалъ.

— Ну а мать у тебя есть?

— Коли не бывать. У всякаго почитай мать есть, улыбаясь острялся Чапуринъ. И у меня была — да сплыла.

— Какъ сплыла?

— На мазарки значить стацили.

Спросъ Чапурина былъ на этотъ разъ незначительный. По обыкновенію всѣхъ арестантовъ, искусившихся въ практикѣ жизни, Чапуринъ на все отвѣчалъ уклончиво, избѣгая прямыхъ, положительныхъ отвѣтовъ.

— Кто же за тебя руку-то приложить? спросилъ я у Чапурина.

Военный депутатъ, погруженный во все время моихъ спросовъ въ душеспасительное чтеніе какого-то московскаго романа, очнулся отъ своего занятія.

— Какъ приложить? Да вѣдь ты Чапуринъ грамотъ учился?

— Учусь-то учусь! Да какіе мы грамотные...

— Ну все же подписать хоть кое-какъ свою фамилію умѣешь? спросилъ я.

— Кое-какъ-то пожалуй что и съумѣемъ. Да все же мы какіе грамотные.

— Ну если умѣешь кое-какъ, такъ кое-какъ и подписывай.

— По мнѣ пожалуй, отчего не подписать, сказалъ Чапуринъ, взявъ отъ меня перо и очень бойко подписывая свою фамилію.

— Гдѣ это ты такъ наострился?

— Здѣсь, ваше благородіе. Въ острогѣ скучно ужъ значить очинно, вотъ и ходишь учиться...

Спросъ Чапурина кончился, его увели обратно внутрь острога. Чапурина замѣнилъ мѣстный мѣщанинъ, извѣстный конюградъ. По-

куда письмоводитель писалъ заголовку новаго протокола, я обратилъся къ военному депутату.

— Вы здѣсь бываете въ караулъ?

— Какъ неназначали въ депутаты, такъ каждую недѣлю по два раза бывалъ.

— Скажите пожалуйста, чѣмъ занимается Чапуринъ?

— Чѣмъ ему заниматься, Дмитрій Ивановичъ, вмѣшался въ нашъ разговоръ вновь приведенный мѣщанинъ. Пѣсни все поетъ, къ арестантамъ лѣзетъ. А то голубей ловить, да дворянамъ продаетъ.

— Неужели его прошедшее никогда не мучаетъ?

— Что ему мучиться, — кабы у него семья была, другое бы дѣло, а то онъ одинокій... Смѣется все, «надо бы, баить, десятокъ спустить.»

Конокрадъ, какъ видно, тоже имѣлъ довольно своеобразный взглядъ на совѣсть.

— Развѣ Чапуринъ сидитъ въ общей камерѣ?

— А гдѣ ему сидѣть-то? Знамо что въ общей, съ другимъ вмѣстѣ, съ шляхтой.

— Кто это шляхта?

— Домбровский.

Мнѣ приходилось имѣть чуть ли не каждый день дѣла съ арестантами и нерѣдко съ самымъ Чапуринымъ; до послѣдняго нашего столкновенія, Чапуринъ былъ со мной довольно откровененъ: онъ не рисовался своими подвигами, но онъ и не молчалъ объ нихъ, по крайней мѣрѣ не молчалъ объ тѣхъ, которые были открыты предъидущими слѣдствіями. Изъ этихъ-то рассказовъ самаго Чапурина и другихъ арестантовъ, и также изъ слѣдственнаго объ немъ дѣла (которое все цѣликомъ было въ моихъ рукахъ) и изъ свѣдѣній, собранныхъ мною отъ слѣдователей я постараюсь познакомить васъ по крайней мѣрѣ съ крупными чертами, которыми бы могла характеризоваться рельефная личность Чапурина.

1

РОДНАЯ СЕМЬЯ

Чапуринъ, какъ я уже сказалъ, былъ сынъ верховаго крестьянина. Въ довольно зажиточномъ домѣ семьи Чапуриныхъ властелиномъ

былъ восьмидесятилѣтній дѣдъ, старикъ суровый, державшій всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Отецъ Чапурина, которому самому стукнуло за шестьдесятъ, и тотъ не смѣлъ сказать лишняго слова предъ домашнимъ патриархомъ, и тотъ только молча исполнялъ его приказанія. Родъ Чапуриныхъ жилъ въ одномъ домѣ; суровый дѣдъ и слышать не хотѣлъ объ выдѣлѣ котораго нибудь изъ внуковъ: около него группировалась семья, простиравшаяся чуть ли не до сорока человекъ. Село, гдѣ жили Чапурины, лежало на сплавной рѣкѣ, и большая часть жителей его, или въ качествѣ хозяевъ, или въ качествѣ работниковъ занималась гонкой лѣса и лѣсныхъ произведеній въ низовыя губерніи. Максимъ Чапуринъ (герой моего рассказа) съ семнадцати лѣтъ началъ знакомство съ привольной бурлацкой жизнью. То какъ работникъ на отцовскомъ суднѣ, то какъ бурлакъ на чужихъ разшивахъ онъ видѣлъ и Самару, и Саратовъ, и Астрахань, и Казань. Вездѣ въ ватагѣ другихъ бурлаковъ (особливо, когда плылъ на чужихъ разшивахъ) Максимъ ставилъ ребромъ потомъ и кровью нажитой бурлацкій грошъ; набережные кабаки нерѣдко слышали въ своихъ стѣнахъ его бурлацкія пѣсни, дешовыя красавицы нерѣдко заставляли раскошелить его убогую казну. Тяжела была для Максима бурлацкая жизнь, какъ приходилось супротивъ вѣтра по острымъ камнямъ тянуть лямку на нѣсколько верстъ, но зато разгульна была она на иномъ привалѣ. Тяжелѣй бурлачества было Максиму, окончивъ путину, возвращаться въ родное село; съ первымъ же расчетомъ начинали тамъ дѣдовскій посохъ да отцовскій кулакъ учить уму-разуму молодого дурня. Что сурова была школа, въ которой приходилось брать первые уроки Максиму, то подтвердили односельцы Чапурина, когда онъ сталъ уже главнымъ героемъ кровавыхъ драмъ: «Точно, говорили односельцы подъ присягой, отецъ Максима, Кузьма, да дѣдъ Андрей подвергали его жестокимъ наказаніямъ, но не для чего иного, а для исправленія Максима, чтобъ онъ былъ хорошимъ человекомъ.»

Но какъ видно тяжолая школа выправки вовсе не имѣетъ за собой столько данностей для исправленія, сколько думали найти въ ней Андрей и Кузьма. Бурлацкія замашки не оставляли Максима на родинѣ. Да и трудно впрочемъ было отстать отъ нихъ: село, гдѣ жилъ Чапуринъ, было богатое; народъ все проходимецъ, какъ и Максимъ, выдавшій много видовъ на своемъ вѣку; дѣвки все податливыя, были бы только платки да кольца. Правда, въ деревнѣ, да

еще подъ зоркимъ наблюденіемъ отца и дѣда, нелегко было Максиму честнымъ образомъ сколотить деньгу на гульбу, но Максимъ не любилъ останавливаться на путяхъ. Долго быть-можетъ неизвѣстны были бы намъ первыя походы Максима и способы, которыми онъ добывалъ себѣ деньги, еслибы не случилось слѣдующаго происшествія :

Чапурина по окружности всѣ знали какъ за сына зажиточнаго крестьянина. Разъ Максиму крѣпко захотѣлось гульнуть. Не думая долго, онъ отправился въ ближайшее село.

— Робя! старики возчиковъ послали меня искать.

— Чаво вести-то?

— Кульѣ.

— До кѣхъ мѣсть?

— До Царева.

Робя по обыкновенію отвѣчали небольшой паузой и почесали въ затылкахъ :

— Можно!..

— По жеребю чтоли ходите?

— Знамо по жеребю... Лохматый! кличь робятъ на кругъ, жеребья бросать.

Собрались остальные ребята, подрядились въ цѣнѣ на шесть подводъ, бросили жеребій. Максимъ собралъ задатки съ крестьянъ, которымъ выпалъ жеребій, у одного, вмѣсто нехватившихъ денегъ, взявъ кафтанъ, сказалъ, чтобы къ завтрашнему дню всѣ были готовы, а самъ отправился въ ближайшій уѣздный городъ. Подрядные ребята напрасно ждали Максима три дня: Максимъ не являлся, объ куляхъ и слуху не было. Увидавъ, что дѣло выходитъ несовсѣмъ чистое, возчики отправились по указанію Максима въ уѣздный городъ, гдѣ и получили свѣдѣнія, что Максимъ точно былъ въ городѣ, пьянствовалъ два дня, и потомъ ушелъ изъ города неизвѣстно куда. Обманутые возчики пришли съ жалобой къ отцу Максима.

Послѣдняя продѣлка Максима вывела стариковъ изъ себя. Увидавъ, что домашними расправами, потасовками и кулаками исправленія не достигнешь, старики думали испробовать еще мѣру: въ мѣстное сельское управленіе отъ имени отца Максима подается объявленіе такого рода :

«Родной сынъ мой Максимъ Чапуринъ, постоянно занимаясь распутствомъ и пьянствомъ, въ разное время учинилъ разнымъ

кражи, а именно: у родной матери Аграфены Кондратьевой холота украсть на двадцать рублей, у дѣда своего Андрея Александрова небѣшеннаго холста двѣсти-десять аршинъ, мелкія гири, кадку меду, поясъ, платни; у проходящаго нищаго муки на семдесятъ-пять копѣекъ серебромъ; у сестры Прасковьи два сарафана и т. д. (мы не высчитываемъ всѣхъ мелкихъ кражъ) да кромѣ того безъ позволенія моего навялъ возчиковъ подъ куле до Царева, и взялъ съ нихъ задатку девять рублей серебромъ, кои и прогулялъ неизвестно гдѣ, а потому прошу родного сына моего Максима за распутство, неповиновеніе и разныя кражи заключить подъ стражу и наказать.»

Это было первое дѣло о Чапуринѣ; при разслѣдованіи его всѣ показали согласно объявленію отцовскому, только мать Максима отвѣчала, «что она претензіи на сына не имѣетъ и оную оставляетъ»; самъ же Максимъ въ кражахъ не сознавался, исключая только материнскихъ холстовъ, а про возчиковъ говорилъ, что занималъ по отцовскому приказанію. Кромѣ того при спросахъ Максимъ показывалъ, «что отецъ его Кузьма Андреевъ и дѣдъ Андрей Александровъ обращаются съ нимъ жестоко, причиняютъ ему побой чѣмъ ни попало, и изъ нихъ первый даже прошибъ ему голову, отчего и имѣется у него знакъ.»

Максимъ впрочемъ не дождался окончанія перваго дѣла: онъ «учинилъ побѣгъ». И съ этихъ поръ начинается длинный перечень его страшныхъ похожденій.

Какъ и слѣдовало ждать, Максимъ отправился къ тѣмъ привольнымъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ все рѣже и рѣже начинаетъ раздаваться «стонъ безконечный» бурлацкая пѣсня, — на Волгу; на ней совершалъ Максимъ свои первые подвиги.

II

ДОЩЕНИКЪ

Въ городъ С. присталъ въ послѣднихъ числахъ іюля 18.. года дощеникъ (т. е. небольшое судно), нагруженный глиняной посудой. Изъ накладной видно было, что хозяиномъ дощеника былъ вятской губерніи крестьянинъ Зиновій Чубовъ. На дощеникѣ кромѣ хозяина находились внукъ его, четырнадцати-лѣтній мальчикъ и

работникъ, ихъ односелець, тоже несовершеннолѣтній Александръ Забиринъ. Кромѣ глиняной посуды и необходимой рухляди, въ углу гладкушки стоялъ небольшой сундукъ, деревянный, обитый желѣзными полосами. За сильными вѣтрами и за недостаткомъ хлѣба Зиновій Чубовъ, приставъ съ своей посудиною къ С., гдѣ переночевавъ и купивъ чего надо, хотѣлъ уже сниматься съ якоря, чтобы плыть дальше, какъ къ дощенику подошелъ какой-то человекъ въ желтомъ кафтанѣ, въ кожаной шапкѣ и сталъ рядить Чубова свезти его до Хвалыни. Дѣло скоро уладилось за тридцать копѣекъ.

— Ты изъ кѣхъ мѣсть-то? спросилъ только Чубовъ вновь прибывшаго.

- Изъ верховыхъ.
- Да изъ кѣхъ?
- Изъ Макарья.
- А какъ прозываешься?
- Архипъ Николаевъ.
- Въ бурлаки штоли идешь?
- Знамо въ бурлаки.
- Ладно.

Не успѣлъ отплыть дощеникъ отъ С. сорока верстъ, какъ поднялся страшный вѣтеръ съ луговой стороны. Какъ ни работалъ Чубовъ со своими мальчуганами, но дощеникъ не могъ устоять противъ вѣтра: его прибило къ чувашинской косѣ. Такъ какъ дѣлать было нечего, то Зиновій Чубовъ вмѣстѣ съ внукомъ своимъ и Архипомъ Николаевымъ вышли на берегъ, набрали сухого валежника, развели огонь и легли около него; мальчикъ оставался спящимъ на дощеникѣ.

— Вотъ я лежу около костра-то! какъ мнѣ потомъ рассказываеь Чапуринъ, онъ же макарьевскій бурлакъ Архипъ Николаевъ: — да все думаю: толста видно мошна у старика, вонъ какой сундуцище въ углу стоитъ.

● А у тебя были въ ту пору деньги?

— Каки у бурлака деньги! путина была малая, до Василя только, что на харчахъ проѣлъ, что съ ребятами прогулялъ.

— Какже тебя принимали на суда? Вѣдь ты былъ безпашпортный?

— Вона!.. Тамъ нашего брата судариковъ залетныхъ косыми десятками считай. — Вотъ я лежу да и думаю, какъ бы отъ старика казену получить. Какъ есть всю дорогу продумалъ, не токмо что у

костра. Да какъ ее получить? трое въ шеостеро глазъ на тебя смотрятъ, а ты одинъ.

— Парень! говорю я старикову мальчугашкѣ: — ай-да въ лѣсъ.

— Пошто?

— Ягодъ голова нонѣ баючь много.

— Пошли мы съ парнишкомъ въ лѣсъ, а лѣсъ-то отъ косы былъ недалече. Вотъ какъ мы взошли въ чашу-то, я его по этому мѣсту (Чапуринъ показалъ на високъ) кулакомъ и ударилъ. Знамо, много ли нужно мальчугашкѣ, — снопомъ на землю и повалился.

— Такъ до-смерти сразу и убилъ?

— Когда до-смерти. Я опосля этого по затылку его ногой два раза ударилъ, значить какъ показалась кровь, такъ ему тутъ и духъ вонъ. Обождавъ малое время, пошолъ я къ костру: старикъ лежить выпучивъ глаза.

— А гдѣ, баить, Сергунька? Я молъ, видно онъ заблудился, пошли въ лѣсъ вмѣстѣ, да поотсталъ онъ отъ мѣня, я его изъ видовъ потерялъ; пойдемъ, молъ, искать, неровенъ часъ...

— Поднялся старикъ съ мѣста; я смеаю, что съ этимъ такимъ манеромъ не управисься; далъ ему впередъ уйти, а самъ къ костру вернулся, топоръ взялъ.

— Ну!

— Что ну, нагналъ его да по головѣ и окрестилъ, и эфототъ видно со смѣху по сырой землѣ покатился.

«Послѣ этого пошолъ я къ кладнушкѣ, застучалъ штоли, только работникъ проснулся. «Гдѣ, баить, хозяйева?» — Знамо, говорю, гдѣ, на землѣ, у костра, грѣются. Парнишка съ моихъ словъ вернулся въ полушубокъ, да опять захрапѣлъ. Ну и этому карачуна задалъ.

— Вѣдь онъ спалъ; чего ты его не пожалѣлъ?

— Чего жалѣть, крѣпче спать будетъ! улыбаясь отвѣчалъ мнѣ Чапуринъ.

«Пришла мнѣ на пути — такъ записано со словъ Чапурина у слѣдователя объ этомъ происшествіи, — въ голову мысль сдѣлать преступленіе, убить хозяина дощеника и двухъ малаго роста мужинъ, бывшихъ съ нимъ, — эту мысль я, Чапуринъ, всѣми силами старался отклонить, но сего сдѣлать былъ не въ состояніи и рѣшился быть убійцею, да и притомъ, прибавляетъ Чапуринъ, во все сіе время я былъ въ горячности, раздраженіи и пьяномъ видѣ.»

Совершивъ преступленіе, Чапуринъ разбилъ сундукъ, взявъ имѣвшіяся въ немъ деньги, счетомъ девяносто-пять рублей ассигнаціями, кафтанъ черный, фабричнаго сукна, кожаную сумку, отвязавъ отъ владлушки лодку и переправясь на ней черезъ Волгу, пошелъ въ близлежащее село Шамонино къ знакомому ему крестьянину.

На другой день нѣсколько крестьянъ изъ села, ближайшаго къ мѣсту совершенія преступленія, случайно пристали къ острову и открыли страшную истину. Старикъ Чубовъ и его внукъ были мертвы, малолѣтняго работника крестьяне успѣли привести въ чувство.

Началось слѣдствіе.

Чапуринъ однакожъ неудачно зашелъ къ знакомому крестьянину въ село Шамонино. Несмотря на всю боязнь суда и слѣдствія, тотъ самъ безъ вызова явился къ слѣдователямъ и далъ имъ нить, гдѣ и въ какомъискать настоящаго убійцу.

Вотъ что показалъ крестьянинъ Даниловъ (фамилія знакомаго Чапурина).

«22 іюля, бывши въ городѣ С., встрѣтился Даниловъ (на берегу Волги) съ знакомымъ по бурлачеству крестьяниномъ Максимомъ Кузьминымъ Чапуринымъ, который на спросъ, зачѣмъ онъ въ С., сказалъ, что онъ, Чапуринъ, вѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ ѣздитъ внизъ для продажи выдѣланныхъ лодокъ; 23 же іюля Даниловъ видѣлъ, какъ тотъ Чапуринъ садился на дощеникъ, на коемъ было три неизвѣстныхъ крестьянина, изъ коихъ одного доподлинно призналъ за Заборина, и видалъ, какъ они поплыли внизъ по рѣкѣ Волгѣ, а 25 іюня, послѣ солнечнаго заката, Чапуринъ, подошедши къ окну моего дома, сказалъ женѣ, что онъ, Чапуринъ, оставилъ на берегу Волги лодку, которую просилъ побережь, а если будутъ покупатели, то продать ее за одинъ рубль серебромъ, обѣщавъ за деньгами захватить въ будущемъ году.»

Показанная Заборину лодка была имъ признана за принадлежащую Чубову; по описанію Данилова Чапуринъ былъ совершенно схожъ съ бурлакомъ Архипомъ Николаевымъ. Слѣдъ убійцы былъ найденъ, сообщено было въ мѣсто жительства о высылкѣ Максима Чапурина за надлежащимъ конвоемъ.

III

ЛОШАДЬ

— Зачѣмъ же ты въ жительство пришолъ, когда зналъ за собой такое дѣло? Да наконецъ вѣдь ты и дома былъ подъ судомъ, ты и оттуда убѣжалъ? спросилъ однажды я у Чапурина.

— Молодо зелено значитъ было, школу не произошолъ всю, теперь знамо етого не сдѣлаю.

— Ну, да теперь не придется сдѣлать! замѣтилъ смотритель острога: — въ каменныхъ палатахъ сидишь, на волю незачѣмъ идти.

— Почему знать, — старуха баютъ на двое ворожила: либо дождикъ либо снѣгъ, либо ведро либо нѣтъ! съ своей обыкновенной улыбкой отвѣчалъ Чапуринъ.

По совершеніи убійства Чубовыхъ, Чапуринъ отправился на родину. Въ самомъ дѣлѣ богъ-вѣсть что его влекло туда. При самомъ вѣздѣ въ родное село, Чапурина встрѣтили караульщики, изъ которыхъ одного онъ послалъ за водкой и пропьянствовалъ съ ними всю ночь. Напившись пьянымъ, Чапуринъ стрѣлялъ изъ пистолета, ругался скверными словами, и похвалялся, что въ мірѣ онъ никого не испужается, а что его всякіе люди и звѣри будутъ бояться. Впрочемъ на этотъ разъ Максимъ бражничалъ недолго, дома уже ждала его бумага о заарестованіи и высылкѣ куда слѣдуетъ. Въ мѣстномъ сельскомъ управленіи Чапурина спросили только гдѣ онъ былъ и откуда взята имъ лошадь? На такіе вопросы Чапуринъ отвѣчалъ: «а изъ жительства своего я отлучился въ городъ Хвалынь безъ письменнаго вида, для бурлацкой работы; возвращаясь же оттуда, купилъ въ селѣ Уржумскѣ на заработанныя деньги у неизвѣстнаго мнѣ крестьянина означенную лошадь, гнѣдую кобылу съ роспискою, которая въ городѣ М., во время пьянства въ гостиницѣ мною затеряна.»

Но не такъ отвѣчалъ Чапуринъ, когда спрашивали его неофициальныя лица откуда взялась у него гнѣдая кобыла. Чапуринъ любилъ остриться.

— Подъ березой, сударики, нашолъ; вижу, лошадка добрая, — сѣлъ на нее верхомъ, да и покатылъ.

— Да вѣдь ты въ телѣгѣ приѣхалъ?

— Въ телѣгѣ? ну и телѣгу нашолъ. Ужь такое видно мое счастье.

Насколько дѣйствительно помогало счастье Чапурина въ отысканіи лошади и телѣги, показываетъ слѣдующее :

Въ августѣ мѣсяцѣ, то-есть вскорѣ послѣ убійства Чубовыхъ обывателями деревни Федюлиной привезенъ былъ въ контору крестьянскій мальчикъ, — найденный ими въ лѣсу въ безчувственномъ состояніи. Прийдя въ сознаніе этотъ мальчикъ сказалъ : что онъ крестьянскій сынъ Загуляевъ, былъ посланъ отцомъ своимъ на ихъ гнѣдой кобылѣ съ неизвѣстнымъ пассажиромъ до села Мамина, но на дорогѣ при вѣздѣ въ лѣсъ, тотъ пассажиръ, имѣя въ рукахъ пистолеть, сталъ требовать идти съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсъ стрѣлять птиць. Когда же онъ не послушался, то пассажиръ потащилъ его насильно. Испугавшись чего, Загуляевъ сталъ кричать, потомъ вырвавшись побѣжалъ по дорогѣ, но пассажиръ нагнавъ, ударилъ его по головѣ. Что было послѣ того Загуляевъ не помнилъ.

Мальчикъ Загуляевъ послѣ рассказа умеръ на третій день.

Но Максиму и на этотъ разъ не посчастливилось : — хотя отецъ убитаго Загуляева не зналъ кто былъ пассажиръ, съ которымъ онъ отправилъ своего сына до села Мамина, точно также не зналъ по имени и отчеству его односелецъ Загуляева, Губинъ, къ которому обратился сперва Максимъ за наймомъ лошади, и который привелъ его къ Загуляеву, но дѣло въ томъ, что уѣздъ, гдѣ было совершено Максимомъ послѣднее преступленіе, приходился рядомъ съ уѣздомъ родного села Чапурина. Въ народѣ пошла молва, что въ деревнѣ Жигуляхъ убить мальчикъ Загуляевъ, что у него отнята гнѣлая кобыла. Лошадь, на которой возвратился въ свое село Максимъ приводила всѣхъ въ сомнѣніе своимъ сходствомъ съ отнятой у убитаго. Молва стала прямо называть Максима убійцей Загуляева.

Къ счастью на этотъ разъ мѣстное начальство неосталось глухо къ народной молвѣ. Хотя Максимъ уже былъ препровожденъ въ то время на мѣсто убійства Чубиныхъ, но отобранная отъ него лошадь отправлена была для показанія въ деревню Загуляева. Всѣ жители подъ присягой сказали, что лошадь и збруя принадлежатъ Загуляеву.

— Бога ты небоишься Максимъ, говорилъ потомъ отецъ убитаго Загуляева на очной ставкѣ Чапурина : — зачто ты сгубилъ неповинную душу? что тебѣ сдѣлалъ мой сынишка?

— Что ты ко мнѣ лѣзешь, отвѣчалъ на это Чапуринъ: — я и тебя-то въ первый разъ вижу, не токма что твоего сына.

— Да чтоже, клевету чтоли я на тебя возвожу; тать, чтоли я церковная, что гублю тебя понапрасну?

— Извѣстное дѣло понапрасну. Ты вишь — человѣкъ въ несчастіи, беззащитный значить.

— А лошадь-то къ тебѣ какъ моя попала. Али не моя? Стало опять клевету навошу.

— Я ужъ вотъ сказывалъ ихъ благородію, что лошадь во Уржумскѣ купилъ. Почему я знаю, можетъ она и твоя, да только-что куплена она на собственные денежки.

— Душегубецъ ты, Максимъ, отдашь отвѣтъ Богу.

Максимъ улыбнулся.

— Знамо отдамъ, коли спросить, — все же не тебѣ.

— Эй Максимъ, покайся, уговаривалъ и слѣдователь со своей стороны: — уликъ много противъ тебя, легче будетъ какъ правду скажешь.

— Да что вы, ваше благородіе, ихъ сторону держите; я жаловаться по начальству буду, притѣсненіе чините.

Напрасны были улики матери убитаго, Губина и еще крестьянина, видѣвшаго какъ Максимъ выѣзжалъ изъ деревни съ убитымъ Загуляевымъ: Максимъ на все отвѣчалъ, что онъ знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, что онъ не только у Загуляевыхъ не ночевалъ, съ ихъ мальчикомъ неотправлялся, но что онъ и въ ихъ деревнѣ отродясь небывалъ.

— Скажите пожалуста, какъ вы достигли того, что вамъ такъ откровенно сознался Чапуринъ въ убійствѣ Чубовыхъ? спросилъ я у одного изъ слѣдователей.

— Развѣ мы мало съ нимъ бились: стоитъ на одномъ, что ничего не знаетъ, на улики свидѣтелей отвѣчаетъ, что они клевету поносятъ, Данилова упрекаетъ, что онъ присягу ложно принялъ, изъ-за того что разъ въ кабакѣ съ нимъ поссорился. Къ счастью, Чапуринъ не приготовился увидать Заборина, храбрости не хватило посмотреть мальчику прямо въ лицо: вѣдь Максимъ думалъ, что въ живыхъ-то никого не осталось. Неповѣрите, затресся весь, какъ увидалъ Заборина. Что, говорю, Чапуринъ, твое дѣло? Виновать, говорить, ваше благородіе. Ну, говори же какъ было? Такъ и такъ говорить.

IV

ТЕМНОЕ ДѢЛО

Дѣла о преступленіяхъ Чапурина начинали приходиться къ концу; милостиваго рѣшенія ждать конечно было нечего: плети и каторга лежали впереди. Много замышлялъ Максимъ способовъ избѣжать наказанія, но всѣ изобрѣтенные имъ способы оказывались неудачными въ приложеніи къ практикѣ; оставалось одно — надѣяться на будущее. Но какъ затянуть дѣло? Какъ отдалить время рѣшенія?

— Чувствуя сердечное раскаяніе и угрызения совѣсти въ совершенныхъ мною преступленіяхъ, я желаю быть вызваннымъ въ присутствіе уѣзднаго суда, дабы тамъ передъ зеркаломъ и праведными судьями открыть новое мое преступленіе и воспринять за оное достойное наказаніе! пишетъ между-прочимъ Максимъ въ своемъ прошеніи къ прокурору.

И вотъ Максимъ стоитъ передъ праведными судьями и приноситъ сердечное раскаяніе:

— Въ 18.. году, недѣли за четыре до праздника рождества христового, такъ кается Максимъ: — былъ я въ городѣ З. въ питейномъ домѣ съ знакомымъ государственнымъ крестьяниномъ села Сѣчинной, по имени Кириломъ, по отечеству мнѣ неизвѣстнымъ; отъ роду ему, Кирилъ, двадцать-два года, волосы у него на головѣ и бородѣ темнорусые, росту онъ двухъ аршинъ и восьми вершковъ, особыхъ примѣтъ не имѣеть. Во время пьянства моего съ Кириломъ, въ питейный домъ вошелъ мордвинъ Исая; про коего Кирилъ мнѣ сказывалъ, что онъ человѣкъ богатый, торгуетъ кулями, для чего часто ѣздитъ въ городъ З. После того, я Максимъ Чапуринъ, незамышляя ничего злонамѣреннаго, возвратился въ свое мѣсто жительства... Недѣли черезъ полторы вышеозначенный Кирилъ, прибывши къ намъ въ село, и свидѣвшись со мною на берегу рѣки Имжи, передалъ мнѣ сначала, что мордвинъ Исая отправился въ городъ З. съ кулями, а потомъ сталъ прельщать и уговаривать меня ѣхать въ тотъ же городъ, чтобы на пути ограбить Исая и раздѣлить его деньги. Согласившись на такое преступное намѣреніе, отправился я съ Кириломъ на его лошади въ г. М., гдѣ и остановились у питейнаго дома. Въ кабакѣ мы застали Исая; впрочемъ при насъ пробылъ онъ тамъ

недолго и, выпивъ козушку вина, отправился домой; мы же, вознамѣрившись исполнить задуманное прежде злодѣйское намѣреніе, отправились вслѣдъ за нимъ. Отѣхавши отъ г. З. верстъ семь, нагнали мы мордвина Исаю въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, идущаго за лошадей. Кириль оставивъ Исаю силится повалить его на землю, но Исай сбросивъ съ себя тулупъ, побѣжалъ по дорогѣ, а лошадь его ускакала впередъ. Кириль видя это, побѣжалъ за мордвиномъ Исаемъ, догнавъ его, схватилъ за горло и задушивъ положилъ лицомъ въ сѣнъ; я же Чапуринъ, слѣзши съ лошади и помоги Кирилу справиться съ Исаемъ, хотѣлъ взять имѣющіеся у него деньги; но увидавъ влущихъ по дорогѣ на трехъ лошадяхъ неизвѣстныхъ крестьянъ, слѣлъ съ Кириломъ на лошадь и ускакалъ...

Открывая передъ праведными судьями свое новое преступленіе, Чапуринъ между-прочимъ прибавилъ, что если Кирило въ сообщничествѣ съ нимъ будетъ заператься, то онъ надѣется «уличить его и привести къ чистосердечному раскаянію.»

Начало новое слѣдствіе. Солоно пришлось оно сѣченцамъ, не вкуснѣ было и мордвамъ, — односельцамъ Исаю. Всякій кто звался Кириломъ былъ тянутъ на становую квартиру, всѣмъ чинили допросы: и старымъ, и молодымъ, и высокимъ, и низкимъ, и блондинамъ, и брюнетамъ. Несчастные Кирилы не знали что дѣлать со своимъ именемъ. Смятеніе по деревнѣ пошло великое; въ дремучій лѣсъ Кирилы побѣги стали чинить.

Но несмотря на всю строгость слѣдствія, преступнаго Кирилу не могли никакъ найти: тотъ ростомъ не выходилъ, у того волосы чернѣе оказывались; тотъ старъ, тотъ малъ... Сколько ни тянуло временное отдѣленіе народу предъ свои ясныя очи, сколько ни распачалось краснорѣчія предъ Кирилами, а дѣло все впередъ неподвижало.

А случай былъ въ самомъ дѣлѣ очень темный... Хотя въ в-скихъ присутственныхъ мѣстахъ и не было дѣла «объ убійствѣ мордвина Исаю», но зато было другое къ нему подходящее: «о найденномъ въ поемныхъ лугахъ рѣки Имжи мертвомъ тѣлѣ мордвина деревни новой Тукмачи, Исаю, и объ утаенныхъ при свидѣтельствѣ его деньгахъ старшиною Пахомовымъ и застѣвателемъ Дружининымъ».

Внимательно просматривая дѣло о «мертвомъ тѣлѣ Исаю» мы только ежеминутно восклицали: «темна вода въ облацѣхъ небесныхъ!» Весь экстрактъ этого дѣла заключался вотъ въ чемъ: крестьянинъ Фадѣевъ, бывши въ поемныхъ лугахъ, усмотрѣлъ неиз-

вѣстно кому принадлежащіе сани, въ которыхъ лежали онучи, и новые лапти, и недалеко отъ нихъ шапку и тулупъ, и все это представилъ по начальству; другой же крестьянинъ Пантелей Кобылинъ объявилъ, что имъ въ поемныхъ лугахъ найдено мертвое тѣло челоуѣка, лежащее внизъ лицомъ. Челоуѣкъ этотъ оказался вышеозначеннымъ Исаемъ, а кафтанъ и онучи ему принадлежащими. Земская полиція спросила родственниковъ Исаю, спросила (покрайней-мѣрѣ въ дѣлѣ такъ значитъ) односельцевъ его: — всѣ показали, что Исай ѣздилъ въ Э. для продажи куля, и возвращаясь оттуда домой *своятно* по случаю бывшей мятели сбился съ дороги, заѣхалъ потомъ въ поляню и выѣзши оттуда, хотя дорогу нашолъ, но выбившись изъ силъ, замерзъ. Врачъ, какъ слѣдуетъ, рѣзалъ Исаю и ученымъ образомъ, съ подтвержденіемъ авторитета врачебной управы, доказалъ: «что причина смерти Исаю былъ кровавой апоплектической ударъ головного мозга и легкихъ, и этотъ ударъ произошелъ отъ замерзанія».

Слѣдователь замерзанія Исаю, какъ видно, любилъ лаконизмъ, — что можно видѣть изъ того, что другихъ свѣдѣній кромѣ вышесказанныхъ никакихъ въ дѣлѣ не имѣется. Какъ попалъ Исай въ одну сторону, а его кафтанъ и шапка въ другую, гдѣ его лошадь, какъ она могла выйти изъ оглобелъ: все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Перебравъ всѣхъ имѣющихся на лицо Кириловъ, временное отдѣленіе обшлось новой мыслью: вызвать самого Чапурина на мѣсто изслѣдованія и заставить его показать, который же изъ Кириловъ его соучастникъ въ убійствѣ Исаю. Вызвали Чапурина.

Но опять, удивительное дѣло! лишь только Максимъ прибылъ на мѣсто, какъ затянулъ совѣтъ другую пѣсню:

— Никакого Кирила изъ деревни Сѣчиной, показывалъ на этотъ разъ Чапуринъ, я незнаю, а мордвина Исаю никогда и ни съ кѣмъ не душилъ и ограбить его намѣренія не имѣлъ, да и въ то время, какъ найденъ былъ Исай въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, я, Чапуринъ находился самъ въ разныхъ мѣстахъ въ отлучкѣ, занимаясь пьянствомъ, и только отъ неизвѣстныхъ людей слышалъ о томъ, что Исай найденъ мертвымъ; принялъ же я, Максимъ Чапуринъ на себя новое преступленіе совершенно безвинно, по совѣту одного неизвѣстнаго мнѣ арестанта, для того чтобы меня переслали въ М. тюремный замокъ, а дѣло бы мое рѣшили въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ».

Тѣмъ дѣло объ Исаѣ и покончилось. Умеръ ли въ самомъ дѣлѣ

Исай отъ «замерзавія», какъ значилось въ протоколѣ врача, или еще новое преступленіе лежитъ на душѣ Максима, богъ-вѣсть.

Максимъ обыкновенно только улыбался, когда впоследствии я спрашивалъ его объ Исая.

V

ПОВѢГЪ И НОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

Въ селѣ Радищевѣ около удѣльнаго приказа собралась толпа народа. Изъ шума, маханья рукъ, оживленныхъ лицъ можно было заключить, что совершилось что-то важное; изъ говора толпы вырвались только отдѣльныя фразы.

— Глянь-ка, глянь-ка, пострѣломъ его полоть.

— Эка бѣда кака стряслась!

— Бѣжалъ!

— Подь-ка, поди — ты больно зудкой — нашолъ!

— Да какъ это Микитка-то проштрафился!

— Загубятъ сердешныхъ!

— Али тебѣ животы-то надобли! Сунься!

— Онъ-тѣ косы-то зѣнки вышибить!

Народъ волновался, шумѣлъ. Посреди приказа стояли два крестьянина, — на нихъ не было лица.

— Повезли, знашь, мы его мимо проселку-то. Онъ окаянный и бѣжалъ. Какъ есть бѣжалъ. Пропали наши головушки! говорили только мужички.

— Наглохтились знать... съ крѣпкимъ словомъ и съ зуботычи-нами приставало къ мужикамъ начальство.

— Пошто наглохтятся, — маковой росинки не было во рту. Вотъ-те Христокъ не было. Разрази на семь мѣстѣ.

Сбитая деревня, вооруженная дреколіями, отправилась по приказу начальства въ лѣсъ, искать бѣглеца... но увы! Бѣглеца простыль и слѣдъ. Ктоже бѣжалъ спросите вы? Да все онъ же, Максимъ Чапуринъ.

Максимъ не даромъ затягивалъ слѣдствія и выжидалъ случая. Случай дѣйствительно представился: при новомъ пересмотрѣ дѣла оказалось нужнымъ дать Максиму очную ставку съ какимъ-то крестьянникомъ, для чего потребовалось переслать его въ мѣстный

земскій судъ, который распорядился съ двумя крестьянами отгнать его въ станovouю квартиру. Впрочемъ мы лучше послушаемъ какъ самъ Чапуринъ будетъ рассказывать о своемъ побѣгѣ.

Изъ дѣлъ производившихся о Чапуринѣ не видно, гдѣ скрывался и что дѣлалъ онъ въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ со дня совершенія побѣга. Но потомъ имя Максима снова является сопрвождаемое такими же страшными какъ и прежде рассказами.

Верстахъ въ десяти отъ села Дроздики, изъ поемныхъ луговъ съ сѣномъ тащатся два крестьянина...

— К-а-р-а-у-л-ъ! раздается въ глубинѣ оврага.

Крестьяне стали прислушиваться: крикъ повторился въ другой разъ; они воѣ соскочили съ возовъ и бросились на крикъ. Въ глубинѣ оврага, у родника лежалъ крестьянинъ и громко стоналъ. Около него находился огромный камень, завернутый въ мѣшокъ. Прибѣжавшіе крестьяне стали спрашивать стонавшаго что съ нимъ.

— Шолъ я, говорилъ стонавшій: — изъ деревни Гуошки, гдѣ въ батракахъ служилъ, домой; у знаменской межи повстрѣчался со мной бурлакъ штоли какой. Знашь дѣло-то на дорогѣ было, мы и пошли вмѣстѣ. Калякаемъ: ты мошь откѣлева? баить; — въ бурлакахъ на расшивѣ купца Поднавозова ходилъ. Изъ нѣхъ мѣсть-то? Изъ верховыхъ вольный, Максимъ Чапуринъ прозываюсь. Каки заработки-то были? А ты, знашь онъ-то баить мнѣ: — откѣлева? Я, мошь, въ работникахъ былъ, домой иду. Такимъ манеромъ идемъ мимо Грязнухи... Зайдемъ, баить, въ питейный? Зайдемъ... Какъ зашли мы въ питейный, выпили значить тамъ, а какъ деньги цѣловальнику отдавалъ, мощну и покажи ему свою — красенькая тамъ у меня была. Вотъ какъ вышли изъ кабака, идемъ мимо оврага. «Сойдемъ, онъ баить мнѣ: — родникъ тамъ есть, загорѣлось у меня нутро больно: — положимъ маелько», сошли туда... Я напимшись, ничкомъ, вотъ эвадимъ манеромъ легъ; онъ сгрѣбъ камень, положилъ его въ мѣшокъ, да меня вдоль спины и огрѣлъ... Свѣтика, братцы, не взвидѣлъ! Какъ заору благимъ матомъ, а онъ меня вдругорядъ. По головѣ имъ хотѣлъ ударить, да малу дагъ. Я вдругорядъ заоралъ. Онъ вражій сынъ и бѣжалъ.

Новое преступленіе Максиму Чапурину неудалось совершить: привычная рука измѣняла ему, кистень оказался менѣе благонадежнымъ орудіемъ, чѣмъ топоръ.

Послѣ покушенія на жизнь батрака, мы встрѣчаемся съ Макси-

можъ въ совершенно противоположной сторонѣ... Но куда бы ни шолъ этотъ страшный человѣкъ, кровь повсюду сопутствуетъ ему.

Недѣли черезъ три, послѣ описаннаго мною промешествія въ обратъ, по проселочной дорогѣ, часу въ седьмомъ вечера, шли два человѣка: одинъ въ солдатской шинели, другой въ крестьянскомъ кафтанѣ и лаптяхъ съ толстой палкой въ рукѣ. Оба путника были на веселѣ...

— Я кавалеръ! значить могу, — приставала шинель къ кафтану.

— Отстань, я-те говорю, сказано не лѣзь.

— Службу я почитаю, начальство въ уваженіи имѣю. Ихъ благородіе говорить: «Ты у меня что не есть первый.»

— Педь-на, нужда миѣ какая, что ты первый: меня самого Акулька дома ждетъ.

— То значить баба... Тьфу! какъ есть баба... Я царской слуга, а ты бѣглый.

— А коли я бѣглый, что жъ ты ловить что ли меня вздумалъ, по начальству представлять?

— И представляю, награду получу...

— Рыломъ еще не вышелъ. Руки не доросли поймать меня, обшибу...

При послѣднихъ словахъ въ мягкомъ голосѣ кафтана послышалась угрожающая нота... Но солдатикъ не унимался съ своей ревностью къ начальству: — онъ не зналъ съ какимъ человѣкомъ имѣть дѣло. Чѣмъ дальше шли путники, тѣмъ разговоръ ихъ становился все горячѣе и горячѣе.

— Я тебѣ говорю давай паспортъ? Крикнулъ солдатикъ схватывая за шиворотъ кафтанъ.

Дальше Максимъ (это былъ онъ) не выдержалъ, ударомъ кулака онъ ешибъ съ ногъ солдатика...

Въ тотъ же день обыватели деревни Задировки, возвращаясь съ базара, нашли на своемъ полѣ, саженьяхъ въ шести отъ дороги, обезображенный трупъ солдатика. Трупъ былъ страшно изуродованъ. Случай скоро открылъ настоящаго убійцу...

Въ то время какъ шолъ по дорогѣ Максимъ Чапуринъ съ радными Михайловымъ, по той же дорогѣ проѣзжалъ въ село Шестаково (находящееся въ десяти верстахъ отъ Задировки) становой пристава. Почему-то онъ обратилъ вниманіе на идущихъ и замѣтилъ ихъ лица и одежду. Лишь только дано было знать о найденномъ мертвомъ тѣлѣ солдатика, у станового пристава тотчасъ же явилось

подозрѣніе въ убійствѣ его на человѣка, бывшаго съ нимъ спутникомъ.

Верстахъ въ тридцати отъ Задировки находится городокъ Л., служащій однимъ изъ пунктовъ найма рабочихъ на суда. Такъ какъ солдатикъ и Максимъ Чапуринъ шли по направленью къ этому городу и нѣкоторые признаки въ костюмѣ указывали, что Максимъ занимается бурлачествомъ, то становой приставъ не медля отправился прямо въ Л., гдѣ послѣ небольшихъ розысковъ Максимъ былъ найденъ въ одномъ изъ городскихъ кабаковъ.

Незнаю что за причина, скорое ли приближеніе зимы, во время которой бродяжничать очень неудобно, краткость ли времени отъ совершенія преступленія, или что другое, только на этотъ разъ Максимъ недолго заперался.

— А бѣжалъ я, Максимъ Андреевъ Чапуринъ, съ дороги, когда пересылали къ становому приставу для очныхъ ставокъ, учинивъ сіе при пособіи крестьянина, меня сопровождавшаго. Получивъ свободу, намѣревался я пробраться къ киргизамъ; бродяжничая же по разнымъ мѣстамъ, на перевозѣ чрезъ рѣку Волгу въ деревнѣ Поднавозной сошелся я съ неизвѣстнымъ солдатомъ, оказавшимся нынѣ рядовымъ Михайловымъ, съ которымъ вмѣстѣ и отправился по дорогѣ къ городу Л. По приходѣ въ село Мачурино зашли въ питейный домъ, гдѣ выпили вина: Михайловъ три шкалика, а я, Чапуринъ, косушку; по дорогѣ же солдатъ Михайловъ сталъ приставать ко мнѣ, Чапурину, и спрашивать кто я и откуда, и потомъ схвативъ меня сталъ требовать пашпортъ; опасаясь, чтобы онъ, Михайловъ, не удержалъ меня, сталъ я, Чапуринъ, отталкивать отъ себя его, Михайлова, и потомъ поваливъ на землю рѣшился убить его.

Максима опять повезли (только на этотъ разъ съ большими предосторожностями) въ село Радицево, чтобы тамъ онъ указалъ на того изъ провожатыхъ, которому далъ пять рублей серебромъ, за способствованіе въ побѣгъ. Но по прибытіи на мѣсто, Максимъ по обыкновенію отказался отъ своихъ показаній.

— Бѣжалъ же я съ дороги, такъ говорилъ Максимъ: — безо всякой чужой помощи, вытянувъ самъ внутренность замка дубовымъ прутикомъ. Показалъ же я прежде, что далъ за побѣгъ провожавшему меня крестьянину пять рублей серебромъ — ложно, оттого единственно, что во время допроса былъ пьянъ.

VI

ПОКУШЕНІЕ КЪ ПОБѢГУ И НОВОЕ ТЕМНОЕ ДѢЛО

Новыя преступленія Максима затянули опять на долго исходъ дѣла; снова пошло гулять оно отъ одного слѣдователя къ другому, изъ одной судебной инстанціи въ другую: тамъ не даны очныя ставки, тамъ не вынесены справки изъ метрикъ, тамъ забыли спросить свидѣтелей: словомъ поигрываютъ себѣ судьи и слѣдователи дѣломъ Чалурина какъ мячикомъ.

Максимъ опять очутился въ знакомомъ уже ему острогѣ. Но на этотъ разъ Максима заперли въ отдѣльную камеру. Скучно Максиму, никакого общества, никакой компаніи нѣтъ для него; онъ сидитъ одинъ въ узкой комнатѣ, еле-еле освѣщенной маленькимъ оконкомъ, сидитъ безо всякой работы, съ своими кровавыми воспоминаніями.

У Максима былъ дьявольски-упрямый отъ природы характеръ; постоянное заключеніе еще болѣе развило въ немъ упрямство. Понятно, что во время одиночнаго заключенія всѣ мысли Максима устремлялись на одинъ предметъ: вырваться изъ каменныхъ палатъ, погулять опять по своей волѣ; понятно, что весь характеръ его пошелъ на то, чтобы привести любимую мысль въ исполненіе. Первымъ дѣломъ Максима, по заключеніи въ отдѣльную камеру, было произвести тщательную рекогносцировку жилища...

Повидимому камера Максима не представляла большихъ удобствъ къ побѣгу: окно было маленькое, отъ полу пробито очень высоко и выходило на внутренней дворъ острога; стѣны были толстыя. Вообще работа надъ оконкомъ или стѣнами была невозможна: камеры осматривалъ каждый день при смѣнѣ караула, но Максимъ не отчаялся; его привычный глазъ замѣтилъ тотчасъ же то, мимо чего проходили неостанавливаясь караульные, смотрители, архитекторы. Осматривая полъ камеры, Максимъ увидалъ, что двѣ половицы его лежатъ не такъ близко другъ къ другу, какъ бы слѣдовало и что плинтусъ находится больше для красоты, чѣмъ для удержанія ихъ: при первомъ прикосновеніи Максима плинтусъ очень легко поднялся и далъ полную возможность приподнять обѣ половицы...

Неизвѣстно кто облегчилъ Максиму предварительную работу:

безчисленное множество архитекторовъ , или такой же арестантъ , какъ и Максимъ , мучимый жаждой свободы .

Конечно подъ приподнятыми половицами находилось второе препятствіе — каменный полъ , залитый известью , но устранить вторую преграду было тоже не невозможно : при первомъ же свиданіи съ своимъ пріателемъ Домбровскимъ , Максимъ получилъ гвоздь , и съ нимъ принялся за работу . Изъ коридора , въ которомъ находилась камера Чапурина , въ двери просверлено было небольшое окошко , чтобы часовой могъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ комнатѣ , но сколько разъ ни заглядывалъ часовой въ камеру , онъ видѣлъ только одно , что Чапуринъ покоится крѣпкимъ сномъ на нарахъ . Максимъ точно спалъ , и спалъ крѣпко цѣлые дни , но зато ночью онъ какъ кротъ принимался за работу и безъ усталости работалъ и работалъ , покуда снова дневной свѣтъ не заглядывалъ черезъ желѣзные решетки мрачнаго жилища .

Работа шла довольно успѣшно : недѣли въ двѣ Максимъ успѣлъ не только выбить кирпичи , но и вывести свою мину на поларшина глубины . Каждый день осматривали его камеру , его самого , но вѣчно ровный , вѣчно мягкій , Максимъ малѣйшимъ движеніемъ лица неизмѣнялъ своей тайнѣ .

Максимъ выносилъ землю и кирпичи въ то время , какъ его выпускали изъ камеры и кидалъ ихъ въ отхожее мѣсто . Я говорю , недѣли двѣ все шло успѣшно , но разъ во внутреннемъ дворѣ острога стоялъ часовой опытный , намѣтавшійся на всѣ арестантскія штуки ; онъ примѣтилъ , что Максимъ что-то несетъ съ собой подъ мышкой , сталъ слѣдить за нимъ и въ щель увидалъ , какъ Максимъ выбросилъ камень и землю . Часовой донесъ начальству , сдѣлали осмотръ въ камерѣ Максима , подняли половицы и увидали истину . Началось новое слѣдствіе .

— Намѣренія учинить побѣгъ , отвѣчалъ Максимъ слѣдователю : — я не имѣлъ , а напротивъ того съ терпѣніемъ и раскаяніемъ жду наказанія за содѣянные мною преступленія ; кто же рылъ подкопъ въ моей камерѣ то мнѣ неизвѣстно , если же рядовой Степановъ и сказываетъ , что видѣлъ какъ я бросалъ въ ретирадное мѣсто камни , то не изъ-за чего другого , какъ изъ-за вражды ко мнѣ , ибо , какъ извѣстно мнѣ , весь караулъ питаетъ ко мнѣ злобу и ненависть .

Слѣдователь спросилъ другихъ арестантовъ не знали ли что они

объ унылъ. Максимъ бѣжать, но отъ всѣхъ получилъ одну отвѣтъ: «Знать ничего не знаемъ, вѣдать ничего не вѣдаемъ.»

Максиму неудалась первая попытка бѣжать изъ острога, надо было опять тянуть дѣло до болѣе удобнаго случая.

— Желая быть въ судъ вызваннымъ, ваше благородіе, рапортовалъ Максимъ прибѣжавшему въ острогъ стражнику.

— Зачѣмъ?

— Немогу сказать, ваше благородіе, открою токмо что передъ судьей.

Снова привели Максима передъ судьей, и снова равнымъ голосомъ началъ Максимъ одинъ изъ своихъ обычныхъ, кровавыхъ разсказовъ.

— Опозналъ я въ арестантѣ Сивовѣ, такъ говоритъ Максимъ: — человека, допрежде прозывавшагося крестьяниномъ Оковнишниковымъ, съ которымъ и учинилъ въ 18.. году преступленіе.

— Какое же преступленіе? спрашиваютъ судьи...

— Назадъ тому года три приплылъ я въ городъ А. вмѣстѣ съ отцомъ моимъ для продажи лодокъ; черезъ недѣлю послѣ нашего прихода туда, случилась сильная буря, оторвавшая и унесшая по Волгѣ пять принадлежавшихъ намъ лодокъ, почему отецъ мой отправилъ меня отыскивать тѣ лодки. Найдя лодки въ волжскихъ камышахъ, я, вмѣстѣ того, чтобы возвратиться къ отцу, продалъ ихъ повстрѣчавшемуся со мной крестьянину Акимѣю Омонитникову, нынѣ прозывающемуся арестантомъ Сивовымъ, но такъ какъ для расплаты со мной на ту пору у Сивова не было денегъ, то онъ и повелъ меня въ городъ А. къ знакомому ему человеку, прозывавшемуся казакомъ Никитой. Получивши отъ казака ~~нѣсколько~~ деньги, Сивовъ передалъ ихъ мнѣ, но я, не выходя изъ дома, пропилъ ихъ вмѣстѣ съ Сивовымъ, Никитой и еще человекомъ, прозывавшимся Парфеномъ.

Максимъ до тонкостей описалъ затѣмъ прѣдѣлы всѣхъ лицъ, а также и мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Никиты.

— На другой день къ вечеру, продолжалъ Максимъ: — казакъ-Никита, вмѣстѣ съ Сивовымъ и Парфеномъ стали уговаривать меня идти ограбить одну, неизвѣстную мнѣ, но во ихъ словесахъ богатую женщину. Я сначала не только не соглашался на это преступленіе, но ихъ уговаривалъ отказаться отъ своего намѣренія, но послѣ неоступнымъ просьбамъ, присталъ къ нимъ. Когда совсѣмъ смерклося, отправились мы черезъ сады къ дому той женщины; по приходѣ на

мѣсто Прасеня сталъ карауломъ, а казакъ Никита, взглявши на домъ, проломалъ въ крышѣ дыру, черезъ которую сначала спустился онъ, а за нимъ послѣдовалъ и я съ Сивовымъ. Когда мы вошли въ комнату женщины, она спала; казакъ Никита подошедши къ ней ударилъ ее кистенемъ, но сразу не убилъ ее, потому что женщина проснувшись вскочила съ постели и стала кричать караулъ. Боясь, чтобы по этому крику не пришло кто на помощь, я схватилъ лежащее на лавкѣ большое долото и имъ ударилъ женщину въ голову, послѣ чего надо полагать она умерла, потому что больше не кричала и лежала безъ движенія.

«Убивъ женщину, мы спрятали ее въ подпольѣ, а потомъ разбили сундуки, взяли оттуда платье и денегъ двѣсти рублей ассигнаціями. Все награбленное мы раздѣляли поровну въ домъ казака Никиты, у котораго снова принялись пьянствовать. Пропьянствовать три дня, я, несмотря на уговоры казака Никиты остаться у него, возвратился къ отцу.»

Вслѣдствіе показанія Максима вызвали въ судъ арестанта Сивова.

Арестантъ Сивовъ былъ человекъ лѣтъ подъ-сорокъ, съ черной съ просѣдью бородой, съ благообразнымъ, нѣсколько шутоватымъ лицомъ.

— Какъ ты прозываешься? спросили Сивова.

— Въ настоящее время прозываюсь Сивовымъ...

— А прежде какъ?

— До-прежде же звали меня Акимфомъ Павловымъ Окопишниковымъ.

— Изъ какихъ ты?

— Изъ барскихъ.

— Какихъ господъ?

— Господина полковника Туруктаева...

— Какой губерніи?

Сивовъ назвалъ губернію, уѣздъ и село.

— Стало-быть ты бродяга?

— Бродяга.

— Что же тебя заставило бродяжничать?..

— Ничто иное какъ нестерпимое притѣсненіе господина моего.

Судьи даже не полюбопытствовали узнать что это за нестерпимое притѣсненіе.

— Ты знаешь арестанта Чапурина, Максима?

— Знаю.

— Что же, ты узналъ его въ острогѣ?

— Никакъ нѣтъ, гораздо допрежде.

— Гдѣ же ты съ нимъ познакомился?

— Въ городѣ А.

Судьи наострили уши.

— Какъ же это ты съ нимъ тамъ познакомился?

— Разъ на берегу Волги подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, и сталъ предлагать мнѣ купить у него лодки, называемыя душегубками.

— Что же, ты купилъ у него ихъ?

— Купилъ за шесть рублей серебромъ; послѣ того пошмы мы съ нимъ въ питейный домъ, гдѣ и распили магарычу два полштофа; за виномъ тотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что прозывается онъ Максимомъ Чапуринымъ, и приплылъ въ А. вмѣстѣ съ отцомъ.

— Ну чтоже дальше?

— А дальше ничего, выпили да и разстались, а послѣ того я съ нимъ больше не встрѣчался.

Но тѣмъ показанія Сивова, относительно знакомства его съ Чапуринымъ, и кончились; вызвали Максима и поставили его очи на очи.

— Съ нимъ было совершено убійство женщины въ А.? спросили Максима праведные судьи, указывая на Сивова.

— Я ужъ докладывалъ вашей милости, что съ нимъ.

— Слышишь Оконишниковъ.

— Слышу, ваше благородіе.

— Ну, уличай же его Чапуринъ.

— Ты ужъ говори Акимфъ, обратился съ улыбкой Чапуринъ: — что скрываться-то. Я все ихъ милости рассказалъ.

— Полно ты, пустая голова, молоть-то, самъ въ каторгу лѣзешь, такъ и другихъ туда тянешь; Бога-то видно въ тебѣ нѣтъ, и что ты эдакой поклепъ несешь. Мало ли ты покуралесилъ, нечто я съ тобой вездѣ былъ... отвѣчалъ Максиму Сивовъ.

Максимъ не особенно краснорѣчиво защищалъ на очныхъ ставкахъ свой оговоръ на Сивова, но тѣмъ не менѣе отъ него не отказывался.

Судьи, отобравъ показаніе отъ Максима и Сивова отправили ихъ въ а—кую городскую полицію для изслѣдованія на мѣстѣ ихъ справедливости; а—кая же городская полиція, внесши справку въ своемъ архивѣ, отослала показанія Максима и Сивова обратно, от—

писывая, что въ такомъ-то году никакой женщины въ городѣ А—нѣ не убито и слѣдствіе о томъ не производилось.

Вслѣдствіе полученія такого отвѣта снова выслали Максима передъ судей.

— Свое показаніе объ убитой нами женщинѣ я подтверждаю, говорилъ и на этотъ разъ Максимъ: — и если бы былъ я въ городѣ А., то преступленіе сіе и виновниковъ его раскрылъ бы вполнѣ; казакъ Никита заператься немогъ бы, потому что я оставилъ въ домѣ его три фальшивыхъ печати для начпортовъ, и если бы сказалъ мнѣ Никита, что меня не знаетъ, то я, вынувъ печати тѣ изъ секретнаго мѣста, уличилъ бы его въ заперательствѣ.

— Гдѣ же это секретное мѣсто, въ которое спряталъ ты печати?

— Здѣсь я о томъ сказать не могу, ибо казаку Никитѣ могутъ передать мой отвѣтъ.

— Неможешь ли представить другихъ доказательствъ убійства? пристава судьи къ Максиму.

— Другихъ доказательствъ я не имѣю, но когда разслѣдуете дѣло объ убитой а—ской женщинѣ, то и открою мои иныя преступленія...

Напуганные бѣгствомъ Чапурина судьи, не препроводили его въ А., но заключили, что такъ какъ показаніе Максима Чапурина неподтвердилось, то на томъ основаніи, что Максимъ содержится болѣе полгода въ острогѣ, оставить начатое дѣло безъ послѣдствій...

VII

УБИЙСТВО КУЛАКОВОЙ

У Максима было много матерьяловъ, чтобъ затянуть дѣло: не удалось одно, удастся другое.

Въ 18.. году, въ канавѣ большой дороги, между селеніями Короваевымъ и Микулинымъ, найдена была мертвая женщина, съ проломаной въ нѣсколькихъ мѣстахъ головой; около нея валялся окровавленный сердешникъ. Стали наводить справки объ убитой, — оказалось, что она государственная крестьянка села Вязова-ключа — Прасковья Кулакова.

«Побѣхала Прасковья — показывали ея семейные — въ среду въ городъ, взявъ съ собой денегъ двадцать-семь рублей серебромъ, чтобы купить разнаго товару, и послѣ того уже не возвращалась.»

— Кого вы подозрѣваете въ убійствѣ? спрашивали слѣдователи.

— Прямого подозрѣнія никакого изъяснить мы не можемъ, а полагаемъ, что преступленіе-то совершилъ прибѣжавшій къ намъ въ тотъ день человекъ.

— Кто же этотъ человекъ?

— Имя и отечества, а также мѣста жительства его — мы не знаемъ, только роста онъ средняго, борода темнорусая, а на лѣвой рукѣ нѣтъ средняго пальца; прибѣжалъ же онъ къ намъ, чтобы размѣнить бумажку въ три рубля серебромъ, причемъ Прасковья вынимала изъ сундука деньги и говорила, что побѣдетъ въ городъ за товаромъ.

— Одинъ чтоли былъ тотъ человекъ?

— Съ нимъ былъ еще товарищъ, который оставался въ телѣгѣ, а въ избу не входилъ, — примѣтъ того человека мы не запомнимъ.

Дальше этихъ фактовъ слѣдователи ничего не разъяснили; много было сѣдено, много было выпито въ Вязовомъ-ключѣ, но «судьба и воля божія» опять-таки порѣшили, что виновныхъ въ убійствѣ Кулаковой открыть въ настоящее время невозможно.

Со времени убійства Кулаковой прошло около двухъ лѣтъ, Максимъ въ это время посиживалъ въ острогѣ, занимался грамотой и ловлей голубей; прежній смотритель былъ смѣненъ, новый находилъ, что Чапурина полезно сидѣть въ общей камерѣ; окруженный почтеніемъ, онъ довольно пріятно проводилъ время, но до него снова дошло свѣдѣніе, что дѣло приближается къ концу, рѣшеніе выходить.

— Преступленіе новое желаю открыть, покаяніе принести! вызываетъ прежнимъ манеромъ Максимъ изъ своего заключенія.

Снова окруженный солдатами, идетъ Максимъ въ судъ по базарной площади, весело поглядывая на толпящійся около него народъ, да верой дѣлая остроумнымъ замѣчанія насчетъ котораго-нибудь изъ зрителей.

«Назадъ тому два года, совершивши побѣгъ въ ртищевской лѣсной дачѣ, — показываетъ Максимъ, — шолъ я передъ самымъ солнечнымъ закатомъ, какъ помнится мнѣ, въ воскресенье, близъ села Вязова-ключа; нѣдоходя верстъ двухъ до Прислонищинскаго оврага

повстрѣчался со мной крестьянинъ, пригласившій къ себѣ на телѣгу; разговорившись дорогой съ крестьяниномъ я узналъ, что его зовутъ Степаномъ, и что онъ изъ Вязова-ключа. Приѣхали въ Вязовъ-ключъ ночью, и я попросился переночевать у Степана въ избѣ, на что тотъ и согласился. Утромъ къ Степану пришолъ односелець его, называвшійся Ефимомъ, изъ себя черный, росту небольшого, годовъ сорока,—и послали за водкой; выпивши ее не мало, стали они спрашивать мое имя и званіе; я назвалъ имъ своимъ настоящимъ именемъ, прибавивъ, что теперь я безпачпортный бродяга. Послѣ того Ефимъ передалъ намъ, что нынѣ ѣдетъ въ городъ крестьянка Прасковья Кулакова и везетъ съ собой много денегъ; а Степанъ сказалъ отъ себя, что хорошо было бы ту крестьянку ограбить, и что онъ давно даже добирается; на это согласился и Ефимъ, но я, какъ ни приставали они оба ко мнѣ идти вмѣстѣ, до той поры противился тому всѣми силами, пока не принесли еще водки, и я не напился пьянъ. Согласившись какъ лучше повести дѣло, Ефимъ ушолъ домой и возвратился черезъ малое время съ сердешникомъ, говоря, «что эта штука пригодится». Выѣхавъ около полудня изъ Вязова-ключа, заѣли мы съ Степаномъ подъ мостъ что на рѣчкѣ Грязнухѣ, а Ефимъ съ лошадыю отправился въ сторону, чтобъ не была запримѣтна лошадь. Сидѣли мы со Степаномъ подъ мостомъ болѣе часу, дождались Прасковьи, но вреда ей никакого не нанесли, потому что помѣху встрѣтили въ показавшемся обозѣ. Когда мы возвратились къ Ефиму, и рассказали о своей неудачѣ, то онъ отвѣтилъ намъ, что унывать никакъ нельзя, и что Прасковью можно встрѣтить на дорогѣ во второй разъ, а потому сѣвши на лошадей, мы повхали навстрѣчу Кулаковой окольной дорогой. Версть за восемь шла рѣчка Грязнуха; снова попалась намъ Прасковья, и такъ какъ на дорогѣ никого не было видно, то Степанъ схватилъ лошадь подъ уздцы, а я, взявши сердешникъ, подошолъ къ Прасковѣ, и сталъ отъ нея требовать денегъ, но та, обозвавъ меня воромъ и разбойникомъ, стала кричать караулъ, отчего пришедъ въ крайнее негодование, я такимъ образомъ ударилъ Прасковью сердешникомъ, что она, свалившись съ телѣги, тотчасъ же умерла. Взявши у Кулаковой двадцать-семь рублей серебромъ деньгами, и оттащивши трупъ въ канаву, мы возвратились обратно въ домъ къ Степану, гдѣ довольно пьянствовавъ, я снова пошолъ бродяжничать.

Неизвѣстно какими путями, но только вѣсть объ оговорѣ Максима достигла Вязова-ключа раньше, чѣмъ прибыло туда время-

ное отдѣленіе. Трудно себѣ представить ужасъ, охватившій при этомъ извѣстїи не только Степановъ и Ефимовъ, но и весь вязово-ключинскій міръ; неопредѣленность максимовскихъ показаній заставляла содрогаться самыхъ безстрашныхъ: всѣ чувствовали себя небезопасными, надо всѣми висѣлъ дамокловъ мечъ; сегодня будутъ тѣнуть Степановъ и Ефимовъ, а завтра примутся за Сидоровъ и Захаровъ, острогъ и разознанія стали мерещиться всѣмъ.

— Хоть бы обиду отъ насъ какъ видѣлъ, али иное что, а то и слыхомъ-то неслыхали, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Прогнѣвали мы знатъ царя-небеснаго, напускаетъ онъ на насъ лиходѣя, повуривъ головы говорили деревенскіе люди въ ожиданіи погрома.

Въ одно прекрасное утро въ Вязовый-ключъ влетѣло нѣсколько ухорскихъ троекъ, вслѣдъ за ними на подводѣ привезли и Максима. Улыбаючись сидѣлъ Чапуринъ на телѣгѣ; словно отъ чумы сторонились и бѣжали отъ него попадавшіеся навстрѣчу деревенскіе люди.

— На стань! на стань! чуть-свѣтъ раздалось на другой день подъ окнами многихъ.

Крѣпко бѣнуло сердце тѣхъ, подъ чьими окнами раздался этотъ стукъ: почувялъ вѣщунъ, что идетъ гроза неминучая.

Всѣхъ Степановъ и Ефимовъ «нарядили», присоединили къ нимъ десятка три Карновъ, Петровъ, Захаровъ, и выставили передъ становой квартирой. Въ толпѣ крестьянъ слышно было какъ пролетитъ муха. «На кого-то покажутъ?» съ ужасомъ думалъ каждый. Мужички въ ожиданіи стояли долго, пока члены временнаго отдѣленія услаждали животы свои водками и закусками, а балагуръ страпчій потѣшалъ публику разными курьозами.

— Ну, господа, по послѣдней, да и пойдемъ травить краснаго звѣря! сказалъ пузатый исправникъ, съ неистовствомъ отправляя въ себя рюмку настойки.

Компанія послѣдовала его примѣру.

— Привести Максима Чапурина!

Привели Максима.

— Ну Максимъ, показывай участников!

Временное отдѣленіе тронулось изъ комнаты, впереди его шло Максимъ, попрежнему смирный, улыбающійся; рядъ мужичковъ вздрогнулъ, многіе стали бѣлѣе полотна. Замѣтивъ произведенный эффектъ, Максимъ два раза молча прошелъ передъ рядами, остана

вливаясь то у одного, то у другого крестьянина. Бѣднати совсѣмъ терлись отъ этихъ змѣяныхъ, пристально смотрящихъ глазъ.

— Узналъ, чтоли?

— Вотъ эгототъ! сказалъ Максимъ, указывая на одного крестьянина.

Показаннаго крестьянина стала бить лихорадка, ноги подкосились, зато у остальныхъ разомъ вырвался вздохъ, словно легче стало. Выхваченный крестьянинъ оказался точно Степаномъ и притомъ очень богатымъ.

— Ну, теперь показывай другого!

Снова началось прохаживанье Максима по рядамъ, снова сперлось дыханіе у стоящихъ.

— Вотъ и эгототъ былъ! сказалъ опять Максимъ, указывая на высокаго, плечистаго крестьянина.

Силача вывели изъ рядовъ полуживого.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ грозный воевода.

— А-р-т-а-м-онъ .. Па-н-т-ѣ-лѣевъ, заикаясь, едва слышно, проговорилъ взятый.

— Какъ же ты Максимъ показывалъ, что второго участника твоего зовутъ Ефимомъ?

— Ошибся ваше в—діе, не на того показалъ, тотъ сходствіе большое имѣеть съ энтимъ. За давностью времени запоматствоваль.

На этотъ разъ опытъ травли Ефима былъ неудаченъ: на кого ни показывалъ Максимъ, все наворачивались то Никиты, то Васьки, то Трифоны, и какъ на зло ни одного Ефима. Наконецъ Максимъ догадался, что ощупью ничего не найдешь.

— Теперь показать не могу, потомучто головокруженіе въ себѣ чувствую, сказалъ Максимъ послѣ послѣдней неудачи.

Вечеромъ въ тотъ же день, кто-то тихо прокрадывался въ арестантскую, гдѣ сидѣлъ Чапуринъ.

— Облегченіе почувствовалъ, указать могу и Ефима, заявилъ на другой день Максимъ передъ временнымъ отдѣленіемъ.

Составился протоколъ, всѣ присутствующіе приложили къ нему руку, подписался къ нему и Максимъ; подъ крестьянскими окнами снова раздавалось постукиванье и снова ползали мужички. На этотъ разъ опыты Максима были удачнѣе: по первому абцугу онъ попалъ на Ефима.

Потянули и Ефима къ суду. Миръ только руками разводилъ.

— Гляди-ка, гляди-ка, и показать-то на кого зналъ, что нинаестъ на селѣ самые смиренные; малые ребятишки отъ нихъ обиды чай никогда не видали. Напустить господь злого человѣка, что съ нимъ будешь дѣлать. Въ разоръ разорять окаянные, чтобъ имъ пусто было, плакались крестьяне надъ судьбой взятыхъ Степановъ и Ефимовъ.

Женское поколѣніе взятыхъ подъ стражу голосило и причитало на всю деревню, слезно надъ покойниками; противъ него окзалось даже обѣщаніе запереть насмерть протестующихъ.

Каждый день стали таскать Степана и Ефима на слѣдствіе; съ улыбой на губахъ уличалъ ихъ Максимъ въ соучастіе: те съ крѣпкимъ словомъ налетали на нихъ слѣдователи, то убѣждалъ ихъ священникъ, но мужички стояли на одномъ.

— Чтобы дѣтей нашихъ не видѣть, когда-бъ мы эдакую мысль въ головѣ имѣли; міра всего спросите что мы за люди? кому обиды чинили. Ворогъ видно попуталъ его показать на насъ, — какіе мы душегубцы!

Миръ точно одобрилъ оговариваемыхъ, ручаясь, что за ними и слыхомъ-неслыхатъ худого дѣла; семейство убитой Кулаковой всѣми святыми клялось, что поклепъ на нихъ напрасный. Полѣзли Степаны и Ефимы за голенищи, повели ихъ коровушекъ и лошадей со двора, стали пустѣть и совсѣмъ опустѣли ихъ дотолѣ полные анбары. Долго прохлаждались и благодумствовали слѣдователи въ Вязовомъ-ключѣ: много было выпито водки, съѣдено куръ, барановъ, тянули не однихъ Степановъ и Ефимовъ, а будутъ помнить ихъ и Андрей и Матросаны и др.

Максимъ во все время пребыванія въ Вязовомъ-ключѣ купался какъ сыръ въ масле; кому лежала дорога мимо арестантской, тотъ несмѣлъ пройти, не снявши шапки.

Но все имѣетъ конецъ.

— А показывалъ я, такъ закончилъ Максимъ дѣло о Кулаковой, на другихъ напрасно по своему слабоумью. Точно убили мы Кулакову вдовомъ, да только съ бродягой, звавшимся Иваномъ; повстрѣчался я съ нимъ въ лѣсу, а послѣ убійства тотчасъ же и разошелся въ разныя стороны. Гдѣ пребываетъ тотъ Иванъ — я не въстанъ.

Тѣмъ и закончилось слѣдствіе.

VIII

МОЯ ВСТРѢЧА СЪ ЧАПУРИНЫМЪ

Въ острогѣ, вслѣдствіе доноса одного изъ арестантовъ, открыли подкопъ; поднялась страшная суматоха. Мнѣ должно было произвести слѣдствіе.

Вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ и смотрителемъ, мы пошли осматривать подкопъ. Подкопъ былъ почти поконченъ: его оставалось вести не больше поларшина; онъ начинался подъ ретирадами; бѣжать условлено было дня черезъ два, во время всеобщей. Трудно было догадаться, какъ можно вести подкопъ на совершенно открытомъ мѣстѣ? но на то и принялись за него арестанты. Между поломъ ретирады и землей было пустое пространство, ничѣмъ не засыпаное; одна половина изъ пола приподнималась, подъ нее подгребая арестантъ и, снова прикрытый, начиналъ свою подземную работу. Подкопъ шолъ сначала аршина на полтора почти перпендикулярно, съ небольшимъ отвѣсомъ, такъ какъ надо было подойти подъ полъ ретирады и стѣну острога, а потомъ уже принималъ горизонтальное направленіе. Рылъ подкопъ, какъ оказалось впоследствии, одинъ Чапуринъ, и рылъ его желѣзнымъ обломкомъ, меньше чѣмъ въ два пальца шириною. Трудно себѣ представить, сколько нечеловѣческихъ усилій, сколько дьявольскаго терпѣнья надо было положить, чтобы подвести почти гвоздемъ эту мину, больше чѣмъ въ двѣ сажени длиною.

Да, потопкавшись по острогамъ, поймешь, какъ дорога человеку воля, какія жертвы въ состояніи принести онъ, чтобы получить ее.

На мой вопросъ кто можетъ быть заподозренъ въ прорытіи подкопа, смотритель прямо указалъ мнѣ на Чапурина; я просилъ его указать мнѣ, какими онъ данными руководствуется въ своемъ подозрѣніи.

— Мнѣ донесъ объ ихъ работѣ Федоровскій; по его словамъ, онъ давно уже замѣчалъ, что Чапуринъ какъ ни пойдетъ въ ретирады, такъ тамъ и пропадетъ, часа по полтора сидитъ. Федоровскій и сказалъ мнѣ, чтобы я осторожнѣе былъ, а пуще всего ретирады осматривать.

Федоровскій былъ арестантъ изъ чиновниковъ, ненавидимый всѣми другими арестантами, какъ правая рука смотрителя. Конечно, чтобы открыть истину, было бы всего лучше обратиться за вопросами къ самому Федоровскому; но въ этомъ случаѣ надо было дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Навѣрное полострога знало о существованіи подкона, и намѣревалось черезъ него выйти на божій свѣтъ. Еслибы арестанты провѣдали главнаго виновника открытій подкона, то съ нимъ они покончили бы такъ, что въ другой разъ ему не удалось бы быть доносчикомъ на товарищѣй. Судъ арестантовъ въ этомъ случаѣ скоръ и страшенъ.

Получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ смотрителя, я велѣлъ вызвать къ себѣ Максима. Максимъ явился какъ ни въ чемъ небывало, съ своей постоянной улыбкой.

— Посмотри-ка, Максимъ, какую мину здѣсь сочинили, сказалъ я ему послѣ предварительныхъ привѣтствій. Я нарочно не спускалъ глазъ съ Максима, но онъ ни на-волосъ не измѣнилъ себѣ.

— Смотри-ка въ самомъ дѣлѣ, какую механику подвели. Эка шустрый видно парень-то. Ну мастеръ, мастеръ, быть видно ему инженеромъ, сказалъ Максимъ, внимательно осматривая дыру подкона.

— А знаешь ли, Максимъ, кого я подозреваю.

— Почемъ мнѣ знать что у вашей милости на умѣ.

— Тебя.

Максимъ какъ-будто удивился. Улыбка приподняла углы его рта.

— Куда-ста намъ, ваше благородіе, эдакими дѣлами заниматься: не нашему мужицкому уму-разуму подстать они.

— Ну что ты, Максимъ, дурачкомъ притворяешься, вѣдь я вѣрно знаю, что подкопъ твоя работа.

— А отъ кого это ваше благородіе узнали?

— Ну ужъ это мое дѣло.

— Для чего твое; коли то правдивый человекъ, такъ пусть въ глаза мнѣ скажетъ и уличить.

Я очень хорошо зналъ, къ чему клонится рѣчь Максима. Выдай я Максиму Федоровскаго, и судьба его рѣшилась бы. Желая добиться отъ Максима признанія другими путями, помимо уликъ Федоровскаго, я напалъ на счастливую мысль.

— Покажи-ка мнѣ свои руки, Максимъ.

Максима вѣскольно передернуло.

— На что вамъ мои руки, — руки какъ руины.

На рукахъ Максима оказались огромныя, кровавыя мозоли отъ недавней работы.

— Отчего это у тебя Максимъ такія мозоли?

Максимъ не вдругъ собрался съ отвѣтомъ.

— Воду качалъ.

— Съ кѣмъ же?

Опять небольшая пауза.

— Съ Николаемъ Маевскимъ.

— Много ты выкачалъ?

— Бадей двадцать.

— Когда?

— Неполною нога, кажись вчера.

— Ну-ка раздѣвись, Максимъ.

Максима еще болѣе передернуло.

— Чего раздѣваться-то, али на мнѣ узоры какіе выписаны!

— А ты раздѣвайся, когда тебѣ говорятъ, можетъ и узоры.

Максимъ раздѣлся.

На колѣнкахъ Максима, на животѣ и плечахъ были огромныя пятна, образовавшіяся отъ тренія; пятна были покрыты грязью. Максимъ работалъ въ подкопѣ безъ рубашки.

— Это что за пятна на тебѣ Максимъ?

Максимъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы.

— Пятна... пятна-то... Чесотка со мной...

— А грязь-то откуда туда набилась?

— Грязь-то... это не грязь... табакъ, я натирался имъ.

— Когда же ты натирался?

— И вчерась натирался.

Въ это время мнѣ сказали, что въ острогъ приѣхалъ уѣздный врачъ: я послалъ пригласить его въ контору и просилъ освидѣтельствовать Чапурина.

Врачъ внимательно осмотрѣлъ Максима. Максимъ во все это время стоялъ блѣдный: улыбка давно исчезла у него съ лица.

— Отчегоже произошли у Максима пятна? спросилъ я врача.

— Пятна. Да отъ простого механическаго тренія, — организмъ арестанта совершенно здоровъ.

— Чесотки съ нимъ нѣтъ?

— Нѣтъ, и никогда не было.

— Слышите Максимъ, что лекарь говорить...

Максимъ поднялъ на меня глаза.

— Что говорить-то, да слова попустому тратить. Помните: мое дѣло, я рылъ подкошъ. Небольно весело сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, выжидаячи покуда спину тебѣ всчешутъ, поневолѣ погулять по своей охотѣ хочется.

— Кто же у тебя соучастниками были?

— Никого не было, одинъ механику подводилъ.

— Неможетъ этого быть.

— Ну коли не можетъ, такъ ищите, а меня объ этомъ не спрашивайте.

Впрочемъ неомотря на нежеланіе открыть соучастниковъ, Максимъ очень обстоятельно рассказалъ, какъ онъ рылъ подкошъ, когда рылъ, когда хотѣлъ бѣжать; согласно его показанію и составили подробный протоколъ, который Максимъ зарукоприкладствовалъ.

Неудавшаяся попытка бѣжать въ первую минуту страшно подействовала на Максима. Когда былъ открытъ подкошъ и Максиму сказали объ этомъ, такъ онъ, не имѣя возможности на комъ-нибудь вымѣстить сердца, искусалъ себѣ руки. Впрочемъ можно представить что чувствовалъ этотъ человекъ, когда увидѣлъ, что плоды его почти нечеловѣческихъ усилій разрушены въ то время, какъ готовы были осуществиться его любимыя надежды, когда имѣть да котору готова была замѣнить привольная бурлацкая жизнь.

На другой день послѣ допроса я опять пріѣхала въ острогъ. Старшій унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что Максима желаетъ со мной видѣться; я велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Что тебѣ надо Максимъ?

— Да вотъ вчера я признался вашему благородію, что подкошъ рылъ, — это я напрасный поклонъ на себя завелъ.

Я пристально взглянулъ на Максима, но онъ очень спокойно выдержалъ мой взглядъ, — ни малѣйшее движеніе на лицѣ не измѣнилось ему.

— Какъ поклонъ?

— Не въ своемъ разумѣ значить былъ, болѣзнь ощущалъ, ну на себя и наговорилъ. Такъ и запишите: самъ, дескать, въ подкошѣ невмновать, да и другихъ никого не знаю, а что если и пока-

залъ вчера иное, такъ единственно изъ слабости, непомнилъ себя. Языкъ мало ли что болтаетъ сдуру.

Я сталъ уговаривать Максима, что его отказъ отъ прежнихъ словъ ни къ чему не послужитъ, что показаніе, имъ самимъ подписанное, составляетъ полное доказательство, но Максимъ оставался на своемъ «напрасномъ поклепѣ». Я впрочемъ дѣйствительно не понималъ, что за причина была, побудившая Максима взять назадъ свои слова.

— Ну, а пятны-то?

— Пятны то? Да вѣдь я говорилъ вчера, что чесотка со мной.

— Послушай Максимъ, еслибы я только сталъ говорить, что это не чесотка, такъ мнѣ могли бы и неповѣрить, потому что я не лекарь и въ этихъ дѣлахъ не свѣдущъ, а вѣдь вчера тебя свидѣтельствовалъ докторъ, и нашолъ, что у тебя чесотки никогда не было, а пятна ты просто натеръ, рывши подкожь.

— А развѣ лекарь врать-то не умѣетъ, — чай онъ тоже человекъ.

— Вреть или нѣтъ онъ, но во всякомъ случаѣ ему повѣрятъ больше чѣмъ тебѣ, и его бумага будетъ противъ тебя сильнѣмъ доказательствомъ.

Максимъ выпрямился во весь ростъ, на рукахъ его глухо звякнули кандалы.

— Вотъ что, ваше благородіе! Дуракъ я былъ вчера, что башку лекарю кандалами не разбилъ, пересталъ бы бумаги писать, проговорилъ онъ задыхаясь.

Трудно себѣ представить перемѣну, совершившуюся въ это время въ Чапуринѣ: едвали только не тутъ можно было понять что это былъ за страшный человекъ: въ глубокихъ впадинахъ его глазъ блеснулъ какой то демонскій огонь, лицо покрылось синебагровыми пятнами, онъ словно выросъ, — весь переродился. Словомъ предо мной во всей мощи стоялъ Максимъ Чапуринъ, убійца Чубовыхъ, Зарубина, Сидорова, Кулаковой.

Черезъ нѣсколько мгновеній все кончилось, и снова передо мной былъ прежній, нѣсколько сгорбленный, улыбающійся Максимъ, порою ввертывая шуточку въ свои показанія.

Допросъ о подкожѣ была моя послѣдняя встрѣча съ Максимомъ: онъ и до сихъ поръ еще сидитъ въ К. острогѣ. Что предприметъ и

повѣдуетъ еще Максимъ — богъ-вѣсть, только положительно можно сказать, что въ запасѣ у него найдется много матерьяловъ, чтобъ протянуть свое дѣло. Недолго жилъ этотъ страшный юноша на свободѣ, зато длинный перечень кровавыхъ преступлений оставилъ онъ за собой.

И. СОКОЛОВСКІЙ

ОЦЕРКИ ПРОШЛАГО

САМОДУРЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подходила осень, и помѣщики начали собираться чаще, не потому чтобы они лѣтомъ не имѣли времени за хозяйственными занятіями, а потому что осенью и зимою дѣйствительно какъ-то бываетъ больше имянинниковъ и имянинницъ, случаются свадьбы, да и самая погода заставляетъ сосѣдей навѣщать другъ друга и коротать вечера, такіе длинные и безотрадные для деревенскаго жителя. Въ описанномъ окологдѣ жило довольно помѣщиковъ, все болѣе народъ семейный, и начиная съ перваго сентября, съ бала у предводителя, пошли цѣлые ряды довольно шумныхъ и веселыхъ собраній. Сосѣди по большей части жили согласны, любили поцировать, поиграть въ карты; молодежь непремѣнно затѣвала танцы, и въ рѣдкомъ домѣ гости не оставались по нѣсколько сутокъ, неотступно упрашиваемые радушными хозяевами. Особенно съ прїѣздомъ княгини Сазандаровой, увеселенія въ уѣздѣ приняли нѣсколько разнообразный видъ, потому что эта барыня устроила все на московскую ногу, а духъ подражанія сроденъ не одному столичному обществу. У княгини, напри- мѣръ, ужинать накрывали на маленькихъ столикахъ, и малопомалу въ сосѣдствѣ привилось это нововведеніе и только нѣкоторыя хозяйки не могли примириться съ обычаемъ княгини не давать за ужиномъ супу, что инымъ провинціалкамъ казалось просто неприличнымъ. Хотя и у Сазандаровой разносили гостямъ бульонъ въ чашкахъ, однако уѣздныя барыни сперва называли бульонъ помоями и долго не хотѣли вводить этого, по

ихъ мѣтко, недѣлаго обычая, который впрочемъ правился, особенно когда генераль Бобовихинъ выразилъ, что это хорошее заведеніе. Княгиня, наиримѣрь, терпѣть не могла трубочнаго запаху и просила гостей не курить ни въ танцевальной залѣ, ни въ ближайшихъ комнатахъ, и мало-помалу на всѣхъ балахъ, гдѣ только присутствовала княгиня, трубка изгонялась изъ парадныхъ комнатъ, хотя противъ этого сильно возставали многіе помѣщики. Одинъ Бобовихинъ, о чемъ мы уже намекнули вначалѣ, не могъ и не хотѣлъ подчиниться такому тяжелому для него условію и сказалъ наотрѣзъ, что предпочтетъ постоянно оставаться дома — лишению дымить свой завѣтный янтарь, неразстававшійся съ нимъ не только въ походахъ, но и въ знаменитой битвѣ при взятіи Сентъ-Эшеля. Здѣсь послѣдовали нѣкотораго рода дипломатическіе переговоры, послѣ которыхъ произошли небольшія обоюдныя уступки, окончившіяся впрочемъ въ пользу Саввы Михайлыча. Княгиня долго не сдавалась, требовала безусловнаго подчиненія своей волѣ, рассказывая при этомъ какъ пріятно видѣть почтеннаго старика съ золотой табакеркой въ рукахъ и воображая, что легко замѣнить одинъ способъ употребленія табаку другимъ, но Бобовихинъ выразился довольно рѣшительно и его ультиматумъ былъ переданъ слово въ слово Сазандаровой. Савва Михайлычъ пользовался слишкомъ хорошею репутацией и состоялъ въ такомъ крупномъ чинѣ, что московская аристократка должна была нѣсколько смягчить свою нетерпимость, и Бобовихину разрѣшалось торжественно курить трубку вездѣ безъ исключенія. Но какъ слѣдовало же подвести какую-нибудь причину такому явному предпочтенію, то Сазандарова однажды за обѣдомъ объявила слѣдующее: генералу позволялось курить впервыхъ потому что онъ въ военной службѣ привыкъ до страсти къ этому удовольствію, вовторыхъ одна трубка не оказываетъ слишкомъ вреднаго дѣйствія, втретьихъ у Саввы Михайлыча прекрасный табакъ, въ которомъ даже много аромата. Для иныхъ во всемъ этомъ было довольно натяжекъ, потому что и другіе также привыкли до страсти къ трубкѣ и курили Р. А., но какъ Сазандарова была знакома не только съ губернаторомъ, но и съ генераль-губернаторомъ, такъ-какъ она радушно принимала гостей, кормила до отвала и была ко всѣмъ внимательна, обращалась чрезвычайно ласково, то все подчинились стѣснительному условію и дымили свои трубки въ отдаленныхъ

комнатахъ. Даже либералы, возстававшіе открыто, на словахъ готовые бравировать кого угодно, и наконецъ самъ Усольцовъ, который, какъ мы видѣли, не имѣлъ привычки стѣсняться, рѣшились не курить трубокъ въ присутствіи княгини, хотя Демьянъ Павлычъ и говорилъ, что не долго намѣренъ потворствовать капризамъ вбалмошной бабы и когда-нибудь окатить ее щелыми облаками Глезера и Ливденлаубе — извѣстныя тогда фирмы вакштафа. Конечно, Усольцову ничего не стоило привести свое намѣреніе въ исполненіе: — человѣкъ подобнаго закала любить продѣлывать штуки, но Усольцовъ, если появлялся на балы, то собственно съ двоякою цѣлью: наигратъ въ карты и натѣшиться надъ кѣмъ-нибудь изъ помѣщиковъ, подмѣтивъ слабую струнку. Истые картежники засѣдали обыкновенно подалеже, гдѣ можно было курить сколько угодно, а «штукантерія» свои онъ продѣлывалъ послѣ ужина въ мужской компаніи по большей части въ отдѣльныхъ флигеляхъ, слѣдовательно куренію трубки не могло мѣшать присутствіе Сазандаровой. Съ нимъ, какъ съ богатымъ человѣкомъ, княгиня обходилась очень хорошо, всегда любопытствовала узнавать о его штукахъ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и всегда смѣялась, если даже ротмистръ у нея въ домѣ позволялъ себѣ выходы надъ той или другой незначительной личностью. Усольцовъ былъ говорунъ, и за обѣдомъ обыкновенно овладѣвалъ обществомъ, которое жадно ловило всѣ его остроты и повторяло ихъ по всему уѣзду. Княгиня имѣла также привычку вмѣшиваться въ домашнюю жизнь супруговъ и любила открыто проповѣдывать строгую мораль, съ которою однакоже расходилась въ разрѣзъ отъ самой юности, и даже подъ старость не прочь была пошалить, прикрывая шалости разными принятыми уловками, что не мѣшало приближеннымъ осуждать ея поведеніе. Но имѣя свои виды, княгиня не приставала къ Усольцову съ правоученіями относительно его супружеской жизни.

По странному стеченію обстоятельствъ Демьянъ Павлычъ нигдѣ не столкнулся съ Бобовихинимъ: когда Савва Михайлычъ посѣщалъ кого изъ сосѣдей, — Усольцовъ уѣзжалъ на какую-нибудь ярманку; если ротмистръ присутствовалъ на балѣ, — генералу встрѣчалось препятствіе выѣхать изъ дому, и оба эта лица, послѣ возникшихъ столкновеній, каждое съ особымъ побужденіемъ помышляли о встрѣчѣ, которая неминуемо должна была произойти осенью. Генералъ видимо робѣлъ при одной мысли встрѣ-

таться съ буйнымъ сосѣдомъ, конечно изъ боязни уронить какъ-нибудь свой авторитетъ, а ротмистръ напротивъ выжидалъ съ нетерпѣніемъ случая стать лицомъ къ лицу съ Бобовихинымъ. Но прежде тѣмъ произошла эта встрѣча, сосѣди уже знали всѣ подробности переписки Демьяна Павлыча съ генераломъ, и хотя нѣкоторые оуждали Усольцова, однако большинство смѣялось и рассчитывало на какія-нибудь небывалыя «штукенціи».

Что касается до Контропошкина, то онъ почти не имѣлъ значимыхъ въ описываемомъ окологдѣ. Бывая у Демьяна Павлыча, онъ повидимому могъ поѣхать куда-нибудь на имянины, но впервыхъ самъ Усольцовъ поселился еще здѣсь недавно, восторыхъ Контропошкинъ, проживая у пріятеля, постоянно вѣнствовалъ. Недоросль изъ дворянъ имѣлъ еще и ту запасную мысль, что бывая на балахъ вмѣстѣ съ Усольцовымъ, какъ-то неловко ухаживать за хорошенькими; дѣйствуя же на свободѣ, Контропошкинъ съ ожесточеніемъ иногда предавался волокитству безъ боязни дружескаго, но нерѣдко строгаго контроля. Контропошкина впрочемъ хорошо знали далеко въ окрестности и о его сватовствахъ ходили разнообразныя анекдоты. Даже Сазандарова знала многія изъ его похожденій, но имѣя вѣрныя свѣдѣнія о состояніи недоросля изъ дворянъ, возымѣла на него виды относительно которой-нибудь воспитанницы, тѣмъ болѣе, что Контропошкинъ обладалъ майоратомъ, значить не могъ ни продать, ни заложить своего имѣнія.

Всѣ эти соображенія и предположенія въ сосѣдствѣ возникли именно въ то время, когда произошли послѣднія событія между Усольцовымъ и Бобовихинымъ. Между тѣмъ въ домѣ генерала востоянно шли танцевальныя уроки, и Людмила мало-помалу эмансипировалась подъ вліяніемъ бойкой и неглупой компаньонки, которая хотя и дѣйствовала по внушеніямъ Сазандаровой, однако мечтала по возможности упрочить и собственное свое положеніе. Надо сказать правду, компаньонка эта сперва шибко рассчитывала на самого его превосходительство, но поживя нѣсколько недѣль въ домѣ, она увидѣла, что мечты ея невозможны. Савва Михайлычъ дѣйствительно обращался съ нею мягче нежели со всѣми домашними, даже лучше нежели съ родной сестрой, безмолвной старушкой, и посматривалъ на нее не совсѣмъ сухимъ безстрастнымъ взоромъ, однако постоянно заводилъ рѣчь о своемъ раскаяніи что женился и благодарилъ судьбу за пре-

клонный возрастъ, въ которомъ уже гарантированъ отъ повторенія подобной глупости. Значить съ этой стороны рассчитывать было нечего, а устроить себя иначе, дѣвушка, хотя бы и была можетъ-быть способна, однако пробовать не рѣшалась, полагаясь впрочемъ на произволъ судьбы и на подходящий случай. Въ ожиданіи чего-нибудь чрезвычайнаго, дѣвица Солодовская дѣятельно занялась Людмилой, посвятила ее въ таинство переводныхъ романовъ, которыхъ навезла кучу съ собою, и дошла съ ученицей до того, что послѣдняя начала уже понимать свое фальшивое положеніе и не только не гордилась званіемъ старшаго адъютанта при отцѣ, а находила это смѣшнымъ, только не могла придумать какъ уклониться отъ этой своей обязанности.

Въ началѣ очерка мы сказали, что у Саввы Михайлыча былъ сынъ, которому послѣ отца доставалось все благоустроенное имѣніе. Молодой Бобовихинъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ и по завѣту отца не иначе могъ явиться въ отпускъ, какъ въ чинѣ капитана. На чемъ Савва Михайлычъ основывалъ подобное ограниченіе — рѣшить трудно, какъ и многое въ характерѣ генерала, мозги котораго работали какими-то особеннымъ образомъ; но таково было его неизмѣнное желаніе, или лучше, по его словамъ, «порядокъ службы.» По письмамъ невозможно было судить о молодомъ человѣкѣ по той причинѣ, что отецъ разъ навсегда приказалъ ему «не распространяться о постороннихъ матерьяхъ, а писать дѣло», то есть увѣдомлять о здоровьи, да о служебной обстановкѣ, а потому переписка гвардейца съ отцомъ не могла представить никакихъ данныхъ для заключенія о характерѣ молодого человѣка. Къ сестрѣ онъ писалъ довольно рѣдко, да и къ той адресовалъ всегда самыя официальныя посланія, вѣроятно потому что и письма Людмилы точно также были сухи какъ и отцовскія, и представляли самый вѣрный образецъ писарскаго слога изъ полковой канцелярїи. Каждую треть генералъ посылалъ акуратно сыну отъ себя сумму, равную казенному третнему жалованью и требовалъ непременно самаго подробнаго отчета, и если случалось, что гвардеецъ, который разумѣется строчилъ цифры на обумъ для этой кукольной комедїи, ошибался, а генеральскій писарь пахоталъ какія-нибудь невѣрности, то вѣдомость возвращалась въ Петербургъ для исправленія иногда при строгихъ замѣчанїи. Впрочемъ ни одна вѣдомость не обходилась безъ генеральскихъ замѣтокъ;

такъ напримѣръ частое посѣщеніе театра или иаемъ кареты вызвали отъ Саввы Михайлыча приписку: «неприлично оберъ-офицеру мотать!», «протягивай ножки по одежкѣ», «безъ копѣйки рубля не считаешь» и т. п. сентенція, которая никого не вразумила, но многимъ памятна какъ ѣдкія слова, отравлявшія не одно юношеское наслажденіе. До штабсъ-капитанскаго чина молодой Бобовихинъ долженъ былъ представлять отцу списочное состояніе своей одежды и бѣлья, ремонтъ употребленный на починку, и не смѣлъ «построить» даже рубашки или невыразимыхъ безъ разрѣшенія, которое обыкновенно приправлялось приказаніями соблюдать строжайшую благоразумную экономію. Когда же молодой Бобовихинъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и генералъ могъ на конвертѣ подписать ему его высокоблагородію, тогда послѣдовалъ приказъ прекратить присылку списочнаго состоянія, и только доставлять разъ въ годъ вѣдомость прихода и расхода. Савву Михайлыча въ скучные часы, а ихъ у генерала бывало довольно много, особенно зимою, — ничто такъ не занимало какъ повѣрка вѣдомостей сына, потому что по нимъ конечно, считая ихъ правдивыми, онъ хотѣлъ судить объ образѣ жизни молодого человѣка. Правда онъ иной разъ серьезно сердился, встрѣчая напримѣръ сряду два дня покупку новыхъ перчатокъ или какой-нибудь обѣдъ, поглотившій значительную сумму, но зато онъ не видѣлъ другихъ негласныхъ расходовъ, которыхъ доискивался въ рапортичкахъ. Въ каждой однакожъ вѣдомости въ концѣ попадалось нѣсколько десятковъ рублей, израсходованныхъ на мелочи, которыя приводили генерала въ задумчивость, и онъ требовалъ положительнаго разъясненія, но гвардеецъ въ одномъ письмѣ увѣдомилъ, что подъ этой рубрикой значились всѣ мелочные расходы втеченіе трети, какъ-то: подарки на водку, завтраки послѣ развода и т. п. Въ первыхъ вѣдомостяхъ стояли обыкновенно расходы на покупку книгъ, и генералъ категорически объявилъ сыну, что благовоспитанному офицеру не слѣдуетъ тратить деньги на вещь, которую «прочиталъ и бросилъ», а если уже очень много свободного отъ служебныхъ залятій времени и надобно читать что-нибудь кромѣ-устава, то стараться брать книги для пречету у праздныхъ людей изъ числа своихъ знакомыхъ. Несмотря на свою обычную офиціальную сухость, письма молодого Бобовихина въ послѣдствіи дѣлались все сѣше и хододитѣе. Генералъ однакоже неунывалъ

отъ этого, а находилъ, что Алеша сдѣлался серьезнымъ, положительнымъ человѣкомъ, которому слѣдуетъ заниматься дѣломъ, а не пустяками. И при всемъ томъ Савва Михайлычъ третировалъ его какъ мальчишку и даже денегъ не посылалъ прямо къ нему, а на имя своего двоюроднаго брата, которому и дѣлалъ порученія относительно разныхъ покупокъ.

Между Людмилой и братомъ не было никакой симпатіи. Правда, дѣвушкѣ внушали съ дѣтства, что она должна любить брата, но, какъ извѣстно всѣмъ, на подобныхъ внушеніяхъ никогда еще неосновывалась прочная привязанность, и нерѣдко сестрицы и братцы, воспитанные только на этомъ принципѣ, живутъ по пословицѣ какъ кошка съ собакой. Людмилѣ безпрестанно твердили, что она должна любить, обязана уважать родныхъ, и этимъ оканчивались всѣ ея понятія объ отношеніяхъ къ окружающему, — слѣдовательно съ ея стороны трудно было, особенно подъ вліяніемъ отца, который очень рано захватилъ эту цатуру въ свои руки, получить о жизни какое-нибудь болѣе гуманное понятіе. Дѣвушка эта была здоровая, полная, безъ всякаго нравственнаго развитія, и что еще хуже, сформирована вродѣ какого-то солдата въ юбкѣ. Ей даже ничего не давали читать, и углубившись всецѣло въ переписку отца, она тупѣла преждевременно, потомучто ее нечувствительно охватывало писарское направленіе. Общество компаньонки, довольно образованной дѣвушки, не могло не подѣйствовать на задавленную натуру Людмилы, которая неволью начала отрѣшаться отъ многихъ, насильственно привитыхъ къ ней убѣжденій и хотъ медленно воспринимать совершенно новыя для нея понятія. Бобовихинъ конечно не зналъ какое возникало противодѣйствіе его системѣ и продолжалъ проводить свои принципы, подгоняя все подъ уровень службы, потомучто Савва Михайлычъ и семейную жизнь свою считалъ службой, какъ бы не обращая вниманія, что собственное его служебное поприще давно окончилось. Иногда въ добрую минуту послѣ письменныхъ занятій, Бобовихинъ говорилъ съ дочерью о замужествѣ, — но это не была веселая бесѣда съ цѣлью подтрунить надъ дѣвушкой; это не былъ разговоръ, проникнутый участіемъ о будущности Людмилы, а просто командирская воля, — обѣщалъ выдать ее за одного изъ заслужонныхъ штабъ-офицеровъ, если уже не вышется генералъ, а послѣдняго очень хотѣлось Саввѣ Михайлычу, чтобы хотъ разъ

въ жизни имѣть подѣ начальствомъ генерала, такъ какъ онъ предполагалъ въ зятѣ самую строгую подчиненность своему авторитету. И Людмила привыкла смотрѣть на свое замужество именно съ этой точки зрѣнія, рассчитывая, что если ужъ быть въ чьей командѣ, то лучше у старшаго чиновъ, къ которому поневолѣ необходимо питать полнѣйшее уваженіе. Собственно же о семейной жизни и объ отношеніяхъ супруговъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Казалось даже истинныя человѣческіе вообще и женскіе въ особенности въ ней были приглушены нелѣпнымъ воспитаніемъ. Правда, она была на нѣсколькихъ балахъ въ сосѣдствѣ, но неучаствуя въ танцахъ и держа себя довольно гордо относительно прочихъ дѣвицъ въ качествѣ генеральской дочки, не имѣла даже возможности обратитъ вниманія на разные волокитства молодежи; всѣ вообще сватовства, возникавшія въ околосѣ, подвергались строгой критикѣ со стороны Саввы Михайлыча. По его мнѣнію невѣста обязана перемѣнить свой титулъ не иначе какъ на высшій и въ крайнихъ случаяхъ на равный, а состоянье жениха непременно должно превосходить невѣстину, да и то родителямъ слѣдуетъ строго разбираться древность рода и заслуги предковъ, чтобъ какъ-нибудь не запятнать своей фамиліи. Всѣ эти правила дотогу были усвоены Людмилой, что она рисковала сдѣлаться вполнѣ дочерью своего дражайшаго родителя, еслибы судьба не послала ей спасенія въ лицѣ бойкой компаньонки, воспитанной совершенно по дѣ другимъ условіямъ. Дѣвица Солодовская, изучившая науку свѣта и перебожавшая десятокъ идеаловъ, всѣми помышленіями стремилась не только къ завоеванію мужа, но и сердца, и потому не утративъ еще идеальнаго направленія, представляла любовь въ довольно розовомъ цвѣтѣ. Она была даже дуалистка до нѣкоторой степени: обладая способностью любить до чортиковъ, она вмѣстѣ готова была выйти за нелюбимаго человѣка, представлявшаго обезпеченное положеніе или такъ-называемую выгодную партію. Но послѣдняго Солодовская открыто не проповѣдывала, и высматривая рысьими глазами удобный субъектъ, высказывала самое романическое направленіе, ставя на первомъ планѣ безграничную любовь и одобряла только то супружество, которое было основано на самой пламенной страсти. Найдя въ Людмилѣ совершенное непониманіе житейской науки, Солодовская принялась воспитывать генеральскую дочку на свой ладъ и

въ два-три мѣсяца успѣла доказать ей всю нецѣпность ея понятій и выставить въ привлекательномъ свѣтѣ счастье двухъ любящихъ сердецъ, но, что главное, успѣла поколебать въ Людмилѣ убѣжденіе, что чѣмъ старѣе мужъ чиномъ, тѣмъ счастливѣе жена, приведя въ доказательство романы, въ которыхъ процвѣдывались совершенно противоположныя истины. Людмила была не глупа отъ природы и по прочтеніи нѣсколькихъ книгъ, объясненныхъ ей компаньонкой, начала быстро сознать всю комичность своего шутовскаго воспитанія, все безобразіе своихъ понятій относительно супружества и своихъ отношеній къ обществу. Она уже начинала краснѣть при мысли о своемъ прошломъ, въ которомъ она, дочь богатаго и значительнаго человѣка, являлась на балахъ одѣтая вродѣ кухарки и обреченная на роль всеобщаго посмѣшища — и своимъ неумѣньемъ танцевать, и своими манерами, и наконецъ своимъ нецѣпнымъ разговоромъ о вещахъ, казавшихся ей интересными, но которыя подавали поводъ въ сосѣдствѣ отзываться о ней какъ о какой-то шутихѣ. И чѣмъ сознательнѣе всматривалась она въ свое положеніе, тѣмъ съ большимъ усердіемъ принималась за книги, стараясь хоть въ нѣкоторой степени пополнить недостатокъ своихъ свѣдѣній и если не блистать въ обществѣ, то хоть не быть предметомъ насмѣшекъ и двусмысленныхъ намековъ. Въ танцахъ она успѣла очень хорошо и еслибы съ дѣтства неусвоила неуклюжихъ движеній, которыхъ не могли измѣнить никакіе уроки, Людмила танцевала бы удовлетворительно, потому что все относившееся до па и фигуръ она выучила какъ слѣдуетъ, но рѣшительно не умѣла держаться и не могла приобрести необходимой ловкости. Людмила однакоже не понимала этого, и съ нетерпѣніемъ ждала появиться на какомъ-нибудь балѣ, гдѣ она могла уже участвовать въ удовольствіяхъ молодежи, къ чему еще влекло ее и то обстоятельство, что Солодовская занялась кореннымъ преобразованиемъ ея туалета. Выѣстъ съ этимъ перерожденіемъ ей и замужество стало казаться въ иномъ свѣтѣ, а припоминая всѣ балы, она въ кругу танцоровъ не замѣтила ни генераловъ, ни штабъ-офицеровъ, а все больше молодыхъ людей, — если же какой почтенный господинъ и пускался въ плясъ, то единственно для утѣшенія зрителей.

Послѣднія письма Усольцова неожиданно раскрыли глаза Людмилѣ, и если еще такъ недавно она принимала горячо не-

приятности отца, то впоследствии увидѣла однѣ только шутки, разумѣтся, нелѣпыя со стороны Усольцова, о продѣлкахъ котораго довольно наслушалась между сосѣдями. Она даже разъ видѣла ротмистра и именно въ ея присутствіи за ужиномъ Демьянъ Павлычъ заставилъ одного мелкопомѣстнаго ѣсть бламанже съ горчицею.

Княгиня Прасковья Романовна, если и принадлежала къ тѣмъ самодуровъ, то развѣ отчасти, и самодурство ея проявлялось весьма въ слабой степени, такъ что ее можно безъ ущерба выдѣлить изъ этой почтенной категоріи. Разумѣтся какъ московская барыня прежняго времени, она не могла не самодурствовать, но въ ея дѣйствіяхъ ничего не было рѣзкаго, ничего возмутительнаго. Умная отъ природы, она смотрѣла на многое довольно вѣрнымъ взглядомъ, и только подъ конецъ усвоила привычку шѣпаться въ чужія дѣла и вершать ихъ посвоему. Если хотите — самодурство не изъ тяжелыхъ, тѣмъ болѣе, что сфера ея дѣятельности обнимала только тѣхъ, кто добровольно преклонялся предъ ея авторитетомъ. Барыня эта однакоже не пользовалась въ Москвѣ особенной репутаціей на томъ основаніи, что происходила не изъ древнихъ аристократовъ, а изъ какого-то темнаго дворянскаго рода и за это называлась выскочкой или «рагвенце», что гораздо обиднѣе звучитъ всякому, желающему блистать въ салонахъ большого свѣта. Покойный князь женился на ней собственно изъ-за красоты, и кто знаетъ, можетъ быть со временемъ жена его, умомъ, любезностью и ласковостью, успѣла бы снискать расположеніе неумолимаго ареопага, но къ несчастью князь ухаживалъ прежде за одной графиней, у которой обширная родня гнѣздилась по всему Арбату и Пречистенкѣ. Какъ только женился князь на бѣдной, ничтожной дворянкѣ, всѣ заговорили, всѣ поднялись на дыбы и нерасположеніе высшаго круга не только не прекратилось со смертью князя, но преслѣдовало и вдову его въ видѣ итальянской вандеты. При довольно большомъ состояніи Сазандарова бравировала кое-какъ выходки злоязычныхъ старухъ, смѣло являлась во всѣхъ собраньяхъ, украшенная брильянтами, но верѣдко испытывала и горькія минуты, вслѣдствіе какого-нибудь явнаго affronta, на которые такъ изобрѣтательны люди извѣстнаго за-

кала. Въ особенности три долговѣчныя тетушки прежней невѣсты ея мужа, окруженный многочисленнымъ потомствомъ, съ остервененіемъ продолжали преслѣдовать Сазандарову и не задумывались ни предъ какими средствами, чтобъ только уколоть ненавистную выскочку. Это было самое больное мѣсто княгини, и положимъ уколы аристократическихъ непріятелей случались не каждый день, однако она должна была постоянно находиться въ страхѣ ожиданія, если не какой-нибудь сцены, то ѣдкой фразы, способной отравить для нея самый пріятный вечеръ. Между тѣмъ какъ бы въ утѣшеніе она имѣла и большой кругъ приверженцевъ, которые впрочемъ состояли изъ существъ богѣе или менѣе неаристократической породы, а если попадались и кровные аристократы древняго происхожденія, то почему-нибудь или вовсе непріятые въ высшемъ кругу или едва въ немъ терпимые. Такимъ образомъ находясь, по выраженію одной непріятельницы, «entre ciel et terre», Сазандарова въ одномъ обществѣ испытывала скуку, порой даже униженіе, а въ другомъ распространяла свой деспотизмъ и находила большое удовольствіе, занимаясь дѣлами своихъ ближнихъ до самоотверженія. Преимущественно любимымъ ея занятіемъ было устраивать сватбы, мирить ссорившихся и вообще быть посредницей во всѣхъ недоразумѣніяхъ, что впослѣдствіи она привыкла считать не только своей обязанностью, но въ каждой сватбѣ, совершенной безъ ея вѣдома, въ каждомъ примиреніи безъ ея участія, въ каждой сдѣлкѣ между знакомыми, случившейся безъ ея содѣйствія, она видѣла кровное себѣ оскорбленіе. Объ этомъ говорила вся Москва, какъ о явныхъ обычаяхъ Сазандаровой, но былъ еще у нея обычай тайный, или лучше сказать тщательно скрываемый, хотя о немъ тоже говорила Москва подъ рукою и съ разнообразными коментаріями. Обычай этотъ, подвергавшійся и подвергающійся всеобщему нарѣканію, не составляетъ какого-нибудь уродливаго или неестественнаго свойства человѣческой природы, но требуетъ строжайшей тайны, что какъ извѣстно не всегда дается въ обществѣ. Сазандарова любила до чрезвычайности нашъ не прекрасный полъ, и любовь свою съ юныхъ лѣтъ привыкла переносить на разныхъ индивидуумовъ, бывъ одарена впервыхъ страстной натурой, воторыхъ порядочнымъ запасомъ непостоянства. Мы уже не будемъ касаться ея невѣрностей мужу, о которыхъ въ свое время трубили ея

други и недруги; но собственно со времени вдовства княгини Прасковьи Романовны, у ней переѣнилось большое количество любезныхъ, надо сказать правду, изъ различныхъ сословій. Вслѣдствіе такой безграничной любви, Сазандарова не была нечувствительна и къ результатамъ этого чувства, и съ особенной готовностью принимала на воспитаніе дѣтей, образовавшихъ у нея колонію, подъ именемъ воспитанниковъ и особенно воспитанницъ. Злые языки находили, что дѣло это не совсѣмъ чисто, что многія дѣти были ближе княгинѣ, нежели казались, однако Сазандарова громко опровергала подобныя предположенія и пересчитывала, сколько такая-то или такая-то отправили въ воспитательный домъ дѣтей, которыхъ не имѣли права держать въ своемъ семействѣ. Въ описываемое время у Сазандаровой было только три воспитанницы и одинъ воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, котораго она записала въ купцы и баловала самымъ непозволительнымъ образомъ.

Въ деревню Прасковья Ромаповна переѣхала собственно потому, что у нея въ Москвѣ-сгорѣлъ домъ, а нанимать квартиру она не рѣшилась на томъ основаніи, что по ея мнѣнію, ей неприлично было скитаться по чужимъ домамъ, и не достало бы средствъ при ея привычкахъ жить на широкую ногу. Имѣніе у нея было хорошее, въ околдкѣ не только ее полюбили, а оказали ей всеобщее уваженіе, на всѣхъ съѣздахъ начали за ней ухаживать, и княгиня рѣшилась послѣдовать правилу Юлія Цесаря, о которомъ впрочемъ врядъ ли слыхала, рассчитавъ, лучше играть первую роль въ деревнѣ, нежели второстепенную въ столицѣ. При воспитанникѣ былъ у нея французъ-гувернеръ, дѣтина видный собою, который пользовался ея расположеніемъ, и болтовней своей развлекалъ ее отъ скуки, если она принуждена была сидѣть одна дома.

Первой заботой княгини было пристроить своихъ воспитанницъ, но на этотъ разъ она ошиблась въ расчетъ, потому что хотя провинціалы и непрочъ бы взять жену изъ такого знатнаго дома, однако ревностно докапывались до происхожденія княгининныхъ воспитанницъ, и старанія Прасковьи Романовны не имѣли успѣха. Всѣ эти дѣвушки оказывались мѣщанскаго происхожденія. Одна старая помѣщица даже разошлась по этому случаю съ княгиней: она нашла, что Прасковья Романовна компрометировала ея домъ, приводя съ собой «своихъ дѣвокъ» и допуская

ихъ въ одно общество съ благородными и высокоблагородными дѣвицами. Прочіе сосѣди не оказали подобной спѣси и лишь втихомолку велѣли дочерямъ неслишкомъ сближаться съ мѣщавками. Савва Михайлычъ тоже не обращалъ много вниманія на это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что Прасковья Романовна въ компаньонки къ Людмилѣ отрекомендовала одну изъ воспитанницъ, настоящую дворянку, которая взята была княгиней дѣйствительно изъ состраданія. Такая снисходительность уѣзднаго общества, которое постоянно и теперь обнаруживаетъ самыя мелочныя стремленія къ мѣстничеству, объясняется еще и тѣмъ, что самъ губернаторъ посѣщалъ княгиню и при многочисленныхъ гостяхъ бралъ за руки ея воспитанницъ и разговаривалъ съ ними пофранцузски. Притомъ же княгиня, какъ ловкая женщина, посѣщая сосѣдей, поступала не безъ такта: она постоянно брала съ собой одну какую-нибудь воспитанницу, и молоденькая дѣвушка, изъ уваженія къ своей патронессѣ, пользовалась не только терпимостью, но и радушіемъ гостепріимныхъ хозяевъ. Уѣздные корифеи, за исключеніемъ помѣщицы, ставшей въ лѣвную оппозицію, рѣшили, что если дочери ихъ и не должны сближаться съ воспитанницами княгини, то слѣдуетъ все-таки обращаться съ послѣдними вѣжливо и снисходительно, какъ съ особами, живущими въ настоящемъ аристократическомъ домѣ, такъ и на томъ основаніи, что дѣвучкѣ, даже изъ крестьянскаго сословія не невозможно приобрести титулъ сіятельства или превосходительства. Съ мужчинами другое дѣло: эти, если не принадлежали къ дворянству или не имѣли чина, во всякомъ случаѣ не заслуживали вниманья, а если на такого и смотрѣли порой снисходительно, то снисходительность эта была гораздо обиднѣе равнодушія. Впрочемъ и воспитанницамъ княгини не предстояло бы особеннаго удовольствія, еслибы Прасковью Романовну считали менѣе вліятельною, и еслибы она съ перваго раза не ошеломила сосѣдей блистательнымъ для уѣзднаго общества пріемомъ.

Сазандарова тотчасъ же прибрала къ рукамъ сосѣдей и начала вмѣшиваться непосредственно въ дѣла каждаго, то подавая совѣты, то обѣщая ходатайство, то даже дѣлая выговоры и замѣчанія. Мы видѣли, что ей не подчинился лишь Савва Михайлычъ Бобовичинъ, — да и тотъ касательно только трубки, — да еще одна барыня, которая вломалась въ амбицію на томъ основаніи, что

ея бабушка сама происходила изъ графскаго рода. Остальные сосѣди съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщали ея сѣятельство, и даже самъ безолаберный Усольцовъ былъ у нея однажды въ какой-то праздникъ. Конечно Демьянъ Павлычъ поѣхалъ къ Сазандаровой не съ какой другой цѣлью, а собственно отвѣдать хваленаго повара, которымъ остался впрочемъ доволенъ, но вино, по его словамъ, «такая кислятина, какую только могутъ пить ячѣе и подъячѣе», — любимое словцо ротмистра, которымъ онъ называлъ статскихъ чиновниковъ. Усольцовъ однакоже какъ-то не позволилъ себѣ высказать въ глаза княгинѣ мнѣнія о ея погребѣ, и разстался съ нею довольно дружелюбно, впервыхъ потому, что потѣшился надъ нѣсколькими мелкопомѣстными, воторыхъ выигралъ около тысячи въ банкъ, а вторыхъ подиѣтилъ одну молоденькую горничную, съ которою пробовалъ вступить въ переговоры, и хотъ предпріятіе окончилось ничѣмъ, однако Демьянъ Павлычъ рассчитывалъ на будущее. Потомъ разныя безобразія какъ-то отвлекли Усольцова отъ Сазандаровой, и онъ никакъ не могъ попасть къ ней въ деревню, хотя тамъ и могъ встрѣтиться съ чиновнымъ сосѣдомъ своимъ, Бобовихинымъ. Княгиня нашла Усольцова очень интереснымъ, и замѣтно было, что онъ сдѣлалъ на нее довольно выгодное впечатлѣніе. Дѣйствительно для женщинъ подобнаго закала Демьянъ Павлычъ представлялъ явленіе не обыденное, и несмотря на немолодые лѣта, легко могъ одерживать побѣды, еслибы занимался, по его словамъ, такими пустяками. Ухаживать за дамами онъ называлъ «антимонію разводить» и терять драгоценное время въ «разныхъ белендряхахъ». Росту Усольцовъ былъ вершковъ десяти, сложенъ отлично, усы носилъ въ завиткахъ; глаза его на выкатѣ, свѣтились постоянно, говорилъ онъ громко, а физической силой славился далеко въ околodкѣ. Княгиня, какъ опытная барыня, сразу подмѣтила всѣ эти достоинства, и начала было окружать его особымъ вниманіемъ, но Усольцовъ конечно не замѣтилъ этого и предавался обычнымъ занятіямъ возлѣ бутылокъ, возлѣ карточнаго стола и возлѣ молоденькихъ горничныхъ.

Замѣтивъ Усольцова какъ бельмо, княгиня тотчасъ же надела справки о семейной жизни ротмистра, которая хотъ и не удовлетворила совершенно ея дальнѣйшихъ намѣреній, однако сразу представила цѣлую массу препятствій. Дальновидная бары-

ня впрочемъ рѣшилась познакомиться съ женой Усольцова и много рассчитывала на дипломатическія свои сношенія съ ротмистромъ, которыми она, подъ видомъ обращенія Усольцова на путь истины, надѣялась вступить съ нимъ въ интимныя отношенія для своихъ собственныхъ цѣлей. Въ это же время у ротмистра завязалась исторія съ Бобовихинимъ, и княгинѣ предстояло трудное и довольно щекотливое посредничество—возстановить согласіе между сосѣдами, изъ которыхъ одинъ ей былъ дорогъ по чину и званію, а другой по своимъ личнымъ достоинствамъ.

Какъ мы уже видѣли, Антопина Григорьевна Усольцова сдѣлалась совершенной дикаркой, почти никуда не выѣзжала и потому знакомство ея съ княгиней было бы довольно затруднительно, еслибы Сазандарова сама не рѣшилась на время отложить аристократическую спѣсь и не отправилась съ визитомъ къ сосѣдкѣ, о которой всѣ твердили какъ о жертвѣ мужниныхъ вѣтренности и деспотизма. Усольцова не было дома во время этого посѣщенія. Поддавшись обаянію ласковости и ходячихъ успокоительныхъ фразъ, Антонина Григорьевна скоро высказалась передъ княгиней и нестѣсняясь набросала ей правдивый очеркъ своей жизни. Она даже нескрываетъ отношеній своихъ къ мужу и хотя невыставляла его чудовищемъ, однако, отдавая похвалу его заботливости и вниманію къ ея обстановкѣ, не могла удержаться чтобы не рассказать о «комедіанткахъ», которыхъ привозилъ онъ для развлечения. Передавъ все это въ короткихъ словахъ, Антонина Григорьевна подробнѣе начала описывать свою приверженность къ странникамъ и странницамъ и скоро вошла въ такую пассію относительно своего усердія къ этимъ авантюристамъ, что княгиня увидѣла рѣшительную невозможность возстановить согласіе между супругами. Комедіантки сбили ее совершенно съ толку и набросили грустную мысль на будущее, которое прежде представлялась ей въ розовомъ цвѣтѣ, потому что комедіантки какъ узнала она, отличались молодостью и красотою, а это обстоятельство очень хорошо выясняло ей стремленія и требованія Усольцова. Но тѣмъ не менѣе Сазандарова не теряла совершенной надежды, зная изъ опыта, что не всегда бѣлымы, особенно тѣ изъ нихъ, которые любятъ поѣсть и выпить, гонятся только за молодостью и красотою. Княгиня взяла слово съ Усольцовой посѣтить ее непременно, если послѣдуетъ на то согласіе Демьяна Павлыча. Разумѣется со стороны послѣдняго препятствія не бы-

до, в Усольцовъ обнаружилъ даже нѣкоторое удовольствіе, что знатная дама сама приѣхала къ его женѣ и тѣмъ оказала уваженіе его дому. Собственно говоря, Демьяну Павлычу отъ этого не было ни тепло, ни холодно, потому что принятый имъ образъ жизни ставилъ его въ исключительное положеніе, однако все-таки имѣть вѣсь въ глазахъ сосѣдей не мѣшало, тѣмъ болѣе, что это должно было уколоть Савву Михайлыча Бобовихина.

Мы оставили Контропошкина и Усольцова на пирѣ, который устроили они во флигелѣ, гдѣ среди пляски, пѣсенъ и разныхъ безобразій, оба друга перѣдко принимались сочинять какую-нибудь великолѣпную «штукенцію» для приведенія въ возможное бѣшенство Бобовихина. Но ни тотъ, ни другой не могли ничего придумать и рѣшили, что «утро вечера мудренѣе», именно въ то время, когда чудное розовое утро врывалось къ нимъ въ залу сквозь широкія стекла оконъ. Разумѣется, друзья просвали далеко за полдень, а когда каждый изъ нихъ съ похмѣлья осушилъ бутылки по двѣ квасу и оба они въ халатахъ усѣлись пить чай въ кругу многочисленнаго семейства, Игнашка доложилъ о прибытіи востаннаго съ письмомъ отъ княгини Сазандаровой.

— Что за чертовщина! воскликнулъ Усольцовъ.

— А вѣдь она старуха? спросилъ Контропошкинъ.

— Какъ тебѣ сказать, — старая не старая, но и не молодая, только баба въ соку, глаза съ поволокой, брови срослись.

— Гм!

— Ну, да я на нее навлевать! А вотъ, Контропоша, у ней есть двѣ воспитанницы и одна такая милашка горничная.

Кусокъ булки съ противоположнаго конца стола полетѣлъ въ Усольцова.

— Полно, Текля, не дури, сказалъ ротмистръ безъ гнѣва: — вѣдь моей натуры не передѣлаешь, а будешь глупить, — выдеру и везю выбросить за ворота.

— Такъ у нея двѣ воспитанницы? спрашивалъ Контропошкинъ.

— Кажется даже больше, — да вѣдь ты знаешь, что это не по моей части.

— Такъ по пашей, Демьянъ. Однако посмотримъ что за письмо такое.

Усольцовъ распечаталъ конвертъ и прочелъ форменное приглашеніе къ завтраму на обѣдъ и на танцевальный вечеръ съ супругою.

— Экъ ее разнесило!

— Чтожъ, валимъ! Меня хоть и неприглашаютъ, да мнѣ-то какое дѣло: напялилъ фракъ и — честь имѣю рекомендоваться.

— Еще бы! мой пріятель и баста. Только на какого чорта зоветь она эту кислую Антонину, не понимаю.

— Этикеты, братецъ, московскіе. А впрочемъ тебѣ-то что за дѣло.

— Разумѣется ничего, пускай себѣ ѣдетъ, если хочеть.

— А знаешь, Демьянъ, мнѣ кажется, что если званый обѣдъ, то непременно будетъ Бобовихинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Стало быть надо ѣхать, только худо, что мы еще ничего не придумали.

— Да мы и не придумаемъ сморозимъ какую-нибудь забере-стную штукуантерію.

— Смотри, Ваня; я тебя знаю, ты сейчасъ раскиснешь: стоитъ только смазливой дѣвченокъ заюлить у тебя передъ глазами — и все кончено! ты дѣлаешься свиная-свиноею.

— Не говори мнѣ этого, Демьянъ: я точно охотникъ до хорошенькихъ, а кажись еще не выдавалъ товарища.

— Не въ томъ дѣло, конечно не выдавалъ, а если въ то самое время когда нужна помощь, ты равнолюбивчаешься и распустишь нюни, отъ тебя какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

— Да развѣ у княгини воспитанницы твои?

— Конечно для тебя твои...

Контропошкинъ засмѣялся.

— Ну, я постараюсь, Демьянъ, а чтобъ дѣло было върѣе, попробую вализаться.

— Да вѣдъ ты пыльный еще усердѣе льнешь къ юпкамъ.

— И то правда. Эхъ, чортъ побори! Какъ же быть, Демьянушка?

— Не знаю какъ, но ты будешь свинтусъ, если промѣняешь друга на какія-нибудь финтилюшки.

— Я вѣдъ могу и попридержаться.

— Этого отъ тебя не требуютъ : волочись пожалуй на пропа-
лую, но чтобъ при случаѣ за тобой не было остановки.

— Изволь, я даю тебѣ честное слово. Досадно, что изъ на-
шихъ никого не будетъ. Чортъ ихъ знаетъ гдѣ теперь братья
Дубляковы.

— Извѣстно рыщутъ по малымъ ярманкамъ. Впрочемъ, если
мы и встрѣтимъ Бобовихина, то въ домѣ княгини я раздумалъ
затѣвать какія-нибудь штуки. Значить только на словахъ мо-
жетъ-быть перепапка.

— Тогда и одни управимся.

— А ты пожалуста удерживайся отъ своихъ любимыхъ вы-
раженій.

— Помилуй, братецъ, развѣ ты не знаешь, что я при дамахъ
готовъ даже покраснѣть, если съ языка сорвется какое-нибудь
этакое слово...

— Все это такъ, да ты можешь испортить дѣло, а мнѣ бы
хотѣлось у княгини показать, что мы съ тобой въ свое время
выдывали хорошее общество.

— А развѣ и невидывали? Я въ Киевѣ на контрактахъ, когда
былъ юнкеромъ...

— И потому я рѣшился, продолжалъ Усольцовъ, не обращая
вниманія на слова своего пріятеля: — задать Бобовихину баню
только одними шутками и, если можно, его одурчить.

— Я поддержу, Демьянъ, ты вѣдь знаешь каковъ я гусь,
если надобно кого пустить въ игру.

— Только братъ, Контропоша, дѣйствуй неслишкомъ усер-
дно, а то какъ разъ можешь наглупить и пожалуй испор-
тишь все дѣло. Однако надо написать вѣжливый отвѣтъ Сазан-
даровой. Я схожу къ женьѣ, узнаю вдетъ ли она, но мы во
всякомъ случаѣ жгемъ въ тарантасѣ.

— И непременно, Демьянъ, въ моемъ, потому что у меня те-
перь дуга съ малиновыми колоколами.

На другой день часу въ двѣнадцатомъ къ подъѣзду княгини
Сазандаровой подкатили два пріятеля съ такимъ звономъ, что
вся дворня повыбѣжала смотрѣть на невиданное диво. Кромѣ
двухъ колоколовъ на дугѣ у Контропошкина, каждая лошадь

была увѣшана звонкими бубеняками, которые издавали чрезвычайно рѣзкіе звуки. Антонина Григорьевна осталась дома на томъ основаніи, что назначенный день былъ постный, а она узнала подъ рукой, что у княгини всегда готовятъ скоромное, слѣдовательно прибытіе ея могло привести хозяйку въ смущеніе.

Усольцовъ нарядился въ ментикъ, а Контропошкинъ облекся въ новый фракъ и вообще постарался придать своей наружности особенную щеголеватость и даже надѣлъ чистыя перчатки. Бѣлье и платье его было пропитано сильными духами, и отъ него несло словно отъ косметическаго магазина.

Сазандарова радушно приняла Усольцова и любезно приветствовала Контропошкина, который, войдя въ комнату, искалъ уже глазами хорошенькихъ воспитанницъ. Но княгиня сидѣла одна и раскладывала пасьянсъ на преддиванномъ столикѣ. Туалетъ ея былъ изысканнѣе обыкновеннаго, а открытый лифъ — чего не боялась она, обладая завидною полнотою — показывалъ, что она непрочъ покетничать съ тѣмъ, кто меньше всего ожидать этого и кто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ея нѣсколько сохранившіяся прелести. Послѣ обычныхъ разсужденій о здоровьѣ, дорогѣ, объ Антонинѣ Григорьевнѣ, княгиня сказала Усольцову, что къ вечеру ждала много гостей, но къ обѣду пригласила только его, имѣя поговорить съ нимъ о серьезномъ дѣлѣ.

— При мнѣ вы можете говорить все, что угодно! отозвался Контропошкинъ: — мы съ Демьяномъ живемъ душа въ душу.

— Нѣтъ, Ваня! возразилъ Усольцовъ: — есть разныя дѣла, о которыхъ иногда нельзя говорить при третьемъ, и хоть ты мнѣ закадычный другъ, однако ступай, братъ, въ залу прогуляйся.

Сазандарова благодарнымъ взоромъ посмотрѣла на ротнистра и тотчасъ же обратилась къ Контропошкину.

— А чтобъ вы не скучали, я сейчасть найду вамъ компанію.

И княгиня позвонила въ колокольчикъ.

Въ ту же минуту въ гостиную влетѣла недурненькая дѣвушка и сдѣлала приѣзжимъ реверансъ.

— Это моя воспитанница, Лиза.

Усольцовъ раскланялся, а Контропошкинъ поспѣшилъ откомендоваться.

— Вот тебѣ, Лиза, гость; постарайся занять его, пока мы потюкуемъ о дѣлѣ съ сосѣдомъ. Смотри же, ты мнѣ отвѣчайши, если г. Контропошкинъ покажется на скуку.

Лиза улыбнулась, сдѣлала пригластительный жестъ рукою и пошла въ залу, а Контропошкинъ охорашиваясь послѣдовалъ за нею, взглянувъ мимоходомъ на себя въ зеркало.

— Канашка, просто канашка! думалъ оцъ: — и какая вертлявая.

По уходѣ пріятели Усольцовъ вопросительно посмотрѣлъ на княгиню, которая, принявъ довольно интересную позу, глядѣла на него, прищуривъ немного свои глаза съ поволокою.

— Чѣмъ могу служить вамъ? спросилъ ротмистръ, недоумѣвая, какого рода ожидала его интимная бесѣда.

— Вы позволите быть откровенной старухѣ.

— Позвольте на первыхъ же порахъ перебить васъ, потому что вы далеко не старуха...

— Много благодарна! перебила Сазандарова съ нѣкоторымъ жеманствомъ и взглянула особенно нѣжно, на что впрочемъ ротмистръ не обратилъ вниманія. — Мнѣ много бы надо сказать вамъ, но право не знаю, какъ вы примете мои слова.

— Я обыкновенно принимаю слова какъ они есть и никогда не ищу въ нихъ чего-нибудь другого.

— Мнѣ очень нравится ваша супруга.

— Она дѣйствительно добрая женщина, только не знаю, чѣмъ могла вамъ понравиться.

— Такая милая и кроткая.

— Къ несчастью пустилась въ хашжество. Но для меня это рѣшительно все равно.

— Вы кажется больше проводите время на охотѣ.

— И на охотѣ и съ пріятелими... Однако позвольте васъ спросить, княгиня, к чему это все клонится? Я надѣюсь, что вы не проповѣдь станете мнѣ читать.

Сазандарова смѣшалась немного.

— Советить нѣтъ! Какое мнѣ дѣло? я такъ... Напротивъ, я смотрю на супружество, какъ бы вамъ сказать, то-есть полагаю, что должна быть свобода.

— И прежде всего свобода.

— Ктому же вы, безъ лести, такой молодець-мужчина.

Усольцевъ шаркнулъ ногою.

— Супруга ваша кажется болѣзненна.

— Вѣчно хнычетъ и вѣчно киснетъ, но мы съ ней живемъ попріятельски: я не мѣшаю ей возиться съ юродивыми, она не входитъ въ мой образъ жизни.

Княгиня погрозила Демьяну Павлычу пальцемъ съ лукавою по ея мнѣнію улыбкою. Усольцовъ тоже усмѣхнулся.

— Жизнь только тогда и пріятна, когда нѣтъ никакого стѣсненія! говорила Сазандарова: — и въ образованномъ кругу на нѣкоторыя шалости должно смотрѣть снисходительно.

— Это само собою разумѣется. Но я все ожидаю, что вамъ угодно было сказать мнѣ.

— Видите ли, я впервыхъ люблю, чтобы всѣ вокругъ меня жили въ полномъ согласіи.

Усольцовъ молчалъ.

— И если между сосѣдями пробѣжить черная кошка, продолжала княгиня: — я просто словно нездорова, теряю аппетитъ и только и вижу какъ бы уладить несогласіе.

Демьянъ Павлычъ сдѣлалъ движеніе.

— Позвольте, не перебивайте меня, — я стараюсь помирить только тѣхъ, кого уважаю.

— Вамъ значитъ извѣстны наши маленькія несогласія съ Бобовихинымъ! сказалъ ротмистръ.

— Къ сожалѣнію да, и мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь окончить ихъ у меня въ домѣ.

— Я долженъ вамъ сказать, княгиня, что съ моей стороны особой вражды не имѣется: я больше ограничиваюсь шутками. Бобовихинъ просто глупъ.

— Демьянъ Павлычъ, Демьянъ Павлычъ! проговорила княгиня съ нѣжнымъ укоромъ: — можно ли такъ выражаться о старомъ, заслужоппомъ человѣкѣ.

По просьбѣ Сазандаровой Усольцовъ передалъ ей свои столкновенія съ генераломъ, разумѣется прихвастнувъ и скрывъ свои «штукаантеріи». Но къ удивленію ротмистра княгиня, не только не осудила Бобовихина, а напротивъ утверждала извѣстный афоризмъ: «кто старшій, тотъ не меньшій». Послѣ получасоваго спора, который вслѣдствіе уступчивости княгини перешолъ съ ея стороны въ дружескую просьбу, Усольцовъ далъ слово не дѣлать Бобовихину шутку покрайней-мѣрѣ у нея въ

домъ, и общалъ также придерживать своего друга Контропошкина.

Нѣсколько разъ на Усольцовъ останавливались пламенные взоры Сазандаровой, такъ что ротмистръ замѣтилъ это, но не могъ сообразить, что причиною всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ было вовсе не одно желаніе княгини помирить его съ Бобовихинымъ. Правда, что примирить враговъ, вмѣшиваться въ дѣла супруговъ и устроить свадьбы было добровольною обязанностью Сазандаровой, но любовь считалась преобладающимъ элементомъ въ ея характеръ, а у княгини возникло недолгое желаніе улаживать за Демьяномъ Павлычемъ. Доказательствомъ этому служитъ послѣдній разговоръ ея съ Усольцовымъ: будь это кто-нибудь другой, а не ротмистръ, княгиня смѣло бы возстала и противъ нарушенія супружеской жизни и противъ неповиновенія, оказаннаго Бобовихину. Разумѣется Усольцовъ былъ не изъ тѣхъ, которые слушаются увѣщаній, но во всякомъ случаѣ не обошлось бы безъ крупнаго разговора, навлекшаго бы кто знаетъ какія послѣдствія. Теперь это обошлось безъ всякой размолвки и даже приняло шуточный оборотъ, особенно подъ конецъ бесѣды.

— Вы, какъ я вижу, большой проказникъ, Демьянъ Павлычъ! сказала княгиня, погрозивъ ему съ улыбкой.

— А чтоже остается дѣлать! Въ деревнѣ радъ-радехонекъ всякому развлеченію.

— Вы кажется любите развлеченія.

— Еще бы, пока служить здоровье.

— Шалуны вы, мужичны, шалуны! Все вамъ сходитъ съ рукъ.

— Ктоже мѣшаетъ и женщинамъ! сказалъ Усольцовъ, замигавшись и покручивая усы: — вольному воля, а спасенному рай!

— Да, подите! А что начнутъ говорить...

— На всякое чиханье не надравствуешься.

— Хорошо вамъ такъ рассуждать.

— Чего эта баба хочетъ отъ меня? подумалъ ротмистръ и посмотрѣлъ на нее внимательнѣе.

Въ это время Сазандарова оборотилась позволить въ колокольчикъ и при этомъ движеніи показала довольно полный

бюсть, не принявшій еще печально-вялыхъ очертаній, встрѣчаемыхъ въ наружности у женщинъ извѣстнаго возраста.

— Она еще ничего! говорилъ самъ себѣ ротмистръ: — лѣтъ пять назадъ съ пьяныхъ глазъ можно бы, чортъ возьми, и прихлопнуться.

— Итакъ я васъ заставила проскучать, дорогой сосѣд! молвила Сазандарова, дернувъ нѣсколько разъ советку.

— Помилуйте, какъ хозяйка дома вы обязаны заботиться, чтобъ гости находились въ мирѣ и согласіи.

— Такъ вы даете мнѣ слово нетрогать Бобовихина.

— Если только онъ меня не зацѣпитъ, потомучто у меня правило: «ѣду, ѣду не свищу, а наѣду не спущу».

— То-есть никому спуску.

— Никому положительно.

— О, да вы бѣдовый!..

— Былъ когда-то бурка, да уѣздили крутыя горки.

— Полноте, не клепадите на себя напраслину.

Явился слуга, которому отлаво было приказаніе позвать барышню Лизу и гостя, и черезъ минуту явилась барышняя въ сопровожденіи веселаго и счастливаго Контропошкина.

— Не скучали? спросила у послѣдняго Сазандарова.

— Помилуйте, да у меня была такая хозяйка, просто анжъ.

— Право?

— Я не замѣтилъ времени; одно только темнаго обезкураживало...

— Ахъ, боже-мой, чтоже такое?

— Нельзя курить, а признаюсь, адски хочется затянуться.

— Отчего же ты, Лиза, не предложила гостю безъ церемоніи въ угловую. Демьянъ Павлычъ, вы тоже курильщикъ; угодно — пока подадутъ обѣдать.

— Пожалуй, вѣдь у насъ скверная привычка поминутно сосать трубку.

— Сдѣлайте одолженіе! Лиза, проводи гостей. Только господу не взыщите, у меня нѣтъ никакихъ припасовъ.

— У насъ все съ собою! сказалъ Контропошкинъ: — остается лишь скомандовать.

И выглянувъ изъ гостиной въ залу, онъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Гей, Васютка, кисеть и трубку!

Неуголъ Контропошкинъ окончить фразу, какъ мальчикъ выросъ словно изъ подъ земли и подалъ барину требуемое. Игнашка, безъ приказанія, не замедлялъ исполнить свою обязанность, и два пріятели, усѣвшись въ угловой комнатѣ, принялись дымить свои трубки съ наслажденіемъ.

— Ну, какіе тамъ секреты, Демьянъ?

— Все на счетъ Бобовихяна — хочеть пастъ помприть.

— А воспитанница-то Лиза, чудо мамзелька, Демьянъ.

— Ты ужъ распустилъ нюни! Ну, что тамъ за чудо такое?

— У! какая апетитная. Я, братъ, отлично провелъ время, сидѣлъ и посматривалъ на талійцу.

— Да ужъ я тебя знаю, мнѣ это не новость. А меня княгиня просила не дѣлать у нея въ домѣ никакихъ «штукантерій» Бобовихипу; стало быть, Контропоша, сегодня намъ неудастся порядкомъ побѣсить его п—ство.

— Это почему? Неужели нельзя зацѣпить и въ шутку.

— Конечно нельзя. Но знаешь ли — это къ лучшему. Первое знакомство обойдется мирно, а тамъ мы придумаемъ средство, да и накроемъ соколика.

— Дѣлай какъ знаешь. Мнѣ будетъ весело: вечеромъ составятъ танцы и — кути душа.

— Не понимаю что за удовольствіе въ твои дѣта прыгать съ молодежью.

— Эхъ, странный ты какой, Демьянъ! Вѣдь вальсируешь, наприцѣръ, съ хорошенькой, обнимешь поближе, прижмешь...

— Все это глупо, Контропошкинъ.

— Ну, не говоря...

— Да не ужь-то ты серьезно думаешь, что въ тебѣ такъ вотъ и влюбится хорошенькая дѣвушка.

— Чѣмъ же я не кавалеръ? Богъ, кажется, не обидѣлъ.

— Эхъ, Контропоша, Контропоша, ты какъ я вижу цѣлый вѣкъ не перестанешь дурить — такая уже у тебя натура.

— Демьянъ! Не ты ли половину доходовъ проматываешь на женщинъ! сказалъ Контропошкинъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Я, братъ, другое дѣло. Люблю всякихъ мамочекъ, пупочекъ, готовъ для нихъ на всѣ жертвы — и нескрываю. Но вѣдь у меня не твой правъ, Контропоша. Я не гоняюсь за барышнями, отъ которыхъ, по моему, никакого толку, а у меня жги тамъ,

гдѣ можно успѣть безъ всякихъ любвей и вздыхательствъ. Вотъ что.

— Да какъ же безъ любви-то?

— А такъ же, очень просто. Неужели, повторяю, ты думаешь, что въ тебя можетъ кто-нибудь серьезно влюбиться.

— Въ меня-то? А почему же вѣтъ?

— А потому, что тебѣ за-сорокъ, — повзносился ты не мало.

— Да вѣдь еще недавно...

— Ты мнѣ этого не рассказывай. Что тебя ловятъ какъ богатаго жениха — не спорю, и можетъ случиться поймають.

— Дулки!

— Что тебѣ пожалуйъ мная дѣвченка и глазки состроить, — вѣтъ ничего удивительнаго: вопервыхъ по ириказу родителей, во вторыхъ въ надеждѣ сдѣлаться богатой барыней.

Контропошкивъ нахмурился.

— Ты не дуйся, Ваня, ты знаешь — я тебя люблю и ни на кого не промѣняю, но мнѣ всегда досадно смотрѣть какъ тебя дурачать.

— Посмотрѣлъ бы я!

— Да ты ничего не увидишь, а со стороны-то все, Контропоша, какъ на ладони. Сердиться нечего, пришлось къ слову — я и высказалъ.

— Ты какъ тамъ ни толкуй, а если Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ надѣнетъ новый фракъ, бархатный жилетъ, приколетъ брилльянтовую запонку и развѣситъ золотую цѣпь — пусть съ нимъ потягаются еще молодые.

— Не во фракъ и не въ запонкѣ дѣло: лѣта, сѣдины, морщины...

— Да вѣдь ты самъ любишь молоденькихъ.

— Еще бы! Но какъ ты не хочешь понять, что мои и твои связи двѣ вещи разныя: мнѣ понравилась дѣвушка, я стараюсь вступить въ переговоры и баста, а ты распустишь нюню, вздыхаешь и много-много что добьешься позволенія поцѣловать ручку, да и то, я думаю, приврешь иногда.

— Развѣ мало у меня было невѣсть, и тамъ, братъ, не одной ручкой пахнеть.

— Невѣсть! Эка штука поцѣловать невѣсту! За то каждый поцѣлуй стоилъ тебѣ не одну тысячу впоследствии. Впрочемъ, Контропоша, чортъ съ тобою, живи какъ знаешь, — мое дѣло

сторона. Только смотри, если придется, что окрутятъ съ какой-нибудь Франтихой, не пѣли на меня.

— Не окрутятъ, пока самъ не захочу.

— Да ты, я думаю, не прочь уже и Лизѣ сдѣлать предложение.

— Она свѣженькая и такой шельменокъ.

— Свинтусъ ты, я больше ничего. А я братъ здѣсь намѣтилъ горничную — вотъ-такъ живчикъ.

— Гдѣ жъ она?

— Здѣсь въ домѣ. Уже я поговорю съ нею, и если пойдетъ на то, выкуплю ее у княгини. Такъ, братъ Ваня, порядочные люди обдѣлываютъ дѣлшки, а квиснуть передъ юбкой и не погусарски и помоему неприлично.

— Эхъ ты голова, Демьянъ! Да развѣ съ дѣвицей можно обращаться какъ съ крестьянской дѣвкой.

— А на коего чорта ты ухаживаешь за дѣвцами? принуждаютъ кто, что ли?

— Какъ же ты не хочешь понять, что съ образованной мамочкой пріятно посидѣть, пофѣжничать.

— Только развѣ что посидѣть. Но я въ этомъ не вижу никакого толку. А женщина, братъ, все выйдетъ одно и то же.

— Ну, шалишь, Демьянъ. У дѣвицы, напримѣръ, смотри какое бѣлое, пухлде тѣлце, ручки, ножки.

— Это, братъ, все чистѣйшая дребедень. На такія штуки я уже давно не ловлюсь, за то и живу безъ вздоховъ и страданій. Чепуха и шабашъ! Ручки, ножки! Экъ несетъ ахинею. У женщины главное — сложеніе, рожица.

— Ну, ты разсуждай себѣ какъ хочешь, а хорошенькая барышня и дѣвка — двѣ вещи разныя.

— Повторю только, что ты свинтусъ и дѣла не поплмаешь. Хоть бы эта твоя Лиза. Она конечно тово, да посмотрѣлъ бы ты у нихъ горничную Таньку, такъ я не возьму за нее десятка твоихъ Лизъ. Просто объяденіе.

— Кто жъ тебѣ говорить, что и я прочь отъ милашки-крестьянки, но все-таки, братецъ, дворянское происхожденіе, образованность — пріятно и поамуриться.

— Съ тобою не сговоришь. Однако мы накурились, пойдѣмъ къ бабамъ. Смотри же не накинись на Бобовихина: мы ему зададимъ травану гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— О, я пропишу ему ловкаго феферу, только была бы поддержка.

Пріятели пришли въ столовую, гдѣ кромѣ княгини и Лизы увидѣли еще воспитанницу Машу, дѣвочку такъ себѣ, воспитанника Поля и француза m-г Бульдора, котораго какъ дворня, такъ и сосѣди называли бульдогомъ, и вслѣдствіе неправильнаго произношенія, и по чрезвычайному сходству гувернера съ собаками этой породы. Сазандарова, усадивъ возлѣ себя Усольцова, такъ его потчивала кушаньями, а больше тонкими вишами, что Демьянъ Павлычъ за жаркимъ обращалъ уже большее вниманіе на хозяйку и, посматривая на ея дородный бюстъ, говорилъ про себя:

— Нѣтъ, чортова баба еще ничего, а должно быть съ молоду была у-у! какая забористая.

Контропошкинъ таялъ возлѣ Лизы и заговаривалъ съ Машей; Полю капризничалъ и дѣлалъ гримасы m-г Бульдору, который огрызался, а между тѣмъ уписывалъ каждое кушанье по полной тарелкѣ, да не забывалъ по обычаю тянуть и красное вино стаканомъ.

Послѣ обѣда пріятели отправились отдохнуть во флигель, а въ это время начали уже съѣзжаться дальные гости, приглашенные на танцевальный вечеръ. Въ каретѣ шестерикомъ приѣхалъ и Бобовихинъ съ дочерью и компаньонкой, впервыхъ желая исполнить просьбу княгини, а вовторыхъ дать средство потанцевать Людмилѣ, которая въ красивомъ бальномъ платьѣ могла назваться хорошенькою.

Но изъ боязни нагнать скуку на читателя, мы не будемъ подробно описывать этого вечера, а очеркнемъ лишь тѣ сцены, въ которыхъ играютъ роль знакомыя намъ личности.

Еще не смерклось, а уже у Сазандаровой было много гостей, и вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ парадныхъ комнатъ, приѣзжія дамы принялись перёдѣваться къ балу. Можетъ быть теперь иному это обстоятельство покажется странностью, особенно относительно ближайшихъ сосѣдокъ, которыя могли, одѣвшись дома, явиться прямо въ бальномъ туалетѣ; но во время озо

истыя помѣщицы за двѣ версты не выѣзжали безъ обширнаго гардероба и подчасъ нѣсколькихъ горничныхъ. Если въ этомъ не было особенной надобности, то этикетъ непремѣнно требовалъ возить многочисленную прислугу. Притомъ же вечера, подобные описываемому, были очень рѣдки, а обыкновенно помѣщики собирались по случаю какого-нибудь семейнаго праздника и пировали по нѣскольку сутокъ. Сазандарова, поселясь въ околѣхъ, начала приглашать сосѣдей безъ всякаго предлога, но это непривилось, даже большинству не понравилось, потому что дамы, зная всѣ именины, дни рожденія, наконецъ годовыя торжества, такъ уже и готовились, а неожиданный балъ ставилъ нѣкоторыхъ въ щекотливое положеніе. И теперь считается неловкимъ являться въ гости въ одномъ и томъ же платьѣ, а тогда и подавно каждый отецъ семейства, даже недостаточный, изъ кожи лѣзъ, чтобъ у жены и дочери туалетъ былъ разнообразѣе. Импровизированные вечера Сазандаровой стояли нерѣдко инымъ слезъ и супружескихъ сценъ, а между тѣмъ на нихъ ѣхали охотно — кто изъ желанія лишній разъ потанцевать, кто хорошенько выпить и поужинать, кто наигратъ въ карты, а кто — и это были счастливицы — показаться въ новомъ платьѣ и побѣсить своихъ пріятельницъ. Впрочемъ всегда почти гости оставались и на другой день, и хотя уже не было параду, однако танцевали порой съ утра далеко за полночь.

Когда пріятели наши выпались послѣ обѣда и пошли въ домъ, въ гостиной уже собралась большая кучка, и на почетномъ мѣстѣ, возлѣ хозяйки, на диванѣ сидѣлъ въ мундирѣ Савва Михайлычъ Бобовихинъ. Почтенные помѣщики и помѣщицы окружали столъ, а молодежь веселыми группами расхаживала по залу въ ожиданіи танцевъ. Бобовихинъ видимо былъ не въ духѣ и серьезное лицо его сдѣлалось еще серьезнѣе, брови сдвинулись, и онъ искоса посматривалъ на дверь, какъ бы ожидая появленія чего-нибудь враждебнаго. И вотъ брязнули шпоры и въ гостиную тяжелою поступью вошелъ Усольцовъ, послѣдуемый Контропошкинымъ, который вылилъ на себя чуть не цѣлую стклянку самыхъ крѣпкихъ духовъ и до нельзя взъерошилъ волосы, что по его мнѣнію придавало необыкновенную красоту его фивіоніи. Какъ ни владела собой Сазандарова, однако смѣшалась немного при входѣ двухъ пріятелей, которые, расклавывшись съ знакомыми, начали искать порожищъ кресель.

— Вы незнакомы? спросила княгиня у Бобовихина, указывая на Усольцова и Контропошкина.

— Не имѣю чести, сухо отвѣчала Савва Михайлычъ, измѣняясь нѣсколько въ лицѣ, но неизмѣняя своего положенія.

— Демьянъ Павлычъ Усольцовъ.

Ротмистръ поклонился и брязнулъ шпорами.

— Очень пріятно.

— А это Иванъ Алексѣвичъ Контропошкинъ.

Генераль кивнулъ головой.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть в. п—ство у предводителя, развязно сказалъ Контропошкинъ.

— Можетъ-быть, сударь, отвѣчалъ Бобовихинъ.

Контропошкинъ подмигнулъ Усольцову, повернулся на одной ногѣ и подошелъ къ своему пріятелю.

— Чтоже вы, Демьянъ Павлычъ, удаляетесь? спросила княгиня.

— Я немного не по формѣ, отозвался Усольцовъ: — я не зналъ что встрѣчу его п—ство.

Бобовихинъ окинулъ Усольцова взоромъ, хоть онъ и въ первый моментъ замѣтилъ, что ротмистръ разстегнулъ шеникъ, изъ подъ котораго видѣлся пестрый бархатный жилетъ.

— Теперь, княгиня, другія времена, замѣтилъ онъ: — теперь не только молодежь, но и солидные люди не имѣютъ атенціи къ старшимъ.

— Напрасно изволите такъ говорить, в. п—ство, сказалъ Усольцовъ: — каждый благомыслящій человекъ обязанъ воздавать должному должное.

— По правиламъ такъ слѣдуетъ, сударь, однако мы очень часто видимъ неисполненіе обязанности.

— Я полагаю, в. п—ство, что это происходитъ вообще отъ слабости человѣческой натуры.

— И вы напрасно такъ полагаете, г. ротмистръ, ибо всякая слабость человѣческой натуры не входитъ въ расчетъ, гдѣ дѣло касается субординаціи и дисциплины.

— Противъ этого не смѣю спорить, но вѣдь могутъ въ жизни встрѣчаться недоразумѣнія.

— По моему, сударь, между старшимъ и младшимъ не должно быть никакихъ недоразумѣній. Таково мое правило.

Контропошкинъ толкнулъ въ бокъ своего пріятеля, а Усольцовъ слегка лягнулъ его ногою.

— Вы изволите говорить насчетъ фронта, в. п—ство.

— Насчетъ всего, сударь. Я слава-богу заслужонный генералъ-майоръ моего государя, а при встрѣчѣ со старшимъ въ чинѣ не премину своей обязанностью.

— Миѣ кажется, в. п—ство, долгъ вѣжливости требуетъ отъ každого.

— Вѣжливость вѣжливостью, перебилъ Бобовихинъ, начиная горячиться: — а чиновочитаніе, сударь мой, не терпитъ послабленія.

Княгиня начинала находить свое положеніе не совсѣмъ ловкимъ, тѣмъ болѣе что ей хотѣлось примирить Усольцова съ Бобовихинимъ, о чемъ она чуть ли ужъ и не похвастала сосѣдямъ. И только уступчивость и мягкость ротмистра подавали ей нѣкоторымъ образомъ надежду на благопріятный исходъ дѣла.

Вы оба, господа, отставные, сказала она: — и я увѣрена, что непременно сойдемся за партией виста, а чтобы сохранить равновѣсіе — я сяду съ вами сама и усажу Дарью Андреевну.

— Я въ распоряженіи в. с—ства, сказалъ любезнымъ голосомъ Бобовихинъ: — и свяго исполняю субординацію.

— А я хоть и терпѣть не могу тянуть канитель въ коммерскія игры, отозвался Усольцовъ, однако всегда привыкъ исполнять дамскія приказанія.

— Ну, и прекрасно... А вы, г. Контропошкинъ?

— Я не смыслю въ картахъ ни бельмеса и приготовился танцевать до упаду.

— Очень вамъ благодарна, тѣмъ болѣе, что кажется сегодня будетъ недостатокъ въ кавалерахъ.

— О, это шаржунъ, рекомендую, сказалъ засмѣявшись Усольцовъ: — его хоть малипой не корми, когда заиграетъ музыка.

Нѣкоторыя матушки двусмысленно улыбулись, потому что онѣ довольно близко знали Контропошкина и не одна изъ нихъ прежде рассчитывала поближе познакомиться съ богатымъ женихомъ.

Въ это время вополъ лакей съ большимъ подносомъ, уставленнымъ чашками и стаканами, а мальчикъ въ военномъ казачьѣ привнесъ раскуренную трубку и подалъ Бобовихину.

Контропошкинъ вопросительно посмотрѣлъ на Усольцова, а

этотъ пожалъ плечами, чего однакоже не замѣтилъ Иванъ Алексѣвичъ.

— Значить, Демьянъ, и намъ можно? спросилъ послѣдній. Я, братъ, съ чаемъ не могу безъ трубки.

Сазандарова это разслышала.

— Для такого заслужоннаго гостя я измѣнила своему правилу, сказала она: — только Саввѣ Михайлычу позволяется курить у меня въ гостиной. Одну трубку еще я могу выносить.

Генераль съ иронической улыбкой посмотрѣлъ на пріятелей и задумалъ изъ своего янтаря, но пуская дымъ тоненькими колечками, словно въ благодарность за особую привилегію.

— Впрочемъ и я долженъ признаться откровенно, сказалъ Усольцовъ: — что играя въ карты, не могу обойтись безъ трубки, хоть зарѣжьте, и потому буду просить посадить меня гдѣ-нибудь подалѣе.

— Нѣтъ ужъ, Демьянъ Павлычъ, возразила княгиня: — какъ угодно, а я хочу играть съ вами. Если захотите покурить, попросите кого-нибудь сыграть за васъ роберъ.

— Что ужъ и за игра безъ трубки. Но я желаю доказать какъ мнѣ пріятно быть въ вашей партіи — извольте я готовъ послѣ трехъ роберовъ посадить на время кого-нибудь за себя.

— Благодарю васъ. Итакъ, в. п—ство, мы можемъ начать, если позволите. Вотъ я только разсажу гостей, велю заиграть музыкѣ, и мы примемъ за свой концертъ.

— А вы будете нашимъ капельмейстеромъ, замѣтилъ генераль, который старался казаться веселымъ, хотя въ тайнѣ болелъ съѣсть за одинъ столъ съ неугомоннымъ ротмистромъ.

Положеніе обоихъ противниковъ было натянуто, и хоть Усольцовъ рѣшился не говорить первый объ извѣстной перепискѣ, однако будучи связанъ словомъ, даннымъ княгинѣ, не придумалъ еще себѣ роли въ случаѣ, еслибъ генераль вздумалъ открыто вломиться въ амбіцію. О Бобовниці я уже и не говорю. Савва Михайлычъ просто терялся и даже втихомолку жалѣлъ зачѣмъ приѣхалъ къ Сазандаровой. Промолчать передъ ротмистромъ о томъ, что онъ считалъ обиднымъ и не выразить дерзкому своего неудовольствія, казалось генералу несовершенство съ его званіемъ, а начать исторію, зная изъ опыта насмѣшливость и буйный нравъ ротмистра, тоже не представлялось благоразумнымъ, да еще при постороннихъ, которые могли

потерять къ генералу все уваженіе, такъ давно имъ приобретенное.

Принявъ во вниманіе эту нѣмую борьбу съ обѣихъ сторонъ, чрезвычайно было пріятно взглянуть, когда княгиня, Бобовихинъ, Дарья Андреевна и Усольцовъ усѣлись въ диванной за ломберный столикъ. Несмотря на то, что заиграла музыка и молодежь начала кружиться въ вальсъ, многіе папеньки, считавшіе обязанностью полюбоваться на танцы своихъ дѣтокъ, не пошли въ залу, а остались наблюдать ходъ игры въ партіи, гдѣ сидѣли два врага, переписка которыхъ была уже отчасти извѣстна по уѣзду. Иные изъ зрителей позабыли даже собственную битву на зеленомъ полѣ и съ разобранными картами присутствовали въ уютной диванной. Первый роберъ играли — Бобовихинъ съ княгиней, и Усольцовъ съ Дарьей Андреевной. Генералъ видимо въ замѣшательствѣ, позабывъ пускать дымъ тоненькими колечками, пускалъ его огромными облаками, но съ особеннымъ ожесточеніемъ прихлопывалъ карты ротмистра, если у него была старшая. Въ нормальномъ положеніи, особенно при выигрышѣ, Бобовихинъ любилъ шутать и употреблять множество прибаутокъ, извѣстныхъ между провинціальными игроками, но на этотъ разъ молчалъ и только изрѣдка, при вопіющихъ ошибкахъ княгини, дѣлалъ ей отрывистыя замѣчанія. Однако Савва Михайлычъ выигралъ первый роберъ. Когда онъ собирался записать и не нашолъ воалѣ себя мѣлу, а Усольцовъ очень вѣжливо подагъ ему и мѣлокъ и щотку, генералъ кивнулъ головою.

Но вотъ велѣніемъ судьбы второй роберъ пришлось играть Саввѣ Михайлычу съ Усольцовымъ.

— Гдѣ вамъ угодно сидѣть, в. п—ство?

— Останусь на своемъ мѣстѣ — я здѣсь выигралъ, проговорилъ генералъ, несмотря на своего партнера.

— Какъ будетъ угодно.

Между тѣмъ во время перваго робера Усольцовъ жадно примѣчалъ малѣйшія привычки генерала и ловилъ всѣ его фразы, срывавшіяся при ошибкахъ княгини. Такъ онъ замѣтилъ, что Бобовихинъ любилъ козырять и терпѣть не могъ, если партнеръ ходилъ огъ слабой масти; набравъ шесть взятокъ, онъ старался брать леве, не пуская въ ходъ дальнѣйшихъ комбинацій и приговаривалъ: «тише ѣдешь, дальше будешь». Но главное, онъ терпѣть не могъ ренонсовъ, о чемъ и заявилъ впрочемъ еще при

самомъ началѣ. Всѣ эти маневры отлично изучилъ Усольцовъ и когда сѣлъ на второй роверъ противъ генерала, то сказалъ ему :

— Вы меня извините, в. п—ство, я въ вѣсть плету лапти. Бобовикинъ недоувѣрчиво взглянулъ на своего партнера.

— Я самъ небольшой игрокъ, сударь, только люблю соблюденіе правилъ, кои давно установлены.

— Ихъ-то я и не знаю, а рублю съ плеча: отгузилъ, откоролилъ, да и съ колокольни долой, какъ говорятся.

Первую же задачу къ Бобовихину пришла отличная игра, которая съ помощью Усольцова должна была окончиться шлемомъ для ихъ противниковъ. Савва Михайлычъ, розобравъ карты, приободрился и, выкозырявъ у барыни послѣдняго козыря, проговорилъ обращаясь къ княгинѣ :

— Теперь только держитесь, в. с—ство.

Онъ началъ откаживать свои масти и въ азартѣ не обращалъ уже вниманія на своего партнера, тѣмъ болѣе, что сдѣлалъ маленькій шлемъ, въ чемъ и извинился передъ дамами.

— Однако позвольте, сказала Дарья Андреевна : — вашъ партнеръ сдѣлалъ ренонсъ, и потому пожалуйте къ намъ три взятки — значитъ до шлема будетъ очень далеко.

— Какъ? спросилъ съ завальчивостью Бобовихинъ.

— А такъ : Демьянъ Павлычъ два раза недалъ бубенъ, а потомъ у него оказались бубны. Это называется ренонсомъ. Еслибы вы опросили своего партнера, вы бы не отвѣчали.

Бобовикинъ торопливо раскрылъ взятки, увидѣлъ фактъ, во собирался спорить, а Усольцовъ поспѣшилъ сознаться въ своей ошибкѣ.

— Чтоже вы дѣлаете со мной, сударь? спросилъ съ негодованіемъ Савва Михайлычъ.

— Я уже имѣлъ честь докладывать в. п—ству, что плету лапти, смиренно отвѣчалъ Усольцовъ.

— Да вѣдь тутъ и умѣнья-то ненадобно никакого, чтобы скидывать масть, въ которую ходятъ.

— Теперь я и самъ вижу, что наглушилъ, но снявши голову, по волосамъ не плачутъ, в. п—во.

— У насъ была шлемовая игра, милостивый государь мой, и еслибы вы не снесли дамы червей, мы окончили бы большимъ шлемомъ.

— Совершенно справедливо, и я не знаю какъ это меня уго-
радило.

Генераль собрался было выйти изъ себя, но взглянувъ на ротмистра и замѣтивъ на лицѣ его насмѣшливую улыбку, началъ пыхтѣть и обдавать своихъ партнеровъ тучами дыму, отъ котораго закашлялась не только княгиня, но и Дарья Андреевна, окуренная мужемъ «съ головы до ногъ», какъ она выража-
лась.

Слѣдующую игру Усольцовъ велъ такъ, что проигралъ девъ, хотя на карту не могъ жаловаться, и достигъ онъ много, дѣлая нарочно такіе ходы, которые просто бѣсили Бобовихина; оправданія же его доставляли зрителямъ большое удовольствіе.

— Съ вами, сударь, играть недѣзя! замѣтилъ ему Бобовихинъ.

— Трудно ужъ переувѣчаться въ мои годы, отвѣчалъ ротмистръ: — да и не всякому дано столько соображенья, сколько в. п.—во.

— Тутъ не соображеніе, а вы цогой ступитъ не умѣете. Вамъ, сударь, только играть дѣ бабки.

— В. п.—во! имѣю честь напомнить, что я ротмистръ и ка-
валеръ.

— Господи! вмѣшалась княгиня: — неужели пустая ошибка можетъ быть причиною неудовольствія? Вѣдь мы играемъ для препровожденія времени.

— Но это, изъ рукъ вонъ, сказала Бобовихинъ: — какъ? до-
ждаться шлема, сдѣлать его и записать только за три дева, по-
томуто партнеръ изводитъ плеть лаптя!

— А если этотъ партнеръ объявлялъ прежде, то и горя-
читься нечего, замѣтилъ Усольцовъ: — дѣмъ болѣе, что и ваше
п.—во виноваты.

— Я? Позвольте спросить чѣмъ, сударь?

— А зачѣмъ же спросили — есть ли у меня бубны?

— Мнѣ было не до того.

— Игра требуетъ вниманья, в. п.—во.

— Не думаете ли вы, сударь, унять меня?

— Я только сдѣлалъ самое законное замѣчаніе.

— Помилуйте, господа, довольно! упрасивала Савандаро-

ва. — Будемте продолжать игру.

Бобовихинъ задыхающъ, Усольцовъ замолчалъ и Дарья

Андреевна сдала карты. Какъ нарочно къ генералу снова привалила громадная игра, такъ что онъ даже смягчилъ недавній гнѣвъ свой. Ходъ былъ Саввы Михайлыча, которому оставалось только найти какую-нибудь поддержку у товарища, и козырнувъ раза четыре, стуча кулакомъ, генераль вышелъ съ маленькой трефовки отъ короля и ваета самъ-четверть. Княгиня положила даму.

— Я питаю къ дамамъ полнѣйшее уваженіе, сказалъ Усольцовъ, сбрасывая пятерку.

— Да вы нарочно это, или какъ? спросилъ Бобовихинъ.

— Во время игры не дозволено разговаривать, отвѣчалъ ротмистръ, смотря съ улыбкой на генерала.

— И дѣйствительно нельзя, замѣтила Дарья Андреевна.

— Чтоже это за неумѣстная вѣжливость къ дамамъ.

— Послѣ игры буду имѣть честь обо всемъ доложить в. п.—ву.

— Значитъ Савва Михайлычъ не допускаетъ снисхожденія къ дамамъ, сказала смѣясь Сазандарова.

— Всему есть свое мѣсто, отвѣчалъ Бобовихинъ: — а въ картахъ и отца родного не жалѣють.

Однако, несмотря ни на какія ухищренія ротмистра, робертъ былъ выигранъ, и генераль торжественно поставилъ плюсъ.

— Вамъ идетъ отлично карта, в. п.—ство, сказалъ Усольцовъ.

— Я полагаю, сударь, что и умѣнье не послѣднее дѣло.

— Это само собою.

— За долготѣнную службу я привыкъ исправлять ошибки другихъ.

— Но въ малыхъ чинахъ, вѣроятно и сами изволили опечататься.

Усольцовъ моргнулъ окружавшимъ, а тѣ кивнули головою.

— Напротивъ, всегда старался избѣгать ошибокъ, потому что ревностно слѣдилъ за дѣйствіями старшихъ и бралъ съ нихъ примѣры.

— Покрайней-мѣрѣ въ картахъ, в. п.—во, гдѣ нужна особая своровка...

— Старшій, сударь, вездѣ старшій.

— Извините, в. п.—во, у меня былъ полновой командиръ, который въ бостонѣ плелъ лапти хуже меня.

— И чтожь?

— Всегда проигрывалъ, ремизился.

— Однако надѣюсь не позволялъ себѣ дѣлать замѣчаній?

— Никогда не обижался.

— Если игралъ съ штабъ-офицерами.

— Даже съ поручиками.

Генералъ махнулъ рукою.

— У васъ въ гусарахъ всегда водилось вольнодумство...

— Намъ съ вами. Савва Михайлычъ, сказала Дарья Андреевна. — Вы остаетесь на своемъ мѣстѣ?

— Конечно, да... Ахъ нѣтъ, у меня старшая, и я не знаю, говорилъ Бобовихинъ, искоса поглядывая на ротмистра, который по законамъ игры могъ согнать его съ мѣста.

— Вы, в. п—во, такъ счастливо играете, сказалъ послѣдній, — что я рѣшусь подросить позволенія сѣсть на ваше мѣсто: авось и мнѣ повезетъ.

— Имѣете, сударь, полное право, отвѣчалъ Савва Михайлычъ, нехотя вставая съ кресла и пересаживаясь на другое. — Впрочемъ чему быть, того не миновать.

Роберъ прошелъ безъ особыхъ приключеній. Но когда сядись на новую очередь, Усольцовъ попросилъ у княгини позволенія посадить за него кого-нибудь, потомучто хотѣлъ покурить трубку.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы пойдете въ ту пору, когда настанетъ очередь со мной, сказалъ генералъ тономъ недопускающимъ возраженій.

— Позвольте спросить почему?

— Потомучто я не люблю тѣхъ, кто дѣлаетъ ренонсы и портитъ игру.

— Это не резонъ, в. п—во. Вы можете любить и нелюбить игроковъ, но если вамъ хозяйка дома позволяетъ курить въ гостиной, а мнѣ нѣтъ, то я имѣю полное право пойти разъ-другой затянуться.

— Идите, идите, поспѣшила сказать Сазандарова, — да присылайте скорѣе кого-нибудь на свое мѣсто.

Бобовихинъ провожалъ глазами Усольцова, пока тотъ скрылся изъ комнаты.

— Первый еще разъ за все время отставки встрѣчаю такого вѣтжу, сказалъ Савва Михайлычъ, не обращая ни къ кому

въ особенности: — я признаюсь, много надо имѣть терпѣнья, чтобъ оставаться хладнокровнымъ.

— Мнѣ кажется, генераль, замѣтила княгиня: — вы уже слишкомъ строго смотрите на вещи: помоему Усольцовъ отвѣчалъ вамъ вѣжливо.

— Ещебы онъ смѣлъ отвѣчать мнѣ невѣжливо! Но развѣ вы незамѣтили, что ренонсъ и ошибки его похожи на умышленные, чтобъ только разбѣсить меня. А разстегнуть мундиръ въ присутствіи старшаго и выставить какой-то шутовской жилетъ — развѣ это на что-нибудь похоже!

— Да вѣдь онъ отставной.

— Такъ повашему отставной имѣетъ право на различные дебоши? Вѣдь этакой баринъ пожалуй готовъ раскричаться и на отставнаго генерала.

— О, нѣтъ, я не думаю, сказала Сазандарова, поглядывая на окружающихъ и какъ бы желая найти поддержку.

— И я не полагаю, отозвался толстый помѣщикъ: — Демьянъ Павлычъ въ трезвомъ видѣ никогда себѣ не позволитъ...

— А въ пьяномъ? спросилъ генераль.

— Ну, подъ хмѣлькомъ онъ любитъ отпускать штуки.

— Видите! сказалъ Бобовихинъ княгинѣ. — Я вѣдь живу съ нимъ по сосѣдству, и знаю хорошо этого гуся, хотя слава-богу и не встрѣчался съ нимъ до-сихъ-поръ. Вотъ постоитъ, придетъ губернаторъ, онъ приведетъ буяна въ должный рещектъ.

— А жена у него какая тихая, милая женщина.

— Помилуйте, да у него, говорятъ, цѣлый батальонъ фаворитокъ.

Въ это время пришолъ одинъ старичекъ, уполномоченный Усольцовымъ играть за него, и разговоръ о ротмистрѣ прекратился, хотя Дарья Андреевна только-что собралась расказать разные слухи и вѣсти о домашней жизни Демьяна Павлыча. Скоро впрочемъ явился и Усольцовъ. Шестой и послѣдній роберъ пришлось ему играть съ Бобовихинымъ, впродолженіе котораго Демьянъ Павлычъ на каждомъ шагу бѣсилъ своего партнера, но генераль, къ удивленію всѣхъ, не выходилъ уже изъ себя, а довольствовался короткими, хоть и энергическими замѣчаніями.

Оба противника не согласились съѣсть еще на одну очередь.

Въ танцевальной залѣ, гдѣ на двухъ танцующихъ дамъ едва приходилось по одному кавалеру, считая въ томъ числѣ и лысаго уфаднаго лекаря, Контропошкинъ, по собственному выраженію, «носился ураганомъ». Осмотрѣвшись, онъ оставилъ ухаживанье за воспитанницей Лизой, и принялся шибко ударять за Людмилой Бобовихиной, которая понравилась ему ростомъ и яркимъ румянцемъ, что для Контропошкина въ женской красотѣ было первымъ условіемъ. Притомъ же Иванъ Алексѣичъ, не взирая на всѣ свои шалости, циническія выходки и прочія безобразія, въ душѣ питалъ невольное уваженіе къ аристократіи, или лучше сказать къ тому, что въ провинціи извѣстно подъ этимъ именемъ, и на Людмилу смотрѣлъ не просто какъ на обыкновенную дѣвушку съ румяными щоками, но какъ на генеральскую дочку — титулъ гораздо почетнѣе титула княгининой воспитанницы. Людмила же старалась быть съ нимъ любезной на томъ основаніи, что дебютируя первый разъ на паркетѣ, встрѣтила такого неумолимаго навалера, который безпрестанно приглашалъ ее, невзирая на то, что было много танцорокъ гораздо ловче ея и опытнѣе.

Покончивъ первую партію виста, и пока составлялась другая безъ Усольцова, Бобовихинъ вышелъ въ залу взглянуть на успѣхи своего старшаго адъютанта. Въ этотъ самый моментъ Людмила, склонивъ на бокъ голову и крѣпко ухватясь за плечо Контропошкина, неслась въ быстрый вальсъ съ своимъ кавалеромъ. Иванъ Алексѣичъ имѣлъ обыкновеніе вальсировать съ какими-то неестественнымъ вывертомъ, и поднимая локти вверхъ, какъ бы собирался клевать носомъ свою даму. Генералъ немного поморщился. Онъ терпѣть не могъ Контропошкина не только по одной репутаци, но и за дружбу его съ Усольцовымъ, которая по мнѣнію Бобовихина, была даже унижительнѣе авансія «недоросля изъ дворянъ», хотя и послѣднее генералъ называлъ насмѣшкой надъ дворянскимъ сословіемъ. Когда Людмила окончила вальсъ, Савва Михайлычъ подошелъ къ ней.

— Охота тебѣ танцевать съ этимъ Контропошкинымъ? сказалъ онъ.

— Онъ, папенька, хорошо вальсируетъ и такой веселый.

— Да гдѣ это недоросль изъ дворянъ, понимаешь ты? т. е. ниже юнкера и даже меньше канцеляриста, и при томъ извѣстный буянъ и другъ Усольцова.

— Какъ же мнѣ быть, когда онъ меня ангажируетъ?

— Просто отказать и баста!

— Солодовская говоритъ, что нельзя отказывать кавалерамъ, иначе могутъ произойти неприятели.

Генераль внутренно съ этимъ согласился.

— А ты бы сказала, что, жаль, мнѣ папенька не позволяетъ.

— Я попробую, потому что въ самомъ дѣлѣ изъ-за него должна другимъ отказывать.

— А мнѣ этотъ мерзавецъ Усольцовъ и здѣсь уже успѣлъ испортить фунтъ крови.

— Что жъ онъ, забывается?

— Забываться—то слишкомъ я не позволю, а пакостить въ игръ. Но я его распеку порядкомъ и отбилъ охоту фордебачить.

— А мнѣ, папенька, очень весело.

— Только смотри, Боже сохрани, не урони своего достоинства: вездѣ на каждомъ шагу ты должна помнить, что ты дочь заслужоннаго генераль-майора. Тебѣ здѣсь нѣтъ равныхъ никого изъ кавалеровъ — все это мелюзга и ни у одного изъ нихъ нѣтъ даже порядочнаго чинишки.

— Я согласна, говорила Людмила въ раздумьи: — что не идетъ танцовать съ однимъ Контропошкинымъ, да какъ же слѣловать—то?

— Не танцую — и баста!

— Будетъ грубо.

— Ну, такъ какую-нибудь завиральную идею, только повторю тебѣ мою волю, что не желаю видѣть тебя съ нимъ часто. У него и рожа смахиваетъ на сапожничью.

— В. п—ство, партія готова, сказалъ, подойдя къ генералу, сѣденткѣ помѣщикъ.

— Радъ стараться. А я вотъ дочкѣ даю инструкцію.

— О, у нихъ свои маневры и эволюція.

И генераль величественно отошолъ, дымя изъ своей объемистой трубки.

Усольцовъ показался у противоположной двери и подождалъ Контропошкина.

— Ну, что Селадонъ Купидонычъ? сказалъ онъ трепля по плечу пріятеля.

— Ничего, Демьянъ, танцую, веселюсь.

— Кто же тебя плѣнилъ, безпутный мой Контропоша? Воспитанница Лиза, что ли?

— Какое Лиза! Ты смотри на Бобовихну — просто лебедь лебедью.

— А! поздравляю. Вот молодецъ. Но она, братецъ ты мой, смахиваетъ на драгуна въ юбкаѣ.

— Врешь, Демьянъ, и врешь, братъ, какъ сивый меринъ. Ты посмотри что за ростъ, что за румянецъ во всю щоку.

— И ухаживаешь серьезно?

— То-есть какъ тебѣ сказать, серьезнаго ничего нѣтъ, а подпускаю разныя лясы.

— Радуюсь твоей радости. А я, братъ, втеченіе двухъ реберъ такъ разбѣсилъ Бобовихина, что онъ распекъ меня и не хотѣлъ играть больше.

— Ну?

— Ну, и ничего. Я сдѣлалъ что могъ, связавши себя словомъ, даннымъ княгинѣ. Значить нельзя сдѣлать ему никакой новой штукантеріи. Теперь устраиваемъ банчишку, а между прочимъ думаю вступить въ переговоры тамъ — понимаешь!

— Угорь ты, Демьянъ! Ейбогу, братъ, это гораздо умнѣе нашихъ волокитствъ.

— А ты лишь теперь это замѣтилъ? Но я увѣренъ, что ухаживая за дочкой врага, ты невзамѣнишь другу.

— То-есть въ чемъ?

— То-есть поможешь мнѣ выкинуть какую-нибудь штуканцію Бобовихну.

— А то какъ же, Демьянъ! Ты вѣдъ меня не сегодня знаешь.

— То-то же. Постарайся даже съ нимъ поговорить, а я приду и нельзя ли будетъ за ужиномъ отлить ему пулю.

— Дѣло, братъ, дѣло.

Усольцовъ ушелъ въ дальнюю комнату и не зналъ, что Контропошкинъ услужить ему гораздо скорѣе нежели онъ рассчитывалъ. Но возвратился немного.

Во время разговора генерала съ Людмилой, одна мелкопомѣстная сосѣдка, мать взрослой дочери-невесты, слышала фразы Саввы Михайловича относительно Контропошкина и вознамерилась предостеречь послѣдняго, какъ по свойству своей природы, любившей переносить изъ дому въ домъ разныя вѣсти, такъ и подстрѣкаемая смутной надеждой завлечь богатаго же-

нижа своему дѣтищу. Вообще это была личность неинтересная, вѣчно плаксивая, неразъ даже причинявшая неудовольствіе въ сосѣдствіи своими слезами, но которую приглашали вездѣ, хотя и остерегались при ней откровенно выражать свои мнѣнія. Когда по уходѣ отца Людмила, отыскавъ свою компаньонку, удалилась съ ней изъ залы для совѣщанія о непрерывныхъ приглашеніяхъ Контропошкина, мелкопомѣстная барыня перешла на другую сторону и сѣла рядомъ съ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Похвально вы дѣлаете, что танцуете, сказала она ему : — я уважаю тѣхъ мужчинъ, которые не играютъ въ карты.

— Молодому человѣку пріятнѣе кружиться съ хорошенькими, нежели цѣлый вечеръ копѣть за зеленымъ столомъ.

— Истинно такъ. Отъ картежника трудно ожидать чего-нибудь хорошаго. Вы, кажется, рѣдко бываете въ нашихъ мѣстахъ?

— Да, я первый разъ въ этомъ околodкѣ.

— А я когда-то была знакома съ вами : помните, мы встрѣчались у Свирскихъ...

— Извините...

— Конечно этому добрыхъ двадцать лѣтъ. У меня уже дочь невѣста. Вы незнакомы?

— Нѣтъ.

— Фимочка! Фимочка! закричала барыня на дорodную дѣву, мечтавшую въ уголкѣ съ канцеляристомъ. — Поди сюда.

Переваливаясь какъ утка подошла Фимочка къ матери.

— Рекомендую, это моя дочь, а ты, Фимочка, познакомься съ Иваномъ Алексѣичемъ Контропошкинымъ.

Недоросль изъ дворянъ раскланялся и окинулъ взоромъ дебелую дѣву съ круглымъ лицомъ и оловянными глазами. Послѣ двухъ-трехъ незначащихъ фразъ, Фимочка отправилась на вѣрнее мѣсто продолжать прерванный разговоръ со своимъ собесѣдникомъ.

— Сокровище, а не дитя, сказала мать со вздохомъ : — такая крѣткая и послушная, а что касается до хозяйства, то я и не знаю какъ можно въ семнадцать лѣтъ дойти до такой опытности.

Контропошкинъ промывчалъ что-то вродѣ одобренія.

— Одно бѣда — нѣтъ большого приданаго, а теперешніе женихи ищутъ только прилагательнаго.

— Нельзя этого сказать обо всѣхъ , а впрочемъ я спорить не буду.

— Мнѣ хотѣлось бы, Иванъ Алексѣичъ , сказать вамъ одну вещь по старому знакомству , да право не знаю и боюсь , чтобы вы меня не выдали.

— Помилуйте , я свято сохраняю всѣ секреты.

— Видите ли , здѣсь есть особы , которыя вами недовольны.

— Вотъ какъ !

— И даже запрещаютъ своимъ дочерямъ танцовать съ вами.

Контропошкинъ вспыхнулъ.

— Какъ запрещаютъ ? это откуда такія правила.

— Отъ излишней гордости , Иванъ Алексѣичъ.

— Желалъ бы я знать , говорилъ Контропошкинъ , чувствуя себя довольно неловко : — что же эти особы находятъ во мнѣ зазорнаго ?

— Говорятъ , — извините меня , я вѣдь только по старому знакомству , — что вы недоросль изъ дворянъ...

— Ну , такъ что же ?

— И ничего ; значить находятъ , что напримѣръ генеральской дочкѣ неприлично танцовать съ вами.

— Вотъ какъ ! А ! понимаю. Стало-быть генералъ Бобовинъ.

— Только вы бога-ради не выдавайте меня. Я случайно подслушала его разговоръ съ Людмилой Савишной. Видите Иванъ Алексѣичъ , чѣмъ знатнѣе люди , тѣмъ больше въ нихъ спѣси. Впрочемъ здѣсь много дѣвицъ , и...

— А мнѣ наплевать ! Что жъ сказала эта Людмила Савишна ?

— Я , говорить , съ нимъ танцую безъ всякаго удовольствія , да считала неловкиямъ отказывать...

— Гы !

— А генералъ и говорить : «ты , молъ , скажи , что я не позволяю или найди какую-нибудь отговорку , а танцовать тебѣ съ недорослемъ неприлично — онъ , говорить , ниже юнкера и даже канцеляриста». Ейбогу !

— Такъ-таки и сказалъ ?

— Этими именно словами.

— Я же ему задамъ !

— Нѣтъ ужъ пожалуста вы меня невпутайте: я по своей добродѣтели...

— Зачѣмъ же васъ впутывать. Это мнѣ нравится — я ниже канцеляриста! Впервыхъ я самъ хоть недолго, а служилъ въ гусарахъ, вовторыхъ помѣщикъ не бѣднѣе какого-нибудь Бобовихина.

— Я слыхала, что вашъ пріятель Демьянъ Павлычъ собирается сыграть съ нимъ штуку.

— И не одну сыграетъ, — въ томъ я вамъ порукою. Мы ему покажемъ. Теперь позвольте: значить и Людмила Савишна гуляла на мой счетъ?

— Не безъ того, Иванъ Алексѣичъ. Не могу припомнить досконально что она говорила, но, выходитъ, о себѣ очень высококаго мнѣнія.

— А мы вотъ проучимъ какъ батюшку, такъ и дочушку: намъ это не въ первый разъ.

— И правду сказать, немѣшаетъ. Только ужъ пожалуста, чтобъ я была въ сторонѣ.

— Не извольте беспокоиться.

Контропошкинъ словно переродился, глаза засверкали и онъ пошелъ отыскивать своего закадычнаго друга. Но Усольцовъ металъ уже банкъ, и потому не могъ принять дѣятельнаго участія въ огорченіи своего пріятеля. Онъ посовѣтовалъ только одно — не заводить крупнаго скандала въ домѣ княгини, съ которой хотѣлъ сойтись на счетъ «живчика Таньки», но допускалъ поучить Бобовихина, если можно оставивъ эту исторію до ужина, а если нельзя, то стараться вести себя прилично.

— Тебя ли я слышу? сказалъ Контропошкинъ, удивленный такой мягкостью Усольцова.

— Нельзя, Ваня, слово Сазандаровой дано, а ты знаешь мою глупую привычку исполнять свои обѣщанія. Притомъ же пойми, что здѣсь Танечка...

— Но во всякомъ случаѣ я могу на тебя рассчитывать.

— Какъ на каменную гору. А теперь мнѣ вѣкогда, видишь какъ начинаютъ бить у меня карты.

Ободренный однакожь надеждой на поддержку друга, Контропошкинъ смѣло пошелъ въ залу, постоянно вламываясь въ амбицію и направился прямо къ Людмилѣ Бобовихиной, кото-

рая, переговоривъ съ Солодовской, рѣшилась не танцевать постоянно съ однимъ Контропошкинымъ.

— На кадрили! сказалъ Иванъ Алексѣвичъ, раскланиваясь фертонъ и играя цѣпочкой.

— Извините, я и такъ уже танцевала съ вами сряду двѣ кадрили.

— Почему же негодно третью?

— Потому что это неприлично.

— Не вижу никакого неприличія.

— Такъ принято.

— А знаете ли вы, сударыня, что не имѣете никакого права перебирать кавалеровъ...

— Я не пойду съ однимъ и тѣмъ же нѣсколько разъ сряду. Кромѣ меня есть много дамъ.

— Но если я хочу танцевать съ вами.

— Очень жалѣю, а должна отказать.

— Значитъ вы не желаете изъ гордости.

— Совсѣмъ нѣтъ, а по правиламъ приличія.

— Такъ знайте же, что перебираютъ только кавалеровъ... впрочемъ гдѣ — я вамъ скажу послѣ...

— Я право не понимаю, г. Контропошкинъ, отчего вы пристааете непремѣнно ко мнѣ, когда столько дѣвиць.

— Я танцевалъ съ вами прежде оттого, что находилъ въ этомъ удовольствіе, а теперь ангажирую потому, что хочу доказать свое право.

— Это очень странно. А если я не хочу танцевать съ вами?

— Потому что вы генеральская дочь?

— Если и потому?

— Такъ я докажу, что не бывать по вашему.

— Вотъ новости!

— Нѣтъ не новости. Если не пойдете со мною танцевать, то не будете ни съ кѣмъ, — я не позволю.

— Въ такомъ случаѣ! отвѣчала Людмила, вспыхнувъ въ свою очередь: — я говорить съ вами больше не буду, а представлю это другимъ...

И раздосадованная дѣвушка пошла прямо въ диванную, послѣдуемая однакоже Контропошкинымъ.

Дѣвица Солодовская видѣла все это и поспѣшила, если можно, предупредить бурю, возникавшую отъ столкновенія прили-

чій съ оскорбленныиъ самолюбїемъ. Но уже Людмила очутилась у ломбернаго столика и передала отцу въ несвязныхъ словахъ преслѣдованїя Контропошкина. Бобовихинъ сложилъ карты и всталъ съ своего мѣста, обнаруживая гнѣвъ, который выражался у него необыкновеннымъ пыхтѣніемъ и софѣніемъ. Сазандарова даже испугалась и въ качествѣ хозяйки дома пыталась уладить несогласїе.

— Тутъ можетъ быть душечка что-нибудь не такъ! сказала она, обращаясь къ Людмидѣ.

— Помилуйте, княгиня, онъ мнѣ сказалъ, что если я пойду съ кѣмъ другимъ, то онъ не позволитъ, и такое разное.

— А вотъ и самъ Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ! замѣтила Дарья Андреевна, которую начала занимать неожиданная исторїя.

Контропошкинъ какъ ни въ чемъ не бывало подходитъ къ столу, гдѣ засѣдало высшее судилище, т. е. отецъ дѣвушки и хозяйка дома.

— Какъ вы смѣли, сударь, оскорбить дочь мою? началъ Бобовихинъ: — равнѣ не видите, что я генераль-майоръ и кавалеръ?

— Прешде узнайте, в. п—ство, въ чемъ дѣло...

— Я, сударь, знать ничего не хочу?

— Нехорошо, Иванъ Алексѣичъ! сказала княгиня: — обижать молодую дѣвицу, дочь такого заслужоннаго сосѣда.

— Однако, господа! вмѣшался сѣдой помѣщикъ: — надо же выслушать и Контропошкина.

— Чтожъ вы, милостивый государь! закричалъ на этого посредника Бобовихинъ: — хотите дочь генераль-майора ставить на очную ставку съ недорослемъ изъ дворянъ! Это что за исторїя?

— Вопервыкъ, генераль, я не вашъ подчиненный, а вотъ-рыхъ справедливость требуетъ выслушивать обѣ стороны.

— Ахъ, боже-мой, оставьте, господа! говорила растерянная княгиня. — Могла ли я предвидѣть.

— Дочь моя не хочетъ танцовать съ вами, и баста! сказалъ Бобовихинъ Контропошкину.

— Ни дочь ваша и никто не имѣетъ права отказывать кавалеру.

— Не рассуждать!

— Не извольте кричать! Это говоритъ вамъ Иванъ Алексѣвичъ Контропошкинъ.

— Но я приказалъ моей дочери не танцовать съ вами.

— Это другое дѣло, тогда ваша дочь и должна бы мнѣ сказать объ этомъ. Но въ такомъ случаѣ позвольте васъ спросить, на какому праву отдали вы это приказаніе?

— По такому, сударь, что вы не имѣете никакого чина. Довольны?

— Но я вѣдь дворянинъ! говорилъ нѣсколько сконфуженный Контропошкинъ.

— Знаете что, Иванъ Алексѣвичъ! сказала Савандарова: — сдѣлайте мнѣ дружбу, извинитесь передъ Людмилой Савишной и дѣло съ концомъ, а послѣ пляшите на здоровье.

— Но вы развѣ, княгиня, не слышали, что генералъ находитъ меня недостойнымъ.

— Генералъ очень добрый человѣкъ, а если старшій и погорячатся иногда, то не всякое лыко въ строку. Неправда ли, Савва Михайлычъ.

— Я обязанъ вступить за дочь.

— Генералъ тоже обидѣлъ Контропошкина! замѣтилъ сѣдой помѣщикъ: — и потому мнѣ кажется лучше всего окончить дѣло мировою.

Людмила стояла раскраснѣвшись и со слезами на глазахъ. Бобовихинъ пыхтѣлъ и сосалъ потухшую трубку.

— Изъ уваженія къ дому княгини, сказалъ онъ: — я готовъ прекратить эту исторію, только не позволю дочери танцовать съ нимъ.

И генералъ презрительно указалъ на недоросля.

— Я и самъ больше ангажировать не буду и тоже изъ уваженія къ княгинѣ готовъ помириться.

— Не помириться, а извольте формальнымъ образомъ просить у моей дочери прощенія.

Контропошкинъ стоялъ на своемъ правѣ, и можетъ-быть исторія разыгралась бы снова, еслибы молчавшая дотолѣ Солодовская не изъяснила недорослю, что онъ ложно толковалъ танцевальные законы.

— Еслибы вы, сказала она ему: — изрѣдка приглашали Людмилу Савишну и получили отказъ, вы могли бы претендо-

вать, но вы уже танцовали съ ней двѣ кадрили сряду, слѣдовательно на третью она не стѣсняясь можетъ отказать вамъ.

Всѣ присутствовавшіе признали справедливость этого докзательства, и Контропошкинъ попросилъ у Людмилы формально прощенія.

Возвратясь въ залу, недоросль увлекся все-таки не дородной Фимочкой, а началъ приставать къ воспитанницѣ Лизѣ, да и то не весьма чистосердечно, потомучто его оскорбилъ тонъ Бобовихина. Контропошкинъ даже пропустилъ кадрили и пошелъ сообщить другу результатъ схватки своей съ генераломъ.

— Ты всегда былъ, есть и будешь мокрой курицей! замѣтилъ ему Усольцовъ, который металъ довольно удачно: — съ несчастнымъ Куропаткой, съ какимъ-нибудь канцеляристомъ ты готовъ справиться, а въ серьезномъ дѣлѣ...

— Демьянъ, ты же самъ просилъ не затѣвать скандала! сказалъ Контропошкинъ съ укоромъ.

— Зачѣмъ же скандалъ!

— А все-таки Бобовихина можно бы отбрызнуть! вмѣшался приземистый судья: — что онъ разносился съ своей дочкой, какъ съ писаной торбой!

— Такъ я пойду и надѣлаю ей штукъ! воскликнулъ Контропошкинъ, задѣтый за живое. Только вы меня, господа, поддержите.

— Нѣтъ ужъ лучше, Ваня, ты оставь. Все-таки ты побѣдилъ его. Дай сроку до ужина: можетъ мы устроимъ что-нибудь общими силами.

— Такъ зачѣмъ же меня обзывать мокрой курицей? То не заводи скандала, то зачѣмъ уступилъ, чортъ знаетъ что такое! Нельзя ли у этой княгини въ буфетѣ пройтись хоть по хересамъ покрайней-мѣрѣ?

— А въ самомъ дѣлѣ, умную рѣчь пріятно и выслушать! замѣтилъ Усольцовъ: — кто, господа, коротко знакомъ въ домѣ?

Одинъ изъ игроковъ вызвался отправиться и выхлопотать до закуски хоть «легкую батарею», и дѣйствительно исходатайствовалъ полдюжины сотерну, который и былъ поглощенъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Послѣ этого Контропошкинъ танцовалъ съ одушевленіемъ, но тщетно мать Фимочки подѣзжала къ нему съ жалобами

ными любезностями: онъ на дородную дѣву не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Сотернъ однакоже принесъ небольшіе плоды. Контропошкинъ ловко подставилъ Людмилѣ ногу въ галопадѣ, и генеральская дочь растянулась посреди залы, но маневръ этотъ произведенъ былъ весьма искусно, и причина паденія осталась тайной какъ для Бобовихина, такъ и для прочихъ. Иванъ Алексѣичъ даже первый подскочилъ на помощь къ дѣвушкѣ и выразилъ свое соболѣзнованіе. Вина свалилась на ея кавалера, котораго генераль прилично распекъ и сказалъ во всеуслышаніе, что «когда не умѣешь танцовать, то и соваться нечего».

Послѣ этого пасажа Бобовихинъ почувствовалъ, какъ у него накипаала злость, въ особенности на Усольцова, котораго онъ считалъ тайной пружиной всѣхъ своихъ неудовольствій. Ему хотѣлось бы непременно сорвать сердце на ротмистрѣ и за неудавшійся шлемъ, и за грубость Контропошкина, и за паденіе дочери, наконецъ за всѣ его рапорты, клонившіеся къ очевидной насмѣлкѣ надъ храбрымъ завоевателемъ Сеит-Эшелл. Запасъ злобы у Саввы Михайлыча былъ порядочный: генераль чувствовалъ въ себѣ довольно присутствія духа, чтобы раскричаться на ротмистра, но найти для этого предлогъ казалось ему довольно трудно, тѣмъ болѣе, что самый удобный случай за вистомъ былъ уже потерянъ, вслѣдствіе нелѣпаго, по его мнѣнію, уваженія къ дамамъ. И все-таки генераль съ трубкою въ рукѣ, перейдя залу, отправился по направленію къ угловой комнатѣ, куда дорогу указывалъ сильнѣйшій запахъ табачнаго дыма, вырывавшійся въ видѣ тумана.

— Я пойду и просто потребую у него объясненія, подумалъ генераль.

Но легко было подумать, а приближался онъ къ цѣли своего предпріятія съ большимъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ. У двери онъ почувствовалъ было какъ начала падать его рѣшимость, но генераль превозмогъ невольную робость и очутился въ угловой, гдѣ за однимъ столомъ четыре помѣщика рѣзались въ бостонъ, а воокъ другого человекъ семь окружали Усольцова, который металъ стоць такъ-называемый «качаловскій». Словно колосья возвышался Усольцовъ надъ прочими игроками. Растегнувъ ментикъ и жилетъ, снявъ галстухъ, раскраснѣвшись отъ сильныхъ ощущеній и порядочной прогулки по сотерну, ротмистръ пред-

ставляя изъ себя довольно грозную фигуру и выражался хотя отрывисто, по энергически, что уже съ перваго раза подрѣзало немного Бобовихина. Генераль даже рѣшился оставить буяна въ покоѣ, на томъ основаніи, что Усольцовъ выпилъ и могъ скомпрометировать его, и расправу за переписку предпочелъ произвести посредствомъ губернатора, который скоро долженъ былъ приѣхать въ городъ на ревизію. Но такъ какъ война въ игорную, нужно же было къ кому-нибудь обратиться, то Савва Михайлычъ и расудилъ подойти къ мирнымъ бostonистамъ.

— Ба, ба, ба, в. п—ство! сказалъ Усольцовъ, который замѣтилъ нахмуренное лицо генерала: — не прикажете ли въ скоросѣлку, такъ-называемый «качаловскій.»

— Я, сударь мой, въ азартныя игры не играю.

— Напрасно. Вамъ такъ адски везетъ во всемъ, что навѣрное вы дѣлали бы чудеса и въ стосѣ.

— Я не знаю, видалъ ли кто, чтобы генералы позволяли себѣ играть въ банкъ или стосѣ? говорилъ Бобовихинъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Почему же и нѣтъ?

— А потому, сударь, что неприятно отъ какого-нибудь прапорщика услышать «атанде!»

— Зато пріятно стянуть съ какого-нибудь прапорщика сотню-другую.

— Здѣсь интересъ въ сторону.

— Ну, отозвался одинъ помѣщикъ, у меня, в. п—ство, былъ бригадный командиръ, который готовъ былъ по цѣлымъ суткамъ рѣзаться въ банчишку.

— А я, такъ не одного генерала обиралъ какъ липку, говорилъ смѣясь Усольцовъ: — и признаюсь это доставляло мнѣ большое удовольствіе.

— А почему такъ? спросилъ Бобовихинъ, становясь въ грозную позу.

— А потому, что они любятъ на службѣ распекать нашего брата, — тутъ же можно запустить и шмъ брандера. Не прикажете ли, в. п—ство? Тысяча въ банкѣ, а вслучаѣ чего, отвѣчаю и больше.

— Я уже сказалъ, что не играю.

— Я вѣдь не прапорщикъ, в. п—ство.

— Миѣ все равно , сударь , и я прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— А миѣ, какъ нарочно, не везеть, в. п—ство.

— Извольте заниматься своимъ дѣломъ.

— Вы можетъ-быть думаете, что я буду говорить вамъ «атанде»? напротивъ, вы можете мной командовать. Здѣсь и ре-нонсовъ пѣтъ, а еслибъ я метавши позволилъ себѣ ренонсъ, вы имѣете право меня просто въ морду, в. п—ство.

Генераль не отвѣчалъ ротмистру и чтобъ выдержать, подсѣлъ на нѣсколько минутъ къ бостонистамъ.

— Эхъ жаль, господа, сказалъ Усольцовъ: — не видать миѣ сегодня генеральскихъ денежекъ, а хотѣлось бы пощупать бу-мажникъ его п—ства.

— Полно вздоръ молоть, будемъ играть, отозвался кто-то.

Вскорѣ затѣялась легкая ссора, и генераль, пользуясь благо-приятнымъ случаемъ, втихомолку ускользнулъ изъ угловой ком-наты. Выйдя въ залу, онъ почувствовалъ прежнюю храбость и жалѣлъ, что не проучилъ пахала. Настроение это недолго одна-коже продолжалось. Генераль сообразилъ, что Усольцовъ не-премѣнно и сильно напѣется за ужиномъ, чему послѣдуетъ и пріятель его Контропошкинъ, который недоволенъ за исторію съ Людмилой, — и Савва Михайлычъ задумался.

— Вздоръ! говорилъ онъ самъ себѣ: — при такомъ много-людствѣ никто не осмѣлится...

Но вдругъ какое-то смутное предчувствіе начало овладѣвать Бобовишымъ, такъ что онъ поддался его вліянію, и хоть ему хотѣлось немного помататься, но онъ разсудилъ, что благора-зумнѣе было уѣхать до ужина. Какъ ни упрашивала его кня-гиня, генераль остался непреклоненъ и уѣхалъ часу въ двѣнад-цатомъ къ величайшему прискорбію Контропошкина, который на ужинѣ основывалъ какую-то замысловатую потѣху.

Но взаимну столкновения съ генераломъ неожиданно разы-гралась другая сцена, окончившаяся изгнаніемъ Усольцова изъ дому Сазандаровой, и возстановившая противъ княгини нѣсколько сторонниковъ ротмистра.

Мы уже достаточно видѣли настроеніе Сазандаровой или лучше сказать видѣли ея на удалого Усольцова, который даже и не догадывался о самой сути, утративъ всякую способность тол-

ковать вниманіе женщинъ въ пользу своей собственной особы. Демьянъ Павлычъ волочился преимущественно въ сферѣ, гдѣ успѣхъ нисколько не зависѣлъ отъ личныхъ его достоинствъ, а опирался на право сильного или на убѣжденія «презрѣннаго металла.» Притомъ же Усольцовъ сдѣлалъ привычку съ незапамятныхъ временъ увлекаться только молодостью и свѣжими прелестями, а если и случалось ему измѣнять этой коренной привычкѣ, то неизначе какъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ долгаго путешествія или подъ вліяніемъ безобразнѣйшаго пьянства. Но въ нормальномъ состояніи, до «второго взвода» включительно, ротмистръ наблюдалъ непремѣнно, чтобы между нимъ и предметомъ страсти существовала разниця неменѣе двадцати лѣтъ, иначе онъ оставался равнодушенъ даже къ заманчивому соблазну.

Княгиня ничего этого не знала, какъ равно и того обстоятельства, что Усольцову понравилась ея горничная Таня, и подстрекаемая демономъ самолюбія, рѣшилась на энергическую мѣру подбивать собственноручно за ужиномъ Демьяна Павлыча и вдохнуть въ него хоть минутную страсть къ ея несовсѣмъ увядшимъ прелестямъ. Эта мысль постепенно овладѣвала цѣлый вечеръ всѣми стремленіями княгини, и присутствіе ея проявлялось какъ въ посредничествѣ при стычкѣ ротмистра съ Бобовихинымъ, такъ и въ настойчивости выгородить отъ отвѣтственности пріятеля его Контропошкина въ исторіи съ Людмилой Савишной. Сазандарова даже, хотъ и удерживала ужинать Бобовихина, однако радовалась въ душѣ отъѣзду генерала, рассчитывая на большую свободу своихъ дѣйствій въ отсутствіи гостя, которому обязана была оказывать преимущественное вниманіе. Притомъ съ отъѣздомъ Людмилы, къ Контропошкину возвратилась прежняя веселость, и недоросль изъ дворянъ спова «попслся ураганомъ», обративъ всю свою нѣжность на воспитанницу Лизу, что также не могло не подѣйствовать пріятно на княгиню, неусыпно заботившуюся о благосостояніи своихъ воспитанницъ. Правда, ш-г Бульдоръ ходилъ въ довольно мрачномъ настроеніи духа, во-первыхъ потому что неумѣлъ порусски, вовторыхъ еще и оттого, что привыкъ рано ужинать, а въ день бала какъ нарочно у него возникъ самый неустержимый аппетитъ. Княгиня видѣла эту нахмуренную фигуру, но не спѣшила какъ прежде успокоить француза, а рассчитывала на веселый ужинъ въ сосѣдствѣ Усоль-

пова. Она даже съ трудомъ могла дожидаться окончанія ма-
зурки.

Когда лакеи начали извѣщать по всеѣмъ компатамъ объ ужи-
нѣ, то Усольцова за карточнымъ столомъ уже не было: онъ
ушелъ во флигель, гдѣ держалъ совѣтъ съ своимъ наперсни-
комъ. Игнашка однакоже донесъ барину о невозможности сви-
данія съ извѣстной горничной. Оказалось, что княгинины дѣ-
вушки, особенно съ нѣкоторыхъ поръ, подвергались усиленно-
строгому надзору экономки, которая и приставлена была соб-
ственно блюсти нравственность женской прислуги, съ тѣхъ поръ
какъ м-г Бульдоръ заподозрѣнъ былъ въ преступномъ поплзно-
веніи. Усольцовъ напустился на Игнашку, но тотъ возразилъ
барину хладнокровно, что дѣвочку можно или украсть или вы-
купить у княгини. Последняя мысль понравилась Усольцову,
онъ далъ цѣлковый Игнашкѣ, и отправился ужинать въ отлич-
нѣйшемъ настроеніи.

Привѣтливо встрѣтила Демьяна Павлыча княгиня и презрѣвъ
этикетъ, торжественно усалила его возлѣ себя, вооруживъ нѣко-
торымъ образомъ двухъ-трехъ барынь, претендовавшихъ на по-
четное мѣсто. Хозяйка къ своему столику, кромѣ ротмистра, при-
гласила еще глухого исправника и подслѣповатую засѣдательшу.
Но какъ всполошились бы гости, еслибъ обратили вниманіе на то,
что передъ Усольцовымъ поставлены были тонкія заграничныя
вина, подносимыя только губернатору, и что ротмистру подали
такихъ два кушанья, которыхъ не носили ни на одинъ столикъ,
хотя въ числѣ гостей было нѣсколько интимныхъ знакомыхъ кня-
гини. Усольцовъ, недовольный прежде поваромъ княгини, на
этотъ разъ съ особеннымъ аппетитомъ кушалъ вкусныя блюда и
съ особеннымъ наслажденіемъ запивая ихъ то великолѣпнымъ
портвейномъ, то дорогимъ лафитомъ, значительно подогрѣтымъ,
приходилъ въ совершенное умиленіе.

— Чортова баба, если захочетъ, то съумѣетъ угостить, ду-
малъ онъ, посматривая на княгиню, которая въ свою очередь
глядѣла на ротмистра, желая прочесть на лицѣ его отраженіе
удовлетвореннаго или такъ-сказать обласканнаго желудка.

Усольцовъ дѣйствительно любилъ плотно покушать и выпить
всасть за ужиномъ, а изысканныя блюда и тонкія вина привели
его въ очень нѣжное настроеніе, такъ что образъ молоденькой гор-

ничной, которая ускользала от него, началъ рисоваться въ его воображеніи со всей заманчивой прелестью.

— Вы что-то необыкновенно задумчивы, Демьянъ Павлычъ, сказала княгиня.

Ротмистръ улыбнулся.

— Не всегда же и болтать, отвѣчалъ онъ.

— Такъ и не сбылись мои надежды, продолжала Сазандарова: — а мнѣ очень хотѣлось помирить васъ съ Бобовихинымъ.

— Богъ съ нимъ! Намъ и безъ него весело.

— Онъ и уѣхалъ, мнѣ кажется, отъ вашихъ штукъ въ игрѣ. И что за охота сердить старика. Шалунъ вы, шалунъ, Демьянъ Павлычъ.

— А ловкіе репосы дѣлалъ я? Ха, ха, ха!

— Онъ просто пыхтѣлъ съ досады. Пу-съ, такъ вы говорите, что вамъ весело.

— Развѣ у васъ бываетъ когда скучно? Вы такая любезная, княгиня.

— Полпоте, это одни комплименты! Будь я моложе — могла бы повѣрить.

— Да что вы прикидываетесь старухой! Посмотрите-ка на себя, — вы что называется еще королева.

Княгиня потупила глаза не отъ скромности конечно, а отъ внутренняго самодовольства, которое зацекоотало ее подъ сердцемъ.

— Вы думаете? сказала она.

— Нетолько думаю, а готовъ повторить.

Сазандарова вдругъ бросила на ротмистра взоръ, противъ котораго иѣкогда не могъ устоять ни одинъ изъ ея обожателей.

— Желала бы я, проговорила она: — чтобъ въ этой фразѣ было хоть на половину искренности.

-- Странно, отчего же вы мнѣ не вѣрите?

— Мнѣ кажется, вамъ ничего не стоитъ сказать любезность на вѣтеръ.

— Вотъ ужъ въ этомъ никогда не былъ грѣшенъ... А въ доказательство, что уважаю васъ и считаю за образованную женщину, хочу сообщить вамъ одинъ секретъ.

Княгиня покраснѣла и даже пришла въ волненіе, что обнаружилось небольшою дрожью въ рукѣ, которою она держала бутылку лафита.

— Не влюбилась ли вы? спросила она, стараясь придать своему голосу шутливый тонъ.

— На свѣтъ пѣтъ ничего невозможнаго.

— Видите, я угадала, что вы шалунъ.

— Это такая пріятная шалость, отъ которой ме отказываются и на краю гроба

Сазандарова видимо повеселѣла, и хоть за столомъ сидѣли глухой господинъ и глуповатая сосѣдка, однако ей не хотѣлось заводить съ ротмистромъ интимнаго разговора, тѣмъ болѣе, что къ ней безпрестанно начали подходить кто съ вопросами, кто съ любезностями.

— Мы поговоримъ съ вами послѣ ужина, шепнула она ротмистру: — молодежь непремѣнно затѣетъ кадрили и намъ будетъ больше свободы.

— Да, мой секретъ таковъ, что хотѣлось бы передать его безъ свидѣтелей.

Княгиня взглянула на Усольцова, и лицо ея приняло самое благодушное выраженіе.

Между тѣмъ вокругъ подымался веселый говоръ, и дребезжавшій смѣхъ Контропошкина за однимъ столомъ доказывалъ, что недоросль изъ дворянъ нашолъ себѣ какую-нибудь жертву для шумныхъ продѣлокъ. Дѣйствительно Контропошкинъ потѣшался надъ какимъ-то сутягой и звалъ къ себѣ Усольцова, но ротмистръ громко замѣтилъ пріятелю, что неприлично вставать изъ-за стола для какой-нибудь глупости.

Сазандарова постоянно дѣлалась нѣжиже къ Демьяну Павлычу, и когда подали шампанское, выпила цѣлый бокалъ за его здоровье.

Послѣ ужина, едва успѣли вынести изъ залы столы, живо сформировалась довольно оживленная кадрили, несмотря на то, что нѣкоторые ближайшіе сосѣди собрались домой и уже было далеко за полночь.

Предложивъ руку Усольцову, княгиня просила отвести ее въ ливанную. Ей какъ можно скорѣе хотѣлось узнать тайну ротмистра, въ которой она предчувствовала какое-то особенное удовольствие.

— Я васъ слушаю, сказала она Усольцову, опускаясь въ кресло и показывая мѣсто, возлѣ себя.

— Извините меня княгиня, но я васъ прежде считалъ гордой

барыней, а теперь каюсь, потому что вижу ласковость и доброту.

— Охотно извиняю, проговорила Сазандарова пѣжнымъ голосомъ.

— А мнѣ именно нужно было встрѣтить въ васъ и то и другое.

— Значить и я вамъ необходима.

— И очень... Видите ли... Вы не смотрите, что я не молодъ.

— О, вы просто мужчина что—называется въ порѣ.

— Жизнь моя вамъ извѣстна: съ женою мы совершенно какъ чужіе... И чортъ—знаетъ какая у меня горячая патура.

Княгиня чувствовала какъ ей захватывало дыханье, и ей чудилось, что завѣтное желанье ея сбывалось раньше нежели она думала.

— И вотъ я такъ неожиданно почувствовалъ...

Ротмистръ какъ бы смутился и замолчалъ.

— Что же вы почувствовали? спросила томнымъ голосомъ княгиня, а между тѣмъ зорко оглянулась — не было ль въ диванной постороннихъ.

— Право не знаю какъ сказать...

— Говорите смѣло и будьте увѣрены, что я не измѣню тайнѣ; а въ чемъ могу быть полезной...

— Попросту сказать я влюбился, проговорилъ наконецъ Усольцовъ.

— Кто же она?

— Вы необидитесь?

— О, нѣтъ, говорите.

— Княгиня, помните, что я выдаю вамъ себя головою.

— Не ужь—то вы до сихъ порѣ меня не поняли! Кто же она?

— Ваша горничная, Таня.

— Какъ? вскрикнула не своимъ голосомъ и вскакывая съ мѣста княгиня.

— Чего же вы испугались?

— Но не ослышалась ли я? Повторите!

— Ваша горничная, Таня, повторилъ твердо и внятно Усольцовъ.

— За кого же вы меня принимаете? спросила Сазандарова,

и глаза ея засверкали. — Такъ вотъ вашъ секретъ! И вы смѣли дѣлать порядочной женщинѣ подобное предложеніе?

— Но я, княгиня, считалъ васъ женщиной безъ предрасудковъ. Миѣ понравилась ваша дѣвушка, и я хотѣлъ честно купить ее.

— А! такъ вотъ вы каковы? Значить вамъ нужна новая жертва.

— Успокойтесь, княгиня, чего же горячиться. Не нравится моя просьба — и баста! Извините.

— Но кто вамъ далъ право оскорблять меня?

— А зачѣмъ же вы допытывались? Не думали ль вы, что я влюбленъ въ какую-нибудь барышню.

— Но это наглость...

— Покорнѣйше прошу безъ этихъ выраженій.

— Я васъ больше знать не хочу. Завтра же мерзкую Таньку велю выдрать, обстричь косу и сослать куда-нибудь на хуторъ свиной пасти.

— Таня здѣсь невиновата: я началъ это безъ ея вѣдома.

У княгини показались слезы.

— Вѣроломный человекъ! сказала она въ припадкѣ гнѣва: — цѣлый вечеръ напѣвать нѣжности и потомъ...

— А! такъ вы думали, что я ухаживаю за вами! Вотъ забавно, Ха, ха, ха! Вольно же было...

— Довольно сударь. Надѣюсь, что послѣ этого мы не будемъ встрѣчаться, а Танька отвѣтитъ миѣ за всѣ ваши оскорбленія.

— Не совѣтую обижать беззащитную дѣвушку, а если на то пошло, она будетъ моею.

— Да я на васъ пожалуюсь губернатору.

— Хоть и губернаторшѣ.

— Охъ, миѣ дурно!

Княгиня позвонила изо всей силы.

Вошло нѣсколько знакомыхъ и явилась прислуга.

— Господа! Демьянъ Павлычъ Усольцовъ надѣлалъ миѣ дерзостей. Надѣюсь, что вы вступитесь за оскорбленную женщину.

Скандалъ произошолъ всеобщій и ужасный. Усольцовъ расказалъ помѣщикамъ дѣло, разумѣется, не совѣмъ вѣрно; княгиня въ свою очередь передала событіе не во всей чистотѣ, и

слѣдствіемъ интимнаго разговора въ диванной было то, что Усольцовъ, а съ нимъ и Контропошкинъ выѣхали отъ княгини въ два часа ночи, поклявшись отомстить, а главное украсть хорошенькую Таню.

Импровизированный вечеръ княгини Сазандаровой, разстроившей импровизированные ея планы, не только не способствовалъ примиренію Бобовихина съ Усольцовымъ, а напротивъ уничтожилъ всякую къ тому возможность. Савва Михайлычъ возненавидѣлъ ротмистра, который въ свою очередь увидѣлъ въ немъ самый подходящий субъектъ для своихъ «штукантерій». Провѣщевіе на вечерѣ однакожь сильно подѣйствовало на Демьяна Павлыча, и подѣйствовало оригинальнымъ образомъ: онъ отрезвился совершенно и началъ придумывать какъ бы ловче похитить хорошенькую горничную. Контропошкинъ нѣсколько верстъ болталъ свои соображенія, но онъ опьянѣлъ окончательно и храпѣлъ потомъ во всю ивановскую. Недоѣзжая еще домой, Усольцовъ развеселился, потому что въ головѣ его созрѣло два замѣчательныхъ проекта, которые, по его мнѣнію, должны были удовлетворить и жажду наслажденія, и жажду мести. Онъ даже растолкалъ Контропошкина, который успѣлъ немного проспаться, а какъ недоросль изъ дворянъ былъ вообще пылокъ и дѣло друга принималъ близко къ сердцу, то придя въ восторгъ отъ блистательной выдумки Усольцова, приказалъ слугѣ своему трубить тревогу, а самъ произвелъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ. Съ рѣзкими криками и всевозможнымъ гамомъ друзья подкатили къ крыльцу Демьяна Павлыча.

Весь тотъ день ротмистръ и недоросль пили мертвую, а на слѣдующее утро Усольцовъ самъ пошелъ въ кухню заказать крючекъ особаго рода, и потомъ вдвоемъ съ Контропошкинымъ принялись набѣзжать молодую гройку. Эти сборы и приготовленія дѣлались около недѣли, втеченіе которой въ Демьянѣ Павлычѣ проявлялось въ разныхъ видахъ ухорство, принимаемое имъ не только къ обитательницамъ флигеля, но и къ смиренной Антонинѣ Григорьевнѣ. Разумѣется Контропошкинъ поощрялъ всѣ безобразія и самъ потѣшался надъ шуткомъ—Куропаткой, выпитымъ на продолжительное время. Описывать всѣхъ оргій и безчинствъ я не стану, предоставляя читателю дополнить этотъ

пробѣлъ воображеніемъ, потомучто подробности ежедневнаго быта Усолицова и Контропошкина слагались обыкновенно изъ сальностей всякаго рода. Когда предварительныя приготовленія съ тройкой были окончены, т. е. когда друзья наѣздили молодыхъ, сильныхъ лошадей до необходимой имъ степени, въ интимномъ совѣтѣ положено было приступить къ осуществленію задуманнаго предпріятія, но прежде отдохнуть отъ своихъ трудовъ и закончить хлопоты блистательнымъ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что подѣхали братья Дубняковы.

Антонина Григорьевна, тихо проводившая время въ обществѣ двухъ-трехъ страшищъ, узнавъ, что у мужа разливанное море и что къ нему приѣхали пріятели, вздумала въ этотъ несчастный день вечеромъ отправиться въ баню, въ сопровожденіи своихъ излюбленныхъ ханжей и велѣла натопить пожарче, въ надеждѣ попариться всласть, тѣмъ болѣе, что на это было желаніе таскающихся собесѣдницъ.

Усолицовъ, цѣлый день несправлявшійся о женѣ, подъ вечеръ вздумалъ узнать что дѣлала барыня, и получалъ донесеніе о сборахъ ея въ «маскарадъ», какъ обыкновенно многіе называютъ баню. Въ это время ротмистръ сидѣлъ за большимъ столомъ, окруженный собутыльниками и комедьянтками, и только-что рѣшилъ изгнать торжественно Куропатку, который негодился уже къ отравленію шутовства по крайней своей плаксивости.

— Ребята! А знаете ли, я выдумалъ сегодня отличную «штукенцію» для всеобщей потѣхи.

— Ну, какую? спросилъ небольшого роста господинъ, Дубняковъ-старшій, спеціальностью котораго было изъ любви къ искусству преслѣдовать конокрадовъ и справляться съ нами безъ помощи полиціи.

— А такую, что посмѣмся вдоволь.

Вся пьяная компанія поднялась со своихъ мѣстъ, а испугавшіяся комедьянтки быстро переглянулись между собою, выражая боязнь, чтобъ роль дѣйствующихъ лицъ не выпала на ихъ долю.

— Я васъ угощу сегодня фейерверкомъ, да такимъ, какого врядъ ли кто и видывалъ, ха, ха, ха!

— Ой ли! сказалъ Контропошкинъ: — а развѣ ты позабылъ тотъ, что артиллеристы устроили въ Ромнахъ.

— Ну, мой фейерверкъ надѣюсь будетъ почище.

— Да не мучь же, отозвался Дубняковъ-младшій, который хоть и разбѣзжалъ неразлучно съ братомъ, однако неохотно преслѣдовалъ ковокрадовъ, а спеціально занимался виномъ и картами.

— Что за любопытство! Вѣдь хочу вамъ сдѣлать сюрпризъ, съ какой же стати расскажу. Давайте лучше ухнемъ по бутылкѣ рейнвейну такъ и быть!

— А рейнвейну, такъ въ зеленыя рюмки подать, иначе пить не стану, замѣтилъ Контропошкинъ.

— Надоѣли правду сказать, Контропоша, мнѣ твои финтифанты, да ужь дѣлать съ тобою нечего. Эй, подать рейнвейну и принести зеленыя рюмки. Ну, такъ чтоже, ребятажъ, хотите видѣть фейерверкъ?

— Хотимъ, хотимъ, раздалось отовсюду.

— И мы хотимъ, проговорили комедиантки.

— Всѣ увидите. Эй, Игнашка!

Игнашка явился.

— Сбѣгай къ барынѣ и спроси, не пожелаетъ ли она видѣть фейерверкъ; скажи молъ Демьянъ Павлычъ пуцаетъ сегодня.

Наперсникъ успѣшилъ исполнить порученіе.

Пріатели обступили Усольцова и снова принялись разспрашивать, но онъ не объявлялъ сюрприза, а только увѣрялъ, что всѣ останутся довольны.

Вскорѣ принесли вино, и шумная ватага начала опораживать узко-горлыя бутылки.

Вошелъ Игнашка.

— Ну, что?

— Антонина Григорьевна приказали сказать, что они уже собрались въ баню, а послѣ боятся простудиться, а потому не будутъ.

— Гм! мы и безъ нея обойдемся. Теперь, братцы, пейте, пляшите, — вотъ вамъ нѣсколько хозяекъ, а я съ Игнашкой уйду сдѣлать нѣсколько приготовленій. Черезъ часъ все будетъ готово. Да не выпускайте этого плаксу Куропатку, онъ намъ можетъ пригодиться.

Усольцовъ вышелъ потатываясь, но вскорѣ возвратился веселый и довольный.

— Ужь если я не распотѣшу васъ, то позволяю себя взять за носъ и изъ компаніи вонъ.

— Да гдѣ же ты набралъ снарядовъ? спрашивалъ Контропошкинъ: — кажись я у тебя живу безвыѣздно цѣлую недѣлю.

— Въ томъ и штука! отвѣчалъ ротмистръ, наливая стаканъ: — а послѣ фейерверка шампанское, плясъ, ужинъ и пораньше спать ложиться, потомучто завтра надо бы украсть Таньку.

Комедіантки уже освоились съ мыслью увидѣть новую товарку и потому ни одна изъ нихъ не обнаруживала ревности.

— А укравши Таньку, приниматься за Бобовихина! замѣтилъ Контропошкинъ. — Это будетъ штука капитана Кука.

— Посмотримъ, посмотримъ! молвилъ Дубняковъ старшій: — и послѣ опять закутимъ, только надо будетъ завалиться куда-нибудь на ярманку.

— Пожалуй и на ярманку! сказалъ Усольцовъ: — только бы мнѣ обдѣлать свои дѣлишки. А чтобъ теперь не терять напрасно времени, позвольте, господа, Куропаткѣ прочесть монологъ изъ трагедіи Баркова съ приличными жестами, которыми я его выучилъ.

— Позволяемъ, позволяемъ! Ха, ха, ха!

Куропатка ежился, скромничалъ, но подѣ конецъ началъ уже было разоблачаться для болѣе удобной жестикуляціи, какъ появился Игнашка.

— Все готово, пожалуйста! сказалъ онъ и лукаво улыбнулся.

Начались сборы, которые продолжались недолго и, накинувъ на себя мантильи, бурнусы, публика потянулась вслѣдъ за Усольцовымъ, который повелъ зрителей прямо въ садъ съ балкона. Было уже темно и всѣ кучкой спѣшили вдоль аллеи, причѣмъ по временамъ слышались взвизгиванья комедіантокъ.

— Куда же мы идемъ? заоралъ Дубняковъ старшій: — тутъ еще пожалуй и лобъ разшибешь.

— Что за нетерпѣніе!

— Да я говорю потому, что какой же можетъ быть у тебя въ саду фейерверкъ? мѣста нѣтъ такого.

— Въ томъ и штука, что кажется и мѣста нѣтъ, а Усольцовъ умудряется и отмачиваетъ исторію.

Компанія скоро свернула съ большой аллеи и потянулась по небольшой тропинкѣ. Вдали показался свѣтъ въ окнахъ.

— Да гдѣ же это мы въ самомъ дѣлѣ? спрашивалъ Контропошкинъ.

— Возлѣ бани! шепнула одна изъ компаньенокъ, обнявъ которую шествовалъ Иванъ Алексѣичъ.

— А! проговорилъ послѣдній: — ну, теперь я догадываюсь, что можетъ произойти какая-нибудь «штукантерія».

— Господа, стой! скомандовалъ Усольцовъ: — за всѣ мои хлопоты и заботы я попрошу молчанія, пока не подамъ сигнала. Утѣха будетъ велика, только пожалуста приближайтесь втѣх-молку.

И остановивъ публику, Усольцовъ отправилъ Игнашку впередъ осмотрѣть все ли готово. Зрители шопотомъ передавали другъ другу свои догадки. Баня была очень близко. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ начали смотрѣть впередъ и замѣтили, что по угламъ бани сустились какія-то фигуры. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда послышался легкій свистъ.

— Игнаша, жги! проговорилъ Усольцовъ негромкимъ голосомъ.

— Въ тотъ же моментъ по угламъ бани показались свѣтящіяся точки и вслѣдъ за ихъ появленіемъ вспыхнуло небольшое пламя, которое въ нѣсколько секундъ такъ разгорѣлось, что можно было видѣть большіе костры соломы, разгоравшіеся постепенно. Не успѣли зрители прійти въ изумленіе, какъ уже у каждаго угла бани подымался высокій столбъ пламени.

Усольцовъ громко захохоталъ.

— Вотъ вамъ, братцы, фейерверкъ! говорилъ онъ. — Но погодите, сейчасъ начнутъ летать ракеты.

Контропошкинъ схватился за бока.

— Шутникъ ты, Демьянъ! сказалъ онъ, заливаясь смѣхомъ: — теперь я даже знаю, какія это будутъ ракеты.

Но въ банѣ уже послышались раздрающіе вопли испуга, и въ наружную дверь, при яркомъ освѣщеніи начали выскакивать обнаженные фигуры Антонины Григорьевны, трехъ странницъ и нѣсколькихъ служанокъ съ криками: «пожаръ, пожаръ! помогите!» Антонина Григорьевна тутъ же упала подъ ближайшимъ деревомъ, а странницы и служанки бѣгали словно помѣшанныя, не захвативъ платья и боясь возвращаться за нимъ въ баню.

Взрывъ хохота и аплодисментовъ привѣтствовалъ эту сцену,

хотя надо сказать правду въ суммѣ его недоставало тоненькихъ голосовъ, принадлежавшихъ комедіанткамъ. Двѣ изъ послѣднихъ, отдѣлившись отъ толпы, бросились къ безчувственной Усольцовой и старались прикрыть ее платками и бурнусами.

Но въ это время раздалась команда Демьяна Павловича :

— Ату его, Игнашка! Жги!

И вѣсколько человѣкъ съ швабрами кинулись преслѣдовать визжавшихъ странницъ, которыя непонимая что вѣкругъ нихъ происходило, метались какъ угорѣлыя. Горничныя, догадавшись въ чемъ дѣло, безъ боязни вкочили въ баню, при кликахъ одобренія зрителей.

Сцена произошла отвратительная, особенно когда Контропошкинъ спустилъ со своры борзого, какъ онъ называлъ Куропатку, къ удовольствію пріятелей. Обрадованный шутъ, что и ему хоть разъ въ жизни удалось потѣшиться надъ кѣмъ-нибудь, принялся со всѣмъ усердіемъ нагонять обнаженныхъ странницъ къ горѣвшей соломѣ, галопируя словно лошадь, а въ это время, по приказу Усольцова, люди начали тушить и заливать костры, съ цѣлью предохранить баню отъ дѣйствительнаго пожара, потому что крыша ея начала уже загораться.

— Славно! лихо! молодецки! крикнули пріатели и не переставали поощрять какъ бѣсившагося Куропатку, такъ и конюховъ со швабрами, которые гонялись за несчастными женщинами.

Но потѣха скоро кончилась. Выбѣжавшія прислужницы внесли барыню въ баню, привели въ чувство, одѣли и на рукахъ понесли въ домъ, куда дозволено было отправиться и странницамъ. Ротмистръ впрочемъ объявилъ послѣднимъ, что имъ будетъ угощеніе чаемъ, по рюмкѣ водки и по полтиннику, если онѣ обогрѣвшись придутъ во флигель поплясать съ Куропаткой, а если не согласятся, то имѣютъ получить по двадцати пяти горячихъ и тотчасъ же убираться изъ деревни.

Всѣ комедіантки, за исключеніемъ одной пѣмки, оставались при Антонинѣ Григорьевнѣ, пока послѣдняя неоправилась отъ испуга, и съ невеселыми лицами явились къ пировавшимъ пріателямъ.

Антонина Григорьевна заболѣла, и хоть на другой же день прѣхалъ докторъ, однако чрезъ недѣлю ея уже не было на свѣтѣ. Тяжелая болѣзнь жены непомѣшала Усольцову украсть у

княгини Таню , которая на первое время скрыта была на одномъ уединенномъ постояломъ дворѣ въ другомъ уѣздѣ. Само собою на Усольцова поступила куда слѣдовала жалоба отъ Сазандаровой.

Возвратясь домой послѣ извѣстнаго танцевальнаго вечера, Бобовихинъ былъ обрадованъ письмомъ отъ сына , который извѣщалъ его о своемъ производствѣ въ капитаны и просилъ разрѣшенія приѣхать въ отпускъ. Савва Михайловичъ на другой же день послалъ отвѣтъ , приложилъ денегъ на дорогу и позволилъ приѣхать гвардіи-капитану на три мѣсяца. Это обстоятельство затерло нѣсколько всѣ непріятныя впечатлѣнія танцевальнаго вечера , на которомъ самолюбіе его подверглось такимъ испытаніямъ , и генералъ занялся заблаговременно приготовленіемъ приличной квартиры для гвардіи-капитана.

Въ одно время къ нему начали доходить, разумѣется въ искаженномъ видѣ , свѣдѣнія о скандалѣ Усольцова въ домѣ Сазандаровой и о скоропостижной смерти Антонины Григорьевны , которая , какъ говорили въ околodкѣ , чуть не была изжарена Демьяномъ Павлычемъ. Бобовихинъ даже повеселѣлъ послѣ этихъ извѣстій на томъ основаніи , что буйство Усольцова выяснилось настоящимъ образомъ , и что наконецъ высшія власти положить предѣлъ выходкамъ этого отчаяннаго сосѣда. И дѣйствительно, не такъ скандалъ у Сазандаровой , какъ смерть Антонины Григорьевны произвела нѣкоторое волненіе въ сосѣдствѣ , вслѣдствіе чего отъ Усольцова отшатнулись иные изъ его знакомыхъ. Съ какими комментаріями передавались рассказы объ извѣстномъ намъ фейерверкѣ , читатель можетъ судить самъ , потому что вѣроятно каждому приходилось слышать различныя варіаціи на знакомую тему , особенно если этими варіаціями занимались люди , немѣющіе другихъ занятій.

Но Бобовихина не занимала обида , сдѣланная Сазандаровой и не трогала участь Антонины Григорьевны , а его просто радовала мысль , что онъ самъ былъ правъ относительно Усольцова , называя его мерзавцемъ и негодяемъ. Эта увѣренность въ неогрѣшимости своихъ сужденій возвысила Бобовихина въ собственныхъ глазахъ , и Савва Михайловичъ почувствовалъ расположеніе еще къ значительнѣйшему самодурству. То представлялась

ему необходимость построить нѣсколько пограничныхъ редутовъ, то отбросивъ эту мысль какъ нелѣпую, онъ попадалъ въ нелѣпѣйшую — укрѣпить всю Переносовку. Наконецъ послѣ долгихъ размышленій Бобовихинъ рѣшился усилить надзоръ за своимъ дворомъ вообще и за домомъ въ особенности. Предположеніе это, какъ нарочно было подтолкнуто небольшимъ пожаромъ, происшедшимъ отъ лопнувшей трубы на чердакѣ, но потушоннымъ очень скоро при помощи многочисленной дворни. Послѣ этого Савва Михайлычъ принялся самодурствовать всѣми зависѣвшими отъ него способами. Конечно на случай пожара нужно имѣть огнегасительныя средства и самое лучшее содержать во дворѣ залитую трубу. Но это простое средство и теперь очень рѣдко гдѣ употребляется, а въ прежнее блаженное время оно никому не приходило даже въ голову. Нѣтъ, генералъ первымъ дѣломъ послалъ въ городъ и выписалъ колоколъ въ пудъ вѣсомъ, для котораго устроилъ надъ крышей небольшую башню, и велѣлъ купить дюжины двѣ маленькихъ колокольчиковъ. Между тѣмъ, завершивъ въ кабинетѣ, генералъ чертилъ различные проекты. Наконецъ въ одинъ прекрасный день Бобовихинъ сообщилъ семейству, что онъ сочинилъ уставъ на случай пожара, и что колоколъ, повѣшенный на вышкѣ, долженъ служить сигналомъ для общей тревоги. Пригласивъ въ кабинетъ сестру, дочь и дѣвину Солодовскую, онъ занялся чтеніемъ знаменитаго пожарнаго устава. Въ началѣ, когда дѣло шло объ обязанностяхъ крестьянъ и дворовыхъ, дамы единодушно одобряли всѣ распоряженія и взысканія, находя ихъ очень полезными и необходимыми. Но вотъ въ послѣдней главѣ генералъ началъ развивать обязанности свои и членовъ своего семейства и вошелъ въ такія подробности, отъ которыхъ слушательницы не могли неощущать значительнаго безпокойства. Дѣло въ томъ, что генералъ составилъ категорическое росписаніе, съ какими кто вещами долженъ по тревогѣ являться въ залу, не исключая и собственной персоны. Сестра и дочь конечно не смѣли сдѣлать ни малѣйшаго возраженія, но Солодовская попыталась было устранить себя отъ новой и весьма нелѣпой обязанности съ нѣсколькими книгами в столовыми часы, стоявшими у нихъ съ Людилой въ комнатѣ. Очевидно, что генералъ создалъ обязанность Солодовской собственно для симетріи.

— Я вамъ долженъ замѣтить, Катерина Михайловна, ска-

Кн. XII. — Отд. I.

залъ онъ ей: — что настари существуетъ условіица: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять». Учреждая такое важное учрежденіе, какъ пожарная тревога, немогу же я исключить васъ изъ членовъ своего семейства. Согласитесь, что сэвжутъ подчиненные и какъ они будутъ смотрѣть на исполненіе своего долга, если кто-нибудь изъ насъ исключится изъ общаго правила.

— Но какая же польза?

— Это, извините меня, не подлежитъ женскому незрѣлому размышленію. Прежде, чѣмъ сочинить уставъ, я потѣлъ надъ нимъ не мало времени.

Находя свое положеніе въ домѣ генерала довольно хорошимъ и ожидая съ нетерпѣніемъ приѣзда молодого Бобовихина, компаньонка рѣшилась наконецъ подчиниться новому порядку вещей, за что генераль изъявилъ ей свою признательность.

Пока переписывался уставъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, въ домѣ кипѣла дѣятельная работа: изъ генеральскаго кабинета во всѣ комнаты проведены были проволоки, приводившія въ движеніе множество колокольчиковъ, придѣланныхъ у изголовья каждой кровати. Вскорѣ экземпляры устава разошлись по разнымъ отдѣленіямъ и наложили на крестьянъ и на дворовыхъ новую тяжелую обязаность. Если бы еще уставъ введенъ былъ для дѣйствительной потребности на случай пожара, которыхъ прежде никогда небывало въ Переносовѣ, народъ легко бы съ нимъ примирился и во время катастрофы будаальне исполнялъ бы его параграфы. Но генераль, гордившійся своимъ созданиемъ, послѣ двухъ-трехъ репетицій, вздумалъ, в раздумѣется ночью, дѣлать фальшивую тревогу, приказывая звонить въ колокодъ, устроенный надъ крышею дома, при чемъ для большаго эффекта вывѣшивался на шесть фонарь, могшій быть причиною дѣйствительнаго пожара. На звуки этого набата каждый обязанъ былъ собираться съ назначенными ему орудіями — крестьяне на церковной площади, дворовые у крыльца дома, а семейство и домашняя прислуга въ большой залѣ. При этомъ, понимается, что въ уставѣ было строго обозначено время, необходимое каждому въ извѣстномъ мѣстѣ, и что опоздавшій подвергался строгому наказанію, на которыя вообще былъ изобрѣтателемъ Савва Махайлычъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что общія тревоги производились гораздо рѣже чѣмъ домашнія, по-

тому что генералу и самому было не весьма приятно наприцѣть въ дурную погоду выходить на дворъ и обваривать мордакою или садиться верхомъ и ѣхать на площадь. Въ домѣ другое дѣло. Въ минуты безсонницы ему вдругъ приходила мысль: онъ торопливо одѣвался (Бобовихинъ никогда не выходилъ въ подобномъ случаѣ иначе какъ въ сертукѣ), зажигалъ въ залѣ свѣчи и потомъ ударялъ изо всей силы нѣсколько разъ въ колокольчикъ, бралъ вещи, назначенныя ему по росписанію, клалъ ихъ на большой столъ и съ часами въ рукѣ ожидалъ появленія домочадцевъ. Разумѣется дамы опадаливали постоянно, стѣснялась костюмомъ, и хотя Бобовихинъ нѣсколько разъ повторялъ, что въ тревогѣ нечего обращать вниманіе на щегольство, однако это мало дѣйствовало и генералу приходилось ограничиваться выговорами. И вотъ мало-помалу зала наполнилась. Генеральская сестра тащила двѣ старинныя иконы; дочь несла шкапулку съ брилліантовыми и золотыми вещами и письменный приборъ; экономка выходила съ ключами и за ней двѣ горничныя несли столовое серебро, и потомъ каждая и каждый опѣшили съ вещами согласно съ распоряженіемъ. Толпа была довольно живописна, и хоть все это болѣе или менѣе жалось отъ страха, однако по залѣ происходило необычайное движеніе. Генераль обыкновенно приводилъ всѣхъ въ порядокъ и очень скоро заучилъ, кому съ кѣмъ слѣдовало являться на тревогу. Затѣмъ послѣ выговора или гонки провинившимся, а иногда и благодарности исправнымъ, генераль отпускалъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ и отправлялся спать, довольный какъ собою, такъ и своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ очень жалѣлъ, что проживъ столько лѣтъ въ отставкѣ, не вздумалъ прежде сочинить пожарнаго устава. Конечно дѣлалъ онъ и всеобщія тревоги. Тогда Переносовка принимала необычайный видъ, и сдержанный, глухой гулъ носился по всѣмъ улицамъ, покрываемый набатомъ съ колокольна и съ вышки надъ господскимъ домомъ, а въ избахъ зажигались огни, чтобы женщинамъ удобнѣе было укладывать свои пожитки. Къ счастью Бобовихинъ — самъ ли онъ догадался или кто ему замѣтилъ объ отягощеніи крестьянъ подобной потѣхой, — только Савва Михайлычъ, посамодурствовать ведѣлю, пока приучилъ крестьянъ къ порядку, рѣшился не часто ихъ беспокоить. Зато въ домѣ ни семейство, ни прислуга не могли рассчитывать ни на одну спокойную ночь, потому что

не знали, когда его п—ству вздумается произвести фальшивую тревогу. Сестра его старушка скоро примирилась съ этимъ нововведеніемъ и даже вошла во вкусъ, ибо спала плохо и всегда бросалась будить барышень и горничныхъ. Но Людмила и Солодовская рѣшительно не знали что имъ дѣлать. Онѣ пробовали было упросить Бобовихина избавить ихъ отъ обязанности являться по ночамъ на генеральскій трезвонъ, но Савва Михайлычъ объявилъ разъ навсегда, что старшіе должны показывать примѣръ подчиненнымъ, и только болѣзнь могла служить законной отговоркой. Обѣ дѣвушки рѣшились наконецъ болѣть каждый вечеръ поочередно и заболѣвшая такимъ образомъ привязывала языкъ колокольчика, который качался надъ самымъ ухомъ. У нихъ только и оставалась надежда, что генераль, наскучивъ самъ нелѣпымъ своимъ изобрѣтеніемъ, оставитъ ихъ наконецъ въ покоѣ. Но бѣдвяжки не знали, что Бобовихинъ только еще разгуливался.

Подобная затѣя не могла долго оставаться въ тайнѣ, и скоро вѣсть о переносовскихъ тревогахъ облетѣла по всей окрестности, возбудивъ въ большинствѣ смѣхъ и шутки, а для нѣкоторыхъ послужило предметомъ удивленія къ находчивости его п—ства. Разумѣется болѣе всѣхъ утѣшался Усольцовъ, который, потерявъ жену и похитивъ Таню, думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе насолить Бобовихину. Но Демьянъ Павлычъ все это время находился не въ нормальномъ положеніи. Хотя онъ и не обвинялъ себя въ смерти жены, на томъ основаніи, что прежде дѣлалъ съ ней штуки поважнѣе, на примѣръ отстрѣливалъ ей изъ пистолета гребень на головѣ, и не умирала же она; однако все-таки дошли нѣкоторые слухи, что въ сосѣдствѣ крупно заговорили о его фейерверкѣ, за который несчастная Антоньина Григорьевна заплатилась жизнью. Конечно умерла она отъ болѣзни, лекаръ жилъ безвыѣздно дней пять въ Комаровѣ, однако все-таки молва прошла какаля-то странная. Усольцовъ впрочемъ задалъ великолѣпныя похороны, потомъ на всякій случай сѣздалъ къ предводителю, а исправнику подарилъ дорогого жеребца, конечно за снисхожденіе при слѣдствіи о покражѣ Тани, но во всякомъ случаѣ исправникъ долженъ былъ понимать, что за ничтожное дѣло получилъ такой драгоценный подарокъ. А между тѣмъ совѣсть глухо укоряла его, и эти укоры, можетъ-быть даже и не сознаваемые, вызвали въ немъ

необыкновенную жажду пить и пить почти что-называется безъ просыпу. Пріятели заблагоразсудили не оставлять неутѣшнаго вдовца, и оргіи происходили довольно часто, тѣмъ болѣе, что жажда Демьяна Павлыча требовала обильныхъ возліній. Между тѣмъ Сазандарова подала на него формальную жалобу о похищеніи горничной и пригрозила исправнику гнѣвомъ губернатора, если не отыщется пропажа и съ Усольцова не будетъ взыскано по закону. Но въ тѣ блаженныя времена исправники при подобныхъ обстоятельствахъ не слишкомъ-то боялись губернатора, потому что у нихъ была поддержка какъ въ губернскомъ правленіи, такъ и въ канцеляріи, а Демьянъ Павлычъ изъ-за того, чтобъ поставить на своемъ, умѣлъ поладить съ земскою полиціей. Таня наконецъ переселилась въ Комарово, заняла первое мѣсто во флигелѣ и скоро привыкла къ новой долѣ.

Послѣ настойчивыхъ стараній, Усольцову удалось подкупить одного изъ бобовихинскихъ конюховъ, который обязанъ былъ сообщать Демьяну Павлычу, во первыхъ все что творилось въ домѣ у генерала, а вовторыхъ—и это главное—когда Савва Михайлычъ собирался выѣзжать изъ дому. На основаніи послѣдняго обстоятельства основанъ былъ одинъ коварный замыселъ Усольцова, извѣстный сперва только Контропошкину, но впоследствии открытый и братьямъ Дубняковымъ.

Была уже довольно глубокая осень, и хоть по временамъ прорывались заморозки, однако погода стояла еще отличная, и дороги, какъ слѣдуетъ въ степяхъ, превосходныя. Однажды вечеромъ, когда Усольцовъ подпилъ еще не совсѣмъ, прилично и вся компанія недостигла до состоянія второго взвода, Игнашка доложилъ барину, что изъ Переносовки прибыло извѣстіе о выѣздѣ генерала на утро въ уѣздный городъ. Гуляки взбеленились, закричали ура, выпили шампанскаго, однако улеглись пораньше, имѣя въ виду давно ожидаемую потѣху. На зарѣ уже вся эта компанія проснулась, напилась наскоро чаю, и въ трехъ экипажахъ укатила верстъ за восемь на дорогу, на которую долженъ былъ выѣхать изъ своихъ владѣній Бобовихинъ. Распорядились такъ, чтобы попасть навстрѣчу генералу. Въ первомъ тарантасѣ сидѣлъ Контропошкинъ вдвоемъ съ хорошенькой Теклой и напѣвалъ ей разныя нѣжности подъ звонъ своихъ колокольчиковъ и заказныхъ бубенчиковъ, которые гремѣли, какъ онъ

говорилъ, во всю ивановскую. За Контропошкинымъ въ своемъ тарантасѣ слѣдовали братья Дубняковы и горланили увиссономъ камаринскую, любимое ихъ препровожденіе времени въ дорогѣ, какъ бы далеко они ни ѣхали. Позади наконецъ, на простой телегѣ, запряженной явевосходной и бѣшеной тройкой, ѣхалъ Усольцовъ съ своимъ неизмѣннымъ Игнашкой и курилъ изъ вѣтого чубука огромную пѣнковую трубку. Лошади его безпрестанно фыркали и рвались, и только необыкновенная физическая сила и ловкость кучера въ состояніи были сдерживать пылъ ярѣнкихъ и рьяныхъ животныхъ. Но когда, выѣзжая изъ Комарова, Усольцовъ попробовалъ «залать кончикъ», то расходящуюся тройку едва могли удержать соединенными силами ретнистръ, кучеръ и Игнашка.

Когда этотъ увеселительный поѣздъ выбрался на транспортную дорогу, по которой Савва Михайлычу необходимо было слѣдовать, какъ нарочно изъ переносовскихъ владѣній показался экипажъ Бобовихина. Въ старинной открытой коляскѣ, ше-стерикомъ, съ лакеемъ на запяткахъ и отставнымъ унтеръ-офицеромъ на козлахъ, закутавшись въ теплую шинель, ѣхалъ по обычаю маленькой рысдой Савва Михайлычъ, покуривая свою дорожную трубку и предаваясь размышленію о томъ, опредѣлительно ли онъ снабдилъ всѣхъ инструкціями на время своего отсутствія. Крестьяне, попадавшіеся по дорогѣ, какъ переносовскіе, такъ и окрестные, издали завидя генеральскій экипажъ, слѣшили сторониться и торопливо снимали шапки при встрѣчѣ съ такимъ важнымъ господиномъ. И вотъ Бобовихинъ замѣтилъ впереди нѣсколько экипажей. Съ необыкновеннымъ звономъ и грохотомъ проѣхалъ тарантасъ Контропошкина, который, привставъ съ своего мѣста, снялъ картузь и очень низко поклонился генералу. Узнавъ его, Бобовихинъ едва прикоснулся двумя пальцами къ козырьку и то не изъ желанія заплатить вѣжливостью за вѣжливость, а больше по привычкѣ. Минуть черезъ пять поровнялись съ нимъ Дубняковы, и приподнявшись, отвѣсили генералу по весьма почтительному поклону. Не зная этихъ господъ, Савва Михайлычъ приподнял фуражку на томъ основаніи, что неизвѣстные проѣзжіе не забылись и воздали ему должное уваженіе. Но вотъ раздалось гѣканье, послышался рѣвкій звукъ серебрянаго колокольчика, и во весь карьеръ приближалась бѣшенная тройка Усольцова. Генералъ неуспѣлъ даже распознать ретнистра и

только невольно вздрогнулъ, разсмотрѣвъ, что тройка неслась вримо на него, и вздрогнулъ не отъ испуга, а отъ негодованія — какъ смѣлъ кто бы те ни былъ неуступить ему дорогу... Но въ этотъ моментъ телѣга на всемъ карьерѣ поровнялась, генеральскія форейторскія лошади повернули круто вправо, дышловый послѣдовали ихъ примѣру, ту же секунду каляска, описавъ дугу, поверотила назадъ, форейторъ упалъ, упряжь перепуталась, и произошла всеобщая катавасія. Когда генералъ опомнился, Усольцовъ былъ уже далеко. Смиренныя лошади стояли, понуривъ головы. Бобовихинъ, выйдя изъ коляски, началъ производить слѣдствіе. Но никто не могъ сообщить ему — отчего лошади поверотили, отчего перепутались и оборвались постромки. Генералъ нахмурился, распекъ прислугу и отдалъ приказаніе ѣхать обратно домой, сконфуженный сѣлъ въ экипажъ, непонимая ровно ничего въ этомъ происшествіи. Форейторъ однакоже, собираясь влѣзть на лошадь, примѣтилъ на выносахъ какой-то ему неизвѣстный крючокъ съ отрубленнымъ концомъ веревки. Крючокъ былъ представленъ генералу, который догадался, что это была штука Усольцова. Въ это время веселый поѣздъ пріятелей промчался назадъ, и снова всѣ гуляки почтительно привѣтствовали генерала и громко желали ему счастливой дороги. Бобовихинъ не выдержалъ себя и погрозилъ Усольцову кулакомъ, произнеся однакоже ни слова.

Дѣло въ томъ, что ротмистръ придумалъ особенную удочку для Саввы Михайлыча и послѣ нѣсколькихъ репетицій съ встрѣчными крестьянами, употребилъ ее наконецъ въ дѣло. Заказавъ большой крюкъ, Усольцовъ прицѣпилъ его на крѣпкой веревкѣ сажени въ двѣ длиною къ доброй окованой телѣгѣ и когда поровнялся съ генераломъ, то ловко набросилъ свою удочку на выносы, и силой разбѣжавшейся тройки сблизъ съ направленія генеральскихъ лошадей, шедшихъ мелкой рысцою и произвелъ такимъ образомъ белоберду. Но въ тотъ же моментъ отрубилъ веревку и улетѣлъ догонять своихъ товарищей.

Грозно нахмуренный и въ высшей степени разбѣшенный, возвратился Бобовихинъ въ Переносовку, предварительно запретивъ людямъ, подъ страхомъ наказанія, не рассказывать дома о приключеніи на дорогѣ. Но забота генерала оказалась напрасною, потомучто нѣсколько проѣзжихъ видѣли эту штуку, и вѣсть о ней пошла съ разными комментаріями.

Усольцовъ съ пріятелями рѣшился отпраздновать свою побѣду въ уѣздномъ городѣ. Хотя до послѣдняго было не менѣе двадцати-пяти верстъ, однако ни для ротмистра, ни для друзей его подобное разстояніе ничего не значило, особенно когда Демьянъ Павлычъ, слѣдуя въ авангардѣ, командовалъ своему кучеру:

— Жги, Данило! да такъ жги, чтобы дубняковская и контропошкинская тройка остались покрайней-мѣрѣ версты на двѣ.

— А чтожъ, развѣ трудно. Держитесь только, баринъ; мы кажется еще виразу не осрамились, сказалъ кучеръ.

И лошади понеслись словно бѣшенныя.

Усольцовъ рѣдко посѣщалъ уѣздный городъ, но у него была абонированная квартира у одной вдовы-чиновницы, Булковской, которая за это получала въ годъ извѣстное количество разной провизіи, что для нея служило большимъ подспорьемъ. Вдова эта только и жила отдачей внаймы проѣзжимъ нѣсколькихъ комнатъ, содержа въ городѣ лучшей постоялый дворъ. Но не взирая на выгоду получать довольно деревенскихъ продуктовъ и на чрезвычайно рѣдкія посѣщенія Усольцова, Булковская тѣмъ не менѣе весьма тяготилось однимъ условіемъ. Ротмистръ всегда занималъ три комнаты, и еслибы на случай его приѣзда не оказалось этого количества, то хозяйка обязана была изгонять своихъ временныхъ жильцовъ и уступать свое собственное помѣщеніе, а сама тѣсниться въ кухнѣ съ прислугой. Случая еще не было; на время двухъ ярманокъ вдова пускала проѣзжихъ осторожно и съ оговорками, но зная по слухамъ о продѣлкахъ Усольцова, постоянно находилась въ страхѣ, чтобы не прогнѣвить ротмистра. Между тѣмъ черезъ городъ пролежала дорога, соединяющая значительные пункты, по которой всегда было много пассажировъ, и какъ у вдовы-чиновницы кромѣ приличныхъ комнатъ можно было найти и сносный обѣдъ, то постоялый дворъ ея никогда не оставался пустымъ. Хозяйку радовала усиленная торговля, но часто въ самыя сладкія минуты ея жизни, когда всѣ комнаты были заняты, когда приѣзжіе помѣщались даже въ ея собственной спальнѣ, и когда къ ней по минутно поступали требованія те выдачи овса или сѣна, то отпуска обѣдовъ, самоваровъ, — Булковскую вдругъ посѣщала мысль: «а если нагрѣнетъ Усольцовъ?» Конечно было простое средство ок-

казаться отъ всякихъ съ нимъ сношеній, но въпервыхъ ротмистръ пользовался забіячней репутаціей и могъ низачто обидѣть, во-вторыхъ она имѣла отъ него прекрасный доходъ припасами и кромѣ того получала денежныя подарки, а третьихъ отъ нея являлся въ городъ по какому-нибудь чрезвычайному случаю. Не одно время однакоже въ уѣздѣ совсѣмъ позабыли объ Усольцовѣ, и только вѣсть о смерти Антонины Григорьевны напомнила о его существованіи.

Въ описываемое утро часамъ къ десяти, всѣ комнаты на постояломъ дворѣ Булковской были заняты нѣсколькими помѣщичьими семействами, которыя столкнулись въ городѣ по случаю разныхъ покупокъ для предстоящаго большого бала, и кромѣ того два стороннихъ проѣзжихъ завернули съ почтовой станціи выпить чаю и закусить, по рекомендаціи ямщиковъ, получавшихъ отъ вдовы-чиновницы приличное вознагражденіе. Булковская до того прониклась чувствомъ благоденствія, что позабыла о мечѣ Дамоклеса, и рассчитывала только вѣроятность соблазнительной выручки, побуждаемая къ тому обычаемъ прежнихъ помѣщиковъ ѣздить шестериками и возить съ собою еще прислугу покрайней-мѣрѣ на четверкѣ. Ко всему этому въ тотъ день сладился неожиданный стговоръ дочери стряпчаго съ секретаремъ уѣзднаго суда, и по случаю этого торжества помѣщички были упрошены остаться на вечеръ, такъ что Булковская просто потирала руки отъ удовольствія. Но ключница ея положила основаніе какому-то смутному страху пустымъ и повидимому ничего незначившимъ вопросомъ.

— Откуда прикажете, барыня, брать овесъ? спросила она: — изъ закрома вышелъ: развѣ прикажете начинать тотъ, что привезли отъ Усольцова.

Булковская почувствовала словно легкой морозъ по кожѣ, и въ воображеніи ея нарисовалась грозная фигура ротмистра.

— Да, отвѣчала она: — можно начинать тотъ что Усольцова, и подумала: не приѣхалъ бы въ самомъ дѣлѣ Демьянъ Памычъ.

И Булковская вышла на крыльцо. Такая роскошь! Небо чисто, и солнышко свѣтитъ привѣтливо. Дворъ уставленъ лошадами и экипажами. Куры, кудахтавъ, толпятся воокъ колодезь, изъ которыхъ ведадутъ овесъ, выбрасываемый лошадины-

ни мордами. Изъ сѣней слышно какъ на кухнѣ жарятся котлеты и жаркое.

— Нѣтъ, онъ не придетъ сегодня! подумала вдова-чиновница, прядя въ умиленіе отъ картины, представившейся ея взорамъ.

— Вотъ, барыня, еще кого-то богъ посылаетъ, сказала ключница изъ сарая. — Слышите колокольчикъ?

Булковская начала прислушиваться, и невольно поблѣднѣла.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — это фельдгегерь... А можетъ быть...

И вдова-чиновница не рѣшилась произнести имени, при одномъ воспоминаніи котораго ее бросало въ лихорадку. Между тѣмъ звонкій колокольчикъ заливался недалеко въ улицѣ, слышалось какое-то гуканье, и противъ постоялаго двора остановилась взмыленная тройка, которую кучеръ боялся съ карьера направить въ ворота.

— Ну что, не ждала Вѣдьма Вельзевуловна! весело крикнулъ Усольцовъ, слѣзая съ телѣги. Ба, ба, ба! что это значить? продолжалъ онъ, увидя весь дворъ заставленный экипажами.

Булковская машинально опустилась на колѣни.

— Батюшка, Демьянъ Павлычъ! отецъ родной! проговорила она, всплеснувъ руками.

Усольцовъ вскипѣлъ.

— Какъ, старая хрычевка! Мои комнаты заняты, а? Всѣ заняты?

— Какъ есть до одной, Демьянъ Павлычъ, говорила ни жива, ни мертва Булковская. Но я не знала.

— Ты не знала, и я знать ничего не хочу! Эй, Игнашка! жги!

Игнашка хоть и вскочилъ, однако не рѣшался еще съ чего начинать и ожидалъ болѣе категорическихъ приказаній.

— Всѣхъ вонъ сію же минуту! крикнулъ Усольцовъ, обращаясь къ хозяйкѣ. — За мной ѣдутъ гости, и мы будемъ здѣсь обѣдать.

Хозяйка окончательно растерялась, но вскочила съ колѣнъ и бросилась въ комнаты. Въ это время къ воротамъ подѣзжали два тарантаса, звеня колокольчиками, гремя бубенчиками, и везъ

нихъ вывалила во дворъ вся честная компанія. Усольцовъ заявилъ пріятелямъ непредвидѣнное событіе. Дубняковъ—старшій предложилъ сперва приказать пріѣзжимъ кучерамъ вывозить экипажи, а потомъ уже позаботиться и о самыхъ пассажирахъ. Контропошкинъ замѣтилъ, что можетъ быть на постояломъ остановились хорошенькія барышни и за это получилъ отъ Дубняковыхъ дурака, а отъ Усольцова названіе свинтуса, и принужденъ былъ согласиться, что въ такомъ экстренномъ случаѣ нечего разсуждать о хорошенькихъ.

Усольцовъ, дома выпивши очень немного, въ дорогѣ только на радостяхъ вытянулъ довольно большую флягу водки, количество, не шогшее сильно на него подѣйствовать, однако по всему видно было, что хмѣль попалъ ему въ голову — что въ извѣстныхъ случаяхъ много значило при подобномъ бѣшенномъ характерѣ.

Удержавъ жестомъ своихъ товарищей, которые хотѣли уже распорядиться каждый по своему усмотрѣнію, Усольцовъ вышелъ впередъ и громко, отчетливо скомандовалъ пріѣзжимъ кучерамъ :

— Эй, вы! запрягать живѣе и убираться со двора, потому что здѣсь моя квартира.

Кучера, видѣвшіе уже колѣнопреклоненіе хозяйки и соображившіе, что съ подобныиъ господиномъ какъ Усольцовъ шутить плохо, бросились отвязывать лошадей и собирались исполнять приказаніе, за исключеніемъ одного худощаваго парня, который глодалъ остовъ какой-то рыбы и не трогался съ мѣста на томъ основаніи, что «мы де сами майорскіе».

— Игнашка, жги! вскричалъ ротмистръ: — подавай мнѣ сюда старую чертовку.

Дубняковъ—старшій, искусившійся на ловлѣ котокрадовъ въ различныхъ уловкахъ при нападеніи и защитѣ, совалъ двухъ лакеевъ и своего дюжаго кучера и сталъ въ резервъ на всякій случай. Но въ комнатахъ уже раздавался вой хозяйки, нищали женскіе голоса, гудѣлъ одинъ басъ, а вскорѣ на крыльцо вышелъ ебдой старичокъ и вылетѣла одна барыня въ чепцѣ на бекрень, въ которой Контропошкинъ узналъ госпожу, называвшую ему у Савандаровой свою Фимочку. Завязался споръ. Усольцовъ предъявилъ, что онъ пріѣхалъ на свою квартиру, за которую платитъ акуратно, и желаетъ, чтобы она была оти-

шена. Позвали хозяйку. Дрожавшая Булковская подтвердила слова ротмистра и всѣхъ умоляла о пощадѣ. Приѣзжіе сперва пришли было въ изумленіе, но первая опомнилась маменька Фимочки и громко заявила, что во всемъ виновата одна хозяйка, и что Усольцовъ можетъ развѣдываться съ нею какъ угодно послѣ, но что на тотъ день квартиры заняты и стыдно было бы уступить ротмистру, если онъ такъ неделикатенъ, что выгоняетъ дамъ съ постоялаго двора. Старичокъ согласился съ храброй барыней, а къ нимъ на помощь выскочилъ изъ сѣней въ архаикѣ какой-то здоровенный мужчина и заоралъ во всю глотку :

— Ка-а-къ? Кто смѣетъ выгонять меня съ квартиры?

— А вотъ кто! отвѣчалъ Усольцовъ, сымая съ Игнашки большую плеть.

— Эй, кучера, люди! Чтоже вы ротозѣйничаете! крикнулъ проѣзжій великанъ, и безъ церемоній выдернулъ громадный колъ изъ плетня, окружавшаго цвѣтничекъ передъ окнами : — хватай, ребята, оглобли, все хватай, и мы покажемъ незванымъ гостямъ, что и сами не лѣвой ногой сморкаемся.

Этотъ грозный голосъ проникъ въ души даже робкихъ приѣзжихъ кучеровъ, лакеевъ и грозилъ зажечь ужаснѣйшую свалку, потомучто Дубняковъ старшій выхватилъ изъ-подъ воротъ доску, и очертя голову намѣревался ринуться въ битву. Но во дворъ запыхавшись вбѣжалъ въ оборванномъ сертучишкѣ и при шагѣ квартальный, потомучто съ задняго хода черезъ заборъ послана была кухарка въ полицію просить помощи.

— Господа! проговорилъ онъ, едва переводя духъ : — сейчасъ идутъ сюда городничій... Бога ради!

— Какъ? заревѣлъ Усольцовъ : — городничій? Вонъ!

— Позвольте, я офицеръ. . я за порядкомъ...

— Не пускать, ребята, никого на дворъ! скомандовалъ Усольцовъ и въ одинъ прыжокъ очутился возлѣ хозяйки, которую схвативъ за платье, вытащилъ на середину.

— Батюшки, отцы родные! вопила вдова-чиновница.

Но уже ротмистръ, держа ее одной рукой, пустилъ въ дѣло плеть и шибко началъ стегать несчастную.

Квартальный, надо отдать ему справедливость, бросался было отымать Булковскую, но Контропошкинъ оттолкнулъ его въ такую сторону, что тотъ кубаремъ отлетѣлъ къ ближайшей

каретъ и поднялся только съ помощью одного фореѣтора. Проѣзжій гигантъ наконецъ ринулся съ коломъ на мѣсто побоища и непремѣнно убилъ бы Усольцова, еслибъ послѣдняго не защитилъ Дубняковъ—старшій длинною доскою... Но уже на сцену появился городничій, котораго не рѣшились задержать приставленные къ воротамъ лакеи. Гвалтъ сдѣлался ужасный, къ воротамъ натолпилось множество народу, такъ что дальнѣйшая битва нашимъ героямъ не могла уже казаться безопасною. Впрочемъ Усольцовъ и при городничемъ успѣлъ еще нѣсколько разъ ударить плетью Булковскую и на бѣду задрѣлъ кончикомъ матушку Фимочки. Барыня взвизгнула, бросилась на Усольцова, чтобъ выцарапать ему глаза, однако подскокилъ городничій и закричалъ страшнымъ, неестественнымъ голосомъ :

— Стойте, стойте! Я пошлю за инвалидной командой.

Въ ворота однакоже ломилось нѣсколько десятниковъ и зрителей вбѣжало человѣкъ двадцать.

Дальнѣйшая драка сдѣлалась уже невозможной. Приступили къ распросамъ. Усольцовъ коротко и ясно предъявилъ свое право.

— Это надо разобрать формально! сказалъ городничій : — между тѣмъ произошла драка. Вы, г. Усольцовъ, извольте дать подписку не уѣзжать изъ города. Мы составимъ актъ.

— Что? заревѣлъ ротмистръ : — мнѣ оставаться въ вашемъ подломъ городѣ послѣ этой исторіи? Да я скорѣе всѣмъ ребра переломлю.

— Да, да! повторили его пріатели.

— Попробуй! раздался голосъ приѣзжаго великана, потрясавшаго коломъ надъ головою.

— Однако, господа, какъ же — драка, буйство, разбой...

Но этого разговора не было слышно, потомучто выбѣжали нѣсколько дѣвицъ, начали кричать, хозяйка ревѣла, а маменька Фимочки просто визжала какъ поросенокъ.

Первый смекнулъ дѣломъ Дубняковъ—старшій и наклонившись къ Усольцову :

— Демьянъ, сказалъ онъ : — дѣло плохо.

— Неужели мы не перебьемъ этой сволочи?

— Перебить можно, да послѣ будетъ скверно. Лошади наши за воротами, лучше маршъ пока цѣлы.

— Я васъ арестую! сказалъ ротмистру городничій: — эй, десятиціе, не выпускать лошадей!

Десятиціе не знали какихъ лошадей.

— Дѣма! отозвался Контропошкинъ, начинавшій трусить: — чортъ съ ними! Валемъ домой.

Усольцовъ нѣсколько секундъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Валать, такъ валать! сказалъ онъ наконецъ.

И словно по таинственной командѣ, пріятеля повернули, толпа разступилась инстинктивно, комедіантка давно звала жадно своего кавалера, сметливые кучера, заворотивъ экипажи, сидѣли на козлахъ и настегивали лошадей... Черезъ минуту раздавался страшный звонъ удалявшихся колокольчиковъ и поднялась пыль столбомъ...

— Держи, лови! кричали со двора, но отчаянные кутилы неслись уже во всѣ лопатки по базарной площади.

Часа черезъ два Усольцовъ съ пріятелями сидѣлъ уже въ своемъ флигелѣ и, въ ожиданіи обѣда, у нихъ по столу изъ рукъ въ руки ходилъ серебряный ковшъ, который употреблялся для препровожденія времени, если компанія держала какой-нибудь совѣтъ, требовавшій размышленія. Городская битва выходила изъ ряда обыкновенныхъ и могла повлечь за собой неприятныя послѣдствія за побой вдовы-чиновницы, за тукманку квартальному, а больше за легкій ударъ, нанесенный нечаянно крикливой помѣщицѣ, въ присутствіи полиціи и множества постороннихъ зрителей. Усольцовъ лучше всѣхъ понималъ отвѣтственность, но уповая на свою звѣзду, которая благопріятствовала ему долго и сообразивъ, что въ случаѣ чего можно будетъ отдѣлаться нѣсколькими тысячами, не приходилъ въ уныніе и оставался душою общества. Дубняковы обнаруживали равнодушіе; наградившій усерднымъ тумаконъ квартальнаго немного повѣсилъ носъ и былъ не въ своей тарелкѣ. Совѣтъ однакоже поставилъ вопросъ съ практической стороны: слѣдуетъ ли послать въ городъ развѣдать о впечатлѣніи, произведенномъ на умы извѣстной сценой, или прямо адресоваться къ исправнику, прося его защиты и покровительства. По нѣко-

торопя обсужденія и послѣ довольно оживленныхъ споровъ, Усольцовъ рѣшилъ дѣло совершенно другимъ образомъ.

— Ребята, сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу: — какъ вы толкуй, а штукація вышла довольно скверная. Мнѣ приводилось бывать въ такихъ передѣлкахъ. Прибилъ я однажды частнаго пристава, — помнишь, Контропошкинъ, въ Сумахъ? и меня таскали по судамъ. Слѣдствіе будетъ и здѣсь. А я вотъ что придумалъ. Тотчасъ же послѣ обѣда всѣхъ красавиць и вещи понужіе отправляемъ ко мнѣ въ —скій уѣздъ, а сами оставеня, выпьемъ какъ слѣдуетъ, и ночью переѣдемъ туда же. Пока пойдутъ сообщенія, переписка, а тамъ у меня всѣ чиновники или пріятели, или франты, которые ходятъ по стрункѣ передо мною.

— Это дѣло, но зачѣмъ же ночью? спросилъ Дубняковъ-старшій.

— А зачѣмъ, что ты глупъ и не имѣешь ни на волосъ соображенія.

— Да нешто за нами сегодня же будетъ погоня? отозвался Контропошкинъ.

— И ты, Ваня, свинтусъ.

Пріятели захохотали, Усольцовъ тоже засмѣялся.

— Неужели вы думаете, сказалъ послѣдній: — что оставляя эти мѣста, я могу уѣхать, не выкинувъ Бобовихину какой-нибудь торжественной штукацеріи.

— Bravo, bravo! Молодецъ! Угорь!

— То-то же.

— Какая же штукацерія?

— Мнѣ она пришла въ голову очень недавно, и я вамъ слѣлаю сюрпризъ, какого вы конечно не ожидали. Вѣрите ли мнѣ на слово.

Друзья отвѣчали утвердительно.

— Теперь же не мѣшайте мнѣ распорядиться: вопервыхъ надо послать гонца, чтобъ встопили домъ, вовторыхъ отправить разныя разности, ибо я думаю надолго переѣхать въ то мѣстечко. Вѣрнѣе всего упекутъ подъ судъ, такъ мнѣ будетъ гораздо выгоднѣе жить между пріятелями. Исправникъ тамъ просто головорѣзь, да и стряпчій охулки на руку не положить. Эй, юпочная команда, собираться живо, укладывайте свое тряпье и по-

взжайте съ миромъ на старое пепелище. Игнашка команду объѣд поживѣе.

— А между прочимъ не ударить ли намъ въ бостошку, проговорилъ Дубняковъ-младшій: — вѣдь все-равно цѣлый день дѣлать нечего.

— Я развѣ послѣ, отвѣчалъ Усольцовъ: — мнѣ некогда, а безпутный Ваня ничего въ игрѣ не смыслить.

— Ну въ банчишку! Желаешь, Контропоша, а? Была не была.

— Я, братъ, по этой части не ходокъ: наше дѣло, знаешь, услаждать себя возлѣ хорошенькихъ.

— Одно другому не мѣшаетъ. А мнѣ, признаюсь, безъ картъ скучно, говорилъ жалобнымъ голосомъ Дубняковъ-младшій: — шутка ли сказать, — больше недѣли не брагъ въ руки пятидесяти двухъ разбойниковъ.

— Ну, полно тебѣ конючить, отозвался старшій братъ: — такъ и быть, срѣжусь съ тобой въ пикеташку.

— Вотъ и дѣло. Гей! давайте намъ столъ и карты.

Братья усѣлись за игру, а Контропошкинъ отправился во внутреннія комнаты помогать укладываться комедіанткамъ, откуда началъ вскорѣ доноситься рѣзвый смѣхъ, а повременамъ раздавались и глухіе удары, которые обыкновенно Иванъ Алексѣвичъ получалъ за свои черезчуръ смѣлыя стремленія.

Вечеромъ этого достопамятнаго дня Савва Михайлычъ Бобовихинъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, непридя еще хорошенько въ себя послѣ утренняго приключенія на дорогѣ. Къ нему что-называется не было приступу. Причиною этому служило конечно то обстоятельство, что цѣлое утро, по возвращеніи домой, онъ осматривалъ хозяйство и распекалъ всѣхъ, кто подвергивался подъ руку. Сестра, дочь и даже компаньонка испытали на себѣ дурное расположеніе его духа. Онъ придирался рѣшительно ко всѣмъ и безъ малѣйшаго повода велѣлъ повѣсить одну дворовую собаку, которая какъ-то неловко зацѣпила его у крыльца, прибѣжавъ къ нему ласкаться. Бобовихинъ сидѣлъ и пыхтѣлъ у стола. Ему было довольно тяжело, потомучто волненіе не утихало втеченіе сутокъ, несмотря на то, что онъ уже успѣлъ сорвать

сердце и въ домѣ, и во дворѣ, и на деревѣ. Его мучила мысль, что выходка Усольцова клонилась къ ослабленію его авторитета, и не послѣдовалъ бы кто-нибудь еще примѣру забубенаго ротмистра. Онъ впрочемъ уже послѣ перваго столкновенія съ сосѣдомъ началъ придумывать средство возвысить себя въ общественномъ мнѣніи. Онъ даже боялся и боялся не шута, чгобы и крестьяне его не свихнулись нѣкоторымъ образомъ и не перестали его считать могущественнымъ и важнымъ господиномъ. Для этого онъ постоянно къ обѣднѣ наряжался въ шитый мундиръ и украшался всѣми орденами. Иные окрестные помѣшники, причисленные къ переносовскому приходу, разумѣется показывали ему наибѣйшее уваженіе и торжественно поздравляли съ каждымъ праздникомъ. Одинъ незнакомый чиновникъ, приѣхавшій въ церковь съ кѣмъ-то изъ сосѣдей, не считъ нужнымъ поздравлять генерала, и при выходѣ на паперти получилъ серьезный выговоръ, поставившій и его самого, и знакомыхъ въ щекотливое положеніе. Послѣ этого обстоятельства Саввѣ Михайлычу пришла мысль возвысить себя еще болѣе во мнѣніи прихожанъ, и онъ предложилъ священнику на эктеньи поминать его. Какъ ни дорожилъ своимъ мѣстомъ священникъ, какъ ни боялся Бобовихина, однако отказалъ наотрѣзь генералу. Бобовихинъ разумѣется вспылилъ и написалъ архіерею письмо съ просьбой переимѣнить ему священника. Архіерей удивился, потому что переносовскій священникъ былъ изъ лучшихъ по епархіи, и зная нравъ генерала, потребовалъ къ себѣ подчиненнаго предварительно въ губернской городъ. Въ описываемый день священникъ еще не возвращался. И это обстоятельство пришло въ голову Саввѣ Михайлычу, когда онъ сидѣлъ надувшись въ своемъ кабинетѣ. Генералъ наконецъ позволилъ. Вбѣжалъ мальчикъ.

— Сбѣгать къ священнику, и если онъ приѣхалъ, просить ко мнѣ немедленно.

Черезъ полчаса явился посланный и допесъ, что батюшка часа два какъ приѣхалъ, собрался было отдыхать, но тотчасъ будетъ. Дѣйствительно вскорѣ вошелъ священникъ, поблагословилъ Савву Михайлыча и почтительно подалъ ему письмо отъ владыки. Генералъ зажегъ другую свѣчку, взялъ очки и прочелъ коротенькое письмо, въ которомъ архіерей изъяслялъ надежду, что Савва Михайлычъ не станетъ преслѣдовать священ-

ника, которому внушено на словахъ, по возможности, исполнить его требованіи.

— Ну, чтоже вамъ внушено? спросилъ генералъ довольно сухо, не вступая даже въ обычные распросы о дорогахъ, новостяхъ и т. п.

— Я получалъ приказаніе упоминать ваше имя въ числѣ строителей и благодѣтелей храма.

— Вотъ прекрасно! Да это же самое вы предлагали мнѣ и до поѣздки.

— Но я изъяснялъ, что подъ именемъ строителей и благодѣтелей вы должны подразумѣваться, а теперь могу упоминать особу в. и—ва.

— То—естъ какъ?

— Я получилъ разрѣшеніе провозглашать имя боярина Саввы.

— Это еще что за новости! Какого боярина? Развѣ вы позабыли, что я генералъ—майоръ и кавалеръ.

— Такъ повелѣваетъ начальство.

— Ваше начальство не понимаетъ что дѣлаетъ. Развѣ въ службѣ есть гдѣ—нибудь чинъ боярина? Это, сударь мой, ваши выдумки.

— Воля ваша, Савва Михайлычъ.

Бобовихинъ запыхтѣлъ. Минуту продолжалось молчаніе.

— Я понять не могу преосвященнаго, сказалъ онъ наконецъ. — Теперь вижу, что отчасти вы не столько виноваты.

— Много благодаренъ, в. п—во. Вѣрьте совѣсти, что все угодное вамъ готовъ исполнить отъ души.

— Дѣлать нечего, поминайте пока боярина, а я непременно выхлопочу генералъ—майора.

— Если только мнѣ предпишетъ начальство, повѣрьте в. п—во, что я поставлю первымъ долгомъ. А то вѣдь знаете у насъ отвѣтственность какая.

— Конечно и у васъ свое начальство. Только меня удивляетъ преосвященный: неужели ему неизвѣстно, что генералъ—майоръ не какая—нибудь пѣшка. Я уже съ нимъ поговорю лично, а вы пока провозглашайте боярина Савву. Все—таки сосѣди будутъ знать, что со мною шутить не слѣдуетъ... Ну, батька, хорошо ли ѣздили?

— Слава-богу, благополучно, в. п—ство. Сынишку навѣстилъ.

— А!

— Учтется изрядно.

— А поведенія-то, поведенія! Вотъ суть.

— Кажись благодравенъ.

— Это первое. Науки тамъ разныя сами придуть, молодому же челоуѣку необходимѣ всего дисциплина и субординація.

— Истинно такъ, в. п—во.

Генералъ немного началъ проясняться; ему все-таки стало веселѣе, что его будутъ провозглашать на эктемьѣ.

— Ну, что новаго въ губерніи?

— Признаться было не до новостей. Ахъ, да, губернію нашу постигло несчастье.

— Напримѣръ?

— На главной улицѣ, передъ моимъ выѣздомъ сгорѣло до десяти большихъ каменныхъ домовъ.

— Чего же смотреть эти ротозѣи? Десять домовъ! Вѣрно нѣтъ никакого порядку. Ужъ эти штафирки! Губернаторъ и изрядный челоуѣкъ, а тоже рябчикъ.

— Извѣстно неустройство.

— А у насъ-то, батюшка! А? Вѣдь я, кажется, препроводилъ вамъ экземпляръ моего росписанія.

— Какъ же.

— И вы конечно учредили въ домѣ порядокъ?

— Да, я смотрю, елико могу...

— Нѣтъ, а вы навмачили ль своимъ вещи, которыя они должны выносить на тревогу?

— Признательно сказать — я объ этомъ неозаботился.

— Нѣтъ, сударь мой, пренебрегать такимъ дѣломъ не слѣдуетъ.

— Да вѣдь у меня домишко маленькій; въ случаѣ чего, боже сохрани, все надобно выносить.

— Вотъ и видно, что вы не служили въ военной службѣ. Какъ такъ все выносить? Надобно сдѣлать точное распределеніе — что за чѣмъ слѣдуетъ. Вотъ я когда-нибудь заѣду къ вамъ и все устрою какъ слѣдуетъ.

— Очастливиже, в. п—ство.

— Теперь можете идти отдыхать, да извольте съ завтрашняго дня школить пѣвчихъ, а то они, я думаю, разбаловались.

Священникъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и замялся. Бобовихинъ качалъ правой ногой, положонной на лѣвую.

— Осмѣлюсь доложить, проговорилъ робко священникъ.

— О чемъ, сударь?

— Я совсѣмъ израсходовался въ дорогѣ.

— А! То есть васъ вызвали въ губернію по моему письму. Ну, чтожъ! Напишите докладную записку.

— Чувствительнѣйше благодарю, в. п.—ство.

— Я разрѣшу выдать по соображенію.

По уходѣ священника, генераль почти пришолъ въ нормальное состояніе, тѣмъ болѣе, что рѣшился ѣхать самъ въ губерпскій городъ лично жаловаться губернатору на Усольцова. За ужиномъ уже онъ разговаривалъ и, проведя цѣлый день въ ажитации, разсудилъ не подымать ночью тревоги.

Еще съ вечера началъ моросить мелкій дождикъ и часамъ къ десяти сдѣлалась страшная темень. Въ домѣ генерала все успокоилось, даже сторожъ не смѣлъ кричать громко: «слушай», потому что Савва Михайлычъ объявилъ за ужиномъ о своемъ желаніи хорошенько выспаться. Хотя во дворѣ у Бобовихина и строго соблюдался всевозможный порядокъ, но болѣе обращено было вниманія на исполненіе формы, и потому дежурный собственно смотрѣлъ, чтобъ караульные не спали и находились на своихъ мѣстахъ, а караульные только старались не спать на своихъ постахъ, на случай не поймалъ бы его п.—ство, который иногда обходилъ рундомъ. Чтоже касается, до усерднаго исполненія своей обязанности, то разумѣется здѣсь объ усердіи и помину не было. Около саду впрочемъ и по положенію часовые не стояли, такъ какъ это не бросалось въ глаза и притомъ же онъ былъ обнесенъ заборомъ, а когда лѣтомъ посвящали фрукты, его лѣтомъ берегли садовники.

Перевосовка, говоря прежнимъ слогомъ «погрузилась въ глубокой сонъ» и только въ кордегардіи свѣтился небольшой огонекъ, да и тотъ мигалъ какъ-то подозрительно. Вдругъ раздались три рѣзкихъ, сильныхъ удара въ колоколъ, висѣвшій надъ крышею генеральскаго дома и потомъ чрезъ нѣсколько секундъ удары эти повторились съ особенною лихорадочною поспѣшностью. Когда выбѣжали съ разныхъ сторонъ люди, сигналь-

ный фонарь горѣлъ уже надъ мезониномъ, а держовный сторожъ подхватилъ тревогу и билъ въ набатъ на высокой колокольнѣ. При первыхъ же звукахъ тревоги проснулся Бобовихинъ, и какъ это не была уже потѣха, заказанная по его желанію, то Савва Михайлычъ растерялся до того, что зажегши въ торопяхъ свѣчку, тотчасъ же бѣшено дернулъ разъ пять за тесьму колокольчика и позасѣвъ одѣться бросился въ залу въ совершенномъ безпорядкѣ. Тамъ уже былъ осовѣлый дежурный мальчицъ, который поспѣшно надѣвалъ тутъ же сапоги, вѣстѣмяясь генеральскимъ присутствіемъ. Первая выскочила старушка сестра Саввы Михайлыча и ахнула, увидѣвъ братца въ довольно неприличномъ костюмѣ. Она однакоже рѣшилась напомнить объ этомъ, и тогда только, поручивъ сестрѣ временное начальство надъ залой, генералъ бросился въ кабинетъ надѣть необходимое и захватить вещи, слѣдовавшія ему по росписанію. Между тѣмъ во дворѣ кипѣла суматоха, и скоро пришли доложить генералу, что лошадь его п—ства у крыльца, экипажи скоро будутъ готовы, но что зарева отъ пожара нигдѣ не видно. Зала уже была наполнена заспанными домочадцами. Оставивъ унтеръ-офицера для порядка въ домѣ, генералъ накинулъ шинель и вышелъ на крыльцо. Во многихъ мѣстахъ горѣли фонари, люди суетились, а по деревнѣ раздавался набатъ и по улицамъ проносился глухой шумъ отъ народа, спѣшившаго къ церковной площади. Генералу очень хотѣлось обзрѣть порядокъ во дворѣ и замѣтить всѣ неисправности, но опасность была велика, времени терять не слѣдовало, и онъ въ сопровожденіи дежурнаго конюха, сквозь ужаснѣйшую темень, поѣхалъ по грязи на мѣсто сбора. Площадь уже была полна народомъ, выбѣжавшимъ съ топорами, лѣстницами, ведрами, бочками, однимъ словомъ какъ слѣдовало на пожаръ, котораго впрочемъ не было видно даже съ колокольни. Священникъ съ причтомъ стояли на паперти. Шесть фонарей горѣло вдоль церковной ограды. Завѣдующій деревнею подошелъ къ генералу и по обычаю отрапортовалъ о благополучіи.

— Гдѣ пожаръ? торопливо спросилъ Бобовихинъ.

— Не могу знать, в. п—ство.

— Слава-богу, нигдѣ невидно, отозвался священникъ.

Но по какому жь случаю тревога и отчего этотъ болванъ

трезвонить на колокольнѣ? Вѣдь я не отдавалъ никакого приказанія.

— Согласно вашего предписанія, отвѣчалъ завѣдующій деревнею: тревога — послѣдовала изъ вашего дома и сигнальный огонь горитъ на вышкѣ.

— А! Но во всякомъ случаѣ должна быть причина... Однако что это значить, люди стоятъ безпорядочною толпою? Эй, сотники, чтоже вы зѣваете? Сколько разъ я приказывалъ равняться по перковному забору.

Но генералъ остановился. На широкой улицѣ показались движущіеся огни и послышался звонъ колокольчиковъ и глухарей. Черезъ минуту мимо толпы, одинъ за другимъ, промчались два тарантаса и въ послѣднемъ явственно раздавалась камаринская. Третій тарантасъ, украшенный разноцвѣтными фонарями, направился прямо къ народу, и сдержанныя лошади пошли шагомъ. Въ немъ отчетливо обрисовалась высокая фигура ротмистра.

— Благодарю васъ, в. п—ство! проговорилъ Усольцовъ. Я очень вами доволенъ. Не беспокойтесь. Можете распустить людей, пожара нѣтъ никакого. Я только хотѣлъ удостовѣриться въ вашей исправности. Фальшивую тревогу произвелъ мой Игнашка, съ опасностью жизни пробравшійся черезъ садъ на крышу вашего дома. Покойной ночи, в. п—ство.

Генералъ протиралъ глаза отъ недоумѣнья — не во снѣ ли это, а когда онъ понялъ въ чемъ дѣло, въ воздухѣ оборвалась отрывистая фраза: «Данило, жги!» и по широкой улицѣ раздалось только шлепанье по грязи лошадей, пущенныхъ большою рысью.

А на колокольнѣ все еще продолжался набатъ, и сигнальный фонарь горѣлъ на крышѣ генеральскаго дома.

Описывать положеніе Саввы Михайлыча я не берусь, потому что никакое перо не въ состояніи передать тѣхъ странностей, которыя втеченіи двухъ часовъ покрайней-мѣрѣ обозначали самодурство Бобовихина. Могу только прибавить, что на утро же Савва Михайлычъ выѣхалъ къ губернатору.

Переселеніе Усольцова въ другой уѣздъ не спасло его отъ

грозы, которая сбиралась надъ его отчаянною головою. Кромѣ иска Сазандаровой, кромѣ эстафеты городничаго, посланной къ губернатору о буйствѣ ротмистра на постояломъ, личное ходатайство Бобовихина играло важную роль, такъ что наряжено было формальное слѣдствіе. Кто не знаетъ, что подъ судомъ, особенно человѣку богатому, можно было очень долго благодѣнствовать, а Усольцову казалось бы легко смягчать судейскія строгости; но Демьянъ Павлычъ по натурѣ своей не могъ оставаться въ застоѣ, чувствуя прогрессивное стремленіе къ своеобразной дѣятельности. Однажды онъ явился въ присутствіе съ трубкою. Его попросили выйти, онъ не послушался. Надо было употребить силу, а извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ онъ не былъ разборчивъ на приемы, и въ силу легкой битвы со сторожами какъ-то нечаянно уронилъ и разбилъ зеркало. Послѣ этого дѣло приняло дурной оборотъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отставной ротмистръ и кавалеръ Усольцовъ былъ разжалованъ въ рядовые на Кавказъ впредь до отличной выслуги. Сообщники его по буйству на постояломъ — Дубняковы и Контропошкинъ, вслѣдствіе разныхъ ходатайствъ, оставлены въ сильномъ подозрѣніи и продолжали свой обыкновенный образъ жизни.

Когда дѣло Усольцова получало направленіе, неоставлявшее уже надежды на благопріятный исходъ, Бобовихинъ потиралъ руки отъ удовольствія, и хвалился всѣмъ и каждому, что докапалъ буйнаго сосѣда. Въ это же время и сынъ его гвардіи капитанъ пріѣхалъ къ нему въ отпускъ. Спѣша день и ночь по ужасной колоти, гвардеецъ разумѣется не слишкомъ заботился о своемъ туалетѣ и пріѣхалъ прямо какъ былъ въ дорожномъ костюмѣ. Ему такъ хотѣлось поскорѣе обнять отца, сестру, тетку, которыхъ онъ почти не помнилъ, что не успѣвъ выскочить изъ кибитки, онъ тотчасъ же, не отряхнувши снѣгу, бросился въ домъ. Дежурный мальчикъ остановилъ его. Гвардеецъ назвалъ себя и хотѣлъ идти къ Саввѣ Михайлычу.

— Его п—ство приказали доложить о вашемъ приѣздѣ.

Молодой человѣкъ сномфузился. Онъ прождалъ добрыхъ пять минутъ пока его пригласили къ генералу, и хотя въ это время къ задѣ спѣшили уже сестра и тетка, однако онъ обязанъ былъ прежде представиться его п—ству.

Бобовихинъ успѣлъ уже одѣться въ сертукъ со всѣми орденами и величаво стоялъ, облокотясь о ручку кресель. Войдя

въ комнату, гвардеецъ сдѣлавъ движеніе броситься къ отцу на шею.

Генераль отстранилъ его рукою.

— Какъ, сударь, сказалъ онъ : — нетолько не въ формѣ, но и въ сертукѣ безъ эполетъ ! Вотъ она гвардія-то !

— Папенька !

И молодой человѣкъ все-таки схватилъ руку отца, поцѣловалъ и бросился обнимать генерала... Что-то человѣческое зашевелилось въ груди Саввы Михайлыча ; онъ даже почувствовалъ слезы у себя на рѣсницахъ, обнявъ сына и проговорилъ :

— Ну, ничего, ничего, на первый разъ прощѣю. Только, шилый мой — дружба дружбой, а служба службой...

Но черезъ двѣ недѣли молодой Бобовихинъ втѣнулся уже въ домашнюю жизнь : по праздникамъ одѣвался въ парадную форму, по ночамъ ходилъ визитирь-рундомъ и первый являлся, какъ на общія, такъ и на частныя тревоги. Онъ очень хорошо понималъ, что только подобнымъ образомъ могъ выманить у отца лишнюю тысячу рублей, необходимую для уплаты долговъ петербургскимъ кредиторамъ.

Прошло лѣтъ двѣнадцать. Бобовихинъ одряхлѣлъ и началъ видимо разрушаться, хоть ему казалось, что онъ попрежнему держалъ имѣніе въ ежовыхъ рукавицахъ. Дочь онъ выдалъ замужъ за отставного генерала Чумбуркина и трудно описать его восторгъ, когда увидѣлъ себя въ состояніи хоть при концѣ жизни командовать его п—ствомъ. Зять, хоть и нѣсколько моложе тестя, но все уже человѣкъ пожилой и добрый, весьма тяготился новымъ родственникомъ и избѣгалъ частыхъ свиданій съ Бобовихинымъ. Да и не мудрено. Савва Михайлычъ требовалъ, чтобы зять принималъ его не иначе какъ въ полной формѣ, даже въ шляпѣ съ султаномъ, и доказывалъ, что это необходимо не только для примѣра, но и для равновѣсія Европы, о которомъ тогда толковали въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», единственной газетѣ, гулявшей по провинціямъ. Савва Михайлычъ требовалъ, чтобы зять цѣловалъ ему руку, и распекалъ его — не изъ желанія распечь, но чтобы имѣть удовольствіе, въ качествѣ старшаго, ека-зать ему :

— Ваше превосходительство ни о чемъ не имѣете понятія; дослужились до генеральскаго чина, а нѣтъ ни ша-волось соображенія и т. п.

Сынъ Бобовихина, который произведенъ былъ въ полковники и получилъ полкъ, не получалъ уже отъ отца денегъ, а только наставленія о «благоразумной экономіи» что было излишнимъ, ибо молодой полковой командиръ за-долго еще до назначенія зналъ всю необходимую подноготную.

Послѣднее время однакоже зять Бобовихина, по просьбѣ Людмилы, совершенно переселился къ Саввѣ Михайлычу, потому что Бобовихинъ, по случаю смерти сестры, оставался безъ всякаго присмотра. Чумбуркину этого и не хотѣлось, но какъ жена его получала послѣ отца значительную долю наслѣдства, то надо же было кому-нибудь хлопотать о хозяйствѣ, которое шло богъ-знаетъ какъ, находясь въ рукахъ одного бурбона.

Было часовъ десять утра. Въ своемъ кабинетѣ, въ теплому халатѣ со звѣздой и съ орденской лентой на шеѣ сидѣлъ въ креслахъ Бобовихинъ и курилъ изъ своей завѣтной трубки. Волосы его пожелтѣли, лицо испещрилось продольными и поперечными морщинами, а изъ нижней челюсти торчалъ только одинъ коричневый зубъ, постоянно находившійся снаружи, потому что у Саввы Михайлыча отвисла нижняя губа, которою онъ однакоже двигалъ поминутно, стараясь привести ее въ должный порядокъ. Бобовихинъ рѣдко уже выходилъ изъ дому, но продолжалъ самъ управлять имѣніемъ больше на бумагахъ.

Вошелъ дежурный мальчикъ.

— Поручикъ Усольцовъ приѣхали, доложилъ онъ.

— Что-о-о? спросилъ генералъ, почувствовавъ легкую дрожь по всемъ членамъ.

Мальчикъ повторилъ. Савва Михайлычъ не отвѣчалъ ни слова. До него дошли слухи, что дѣйствительно Усольцовъ за какіе-то подвиги былъ произведенъ въ офицеры, и Бобовихинъ тогда же ощутилъ безпокойство при мысли снова столкнуться съ человѣкомъ, дѣлавшимъ ему столько пакостей, и который по его же ходатайству угодилъ въ солдаты. Генералъ конечно подумывалъ о возможности встрѣчи съ забубенымъ сосѣдомъ, но никакъ не ожидалъ такого скорого свиданія. Притомъ же онъ не съзналъ никакого распоряженія объ отказѣ на случай приѣзда Усольцова, и вдругъ былъ застигнутъ врасплохъ неожиданнымъ

посѣщеніемъ. Бобовининъ даже растерялся. Мальчикъ ожидалъ отвѣта. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Проси! глухо проговорилъ наконецъ Савва Михайлычъ:— и доложи его п—ству зятю, что я, молъ, требую къ себѣ немедленно.

— Ихъ п—ство изволили уѣхать на пчельникъ.

— Ну, ступай!

И не успѣвъ мальчикъ скрыться за дверь, какъ въ кабинетъ тихо вошелъ Демьянъ Павлычъ и тихо остановился у порога. Довольно было взглянуть на этого человѣка и можно уже было судить, что въ немъ ничего не осталось прежняго, исключая огромнаго роста. Блѣдное лицо съ какимъ-то тупымъ взглядомъ и страдательнымъ выраженіемъ, нѣкогда грозные усы и лѣсистые бакенбарды подстрижены, стройный станъ согнуть, и во всей фигурѣ вялость. Усольцовъ былъ въ отставномъ егерскомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и при шпагѣ.

— Имѣю честь явиться в. п—ству, проговорилъ онъ, удерживаясь въ почтительномъ положеніи фронта.

— А!

И генералъ замаялся.

— Поздравляю, сказалъ онъ наконецъ чрезъ нѣсколько секундъ. Давно въ отставкѣ?

— Пятый мѣсяцъ, в. п—ство. По прибытіи въ свое имѣніе счелъ первымъ долгомъ...

— Благодарю. Похвально, лепеталъ Бобовининъ, все еще неповинная шутить ли Усольцовъ, или образумился, испытывъ долгое горе.

— Я прибылъ къ в. п—ству просить объ одномъ одолженіи.

— Гм! Садись, братецъ! То-есть прошу садиться.

— У меня на душѣ грѣхъ, в. п—ство. Въ ослѣпленіи суеты, я прежде позволялъ себѣ разныя выходки. Простите, в. п—ство.

Въ голосѣ Усольцова дрожала искренность. Перезабывъ многое, Бобовининъ однако же помнилъ всѣ выходки неугомоннаго сосѣда и не зналъ какую роль принять на себя.

— Я тяжко виноватъ, продолжаетъ Усольцовъ:— но я былъ наказанъ за своеволие, и теперь приношу покаянiе.

Генералъ мгновенъ повеселѣлъ, и ему даже явилась охота поцеловать виновнаго.

— Да, оскорбленіе старшаго никому не проходит даромъ... Но Богъ съ вами, вы потеряли ляжку. Садитесь.

Усольцовъ сѣлъ.

— А что, спросилъ генералъ: — можетъ быть въ солдатской службѣ приходилось и тово?

И онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Никакъ нѣтъ, я не былъ лишонъ дворянскаго званія.

— А! Ну, я васъ прощаю. Нехотите ли водки, трубку?

— Не пью и не курю, в. п—ство. Въ мои лѣта пора уже подумать и о душѣ. На совѣсти у меня много-много грѣховъ, в. п—ство. Жить осталось недолго, я сильно раненъ.

— Что жъ, дадутъ пансіонъ. А награды орденами были?

— Имѣю солдатскій Егорій и Анну съ бантомъ, в. п—ство.

— Отчего же не надѣли? спрашивалъ генералъ, окончательно пришедшій въ себя отъ неожиданной перемѣны Усольцова.

— Виновать, запамятовалъ, в. п—ство.

— Ну, ничего. А я свою дочь выдалъ за генерала Чумбуркина. Хорошій, исправный офицеръ.

— Имѣю честь поздравить, в. п—ство. Такъ вы меня прощаете?

— Богъ съ вами. Если вы искренно раскаялись, сударь, мнѣ будетъ пріятно побесѣдовать съ вами о войнѣ. Я самъ когда-то бралъ приступомъ деревню Сент-Эшель. У меня это изображено и на картинѣ.

— Постараюсь, в. п—ство. А теперь счастливо оставаться.

— Куда же вы? А обѣдать?

— Немогу, в. п—ство, ѣду въ городъ по весьма нужному дѣлу.

Усольцовъ раскланялся и, понуривъ голову, вышелъ изъ кабинета.

Демьянъ Павлычъ заперся у себя въ деревнѣ, сидѣлъ одинъ, ходилъ на могилу жены, надъ которой поставилъ памятникъ, избѣгалъ встрѣчи съ женщинами, и если принималъ кого, то люди эти были совсѣмъ непохожи на его прежнихъ пріятелей.

Во время его солдатства Дубняковъ-старшій былъ убитъ гдѣ-то въ схваткѣ съ конокрадами, а меньшой братъ, промотавъ состояніе, таскался въ самой грязной шайкѣ шулеровъ по арманкамъ.

Контропошкинъ окривѣлъ и по непостижимому стеченію об-

своимъ женясь на Фимочкѣ, къ которой поступилъ подъ башмакъ и имѣлъ удовольствіе также повиноваться своей тещѣ. Но главныя черты характера Ивана Алексѣича не измѣнились: онъ все также любилъ выпить и по возможности обнаруживалъ стремленіе къ прекрасному полу уже изъ крѣпостного званія, хотя и подвергался за это разнымъ неурядностямъ. Услыхавъ о возвращеніи Усольцова, Контропошкинъ, подъ предлогомъ поѣздки въ городъ, выбрался изъ дому и поѣхалъ навѣстить своего незамѣннаго Демьяна. Но бывшіе пріятели уже не понимали другъ друга. Заплакавши горько, какъ можетъ-быть никогда не плакалъ, Контропошкинъ возвратился домой и пропьянствовалъ съ тоски цѣлую недѣлю, повторяя:

— Боже мой, что изъ него сдѣлалось!

Съ тѣхъ поръ объ Усольцовѣ не было помину. Но на похоронахъ Бобовихина видѣли, какъ въ полной формѣ, безъ шапки въ слякоть онъ шолъ за гробомъ Саввы Михайлыча.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО

КНИГА ДЕСЯТАЯ

I

У ГРЕНГУАРА РОЖДАЕТСЯ НѢСКОЛЬКО СЧАСТЛИВЫХЪ ИДЕЙ СРЯДУ
ВЪ УЛИЦѢ БЕРНАРДИНЦЕВЪ

Съ той минуты какъ Гренгуару сдѣлалось ясно, что дѣло въ судѣ принимаетъ плохой оборотъ и что главные лица въ этой комедіи по меньшей мѣрѣ имѣютъ быть повѣшены, онъ твердо рѣшился удержаться въ сторонѣ. Бродяги, въ обществѣ которыхъ онъ остался, разсудивъ, что это общество едвали не лучше всякаго другого, продолжали принимать участіе въ судьбѣ цыганки. Гренгуару казалось это весьма естественнымъ со стороны людей, которымъ подъ конецъ жизни неминуемо приходилось натолкнуться на Шармолю или Тортеру, между тѣмъ какъ ему былъ еще выходъ и на парнасъ. Онъ услышалъ отъ нихъ, что его названная жена скрывалась въ соборѣ и былъ очень радъ; навѣстить же ее не имѣлъ никакого желанія.

О козочкѣ думалъ онъ чаще, но тоже ограничивался одними воспоминаніями. Впрочемъ досуга у него было немного: днемъ онъ показывалъ фокусы, чтобы достать себѣ на пропитаніе, а ночью комментировалъ одно прекрасное сочиненіе епископа нойонскаго *de Sura Petrarum*, которое развило въ немъ страсть къ архитектурѣ, замѣнившую въ его сердцѣ склонность къ герметикѣ. Впрочемъ, въ

этомъ случаѣ Гренгуаръ перенесъ любовь къ идеѣ на любовь къ ея выраженію.

Однажды онъ остановился на углу одного дома, называвшагося *Fog-l'Evêque*, напротивъ котораго былъ другой домъ подъ названіемъ *Fog-le-Roi*. При первомъ домѣ была прекрасная часовенка еще четырнадцатаго вѣка, съ замѣчательными скульптурными украшеніями. Гренгуаръ находился подъ вліяніемъ того эгоистическаго, исключительнаго наслажденія предметомъ, которое мѣшаетъ художнику видѣть что-либо другое въ цѣломъ мірѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что на плечо его опустилась чья-то тяжелая рука и оглянулся. Предъ нимъ стоялъ его прежній учитель и другъ, архидіаконъ.

Встрѣча поразила его. Онъ давно не видалъ архидіакона, а Клодъ принадлежалъ къ такимъ торжественнымъ и страстнымъ личностямъ, встрѣча съ которыми нарушаетъ равновѣсіе идей въ головѣ философа-скептика.

Архидіаконъ нѣсколько минутъ не начиналъ разговора, такъ что Гренгуаръ имѣлъ время замѣтить въ немъ большую перемѣну: онъ былъ блѣденъ какъ зимнее утро, глаза ввалились, волосы почти совсѣмъ посѣдѣли. Какъ ваше здоровье, Пьеръ? спросилъ священникъ спокойно, но какъ-то особенно холодно.

— Мое здоровье? отвѣчалъ Гренгуаръ:—о... объ немъ можно бы сказать многое... впрочемъ, вообще говоря, я немогу пожаловаться. Вы вѣдь помните, что по Гиппократу секретъ всегда быть здоровымъ *id est: cibi, potus, somni, venus, omnia moderata sint*.

— Такъ у васъ нѣтъ никакихъ заботъ Пьеръ? спросилъ архидіаконъ, пристально глядя ему въ глаза.

— Пожалуй что и нѣтъ.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Какъ видите, разсматриваю этотъ барельефъ.

Священникъ улыбнулся той горькой улыбкой, отъ которой поднимаются только оконечности губъ.

— И это васъ занимаетъ?

— Да, это рай! воскликнулъ Гренгуаръ. Посмотрите на эту колонку,—гдѣ вы видали болѣе нѣжные листики? А эти фигуры! Какая наивность въ выраженіи лицъ, какое разнообразіе въ положеніи лицъ и драпировокъ; неужели вы не находите этого занимательнымъ?

— О, какъ же, отвѣчалъ священникъ.

— А если бы видѣли внутренность часовни, — какое множество

скульптурныхъ украшеній, — просто капустный кочень. Въ жизнь свою не видалъ я ничего лучшаго.

— Такъ вы счастливы? прервалъ его Клодъ.

— По чести, да, отвѣчалъ Гренгуаръ. — Сначала я любилъ женщинъ, потомъ животныхъ, а теперь люблю камни. Въ камняхъ столько же занимательности, какъ въ женщинахъ и животныхъ, да притомъ нѣтъ и нимагѣйшаго коварства.

Священникъ провелъ рукою по лбу. Это былъ его обыкновенный жестъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? и вы ничего нежелаете?

— Нѣтъ.

— И не жаль вамъ ничего?

— Нѣтъ; я устроилъ всю жизнь такъ, что въ ней нѣтъ ни желаній ни сожалѣній.

— Судьба часто разстрбиваетъ то что устроили люди.

— Я философъ и все держу въ равновѣсіи, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— А какіе у васъ средства къ жизни?

— Иногда я пишу эпопеи и трагедіи, но всего болѣе приносить мнѣ то ремесло, которое вамъ уже извѣстно: я ношу пирамиды изъ стульевъ на зубахъ.

— Ремесло слишкомъ грубое для философа.

— Это все-таки способъ примѣнить равновѣсіе. Если у человѣка есть идея, онъ находитъ ее во всемъ.

— Знаю, отвѣчалъ архидіаконъ.

— Существованіе ваше однако незавидно, началъ помолчавъ архидіаконъ.

— Да, но я все-таки немогу назваться несчастнымъ.

Въ эту минуту раздался конскій топотъ и мимо нашихъ собесѣдниковъ проѣхалъ отрядъ королевскихъ стрѣлковъ, подъ командой офицера.

— Какъ вы смотрите на этого офицера! сказалъ Гренгуаръ архидіакону.

— Я, кажется, узнаю его.

— А какъ его зовутъ?

— Кажется его зовутъ Фебъ де-Шатоперъ.

— Фебъ? Курьезное имя. Я зналъ одну женщину, которая имъ только и бредила.

— Пойдемте отсюда, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Съ той минуты какъ проѣхалъ отрядъ, въ архидіаконѣ обнару-

жилося замѣтное волненіе; онъ пошолъ скорымъ шагомъ. Гренгуаръ слѣдовалъ за нимъ съ тѣмъ пассивнымъ послушаніемъ, которое обнаруживали всѣ сталкивавшіеся на пути съ этимъ человѣкомъ. Молча дошли они до улицы бернардинцевъ; она была совершенно пуста, и Клодъ остановился.

— Что вы хотѣли сказать мнѣ? спросилъ Гренгуаръ.

— Какъ вы находите, началъ Клодъ послѣ глубокой задумчивости: — вѣдь мундиръ этихъ военныхъ господъ гораздо красивѣе моего и вашего платья.

Гренгуаръ покачалъ головою.

— Ну, мнѣ болѣе по душѣ моя пестрая куртка, чѣмъ эти желѣзные украшенія. Удовольствіе, нечего сказать, подымать цѣлый оодомъ, когда проходишь по улицѣ!

— Такъ вамъ никогда не случалось завидовать этимъ сыновьямъ Марса?

— Чему-же завидовать? ихъ одеждѣ, силѣ и дисциплинѣ? нѣтъ, лучше свобода, хоть и въ лохмотьяхъ. Лучше быть мушьею головой, чѣмъ львинымъ хвостомъ.

— Странно, сказалъ священникъ: — а красивый костюмъ вещь хорошая.

Гренгуаръ, пользуясь его задумчивостію, отправился разсматривать сосѣдній домъ и возвратился въ восторгѣ отъ его подъзда.

— Пьеръ, а куда вы дѣвали свою танцовщицу? спросилъ архидіаконъ.

— Эсмемальду? Какіе у васъ неожиданные переходы въ разговорѣ.

— Вѣдь она была ваша жена?

— Да, повѣчаные, при разбитой кружкѣ. Намъ бы слѣдовало прожить четыре года. — А вы все еще ее помните?

— А вы не вспоминаете уже о ней?

— Рѣдко. У меня такъ много дѣла!.. Господи, какая у нея была хорошенькая козочка!

— Эта цыганка кажется спасла вамъ жизнь.

— Да, точно.

— Что-же съ ней сдѣлалось, гдѣ она?

— Не могу сказать вамъ навѣрное. Можетъ быть ее и повѣсили.

— Вы думаете?

— Неговорю ничего утвердительно. Когда дѣло дошло до веревки, я постарался удрать изъ суда.

— Больше вы ничего о ней не знаете?

— Постойте, слышалъ я, что она въ соборѣ и очень радъ, что ее тамъ нетронуть. Немогу только я разузнать, спаслась-ли съ ней ея козочка. Больше я ничего не знаю.

— Такъ я скажу болѣе, закричалъ Клодь, и голосъ его, тихій до этого мгновенія, вдругъ сдѣлался громовымъ.— Она на самомъ дѣлѣ укрывается въ соборѣ, но черезъ три дня попадетъ опять въ руки правосудія и будетъ повѣшена на Гревской площади. На это есть приказъ парламента.

— Какъ жаль, сказалъ Гренгуаръ.

Священникъ снова принялъ свой холодный видъ.

— И кому же это нужно было хлопотать объ этомъ приказѣ? продолжалъ Гренгуаръ. — Кчему тутъ вмѣшивать парламентъ? Кому могло помѣшать, что бѣдная дѣвушка укрывается на верхушкѣ Notre-Dame вмѣстѣ съ ласточками?

— Есть такіе демоны на свѣтѣ, отвѣчалъ архидіаконъ.

— Чортъ побори, это плохо.

— И она спасла вамъ жизнь?

— Да, мои теперешніе друзья-бродяги непременно бы меня повѣсили, хотя бы и пришлось пожалѣть послѣ.

— А вы ничего не хотите для нея сдѣлать?

— Душевно радъ-бы, да неровно самъ запутаешься въ скверное дѣло.

— Ну чтожь?

— Какъ чтожь! хороши вы! Въдь у меня начаты два большія сочиненія.

Священникъ ударилъ себя по лбу. Несмотря на наружное хладнокровіе, жесты его изобличали внутреннюю борьбу.

— Какъ спасти ее?

— Я вамъ скажу, отвѣчалъ Гренгуаръ: — Il n'y a que Dieu qui est notre Dieu, значитъ Богъ наша надежда.

— Какъ спасти ее? повторилъ Клодь.

Гренгуаръ въ свою очередь ударилъ себя по лбу.

— Послушайте, домъ-Клодь, у меня много воображенія, — я вамъ приищу способъ. Что если попросить помилованія у Людовика XI?

— Помилованія! у Людовика XI!

— Почемужь бы и нѣтъ?

— Легче отнять кость у тигра!

Гренгуаръ приступилъ къ отыскиванію новыхъ способовъ.

— Послушайте! хотите я попрошу повивальную бабку дать свидѣтельство, что она беременна?

Глаза архидіакона засверкали:

— Беременна! развѣ ты знаешь что-нибудь объ этомъ?

Гренгуаръ струсилъ и поспѣшилъ прибавить:

— О нѣтъ, лично я не убѣжденъ въ этомъ! вѣдь наша свадьба была настоящимъ forismaritagium. Я тутъ рѣшительно ни при чемъ. Однако, ради этого могутъ дать отерочку.

— Безуміе! позоръ! не говори объ этомъ!

— Напрасно вы сердитесь, пробормоталъ Гренгуаръ. — Отерочка никому не повредитъ, только доставитъ небольшую сумму денегъ какой-нибудь бѣднягѣ, повивальной бабкѣ.

Архидіаконъ его не слушалъ.

— Нужно однакожъ предпринять что-нибудь! Приговоръ долженъ быть исполненъ черезъ три дня!

— Впрочемъ, не будь даже этого приговора... этотъ Квазимодо! У женщинъ такой развращенный вкусъ! Пьеръ, сказалъ онъ громко: — я обдумалъ, есть одно средство къ спасенію.

— Какое-же? я ужь не вижу никакого.

— Послушайте Пьеръ! вспомните, что вы обязаны ей жизни. Я откровенно выскажу вамъ мою мысль. Церковь стерегутъ днемъ и ночью и выпускаютъ изъ нея только тѣхъ, кого замѣтили при входѣ. Стало-быть вы всегда можете войти и я проведу васъ къ ней. Вы помѣняйтесь съ ней платьемъ: она надѣнетъ вашу куртку, а вы ея юбку.

— До сихъ поръ все идетъ хорошо, замѣтилъ философъ: — что будетъ дальше?

— Потомъ, она выйдетъ изъ церкви въ вашемъ платьѣ, а вы останетесь. Васъ можетъ быть повѣсятъ, но зато она будетъ спасена.

Гренгуаръ почесалъ за ухомъ:

— Вотъ мысль, которая не пришла бы мнѣ въ голову безъ вашей помощи.

При неожиданномъ предложеніи Клода, открытое и добродушное лицо философа внезапно приняло мрачное выраженіе, какъ ясный итальянскій пейзажъ при внезапно набѣжавшей тучѣ.

— Что же вы скажете о моей мысли, Гренгуаръ?

— Скажу, что меня не *можетъ-быть*, а *непрѣменно* повѣсятъ.

— Какое намъ дѣло до этого.

— Ишь вы!

— Она спасла вамъ жизнь, вы у нея въ долгу.

— У меня множество долговъ, которыхъ я и не думаю платить.

— Пьеръ, вы должны это сдѣлать!

Архидіаконъ принявъ повелительный тонъ.

— Послушайте, домъ—Клодъ, возразилъ сѣшавшійся поэтъ.

Вы напрасно такъ стоите за эту мысль. Я не вижу никакой необходимости быть повѣшеннымъ за другого.

— Что-же васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Тысяча вещей.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ воздухъ, солнце, утро, вечеръ, лунный свѣтъ, мои друзья—бродяги, прелестная парижская архитектура, три начатыхъ сочиненія, наконецъ все. Анаксагоръ говорилъ, что онъ созданъ для того, чтобъ любоваться солнцемъ. Ктому же, я имѣю счастье цѣлую жизнь проводить съ величайшимъ гениемъ, т. е. съ самимъ собою, а это не послѣднее счастье.

— Тупая голова! вскричалъ архидіаконъ: — а кто сохранилъ тебѣ эту хваленую жизнь? кому обязанъ ты тѣмъ, что вдыхаешь этотъ воздухъ, видишь это небо и имѣешь случай питать свой ничтожный умъ всѣми глупостями? безъ нея, гдѣ бы былъ ты теперь? такъ ты желаешь ея смерти, ты, получившій отъ нея жизнь? ты хочешь чтобы умерло это прелестное, кроткое, божественное созданіе, необходимое божьему міру, между тѣмъ какъ ты, полумудрецъ и полусумашедшій, пародія на человѣка будешь жить жизнью украденною у ней и столь-же бесполезною какъ свѣчка при полуденномъ солнцѣ! ну, сжался, Гренгуаръ! будь въ свою очередь великодушень; она показала тебѣ примѣръ.

Священникъ говорилъ съ жаромъ. Гренгуаръ сперва слушалъ его съ видомъ нервѣтельности, потомъ разнѣжился и къ концу рѣчи сдѣлалъ трагическую гримасу, превратившую его блѣдное лицо въ лицо новорожденного ребенка, страдающаго коликой.

— Какъ вы краснорѣчивы! сказалъ онъ, утирая слезу. Ну, я обдумалъ! мысль ваша очень странна, впрочемъ какъ знать? можетъ меня еще и не повѣсятъ. Когда увидятъ меня въ такомъ странномъ костюмѣ, то навѣрное расхохочутся. А если и повѣсятъ? быть повѣшеннымъ — смерть вполне достойная философа—скептика; эта смерть ни рыба ни мясо, вѣрное изображеніе человѣка, колебавшагося цѣлую жизнь, смерть исполненная иронизма и педоумъ-

нія, между небомъ и землею. Миѣ можетъ-быть было предназначено умереть такой смертью. Прекрасно умереть такъ какъ жилъ!

— Такъ вы согласны? прервалъ его священникъ.

— Собственно, что такое смерть? продолжалъ Гренгуаръ съ увлеченіемъ. Одинъ неприятный моментъ, переходъ отъ немногаго къ полному ничтожеству. Кто-то сказалъ умирая, что очень радуется смерти, потому что увидитъ въ другомъ мірѣ Пифагора, Гомера...

Архидіаконъ протянулъ ему руку.

— Стало кончено. Вы придете завтра?

Этотъ жестъ возвратилъ Гренгуара къ дѣйствительности.

— Нѣтъ, чортъ возьми! сказалъ онъ тономъ чловѣка совершенно проснушагося: — быть повѣшеннымъ! это слишкомъ нелѣно! я не хочу.

— Въ такомъ слѣчаѣ, прощайте! попадешься ты миѣ! прибавилъ сквозь зубы архидіаконъ.

— Не хочу я ему попасться! подумалъ Гренгуаръ и кинулся его догонять.

— Зачѣмъ старымъ друзьямъ такъ расходиться, господинъ архидіаконъ! Вы интересуетесь этой дѣвушкой, моей женой то есть, очень хорошо! вы изобрѣли способъ вывести ее невредимую изъ собора, но способъ этотъ имѣтъ нѣкоторую неприятность для меня. Что, если бы я предложилъ вамъ другой! — Миѣ сейчасъ пришла въ голову блистательнѣйшая мысль. Что, если намъ удастся спасти ее не подвергая опасности моей шеи? Что вы на это скажете? Вѣдь вамъ не можетъ положительно хотѣться, чтобы меня повѣсили?

Священникъ, въ нетерпѣнни, обрывалъ застѣжки на своей рясѣ.

— Полно врать? Какой же твой способъ?

— Да, продолжалъ Гренгуаръ самъ съ собою, держа на носу указательный палецъ: — именно такъ!.. Бродяги-младцы!.. цыганское племя ее любитъ!.. Они будутъ готовы съ перваго слова!.. Ничего не можетъ быть легче... Во время суматохи, ее похитятъ!.. Завтра-же вечеромъ!.. они будутъ рады!

— Ну, говори-же! вскричалъ священникъ.

Гренгуаръ величественно повернулся къ нему.

— Оставьте меня, вы видите, что я создаю планъ. Онъ подумалъ еще нѣсколько минутъ, потомъ захопалъ въ ладоши: — удивительно! успѣхъ несомнѣненъ!

— Средство! средство! гнѣвно спрашивалъ Клодь.

Гренгуаръ торжествовалъ.

— Пойдемте, я скажу вамъ потихоньку. Вотъ славная контрамина и мы въ сторонѣ. Признайтесь, что въ этой головѣ много смысла! Да, а козочка съ нею?

— Да, чортъ тебя побери!

— Въдь они и ее бы повѣсили?

— Что мнѣ за дѣло!

— Да, непременно-бы повѣсили! Еще третьяго дня я видѣлъ какъ вѣшали свинью. Палачи любятъ это: они послѣ съѣдятъ животное. Повѣсить мою бѣдную Джали!

— Проклятіе! вскричалъ Клодъ: — твою мысль видно нужно вытащить изъ тебя клещами! Палачъ — это ты въ эту минуту!

— Потише, домъ-Клодъ, вотъ въ чемъ дѣдо...

Гренгуаръ наклонился къ уху архидіакона и что-то шепталъ ему, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ. Когда онъ кончилъ, Клодъ холодно взялъ его за руку и сказалъ: хорошо, — до завтра!

— До завтра, повторилъ Гренгуаръ и повернулъ въ противоположную сторону, повторяя про себя: — Прекрасный планъ, другъ мой Пьеръ! докажемъ, что мы маленькіе люди не боимся большихъ предпріятій. Въдь ласточки и тресогузки перелетаютъ же черезъ океанъ!

II

БУДЬ БРОДЯГОЙ

Возвратясь въ монастырь, архидіаконъ засталъ у дверей своей кельи брата своего Жана, который, чтобъ сократить скучное время ожиданія, рисовалъ углемъ на стѣнѣ профиль своего братца, снабдивъ его невѣроятнымъ носомъ. Домъ-Клодъ едва взглянулъ на брата. Его занимали другія мысли. Веселое лицо школьника, такъ часто разглаживавшее морщины на мрачномъ лбу ученаго, не могло теперь разогнать все болѣе и болѣе сгущавшійся мракъ въ этой суровой и зачерствѣлой душѣ.

— Братъ, я пришолъ къ вамъ, началъ смиренно школьникъ.

Архидіаконъ даже не поднялъ глазъ.

— Ну чтоже?

— Вы такъ добры ко мнѣ и даете такіе разумные совѣты, что я всегда прибѣгаю къ вамъ.

— Дальше?

— Увы, братецъ! Вы были правы, когда говорили мнѣ: Жанъ! Жанъ! *cessat doctorum doctrina, discipulorum disciplina*. Жанъ, будь благоуменъ и прилеженъ! Жанъ, не бѣгай изъ школы безъ особенной надобности и ректорскаго разрѣшенія. Не коснѣй въ невѣжествѣ подобно ослу, *quasi asinus illetratus*. Жанъ, сноси заслуженныя наказанія. Жанъ, ходи каждый вечеръ въ часовню. Увы, какіе это были разумные совѣты!

— Дальше?

— Братецъ, передъ вами виновный, преступникъ, ужасный человекъ! Любезный братъ, Жанъ ни во что не ставилъ ваши наставленія. Я подѣломъ наказанъ и Господь Богъ справедливъ. Пока у меня были деньги, я велъ развратную жизнь. О, какъ гнусенъ развратъ, когда приходитъ сознаніе! теперь у меня нѣтъ ни полушки, я продалъ свое послѣднее бѣлье. Прощай веселье! нѣтъ болѣе посковыхъ свѣчъ: дрянной сальной огарокъ коптитъ въ моей комнатѣ. Женщины смѣются надо мною. Кредиторы и угрызенія совѣсти не даютъ мнѣ покоя.

— Еще что?

— Увы, милый братецъ! я хотѣлъ бы начать лучшую жизнь. Я пришолъ къ вамъ съ полнымъ раскаяніемъ. Какое, бью себя въ грудь! У васъ была прекрасная мысль сдѣлать изъ меня субинспектора въ школѣ въ Торши. Я вдругъ почувствовалъ необыкновенное призваніе къ этой должности. Но у меня нѣтъ ни книгъ, ни чернилъ, ни бумаги, ни перьевъ, все это нужно купить. Я пришолъ къ вамъ съ полнымъ повинovenіемъ и надеждой получить нѣсколько денегъ.

— Теперь все?

— Да, только немножко денегъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

Школьникъ принявъ важный и рѣшительный видъ;

— Итакъ, братецъ, съ сожалѣніемъ долженъ сообщить вамъ, что мнѣ дѣлають одно очень выгодное предложеніе. Вы не хотите дать мнѣ денегъ? — Нѣтъ. — Въ такомъ случаѣ, я дѣлаюсь бродягой!

И онъ принявъ позу Аякса, ожидая, что надъ нимъ разразится гроза. Но архидіаконъ холодно отвѣчалъ:

— Хорошо, будь бродягой!

Жанъ низко поклонился и насвистывая сталъ спускаться по лѣстницѣ. Когда онъ проходилъ подъ окномъ кельи, оно растворилось и высунулась плѣшивая голова Клода.

— Ступай къ чорту! вотъ послѣднія деньги, которыя ты отъ меня получишь, сказалъ онъ и бросилъ школьнику кошелекъ. Кошелекъ попалъ въ голову, но Жанъ поднялъ его съ довольной миной, какъ собака, на которую посыпались бы мозговые кости.

III

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ВЕСЕЛЬЕ!

Читатель можетъ—быть припомнить, что одна сторона двора—чудесь была обнесена старой городской стѣною, башни которой уже почти совсѣмъ развалились. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ башенъ, бродяги устроили себѣ родъ клуба. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался кабакъ, а прочіе получили соответственное назначеніе. Башня эта была самымъ оживленнымъ, слѣдовательно самымъ гнуснымъ пунктомъ двора чудесь. Это былъ чудовищный улей, кишачій день и ночь. Ночью, когда замолкалъ гвалтъ во всѣхъ этихъ домишкахъ, муравейникахъ разврата и преступленія, одна башня продолжала гудѣть и свѣтилась кровавымъ свѣтомъ, выходящимъ изъ всѣхъ ея растрескавшихся поръ.

Кабакъ помѣщался въ подвалѣ. Въ него спускались по лѣстницѣ крутой, какъ классическій александринскій стихъ. На двери, въ видѣ вывѣски, красовались намалеванная деньги и зарѣзанные цыплята, съ надписью: звоняремъ за покойниковъ.

Однажды вечеромъ, когда въ городѣ уже загасили огни, сержанты (еслибы таковыя осмѣлились проникнуть въ это страшное мѣсто) могли бы замѣтить, что шумъ въ башнѣ былъ сильнѣе обыкновеннаго, что нили и ругались въ этотъ день съ большимъ азартомъ. На дворѣ образовались группы, о чемъ—то совѣщавшіяся, а мѣстами, отдѣльныя личности точили плохое оружіе на камняхъ. Въ самой тавернѣ, вино и игра настолько преобладали, что главная мысль не высказывалась, только лица всѣ были веселѣе и почти у каждаго торчалъ за поясомъ или отточенный серпъ, или коса, или ножъ и т. д.

Комната была большая, круглая, но столы стояли такъ тѣсно и посѣтителей было такъ много, что все: мужчины, женщины, дѣти, игроки, спящіе, калеки и здоровые составляли огромную массу. На столахъ горѣли салныя свѣчи, но главнымъ освѣщеніемъ, замѣнявшимъ въ тавернѣ большую люстру, былъ костеръ. Зала была такъ сыра, что

въ ней и лѣтомъ всегда разводили огонь ; огромный каминъ съ разными кухонными принадлежностями бросалъ далекій , красноватый пламень , выходявшій наружу черезъ отверстіе въ старыхъ стѣнахъ. Собака, важно сидящая у камина , поворачивала вертелъ съ большимъ количествомъ мяса.

Несмотря на ужасную тѣсноту, привыкшій глазъ могъ бы различить здѣсь три главныхъ группы, составившіяся вокругъ знакомыхъ уже читателю личностей. Одна изъ нихъ, одѣтая въ обрывки какой-то восточной ткани, была герцогъ Египта и цыганства. Онъ сидѣлъ на столѣ, поджавши ноги и поднявъ одинъ палецъ вверху, и удивлялъ своимъ знаніемъ бѣлой и черной магіи нѣсколькихъ чело-вѣкъ, смотрѣвшихъ на него розиня ротъ.

Другая толпа окружала нашего знакома , императора Галилеи, вооруженнаго съ ногъ до головы. Клопень Трульфу съ важностью производилъ дѣлежъ оружія, лежащаго у его ногъ. Вооружались всѣ, даже дѣти, и иной рыцарь во всѣхъ доспѣхахъ пролѣзая между ногъ играющихъ, подобно огромному жуку.

Наконецъ , третья группа, самая шумная, образовалась вокругъ чело-вѣка въ полномъ вооруженіи, стоявшаго на скамьѣ и проповѣдывавшаго что-то рѣзкимъ дискантомъ. Чело-вѣчекъ этотъ совершенно исчезъ въ своихъ доспѣхахъ, такъ что видѣлся одинъ только красный , вздернутый носъ , клокъ бѣлокурыхъ волосъ и смѣлые глаза. За поясомъ у него было множество ножей и кинжаловъ, на боку длинная сабля, на лѣвомъ плечѣ заржавленный лукъ, а передъ нимъ огромный ковшъ вина. Рядомъ сидѣла толстая, растрепанная дѣвка. Толпа вокругъ хохотала, пила и ругалась.

Если прибавить къ этому двадцать второстепенныхъ группъ, мужскую и женскую прислугу, бѣгавшую съ жбанамн вина надъ головою, игроковъ во всѣ существующія игры, ссоры въ одномъ углу и поцѣлуи въ другомъ, то составитъ приблизительная картина этого логовища, освѣщеннаго краснымъ огнемъ камина , отъ котораго дрожать и двигаться громадныя тѣни на стѣнахъ. Шумъ можно сравнить съ гуломъ во внутренности большого колокола въ минуту сильнѣйшаго трезвона. Сковорода съ шипящимъ на ней жиромъ наполняла своей музыкой интервалы между крикомъ и разговорами.

Среди всего этого шума на скамьѣ, передъ самымъ каминомъ, устремивъ глаза на огонь , сидѣлъ философъ , погруженный въ размышленія. Это былъ Пьеръ Гренгуаръ.

— Скорѣе! вооружайтесь всѣ! Черезъ часъ мы выступаемъ!
говорила Трульфоу своей группѣ.

Женщина напѣвала :

Bonsoir mon père et ma mère,
Les derniers couvrent le feu.

Два игрока спорили :

— Валеть? кричалъ самый красный изъ двухъ: — я отмѣчу тебя кулакомъ въ рожу.

— Уф! стоналъ кто-то съ норманскимъ акцентомъ: — здѣсь точно сельди въ боченкѣ.

— Дѣти! говоритъ герцогъ Египта фистулою: — во Франціи вѣдьмы идутъ на шабашъ пѣшкомъ и безъ метлы, только съ нѣсколькими кабалистическими словами, а въ Италиі ихъ всегда ожидаетъ козелъ у двери. Всѣ обязаы вылетать непременно въ трубу.

Голосъ вооруженнаго маленькаго человѣчка покрывалъ собою весь говоръ. — Bravo! bravo! кричалъ онъ. Сегодня будетъ мой первый опытъ! я бродяга, чортъ меня побери! дайте вина сюда! Друзья! я дворянинъ, меня зовутъ Жанъ Фролло дю Мулень. Мое мнѣніе, что нѣтъ званія выше бродяги. Братья! намъ предстоитъ славная экспедиція. Мы храбрецы! нападѣмъ на церковь, выломаемъ двери, украдемъ красотку, спасемъ ее изъ лапъ судей, распугаемъ монаховъ, сождемъ епископа въ его гнѣздѣ и все это скорѣе чѣмъ какойнибудь бургомистръ успѣетъ проглотить ложку супу. Наше дѣло правое. Мы ограбимъ соборъ и баста! мы повѣсимъ Квазимодо. Знакомъ вамъ Квазимодо, красавицы? Видѣли вы, какъ онъ звонилъ въ троицынъ день? Это красиво, клянусь сатаной, — точно дьяволъ верхомъ на колоколѣ. Друзья, послушайте! я бродяга всей душою, я ужь родился для этого. Я былъ богатъ и промоталъ богатство. Мать хотѣла сдѣлать меня военнымъ, а отецъ дьякономъ, тетка сборщикомъ податей, бабушка нотаріусомъ, прабабушка казначеемъ, а самъ я сдѣлался бродягой. Я сказалъ это отцу и онъ меня прогналъ, а мать завыла какъ эта сковорода въ огнѣ. Да здравствуетъ веселье! хозяйка, вина поскорѣе, деньги готовы. Я способенъ вынуть весь погребъ, чортъ меня побери!

Толпа аплодировала съ хохотомъ, что еще болѣе возбуждало школьника.

— Славно! кричалъ онъ: — populi debacchantis populo de-
bacchantio! и онъ запѣлъ голосомъ монаха, служащаго вечерню, со-

строишь плаксивую мину: — *Quæ cantica! quæ organa! quæ cantilence! quæ melodiæ hic sine fine decantantur!* Ну, ты, чертова погребщица! давай мнѣ ѣсть!

Настала минута когда смѣхъ нѣсколько утихъ и снова сталъ слышенъ кисленькій голосокъ герцога Египта: — Козла зовутъ адуинъ, лисицу синей лапой, медвѣдя дѣдомъ. Шапка Гнома дѣдаетъ невидимкой и показываетъ невидимыя вещи. Демонъ Сидрагазумъ имѣетъ власть заставлять плясать нагихъ женщинъ.

— Хотѣлъ бы я быть Сидрагазумомъ! сказалъ Жанъ.

На другомъ концѣ бродяги вооружались.

— Бѣдная Эсмеральда! говорилъ цыганъ. — Она наша сестра. Надо спасти ее оттуда.

— Еще тамъ ли она? сказалъ человѣкъ съ жидовской миной.

— Разумѣется тамъ.

— Ну, такъ въ соборъ! тѣмъ болѣе, что тамъ есть двѣ золотыя статуи на серебряныхъ подставкахъ. Славныя вещи! я самъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и знаю имъ цѣну!

Тутъ Жану подали ужинъ.

— Слушайте, кричалъ онъ: — у меня есть родной братъ архидиаконъ. Поступивъ въ бродяги, я отказался отъ половины дома, построеннаго въ царствѣ небесномъ, *Dimidium domum in Paradiso*. Это я привожу текстъ. У меня есть помѣстье и всѣ женщины отъ меня безъ ума, честное слово! клянусь вамъ, братцы:

*Que je ne beuvrai de piment
Devant un an, si je cy ment!*

— Посмотри, моя прелесть, какъ вѣтеръ разноситъ облака вокругъ луны; такъ и я разорву всѣ твои покровы. Эй женщины! утрите носы ребятамъ и свѣчкамъ! Черти! что такое я ѣмъ? Эй, хозяйка! зачѣмъ ты приправляешь яичницу волосами своихъ дѣвокъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ. Хороша чортова гостиница, гдѣ дѣвки чешутся вилками! говоря это, онъ бросилъ на полъ тарелку и запылъ во все горло:

*Et je n'ai, moi,
Par la sang-Dieu!
Ni foi, ni loi,
Ni feu, ni lieu,
Ni roi,
Ni Dieu!*

Между тѣмъ Трульйоу кончилъ раздачу оружія. Онъ подошолъ къ Гренгуару, повидимому погружонному въ глубокую думу.

— Дружище! о чемъ это ты задумался?

Гренгуаръ обернулся съ меланхолической улыбкой:

— Я люблю огонь, почтеннѣйшій господинъ. Но не по той тривіальной причинѣ, что онъ отогрѣваетъ намъ ноги или варить нашу пищу, а потомучто въ немъ есть искры. Иногда я по цѣлымъ часамъ смотрю на искры. Я открываю тысячу вещей въ этихъ звѣздахъ, украшающихъ темный фонъ очага. Эти звѣзды такіе-же міры.

— Провалъ тебя возьми! ничего я не понялъ. А знаешь-ли который теиерь часъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Гренгуаръ.

Клопенъ подошолъ къ герцогу Египта.

— Другъ Матіасъ, нехорошо мы выбрали время. Говорятъ Людовикъ XI въ Парижѣ.

— Тѣмъ нужнѣе вырвать изъ его когтей нашу сестру, отвѣчалъ старый цыганъ.

— Ты говоришь, какъ мужчина, Матіасъ; кому-же, мы живо обрабатываемъ дѣло. Обороны ожидать нечего, монахи вѣдь зайцы, а насъ таки много. Какой носъ будетъ завтра парламентскимъ, когда они придуть за нею! чортъ побори! не доущу я повѣсить эту красавицу!

Клопенъ вышелъ изъ кабака. Въ это время Жанъ голосилъ:

— Я сытъ, я пьянъ, я самъ Юпитеръ! Гренгуаръ тоже очнулся и озирался вокругъ, приговаривая: *Luxuriosa res vinum et tumultuosa ebrietas*. Какъ хорошо, что я не пью и какъ справедливо говорить св. Бенедиктъ: *Vinum apostatare facit etiam sapientes*.

Въ это время Клопенъ возвратился и крикнулъ громовымъ голосомъ: Полночь! При этомъ сигналѣ, мужчины, женщины, дѣти бросились изъ таверны, при звукѣ оружія. Луна скрылась. Дворъ-чудесь былъ совершенно темень. Не было ни одного огонька. По немъ двигалась во мракѣ толпа мужчинъ и женщинъ, шопотомъ говорящихъ между собою. Въ потьмахъ слышался гулъ и повременамъ блистало оружіе Клопенъ взобрался на камень.

— По рядамъ, скомандовалъ онъ.

Произошло движеніе. Образовалась колона. Черезъ нѣсколько минутъ снова послышалась команда: Идти по улицамъ молча! Пароль: *Petite Flambe en baguepaud!* Факела зажигать только передъ

соборомъ! маршъ. Десять минутъ спустя, стража разбѣжалась, испуганная длинной процесіей молчаливыхъ черныхъ людей.

IV

НЕЛОВКАЯ УСЛУГА

Въ эту самую ночь, Квазимодо не спалъ. Онъ только что слѣдаль свой послѣдній обходъ по церкви и не замѣтилъ, что архидіаконъ слѣдитъ за нимъ и даже выразилъ неудовольствіе, когда крѣпкій запоръ легъ на массивныя двери. Клодь казался озабоченнымъ больше обыкновеннаго. Впрочемъ, съ послѣдняго ночного похождения, онъ началъ притѣснять Квазимодо, но ни дурное обращеніе, ни даже побои не могли вывести горбуна изъ обычной покорности или заставить произнести жалобу. Только взоръ его съ безпокойствомъ слѣдилъ за Клодомъ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ на башню. Впрочемъ, архидіаконъ и самъ не рѣшался показаться на глаза цыганкѣ.

Итакъ въ эту ночь Квазимодо не спалъ. Постѣтивъ свои давно забытые колокола, онъ взобрался на самую вершину башни, поставилъ на паранетъ свой потайной фонарь и сталъ смотрѣть на Парижъ.

Ночь была очень темна. Парижъ, который почти вовсе не освѣщали въ то время, представлялся какой-то темноватой массой, прорѣзываемой мѣстами бѣлой полосой Сены. Квазимодо видѣлъ только одинъ огонекъ въ отдаленномъ строеніи, мрачный профиль котораго вырѣзывался у воротъ св. Антонія. Тамъ тоже кому-то не спалось.

Безсознательно углубляясь взоромъ въ темноту, звонарь чувствовалъ на душѣ какое-то странное безпокойство. Уже нѣсколько дней онъ былъ на сторожѣ. Онъ видѣлъ, что вокругъ церкви ходятъ мрачныя личности и пристально глядятъ на мѣсто убѣжища Эсмеральды. Онъ разсудилъ, что противъ нея что-нибудь замышляютъ, что надъ нею, какъ и надъ нимъ, тяготѣетъ народная ненависть и что это можетъ кончиться дурно. Съ этими мыслями стоялъ онъ, какъ сторожевая собака, озираясь то на Парижъ, то на келейку.

Вдругъ, глазъ его, одаренный особенной зоркостію, какъ бы въ замѣнъ всѣхъ остальныхъ недостающихъ органовъ, замѣтилъ, что

одна сторона набережной какъ—то темнѣе и линія ея идетъ неровно, а колыхается, какъ вода или множество людскихъ головъ.

Это показалось ему страннымъ. Онъ удвоилъ вниманіе. Движеніе шло по направленію къ старому городу, впрочемъ тьма была совершенная. Черезъ нѣсколько минутъ, набережная очистилась и перестала колыхаться.

Пока Квазимодо терялся въ предположеніяхъ, движеніе стало обозначаться уже въ началѣ площади, параллельно фасаду. Наконецъ онъ различалъ толпу, рассыпавшуюся по площади.

Зрѣлище это не лишено было ужаснаго. Какъ бы тихо ни двигалась таинственная процесія, вблизи долженъ былъ слышаться хотя шелестъ шаговъ, который не могъ долетѣть до горбуна, и эта масса, двигающаяся на такомъ близкомъ отъ него разстояніи, казалась ему сборищемъ привидѣній, тѣмъ—то неуловимымъ, призрачнымъ. Ему казалось, что вотъ его охватить туманъ, населенный толпою существъ необъяснимыхъ.

Скоро припомнились ему и опасенія насчетъ цыганки. Онъ чувствовалъ, что готовится что—то рѣшительное, что минута критическая и сталъ держать совѣтъ съ самимъ собою. Нужно ли разбудить Эмеральду? Выпустить ее? откуда? улица занята, церковь примыкаетъ къ рѣкѣ. Нѣтъ ни лодки, ни выхода! Оставалось одно лишь средство: дать убить себя на порогѣ церкви, сопротивляться хоть до тѣхъ поръ, пока явится помощь, если она можетъ явиться, и не беспокоить пока дѣвушки. Бѣдвяжка успѣетъ еще проснуться для того, чтобы умереть. Логика эта сдѣлала бы честь и не такому большому уму. Обдумавъ все такимъ образомъ, Квазимодо уже спокойно началъ слѣдить за *неприятелемъ*.

Толпа казалось все прибывала. Вѣроятно, тишина была совершенная, потому что окна сосѣднихъ домовъ не растворялись. Вдругъ блеснулъ свѣтъ и, въ одно мгновеніе, зажглось семь или восемь факеловъ и поднялось надъ головами. Квазимодо съ ужасомъ увидѣлъ огромное число мужчинъ и женщинъ въ лохмотьяхъ, вооруженныхъ ножами, серпами, косами. Мѣстами, незажжонные факелы надъ головами имѣли видъ роговъ. Ему смутно припомнилась толпа, провозгласившая его папой шутовъ. Человѣкъ, державшій факель въ одной рукѣ, а булаву въ другой, взобрался на столбъ и казалось сталъ держать рѣчь. Странная армія обступила церковь. Квазимодо взялъ фонарь и спустился на вторую площадку, чтобы видѣть поближе и принять мѣры къ оборонѣ.

Клопень Трульфоу на самомъ дѣлѣ поставилъ свою армію въ боевую позицію передъ главнымъ порталомъ. Какъ опытный генералъ, онъ, даже не ожидая обороны, хотѣлъ имѣть порядокъ въ войскахъ, чтобы не попасться въ распахъ въ случаѣ нападенія стражи или патруля.

Впереди были Клопень, герцогъ Египта и школьникъ Жанъ Фролло. Потомъ слѣдовали кто похрабрѣе.

Въ средніе вѣка экспедиціи такого рода бывали нерѣдки. То что мы называемъ теперь полиціей тогда еще не существовало. Въ многочисленныхъ городахъ, въ особенности въ столицахъ, не было правильной, централизованной власти. Феодалная власть странно устроила свои большія общины. Городъ былъ сборищемъ тысячи владѣній, раздѣлявшихъ его на участки различныхъ величинъ и размѣровъ. Отсюда разнохарактерная полиція, противорѣчащая одна другой. Въ Парижѣ на примѣръ, независимо отъ ста сорокъ одного владѣльца, имѣющихъ право на подать, было еще двадцать пять претендентовъ на подать и расправу, — начиная съ парижскаго епископа, которому принадлежали сто пять улицъ, до пріора въ *Notre Dame des Champs*, владѣвшаго четырьмя улицами. Всѣ эти феодалные властелины только номинально признавали сюзеренную власть короля. Всѣ пользовались пошлиной за дорогу. Всѣ брали въ собственныхъ владѣніяхъ. Людовикъ XI, этотъ неутомимый работникъ, начавшій разрушеніе феодалнаго зданія, продолжаемое Людовикомъ XIV и Ришелье въ пользу королевской власти и оконченное Мирабо въ пользу народа, — Людовикъ XI попробовалъ было разорвать эту сѣть частныхъ владѣній въ Парижѣ введеніемъ общихъ полицейскихъ мѣръ. Такъ въ 1465 г. былъ изданъ приказъ ставить свѣчи на окна съ наступленіемъ темноты и держать на привязи собакъ; въ томъ же году, велѣно было запираеть на ночь улицы желѣзными цѣпями и строго запрещалось выходить изъ дому съ оружіемъ. Но скоро всѣ эти распоряженія рушились. Граждане не заботились о томъ, что вѣтеръ задуваетъ свѣчи на окнахъ и собаки подвергаются петлѣ; желѣзныя цѣпи протягивались только во время осады, а запрещеніе носить оружіе повело только къ переименованію улицы *Coupe-Gueule* въ улицу *Coupe-Gorge*, очевидный шагъ къ прогрессу. Старое феодалное зданіе стояло крѣпко; осталось попрежнему множество округовъ и владѣній, пересѣкающихъ и мѣшающихъ другъ другу; осталось огромное, но бесполезное количество разнохарактерной стражи, сквозь которую свободно пробирался разбой, грабежъ и убійство.

Нападенія на дворець или частный отель, вродѣ того, о которомъ мы говоримъ, вовсе не были удивительной вещью даже въ самой населенной части города. Да и сосѣди начинали вмѣшиваться въ дѣло тогда только, когда очередь доходила до нихъ самихъ. Они запирали ставнями окна, заставляли двери и давали дѣлу идти своимъ порядкомъ, съ помощью или безъ помощи стражи. А на другой день говорилось: вчера у Этьенъ Барбье выломали двери; или, вчера обокрали маршала клермонскаго! Потому-то не только королевскія жилища: Лувръ, дворець, Бастилія, турнельскій замокъ, но и дома частныхъ владѣльцевъ, *Petit Bourbon, Hôtel de Sens, d'Angoulême* имѣли зубчатая стѣны и крѣпкіе запоры у дверей. Церкви охранялись своею святостью. Нѣкоторыя были однакожъ укрѣплены, но *Notre Dame* не принадлежала къ ихъ числу. Въ *Saint Germain des Prés* были стѣны какъ у баронскаго замка, а мѣди на укрѣпленіе употреблено больше чѣмъ на колокола. Въ 1610 году стояла еще крѣпость, а теперь едва существуетъ и самая церковь. Возвратимся къ собору.

Когда кончились первыя приготовленія (а надо сказать къ чести бродяжнической дисциплины, что приказанія Трульфу были исполнены въ тишинѣ и со всевозможной точностью), достойный начальникъ влѣзъ на парапетъ паперти и возвысилъ свой рѣзкій голосъ, указывая на соборъ и потрясая своимъ факеломъ, огонь котораго, задуваемый вѣтромъ, только повременамъ освѣщалъ краснымъ пламенемъ церковь.

— Я, Клопенъ Трульфу, князь бродягъ, епископъ шутовъ говорю тебѣ Луи-де-Бомонъ, епископъ парижскій, совѣтникъ парламента: наша сестра, напрасно осужденная за колдовство, укрылась въ твоей церкви. Ты обязанъ хранить и защищать ее. Между тѣмъ, парламентъ хочетъ взять ее и ты соглашаешься, такъ что, не будь воли божіей и вмѣшательства бродягъ, ее повѣсили бы завтра на гревской площади. Итакъ мы пришли къ тебѣ, епископъ! Если твоя церковь священна, то и убѣжище сестры нашей должно быть также священно, иначе нарушается святость церкви. Предлагаемъ тебѣ выдать намъ дѣвушку, если хочешь спасти свою церковь, или мы возьмемъ ее сами и все разграбимъ. Въ подтвержденіе словъ моихъ укрѣпляю здѣсь мое знамя и да хранить тебя Богъ, епископъ Парижа!

Къ несчастью, Квзимодо не могъ слышать этихъ словъ, произнесенныхъ съ какимъ-то дикимъ и мрачнымъ величіемъ. Одинъ

изъ бродягъ подалъ знамя и Клопенъ торжественно водрузилъ его между двумя камнями. Это была вила, на зубахъ которой былъ воткнуть кусокъ кроваваго мяса.

Окончивъ это, король бросилъ взглядъ на свою армію, дикую толпу, глаза которой свѣтились почти также какъ пики. Послѣ минутнаго молчанія, онъ крикнулъ: — Впередъ! слесарей! Тридцать человѣкъ съ крѣпкими мускулами, съ видомъ слесарей, вышли изъ рядовъ съ молотками, клещами и желѣзными прутьями на плечахъ. Они направились къ главной церковной двери и принялись за работу. Толпа бродягъ послѣдовала за ними съ намѣреніемъ помогать или просто смотрѣть на работу. Всѣ одинадцать ступеней портала были заняты народомъ. Однакожъ, дверь не подавалась. — Какая здоровая, чортъ бы ее побралъ! говорилъ одинъ. — Она стара и хрящи у ней одеревенѣли, говорилъ другой. — Смѣлѣй, ребята! ободрялъ Клопенъ. Готовъ прозакладывать голову, что вы отпрете дверь, уведете дѣвушку и оберете алтарь прежде нежели прощется первый звонарь. Смотрите! кажется замокъ подался!

Клопена прервалъ страшный шумъ позади. Онъ обернулся. Огромное бревно упало сверху; оно придавило съ дюжину бродягъ къ ступени и скатилось на площадь съ громомъ пушечнаго выстрѣла, попадая на ноги несчастнымъ, пятившимся съ крикомъ ужаса. Въ одинъ мигъ площадка передъ порталомъ опустѣла. Слесаря, хотя защищенные отъ удара навѣсомъ, оставили работу и самъ Клопенъ отошелъ на почтительное разстояніе отъ церкви.

— Ну ужъ, сдобровалъ же я! кричалъ Жанъ, а мимо меня такъ и проскользнула! За то Пьера приплюснуло!

Трудно выразить какое удивленіе и ужасъ упали на толпу съ этимъ бревномъ. Разбойники стояли нѣсколько минутъ, устремивъ глаза къверху, напуганные этимъ кускомъ дерева болѣе нежели двадцатью тысячами королевскихъ стрѣлковъ.

— Сатана! проворчалъ герцогъ Египта, это пахнетъ магіей!

— Это луна бросила въ насъ бревно! сказалъ рыжій Андри.

— Говорятъ, что Богородица любитъ луну, прибавилъ Шантепрюнь.

— Тысяча папъ! вскричалъ Клопенъ, всѣ вы ослы! Однако, онъ не могъ объяснить страннаго явленія.

На фасадѣ, до вершины котораго не могъ достигнуть свѣтъ, ничего не было видно. Тяжолое бревно лежало посреди площадки и слышны были стоны несчастныхъ, которыхъ оно расплюснуло на

каменныхъ ступенекъ. Когда прошелъ первый столбикъ, король придумалъ довольно вѣроятное объясненіе: не монахи ли это защищаются, канальство! И такъ, на приступъ! на приступъ!

— На приступъ! съ ревомъ повторила толпа, и груды стрѣлъ полетѣли на фасадъ церкви.

При этомъ проснулись смиренные обитатели сосѣднихъ домовъ; нѣсколько оконъ открылось и головы въ колпакахъ, со свѣчами въ рукъ высунулись на площадь.

— Стрѣляйте въ окна! командовалъ Клопенъ.

Окошки мгновенно закрылись и бѣдные граждане, не успѣвшіе еще ничего разсмотрѣть въ этой странной сценѣ, дрожа укладывались подлѣ своихъ сожительницъ, мысленно задавая себѣ вопросъ: не правдуется ли теперь шабашъ на соборной площади или не напади ли бургонцы, какъ въ шестьдесятъ-четвертомъ году. И мужьямъ стало мерещиться грабежъ, женамъ насиліе и всѣ дрожали.

— На приступъ! повторяли мошенники, однако не смѣли подойти близко. Они смотрѣли то на бревно, то на церковь. Бревно не шевельлось, зданіе сохраняло свой спокойный и пустынный видъ, но что-то леденило бродягъ ужасомъ.

— Ну же, за дѣло, слесаря! крикнулъ Клопенъ. Вотъ мужчины! испугались полѣна!

Однако никто не двигался.

Одинъ старикъ заговорилъ: — Капитанъ! Мы не бревна боимся. Дверь заперта изнутри желѣзными засовами. Клещами тутъ ничего не сдѣлаешь.

— Что же вамъ нужно, чтобъ выломать дверь?

— Нуженъ таранъ.

Король храбро подбѣжалъ къ бревну и ступилъ на него ногою.

— Вотъ, сами монахи его вамъ прислали! вскричалъ онъ. — Благодарствуйте! сказалъ онъ, насмѣшливо кланаясь по направленію церкви.

Эта выходка произвела хорошее дѣйствіе: чары бревна были разрушены. Бродяги ободрились. Скоро тяжелое бревно, поднятое какъ перышко двумястами рукъ, неистово ударилось въ дверь. Видя при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ это длинное бревно, которымъ двѣсти человѣкъ съ разбѣга ударяютъ въ дверь, можно бы было подумать, что это огромное, тысяченогое животное, ударяющее головою въ каменнаго гиганта.

При нервномъ ударѣ полуметаллическая дверь загудѣла какъ чу-

довидный барабанъ, но не треснула; весь соборъ дрогнулъ и глухой гулъ послышался во внутренности храма. Въ ту же минуту цѣлый градъ камней посыпался на осаждавшихъ.

— Черти! вскричалъ Жанъ: — ужь не башни ли сыплютъ на насъ свои зубцы?

Но дѣло уже пошло въ ходъ. Король не переставалъ подавать примѣръ. Рѣшено было, что епископъ защищается и удары въ дверь сдѣлались чаще, несмотря на раздробляемые черепа направо и налево. Замѣчательно, что камни падали по одному, но съ удивительной быстротою слѣдовали другъ за другомъ. Мошенники всегда чувствовали, какъ одинъ падаетъ въ ноги, а другой на голову. Рѣдкій не попадалъ въ цѣль и уже множество мертвыхъ и раненыхъ лежало подъ ногами у осаждавшихъ, но раздраженная толпа ежеминутно увеличивалась новыми охотниками. Бревно все ударило въ дверь, какъ языкъ колокола; камни сыпались, дверь гудѣла.

Читатель разумѣется угадалъ, что неожиданная защита была дѣломъ Квазимодо. На бѣду случай помогъ бѣдному глухарю. Когда онъ спустился на вторую площадку, мысли его были въ ужасномъ безпорядкѣ. Онъ нѣсколько времени метался во все стороны, видя толпу, готовую напасть на церковь и умоляя небо и адъ спасти цыганку. Ему пришла было мысль ударить въ набатъ, но пока онъ раскачаетъ языкъ, пока громкій голосъ Марьи возвѣститъ объ опасности, дверь можетъ быть десять разъ выломана. Именно въ эту минуту слесаря приближались. Что дѣлать?

Вдругъ онъ придумалъ, что каменщики цѣлый день чинили стѣну восточной башни. Это было для него лучшемъ свѣта. Стѣна была каменная, крыша двинцовая, дѣса деревянные (эти дѣса были такъ плотны, что ихъ называли дѣсомъ). Квазимодо побѣжалъ къ башнѣ. Нижнія комнаты были полны матерьяла. Тамъ были кучи песчаника, свинцовые листы, планки, уже распиленные бревна, бѣдна мусору. Цѣлый арсеналъ.

Минута была дорога. Коля и молотки работали внизу. Съ силой, удесятеренной опасностью, онъ поднималъ бревно самое тяжелое, самое длинное, выдвинулъ его въ слуховое окно, потомъ вытянулъ съ противоположной стороны и спустилъ по углу балюстрады, окружающей площадку. Огромное бревно, въ своемъ паденіи съ ста-шестидесяти футовой высоты, царапало стѣны, дѣлало скульптурныя украшенія, нѣсколько разъ перевернулось на подо-

Оно медлительнаго крыла и наконецъ достигло земли. Раздался ужасный крикъ в черное бревно, катившееся по землѣ, напоминая прыгающую змѣю.

Квазимодо видѣлъ, какъ разлетѣлись бродяги при паденіи бревна, подобно кучкѣ пепла отъ дыханія дитяти. Онъ воспользовался ихъ страхомъ и пока они съ суевѣрнымъ ужасомъ поглядывали на бревно, упавшее съ неба и стрѣляли въ статуи портала, молча смладывалъ кучи щебня, камней, даже мѣшки рабочихъ съ инструментами на край балюстрады, соединяющей съ главной дверью, такъ что когда бродяги принялись опять ударять въ нее, цѣлый градъ камней посыпался имъ въ головы, какъ-будто сама церковь разрушалась.

Тотъ, кто увидѣлъ бы Квазимодо въ эту минуту, навѣрное призналъ бы въ ужасѣ. Кромѣ матерьяловъ, собранныхъ на балюстрадѣ, передъ нимъ была еще куча камней. Когда истощился первый запасъ, онъ приваля за второй, нагибался и выпрямлялся съ невѣроятной быстротою; огромные камни сипались безъ промежутка. Отъ времени до времени онъ слѣдилъ взоромъ за ихъ полетомъ и когда камень убивалъ на мѣстѣ, онъ произносилъ: Ги!

Бродяги тоже не унывали. Уже разъ двадцать тяжолая дверь вздрогнула подъ ударами дубоваго тарана, поднимаемаго сотнею рукъ. Карнизы трещали, рѣзба разлеталась во все стороны; винты вспрыгивали въ своихъ пробояхъ, доски начинали расходиться, щепы такъ и сыпались. Несмотря на свою глухоту, Квазимодо чувствовалъ каждый ударъ тарана. Онъ видѣлъ какъ бродяги съ злобнымъ торжествомъ показывали кулаки темному фасаду; онъ за себя и за Эмеральду завидовалъ совамъ, которыя стаями пролетали надъ его головою. Всѣхъ его камней недостаточно было, чтобъ отравить нападавшихъ.

Въ эту отчаянную минуту онъ увидѣлъ немного ниже балюстрады два жолоба, приходившіеся прямо надъ главной дверью. Отверстія ихъ касались площадки, на которой онъ стоялъ. Ему пришла еще мысль; онъ принесъ вязанку хвороста изъ своей камеры, положилъ на него нѣсколько охапокъ деревянныхъ реекъ и кусковъ олова, — матерьялы, неупотребленные еще въ дѣло, — и установилъ эту костеръ передъ отверстіемъ жолобовъ, зажогъ его.

Такъ какъ камни уже не сыпались, бродяги перестали смотрѣть наверхъ, но толпились все передъ дверью, задыхаясь, какъ свора собакъ, востанная кабанъ. Дверь подавалась. Они лихорадочно

ждали окончательнаго удара. Каждый старался стать ближе, чтобы первому ворваться въ этотъ богатый соборъ, ослэдочное мѣсто окробищъ трехъ вѣковъ. Они съ дикими криками восторга напоминали другъ другу о прекрасныхъ серебряныхъ крестахъ, парчевыхъ мантіяхъ, позолоченыхъ гробницахъ, о великопѣніи на праздникахъ рождества и пасхи, обо всѣхъ мощахъ, подовѣчникахъ, дароносицахъ, дарохранильницахъ и алтаряхъ, блестящихъ золотомъ и брилліантами. Разумѣется всѣ эти славные и разслабленные начальники разныхъ воровскихъ шаекъ гораздо меньше думали въ эту минуту объ Эсмемалдѣ, чѣмъ о своей собственной пожизнѣ. Можно даже сказать, что для большей части изъ нихъ Эсмемалда служила только предлогомъ, если ужъ и ворами нужны предлоги.

Вдругъ въ ту минуту, какъ они всѣ столпились, чтобы нанести общими силами послѣдній, рѣшительный ударъ, замыхался, напрягая всѣ мускулы, раздался вой еще страшнѣе того, который послѣдовалъ за паденіемъ бревна. Тѣ, которые не кричали и были еще живы, подняли головы. Два потока растопленнаго олова лились сверху на самый центръ толпы. Цѣлая масса людей увичтожилась подъ этимъ металлическимъ дождемъ, образовавшимъ въ толпѣ два черныя, дымящіяся отверстія, какъ въ сѣтву, когда на него выдѣютъ кипяткомъ. Умирающіе, почти залитые оловомъ, страшно стояли. Капли ужаснаго дождя разлетались и по другимъ направленіямъ, и впились въ головы, какъ огненные гвозди. Несчастные подвергались какому-то придавливающему огненному дождю.

Раздался страшный крикъ. Всѣ и храбрые и трусливые разбѣжались, бросивъ бревно на тѣла умирающихъ, и площадь во второй разъ опустѣла.

Всѣ глаза устремились на вершину зданія. Зрѣлище было необыкновенное. На самомъ возвышенномъ пунктѣ галереи, выше центральной розетки горѣлъ сильный огонь; клубы некръ съ страшной силой поднимались между двумя колокольнями; вѣтеръ по временамъ относилъ всторону пламя. Подъ этимъ пламенемъ, подъ темной балюстрадой съ огненными отверстиями, два жолоба въ формѣ головъ чудовищъ извергали изъ своей пасти огненный дождь, серебрястая полоса котораго обозначалась на темномъ фасадѣ. По мѣрѣ приближенія къ землѣ, огненные фонтаны расширялись снопомъ, какъ вода, вытекающая изъ отверстія лѣйки. Надъ пламенемъ двѣ огромныя башни, изъ которыхъ рѣзко видѣлись двѣ стороны — одна черная, другая красная. Башни казались еще выше

отъ громадной тѣни, возмощившейся почти къ самому небу. Скульптурныя изображенія дьяволовъ и драконовъ принимали ужасный видъ. Дрожаніе огненного столба сообщало имъ движеніе. Кажется, что чудовища хлещутъ, лапть, саламандры раздуваютъ огонь, жабы чихаютъ отъ дыма. И между всеми этими чудовищами, пробужденными отъ каменнаго сна, видно было страшилище, проходившее отъ времени до времени мимо огня, какъ летучая мышь мимо свѣчи.

Такой странный маякъ конечно могъ обратить вниманіе даже дровосѣзовъ на холмахъ Бисетра, когда они замѣтили бы движущіяся громады тѣни. Наступила тишина, прерываемая по временамъ криками монаховъ, перепуганныхъ немѣне лошадей, закрытыхъ въ кошуши въ время пожара, хлопаньемъ оконъ, которыя тотчасъ же снова запирались, шумомъ во внутренности домовъ и въ Hôtel-Dieu, трескомъ пламени, послѣдними стонами умирающихъ и журчаньемъ растопленнаго олова, стекающаго на мостовую.

Между тѣмъ предводители бродягъ собрались у дома Гонделорье и держали совѣтъ. Герцогъ Египта сидѣлъ на столбѣ и съ суевѣрнымъ страхомъ разсматривалъ фантазмогорическій костеръ. Клопенъ Трульфу съ яростью кусалъ свои огромные кулаки.

— Невозможно войти! ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Волшебная церковь! ворчалъ старый цыганъ Матиусъ Гунчадя-Спикали.

— Клянусь усами папы! говорилъ старый острякъ, бывшій въ военной службѣ: — эти жолоба исправнѣ плюются оловомъ, чѣмъ орудія Лектура.

— Видите вы этого дьявола, что вертится передъ огнемъ? вскричалъ герцогъ Египта.

— Да это проклятый звонарь, Квазимодо! вскричалъ Клопенъ.

Цыганъ покачалъ головой.

— Говорю вамъ, что это духъ Сабнака, большого маркиза, демона укрѣпленій. Онъ имѣетъ видъ вооруженнаго солдата съ львиной головой. Иногда онъ показывается на безобразной лошади. Онъ обращаетъ людей въ камни и строитъ изъ нихъ башни. Онъ командуетъ пятьюдесятью легіонами. Это онъ, я узнаю его. Иногда онъ бываетъ одѣтъ въ золотое платье по турецкой модѣ.

— Гдѣ Бельвинъ Летуаль? спросилъ Клопенъ.

— Умеръ! отвѣчала женщина.

Рыжий Андри амтадеа глупымъ сѣшкомъ.

— Notre Dame посылаетъ таки крапнику въ Hôtel Dieu сегодня! говоритъ онъ.

— Неужели нельзя выломать этой двери! воскричалъ король, топнувъ ногою.

Герцогъ Египта печально указалъ ему на два ручья сѣнницу, неперебивавшихъ пестрить черный фасадъ фосфорными полосами.

— Не первая церковь защищаетъ сама себя, это и прежде бывало! сказалъ онъ вздыхая. — Святая Софья въ Константинополь, назадъ тому сорокъ лѣтъ, три раза сбросила луну Магомета, потрясши своими куполами, — это вѣдь ея головы. Эту церковь строилъ Вильгельмъ парижскій, а вѣдь онъ былъ колдунъ.

— Неужели уйти съ пустыми руками, какъ какихъ-нибудь карманнымъ воришкамъ! жалобно говорилъ Клопенъ: — оставить нашу сестру этимъ волкамъ въ мантияхъ, чтобы они завтра же ее повѣсили!

— А золота-то сколько въ ризницахъ! прибавилъ бродяга, котораго имени мы къ сожалѣнью не знаемъ.

— Чортъ! крикнулъ Клопенъ.

— Попробовать бы еще разъ! сказалъ тотъ же голосъ.

Матіасъ Гунчади покачалъ головой.

— Въ дверь намъ никакъ не войти. Надо поискать щелочку въ доспѣхахъ старой волшебницы. Отверстіе, трещину, что-нибудь.

— Кто за мною? спросилъ Клопенъ. — Я опять туда. Кстати, гдѣ-то нашъ школьникъ, что такъ вооружился давеча?

— Вѣроятно убитъ. Давно уже не слышать его хохота.

Король нахмурилъ брови.

— Тѣмъ хуже! у него было храброе сердце.

— А что Пьеръ Гремгуаръ?

— Капитанъ! сказалъ рыжий Андри: — онъ умицулъ, когда мы были еще только на мосту Ошанжъ.

Клопенъ топнулъ ногою.

— Дьяволъ его поберетъ! онъ завелъ насъ сюда и оставляетъ въ самое нужное время. Пустой болтунъ, несостоящій подешвы!

— Капитанъ, вонъ нашъ школьникъ!

— Хвала Плутону! сказалъ Клопенъ: — что это онъ волочетъ за собою?

Жанъ въ самомъ дѣлѣ старался идти настолько скоро, насколько

это позволяли ему тяжолые деспѣхи и длинная лѣстница, которую онъ храбро тащилъ въ соборъ, выбиваясь изъ силъ, какъ муравей, несущій травку въ десять разъ длиннѣе себя.

— Побѣда! кричалъ школьникъ: — вотъ лѣстница выгрузчи-
ковъ товара на пристани Сен-Ландри.

Клопенъ подошелъ къ нему.

— Дитя! какого чорта будешь ты дѣлать съ этой лѣстницей?

— Вотъ она! кричалъ Жанъ, едва переводя духъ: — Я зналъ гдѣ взять ее. Подъ навѣсомъ у дома лейтенанта. Тамъ я знакомъ съ одной дѣвушкой, которая говоритъ, что я купидонъ. Вотъ я по милости ея и досталъ лѣстницу, чортъ меня побери! Бѣдняжка встрѣтила меня въ одной рубашкѣ!

— Хорошо, но на что тебѣ лѣстница? спросилъ Клопенъ.

Жанъ плутовски посмотрѣлъ на него и прищелкнулъ пальцами. Онъ былъ хорошъ въ эту минуту. На немъ была одна изъ тѣхъ средневѣковыхъ касокъ, которыя пугали непріятеля своими химерическими верхушками. На его каскѣ было десять желѣзныхъ ключевовъ, такъ что онъ могъ бы поспорить съ гомерическимъ судномъ Нестора за страшный греческій эпитетъ: *δεξιμεθιλος*.

— На что она мнѣ, августѣйшій монархъ? Видите вы этотъ рядъ статуй тамъ, надъ тремя порталами?

— Да! Ну чтоже?

— Это галерея французскихъ королей.

— Что мнѣ до нея за дѣло?

— Постойте же! Въ концѣ этой галереи есть дверь, которая запирается только одной задвижкой; я дойду до нея по лѣстницѣ и буду въ церкви.

— Дитя, пусти меня впередъ!

— Нѣтъ, пріятель, лѣстница—то моя! Хочешь, такъ ползай вторымъ.

— Придуши тебя Вельзевулъ! вскричалъ грубый Клопенъ: — не хочу я идти послѣ кого-нибудь.

— Ну такъ ищи себѣ другую лѣстницу!

Жанъ пустился по площади, таща за собой лѣстницу, съ крикомъ: «за мной, ребята!»

Въ одну минуту лѣстница была приставлена къ балюстрадѣ античной галереи надъ однимъ изъ побочныхъ порталовъ. Толпа бродягъ съ криками собралась вокругъ, но Жанъ стоялъ за свое право и первый занесъ ногу на ступени. Путешествіе было не близкое.

И теперь галерея французских королей отстоит на шестьдесят футовъ отъ земли, а тогда было еще одиннадцать ступеней снизу. Жанъ всходилъ медленно: ему мѣшало тяжелое оружіе; одной рукой онъ держался за лѣстницу, а въ другой несъ свой лукъ. Дойдя до середины, онъ бросилъ взглядъ сожалѣнія на мертвыхъ бѣдлаковъ, которыми была усыяна паперть.

— Увы! сказалъ онъ: — эта куча труповъ заслуживаетъ мѣсто въ пятой пѣсни Илиады! и пошелъ далѣе.

Бродяги слѣдовали за нимъ. На каждой ступени было по человѣку. Издали этихъ людей съ оружіемъ за спиною, ползущихъ кверху, можно было принять за змѣю съ стальной чешуею, бросающуюся на церковь. Жанъ своимъ пошвыстываньемъ дополнял иллюзію. Наконецъ школьникъ достигъ балюстрады галереи и вскарабкался на нее довольно ловко, ободряемый зрителями. При такомъ успѣхѣ онъ испустилъ радостный крикъ, но вдругъ остановился въ испугѣ. Онъ увидѣлъ за спиною одной изъ статуй Квазимодо, котораго глазъ металлъ искры въ темнотѣ.

Прежде чѣмъ второй осаждающій успѣлъ ступить на галерею, страшный горбунъ вспрыгнулъ, схватилъ за оба конца лѣстницу своими мощными руками, оттолкнулъ ее отъ стѣны, покачалъ нѣсколько мгновеній и съ нечеловѣческой силой отбросилъ эту массу людей на площадь. Была минута, когда самые смѣлые содрогнулись. Лѣстница, оттолкнутая назадъ, нѣсколько мгновеній стояла прямо и какъ бы колебалась, потомъ вдругъ, описавъ страшную дугу, грянулась о мостовую со всѣмъ народомъ быстрѣе подъемнаго моста, у котораго оборвались цѣпи. Раздалось громовое проклятіе, потомъ все замолкло и нѣсколько несчастныхъ, изувѣченныхъ, выползло изъ груды тѣлъ. Ропотъ горя и ужаса послѣдовалъ за побѣднымъ крикомъ со стороны осаждавшихъ. Квазимодо неподвижно смотрѣлъ опершись на перила. Онъ походилъ на стараго волосатаго короля подъ окномъ.

Жанъ Фролло былъ въ критическомъ положеніи. Онъ былъ глазъ на глазъ съ страшнымъ звонаремъ, отдѣленный отъ товарищей вертикальной стѣной въ сорокъ восемь футовъ. Пока Квазимодо раскачивалъ лѣстницу, онъ толкнулся было въ дверь, но безъ успѣха. Глухарь входя заперъ ее за собою. Тогда Жанъ спрятался за какого-то короля, притаялъ дыханіе и смотрѣлъ на Квазимодо съ такимъ же растеряннымъ видомъ, какъ одинъ мужчина, шедшій на

свиданіе съ женою содержателя звѣринца и ошибкой перелѣзшій черезъ стѣну прямо въ отдѣленіе бѣлаго медвѣдя.

Въ первую минуту глухарь не обратилъ на него вниманія, но наконецъ обернулся и выпрямился. Онъ замѣтилъ убѣжище Жана. Школьникъ готовился получить страшный ударъ, но глухарь не пошевелился, только пристально глядѣлъ на него.

— Ну что ты на меня такъ печально смотришь своимъ кривымъ глазомъ?

И школьникъ втихомолку натягивалъ своей лукъ.

— Квазимодо! кричалъ онъ: — я измѣню твое прозвище: тебя впередъ будутъ дразнить слѣпымъ.

Стрѣла вылетѣла и впиалась въ лѣвую руку горбуна. На Квазимодо это произвело такое же дѣйствіе, какъ на каменную статую. Онъ вытащилъ стрѣлу и спокойно переломилъ ее объ колѣно, потомъ выронилъ тихо обломки. Сдѣлать другого выстрѣла Жану однако не удалось. Изломавши стрѣлу, Квазимодо вздохнулъ, прыгнулъ какъ пантера и бросился на школьника, кольчуга котораго приплюснулась къ стѣнѣ. Тогда произошла ужасная сцена, освѣщаемая трепетнымъ свѣтомъ факеловъ.

Квазимодо лѣвой рукой сжалъ объ руки школьника, который уже и не сопротивлялся, чувствуя свою неминуемую гибель. Правой рукой горбунъ сталъ снимать всѣ его доспѣхи, молча, съ ужающей медленностью, точно обезьяна, чистящая орѣхъ. Каждую вещь онъ презрительно бросалъ себѣ подъ ноги. Жанъ, увидѣвъ себя обезоруженнымъ, почти нагимъ въ рукахъ страшилища, не пробовалъ сопротивляться, только сталъ нагло смѣяться ему въ лицо и пѣть съ своей дѣтской безпечностью тогдашнюю народную пѣсню:

Elle est bien habillée
La ville de Cambrai.
Marafin l'a pillée.

Онъ не допѣлъ до конца. Квазимодо схватилъ его за ноги, повертѣлъ надъ пропастью, потомъ раздался стукъ чего-то костяного объ стѣну и какая-то масса зацѣпилась за архитектурный выступъ, немного не долетѣвъ до земли. Это было согнутое вдвое мертвое тѣло, съ переломленнымъ хребтомъ и пробитымъ черепомъ.

Крикъ ужаса раздавался въ толпѣ.

— Мщеніе! крикнулъ Клопенъ.

— На приступъ! заревѣла толпа.

Долго слышался вой, въ которомъ смѣшивались всѣ нарѣчія, всѣ языки, всѣ звуки. Смерть бѣднаго школьника подлила пламени въ кровь осаждающихъ. Имъ стало стыдно, что одинъ горбунъ такъ долго держитъ ихъ въ страхѣ. Нашлись лѣстницы, удвоилось число факеловъ и въ нѣсколько секундъ изумленный Квазимодо увидѣлъ со всѣхъ сторонъ ползущія фигуры. Тѣ, у которыхъ не было лѣстницъ, употребляли веревки съ узлами или карабкались по выступамъ. Не было болѣе средствъ отъратить этотъ живой приливъ страшныхъ лицъ, съ сверкающими глазами, искаженными лицами. Казалось какая-нибудь другая церковь прислала свои скульптурныя чудовища и демоновъ на осаду собора. Это былъ слой живыхъ чудищъ надъ каменными.

Площадь освѣтилась тысячью огней. Драма, происходившая до сихъ поръ въ темнотѣ, вдругъ облилась яркимъ свѣтомъ. Костеръ все еще горѣлъ на вершинѣ и бросалъ отблескъ по всему городу. Гигантскій силуэтъ башень, распространившійся далеко по крышамъ Парижа, составлялъ широкое пятно тѣни. Городъ начиналъ волноваться. Раздавался отдаленный набатъ. Бродяги кричали, ревели, ругались и лѣзли вверхъ. Квазимодо, потерявшій всякую надежду, ломалъ себѣ руки и отчаянно просилъ чуда за себя и за Эсмеральду.

V

МОДЕЛЬНЯ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

Читатель можетъ быть помнитъ, что Квазимодо, смотря на Парижъ съ колокольной еще до появленія бродягъ, замѣтилъ огонекъ въ самомъ верхнемъ окнѣ высокаго и мрачнаго зданія, у воротъ Сен-Антуанъ. Это зданіе была бастилія и свѣтъ происходилъ отъ свѣчи Людовика XI.

Король уже два дня былъ въ Парижѣ. Черезъ день ему нужно было уѣхать въ крѣпость Монтильць-ле-Туръ. Пребываніе его въ добромъ городѣ Парижѣ никогда не было продолжительно, по недостатку въ ономъ висѣлицъ, западной и шотландской стражи. Эту ночь онъ рѣшилъ провести въ бастиліи. Большая, четырехугольная комната въ Луврѣ, съ огромнымъ каминомъ, украшеннымъ двѣнад-

цатью большими звѣрями и тринадцатью пророками и съ огромной постелью ему не нравилась. Онъ терялся въ этихъ громадностяхъ. Этотъ король-буржуа лучше любилъ бастилію съ маленькой комнаткой и кушеткой. Ктому же бастилія и укрѣплена лучше.

Комнатка, которую отдѣлилъ для себя король въ государственной тюрьмѣ, была однакожь довольно велика и занимала самый верхній этажъ одной изъ среднихъ башенъ. Она была круглая, полъ устланъ былъ блестящими соломенными рогожками, деревянные балки потолка украшены были оловянными, вызолоченными медями, а промежутки выкрашены краской; стѣны были рѣзныя, устланныя розетками изъ олова бѣлаго или выкрашеннаго свѣтлозеленой краской, добытой изъ зайчей капусты и другихъ растений.

Окно было только одно, готическое, съ проволочной стѣжкой и желѣзной балюстрадой. Свѣтъ затемнялся еще цвѣтными стеклами съ гербомъ короля и королевы, изъ которыхъ каждое стоило двадцать-два су. Входная дверь была тоже одна, въ новѣйшемъ вкусѣ, съ пониженнымъ полукругомъ, изнутри обитая ковромъ, а снаружи украшенная однимъ изъ тѣхъ портиковъ изъ ирландскаго дерева съ искусной рѣзбою, которые часто можно было встрѣтить въ старыхъ домахъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. «Несмотря на то, что они безобразны и только занимаютъ мѣсто, — говоритъ Совадь, — наши старики низачто не хотятъ растаться съ ними.»

Въ этой комнатѣ не было обыкновенной тогдашней мебели, какъ-то: скамеекъ, подмостокъ, табуретовъ въ видѣ ящика или богатыхъ табуретовъ на ножкахъ въ видѣ колонъ, по четыре су за штуку. Въ ней было одно только складное кресло съ великолѣпными ручками: они были расписаны розами по красному фону, а сидѣнье обито малиновой кожей съ шелковой бахромой и множествомъ золотыхъ гвоздиковъ. Отсутствие другихъ стульевъ показывало, что только одно лицо имѣетъ право сидѣть въ этой комнатѣ. Возлѣ стула, у самаго окна, помѣщался столъ, покрытый салфеткой съ птицами. На столѣ грязная чернильница, нѣсколько листовъ пергамента, перья и рѣзной серебряный бокалъ. Немного далѣе — грѣлка, палочка и подушка изъ малиноваго бархата, съ золотыми пушкми. Наконецъ въ глубинѣ комнаты простая кровать, покрытая полосатой матеріей безъ блестящихъ и галуновъ, съ самой простой бахромой. Эту-то кровать показывали дѣсти лѣтъ спустя въ домѣ одного совѣтника, гдѣ и видѣла ее старая р-жа Пилу, извѣстная въ

Сугубъ подъ именемъ *Agicidie* или *ходячей морали*. Вотъ какова была комната, называемая модельнею Людовика XI.

Въ ту минуту, когда мы ввели въ нее читателя, она была очень темна. Въ городѣ уже около часа погасили огни, а на столѣ мерцала одна восковая свѣча, бросающая тусклый свѣтъ на пять особъ, различно сгруппировавшихся въ комнату. Первый, на котораго падалъ свѣтъ, былъ богато одѣтый господинъ въ красномъ нижнемъ платьѣ съ серебряными лампасами и въ золотомъ парчевомъ кафтани. Весь костюмъ такъ и горѣлъ. На груди вышитъ былъ гербъ: стропила, черезъ которая прыгаетъ лань; справа оливковая вѣтвь, слева рогъ лани. За поясомъ торчалъ кинжалъ съ богатой ручкой, на подобіе шлема съ графской короной. Физиономія господина была неприятная, выраженіе лица гордое, голова закинута кверху. Съ перваго взгляда, въ глаза бросалась дерзость, со втораго хитрость. Онъ стоялъ съ непокрытой головой и съ длинной бумагой въ рукахъ за стуломъ, на которомъ, некрасиво согнувшись вдвое, заложивъ нога на ногу и опершись локтемъ на столъ, сидѣла весьма незвиднo-одѣтая личность. Представьте себѣ, на великолѣпномъ креслѣ изъ кордуанской кожи, двѣ сухія ноги, обтянутыя мизернымъ чернымъ трико; торсъ, обернутый въ бумазею, обшитую мѣхомъ, до того выѣзшимъ, что виднѣлась почти одна кожа; наконецъ старую засаленную шапку изъ сквернаго чернаго сукна, съ свинцовыми украшеніями на борту и грязную ермолку, почти закрывавшую волосы. Вотъ все что было видно. Голова сидящаго наклонена была такъ низко, что лица нельзя было разсмотрѣть въ тѣни, выдавался только конецъ носа, на который падалъ лучъ свѣта, и который вѣроятно былъ очень длиненъ. По худобѣ сморщенной руки можно было предположить, что онъ старъ. Личность эта была Людовикъ XI.

Въ нѣсколькихъ шагахъ позади, тихонько разговаривали два человека въ фламандскомъ костюмѣ. Несмотря на недостатокъ свѣта, каждый изъ присутствовавшихъ на мистеріи Грейгуара, узналъ бы въ нихъ главныхъ лицъ изъ фламандскаго посольства: Вильгельма Райма, умнаго обывателя города Гента, и Жака Коппенюла, популярнаго торговца. Читатели помнятъ, что эти личности были посвящены въ секретную политику Людовика XI. Наконецъ совершенно въ тѣни, стоялъ на вытяжкѣ, какъ статуя, здоровый малый въ военномъ платьѣ, квадратное лицо котораго, съ выпученными гла-

замѣ, огромнымъ ртомъ и совершенно прямо лежащими поверхъ ушей волосами, напоминало равномъ собаку и тигра.

Всѣ иромѣ короля были съ непокрытыми головами. Придворный, стоящій за стуломъ, что-то читалъ, а король, казалось, слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Фламандцы перешоптывались.

— Клянусь богомъ, я усталъ стоять, ворчалъ Коппеноль: — развѣ здѣсь не держатъ стульевъ?

Раймъ отвѣчалъ отрицательнымъ знакомъ, сопровождаемымъ скромной улыбкой.

— Клянусь честью! повторилъ Коппеноль, съ трудомъ подавляя свой громкій голосъ: — я готовъ сѣсть на полъ, поджавши ноги, какъ въ своей мастерской.

— Не дѣлайте этого, метръ Жакъ!

— Гм, метръ Гольомъ, такъ въ этой комнатѣ всѣ отстаниваютъ себѣ ноги?

— Или стоять на колѣняхъ, сказалъ Раймъ.

Король возвысилъ голосъ и они замолчали.

— Пятьдесятъ *солей* (sol) на платье нашихъ слугъ и двѣнадцать ливровъ на плащи нашихъ клерковъ! Такъ, такъ! отсыпайте бочками золото! Съ ума вы сошли, Оливье!

Говоря это, старикъ поднялъ голову. На шеѣ его заблестѣли золотыя раковины цѣпи св. Михаила. Свѣтъ прямо падалъ на его худую и мрачную профиль. Онъ вырвалъ бумагу у Оливье.

— Вы насъ разоряете! кричалъ онъ, слѣдя по бумагѣ своими впалыми глазами. Что это! на что намъ такой штатъ! Два капелана по десяти ливровъ въ мѣсяцъ и еще прислужникъ по сту *волей*! Камердинеръ по восьмидесяти ливровъ въ годъ! Четыре повара по сту восьмидесяти ливровъ въ годъ. Оруженосецъ, стольничій, поваренокъ, ключникъ, два конюха, по десяти ливровъ въ мѣсяцъ. Разсылный, пирожникъ, два разъѣздныхъ, по шестидесяти ливровъ! А кузнецъ за сто-восемдесятъ! А контролеру пятьсотъ! Безобразіе! Жалованье моимъ людямъ разорить Францію! Эдакъ придется всю посуду въ Луврѣ перелить въ деньги! А на будущій годъ, если Богъ и Пресвятая Богородица (тутъ онъ приподнялъ шапку) продлитъ намъ вѣку, мы будемъ пить грудной чай изъ глиняной чашки!

Говоря это, онъ бросилъ взглядъ на серебряный бокалъ на столѣ, кашлянулъ и продолжалъ:

— Метръ Оливье, государи, имѣющіе королевскую и императорскую власть надъ столькими владѣніями, не должны дещуекать

раскоши въ своемъ домѣ, потому что оттуда она распространится по провинціямъ. Итакъ, помни Оливье: наши расходы увеличиваются съ каждою годомъ! Это вамъ не нравится. Какъ, прости Госюди! въ 79 году они не превышали тридцати шести тысячъ ливровъ, въ 80 году увеличились до сорока-трехъ тысячъ шести сотъ девятнадцати, — я помню всякій итогъ — въ 81 до шестидесяти шести тысячъ шестисотъ восьмидесяти; а въ нынѣшнемъ году, убей Богъ мою душу, достигнутъ до восьмидесяти тысячъ! Въ четыре года удвоились! Чудовищно!

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, потомъ продолжалъ съ новымъ жаромъ:

— Меня окружаютъ все люди жирѣющіе насчетъ моей худобы. Вы высасываете изъ меня экю изъ всѣхъ поръ!

Всѣ молчали. Это былъ гнѣвъ, которому надо было дать уходить. Онъ продолжалъ:

— Это ни дать ни взять латинское прошеніе французскаго дворянства, чтобы мы возстановили то, что они называютъ придворныя должности! Хороши должности, которыя васъ даютъ! А, госнода, вы говорите, что мы не должны быть королемъ *parifero nullo! buticulario nullo!* Мы вамъ покажемъ свою королевскую власть!

Тутъ онъ улыбнулся съ сознаниемъ своего могущества, и нѣсколько успокоившись, обратился къ фламандцамъ:

— Помяните мое слово, пріятель Конпеноль. Что за польза этимъ шамбелянамъ торчать при королѣ, какъ четыре евангелиста у большихъ часовъ въ палатѣ юстиціи, которые недавно исправилъ Филиппъ Бриль. Они позолочены, а время и безъ нихъ указала бы стрѣлка, — къ чему жъ они?

Онъ помолчалъ съ минуту и прибавилъ, качая старой головою:

— О-охъ! клянусь Богородицей, я не Филиппъ Бриль и не вызолочу заново важныхъ вассаловъ.

— Продолжай, Оливье.

Личность, которой принадлежало это имя, снова взяла изъ рукъ его тетрадь и начала читать вслухъ:

«... Адаму Тешону, за работу и вырѣзку новыхъ печатей для парижскаго превоства, такъ какъ прежнія по ветхости и древности своей немогли болѣе быть употребляемы въ дѣло, двѣнадцать ливровъ паризи.

«Гидьому Фреръ, сумму въ четыре ливра, четыре су паризи за уходъ и прокормленіе голубей въ двухъ голубятняхъ турнель»

слаго замка, въ январѣ, февралѣ и мартѣ нынешняго года и ему же семь шестериковъ овса.

«Одному кордельеру за исповѣдь преступника, четыре еу паризи.

Король слушалъ молча и кашлялъ отъ времени до времени, запивая травой изъ бокала и дѣлая при этомъ гримасу.

«Въ нынѣшнемъ году, сдѣлано было шесть окликовъ съ трубнымъ звукомъ по улицамъ Парижа, по распоряженію судей. Счетъ еще не сведенъ.

«За поиски, какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ зарытыхъ кладовъ, которыхъ однако жъ не оказалось: сорокъ пять ливровъ паризи.

— Схоронить столько эку, чтобы выкопать одно су! проворчалъ король.

«... За вставку шести рамъ съ бѣлыми стеклами, въ турнельскомъ замкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная клѣтка, тринадцать су.

«За четыре щита съ королевскимъ гербомъ, заказанные по королевскому повелѣнію ко дню травли, шесть ливровъ. За два новыхъ рукава къ старому кафтану короля, двадцать солей. За банку жиру для смазки королевскихъ сапогъ, пятнадцать денье; за новое стойло для помѣщенія черныхъ поросятъ его величества, тридцать ливровъ паризи. За нѣсколько досокъ и перегородокъ, сдѣланныхъ въ помѣщеніи львовъ, двадцать два ливра.

— Вотъ дорогіе звѣри, сказалъ Людовикъ XI. Да ничего: это королевская прихоть. Очень мнѣ нравятся большой рыжіи левы. Видѣли вы его, метръ Гильомъ? государи должны имѣть этихъ чудныхъ животныхъ. У насъ, королей, львы должны замѣнять собакъ, а тигры кошекъ. Все сильное идетъ къ вѣнчанной главѣ. Во времена язычества, когда народъ приносилъ въ жертву Юпитеру сто быковъ и сто овецъ, императоры жертвовали сто львовъ и сто орловъ. Это было дико, но прекрасно. Вкругъ французскаго трона всегда раздавалось львиное рыканье. Все-таки нужно отдать мнѣ справедливость, что я трачу меньше своихъ предшественниковъ: у меня львы, медвѣди, слоны и леопарды скромнѣе; продолжай Оливье. Мы хотѣли только высказать это нашимъ друзьямъ, фламандцамъ.

Вильгельмъ Раймъ низко поклонился, между тѣмъ какъ у Копцевода былъ такой же суровый видъ, какъ у медвѣдей, о которыхъ только что говорилъ его величество. Король не обратилъ на это вни-

маня. Онъ поминалъ губы въ бокалъ и выплюнулъ питье со словами :

— Фуй , распротивный декоктъ !

Оливье продолжалъ :

« На прокормленіе одного бездѣльника разсыльнаго , содержащагося шесть мѣсяцевъ въ живодернѣ , пока не выдетъ распоряженіе какъ съ нимъ поступить , шесть ливровъ четыре соля .

— Это что ? прервалъ король : — кормить тѣхъ , кого будутъ вѣшать ! *Pasque Dieu !* не дамъ я ни гроша на это прокормленіе , Оливье , уладьте это дѣло съ д'Естувилемъ , и чтобъ съ нынѣшняго же вечера сдѣланы были приготовленія къ браку этого негодяя съ висьлицей .

Оливье сдѣлалъ замѣтку ногтемъ подъ именемъ *бездѣльника разсыльнаго* и читалъ далѣе :

« Генріе Кузену , исполнителю приговоровъ высшаго парижскаго суда , сумму въ шестьдесятъ солей паризи , присужденную ему господиномъ прево за покушку , по приказанію вышеупомянутаго прево , большой сабли , служащей для отсѣченія головъ лицамъ , подвергнувшимся приговору суда за свои беззаконія , также и за ножны къ ней и прочія принадлежности ; также за поправку старой сабли , притупившейся отъ долговременнаго исполненія приговоровъ меси-ра Людовика Люксамбургскаго , что можно видѣть...

Король прервалъ читающаго :

— Довольно ! отъ всего сердца утверждаю эту сумму . На такіе расходы я никогда не жалю денегъ ; далѣе .

« За отдѣлку за ново большой кѣтки ..

— А ! сказалъ король , взявшись за ручки кресла : — я зналъ , что недаромъ приѣхалъ въ бастилію . Пойдите , Оливье , я хочу самъ взглянуть на кѣтку . Вы будете читать мнѣ отчетъ на мѣстѣ . Господа фламандцы , пойдемте посмотреть , — это любопытно .

Тогда онъ всталъ , облокотился на руку своего секретаря , сдѣлалъ знакъ неподвижной личности , стоявшей въ глубинѣ комнаты , чтобъ она шла впередъ , а фламандцамъ , чтобы шли сзади и двинулся .

За дверью , къ шествию присоединились вооруженные стражи и маленькіе пажи съ факелами . Нѣсколько времени шли они по темнымъ коридорамъ , пересѣкаемымъ дверьми и лѣстницами . Капитанъ бастиліи шолъ впередъ и приказывалъ отпирать двери передъ старымъ королемъ , который горбился и кашлялъ . Въ дверяхъ , всѣ

должны были наклонить головы, исключая согнутаго уже годами короля.

— Гм! ворчалъ онъ сквозь десны, потомучто зубовъ уже не было: — мы уже близки къ дверямъ гроба: для низкихъ дверей сгорбившіеся люди.

Наконецъ, пройдя послѣднюю дверь съ такими запорами, что потребовалось четверть часа, чтобъ отпереть ихъ всѣ, кортежъ вошелъ въ высокую и обширную готическую залу, въ центрѣ которой, при свѣтѣ факеловъ, видѣлся массивный предметъ въ формѣ куба, изъ камня, желѣза и дерева. Это была одна изъ тѣхъ знаменитыхъ кѣтокъ для государственныхъ преступниковъ, которыя назывались тогда *les fillettes du roi*. По бокамъ было три крошечныхъ окна, до того переплетенныхъ желѣзной рѣшоткой, что не видно было стеколъ. Дверь состояла изъ большой плоской каменной плиты, какъ въ гробницахъ, — дверь, изъ которой не выходили обратно. Въ этой гробницѣ заключался живой мертвецъ. Король медленно началъ ходить вокругъ маленькаго зданія, разсматривая его во всѣхъ подробностяхъ. Оливье слѣдовалъ за нимъ, продолжая чтеніе:

«... За отдѣлку заново большой кѣтки, изъ крупныхъ бревенъ, съ прочными рамами и лежнями, въ девять футовъ длины, восемь ширины и семь вышины, съ двойнымъ поломъ, околоченную крѣпкими желѣзными гвоздями и повѣшенную въ одной изъ комнатъ бастиліи, и въ которую посаженъ, по повелѣнію его величества короля, преступникъ, занимавшій до сегодня старую и негодную кѣтку. Употреблено на вышеупомянутую кѣтку девяносто-шесть бревенъ поперечныхъ и пятьдесятъ-два долевыхъ, десять лежней длиною въ три сажени и девятнадцать работниковъ въ продолженіи двадцати дней.

— Довольно хорошій дубъ, сказалъ король, постукивая кулакомъ объ стѣнки.

«... Пошло на упомянутую кѣтку двѣсти-двадцать большихъ желѣзныхъ стержней въ девять и восемь футовъ длиною, также и среднихъ съ пробоями, связками и рѣшотками, всего желѣза три тысячи семсотъ тридцать-пять фунтовъ, кромѣ восьми большихъ колець, на которыхъ повѣшена кѣтка, съ задвижками и гвоздями, всего двѣсти-восемнадцать фунтовъ, не считая желѣза въ оконныхъ рѣшоткахъ въ той комнатѣ, гдѣ помѣщается кѣтка, дверныхъ желѣзныхъ засововъ и прочаго.

— Сколько желѣза, чтобъ удержать отъ вольнодумства, сказалъ король.

«... Цѣнность всего простирается до трехъ сотъ семнадцати ливровъ, семи солей, семи денье.

— Pasque-Dieu! вскричалъ король.

При этой обычной поговоркѣ Людовика XI, кто-то какъ будто проснулся во внутренности кѣтки: послышался звукъ цѣпей по полу и раздался слабый голосъ, какъ-будто изъ могилы:

— Ваше величество, жальтесь!

Видѣть говорящаго не было возможности.

— Триста-семнадцать ливровъ, семь су, семь денье, повторилъ король.

Жалобный голосъ изъ кѣтки оледенилъ всѣхъ присутствующихъ, даже самого Оливье. Одинъ король какъ-будто не слыжалъ его. По приказанію его, Оливье продолжалъ, а его величество съ прежней холодностью сталъ осматривать кѣтку.

«... Кромѣ того, заплачено каменщику за просверленіе камня для вставки желѣзныхъ прутьевъ у оконъ и вымощеніе пола камнемъ, такъ какъ деревянный полъ не въ состояніи былъ выдержать такой тяжести, — двадцать-семь ливровъ, четырнадцать солей паризи...

Голосъ опять застоналъ.

— Жальтесь, ваше величество! Клянусь вамъ, что измѣнникъ былъ кардиналъ д'Анжеръ, а не я.

— Дорогонька каменная работа! сказалъ король.—Продолжайте Оливье.

«... Столяру за окна и другую работу двадцать ливровъ, два су паризи.

— Ваше величество! неужели вы не выслушаете меня? Увѣряю васъ, что писалъ не я къ кардиналу Гюйенскому, а кардиналъ Баю!

— И столяръ не дешевъ, замѣтилъ король. Ну, теперь все?

— Нѣтъ, ваше величество. — «Стекольщику за стекла упомянутой комнаты, сорокъ шесть солей, восемь денье паризи.

— Помилуйте, государь! Развѣ не довольно того, что все мое имѣніе отдали моимъ судьямъ, мое серебро г. Торси, мою библіотеку Пьеру Даріолу, мебель губернатору Руссильонскому? Я невиненъ. Уже четырнадцать лѣтъ я томлюсь въ этой кѣткѣ. Помилуйте, государь! Вамъ воздастся за это на себя.

— Ну, Оливье, итогъ?

— Триста шестьдесятъ семь ливровъ, восемь солей, три денье паризи.

— Матерь божія!.. вотъ ужасная кѣтка!

Король вырвалъ тетрадь изъ рукъ Оливье и принялся высчитывать по пальцамъ, смотря попеременно на кѣтку и на бумагу. Между тѣмъ слышны были рыданія заключеннаго. Сцена была нестерпимая: всѣ лица поблѣднѣли.

— Четырнадцать лѣтъ, государь, ровно четырнадцать лѣтъ съ апрѣля 1469 года. Во имя пресвятой Богородицы, послушайте меня, сирь! Вы все это время наслаждались солнечной теплою. А я, несчастный, неужели никогда не увижу свѣта? Смилуйтесь, будьте великодушны, сирь! Милосердіе — лучшая добродѣтель монарковъ. Развѣ легко будетъ въ предсмертный часъ королю, который никого не прощалъ въ своей жизни, подумать! Ктому же, я не измѣнникъ; измѣнилъ монсеньоръ д'Анжеръ. А у меня на ногѣ ужасно тяжелая цѣпь съ такимъ тяжелымъ шаромъ въ концѣ, котораго и не позагаается по правилу. О, государь, сжалятесь надо мною!

— Оливье, сказалъ король, покачивая головою: — я замѣчаю, что съ меня берутъ двадцать солей за бочку навести, которая стоитъ только двѣнадцать, прошу передѣлать этотъ счетъ.

Онъ отвернулся отъ кѣтки и направился къ выходу. Несчастный колодникъ, замѣтившій по удаленію факеловъ, что король уходитъ, застоналъ еще жалобнѣе, но дверь затворилась. Опять настала тьма и раздавался только голосъ тюремщика, напѣвавшего надъ его ухомъ:

Maitre Jean Bluen
A perdu la vue
De ses évêchés.
Monsieur de Verdun —
N'en a plus pas un;
Tous sont dévêchés.

Король молча возвращался въ свою комнату, а сопровождавшіе его все еще были подъ впечатлѣніемъ болѣзненныхъ стонровъ заключеннаго. Вдругъ, его величество обратился къ коменданту бастиліи.

— Кстати, сидитъ кто-нибудь въ этой кѣткѣ?

— Какже, ваше величество! отвѣчалъ озадаченный комендантъ.

— А кто именно?

— Епископъ вердюнскій.

Король зналъ это лучше всѣхъ, но такова ужъ была его манія.

Черезъ нѣсколько минутъ, растворилась снова дверь моленной и всѣ пятеро лицъ, уже извѣстныхъ читателю, заняли свои прежнія мѣста, и продолжали разговоры вполголоса.

Въ отсутствіе короля, на столъ положили нѣсколько депешъ, съ которыхъ онъ самъ сломилъ печати и сталъ читать одну за другою; потомъ сдѣлалъ знакъ Оливье, исправлявшему повидимому должность министра, взять перо и, не сообщая ему содержанія бумагъ, принялся шопотомъ диктовать отвѣты. Оливье писалъ стоя на колѣняхъ.

Вильгельмъ Раймъ наблюдалъ.

Король диктовалъ тихо, такъ что до фламандцевъ долетали только отрывочныя фразы. «Поддерживать плодородныя мѣста комерціей, а безплодныя мануфактурами... Показать англичанамъ наши четыре бомбарды: Лондонъ, Брабантъ, Бургъ-ан-Брессъ, Сент-Омеръ... По милости артилеріи война теперь ведется разумнѣе... Господину де Брессюръ нашему другу... Арміи невозможно поддержать безъ налоговъ»... и т. д.

Одинъ разъ онъ возвысилъ голосъ: — *Pasque-Dieu!* Король сицилійскій печатаетъ свои письма желтымъ сургучомъ, какъ король Франціи. Съ нашей стороны не хорошо можетъ-быть допускать это! Нашъ кузень Бургунскій не давалъ гербовъ на гортанномъ полѣ (*à champ de gueules*). Величіе дворовъ обуславливается неприкосновенностью прерогативовъ. Запишите это, Оливье.

— О, о! сказалъ онъ, въ другой разъ, толстое посланіе! чего хочеть отъ насъ нашъ братъ императоръ? — И онъ началъ читать прерывая себя восклицаніями: — Разумѣется Германія такъ велика и могущественна, что просто невѣроятно. Но мы помнимъ старую поговорку! Самое цвѣтущее графство есть Фландрія; самое лучшее герцогство Миланъ, а самое лучшее королевство Франція. Не такъ ли, господа фламандцы?

Въ этотъ разъ поклонился и Конпеноль вмѣстѣ съ Раймомъ. Патриотизму его польстили.

Последняя депеша заставила короля нахмурить брови.

— Что это! вскричалъ онъ: жалобы на нашъ гарнизонъ въ Пикардіи! Оливье, напишите сейчасъ-же маршалу де Руо, что дисциплина падаетъ; что жандармы, полицейская стража, швейцарцы притѣсняютъ народъ; что военные, недовольствуясь тѣмъ что даютъ имъ поселяне, побоями принуждаютъ ихъ идти въ городъ за виномъ, рыбой, пряностями и другими прихотями; что королю извѣстно это;

что мы намѣрены избавить свой народъ отъ грабежа и насилія. Что такова наша воля, клянусь Богородицей. Что кромѣ того, мы не желаемъ, чтобъ какой-нибудь министръ, циркульникъ или конюхъ одѣвался какъ принцъ въ бархатъ, шолкъ и золото, что эта суетность противна Богу. Что мы, дворянинъ, довольствуемся кафтаномъ изъ сукна по шестнадцати солей аршинъ. Что слугамъ недавно можно унизиться до этого. — Отдайте приказаніе. — Г. де Руо нашему другу. — Хорошо.

Онъ продиктовалъ это письмо громко и твердымъ голосомъ. Къ концу его отворилась дверь и появилось новое лицо, которое бросилось въ комнату съ крикомъ: «государь! государь! въ Парижѣ народное возстаніе!»

Строгое лицо Людовика XI передернулось, но наружное волненіе исчезло какъ молнія. Онъ съ спокойною строгостью произнесъ:

— Жакъ, вы слишкомъ поспѣшно входите!

— Ваше величество, бунтъ! кричалъ запыхавшійся Жакъ.

Король всталъ, сильно сжалъ его руку и сказалъ совершенно тихо, взглядомъ указывая на фламандцевъ:

— Молчи! или говори шопотомъ! — Тотъ понялъ и тихо началъ очень оживленный расказъ, который король выслушивалъ совершенно спокойно, а Вильгельмъ Раймъ обращалъ между-тѣмъ вниманіе Коппеноя на лицо, платье и мѣховой капишонъ новоприбывшаго — *carutia fourrata*, на его президентскую шапочку — *epitogia curta*, и черное бархатное платье, означавшее президента.

Послѣ нѣсколькихъ объясненій, Людовикъ XI захохоталъ и произнесъ громко:

— Расказывайте вслухъ, Куатье! зачѣмъ такая таинственность? Богу извѣстно, что у насъ нѣтъ тайнъ отъ нашихъ друзей, фламандцевъ.

— Но, ваше величество...

Куатье онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Говори вслухъ! Ну, чтожъ? чернь нашего добраго Парижа волнуется?

— Да, ваше величество.

— И возстаеъ, говоришь ты, противъ бабьи въ палатѣ юстиціи?

— Кажется, отвѣчалъ заикаясь Куатье, не успѣвшій опомниться отъ внезапной перемѣны въ мысляхъ короля.

— Гдѣ стража встрѣтила толпу?

— По дорогѣ отъ двора—чудесъ къ мосту Ошанжъ. Я встрѣтилъ ее самъ, направляясь сюда по приказанію вашего величества. Я слышалъ какъ нѣкоторые кричали: «Долой парижскаго балы!»

— А за что они возстаютъ на него?

— А, отвѣчалъ Жакъ: — за то, что онъ ихъ властелинъ.

— Вотъ какъ!

— Да, сирь. Это бродяги съ двора чудесъ. Они уже давно недовольны господиномъ балы, своимъ владѣльцемъ. Они не хотятъ признавать его суда и расправы.

— Такъ, такъ! сказалъ король, сисясь сдержатъ довольную улыбку.

— Во всѣхъ прошеніяхъ парламенту они утверждаютъ, что хотятъ признавать только двухъ властелиновъ: ваше величество, и своего бога, который у нихъ кажется самъ сатана.

— Эге! сказалъ король.

И потирая руки, онъ смѣлся тѣмъ внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго прояснилось все лицо; онъ рѣшительно не въ силахъ былъ скрыть своей радости. Никто не понималъ въ чемъ дѣло, даже «самъ Оливье». Король на минуту задумался, сохраняя довольный видъ.

— А много ихъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Да, ваше величество, отвѣчалъ Жакъ.

— А сколько?

— Покрайней-мѣрѣ шесть тысячъ.

Король засмѣялся.

— Хорошо. А вооружены они?

— Косами, пиками, заступами и равнымъ вредоноснымъ оружіемъ.

Исчисленіе оружія нимало не подѣйствовало на короля. Жакъ счелъ нужнымъ прибавить:

— Если ваше величество не поспѣшите послать на помощь, балы пропадъ.

— Пошлемъ непременно, сказалъ король, принимая серьезный видъ. — Конечно пошлемъ. Г. балы нашъ другъ. Шестъ тысячъ! Вотъ рѣшительные-негодяи. Смѣлость невѣроятная, и мы оченъ разгнѣваны. Но у насъ мало людей въ эту ночь. Будетъ время и завтра.

— Не медлите, сирь! вскричалъ Жакъ. — До завтра двадцать

разъ успѣютъ все разорить и повѣсить самого балыи. Ради-бога, государь, не дожидайтесь завтрашняго дня!

Король посмотрѣлъ на него.

— Я сказалъ, что пошлю завтра.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые не допускаютъ возраженій. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ снова заговорилъ:

— Жакъ, вы должны знать это. Какъ велики были... онъ поправился: — Какъ велики феодальныя владѣнія балыи?

— Отъ улицы Каландръ до улицы Ербери, площадь св. Михаила и мѣста, называемыя въ народѣ Мюру, недалеко отъ церкви *Notre-dame des champs* (тутъ Людовикъ XI приподнялъ шляпу); этихъ отелей тринадцать, потомъ дворъ чудесъ, потомъ Маладери, называемая городскимъ округомъ, потомъ вся улица отъ Маладери до воротъ св. Іакова. Всѣ эти мѣста подлежали его суду и расправѣ и платили ему дорожныя пошлины.

— Да! сказалъ король, почесывая лѣвое ухо правою рукою: — это составляетъ порядочную часть моего города. И г. балыи былъ королемъ надъ всѣмъ этимъ!

На этотъ разъ онъ уже не поправлялся. Онъ продолжалъ какъ-будто говоря самъ съ собою:

— *Tout beau*, г. балыи! у васъ въ зубахъ былъ порядочный кусокъ нашего города, — и вдругъ разразился: — *Pasque-Dieu!* Съ какого права всѣ эти люди считаютъ себя сюзеренами, сборщиками пошлинъ, и приписываютъ себѣ право суда надъ нашимъ народомъ? У грековъ было столько боговъ, сколько колодцевъ, а у персовъ по богу на каждую звѣзду; неужели же и французы должны насчитывать себѣ столько королей, сколько плахъ въ городѣ. *Rag-dieu*, это скверно, и я нетерплю безпорядка! По милости божьей, я одинъ имѣю право собирать пошлины и судить своихъ подданныхъ; священна только одна королевская власть въ государствѣ! Клянусь моею душою, что придетъ день, когда въ цѣлой Франціи будетъ только одинъ король, одинъ владѣлецъ, одинъ судья, властный надъ жизнью и смертью, какъ на небѣ есть одинъ только Богъ!

Онъ опять приподнялъ свою шапку и продолжалъ все съ прежнимъ видомъ охотника, дразнящаго и уськающаго свою свору.

— Хорошо, хорошо, мой народъ! Ломай, вали этихъ мнимыхъ властителей! Смѣлѣй, жги! грабь! вѣшай ихъ!.. А, вы хотите быть королями, господа! Впередъ, впередъ, мой народъ!

Тутъ онъ остановился, прикусилъ себѣ губы, какъ бы желая

остановить высказавшуюся мысль, обвелъ пытливымъ взглядомъ присутствующихъ, и сдернувъ обѣими руками свою шляпу, проговорилъ :

— О, я тотчасъ же сжогъ бы тебя, еслибы ты могла узнать, что у меня въ головѣ! И снова началъ поглядывать на окружающихъ съ безпокойнымъ вниманьемъ, точно лисица крадущаяся въ нору. Такъ и быть! мы пошлемъ помощь г. балли. Къ несчастью у насъ здѣсь слишкомъ мало вооруженной силы для такой массы бунтовщиковъ. Надобно подождать до завтра. Пусть передадутъ это распоряженіе въ Старый городъ, и пусть немедленно вѣшаютъ всякаго, кто попадется изъ этихъ бездѣльниковъ.

— Кстати, ваше величество, сказалъ Куатъе : — я было и позабылъ впопыхахъ, что стража захватила двоихъ изъ этой шайки. Если вашему величеству угодно, ихъ тотчасъ приведутъ сюда.

— Если мнѣ угодно! Pasque-Dieu! Ты забываешь такія важныя вещи! Бѣги за ними скорѣе, Оливье! Сюда ихъ!

Оливье черезъ минуту вернулся съ двумя плѣнниками, окруженными стражей. У одного было толстое глупое лицо; онъ былъ пьянъ, и въ недоумѣніи озирался кругомъ; одѣтъ онъ былъ въ лохмотья и ходилъ волоча одну ногу. Другой былъ блѣдная и сладкоулыбающаяся личность; читатель уже знакомъ съ нимъ. Король молча оглядѣлъ ихъ и обратился къ первому.

— Какъ тебя зовутъ?

— Жофруа Пенсбурдъ.

— Твое ремесло?

— Бродяга.

— Зачѣмъ пошелъ ты на это дѣло?

Бродяга посмотрѣлъ на короля, съ глупымъ видомъ покачивая руками. Это была одна изъ головъ такого устройства, что уму въ ней также трудно ужиться, какъ огню подь гасильникомъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ : — всѣ пошли и я съ ними.

— Вы собрались ограбить своего владѣльца, здѣшняго балли?

— Я знаю только, что собирались своровать что-то у кого-то, вотъ и все.

Одинъ изъ солдатъ показалъ королю серпъ, отнятый у плѣннаго.

— Узнаешь ты это оружіе? спросилъ король.

— Да, это мой серпъ. Я развожу виноградъ.

— А признаешь ты этого человѣка своимъ сообщникомъ?

— Нѣтъ. Я его не знаю.

— Довольно, сказалъ король, дѣлая пальцемъ знакъ человѣку, неподвижно стоявшему въ глубинѣ комнаты, на котораго мы уже обращали вниманіе нашего читателя: — Тристанъ, передаю его тебѣ.

Тристанъ л'Эрмитъ поклонился. Онъ отдалъ шопотомъ приказаніе двумъ солдатамъ, и несчастнаго вывели вонъ.

Король между тѣмъ подошелъ ко второму пѣвнику, съ котораго потъ катился градомъ.

— Какъ зовутъ?

— Пьеръ Гренгуаръ, ваше величество.

— Ремесло?

— Философія, ваше величество.

— Какъ ты осмѣлился нападать на нашего друга, г. балли, и что ты скажешь объ этомъ народномъ волненіи?

— Я не принималъ въ немъ участія, ваше величество.

— Какъ, негодяй, вѣдь стража захватила тебя въ этой шайкѣ мошенниковъ?

— Нѣтъ, ваше величество. Это ошибка. Это фатумъ. Я пишу трагедіи. Умоляю ваше величество меня выслушать. Я поэтъ. У людей этой професіи всегда есть манія бродить по улицамъ ночью. Такъ было и сегодня. Меня арестовали ошибкой; я неповиненъ въ этой гражданской бурѣ. Ваше величество изволили видѣть, что бродяга не призналъ меня. Умоляю ваше величество...

— Молчать! проворчалъ король, глотая декоктъ: — у меня голова заболѣла отъ твоей болтовни.

Тогда Тристанъ л'Эрмитъ указалъ на Гренгуара и спросилъ:

— Государь, и этого можно повѣсить?

Во весь вечеръ, это было его первое слово.

— Гм, небрежно сказалъ король: — почему же его и не повѣсить!

— Какъ это можно! вскричалъ Гренгуаръ.

Нашъ философъ былъ зеленѣе оливы. По равнодушному лицу короля онъ увидѣлъ, что тутъ вывезетъ только что-нибудь очень патетическое, и бросился къ его ногамъ съ отчаянной жестикуляціей:

— Ваше величество, вы меня выслушаете! Не тратьте ваши перуны на такое ничтожное созданіе. Громъ небесный не разбиваетъ полевую былинку. Сиръ, вы августѣйшій, могущественнѣйшій монархъ, сжальтесь надъ бѣднякомъ, столько же неспособнымъ подать

поводъ къ возстанію, какъ льдина произвести искру. Величайшій монархъ, добродушіе есть свойство львовъ и царей. Увы, суровость только запугиваетъ умы! бурные порывы вѣтра не заставятъ путника снять плаща, между тѣмъ какъ солнце, разогрѣвая его мало-помалу, принудитъ снять и все остальное платье. Сирь, вы солнце. Кланюсь моему государю и властителю, что я не принадлежу къ шайкѣ воровъ. Возмущеніе и разбой не могутъ быть спутниками Аполлона. Мнѣ ли бросаться въ эти темныя тучи, раздражающіяся нападеніемъ. Я вѣрный васаль вашего величества. Хорошій васаль долженъ питать къ славѣ своего государя любовь отца къ сыну, ревность мужа къ женѣ; онъ долженъ сохнуть отъ усердія и заботливости. Всякая посторонняя страсть будетъ безуміемъ. Вотъ мои правила, сирь. Не судите по моему платью, изодранному на локтяхъ, что я тоже бродяга. Если вы меня помилите, я издеру его на колѣняхъ, молясь день и ночь Богу за ваше величество. Увы, я далеко не богатъ, это правда! Я даже немного бѣденъ, но это вѣдь не порокъ. Я въ этомъ не виноватъ. Всякій знаетъ, что богатства добываются не литературой, и что записнымъ книгоѣдамъ не всегда удается сидѣть зимой въ топленой комнатѣ. Адвокатство беретъ всѣ зерна и оставляетъ одну солому другимъ научнымъ профессіямъ. Существуетъ сорокъ отличныхъ поговорокъ насчетъ дыряваго плаща философа. О, государь, милосердіе единственный свѣтильникъ, способный озарять внутренность великой души. Милосердіе освѣщаетъ путь всѣмъ другимъ добродѣтелямъ; безъ него онѣ были бы слѣпыми, ощупью ищущими Бога. Милосердіемъ приобретається любовь подданныхъ, составляющая вѣрнѣйшую защиту королей. Не все ли равно вашему свѣтозарному величеству, что на землѣ останется однимъ бѣднякомъ больше? однимъ безвреднымъ философомъ, влачащимъ скромное существованіе съ пустымъ кошелькомъ и желудкомъ? Ктому же, сирь, я ученый. Великіе государи считаютъ славою своего вѣща покровительство ученымъ. Геркулесъ не гнушался званіемъ Музагета. Матиасъ Корвинъ покровительствовалъ Жану де-Монройаль, лучшему изъ математиковъ. А вѣшать ученыхъ—дурное проявленіе покровительства науки. Чтобы было, еслибы Александръ повѣсилъ Аристотеля? Эта черта была бы не маленькимъ пятнышкомъ на челѣ его репутаціи, а огромной, безобразной язвой. Государь, я написалъ прекрасную эпиталяму Маргаритѣ фландрской и августѣйшему дофиню. Этого бы не сдѣлалъ бунтовщикъ. Ваше величество изволите видѣть, что я не кто-нибудь, что

я обладаю ученостью и природнымъ краснорѣчіемъ. Помилуйте меня, государь! Этимъ вы сдѣлаете угодное пресвятой Богородицѣ. Увѣряю васъ, что меня до-смерти напугала одна мысль быть повѣшеннымъ!

Говоря это, злополучный философъ цѣловалъ туфли короля, а Вильгельмъ Раймъ шепталъ Коппенюлю:

— Онъ хорошо дѣлаеть, что пресмыкается. У Людовика, какъ у Юпитера критскаго, уши въ ногахъ.

Но не обращая вниманія на Юпитера, Коппенюль съ какой-то тяжелой улыбкой, шепталъ глядя на Гренгуара:

— Такъ, такъ! Вотъ эдакъ умолялъ меня Гюгоне!

Когда запыхавшійся Гренгуаръ обратилъ къ королю свою дрожащую голову, тотъ выскабливалъ ногтемъ восковое пятно на панталонахъ, потомъ принялся пить декоктъ, и все это не говоря ни слова. Молчаніе это было убійственно для Гренгуара. Наконецъ король взглянулъ на него.

— Вотъ невыносимый болтунъ! сказалъ онъ, и обращаясь къ Тристану, прибавилъ: Выпустить его!

Гренгуаръ съ радости упалъ ничкомъ.

— Выпустить! проворчалъ Тристанъ. — Не прикажете ли ваше величество хоть немного подержать его въ клеткѣ?

— Неужели ты думаешь, дружище, что наши дорогія клетки для птицъ подобнаго рода! Сейчасъ же выпустите этого бездѣльника, и вытолкайте отсюда въ три шеи.

— О, вотъ великій король! вскричалъ Гренгуаръ, и бросился къ двери, боясь отміны приказанія.

Солдаты протолкали его кулаками въ спину, что онъ перенесъ съ истиннымъ стоицизмомъ.

Хорошее расположеніе духа Людовика XI проявлялось во всемъ, съ той минуты, какъ ему объявили о возстаніи противъ баянъ. Помилуваніе Гренгуара тоже было однимъ изъ этихъ проявленій. Тристанъ воротился въ свой уголъ съ видомъ собаки, которой только показали кость.

Король наигрывалъ маршъ на ручкѣ своего кресла. Это былъ хитрый король, но радость онъ не умѣлъ скрывать такъ какъ досаду или горе. Изъявленія удовольствія при хорошихъ вѣстяхъ заходили у него иногда очень далеко. При извѣстии о смерти Карла смѣлаго, онъ пожертвовалъ серебряную балюстраду св. Мартину

турскому, а при вступленіи на престолъ, позабылъ распорядиться похоронами отца.

— Ваше величество! вскричалъ Куатье: — что же случилось съ болѣзнью, по поводу которой вы изволили меня требовать?

— О, да! Я очень болѣнъ, дружище! У меня страшная стрѣльба въ ухо и грудь, точно скребутъ раскаленными граблями.

Куатье взявъ пульсъ короля съ важнымъ видомъ.

— Посмотрите, Коппеноль, говорилъ Раймъ. — Король между палачемъ и докторомъ. Это весь его дворъ. Докторъ для себя и палачъ для другихъ.

Между тѣмъ Куатье принималъ все болѣе озабоченный видъ. Людовикъ XI смотрѣлъ на него со страхомъ. Куатье продолжалъ хмуриться. Болѣзнь короля была для него источникомъ дохода и онъ пользовался ею какъ могъ.

— О, о! проговорилъ онъ наконецъ: — это и въ самомъ дѣлѣ важно.

— Неужели? спросилъ испуганный король.

— *Pulsus creber, anhelans, crepitans, irregularis*, продолжалъ докторъ.

— *Pasque-Dieu!*

— Три дня такого пульса и человѣка не станеть.

— Матерь божья! вскричалъ король. — А есть средство, дружище?

— Объ немъ-то я и думаю, ваше величество.

Онъ посмотрѣлъ королевскій языкъ и покачалъ головою. Во время этой операціи онъ велъ такую рѣчь:

— Ваше величество, мѣсто сборщика винныхъ податей теперь вакантное, а у меня есть племянникъ.

— Пусть твой племянникъ беретъ это мѣсто, Жакъ, только избавь меня отъ этого жара въ груди.

— Если ваше величество такъ милостивы, то вѣрно не откажете немного помочь мнѣ въ постройкѣ дома въ улицѣ *St. André des Arcs*, продолжалъ Куатье.

— Гм! сказалъ король.

— Я теперь совершенно безъ денегъ, продолжалъ докторъ: — а право жаль, если домъ останется безъ крыши; жаль не стѣнъ, онъ совершенно простыя, мѣщанскія, а тѣхъ украшеній внутри, надъ которыми трудился Жанъ Фурби. Есть тамъ летящая Діана, такая нѣжная, славная, бѣленькая, такъ къ ней идетъ головой

уборъ изъ полумѣсяца, что просто нельзя долго смотрѣть на нее. Есть также Церера, чрезвычайно красивая богиня. Она сидитъ на снопахъ ржи, въ вѣнкѣ изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Трудно себѣ представить что-нибудь сладострастнѣе ея глазъ, круглѣе ея ногъ, благороднѣе ея осанки. Драпировка лежитъ самыми живописными складками. Это одна изъ самыхъ совершенныхъ и самыхъ цѣломудренныхъ красавицъ, созданныхъ кистью.

— Палачъ, къ чему клонится твоя рѣчь? простоналъ Людовикъ XI.

— Нужно прикрыть крышей всѣ эти совершенства, ваше величество; разумѣется денегъ тутъ требуется самая бездѣлица, но у меня и того нѣтъ.

— Сколько же можетъ стоить крыша?

— Да... мѣдная, вызолоченная крыша, съ выпуклыми украшениями, будетъ стоить не болѣе двухъ тысячъ ливровъ.

— О, душегубецъ! вскричалъ король. — Каждый вырванный у меня зубъ обращаетъ онъ въ брильянтъ.

— Будетъ у меня крыша? спросилъ Куатье.

— Да, чортъ тебя побери, но вылечи меня.

Жакъ низко поклонился.

— Ваше величество будете спасены. Мы приложимъ вамъ компрессъ изъ спуска, бѣлка, масла и уксусу. Вы будете продолжать декоктъ, все пойдетъ хорошо.

Зажонная свѣча привлекаетъ не одну ночную бабочку. Оливье, видя что король милостивъ, измѣнилъ дерзкое выраженіе лица на заискивающее. Это единственное измѣненіе, которому подвергается лицо придворнаго. Король пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ :

— Понимаю.

— Сиръ, Симонъ Раденъ умеръ, сказалъ онъ.

— Ну, чтоже?

— Онъ былъ казначеемъ, ваше величество.

— Чтожъ изъ этого?

— Сиръ, это мѣсто вакантное.

— Вы кажется полагаете, метръ Оливье, что у короля милостей, какъ воды въ морѣ, но выслушайте (у насъ хорошая память). Въ 68 году мы едѣлали васъ нашимъ нажомъ; въ 69 смотрителемъ замка на мосту Сен-Клу, съ жалованьемъ въ сто турецкихъ ливровъ (вы хотѣли сто ливровъ паризи). Въ ноябрѣ 73 мы вамъ дали па-

тентъ на званіе привратника въ Венсенскомъ лѣсу, вмѣсто кавалера Жильбера Акль; въ 75 дали мѣсто лѣсничаго вмѣсто Жака Демеръ; въ 78 мы всемилостивѣйше пожаловали вамъ и вашей женѣ патентъ съ двумя печатами изъ зеленого воска, доходъ въ десять ливровъ паризи съ торговой площади у сен-Жерменской школы; въ 79 сдѣлали васъ лѣсничимъ Сенарскаго лѣса, вмѣсто бывшего Жана Дезъ; потомъ капитаномъ въ замкѣ де-Дошъ; потомъ губернаторомъ въ Сен-Кентенъ; потомъ капитаномъ на Меланскомъ мосту, а вы присвоили себѣ даже титулъ графа меланскаго. Съ пяти су штрафа, который платитъ каждый цирюльникъ, брѣющій въ праздничные дни, вы получаете три, а мы остальное. Мы согласились измѣнить ваше прозвище le Mauvais, которое очень шло къ вашему лицу. Въ 74 мы пожаловали вамъ, къ великому неудовольствію нашихъ дворянъ, радужный гербъ, превращающій вашу грудь въ хвостъ павлина. Pasque-Dieu! Кажется ловъ и такъ хорошъ, и нужно бы бояться, что лишняя большая семга можетъ опрокинуть лодку? Честолюбіе васъ погубитъ, дружище! Излишняя гордость всегда ведетъ за собою паденіе и стыдъ. Запомните это и ни слова больше.

Эти строгія слова возвратили прежнее дерзкое выраженіе лицу Оливье.

— Ба! проговорилъ онъ почти громко: — видно что король болѣнъ сегодня, всѣ милости одному доктору.

Людвикъ XI, вмѣсто того чтобъ разсердиться на выходку, продолжалъ ласковѣе:

— Да, я и позабылъ еще, что вы были посланникомъ въ Гентѣ. Да, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ фламандцамъ: — этотъ человекъ былъ посланникомъ! Ну, не сердись, дружище! обратился онъ къ Оливье, — мы съ тобой старые пріятели. Ужь поздно. Вся наша работа кончена. Выбрѣй меня.

Наши читатели вѣроятно давно узнали въ Оливье того ужаснаго Фигаро, котораго провидѣніе дало въ спутники Людовику XI во все продолженіе разыгрываемой имъ кровавой комедіи. Здѣсь не мѣсто исполнѣе развить этотъ ужасный характеръ. У этого царскаго цирюльника было три имени. При дворѣ его вѣжливо величали Оливье Лань (le Dain); въ народѣ Оливье-чортомъ. Настоящее его имя было Оливье le Mauvais. Цирюльникъ будто и не слыхалъ приказанія: онъ стоялъ, злобно поглядывая на короля и на Жака.

— Да, все докторъ! ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Ну, да, докторъ! повторилъ Людовикъ XI съ удивительнымъ добродушіемъ: — доктору больше почета, потому что въ его распоряженіи все наше тѣло, а у тебя одинъ подбородокъ. Погоди, дружище, придетъ и твоя очередь. Что было бы съ тобой и съ твоей карьерой, еслибы у меня была привычка, какъ у короля Хильдерика, прикрывать подбородокъ рукою? Ну, дружище, дѣлай свое дѣло, ступай за своими инструментами.

Оливье, видя что король расположенъ шутить, и что нѣтъ возможности и разсердить его, ворча вышелъ изъ комнаты. Король всталъ, подошелъ къ окну и растворилъ его съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Вотъ! вотъ, вскричалъ онъ, хлопая въ ладоши, — какое зарево надъ старымъ городомъ. Балъи горить. А, мой добрый народъ! Наконецъ-то ты сталъ помогать мнѣ уничтожать сильныхъ васаловъ. Госнода фламандцы, посмотрите, вѣдь это зарево?

Фламандцы подошли.

— Сильный пожаръ! сказалъ Вильгельмъ Раймъ.

— О, сказалъ Коппеноль, съ сверкающими глазами: — это мнѣ напоминаетъ пожаръ дома де Гимберкуръ. Тамъ вѣрно сильное возстаніе.

— Вы думаете, метръ Коппеноль? и глаза Людовика XI почти также блистали, какъ глаза Коппеноля. — Неправда ли, его трудно успокоить?

— Да, ваше величество, придется вамъ тутъ положить солдатъ.

— Ну, я совѣмъ другое дѣло! еслибъ я захотѣлъ ..

Коппеноль смѣло отвѣчалъ:

— Если это возмущеніе такого рода, какъ я думаю, то воли вашего величества было бы недостаточно.

— Ну, дружище, двумя отрядами моей стражи и пушечнымъ залпомъ я думаю легко разсвѣять кучу бродягъ.

Но Коппеноль кажется рѣшился противорѣчить, несмотря на знаки Райма.

— Ваше величество, швейцарцы тоже были не болѣе какъ толпа бродягъ, а герцогъ бургундскій, знаменитый дворянинъ, пренебрегалъ подобной сволочью. Во время битвы при Грансонѣ, онъ кричалъ: стрѣлять въ эту дрянъ и клялся св. Георгіемъ. Но судья Шарнатшталъ бросился на именитаго герцога съ дубиной и своими мужиками, и славная бургундская армія разлетѣлась какъ стекло

отъ удара камнемъ. Много кавалеровъ легло тогда отъ руки простыхъ мужиковъ, а герцога де Шаго-Гюйонъ, знаменитѣйшаго дворянина Бургундіи, нашли во рву, и съ сврой великолѣпной лошадыю.

— Другъ мой, вы говорите о сраженіи, а тутъ простая шалость, и все будетъ кончено, лишь только я нахмурю брови.

— Легко можетъ быть, ваше величество, равнодушно отвѣчалъ Коппеноль. — Только значить часъ народа еще не наступилъ.

Тутъ Вильгельмъ Раймъ счелъ нужнымъ вступиться :

— Метръ Коппеноль, вы говорите съ могущественнымъ государемъ.

— Знаю, серьезно отвѣчалъ Коппеноль.

— Оставьте его, другъ Раймъ, мнѣ нравится его откровенная рѣчь. Мой отецъ, Карлъ седьмой, говаривалъ, что правда хвораетъ, а я уже было думалъ, что она умерла, не сдѣлавши завѣщанія. Метръ Коппеноль доказалъ мнѣ противное.

И онъ дружелюбно положилъ руку на плечо Коппеноля.

— И такъ, вы говорили, метръ Жакъ...

— Я говорилъ, ваше величество, что вы можетъ быть и правы, и что часъ народа еще не наступилъ въ вашемъ государствѣ.

Людвикъ XI посмотрѣлъ на него своимъ пытливымъ взглядомъ.

— А когда-жъ онъ наступитъ, метръ ?

— Вы это услышите, сиръ.

— А на какихъ часахъ онъ пробьетъ, хотѣлъ бы я знать.

Коппеноль спокойно и просто подвелъ короля къ окну.

— Слушайте, сиръ ! Здѣсь есть сторожевая башня, набатъ, пушка и граждане и солдаты. Когда забьетъ набатъ, заговорятъ пушки, и сокрушится башня, когда солдаты и граждане съ крикомъ бросятся другъ на друга, тогда значить пробилъ часъ народа.

Лицо Людвика XI омрачилось. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ потренилъ рукою толстую стѣну бастиліи, какъ треплютъ доброго коня и сказалъ :

— О, неправда ли, тебя не легко разрушить ? Видали вы когда-нибудь возмущеніе, метръ Жакъ ?

— Я самъ его дѣлалъ.

— А какъ это дѣлается ? спросилъ король.

— А, это не трудно ! отвѣчалъ Коппеноль. — Есть тысяча средствъ. Впервыхъ, нужно чтобы въ городѣ были недовольны,

что случается весьма часто. Потому многое зависит отъ характера жителей. Въ Гентѣ удобно дѣлать возстанія: тамъ всегда любятъ наследника и никогда самого правителя. Ну вотъ, положимъ, что въ одно прекрасное утро входятъ въ мою лавку и говорятъ: Такъ и такъ, дядя Копшеноль, Марія фландрская хочетъ спасти своихъ министровъ, балы удваиваетъ налоги, или другое въ этомъ родѣ. Я оставляю работу, иду по улицамъ и кричу: За мною! Въ городѣ всегда есть какая-нибудь развалина; влѣзаю на нее и говорю первое что есть на душѣ. Тогда народъ начинаетъ собираться, бьютъ въ набатъ, вооружаютъ толпу отнятымъ у солдатъ оружіемъ и идутъ. Такъ и всегда пойдутъ дѣла до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать государи въ своихъ государствахъ, граждане въ своихъ городахъ, и крестьяне на своей землѣ.

— А противъ кого вы такъ возмущались: противъ вашихъ феодальныхъ владѣльцевъ или противъ балы?

— Какъ случится. Иногда и противъ самого герцога.

Людвигъ XI воротился на свое мѣсто и сказалъ съ улыбкой:

— А здѣсь встаютъ еще только противъ балы!

Въ эту минуту вошелъ Оливье. За нимъ слѣдовали два нажа съ платьемъ короля; но всего болѣе поразило короля то, что вмѣстѣ съ циркульникомъ вошелъ и прево Парижа съ начальникомъ стражи; оба казались смущенными. Злопамятный циркульникъ тоже былъ встревоженъ, но и доволенъ въ душѣ. Онъ заговорилъ первый:

— Ваше величество, прошу напередъ прощенія за дурныя вѣсти, которыя имѣю сообщить вамъ.

Король такъ быстро повернулся, что разорвалъ рогожку пожкой своего кресла.

— Что тамъ такое?

— Ваше величество, началъ Оливье, съ видомъ челоуѣка, которому пріятно нанести ударъ: — возмущеніе не противъ господина балы.

— А противъ кого же?

— Противъ васъ, сирѣ.

Король вскочилъ и выпрямился, какъ молодой челоуѣкъ.

— Объяснись Оливье! объяснись сейчасъ! И остерегись за свою голову, пріятель, потомучто клянусь тебѣ крестомъ въ Сен-Ло, что если ты солгалъ, пшпага, отсѣкъшая голову герцогу люксембургскому, еще не такъ заржавѣла, чтобы не отпилить твою!

Клятва была торжественна: Людвигъ XI только два раза въ

жизни клялся крестомъ Сен-До. Оливье открылъ ротъ чтобъ отвѣчать.

— На колѣни! крикнулъ король. — Тристанъ, наблюдайте за этимъ человѣкомъ!

Оливье сталъ на колѣни и холодно сказалъ :

— По приказанію вашего величества была осуждена на смерть колдунья судомъ и парламентомъ. Она укрылась въ соборѣ Богоматери. Народъ хочетъ силой взять ея оттуда. Г. прево и г. начальникъ стражи сейчасъ были на мѣстѣ и могутъ подтвердить мои слова. Народъ осаждаетъ соборъ.

— Вотъ какъ, сказалъ тихо король, блѣдный отъ гнѣва. — Они осаждаютъ соборъ Богоматери, моей заступницы! Встань, Оливье! Ты правъ, я даю тебѣ мѣсто Симона Радеа. Ты правъ. Возстаніе точно противъ меня. Колдунья подъ покровительствомъ церкви, а церковь подъ моимъ покровительствомъ. А я-то думалъ, что дѣло идетъ о балли! А это было противъ меня!

Онъ быстро сталъ ходить по комнатѣ, какъ бы помолодѣвъ отъ гнѣва. Онъ не смѣялся болѣе; онъ былъ ужасенъ; лисица обратилась въ гіену. Онъ задыхался и не могъ говорить; губы шевелились безъ звука, костлявые кулаки сжимались. Вдругъ онъ поднялъ голову; впалые глаза его заблестали и гудосъ зазвучалъ какъ труба.

— Бери, бери ихъ, Тристанъ! бить, вѣшать этихъ негодяевъ! Ступай, ступай, Тристанъ!

Когда волненіе его утихло, онъ снова сѣлъ и подозревалъ Тристана. Въ голосѣ слышалась холодная, сосредоточенная злоба.

— Въ бастиліи, недалеко отъ насъ, есть пятьдесятъ копѣйщиковъ виконта де Живръ, — ты ихъ возьмешь. Есть также отрядъ нашихъ стрѣлковъ, подъ командой г. де-Шатоперъ, — ихъ тоже въ дѣло. Вы, прево, у васъ должны быть люди, вы и ихъ возьмете. Въ отелѣ Сець-Поль, вы найдете сорокъ стрѣлковъ новой гвардіи дофина, вы ихъ тоже возьмете и со всѣмъ этимъ послѣдите къ собору. А, господа парижане, вы идете противъ французской короны, противъ святыни и противъ общественнаго спокойствія! Уничтожай, Тристанъ! чтобы ни одинъ не ушелъ дальше Монфокона!

Тристанъ поклонился.

— Слушаю, ваше величество.

И прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія :

— А что дѣлать съ колдуньей?

Этотъ вопросъ заставилъ короля задуматься.

— А, да, колдунья! Г. д'Естувиль, что хотѣлъ сдѣлать съ нею народъ?

— Я думаю, ваше величество, что если народъ пришолъ взять ее изъ собора, значить его оскорбляетъ безнаказанность, и онъ хочетъ ее повѣсить.

Король задумался, потомъ обратился къ Тристану.

— Ну, дружище, истреби эту сволочь и повѣсь колдунью.

— Вотъ это такъ, сказалъ Раймъ: — наказываютъ народъ, а между тѣмъ сами дѣлаютъ то что онъ хотѣлъ сдѣлать.

— Хорошо, ваше величество, сказалъ Тристанъ: — но если колдунья еще въ соборѣ, можно ли взять ее оттуда несмотря на право убѣжища?

— Pasque-Dieu, право убѣжища! сказалъ король, почесывая за ухомъ. — А между тѣмъ эту женщину необходимо надо повѣсить.

Вдругъ онъ упалъ на колѣни, снялъ свою шапку и произнесъ, глядя на одинъ изъ оловяныхъ образковъ, висѣвшихъ на ней.

— О мать божья, вступница моя милосердая, прости мнѣ только на этотъ разъ. Надо наказъ эту преступницу. Увѣрю тебя, пресвятая владычица, что это колдунья недостойная твоего милостиваго покровительства. Тебѣ извѣстно, что многіе очень набожные государи нарушали привилегіи церкви во славу божью и для блага государства. Святой Гюго, епископъ англійскій, позволилъ королю Эдуарду повѣсить одного колдуна въ своей церкви. Святой Людовикъ французскій, мой патронъ, нарушилъ по такому же поводу права церкви св. Павла, а Альфонсъ, сынъ короля іерусалимскаго, даже права св. гроба господня. Прости же меня на этотъ разъ, парижская богоматерь. Я больше ужъ не сдѣлаю этого и пожертвую тебѣ такую же серебряную статую, какую поставилъ въ прошломъ году богоматери въ Экри. Аминь.

Онъ перекрестился, всталъ, накрылъ голову и сказалъ Тристану:

— Поторопись, дружище! возьми съ собой г. де-Шатопера. Велибить въ набать, души народъ и повѣсь колдунью. Ты самъ мнѣ дашь отчетъ въ совершеніи этой казни. Ну, Оливье, я не лягу сегодня, обрѣй меня.

Тристанъ поклонился и вышелъ. Король отпустилъ Коппеноя и Райма.

— Ступайте съ богомъ , друзья фламандцы , отдохните немного. Теперь мы уже ближе къ утру, чѣмъ къ вечеру.

Они ушли въ сопровожденіи коменданта бастиліи. Дорогой Копенголь сказалъ Райму :

— Ну, довольно я насмотрѣлся на этого чахоточнаго короля ! Я видѣлъ Карла бургондскаго пьянымъ, но тотъ былъ все-таки добрѣе этого больного Людовика XI.

— Метръ Жакъ , отвѣчалъ ему Раймъ : — хмѣль дѣйствуетъ лучше декокта.

IV

ПАРОЛЬ МОШЕННИКОВЪ

По выходѣ изъ бастиліи, Гренгуаръ пробѣжалъ улицу св. Антонія съ быстрой сорвавшейся лошади. Дойдя до воротъ Бодойе, онъ прямо направился къ каменному кресту, поставленному среди площади, какъ будто различивъ въ темнотѣ стоящую тамъ фигуру, закутанную въ черное.

— Вы это, метръ ? спросилъ онъ.

Черная фигура выпрямилась.

— Вы меня мучите, Гренгуаръ, на башнѣ св. Жерве прокричали уже часъ за полночь.

— Ну, въ этомъ не я виноватъ, отвѣчалъ Гренгуаръ : — а королевская стража. Ну, вырвался же я ! Который уже разъ меня собираются вѣшать ! Вѣрно, мнѣ предназначена не эта смерть.

— Скорѣе, торопилъ его товарищъ : — какой пароль ?

— Знаю, не беспокойтесь. *Petite Flambe en baguenaud.*

— Хорошо. Иначе намъ бы не удалось пробраться къ церкви. Бродяги заняли всѣ выходы. Къ счастью, кажется она встрѣтила оборону. Можетъ быть мы придемъ еще во время.

— Да. Только какъ мы взойдемъ въ соборъ ?

— У меня есть ключъ отъ башенъ.

— А какъ мы выйдемъ ?

— За монастыремъ маленькая дѣверь, выходитъ прямо къ рѣкѣ. Ключъ отъ нея тоже здѣсь, и я приготовилъ ужъ лодку.

— Чуть-чуть меня не повѣсили ! толковалъ Гренгуаръ.

— Ну, идемъ же, идемъ! отвѣчалъ его спутникъ:

Оба направились спорымъ шагомъ къ старому городу.

VII

ШАТОПЕРЪ ВЪ ДѢЛѢ

Читатель вѣрно помнитъ, въ какомъ критическомъ положеніи мы оставили Квазимодо. Глухарь, осажденный со всѣхъ сторонъ, потерялъ не энергію, но надежду спасти Эсмеральду. О себѣ онъ и не думалъ. Онъ растерянный бѣгалъ по площадкѣ. Соборъ былъ почти въ рукахъ бродягъ. Вдругъ раздался лошадиный топотъ, и изъ всѣхъ улицъ, съ факелами, нахлынули всадники. «Франція! Франція! Бейте разбойниковъ! Въ дѣло Шатоперъ! Превотство! Превотство!» — Растерянные бродяги стали въ оборонительное положеніе.

Квазимодо, неслыхавшій лошадиного топота и крикъ, увидѣлъ факелы, пики, обмазанныя сабли, всю кавалерію, и во главѣ ея Феба; онъ видѣлъ замѣшательство бродягъ, почти всеобщій страхъ, и это придамо ему столько силы, что онъ сбросилъ съ галереи нѣсколькихъ человѣкъ, уже долѣзшихъ до нея. Бродяги храбро защищались отъ королевскаго войска. Ихъ атаквали съ боку и съ тылу, тѣснили къ собору, который самые храбрые все еще продолжали атаковать. Такъ находились они въ положеніи, которое испыталъ впоследствии, во время знаменитой осады Турина, въ 1640 году, графъ Генрихъ д'Аркуръ, поставленный между Фомой Савойскимъ, котораго осаждалъ самъ, и маркизомъ де-Легоне, который его блокировалъ. *Taurinum obsessor idem et obsessos*, какъ гласитъ его эпитафія.

Свалка была ужасная. На волчье мясо собачьи зубы, какъ говоритъ П. Матье. Фебъ де-Шатоперъ велъ себя храбро и не щадилъ никого. То, что не подавалось мечу, доканчивали длинныя сабли. Дурно вооруженные бродяги дрались и кусались. Женщины, дѣти, бросались на лошадей и хватали ихъ зубами, царапали ногтями. Другіе палили огнемъ лица стрѣлковъ. Третьи забрасывали крючья въ шею всадниковъ, и стаскивали ихъ съ сѣделъ. Одинъ, у котораго была длинная коса, долго подкашивалъ ноги лошадамъ. Онъ былъ страшенъ. Онъ гнусилъ какую-то пѣсню, и то и дѣло

работалъ косою. Съ каждымъ ударомъ падало нѣсколько жертвъ. Такъ пробирался онъ въ самую средину кавалеріи, спокойно и медленно, съ равномернымъ покачиваніемъ головы, какъ косарь, работающій въ полѣ. Это былъ Клопенъ Трульфу. Его убили изъ мушкета.

Между тѣмъ окна опять растворились. Сосѣди тоже вступили въ дѣло, услышавъ крикъ королевскихъ солдатъ; изъ cadaго этажа бродягъ осыпали пулями. Вся площадь дымилась. Смутно видѣлся фасадъ собора и Hôtel de Ville, въ окна котораго высунулись лица больныхъ. Наконецъ кавалерія взяла верхъ. Недостатокъ оружія, усталость, пальба изъ оконъ и неожиданный испугъ, все заставило бродягъ сдаться. Они прорвали линію осаждающихъ и пустились бѣжать по всѣмъ направленіямъ, оставляя площадь покрытою тѣлами.

Квазимодо, все время не перестававшій защищаться, при видѣ побѣды, упалъ на колѣни, поднявъ руки къ небу, потомъ съ быстротою птицы полетѣлъ по направленію той кельи, которую отстаивалъ цѣлую ночь. Теперь у него была одна мысль, стать на колѣни передъ той, которую онъ во второй разъ спасъ отъ смерти.

Келья оказалась пустою.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ

I

БАШМАЧЕКЪ

Въ то время какъ бродяги начали осаждать церковь, Эсмеральда спала. Скоро усилившійся шумъ и тревожное блѣяніе козочки разбудили ее. Она приподнялась, прислушалась, посмотрѣла, и испуганная шумомъ и свѣтомъ, выбѣжала изъ кельи. Видъ площади, безпорядокъ ночной осады, страшная толпа, прыгающая какъ масса лягушекъ, и едва видная въ темнотѣ, странный крикъ этой толпы, рѣдкіе, красноватые факелы, появившіеся и исчезавшіе, какъ блуждающіе огни въ болотѣ, — вся эта ночная сцена показалась ей битвою привидѣній и каменныхъ церковныхъ чудовищъ.

Съ дѣтства напитанная суевѣріемъ въ цыганскомъ таборѣ, она

остановилась на мысли, что это похождение ночныхъ духовъ и снова зарылась въ постель отъ страха.

Между тѣмъ по усиливающемуся шуму и другимъ признакамъ дѣйствительности, ей скоро пришлось убѣдиться, что осаждаютъ не духи, а живые люди. Тогда страхъ ея принялъ другое направленіе. Она подумала, что народъ хочетъ вырвать ее изъ убѣжища. Ей снова вспомнилась возможность жить, видѣть Феба, безъ котораго она не умѣла представить будущности; ея совершенная безпомощность, рѣшительная невозможность бѣжать и другіе мрачные образы. Она упала на колѣни, спрятала голову въ постель, скрестила руки надъ головою, и цыганка, язычница, съ рыданіемъ начала молить о защитѣ христіанскаго Бога и свою покровительницу Богоматерь. Бываютъ минуты въ жизни закоренѣлыхъ скептиковъ, когда имъ приходится признать религію того храма, который первый имъ встрѣтится въ трудную минуту.

Такъ оставалась она долго, поминутно содрагаясь отъ приближающагося шума, ничего не понимая, ничего не видя, не чувствуя страшнаго исхода. Вдругъ раздались шаги возлѣ нея; она обернулась. Двое мужчинъ съ фонаремъ вошли въ келью. Она слабо вскрикнула.

— Не бойтесь, это я! сказалъ какой-то знакомый голосъ.

— Кто вы? спросила она.

— Шерь Гренгуаръ.

Это имя ободрило ее. Она подняла глаза и дѣйствительно узнала поэта. Но подлѣ него стояла еще черная фигура, закутанная съ головы до ногъ и поразившая ее своимъ молчаніемъ.

— А! сказалъ Гренгуаръ съ упрекомъ: — Джали узнала меня прежде васъ.

Козочка въ самомъ дѣлѣ не дожидалась, пока Гренгуаръ назоветъ себя. Едва онъ вошелъ въ дверь, какъ она начала виться у его ногъ, осыпая поэта ласками и шерстью, потому что она линяла. Гренгуаръ тоже не остался въ долгу.

— Кто это съ вами? тихо спросила цыганка.

— Будьте спокойны, это одинъ изъ моихъ друзей.

Тогда философъ поставилъ фонарь на полъ, присѣлъ самъ и вскричалъ, съ восторгомъ сжимая Джали въ своихъ объятіяхъ:

— О граціозное животное, конечно болѣе цѣнное за чистоту, чѣмъ за величину, умное, понятливое, ученое какъ любой сло-

весникъ. Ну, Джали, ты ничего не забыла изъ прежнихъ штукъ? Какъ Жакъ Шармолю...

Черный человекъ не далъ ему докончить. Онъ подошолъ и грубо потрясъ его за плечо. Гренгуаръ всталъ.

— Правда, а я и позабылъ, что нужно торопиться! Однакожь не слѣдуетъ все-таки такъ обходиться съ людьми. Прелестное дитя, ваша жизнь въ опасности, также и жизнь Джали. Васъ опять хотятъ взять отсюда. Мы ваши друзья и пришли спасти васъ. Идите за нами.

— И это правда? вскричала онъ въ волненіи.

— Истинная правда. Идите скорѣе!

— Хорошо! сказала она: — но отчего вашъ другъ не говорить ни слова?

— Его родители были странные люди и произвели его на свѣтъ мрачнымъ! отвѣчалъ Гренгуаръ.

Ей пришлось удовлетвориться этимъ объясненіемъ. Гренгуаръ взялъ ее за руку; товарищъ его поднялъ фонарь и пошолъ впереди. Отъ страха Эсмеральда дѣйствовала машинально. Козочка подпрыгивала вслѣдъ за ними отъ радости, что видитъ Гренгуара и безпрестанно мѣшала ему идти, просовывая свои рожки между его ногами.

— Вотъ жизнь! повторялъ Гренгуаръ каждый разъ, какъ приходилось спотыкаться: — часто наши лучшіе друзья бываютъ виновниками нашего паденія!

Они быстро сошли по лѣстницѣ, прошли темную церковь, гудящую отъ шума снаружи, и вышли на монастырскій дворъ черезъ красную дверь. Монастырь опустѣлъ. Монахи убѣжали въ епископскій домъ молиться, на дворѣ кое-гдѣ укрывались только иснуганные слуги. Они подошли къ калиткѣ, ведущей на рѣку. Черный человекъ отперъ ее ключемъ. Ключекъ земли, находящійся за калиткой, принадлежалъ собору; на немъ никого не было. Шумъ слышался тамъ уже не такъ сильно. Свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтви единственнаго дерева, и можно было уже разслышать ихъ шелестъ. Но опасность была все-таки близка. Сосѣднія строенія были соборъ и епископское подворье. Въ послѣднемъ кавалось была большая тревога. Темный фасадъ его пестрѣлъ огоньками, свѣтъ перелбгалъ изъ окна въ окно, какъ искра по пеплу сожженной бумаги. Съ другой стороны черныя башни собора на красномъ фонѣ зарева, похожія на два гигантскія бревна изъ камина цыклоповъ. Остальныя

части города являлись глазу въ темнотѣ, прорѣзываемой свѣтомъ. У картинъ Рембранта бываетъ такой фонъ.

Человѣкъ съ фонаремъ шолъ прямо къ концу острова. У самой воды были развалины забора, перемѣшанные съ рогожами и столбами, по которымъ вился низенькій виноградникъ. Тутъ-то въ тѣни стояла маленькая лодка. Черный человѣкъ пригласилъ знакомъ Гренгуара и его спутницу войти въ нее; козочка послѣдовала за ними. Самъ незнакомецъ вошелъ послѣдній, обрѣзалъ причалъ, отбросилъ его на землю палкой, схватилъ два весла, сѣлъ впередъ и началъ грести изо всѣхъ силъ, направляясь къ срединѣ рѣки. Сена очень быстра на этомъ мѣстѣ и ему трудно было выбраться на средину. Первой заботой Гренгуара при входѣ въ лодку было взять козу на колѣни. Онъ сѣлъ на заднее мѣсто, а Эсмеральда, чувствовавшая невольный страхъ при видѣ незнакомца, прижалась къ поэту. Когда лодка отчалила, поэтъ захопалъ въ ладоши и поцѣловалъ Джали между рожками.

— Теперь мы всѣ четверо спасены! вскричалъ онъ и прибавилъ съ видомъ глубокаго мыслителя: — иногда бываешь обязанъ удачѣ, а иногда и хитрости хорошимъ исходомъ дѣла.

Лодка тихо плыла къ правому берегу. Дѣвушка съ тайнымъ страхомъ разсматривала незнакомца. Онъ тщательно скрылъ огонь въ своемъ потайномъ фонарѣ. Въ темнотѣ онъ видѣлся на носу лодки какъ привидѣніе. Опущенный капюшонъ составлялъ родъ маски, и когда при взмахѣ веселъ расходились его широкіе рукава, они напоминали крылья летучей мыши. Онъ во все время не произнесъ ни малѣйшаго звука. Въ лодкѣ слышались только удары веселъ, да плескъ разсѣкаемой воды.

— Клянусь моею душою! вскричалъ Гренгуаръ: — какое веселое общество! Мы молчимъ, какъ ученики Пифагора или здѣшнія рыбы? *Pasque-Dieu*, друзья, мнѣ очень бы хотѣлось услышать человѣческое слово! Человѣческой голось пріятная музыка для уха. Это говорю не я, а Дидимъ Александрійскій, а его слова знамениты. Конечно Дидимъ Александрійскій былъ не послѣдній философъ. Ну, одно слово, милое дитя! скажите хоть одно слово! Кстати, помните, у васъ была такая смѣшная гримаска; вы ее еще не забыли? Знаете ли, моя милая, что парламентъ имѣетъ власть надъ всѣми убѣжищами, и вамъ могло бы плохо прійтись въ вашей соборной келейкѣ? Увы, одна маленькая птичка свиваетъ себѣ гнѣздо въ самой пасти крокодила. Метръ, вотъ луна показалась.

Какъ бы насъ не увидали! Мы поступаемъ похвально, спасая дѣвочку, однакожъ насъ бы непремѣнно повѣсили именемъ короля, еслибъ мы попались. Увы, дѣйствія человѣка разматриваются съ двухъ точекъ. Въ одномъ порицають то, что прославляютъ въ другомъ. Человѣкъ, удивляющійся Цезарю, порицаетъ Катилину. Не такъ ли метръ? что вы скажете объ этой философiи? Я постигаю философiю инстинктомъ, *ut apes geometriam*. Ну вотъ, никто не отвѣчаетъ! Какое странное расположенiе духа у васъ обоихъ сегодня; приходится говорить одному. Въ трагедiи мы называемъ это монологомъ. *Pasque-Dieu!* Объявляю вамъ, что я видѣлъ Людовика XI и у него выучился этому слову. *Pasque-Dieu!* Они все еще режутъ тамъ въ городѣ. Король презлой старичишка, весь завернутый въ мѣхъ. Онъ до сихъ поръ не платитъ мнѣ долгъ за эпиталаму и въ добавокъ чуть меня не повѣсилъ сегодня, а это было бы скверно. Онъ скупъ для людей достойныхъ. Ему бы слѣдовало прочесть четыре книги Сальвиена Кельнскаго: *Adversus avaritiam*. Въ самомъ дѣлѣ это очень экономный король въ отношенiи поэтовъ и слишкомъ ужъ щедрый на всякiя варварства. Это губка, высасывающая деньги изъ народа. Оттого-то всѣ жалобы на тяжкiя времена переходятъ въ ропотъ на короля. При этомъ набожномъ принцѣ висьлицы домятся отъ казенныхъ, кровь не успѣваетъ высыхать, тюрьмы пучатся, какъ слишкомъ полный желудокъ. У этого короля одна рука загребааетъ, а другая вѣшаетъ. Это прокуроръ г-на Откупа и госпожи Висьлицы. У дворянъ отнимають почести, а народъ то и дѣло обременяють налогами. Это скверный король, я не люблю его. А вы?

Черный человѣкъ давалъ волю болтливому поэту. Онъ предлагалъ бороться съ сильнымъ теченiемъ между старымъ городомъ и соборнымъ островкомъ, который называется теперь островомъ св. Людовика.

— Кстати, метръ! вдругъ сказалъ Гренгуаръ: — замѣтили вы, когда мы проталкивались къ собору между проклятыми бродягами, того малютку, которому вашъ глухарь готовился разможить голову о рамку галереи французскихъ королей? Я близорукъ и не могъ узнать его. Не знаете ли вы, кто бы это могъ быть?

Незнакомецъ не отвѣтилъ ни слова, только вдругъ пересталъ грести; рука его опустилась въ изнеможенiи, голова упала на грудь и Эсмеральдѣ послышался конвульсивный вздохъ. Она въ свою очередь вздрогнула. Ей уже приходилось слышать подобныя

вздохи. Лодка, предоставленная собственному произволу, нѣсколько времени плыла по теченію. Скоро черный человѣкъ опомнился, схватился за весла и снова поплылъ противъ воды. Онъ обогнулъ соборный островокъ и направился къ сѣнной пристани.

— А, вонъ замокъ Барбо! сказалъ Гренгуаръ : — посмотрите метръ на эту группу черныхъ крышъ, образующихъ такіе странные углы, тамъ, подъ этой кучей разорванныхъ, грязныхъ облаковъ, по которымъ луна разлилась какъ желтокъ изъ разбитаго яйца. Прекрасное зданіе. Есть тутъ часовенька съ маленькимъ сводомъ, украшеннымъ отличными орнаментами. Надъ нею прелестная колокольня. Есть также презабавный садикъ, состоящій изъ пруда, птичника, эхо, отдѣленія для игры въ шары, лабиринта, звѣринца четырехъ густыхъ аллей, очень пріятныхъ Венеръ. Есть также одно дерево, прозванное деревомъ сладострастія, потому что его тѣню воспользовалась одна знаменитая принцеса и одинъ остроумный и любезный конетабль Франціи. Увы! мы бѣдные философы также относимся къ конетаблямъ, какъ кочень капусты къ луврскому саду. Но всякому свое! Жизнь для великихъ и малыхъ людей равно имѣетъ свои худыя и хорошія стороны. Горе всегда недалеко отъ радости, какъ спондей отъ дактиля. Метръ, нужно вамъ рассказать эту исторію въ замкѣ Барбо. У ней очень трагическій конецъ. Это было въ 1319 году, въ царствованіе Филипа V, самаго длиннаго изъ французскихъ королей. Мораль моей исторіи та, что искушенія плоти пагубны. Не будемъ слишкомъ заглядываться на жену ближняго, какъ бы сладко ни дѣйствовала ея красота на наши чувства. Прелюбодѣянiе слишкомъ либеральное чувство; оно происходитъ отъ желанія испытать чужое наслажденіе, отъ любопытства... О, да тамъ шумъ сталъ еще сильнѣе!

Въ самомъ дѣлѣ шумъ около собора усилился. Они прислушались: побѣдные крики ясно долетали до ихъ ушей. Вдругъ сотни факеловъ, отражавшіеся на каскахъ военныхъ, появились на всѣхъ пунктахъ собора, на башняхъ, галереяхъ, подъ сводами. Казалось отыскивали чего-то и скоро до ушей бѣглецовъ долетѣли слова : «цыганку! смерть колдунѣ!» Бѣдняжка закрыла руками голову, а незнакомецъ съ удвоенною скоростью сталъ грести къ берегу. Между тѣмъ нашъ философъ предавался размышленіямъ. Онъ сжималъ въ объятіяхъ козочку и старался потихоньку отстраниться отъ цыганки, которая все ближе прижималась къ нему, какъ къ единственному защитнику.

Конечно Гренгуаръ былъ въ критическомъ положеніи. Онъ зналъ, что козочка, *въ силу существующаго закона*, должна быть повѣшена, если вновь попадется судьямъ. Какъ будетъ жаль бѣдную Джали! А спасать разомъ двоихъ — вещь очень трудная; кому же товарищъ его кажется охотно принялъ бы на себя заботу объ Эмеральдѣ. Въ мысляхъ его происходила борьба, въ которой, какъ Юпитеръ илліады, онъ взвѣшивалъ то цыганку, то козу и поглядывалъ на обѣихъ глазами полными слезъ, говоря про себя: «но вѣдь не могу же я спасти васъ обѣихъ!»

Толчекъ лодки о берегъ далъ имъ знать, что они приѣхали. Шумъ на противоположной сторонѣ все еще продолжался. Незнакомецъ подошелъ къ цыганкѣ и хотѣлъ подать ей руку, чтобы выйти изъ лодки, но она оттолкнула его и уцѣпилась за рукавъ Гренгуара, который въ свою очередь почти оттолкнулъ ее, занятый заботой о козочкѣ. Тогда она сама выпрыгнула изъ лодки. Она была такъ смущена, что не знала куда идти и что дѣлаетъ и нѣсколько минутъ простояла, машинально глядя на руку. Когда воротилось сознание, она стояла на берегу одна съ незнакомцемъ. Гренгуаръ вѣроятно воспользовался ея раздумьемъ, чтобы скрыться съ козой между домами улицы Grenier sur l'eau. Бѣдная цыганка вздрогнула. Она хотѣла говорить, кричать, звать Гренгуара, но языкъ не повиновался ей и губы не произнесли ни одного звука. Вдругъ она почувствовала, что ее берутъ за руку холодной, но сильной рукою. Зубы ея застучали; она стала блѣднѣе луннаго луча, освѣщавшаго ее въ эту минуту. Черный человекъ не сказалъ ни слова. Онъ началъ входить на берегъ по направленію къ гревской площади, держа ее за руку. Въ эту минуту она смутно почувствовала, что сила судьбы неотразима. У ней пропало все сознание, ее тащили, она машинально шла слѣдомъ. Въ этомъ мѣстѣ набережная идетъ въ гору, но ей казалось, что она скатывается въ какую-то пропасть. Она оглянулась по сторонамъ — ни одного прохожаго. Набережная была совершенно пуста. Весь шумъ, все людское движеніе было на той сторонѣ, но оттуда долетало до нея ея имя съ угрозами смерти. Весь остальной Парижъ погружонъ былъ въ тишину и глубокій мракъ.

Незнакомецъ все увлекалъ ее впередъ съ прежней силой и прежнимъ молчаніемъ. Она рѣшительно не помнила тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проходили. Проходя мимо одного освѣщеннаго окна, она попробовала вырваться и крикнула «помогите!» Хозяинъ дома вы-

сунулся изъ окна съ фонаремъ, въ рубашкѣ, тупо оглядѣлъ площадь, проворчалъ что-то и закрылъ окно ставнемъ. Последняя надежда исчезла.

Черный человекъ не сказалъ ни слова, только крѣпче сжалъ ея руку и пошелъ еще шибче. Она больше и не пробовала сопротивляться, только отъ времени до времени спрашивала его голосомъ, прерывающимся отъ скорой ходьбы и усталости :

— Кто вы ? Да кто же вы ?

Но онъ не отвѣчалъ.

Такъ прошли они, все вдоль набережной, къ довольно большой площади. Показалась луна. То была гревская площадь. Посрединѣ возвышался родъ черного креста : это была висѣлица. Незнакомецъ остановился, поднялъ свой капюшонъ и обратился къ ней.

— О ! прошептала она съ ужасомъ : — я знала, что это опять онъ !..

Да, это былъ священникъ, но уже болѣе похожій на привидѣніе отъ игры луннаго свѣта. При этомъ свѣтѣ кажется всѣ предметы видишь въ фантастической формѣ.

— Слушай ! сказалъ онъ ей, и она вздрогнула отъ этого страшнаго голоса, который уже давно не раздавался въ ея ушахъ. Онъ говорилъ порывисто, какъ люди, испытывающіе внутреннюю муку : — Слушай ! Мы здѣсь одни, я буду говорить съ тобою. Это гревская площадь. Это граница между жизнью и смертью. Судьба передаетъ насъ другъ другу. Твоя жизнь въ моихъ рукахъ, а моя душа въ твоихъ. Вотъ ночь и темная площадь, ничего не видно. Слушай ! я скажу тебѣ... Вопервыхъ, не говори мнѣ о своемъ Фебѣ (говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ и все тащилъ ее за собою). Не говори о немъ. Видишь ли ! Если ты произнесешь это имя, я еще не знаю, что можетъ случиться, но случится ужасное.

Высказавъ это, онъ остановился, какъ тѣло, нашедшее центръ тяготѣнія, но въ словахъ его все еще слышалась тревога. Голосъ становился все тише и тише.

— Не отворачивайся отъ меня. Слушай ! это дѣло серьезное. Вопервыхъ, вотъ что случилось. Увѣряю тебя, что тутъ не до смѣха. Чтоже я говорилъ такое ? напомни мнѣ ! А ! парламентъ далъ приказъ взять тебя изъ убѣжища. Я вырвалъ тебя у нихъ. Но они гонятся слѣдомъ, посмотри !

Онъ указалъ на старый городъ. Поиски тамъ продолжались. Шумъ приближался ; башня лейтенантскаго дома, выходящая на

гревскую площадь, оовѣтилась огнями, по другой сторонѣ набережной бѣгали солдаты съ факелами и крикомъ: «Смерть, смерть цыганкѣ!»

— Ты видишь, что я не солгалъ тебѣ, тебя преслѣдуютъ. А я люблю тебя. Не раскрывай рта! не говори лучше ни слова, если ты хочешь опять высказывать свою ненависть. Я рѣшилъ не слышать болѣе этихъ словъ. Дай мнѣ кончить. Я спасу тебя, я могу и совсѣмъ спасти тебя. У меня все готово, отъ тебя зависитъ лишь захотѣть. Я смогу все, чего ты пожелаешь.

Онъ остановился.

— Нѣтъ, не это нужно было сказать!

И онъ опять повлекъ ее за собой къ висѣлицѣ, и указывая на нее пальцемъ, сказалъ холодно:

— Выбери между нами!

Она вырвалась изъ его рукъ и упала у подножія висѣлицы, чувствуя эти мрачныя ступени, потомъ вполонину повернула къ нему свою прелестную головку и взглянула какъ неземная у подножія креста. Священникъ стоялъ неподвижно, попрежнему указывая на висѣлицу, какъ каменная статуя.

Наконецъ цыганка сказала ему:

— Она пугаетъ меня менѣе, нежели вы.

Тогда онъ медленно опустилъ руку и съ отчаяніемъ сталъ глядѣть на мостовую.

— Еслибы эти камни могли говорить! прошепталъ онъ: — они вѣрно бы сказали: какой это несчастный человекъ!

И онъ опять заговорилъ тихимъ и жалобнымъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ его суровыми и жесткими чертами. Эсмеральда не прерывала его; она осталась на коленяхъ у подножія креста, вся закрытая своими роскошными волосами.

— О, я люблю васъ! О, это суцая правда. Неужели ни одна искра этого пламени, сожигающаго мнѣ сердце, не проглядываетъ въ моей наружности? Увы, я мучусь дни и ночи, да, дни и ночи! Неужели это не заслуживаетъ хоть жалости! Эта неугомонная страсть — пытка, увѣрю васъ! О, какъ я страдаю, мое бѣдное дитя! Вы видите, я теперь кротко говорю съ вами. Мнѣ бы хотѣлось не вселять въ васъ ужаса. Вѣдь человекъ не виноватъ, если полюбитъ женщину! О Господи, неужели вы никогда не простите мнѣ? Будете вѣчно меня ненавидѣть? Неужели все кончено? Вотъ это-то и дѣлаетъ меня злымъ, увѣрю васъ! Я становлюсь самъ себѣ нена-

вистенъ. Вы не хотите даже взглянуть на меня! Вы можете быть думаете о чемъ-нибудь другомъ, между тѣмъ какъ я съ трепетомъ говорю съ вами въ страшную для насъ обоихъ минуту. Пуще всего не поминайте объ офицеръ! Какъ! я пресмыкаюсь въ прахъ, цѣдую, не ноги ваши, вы этого не позволите, но землю, на которую вы ступали; рыдаю какъ дитя, вырываю изъ груди сердце, всю внутренность, чтобъ доказать вамъ любовь мою, и все это напрасно, все! А между тѣмъ у васъ душа нѣжная, милосердая. На вашемъ лицѣ сіяетъ кротость, все ваше существо состоитъ изъ чистоты, доброты, милосердія и прелести. Увы, только для меня одного находится злоба въ вашемъ сердцѣ. О, какая ужасная случайность.

Онъ закрылъ лицо руками. Эсмеральдѣ послышался плачь. Это были его первыя слезы. Этотъ человекъ, рыдающій стоя, былъ болѣе жалокъ, чѣмъ еслибъ онъ рыдалъ на колѣняхъ. Долго плакалъ онъ такъ.

— Ну, не знаю что говорить теперь! сказалъ онъ нѣсколько успокоившись: — а между тѣмъ я обдумалъ все что нужно сказать вамъ. Теперь, въ рѣшительную минуту я дрожу, заикаюсь и чувствую что-то необъяснимое. О, я кажется упаду на мостовую, если вы надо мною не сжалитесь. Не произносите нашего общаго приговора. Еслибъ вы знали, какъ я люблю васъ! Что такое мое сердце? О, куда дѣвалась вся добродѣтель, какъ страшно я опустился! Какъ ученый, я бросаю науку; какъ дворянинъ, топчу въ грязь свое имя; какъ священникъ, оскверняю свой санъ! И все это для тебя, очаровательница, чтобъ вѣрнѣе попасть въ адъ съ тобой вмѣстѣ! А ты отвертываешься отъ отступника! О, я скажу тебѣ все, все что даже ужаснѣе этихъ моихъ преступленій!

При послѣднихъ словахъ, лицо его приняло безумное выраженіе. Онъ помолчалъ съ минуту и громко продолжалъ, какъ бы говоря самъ съ собою:

— Каинъ, что сдѣлалъ ты съ своимъ братомъ?

Онъ замолчалъ опять и потомъ продолжалъ:

— Что я съ нимъ сдѣлалъ, Господи? Я взялъ его, воспиталъ, вскормилъ, любилъ, обожалъ и наконецъ убилъ его! Да, Господи, сейчасъ ему разбили голову, въ моихъ глазахъ, о камни твоего дома и я виноватъ въ этомъ, виновата вотъ эта женщина, она...

Взглядъ его былъ страненъ; голосъ ослабѣвалъ; онъ повторилъ еще нѣсколько разъ, машинально, съ довольно продолжительными

интервалами, какъ колоколь продолжающей послѣднюю вибрацію... Для нея... Для нея!... Потомъ языкъ не сталъ ему повиноваться, двигались только губы безъ звука. Вдругъ, онъ рухнулъ на землю и остался такъ безъ движенія, спрятавъ въ колѣни голову. Движеніе дѣвушки, высвобождавшей изъ подъ него свою ногу, привело его въ сознаніе. Онъ медленно провелъ рукою по впадымъ щекамъ, посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свои мокрые пальцы:

— Неужели я плакалъ! прошепталъ онъ.

И обращаясь къ цыганкѣ съ невыразимой горечью:

— Горе мнѣ! Вы холодно смотрѣли на мои слезы! Дитя, знаешь ты, что эти слезы — лава? Неужели можно быть ко всему равнодушной въ человѣкѣ, котораго ненавидишь? Ты могла бы смѣяться при видѣ моей смерти. О, я не хочу чтобы ты умерла! Одно слово! Только одно слово прощенія! Не говори, что ты меня любишь, согласишься только и я спасу тебя. Иначе... О! время проходить. Умоляю тебя всѣмъ святымъ, не дожидайся пока я обращусь опять въ камень, какъ эта висѣлица, которая также простираетъ за тобой руки! Вспомни, что судьба наша въ моихъ рукахъ, что я безумецъ, о это ужасно! Я могу опустить руки, а подъ нами страшная бездна, несчастная! Мое паденіе увлечетъ и тебя за собою! Одно доброе слово! Только одно слово, ничего болѣе!

Она открыла ротъ. Онъ упалъ на колѣни, чтобы, какъ святыню, принять можетъ-быть слово прощенія.

— Вы убійца! сказала она ему.

Священникъ схватилъ ее съ дикой злобой и принялся хохотать ужаснымъ смѣхомъ.

— Ну да, убійца! сказалъ онъ, — но ты будешь моею! Ты не хочешь имѣть меня рабомъ, ну я буду твоимъ господиномъ. Ты будешь моею! У меня есть притонъ, куда я отнесу тебя. Ты пойдешь за мною; не можешь не пойти, потомучто, въ противномъ случаѣ, я предамъ тебя! Или смерть или я, моя красавица! Нужно отдаться священнику, отступнику, убійцѣ и въ эту же ночь, или погибнуть, слышишь? Ну, веселись, цѣлуй меня, безумная! Мои объятія или могила!

Глаза его сверкали гнѣвомъ и страстью. Вго занекшіяся губы оставляли красныя пятна на шеѣ дѣвушки. Она билась въ его рукахъ, а онъ покрывалъ ее жгучими поцѣлуями.

— Не кусай меня, чудовище! кричала она. О, ненавистный мо-

нахъ! оставь меня! Я вырву твои сѣверные сѣдые волосы и горстями стану кидать ихъ тебѣ въ лицо!

Онъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, потомъ отпустилъ руки и сталъ мрачно смотрѣть на нее. Она думала, что побѣда на ея сторонѣ и продолжала.

— Говорятъ тебѣ, что я вся принадлежу мосму Фебу, что люблю одного Феба, что Фебъ мой красавецъ, а ты, монахъ, ты старъ и безобразенъ! Прочь отъ меня!

Онъ вскрикнулъ какъ преступникъ, заклеянный горячимъ железомъ.

— Такъ умри же! прошипѣлъ онъ скрежеща зубами. Она увидѣла его страшный взглядъ и хотѣла бѣжать, но онъ схватилъ ее, повалилъ на землю и побѣждалъ къ башнѣ Роланда, таща ее по мостовой за ея чудныя руки.

У башни онъ остановился.

— Въ послѣдній разъ, хочешь быть моею?

Она съ силою отвѣчала.

— Нѣтъ!

Тогда онъ громко закричалъ:

— Гудула! Гудула! Вотъ цыганка, — отомсти за себя!

Дѣвушка почувствовала, что ее схватили за локоть. Она оглянулась. Это была костлявая рука, высунувшаяся изъ отверстія въ стѣнѣ. Ее стиснули какъ клещами.

— Держи, держи! говорилъ священникъ, это бѣглая цыганка. Не отпускаяй ее; я приведу сержантовъ, и ты увидишь какъ ее повесятъ!

Глухой смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Ха! ха! ха! — Цыганка видѣла какъ священникъ побѣждалъ къ соборному мосту. Съ этой стороны слышенъ былъ лошадиный топотъ.

Бѣдняжка узнала злую затворницу и попробовала было вырвать руку, отчаянно билась, но ее держали съ невѣроятной силой. Костлявые пальцы обвили въ кругъ руки и соединились кольцомъ, какъ прикованныя. Это были живые клещи, одаренные сознаниемъ.

Когда она упала выбившись изъ силъ, страхъ смерти совершенно овладѣлъ ею. Она подумала о прелести жизни, о своей красотѣ, о небѣ, о природѣ, о Фебѣ и его любви, обо всемъ что прошло и что ждетъ впереди, о священникѣ, который ее погубилъ, о палацѣ и о висѣльцѣ. Ужасъ проникъ ей до мозга костей, а надъ ухомъ раздавался смѣхъ и слова затворницы.

— Ха! ха! ха! тебя повѣять!

Она повернулась къ окошечку и увидѣла сухое лицо между желѣзными прутьями.

— Что я вамъ сдѣлала? спросила она съ смертнымъ отчаяніемъ.

Затворница не отвѣчала, но принялась злобно и насмѣшливо повторять на распѣвъ.

— Дочь Египта! дочь Египта! дочь Египта!

Эсмеральда закрыла лицо волосами, убѣдившись, что передъ нею неразумное существо.

Вдругъ старуха встрепенулась, какъ будто вопросъ Эсмеральды только-что долетѣлъ до ея слуха.

— Что ты мнѣ сдѣлала, говоришь ты? А! что ты мнѣ сдѣлала, дочь Египта! Ну слушай! У меня было дитя! дитя, говорятъ тебѣ! хорошенькая дочка, Агнеса! вскричала она цѣлуя какой-то предметъ въ темнотѣ. — Ну, вотъ видишь ли, цыганка, у меня унесли мою дочку, украли моего ребенка, съѣли мое дитя. Вотъ что ты мнѣ сдѣлала!

Дѣвушка отвѣчала какъ ягненокъ въ баснѣ:

— Увы, тогда меня можетъ и не было на свѣтѣ!

— О, ты должна уже была существовать! вскричала затворница. — Она была бы теперь твоихъ лѣтъ! Такъ! Теперь пятнадцать лѣтъ, какъ я здѣсь, пятнадцать лѣтъ я страдаю; пятнадцать лѣтъ молюсь; пятнадцать лѣтъ бьюсь головою объ стѣны. Ее украли цыганки, слышишь ли? И съѣли ее своими скверными зубами! Есть у тебя сердце? Ну, такъ представь себѣ что такое ребенокъ, когда онъ смѣется, сосетъ грудь или засыпаетъ. Какая это невинность! Ну, такъ вотъ что у меня отняли и убили! Богъ знаетъ это! Теперь моя очередь, и я попробую цыганскаго мяса. О, какъ бы я тебя укусила, еслибы не рѣшетка. У меня голова велика, не пройдетъ! Бѣдная моя малюточка! Она спала въ это время! Если даже проснулась, то кому было услышать ея крика; меня тамъ не было! А! цыганскія матери, вы съѣли мое дитя, глядите теперь на свое!

И она начала хохотать и скрежетать зубами; смѣхъ и скрежетъ были впрочемъ очень сходны другъ съ другомъ на этомъ злобномъ лицѣ. Начиналось утро. Сѣроватый свѣтъ озарилъ эту сцену, и всѣ лица еще болѣе выяснились. Несчастная Эсмеральда начинала уже слышать приближающійся топотъ со стороны соборнаго моста.

— Судьбина! вскричала она, падая на колѣни, почти обезумѣвъ отъ ужаса. — Сжальтесь! это они! Я ничего вамъ не сдѣлала. Неужели вы хотите видѣть мою мучительную смерть? Я увѣрена, что въ васъ должна быть жалость. Это будетъ слишкомъ ужасно! Отпустите меня! Сжальтесь, я не хочу умирать!

— Отдай мнѣ мое дитя! отвѣчала затворница.

— Сжальтесь! Сжальтесь!

— Отдай дитя мое!

— Ради-бога пустите меня!

— Отдай мнѣ мою дѣвочку!

Бѣдьяжка еще разъ упала, выбившись изъ силъ. Глаза ея уже начали принимать стеклянный видъ, какъ у умирающаго.

— Увы! прошептала она: — вы ищете свое дитя, а я ищу своихъ родителей.

— Отдай мнѣ мою маленькую Агнесу, продолжала Гудула. — Ты не знаешь гдѣ она, ну такъ умри! Слушай: Я была публичная женщина, у меня было дитя; мое дитя украли цыганки. Видишь, что ты должна умереть. Когда твоя мать придетъ за тобою, я скажу ей: Мать, поищи на этой висѣлицѣ! Или отдай мнѣ лучше мое дитя! Ты знаешь гдѣ она, моя дочка? Смотри, вотъ ея башмачекъ; это все, что мнѣ отъ нея осталось. Знаешь ли ты, гдѣ можно найти къ нему пару? Если знаешь, скажи мнѣ и я пойду за нимъ на край свѣта, поползу на колѣняхъ.

И она указывала свободной рукою на вышитый башмачекъ. Было уже довольно свѣтло для того, чтобы различить его фигуру и цвѣтъ.

— Покажи мнѣ этотъ башмачекъ, сказала дрожащая Эсмеральда. — Боже! Боже!

И она поспѣшно открывала свободной рукою ладонку съ зеленымъ стекломъ, которую носила на шеѣ.

— Разсматривай свой дьявольскій талисманъ! вскричала Гудула. Вдругъ она замолчала, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и закричала голосомъ, выходящимъ изъ самой глубины души: Дочь моя!

Цыганка вытащила изъ ладонки маленькій башмачекъ, совершенно похожій на первый. Къ башмачку прикрѣпленъ былъ кусокъ пергамента, съ словами:

«Когда къ нему сыщется пара, ты найдешь свою мать.

Быстрые молнии, затворница слыхала башмачекъ, прочла надъ

пись, и прильнула къ рѣшоткѣ лицомъ, сіяющимъ небесною радостью.

— Дочь моя! дочь моя!

— Матушка! отвѣчала цыганка.

Но эту сцену мы отказываемся описывать.

Между ними была стѣна и желѣзная рѣшотка.

— О, эта стѣна! кричала затворница. — О, видѣть ее, и не мочь расцѣловать! Дай мнѣ твою руку!

Дѣвушка просунула ей руку сквозь рѣшотку, затворница бросилась на нее, прильнула губами и такъ и замерла на этомъ поцѣлуѣ: только повременамъ раздавались ея рыданія. Слезы ея лились рѣкою, тихо, какъ ночной дождь. Бѣдная мать выплакивала надъ этой рукою всю бездну накопившаго горя въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Вдругъ она поднялась, отвела отъ лица свои длинныя сѣдые волосы, и не говоря ни слова, принялась обѣими руками раскачивать желѣзныя прутья рѣшотки, какъ раздраженная львица. Прутья не подавались. Тогда она принесла изъ угла своей кельи огромный камень, служившій ей изголовьемъ, и бросила его съ такой силой, что одинъ пруть разлетѣлся въ дребезги. Второй ударъ совершенно вышибъ старый желѣзный крестъ, заслонявшій окно. Есть минуты, когда руки женщины приобретаютъ сверхъестественную силу. Въ одну минуту затворница схватила свою дочь за талью, и втащила въ келью.

— Надо вырвать тебя изъ бездны! шептала она.

Въ кельѣ она тихонько опустила ее на полъ, потомъ взяла опять на руки и стала носить ее, какъ-будто она прежняя маленькая Агнеса. Такъ ходила она по келейкѣ, веселая до безумія, пѣла, кричала, цѣловала свою дочку, говорила, плакала, хохотала, и все въ одно время.

— Вотъ у меня опять есть дочь! Господь возвратилъ мнѣ ее. Идите сюда все, смотрите на мое счастье! Господи, какъ она хороша! Ты заставилъ меня пятнадцать лѣтъ дожидаться ее, Господи, но зато какъ она и похорошѣла. Такъ цыганки ея не съѣли! Кто бы могъ это подумать! Дочка моя, поцѣлуй же меня! Эти добрыя цыганки! Я люблю цыганокъ! Да, это ты. Такъ вотъ отчего всегда было у меня сердце, когда ты приходила, а я-то принимала это за ненависть! Прости меня, моя Агнеса, прости! Ты вѣдь думала, что я очень зла, неправда ли? Какъ я люблю тебя! Покажи-ка, цѣлуй

ли у тебя знакъ на шейкѣ? Вотъ онъ. О, какъ она хороша! Это я вамъ дала такіе большіе глаза, сударыня. Цѣлуй же меня! Я люблю тебя! Теперь мнѣ все-равно, что у другихъ есть дѣти; что мнѣ до другихъ матерей? Пусть-ка посмотрятъ какая у меня дочь! Какая у ней шейка, глазки, волосы, руки! Найдите мнѣ что-нибудь лучше этого! О, сколько у ней будетъ поклонниковъ! Я плакала пятнадцать лѣтъ; вся моя красота перешла къ ней. Цѣлуй меня!

Много говорила она безсвязныхъ рѣчей, вся прелесть которыхъ была въ тонѣ голоса; осматривала дочку такъ, что бѣдной дѣвушкѣ приходилось краснѣть; приглаживала ей волосы, цѣловала ноги, колѣни, лобъ, глаза, восхищалась всѣмъ. Дѣвушка не мѣнала ей, тихо, съ невыразимой нѣжностью повторяя: матушка!

— Дочка моя, говорила Гудула, прерывая рѣчь поцѣлуйми: — какъ я буду любить тебя. Мы уйдемъ отсюда и будемъ счастливы: у меня есть маленькое наслѣдство въ Реймсѣ, на нашей родинѣ. Ты знаешь Реймсѣ? О нѣтъ, ты не можешь этого помнить, ты была такая малютка! Еслибъ ты знала, что за прелесть была ты четырехъ мѣсяцевъ! На твои маленькія ножки приходили любоваться изъ Еперней, а это въ семи лье! У насъ будетъ поле и домикъ. Мы будемъ спать на одной кровати. Господи, Господи! Кто бы подумалъ это! Я нашла свою дочку!

— О, матушка! сказала дѣвушка, оправившись наконецъ отъ волненія: — цыганка мнѣ часто говорила... У насъ была одна добрая цыганка, она умерла въ прошломъ году, она ходила за мной какъ кормилица. Она-то и надѣла мнѣ этотъ мѣшочекъ на шею. Она мнѣ всегда говорила: береги эту вещь, малютка. Это сокровище. По ней ты отыщешь свою мать. Ты носишь свою мать на шеѣ. Вотъ и сбылось ея предсказаніе!

Затворница снова прижала дочь къ груди.

— Дай расцѣловать тебя, какъ мило ты рассказываешь это. Когда придемъ на свою сторону, мы пожертвуемъ маленькому спасителю твои крошечныя башмачки. Мы должны одѣлать это для пресвятой Богородицы. Господи! какой у тебя пріятный голосъ! Когда ты говорила сейчасъ, это была настоящая музыка! Господи, мой создатель! Я отыскала свое дитя! Да можно ли этому повѣрить! Вѣрно люди не умираютъ, если я осталась жива послѣ такой радости.

И она снова захопала въ ладоши, засмѣялась, и все повторяла:

— О, какъ мы будемъ счастливы!

Въ эту минуту раздался звукъ оружія и лошадиный топотъ со стороны соборнаго моста, и слышался все ближе и ближе. Цыганка съ ужасомъ кинулась къ матери.

— Спасите, спасите меня, матушка! Это они бѣгутъ!

Затворница поблѣднѣла.

— О, Господи! Я было и забыла! Тебя преслѣдуютъ! Чтоже такое ты сдѣлала?

— Не знаю, отвѣчала бѣдняжка: — но меня осудили на смерть.

— На смерть! повторила Гудула, шатаясь какъ отъ громового удара. — На смерть! медленно повторила она, пристально глядя на дочь.

— Да, матушка, отвѣчала полумертвая дѣвушка: — они хотятъ убить меня. Эта висѣлица для меня. Спасите, опасите! Вотъ они!

Затворница оставалась нѣсколько минутъ неподвижна какъ статуя, потомъ поначала головою, и наконецъ разразилась прежнимъ ужаснымъ смѣхомъ.

— Не можетъ быть! это сонъ! Какъ, я нашла тебя послѣ пятнадцатилѣтней муки, и только на одну минуту! И ее у меня отнимутъ теперь, когда она стала такая красивая, большая, говорить со мной, любить меня; и теперь они съѣдятъ ее на моихъ глазахъ, на глазахъ матери! О нѣтъ! Это невозможно. Господь не допускаетъ такихъ вещей.

Кавалькада казалось приостановилась и вдали неслышался голосъ:

— Сюда, мессиръ Тристанъ! Священникъ говорить, что мы найдемъ ее у Крысей норы.

Лошади опять поскакали.

Гудула вскочила съ ужаснымъ крикомъ:

— Спасайся! Спасайся! Дитя мое! Я все теперь вспомнила. Ты права, это идетъ смерть! Ужасъ! Прощайте! Спасайся!

Она взглянула въ окно и отшатнулась.

— Останься! сказала она глухимъ голосомъ, конвульсивно сжимая руку Эмеральды. Останься и молчи! Солдаты вездѣ, тебѣ нельзя теперь выйти, слишкомъ свѣтло.

Глаза ея были воспалены и сухи. Она помолчала съ минуту и стала ходить по кельѣ, вырывая горстями свои сѣдые волосы и разрывая ихъ потомъ зубами.

Вдругъ она сказала :

— Вотъ они. Я буду говорить съ ними. Спрячесь тутъ въ уголь. Они тебя не увидятъ. Я скажу имъ, что ты вырвалась, что я тебя отпустила: Она спустила съ рукъ Эмеральду въ самый отдаленный уголокъ кельи, усадила ее такъ, чтобы не выставлялись ни руки, ни ноги, распустила ей волосы по платью, поставила передъ ней свою кружку и камень, единственную свою мебель, воображая что кружка и камень загородятъ ее и сдѣлавши все это, упала на колѣни и стала молиться. День только еще начинался и большая часть кельи была совершенно темна.

Тогда, вблизи отъ окошка, раздаюся голосъ священника, этотъ адскій голосъ.

— Сюда, капитанъ Фебъ де-Шатонеръ!

При этомъ имени, при этомъ голосѣ, Эмеральда сдѣлала первое движеніе.

— Не шевелись! крикнула ей Гудула.

Цѣлая толпа вооруженныхъ всадниковъ окружила келью. Мать тотчасъ встала и подошла заслонить окно. На площади стояла бездна войска. Начальникъ сошелъ съ лошади и обратился къ ней :

— Мы ищемъ одну колдунью, которую нужно повѣсить, сказалъ этотъ человекъ съ страшнымъ лицомъ : — намъ сказали, что она у тебя.

Бѣдная мать старалась принять самый равнодушный видъ, отвѣчая :

— Не знаю я о чемъ вы спрашиваете.

— Чортъ побери, чтоже намъ толковалъ этотъ безумный архидіаконъ! Да гдѣ онъ?

— Монсеньёръ, онъ исчезъ, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ.

— Ну, старая колдунья, не лги. Тебѣ поручили цыганку, что ты съ нею сдѣлала?

Взвѣсивъ разочла, что отпираться ото всего не нужно и отвѣчала грубымъ, но искреннимъ тономъ :

— Если вы говорите о той высокой дѣвушкѣ, которую было мнѣ называли, то скажу вамъ, что она меня укусила и я ее выпустила. Вотъ вамъ и все. Оставьте меня въ покоѣ!

— Начальникъ сдѣлалъ гримасу.

— Смотри не лги, старое чучело! Меня зовутъ Тристаномъ Л'Ермитъ и я кумъ короля, слышишь? Это имя здѣсь знаютъ, прибавилъ онъ, оглядываясь на площадь.

— Будьте вы хоть самъ сатана, отвѣчала Гудула, начинавшая питать нѣкоторую надежду: — и тогда мнѣ нечего будетъ сказать вамъ болѣе, и я также мало васъ испугаюсь.

— Вотъ такъ кумушка, чортъ возьми! А колдунья ушла! Куда могла она направиться?

— Кажется въ улицу Мутонъ, равнодушно отвѣчала Гудула.

Тристанъ отвернулся и здѣлая знакъ своему отряду продолжать путь.

Затворница вздохнула свободно.

— Монсенъёръ, вдругъ сказалъ одинъ стрѣлокъ: — распросите-ка у старухи, почему у ея окна такъ попорчена рѣшетка.

Этотъ вопросъ снова поселилъ ужасъ въ сердцѣ бѣдной матери. Однако она несовсѣмъ потеряла присутствіе духа:

— Она всегда была такая, пробормотала она.

— Ба! подхватилъ стрѣлокъ: — еще вчера здѣсь былъ крестъ.

Тристанъ изкоса взглянулъ на старуху.

— Кажется кумушка смѣшалась!

Несчастливая чувствовала, что все будетъ зависеть отъ ея твердости и начала ухмыляться. У однихъ матерей бываетъ на столько силы воли.

— Ну этотъ пріятель пьянь! сказала она. — Уже болѣе года телѣга съ камнями ударила задомъ въ мое окно и повредила рѣшетку, я даже выбрала тогда извозчика.

— Это правда, сказалъ другой стрѣлокъ: — я былъ при этомъ.

Всегда находятся люди въ толпѣ, видѣвшіе все на свѣтѣ.

Этотъ неожиданный свидѣтель ободрилъ Гудулу, которая до того была какъ на горячихъ угляхъ.

Но судьба постоянно повергала ее изъ свѣта въ мракъ.

— Еслибы это сдѣлала телѣга, сказалъ первый солдатъ: — прутья вогнулись бы внутрь, а теперь они вышли наружу.

— О-о! сказалъ Тристанъ солдату: — да у тебя чутье свидѣателя въ Шателе! отвѣчай на это, старуха!

— Боже мой! вскричала она съ отчаяніемъ и голосомъ, въ которомъ невольно прорывались слезы. — Клянусь вамъ, монсенъёръ, что это сдѣлала телѣга. Вы вѣдь слышали, что солдатъ былъ при этомъ. Ктому же это вѣдь вовсе не касается вашей цыганки!

— Гм! проворчалъ Тристанъ.

— Чортъ возьми! продолжалъ солдатъ, ободренный похвалою Тристана: — по обломкамъ видно, что дѣло было недавно.

Тристанъ покачалъ головою. Она поблѣднѣла

— Давно ли проѣзжала телѣга?

— Мѣсяць тому назадъ, можетъ быть даже двѣ недѣли, ужъ я не-помню!

— Сначала она говорила въ прошломъ году, замѣтилъ солдатъ.

— Здѣсь что-то да не такъ! сказалъ прево.

— Монсенъёръ! кричала она все не отходя отъ огня и смертельно боясь, чтобы подозрѣніе не внушило имъ мысль заглянуть къ ней въ келью: — клянусь вамъ, что это сломала телѣга. Клянусь вамъ всѣми ангелами! Пусть буду я проклята, если-то была не телѣга!

— Ты что-то уже слишкомъ клянешься! сказалъ Тристанъ съ своимъ инквизиторскимъ взглядомъ.

Бѣдная женщина чувствовала, что ее покидаетъ присутствіе духа, и что она говоритъ вовсе не то что слѣдуетъ.

Тутъ прибѣжалъ другой солдатъ:

— Монсенъёръ, старая вѣдьма насъ обманула. Въ улицѣ Мутонъ всю ночь протянута была цѣпь и сторожъ не видалъ никого.

Тристанъ, лицо котораго становилось каждую минуту ужаснѣе, крикнулъ Гудуль:

— Ну что ты намъ скажешь на это?

Она попробовала выйти и изъ этого затрудненія:

— Я могла ошибиться, монсенъёръ, можетъ-быть цыганка переплыла рѣку.

— Теперь она показываетъ на противоположную сторону, сказалъ прево. — Да кому же невѣроятно, чтобы она воротилась туда гдѣ ее искали. Ты лжешь, старуха!

— Да и лодокъ нѣтъ ни у одного берега, сказалъ первый солдатъ.

— Она переплыла безъ лодки, возразила затворница, хватаясь за соломенику.

— Развѣ бабы умѣютъ плавать! сказалъ солдатъ.

— Чортова вѣдьма, ты лжешь! вскричалъ Тристанъ. — Меня разбираетъ охота бросить ту цыганку и повѣсить тебя. Пытка можетъ-быть развяжетъ тебѣ языкъ. Иди за нами!

Она жадно ухватилась за эти слова.

— Какъ вамъ угодно, монсенъёръ, я готова; чтоже, пытайте! Берите меня! Только поскорѣе. — Въ это время дочка моя спасется, подумала она.

— Чортъ побери, какая любовь къ пытки! сказалъ прево. — Не понимаю я эту безумную.

Старый, обдой сержантъ вышелъ изъ ряда и подошелъ къ прево.

— Она дѣйствительно безумная, монсеньёръ. Не по своей охотѣ выпустила она цыганку: она ихъ страхъ не любитъ. Пятнадцать лѣтъ я здѣсь стою въ караулѣ и каждый вечеръ слышу, какія она посылаетъ проклятiя всѣмъ цыганскимъ женщинамъ. Если та, которую мы ищемъ, маленькая танцовщица съ козочкой, такъ ее-то она особенно ненавидитъ.

Гудула сдѣлала надъ собою усилiе:

— Да, да, ее особенно!

Показанiя всѣхъ сторожей подтвердили слова старика.

Тристантъ, не надѣясь ничего выпытать у старухи, повернулся къ ней задомъ, а она съ невыразимой мукой смотрѣла, какъ онъ медленно подходилъ къ своей лошади.

— Ну ѣдемъ дальше! сказалъ онъ: — я не засну пока не будетъ повѣшена эта цыганка!

Однакожь онъ простоялъ еще нѣсколько времени въ раздумьи. Гудула чуть-живая слѣдила за его глазами, озиравшими площадь, какъ охотничьи собаки, чутьемъ слышавшия близость звѣря и нерѣшающiяся удалиться. Наконецъ онъ потрясъ головою и вспрыгнулъ на лошадь. Сердце Гудулы встрепенулось; она тихо шептала, бросивъ украдкой взглядъ на свою дочь: Спасена!

Бѣдная дѣвушка долго оставалась въ углу, сдерживая дыханiе, не шевелясь, чувствуя смерть за собою. Она слышала сцену между Тристаномъ и матерью и каждая фраза отзывалась въ ея сердцѣ. Она чувствовала какъ лопается нить, удерживающая ее надъ бездной, тысячу разъ думала, что все кончено и только что позволила себѣ вздохнуть свободно. Въ ту самую минуту раздался голосъ, говорящiй прево: шутъ ихъ ѣшь, г. прево! Възвать колдунью вовсе не дѣло военнаго человека. Мы умирили всю сволочь, теперь доканчивайте вы остальное. Позвольте мнѣ отправиться къ своему отряду: онъ остался безъ капитана. Голосъ этотъ принадлежалъ Фебу де Шатоперъ. Нельзя выразить то что произошло въ душѣ Эсмеральды. Такъ онъ здѣсь, ея другъ, ея опора, ея покровитель, ея прiобрѣтенецъ, ея Фебъ! Она встала и прежде нежели мать успѣла остановить ее, бросилась къ окну и закричала:

— Ко мнѣ! Ко мнѣ, мой Фебъ!

Но Феба уже не было. Онъ ускокалъ въ галопъ на уголь улицы Кутелери. А Тристанъ еще не уѣхалъ.

Затворница съ воплемъ кинулась къ дочери, оттащила ее отъ окна, вонзивъ ей ногти въ шею. Мать тигрица не постоитъ за этимъ. Но было уже поздно. Тристанъ все видѣлъ.

— Эге! сказалъ онъ со смѣхомъ, выказавшимъ все его зубы и сдѣлавшимъ его лицо похожимъ на волчью пасть: — двѣ мыши въ одной мышеловкѣ!

— Я подозрѣвалъ это, сказалъ солдатъ.

Тристанъ потрепалъ его по плечу.

— Ты славный котъ!

— Ну, гдѣ же Генріе Кузень?

Человѣкъ не въ военной одеждѣ вышелъ изъ рядовъ. Платье его было строе пополамъ съ коричневымъ, волосы лежали плоско, рукава были кожанные, въ огромныхъ рукахъ онъ держалъ веревки. Этотъ человѣкъ также не покидалъ Тристана, какъ Тристанъ Людовика XI.

— Приятель, сказалъ Тристанъ, я думаю что это именно та колдунья, которую мы ищемъ. Повѣсь-ка ее тотчасъ. Гдѣ твоя лѣстница?

— Лѣстница есть въ сараѣ дома съ колонами. Такъ мы тутъ ее и повѣсимъ? спросилъ Кузень, указывая на висѣлицу.

— Да.

— Гм. Намъ недалеко придется идти, сказалъ падачъ, съ какимъ-то скотскимъ смѣхомъ.

— Ну поскорѣй, послѣ посмѣешься, сказалъ Тристанъ

— Съ тѣхъ поръ какъ Тристанъ увидѣлъ Эсмемальду и исчезла надежда на спасенье, затворница не произнесла еще ни слова. Она отбросила дочь въ самый отдаленный уголь и снова встала передъ окномъ, выставивъ руки какъ когти. Безумный взглядъ ея смѣло устремлялся на всѣхъ солдатъ. Когда Генріе Кузень подошелъ къ ней, она сдѣлала такую ужасную мину, что даже онъ отшатнулся.

— Моисеярь! Которую будемъ вѣшать? спросилъ онъ у прево.

— Молодую.

— Тѣмъ лучше, потому что старуха не очень податлива.

— Бѣдная, маленькая танцовщица, оказалъ старый сержантъ.

— Генріе Кузень снова подошелъ къ окну. Взглядъ матери за-

ставилъ его опустить глаза. Онъ произнесъ довольно нерѣшительно : сударыня !

Она прервала его тихимъ и злобнымъ голосомъ : что тебѣ нужно ?

— Не васъ, другую, сказалъ онъ.

— Какую другую ?

— Молодую.

— Она начала трясти головою съ крикомъ : — никого нѣтъ, никого нѣтъ, никого нѣтъ...

— Вы очень хорошо знаете, что есть. Отдайте мнѣ молодую, вамъ я ничего не сдѣлаю.

— А, ты мнѣ ничего не сдѣлаешь ! сказала она съ страннымъ смѣхомъ.

— Отдайте мнѣ другую, сударыня, это воля г. прево.

Она повторила съ совершенно безумнымъ видомъ : «никого нѣтъ.»

— Говорю вамъ, что есть, возразилъ палачъ : — мы всѣ видѣли, что васъ было двое.

— Посмотри самъ, сказала подсмѣиваяся затворница. Ну, всунь голову въ окошко.

Онъ видѣлъ ея длинныя ногти и не рѣшился.

— Живѣе, крикнулъ Тристанъ, разставившій своихъ солдатъ вокругъ Крысей норы и поджидавшій верхомъ около самой висѣлицы.

Генриэ снова воротился съ прево въ большомъ замѣшательствѣ. Онъ положилъ веревку на землю и неловко вертѣлъ въ рукахъ шляпу. — Монсеньёръ ! спросилъ онъ : — какъ же войти туда !

— Въ дверь.

— Двери нѣтъ.

— Ну такъ въ окно.

— Окно слишкомъ узко.

— Разширь его, гнѣвно сказалъ Тристанъ : — вѣдь съ тобой есть инструменты.

Бѣдная мать не покидала своего оборонительнаго поста. Она ужъ больше ненадѣялась, сама не знала что дѣлаетъ, знала что у нея хотятъ взять дочь.

Генриэ Кузень пошелъ за инструментами въ домъ съ колонами, захватилъ оттуда же лѣстницу и приставилъ ее къ висѣлицѣ. Пять человекъ принялись за работу и самъ Тристанъ пошелъ съ ними.

— Старуха, сказавъ прево строгимъ голосомъ: — отдай намъ честью эту дѣвушку.

Она на него посмотрѣла, какъ будто не поняла его словъ.

— Чортъ возьми, вѣшался Тристанъ, — что тебѣ за охота вступаться за эту колдунью, которую король велѣлъ повѣсить!

Несчастливая снова захохотала.

— Что мнѣ за охота? Да это моя дочь.

Тонъ, которымъ произнесла она эти слова заставилъ содрогнуться самого Кузена.

— Очень жаль, сказала Прево: — но это воля короля.

— Какое мнѣ дѣло до твоего короля. Я говорю тебѣ, что она моя дочь.

— Ломайте стѣну, сказалъ Тристанъ.

Для того чтобы можно было пролѣзть въ отверстіе, стоило только вытащить одинъ камень подъ самымъ окномъ.

Когда мать услышала, что ея крѣпость подается, она испустила страшный крикъ и начала кружиться по кельѣ, какъ дикій звѣрь въ своей клеткѣ. Она молчала, только глаза у нея горѣли. Солдатамъ становилось страшно.

Вдругъ она схватила свой камень и бросила его въ рабочихъ. Руки у нея такъ дрожали, что камень пролетѣлъ мимо и упалъ къ ногамъ лошади Тристана. Она заскрежетала зубами.

Солнце еще не всходило, но было уже очень свѣтло. Прелестный розовый отливъ покрывалъ уже старыя трубы съ колоннами. Это былъ часъ, въ который самые ранніе обитатели города раскрываютъ свои окна. Нѣсколько пешеходовъ и зеленщиковъ, верхомъ на ослахъ, проѣзжали по площади. Они на минуту останавливались у Крысей норы, съ удивленіемъ оглядывали солдатъ и ѣхали дальше.

Затворница села подлѣ дочери, заслоняя ее своимъ тѣломъ, не сводя глазъ съ несчастной, которая не шевелилась, а только тихо шептала: «Фебъ, Фебъ!» По мѣрѣ того какъ работа приходила къ концу, Гудула машинально отодвигалась и притискивала къ стѣнѣ Эсмемальду. Наконецъ камень зашевелился и послышался голосъ Тристана, ободрившій рабочихъ; тогда мать вышла изъ оцѣненнѣйшій и начала говорить. Голосъ ея былъ то рѣзокъ какъ пила, то невнятенъ какъ-будто всѣ проклятія тѣснились на ея губахъ и хотѣли сорваться разомъ: «О, вѣдь это ужасно! вы разбойники! неужели вы въ самомъ дѣлѣ отнимете у меня дочь? Говорю вамъ, что она моя дочь. О, подлецы! о слуги палачей! подлые убійцы! спасите,

спасите! Неужели они такъ и отнимуть мое дитя? Да гдѣ же Богъ послѣ этого?

Потомъ она обратилась къ Тристану съ пѣвною у рта, стоя на четверенькахъ, какъ пантера съ всклокоченными волосами:

— Ну-ка, иди брать мою дочь. Развѣ ты не понимаешь, что я ея мать? Знаешь ли ты, что значить имѣть ребенка? Кровожадный волкъ, развѣ ты не жилъ съ своею волчицею. Развѣ у тебя не было волченка? Неужели внутри тебя не шевелится ничего, когда ре вуть твои дѣтеныши?

— Отнимите камень, сказалъ Тристанъ: — онъ ужь чуть держится.

Камень вытащили. Это была послѣдняя защита бѣдной матери. Она бросилась на него, старалась удержать, но усилія шести рукъ превозмогли: камень тихо спатился на землю.

Тогда Гудула бросилась поперегъ отверстія, ломая руки, кололась головою о камень и крича голосомъ уже едва слышнымъ отъ утомленія:

— Спасите! спасите! спасите!

— Берите! сказалъ Тристанъ своимъ безстрастнымъ голосомъ. Мать такъ взглянула на солдатъ, что они призадумались.

— Ну, ступай ты, Генріе Кузень, сказалъ прево.

Никто не тронулся съ мѣста.

— Какъ, военные люди боятся женщины! крикнулъ прево.

— Это вы называете женщиной, монсеньёръ? сказалъ Кузень.

— У нея грива какъ у львицы, добавилъ другой.

— Ну, отверстіе теперь очень широко, ступайте трое разомъ, какъ на приступѣ въ Монтгазѣ. Ну, довольно промѣшкали! Перваго, который отступитъ, я разсѣку на двое!

Солдаты, поставленные между двумя опасностями, колебались еще съ минуту, наконецъ рѣшились и направились къ Крысей морѣ.

Когда затворица увидѣла это, то встала на колѣни, отвела отъ лица свои волосы и болѣзненно опустила свои исхудалыя руки. Круныя слезы покатались одна за другою и стекали по глубокой морщинѣ вдоль ея щокъ, какъ потокъ уже по промытому руслу. Она заговорила такимъ тихимъ, кроткимъ, надрывающимъ душу голосомъ, что многіе изъ застарѣлыхъ молодцовъ Тристана утирали себѣ глаза.

— Одно слово, господа сержанты! Послушайте что я вамъ

скажу. Это вѣдь моя дочь! моя милая дочка, которая долго пропадала! Слушайте, это цѣлая исторія! Надо вамъ сказать, что я очень хорошо знаю господъ сержантовъ. Они всегда были добры ко мнѣ въ то время, когда маленькіе мальчишки кидали въ меня камнями, зато что я публичная женщина. Вы оставите мнѣ мое дитя, когда узнаете все. Я бѣдная отверженная женщина. У меня дочь украли цыганки. Я цѣлыя пятнадцать лѣтъ берегла ея башмачекъ, вотъ онъ, посмотрите! У ней тогда была такая ножка. Въ Реймсѣ, въ улицѣ Folle Reine, вы можетъ-быть знавали Шантолеры. Это и была я. Помните, какіе хорошіе дни случалось вамъ проводить тогда, во время вашей молодости. Ну, вы конечно ожалитесь надо мною! Ее украли цыганки и держали пятнадцать лѣтъ. Я думала, что ея нѣтъ на свѣтѣ. Представьте себѣ, друзья мои, я думала что она умерла! Пятнадцать лѣтъ я провела въ этомъ погребѣ, — безъ топлива зимою. Не легко вѣдь это. Бѣдный маленькій башмачекъ! Я такъ молилась, что Господь меня услышалъ и въ эту ночь отдалъ мнѣ мою дочку. Это вѣдь чудо. Она не умерла; неужели вы захотите отнять ее у меня? Убить меня, другое дѣло, но ей еще только пятнадцать лѣтъ; дайте ей посмотрѣть на божій свѣтъ! Что могла она вамъ сдѣлать? Конечно ничего! и я вѣдь также! Вѣдь я стара, она для меня все на свѣтѣ, сама Божія-матерь дала ее мнѣ въ утѣшеніе. Вы всѣ такіе добрые! Вы не знали, что она моя дочь, а теперь знаете. О, какъ я люблю ее! Господинъ прево, мнѣ легче вытерпѣть самую лютую муку, нежели видѣть царапину на ея пальчикѣ! Вы такой добрый господинъ! Вѣдь я теперь вамъ все разъяснида, неправда ли? О, если у васъ была мать, монсенъёръ, во имя ея оставьте мнѣ мое дитя, — вы здѣсь начальникъ! Умоляю васъ на колѣняхъ, какъ молятъ Исуса-Христа! Я ничего не хочу больше. Я възъ Реймса, господа; мнѣ тамъ досталась небольшая земля послѣ дяди Прадона. Я не нищая. Я прошу только свое дитя. О, оставьте мнѣ мое дитя! Самъ Господь-Богъ не отнялъ ея у меня! Король! Вы говорите король! Что ему за удовольствіе убить мою дочку! Вѣдь король добрый! Это моя дочь, моя! Она не королевская и не ваша! Мы уйдемъ съ ней отсюда. Развѣ можно не пропустить мать съ дочерью! Пустите насъ, мы идемъ въ Реймсъ! О, вы очень добры, господа сержанты, я васъ всѣхъ такъ люблю! Вы не возьмете у меня мою малютку, это невозможно! Совершенно вѣдь невозможно! Дитя мое! Дитя мое!

Невозможно передать ея жеста и тона голоса: она глотала сле-

зы, складывала и ломала руки, улыбалась надрывающей сердце улыбкой, стонала, вздыхала и посреди ея безсвязныхъ словъ вырывался какой-то ужасный, поражающій вопль. Когда она замолкла, Тристанъ нахмурилъ брови, но это было для того, чтобы скрыть навернувшуюся слезу въ своихъ звѣрскихъ глазахъ. Скоро онъ перешибилъ эту слабость и отрывисто произнесъ.

— Такъ хочетъ король!

Потомъ онъ шепнулъ на ухо Кузену: — кончай скорѣе! Кажется и у этого человѣка дрогнуло сердце.

Палачъ и сержанты вошли въ келью. Мать не стала сопротивляться, только подползла къ дочери и упала на нее всѣмъ тѣломъ. Приближеніе солдатъ вывело Эсмеральду изъ оцѣпенѣнія. Ужасъ смерти снова овладѣлъ ею:

— Матушка! матушка! Они идутъ, защитите меня! вскричала она.

— Да, да, сердце мое! я защищаю тебя! отвѣчала мать ослабшимъ голосомъ, прижимая ее къ груди и осылая поцѣлуями. Эти двѣ женщины возбуждали невыразимую жалость.

Генріе Кузенъ взялъ дѣвushку за плечи. При этомъ прикосновеніи, она съ отвращеніемъ вскрикнула и лишилась чувствъ. Палачъ, у котораго градомъ катились слезы, хотѣлъ взять ее на руки и старался разнять руки Гудулы, крѣпко обнявшей дочь за талию, но это было невозможно. Генріе Кузенъ долженъ былъ тащить мать и дочь вмѣстѣ. У матери глаза тоже были закрыты.

Солнце уже всходило, и на площади было довольно народу, издали смотрѣвшаго что это такое странное тащить къ висѣлицѣ. Тристанъ никогда не позволялъ подходить близко къ мѣсту казни.

Въ окнахъ никто не показывался. На одной изъ башенъ собора богородицы, выходящей на площадь, рисовались чернымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ двѣ наблюдавшія фигуры.

Генріе Кузенъ остановился у висѣлицы и съ замѣтнымъ волненіемъ накинулъ петлю на прелестную шею дѣвushки. Бѣдняжка почувствовала страшное прикосновеніе, раскрыла глаза, увидела передъ собою ужасные столбы, начала сильно биться и вскрикнула раздирающимъ голосомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!» Мать, голова которой была закрыта платьемъ дѣвushки, не сказала ни слова, только вздрогнула и еще крѣпче начала цѣловать свое дитя.

Палачъ воспользовался этимъ, чтобъ равнять ея руки. Она не сопротивлялась отъ утомленія и отчаянія. Онъ поднялъ дѣвushку на

плечи, откуда ея граціозная фигура склонилась согнутая вдвое къ его широкой головѣ. Тогда онъ сдѣлалъ первый шагъ на лѣстницу.

Въ эту минуту, мать лежавшая на мостовой, раскрыла глаза, встала не говоря ни слова, только лицо ея было ужасно, и бросилась какъ хищный звѣрь на руку палача. Палачъ заревѣлъ отъ боли. Подошли люди и насилу могли вынуть его окровавленную руку изъ рта матери. Она продолжала молчать. Ее оттолкнули и замѣтили, что голова ея какъ-то тяжело рухнула о мостовую. Ее приподняли, но она снова упала, потому что была мертва.

Палачъ пошелъ по лѣстницѣ съ молодой дѣвушкой.

II

LA CREATURA BELLA BIANCO VESTITA (Dante)

Когда Квазимодо увидѣлъ, что келейка пуста и что Эсмеральду похитили въ то время какъ онъ защищалъ ее, онъ обѣими руками схватилъ себя за волосы, затопалъ и закричалъ отъ удивленія и горя. Потомъ, онъ обѣгалъ всѣ углы церкви, отыскивая свою цыганку, испуская дикіе вопли, и всюду оставляя ключья своихъ рыжихъ волосъ. Это было именно въ ту минуту, какъ королевскіе стрѣлки входили побѣдителями въ соборъ, отыскивая въ свою очередь Эсмеральду. Бѣдный глухарь безсознательно помогалъ имъ въ этомъ: онъ думалъ, что бродяги были враги цыганки. Онъ самъ водилъ Тристана по всѣмъ закоулкамъ, отворялъ ему потаенные выходы и будь несчастная дѣвушка спрятана въ церкви, онъ выдалъ бы ее своими руками.

Когда поиски утомили Тристана, а это случилось не скоро, Квазимодо все еще продолжалъ искать одинъ. Онъ сто разъ обшарилъ всю церковь вдоль и поперекъ, сверху и донизу, ходилъ по лѣстницамъ, бѣгалъ, кричалъ, нюхалъ, просовывалъ голову въ каждое большое отверстіе, освѣщалъ фонаремъ каждый сводъ и сходилъ съ ума отъ неудачи. Самецъ, потерявшій свою самку, не могъ бы быть свирѣпѣе. Наконецъ, когда онъ совершенно увѣрился, что ея нѣтъ, что ее у него украли, что теперь нѣтъ больше надежды, онъ медленно пошелъ на башню по той самой лѣстницѣ, по которой летѣлъ съ такимъ триумфомъ въ тотъ день, когда вырвалъ ее изъ рукъ

мучителей. Онъ прошолъ всѣ эти мѣста съ опущенной головою, безъ словъ, безъ слезъ, почти безъ дыханія.

Церковь опять опустѣла и погрузилась въ обычную тишину. Солдаты вышли изъ нея, чтобы продолжать свои поиски по городу. Квазимодо, оставшись одинъ въ этомъ обширномъ соборѣ, еще за минуту полною такого шума, направился къ келейкѣ, гдѣ провела столько недѣль Эсмеральда подъ его защитой. У него оставалась еще смутная надежда найти ее тамъ. Когда, при одномъ поворотѣ на галерею, онъ увидѣлъ низенькую дверцу, приотвѣсившуюся подъ сводомъ, какъ гнѣздо подъ древесной вѣтвью, у него замерло сердце, и онъ прислонился къ одному изъ столбовъ. Вѣроятно, она воротилась, добрый геній опять привелъ ее сюда: эта комнатка такъ мила, такъ спокойна и безопасна, что она вѣрно тамъ. Да, говорилъ онъ самъ съ собою, она можетъ-быть спитъ или молится, — не надо мѣшать ей! Наконецъ онъ собрался съ духомъ, подошелъ на цыпочкахъ, заглянулъ и вошелъ. Пуста комнатка, пуста попрежнему. Медленно обошелъ онъ ее, перетряхнулъ постель, какъ будто Эсмеральда могла помѣститься между матрацомъ и поломъ, потомъ покачалъ головою и впалъ въ оцѣпенѣнїе. Вдругъ онъ бросилъ свой факель, съ бѣшенствомъ сталъ топтать его ногами и, не сказавъ ни слова, неиспустивъ ни вдоха, изо всей силы грянулся головою объ стѣну и упалъ безъ памяти.

Прїйдя въ чувство, онъ бросился на постель, катался по ней, покрывалъ поцѣлуями то мѣсто, гдѣ такъ недавно еще покоилась дѣвушка и нѣсколько минутъ пролежалъ на немъ тихо, какъ будто готовился такъ умереть. Потомъ вскочилъ весь въ поту, задыхаясь, и началъ колотиться головою объ стѣну съ регулярностью колокольнаго языка и рѣшимостью человѣка разбиться въ прахъ.

Наконецъ, онъ еще разъ упалъ безъ чувствъ, потомъ выползъ на колѣняхъ изъ кельи и такъ и остался передъ дверью, глядя на нее съ тушимъ удивленїемъ. Такъ просидѣлъ онъ цѣлый часъ безъ движенія, съ глазами устремленными на комнатку, мрачнѣе и задумчивѣе матери, сидящей между пустою колыбелью и наполненнымъ гробомъ. Онъ не произносилъ ни слова, только, повременамъ, рыданіе потрясало все его тѣло, но рыданіе безъ слезъ, какъ лѣтняя молнія безъ грома.

Вѣроятно, въ это время ему вспало на мысль, что похитителемъ цыганки могъ быть архидіаконъ. Онъ припомнилъ, что у одного только Клода быль ключъ отъ лѣстницы, ведущей къ келейкѣ; вспо-

миль онъ также его два покушенія на дѣвушку, изъ которыхъ въ первомъ онъ помогалъ, а во второмъ помѣшалъ ему. Припомнилъ многія подробности и рѣшилъ, что домъ Клодъ похитилъ у него цыганку.

Однакожь, такъ сильны были въ немъ уваженіе, благодарность и преданность своему покровителю, что и теперь нѣсколько времени они пересиливали чувство ревности и отчаянія.

При мысли, что похитилъ Эсмемальду архидіаконъ, яростная злоба, которую онъ почувствовалъ бы ко всякому другому, переходила въ невыразимую тоску.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ думалъ объ архидіаконѣ, при свѣтѣ начинающагося дня, ему показалась движущаяся фигура на самой верхней галереи. Это былъ самъ Клодъ Фролло и шолъ ему навстрѣчу. Походка его была медленна; онъ двигался несмотря передъ собою и направлялся къ сѣверной башнѣ, между тѣмъ какъ глаза его были устремлены на правый берегъ Сены и голова поднята вверхъ какъ будто бы онъ сидитъ разсмотрѣть что-то черезъ крыши. У совы часто бываетъ такое положеніе. Она летитъ въ одну сторону, а смотритъ въ другую. Такъ прошолъ Фролло надъ головою Квазимодо и не замѣтилъ его.

Глухарь, пораженный этимъ явленіемъ, видѣлъ какъ архидіаконъ вошелъ въ дверь, ведущую на сѣверную башню. Читатель знаетъ, что съ этой башни видѣнъ Hôtel de Ville. Квазимодо всталъ и пошелъ за нимъ слѣдомъ.

Квазимодо шолъ за священникомъ, чтобы узнать куда онъ направляется; что же дѣлать и говорить, еще не опредѣлилось въ головѣ бѣднаго звонаря. Въ душѣ его былъ гнѣвъ и страхъ. Архидіаконъ и Эсмемальда боролись въ его сердцѣ.

Дойдя до конца лѣстницы, онъ на минуту остановился въ тѣни, чтобъ высмотрѣть гдѣ Фролло. Архидіаконъ стоялъ къ нему спиною. Вокругъ колокольни есть узорчатая балюстрада. Священникъ прислонился грудью къ тому углу балюстрады, который выходилъ на соборный мостъ и смотрѣлъ на городъ.

Квазимодо на цыпочкахъ подошелъ посмотреть что его занимаетъ; впрочемъ, вниманіе Клода было до такой степени напряжено, что онъ не услышалъ бы и обыкновенной походки.

Великолѣпное зрѣлище представлялъ Парижь, и особенно Парижь того времени, съ высоты соборныхъ башенъ, при первомъ свѣтѣ лѣтняго дня. День былъ чисто июльскій. Небо было безукори-

зненно чисто; нѣсколько запоздалыхъ звѣздочекъ медленно угасали, а одна ярко горѣла на востокѣ, тамъ гдѣ начиналась самая свѣтлая полоса неба. Солнце готовилось встать. Парижъ начиналъ шевелиться. Бѣловатый и чистый свѣтъ заставлялъ рѣзко выдаваться восточные планы тысячи домовъ. Гигантская тѣнь колоколенъ распространялась съ крыши на крышу, съ одного конца города на другой. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ былъ уже шумъ и говоръ. Здѣсь раздавался ударъ колокола, тамъ ударъ молотка, далѣе сложный шумъ отъ двигающейся телеги. Уже струйки дыма распространялись тамъ и сямъ надъ массою крышъ, какъ изъ трещинъ громаднѣйшаго волкана. Рѣка, воды которой покрыты рябью у столькихъ мостовъ и островковъ, блестѣла серебряными складками. За городомъ, глазъ терялся въ бѣловатомъ туманѣ, изъ котораго вырисовывались неопредѣленныя линіи долинъ и граціозныя выпуклости холмовъ. Отголоски всякаго шума носились надъ просыпающимся городомъ. На восточной сторонѣ неба вѣтерокъ гналъ передъ собою нѣсколько бѣлыхъ клочьевъ ваты, оторванныхъ отъ туманнаго покрывала холмовъ.

На площади, нѣсколько женщинъ съ кружками молока въ рукахъ, съ удивленіемъ указывали другъ другу на поврежденія въ главной соборной двери и на два ручья свинцу, застывшаго въ щеляхъ. Изъ всей ночной драмы остались только эти слѣды. Костеръ между башнями, зажженный Квазимодо, уже погасъ. Тристанъ уже распорядился, чтобъ очистили площадь и побросали тѣла въ рѣку. Короли, подобные Людовику XI, любятъ скорѣе уничтожить слѣды бойни.

На наружной сторонѣ балюстрады, именно подъ тѣмъ угломъ, гдѣ стоялъ Клодъ, былъ одинъ изъ тѣхъ фантастическихъ жолобовъ, которыми усыяны готическія зданія, а въ отверстіи этого жолоба два цвѣтущія левкоя, будто кивавшія другъ другу отъ шаловливаго прикосновенія вѣтра. Надъ башнями, тамъ, въ самой высотѣ чиркали птицы.

Но священникъ не видалъ и не слышалъ ничего этого. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ не существуетъ утра, цвѣтовъ и птицъ. Изъ всего громаднаго горизонта, разстилавшагося передъ нимъ въ такихъ разнообразныхъ формахъ, глазъ его приковался только къ одной точкѣ.

Квазимодо нетерпѣливо желалъ спросить его что сдѣлалъ онъ съ цыганкой, но Фролло очевидно виталъ не въ здѣшнемъ мірѣ.

Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которую человѣкъ останется нечувствительнымъ, если даже земля провалится подъ его ногами. Онъ стоялъ, устремивъ глаза на одну точку, неподвижно и молча, но въ этой неподвижности и въ этомъ молчаніи было что-то наводящее ужасъ, такъ что бѣдный звонарь не смѣлъ его нарушить. Онъ рѣшился слѣдить за взоромъ архидіакона, такъ какъ это было тоже способъ узнать что-нибудь, и такимъ образомъ глаза его упали на гревскую площадь.

Онъ увидалъ на что смотреть священникъ. То была лѣстница, приставленная къ висѣлицѣ, небольшая толпа народа и много солдатъ. Какой-то человѣкъ тащилъ по мостовой что-то бѣлое, къ которому прицѣпилось еще что-то черное. Человѣкъ этотъ остановился у висѣлицы. Тутъ произошло что-то, чего Квазимодо не могъ рассмотреть, не потому, чтобъ его единственный глазъ утратилъ дальнзоркость, но потому, что солдаты окружали группу. Кто-муже въ эту самую минуту взошло солнце и такой потокъ свѣта разлился по горизонту, что можно было подумать, будто все оконечности Парижа, стрѣлки, колокольни, трубы, флюгера вдругъ загорѣлись.

Между тѣмъ человѣкъ началъ всходить на лѣстницу. Тогда Квазимодо ясно его увидѣлъ. Онъ несъ на плечѣ женщину, дѣвушку, одѣтую въ бѣлое; у этой дѣвушки была петля на шеѣ. Квазимодо узналъ ее. Это была она.

Человѣкъ дошелъ до конца лѣстницы и сталъ устроить петлю. Тутъ архидіаконъ, чтобъ лучше видѣть, всталъ на колѣни на балюстраду.

Вдругъ человѣкъ оттолкнулъ лѣстницу ногою, и Квазимодо, не переводившій все время дыханія, увидѣлъ на концѣ веревки, въ двухъ туазахъ отъ земли, качающуюся дѣвушку и страшнаго человѣка на ея плечахъ. Веревка нѣсколько разъ подпрыгнула и Квазимодо увидѣлъ, какъ тѣло цыганки содрогнулось ужасной судорогой. Священникъ тоже напряженно глядѣлъ на эту группу палача и женщины — мухи и паука.

Въ самую страшную минуту ужасный смѣхъ, смѣхъ демона, смѣхъ, которымъ можно смѣяться только переставши быть человекомъ, исказилъ блѣдное лицо архидіакона. Квазимодо не могъ слышать, но видѣлъ этотъ смѣхъ. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и вдругъ; разбѣжавшись, изо всѣхъ силъ толкнулъ Клода въ бездну,

надъ которой тотъ наклонился. Священникъ вскрикнулъ : « проклятіе ! » и полетѣлъ внизъ.

Жолобъ внизу остановилъ его на время. Въ ту минуту, когда, отчаянно уцѣпившись за него руками, Клодъ Фролло готовился кричать о помощи, взгляды его встрѣтилъ у балюстрады, надъ своей головою, страшное, полное мести лицо Квазимодо, и онъ не пронесъ ни звука.

Подъ нимъ была пропасть на разстояніи двухъ-сотъ футовъ и мостовая. Въ этомъ ужасномъ положеніи архидіаконъ не испустилъ ни одного стона, только истощилъ всѣ возможные усилія подняться вверхъ, но тщетно : руки и ноги его только скользили по гладкой стѣнѣ. Лица, входившія на соборныя башни знаютъ, что есть каменная выпуклость подъ самой балюстрадой. На этотъ-то выступъ и силится взобраться несчастный архидіаконъ.

Квазимодо стоило только протянуть руку, чтобы спасти Клода, но онъ и не смотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ на площадь, на вѣстлицу, на цыганку. Глухарь облокотился на балюстраду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за минуту стоялъ архидіаконъ, и тамъ стоялъ молча, неподвижно, какъ человекъ, пораженный громомъ ; только изъ глаза его, проронившаго до сихъ поръ одну только слезу въ цѣлую жизнь, слезы катились градомъ.

Между тѣмъ архидіаконъ выбивался изъ силъ. Съ его обнаженнаго лба потъ лилъ крупными каплями, изъ ногтей текла кровь. Онъ слышалъ, какъ при каждомъ усиліи рвалась его мантия, зацѣпившаяся за жолобъ. Къ довершенію ужаса жолобъ этотъ оканчивался оловянной трубой, которая гнулась отъ тяжести его тѣла. Архидіаконъ чувствовалъ, какъ она подается. Онъ сознавалъ, несчастный, что когда руки его затекутъ, мантия разорвется и труба разогнется, нужно будетъ упасть, и страхъ леденилъ его до мозга костей. По временамъ онъ взглядывалъ на родъ узкой площадки, случайно устроенной изъ скульптурныхъ украшеній, футахъ въ десяти ниже его и молилъ Бога, чтобы онъ допустилъ его провести весь остатокъ жизни на этомъ крошечномъ пространствѣ, еслибы даже довелось ему жить еще двѣсти лѣтъ. Одинъ только разъ онъ рѣшился взглянуть въ пропасть подъ своими ногами и волосы стали у него дыбомъ.

Молчаніе этихъ двухъ человекъ было ужасно. Между тѣмъ какъ архидіаконъ томился въ медленной агоніи у ногъ Квазимодо, тотъ все глядѣлъ на площадь и плакалъ.

Архидіаконъ, видя, что всё его усилія только ускоряютъ погибель, рѣшился не шевелиться. Такъ висѣлъ онъ едва дыша, обнявъ руками жолобъ и не дѣлая никакого движенія, кромѣ конвульсивнаго колебанія живота, которое испытываютъ во снѣ, падая съ высоты. Глаза его были болѣзненно-раскрыты. Мало-помалу руки его ослабѣвали, труба наклонялась все ниже и ниже. Онъ видѣлъ подъ собою ужасную вещь, кровлю церкви St-Jean le Rond, казавшуюся небольшою согнутой вдвое карты. Онъ поочередно взглядывалъ на скульптурныя украшенія, какъ и онъ висѣвшія надъ бездною, но они не страшились за самихъ себя и были безъ участія къ нему. Вокругъ него все было камень: передъ глазами каменные чудовища, внизу, тамъ далеко мостовая, надъ головою плачущій Квазимодо.

На площади составилось нѣсколько группъ любопытныхъ, разсуждавшихъ, какому чудаку пришла мысль лазить по башнѣ. Голоса ихъ долетали до Клода:

— Да эдакъ онъ рискуетъ сломать себѣ шею!

Квазимодо все плакалъ.

Наконецъ архидіаконъ, задыхаясь отъ страха и злобы, понялъ, что нѣтъ спасенія. Однакожъ онъ собралъ остатокъ силъ, крѣпче уцѣпился за жолобъ, уперся колѣнями въ стѣну, уцѣпился ногтями за трещину въ стѣнѣ и поднялся на одинъ футъ повыше. Но это движеніе заставило вдругъ разогнуться трубу; въ ту же минуту разорвалось и его платье; тогда несчастный, державшійся только на затекшихъ рукахъ, закрылъ глаза, выпустилъ жолобъ и полетѣлъ внизъ.

Квазимодо слѣдилъ за его паденіемъ.

Паденіе съ такой высоты рѣдко идетъ перпендикулярно. Архидіаконъ сначала полетѣлъ внизъ головою съ распростертыми руками, потомъ нѣсколько разъ перевернулся. Вѣтеръ нанесъ его на какую-то кровлю и тогда онъ былъ еще живъ; глухарь видѣлъ какъ онъ старался уцѣпиться за ея окраину, но кровля была слишкомъ поката, а у него не было силы. Онъ мгновенно скатился съ крыши, какъ обвалившійся кирпичъ и ударился о мостовую. Тамъ ужъ онъ больше не шевелился.

Тогда Квазимодо снова поднялъ глаза на цыганку, тѣло которой вздрогнуло въ послѣднихъ судорогахъ, потомъ опять опустилъ ихъ на архидіакона, уже не имѣвшего человѣческой формы, и сказалъ съ страшнымъ рыданіемъ:

— О, все что я любилъ на свѣтѣ!

III

СВАДЬБА ФЕБА

Къ вечеру этого дня, когда судъ пришолъ поднять съ площади обезображеннае тѣло архидіакона, Квазимодо исчезъ изъ собора.

Много слуховъ ходило объ этомъ происшествіи. Всѣ давно знали, что рано или поздно Квазимодо, то-есть самъ дьяволъ, по договору долженъ взять душу колдуна, то-есть Клада Фролю. Предполагали, что онъ разбилъ тѣло, вынимая изъ него душу, какъ обезьяна разгрызываетъ скорлупу, вынимая орѣхъ.

Потому-то архидіаконъ и не былъ похорошенъ въ святой землѣ.

Людовикъ XI умеръ годъ спустя, въ августѣ мѣсяцѣ 1483 года.

Пьеръ Гренгуаръ успѣлъ спасти козочку и имѣлъ успѣхъ въ трагедіи. Вѣроятно попробовавши астрологіи, философіи, архитектуры, герметіки и всѣхъ безумныхъ вещей, онъ снова возвратился къ самой безумной, то-есть къ трагедіи. Это онъ называлъ: *дойти до трагическаго конца*. Вотъ что можно было прочесть объ его успѣхахъ въ годовомъ отчетѣ за 1483 годъ: «Жану Маршанъ и Пьеру Гренгуаръ, плотнику и сочинителю, за мистерію въ Шателе, по случаю прибытія г. легата, за постановку и одежду лицъ, такъ какъ требовалось въ упомянутой мистеріи, и также за необходимую при этомъ плотничную работу сто ливровъ.»

Фебъ де-Шатоперъ тоже дошолъ до трагическаго конца: онъ женился.

IV

СВАДЬБА КВАЗИМОДО

Мы уже сказали, что Квазимодо исчезъ изъ собора въ день смерти цыганки и архидіакона. Съ тѣхъ поръ его никто не встрѣчалъ и объ немъ не было слуховъ.

Въ ночь того дня, какъ повѣсили Эсмемальду, прислужники палача отнесли ея тѣло въ подвалъ въ Монфоконъ, какъ это дѣлалось обыкновенно.

Монфокопъ, говоритъ Соваль, былъ самымъ старымъ и самымъ великолѣпнымъ памятникомъ казней въ королевствѣ. Между предмѣстьями Тамплъ и Сень-Мартенъ, на стѣ шестдесятъ туазовъ отъ стѣнъ Парижа и на полетъ стрѣлы отъ Куртиль, видѣлось на плоскомъ возвышеніи зданіе, достаточно высокое для того, чтобы его можно было видѣть на нѣсколько лье кругомъ и напоминающее своей странной формой цельтичскіе храмы, въ которыхъ также приносились люди въ жертву.

Представьте себѣ, на вершинѣ извѣстковаго холма, огромный каменный паралелепипедъ, вышиною въ пятнадцать футовъ, шириною въ тридцать, длиною въ сорокъ, съ дверью, наружной лѣстницей и площадкой; на этой площадкѣ шестнадцать огромныхъ столбовъ изъ нетесаннаго камня, вышиною въ тридцать футовъ, расположенныхъ колонадой и соединенныхъ между собою огромными бревнами, на которыхъ прикрѣплены петли: а на этихъ петляхъ качаются скелеты; въ окрестностяхъ, въ долинѣ, каменный крестъ и двѣ висѣлицы второго разряда, какъ-будто отпрыски отъ главнаго корня; въ вышинѣ, надъ всѣмъ этимъ, постоянное сборище вороновъ; вотъ вамъ и Монфокопъ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, эта государственная висѣлица, стоявшая съ 1328 года, начала приходить въ ветхость: перекладки сгнили, цѣпи заржавѣли, столбы покрылись плесенью; каменный фундаментъ расщелился и трава росла на этомъ полу, до котораго никогда не доставали человѣчскія ноги. Профиль этого зданія на небѣ былъ ужасенъ, особенно ночью, когда луна освѣщала эти бѣлые черепа или когда вечерній вѣтеръ шевелилъ цѣпи и кости. Достаточно было одного этого зданія, для того чтобы вся окрестность приняла ужасающій видъ.

Каменный полъ, служившій основаніемъ этимъ столбамъ, былъ не сплошной. Подъ нимъ устроили обширный погребъ съ большой желѣзной рѣшотчатой дверью, куда бросали не только тѣ кости, которыя сваливались съ цѣпей Монфокона, но всѣ тѣла казненныхъ въ Парижѣ. Въ эту ужасную кладовую, гдѣ сгнило вмѣстѣ столько тѣлъ и скелетовъ, многіе сильные міра, многіе невинные принесли свои кости, начиная съ Енгеррана де-Мариньи, первой невинной жертвы Монфокона, до адмирала Коливи, его послѣдней невинной жертвы.

Вотъ что успѣли мы узнать о чудесномъ исчезновеніи Квазимодо.

Два или полтора года спустя послѣ рассказанныхъ нами проис-

шествѣй, когда въ кладовой Монфокона стали отыскивать тѣло Оливье le Daim, повѣшеннаго два дня назадъ и которому Карлъ VIII дозволялъ быть погребену въ St.-Laurent въ болѣе приличномъ обществѣ, — между всѣмъ этимъ человѣческимъ прахомъ нашли два скелета, весьма странно держащіе другъ друга въ объятіяхъ. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій женщинѣ, сохранилъ еще нѣсколько лоскутковъ одежды, которая была бѣлая и на шеѣ у ней виднѣлось ожерелье изъ зеренъ какого-то растенія и на немъ зеленая ладонка, раскрытая и пустая. Предметы эти имѣли такъ мало цѣны, что палачъ, вѣроятно, не захотѣлъ взять ихъ себѣ. Другой скелетъ, крѣпко сжимавшій въ объятіяхъ женщину, принадлежалъ мужчинѣ. Торсъ его былъ замѣтно искривленъ, голова шла прямо отъ плечъ и одна нога была много короче другой. У него не было поврежденъ ни одинъ позвонокъ на затылкѣ, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ никогда не былъ повѣшенъ. Итакъ, человѣкъ этотъ, очевидно, пришолъ сюда самъ и здѣсь умеръ. Когда начали отдѣлять его отъ другого скелета, онъ рассыпался въ прахъ.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ГЛАВА VIII

(НЕБЫВШАЯ ВЪ ПЕЧАТИ)

ТОВАРИЩИ

Меня конечно болѣе тянуло къ своимъ, то-есть къ «дворянамъ», особенно въ первое время. Но изъ троиxъ бывшихъ русскихъ дворянъ, находившихся у насъ въ острогѣ (Акимъ Акимыча, шпиона А-ва и того, котораго считали отцеубійцею) я знался и говорилъ только съ Акимъ Акимычемъ. Признаться, я подходилъ къ Акимъ Акимычу такъ-сказать съ отчаянія, въ минуты самой сильной скуки и когда уже ни къ кому кромѣ него подойти не предвидѣлось. Въ прошлой главѣ я было попробовалъ разсортировать всѣхъ нашихъ людей на разряды, но теперь, какъ припомнилъ Акимъ Акимыча, то думаю, что можно еще прибавить одинъ разрядъ. Правда, что онъ одинъ его и составлялъ. Это — разрядъ совершенно равнодушныхъ каторжныхъ. Совершенно равнодушныхъ, то-есть такихъ, которымъ было бы все равно жить, что на волѣ, что въ каторгѣ, у насъ разумѣется не было и быть не могло, но Акимъ Акимычъ кажется составлять исключеніе. Онъ даже и устроился въ острогѣ такъ какъ-будто всю жизнь собирался прожить въ немъ: все вокругъ него, начиная съ тюфяка, подушекъ, утвари, расположилось такъ плотно, такъ устойчиво, такъ надолго. Бивачнаго, временнаго не замѣчалось въ немъ и слѣда. Пробыть въ острогѣ оставалось ему еще много лѣтъ, но врядъ ли онъ хоть когда-нибудь подумалъ о выходѣ. Но если онъ и примирился съ дѣйствительностью, то

разумѣтся не по сердцу, а развѣ по субординаціи, что впрочемъ для него было одно и тоже. Онъ былъ добрый человекъ и даже помогалъ мнѣ вначалѣ совѣтами и кой-какими услугами; но иногда, каюсь, невольно онъ нагонялъ на меня, особенно въ первое время, тоску безпримѣрную, еще болѣе усиливавшую и безъ того уже тоскливое расположеніе мое. А я отъ тоски-то и заговаривалъ съ нимъ. Жаждешь бывало хоть какого-нибудь живого слова, хоть жолчнаго, хоть нетерпѣливаго, хоть злобы какой-нибудь: мы бы ужъ хоть позлились на судьбу нашу вмѣстѣ; а онъ молчитъ, клеитъ свои фонарики, или расскажетъ о томъ, какой у нихъ смотръ былъ въ такомъ-то году, и кто былъ начальникъ дивизіи, и какъ его звали по имени и отчеству, и доволенъ былъ онъ смотромъ или нѣтъ, и какъ застрѣльщикамъ сигналы были измѣнены и проч. И все такимъ ровнымъ, такимъ чиннымъ голосомъ, точно вода капаетъ по каплѣ. Онъ даже почти совсѣмъ не воодушевлялся, когда рассказывалъ мнѣ, что за участіе въ какомъ-то дѣлѣ на Кавказѣ удостоился получить «святыя Анны» на шпагу. Только голосъ его становился въ эту минуту какъ-то необыкновенно важенъ и солиденъ; онъ немного понижалъ его, даже до какой-то таинственности, когда произносилъ «святыя Анны», и послѣ этого минуты на три становился какъ-то особенно молчаливъ и солиденъ... Въ этотъ первый годъ у меня бывали глупыя минуты, когда я (и всегда какъ-то вдругъ) начиналъ почти ненавидѣть Акимъ Акимыча, неизвестно за что, и молча проклиналъ судьбу свою, зато что она помѣстила меня съ нимъ на нарахъ голова съ головою. Обыкновенно черезъ часъ я уже укорялъ себя за это. Но это было только въ первый годъ; впоследствии я совершенно примирился въ душѣ съ Акимъ Акимычемъ и стыдился моихъ прежнихъ глупостей. Наружно же мы, помнится, съ нимъ никогда не ссорились.

Кромѣ этихъ троихъ русскихъ, другихъ въ мое время перебывало у насъ восемь человекъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я сходился довольно коротко и даже съ удовольствіемъ, но не со всѣми. Лучшіе изъ нихъ были какіе-то болѣзненные, исключительные и нетерпимые въ высшей степени. Съ двумя изъ нихъ я впоследствии просто пересталъ говорить. Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б-славскій, М-цкій и старикъ Ж-ховскій, бывший прежде гдѣ-то професоромъ математики — старикъ добрый, хорошій, большой чудакъ, и несмотря на образованіе, ка-

жестя крайне ограниченный человекъ. Совѣмъ другіе были М-цкій и Б-славскій. Съ М-цкимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но любить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недоувѣрчивый и озлобленный человекъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и не передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ можетъ-быть я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько езуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывала его затаенный, глубокий скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ некоторые свои особые убѣжденія и надежды. Несмотря однако же на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б-славскимъ и съ другомъ его Т-жевскимъ. Б-славскій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человекъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и въ послѣдствіи разошелся съ Б-славскимъ, но зато никогда не переставалъ любить его; а съ М-цкимъ и не ссорился, но никогда его не любилъ. Разойдясь съ Б-славскимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т-жевскимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человекомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, рассказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ очень жаль. Т-жевскій былъ хоть и необразованный человекъ, но добрый, мужественный, славный молодой человекъ однимъ-словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ дотога любилъ и уважалъ Б-славскаго, дотога благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились съ Б-славскимъ, считалъ тотчасъ-же почти своими врагами. Онъ и съ М-цкимъ кажется разошелся въ послѣдствіи за Б-славскаго, хотя долго крѣпился. Впрочемъ всѣ они были больные нравственно, желчныя, раздражительныя, недоувѣрчивыя. Это понятно: имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они

съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и это тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнья они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ. Съ черкесами, съ татарами, съ Исаемъ Фомичемъ они были ласковы и привѣтливы, но съ отвращеніемъ избѣгали всѣхъ остальныхъ каторжныхъ. Только одинъ Стародубскій старовѣръ заслужилъ ихъ полное уваженіе. Замѣчательно впрочемъ, что никто изъ каторжныхъ, впродолженіи всего времени какъ я былъ въ острогѣ, не упрекнулъ ихъ ни въ происхожденіи, ни вѣрѣ ихъ, ни въ образѣ мыслей, что случается въ нашемъ простонародьи относительно иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, хотя впрочемъ и очень рѣдко. Впрочемъ надъ нѣмцами только развѣ смѣются; нѣмецъ представляетъ собою что-то глубоко комическое для русскаго простонародья. Съ нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо болѣе, чѣмъ съ нами русскими и нисколько не *трогали* ихъ. Но тѣ кажется никогда этого не хотѣли замѣтить и взять въ соображеніе. Я говорилъ о Т-жевскомъ. Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста первой ихъ ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б-славскаго на рукахъ впродолженіи чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ ползѣтапа. Они присланы были прежде въ У-горскъ. Тамъ, рассказывали они, было имъ хорошо, то-есть гораздо лучше чѣмъ въ нашей крѣпости. Но у нихъ завелась какая-то, совершенно впрочемъ невинная, переписка съ другими ссыльными изъ другого города, и за это ихъ троихъ наши нужнымъ перевести въ нашу крѣпость, ближе на глаза къ нашему высшему начальству. Третій товарищъ ихъ былъ Ж-ховскій. До ихъ прибытія М-цкій былъ въ острогѣ одинъ. То-то онъ долженъ былъ тосковать въ первый годъ своей ссылки!

Этотъ Ж-ховскій былъ тотъ самый вѣчно молившійся Богу старикъ, о которомъ я уже упоминалъ. Всѣ наши политическіе преступники были народъ молодой, нѣкоторые даже очень; одинъ Ж-ховскій былъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти. Это былъ человѣкъ конечно честный, но нѣсколько странный. Товарищи его Б-славскій и Т-жевскій его очень не любили, даже не говорили съ нимъ, отзываясь о немъ, что онъ упрямъ и вздоренъ. Нѣмаю на-

сколько они были въ этомъ случаѣ правы. Въ острогѣ, какъ и во всякомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди собираются въ кучу не волею, а насильно, мнѣ кажется скорѣе можно поссориться и даже возненавидѣть другъ друга, чѣмъ на волѣ. Много обстоятельствъ тому способствуетъ. Впрочемъ Ж-ховскій былъ дѣйствительно человѣкъ довольно тупой и можетъ-быть непріятный. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Я съ нимъ хоть и никогда не ссорился, но особенно не сходился. Свой предметъ, математику, онъ кажется зналъ. Помню, онъ все мнѣ силился растолковать на своемъ полурусскомъ языкѣ какую-то особенную, имъ самимъ выдуманную астрономическую систему. Мнѣ говорили, что онъ это когда-то напечаталъ, но надъ нимъ въ ученомъ мѣрѣ только посмѣялись. Мнѣ кажется онъ былъ нѣсколько попрежденъ разсудкомъ. По цѣлымъ днямъ онъ молился на колѣняхъ Богу, чѣмъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжкой болѣзни, на моихъ глазахъ. Впрочемъ уваженіе каторжныхъ онъ приобрѣлъ съ самаго перваго шагу въ острогѣ, послѣ своей исторіи съ нашимъ майоромъ. Въ дорогѣ отъ У-горска до нашей крѣпости ихъ не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ прямо привели къ плацъ-майору, то онъ пришолъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ впрочемъ они вовсе не были виноваты.

— Въ какомъ они видѣ! заревѣлъ онъ: — это бродяги, разбойники!

Ж-ховскій, тогда еще плохо понимавшій порусски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе? бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? грубить! заревѣлъ майоръ: — въ мордегардію! сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себя зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стона, нешевелясь. Б-славскій и Т-жевскій тѣмъ временемъ уже вошли въ острогъ, гдѣ М-цкій уже поджидалъ ихъ у воротъ и прямо бросился къ нимъ на шею, хотя до сихъ поръ никогда ихъ и не видывалъ. Возволнованные отъ майорскаго приѣма, они рассказали ему все о Ж-ховскомъ. Помню какъ М-цкій имъ рассказывалъ объ этомъ: «Я былъ внѣ себя, гово-

рилъ онъ: — я не помнилъ что со мною дѣлается и дрожалъ какъ въ ознобѣ. Я ядалъ Ж-ховскаго у воротъ. Онъ долженъ былъ придти прямо изъ кордегардіи, гдѣ его наказывали. Вдругъ отворилась калитка: Ж-ховскій, неглядя ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдыми губами прошолъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ, уже узнавшихъ, что наказываютъ дворянина, вошелъ въ казарму, прямо къ своему мѣсту, и ни слова неговоря сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Каторжные были поражены и даже растроганы. Какъ увидалъ я этого старика, — говорилъ М-цкій — сѣдого, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидалъ я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося, — я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти: я былъ въ изступленіи...» Каторжные стали очень уважать Ж-ховскаго съ этихъ поръ и обходились съ нимъ всегда почтительно. Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами.

Надобно однакожь сказать всю правду: по этому примѣру отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ кто бы они ни были эти ссыльные, русскіе или поляки. Этотъ примѣръ только показываетъ, что можно нарваться на лихого человѣка, и конечно, будь этотъ лихой человѣкъ гдѣ-нибудь отдѣльнымъ и старшимъ командиромъ, то участь ссыльнаго, въ случаѣ еслибъ его особенно не возлюбилъ этотъ лихой командиръ, была бы очень плохо обезпечена. Но нельзя не признаться, что самое высшее начальство въ Сибири, отъ котораго зависитъ тонъ и настрой всѣхъ прочихъ командировъ, насчетъ ссыльныхъ дворянъ очень разборчиво и даже въ иныхъ случаяхъ нарываетъ дать имъ поблажку въ сравненіи съ остальными каторжными, изъ престоноародія. Причины тому ясны: эти высшіе начальники во первыхъ сами дворяне; во вторыхъ случалось еще прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы; а третьихъ, и мнѣ кажется это главное, уже давно, еще лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, въ Сибирь явилась вдругъ, разомъ, большая масса ссыльныхъ дворянъ, и эти-то ссыльные, въ продолженіи тридцати лѣтъ, умѣли воставить и зарекомендовать себя такъ по всей Сибири, что начальство уже по старинной, преемственной привычкѣ, поневолѣ глядѣло въ мое время на дворянъ-преступниковъ извѣстнаго разряда иными

каждому изъ насъ (и другихъ сосланныхъ). Вездѣ за нами
 шли наведывавшіе и вѣдали глядѣть тѣми же глазами и низ-
 шимъ помыслами; разубѣдился замышляя этотъ взглядъ и тонъ слы-
 шавъ изъ устъ; подчинялся ему. Впрочемъ многіе изъ этихъ низ-
 шихъ командирскъ дѣлѣли туго; критиковали про себя многи
 распоряженія и очень, очень рады бы были, если бы чинъ
 не шло на расформированіе по своему. Но имъ несомнѣнно это по-
 зволяло. И нѣтъ твердое основаніе такъ думать, и вотъ поче-
 му. Второй разрядъ каторги, въ которомъ я находился и состо-
 ялъ изъ преступныхъ арестантовъ, подъ военнымъ начальствомъ,
 (какъ несравненно тяжелѣе батальонныхъ двухъ разрядовъ, то-есть
 третьяго (самодеятельнаго) и втораго (въ рудникахъ). Тяжелѣе онъ
 былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ сосланныхъ ар-
 естантовъ; и не по тому, что начальство и устройство этого раз-
 ряда — все военное; очень похожее на арестантскія роты въ
 Россіи. Военное начальство строжѣе; порядки тѣснѣе; всегда въ
 нѣмъ; и всегда подъ контролемъ; всегда подъ замкомъ; и этого
 нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ край-
 нейше говоривъ всѣ наши арестанты, а между ними были
 знатоки дѣла. Они жѣ съ радостью пошли бы въ первый раз-
 рядъ, считающійся въ законѣ тяжчайшимъ и даже много разъ
 считали объ этомъ. Объ арестантскихъ же роткахъ въ Россіи, всѣ
 наши, которые были тамъ, говорили съ ужасомъ и увѣрили, что
 во всей Россіи нѣтъ тяжелѣе мѣста, какъ арестантскія роты по
 крѣпостямъ, и нѣтъ въ Сибири рай сравнительно съ тамошней
 жизнью. Слѣдовательно если при такомъ строгомъ содержаніи,
 какъ въ военномъ лагерѣ; при военномъ начальствѣ, на глазахъ
 своего генерала-губернатора и нагонѣтъ въ виду такихъ слу-
 чаяхъ (иногда бывавшихъ), что дѣйствительно посторонніе, но офи-
 цальные люди по злобѣ или по ревности къ службѣ, готовы бы-
 ли тайно же донести куда слѣдуетъ, что такого-то дескать раз-
 ряда преступникахъ. таіе-то неблагонамѣренные командиры
 дѣлаютъ обману; — если въ такомъ мѣствѣ, говорю я, на пре-
 ступниковъ дѣрзавъ смотрѣли нѣсколько другими глазами, чѣмъ
 на уголовныхъ изворженихъ, то тѣмъ болѣе смотрѣли на нихъ
 горше дѣла въ первомъ и третьемъ разрядахъ. Слѣдовательно
 по тому случаю, гдѣ я былъ, мнѣ кажется и могу судить въ этомъ
 отношеніи о всей Сибири. Въ слухи и рассказы, доходившіе до
 меня отъ старыхъ; отъ сосланныхъ перваго и третьяго разря-

догодъ, подтверждала мое заключеніе. Въ своемъ дѣлѣ на себя насъ, дворянъ, въ нашемъ острогѣ начальство смотрѣло внимательнѣе и осторожнѣе. Поблаживъ намъ частоту работы в содержаніи не было рѣшительно никакой: тѣже работы, тѣже кандалы, тѣже замки, однимъ словомъ все то же самое, что и у всѣхъ арестантовъ. Да и облегчить—то нельзя было. Я знаю, что въ этомъ городѣ въ то недавнее двенадцатилѣтнее время было столько доносчиковъ, столько интригъ, сколько рывшихъ другъ другу яму, что начальство естественно боялось доноса. А ужь чего страшнѣе было въ то время доносить о томъ, что неяснаго разряда преступникамъ даютъ поблажку! И такъ всякій побаивался, и мы жили наравнѣ съ всѣми катарскими, но относительно тѣлеснаго наказанія было нѣкоторое исключеніе. Правда, насъ бы чрезвычайно удобно высѣли, еслибы мы заслужили это, то есть проступились въ чемъ-нибудь. Этого требовалъ долгъ службы и равенства — передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но такъ, яра, легкомысленно насъ все-таки бы не высѣли; а съ простыми арестантами такого рода легкомысленное обращеніе разумеется случалось, особенно при нѣкоторыхъ субалтерныхъ командахъ и одотникахъ распорядиться и внушить при всякомъ удобномъ случаѣ. Намъ извѣстно было, что командантъ, узнавъ объ исторіи съ старикомъ Ж-ховскимъ, очень вознегодовала на майора и внушила ему, чтобы онъ на будущее время сводилъ держать руки покорооче. Такъ рассказывали мнѣ всѣ. Зналъ тоже у насъ, что самъ генералъ-губернаторъ, любившій нашему майору и отчасти любившій его, какъ исполнителю в человѣка съ нѣкоторыми способностями, узнавъ про эту исторію, тоже выговаривалъ ему. И майоръ нашъ принялъ это къ свѣдѣнію. Ужь какъ надригивъ ему хотѣлось добратъя до М-цнаго, второго онъ неважнѣлъ черезъ разговоры А-ва, но онъ никакъ не могъ его высѣли, хотя и искалъ предлога, гвалъ его и помысливался къ нему. Объ исторіи Ж-ховскаго спора узналъ весь городъ и общее мнѣніе было противъ майора; многіе ему выговаривали, иные даже съ неприятностями. Вспоминаю теперь и мою первую встрѣчу съ плацъ-майоромъ. Насъ, то-есть меня и другого ссыльчаго изъ дворянъ, съ которыми я вмѣстѣ поступилъ въ каторгу, манугали еще въ Тобольскѣ рассказали в неприятномъ характерѣ этого человѣка. Бывшіе тамъ въ это время старинные двадцатипятилѣтніе ссыльные изъ дворянъ, встрѣтивъ

дня насъ съ глубокой симпатіей и вниманіемъ съ нами сношенія все время какъ мы сидѣли на пересыльномъ дворѣ, предостерегали насъ отъ будущаго коменданта нашего и общались одѣлать все что только могутъ, черезъ знакомыхъ людей, чтобъ защитить насъ отъ его преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, три дочери генералъ-губернатора, прибывшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, получивши отъ нихъ письма и какъ-то говорили ему въ нашу пользу. Но что онъ могъ одѣлать? Онъ только сказалъ майору, чтобъ онъ былъ нѣсколько поразборчивѣе. Часу въ третьемъ пополудни мы, ге—естъ я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему повелителю. Мы стояли въ передней ожидая его. Между тѣмъ уже послали за острожными унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-майоръ. Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно какъ будто выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшуюся въ его паутину.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто, и очевидно хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— Такой-то.

— Тебя? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, уставивъ на меня свои очи.

— Такой-то.

— Унтеръ-офицеръ! сейчасъ вхъ въ острогъ, выбрать въ караульную до-гражданскому, немедленно, половону головы; кандалы пераковать завтра же. Это какія шивели? откуда по-лучили? спросилъ онъ вдругъ, обративъ вниманіе на сѣрые наплоты, съ желтыми кругами на синахъ, выданные намъ въ Тобольскѣ и въ которыхъ мы предстали предъ его свѣтлыя очи.

— Ате цоваа. форма! Это шѣрно какая-нибудь новая форма... Еще проэктурируетса... изъ Петербурга... говорилъ онъ поверты-вая насъ поочередно. — Съ ними ибѣтъ ничего? спросилъ онъ вдругъ пошломрвавшего насъ мандарна.

— Собствонная: ослонда еста, ваше высекоблагородіе, отбѣ-чалъ мандаринъ, какъ-то ивновоично вытянувшись, даже съ не-большимъ вздрагиваніемъ. Его всѣ знали, всѣ о немъ слышали, онъ всѣхъ пугалъ.

— Все наоборотъ. Отдать ииъ только одно бѣлье, и то бѣлье,

и цѣлѣное, осмѣлить; отобрать. Осмѣлило все продать съ аукциона. Деньги завязать въ архаю. Арестантъ не имѣть собственности, продолжалъ онъ, строго поглядывая на насъ. — Смотрите же, вести себя хорошо! чтобъ я не слыхалъ! Нето... тѣлес-ныи на каваніи! За малѣйшій проступокъ — р-р-розги!..

Весь этотъ вечеръ я съ непривычки былъ почти боленъ отъ этого приема. Впрочемъ впечатлѣніе усадилося и тѣмъ, что я увидѣлъ въ острогѣ; но о вступленіи моемъ въ острогъ я уже рассказывалъ.

Я упоминаю сейчасъ, что намъ не дѣлали и не смѣли дѣлать никакой поблажки, никакого облегченія передъ прочими арестантами въ работѣ. Но одинъ разъ однако попробовали сдѣлать: я и Б-славскій цѣлѣхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей. Но это сдѣлали инти-крыто и сдѣлало инженерное начальство. То-есть прочіе всё пожалуй, кому надо было, знали, но дѣлали видъ, что не знали. Это случилось еще при командирѣ команды Г-вѣ. Подполковникъ Г-новъ упалъ къ намъ какъ съ неба, пробылъ у насъ очемъ недолго, — если не ошибаюсь, не болѣе полугода, даже и того меньше — и уѣхалъ въ Россію, произведя необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ. Его не-что любили арестанты, его они обожали, если только можно употребить здѣсь это слово. Какъ онъ это сдѣлалъ, не знаю, но онъ завоевалъ ихъ съ перваго разу. «Отецъ, отецъ! отца пена-де!» говорили, поминутно арестанты во все время его управленія инженерною частью. Кутиле онъ былъ камешъ умнѣйшій. Небольшого роста, съ дерекимъ, самоувереннымъ взглядомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ласковъ съ арестантами, чуть не да въжливостей, и дѣйствительно буквально любилъ ихъ какъ отецъ. Отчего онъ такъ любилъ арестантовъ — сказать не могу, но онъ не могъ видѣть арестанта, чтобъ не сказать ему ласковаго, веселаго слова, чтобъ не пошептать съ нимъ, не пошутать съ нимъ, и главное — онъ казался этому не было чего-нибудь начальническаго, хотя-чего-нибудь обозначающаго неровную или ясто-начальничью ласку. Это былъ свой товарищъ, свой человекъ въ высочайшей степени. Но несмотря на весь этотъ инстинктивный демократизмъ его, арестанты ниразу не проступились передъ нимъ въ какой-нибудь недочитительности, фамильярности. Напротивъ. Только все лицо

арестанты распеваало, когда они встрѣчались съ командиромъ, и слышши шапку, онъ уже смотрѣлъ улыбаясь; когда тотъ подходилъ къ нему. А если тотъ заговорить, — какъ рублемъ подарить. Бывають-же такіе популярныя люди. Смотрѣлъ онъ молодцомъ, ходилъ прямо, браво. «Орелъ!» говорятъ бывало о немъ арестанты. Облегчить ихъ онъ нечестно; ничѣмъ не могъ завѣдывать онъ только одними инженерными работами, которыми и при всѣхъ другихъ командирахъ шли въ своемъ всегласномъ, развѣ введенномъ законномъ порядкѣ. Развѣ только встрѣтивъ случайно партію на работѣ, видя, что дѣло кончено, не дерзнуть бывало лишняго времени и отпустить до барабана. Но нравилась его добротность къ арестанту, отсутствие женкой целестильности и раздражительности, совершенное отсутствие чинныхъ оскорбительныхъ формъ въ начальническихъ отношеніяхъ. Потерявъ онъ тысячу рублей, — я думаю первый воръ изъ нашихъ, еслибъ нашолъ ихъ, отнесъ бы къ нему. Да, я увѣренъ что такъ было бы. Съ какими глубокими участіемъ узнали арестанты, что ихъ орелъ-командиръ поссорился на-смерть съ нашимъ невзломнымъ майоромъ. Это случилось въ первый же мѣсяцъ по его прибытіи. Нашъ майоръ былъ когда-то его сослуживецъ. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки какъ друзья и закутили было вмѣстѣ. Но вдругъ у нихъ порвалось. Они поссорились и Г-въ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ. Слышно было даже, что она подрались при этомъ случаѣ, что съ нашимъ майоромъ могло случиться: онъ часто дилался. Какъ услышали это арестанты, радости ихъ не было конца. «Осьмиглазому-ли съ такимъ ужиться! тотъ орелъ, а нашъ...», и тутъ обыкновенно прибавлялось слово, неудобное въ печати. Ужасно интересовались у насъ тѣмъ, кто изъ нихъ кого поколотилъ. Еслибъ слухъ объ илѣ дракѣ оказался невѣрнымъ (что можетъ-быть такъ и было), то кажется нашимъ арестанткамъ было бы это очень досадно. «Ишь ужъ навѣрно командиръ одолѣлъ, говорили они: — онъ маленькой-де удаленной, а тогъ слышь полѣ кровать отъ него завѣдалъ. Но скоро Г-вель узналъ, и арестанты опять впади въ уныніе. Инженерные командиры были у насъ правда всѣ хороши: принявъ считалось ихъ трое или четверо; «да все не нажить ужъ таково, говорили арестанты: — орелъ былъ, орелъ и вступникъ». Вотъ этого-то Г-вель очень любилъ всѣхъ насъ дворянъ и солдатъ, воеводы величавыя и Б-славскому ходить иногда въ кан-

нелюбю. Но отъѣздъ же его это устроилось болѣе правильнымъ образомъ. Изъ инженеровъ были люди (изъ нихъ особенно одинъ) очень намъ симпатизировавшіе. Мы ходили, переписывали бумаги, даже очеркъ нашъ сталъ совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало немедленное повелѣніе повернуть насъ на прежнія работы: кто-то ужъ успѣлъ донести! Впрочемъ это и хорошо было: канцелярія стала намъ обитать очень надобно. Потому мы года два почти неразлучно ходили съ Б. на одні работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили объ нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. Славный былъ онъ человекъ; во убѣжденіи его всегда были очень странныя, исключительныя. Часте у иного другого разряда людей, очень умныхъ, устававливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни выстрада-но, такою дорогою цѣною они достались, что оторваться отъ нихъ уже слишкомъ больно, почти невозможно. Б.-славскій въ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ во многомъ можетъ-быть онъ былъ и правъ меня, незнаю; но мы наконецъ расстались и это было мнѣ очень больно: мы уже много раздѣляли вѣстѣ.

Между тѣмъ М-кій съ годами все какъ-то становился грустнѣе и мрачнѣе. Тоска одолѣвала его. Прежде, въ первое мое время въ острогѣ, онъ былъ общителнѣе, душа его все-таки чаще и больше вырывалась наружу. Уже третій годъ жилъ онъ въ каторгѣ, въ то время какъ я поступилъ. Сначала онъ многимъ интересовался изъ того, что въ эти два года случилось насчетъ и объ чемъ онъ не имѣлъ понятія, сидя въ острогѣ; спрашивалъ меня, слушалъ, волновался. Но подъ конецъ, съ годами все это какъ-то стало въ немъ сосредоточиваться внутри; на сердца. Угли покрывались золою: Озлобленіе расло въ немъ болѣе и болѣе. «Je hais ces brigands» — повторялъ онъ мнѣ часто, съ ненавистью смотря на каторжныхъ, которыхъ я уже успѣлъ узнать ближе, и никакіе доводы мои въ ихъ пользу на него не дѣйствовали. Онъ не понималъ что я говорю; иногда проречетъ разобранно сегманался; но назавтра же опять повторялъ: «Je hais ces brigands». Кстати: мы съ нимъ часто говорили префранцузски; и за это одинъ приставъ надъ работами, инженерный солдатъ Дранишниковъ, незвѣстно по какому соображенію, протѣвалъ насъ сержантами. М-кій ввѣдушевлялся только попоминанъ пре свое

мать: «Она стара, она больная, — говорилъ онъ мнѣ! — она любить меня больше всего на свѣтѣ, а я здѣсь незнаю жана она или нѣтъ? Довольно ужь для нея того, что она знала какъ меня гоняли сквозь строй...» М-цкій былъ не дворанинъ и перелѣт съсланою былъ наказанъ тѣлесно: Вспомнивая объ этомъ, онъ стаскивалъ зубы и старался смотрѣть въ сторону. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ ходить одинъ. Разъ поутру, въ двѣнадцатомъ часу, его потребовали къ коменданту. Комендантъ вышелъ къ нему съ веселой улыбкой.

— Ну, М-цкій, что ты сегодня во снѣ видѣлъ? спросилъ онъ его.

«Я такъ и вздрогнулъ, рассказывалъ воротясь къ намъ М-кій. — Мнѣ будто сердце пронзило.»

— Видѣлъ, что письмо отъ матери получилъ, отвѣчалъ онъ.

— Лучше, лучше! возразилъ комендантъ. — Ты свободенъ! Твоя мать просила... просьба ея услышана. Вотъ письмо ея, а вотъ и приказъ о тебѣ. Сейчасъ же выйдешь изъ острога.

Онъ воротился къ намъ блѣдный, еще неочнувшійся отъ вѣстия. Мы его поздравляли. Онъ жалъ намъ руки своими дрожащими похолодѣвшими руками. Многіе арестанты тоже поздравляли его и рады были его счастью.

Онъ вышелъ на поселенье и остался въ нашемъ же городѣ. Вскорѣ ему дали мѣсто. Сначала онъ часто приходилъ къ нашему острогу, и когда могъ, сообщалъ намъ разныя новости. Преимущественно политическія очень интересовали его.

Изъ остальныхъ четырехъ, то-есть кромѣ М-цкаго, Т-жевецкаго, В-славскаго и Ж-ховскаго, двое были еще очень молодые люди, присланные на короткіе сроки, мало-образованные, но честные, простые, прямые. Третій, А-чуковскій, былъ ужь слишкомъ преставать и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б-нъ, человекъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ преекверное впечатлѣніе. Незнаю какъ онъ попалъ въ разрядъ танихъ преступниковъ, да и самъ онъ отрицалъ это. Это была грубая мелко-мѣщанская душа, съ привычными и правильными лавочными, разбогачившаго на обесчуженныя копѣйки. Онъ былъ безо всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный. Скоро начальство узнало о его способностяхъ и весь городъ сталъ требовать Б-на, для на-

дверца стѣны и потолкавъ. Въ два года онъ расписалъ почти всѣ казенныя квартиры. Влаѣтели квартир платили ему отъ себя и жилъ онъ—таки не бѣдно. Но всего лучше было то, что на работу съ нимъ стали посылать вѣдущихъ его товарищей. Изъ трюма, ходившихъ съ нимъ постоянно, двое научились у него ремеслу и одинъ изъ нихъ, Т—жевскій, сталъ маловаль накуже его. Нашъ плацъ—майоръ, занимавшій тоже казенный домъ, въ свою очередь потребовалъ Б—ма и велѣлъ расписать ему всѣ стѣны и потолки. Тутъ ужъ Б—мъ постарался: у генералъ—губернатора не было такъ расписано. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, довольно дряхлый, и чрезвычайно шелудивый снаружи: расписанъ же внутри было какъ во дворцѣ и майоръ былъ въ восторгѣ... Онъ потиралъ руки и поговаривалъ, что теперь непремѣнно женится: «при такой квартирѣ нельзя не жениться», прибавлялъ онъ очень серьезно. Б—момъ былъ онъ все болѣе и болѣе доволенъ, а чрезъ него и другими, работавшими съ нимъ дѣльцѣ. Работа шла цѣлый мѣсяць. Въ этомъ мѣсяцѣ майоръ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о всѣхъ нашихъ и началъ имъ покровительствовать. Дошло до того, что однажды вдругъ онъ потребовалъ къ себѣ изъ острога Ж—ховскаго.

— Ж—ховскій! сказалъ онъ, — я тебя оскорбилъ. Я тебя выгнать нарасно, я знаю это. Я раскаиваюсь. Понимаешь ты это? Я, я, я — раскаиваюсь!

Ж—ховскій отвѣчалъ, что онъ это понимаетъ.

— Понимаешь ли ты, что я, я, твой начальникъ, призывалъ тебя съ тѣмъ, чтобъ просить у тебя прощенія! Чувствуешь ли ты это? Кто *мы* передо мной? Червякъ! меньше червяка: ты арестантъ! я я — божьєю милостью (!) майоръ. Майоръ! понимаешь ли ты это?

Ж—ховскій отвѣчалъ, что я это понимаю.

— Ну такъ теперь я мирюсь съ тобой. Но чувствуешь ли, чувствуешь ли это вслѣдствіе, во всей подногѣ? Сносебешь ли ты это понять и почувствовать? Сособрави только: я, я, майоръ... и т. д.

Ж—ховскій самъ рассказывалъ мнѣ всю эту сцену. Стало бытъ было же и въ этомъ пьяномъ, вздорномъ и безадриночномъ че-

(!) Буквальное выраженіе, впрочемъ въ мое время употреблявшееся не однимъ нашимъ майоромъ, а и многими мелкими командирами, преимущественно вышедшими изъ казачьихъ чиновъ.

ловѣкъ человеческое чувство. Взять въ соображеніе его понятія и развитіе, такой поступокъ можно было считать почти великодушнымъ. Впрочемъ пыльный видъ можетъ—быть тому много способствовать.

Мечта его не осуществилась: онъ не женился, хотя ужь совершенно было рѣшился, когда кончили отдѣлывать его квартиру. Въместо женитьбы онъ попалъ подъ—судъ и ему вѣрно было подать въ отставку. Тутъ ужь и всѣ старые грѣхи ему приплели. Прежде въ этомъ городѣ онъ былъ, помнится, городничимъ... Ударъ упалъ на него неожиданно. Въ острогѣ непомерно обрадовались извѣстію. Это былъ праздникъ, торжество! Майоръ, говорятъ, ревелъ какъ старая баба и обливался слезами. Но дѣлать нечего. Онъ вышелъ въ отставку, нару стѣрыхъ продалъ, потомъ все дичіе и впалъ даже въ бѣдность. Мы встрѣчали его потомъ въ штатскомъ панталономъ сертукѣ, въ фуражкѣ съ какардочкой. Онъ злобно смотрѣлъ на арестантовъ. Но все обаяніе его прошло, только—что онъ снялъ мундиръ. Въ мундирѣ онъ былъ гроза, богъ. Въ сертукѣ онъ вдругъ сталъ совершенно ничѣмъ и смѣхивалъ на лакея. Удивительно какъ много составляетъ мундиръ у этихъ людей.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ДЕНЬ НА ВИРЖЪ, НОЧЬ НА КВАРТИРЪ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОЛОДНАГО ЧЕЛОВѢКА)

Я просто-напросто раскажу одинъ изъ эпизодовъ моей скитальческой жизни въ отставкѣ. На тернистомъ моемъ поприщѣ встрѣтились мнѣ два пріятеля, которые отличившимъ образомъ подгадали мою и безъ того незавидную карьеру. Можетъ-быть читатель пожелааетъ узнать, какая карьера ожидаетъ отставного чиновника безъ пенсін, безъ всякихъ средствъ жизни, безъ особенныхъ знаній, кромѣ краткой россійской арифметики или грамматики, и наконецъ безъ гроша въ карманѣ? А вотъ какаа: опредѣлиться въ сенатъ на девять рублей девяносто-три копѣйки мѣсячнаго жалованья, поступить въ полкъ, на какихъ случится правахъ, если откроется война, или занять какую-нибудь частную должность *управляющаго всѣмъ дворомъ* дома, или скопивши рубликовъ десятковъ надѣлать къ рождеству елокъ, выручить за нихъ рублей двадцать и пуститься въ другой промыселъ, то-есть продавать размазанныхъ херувимовъ, бумажныхъ плюсуновъ по пятачку штука въ какой-нибудь апраксинъ или шукинъ, да и то когда они отстроится. Но, чтобъ достигнуть этой блестятельной карьеры, надо пока перебиться какъ-нибудь, особенно въ нашу милую петербургскую осень или зиму, въ которыхъ слабые здоровьемъ обѣдьяки мрутъ какъ мухи. Если енотовыя, лисья и иныя другія-прочія шубы не могутъ согрѣть тѣла въ лихіе двадцати-градусные морозы; если никакія непромокаемыя калоши, пальто не могутъ предохранить человѣка отъ осеннихъ изморозей, дождей, слякоти и всякой пакости, то чего же ожидать отъ какого-нибудь пальто, подбитаго уксусомъ? А поззія сырыхъ и холодныхъ квартиръ, съ угаромъ, плесенью по стѣнамъ, снѣгомъ по угламъ, со всѣми прелестями? Слѣдовательно, чтобъ добиться порялочной карьеры игрушечныхъ дѣлъ мастера, или сенатскаго чиновника, необходимо какъ-нибудь перебиться въ лодныя времена года.

Счастливецъ тотъ, кто еще страдаетъ какой-нибудь ломотой, или невытворнымъ ревматизмомъ, коготьями: его примутъ хотя въ больницу. Намъ почетное начальство дастъ приютъ, пищу, леченіе, будь только боленъ.

А если и этого нѣтъ, если ты, какъ Собакевичъ, сѣтуешь на судьбу, что ни разу не былъ боленъ, что тогда? Тогда горе! Петербургская осень, или зима, послѣ долгихъ лѣтъ цвѣтущаго твоего зловрѣя, когда-нибудь тебя такъ подкоситъ, что тебя сразу положить, сначала въ чахоточную палату въ больницу, потомъ — въ ванную, для болѣе удобнаго окончанія твоей карьеры, а оттуда пропрутъ въ трупярню. Лѣтомъ другое дѣло: у бѣдняка готовыя квартиры въ александровскомъ и петровскомъ паркахъ. Всѣ удобства: тѣнь отъ елокъ, вода изъ крѣпостного рва, изъ прудовъ покрытыхъ плесенью; трава — вмѣсто постели. Можно вдвоемъ сговориться такъ: пока одинъ спитъ, другой караулитъ твою шанку, сапоги, чтобы ихъ какъ-нибудь не сдуло вѣтромъ... Другой заснулъ — ты его караулишь, и т. д. Имѣешь десять копѣекъ, тебя прекрасно покормятъ щами и кашей въ благодѣтельномъ демидовскомъ заведеніи. Остальной пятакъ ты можешь изтратить на *предметы роскоши*: купить десятокъ папиросъ... Я знаю лавочку близъ парка, гдѣ десятокъ можно купить за три копѣйки. Вотъ ужъ у тебя въ теченіи дня, скопилось остаточныхъ суммъ двѣ копѣйки, за которыя въ обжорномъ рядѣ, на Сытномъ рынкѣ, тебѣ дадутъ полфунта чорнаго хлѣба, нарѣжутъ четыре кусочка рубцовъ и польютъ все это бесплатно разведеннымъ хрѣномъ!.. Я когда-нибудь напишу, какимъ образомъ можно прожить *въ нѣтъ и роскоши*, за нятнадцать копѣекъ въ сутки: пить, ѣсть, курить, имѣть квартиру, двѣ бани въ мѣсяцъ, — а теперь продолжаю.

Чтобы мой правдивый расказъ непоказался нѣкимъ очень благодѣтельнымъ людямъ щекотливымъ, я долженъ одѣлать малосенную оговорку: всѣ мы, какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники — съ дѣтства, или правильнѣе, кромѣ пройденной нами службы, неумѣемъ ни за что привѣяться. Воспитаны-то мы всѣ въ скорухатку, изъ одной отрасли знаній основательно не научили, отчасти по своей лѣности, отчасти по предрасудкамъ нашихъ милыхъ нашенекъ и нашенекъ, которые въ коронной службѣ только и вѣдали свѣтъ божій... Вмѣсто того, чтобы чему-нибудь научить насъ основательно, они совали насъ въ различныя образцовыя школы, лишь бы снискать съ рукъ на наземные клѣбы, да научить насъ всему попомощку для полученія чина, или диплома, дающаго право въ знатіи извѣстной должности.

Получивши кой-какой вышней лоскъ, захвативши вершукъ, мы поступали прямо на службу, то-есть опять на готовые хлѣбы...

Никому изъ нашихъ родителей, даже изъ всего предшествовавшего чиновнаго поколѣнія не приходило въ голову; что всякое большое государство, вслѣдствіе развитія просвѣщенія, политическихъ, экономическихъ причинъ, можетъ обходиться безъ большой арміи, безъ большого штата чиновниковъ, но никакъ не можетъ обойтись безъ портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, плотниковъ, часовщиковъ, однимъ словомъ, безъ ремесленниковъ, и чѣмъ ихъ больше въ государствѣ, тѣмъ больше въ немъ трупящихся людей, тѣмъ меньше тунеядства, тѣмъ всѣ издѣлія, продукты дешевле...

Нашимъ милымъ родителямъ также никакъ не приходило въ голову, что всякій честный трудъ, какой бы онъ ни былъ, нисколько не безчеститъ званія дворянина, или какого угодно заслужоннаго человѣка. Вотъ мы, ихъ дѣтки, попавши въ учебныя заведенія, выдержавши съ грѣхомъ пополамъ экзамены, поступали прямо со школьной скамьи подъ крылышко своихъ начальниковъ-покровителей, или снова подъ кровъ благодѣтельнаго правительства. Однимъ словомъ, съ казенныхъ хлѣбовъ школы, да опять на казенное жалованье. Оплошаемъ мы по службѣ — насъ не выгоняютъ прямо, а сначала остерегаютъ строгими требованіями долга, выговорами, арестами, приказами, внесеніемъ въ формуляръ проступка. Наконецъ, когда мы совершенно выбивались изъ рукъ — насъ удаляли въ отставку, по самой деликатной причинѣ — по домашнимъ обстоятельствамъ.... Однимъ словомъ, до выхода въ отставку, мы не знали жизни... Жизнь-то настоящая только началась съ отставки и съ отставки безъ пенсіи, безъ всякихъ средствъ жизни... Тутъ только, когда хватилъ насъ голодъ, да морозъ, да рука, повинуясь ропоту пустого желудка, протягивалась къ чужой собственности — тутъ только мы взглянули серьезно на свое прошлое, вѣѣсили, чѣмъ мы можемъ снискивать хлѣбъ, къ чему способны? Въ результатъ оказалось, что мы ровно ни къ чему не способны, промѣ какъ снимать копѣи съ бумагъ, или маршировать подъ барабанъ. Вотъ такая толпа людей, бесполезныхъ для себя и для государства, бросилась искать должности, *какого-нибудь мѣста*.

Но число должностей, вслѣдствіе разумныхъ причинъ, вдвое уменьшилось, число претендентовъ на мѣста утроилось, а шутка-протекція осталась въ прежней силѣ: она не можетъ быть искоренена никакими шѣрами правительства, она далеко пустила корни въ нашей почвѣ. Она родил мѣстничеству, какъ истинчество выростаетъ споромъ за старшинство родовъ. Вотъ всѣ и стали жаловаться на бѣдность, пѣнать на какія-то несправедливости, искать

причины бѣдствій не въ своихъ ошибкахъ, не въ родинѣ дѣла и привычныхъ предрасудкахъ, а въ причинахъ иностранныхъ. Ночь наполнялась столицы празднующими, благотворительныя учрежденія — просьбами о пособіи.

Ни одно государство, кромѣ развѣ Англіи, не имѣетъ такого множества благотворительныхъ учреждений для пособія бѣднымъ, больницъ, богадѣленъ, пріютовъ; но при всемъ этомъ они не могутъ удовлетворить просьбамъ даже четвертой доли всѣхъ истинно нуждающихся. Притомъ, какія вы придумаете мѣры для отличія истинной бѣдности отъ притворной; буквальной нищеты отъ условнаго недостатка; малыхъ, обыкновенныхъ для большинства лиценій отъ большихъ?

У насъ какъ-то въ крови слишкомъ цѣнить свои заслуги. Всякій, прослужившій пять-шесть лѣтъ, требуетъ непремѣнно пособій, дажно онъ и богъ-знаетъ какую заслугу оказалъ отечеству, что проскрипѣлъ пять-шесть лѣтъ перомъ, или промаршировалъ на плацу. Прошу ясъѣе понять мою мысль и несмѣшивать правила съ исключеніями!..

Все это я велъ къ тому, чтобъ показать читателю, особенно благонамѣренному, что мой расказъ вовсе не какое-нибудь предънамѣренное изображеніе несуществующихъ у насъ бѣдствій, а правдивый истинный расказъ.

Человѣкъ я очень маленькій: чинъ такой, что можно иной разъ и на биржѣ поработать за тридцать копѣекъ въ день, и грязь въ мѣшкахъ потаскать изъ петербургскихъ рѣчекъ и каналовъ за шестьдесятъ копѣекъ. Чтобъ повернуть колесо фортуны въ свою сторону, я непрочь былъ и колесо вертѣть для вычерпыванья баблами ила изъ какой-нибудь Мойки...

Но все-таки мой ничтожный чинишка, непринося мнѣ ни малѣйшей пользы, препятствовалъ опредѣлиться напримѣръ въ дворники, въ приказчики къ лавочнику, въ десятники, хоть бы въ толико-полезное городу водопроводное общество и т. п. Манеры, облагороженныя службой, или правильнѣе воспитаніемъ, какая-то глупая застѣчивость, привычка судить какъ-то по книжному, высокая, а не попросту, помужички — все это обличало во мнѣ чиновника, все это препятствовало зарабатывать мнѣ кусокъ хлѣба черной работой. Какъ я ни подлѣльвался подъ мужицкій складъ рѣчи, подъ простонародный образъ сужденій — отъ меня такъ и несло жолчной ироніей Гоголя, воззрѣніями Тургенева, рифмованны-

ми слезами Некрасова и т. п. Опяшу прежде всего мою попытку работать на голландской биржѣ.

Двое суток я не ѣлъ куска хлѣба: у квартирной хозяйки попросить было совѣстно, въ лавкѣ не вѣршии ни на полушку, протянуть руку за милостыней было для меня тяжелѣе смерти и я рѣшился на другое утро, во что бы то ни стало, отправиться на голландскую биржу.

Помню, какъ теперь, дѣло было въ маѣ. Завалившись съ десяти часовъ на полъ занимаемаго мною угла (у меня постели не было), я легъ на насаленную свою шинель и укрылся овою... Хозяйка, сварливая, озлобленная старуха, посмотрѣла на меня какъ-то пресрительно, и полагая, что я заснулъ, начала бесѣдовать съ другой старухой:

— Вотъ нищаго держимъ! его пора взашей!..

— Да что съ нимъ прокладаться, Семеновна! иди въ кварталъ, завтра же и вытурять... Прошолъ чай срокъ-то?

— Ужъ онъ мнѣ задолжалъ рупь!..

— Ну, и турни его! еще пожалуй обокрадетъ...

Такъ озлобленные нуждой люди терзаютъ другъ друга, тогда какъ капля участія сколько бы нибудь облегчила взаимное горе.

Слезы навернулись у меня на глазахъ, но они заѣли, какъ дымъ, непролились, засохли, поэтому не могли облегчить души... Мнѣ было тѣмъ нестерпимѣе это слышать, чѣмъ мейѣе я заслуживалъ такого ругательства. Тутъ было все: — оскорбленіе чина, хоть и малого, неуваженіе къ званію, купленному кровію моихъ предковъ...

Тѣмъ болѣе это было обидно, что старухи знали кто я; знали изъ рассказовъ жизнь мою, службу, исторію предковъ. Онѣ знали, что я не сплю, говорили съ умысломъ, чтобъ уколоть меня, чтобъ скорѣе выгнать изъ квартиры. Тѣмъ было горьче для меня, что онѣ знали мою честность, оставляли незапертыми сундуки съ вещами и деньгами, знали, что я не возьму ихъ...

Ко всему этому присоединилось предчувствіе, что я, вынужденный муками голода, могу дѣйствительно украсть что-нибудь, могу дѣйствительно оправдать мерзкое о себѣ мнѣніе. Кроме того, я такъ палъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, до того потерялъ увѣренность въ своихъ силахъ, въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, что мнѣ даже нельзя было утѣшиться гордостью невиннаго страдальца, нельзя было идеализировать моего положенія...

Грубость, невѣжество, нравственное очерствѣніе этихъ двухъ глупыхъ, наглыхъ старухъ окончательно убивали во мнѣ вѣру въ достоинство человѣка...

Но главное, онѣ такъ ядно, такъ ясно безъ всякихъ декораций

разоблачили настоящее мое положеніе, что я пришелъ въ ужасъ, словно очнулся въ забитомъ на-глухо гробу... Никакой надежды вперед: два дня не ѣлъ; ноги, почти были увѣрены, недотащатъ меня такъ рано, въ четыре часа утра, съ Выборгской на биржу... Саножники со стоптанными коблуками растерли ноги въ кровь... Волдыри на подошвахъ и на пальцахъ... Ни родныхъ, ни знакомыхъ въ городѣ; однимъ словомъ, въ громадномъ Петербургѣ, биткомъ набитомъ богачами, благотворителями, тысячью благотворительныхъ учреждений, я боялся умереть отъ голоду, словно въ какой-нибудь барабинской степи! Ужасно!.. Не дай богъ врагу быть въ такомъ положеніи! Даже въ больницу нигдѣ не принимали, потому что ничего не болѣло. Притворяться было совѣстно, да и не умѣлъ, когда даже попробовалъ: принимающій докторъ сейчасъ это замѣтилъ и, несправясь даже объ моемъ чинѣ и званіи, сказалъ грубо:

— Убирайся братецъ! что, ты думаешь обманешь кого-нибудь? Ступай, ступай, пока не прогналъ...

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ: подъ ложечкой сверлило, словно какою каменъ туда былъ вложенъ; хотѣлось бы, какъ высокаго блаженства, облегчающихъ слезъ, но и слезы не текли... Котикъ тѣла, наживная на голый почти полъ, какъ-то болѣла... Крошѣ того ожигали то тутъ, то тамъ мелкія, увертливыя блохи... Чесалось то тамъ, то тутъ отъ извѣстныхъ причинъ, а бѣлья было смѣнить не чѣмъ... Господи!.. это адъ, а не жизнь!.. Нѣтъ ужаснѣе наказанія въ мірѣ — чувствовать себя такъ нравственно униженнымъ, пресмыкаться въ сору, въ грязи...

Стало смеркаться. Старухи, привыкшія ложиться спать вмѣстѣ съ курами, начали клевать носомъ. Долго они пересуживали, бормотали о своихъ грошахъ, кого-то судачили, наконецъ разговоръ началъ дѣлаться вялымъ, отрывочнымъ.

— Не пора ли, мать моя, поужинать; мнѣ завтра рано-ранешенько нужно идти на хабрику.

— Почему за сутки?

— Шестдесятъ копѣекъ, — волосъ щиплемъ.

Загрѣла заслонка; Семеновна достала изъ печки горшокъ подогрѣтыхъ щей. Лукинишна застлала треногий столъ сѣрой, какъ солдатскій набрюшникъ, салфеткой. Запахъ разогрѣтой говядины, бульхиувшей въ миску, паръ отъ горячихъ щей такъ пріятно зашекоталъ мои ноздри, какъ страшно раззадорилъ мой и безъ того волчій аппетитъ, что мнѣ стоило многихъ надъ собою усилій, чтобъ удержаться отъ просьбы. Господи! съ какимъ бы райскимъ наслажденіемъ я поѣлъ теперь чего-нибудь горячаго. Мнѣ казалось въ эту

минуту, кто я одинъ бы выхлебалъ цѣлый горшокъ, потому съѣлъ бы фунта два мягкой, сочной, говядины съ хрѣнкомъ, съ теплымъ хлѣбцемъ... Воображеніе голодаго, рисуеть удивительно соблазнительныя картины, не хуже, чѣмъ жаждущаго путника, заблудшагося въ какой-нибудь Сахаръ. Только, вмѣсто миражей, изображающіеся стоящіе на горизонтѣ города и рощи съ синими холодными водами, рисуются столы, установленные вкусными похлебками, протавни съ жареными гусами, поросятами, сальцисоны, окорока, пироги, кулебяки съ превосходной начинкой и тому подобныя прелести... Я ужъ было приподвѣлся съ полу, чтобъ попросить хоть кусочекъ хлѣба, хоть двѣ ложечки щей, но чего-то недоставало для полной рѣшимости. — Чтожъ такое, думалъ я: — тутъ ничего нѣтъ дурного... И я быкъ когда-то человѣкъ и я дѣлался кускомъ хлѣба, даже деньгами съ прибѣгавшими ко мнѣ за помощью. Но слышанныя за минуту оскорбленія, сознание своего благородства, такъ старательно отъ колыбели вколоченное въ насъ чинлюбивыми родителями, словно канатомъ удерживали меня отъ унижательной просьбы... Да, въ этихъ случаяхъ, человѣкъ благородный во всѣхъ отношеніяхъ, развитый на столько, что не можетъ не понимать своего превосходства надъ всякимъ человѣческимъ отребьемъ, испытываетъ тройную, десятирную, пытку. Въ эти горькія минуты кажется, что милые наши наставники, мамыши, папашы нарочно цѣлый десятокъ лѣтъ пичкали наши головы разною дрянью, чтобъ отравить наши грядущіе голы всевозможными мученіями.

Страшно перейти отъ паркетныхъ половъ, роскошныхъ обивковъ, отъ комфорта къ земляному полу, къ курной избѣ съ тараканами, къ демидонской похлебкѣ съ лучинами и мочалками вмѣсто рыбы и говядины!.. Борьба голода со стыдомъ такъ были во мнѣ сильны, что я нѣсколько разъ во время ужина приподвѣмался съ полу и падалъ въ изнеможеніи. Вотъ уже и надежда похлебать щей исчезла, вотъ уже старухи зачавкали, пережевывая деснами говядину, а я все еще боролся самъ съ собой, все еще не рѣшался попросить хоть корки хлѣба. Когда кончился ужанъ и старушки, легонько рыгая в икая, осыпали уста крестнымъ знаменемъ, чувство досады на самаго себя, на свою оплошность начало снова терзать меня!

Боже мой! то стыдно попросить поѣсть, то жаль упустить такой удобный случай подкрѣпиться пищей, то надежда, что старухи сжалятся, догадаются, то чувство незаслуженнаго отъ нихъ оскорбленія! Сколько пытокъ для бѣднаго, морально развитаго человѣка! Сцена эта такъ живо вѣблалась въ моей памяти, что я не могу объ ней не распространиться. Напримѣръ, старушонки, ужиная, вели самый

благочестивый разговоръ, который потому и вѣздаясь въ печати, что его истины, слишкомъ явно, почти нахально противорѣчили поступкамъ. И сколько есть людей въ самыхъ благонамѣренныхъ, къ самымъ галантерейнымъ слоямъ общества, которые только-что успѣвшимъ поспѣвать на современное развращеніе нравовъ, въ слѣдующую минуту, словно нарочно, непременно сдѣлаютъ какую-нибудь, хоть легонькую подлость...

— Господи, какія мы грѣшницы! ужь третій день къ заутрени не ходили. Надо бы масла къ лампадкѣ купить; все забываю окладная; знаменитисъ заработала цѣлой рупь на волосяной, да Саведичъ проклятый подвернулся! Дай рупь, да дай! Охъ, надо бы намъ старый грѣхъ прикрыть, да все старый бѣсъ не женится.

— Что, онъ таперича неспиваетъ? а то прежде кабаки награвлялъ.

— О-охъ! прости наши великія прегрѣшенія! вмѣсто того, чтобы Богу угодить на старость лѣтъ, ведемъ блудную жизнь. Въ писаніи написано: алчущаго манитай, жаждущаго напои, а сполняемъ ли мы все это въ точности?

— Не дать ли ему штець, вѣдь онъ, просто околѣваетъ; неравно чтобъ случай неприключился...

— Ну его къ чорту, прости Господи! какой-нибудь цычуга-мазурникъ, не во осужденіе будь сказано... Что, мы подрянулись что ли кормить всякаго приблудащаго? Пусть околѣваетъ!..

Хоть это было говорено вполголоса, но я все ясно слышалъ.

Когда у голоднаго, убитаго человѣка разстроены норвы, слухъ его дѣлается удивительно чутокъ, и онъ по малѣйшему звуку угадываетъ цѣлую фразу, смыслъ цѣлаго разговора. Это вторичное безвильное оскорбленіе уже не вскипятило моей жолчи, не заставило даже въ мысляхъ накинуться на ближнихъ; напротивъ, видя до чего могутъ быть гадки, низки люди, я углубился въ самого себя и съ какимъ-то сожалѣніемъ, близкой роднѣ презрѣнію, сталъ думать о старухахъ. Ты, думалъ я, теперъ такъ гадка и тѣломъ и душою, такъ жада ты, старая блудница, такъ грызешь, терзаешь и безъ того истерзаннаго человѣка богъ-вѣсть за что и прочто; а незнаешь того, что черезъ какіе-нибудь двѣ-три минуты тебя скоробить, сведеть, какъ кору на полѣнѣ, брошенномъ въ огонь. Ты зашипишь, затрепишь, какъ эта шкурка на дровахъ, будешь молить, чтобъ чертъ не вытащилъ изъ тебя твою дрянную душонку, но никакія призыванія, никакіе обѣты не могутъ отвратить закона природы: ты, какъ дрянная гнилушка, должна скоро, очень скоро свалиться въ могилу!

Несмотря на несколько высокочерный слогъ, пророчество было: старушонка черезъ полгода умерла. И какъ ни парочилась, а отъ смерти отвѣрнуться не могла.

Встрѣчая такіе безобразные проросты на человечествѣ, когда обидно становится не за себя — что я, драны! — а за все человечество...

Какъ эти мрачныя мысли ни были утѣшительны въ моемъ безутѣшномъ положеніи, однако, когда убирала со стола ужинъ — ошанка взяла верхъ и мною овладѣло глубокое отчаяніе.

Если вы, читатель, были когда-нибудь влюблены, и съ глубокой тоской, съ сдержанными рыданіями провожали любимую дѣвушку на кладбище, вы мнѣ подтвердите, что я точно также, поочасно и бессленно, провожала горшокъ съ остатками щей, выносимый Семеновной. Я со слезами на глазахъ уже видѣлъ, сквозь отворенную дверь, какъ дожидаясь подачи, помахивая пушистымъ хвостомъ, такая же голодная какъ я — жучка. Надо замѣтить, что одиночество жребія сблизило меня съ ней, и за невѣжіемъ знакомыхъ въ Петербургѣ, я свелъ съ ней довольно короткое знакомство...

Напримѣръ, я приносилъ собственно для нея, чтобъ сдѣлать ей сюрризъ, нѣсколько обглоданныхъ корокъ изъ дешавоснаго заведенія и вообще дѣлился съ нею чѣмъ могъ. Она мнѣ тоже платила взаимностью, и ставши на заднія лапы, клала переднія на мои плеча. Когда я окончательно распрощался съ надеждою поужинать, меня началъ мучить съ новой силой созрѣвшій въ головѣ планъ. Я сквозь вѣрещу въ пальтишии пожелалъ, что въ ящикъ стола были спрятаны три обглоданныхъ моринъ хлѣба. Тутъ воображеніе начало рисовать передо мной все блаженство, съ какими бы я поѣлъ этихъ корокъ... Никакія въ мірѣ сочныя жаркія, таящіе во рту пирожки и пирожныя, благоухающіе изъ дорогихъ фруктовъ желе не могли бы въ эту минуту показаться мнѣ такими вкусными, какъ эти корки... Чтожъ, думалъ я, все-равно ихъ выбросить, такъ отчего же не воспользоваться? Но въ эту минуту меня оробѣшилъ раздѣшійся изъ глубины души вопросъ: а это не будетъ воровство? Тутъ разсудокъ, желаніе, подстрекаемый голодомъ, словно искусныя адвокаты, начали доказывать разуму, задавшему вопросъ, что это вовсе не воровство. Въ душѣ моей поднялся какой-то споръ; словно въ англійскомъ парламентѣ, во мнѣ одномъ бушевало нѣсколько хозяевъ съ равными правами, направляя волю то за, то противъ проекта. Я то подвдирядился къ столу, то снова ложился потихоньку. Чуть поспрѣбется носъ старуха, я сейчасъ пританываю дышаніе... Ай, понимаютъ? Ай, не понимаютъ! Конечно понимаютъ: жадные старые люди спать

чужко, боюсь, что ихъ обокрадутъ... Да нѣтъ! онѣ спятъ, какъ кур-тичи!

Однако, по шѣрѣ возобновленія и усиленія старушечьего храни, въ душѣ снова начали роиться надежды поживиться обрлоданными перками... я снова подымался, снова какой-нибудь изъ спящихъ преворачивалась на бокъ и я опять ложился на полъ.

Петеранши всякую надежду заснуто и поѣсть, и сѣль и началь потникошкы напаливать саеги... Въ кровъ распертыя ноги многократными путешествіями до того разболѣлись, что надѣть самогъ не было никакой возможности. Оставалось одво изъ двухъ: или умереть голодною смертью, или идти на биржу. Эта дилема заставляла меня преодолѣть всѣ нестерпимыя страданья; я напялилъ сапоги, надѣлъ запасное, какъ блинъ пальто, фуражку безъ внутренне-стой и тихонько пробрался къ двери.

Но какъ уйти среди ночи и оставить двери незапертыми?

Кто-нибудь обереть, на меня же падеть вся вина, да еслибы и ничего не было украдено, старуха заѣдитъ меня за то что и сѣль. уйти, оставивши двери незапертыми; могутъ даже сочинить, что совершилась промажа, чтобы избавиться отъ подозрительнаго, не платящаго за постой жильца. Тутъ я пустился къ спящей на постель женщины:

— Матушка, Агасья Семеновна! скажишь я сполголосо, тихонько трогаю шестидесятилѣтнюю старуху за плечо и за пречес.

— Что тебѣ нужно, прѣхолодникъ? заворчала она, наконецъ проснувшись: — что ты затѣвася, прелюбодѣй этакой! видишь, я старый человекъ.

— Я негѣ, матушка... Заприте за мной дверь, я ночу уйти...

— Куда тебя чертъ понесетъ спозаранку? Видишь, еще не свѣтало. Еще черти на кулачки не дерутся.

— Миѣ нужно...

И проклиналъ меня, что я шлюсь по печамъ, трезому се попусту, старуха замерла за мной двери.

Была ясная майская ночь. Какъ промаднѣй литаръ раскинулось видѣт головой небо, мигага мильонами звѣздъ... Сѣвнкій комодъ про-бѣгалъ до костей... Какъ неподвижное стекло лемала въ березннхъ дремяющая рѣка. Влали грохоталъ гулащій и кутящій до разсвѣта городъ. Подъ Самсоньевскій мостъ то и дѣло шныряли пароходы, наполневные, какъ бочени сельдами, курящими и стоящими госполами, звонко хохочущими среди ночной тишины барьялами и барышпами... Все это стремилось въ матюшкинѣ фрактиръ, или до-мой, спать, послѣ усердныхъ возліаній и изліаній. И эта кутящая

толпа — ядро петербургскаго населенія, сѣющая депозиты, какъ макъ на Лизокъ, Машекъ и Матрешекъ, не воображала, что въ эту минуту тысячи нѣтъ подобныхъ легли измученными и голодными съ тѣмъ, чтобы опять мучиться, голодать завтра, послѣ-завтра, можетъ-быть нескончаемые годы. И эта толпа не воображала, что тысячной доли броневиныхъ ей на сегодняшніе кутежи денегъ съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе тысячи голодныхъ сегодня бѣдняковъ. Таже исторія и завтра, и послѣ завтра, и до скончанія вѣка...

Съ полчаса я бродила по пустынной набережной; ночные сторожа забивались въ будки, крыльца, владныя калитокъ, какъ мухи въ щели, дремали въ своихъ тулупахъ, пзрѣдка постукивая палкой въ каменные плиты тротуаровъ... На противоположномъ берегу, на Выборгской темнѣли кирпичныя фабрики, моргая, какъ глазами, тысячью зажженныхъ въ окнахъ огней. Что терять время напраску? Побреду-ка я лучше къ биржѣ. Миновавши рядъ паршивенькихъ домишекъ Вульфозовыхъ улицъ, я смѣло углублялся въ темныя добрыя пустынныхъ переулковъ, зная, что съ меня ничего стащить. Сапоги — хоть брось среди улицы, никто не подыметъ; пальтишко — да въ немъ больше дыръ, чѣмъ въ рѣшетѣ, штопать не стоитъ: иголка прорываетъ сукно; о бѣльѣ и говорить нечего: паутина и та прочнѣе... Стало свѣтать. Луна, походившая отчасти на обсосанный лимонъ, ретировалась на западъ постепенно блѣднѣя, постепенно уступая свѣту, разливающемуся на востокъ... Вотъ зара начала краснѣть, краснѣть, съ востока потянуть вѣтерокъ; дремавшія на вѣтвяхъ садовъ птицы начали посвистывать, а городъ еще и не думалъ просыпаться.. Два-три часа утра — это пора самого сладкаго сна... Даже самые отъявленные петербургскіе гуляки или спѣшили домой, или спали, даже позабывши купленные утѣхи. Въ большихъ домахъ давно погасли огни, за то засвѣтились въ булочныхъ, цекарняхъ, хлѣбняхъ... Ковылая отъ боли, отъ стоющихъ сапогъ, я брелъ по петербургскому Большому проспекту. Съ пятиго часа уже начинается ремесленная жизнь; плотники, столары, маляры, усердно расплескивающіе краску по тротуарамъ, уже поднялись, уже выползли гурьбой изъ темныхъ подваловъ, харчевень и т. п.

Подкрѣпившись фунтиками тремя хлѣбца, помолась на главы открывавшихся вдали церквей, скромные труженники брели по всѣмъ направленіямъ къ Мытному, Тучкову. Каждый несъ свой инструментъ: кто топоръ, долотѣ за поясомъ, кто шилу, лопату черезъ плечо, кто что.

Вотъ кто настоящіе-то подельные члены общества, вотъ тѣ, безъ которыхъ необходимо ни одно государство, ни одно общество... Тутъ я задумался на эту тему и до того ужъ замѣчтался, что самому стало совѣстно.

— Фу! какія высокопарныя, заветистыя мечты въ головѣ ободраннаго, отрешаенаго, голоднаго чиновниченки, бредущаго въ рубищѣ на биржу работать, чтобъ не умереть съ голода!..

При послѣдней мысли я упалъ, словно съ облаковъ въ грязь: вся горькая существенность, вся безотрадная будущность, отсутствіе какихъ либо надеждъ на лучшее — вмигъ предстали предо мной во всей наготѣ, наголо, безъ подкраски...

— Сторонись, сторонись, ворона! и съ этими чьими-то словами я отлетѣлъ на поларшина въ сторону отъ сильнаго толчка какаго-то сезоннаго дѣтны, поспѣшавшаго куда-то съ ведромъ краски.

Проходя мимо дешидовскаго, пеньковаго будна, я вздумалъ было наняться за шестьдесятъ копѣекъ таскать кули съ пенькой!

— Нельзя ли здѣсь наняться на заработки? спросилъ я какаго-то мужика.

— Нѣтъ, здѣсь работаютъ артелью. Сюда можно только попасть по знакомству съ прикащикомъ, по протехцѣ.

Боже мой, Боже мой, и тутъ-то нужна протекція, подумалъ я. Подойдя къ Мытному перевозу, я, виѣстѣ съ пятерыми мужиками, сталъ было садиться въ лодку, чтобъ переправиться на биржу.

— А копѣйка-то есть? подавай копѣйку-то! сказалъ перевозчикъ.

Словно кто ножомъ въ сердце уларилъ меня, когда я вспомнилъ, что у меня нѣтъ даже и копѣйки.

— Пошолъ, пошолъ! ишь ты, мазурикъ какой! хотѣлъ на шарнака прокатиться!

И, сопровождаемый общимъ хохотомъ перевозчиковъ, я побрелъ съ окровавленными ногами отъ Мытнаго. Надо было отсюда колесить черезъ Тучковъ мостъ, чтобъ попасть на голландскую биржу.

Боль отъ растертыѣхъ въ кровь волдырей, боязнь опоздать, потому что больше извѣстнаго числа поденщиковъ не примутъ; досада, что не пошолъ прямо на Тучковъ мостъ — все это соединилось виѣстѣ, чтобъ сдѣлать еще горьчее мою и безъ того горькую участь...

Придя на мѣсто въ половину шестого, я еще не опоздалъ, потому что работа начинается съ семи утра.

Какъ рой пчелъ жуужада громадная толпа близъ рѣшотки, ве-

душей на пристань, въ ожиданіи, пока дойдетъ очередь записаться въ поденщики на сегодняшній день.

Какихъ тутъ не было фигуръ. Господа литераторы, очень любящіе описывать жизнь въ раззолоченныхъ салонахъ, роскошныхъ будуарахъ, лучше потрудились бы встать часа въ четыре, въ пять, въ лѣтнее утро, да отправиться на голандскую биржу, чтобы описать тамошнихъ поденщиковъ. Какихъ тутъ не было фигуръ! Вотъ одинъ господинъ съ двумя свляками подъ глазами, съ припухшей щекой. На немъ не сертучика, не штанишки вроде мюнхъ, а какое-то безобразныя лохмотья, сквозь которыя, начиная отъ затылка до платокъ, просвѣчивало тѣло. На немъ не было панталонъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ всѣ понимаютъ, а больше ничего, какъ засаленная суконная тесьма, обвивающая ноги. Значительно повыше колѣнокъ, сквозь огромную прорѣху сверкало тѣло... Какое-то страшное нѣмое отчаяніе выразалось на лицѣ его, покоробленномъ бессонными ночами пьянствомъ безъ просыпу, и непрерывными страданіями. Съ невыразимой тоской глядѣлъ онъ на бабъ, продающихъ сѣрые, какъ солдатской набрюшникъ двухкопѣечные пироги; знало было, что онъ, сердечный, готовъ былъ проглотить не только всѣ пироги, даже самую бабу съ корзинкой, совсѣмъ. Мужички въ синихъ засаленныхъ отъ поту рубашкахъ, какъ болѣе привыкшіе къ трудовой жизни, болѣе предусмотрительные, покупали пироги, булки, попивали сбитенекъ, усѣвшись въ рядъ по краямъ тротуаровъ. Въ этой толпѣ тоже бродилъ какой-то ошпаннанный сертучекъ, съ распухшей, лоснящейся физиономіей, напоминающей печеное яблоко.

И вѣроятно тоже служилъ предметомъ наблюденій для такого же понохавшаго цивилизаціи и знакомаго съ удобствами Барской жизни бѣдняка, какимъ былъ самъ. Дѣйствительно, въ толпѣ этихъ сѣраго, грязнаго народа мелькали какіе-то бѣдные ижежедневныя страдальцы съ облагороженнымъ выраженіемъ лица.

При смѣшанномъ говорѣ тысячи голосовъ раздавались голоса торговцевъ: «Сбитеньку, сбитеньку! Кавалеры подходи!», «Солдатъ, солдатъ! на грошъ горла отрѣжу!», «Сердца горячаго, сердца!» гнула баба, у которой изъ подъ сѣрой тряпки, прикрывавшей горшокъ, валилъ столбонъ паръ, страшно раздраживающій аппетитъ. «У меня горячѣ!» пищала молоденькая бабенка и толпа избитыхъ отставныхъ солдатъ, запустивъ пальцы въ горшокъ, испытывала достоинство бульона. Но всего непріятнѣе, разумѣется для гг. чистоплотныхъ выглядывали рубцы... На дурно промытой шкурѣ лежала слюна грязь, а въ самомъ отрѣзѣ всадили разные равности,

но, выскребанцыя изъ книжокъ... Въ часѣ прочитанья, я дошолъ въ какую-то высокую со сводами комнату, чтобы записаться полень-нички.

Писарь въ засаленномъ сертукѣ, со всѣми признаками невражджанія, въ видѣ патеръ и подтековъ, выискивалъ фамиліи, вымышленныя и настоящія, смотря по тому стыдился ли поленщикъ работать на биржѣ, или нѣтъ. Между облагоустроенными физиономіями мелькали порою мной даже такія, которыя я гдѣ-то видѣлъ, когда-то знавалъ, только когда и въ какомъ мѣстѣ — неизвѣстно...

— Не видѣлъ ли этотъ господинъ въ часѣ прочитанья господъ за столомъ, задаленными бумагами, въ нѣкоей свѣтлоделеной комнатѣ, обставленной форменными желтыми шрапами?..

Не видѣлъ ли я этого господина, блиставшаго шпорами на балѣ у моихъ знакомыхъ?.. Физиономія — двѣ канѣ воды!..

Такія мысли приходили мнѣ въ голову, при встрѣчѣ съ лицами очень знакомыми... Нѣкоторыя изъ нихъ и на меня посматривали пристально, словно хотѣли спросить: не вы ли такой-то? Но я тотчасъ отворачивался въ сторону, или уходилъ въ толпу. Писарь, вписавши фамилію въ книгу, выдалъ жестяную марку, съ которою насъ пропускалъ таможенный солдатъ за рѣшетку на пристань. На меня до-сихъ-поръ производятъ самое неприятное впечатлѣніе желтыя, грязныя съ арками зданія у биржи, для храненія одцовыхъ товаровъ, эти испачканныя углемъ, обтертыя спинами стѣны, надписи дѣдоваго и неблагопрістойнаго содержанія, зубчатые съ выбоинами каминные полы, вѣчно обсыпанные сичькой, сухой краской, разбросанные всюду клочки ваты, тюки, бочки, заштыя въ рамажи, на которыхъ ярко рябитъ въ глаза надпись.

Стражъ съ еидовой на головѣ, въ травяномъ сертукѣ, такомъ узкомъ, что пуговицы лѣзли на носъ, началъ насъ поодиначкѣ пу-скать на пристань. Тутъ отырылась для меня довольно новая кар-тица: корабли, обступившіе со всѣхъ сторонъ голандскую пристань, стояли такъ плотно одинъ къ другому, что по ихъ палубамъ можно было безъ труда добраться до противоположнаго берега. Какъ гу-ста паутина, закрывали весь небосклонъ корабельныя свасты. На мачубахъ, загроможденныхъ множествомъ товаровъ, тюковъ, бо-чекъ, земледѣльческихъ машинъ, ящиковъ съ фруктами, толпились архитектурскіе голандцы въ своихъ неуклюжихъ кожаныхъ дѣвта-ломяхъ съ вѣщными рыже-бѣлокурыми водосами и бараньимъ вы-раженіемъ глазъ... Пустьъ бы поклонники всего европейскаго, при-ходящіе на ужасъ отъ нечеловѣчности русскаго мужика, поглазѣли на голандца, болѣе похожаго на барана, чѣмъ на человѣка.

На самой пристави всевозможные товары стояли цѣлыми горами; между ними суетились, какъ муравьи, работники, посыльщики, такъ-называемые дрягили. Тамъ и сямъ были разбросаны телѣжки на маленькихъ деревянныхъ колесахъ такой грубой, тяжелой конструкции, словно онѣ были сдѣланы во времена Іоанна Грознаго.

И на этой-то неуклюжей телѣжкѣ, которую одну-то на силу тащить, несчастные поденщики, за 25 коп. въ сутки, таскаютъ, возить двѣнадцать часовъ сряду громадную тяжесть. И никому изъ негоціантовъ, загибающихъ мильоны чужими руками, не придетъ на умъ проложить хоть рельсы отъ воротъ пристави до всѣхъ пагаузовъ, а эти допотопныя телѣжки замѣнять другими, которыя ходили бы по рельсамъ. Разнаувши ротъ и не зная, за какую работу прійматься, я бессмысленно смотрѣлъ на этотъ суетащійся вокругъ меня людской муравейникъ.

— Ты что, голубей-то считаешь? сказалъ мнѣ какой-то черныи какъ голенище солдатъ, толкнувши меня въ спину. Иди телѣжки мазать!

— Кто ко мнѣ, кто ко мнѣ? кавалеры, подходи на работу.

— Ну, пойдемъ на третій штабель! Я вижу, что ты — ворона...

И съ этими словами, дрягиль третьяго штабеля повелъ меня къ телѣжкамъ.

— Чтобы всѣ восемь телѣжекъ были сейчасъ вышазаны, а не то проговю въ шею за ворота! Живо!

И съ этими словами, онъ меня такъ толкнулъ, что я чуть не клюнулся носомъ въ баклагу съ дегтемъ.

Скрѣпя сердце, я принялся мазать колеса дегтемъ. Во всю свою жизнь мнѣ не приходилось заниматься такой работой. Я попробовалъ было просить у дрягиля другой работы, но стоящіе вблизи поденщики только захохотали.

— Экая нѣженка! экая бѣлоручка! говорили они: — кѣрно сложа ручки лучше сидѣть, да другихъ посылать на работу! Не прикажете ли васъ посадить въ большущіе хоромы, да сахарцомъ кормить? Что прикажете, ваша высокосвѣтлость? говорили вѣкторые, насмѣшливо мнѣ кланаясь. Насмѣшники видимо догадывались, что я не ихъ поля ягода; я боялся, что узнаютъ кто я, а это для меня было хуже смерти.

Красный какъ ракъ отъ стыда, я бессознательно тыкалъ мазишкой въ баклагу. Съ каждымъ моимъ неловкимъ движеньемъ, обступившая меня толпа принималась хохотать.

— Ну полно, полно, ротозѣи! рады, что дурака нашего! Пора за работу!

Тогда нехота разбралась: кто отиралился на палубу ближайших судовъ, чтобъ скатывать по мостамъ бочки, тюки и прочее; кто принялся налаживать товары на тележки. У каждого черезъ плечо была надета мочальная лямка, которая своей петлей зацеплялась за крюки въ тележкѣ.

Шесть человекъ, по-трое съ каждой стороны, натуживши груди, вѣтъ лошадей лошадей, подавались впередъ, шагъ за шагомъ, какъ товару пудовъ на пятьдесятъ. Вся эта процессія вытянувшись въ линію направлялась къ пакгаузамъ. Картины подобнаго рода хорошо известны петербургскимъ жителямъ, проходящимъ и приходящимъ на биржу, чтобъ поглазѣть на собакъ, птицъ, привозимыхъ на корабляхъ восточю. Но вѣдь на эту египетскую работу хорошо посмотришь издали, а каково въ двадцати-градусную июльскую жару, обливаться потомъ, пропекаясь стоящимъ надъ головой солнцемъ, возить непрерывно двѣнадцать часовъ сряду тяжести пудовъ по восьми, по десяти на каждого? Перепачкавши какъ нельзя быть лучше сапоги; штанишки, сдѣлавшись, какъ говорится, чортъ-чортомъ, я тоже вѣрагея во второй рядъ. Но только-что я усилилъ напрячь силы, какъ лямка лопнула и я чуть не кинулся носомъ въ мостовую.

— Ха-ха-ха! раздалось снова вокругъ меня, и снова пошли насмѣшки.

— За ворота его, за ворота! Какой онъ намъ помошникъ! кричали поденщики, преимущественно изъ отставныхъ солдатъ.

Иногда не мѣшаетъ замѣтить, что отставные солдаты, особенно стараго закала, какъ-то удивительно чорсты душой, безжалостны... Страданія безвиннаго, вонючка, непривычнаго еще къ тамошней работѣ, въ нихъ возбуждаютъ только насмѣшки; и не состраданіе. Какое горькое, безотрадное положеніе бѣднаго человѣка! Его терзаютъ не богачи, которые не понимаютъ понятія объ истинной бѣдности, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ. Когда я накануне валялся въ сору, въ грязи, на полу, меня терзали злые, гадкія старушонки; когда я съ самой похвальной настойчивостью рѣшился трудомъ заработать хлѣба, — на меня накинулись опять-таки бѣдняки, которые умерли бы съ голоду, еслибы не было въ Петербургѣ биржи. Нѣтъ, поденщики изъ мужичковъ были какъ-то скромнѣе: они не зубоскальничали, а кротко, какъ волы, тянули свою лямку. Сколько богобоязненности, смиренія, въ грязномъ повидному степномъ мужикѣ. Какое-то глубокое поэтическое чувство нелюбія, всепрощенія, кроткой покорности жребію составляла отличительную черту неизбалованнаго городской жизнью селянина. Такъ и здѣсь: поденщики изъ мужичковъ не обращали

ни малѣйшаго вниманія на меня, а молча, не горячась, дѣлалъ свое дѣло.

— Прогнать его вшаей за ворота! кричала подешница, а я всталъ изъ стороны въ сторону, приносявая новой ланки, чтобъ припрятать снова къ телѣжкѣ.

Уже жестокосердый драгаль повелъ меня за рукавъ къ воротамъ, но встерзанный ли видъ мой, страданія ли, проклинающія въ каждой чертѣ лица, или хлынувшія изъ глазъ слезы — раждали его.

— Ну-ну, заважи узломъ гдѣ разорвалось, да приирагайся, не то вышвырну за ворота, да еще оплеухами накормлю...

Что-то вродѣ радости блеснуло въ душѣ моей, когда мнѣ даже послѣднюю надежду не околѣть съ голоду. Мнѣ кажется, образованный, сострадательный человекъ, взглянувши на меня въ эту минуту, непременно бы заплакалъ...

Когда я тянулъ телѣгу не такъ усердно, какъ прежде, озади идущій подешникъ давалъ мнѣ тукману въ спину. И ослепелъ ли стремку конечно не изъ лѣнности, не изъ желанія выдѣлать на другихъ, а отъ страшнаго безсмія.

Третьи сутки я не видалъ крохи хлѣба во рту; всю предшествовавшую ночь не смыкалъ глазъ. Кромѣ того, оторвавшаяся отъ пера подошва заставляла меня ступать на острые камни почти голой ногой. Я что-то разъ десять прогулялся въ упряжкѣ, какъ въ биржевыхъ часахъ пробило двѣнадцать, и радясь, заберебанилъ колокольчикъ, призывающій къ отдыху.

Всѣ, гдѣ попало, побросали свои телѣжки и густою толпою повалили на площадку между скверомъ и задними воротами университета. Тутъ уже жужжали какъ пчелы подешники; бабы, разносчики приглашали на-распѣвъ повупателей.

Кромѣ бабьяго горячаго сердца, рѣзваго громкаго мужицкаго горла, рубцовъ съ зелеными комочками лимонныхъ киселюшекъ, подавалась горячая лапша, вареный картофель, похлебка съ рубцами и т. п. За полторы копѣйки паливалась половинка дородивой кашки, за копѣйку давалось полуфута хлѣба. Но у меня не было даже духу съ половинкою копѣекъ, чтобъ сколько-нибудь подкѣпиться. Тонимый страшнымъ голодомъ, еще болѣе возбужденнымъ закономъ съѣстнаго, видя какъ вся площадь уписывала разные чохлобки, а хотѣлъ-было попросить у торговли въ додѣ хлѣба и чаго-нибудь горячаго. Но какія страшныя клятвы я ни произносилъ, что расплачусь при вечерней получкѣ, — ни одинъ и ни одна изъ торгующихъ не скажились надо мной. Другіе, порасторопнѣе, работавшіе

подлеца на биржѣ, успѣлъ заслужить кредитъ; и оставилъ въ кафѣ баню, какъ водили, всѣ заработки, преспокойно набирали у торговки, събитою въ долгу. Въ эти-то минуты я пенялъ все свои усилія жривъ. Какъ! человеку довольно образованному, не зачатывающему себя рѣшительно ничѣмъ, съ такими искренними желаніями трудиться, не повѣрнуть двухъ съ половиною копѣекъ!

— О, торговки, еслибы вы знали, что мнѣ, въ бывшее время, поручали по нѣскольку тысячъ, безъ росписки, что я, имѣя случай рублей съ пятью положить въ карманъ ежемѣсячно, не воспользовался ни копѣйкой; о, еслибы вы знали все это, вы повѣрили бы мнѣ. Рабочіе, усѣвшисъ въ тѣни домовъ, преспокойно дохлебывали обѣдъ, заваливались тутъ же спать, а я, позабывши о необходимомъ отдыхѣ, истерзанный, измученный, голодный, стоялъ какъ истуканъ среди площадки. Мимо меня сновали разные франты, въ лаковыхъ полусапожкахъ, щегольскихъ бекешахъ, барыни въ модныхъ шляпкахъ и бурнусахъ, а я все стоялъ, размышляя о своемъ горькомъ положеніи...

Вдругъ, о ужасъ! мимо меня прошла цѣлая толпа знакомыхъ чиновниковъ, съ которыми я стоялъ когда-то въ нумерахъ.

Они такъ пристально посмотрѣли на меня, такъ ясно выразили на лицахъ удивленіе, смѣшанное съ презрѣніемъ, что не оставалось никакого сомнѣнія, что я узнавъ...

— До чего дошолъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, отойдя отъ меня шага на три. — Горьчайшій пьянушка; пойдѣмъ скорѣй, а то еще попросить милостыни...

Снова раздался звонъ, снова погнали на работу, снова завизжали колеса нагруженныхъ телѣгъ; я-жъ оковчательно потерялъ силы и не зналъ что дѣлать. Ужъ не помню, какъ при помощи пинковъ, толчковъ, ругательствъ, я проработалъ до восьми. Я дотога растеръ ноги, расслабъ, что не могъ ступить шагу. Однако, кое-какъ собравши послѣднія силы, доползъ до вышеописанной площадки. Тутъ уже стояли поденщики, выстроенные въ нѣсколько шеренгъ, правымъ флангомъ къ конторѣ дрягилей (подлѣ портерной, мелочной и кабака). Началась раздача, пріятно зазвенѣли въ мѣшкахъ вынесенныя деньги; я, въ числѣ прочихъ, получилъ тридцать копѣекъ, шестью пятаками.

Въ эту минуту, несмотря на боль въ ногахъ, я былъ счастливѣе Ротшильда... Солнце уже склонялось къ горизонту, когда я побрелъ снова на петербургскую, на знакомую читателю квартиру. Каждый шагъ больными ногами словно ножомъ ударялъ въ сердце, а мнѣ приходилось идти версты три, черезъ всю петербургскую, за це-

тронавловскую больницу къ Самсоновскому мосту. Я не утерпѣлъ, чтобъ не истратить пятакъ на фунтъ черного хлѣба съ масломъ. Проходя отъ петербургской части, я взялъ по пушкарской, ружья и шоль боекомъ почти до самой квартиры. Встрѣченный ругательствами старухъ, я повалился не раздвѣнаясь въ свой уголь и заснулъ, какъ убитый.

КНИГА II.

(Отечественная война.)

МОНТАНЕЛЛИ

17 іюня смерть поразила одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей изъ поприщѣ возрожденія Италіи. Іосифъ Монтанелли, профессоръ юридическихъ наукъ, эксъ-президентъ совѣта министровъ, эксъ-триумвиръ временнаго правительства, скончался на пятидесятомъ году своей кипучей, дѣятельной жизни. Истинный патріотъ, онъ содѣйствовалъ не только политическому, но и нравственному возрожденію отечества. Искренно привязанный къ своему государю, онъ постоянно боролся съ коварными внушеніями министровъ, которые ставили личную пользу выше общаго блага. Музыкантъ, поэтъ, ученый, журналистъ, онъ на всѣхъ поприщахъ былъ гражданиномъ. Патріотизмъ до такой степени проникъ эту страстную натуру, что жизнь его вполне слилась съ общественной жизнью, такъ что для полнаго пониманія его дѣятельности необходимо бросить предварительный взглядъ на общее положеніе Италіи при началѣ его политической карьеры.

Реставрація возстановила порядокъ вещей, существовавшій до французской революціи. Возвратившіеся государя не только не дали обѣщанныхъ конституцій, но и уничтожили большую часть полезныхъ учрежденій, оставленныхъ французами; мало того, въ одномъ изъ трактатовъ было сказано, чтобы итальянскіе владѣтели не смѣли давать новыхъ правъ до тѣхъ поръ, пока Австрія не дастъ ихъ своимъ подданнымъ.

Эти расприженія и неправосудіе правительствъ вызвали многочисленные заговоры и возстанія, которые постоянно кончались неудачами, потому что въ дѣйствіяхъ разныхъ государствъ полуострова не было единодушія. Революціи производились тайными обществами; въ нихъ участвовали люди избранные и болѣе другихъ развитые, но усилія ихъ не находили поддержки въ массѣ; чтобы разшевелить ее, нужна была неимоверная энергія. Итальянскіе владѣтели старались какъ возможно болѣе развращать низшіи

клясть народа и поддерживать вражду между сословіями. Въ самыхъ тайныхъ обществахъ господствовало удивительное разногласіе: одни не отказались отъ возрожденія Италіи посредствомъ папства; другіе обратились къ старой теоріи гибелиновъ, замѣнивъ императора Франціей; третьи мечтали о республикѣ, не пробудивъ демократіи, — и событія показали ихъ ошибку. Сила Италіи заключалась въ народѣ, а народъ не только не сочувствовалъ своимъ освободителямъ, но даже проклиналъ ихъ, возбужденный ловко выдуманнми противъ нихъ клеветами. Чтобы освободить Италію, необходимо было образованнымъ классамъ сблизиться съ народомъ, привлечь на свою сторону часть духовенства или разрушить его авторитетъ и, пробудивъ такимъ образомъ древній демократизмъ, смѣло выступить на борьбу.

Казалось, цѣлые вѣка требовались для приведенія въ дѣйствіе этого гигантскаго предпріятія, но притѣвленія правительства чрезвычайное ускорили дѣйствія тайныхъ обществъ и литературы, и возрожденіе націи быстро совершилось. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію вліанія каждаго изъ этихъ дѣятелей, представимъ краткій очеркъ состоянія народныхъ нравовъ въ Италіи: — тогда только читатели поймутъ всю громадность предолѣнныхъ препятствій.

Начнемъ съ юга.

Сицилія, съ того времени какъ подпала подъ испанское иго, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи относительно умственнаго и нравственнаго развитія народа; борьба за конституцію производилась баронами, которые увлекали иногда массу, но не могли дать ей надлежащаго политическаго воспитанія: реакція слишкомъ быстро слѣдовала за революціей. Короли старались подкупить духовенство и съ помощью его держать народъ въ повиновеніи; самыя грубыя дегенды составляли основу вѣрованія сицилійцевъ. На образованіе народа употреблялось не болѣе третиной части государственныхъ доходовъ. Несчастные обитатели острова, стѣсненные податями, почти совершенно не занимались земледѣіемъ, потому что главная тяжесть падала на провинціальныхъ жатвъ. Присоедините къ этому отсутствіе средствъ сообщенія, отбояненія въ торговлѣ и къ доступу иностранцевъ на островъ, и вы поймете въ какомъ невѣжествѣ иезабитанскіе правительство старалось держать народъ. Но несмотря на все это, ядреныя слѣдствія реакціи отразились на сицилійцахъ менѣе, чѣмъ на иезабитанцахъ. Причиной этого заключалась отчасти въ трехлѣтнее пользованіе конституціей 1812 года, отчасти въ яростныхъ мѣрехъ правительства,

второе обращалось съ сивиллѣнами съ особенной жестокостью и отчасти въ гористомъ положеніи острова, которое позволяло скрыватьсѣ патрѣчамъ. Въ Невподѣ было еще хуже: воспитаніе находилось въ рукахъ іезуитовъ. До 30,000 лазароны наполнили улицы и площади Невола. Ремесло ихъ состояло въ томъ, чтобы оказывать какую-нибудь услугу иностранцу, получить за нее нѣсколько монетокъ и потомъ цѣлый день валяться на солнцѣ, довольствуясь самой скудной пищей. Трусливые и воры, они при неудачѣ полагаются въ погоню у вачъ и черезъ минуту готовы снова обокрасть, а иногда и зарѣзать. Полиція покровительствовала имъ и самые короли старались прививать къ себѣ эту низкую чернь, лаская ее, поощряя ея грабитель и образуя изъ ней тайныя общества, враждебныя карбонаріямъ. Лазароны развращены были до крайности. Жены ихъ соперничали съ мужьями въ воровствѣ, неряшливѣ, развратѣ и суетнѣ.

Въ Римѣ управленіе папы произвело еще худшіе результаты. Воровство, убійство, развратъ считались тамъ ничемъ, лишь бы важные акуратно исполняли церковные обряды и не входили въ столкновение съ духовенствомъ, которое всѣми мѣрами старалось сберечь свои прерогативы. Аббаты и монахи управляли тамъ всѣмъ: они исполняли въ своихъ приходахъ обязанности мэровъ, мировыхъ судей, полицейскихъ комиссаровъ, сводчиковъ, посредниковъ между мужемъ и женой и между женой и любовникомъ. Типъ Фре Жацциса (1) сохранился во всей чистотѣ. Въ богатыхъ домахъ они заведывали хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и исполненіемъ капризовъ хозяйки. Римляки не читають и не работаютъ, — они проводятъ все время въ нарядахъ, въ церквахъ, въ визитахъ и въ любовныхъ интригахъ. Нищенство покровительствуется въ Римѣ не менѣе княжества; проституція существуетъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, потому что не принято никакавъ мѣръ пріятель ей противуположную организацію.

Въ Тосканѣ развились въ высшей степени лицемеріе и эгоизмъ. Выродившійся тосканецъ усвоилъ себѣ серію правилъ, составляющихъ настоящій кодексъ полности: людей великодушныхъ и преданныхъ общему благу называлъ дураками и мечтателями, узкихъ эгоистовъ людьми благоразумными. Юношество получало самое пресрачное, іезуитское воспитаніе: невѣрующіе ходили въ церковь, чтобы не быть замѣченными, друзья не имѣли мужества защищать другъ друга; повсюду отсутствіе сильныхъ страстей, отсутствіе

(1) Одно изъ дѣствующихъ лицъ въ комедіи Маккиавелли: «Мавдритора-Проститутка Парроча».

убѣжденій и сознанія своего человѣческаго достоинства; повсюду уклончивость, лѣсть, и сбирократія.

Въ Ломбардіи не было подобной апатіи. Венеція, не смотря на аристократію, стоявшую во главѣ ея управленія, дала своимъ подданнымъ учрежденія, основанныя на либеральныхъ началахъ, въ концѣ XVIII вѣка; прежде французскаго вторженія, мы уже видимъ, что коммуны управлялись сами собою, что внутреннія таможи, феодалное судопроизводство, пытка, право убѣжища для преступниковъ, кнутъ и колесованіе были уничтожены, терриинная система шифтена, приюты для воспитанія и публичныя казармы открыты. Реформы, внесенныя французскою революціей, еще болѣе способствовали развитію народа, такъ что австрійцы не могли, безъ крайней для себя опасности, приступить къ радикальному измѣненію ломбардскихъ учрежденій. Они приняли въ отношеніи къ народу систему лицемѣрія и тайнаго, постепеннаго угнетенія, но система эта не могла въ скоромъ времени принести плодовъ своихъ, потому что народное образованіе было распространено въ Ломбардіи болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Италіи, посредствомъ муниципальных и частныхъ заведеній.

Въ Пьемонтѣ народъ находился на низкой степени развитія. Сардинскіе короли постоянно опирались на армію, которая и составляла преобладающую касту. Демократическія тенденціи проникали только отчасти въ нее; самый же народъ оставался вѣрнѣе своимъ государямъ и холоденъ къ реформамъ; дворянство было раздѣлено на двѣ партіи: одна работала въ пользу независимости Италіи, другая въ пользу увеличенія могущества савойскаго дома. То же самое было и въ буржуазіи.

Такимъ образомъ въ большей части итальянскихъ государствъ народъ не былъ приготовленъ къ перевороту: притѣсненія правительствъ могли вызвать его, но онъ могъ кончиться только умѣтженіемъ ненавистныхъ личностей, но не принципомъ. Чтобы сдѣлать движеніе разумнымъ надо было дать надѣмъ политическое воспитаніе. Монтанелли былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Онъ родился въ 1813 году, неподалеку отъ Флоренціи въ одномъ маленькомъ городкѣ Фучеккіо. Отецъ его былъ музыкантомъ, страстно любилъ искусство и хотѣлъ сына своего сдѣлать артистомъ. Это воспитаніе какъ нельзя болѣе гармонировало съ страстной, впечатлительной натурой ребенка. Девяти лѣтъ, онъ былъ уже извѣстенъ въ окрестности какъ искусный пѣвчій и органистъ. Въ это время судьба маленькаго Юсіфа перемѣнилась. Дядя его, каноникъ и ректоръ пизанской коллегіи настоялъ, чтобы ему поручили воспо-

поэзіе; мажманида. Отверженный отъ своихъ, любимыхъ занятій, онъ съ грустью покорился необходимости и принялся за изученіе классиковъ и видждюединковъ.

Это чтеніе сдѣлало его сначала атеистомъ, но атеизмъ былъ чуждъ его поэтической натурѣ, и онъ скоро сталъ въ числѣ послѣдователей Седъ-Симона; впоследствии размышленія и неудача на политическомъ поприщѣ обратила его къ неокатолицизму.

Въ то самое время, когда совершался этотъ правдивый переворотъ, Монтецелли не переставалъ заниматься поэзіей и наукой. Въ 1836 году онъ началъ собраніе своихъ юридическихъ стихотвореній, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ; черезъ четыре года послѣ того онъ получилъ кафедру тосканскаго и коммерческаго права въ пизанскомъ университетѣ. Лекціи его возбуждали энтузіазмъ молодежи и доставили ему многочисленныхъ поклонниковъ.

Между тѣмъ судьба Италіи совершалась. Тайныя общества и литература неутомимо работали. Кромѣ «Юной Италіи» Мазини существовали еще другія общества подъ разными названіями. Однѣ изъ нихъ принимали республику, другія ограниченную монархію, третьи работали въ пользу савойскаго дома, но почти всѣ ставили началомъ возрожденія насильственный переворотъ.

Сверхъ этихъ обществъ существовали другія, имѣвшія цѣлью воспитаніе народа и сближеніе его съ образованнымъ классомъ. Первая идея основанія пріютовъ принадлежитъ Матильдѣ Каладрини, уроженкѣ Женевы; она задумала перенести въ Пизу учебныя заведенія своего отечества; это намѣреніе встрѣтило горячее сочувствіе со стороны Людовика Фрасси, стараго республиканца 99 года. Немедля возможности открыть школы безъ позволенія правительства и зная, что дростить объ этомъ бесполезно, Фрасси первый пріютъ открылъ у себя въ домѣ. Полиція, изъ боязни скандала, не рѣшилась вломиться въ жилище челоѣка, всѣми уважаемаго, и бездѣйствіе ея было принято за безмолвное согласіе. Съ тѣхъ поръ школы эти начали размножаться: изъ Пизы перешли онѣ въ Кремону, Флоренцію, Ливорно, Болонью и Туринъ. Матильда Каладрини, истинная протестантка, принадлежавшая къ евангельской сектѣ, ревностно способствовала распространенію своихъ вѣрованій. Другіе члены евангельской общины помогали пропагандѣ раздѣлой священнаго писанія, переведеннаго на народный языкъ. Вліяніе этихъ обществъ было такъ велико, что число протестантовъ дошло въ Тосканіи до двадцати тысячъ.

Въ Римѣ также были свои тайныя общества, старавшіяся распространить между простымъ народомъ сочиненія Лампа (Lampadina). Но главной причиною итальянскаго движенія была литература.

тура. Она раздвигалась на две школы: ломбардскую и тосканскую или; лучше сказать, католическую и протестантскую. Во главе первой стоял Александр Манцони, во главе второй Джовини-Николлини. Первый отличался сначала скептицизмом; но потом, женившись на дочери одного женеваго банкира, сблизился съ католикомъ и въ ней истиннымъ католикомъ, и хотя въ немъ осталась до некоторой степени влияние протестантизма, занесенное поэмидской и немецкой поэзіей; тѣмъ неменше онъ оставался самымъ католическимъ поэтомъ Италии, который когда-либо мечталъ о возрожденіи католическаго духовенства и о возрожденіи личности посредствомъ католицизма. Для него литература была все, — въ немъ было полное отсутствіе политическаго направленія и современныхъ наметковъ; онъ сталъ во главѣ школы единственною силой своего таланта. Но несмотря на то, политическое влияние его было огромно; его сочиненія были прелюдией «Н Ріпато» Джоберти. Целая покорность судьбѣ, онъ остается непоколебимымъ въ своихъ идеалахъ и, несмотря на измѣну Рима и разрушеніе надеждъ своихъ, продолжаетъ мечтать объ идеалѣ, котораго осуществленіе ждетъ отъ будущности. Последователь Манцони, Сильвіо Пеллико, простеръ самоотреченіе еще далѣе, до унынія. Уныніе въ Штальбертѣ, онъ по освобожденіи не зналъ что дѣлать изъ своей свободы: онъ отказался отъ политики и литературы и умеръ библиотекаремъ одной шаршвы, а между тѣмъ сочиненія его имѣли огромное влияние, — описаніе его страданій возбуждало глубокое негодованіе противъ Австріи, а его покорность судьбѣ была принята за неустрашимость ученика.

Къ этой же школѣ слѣдуетъ причислить Николая Томазоли Александра Поэріо, героя осады Венеціи. Первый, неутомимый работникъ; писалъ день и ночь стихи, романы; статьи критическія; философскія, филологическія; везде онъ защищалъ церковь св. Петра противъ чужестранцевъ и тосканской школы; везде старался онъ доказать необходимость соединенія разума и вѣры. Но эта ревность къ религіи не мешала ему нападать на нихъ и требовать уничтоженія ихъ свѣтской власти. И эти нападенія имѣли уже нѣкую силу; что происходило со стороны искреннаго католика, на языкъ народномъ, политическомъ и философскомъ.

Александръ Поэріо былъ сынъ невольнаго адвоката; названнаго своими страданіями въ итальянскую независимость. Чувствительный и мечтательный до крайности; юный поэтъ и сочинитель жилъ въ странѣ зимней; действительность не могла разрушить его общенія и только вызвала энергическое замечаніе его страстной яры. Вліяніе его не ограничивалось одной поэзіей; Васлуи

его отца, братья и дядя, и собственная примѣрная жизнь дѣлаютъ его любимцемъ народа.

Но если ломбардская школа дѣтала кой-какія надежды на папу и католицизмъ, то тосканская отвергала возможность возрожденія съ помощью кхъ. Въ годорѣдъ ея стоить Никколони, достойный наследникъ мужественнаго генія Альфиери и Уго Foscolo. Еще, прежде, во время владычества Наполеона, онъ отличался драматическими политическими драмками. Впослѣдствіи его намеки съ вѣдальсь еще драе. Въ трагедіи своей «Джонани Прочида», онъ такъ вѣрно драобръазилъ австрийцевъ подъ выломъ французокъ, что австрийскій посланникъ, присутствуя на первомъ представленіи, сказалъ французскому: «адресъ на ваше имя, но письмо ко мнѣ!» Другая трагедія Никколони «Арвольдъ Брешианскій», служила краснорѣчивымъ отвѣтомъ ломбардской школѣ; онъ неодовержимо доказалъ, что реформа и свобода посредствомъ церкви и авторитизма ея съ имперіей не привалудъ ни къ чему; что при первомъ удобномъ случаѣ церковь и имперія соединятся противъ свободы и реформъ.

Рядомъ съ Никколони, по влѣнію на современниковъ, слѣдуетъ поставить Гератен, страстнаго поклонника Макиавелли и Байрона, челоѣка съ желѣзнымъ характеромъ и съ сильнымъ, скептическимъ умомъ. Онъ имѣетъ въ виду одну цѣль — пробудить отечество, и не заботится о правилахъ искусства; всѣ его произведенія сотворены страстно для оправданія авантъ валавной идеи.

Почти одновременно съ Гератенъ началъ дѣйствовать Джусти. Сатиры его удивительны; ѣдкость, тонкая насмѣшка, сила, разнообразіе формъ, народный языкъ, обороты рѣчи дѣлали изъ него опаснаго противника. Его «Dies irae», «Brindisi di Girone», «Inseguazione» разошлись въ сѣмьдесятъ тысячама и пробуждали Италию.

Но въ то время, когда Джусти находился въ полной силѣ таланта и жизни, въ то самое время на берегахъ неаполитанскаго залива умираетъ другой, болѣе великій поэтъ, Джакомо Леонарди. Онъ умеръ, но иновѣ его, полныя отчаянія и слезныхъ жесноплавія, оставилъ; неволи отечества и равнодушныя соотечественниковъ вызываютъ съ его лиры звуки гнѣва и глубокой скорби; съ ужасомъ отворачивается онъ отъ настоящаго и въ прошедшемъ ищетъ утѣшенія и примѣровъ для малодушныхъ современниковъ.

Но не одни поэты спасали родину. Возрожденіе націй и профессы, эконоимсты, историки, адвокаты, журналисты трудились не меньше на этомъ поприщѣ. Имена Вьессе, Амари, Рапѣри, Ботты, Ричарди, Маміани, Романьози, Феррари, Каттанео, Аугустиниса,

Шкалози, Джоберти и многих других никогда не будут забыты в итальянских летописях (1).

Таким образом две противоположные силы вели общество к одной цели, хотя различными путями; не было никакого сомнения, что система заговоров должна будет скоро пасть по быстрому увеличению числа недовольных и по разнхарактерности их требований. Но самое это увеличение служило к болѣе частым попыткам произвести насильственный переворотъ. Сорокъ-третий годъ долженъ былъ разрѣшиться общими возстаніемъ, но въ некоторых недоразумѣніи между начальниками заговора побѣждали ему обнаружиться своевременно, а потомъ открыла его полиція и кровь полилась ручьями.

Монтанелли хотя и принадлежалъ къ разнымъ тайнымъ обществамъ, но велъ себя такъ осторожно, что избѣжалъ гоненія. Мало того, убѣжденный, что возрожденіе національное возможно только посредствомъ возрожденія личнаго, онъ основалъ съ этой цѣлью общество *I fratelli italiani*. Девизомъ общества было самосовершенствованіе: всякій членъ долженъ былъ сдѣлать себя достойнымъ освободить родину, долженъ былъ подавать собой примѣръ другимъ, какъ истинный гражданинъ, какъ врагъ эгоизма личнаго и провинціальнаго.

(1) Вьессэ (Vieuxseux) женевецъ, основатель либеральнаго журнала "Филантропическая афиша". По запрещеніи его, сталъ издавать историческій архивъ и агрономическій журналъ, въ которыхъ помѣщались весьма важныя политико-экономическія статьи. Извѣстенъ сверхъ того какъ учредитель превосходнаго кабинета для чтенія и издатель многихъ полезныхъ книгъ.

Амари, авторъ исторіи сицилійской вечерни, принужденный бѣжать изъ Сициліи во Францію по случаю этого сочиненія.

Рамбери, историкъ, — замѣчательный романомъ "Джизовра", въ которомъ изображаетъ ужасное состояніе приютовъ и воровство служащихъ въ нихъ членовъ.

Ботта, авторъ исторіи Неаполя.

Ричарди, редакторъ экономическаго журнала, принадлежалъ къ партіи радикаловъ; послѣдствіи извѣстенъ превосходной исторіей Италіи.

Аугустини, Шкалози, — извѣстные политико-экономы.

Романьози, философъ, — доказывалъ, что судьбы Италіи неразрывно связаны съ судьбами французской революціи, что возрожденіе возможно только при безостановочномъ развитіи гражданской свободы, при соединеніи партій.

Каттанео, ученикъ Романьози, герой миланской революціи, признавалъ единство Италіи въ видѣ сѣверо-американской федерціи.

Феррари, тоже ученикъ Романьози, послѣдователь Вьессэ, авторъ многихъ замѣчательныхъ сочиненій объ Италіи.

Маміани, извѣстный философъ, авторъ брошюры: "Наше мнѣніе объ итальянскихъ дѣлахъ", въ которой предлагаетъ патриотамъ заняться образованіемъ народа и дѣйствовать на духовенство.

Между тѣмъ, пока тайныя общества договаривали свое послѣднее слово, являлось знаменитое сочиненіе Жюберти «Il Primato» (о нравственномъ и политическомъ первенствѣ итальянцевъ). До сихъ поръ аббатъ Жюберти былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ послѣдователей Мадзини. Онъ участвовалъ въ его журналѣ подъ именемъ Демосида. Принужденный бѣжать въ 1833 году во Францію, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ переѣхалъ въ Брюссель, гдѣ получилъ мѣсто профессора философіи къ одному частному заведенію. Здѣсь въ 1838 году онъ публиковалъ книгу: *o societate naturali* (del Soprannaturale), которая доставила ему въ Италіи славу глубокаго и оригинальнаго мыслителя. Въ посвященіи этой книги своему другу Паліо, умершему въ изгнаніи, онъ называлъ итальянскихъ принцевъ домашними тиранами, Карла Альберта жестокимъ челоуѣкомъ; онъ утверждалъ, что новѣйшій прогрессъ стремится къ диктаторію принципа наследственности принципомъ избирательнымъ. Нѣсколько смутя онъ издалъ новое сочиненіе: «Введеніе къ изученію философіи», въ которомъ онъ старался помирить философію съ католицизмомъ посредствомъ антологическаго метода, въ различіе отъ метода психологическаго, который употребляла школа Росмини. Что касается до примѣненія своей формулы къ политикѣ, онъ различалъ идеалъ будущаго общества отъ переходнаго состоянія; его идеаломъ было управленіе общества природной аристократіей, способной къ администраціи и искусно организованной посредствомъ іерархическихъ нравствъ, подъ верховной властью права и справедливости. Отвергая принципъ наследственности въ нормальной жизни націй, онъ теоретически былъ республиканцемъ, во въ періодъ переходный онъ допускалъ отвергаемый принципъ съ условіемъ, чтобы государи отказались отъ придворной пышности и деспотическихъ привычекъ; онъ признавалъ мало пользы въ отрицательныхъ системахъ революціонныхъ школъ, хотя и допускалъ изгнаніе принца, нарушителя конституціи. Эти дѣтскія видскіе не заподозрили Жюберти въ глазахъ правительствъ; іезуиты стали за него, потому что онъ шолъ противъ Росмини, ненавистнаго имъ учрежденіемъ новаго духовнаго ордена. Леопольдъ II едва не далъ ему кафедру въ пизанскомъ университетѣ.

Такимъ образомъ, въ 1843 году Жюберти уже пользовался значительной извѣстностью. Новая книга его произвела огромное впечатлѣніе. «Цивилизація, — говорятъ онъ, — состоитъ во лѣ дѣвѣ матеріальныхъ благаяхъ; Италія сохранила тѣ абсолютныя принципы, которые создаютъ цивилизацію; она сохранила первенство нравственное, сохраняя импство; теперь надъ, чтобы оно

возвратило ей первенство политическое. Она первая из наций, потому что провидение назначило в ней пребывание папы. Противники папства неправы, утверждая, что оно убило итальянскую национальность. Папство разрушало политическое единство, для наварроне, для того, чтобы создать его нравственно: оно хотело составить федерацию князей и народовъ, соединившихся подъ знаменемъ вѣры. Народы, подобно отдельнымъ личностямъ, имѣютъ свою зрѣлость и дѣтство; пока они малы, они требуютъ опеки, а они по всемъ правиламъ принадлежатъ церкви. Варвары разрушили имперію, церковь въ свою очередь должна разрушить ихъ, потому что она наследница цесарей. Итакъ духовенству предстоитъ играть важную политическую роль. Только тогда, когда народы выйдутъ изъ дѣтства, оно можетъ получать уроки отъ мира; только тогда священникъ сдѣлается изъ диктатора посредникомъ между князьями и народами. Это посредничество, невозможное въ другихъ мѣстахъ Европы, возможно въ Италіи. Она требуетъ национальной независимости, единства и политической свободы. Папство можетъ удовлетворить этия требованія; первый шагъ — ставши во главѣ политической федераціи, послѣдней — употребляя свой авторитетъ надъ государами. Это посредничество возможно безъ революціи; потому что папство не присвоиваетъ себѣ новыхъ правъ; и входитъ только въ старыя свои прерогативы; будутъ реформы, но не буны, князья и народы останутся непримиримыми и довольными подъ духовной властью папы. Чтобы приступить къ этому, необходимо духовенству переродиться, и Дзюберти съ гордостью номиниалъ Григорію XVI, вассалу Австріи, Гильдебранда и Пиннокентія; съ гордостью указывалъ объ невольничьихъ фанатикахъ-монахахъ монаха покровителя науки, защитника слабыхъ, опоры бѣдныхъ.

Положивъ въ основу своего сочиненія средневѣковой дуализмъ, Дзюберти хотѣлъ, чтобы папа являлся вдохновителемъ и почетнымъ главой итальянской лиги, чтобы Карлъ-Альбертъ былъ ея дѣйствующимъ начальникомъ.

Впечатлѣніе, произведенное этой книгой, было громадно: семинарии, монастыри, капоники, архіепископы, кардиналы были въ восторгѣ; либеральная Италія напротивъ того пришла въ крайнее негодованіе: она звала Дзюберти отступникомъ; арестовали торквиста; Сильвановичъ осуждалъ его эпиграммой; Джусти написалъ на его книгу пародію. Но несмотря на весь этотъ шумъ, многие изъ членовъ либеральной партіи обратились къ неокатолицизму. Къ числу ихъ принадлежатъ профессора Чентофанти, Пуччинотти и Монтанелли. Вотъ какъ послѣдній описываетъ свое обращеніе:

.. «Времене зимы 1843 года, я познакомился съ Карломъ Эйнардомъ, жидовскимъ протестантомъ, евангелическаго исповѣданія, племянникомъ знаменитаго, Фиделлима. Я познакомился съ нимъ и отъкрылъ ему мое внутреннее состояніе; онъ посоветовалъ мнѣ молиться, я прислалъ краснорѣчивое письмо, въ которомъ заключаюсь нѣсколько евангелическихъ цитатъ. Проще, вѣсколько, мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я могъ воспользоваться его совѣтами. Но послѣ молническихъ неудачъ этого года, отпирившись въ Дворцѣ, чтобы укрыть одного романскаго изгнанника, я узналъ отъ него о смерти Александра Чюріамъ. Это было для меня ударомъ; докторъ, одного изъ самыхъ близкихъ друзей, мысль что онъ умеръ отъ горя, заставило нашихъ общественныхъ бѣдствій, предчувствіе другихъ несчастій, которыя должна была повлечь за собой эта катастрофа. — этого было, слишкомъ много для меня въ томъ святомъ нравственнаго, уединенія, въ которомъ я находился, послѣ безплодныхъ усилій моея радницы — освободиться; я почувствовалъ такое глубокое отчаяніе къ жизни, что былъ не въ состояніи ни дѣйствовать, ни даже хотѣть; я рѣшился броситься въ море, но докторъ, дачи мнѣ совѣтъ, Эйнарда, я прорободалъ молиться; въ этомъ возвышеніи души я нашолъ силы, которыхъ мнѣ недоставало; съ атыхъ ндръ молитва сдѣлалась для меня одной изъ привычекъ. Я принялъ за чтеніе евангелія; чистота нравственнаго его ученія и сознаніе дискуительной миссіи Христа стали для меня очевидны. Философія, Джордги, нѣкоторыя сочиненія католической школы въ Германіи, творенія нѣкоторыхъ отцовъ церкви, были большими пособіями для разъясненія затрудненій, которыя представляла мнѣ система католицизма. Я не могъ рѣшиться ее принять прежде чѣмъ убѣдился, что она не оскорбляетъ ни разума, ни свободы совѣсти; что можно быть католикомъ, отрицая непогрѣшимость папы, клерикальный авторитетъ и это неизбѣжное и осуждающее впечатлѣніе монархическаго вѣра въ все; я убѣдился, что можно быть католикомъ какъ Данте, какъ Савонарола, какъ Масскаръ, какъ были другіе великіе умы, многіе великіе граждане.»

.. Въ этихъ годахъ жезъ Монтанелли; не станемъ разсматривать до какой степени были справедливы его убѣжденія, замѣтимъ только, что онъ былъ искрененъ, что оставаясь имъ вѣренъ, онъ могъ имѣть гораздо большее вліяніе на общество, чѣмъ его антагонисты;

.. Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ; нестерпимыя притѣсненія, возбудившія восстаніе въ Романіи и заговоры въ Неаполѣ, Мисурини, были разбиты и принуждены бѣжать въ Тоскану. Бѣглецовъ несли въ навозы, пахъ, но еще отпразднли на казенный

счетъ въ Ливорно, а оттуда съ тосканскими паспортами во Францію. Общественное мнѣніе съ восторгомъ привѣтствовало рѣшеніе Леопольда, но очарованіе продолжалось недолго. Ренци, начальникъ романскихъ инсургентовъ, имѣлъ неосторожность возвратиться въ Тоскану, и былъ арестованъ. Папа потребовалъ его выдачи; большинство дипломатическаго корпуса поддержало это требованіе; общественное мнѣніе было противъ, дѣло шло о народной чести, вопросъ принялъ громадныя размѣры. Адвокатъ Сальвезола явился защитникомъ изгнанника. Дѣло было перенесено въ консулатъ; изъ трехъ голосовъ два было въ пользу Ренци. Жена его, мать трехъ малолѣтнихъ дѣтей, подала герцогу трогательную просьбу, которую онъ прочиталъ со слезами на глазахъ. Съ своей стороны министры, генеральный адвокатъ и дипломатическій корпусъ, настаивали на выдачѣ. Герцогъ уступилъ. Общественному негодованію не было предѣловъ. Не имѣя возможности сообщаться съ массами посредствомъ печати, коллективныхъ прошеній или собраній, патриоты рѣшились прибѣгнуть къ тайной прессѣ и демонстраціямъ. Монтанелли стоялъ во главѣ распорядителей. Всякую ночь на стѣнахъ домовъ являлись надписи: Да здравствуетъ консулатъ! Къ чорту іезуитское министерство!

Взмолновавъ Пизу, онъ отправилъ во Флоренцію Руски и Малеккини для приготовленія тамъ демонстраціи противъ министерства: рѣшено было въ день въѣзда герцога въ столицу или загороднаго дворца, собраться всѣми недовольными, и не прибывая противъ Леопольда никакихъ оскорбительныхъ криковъ, требовать удаленія министерства. Въ то же время прошеніе жены Ренци разсылали по почтѣ и распространяли посредствомъ переправки съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Великій герцогъ плакалъ, читая это прошеніе 3 января, а въ ночь 24, его министры выдали Ренци папѣ.» Демонстрація была уже совершенно готова, какъ послѣдовала отиѣна ея, потому что большая часть умѣренныхъ находила предлогъ слишкомъ маловажнымъ. Вмѣсто этого они предложили выдать медаль въ честь покойнаго министра Нери-Корсини; но Монтанелли отказался отъ этой недостойной комедіи: Корсини защищалъ когда-то территоріальную независимость Тосканы, и въ 1843 году выдалъ папѣ Віоли, — какой же смыслъ имѣла медаль въ честь его?

Дѣломъ Ренци начинается новый фазисъ итальянскаго развитія. Система законной агитаціи замѣнила систему тайныхъ обществъ. Средства, избранныя либеральной партіей, состояли въ распространеніи листовъ, выходившихъ изъ тайныхъ типографій, въ коллективныхъ прошеніяхъ, въ демонстраціяхъ. Эта система съ каждымъ днемъ приобретала новыхъ привѣрженицевъ. Книга «Надо-

жды Италіи» Чезаре Балбо показала, что самыя умренныя становятся на сторону либераловъ. Новое сочиненіе Джоберти: «Прологомены», раскрыло политику іезуитовъ. Авторъ приписывалъ имъ все пороки духовенства, все ошибки панства въ послѣднее время, онъ показывалъ іезуитизмъ какъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ возрожденію Италіи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда іезуиты вздумали утвердиться въ Пизѣ. Дѣйствуя по своему обыкновенію изъ-подъ руки, они испросили позволеніе замѣсти женскій монастырь Хрестова сердца. Извѣстно, что эта община слѣдуетъ правиламъ доминиканъ и обязана жить исповѣданіемъ іезуитовъ. Позволеніе было дано, и генералъ-камеріи въ Пизѣ купилъ уже домъ для монастыря, какъ вдругъ пріѣхалъ новый губернаторъ, графъ Сарристорі. Это былъ человѣкъ гордый, честолюбивый, вышедшій съ собою самое высокое мнѣніе. У него всегда было въ запасѣ нѣсколько амбиціозныхъ проектовъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда сдѣлавшись министромъ, приведетъ ихъ въ исполненіе. Несмотря на свои деспотическія наклонности, онъ пользовался нѣкоторою популярностью между либералами. — этихъ онъ былъ обязанъ своимъ ученымъ трудамъ, стараньямъ, какія употреблялъ при устройствѣ школы взаимнаго обученія и дружбѣ съ Каппони и Вьессе. Новый губернаторъ постоянно утверждалъ, что духовенство должно заниматься своими дѣлами, неосмѣливаясь врываться во владѣнія свѣтской власти. Пріѣхавъ въ Пизу онъ далъ понять, что желаетъ демонстраціи противъ іезуитовъ. Ночью 24 февраля до тридцати либераловъ, принадлежащихъ большей частью къ важнѣйшимъ семействамъ, собралось на площади и выбили стекла въ домѣ камерія съ упреками и ругательствами противъ іезуитовъ; іезуитовъ и ихъ покровителей. Полиція, какъ нило было предвидѣть, явилась, когда все было кончено, и не беспокоила никого изъ участниковъ демонстраціи. Губернаторъ довелъ, что умы заводятся въ сильномъ волненіи.

Монтанелли въ это время не было въ городѣ. Вернувшись, онъ постарался сообщить дѣвижейно болѣе серьезный и мирный характеръ; онъ составилъ протестъ противъ іезуитовъ на имя Сарристорі, подписанный 246 лицами. Позволеніе, данное общинѣ, было отозвано, но въ то же время приказано было ректору объявить выговоръ всѣмъ профессорамъ, подписавшимъ протестъ. Профессора отзывались, что они исполнили долгъ свой и считаютъ полученный выговоръ несправедливымъ. Протестаціи Монтанелли навѣвала много шуму; и были отголосокъ въ другихъ городахъ.

Въ это время существовали во Флоренціи дѣя партія либера-

ловъ: Оливъ постоянно готовая къ дѣйствію, считала вождями своихъ Карла Фенди; другая, партія анадеминевъ, — Джиро Каппони. Первый, несмотря на то, что имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, отличался твердымъ характеромъ, сообразительностью и хладнокровіемъ. Принимавъ за что-нибудь, онъ внимательно обдумывалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потомъ уже шолъ прямо къ дѣлу, не изирая ни на какія препятствія. Обширная познанія, приобретенныя усидчивымъ трудомъ и путешествіями, богатство, скромность, безкорыстная любовь къ отечеству, дѣлали его модою молодежи.

Джиро Каппони былъ послѣднимъ однимъ изъ преобразившихъ жизнь республиканской исторіи Флоренціи. Красивый, ласковый, покровитель науки и искусства, онъ привлекалъ къ себѣ столько же партизанство, какъ и обожденіемъ. Сильный, гибкій умъ, критическій тонъ, широкій взглядъ; твердая вѣра въ лучшую будущность человечества, громадная энергичность, могли бы дѣлать его однимъ изъ самыхъ опасныхъ бойцовъ на политическомъ фронтѣ; но отсутствіе практической и природной дерзости, усмиренныя еще послѣ того, какъ онъ ослѣпъ, заставляли его, на это дѣйствовать вопреки убѣжденіямъ. Какъ скоро касалось дѣла, онъ вѣтровалъ великими пустяками, и готовъ былъ соединиться съ ретроградной партіей, чѣмъ отвратить на каждаго индивидуальнаго иступокъ.

Несмотря на такой разнохарактерный составъ флорентинскаго либеральнаго общества, Монтанелли надѣялся удержать за собой общіе партіи. Онъ старался какъ можно болѣе обобщить движеніе, и съ этой цѣлью задумалъ открыть подписку къ пролазу краевыхъ эмигрантовъ; но подписка эта не удалась, потому что никто изъ болѣе вліятельныхъ либераловъ не хотѣлъ оставить первый своего имени, такъ что Флоренція принуждена была послать деньги безъ списка жертвователей. Эта неудача не охладила расеніе Монтанелли, и онъ устроилъ обѣдъ въ честь Массимо д'Азеліо, которому принадлежало право выдѣхать изъ Тосканы за его фронтонъ: «*Massimi casi di Romagna*». Но академическіе либералы снова парализировали его усилія, послѣлавъ обѣдъ безъ политическихъ тостовъ, дръчой.

Новая попытка его представить правительству, консулату и о. архиепископу пресе пресеція встрѣтила сопротивленіе со стороны Каппони. Тогда онъ рѣшился требовать права разсужденія, а для этого прибѣгнуть къ тайной типографіи. Приступая къ такому рода агитаціи, Монтанелли намѣревался избѣгать свѣдѣній, возмущая и пускаясь фразъ, надушивъ къ дѣлу; онъ хотѣлъ говорить

слепкинымъ голосомъ разсудка; съ тѣмъ достоинствомъ, которое невольно привлекаетъ расположеніе большинства, съ той осторожностью, которая, дѣлая реакцію правительства безполезной; заставилъ его молча признавать свободу прессы. Маленькая типографія была основана по подпискѣ съ помощью маркиза Аронави другой запасный станокъ находился въ Луккѣ. Если луккскіе либералы что-либо печатали, они посылали свои листки въ Пизу; а Монтанелли пересылала ихъ по почтѣ назадъ въ Лукку. Тосканская полиція сблизилась съ ногъ, но не могла открыть типографію, расположенную внѣ государства.

Первые листки требовали измѣненій въ составѣ консульды, въ таможенныхъ уставахъ, въ народномъ образованіи, въ лотерейной системѣ. Эта умѣренность возбудила негодованіе въ крайней партіи; она удѣрала, что подобныя статьи могли бы быть напечатаны въ флорентинской газетѣ; а между тѣмъ эта-то умѣренность и привлекала большинство: всѣ удивлялись какъ правительство не позвѣляетъ разсуждать о такихъ мало-либеральныхъ вещахъ. Чтобы еще болѣе заставить публику говорить, Монтанелли придумала другой листокъ, въ радикальномъ духѣ. Въ этомъ листкѣ упрекали умѣренныхъ въ томъ, что они не коснулись корня зла. Главная потребность страны — говорилось тамъ — независимость и конституція; въ листкѣ прощали Леопольда оставить австрійскую политику, ценою действовать людямъ народной партіи, сдѣлаться творцомъ учрежденій, которыя должны были соединить Италію въ одно цѣлое, не бояться откровеннаго и честнаго слова, и не довѣрять совѣтамъ изъ Вѣны; въ заключеніе ему указывали на примѣръ Карла-Альберта, къ которому обратили съ надеждой взоры всѣ итальянцы, несмотря на его темное прошлое, потому только, что онъ обнаружилъ расположеніе, благоприятное для національности и враждебное для Австріи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда кардиналъ Матави Феретти былъ избранъ папой. Избраніе его имѣло огромное вліяніе на послѣдующія событія; оно составляетъ вѣху въ мѣстоцѣлхъ итальянскихъ революцій, не потому что онъ сдѣлалъ что-нибудь по собственному побужденію, но потому что обстоятельства сложились такъ, что все желаніе реформъ вернуло до такой громадной цѣны, что онъ нашолся вынужденнымъ слѣдовать духу времени. Всплывъ на Италію передъ вѣнчанствомъ его на престолъ, мы находимъ Карла-Альберта въ враждебномъ отношеніи къ Австріи и къ либераламъ; къ первой по случаю увеличенія пошлины на альмонскія вина, во вторыхъ, по причинѣ требованія новыхъ реформъ. Вся его политика состояла въ безпрестанномъ колебаніи, въ безпрестанныхъ переко-

даль отъ одной партіи къ другой. Заключаетъ торговый договоръ съ Франціей, бросивъ въ официальной газетѣ вывозъ Австріи, распространяя въ Италиі медаль съ гербомъ и девизомъ савойскаго дома, отъ запретилъ Массимо д'Азеліо приѣздъ ко двору, не позволялъ обращенія его брошюры, приниждывался оскорбленными, когда его заподозрѣвали въ либеральныхъ наклонностяхъ и въ заключеніе изъявлялъ желаніе примириться съ Австріей черезъ посредничество Россіи. Несмотря на эти колебанія сардинскаго короля, массы итальянскія столько сочувствія къ войнѣ съ Австріей, что либералы могли смѣло рассчитывать на поддержку Пьемонта.

Въ Романни въ послѣднихъ числахъ апрѣля было тайно напечатано прошеніе на имя прелатовъ-ревизоровъ, въ которомъ излагались бѣдствія Романни. Либерализмъ, было сказано въ прошеніи, стремится не разрушить общество, но улучшить его; не уничтожить, но увеличить чувство долга, основавъ его на любви и уваженіи, а не на страхѣ; потомъ перешли къ дѣлу при Римини, прокламация утверждала, что двигателемъ романскаго населенія служить скорѣе любовь къ независимости, чѣмъ чувство собственныхъ страданій. По смерти Григорія Боломья составила прошеніе въ такомъ же духѣ на имя конклава. Прошеніе это было покрыто подписями столькохъ значительныхъ лицъ, что полиція не осмѣлилась ихъ преслѣдовать. Другіе города тоже требовали осуществленія меморандума тридцать перваго года.

Въ Неаполѣ по наружности все было спокойно, хотя всякій день народъ становился бѣднѣе, земля бесплоднѣе, тюрьмы наполнялись болѣе и болѣе, хотя всякій день новыя жертвы гибли подъ пулями карабинеровъ или на висѣлицахъ. Система устрашенія процвѣтала въ королевствѣ. Съ помощью ея Фердинандъ надѣялся сохранить спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ, — но это было спокойствіе передъ бурей, тишина волкная передъ изверженіемъ.

Многъ другихъ итальянскихъ государей герцогъ Лукскій былъ евангелистъ и турокъ; герцогиня вѣрская австрійка, герцогъ венецскій левый. Такимъ образомъ, хотя ни одинъ изъ владѣтелей не предостерегалъ вадетковъ для того, чтобъ сдѣлаться вождемъ перемѣнаго движенія, Италия готова была идти за знаменемъ духовенства съ тѣмъ, чтобъ оно разошлось въ расуштами; подъ знаменемъ королей съ тѣмъ, чтобъ они разорвали союзъ съ Австріей. Эта потребность реформъ такъ живо чувствовалась, что личностическій король желалъ, чтобъ избрали царя мифа, абсолютнаго, явилъ Григорій XVI; многіе кардиналы были того же мнѣнія. Римляне съ такою надзорничали требованія реформы,

Поэмокринъ, насколько удовлетворялъ общаго жаданіе избраніе новаго папы.

Джованни Матаин Феретти въ молодости велъ жизнь далеко не цѣлѣустремленную; онъ былъ знакомъ съ многими французскими епископами; и старался не отставать отъ нихъ тѣмъ болѣе, что предназначалъ себя къ духовному званію. Но настоятельная потребность, вслѣдствіе паучей болѣзни, составить свѣтскую карьеру, оставили его сдѣлаться аббатомъ. Отправленный въ миссію въ Чинау, онъ отличился тамъ патристикой. Одна изъ нихъ бросила столикъ окандала на миссію, что она принуждена была оставить Америку. Несмотря на это прохвляніе, Матаин не потерялъ расположенія императора своего Льва XII и получалъ мѣсто директора въ приютѣ св. Микелла. Зналъ характеръ первосвященника, новый директоръ утратилъ строгость и утердіе и за это получалъ мѣсто сполетскаго архіепископа. Во время революціи 1831 года поведеніе его было весьма двусмысленно; очевидно онъ не зналъ, какой политикой будетъ слѣдовать новый папа, поэтому и старался угодить обѣимъ партіямъ, это доставило ему санъ кардинала и мѣсто архіепископа Ниволы. При новомъ папѣ, Матаин не считалъ нужнымъ придерживаться прежней системы жестокости. Григорій XVI былъ безпечный человекъ, любившій больше всего блага міра сего. Онъ былъ врагъ всякихъ нововведеній и охотно позволялъ приближеннымъ дѣлать что угодно, съ тѣмъ только, чтобы не мѣшали его удовольствіямъ. Новый архіепископъ отлично постигъ это; характеръ и доволялся имъ тѣмъ; что прекратилъ сношенія съ родными, которые принадлежали къ либеральной партіи. Выбѣжавъ съ тѣмъ онъ угождалъ весьма снѣжн кардиналамъ Волобы, Фавенны и Фурли, которые принадлежали большому вѣсомъ въ священной коллегіи. Поведеніе его относительно простаго народа тоже переменилось: онъ, по совету епископа Саретти, сталъ раздавать много милостыни и казался доступнымъ и ласковымъ.

Такихъ образомъ надежды, возбужденныя новымъ папою, были весьма сомнительны. Уклончивость его характера и оставленіе священно коллегіи, состоявшей большей частью изъ кардиналовъ: ретроградной партіи, не позволяли думать, чтобы папа серьезно приступилъ къ реформамъ.

Вопросъ о территориальныхъ измѣненіяхъ казался еще труднѣе. Никакой политической переворотъ за Альпами не принесетъ намъ ничего хорошаго, говорилъ Гизе въ палатѣ герцога вѣнцеслава: онъ писалъ къ французскому посланнику въ Римѣ. «Министры кнзя Меттерниха, сообщали Пальмерстону лорду Росселю, что правительство ея величества твердо и неизменно держится уполнѣ-

вѣнчанаго герцога, какъ въ Итѣліи, такъ и вообще въ Европѣ...» Въ томъ же духѣ были депеши Меттерниха.

... Все эти трудности, несколько не оставивши на Монтанелли и партію реформъ, ни Мадрида, ни партію революціи. Они вѣдали, что демократія воскресла въ Италіи и съ помощію ея надѣялись достигнуть своей цѣли.

... Начало царствованія Пія IX вовсе не обѣщало того оптимизма, который онъ возбуждалъ апосѣбствомъ. Онъ не торопился ни выдѣлать свою политику, назначивши статсъ-секретаря, ни приступить къ реформамъ; напротивъ тому онъ учредилъ временную конституционную комиссію изъ шести членовъ, между которыми были кардиналы Ламарускини и римскій губернаторъ Марини; амаи немалыя за свою жестокость. Народное негодованіе выразилось въ молчаніи и крикахъ: «Амнистію, святой отецъ, амнистію!» Наврочно онъ думалъ приобрести народное расположеніе дѣйствительными частными благодѣяніями, — народъ требовалъ большаго. Пришлось уступить, и 16 іюля была дарована амнистія. Хотя она была съ многочисленными ограниченіями, но все-таки эта уступка обществу и низній образовала народъ, и восторженный кликъ: «Хвіа Ріо пово!» промесся по всему полуострову. Невозможно изобразить того восторга, который почувствовала партія Джобертти при этомъ вступленіи новаго папы на путь реформъ.

«Хотя я сдѣлался католикомъ», говорятъ Монтанелли: — но до сихъ поръ я не могъ примириться съ папствомъ. Смерть Григорія XVI встала меня при окончательной отдачѣ циркуляра къ итальянскимъ священникамъ. Взять точкой отправленія прелатія антивапистской протестанціи, начатой Давте и продолжаемой Саваролою, я старался доказать духовенству необходимость идти по ихъ слѣдамъ. Но когда я увидѣлъ неожиданнй блескъ этого луча въ Ватиканѣ, я задумалъ, что правдѣе выше всѣхъ человеческихъ расчетовъ; можетъ быть въ намѣреніяхъ Бога, чтобъ даже быль разрушителемъ политическаго папства и возстановителемъ евангельскаго католицизма, и я со всѣмъ истосердочіемъ дружащаго шестералъ крики Квиринала: «аа адраистаетъ Піи IX!»

«Узнавша пресобравующаго папства открывала передо мной удивительную перспективу, гдѣ любовь къ отечеству, демократія, революція получали взаимное удовлетвореніе. Итальянцы, я видѣлъ разрозненные члены мисно отечества составляющими одно тѣло, которое приносило жизни и единства былъ въ Римѣ, котораго управляющая часть была власть, охватывающая все христіанское общество. Демонстръ, я видѣлъ народъ вставшимъ для завоеванія свободы и просвѣта подъ ауспіями религіи, священныхъ съ предомъ въ

Через некоего иностранца потом неоднократно Тибра готовило и некоторые кварталы в Риме. Названные студенты посидели и переслали собранные деньги римским студентам, проса их занять раздачей. Письма, обильные по этому случаю, послужили прелюдией национальной федерации между школами.

Сближившись таким образом, либералы рѣшились идти къ завоеванію свѣтѣйшаго права повѣйшаго общества, — свободы прессы. Дѣйствуя съ одной стороны нестремствомъ листовъ, вынужденныхъ изъ тайныхъ типографій, Монтанелли съ другой стороны работалъ въ римскихъ журналахъ, покаявъ всю важность участіемъ цензуры въ церковной области. Первый политическій журналъ, основанный съ разрѣшенія папы, былъ Современникъ (Contemporaneo). Несмотря на скромность и осторожность редактора, несмотря на позволеніе Пія IX разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, григоріанская партія была раздражена до мела. Цензоръ, назначенный для этого журнала, былъ образцомъ неумѣности и чужбодія; онъ до такой степени неважалъ статьи, что часто заставлялъ несчастныхъ авторовъ жаловаться самому Пію IX. Такое патинное положеніе дѣлъ заставляло обратиться къ тайнымъ типографіямъ. Одинъ изъ возвратившихся изгнанниковъ, Старбини, сталъ издавать журналъ «La Santinella del Campidoglio». Онъ призывалъ народъ стать иеде знамя реформы и проповѣдовалъ имплементацию коммуны. Впечатлівое, произведенное этимъ журналомъ, было громадное. Его читали не-рочно, изъ него слышались предѣлы спекуляціи и контрабанды... Піи, узнавъ изъ редактора, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прекратить ширину изданія журнала, общия либеральный уставъ о сантопечатавіи. Дѣйствительно 16 марта общанный указъ былъ изданъ, но онъ далеко не удовлетворялъ общинъ ожиданіямъ.

Между-тѣмъ Монтанелли не переставалъ работать въ «Современникѣ». Въ странѣ инквизиціи и бюрократіи онъ доказывалъ абсолютную свободу мысли. Понимая важность представлять папу осуществителемъ идей Джефери, онъ публиковалъ некоемъ отрывкомъ изъ «Новаго іезуита», отвѣсавшихся къ Пію IX. Папа былъ въ восторгѣ, но ретроградная партія сильно роптала. Неудовольствіе ея еще болѣе усилилось съ появленіемъ новаго цензурнаго устава. Вотъ что писалъ объ этомъ Мазя, одинъ изъ редакторовъ Contemporaneo. «Въ то время, когда мы честно держимся въ предѣлахъ укрѣпленности, партія обскурантовъ тихонько старается отбросить насъ съ пути въ то положеніе, въ которомъ мы были до востановленія Пія IX на престолѣ. Если-бы мы не успѣли въ своихъ дѣлахъ умыслить, мы обязаны этимъ силѣ общественнаго мнѣнія. Противъ насъ, мы всту-

владѣть срашшею борбою. Папа держится твердо, но въ концѣ недостають рѣшимости удалить отъ себя людей совершенно враждебныхъ духу эпохи. Великій день открываютъ какую-нибудь изъ нихъ продѣлокъ, а межъ тѣмъ ихъ не смѣляютъ. О, еслибъ ты знала нашу борбѣ, нашу энергію въ войнѣ съ этой партіей, старающейся надъ рукою разрушить все полезное! Если журналы вдругъ перестали появляться, то не потому чтобъ избавиться отъ платы за клѣймо, но чтобъ протестовать противъ указа о печати, оставленнаго въ духѣ старой вражды противъ великой свободы пренія. Если угрозы, заключающіяся въ законахъ, не осуществяются, это надо приписать бдительности и твердости общественнаго мнѣнія, мужеству писателей и добротѣ государя. Мысль этого указа была превосходна; первоосвященникъ хотѣлъ осуществить ее, но государственная канцларія, заранѣе душою прошедшаго, все искавила. Партія оппозиціонистовъ употребляетъ все усилія, чтобъ овладѣть умомъ папы и управлять имъ по своему произволу. Устоитъ ли онъ?.. Народъ, народъ! На него надо дѣйствовать! Въ прошлый четвергъ крики, провожавшіе карету первоосвященника, тронули всѣхъ добрыхъ гражданъ и утратили злыя. «Да здравствуетъ Пій IX одинъ! святой отецъ, доверьтесь народу!» кричали транспотерицы... Враждебныя демонстраціи употребляютъ только противъ министерства.»

Итакъ обаяніе Пія IX продолжалось. Ни Монтанелли, ни другіе либералы реформатской партіи не понимали, что папа дѣлалъ уступки только потому, что не могъ ихъ не дѣлать, повинувшись и требованіямъ народа, и требованіямъ графини Клары Колонны, имѣвшей на него большое вліяніе! Но это непониманіе истиннаго характера первоосвященника нисколько не ослабило дѣятельности реформистовъ; напротивъ того энергія ихъ удвоилась, видя Пія IX вождемъ движенія.

Полные такихъ убѣжденій, тосканскіе либералы продолжали дѣйствовать посредствомъ прокламацій. Несмотря на всю бдительность полиціи, несмотря на то, что тюрьмы были наполнены виновными и подозрѣваемыми, листки не переставали выходить въ свѣтъ... «О, тосканское министерство, восклицаетъ Минимусъ въ одномъ изъ листовъ: — о, бѣдное министерство, падающее подъ тяжестью накопившагося давно гнѣва! Какъ мало имѣешь ты смысла, чтобъ идти противъ потока, со всѣхъ сторонъ тебя окружающаго? Почему ты позволяешь обманывать себя грубыми хитростями австро-іезуитизма? Почему одно ты между всѣми министерствами проводишь дни и ночи, мечтая о заговорахъ въ городахъ, бунтахъ въ деревняхъ, наполняя тюрьмы невинными или сумасшедшими? Какъ не притѣшься ты, что здравый смыслъ любезнаго народа, который»

ты управленье, не дозволяетъ ему командировать революцiонными движенiемъ судьбы Италiи, когда кажется все въ заговорѣ для ея близкаго освобожденiя? Какъ ты не видишь, что смута и ропотъ произведишь ты, а не народъ?..»

Но въ то время, когда прокламации готовы были произвести свое дѣйствiе, неожиданныя препятствiя встрѣтили партiю реформы; препятствiя эти заключались въ революцiонномъ формализмѣ и въ академическомъ либерализмѣ. Первые признаки революцiоннаго формализма обнаружился въ Ливорно. Изгнаннымъ унѣмъ привлечь на свою сторону колѣеница Бартоломи, пользовавшагося огромнымъ влiенiемъ на народъ. Онъ немедленно составилъ заговоръ съ цѣлью произвести революцiю. Число его сообщниковъ уже дошло до трехсотъ, когда Монтанелли узналъ о существованiи этого общества. Онъ немедленно вошелъ въ сношенiе съ наиболѣе значительными его членами. Онъ доказывалъ имъ, что заговоры и восстанiя несодѣлательны; первые должны имѣть какъ можно больше сообщниковъ, вторые исполняются предельными въ движенiе массами; онъ доказывалъ, что всякій насильственный переворотъ отягчаетъ гражданъ отъ усвоенiя принциповъ и становится ненадежнымъ. Слова его убѣждали заговорщиковъ и они рѣшились идти по пути реформы. Едва только окончилось это дѣло, какъ появилась прокламациа изъ Пистойи, объявлявшая всѣхъ реформистовъ избѣжниками отечеству. Нѣкто Доренцо Гарибальди написалъ памфлетъ противъ Карла Альберта, гдѣ реформисты снова были обруганы. По всѣмъ вѣроятiямъ это было дѣло Австрiи. Тайная пресса вооружилась всѣми громами на пораженiе революцiонеровъ крайней партiи. Въ это время новая опасность явилась со стороны Малакки: знаменитый демагогъ былъ недоверчивъ медленностью патриотовъ, онъ смѣшалъ реформистовъ съ академической партiей, онъ не видѣлъ въ нихъ стремленiя къ единству и совѣтовалъ имъ имѣть поведенiе или дожидаться всецѣпкой великой европейской революцiи. Съ этой цѣлью, какъ объявилъ онъ Лафонду, онъ хотѣлъ выдать брошюру подъ заглавiемъ: «партiя умѣренныхъ и партiя дѣлствiя.» Монтанелли получилъ вѣдѣстiе объ этомъ намѣренiи въ самый критическiй моментъ, когда онъ изъ всѣхъ оныхъ трудился прилагать движенiю болѣе жизни. Домъ его былъ постояннымъ обороннымъ мѣстомъ всѣхъ либераловъ; самъ онъ трудился день и ночь для составленiя статей для тайныхъ тивографiй, для римскихъ и пьемонтскихъ журналовъ. Остальное время поглощали лекцiи, защита въ судѣ обвиняемыхъ либераловъ и обширная корреспонденцiя. Бѣ завершенiю всего, его предупредили, что онъ будетъ скоро арестованъ. Пораженный опасностью, предстоящей со стороны Малакки,

Монтавелли рѣшился писать къ вамъ. Изложивъ исторію своихъ вѣрованій, онъ изложилъ такъ: «свѣтлость и безпристрастное стремленіе къ истинѣ заставили меня разойтись съ вашей программой на двухъ пунктахъ: 1) Что касается до религіи, вы утверждаете въ послѣднемъ изданіи сочиненія о братьяхъ Бондіера, что католицизмъ умеръ; я же въ него вѣрую, я считаю его полнымъ жизни и думаю, что всѣ необходимыя реформы могутъ совершиться посредствомъ протестовъ даже въ иѣдрахъ самой церкви. 2) Что касается до революціонныхъ заговоровъ, свѣтлость показала, что они никогда не достигаютъ цѣли и вмѣстѣ того, чтобъ возродить духъ, разарываютъ его. Я согласенъ съ вами относительно будущей демократіи, считая конституціонализмъ только переходнымъ состояніемъ; я согласенъ съ вами относительно права инсургенціи, когда движеніе самородно, а не искусственно; я согласенъ съ вами относительно организациіи всякаго нашего движенія въ виду завоеванія національнаго единства, но я не думаю, что для достиженія этой цѣли необходимо объявлять войну всѣмъ существующимъ династіямъ. Важный фактъ, безъ котораго мы не приобретемъ никогда единства, принадлежитъ къ области нравственной, а не политической. Надо много любить и всѣмъ жертвовать для единства. Если бы въ каждомъ городѣ были люди старшіеся показать примѣръ братскаго соединенія, — рано или поздно, такъ или иначе мы достигли бы единства политическаго... Вамъ говорили о двухъ партіяхъ, существующихъ у насъ, — умѣренной и радикальной. Это проклятое раздѣленіе есть дьявольская выдумка, чтобъ отбавить препятствія великому дѣлу возрожденія. Въ Италіи два рода либераловъ: одни, которые дѣйствуютъ, другіе, которые выѣзжаютъ на фразы. Между первыми есть люди полные чувства долга и религіи, число ихъ незначительно, а между тѣмъ только на нихъ покоится будущность Италіи. Надо, чтобъ они были тѣсно соединены между собою, чтобъ боролись противъ препятствій единодушно. Надо быть немощными только относительно общихъ принциповъ, невѣдущими къ иноземному игу, уваженія къ религіи, необходимости реформъ; что же касается до политическаго нововѣденія, надо сообразоваться съ обстоятельствами. Что годится въ Римѣ — не годится во Флоренціи; правительства, которая сдѣлала шагъ къ либерализму, должны быть поощрены и защищаемы; правительствамъ же опирающимся на иноземцевъ, не должно давать ни минуты отдыха до тѣхъ поръ, пока они не разорвутъ яготъ ностальдическій союзъ... Будьте увѣрены, что если въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ различныя партіи, это зависитъ не отъ того, чтобъ онѣ понимали политическую теорію различно, но потому что тамъ чувствуется недостатокъ въ преданныхъ людяхъ.

Вездѣ гдѣ они находятся, они умѣли прекратить раздоры и направить всѣ дѣйствія къ одной цѣли, вездѣ гдѣ ихъ нѣтъ — подъ именемъ борьбы принциповъ скрывается борьба личныхъ интересовъ и политическія дѣйствія становятся орудіемъ личныхъ страстей. Не знаю каковы ваши идеи о папѣ; что касается до насъ, мы его любимъ и вѣримъ, что необходимо помогать ему. Пій IX свѣтѣльская душа, полная кротости. Онъ думаетъ только о томъ какъ бы дѣлать добро и уже много его сдѣлалъ. Появленіе этого удивительнаго человека на тронъ св. Петра — событіе великое! Сила Пія IX въ любви. Если онъ почувствуетъ, что Италия искренно любитъ его, онъ не знаетъ самъ гдѣ остановится, но если ему не доставитъ нравственной опоры, я боюсь, что онъ потеряетъ присутствие духа и струситъ. Въ этомъ смыслѣ партіи, возникающія въ Романьѣ, могутъ сдѣлать большое зло. Какое было бы несчастье, еслибъ неблагодаруміе нѣкоторыхъ либераловъ заставило первосвященника возобновить политическіе процессы.

Старыя учрежденія должны быть обновлены, но папѣ не надо упускать изъ виду, что главнѣйшій нашъ врагъ — несогласіе. И теперь, когда Богъ такъ чудесно послалъ человека, котораго уважаемое имя можетъ быть нашимъ общимъ знаменемъ, было бы большою ошибкой пропустить такой удобный случай... Я всегда думалъ, что единство Италиі иначе не можетъ осуществиться, какъ посредствомъ уступокъ радикаловъ и сближенія ихъ съ тѣми, которые хотятъ меньшаго, потому большая глупость допускать въ политикѣ девизъ: все или ничего. Всякій шагъ есть завоеваніе...»

Это письмо подействовало на Мадзини: онъ отказался отъ намеренія публиковать брошюру, хотя остался при своемъ мнѣніи и въ длинномъ письмѣ изложилъ Монтанелли свою теорію.

Въ это же самое время Монтанелли принужденъ былъ бороться и съ академической партіей. При первыхъ извѣстіяхъ о реформахъ Пія IX, Массимо д'Азеліо сталъ проповѣдывать романцамъ терпѣніе, совѣтуя имъ спокойно дожидаться дальнѣйшихъ преобразованій. Чезаре Бальбо пошелъ еще далѣе: онъ осуждалъ всѣ демонстраціи, тайную печать, сборища на площадяхъ, и снова повторялъ старую нелѣпность, что освобожденіе Италиі зависитъ отъ распространенія господства Австріи на востокъ. Графъ Дипти допывалъ, что не дѣлать реформъ потому только, что ихъ требуютъ. Партія Каппона сначала тоже держалась этого же мнѣнія. Ориоли, Монтанари и другіе, были на сторонѣ д'Азеліо и Бальбо. Либералы едва успѣвали отписываться. Монтанелли написалъ возраженіе главнѣйшимъ изъ противниковъ. Тайныя типографіи прекратили свои работы для того, чтобы отнять всякій предлогъ у правительства не

двѣсти реформъ. «Мы предлагаемъ на некоторое время наши задачи, — писалъ Керъ Фенци, — чтобъ позволить дѣйствовать тѣмъ важнымъ лицамъ, которые осуществили вашу дѣятельность; мы готовы сдѣлать за ними по всякой дорогѣ, способной привести насъ къ цѣли; мы готовы оставить тайную мечту, намъ только получившю некоторую свободу прессы, позволяющую намъ открыто высказать наше мнѣніе.

Эта система дѣйствій произвела свое извѣстное. Тосканское министерство вынужденнымъ вышло уступить на некоторыя пункты общественному мнѣнію. Оно учредило въ Римѣ особое посольство, тогда какъ прежде Тоскану представлялъ австрійскій посланникъ; оно учредило нормальную школу въ Пизѣ и назначило комитетъ для организаціи школъ первоначальнаго образованія, и въ тоже время арестовывало либераловъ, выгнало Матильду Капанарина, основательницу евангелическихъ приютовъ, наказывало за сочувствіе къ Пію IX, какъ за политическое преступленіе; отдало мѣгровы профессорамъ Чезареанты и Монтанелли. Несмотря на все это, движенія нельзя было остановить, и 6 мая была опубликована указъ о казньпечатаніи; 1 іюня была дана амнистія за политическія преступленія и обѣщаны разныя реформы. Въ сущности либералы выиграли не много: предварительная цензура была оставлена, цензурные комитеты имѣли предѣлителями начальниковъ мѣстной полиціи, цензорамъ запрещено было одобрять статьи, которыя, хотя *непрямо*, могли нарушить общественный порядокъ, слѣдовательно прощавоу ихъ не было границъ. Отдѣленіе судебной власти отъ полиціи завистью отъ комиссіи, назначенной для составленія новаго уголовного уложенія, а не было никакой надежды, чтобъ она скоро окончила свои занятія, тѣмъ болѣе, что президентомъ ея быть начальникъ полиціи. Что касается до муниципальныхъ реформъ, улучшенія проектировались на основаніи прежней системы; основаніе же это было рабство, а не свобода. Таковы были распоряженія Балдасерони, обязаннаго мѣстомъ министра полаганымъ в молчалинскому терпѣнію. Точность на службѣ, любовь къ бюрократическому труду, ханжество, были его отличительныя качества. Чиновникъ прежде всего, онъ преслѣдовалъ паразитовъ, и старался придать бюрократіи какъ можно болѣе жизни, — для бюрократіи онъ готовъ былъ пожертвовать даже ханжествомъ. Видя невозможность противиться общественному мнѣнію, онъ вздумалъ обмануть его, ограничить реформы фразами.

Тосканскіе патриоты принуждены были показать видъ, что довольствуются этими уступками. Оставалось рѣшить вопросъ, кто сильнѣе, — они или министерство. Въ первомъ случаѣ всѣ оговорки,

назначенныя прекратить политическій смыслъ реформъ, объявлялись бесполезными; во второмъ — самыя реформы ничего не значили. Предлогомъ борьбы послужило правдоподобіе годовщины вѣснества Пія IX на престолѣ. За нѣсколько дней до праздника Балласерони, встрѣтившись съ Монтанелли въ палаццо-веккио, пригласилъ его къ своей кабинету и требовалъ, чтобы онъ обдзаялъ воспрещителствовать замышляемой демонстраціи, угрожая даже въ противномъ случаѣ призвать австрійцевъ. Монтанелли отказался на-отрѣвъ. Тогда Балласерони сталъ дѣйствовать черезъ другихъ: черезъ Каппони, черезъ Табарини, стараясь взорвать самолюбіе Монтанелли. Вѣда безуспѣшность этихъ мѣръ, онъ за день до праздника опубликовалъ грозный указъ противъ сборищъ на площадяхъ. Монтанелли остался непоколебимъ и созвалъ начальниковъ народнаго движенія. Мишотръ, узнавъ объ этомъ, написалъ къ нему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что правительство рѣшилось на этотъ разъ не приводить въ исполненіе указъ о сборищахъ.

Подобная же борьба ожидала Монтанелли и литературномъ поприщѣ. Съ изданіемъ новаго уложенія о цензурѣ, явились три политическіе журнала: «Patria», «Alba» и «Italia». Редакторомъ первой былъ Сальваньоли, ученый адвокатъ, страстный половецникъ Франціи и философъ XVIII вѣка, мастерики владѣвшій эмгранкой. Онъ строго осуждалъ вялую Флоренцію, академическій либерализмъ Каппони и всю надежду возлагалъ на провинціи. Сотрудниками его были Ламбускини, Риказола, Табарини и Вуви. Редакторомъ журнала «Alba» былъ енцилиецъ Іосифъ Ласарини (1), врагъ папства, поклонникъ социализма. Его не ослѣпили ни на минуту минныя реформы Пія IX, и онъ, въ минуты самаго пылаго энтузіазма народа къ нервосвященнику, открыто возставалъ противъ папства. Сотрудниками его были Атто Ватугчи (2), Іосифъ Маттеони, Генрихъ Мейеръ и Аквероне. Журналъ этотъ былъ самый популярный.

Монтанелли былъ редакторомъ журнала «Italia». Девизомъ онъ избралъ реформы и національность, разумѣя подъ первой внутреннюю революцію, подъ второй олицетвореніе итальянской народности и изгнанія чужеземцевъ. Эти два слова, опредѣляя двойную цѣль движенія, не исключали ни одного изъ будущихъ завоеваній, къ которымъ патриоты стремились. Предлагая реформы, они понимали осуществленіе ихъ по мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе будетъ приготовлено ихъ требовать. Сотрудники Монтанелли были Бискариди, Чентофанти, Джорджини, Фабрици: Журналъ его разо-

(1) Въ послѣдствіи авторъ «Storia d'Italia dal 1814 al 1850».

(2) Въ послѣдствіи авторъ «I martiri della libertà italiana».

днани преимущественно между образованнымъ обществомъ и либеральнымъ духовенствомъ.

Многочисленные пренатотвія ожидали новыхъ журналистовъ. Надо было денегъ — человекъ пятнадцать-шестнадцать сложился, чтобъ оплатить первые номера. Нужна была контора — Монтанелли отдалъ подъ нее свою квартиру. Нужны были конторщики, корректоры, секретари — сами сотрудники заняли эти должности: хлопотали по цензурѣ, наблюдали за типографіей, складывали номера, писали адреса.

Первое пренатотвіе со стороны полиціи состояло въ запрещеніи писать о ссорѣ между сивенскими студентами и солдатами. Цензоръ Вонанини, которому Монтанелли представилъ статью, показалъ ему секретное предписаніе. Такое нарушеніе только-что изданнаго закона дозволяемо его, и онъ составилъ протестъ, который цензоръ одобрилъ. Министръ Чоминни, прочитавъ этотъ протестъ, объявилъ, что министерство несколько не виновато въ циркулярѣ, который оказался дѣломъ начальника полиціи. Дѣло дошло до великаго герцога и полиція осталась виновата. Другой подобный циркуляръ едва не вызвалъ протеста всей флорентинской журналистики. Ретроградъ принужденъ былъ успокоиться.

Съ этихъ поръ дѣло національнаго единства быстро подвигалось. Приміръ Тосканы былъ заразителенъ. Неудержимое стремленіе къ федерации овладѣло сперва городами, потомъ деревнями; до сихъ поръ сельскія общины сохраняли свою ненависть и берегли какъ святыню трофеи прежнихъ междоусобныхъ войнъ. Долговременная тиранія, задушевные, сильные и благородныя страсти среднихъ вѣковъ оставили нетронутыми мелкія и иррегулярныя страстишки той эпохи; пробужденіе народнаго сознанія сбросило это печальное наслѣдіе варварства. Всякое воскресеніе на зеленой равнинѣ или на вершинѣ холма воздвигался алтарь, жители враждебныхъ коммунъ прибѣгали къ нему и кланьсь отречься отъ старой вражды въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей изъ окрестныхъ деревень. Это единодушіе придавало удивительную быстроту движенію. Реформы слѣдовали за реформами во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, кромѣ Неаполя. Либеральная партія Тосканы и Пьемонта требовала реформъ по примѣру римской области; римскіе либералы требовали реформъ по примѣру другихъ государствъ; такимъ образомъ, поддерживая другъ друга, они быстро шли къ своей цѣли — освобожденію Италіи. Эта цѣль до такой степени овладѣла умомъ Монтанелли, что онъ сталъ противникомъ конституціи, которую легко можно было получить въ то время. Онъ боялся вѣдъ "математика" Австріи и трусовости другихъ итальянскихъ государей;

онъ полагалъ, что Пій IX никогда не дастъ конституціи, а потому тѣмъ народъ будетъ ее требовать и тогда переселенцу останется сверотить на дорогу своихъ предшественниковъ; онъ ожидалъ конституціи сперва въ Неаполь или Неаполь, и тогда уже рѣшался требовать ее для Тоскацы. Сохранить Пія IX во главѣ движенія было для Монтанелли дѣломъ первой важности; узнать его намѣренія было необходимо, прежде чѣмъ приступить къ войнѣ за независимость Италіи. Монтанелли рѣшился отправиться въ Римъ. Путешествіе его лучше всего показываетъ, какимъ вліяніемъ онъ пользовался. Его провожали цѣлыя населенія втеченіи нѣсколькихъ часовъ; къ нему высылались депутаты, ему говорились пріятельскими рѣчи; общая симпатія показывала, что народъ оцѣнилъ труды его, что время дѣйствія пришло.

Приѣхавъ въ Римъ, Монтанелли встрѣтилъ разныя затрудненія со стороны ретроградной партіи, которая пыталась помѣшать ему получить аудіенцію у папы, но старшія тосканскаго посланника сдѣлали эти интриги безуспѣшными, и вечеромъ 2 ноября была назначена аудіенція.

— Когда я вошелъ въ комнату, говоритъ Монтанелли: — Пій IX сидѣлъ за рабочимъ столомъ, на которомъ разбросано было множество бумагъ и нѣсколько книгъ. Комната была ни слишкомъ велика, ни мала, и единственная цилиндрическая лампа, поставленная на столѣ, разливала слабый, но пріятный свѣтъ. Чтобы вывести меня изъ затрудненія и дать предметъ разговору, Пій IX спросилъ, какой предметъ я преполою. Но у меня слишкомъ много было на душѣ, чтобы тратить время по пустякамъ, и потому я испросилъ позволеніе у св. отца высказать ему нѣкоторыя размышленія о разныхъ политическихъ вопросахъ. Онъ казался расположеннымъ меня выслушать.

Я началъ къ нему съ твердымъ намѣреніемъ посоветовать ему держаться либеральной политики, идти откровенно по пути реформъ, чтобы кончить съ нелѣпнымъ предразсудкомъ, что геній католицизма несовмѣстенъ съ геніемъ свободы. Не надо обольщать себя непопулярностью криковъ: *viva Pio nono*, говорилъ я; они происходятъ не отъ живости религіознаго чувства. Крикъ этотъ не значитъ; да здравствуетъ папа! Италіи почитаетъ въ вашемъ святѣйшествомъ челоуѣка провидѣнія, отъ котораго она ожидаетъ независимости, единства и свободы. Миръ рукокладаетъ праведному, который началъ свое царствованіе амнистіей.

— Это правда, перебилъ Пій IX: — и признаюсь, что ничто не было бы мнѣ такъ пріятно, какъ слышать вмѣсто *viva Pio nono* — *viva santo padre*, потому что первый крикъ политическій, второй же

религіозный; первый относится лично ко мнѣ, второй — къ намѣстнику св. Петра.

— Это ничего! возразилъ я: — Піи IX можетъ чудесно обдѣлать дѣла св. отца. Уже много значить то, что народы привыкають видѣть въ немъ представителя правосудія. Ихъ любовь къ Пію IX приводитъ ихъ къ религіи, которая его вдохновляетъ.

— Это также правда.

Піи IX очень ясно понималъ революціонное могущество своего имени.

— Карлъ-Альбертъ, сказалъ онъ: — не хочетъ уступить. Но этотъ народъ также началъ крикомъ: viva Pio novo! надо, чтобъ король, въ свою очередь, также приступилъ къ реформамъ. Между тѣмъ онъ жаловался на крайности, которыя были совершены въ некоторыхъ народныхъ движеніяхъ, совершонныхъ во имя его. Представьте себѣ, сказалъ онъ: — что въ одномъ городкѣ Калабріи народъ вынулъ изъ тюрьмы мошенниковъ. Разсудите, могъ ли я молчать? Одинъ изъ редакторовъ журнала «Alba», сеньоръ Лафрина сказалъ, что мои слова отнимають всякую надежду; но я ободрить его, какъ ободрю всѣхъ...

Эта оиѣсь простоты и невиннаго лукавства, граціи и кроніи дѣлали Пія IX существомъ привлекательнымъ, хотя далеко не соответствующимъ тому идеалу, который я составилъ. Но у меня опустились руки, когда онъ заговорилъ о свободѣ печати, о войнѣ за независимость, объ іезуитизмѣ — насущныхъ вопросахъ, которые революція торопила настѣрѣшить.

Римъ въ это время былъ въ большомъ волненіи по причинѣ притѣсненій свободѣ печати. Журналы «Contemporaneo» началъ на такъ называемую католическую партію въ Швейцаріи и Бельгіи. Іезуиты и іезуитствующіе подняли изъ этого шумъ и гвалтъ, хоть святыхъ вонъ понеси. Правительство, не осмѣливаясь имъ противиться, осудило статью, изгнало автора на время изъ Рима и смѣнило цензора. Либералы съ своей стороны не сочли себя побѣжденными: всѣ журналы, по духу солидарности, перестали выходить въ свѣтъ; народъ изволицовался и правительство нашлось вынужденнымъ отиѣнить свои распоряженія.

Эти событія доставили мнѣ случай говорить въ пользу свободы прессы, но на всѣ мои доказательства онъ возражалъ одно: какъ пана, я отецъ всѣхъ государей; какъ же вы хотите, чтобъ я позволялъ ихъ оскорблять печатно въ столицѣ католическаго міра.

Что касается до войны, Піи IX считалъ ее неизбежной и, какъ итальянецъ, желалъ изгнанія чужеземцевъ: но здѣсь, опять онъ ставилъ препятствіемъ свое духовное значеніе; онъ утверждалъ, что

какъ papa онъ не можетъ объявить войны Австріи. Но, возразилъ я, когда вся Италия, исполненная энтузіазма, сдѣлаетъ воззваніе къ оружію, когда возставшая Ломбардія призоветъ на свою помощь итальянское юношество, подавленные нашего святѣйшества не захотятъ ли принять участія въ борьбѣ?

— Я прелвижу, отвѣчалъ онъ: — что въ такомъ случаѣ невозможно будетъ остановить ихъ... Тогда они пойдутъ...

По вопросу объ іезуитахъ вотъ какія были его слова: «я не дѣлаю различія между іезуитами и другими монашескими орденами. Джоберти въ своей книгѣ: «Новый іезуитъ», говоритъ языкомъ неприличнымъ христіанину, тѣмъ болѣе священнику. Выше іезуитовъ въ томъ, что они слишкомъ неблагоразумны. Еще недавно я помѣшалъ имъ сдѣлать большую глупость... Достаточно, чтобы ихъ отецъ-генералъ пришолъ сюда, чтобы закричали, что papa въ рукахъ іезуитовъ...»

Аудіенція продолжалась около двухъ часовъ. Глубоко убѣжденный, что въ тогдашнемъ состояніи Италии, лишенной единства политическаго и правственнаго, едва избѣгшей рабства, безъ ясно-опредѣленныхъ принциповъ свободы, глубоко убѣжденный во всемъ этомъ, я думалъ, что имя Піа IX, оставшееся чистымъ и уважаемымъ въ переходномъ хаосѣ революціи было бы для насъ божественной помощью: подстрекало бы однихъ, сдерживало другихъ, братски соединяло бы всѣхъ; глубоко убѣжденный въ томъ, что если, по несчастію, это имя потеряетъ свое обаяніе прежде, чѣмъ мы составимъ націю прочно-организованную, мы рискуемъ раздробиться на тысячи безсильныхъ партій. Подумайте, что я былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ и вы поймете, съ какою жаромъ я усиливался тронуть сердце Піа IX для убѣжденія его употребить свою популярность на пользу Италии. Я чувствую, сказалъ я, что все будетъ потеряно въ тотъ день, когда, обращаясь къ массамъ, мы не въ силахъ будемъ кончить нашу рѣчь крикомъ: viva Pio nono! Любовь къ Италии восторжествовала надъ моею республиканскою суровостью, и я бросился къ ногамъ первосвященника, умоляя его не оставлять Италію! а онъ взявъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «вы меня вдохновляете.»

По выходѣ изъ дворца, я остановился на площади Квиринала. Тамъ, среди торжественнаго спокойствія ночи, нарушаемаго только однообразнымъ шумомъ фонтановъ, я представилъ себѣ священныя волненія толпы, когда ясная фигура Піа IX показывалась на балконѣ, благословляя народъ и оживляя его надежды. Никогда не считалъ я этого папу за генія, но съ тѣхъ поръ какъ я его увидѣлъ, его тусклый взглядъ, голосъ безъ симпатическихъ звуковъ, разо-

порь отличающійся скорбю ироніей, заставили меня судить о немъ иначе... Въ моихъ глазахъ остался (а я былъ еще только полуразочарованъ) священникъ, одушевленный добрыми наиврѣніями, болѣе чувствительный, чѣмъ глубоко чувствующій, брошенный въ свѣтъ, котораго не понималъ; съ умомъ наивнымъ, но склоннымъ къ лживству; счастливый любовью поданныхъ, жаждущій рукоплесканій народа и готовый для достиженія ихъ идти наперекоръ мнѣнію кардиналовъ...

Послѣ этой аудіенціи, Монтанелли носѣтилъ кардинала Ферретти, отца Вентуру и Чичероваккіо. Первый — мнительный, чувствительный, не понималъ ничего въ государственныхъ дѣлахъ и потому для помощи себѣ пригласилъ брата своего Петра, человека хотя ученаго и съ желаніемъ добра, но слабого и мелочнаго. Отецъ Вентура и Чичероваккіо были предводителями народа: Одинъ театвскій монахъ, пытался примирить папство съ демократіей, требовалъ уничтоженія всякаго земнаго владычія и признавалъ только одно правительство — духовное, мечталъ о свободѣ совѣсти, прессы и коммуны, однимъ словомъ хотѣлъ нравственнаго вліянія церкви и то по убѣжденію. Другой, истинный типъ римскаго плебея, выражалъ интересы народа. Человѣкъ твердой воли, не подчинявшійся ничему внушнему, онъ напоминалъ древнее величіе владычествъ вселенной. Мнимый либерализмъ Піа IX не ослабилъ его и онъ участвовалъ во всѣхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ цѣлью полученіе реформъ. Онъ уважалъ и любилъ папу до тѣхъ только порь, пока онъ дѣйствовалъ въ интересахъ народа. При малѣйшемъ отступленіи онъ готовъ былъ идти противъ него.

Такимъ образомъ Монтанелли увидѣлъ, что пробужденіе народа въ Римѣ совершилось, что въ случаѣ войны за независимость можно смѣло рѣсчитывать на содѣйствіе римлянъ, но въ тоже время онъ убѣдился, что на Піа IX нечего надѣяться. Грустно было ему разстаться съ утѣшительнымъ видѣніемъ, но мало-помалу онъ пришелъ къ убѣжденію, что нельзя ожидать освобожденія отъ папскаго Рима; онъ повѣлъ, что демократія и папство не могутъ существовать вмѣстѣ. Массы могутъ ошибаться, папа считаетъ себя непогрѣшимымъ, следовательно имѣетъ полное право не обращать вниманія на требованія большинства. Нѣкоторые богословы ограничиваютъ непогрѣшимость папы сферой религіозной и нравственной, но догматы и нравственность имѣютъ множество точекъ прикосновенія съ наукой и жизнью, и никакъ нельзя точно разграничить ихъ предѣлы. Возрожденіе папства возможно только цѣной отреченія отъ римской власти, а какой папа согласится на это?

Римъ скоро въ эти размышленія представилъ уму Монти-

недѣля, дѣятельность его принимаетъ другой характеръ: онъ отдается на демократію и въ солидарности народовъ ищетъ освобожденія и счастья Италіи.

Перваго января 1848 года многочисленная толпа народа готовилась пригнати папѣ поздравленіе съ новымъ голомъ, Чичероваккіо и депутаты отъ кварталовъ одѣлись въ лучшія свои платья и хотѣли уже вести процессію, какъ вдругъ явились папскіе карабинеры и объявили, что дворець запертъ и что если они осмѣлятся показаться на улицу, то будутъ разбиты сабельными ударами. Негодованію народа не было предѣловъ: какъ бурное море шумѣло и волновалась толпа. Дѣло едва не дошло до оружія; къ счастью, сенаторъ Корсини, отправленный депутатомъ къ папѣ, явился съ отвѣтомъ, что Пій IX довѣряетъ народу и въ доказательство на другой день пойдетъ прогуливаться по городу.

Дѣйствительно, въ назначенное время папская карета выѣхала изъ воротъ Кваринала. Весь ковшой состоялъ только изъ четырехъ человекъ, да и тѣ имѣли сабли въ ножнахъ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ первосвященника и тѣснился вокругъ его кареты. На козлы влѣзъ одинъ транстеннинецъ, на задатки Чичероваккіо: онъ держалъ въ рукахъ знамя, на которомъ было написано: «свѣтлой отецъ, правосудіа! народъ съ вами!» Нѣкоторые крики радости раздаются при видѣ этого знамени, смѣшиваясь съ воплями негодованія противъ министерства. Восторгъ народа показался Пію IX подозрительнымъ, и съ нимъ сдѣлалось дурно. Карета поворотила во дворець. Тщетно дождалась толпа благословенія первосвященника. Балконъ растворился; «свѣтлой отецъ бодри!» раздалось съ высоты его, и смущенный народъ въ молчаніи разошелся по домамъ.

Папская идиллія была кончена.

12 января Палермо представляло страшное зрѣлище. Народъ густыми массами толпился на площадяхъ и улицахъ; повсюду были разставлены войска и пушки; все показывало, что ожидается чего-то необыкновеннаго. Это былъ день рожденія короля, день, назначенный республиканскою прокламаціей для произведенія революціи. Въ томительномъ волненіи стояли обѣ партіи. Вдругъ одинъ молодой палермитянинъ восклицаетъ: «къ оружію! къ оружію!» и бросается на войска; примѣръ его дѣйствуетъ заразительно: двое священниковъ благословляютъ народъ и драка начинается. На помощь сицилійцамъ безпрестанно прихлѣбятъ ночью толпы изъ окрестныхъ деревень. Напрасно ищутъ ошмыгнуть

несчастный городъ градомъ ядеръ и бомбъ. Сицилийцы остаются непоколебимы, и побѣда вѣнчаетъ ихъ усилія.

29 января въ Неаполѣ была объявлена конституція.

Такимъ образомъ непостижимое упорство неаполитанскаго двора, его система жестокостей, его непониманіе духа времени, даже движенію другой характеръ. Нація поняла, что ее ублаживали только реформами. Пришествіе Сициліи заставляло волноваться Пьемонтъ и Тоскану. Карлъ-Альбертъ, завидуя популярности Фердинанда, поспѣшилъ согласиться на требованія Санта-Розы и дать конституцію.

Крики восторга раздались въ Тосканѣ, и правительство приуждено было объявить, что оно также занимается проектомъ конституціи по образцу неаполитанской. (17 февраля) Монтанелли воспользовался этими событіями, чтобъ примирить враждующія партіи. Это отчасти удалось ему. Гератси, одинъ изъ главныхъ виновниковъ возстанія въ Ливорно, былъ выпущенъ изъ тюрьмы; многочисленные поклонники его были въ восторгѣ, но умѣренныя смотрѣли на этотъ фактъ какъ на предвѣстника новыхъ волненій. Зато Пиза единодушно праздновала приобрѣтеніе новыхъ правъ.

Болѣе всего препятствіи конституція встрѣтила въ Римѣ. Народъ требовалъ ее и оружія. Пій IX объявилъ, что нечего опасаться войны, что еслибъ столица католическаго міра находилась въ опасности, на защиту ея явились бы 200 миліоновъ вѣрующихъ, что конституціи дать онъ не можетъ и не долженъ. Новыя настоянія, выраженные посредствомъ начальниковъ національной гвардіи, заставили его нарядить комиссію, чтобъ разсмотрѣть нельзя ли расширить сдѣланныя реформы. Но пока комиссія тянула дѣло, пришло извѣстіе о февральской революціи во Франціи.

Кардиналы единогласно вотировали конституцію. Эта конституція не походила на другія: прелоставляя папѣ неограниченную власть въ дѣлахъ духовныхъ, она не опредѣляла границъ духовной области; она поддерживала участіе коллегіи кардиналовъ въ политическомъ управленіи страны; она запрещала диссидентамъ отправленіе общественныхъ должностей; она оставляла духовную цензуру и не позволяла палатамъ разсуждать.

Разумѣется такія уступки не могли удовлетворить либеральную партію, но она надѣялась разрѣшить вопросъ окончательно во время войны съ Австріей.

Монтанелли горячо сочувствовалъ общему движенію; съ 17 февраля онъ избралъ девизомъ своего журнала: *Федеральное единство и независимая національность*. Вотъ какъ объяснялъ онъ эту формулу. «Движеніе итальянское — едино, потому что всѣ мы чу-

стауемъ, что призванъ составить одно семейство. Каждый дѣльщикъ имѣлъ феодальный характеръ, еслибъ папа, король или какой-нибудь заговорщикъ, разрушивъ частные центры, соединилъ въ своихъ рукахъ верховное управление Италиі, тогда соединеніе произошло бы посредствомъ централизаціи. Но такъ какъ духъ обновленія имѣетъ источникъ свой въ вѣдрахъ націй, такъ какъ онъ съ одинаковой силой обнаруживается въ разныхъ пунктахъ, то великая цѣль не можетъ-быть достигнута иначе, какъ путемъ федерации; для этого надо, чтобъ разнородные центры итальянскихъ государствъ соединились добровольно около одного общаго центра. Какъ скоро національность одиетворится въ этомъ общемъ центръ, надо будетъ определять, что должно быть общаго между итальянскими государствами и что должно войти въ отдѣльную жизнь каждаго изъ нихъ. Слова «независимая національность» означаютъ другую великую потребность Италиі — освобожденіе Ломбардіи и Венеціи; они показываютъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на трактаты, которые узаконили это насиліе; они показываютъ, что мы не должны довольствоваться ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ подъ властью Австріи, обѣщающей ему псевдонациональность. »

При такомъ настроеніи умовъ должны были рѣшаться вопросы о представительномъ правленіи въ папской области, объ освобожденіи ломбардо-венеціанскаго королевства, о подчиненіи итальянскихъ государей сейму, управляющему во имя Италиі.

Довольствоваться полученными конституціями было невозможно, потому что революціонная сила, вырвавшая ихъ у правительства, имѣла свой принципъ въ національномъ чувствѣ; а могло ли національное чувство видѣть равнодушно ломбардцевъ подъ игомъ Австріи, римлянъ подъ игомъ папы?

Идти впередъ, значило объявить войну Австріи, разрушить свѣтскую власть папы, уничтожить самостоятельность итальянскихъ государей.

Такимъ образомъ итальянская демократія приняла на себя рѣшеніе задачъ, начатыхъ Франціей въ 1789 году. Черенки правительства во Франціи, какъ нельзя болѣе льстили надеждамъ патриотовъ: они рассчитывали на нравственное вліяніе и сочувствіе новой республики, на ея армию; громкія фразы мажореста Дамартина раздавались во всѣхъ ушахъ. «Если на независимыя государства Италиі, говоритъ онъ, будетъ сдѣлано нападеніе, если поставить предѣлы и препятствія ихъ внутреннимъ преобразованіямъ — французская республика почтетъ себя въ правѣ вооружиться.

Но еще прежде февральской революціи, въ Миланѣ стали пока-

зываются признаки сильного раздраженія: оппозиція превратилась во всѣхъ формахъ, начиная отъ коллективныхъ прошеній и оканчиваясь воздержаніемъ отъ лотерей и куренія табаку. Изъ Милана возмущеніе распространилось по всей Ломбардіи и Венеціи.

Въ такомъ положеніи наложилась Италия накануне войны съ Австріей. Моментъ былъ самый благоприятный для открытія непріязненныхъ дѣйствій: патриоты вездѣ восторжествовали, вездѣ дебились конституціи, осталось разивать ее; ретроградная партія была ослаблена и только низкими происнами производила прогресу; во Франціи была полная побѣда демократіи; Германіи возмущалась, прошикнутая со всѣхъ сторонъ новыми ученіями, полная стремленій къ національному единству и самоуправленію; народности, составлявшія Австрію, грозили отделиться; общественное мнѣніе всей образованной Европы было въ пользу итальянцевъ; казалось все обезпечивало побѣду, но нація расчитывала безъ тѣхъ владѣтелей, для которыхъ союзъ съ Австріей былъ выгоденъ; нація ошибалась, принимая правительство французской республики за народъ, полагаясь на искренность его обѣщаній; нація не приняла въ расчетъ партію, постоянно тормозившую всякаго рода движеніе...

Возстаніе вышло въ Миланѣ и другихъ городахъ ломбардо-венеціанскаго королевства почти одновременно, и побѣда вездѣ увѣчала оружіе патриотовъ, несмотря на значительную несоразмѣрность въ силахъ. Австрія имѣла въ Италіи болѣе ста тысячъ войска, расположеннаго въ трехъ первоклассныхъ крѣпостяхъ и сорокадвѣнадцати—двадцати другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ; многочисленная крѣпостная артилерія, двѣнадцать батарей полевой, союзъ и цѣтадеи въ Павіи, Миланѣ, Брешии и другихъ городахъ усиливали ее положеніе еще болѣе. Но вся эта странная обстановка разсѣялась какъ дымъ передъ могуществомъ народного патриотизма: нѣсколько дней — и всѣ эти силы были разсѣяны, большая часть крѣпостей и артилеріи взята и старый фельдмаршалъ считалъ себя счастливымъ, что съ остатками своего войска успѣлъ скрыться въ стѣнахъ Вероны.

Извѣстіе о миланской революціи и о бѣгствѣ Радецкаго достигло въ Тоскану 21 марта. Въ Ломбардію, въ Ломбардію! раздалось со всѣхъ сторонъ, и многочисленныя толпы народа съ крикомъ требовали переменъ министерства. Старые министры, чтобъ сохранить свои мѣста, приказали приготовить оружіе для арміи; вѣсть съ тѣмъ они убѣдили Леопольда издать манифестъ, въ которомъ между прочимъ читали слѣдующія строки: «часъ итальянскаго возрожденія наконецъ пробилъ! Кто искренно любитъ наше милое общее

отечество, не можеть отказать ему въ помощи! Я обѣщала сдѣлать морыну вашихъ сердецъ — я готова сдержать свое слово!»

Богатыми волонтеровъ были отвѣтомъ Тосканы.

«Мы выступили двумя колоннами, гонорать Монтанелли; — выступленіе было народнымъ правдивкомъ; все народонаселеніе высылало на улицы, окружило насъ, жало руки, привѣтствовало благословеніями и желаніями успѣха; женщины, склонясь на персяхъ баллоновъ, махали платками; ихъ сердца были сокрушены разлукой, но ихъ подддерживала любовь къ отечеству; сквозь горькія слезы прошенія, онѣ видѣли ореолъ славы надъ головами ихъ сыновей, сурьмовъ, жениховъ. Оставшіеся обѣщались заботиться о семействахъ ремесленниковъ, у которыхъ война отнимала ихъ насущный хлѣбъ. На дорогѣ, при проходѣ колонъ, къ намъ безпрестанно присоединялись новыя толпы волонтеровъ; при входѣ въ города, войска были встрѣчаемы колокольнымъ звономъ; лодыя свѣтомъ сынался на ихъ штыки, блестящіе въ лучахъ весенняго солнца.»

Этотъ энтузіазмъ испугалъ правительство: оно объявило, что Италия вездѣ восторжествовала и не имѣеть нужды въ защитникахъ, и потому приказало тосканскимъ войскамъ остановиться во владѣніяхъ герцога моденскаго и помѣшать объявить тамъ республику.

Цесарьскіе овладѣли Монтанелли: онъ отдѣлился отъ войскъ и продолжалъ свой путь въ Ломбардію. По дорогѣ онъ вездѣ старался возбудить требованія о національномъ парламентѣ. Эти требованія возникли въ одно время въ Римѣ и другихъ городахъ.

Цобѣла Милана заставила тосканское правительство, вмѣстѣ съ Шьмонтомъ, Римомъ и Неаполемъ, признать три итальянскіе цвѣта государственнымъ.

Указъ, полный патріотизма, вышелъ 25 марта, и въ тотъ же день министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ къ австрійскому посланнику: «его высочество поручилъ мнѣ объявить вамъ, что онъ приведенъ въ сильное негодованіе вчерашнимъ покушеніемъ противъ императорскаго посольства. Его высочество находитъ утѣшеніе въ надеждѣ выразить вамъ лично сегодня вечеромъ все неудовольствіе, произведенное этимъ происшествіемъ»...

Между тѣмъ Карлъ-Альбертъ тоже выступилъ на сцену. Вѣрный своему нерѣшительному характеру и мелкому честолюбію, онъ не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и вмѣсто того, чтобъ воспользоваться пораженіемъ австрійцевъ и окончательно изгнать ихъ изъ Италии, онъ заваялся интригами, употребляя всѣ усилія къ присоединенію Ломбардіи къ Шьмонту.

Между тѣмъ Монтанелли получилъ порученіе пробрѣкнуть въ итальянскій Тироль и приготовить умы къ благоприятной встрѣчѣ

миланскихъ волонтеровъ. Вотъ что рассказываетъ онъ о своемъ путешествіи.

«Обыкновенно только ночью я рѣшался вступать въ деревни съ карманами, полными прокламацій. Въ какомъ-нибудь домѣ меня дожидались друзья, съ которыми я долженъ былъ согласиться относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Они съ восторгомъ принимали итальянца съ береговъ Арно и внимательно слушали неизвѣстныхъ имъ подробности миланскаго возстанія. Мы рассуждали о средствахъ организовать тирольскихъ партизановъ, заставить ихъ показать противъ Австріи тѣ чудеса храбрости, которыя оказывали они для ея защиты. Священники съ изумленіемъ слушали рассказъ о моемъ свиданіи съ Пиемъ IX. Я не оставалъ мѣста, не расположивъ его въ нашу пользу, и такимъ образомъ достигъ до Триента, гдѣ едва не былъ разстрѣлянъ.

«Наступалъ вечеръ, когда я вступилъ въ городъ пѣшкомъ, надѣясь этимъ избавиться отъ бдительности полиціи. Но едва я сдѣлалъ какихъ-нибудь сто шаговъ, какъ былъ остановленъ. Полицейскіе потребовали у меня бумагъ. Этого матерьяла было у меня довольно — полные карманы; но только что это были за бумаги — все прокламаціи; одна изъ нихъ была написана вся моей рукой: я хотѣлъ напечатать ее тихонько въ Триентѣ. Быть арестованнымъ съ такой контрабандой — значило быть разстрѣляннымъ. Будь что будетъ, подумалъ я и рѣшался попытаться вывернуться.

«Я звалъ, что въ Триентѣ была учреждена національная гвардія, и потому рѣшительнымъ тономъ объявилъ полицейскому, что иначе не пойду къ военному начальству, какъ въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ... Полицейскіе согласились на мое требованіе, нашли національнаго гвардейца и поручили ему отвести меня къ военному начальству...

«Во время дороги я внимательно рассматривалъ моего проводника, потомъ безъ всякаго предисловія сказалъ ему наухо: «вы мнѣ кажетесь благороднымъ человѣкомъ; знайте, — вы ведете меня на смерть. Я Монтанелли и служу въ волонтерахъ; карманы мои полны революціонныхъ статей: — если вы предадите меня военному начальству, я буду тотчасъ же разстрѣлянъ.» Я не въ состояніи изобразить мишу, какую сдѣлалъ мой добрякъ при этой нечаянной довѣренности. Онъ былъ разстроены, онъ произносилъ слова безъ связи... «но... какъ сдѣлать?... я долженъ отдать отчетъ»... я ему твердилъ одно: дѣлайте какъ хотите, но я предупредилъ васъ въ чемъ дѣло.

«Мы пришли къ гауптвахтѣ. Проводникъ мой быстро бросился въ караульный домъ, какъ-будто озаренный внезапнымъ вдохновеніемъ.
Кн. XII. — Отд. I.

ніємъ, сказавъ мнѣ: «Будь что будетъ, я все беру на себя», и вотъ, положивъ свое ружье, онъ объявилъ начальнику караула, что въ то время, когда онъ стоялъ на часахъ у воротъ, я подошелъ къ нему и присиль его показать, гдѣ живетъ адвокатъ г. М., и проводить меня къ нему. Начальникъ караула былъ раздраженъ такимъ забвеніемъ долга и горячо выговаривалъ солдату.

«Пока они спорили, одинъ человекъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что починаетъ въ чемъ дѣло; я взялъ его тотчасъ подъ руку, и черезъ два часа былъ въ безопасности къ горахъ.»

Эта миссія Монтанелли имѣла успѣхъ. Возстаніе вспыхнуло при переходѣ милиціонеровъ черезъ границу, но вскорѣ раздоры между частными начальниками остановили успѣхи итальянскаго оружія. Монтанелли былъ посланъ въ Миланъ съ порученіемъ уладить всѣ несогласія и выхлопотать новыя подкрѣпленія.

Грустное зрѣлище увидѣлъ онъ въ Миланѣ: политика Карла-Альберта привнесла свои плоды, — народъ былъ раздѣленъ на партіи; несогласія въ политическихъ мнѣніяхъ, затихшія во время борьбы съ австрійцами, возникли снова; на стѣнахъ многихъ домовъ появилась надпись: «Смерть республиканцамъ!» Партизаны сардинскаго короля ревностно работали въ пользу присоединенія Ломбардіи къ Пиемонту. Карлъ-Альбертъ требовалъ, чтобы временное правительство въ возможно-короткое время узнало желанія страны относительно формы правленія. Въ ожиданіи отвѣта онъ таялъ время, тогда какъ могъ совершенно истребить остатки войскъ Радецаго.

Прибытіе Сиртори и Мадзини еще болѣе раздуло пламя раздора. Первый, строгій республиканецъ, человекъ высокой образованности, одаренный замѣчательнымъ военнымъ талантомъ, постоянно мечталъ о республикѣ. Въ продолженіе своего пребыванія въ Парижѣ онъ усвоилъ себѣ либеральныя стремленія демократовъ 1848 г. Сбросивъ священническую рясу, онъ съ ружьемъ въ рукахъ пробѣгалъ улицы Парижа 24 февраля. Онъ полагалъ, что французская революція была сигналомъ возрожденія общеевропейской демократіи и потому думалъ связать судьбы Италіи съ судьбами Франціи. Съ этой цѣлью, 7 апрѣля онъ основалъ республиканскій клубъ.

Съ другой стороны, Мадзини явился защитникомъ временнаго правительства, хотя большинство его членовъ состояло изъ альбертистовъ. Онъ понималъ неспособность и двуличность французскаго правительства, и потому совѣтовалъ отложить всѣ споры о формѣ правленія; онъ надѣялся удерживать альбертистскія стремленія временнаго правительства личнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ его членовъ.

Такимъ образомъ, какъ скоро народное движеніе перешло въ правдильную войну, можно было предвидѣть неудачу кампаніи. Всѣ усилія патриотовъ втеченіе тридцати лѣтъ стремились къ пробужденію въ Италіи демократическаго элемента; они достигли этого, и вдругъ движеніе принимало прямо противоположный характеръ: могъ ли Карль-Альбертъ чистосердечно сражаться за венеціанскую республику? Могъ ли Пій IX видѣть равнодушно торжество ненавистныхъ ему либераловъ? Могъ ли Фердинандъ неаполитанскій забыть вырванную у него силой конституцію? Могъ ли онъ равнодушно смотрѣть на образованіе на сѣверѣ сильнаго итальянскаго государства? Разумѣется нѣтъ! Карль-Альбертъ не могъ встрѣтить себѣ сочувствія въ другихъ владѣтеляхъ ни какъ король, ни какъ предводитель демократіи. Съ другой стороны между патриотами господствовало гибельное разногласіе: одни хотѣли союза съ Франціей, другіе говорили: *Italia farà da sé*. И тѣ и другіе были правы: первые рассчитывали на расположеніе народнаго духа во Франціи; вторые на нежизнненіе французскаго правительства выѣзжаться въ чужія дѣла, несмотря на громкій манифестъ Ламартина; на Англію было также мало надежды: народъ сочувствовалъ Италіи, но Пальмерстонъ стоялъ за консервативную политику и не только ничѣмъ не выразилъ своего сочувствія къ Италіи, но даже отказалъ венеціанскимъ посланнымъ въ продажѣ оружія и пороха. Сверхъ этого несогласія существовало еще другое между партіей *mezani*, состоящей изъ трусовъ, оптимистовъ и умѣренныхъ, и партіей дѣйствія, которая заключала въ себѣ крайнихъ радикаловъ.

Въ продолженіе этого времени война была объявлена Австріи всѣми итальянскими государями. Пій IX 25 марта благословилъ знамена волонтеровъ, но запретилъ генералу Дурандо переходить По; когда же тотъ не послушался, то написалъ извѣстное окружное посланіе, въ которомъ даказывалъ, что, какъ отецъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не можетъ вести войны съ Австріей. Народное волненіе заставило его измѣнить языкъ.

Фердинандъ дѣйствовалъ также недобросовѣстно: отправивъ генерала Пене на помощь Венеціи, онъ присоединилъ къ нему генерала Стателлу, который парализировалъ всѣ его дѣйствія, — неаполитанскій флотъ получилъ секретныя инструкціи не дѣйствовать противъ австрійцевъ. Съ своей стороны Австрія тоже вела интригу. Гуммслауэръ, по соглашенію съ Ламартиномъ, составилъ проектъ, который долженъ былъ окончить войну: по этому проекту Ломбардія приобрѣтала самостоятельность, Венеція получала конституцію и вице-короля; Англію обнадеживалъ онъ Сициліей, Францію — Савойей. Ламартинъ съ жаромъ поддерживалъ этотъ проектъ,

хотя и не хотѣлъ признаться, что онъ участвовалъ въ его составленіи; напротивъ того, онъ утверждалъ, что лордъ Минто былъ его авторомъ.

Скоро обстоятельства стали еще хуже для Италіи. 15 мая совершилась въ Неаполѣ кровавая реакція: Фердинандъ побѣдилъ и тотчасъ же послалъ предписаніе войскамъ генерала Пепе возвратиться.

Тѣ же признаки реакціи обнаружались и въ Тосканѣ. Едва батальонъ студентовъ вступилъ въ Реджіо (Модена), какъ правительство объявило, что этотъ батальонъ распускается по домамъ. Отвѣтомъ былъ единодушный протестъ; правительство отмѣнило указъ, но не теряло надежды достигнуть своей цѣли другими средствами. Оно назначило главнокомандующимъ Арко-Феррари, одного изъ самыхъ неспособныхъ генераловъ.

Новый начальникъ расположилъ свои силы подъ стѣнами Мантуи. Осаждающая армія состояла всего изъ пяти тысячъ человѣкъ съ девятью орудіями. Недостатокъ въ средствахъ, тяжелая полевая служба, безпрестанныя вылазки, зловредныя испаренія мантуанскихъ болотъ, ежедневно истощали силы этого незначительнаго отряда. Наконецъ неспособность генерала Арко-Феррари сдѣлалась такъ очевидна, что правительство принуждено было 27 мая назначить на его мѣсто генерала Ложье. Новый главнокомандующій былъ атакованъ черезъ день послѣ того тридцатью двумя тысячами австрійцевъ съ сорока орудіями.

«Еще не было девяти часовъ, говоритъ Монтанелли, какъ мы были уже подъ ружьемъ. День былъ великолѣпный. Уже около часа стояли мы, напрасно дожидаясь перваго пушечнаго выстрѣла, какъ вдругъ полковникъ Кампіа, командиръ куртатонской милиціи, вызываетъ охотниковъ для рекогносцировки. Маленькии, начальникъ студентскаго легіона, бросается изъ траншеи въ сопровожденіи человѣкъ десяти. Черезъ нѣсколько минутъ начинается перестрѣлка: непріятельскіе застрѣльщики пользуются перестрѣчной мѣстностью, подползли почти къ самому брустверу.

Сраженіе началось почти одновременно въ Куртатоне и Монтанарѣ. Ложье рѣшился держаться твердо до прихода сардинскихъ войскъ. Подъ градомъ пуль и ядеръ проводится онъ по всей атакуемой линіи; солдаты поднимаютъ каски на концы штыковъ и привѣтствуютъ его восторженнымъ крикомъ: «viva Italia!» Прискакавъ въ Монтанару, онъ спрашиваетъ Джованетти почему застрѣльщики сражаются открыто?

— Потому что итальянцы должны показывать грудь свою непріятелю, отвѣчаетъ онъ, улыбаясь...

Батальонъ студентовъ былъ оставленъ въ арьергардѣ. Но едва

онъ услышалъ шумъ сраженья , едва увидѣлъ первыхъ раненыхъ , какъ закипѣлъ воинственнымъ жаромъ , и прежде чѣмъ генералъ Ложье позвалъ его , онъ былъ уже на полѣ битвы. И вотъ этотъ избранный легіонъ на мосту Озоны! Какія сокровища знанія! Сколько гениевъ , готовыхъ проявиться великими открытіями!.. Что потеряетъ отечество , если какой-нибудь толстый баронъ , сражающійся противъ насъ , исчезаетъ съ лица земли ; но въ этомъ узкомъ пространствѣ , занимаемомъ священнымъ легіономъ , всякая непріятельская пуля угрожаетъ намъ невознаграждаемыми потерями.

Тамъ цвѣтъ знанія и цивилизаціи : Мосоти , Пиріо , Пилла Бурчи! Тамъ , на этомъ мосту , пушечное ядро сразило великаго геолога Леопольда Пиллу , который , умирая , сказалъ : « Я мало сдѣлалъ для Италіи!» Рядомъ съ нимъ палъ мой любимыи ученикъ Торквато Тотти , умъ живой и тонкій , какъ воздухъ его родины Вандерле.

Два наши орудія , которыми поручикъ Никколини производилъ страшное опустошеніе въ рядахъ непріятеля , принуждены были замолчать : ракета , лопнувшая на пороховомъ ящикѣ , взорвала его и почти всѣ артиллеристы были убиты или ранены. Никколини попалъ въ число послѣднихъ. Я сражался рядомъ съ артилеріей и никогда не забуду этого адскаго зрѣлища. Ясное небо , подернутое покровомъ порохового дыма , домъ и мельница въ огнѣ , раскаленный воздухъ , безпрестанная канонада , свистъ пуль , разрывъ бомбъ , и среди этого хаоса артиллеристы , захваченные пламенемъ : одни изъ нихъ бѣгаютъ почти голые , другіе срываютъ съ себя клочки горящаго платья... И между тѣмъ въ этомъ аду небесная радость блистаетъ на лицахъ сражающихся ; дѣти дерутся какъ львы , — довольно крика : «viva l'Italia!» чтобъ воспламенить воинственный энтузіазмъ , какъ будто сраженіе только-что началось.

При Монтанарѣ австрійцы сначала стали обходить нашъ лѣвый флангъ съ намѣреніемъ прервать сообщеніе между двумя лагерями ; отражонные съ этой стороны , они атаковали правый флангъ и центръ. Майоръ Бароди съ двумя ротами національной гвардіи выдерживаетъ напоръ цѣлой бригады съ пушками. Онъ падаетъ , раненый въ грудь , но его солдаты продолжаютъ оспаривать у непріятеля каждый клочокъ земли...

Между тѣмъ Ложье напрасно дожидался прихода пьемонтцевъ. Сраженіе продолжалось уже шесть часовъ : дальнѣйшая борьба влекла за собой только бесполезное пролитіе крови ; съ другой стороны отступленіе съ войсками , смѣшанными случайностями боя , представляло также большія затрудненія.

Между тѣмъ австрійцы заняли кладбище и домъ на правомъ флангѣ и открыли оттуда огонь противъ Монтанары. Джованетти

прислалъ спросить, не пора ли начать отступление. Генералъ отвѣчалъ утвердительно. Съ этихъ поръ онъ уже не колебался: онъ рѣшился также отступить, и послалъ за полковниками Кампо и Гиджи. Первый былъ раненъ, второй также, но несмотря на то, что ядро оторвало ему лѣвую руку, онъ явился и потрясая кровавымъ остаткомъ, вскричалъ:

— Да здравствуетъ Италия! Да будутъ прокляты тѣ, которые кричать на площадяхъ и нейдуть сражаться.

Поставивъ батарею за мостомъ, Ложье явился на правый флангъ и вполголоса приказалъ начать отступление, но едва это движеніе было примѣчено, какъ ряды разорвались и беспорядочныя толпы бѣглецовъ устремились на мостъ и совершенно прервали сообщеніе. Усилія вѣсколькихъ патриотовъ сохранили артилерію.

Отрядъ Маленкини оставался въ траншеяхъ прикрывать движеніе. Маленкини зоветъ насъ за собой. Я былъ такъ далекъ мысли объ отступленіи, что полагалъ, что дѣло идетъ о вылазкѣ. Достигнувъ моста, я увидѣлъ отступление или, лучше сказать, безпорядочное бѣгство... Чувство народной гордости охватило меня: я призываю товарищей... Около меня образуется небольшая кучка храбрыхъ; мы пробѣгаемъ поле, усыпанное трупами, отыскивая мѣсто, удобное для защиты. Непріятельскія пули ломаютъ вѣтви деревьевъ и самыя деревья съ шумомъ, подобнымъ урагану. Всякая минута уноситъ кого-нибудь изъ нашей кучки, обреченной на смерть... Узнавъ, что австрійцы направляются къ озеру, мы успѣли занять мельницу на берегу его.

Насъ было не больше сорока человекъ, но все мы приготовились къ отчаянной защитѣ... Больше всего мы боялись, что намъ не достанетъ зарядовъ; всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ насъ падалъ, мы дѣлили между собой его патроны.

Подлѣ меня былъ Шетро Парра, мой любимый другъ и неразлучный товарищъ во время войны. Я говорилъ съ нимъ, заряжая ружье; зарядивъ оборачиваюсь къ нему снова... Онъ лежалъ у моихъ ногъ... Наклоняюсь надъ нимъ, зову, обнимаю его, кладу руку на сердце... Увы! это сердце, полное великодушія и ищивости, перестало биться.

Эта внезапная потеря столь милого друга бросила меня на минуту въ ужаснѣйшее отчаяніе. Я выставилъ мою грудь подъ непріятельскія пули, рѣшотившія стѣны дома; я слышалъ, какъ онѣ свистѣли мимо ушей моихъ, и этотъ свистъ казался мнѣ восхитительной гармоніей. Я всеми силами желалъ, чтобъ какаа-нибудь изъ нихъ соединила меня съ другомъ въ области безсмертныхъ... Но скоро чувство долга привело меня въ себя. Италия побѣждала мнѣ сра-

жаться, а не стонать, и я сталъ сражаться. Мое ружье испортилось, я взялъ, какъ драгоценное наследство, ружье моего милаго Пьетро... Когда я готовился выстрѣлить первый разъ, неприятельская пуля пробила мнѣ лѣвое плечо. Я почувствовалъ точно ударъ палкой, пошатнулся, но не упалъ.

Я спросилъ моего сосѣда, гдѣ я раненъ? Видя только отверстіе, куда вышла пуля, онъ отвѣчалъ, въ сину. Маленькии прибѣжалъ ко мнѣ и хотѣлъ заставить удалиться, но я противился, считая себя въ силахъ сражаться. Я еще спорилъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ глазахъ у меня туманится, по членамъ пробѣгаетъ судорожный холодъ... Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ.

О, какъ прекрасна смерть на полѣ сраженія! но легкое облако отуманивало мою радость умереть за отечество — идея, что я раненъ свадн. Я зналъ, съ какимъ ожесточеніемъ клеветали на меня мои политическіе непріатели. Я боялся, что ихъ клевета не остановится даже передъ могилой; вотъ почему я сказалъ Маленькии: засвидѣтельствуй, что я палъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ, слова, которыя онъ буквально передалъ на моей панихидѣ во Флоренціи (меня считали убитымъ).

Защитники мельницы были почти всѣ перебиты или переранены; немногіе успѣли спастись отступленіемъ къ деревнѣ Грація, преслѣдуемые перестрѣлкой. Они сдѣлали, что могли: ихъ защита дала возможность придать болѣе порядка отступленію при Куртатоне.

Мнѣ же счастливы были сражавшіеся при Монтанари: послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося семь часовъ, они были окружены непріателемъ, потеряли артилерію и большей частью попались въ плѣнъ. И между тѣмъ, даже въ этомъ отчаянномъ положеніи они вели себя геройски. Артилеристъ Аральди, молодой, любезный человекъ, одаренный непобѣдимымъ мужествомъ, видя невозможность спасти свои пушки, приказалъ перенести ихъ на рукахъ въ одинъ домъ въ Монтанарѣ, и не переставалъ громить оттуда непріателей, пока не палъ смертельно раненый подлѣ своихъ орудій...

Когда я очнулся отъ обморока, причиненнаго сильнымъ кровотеченіемъ, я увидѣлъ себя въ домикѣ, принадлежавшемъ къ мельницѣ; шайка кرواتовъ ворвалась въ это время; два моихъ товарища, Морандини и Коландини, презрѣли плѣнъ, чтобъ только помочь мнѣ. Они сказали капитану, который вошелъ въ эту минуту въ комнату: «дѣлайте съ нами что хотите, только спасите нашего раненаго»; на эти полныя чувства слова капитанъ отвѣчалъ также съ чувствомъ: «не бойтесь, мы всѣ здѣсь христіане!» и онъ удалялъ яродъ угрожавшихъ намъ сдаться...

Вскорѣ я былъ унесенъ изъ дома мельника; грубый голосъ: «рапенные въ сторону» разлучилъ меня съ двумя товарищами. При послѣднемъ моемъ поцѣлуѣ милому Моравини я ощутилъ глубокую пустоту въ сердцѣ, — какъ-будто у меня отняли все что мнѣ было дорого; мнѣ казалось, что надо мной затворялась могила.

А когда я себя увидѣлъ посреди пьяной солдатчины, которая въ насмѣшку ревелъ: viva Pio popo! — когда я вмѣсто нашего трехцвѣтнаго знамени увидѣлъ ненавистные цвѣта: жолтый и черный, когда я представилъ себѣ смерть въ австрійскомъ госпиталѣ — чувство томительной грусти охватило меня при мысли быть разлученнымъ съ жизнью возрожденной Италіи. Какъ показались мнѣ тогда мрачны башни Мантуи подъ яснымъ солнцемъ 29 мая.»

Пока Монтанелли выздоравливалъ, перенесъ всѣ бѣдствія австрійскихъ госпиталей, испытывъ все горе, какое можетъ вынести сердце патріота при видѣ несчастій отечества, судьба Италіи совершалась.

Карлъ Альбертъ продолжалъ свой планъ присоединенія къ Пиемонту Ломбардіи и Венеціи; одержавъ побѣду при Галли, онъ не торопился воспользоваться ей, давая время интриганамъ работать въ его пользу; въ то же время онъ сообщилъ англійскому посланнику желаніе примириться съ Австріей, если ему уступятъ Ломбардію и герцогства; австрійскій кабинетъ воспользовался этимъ предложеніемъ, протянулъ время переговорами и далъ Радецкому возможность собраться съ силами. Слѣдствіемъ было пораженіе Карла Альберта при Кустоцѣ и перемиріе Саласко, оставлявшее Ломбардію безъ защиты...

Дипломатическія сношенія съ Франціей продолжались, также какъ и борьба партій. Кавеньякъ, по примѣру Ламартина, обѣщала помощь, и по примѣру его, не давала ее. Онъ уклонялся отъ содѣйствія Пиемонту и Венеціи, хотя послѣдняя была республикой, что умѣренные ставили въ вину ей, считая это будто бы препятствіемъ къ образованію итальянской лиги.

Леопольдъ въ Тосканѣ дѣйствовалъ съ такимъ же двоедушіемъ, говорилъ въ парламентѣ либеральныя рѣчи, наполненныя воинственными и патріотическими выраженіями и въ то же время писалъ къ генералу Фельдену, что тосканцы не будутъ безпокоить его, что войска посланы имъ на границу только для удовлетворенія требованій буйныхъ демагоговъ и для поддержки своего колеблющагося трона.

Вражда между тосканскими партіями усилилась въ отсутствіе Монтанелли. Гератси въ Ливорно въ своемъ журналѣ нещадно бичевалъ неспособное министерство. Ридольфи оказался человекомъ

Она всякой энергіи; разъ только онъ вдумалъ показать ее закрытіемъ клубовъ и арестомъ многихъ демократовъ, но эта попытка послужила къ его паденію. Гератси явился въ парламентъ и въ пламенной рѣчи укорялъ министровъ въ злоупотребленіи власти и въ отступничествѣ отъ Италіи. Не имѣя возможности оправдаться, министры подали въ отставку.

Новое министерство Джино Каппони оказалось не лучше. Демократы были раздражены сожженіемъ во Флоренціи демократическаго журнала «il Popolano» и неприятностями, нанесенными отцу Гаватеи при его отравленіи въ Венецію. Ливорно возмущился; губернаторъ былъ посаженъ въ тюрьму; министерство отравило Малевкини для усмиренія города. Никто болѣе его не былъ способенъ къ этой роли: любимый и уважаемый до войны, онъ еще болѣе выросъ въ общественномъ мнѣніи послѣ кампаніи...

Начало его миссіи было весьма удачно, но вдругъ министерство назначило на его мѣсто Чиприани. Новый комиссаръ не пользовался никакой популярностью и хотѣлъ возстановить порядокъ въ городѣ войсками. Утромъ 2 сентября онъ запретилъ сборища на улицахъ; народъ не послушался — тогда Чиприани выслалъ противъ безоружной толпы драгунъ. Раздраженный народъ, разграбивъ оружейные магазины, бросился на колокольни и въ дома, прилежащія къ площади. Началась перестрѣлка. Чиприани, потерявъ до ста человекъ, принужденъ былъ отступить въ крѣпость, откуда на другой день потяховку бѣжалъ.

Чечилія сдѣлался главой правленія; но его черезъ нѣсколько часовъ смѣняетъ Торресъ, который въ свою очередь долженъ былъ уступить Гератси, вернувшемуся въ Ливорно изъ Флоренціи, по просьбѣ депутатовъ.

Новый диктаторъ былъ человекъ съ большими способностями. Онъ происходилъ отъ древней и знатной фамиліи, но неблагопріятныя обстоятельства погрузили ее въ бѣдность, такъ что отецъ нашего героя былъ не больше какъ простой ремесленникъ. Правда, это былъ ремесленникъ образованный: онъ читалъ Тита Ливія и Макіавелли и зналъ наизусть Данте и Петрарку, но тѣмъ неменѣе состояніе его было весьма ограничено и не позволяло дать сыну надлежащее образованіе. Впрочемъ старикъ не унывалъ отъ этого. Усвоивъ идеи древнихъ римлянъ, онъ смотрѣлъ на богатство какъ на источникъ праздности и снѣси. Если хочешь быть богатъ, говорилъ онъ сыну, заслужи богатство трудами. Вѣрный этому правилу, онъ помѣнилъ ему получить наслѣдство послѣ одной богатой тети.

Этотъ желѣзный характеръ перешолъ и къ сыну; однажды,

живо поспоривъ съ отцомъ, онъ ушелъ изъ дому съ нѣсколькими байкоко въ карманѣ. Нужда заставила его сдѣлаться корректоромъ и учителемъ другихъ учениковъ, знавшихъ меньше его. Молодому Гератси было въ это время только четырнадцать лѣтъ, но онъ умѣлъ не только отказывать себѣ во всемъ, но и помогать другимъ.

Между тѣмъ пришло время поступить въ университетъ, но у Гератси не было денегъ. Отецъ хотѣлъ примириться съ нимъ и помочь, и употребилъ для этого посредничество друзей, но всѣ старанія ихъ остались безплодны; тогда онъ самъ пошелъ къ сыну и открылъ ему объятія — примиреніе совершилось...

Въ Пизѣ онъ увидѣлъ Байрова: великій поэтъ, совершенно увлекъ его; онъ съ тѣхъ поръ постоянно смотрѣлъ сквозь призму его поэзіи.

Скоро Гератси подвергся политическимъ преслѣдованіямъ за чтеніе вслухъ конституціонныхъ журналовъ Неаполя. Онъ былъ исключенъ изъ университета на годъ. Напрасно онъ ѣздилъ во Флоренцію и жаловался министру: «я могу только наказывать, отвѣчалъ гордый сановникъ: — право помилованія принадлежитъ его высочеству.»

Возвратившись черезъ годъ въ Пизу, Гератси съ жаромъ занялся изученіемъ юриспруденціи и медицины. Несмотря на притѣсненія полиціи и университетскаго начальства, смотрѣвшихъ на него, какъ на неисправимаго либерала, онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ наукъ, и переѣхавъ въ Ливорно, поступилъ въ число адвокатовъ. Первые рѣчи обѣщали ему блестящую карьеру, но она была вдругъ прервана по случаю чтенія имъ въ Accademia Livornica похвальной рѣчи въ честь одного храбраго воина. Правительство нашло эту рѣчь такой либеральной, что изгнало автора въ Монтепульчана (1828).

Черезъ три года, вернувшись въ Ливорно, онъ нашолъ городъ въ страшномъ волненіи; за попытку усмирить его, онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени его выпустили невзвѣстно по какой причинѣ, но кредитъ его былъ подорванъ, дѣла запутаны, самъ онъ находился подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1834 году у него сдѣлали новый обыскъ, и хотя ничего не нашли, но все-таки посадили его въ крѣпость; отсюда онъ былъ перевезенъ на островъ Эльбу. Здѣсь въ Порто-Ферайо онъ написалъ лучшей свой романъ «Осаду Флоренціи». Послѣ того не проходило ни одного волненія, въ которомъ имя Гератси не было бы замѣшано; событія 1847 года завлекли его въ изгнаніе на острова; въ 1848 году онъ былъ посаженъ на нѣсколько дней въ тюрьму. Но всѣ эти бѣдствія не поколебали его. Когда онъ не могъ действо-

вать демонстраціями, онъ прибѣгалъ къ литературѣ: она сдѣлалась для него оружіемъ противъ деспотизма. «Въ странахъ свободныхъ и спокойныхъ, — говорилъ онъ, — имѣютъ право творить во имя искусства для искусства. У насъ это было бы слабостью и апатіей. Когда я пишу, значить, я хочу что-нибудь сдѣлать; мои произведенія не книги, но дѣйствія. Нашъ долгъ дѣйствовать и сражаться. Когда мы не можемъ выпнуть изъ ноженъ мечъ, возьмемся за перо. Мы собираемъ материалы, чтобъ строить крѣпости или батареи: тѣмъ хуже, если наши постройки не могутъ назваться произведеніями искусства.

Писать медленно, холодно въ наше время, въ нашей странѣ, съ цѣлю создать образцовое произведеніе, было бы нечестіемъ. Когда я составляю книгу, я думаю только о томъ, какъ бы высказаться, какъ бы лучше передать мои мысли и надежды. Я предпочитаю романъ, потому что это любимая и популярная форма нашего времени, но я смотрю на него только какъ на рамку, самая же картина состоитъ изъ моихъ мыслей, мечтаній и сомнѣній. Я начинаю расказъ, чтобъ завлечь толпу; какъ скоро она заинтересована, я высказываю то что хотѣлъ высказать; когда я думаю, что урокъ надобѣлъ, я снова принимаюсь за расказъ, и всякій разъ, какъ только могу прервать его, возвращаюсь къ наставленію. Эстетика плохая — я согласенъ; мои осадныя работы будутъ разрушены послѣ войны, — пускай! Что мнѣ за дѣло, что мои творенія пронесутся какъ буря, если онѣ разгромить злыхъ, потрясутъ трусовъ и очистятъ воздухъ.»

Таковъ былъ человѣкъ, который сталъ во главѣ демократической партіи въ Ливорно. Онъ отличался отъ Монтанелли какъ проза отъ поэзіи; но несмотря на это различіе, въ нихъ было много общаго: они сходились въ демократическихъ тенденціяхъ; время развѣяло поэтическія мечты Монтанелли, и онъ болѣе и болѣе склонялся на сторону крайней партіи.

Министерскіе журналы воіяли противъ Ливорно; министры проповѣдывали крестовый походъ противъ мятежнаго города; малое число охотниковъ не отняло желанія у нихъ укротить Ливорно силой: они хотѣли воспользоваться сардинскими войсками, но получили отказъ. Тогда они назначили губернаторомъ Ливорно Гартини, человѣка съ деспотическими наклонностями и непопулярнаго ни малѣйшей популярностью. Новый губернаторъ не былъ впущенъ въ городъ. Тогда министерство оставило Ливорно на произволъ судьбы.

Въ это время Монтанелли возвратился въ Тоскану вслѣдствіе перемирія Саласко. Общественная жизнь, упавшая изъ сферы возмѣ-

кихъ идей въ грязь презрѣнныхъ страстишекъ, мелкія самолюбія, оспаривающія другъ у друга портфели, правительство безъ власти, возмущенія безъ знамени, журнализмъ, занимавшійся билетными, вотъ что ожидало Монтанелли въ Тосканѣ.

27 сентября онъ вступилъ въ парламентъ депутатомъ Фучеккіо.

Первымъ дѣломъ его было потребовать у министровъ отвѣта, какія мѣры они намѣрены принять противъ Ливорно; они отвѣчали, что непрочь выслушать предложенія о примиреніи. Увѣренный, что только Гератси можетъ уладить дѣло, Монтанелли написалъ къ нему письмо, убѣждая его заставить городъ просить о присылкѣ губернатора.

Письмо это опоздало. Ливорнская депутація была уже въ дорогѣ. Она требовала: оставленія національной гвардіи, учрежденной Гератси, амнистіи и либеральнаго губернатора. Последнее требованіе намекало на Гератси, но министры показали видъ, что не понимаютъ и назначили Монтанелли.

Это назначеніе усилило демократическую партію, сливъ разныя ея отѣйки. Монтанелли понялъ, что судьба тосканской свободы зависѣла отъ судьбы итальянской независимости, потому что итальянцы могли освободиться отъ иноземнаго владычества иначе, какъ посредствомъ солидарности. Для серьезной войны необходимо было соединеніе всѣхъ силъ полуострова, а для этого нужна была власть, говорившая во имя націи. Опытъ показалъ лживость надеждъ, основанныхъ на Карлѣ Альбертѣ, Піѣ IX и Фердинандѣ; опытъ показалъ, что даже военная диктатура, захваченная однимъ изъ этихъ принцовъ, не привела ни къ чему; оставалось попробовать достигнуть единства Италіи съ помощью демократіи. Монтанелли обратился къ этому средству. Онъ рѣшился начать съ Тосканы, надѣясь этимъ примѣромъ увлечь другія государства, и поэтому 8 октября объявилъ на ливорнской площади итальянское законодательное собраніе (Constituente).

Каппони сочувствовалъ этой идеѣ; онъ даже пробовалъ провести ее путемъ дипломатическимъ, но какъ скоро увидѣлъ, что она начинаетъ осуществляться, по обыкновенію своему, испугался и подалъ въ отставку. Новое министерство было поручено составить Монтанелли. Онъ назначилъ министрами внутреннихъ дѣлъ Гератси, юстиціи — Матсони, прозваннаго за строгость нравовъ Катомомъ; народнаго просвѣщенія — Франкини, финансовъ — Адами.

Это было первое демократическое министерство въ Италіи; 27 октября оно провозгласило обще-итальянскій парламентъ.

Одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ революціи 1848 года, по мнѣнію Монтанелли, состояла въ томъ, что вопросъ о независимости

Италіи былъ отдѣленъ отъ вопроса объ единствѣ. Всѣ готовы были сразиться и умереть за Италію и оставляли ее безъ политическаго центра; всѣ хотѣли разрушить старыя авторитеты и между тѣмъ не создавали новаго во имя націи. Проповѣдуя общее соглашеніе, оставались на дѣлѣ пьемонтцами, тосканцами, римлянами, однимъ словомъ прежнее раздѣленіе продолжалось.

Между тѣмъ полгода войны значительно ослабили народный энтузіазмъ и патриотизмъ: значительныя потери на полѣ сраженія, гибель многихъ лучшихъ людей революціи, интриги умѣренныхъ, успѣхъ реакціи въ Неаполѣ, лицемѣріе и эгоизмъ Карла-Альберта, все это способствовало къ паденію Италіи. Монтанелли своимъ проектомъ думалъ отвратить его, и съ этой цѣлью назначилъ первой задачей парламента соединеніе раздробленныхъ силъ націи; государственное же устройство полуострова онъ отлагалъ до конца войны. Разумѣется, итальянскіе владѣтели не могли согласиться на этотъ проектъ: они очень хорошо понимали, что успѣхъ войны противъ Австріи кончитъ ихъ произволъ и дастъ перевѣсъ одному изъ нихъ, тому, который будетъ главнымъ вождемъ этого крестоваго похода. Карлъ-Альбертъ добивался этой роли, но папа и Фердинандъ противились его завоевательнымъ видамъ. Папа могъ согласиться на такую федерацію, въ которой онъ былъ бы посредникомъ между равносильными сторонами. Федеральная діэта представлялась всѣмъ имъ выраженіемъ народной воли — и потому они всѣми силами противились проекту Монтанелли.

Такимъ образомъ къ соединенію представлялась одна дорога — демократическая. Единство не могло совершиться путемъ завоеванія: короли неаполитанскій и сардинскій не имѣли довольно силъ, чтобъ покорить Италію; папа постоянно противился итальянскому королевству, чтобъ не лишиться своей свѣтской власти; тѣ препятствія, которыя видѣлъ Макіавелли продолжали существовать и въ XIX вѣкѣ. Покореніе могло совершиться только съ помощью иноземнаго вмѣшательства, а тогда вопросъ о національности утрачивалъ свое значеніе. Только сдѣлавшись начальникомъ народа, поднявъ націю противъ правительствъ, какойнибудь изъ итальянскихъ владѣтелей могъ рассчитывать на единство Италіи; но тогда, ставъ во главѣ революціи, онъ долженъ былъ бы подчинить свою волю другой, играть роль Вашингтона и ожидать итальянской короны отъ воли націи.

Всѣ эти трудности увеличивались слѣпымъ довѣріемъ умѣренныхъ къ правительствамъ, которыя ихъ обманывали.

Предлагая федеральную діету, Монтанелли предлагалъ послѣдній способъ спасенія; онъ рассчитывалъ вырвать силой осуществле-

ніе своего проекта подобно тому, какъ были вырваны другія реформы; но онъ забылъ лицемѣріе итальянскихъ привидѣвъ — и дорогого поплатился за это.

Моментъ, выбранный для созванія парламента, былъ самый благоприятный.

Пій IX, Карлъ-Альбертъ и Фердинандъ не только лишились всякой популярности, но послѣдній возбуждалъ своими жестокостями сильную ненависть даже во многихъ лазарона. Федеральная діста служила для этихъ государей пробнымъ камнемъ; надо было согласиться на нее или готовиться къ взрыву революціонныхъ страстей.

Монтанелли надѣялся воспользоваться перемиріемъ. Чтобъ организовать націю, онъ хотѣлъ заставить піемонтскую демократію отложить на время свои воинственныя намѣренія, рассчитывая въ это время возбудить сильную агитацію въ Римѣ, увлечь Неаполъ на путь свободы, и добиться содѣйствія Франціи и Англій. Мечты поэта, но не государственнаго человѣка! Въ своей любви къ демократіи, въ живой вѣрѣ въ нее, онъ забылъ, что англійское правительство никогда не шло дальше конституціи: оно боялось демократическихъ тенденцій всегда, а въ то время въ особенности по случаю волненій Ирландіи и чартистовъ; онъ забылъ, что во Франціи правительство шло въ разладъ съ народомъ. Конечно общественное мнѣніе было на сторонѣ Италіи, но оно могло только останавливать враждебные порывы министерствъ. «Общественное мнѣніе въ Англій, писалъ Ричардъ Кобленъ къ Маннини, противно всякому вмѣшательству, и не смотря на то, что власть находится въ рукахъ аристократіи, народъ довольно силенъ для того, чтобъ помѣшать увлечь насъ въ войну для поддержанія какого нибудь *statu quo*». «Нашу политику сравниваютъ съ политикой Гизо, доносилъ парижскій префектъ полиціи министру внутреннихъ дѣлъ: — видать тотъ же духъ, тѣже тенденціи и боятся того же результата — униженія страны... Тѣмъ, которые ссылаются на положеніе нашихъ финансовъ, возражаютъ, что армія будетъ стоять дешевле въ Италіи, чѣмъ у шодомвы Альповъ; тѣмъ, которые боятся общаго столкновенія, отвѣчаютъ что теперь народы вездѣ въ движеніи и что если республика боится пасть въ войнѣ принциповъ, значить въ ней нѣтъ жизни.

Такое настроеніе народнаго духа въ западной Европѣ, конечно, было не безвѣзвѣстно предводителямъ итальянскаго движенія, и это отчасти служитъ имъ оправданіемъ, что они надѣялись на мнеземную помощь. Солидарность въ обще-европейской демократіи безъ сомнѣнія могла доставить торжество ей, но оя-то и не было въ то время. Демократія представляла изъ себя партію и партію сильную, но все-таки она не могла считаться полной представительши-

цей націи. Партія умѣренныхъ, люди заинтересованные въ поддержкѣ стараго порядка вещей, несогласіе между разными оттѣнками республиканцевъ парализировали усилія вождей демократіи.

Планъ Монтанелли, какъ и должно было ожидать, возбудилъ революцію.

Неаполь и Римъ ничего не отвѣчали на предложеніе о федеральной діетѣ; Пьемонтъ объявилъ, что теперь время думать о войнѣ, а не о внутреннемъ устройствѣ и предложилъ заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, надѣясь, что Монтанелли, страстно преданный своей идеѣ, откажетъ. Но сардинское правительство ошиблось въ расчетахъ: Монтанелли согласился; но тогда Пинелли и другіе министры Карла-Альберта замолчали, какъ-будто и не было никакихъ переговоровъ.

Въ Римѣ дѣло кончилось болѣе трагическимъ образомъ. Въ октябрѣ явились туда знаменитые итальянцы изъ разныхъ провинцій. Послѣ долгихъ преній принятъ былъ проектъ Маміани, одобренный Джоберти. По этому проекту федеральная діета должна была уважать автономію каждаго государства, и заниматься только образованіемъ власти, исходящей отъ народа, съ полномочіемъ войны, внѣшнихъ сношеній и законодательства.

Разумѣется, такой проектъ не могъ понравиться ни папѣ, ни его министру Россіи. Этотъ человекъ принадлежалъ къ школѣ Гизо, требовавъ народнаго развитія по мѣркѣ и отличался тупымъ упрямствомъ, которое считалъ за твердость характера. Начало его управленія обнаружилось рядомъ стѣснительныхъ мѣръ: парламентъ былъ распущенъ; министерство полиціи упразднено для того, чтобъ удалить либерала Галеттини; неаполитанскимъ изгнанникамъ предписано было оставить владѣнія папы; отецъ Гаватемъ, ревностный проповѣдникъ войны противъ Австріи, заключенъ въ тюрьму; противъ Гарибальди появились въ министерскихъ журналахъ статьи, наполненныя угрозами...

Новый парламентъ долженъ былъ еще больше раздражить папскаго министра: ненавидимая имъ демократія готовилась не только поднять голову, но объявить себя единственной законодательницей страны. Съ гордостью готовился онъ подавить эти тенденціи. Открытіе парламента было назначено 15 ноября. Городъ былъ мраченъ, но спокоенъ; между тѣмъ министръ получалъ съ разныхъ сторонъ уведомленія, что его жизни угрожаетъ опасность...

Онъ не послушался и палъ подъ ножомъ убійцы. Кто поразилъ его — до сихъ поръ невѣстно, несмотря на различныя догадки и клеветы партій. Убійца могъ принадлежать какъ къ партіи республиканцевъ, такъ и къ партіи клерикаловъ. Послѣдніе были недо-

вольны пошлиной съ монастырей, учреженіемъ кафедры политической экономіи, реформой судовъ и отнятіемъ у священнои консулты администраціи надъ госпиталями.

Какъ бы то ни было, на другой день римляне потребовали у папы демократическаго министерства и федеральной діаты. Піи IX не уступалъ. Началось сраженіе между швейцарцами и народомъ; одинъ изъ кардиналовъ, показавшійся у окна, убитъ... Устрашонный первосвященникъ соглашается на всѣ требованія, но папередъ протестуетъ передъ посланниками, что всѣ уступки, сдѣланныя въ эту минуту ничтожны, какъ вынужденныя силой.

25 ноября папа бѣжалъ въ Гаэту.

Это событіе заставило итальянскій вопросъ перейти въ другой фазисъ.

Революція, какъ скоро папа отказался отъ роли ея начальника, должна была устремиться противъ него, а сдѣловательно и противъ тѣхъ государствъ, интересы которыхъ требуютъ поддержки свѣтской власти папы. Провозглашеніе римской республики естественно должно было помѣшать плану Монтанелли; оно не только увеличивало отвращеніе Пьемонта и Неаполя къ діатѣ, но еще давало поводъ Франціи употребить вооруженное посрелничество.

При первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Піи IX, Монтанелли предложилъ римскому парламенту объявить папу лишоннымъ свѣтской власти, созвать федеральную діату подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Леопольда, и такимъ образомъ соединиться съ Сициліей и Венеціей. Безъ сомнѣнія такой союзъ могъ подать сильную надежду неаполитанскимъ либераламъ и заставить Фердинанда вступить въ общую лигу или испытать новую революцію. Разныя препятствія ожидали этотъ планъ.

Первое затрудненіе встрѣтилось со стороны римскихъ конституціоналистовъ; они продолжали управлять во имя папы, несмотря на то, что онъ безпрестанно протестовалъ противъ ихъ расиорженій и не хотѣлъ принять римскихъ депутатовъ. Только послѣ долгой неурядицы, вслѣдствіе волненій въ провинціи, парламентъ былъ распущенъ и члены для діаты назначены.

Другое препятствіе было со стороны Джоберти, сдѣлавшагоса въ это время министромъ. Задумавъ возстановить папу, привлечь на защиту общаго дѣла Фердинанда и съ его помощью возвратить Ломбардію, знаменитый аббатъ впалъ въ непростительную ошибку, тѣмъ болѣе, что задняя мысль у него была доставить преобладаніе Пьемонту. Мысль совершенно неосуществимая! Пьемонтская гегемонія была бы понятна, еслибъ Пьемонтъ далеко превосходилъ другія государства числомъ жителей, силой оружія, блескомъ образованно-

сти. Что ожидало его при первой стычкѣ съ австрійцами? Самое меньшее — быть оставленнымъ папой и Фердинандомъ, у котораго армія была многочисленнѣе сардинской. Въ другомъ случаѣ, еслибъ Римъ и Неаполь учредили народное правленіе, какъ могъ надѣяться Пьемонтъ восторжествовать надъ тринадцатю миліонами революціонеровъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ неаполитанскую армію, обаяніе Рима, энергію Романьи, артистическій гевій Тосканы? Предположивъ даже, что революція остановилась бы на конституціонной монархіи, можно ли было надѣяться, что Римъ и Неаполь оставятъ за Туриномъ роль столицы итальянскаго королевства? Разумѣется нѣтъ! Савойскій домъ тогда только могъ надѣяться на итальянскую корону, когда принялъ бы ее изъ рукъ народа и согласился на перенесеніе столицы въ Римъ. Мы видимъ, какъ въ настоящее время рѣшается этотъ вопросъ; тогда же рѣшеніе его было еще труднѣе. Слѣдствія показали всю неосновательность политики Джоберти: не приобрѣтя довѣренности государей, онъ утратилъ довѣренность народовъ. Посланникъ его къ Фердинанду не былъ имъ принятъ; Пій IX отвѣчалъ, что не довѣряетъ Пьемонту и что не считаетъ его между католическими государствами, призванными къ новому крестовому походу; великій герцогъ тосканскій отказался отъ сардинскаго гарнизона, который ему навязывалъ Джоберти въ видѣ охраненія отъ австрійцевъ; народное правительство въ Римѣ позволило пьемонтскимъ войскамъ только тогда вступить въ римскую область, когда Карлъ-Альбертъ объявилъ войну Австріи.

Видя постепенное разрушеніе надеждъ своихъ, Джоберти сдѣлался сговорчивѣе и сталъ склоняться на сторону Монтанелли. Все казалось было готово къ принятію его проекта, какъ вдругъ сардинскій министръ повернулъ круто назадъ; причиной этого оступничества были убѣжденія французскаго и англійскаго посланниковъ сдѣлать что-нибудь въ пользу папы. Съ этихъ поръ о федеральной діетѣ не было и помину; въ замѣнъ того Джоберти предлагалъ союзъ съ тѣмъ, чтобъ съ Римомъ были прерваны всякія сношенія, на что разумѣется тосканское министерство не могло согласиться.

Въ то время какъ эти препятствія возникали извнѣ, другія затрудненія ожидали Монтанелли въ управленіи. Борьба партій, нападки враждебныхъ журналовъ, власть Леопольда, который оттягивалъ утвержденіе всякаго доклада, особенно если дѣло касалось до непріязненныхъ мѣръ противъ Австріи — все это отклоняло тосканское министерство отъ важнѣйшей его цѣли, хотя не могло остановить его. Не смотря на эти неблагоприятныя обстоятельства,

Гератси успѣлъ организовать національную гвардію; Матсонн-реформировалъ уголовный кодексъ; другіе министры слѣдали также много улучшеній по своей части. Монтанелли съ своей стороны приготовилъ на утвержденіе парламента новое законодательство относительно религіи и муниципальной администраціи; онъ хотѣлъ, чтобы совѣсть управляла совѣстью, коммуна коммуной, провинція провинціей; онъ всѣми силами старался уменьшить вѣдѣтельность центральной власти, но ему не суждено было видѣть осуществленія своего проекта.

Путру 30 января Леопольдъ, сообразуясь съ инструкціями изъ Вѣны, потихоньку уѣхалъ въ Сіенну, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ великія герцогини приготовляли ему торжественный пріемъ, полукная и льсти всякімъ образомъ. По прибытіи герцога, бѣшевавшая итайка набранныхъ ими сателлитовъ привѣтствовала его радостными криками, принимавшая къ нимъ имя короля неаполитанскаго и проклинавшая конституцію. Въ тоже время въ разныхъ пунктахъ Тосканы были призваны афисы, приписывавшія дороговизну хлѣба конституціи и убѣждавшія народъ возмутиться и возвратитъ герцогу прежнюю неограниченную власть.

Эти продѣлки возбудили негодованіе сіенцевъ: между ними и подкушеннымъ сборищемъ Леопольда произошла схватка, и первые остались побѣдителями.

Вскорѣ новыя посольства отъ австрійцевъ подыали духъ герцогской партіи. Радецкій въ письмѣ своемъ отъ 2 февраля обѣщалъ скорую помощь Леопольду. «Какъ только я укрошу сардинскихъ демагоговъ, писалъ онъ, тотчасъ же прилечу съ тридцатью тысячами моихъ молодцовъ и возстановлю ваше высочество на тронѣ предковъ.»

Во Флоренціи отъѣздъ великаго герцога возбудилъ ропотъ; одинъ изъ депутатовъ потребовалъ у министровъ объясненія. Чтобы усннить свое положеніе, они написали къ Леопольду письмо, въ которомъ убѣждали его немедленно возвратиться или передать управление другому министерству. Начальникъ національной гвардіи и флорентинскій мэръ были тотчасъ же посланы, чтобы представить герцогу всю необходимость его возвращенія въ столицу. Леопольдъ притворился больнымъ, увѣрилъ, что не вынесетъ дороги, и облаканъ депутатовъ, отпустилъ ихъ съ письмомъ къ Монтанелли. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ министровъ сохранять свои мѣста и старательно наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія, обѣщаясь въ скоромъ времени возвратиться. Въ тоже время онъ поручилъ депутатамъ передать, что онъ желаетъ, чтобы при немъ былъ кто-нибудь изъ министровъ. Повинуясь этому приглашенію,

Монтанелли отправился. Приѣхавъ въ Сіенну, онъ нашолъ герцога въ постели, съ обвязанной головой, говорящаго въ полголоса; время отъ времени онъ опускался на подушку, какъ-будто лишаясь чувствъ отъ сильной головной боли, которую ему причиняла лихорадка. Онъ возобновлялъ изъясленія своей довѣренности къ министерству.

Поутру 7 числа, Монтанелли нашолъ герцога вставшимъ и въ хорошемъ расположеніи духа; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ выразить надежду, что на другой день можно будетъ имъ обоимъ уѣхать во Флоренцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ ему разсмотрѣть проектъ закона относительно формы избранія членовъ для федеральной діеты. Леопольдъ отклонилъ это предложеніе, отговариваясь болѣзнію...

Вечеромъ Монтанелли получилъ отъ него два письма: въ одномъ изъ нихъ онъ поручалъ его попеченію своихъ придворныхъ, увѣряя, что они ничего не знали объ его намѣреніяхъ; въ другомъ говорилъ, что, почувствовавъ нѣкоторыя сомнѣнія касательно федеральной діеты, онъ счелъ долгомъ обратиться за разрѣшеніемъ ихъ къ самому напѣ. Получивъ его отвѣтъ, онъ рѣшился лучше удалиться, чѣмъ подвергнуть своихъ подданныхъ церковному отлученію. Нѣмѣсто убѣжища герцога, ни новые министры не были означены.

Очевидно планъ герцога состоялъ въ томъ, чтобы своимъ удаленіемъ произвести бунтъ въ низшемъ класѣ народонаселенія, обвиня министерство въ намѣреніи погубить души вѣрующахъ. Но планъ этотъ не удался. Едва только узнали въ настоящемъ видѣ исторію бѣгства герцога, какъ Флоренція съ единодушными рукоплесканіями встрѣтила назначеніе народнаго правленія; самая Сіенна охотно покорилась совѣту, составленному Монтанелли передъ отъѣздомъ во Флоренцію.

Едва онъ успѣлъ приѣхать, какъ былъ избранъ однимъ изъ трехъ членовъ временнаго правительства; другіе два были Гератси и Матсоки. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Леопольдъ протестовалъ, но на протестъ его не обратили вниманія; тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію.

Въ половинѣ февраля генералъ Ложье издалъ прокламацію, въ которой выражалъ намѣреніе свое возстановить великаго герцога: онъ увѣрялъ, что Леопольдъ передъ отправленіемъ своимъ изъ Сіенны назначилъ правительство, что онъ сохранилъ свою преданность дѣлу итальянской свободы и самостоятельности, что на помощь ему идутъ тридцать тысячъ итальянцевъ. Тріумвиры рѣшились отвѣчать провозглашеніемъ республики, тѣмъ болѣе что республика была провозглашена въ Римѣ. Они понимали, что участь

Тосканы съ этихъ поръ неразрывно связана съ участіемъ Рима, что Леопольдъ и Пій IX при первомъ удобномъ случаѣ приступятъ къ самой полной реакціи; соединиться и броситься на Неаполь — вотъ что оставалось тосканцамъ и римлянамъ.

Депутаты провинцій изъявили единодушно желаніе о присоединеніи. Монтанелли приготовилъ уже указы отъ имени республики, какъ вдругъ узналъ отъ Гератси, что эта мѣра встрѣтитъ многихъ противниковъ, и потому поспѣшилъ остановить и передѣлать свои указы. Эта необходимость чрезвычайно огорчила Монтанелли: онъ хотѣлъ отправиться въ Римъ, устроить соединеніе и потомъ броситься подъ знаменами Гарибальди на Неаполь и вдругъ увидѣлъ всѣ свои планы разстроеными.

Обстоятельства показали, что Гератси былъ правъ: сардинцы приближались къ тосканской границѣ, генералъ Ложье также выступилъ. Это движеніе произошло вслѣдствіе настойчивости Джоберти продолжать прежнюю политику; онъ предложилъ помочь Леопольду, — тотъ втянулъ его въ дѣло настолько, чтобы окопрометировать, и потомъ отказался, сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Гаэту. Джоберти принужденъ былъ выйти въ отставку и проектъ піемонтскаго вторженія остался неисполненнымъ. Военственные намѣренія Ложье ожидала таже участь: солдаты его не захотѣли сражаться за великаго герцога и разбѣжались.

Но пока тосканское войско было въ походѣ противъ Ложье, Флоренція угрожала большая опасность. Вечеромъ 21 февраля, были замѣчены на окружающихъ высотахъ толпы крестьянъ, которые стремились къ воротамъ Флоренціи, восклицая: «да здравствуетъ Леопольдъ!» Монтанелли лежалъ въ лихорадкѣ, но при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля бросился въ палаццо Веккіо. Многочисленная толпа окружала дворецъ и съ громкими криками требовала оружія. Въ томъ числѣ были многіе приверженцы великаго герцога. Появленіе Монтанелли и его краткая, но энергическая рѣчь устрасила злоумышленниковъ и ободрила защитниковъ Флоренціи. Національная гвардія отбила безпорядочныя шайки крестьянъ.

Въ это время война между Австріей и Пьемонтомъ началась вопреки всѣмъ совѣтамъ Монтанелли, старавшагося убѣдить Карла-Альберта не пачинать кампаніи до соединенія всѣхъ итальянскихъ силъ. Тосканское министерство принуждено было торопиться; оно немедленно приступило къ самымъ энергическимъ мѣрамъ: объявило насильственный заемъ, образовало альпійскую милицію, мобилизовало часть національной гвардіи; приказало вербовку четырехъ тысячъ французскихъ волонтеровъ, отправило въ Боловню

комиссаровъ согласиться о слияніи двухъ армій въ одну, — вообще все что можно было сдѣлать въ такое короткое время, правительство сдѣлало. Между тѣмъ Монтанелли употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить провозгласить республику и слияніе съ Римомъ. 28 марта было назначено для произнесенія рѣчи, но наканунѣ министры узнали о пораженіи Карла-Альберта при Наварѣ; провозглашеніе республики показалось имъ несвоевременнымъ, и они рѣшились вести переговоры съ Римомъ только относительно единства военныхъ дѣйствій. Въ ночь на 28 число министры сложили съ себя власть; Гератси былъ назначенъ диктаторомъ; крайніе республиканцы хотѣли противиться ему, имѣя начальникомъ Монтанелли, но онъ отрекся отъ этой роли, несмотря на свою симпатію къ ихъ принципамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, онъ не могъ остаться въ Тосканѣ: онъ чувствовалъ, что будетъ полезенъ во Франціи, и потому предложилъ Гератси свои услуги касательно волонтеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся расположить въ пользу Италіи журналистику и общественное мнѣніе, и добиться отъ Франціи помощи. Отправляясь туда, онъ оставлялъ не приведеннымъ въ порядокъ одно дѣло о доставшемся ему богатомъ наслѣдствѣ; но онъ предпочиталъ общее благо своему частному интересу. Впоследствии онъ терпѣлъ крайнюю нужду отъ этого благороднаго самоотверженія.

Едва Монтанелли уѣхалъ, какъ Гератси, лишенный его помощи, встрѣмалъ со всѣхъ сторонъ препятствія. Отъ него снова стали требовать республики. Убѣжденный, что такое требованіе противорѣчитъ большинству въ провинціяхъ, онъ распустилъ парламентъ. Этимъ случаемъ воспользовались умѣренные и приверженцы великаго герцога: они предлагали призвать Леопольда, чтобы избавить страну отъ австрійскаго вторженія. 11 апрѣля флорентинцы возстали противъ ливорнскихъ волонтеровъ, которые позволяли себѣ разные безпорядки. Девятнадцать человекъ было убито и многіе ранены. Гератси, пытавшійся остановить волненіе, былъ раненъ камнемъ въ грудь. На другой день крестьяне окрестныхъ деревень вошли во Флоренцію маленькими кучками; они присоединились къ флорентинцамъ, и скоро крики: «да здравствуетъ Леопольдъ,» раздались по всему городу. Гератси приказалъ ударить тревогу, но никто не шолъ защищать диктатора. Онъ принужденъ былъ передать власть въ руки муниципальнаго совѣта, который, подъ предлогомъ спасти ему жизнь, заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Такимъ образомъ кончилъ свое политическое поприще Гератси. Политическая дѣятельность его заслужива самаѣя противорѣчащія

сужденія: одни, какъ напримѣръ Ричарди и Перонъ, обвиняютъ его безусловно; другіе, какъ Монтанелли и Монье, оправдываютъ его. Причина этого противорѣчія заключается въ самомъ характерѣ Гератси: Воспитанникъ Макиавелли, скептикъ въ душѣ, поклонникъ силы, считавшій все дозволеннымъ для достиженія цѣли, онъ игралъ двойную роль: передъ герцогомъ — вѣрнаго и преданнаго министра, передъ Монтанелли — ревностнаго республиканца; онъ смѣялся надъ политико-мистическими теоріями Мадзини; онъ понималъ единство Италіи безъ потери автономіи каждой страны; онъ считалъ республику враждебной освобожденію и находилъ федерацію конституціонныхъ государствъ лучшей формой для Италіи. Дѣйствительно, проектъ его въ другое время встрѣтилъ бы менѣе пропатствій, чѣмъ республиканскіе и демократическіе планы Мадзини и Монтанелли, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ нашлъ только враговъ во всѣхъ партіяхъ; реакціонеры требовали возвращенія герцога съ неограниченной властью; нѣзъ умѣренныхъ одни не довѣряли Гератси, другіе готовы были лучше на союзъ съ реакціонерами, чѣмъ на республику; республиканцы видѣли въ немъ отступника: народъ, подъ вліяніемъ различныхъ партій, смотрѣлъ на него какъ на грабителя казны и врага отечества. Порради столькихъ враговъ паденіе его было неизбежно; нельзя не удивляться, что при такой обстановкѣ онъ не палъ ранѣе; нельзя не удивляться энергіи и быстротѣ его распоряженій; все что можно было сдѣлать въ такое короткое время — все онъ сдѣлалъ. Ошибка его состояла въ томъ, что въ критическую минуту онъ не довѣрился народу, полагаясь только на политику. Расчитывая на возвращеніе Леопольда, онъ надѣялся найти въ немъ конституціоннаго государя, которымъ легко можно будетъ руководить, но онъ не сообразилъ какимъ путемъ достигли этой конституціи; онъ не сообразилъ, что совѣты Австріи заставятъ его уничтожить все, сдѣланное во имя свободы Италіи. Скептицизмъ не позволилъ ему употребить тотъ энтузіазмъ, который мгновенно создаетъ героев; онъ презиралъ народъ, — и нѣсколькихъ шаекъ крестьянъ было довольно, чтобы вырвать власть изъ рукъ диктатора. Въ войнѣ, которая велась для освобожденія Италіи, успѣхъ зависитъ отъ соединенія всѣхъ силъ; какъ только кастовые интересы раздѣляютъ защитниковъ отечества — успѣхъ непріятеля несомнѣненъ. Въ эпоху французской революціи 1792 года арміи грозной коалиціи были разбиты необученными толпами; въ революцію 1848 года почти безоружный народъ, въ нѣсколько дней разрушилъ многочисленную армію Радецаго. Примѣры были передъ глазами, но Гератси надѣялся успѣха болѣе отъ политики и арміи, чѣмъ отъ народа.

витузіазма, и онъ палъ. Отъѣздъ Монтанелли лишилъ его чловѣка, который умѣлъ обращаться къ сердцу народа, который былъ уважаемъ всѣми партіями. Присутствіе его въ Парижѣ было бесполезно: онъ не получилъ, по случаю паденія Гератси, суммъ, необходимыхъ для первоначальнаго экипированія волонтеровъ; усилія его получить помощь отъ Франціи были бесполезны; мало того, онъ узналъ, что она посылаетъ корпусъ Удино для возстановленія папы.

Между тѣмъ австрійскія войска вступили въ Тоскану. Ливорно осмѣлился сопротивляться и испыталъ всѣ ужасы приступа, все варварство австрійцевъ послѣ побѣды: до пятидесяти-шести чловѣкъ было разстрѣляно безъ суда, многіе по самымъ ничтожнымъ причинамъ. Вскорѣ была занята вся Тоскана; тогда только Леопольдъ рѣшился возвратиться.

Стѣснительные указы слѣдовали одни за другими: сперва были распущены палаты, потомъ ограничена свобода печати, такъ что почти ни о чемъ нельзя было писать; потомъ уничтожены нѣкоторыя кафедрны, земледѣльческій институтъ и самая конституція, наконецъ въ заключеніе возстановлена смертная казнь.

Въ то же самое время герцогскія комиссіи преслѣдовали либераловъ. Гератси, Матсони, Монтанелли были осуждены на вѣчное изгнаніе. Послѣдній остался въ Парижѣ и совершенно предался литературѣ. Здѣсь, кромѣ статей въ журналахъ, онъ написалъ трагедію «Камма», и перевелъ трагедію Легуве, «Медея», но капитальное его произведеніе составляютъ «Мемуары объ Италіи», (*Memorie sull'Italia e specialmente sulla Toscana*). Произведеніе это было переведено почти на всѣ европейскія языки и доставило не только автору заслуженную славу, но и способствовало развитію симпатій къ Италіи и разъясненію многихъ ошибокъ относительно революціи 1848 года.

Въ 1859 году, когда Италія снова призвала къ оружію дѣтей своихъ, Монтанелли явился изъ первыхъ на призывъ и вступилъ въ ряды альпійскихъ стрѣлковъ волонтеровъ. По окончаніи кампаніи онъ мирно жилъ до самой смерти своей, всѣми уважаемый и любимый.

Это былъ лирикъ во всемъ, говоритъ объ немъ Тэнъ, и мнѣніе его какъ нельзя болѣе справедливо. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Монтанелли видѣнъ характеръ страстности и увлеченія, видна честная, поэтическая натура, неустержимо стремящаяся къ цѣли. Его патриотическое одушевленіе предугадало опасности, угрожавшія Италіи, и заранѣе выставило начала, на которыхъ должно совершаться ея развитіе. Обаяніе этой свѣтлой личности невольнo влекло къ ней

окружающихъ и возвышало достоинство защищаемаго ею принципа. Италия смѣло можетъ помѣстить имя Монтанелли съ именами Арнольдо, Ріенци и Саваноролы, людьми ума, сердца и воли, проповѣдниками и бойцами народнаго начала, пророками торжества его.

В. ПОПОВЪ

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

(ЗАПИСАНО СЪ РАСКАЗА КУПЦА ПОЛЯНОВА)

(посвящ. В. М. К.)

Жилъ-былъ въ губернскомъ городѣ Б. купецъ третьей гильдіи Ермолай Петровичъ Вожаковъ. Человѣкъ онъ былъ достаточный: двѣ лавки имѣлъ въ гостиномъ, да заводъ кожевенный по близости города. Вотъ, стоитъ онъ разъ у лавки, да бороду свою о двухъ клиньяхъ поглаживаетъ. Подходитъ къ нему прикащикъ сосѣдней лавки, Егоръ Степановичъ Рязанцевъ. Было ему двадцать-четыре года. Въ Б. приѣхалъ онъ недавно.

— Здравствуйте, Ермолай Петровичъ, все-ли въ добромъ здоровіи?

— Живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. У васъ что?

— Да вотъ вчера матерій новыхъ получили; выборъ достаточный. А то, все по прежнему.

— И то дѣло, и то дѣло! Пора мнѣ идти одначе. Прощай, Егоръ Степановичъ! Да ты что-жь, въ самомъ дѣлѣ, никогда не зайдешь? Али гнушаешься?

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ! Что это вы говорите? Я безпремѣнно на дняхъ зайду.

— То-то, то-то... Ну прощай!

Хорошо-съ. Разошлись.

Дня этакъ черезъ два, приходитъ ко мнѣ Рязанцевъ. Зашла рѣчь о Вожаковѣ.

— Чтó, спрашиваю я, былъ у него?

— Былъ, отвѣчаетъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего: — А чтó, свояченица-то поправляется?

— Лучше ей... Что-жь, Вожаковъ-то хорошо живеть? опять спрашиваю.

— Да что, братецъ, ты съ Вожаковымъ-то все?.. Былъ, такъ былъ, и все тутъ!

Говорить это онъ, а вижу, самъ сердится.

Э! думаю, человекъ молодой, а забываться сталъ. Не хорошо! Однако въ ту пору оставилъ я этотъ разговоръ.

Вскорѣ послѣ пришедъ ко мнѣ опять Рязанцевъ. Вижу, молчаливый такой, печальный; не тотъ человекъ, одно слово. Что за причина такая? Досадно мнѣ стало! Хорошій былъ онъ парень, любилъ я его сердечно.

— А что Егоръ, говорю, не ладно у тебя что-то? — Молчитъ, только брови морщить.

— Да у тебя въ лавкѣ не случилось-ли чего, храни-Богъ?

— Ничего.

— Такъ, можетъ, съ хозяиномъ не поладишь?

— Ничего... Прощай, Захаръ Семенычъ!

— Да ты куда?

— Домой.

— Что дома-то теперь дѣлать? Пошолъ-бы лучше прогуляться, право лучше. А не то — въ гости ступай.

— Куда?

— А кто у тебя тамъ есть! Ну, хоть къ Вожакову.

— Не пойду.

— Отчего не пойдешь? Все человекъ бывадыи, покалякать можно. Дочь, говорятъ, у него есть. Видѣлъ?

— Видѣлъ, отвѣчаетъ, а самъ весь вспыхнулъ,

Я только смотрю на него.

— Прощай, Захаръ Семенычъ, сказадъ Рязанцевъ.

— Прощай, братъ.

Понялъ я въ чемъ дѣло.

Вожакову было лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ. Лицо у него было строгое, суровое. Говорилъ онъ мало, отрывисто. Характеръ вспыльчивый: разсердится на что, такъ самъ себя не помнитъ. Выходило по мыслямъ Вожакова, что мужъ есть господинъ, а жена — раба, что отецъ надъ дѣтьми властенъ что угодно дѣлать,

чуть-ли не мазинтъ. Потому самому никакого противорѣчія сносить онъ не могъ. Коли думалъ онъ, примѣрно, что снѣгъ бываетъ черной, такъ и семья такъ думай. А впрочемъ человекъ былъ богомольный: въ церковь часто хаживалъ, священниковъ къ себѣ вызывалъ, закусками разными потчивалъ. Нищимъ только никогда не любилъ давать. «Не наберешься на нихъ» говорилъ. А надо сказать, состоянiе было у него достаточное, а все жаловался на безденежье: скупъ больно былъ. Кажется задавится скорѣй, чѣмъ лишнюю копѣйку передать.

Вожяковъ былъ вдовъ. Жила съ нимъ только дочь его Параша, да Елѣсевна, дальняя родственница, старушка слабая; завѣдывала она хозяйствомъ.

Прожила Параша на бѣломъ свѣтѣ девятнадцать лѣтъ. Параша была росту высокаго, стройная; волосы темно-русые, коса назад толстая, глаза голубые, рѣсницы длинныя.

Знавалъ я хорошо Парашу: лобрая была дѣвушка.

Случилось разъ, что Парашѣ платочекъ одинъ понравился; стоялъ онъ трехъ-рублевый; а было въ ту пору у нея всего на всего шестьдесятъ-девять копѣекъ. У отца нелегко было выпрашивать. Вотъ Параша заняла денегъ и пошла въ лавку. Только дорогое повстрѣчался ей нищій, хромою да большою, — Параша вернулась домой безъ денегъ и безъ платочка.

Случилось тоже, на кожевенномъ заводѣ, одному работнику прихворнуть; цѣлый день пролежалъ онъ дома. На другой день Вожяковъ прогналъ его. Работникъ къ Парашѣ: «такъ и такъ, не погубите, заступитесь Парасковья Ермолаевна!» Параша стала просить отца; онъ закричалъ на нее и выгналъ вонъ.

Параша стала просить знакомыхъ, — работника приняли на другой заводъ.

Хорошо Параша пѣсни пѣла; любо было слушать, только грусть наводило... А то, была, веселая. Какъ зальется она своимъ звонкимъ смѣхомъ — ничѣмъ не удержишь. Шутить, хохочетъ, да вдругъ и задумается. Такъ задумается, что слова отъ нея не добьешься. И что только она тамъ думала, Богъ ее знаетъ? А должно-быть что-нибудь не веселое: морщанки на лбу складывались...

Рѣдно Параша сердлась; она все терпѣла. А когда ужь отецъ ее раздосадуеетъ, въ ту пору прикуситъ нижнюю губу, а глаза такъ и горятъ...

Парашѣ такъ, попросту, ничего и не говори: нѣтъ, води, толкуй ей, отчего и почему; все-то ей надо знать. А книга какая ей попадется, такъ оторвать нельзя: вею, до послѣдней строчки прочтеть.

Да какъ пораздумаю я теперь, такъ странная же была Параша. Какъ посмотришь бывало на нее, такъ поневолѣ подумаешь: «чужого, знать, ты поля ягода».

Матери у нея не было; родственница, что у нихъ жила, въ ума выжила; съ отцомъ и хотѣла бы поговорить, да онъ не хотѣлъ. Тоска смертная! Только и была у нея одна отрада, одно утѣшеніе: Груня Лукьянова. Ей Параша все повѣряла, ей советъ она слушалась. Груня была двумя годами постарше ея.

Часто говорили онѣ о замужествѣ. Извѣстное дѣло: гдѣ медь, тамъ и мухи.

Многимъ Параша нравилась; только та бѣда, что ей-то никто. Вотъ и говорить ей разъ Груня:

— Параша! Я жениха тебѣ нашла.

— Кто такой?

— Лабановъ. Человѣкъ онъ хорошій, достатокъ имѣеть, сама посуди.

Молчать Параша, точно не объ ней дѣло идетъ.

— Или теперь Кудрявинъ, продолжаетъ Груня: — въ себя молодецъ, чинъ тоже имѣеть.

— Такъ что-жь? спрашиваетъ съ удивленіемъ Параша.

— Какъ чтожь? Да по тебѣ всѣ нехорошія. Кто-жь тебѣ нравится?

— Никто.

Груня только посмотрѣла на нее.

— Хорошо ты говоришь Параша: не нравится, такъ дѣлать нечего. Ну, а что какъ отецъ-то заставитъ?

— Не заставить, спокойно отвѣтила Параша.

— А если заставить?

Параша призадумалась.

— Ни за кого не выйду, если не полюблю, сказала она шутливо: — да что тутъ толковать-то, пойдемъ лучше гулять!

Вотъ-съ хорошо. А Рязанцева-то вѣдь такими резонами не уймешь. По той причинѣ, изволите видѣть, что какъ у человѣка сердце есть, такъ ничего съ нимъ сдѣлать невозможно. Теперь ты ему говоришь: «пустяки, это не надо». А оно тебѣ: «хочу!» Ты

ему говоришь: «не мучь ты меня понапрасну!» А оно тебѣ: «хочу!» Ты ему говоришь: «Охъ, доведешь ты меня до худого конца!» А оно тебѣ: «хочу, хочу, хочу!»

Вотъ-съ по этой-то причинѣ, какъ увидить Парашу мой Егоръ Рязанцевъ, совсѣмъ растеряется. Есть, кажется, у человѣка и умъ, и разговоры разные, и обращеніе тоже дамское. А какъ увидить ее, все пропадетъ. И куда это только дѣвается? Непонятное дѣло!

— Здравствуйте, Егоръ Степанычъ! говорить она ему.

— Здравствуйте, Парасковья Ермолаевна!

Ну чего бы кажется проще? Нѣтъ, вѣдь срамъ просто! Похвастать весь, точно невинность какая!..

— Чтожь вы вчера къ Лукьяновымъ не пришли? Мы въ дурачки играли. Весело было!

— Да я-съ хотѣлъ тоже прійти, только...

Не можетъ докончить. Замолчить.

— А вы почему платили этотъ ситецъ, что на васъ, Парасковья Ермолаевна? вдругъ спроситъ онъ.

Смотрить на него Параша, удивляется:

— Это вы съ чего же, Егоръ Степанычъ, про ситецъ заговорили?

— Нѣтъ-съ, извините, я такъ...

Уйдетъ въ уголъ, да пучить на нее глаза. Вотъ тебѣ и разговоръ весь!

Выходить, какъ видѣть изволите, что Параша нашего Рязанцева задѣла крѣпко. А главное теперь дѣло, какъ былъ я ему другъ и товарищъ, стало мнѣ обидно, что онъ этакъ отъ меня скрывается. Увидить издали, поклонится, а самъ въ сторону: просто, выходить, бѣгать отъ меня сталъ. «Презрѣнный же ты послѣ этого человѣкъ!» подумалъ я.

Однако, недѣлю этакъ спустя, пришло.

— Здравствуйте Егоръ Степанычъ, говорю я ему: — покорно благодарю, что вы удостоили меня этакой чести! Я ужь думалъ, что вы совсѣмъ загордились.

— Полно тебѣ, Захаръ Семенычъ, шутки-то шутить. Ей-богу не до того мнѣ.

— Знаю я хорошо зазнобушку твою, другъ ты мой сердечный, да нельзя же этакъ съ товарищами обращаться.

— Ахъ, говорить, ты все свое... Полно тебѣ, ей-ей полно!

Вижу, человекъ точно въ грусти.

— То-то вотъ и есть, говорю я ему: — не для чего тебѣ, Егоръ, отъ меня таяться. Умъ хорошо, два лучше. Дѣлу-то твоему можетъ и пособимъ. Что-жъ въ самомъ-то дѣлѣ за невидаль такая!

— Эхъ! Захаръ Семенычъ, ужь кабы не любилъ тебя, такъ ни слова бы не сказалъ... Повѣришь-ли, вѣдь всю недѣлю, братъ, узнать себя не могу! Не знаю просто что это со мной дѣлается. Словно вотъ какъ кипяткомъ тебя ошпарили! Только вотъ объ одномъ и думаешь, какъ бы увидать ее. А увижу, такъ и самъ не радъ... Ужъ не знаю что у нея тамъ въ глазахъ, только какъ посмотреть она на тебя подольше, сказать не могу, Захаръ Семенычъ... Такъ это на душѣ сладко, сладко сдѣлается, да и ноетъ что-то... Голосъ опять такой ласковый, все бы слушалъ, да слушалъ... И все, знаешь, говорить этакъ разсудительно, да кротко... А какъ выйдетъ это на улицу, платочкомъ перевяжется, да походка съ перевалкой этакая... Ахъ, ты бѣда моя горькая! Не радъ я, Захаръ Семенычъ, что и къ Вожакову-то пошолъ!

Сталъ я разговоры эти самые въ разсужденіе принимать. И говорю я ему:

— Да что ты, Егоръ, маешься-то понапрасну? Ты вотъ что сдѣлай: погоди теперь маленько, а тамъ и ступай къ Вожакову: «такъ и такъ, молъ, Ермолай Петровичъ, какъ теперича у дасъ дочь есть Парасковья Ермолаевна, и какъ мои, значить, чувства къ ней вамъ объясняю, и она клятвою подтвердить готовъ, а притомъ пропитать могу и семейство, то благоволяте соединить благословеніемъ господнимъ!» А тамъ и бухъ въ ноги, извѣстно, какъ дѣлается!

Вижу — улыбается Рязанцевъ, глаза такъ радостью и свѣтятся.

— Чужъ, говорю я, за важность тутъ особенная? Человекъ ты молодой, работающій, умомъ Господь Богъ, кажется, не обидѣлъ? Какъ есть цара! Такъ-ли Егоръ?

Молчить.

— Ну чего голову-то опять повѣсилъ? спрашиваю я.

— Нѣтъ, говоритъ, Захаръ Семенычъ, не такое это дѣло...

— Это еще отчего?

— А оттого, что оттого... Никогда я къ Вожакову за этимъ не пойду!

И рукой махнулъ.

Не понравилось мнѣ это въ ту пору :

— Эхъ народецъ, прости Господи, хуже бабы старой! Коли такъ, такъ нечего и словъ попусту тратить... Дѣлай, какъ знаешь!

А пока Рязанцевъ тосковалъ по Парашѣ, подошло время къ самымъ святкамъ. Хорошее это дѣло праздники! Всякій человѣкъ вѣснѣе смотритъ весело, отъ трудовъ отдыхаетъ, живетъ вольно... Станутъ по домамъ священники ѣздить, Христа славить. Какъ занесть, напримеръ, отецъ Севастьянъ : «Рождество твое, Христе Боже нашъ!» — просто слушать отрада. Этакой голосъ ровной, да громкой! Сказывали тоже, отецъ Григорій будто хорошо поетъ. Оно бесспорно, голосъ у его какъ будто побиснетъ маленько, да нѣтъ чистоты той противъ отца Севастьяна, нуды нѣтъ!

Женской-отъ полъ въ ту пору больше гаданіемъ занимается. Только ветѣшныя эти бабы : гадаютъ, гадаютъ, а все на одно выходятъ, «кто будетъ сужоный?» Страхъ какъ любятъ дѣвицы-то въ зеркало смотрѣться, только смѣлости не достаетъ. Не знаю я, рассказывала одна какъ смотрѣлась.

«Обла, говорить, я къ ночи, супротивъ зеркала большого, на столъ поставила двѣ свѣчи. «Сужоный, ряженый, коли ты мени любишь, приходи ко мнѣ!»—Сажу вотъ я цѣлый часъ; въ комнатѣ тихо, претихо. Все смотрю я въ зеркало: ничего, да ничего... И вдругъ, какъ будто свѣтъ мелькнулъ. Смотрю я, свѣча горять, одна, другая, много, много... в комната открылась длинная, предлинная.... И вдругъ зашевелился кто-то. Вижу, человѣкъ стоитъ, весь въ бѣломъ, лицо блѣдное-блѣдное. За нимъ-то стоитъ другой, третій, четвертый... тьма тьмущая. Смотрю я на нихъ, зубы то стучать, сама дрожу вся.

И вдругъ это всё заплѣли... Вижу, несутъ что-то... Принесли, на столъ поставили... Какъ вскрикну я тутъ, да бѣжать изъ комнаты! Помню только, что гробъ видѣла, да видѣла какъ крышку заколачивали...»

Оно, извѣстное дѣло, хоть вѣрь, хоть не вѣрь — своя воля. А

только и нашему брату такъ иной разъ случается, что не поймешь ничего... Былъ у меня знакомый, дядя Сергѣй прозвался:

«Случилось мнѣ, рассказывалъ онъ: — по дѣлу, въ деревню Рыжовку съѣздить, отъ города недалеко. Поѣхалъ я часу въ седьмомъ вечера; сумерки. Надо было мнѣ проѣзжать черезъ лѣсъ, да потомъ черезъ поле. Ёду я себѣ, пѣсенку напѣваю, да лошадку понукиваю. Въѣхалъ я въ лѣсъ.

И откуда ни возьмись, собака черная, пребольшущая вдругъ залаяла, чуть за морду лошадь не хватаетъ. Я ее кнутомъ отгоняю; такъ нѣтъ, бестія! Отбѣжить впередъ, остановится противъ лошади, да и завоетъ во всю силу. А ужь собака завоетъ, извѣстно, что значить... Однако отогналъ я ее: скрылась назадъ. Ёду я, ёду, цѣлый часъ ёду, братецъ ты мой, все не могу изъ-лѣсу выѣхать. А по времени-то бы давно пора въ поле выѣхать. Чудно мнѣ это показалось... Одначе ничего... Только какъ завоетъ опять собака! Оглянулся кругомъ, — никого нѣтъ. Стало мнѣ, братъ, боязно. Чьи, думаю, только это шутки?... Однако тѣмъ временемъ въ поле выѣхалъ. Ну, думаю, тутъ деревня недалеко. Гляжу я вокругъ себя, — сила ты крестьяная! Опять въ лѣсу очутился! Темень страшная, ни зги не видно. Испугался я тутъ. Шепчу про себя: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его...» Да какъ вдругъ раздается по лѣсу: Ха, ха, ха! Крикнулъ я на лошадь, ударилъ возжами, а за мной кто-то скачетъ, да хохотъ по лѣсу такъ и раздается! Не помню я что дальше-то было. А очнулся я: — лошадь у избы стоитъ, въ деревнѣ... Не забуду я, братъ, этой ночи!»

Такъ вотъ какія дѣла рассказывалъ дядя Сергѣй...

А помнится мнѣ, началъ я говорить, какъ дѣвушки гадаютъ. Разныя гаданія бываютъ... Поставятъ, наприимѣръ, дѣвушекъ въ кружокъ; у каждой по кучкѣ зеренъ насыпятъ. Закружатъ пѣтуха и пустятъ его въ серединку. Такимъ-то манеромъ подошолъ разъ пѣтухъ къ Парашѣ, сталъ зерно клевать. Начали ее поздравлять.

— Такъ и такъ, Парасковья Ермолаевна, съ законнымъ бракомъ имѣемъ честь...

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, понапрасну.

А вся покраснѣла.

Извѣстное дѣло, не безъ причинъ тоже Парашу поздравляли : знали кое-что про Рязанцева.

Вотъ и приходитъ разъ вечеромъ Груня Лукьянова. Стала хвалить Рязанцева ; знала она , что онъ человѣкъ хорошій , что любить онъ Парашу сердечно.

Параша слушала да молчала.

— Такъ какъ же думаешь, Параша? спросила Груня.

— Не люблю я его... отвѣтила и задумалась.

— Скучно, Груня.

— А что опять случилось?

— Да ничего. Только скучно... Такая иной разъ грусть найдеть, что мѣста не сыщешь! Все мнѣ досадно; не смотрѣла бы ни на что... Хоть бы уѣхать куда отсюда... Все новое мѣсто, легче...

— Да отчего-жь ты скучаешь?

— Сама не знаю.

Долго онѣ еще говорили, до тѣхъ поръ, пока кто-то въ другой комнатѣ не заходилъ.

Параша вышла и встрѣтилась съ отцомъ. Она посмотрѣла на него : лицо сердитое, — сердце екнуло.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Груня.

— Ей что здѣсь надо? — Параша посмотрѣла на него съ удивленіемъ. — Чего глаза-то выпучила, дура?

— Да что вы, тятенька! За что?

— Молчать, когда я говорю! закричалъ Вожаковъ : — что, ты меня допрашивать что-ли будешь? Я ему поллецу покажу! будетъ его дочь ко мнѣ ходить!

Услыхала Груня крикъ, тоже выбѣжала.

— За что вы, Ермолай Петровичъ, сердитесь? спросила она.

— Не ваше это дѣло. Вонъ изъ моего дома! кричалъ онъ на Груню.

— Тятенька, заговорила Параша, да Груня-то чѣмъ виновата?

— Эй, Парасковья, не доводи ты меня до зла. Вонъ отсюда!

— Стуай, Груня, тихо сказала Параша.

Груня ушла. Параша залилась слезами.

Вожаковъ грозно ругался.

— Чего расхныкалась! говорилъ онъ Парашѣ. — Не люблю я этого! А къ Лукьяновымъ сохрани тебя Богъ ходить! Слышишь?

Долго плакала Параша. Была у нея одна радость — и ту отняли. И горько-то ей, да и передъ Груней стыдно. А что станешь дѣлать? Терпи...

И оттого вся исторія вышла, что въ тотъ же день поутру Вожакрвъ поспорилъ съ самимъ Лукьяновымъ. Крѣпко, сказываютъ, побранились. Вотъ и надо досаду на комъ нибудь выместить!

Какъ узналъ Рязанцевъ про это дѣло, стало ему очень обидно. И куда только робость прежняя дѣвалась?

— Полноте-вамъ сокрушаться-то, Парасковья Ермолаевна! утѣшалъ онъ ее.

Молчать она.

— Вѣдь слезами-то не поможете, ей-богу, Парасковья Ермолаевна! А вы постоите еще. Я это дѣло на чистую воду выведу...

Подняла Параша голову, смотреть ему въ глаза.

— Да такъ-съ, Парасковья Ермолаевна! Вы не удивляйтесь. Я тятенькѣ-то вашему еще матку-правду скажу. Положимъ, теперь, говоритъ онъ, что вы дочь его — безспорно это. А Груня то Лукьянова выходитъ ему чужая. А какъ же онъ смѣлъ такимъ манеромъ ее безчестить? Этого-то дѣлать непозволено. Что-жъ и въ самомъ-то дѣлѣ за человѣкъ такой, что на его ни сула, ни управы нѣтъ? Нѣтъ-съ, погодите, Ермолай Петровичъ, мы этого дѣла такъ не оставимъ!

Говорить это онъ, а самъ раскраснѣлся. Злоба-то больно забираетъ.

Только Параша-то вѣрно знала, каковъ онъ есть, отецъ-то.

— Оставьте, говорить, Егоръ Степанычъ, только хуже надѣлаете.

Сталъ онъ опять горячиться, а она все на своемъ: оставьте. Такъ и покончили.

А мало по малу стали онѣ видѣться потихоньку. Забѣжить Параша къ Лукьяновымъ, да и прядется, какъ бы кто чужой ей не увидѣлъ. А то, либо у знакомыхъ, либо въ церкви, либо на улицѣ, да и то все опасалась, чтобы отецъ не узналъ. Тяжело

жить приходилось Парашѣ! Все она какъ-будто искала чего-то, много тосковала, много плакала, много молилась.

Было дѣло по веснѣ.

Пошла разъ Параша ко Спасу, ко всенощной.

Стала въ уголѣ на колѣни, не подымается: все молится. Ничего Параша не замѣчаетъ. Не замѣчаетъ она того, что неподалеку отъ нея человекъ стоитъ, глазъ съ нея не спускаетъ. А человекъ этотъ изъ себя видный, статный, волоса какъ смоль черные, глаза большіе, словомъ сказать — молодець мужчина. А одѣтъ онъ по нѣмецкому, да щеголемъ. Вотъ, стоитъ этотъ господинъ, не крестится, не слушаетъ, оставилъ глаза на Парашу, точно приросли къ ней. Долго Параша взглядовъ-то этихъ не замѣчала. А какъ оглянулась она случайно, даже покраснѣла вся и еще ревностнѣе молиться стала. Кончилась всеобщая; стали расходиться; Параша вышла; господинъ куда-то скрылся.

Подгадать надо, исторія эта повторялась не одинъ разъ. Только то извѣстно, что какъ-то разъ, наканунѣ праздника, когда въ церкви было много народу, господинъ этотъ самый стоялъ у входа. Проходить въ это время Параша. Видитъ — толпа; остановилась въ раздумьи. Тутъ-то господинъ въ первый разъ къ ней обратился: — Пожалуйте сюда, здѣсь можно пройти.

Ничего Параша не отвѣтила и пошла дальше.

Вотъ идетъ разъ Параша отъ всенощной домой; идетъ она тихо, будто о чемъ призадумалась. И откуда ни возьмись, господинъ-то нашъ съ нею поровнялся. Закраснѣлась Параша.

— Извините, говорить, Парясковья Ермолаевна, что я съ вами заговариваю. Зналъ я прежде батюшку вашего по дѣламъ. Какъ его здоровье?

— Покорно васъ благодарю, отвѣчаетъ Параша. Глядитъ на него, что-то ей странно кажется.

— Пожалуста вы извините, я только хотѣлъ спросить о батюшкѣ вашемъ. — Мое почтеніе!

Снял шляпу, да и былъ таковъ.

Говоритъ-то онъ какъ-будто правду, а все Парашѣ не вѣрится. А сама, Богъ знаетъ чему, обрадовалась. Такой онъ

скрытый ей показался, да такой зыбкий. Почувствовала она, что сердце какъ будто зашевелилось...

И выходить теперь, что рассказывать—то долго нечего. Послѣ этого разговора, пошло у нихъ дѣло въ ходъ. Думаетъ Параша о томъ, о другомъ, а все на то сведеть, гдѣ бы его увидеть. Должно быть, и онъ о томъ же подумывалъ; потому-что стали они по временамъ встрѣчаться. Остороженъ же онъ былъ. Встрѣтить ее одѣу, кланяется, а съ другими — такой видъ дѣлаетъ, будто совсѣмъ чужой. Мало по малу поклонъ да улыбка, слово да другое, и стали они между собою хорошо знакомы. Объявилъ онъ Парашѣ, что зовутъ его Еленевымъ, что пришла онъ въ Б. служить, потому-де, что имѣние его вблизи находится.

Ужь не знаю, какія тамъ онъ Парашѣ рѣчи напоявывалъ, что ее къ нему тянуло, только вѣрно онъ ей полюбился.

А надо вамъ сказать, что была за церковною оградою не то площадь, не то улица, а мѣсто такое пустынное; рѣдко кто и проходилъ тамъ. Тутъ-то они и стали на первое время видѣться. Вотъ какой у нихъ былъ однажды разговоръ:

— Мнѣ, Парасковья Ермолаевна, хотя очень вѣжливо васъ видѣть, однако я не имѣю права подвергать васъ неприятностямъ. Вы сами знаете, Парасковья Ермолаевна, что здѣсь легко могутъ насъ замѣтить...

Слушаетъ Параша, не знаетъ къ чему онъ рѣчь ведетъ.

— Такъ чтожъ дѣлать? Спросила она.

— Позвольте мнѣ къ батюшкѣ вашему явиться?

— Что вы говорите! сохрани васъ Богъ! Не знаете вы отца-то моего...

Такъ и осталось дѣло какъ было прежде. Только стала Параша довѣрчивѣе, потому увидѣла, что человекъ не скрывается, а хочетъ дѣло напрямикъ вести.

Очень боялась Параша, чтобы не узналъ кто-нибудь. Только одной Грунѣ хотѣлось бы рассказать: потому знала она, что Груня очень ее любитъ, а можетъ статься и потому еще, что сердце-то вѣдь если заговорить, такъ куда какъ тяжело скрывать; такъ вотъ и просится, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь хочется. А боязно. Долго Параша не рѣшалась открыться; наконецъ заставила Груню поклясться и высказала ей свою тайну.

Сначала Груня только головой покачала.

— Да что-жъ ты нашла въ немъ, Параша? сказала она: — ты только подумай, что не нашего онъ круга человекъ:

Такъ куда тебѣ! И слышать не хочетъ..

— Душечка ты, Грунечка, да еслибы ты только видѣла его!.. Такой изглядъ у него нѣжный, такой онъ милый, да сиромый... Я, Груня, иногда такого не встрѣчала. И разговоръ-то у него советъ другой: все это онъ знаетъ, все тебѣ расскажетъ. Такой онъ право милый, Груня: обо всемъ меня спрашиваетъ, все хочетъ знать, какъ живу я, что я дѣлаю. И знаешь, все больше онъ меня о тятенькѣ спрашивалъ. Я, известно, всего-то ему не сказала: стыдно вѣдь! Такъ похрипѣ-ли! Онъ и такъ все понимаетъ. «Да, говоритъ, я знаю, какова ваша жизнь должна быть, Парасковья Ермолаевна.» — И вдругъ задумается, задумается... Точно печаль его одолѣетъ. Потомъ, посмотреть на меня: да, знаешь, Груня, такъ посмотреть, что я даже покрасибу вся...

— Хорошо ты все это рассказываешь, Параша, а какъ васъ да кто увидитъ? Сохрани Богъ! Знаешь нашихъ-то? Заговорать, заговорать, отецъ узнаетъ, худо будетъ...

— Да что-жъ мнѣ дѣлать, Груня? Онъ и самъ говоритъ, что нельзя намъ видѣться въ томъ мѣстѣ.

— А гдѣ же можно?

— Онъ хотѣлъ съ тятенькой познакомиться.

— Онъ хотѣлъ познакомиться? спросила опять Груня. Это хорошо Параша... Значитъ, онъ не хитритъ... Ну, а гдѣ же вы теперь-то выдаетесь?

— Да все тамъ же. Знаешь, домъ-то старый тамъ стоитъ, такъ за этимъ домомъ. Никого тамъ не видно. Да и опять же вечеръ, темно...

— То-то Параша, будь осторожна. А я за тебя все таки рада. Вишь, какая ты веселая стала теперь! А то бывало сердце болить смотрѣть на тебя. Ну, хорошо... Вотъ современемъ и замунтъ за него выйдешь.

Параша какъ-будто призадумалась.

— Нѣтъ, Груня, что объ этомъ теперь думать! Я просто люблю его... ну какъ тебѣ сказать? какъ брата.

Ну, конечно, Еленевъ очень ужъ понравился Парашѣ. Потому самому такъ и рада была. А что говорила она, что любить его какъ брата, такъ это, полагать надо, больше говорено

было по скромности женской. Правда—то, правда, можно и брата любить; только тогда и тревожиться не для чего, и краснѣть незачѣмъ. Нѣтъ—съ, полагать надо, Параша Еленева другимъ манеромъ любила...

Вотъ—съ, хорошо. Никто объ этомъ тичего не знаетъ, а ужь отецъ—то и подавно. Это вотъ тоже маленько мнѣ странно кажется... Теперь, сколько я видалъ примѣровъ, а отцы—то всегда меньше всѣхъ другихъ знаютъ...

Любо было тогда смотрѣть на Парашу. Ужь и такъ она хороша была, а тутъ вдвое краше стала. Такая сдѣлалась кроткая, да ласковая, да такъ глядитъ это мило, такъ улыбается, что даже просто не насмотрѣлся бы на нее.

Стала въ ту пору щеголять моя Параша: волосы напомажены, да приглажены, талья перетянута, сережки на ней новыя, сапожки козловые. Ну, извѣстное это дѣло: завсегда такъ бываетъ. Еще-бы Парашѣ—то простительно: и безъ нарядовъ хороша была. Нѣтъ, поди ты, и изъ нашего—то брата, напримѣръ, кажется, человѣкъ пожилой, солидный... А какъ случится этакая оказія сердечная, такъ просто узнать нельзя человѣка: брѣтается, да моется, да причесывается по пяти разовъ на день; костюмы себѣ разные заказываетъ, да примѣриваетъ. А потомъ, нѣтъ, нѣтъ, да и подойдетъ къ зеркалу. «А что вѣдь, думаетъ про себя, какъ бы тамъ ни было, а я вѣдь все еще ничего такъ, мущина какъ есть. Эхъ! ты, прыщъ проклятый! Надо тебѣ было на этомъ мѣстѣ наскочить?»

А какой ужь это мущина какъ есть, коли набрюшники флаanelевые носить?

Однако это мимоходомъ.

Такъ вотъ, сказываю я вамъ, Параша то совсѣмъ повеселѣла въ первое время. Не думала она, не тревожилась о томъ что будетъ впереди. Хорошо ей, да и только! И то сказать: какъ намучишься вдоволь, такъ радъ—радехонекъ, какъ полегче станетъ. Гдѣжъ тутъ впереди заглядывать? Такъ—то времечко бѣжало, да бѣжало...

— Ну, Парасковья, сказалъ однажды Вожаковъ: — приходитъ время и о замужествѣ подумать...

Парашѣ—то, извѣстно, показалось это удивительно.

— Да вы къ чему же это говорите, тятенька? спросила она.

— Не знаешь къ чему? Что, Рязанцевъ даромъ что-ли сюда ходитъ?

Какъ услышала она это, поблѣднѣла вся; сердце такъ и забилось.

Однако оправилась вскорѣ.

— Что-жъ, говорить, развѣ я ужь вамъ надоѣла, что вы хотите меня замужь отдавать?

— А то чего-жъ еще разбирать-то станешь?

Рязанцевъ человѣкъ хорошій.

— Да что вы, тятенька! Я совсѣмъ не люблю его...

— Ну ладно, полюбишь... Чего тутъ разсуждать еще!

Хуже вожа востраго показались эти слова Парашѣ. Потому нравъ она тятенькинъ очень знала, и что бы тамъ ни было, а подумала она, что быть бѣдѣ неминуемой. Тяжело приходилось ей бѣдной... Думаетъ, думаетъ, да какъ залетится вдругъ слезами... Вотъ тебѣ и утѣшеніе все!

Рассказала она про это дѣло Грунѣ. Та совѣтъ давала — за Рязанцева выйти, послушаться отца. Только губу прикусила Параша.

А Вожаковъ тѣмъ временемъ не дремалъ: принялся онъ за Рязанцева.

— А что, Егоръ, сказалъ онъ ему: — Параша-то тебѣ нравится?

Какъ сказалъ онъ ему это, совсѣмъ его въ конфузъ привелъ. Молчать Рязанцевъ да краснѣть.

— Ну что-жъ, говори! Нравится небось?

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ, извѣстное дѣло... Парасковья Ермолаевна дѣвица тоже...

Не могъ однако сказать ничего путнаго. Только улыбается.

— Да чего шмылишь-то? Слушай, Егоръ, не люблю я этого. У меня на чистоту чтобы было. Коли нравится, такъ прямо мнѣ и говори. А тамъ ужь мое дѣло...

Рязанцевъ только въ глаза ему смотреть.

— Ну, говорить Вожаковъ, отвѣчай что-нибудь: либо да, либо нѣтъ.

— Да какъ вамъ сказать, Ермолай Петровичъ?..

— Ну чего?

— Конечно, Парасковья Ермолаевна и собой очень прекрасна и величественнѣе другихъ...

— Такъ чего-жь тебѣ еще? Ну, если такъ ты се находишь, такъ и Богъ съ вами. Я препятствовать тебѣ не стану, потому знаю я, Егоръ, человекъ ты трезвый, работающій.

— Такъ-съ оно точно такъ-съ, Ермолай Петровичъ...

Не можетъ договорить. Опустилъ глаза къ землѣ, тяжело вздыхаетъ, лобъ рукою потираетъ, словно ему приговоръ смертный читаютъ.

— Ну, говоритъ Вожаковъ: — медлить те долго нечего. Вотъ подождемъ немного, да и обрученіе сдѣлаемъ. Такъ-ли Егоръ?

Молчитъ Рязанцевъ, только потъ на лицѣ выступилъ.

— Да что-жь ты, Егоръ, въ самомъ дѣлѣ, али языкъ отнялся? Говори что-нибудь!

Танъ тяжело въ ту пору вздохнулъ Рязанцевъ, словно сердце у него вынули. Однако поднималъ голову, смотритъ на Вожакова.

— Ну, Егоръ?

— Нѣтъ-съ, Ермолай Петровичъ... насилу выговорилъ Рязанцевъ.

Всталъ Вожаковъ съ мѣста. Разсердился.

— Да ты что, Егоръ, шутки со мной шутить вздумалъ.

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ, какъ-же я смѣю? Только вы извините...

— Да чего извинять? Ты дѣло говори!

— Потому, Ермолай Петровичъ, извиняю, что хотя Парасковья Ермолаевна точно мнѣ нравится, однако такихъ я мыслей имѣть не могу... Для того что и онѣ еще молоды, да и я тоже по дѣламъ своимъ не свободенъ... Какъ будетъ послѣ Богу угодно, а теперь, Ермолай Петровичъ, извините...

Очень Вожаковъ удивился въ ту пору, потому увидѣлъ онъ, по какой причинѣ Рязанцевъ отказывается. А удивился главное потому, что другой-то, на мѣстѣ Рязанцева, въ ноги бы ему бросился. А что до Параша, такъ известное дѣло, не стала бы другой объ этомъ сокрушаться: не любить, молъ, а послѣ выкинетъ, такъ и полюбить...

Досадно стало Вожакову. Закричалъ онъ на Парашу:

— Твои это все штуки! Я у тебя дурь-то изъ головы выбью! За Рязанцева выйдешь!

Молчитъ Параша, насилу радость скрываетъ.

А Рязанцеву-то не легко было отъ счастья отказываться... И

досадно стало ему и больно. Жалобы стали, зачѣвъ напрямикъ отказался. Все надежда-то его подмывала: а можетъ и полюбить? Такъ это мучило его, что хотѣлъ ужь онъ совѣмъ идти къ Вожакову, прошенія просить. Однако перелумалъ.

— Пропадай же ты моя жизнь совѣмъ, коли по доброй волѣ не пойдетъ за меня! сказалъ онъ себѣ.

На этихъ словахъ и покончилъ.

Съ той поры сталъ Рязанцевъ къ Вожакову ходить изрѣдка, а съ Парашею совѣмъ почти говорить пересталъ. Только ей самой какъ будто совѣстно стало. Прямо то, извѣстно, она ему ничего не говорила, и вслѣдствіи знала Рязанцевъ, что она ему благодарна. Такъ ласково на него глядитъ иной разъ, что Рязанцеву даже жутко приходится. Въ томъ и отрада его вся была...

А отчего только Параша Рязанцева не любила? Богъ знаетъ. Еще правду сказать надо, такихъ-то жениховъ, какъ Рязанцевъ, поискать было надо.

Долго гнѣвался Вожаковъ на Парашу.

Вспылить онъ, закричить на нее, житья просто нѣтъ! Только съ той поры какъ полюбила Параша Еленева, стала она терпѣливѣе; какъ онъ ни кричи, она все молчитъ. А послѣ подойдетъ къ отцу, какъ будто ничего не бывало, говорить ласково. Вожаковъ-то по временамъ удивлялся неможко. Звалъ онъ тоже, что хоть прежде и молчитъ она, а кипить у ней на дурѣ: не овечка была по нраву своему.

А тутъ видно, что ничего не помнить, не обижается даже. Странно это ему кажется.

«А все, думаетъ, хорошо. Вотъ опомнилась таки наконецъ: изъ отцовскаго послушанія не выходить!»

Параша рада радехонька, что туча надъ головою прошла. Еще больше прежняго полюбила она Еленева. Только радость та ей не долго продолжалась!.

Какъ сказалъ я, была у Парашы головка умненька. И стала она мало по малу Парашу безпокоить: «Охъ, говорить, Параша, смотри, чтобъ худа не было!»

А съ сердцемъ то тоже сладить нельзя: такъ вотъ и рвется, такъ и просится, хочется любимаго человека повидать! Что тутъ дѣлать? А къ тому же и Груня стала ее останавливать.

— Слушай, Параша, говорила она, довольно тебѣ забавлять-

ся, пора кончить. Забудь ты Еленева! Ужь какъ я ни думала, а ни къ чему хорошему не поведетъ это дѣло! Пока можно оставить, а смотри, чтобы поздно не было... Ей-ей, Параша, милая моя Параша, оставь ты это дѣло! Не посовѣтую я тебѣ худого.

Тяжело это было слушать Парашѣ.

Что-жь это, право, такое? сказала она сквозь слезы: — вотъ тебѣ и счастье все кончается...

На другой день свидѣлась она съ Еленевымъ.

Какъ увидѣлъ онъ ее, за руки взялъ

— Что у васъ такое случилось, Параша? Что вы плачете?

Молчить она.

— Да говорите-же, Параша! Опять у васъ вѣрно съ отцомъ что нибудь вышло?

— Ничего.

— Такъ чего-жь вы плачете?

— Тяжело прощаться...

Еленевъ только смотритъ на нее.

— Надо-же когда нибудь проститься, Павелъ Васильичъ. Лучше теперь...

Какъ услышалъ это Еленевъ, призадумался; даже на щекахъ румянецъ показался. Потомъ, словно какъ опемнился.

— За что-жь вы меня обижаете, Парасковья Ермолаевна! спросилъ онъ.

— Я васъ обижаю?..

— Да, Парасковья Ермолаевна. Не ожидалъ я этого отъ васъ... За какого-же вы меня человѣка считаете? Развѣ полагаете, что я не обдумалъ нашего положенія? Развѣ вы полагаете, что я когда нибудь рѣшился-бы увѣрять васъ въ своей любви, еслибы не имѣлъ серьезной цѣли? Стыдно вамъ, Парасковья Ермолаевна! Не заслужилъ я этого! Я только день и ночь объ томъ думаю, какъ бы устроить нашу свадьбу. Не выдѣ вы сами знаете: у васъ отецъ есть; человѣкъ онъ крутой; съ нимъ надо дѣйствовать осторожно. У меня тоже родные есть. Надо все устроить, все обдумать. Нельзя этого дѣла сразу сдѣлать.

Говорилъ такъ Еленевъ, даже разгорачился. Параша спокойно выслушала.

— Нѣтъ, Павелъ Васильичъ, сказала она: — я тоже все

обдумала. Не можетъ быть этой свадьбы, потомучто не пара я вамъ. Вамъ надо другую невесту, умную, богатую, изъ другого круга... Отецъ мой тоже не согласится. Да и что скажутъ ваши родные? Вы подумайте объ этомъ! Какъ я покажусь передъ ними? Не знаю я вашихъ обычаевъ; осмѣютъ меня! Нѣтъ, Павелъ Васильичъ; я знаю, что вы хорошій человекъ, да чтожъ дѣлать, когда нельзя!.. Лучше и не думать объ этомъ. Лучше... простимся...

— Вы все сказали, Парасковья Ермолаевна?

— Все...

— Такъ вы меня теперь послушайте, говорилъ Еленевъ сердитымъ тономъ: — Что вы меня за ребенка что-ли считаете? Что вы думаете, что я посмотрю на когонибудь, когда я васъ одинъхъ люблю? Родные, вы говорите. Да если они заупрямятся, развѣ это меня остановитъ? Я слава-богу независимъ. И къ чему вы про ваше сословіе говорите? Кто на это нынѣ смотритъ? Нѣтъ, Парасковья Ермолаевна, пустями все это; не дѣло вы говорите.

Смотритъ на него Параша, сама не знаетъ какъ ей быть, а видно — обрадовалась.

— Вы не сердитесь, Павелъ Васильичъ, сказала она: — я не виновата, что мнѣ все что-то не вѣрится...

— Такъ вотъ что? Вы сомнѣваетесь, Парасковья Ермолаевна? Клянусь же вамъ честью и всѣмъ что для меня есть святого, что я люблю васъ и всегда буду любить! Повѣрьте же мнѣ, Параша!

Говорить это Еленевъ и руки ея цѣлуетъ.

Молчитъ она. Замѣтилъ Еленевъ ея раздумье.

— Ну, хотите, я сейчасъ къ вашему отцу пойду. Параша?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно! Сохрани васъ Богъ!

Долго еще говорилъ Еленевъ. Параша опять повеселѣла. Потомъ онъ сталъ ее о чемъ-то спрашивать. Параша долго отговаривалась; наконецъ рѣшалась.

— Ну, коли такъ, сказала она, дѣлать нечего... Теперь прощайте! Видите, какъ темно?

— Прощайте, Параша!

Еленевъ взялъ ея руку и близко нагнулся къ ней.

— Простите же, Павелъ Васильичъ...

А сама смотреть на него какъ-то странно и гонимъ наклонилась.

Еленевъ вдругъ выпустилъ ей руку.

— Прощайте, Парасковья Ермолаевна, сказалъ онъ, и чуть ли не побѣжалъ отъ нея.

Пошла Параша домой. Спокойно стало на душѣ у нея. Такая тишина кругомъ. Идетъ Параша тихонько, да на небо смотреть. А звѣзды тамъ, далеко, далеко блестятъ, словно камни драгоценные. Смотритъ на нихъ Параша, улыбка на губахъ играетъ...

«Сколько это ихъ? думаетъ она: — никогда не перечесть... Куда ни взглянешь, всюду новыя... А вонъ, тамъ маленькія звѣзды, чуть-чуть видно ихъ... — Ахъ!..»

Звѣзда стремглавъ полетѣла внизъ.

«Куда-жь это она полетѣла?» спрашиваетъ Параша. И все смотреть на небо, и кажется ей, что раздвигается сводъ небесный...

«А что-жь за этимъ небомъ, за этими звѣздами?» опять думаетъ она... И чѣмъ больше глядитъ она на небо, тѣмъ все ей что-то непонятнѣе кажется; такъ меножитно, что она вдругъ какъ-будто и самое себя не узнала...

Параша перекрестилась.

Вдругъ она замѣтила, что кто-то идетъ ей навстрѣчу. Она закуталась и пошла скорѣе. Какой-то человекъ поровнялся съ нею и остановился. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть глазъ. Человекъ этотъ былъ Рязанцевъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, въ квартирѣ Еленева, въ большихъ креслахъ сидѣла Параша. Еленевъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ и держалъ ей руки.

— Да что вы пугаетесь—то все, Параша? Никто зась-здѣсь не увидитъ, говорилъ Еленевъ.

— Да все страшно, Павелъ Васильичъ... Знаете, какъ я шла, такъ все оглядывалась; такъ сердце и билось, неравно кто увидитъ... бѣда!

— Я-жь вамъ говорилъ какую дорогую надо идти.

— Да я такъ и шла, а все страшно: Ну, пора мнѣ домой, право пора.

И Параша встала съ кресель. Но Еленевъ такъ крѣпко жаль ей обѣ руки, что она, будто противъ воли, опять сѣла.

— Право не хорошо, говорила тихо Параша: — подумайте сами: на квартирѣ у достопочтеннаго человека...

— Да помолите вамъ, Параша! Что за вздоръ право! Не все ли равно гдѣ? Вѣдь вы сами знаете, что больше намъ цѣль видѣться.

— Оно такъ, конечно... Только я не знаю... мнѣ ужасъ какъ неловко... Пустите, Павелъ Васильичъ!

— Вы опять! *Павелъ Васильичъ*. Говорите просто — *Павель*.

— Ну пустите, Павелъ...

И Параша опять встала съ кресель, и Еленевъ опять всталъ съ рукъ и усадилъ въ кресла.

— Параша, милая Параша, говорилъ Еленевъ, стоя на кофѣнкахъ и цѣлуя руки: — не уходите! Пожалуста, не уходите! За что вы хотите, чтобы я тосковалъ здѣсь, одинъ? Ну, хоть немножко подождите; я такъ люблю васъ..!

Еленевъ нагнулся къ полу, взявъ ея ногу и поцѣловалъ.

Параша всуихнула.

— Что вы дѣлаете, Павелъ... Васильичъ?

Еленевъ не отвѣчалъ, но приподнялся и жадно смотрѣлъ ей въ глаза. Параша все больше крѣсилась. Въ комнатѣ раздался громкій, длинный поцѣлуй.

Параша скрыла отъ Груши, что была у Еленева. И посмотрѣвъ бы кто на нее, такъ и въ голову бы не пришла такая вещь: очень ужъ скрывать-то умѣла.

Такимъ-то образомъ стала она ходить къ Еленеву. Трудно ей было на это рѣшиться, да дѣлать-то нечего; прикидываясь ей либо туда ходить, либо вовсе не жить, но той причинѣ, что совсѣмъ обождала ее Еленевъ. Кажется, скажи въ ту пору кто слово худое про него, такъ глаза выпараиваются. Всѣмъ-то онъ малъ ей казался: и умомъ, и лицомъ, и манерами.

А говорилъ Еленевъ криво, да плавно. Параша слушаетъ — ошана не своя! «Есть такой человекъ» давно думала она. А тутъ вотъ онъ! живой, на лицо! Какъ не радость?..

Рассказывалъ ей Еленевъ про страны разные, какъ это вѣдѣлъ повсюду, какъ видѣлъ все. Въ диковинку Парашѣ кажется, что люди по двумъ желѣзнымъ площечкамъ чуть-ли не спорятъ и стыдятся вѣдать; еще чуднѣе ей кажется, какъ это въ пять ми-

путь за тысячу верстъ можно переговариваться. Ничего этого въ Б. не было. И какъ это, въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ городѣ два миліона людей живетъ, и всѣмъ—то имъ мѣста хватаетъ? Не вѣрится Парашѣ, что такія есть страны, гдѣ и снѣгу никогда не бываетъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ озера съ голубою водою, что есть горы выше облаковъ ходячихъ и на тѣхъ горахъ вѣчный снѣгъ лежитъ. Рассказывалъ Еленевъ, что въ тѣхъ далекихъ странахъ живутъ люди весело и свободно. И еще тяжелѣе показалась Парашѣ ея горькая жизнь...

Параша обо всемъ разспрашивала, все ей хотѣлось знать; Еленевъ на все отвѣчалъ. Удивлялась она: какъ это одинъ человѣкъ можетъ столько знать?

Еленевъ былъ на все мастеръ. То заиграетъ на фортепьяно, то запоетъ. И голосъ у него такой прѣкрасный, и пѣсни у него такія, что сердце щекочуть... А те книги возьметъ, вслухъ читаетъ. Парашѣ больше стихи нравились.

— Послушайте, Павелъ, сказала разъ Параша, знаете что я хочу спросить у васъ?

— Не знаю.

— Вы не шутите со мною?

— Какъ вамъ не стыдно говорить это, Параша!

— То-то же, Павелъ. Миѣ вѣдь шутка-то эта дороже будетъ стоить...

Еленевъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ ея руку.

«Я дамъ тебѣ все, все земное,
Люби меня!»

сказалъ горько Еленевъ.

— Будто дадите? спросила Параша.

— Это не я говорю, Параша, — это стихъ Лермонтова.

— А?.. Я не знала.

Сначала Параша все чего-то тревожилась и сама не знала отчего. А какъ увидѣла она, что Еленевъ такой кроткій, да ласковый, такъ и совсѣмъ довѣрилась ему. Еленевъ всегда самъ заговаривалъ о женитьбѣ. Главное, говорилъ онъ, тутъ надо дѣйствовать осторожно, потомучто съ Вожаковымъ не легко сладить. Параша тоже всего больше боялась отца. Но Еленевъ сказалъ ей, что у него есть другъ — совѣтникъ казенной палаты, который поможетъ уговорить отца, потому самому, что у

Вожакъ въ палатѣ были кое-какія дѣлишки и совѣтника этого онъ очень почиталъ. На бѣду, совѣтникъ былъ теперь въ отлучкѣ, но долженъ скоро приѣхать. Говорилъ еще, что веревыивается съ родными и надѣется, что они согласятся.

— Ну, положимъ, Параша, что ни вашъ отецъ, ни мои родные не согласятся. Отчаяваться все таки нечего: мы все-же обвѣнчаемся. Только знаете, Параша, все это времени требуетъ, надо священника уговорить, надо все уладить...

Параша такъ вѣрила Еленеву, что наконецъ перестала его спрашивать о сватбѣ.

А когда Параша стала говорить о Рязанцевѣ, Еленевъ вдругъ будто смутился. Точно мысль какая пришла ему въ голову. Онъ разспрашивалъ ее чѣмъ занимается Рязанцевъ, у кого онъ служить, каковъ изъ себя, какіе лѣтъ, есть ли у него достатокъ. Параша сказала все что знала. Прибавила еще, что Рязанцевъ челоуѣкъ хорошій, что онъ ее сердечно любитъ, что ей жаль его. Удивился Еленевъ, когда услышалъ, что Рязанцевъ самъ отказался отъ женитьбы. Потомъ сталъ благодарить Парашу: онъ бы никогда не зналъ счастья, еслибы она вышла за Рязанцева.

Но когда ушла Параша, Еленевъ быстро заходилъ по комнатѣ. Онъ улыбался и потиралъ руки. Должно быть вѣрно ему было.

Стоитъ однажды Рязанцевъ въ лавкѣ, товаръ покупателямъ выхваливаетъ, да аршиномъ примѣриваетъ. Приходитъ въ ту пору молодой господинъ.

— Что прикажете? спрашиваетъ Рязанцевъ.

— Покажите мнѣ шелковыхъ матерій на платье, отвѣчаетъ господинъ.

Снялъ Рязанцевъ съ полки товаръ, раскладываетъ сталъ. Смотритъ покупатель на матеріи, а больше того на Рязанцева.

— Покажите, говорить, мнѣ что-нибудь получше.

Опять сталъ смотрѣть, да выбирать. Наконецъ таки выбралъ одно платье.

— Прикажете прислать на домъ? спрашиваетъ Рязанцевъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя-ли будетъ вамъ самимъ зайти сегодня вечеромъ. Не люблю я вашихъ мальчиковъ, ничего не понимаютъ. Да видите, вотъ что: некогда мнѣ теперь выбирать-то; вы захватите съ собою еще нѣсколько матерій, — я дома выберу.

Далъ свой адресъ и уполгъ. На адресѣ было написано: «Еленевъ».

Приходить къ нему Рязанцевъ. Вотъ сталъ опять Еленевъ выбирать платья, а тѣмъ временемъ съ Рязанцевымъ разговоръ ведется.

Разспрашиваетъ его какъ идетъ торговля, сколько получаетъ онъ жалованья, давно-ли на мѣстѣ.

«Экой ласковый, право», подумалъ Рязанцевъ. Еленевъ выбралъ еще одно платье, сталъ деньги считать.

— Это, говорить Еленевъ: — я для родныхъ купилъ... А вотъ когда жениться буду, опять къ вамъ въ лавку прийду...

— Милости просимъ.

— А вы тоже еще не женаты?

— Нѣтъ-съ... отвѣчаетъ Рязанцевъ, и замолкъ.

— Въ вашемъ быту вѣдь рано женятся?

— Да-съ, это точно такъ...

— А вы вѣрно не хотите еще?

— Нѣтъ-съ, такъ, не случилось...

Говоритъ Рязанцевъ, конфузится.

— Ужъ должно быть, сказалъ Еленевъ, — у васъ есть предметъ какойнибудь?

— Помыслите. Не до того нашъ.

— Ну, полноте скрывать-то. Ужъ я по всему вижу, что есть. Признайтесь, такъ вѣдь?

— Нѣтъ-съ, вѣрно слово, нѣтъ.

— Ну, не хотите говорить, — какъ знаете. Я, видите, потому васъ разспрашиваю, что знаю хорошо какъ это у васъ дѣлается. Теперь положимъ, полюбили вы кого-нибудь, ну, напримеръ Дуняшу какуюнибудь или Парашу...

... Рязанцева передернуло.

— ... Полюбили вы напримеръ Парашу, и она васъ любила. Все-бы, кажется, хорошо... Такъ вотъ, нѣтъ-же! Какъ тутъ мы любви, а если не согласенъ отецъ, такъ ничего и не сла-лаешь. Правду я говорю?

— Оно такъ-съ, конечно. А тоже бываетъ, что родители согласны, да дочь-то не хочетъ...

— Кто говорить! Бываетъ, только рѣдно.

— А все-жъ бываетъ...

— Гм... Да... Ну это, я думаю, для капризу больше. А

какъ олуается хорошенько, такъ и выйдеть. Чтожь за радость въ старыхъ то дѣвкахъ оставаться? Особенно, если женихъ-то изъ себя молодець... Ну, скажите-ка по совѣсти, будто за васъ не согласится выйти кто изъ здѣшнихъ?

— Не могу этого знать — я вѣдь только для примѣра это сказалъ.

— Да, да, разумѣется... Вотъ что я вамъ скажу: какъ вамъ понравится кто-нибудь, вы мнѣ скажите: я вамъ посватаю. Я на эти дѣла ловокъ... Право!

Еленевъ засмѣялся.

— Покорно благодаримъ, отвѣчалъ Рязанцевъ.

— Ну-съ, такъ прощайте! Если мнѣ еще что нужно будетъ, я опять къ вамъ въ лавку зайду.

— Сдѣлайте милость!

«Вишь, свать какой пашолся, подумалъ Рязанцевъ; — должно «быть шутникъ этотъ господинъ».

На другой день Рязанцевъ забылъ объ этомъ разговорѣ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. То, да другое, а между тѣмъ пришли теплые, лѣтніе дни.

На послѣднихъ порахъ рѣдко я видалъ Рязанцева. Людей онъ бѣгать сталъ. А и зайдетъ когда на минутку, такъ сидитъ себѣ, словно статуя какая, — и слова отъ него не добьешься. Мнѣ-то тоже жаль его, потому человекъ хорошій; а тутъ поди вотъ! Этакая оказія случилась... А всячески, думалъ я, авось и пройдетъ бѣда. Вѣдь дѣлать-то нечего: силой не возьмешь. «Ну, а чтожь, думаю, погорюеть, погорюеть, да и позабудеть. Человекъ онъ тоже молодой, захочетъ повеселиться, а тамъ встрѣтится ему какая ни-на-есть особа, такъ можетъ и полюбить ее. Надо-жь ему рано или поздно жениться. Нельзя то же «жизнь-то цѣлую вздыхать, да горевать.»

Такъ-то я думалъ про себя. Однако дѣло вышло иначе.

Силу я разъ у окна вечеромъ да трубочку покуриваю. Приходить въ то время Рязанцевъ. Посмотрѣвъ я на него, удивился даже: щоки опали, губы блѣдныя, глаза красныя, волосы растрепаны.

— Что съ тобой Егоръ? спрашиваю я.

Кн. XII. — Отд. I.

— Ничего...

Съѣзъ на стулъ, молчить.

— Да ты нездоровъ, должно быть?

Не отвѣчаетъ.

— Да полно тебѣ, Егоръ! Чего молчишь-то? хуже вѣдь такъ будетъ.

— Да что, Захаръ Семенычъ, говорить-то? Нечего мнѣ говорить. Совсѣмъ измучился, ей-богу! Ни въ чемъ покоя нѣтъ; мутитъ тебя, да и все! Ужъ не знаю что дальше будетъ, а тяжело мнѣ приходится... Спать ляжешь, не спишься; ѣсть хочешь, не ѣтся; въ лавку прійдешь, такъ повѣришь-ли, совѣстно даже. Какъ угорѣлый просто. На дняхъ это матерію за полцѣны продалъ. Забылъ о цѣнѣ-то. Хозяинъ тр замѣчать сталъ: «что, говорить, Егоръ, видно нездоровъ?» Нездоровъ! Выдумалъ-что! Да какъ тутъ здоровымъ-то будешь, когда день и ночь все объ одномъ и думаешь? Вѣришь, другой разъ до того это мучить, что хоть на край свѣта бѣжать готовъ, только маленько-бы отдохнуть! Ужъ чего-то я не дѣлалъ? И въ гости ходилъ, и съ пріятелями кутилъ... ничего не помогаетъ. Опротивѣло все; смотрѣть даже тошно! А домой прйдешь, — еще хуже: такая тоска нападетъ, что не дай Богъ. Такъ вотъ, братецъ-ты мой, и изволь тутъ съ собой справляться... Только вотъ и отрады иной разъ, какъ выйдешь прогуляться поутру рано. Благодать въ воздухѣ такая, свѣжесть, деревья цвѣтутъ, птички щебечутъ, солнышко землю грѣетъ... Ну и оная выдвѣшь: вдутъ себѣ люди спокойно, разговоръ ведутъ, смѣются; дѣти малыя играютъ... Куда ни посмотришь, всѣ это довольны да веселы. Ну вотъ, знаешь, на время-то и отляжетъ отъ сердца... Идешь себѣ потихонечку, улыбаешься даже... А тутъ какъ вспомню я вдругъ Парашу, какъ вспомню и лицо ея ласковое, да рѣчь ея тихую, да какъ подумаю я, что не любитъ она меня, да и вѣкъ не полюбитъ, — такъ въ ту пору что со мной дѣлается, ужъ я и рассказать не могу... Такая нападеть тоска, тоска жгучая, такъ сердце заноситъ... просто бѣда... Что-жъ это и за жизнь такая? Ужъ лучше-бы какъ нибудь докончить... По крайности, муки не будетъ...

Такъ-то мнѣ рассказывалъ Рязанцевъ. Сталъ я угѣшать его. Слушаетъ онъ, да улыбается. Только улыбка-то ужъ не хоро-

знаю... Однако пересказала я ему о томъ, о другомъ, вижу, какъ будто успокоился немного, въ разговоръ вступаетъ.

— Знаешь, Захаръ Семеновъ, мнѣ вотъ иной-рредъ мысли такія странныя въ голову приходятъ...

— А это-жь, напримеръ?

— Да вотъ, знаяшъ, думаю я себѣ: отчего это бываетъ, что одного человѣка любить, а другого не любить?... Думаетъ я тебѣ: въ чемъ она, самая причина-то есть?

— Трудно это, братъ, угадать съ чемъ причина...

— Известно, что трудно... Ну вотъ возьмемъ мы теперь Парашу. Вѣдь уми Господи Боже ты мой, какъ люблю я ее голубку! Вотъ прійди она теперь, что хочешь прикажи, все для нея сделаю; нравится, отна родного продать готовъ... А ей, выходитъ, это все равно; никакого качества вниманія не обращаетъ. Это вотъ, Захаръ Семеновъ, очень уми обидно... И Богъ ее знаетъ что только ей нравится? Самъ-же ты говоривалъ, что изъ себя я не уродъ какой; ума, доложитъ, хитъ и нѣту лишняго. а знаю тоже, что не дуракомъ меня Господь создалъ... Такъ думаю теперь: что-жь такое ей еще надо? Ума просто не приложу.

— Значить, братъ, не по нраву ей...

— Должно-быть такъ... А то вотъ еще: слается мнѣ, что не любить она бородатыхъ. Какъ думаешь, не сбрить-ли бороду-то?

— Полно тебѣ, Егоръ. Для чего бороду брить? Борода этому дѣлу не мѣшаетъ.

— Не мѣшаетъ, говоришь-ты? Кто-жь ее знаетъ?... А какъ ты думаешь, Захаръ Семеновъ, будь я теперича не приказчикъ, а прямо сказать офицеромъ, въ мундирѣ знаешь, да въ эполетахъ, да съ аксельбантомъ — вѣдь дѣло-то бы другимъ манеромъ пошло?

— Ну, конечно, военный-то человекъ какъ-будто больше имъ нравится.

— То-то вотъ и есть... Да ничего съ этимъ не подѣлаешь. До офицера-то, я думаю, не скоро дослужишься?

— Надо полагать, не скоро.

Такъ разсуждалъ Рязанцевъ. Не зналъ онъ, что въ тотъ-же вечеръ Параша была на квартирѣ у Еленева, и былъ онъ скучный такой. Параша все упрашивала его сказать ей, отчего онъ

грустить. Не думалъ Рязанцевъ, что въ тотъ-же вечеръ, по укладѣ Параша, господина Еленевъ долго прокаживались сердито по комнатамъ и курили сигару. А сердиться они извлекли по той-причинѣ, что имъ мысли некорошія въ голову приходили: «что, дескать, это все очень сентиментально, да скучно, и очень ужъ надоедаетъ; что и такъ ужъ они цѣлымъ мѣсяцемъ лишній разъ за все прожили, и пора, наконецъ, кончить это дѣло: довольно они перемонились съ этою дѣвочкою. А послѣ того, чтобы скандалу не было, — Рязанцеву стоитъ только слово сказать. Ну, а заупрямится, ей-же будетъ хуже...»

А послѣ этихъ разсуждений, отправились они въ карты играть.

А Рязанцевъ въ ту пору шавался по городу. Шолъ онъ куда глаза глядятъ. На все кажется смотрѣлъ, а ничего не видѣлъ.

— Что призадумался, Егоръ Степанычъ! проговорилъ чей-то голосъ сзади.

Рязанцевъ обернулся.

— Да такъ, кое-куда иду, Ермолай Петровичъ, отвѣчалъ Рязанцевъ.

— Ну, а меня-то совсѣмъ забылъ. Чего не зайдешь никогда?

— Да такъ, какъ-то все...

— Зайди, зайди, Егоръ, побесѣдуемъ.

— Благодарю покорно.

Надо сказать, что все у него на виду былъ Рязанцевъ. Полагалъ онъ, что все-таки одумается Рязанцевъ и женится на Парашѣ. Пришолся, значить, отцу-то онъ по праву! А Рязанцеву отъ этихъ словъ еще тяжелѣе стало.

«Ужь, по крайней мѣрѣ, отецъ-бы не соглашался; ну чтожь дѣлать? Противъ него не пойдешь вѣдь. Такъ нѣтъ-же! самъ забываетъ... Ахъ ты судьба моя горемычная!

Думалъ такъ Рязанцевъ, илучи потихоньку, голову къ землѣ опустивши. Вдругъ слышитъ реветъ кто-то благимъ матомъ. Видитъ мальчишка, лѣтъ четырнадцати, повалилъ на землю другого мальчугана, помоложе, и тузитъ его.

Рязанцевъ вдругъ схватилъ старшаго за руки.

— Чего вы черти разодрались? За что ты его бьешь? закричалъ онъ.

Мальчишка струхнулъ.

— Помилуйте, дяденька, какъ его не бить? Онъ ругается на всю улицу.

— Прочь она, собака, говоритъ другой, сивоев слезы: — играли мы въ бабки, а Мишка-то у меня три бабки укралъ. Эй-богу, бабки мои; Матрена подарила... Я и сталъ говорить ему: верь, Мишка, верь! А онъ вотъ меня бить зачалъ. Больно...

И мальчуганъ снова разревѣлся.

Рязанцевъ минуту подумалъ. Потомъ, ни слова не говоря, схватилъ старшаго за волосы и съ ожесточеніемъ сталъ бить его.

— Пошелъ! закричалъ Рязанцевъ.

Но Мишка стоялъ и ревелъ въ свою очередь.

— Пошелъ, говорятъ тебѣ!

Мишка отбѣжалъ прочь отъ него.

— У! Чертъ проклятый! закричалъ онъ Рязанцеву, в давай Богъ ноги — бѣжать.

Рязанцевъ пошелъ своею дорогою. Степнѣло. Онъ вышелъ за городъ. Долго онъ бродилъ между полями, долго слушалъ какую-то невеселую пѣсню...

Для дна вспоминалъ Рязанцевъ про Вожакова, два дня сбился къ нему идти, да духу не хватало. На третій пошелъ.

— Дома, Ермолай Петровичъ? спросилъ онъ.

— На заводъ уѣхали. Скоро будутъ, обождите.

Рязанцевъ хотѣлъ взойти, но остановился.

— А Парасковья Ермолаевна дома? опять спросилъ онъ.

— Ко всеобщей должно-быть ушли. Онѣ у насъ богомольныя.

Рязанцевъ взмошелъ. Комната та-же; на столѣ платочекъ; около шитья начатое... Вспомнилъ онъ прошлое. Заныло его сердце. Сѣлъ Рязанцевъ къ столу, закрылъ лицо руками и задумался.

Въ комнатѣ мухи не слышно. Долго думалъ Рязанцевъ.

Параша вошла незамѣтно, и остановилась. Она смотрѣла съ удивленіемъ на Рязанцева.

— Что вы, Егоръ Степанычъ? спросила она.

Рязанцевъ вскочилъ съ мѣста, точно укусилъ кто его. На глазахъ дрожали слезы.

— Я-съ... ничего... Парасковья Ермолаевна.

— Чего-же вы плачете? тако спросила Параша.

... к... Исаевымъ съ... Ермолай Петровичъ сказывалъ...!

Рязанцевъ отеръ слезы кулакомъ.

— Да полно же вамъ, Егоръ Степановъ, говоритъ Параша умоляющимъ голосомъ: не мучьте вы себя, пожалуйста. Что же мнѣ дѣлать? Не я виновата...

— Да-съ... Они же заводь уехали... Прощайте, Парасковья Ермолаевна!

— Да постоитъ же! Тятенька сейчасъ будетъ...!

Но Рязанцевъ такъ скоро выбѣжалъ, точно дѣвъ загорѣлъ.

Стало Парашѣ жаль Рязанцева. Она тяжело вздохнула. Потомъ нѣсколько разъ поцѣловала хромовское кольцо, которое было у нея на мизинцѣ.

Тревожный былъ этотъ день для Парашы. Она рѣшилась легла спать, но среди ночи проснулась. Не спитъ... Она встала съ постели, накинула платье и отворила окно. Ночь была темная; небо покрыто тучами. Параша глядитъ въ темноту и прислушивается: тишина мертвая. Прислушивается Параша, а мысли претивъ воли приходятъ ей къ телу.

То промелькнетъ передъ нею образъ матери и зашепчетъ ей сердце... То видитъ она передъ собою строгаго, мрачнаго лица отца. И неловко ей дѣлается, будто кочется ей спать: «Тятенька, а тятенька! За что вы на меня сердитесь? Что я вамъ сдѣлала? Вѣдь я люблю васъ, тятенька! Я очень васъ люблю!» — И тутъ бы она бросилась къ его ногамъ и стала бы руки его цѣловать. А вмѣсто того, вдругъ слышитъ она его гнѣвный голосъ: «онъ пошла, не твое дѣло!» кричитъ отецъ. И видитъ она опять какъ онъ бросается на Груню, на единственную ее подругу и выгоняетъ ее изъ дому. И сколько ни вспоминаетъ она свою прошлую жизнь, ничего отраднаго вспомнить не можетъ. Все такъ черно, да тяжело...

А вотъ стоитъ Еленевъ; говоритъ онъ что-то ласковое, улыбается... И Параша улыбнулась.

«Конецъ моей горькой жизни! думаетъ она: — Только странно мнѣ, какъ это вдругъ все переѣнится? Дѣлаю, ужъ не сонъ-ли это? А если?.. Нѣтъ, не можетъ быть! А если?.. «никакой вздоръ! А если... онъ не любитъ меня?»

Тяжело стало Парашѣ отъ этой мысли. Она встала со стула и выглянула въ окно: тучи становилась чернѣе.

Она опять задумалась. Представляется ей Рязанцевъ. Ви-

двѣтала его слова. Бѣдный онъ! Тяжело ему жить, да!.. А ей развѣ легче? Что ей было до сей поры? Мука, да страданіе... И отчего ей выпала такая доля? Чѣмъ она провинилась? Вѣдь другіе вотъ счастливы, веселы! Отчего-жъ она несчастна? И всю жизнь мучится она, и сама хорошенько не знаетъ отчего? Только ей сдается, что есть другіе люди, есть другая жизнь... Такъ что-жъ: Неужто опять терпѣть?

— Да развѣ мало я настрадалась? говорила Параша: — Господи! что-жъ я такое сдѣлала наконецъ...

Параша заплакала горкими слезами. Какъ только подумаетъ она о своей жизни, такъ и польются по щекамъ слезы. «Пусть льются» думаетъ Параша: «миѣ легче дѣлается, гораздо легче.»

Вдругъ она задрожала: черное небо разверзлось, загорѣлось пожаромъ, и снова тучи закрыли весь сводъ небесный.

— Страшно! сказала Параша.

Она затворила окно, легла въ постель и закрыла голову одеяломъ. А зарница загоралась все чаще и чаще, и огненный свѣтъ прорывался сквозь одеяло и все пугалъ ужъ и безъ того встревоженную Парашу...

Не подумалъ бы никто, что такъ страдала Параша, еслибы видѣлъ ее на другой день у Еленева: такъ она ласково да шѣжно смотритъ на него. Еленевъ только улыбается. Только когда Параша спросила приѣхалъ-ли совѣтникъ, Еленевъ наморщился.

— Нѣтъ еще, отвѣтилъ онъ сухо.

— Когда-жъ онъ приѣдетъ?

— Должно быть скоро, отвѣчалъ онъ такимъ-же тономъ.

Параша посмотрѣла ему прямо въ глаза. Еленевъ замѣтилъ ея взглядъ... Онъ сталъ говорить ей, что ему обидны такіе частые вопросы, что не отъ него въ самомъ-же дѣлѣ зависитъ приѣздъ совѣтника, что онъ не дожидется того дня, когда назоветъ ее своею женою.

Параша сначала все спрашивала его то о томъ, то о другомъ. Но Еленевъ говорить былъ мастеръ. Параша замолчала.

— Ну, Параша, объ чемъ-же вы задумались? спросилъ Еленевъ.

— Ни объ чемъ... Я васъ слушаю.

— Ну хорошо, слушайте. Слушайте же, милая Параша: я говорю вамъ, что вы такая добрая, такая милая...

Еленевъ поцѣловалъ ея руку.

— Я говорю вамъ въ сотый разъ, Параша, что я васъ люблю. Вѣрите вы мнѣ, Параша?

— Вѣрю, отвѣчала она спокойно.

— Ну, а если вѣрите, такъ можно васъ поцѣловать?

— Зачѣмъ-же это?

— Ну, пожалуйста, одинъ разъ только...

Еленевъ обнялъ ее за талию и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Такъ можно? спросилъ онъ чуть слышно.

— Да зачѣмъ это, Павелъ? сказала такъ же тихо Параша.

— Одинъ разъ, боюсь вамъ, одинъ разъ...

— Перестаньте... довольно-же... говорила Параша, освобождаясь отъ него: — вотъ видите, вы сказали одинъ разъ, а шесто того...

— Ну, извините, Параша; больше никогда не буду.

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку.

Лицо его горѣло.... Параша пристально посмотрѣла на него, потомъ взяла книгу и стала перелистывать ее. Съ этихъ поръ Параша сдѣлалась грустиѣе. Она попрежнему любила Еленева, и вѣрила ему. Только она со страхомъ вспоминала его рѣзкій отвѣтъ о совѣтникахъ и его наморщенные брови.

Дома-то Парашѣ приходилось жить все тяжелѣе. Худо пошли дѣла Вожакова по заводу; очень это его досадало. Вотъ и сталъ онъ на Парашу ни за что, ни про что наущаться. Параша все терпѣла; только какъ останется другой разъ одна, такъ слова какія то шепчетъ, и взглядъ у нея въ ту пору странный такой...

А повстрѣчалъ я недолго послѣ того Рязанцева, такъ просто удивился: совсѣмъ человѣкъ не тотъ сталъ: что-то съ нимъ дѣлалось не хорошее; экой парень былъ смирной, да ласковый, а тутъ, поди ты, пробормоталъ что-то сердито, да и былъ таковъ... Сказывали ребята тоже, что крѣпко измѣнился Рязанцевъ. Сталъ онъ на языкъ дерзкій, да бранчивый; никому спуска не даетъ; изъ за бездѣлицы горячку подымать сталъ. Сказалъ однажды ему хозяйнѣ, что такъ молъ не дѣлается... Такъ слышь ты, сказываютъ, какъ закричитъ на него Рязанцевъ,

такъ тотъ только глаза вытирашилъ. Думалъ жаленко пону-
гать его хозяинъ.

— Миѣ, говорить, голубчикъ, этакихъ приказчиковъ держать
не приходится...

Такъ Рязанцевъ—то на всю лавку засмѣялся.

— Чтѣ, говорить, страшать вздумали? Чтѣ, я мѣстомъ ва-
шимъ развѣ дорожу? Да плевать миѣ и на мѣсто и на васъ са-
михъ! Подавайте расчетъ, коли такъ!

Однако стали ребята другіе уговаривать его. Да и хозяину
то отпущать его не хотѣлось: потому зналъ онъ, что вся лавка
на немъ держится. Такъ и остался Рязанцевъ на мѣстѣ.

Вотъ стоитъ разъ вечеромъ Рязанцевъ у окна. Идетъ Па-
раша во другую сторону улицы, въ рукахъ узелокъ держитъ.
Идетъ она, о чемъ то задумалась.

Какъ вскрикнуть вдругъ Рязанцевъ:

— Мое почтеніе, Парасковья Ермолаевна! Все—ли въ добромъ
здоровьи?

Остановилась Параша, удивляется.

А онъ—то еще громче прежняго.

— Гулять изволите, Парасковья Ермолаевна? Самое теперь
время прекрасное. Тянькѣ кланяйтесь.

Посмотрѣла еще разъ на него Параша, ни слова не сказала,
дальше пошла.

Такъ Рязанцеву—то это очень обидно показалось. Какъ бѣ-
шенный заходилъ по комнатѣ, про себя говорить сталъ:

— Не отвѣчаете, Парасковья Ермолаевна? Не удостоили?
Не по праву пришли мы вамъ? Обыкновенно, гдѣ—жъ намъ
дуракамъ? Не ровня мы вамъ; барина вамъ нужно, господина;
что вамъ за охота мужика этакаго любить?

Захохоталъ Рязанцевъ, точно полуумный.

— Эхъ дуракъ! Эхъ чортъ косолапый, прости Господи. Ту-
да—же залѣзь, дьяволъ; шѣжности заводитъ сталъ... Вздыхать
началъ да плакать... По дѣломъ дураку! По дѣломъ... Не
суйся! Вотъ тебѣ и любовь! Будь—ты проклята совсѣмъ! Чтѣ,
братъ, досадно? Разбираетъ небось? А что сдѣлаешь?.. Вотъ
такъ! Заплачь! Заплачь, дуракъ неотесанный!..

Легъ на постель Рязанцевъ, заревѣлъ, какъ ребенокъ ма-
лый.

И съ тѣхъ поръ сталъ Рязанцевъ, словно доносчикъ какой;

за Парашой замѣчаты. Сталъ онъ въспоминать, куда она ходитъ и зачѣмъ и въ какіе часы и кто къ нимъ ходитъ.

Такииъ-то образомъ стоитъ разъ Рязанцевъ въ церкви, позади, въ толпѣ, такъ что его и не видно; стоитъ онъ, все на Парашу смотреть. Не дошла еще служба до половины, а глядитъ Рязанцевъ: Параша изъ церкви выходитъ. Вышелъ и онъ за нею осторожно; воротникъ приподнялъ, лицо спряталъ. Только видитъ: не домой идетъ Параша, въ другую сторону повернула. Странно это ему показалось. Идетъ Параша скоро, прескоро; Рязанцевъ за нею подалъ. Темно становилось. Вдругъ Рязанцевъ замѣтилъ какого-то человѣка: онъ шолъ навстрѣчу Парашѣ. Походка-то какъ будто Рязанцеву знакомая. Подблизилъ человѣкъ къ Парашѣ, сказалъ ей что-то, и скорыми шагами пошелъ обратно. Мучится Рязанцевъ, не можетъ припомнить, отчего человѣкъ этотъ какъ-будто знакомъ ему.

Параша идетъ все дальше, Рязанцевъ все за нею. Наконецъ она подошла къ небольшому деревянному дому; дверь отворилась сама собою.

Рязанцевъ остановился какъ вкопавшій на мѣстѣ. Онъ тяжело дышалъ. На лбу выступилъ потъ. «Еленевъ» прошепталъ онъ. Вдругъ рѣшительно подошелъ къ двери и взялся за ручку. Но въ ту же минуту раздумалъ и чуть ли не побѣжалъ отъ квартиры Еленева. Рязанцевъ опомнился только тогда, когда очутился за городомъ. Онъ сѣлъ на траву и сталъ думать. Долго онъ думалъ, много плакалъ. Пришедши домой, онъ принялся писать письмо. Вотъ что онъ написалъ:

«Милостивая государыня,

Парасковья Ермолаевна!

«Не губите себя! Опомнитесь! Не вѣрьте Еленеву. Онъ злодѣй и душегубецъ. Какъ призвалъ онъ меня разъ для покупки матеріи, а между тѣмъ меня все разспрашивалъ. И въ ту пору пропустилъ я это дѣло безъ вниманія. А теперь узналъ я его, злодѣя и обманщика: хочетъ соблазнить васъ и надѣется опослѣ за меня замужъ выдать. Ехидна онъ нечистая, змѣя онъ лукавая! Парасковья Ермолаевна! Правду я говорю; на страшнои судѣ повторю! Богъ съ вами, Парасковья Ермолаевна! Намыленно мнѣ не будешь. Много я изъ за васъ вытерпѣлъ...

«Парасковья Ермолаевна! Помилуйте! Осчагните едѣмъ
«словами, не дайте погибнуть! Прощайте!»

«Покорнѣйшій слуга

Егоръ Рязанцевъ.»

Рязанцевъ разъ пять прочиталъ письмо и легъ спать. На
другое утро, онъ прочиталъ письмо еще разъ и задумался. По-
тому дрожала свѣча и снегъ письмо.

Въ тотъ-же день онъ пошелъ къ Вожакову. Только-что онъ
открылъ дверь, какъ услышалъ голосъ Вожакова: онъ кричалъ
на Парашу. Рязанцевъ тотчасъ ушелъ.

На слѣдующее утро, вмѣсто того, чтобы идти въ лавку, Рязанцевъ отправился къ Парашѣ. Отца уже не было дома.

— Извините, Парасковья Ермолаевна, сказалъ онъ, — беспокоилъ васъ...

— Вамъ тятеньку надо? спросила она сердито.

— Нѣтъ-съ,

— Такъ кого-жъ вамъ?

— Извините, Парасковья Ермолаевна; мое дѣло — сторона, я вѣдь только для васъ, ей-богу для васъ, чтобы бѣды не было...

— Да что вы еще тамъ выдумали?

— Извольте видѣть, Парасковья Ермолаевна: господинъ Еленевъ...

— Егоръ Степанычъ! Ради-Христа, никому не говорите. Егоръ Степанычъ! Вы честный человѣкъ! Не говорите никому! Не скажете? А? Не скажете?

— Помилуйте, Парасковья Ермолаевна! Не такой я человѣкъ...

— Нѣтъ, побожитесь, что не скажете.

— Да ей-богу не скажу: хоть крестъ поцѣловать готовъ.

Параша успокоилась.

Рязанцевъ долго переминался. Наконецъ повторилъ ей весь разговоръ съ Еленевымъ. Чѣмъ дальше рассказывалъ Рязанцевъ, тѣмъ съ большимъ негодованіемъ смотрѣла на него Параша.

— Неправда, все неправда! закричала она съ гнѣвомъ: — лжете вы! Стыдно вамъ, стыдно! Завясть васъ беретъ. Ни одному слову вашему не повѣрю. Клеветникъ вы злой! Слушать васъ не хочу.

Рязанцевъ выслушала все это совершенно спокойно.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сказалъ онъ: — прощайте, Парасковья Ермолаевна!

Тяжелый день насталъ для Параша. То ей кажется, что Рязанцевъ выдумалъ все изъ ревности, что этого быть не можетъ; то она воспоминаетъ спокойный видъ Рязанцева и рѣвкій отвѣтъ Еленева. И сердце бьется отъ страха.

Долго Параша думала, долго сомнѣвалась. Совесть мучилась.

И неправду: нѣтъ бѣды горше сомнѣнія. Мечется человекъ изъ стороны въ сторону и не находитъ отвѣта.

Клянется онъ, что «да», а черезъ минуту готовъ поклясться, что «нѣтъ».

Тяжело ему приходится... И выступаютъ на лбу желтыя пятна и роются глубокія морщины.

Хотѣла Параша все рассказать Еленеву, — духа не хватило... Стала она ему жаловаться на судьбу свою, на злыхъ людей, умоляла поторопиться сватьбою, опасалась, что кто-нибудь узнаетъ — бѣда будетъ.

Еленевъ заговорилъ ее, зацѣловалъ ея руки и клялся, что скоро будетъ сватьба.

Параша успокоилась, но часто на глазахъ видѣлись слезы.

Еленевъ думалъ, что у этихъ барышень ужъ такая манера хныкать, что поплачетъ, да и перестанетъ.

Рязанцевъ не показывался.

Было часовъ семь вечера.

Тихонько Параша вышла изъ дому и отправилась къ Еленеву.

— Барина дома нѣтъ, сказалъ ей мальчикъ, слуга Еленева, отпирая дверь.

— Гдѣ-жъ они? спросила съ удивленіемъ Параша.

— Обѣдать къ дяденькѣ уѣхали. Приказали просить извиненія; они будутъ въ восемь часовъ.

— Хорошо, тихо проговорила Параша и зашла въ кабинетъ.

Она села; ей было досадно ждать цѣлой часъ; и дѣлать нечего.

— Весело ему тамъ, думаетъ она; вѣрно много гостей, много дѣвъ...

Иъ стало еще досаднѣе.

Она начала ходить по комнатѣ. Все ей тамъ знакомо: и гарюры на стѣнахъ, и часы, в большое кресло, на которомъ она такъ часто сидѣвала, а Елену стоялъ на колѣннѣхъ около нея.

Подешла Параша къ столу и остановилась... На столѣ лежалъ забытый бумажникъ Елену. Параша взяла книгу, стала читать, а сама все носится на бумажникѣ. Не выдержала наконецъ Параша, открыла бумажникъ; между визитными карточками и разными записками, лежало письмо. Была только Параша успѣла прочесть: его вшекоблагородно, Павлу Васильевичу Елену, въ Б. (6-ой губерни), какъ въ ту-же минуту послѣдовалъ въ передней шорохъ. Параша быстро бросила бумажникъ на столъ и уставила неподвижно глаза въ книгу. Но шорохъ звѣнулъ. Тогда Параша осторожно, на цыпочкахъ, чѣтно веревкой, подошла къ двери и притворила ее. Потомъ вынула изъ бумажника письмо, положила его въ книгу и стала читать:

«Любезный братъ Павелъ!

«Только-что получилъ письмо твое. Я былъ очень обрадованъ твоимъ извѣстiemъ: пора тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, осепеннѣться. Ты пишешь, что м-elle Станова очень хороша сребю, что она хорошо образована и свѣтская дѣвушка. Чего-жъ тебѣ еще? Советую, братъ, не медлить. Куй желѣзо, пока горячо. Не забудь, что сто тысячъ приданого на каждомъ шагу не валяется. Итакъ жду тебя съ молодою женою. Пора тебѣ ужъ домой: уѣхалъ имѣнне осматривать, да и загостился.

«Ты спрашиваешь что новаго? Особеннаго ничего нѣтъ. Надежъ былъ у Рыжковыхъ балъ, послучаю имяницъ ея. Ужинъ былъ великолѣпный; ужъ не знаю, откуда онъ досталъ им жаркое фазановъ.

«О тебѣ всѣ спрашивали. М-elle Б., кажется, не впрочъ промѣнять свою фамилю на твою. Донъ-Жуанъ, да и только!

«Я очень доводемъ моею новою коляскою: сдѣлана съ большимъ вкусомъ.

«Твоя верховая лошада стоитъ у меня на сберемени. Она чувствуетъ себя хорошо и ждетъ хозяина.

«До свиданія, Паша».

«Твой Владиміръ».

«Р. S. Ты мнѣ писалъ въ прежнихъ письмахъ о какой-то купеческой дочкѣ. Надѣюсь, что твои труды увѣнчались успѣхомъ. Совѣтую тебѣ однако поскорѣе выдать ее замужъ за того любимаго иудичка, о которомъ ты тоже писалъ мнѣ: Оно сподобится будетъ; а то вѣдь не отвѣжешься.»

Параша подвинулась съ мѣста и хотѣла закричать, но голосъ замеръ... Она въ изуможеніи опустилась на стулъ. По блѣдымъ щекамъ ея лились горячія слезы.

Холодная дрожь пронизывала ее съ головы до ногъ.

Вдругъ она вскочила съ мѣста, быстро разкинула шитье въ бумажникъ, и принялась махать по комнатамъ. Она крѣпко стиснула зубы и судорожно сжимала кулаки. Не узнавъ, бы ли то время Параша; протисно было смотрѣть на ея блас лице...

Подомъ она снова сѣла, облокотилась на руку и задумалась. Все на свѣтѣ забыла Параша; тяжелыя мысли приехали ей въ голову. А вѣрнд притисно ей было: она улыбулась, и отъ радости даже закусила нижнюю губу. На глазахъ ни одной слезинки.

Параша посмотрѣла на часы, потомъ стала читать книгу. Она не поняла ни одного слова; она читала до тѣхъ поръ, пока кто-то не зашагалъ. Параша вздрогнула.

— Здравствуйте Параша! сказалъ входя Елсеевъ.

— Я васъ давно жду здѣсь, Павелъ, отвѣчала она ласково.

— Извините, Параша, извините пожалуйста. Никакъ не отпустили; насилу вырвался.

Елсеевъ подошелъ къ ней и обнялъ ее за талію. Парашу обдало сильнымъ запахомъ вина.

— Ну, весело было? Рассказывайте, Павелъ.

— Да, народу было много... Обѣдъ корошій... Да садитесь же, Параша, право; я такъ давно не видалъ васъ; я съежился безъ васъ...

— А мнѣ развѣ не скучно было? Ну, идите же сюда, дѣ ближе, вотъ такъ!

— Ахъ вы мой, Параша! Предсестъ вы мой, китъ я люблю васъ!

Елсеевъ смотрѣлъ на Парашу огненными глазами. Она наклонилась къ нему, провела обѣими руками по его волосамъ и улы-

бнула. Еленевъ обнялъ ее и сталъ крѣпко цѣловать. Параша не сопротивлялась. Еленевъ забылся...

— Слушайте, Параша, говорилъ онъ: — вѣдь вы не любите меня, вы все притворяетесь только?..

— Что вы говорите, Павелъ! Какъ вамъ не стыдно?

— Такъ за что-жъ вы меня такъ мучите, Параша? Вы думаете, легко все это переносить?

На глазахъ его показались слезы.

— Ну, полноте, Павелъ. Надо же потерпѣть.

Еленевъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Надо потерпѣть немного, Павелъ... А теперь, знаете, мнѣ домой пора.

Она вѣтхоньку, незамѣтно, подошла къ столу; Еленевъ за нею. Вдругъ онъ взвился въ лицѣ. Параша смотрѣла на него, словно ястребъ и улыбалась.

— Что это вы прячете? спросила она.

— Нѣтъ, это бумажникъ... Я позабылъ...

— А покажите мнѣ что у васъ тамъ?

— Да ничего: счета, да расходы...

— Ну покажите.

— Да вамъ неинтересно.

— А! Такъ вы секретничаете? Скверный вы этакой!

И Параша такъ вѣжно посмотрѣла на Еленева, будто просила его ласки.

— Ну, такъ до завтра, Павелъ! сказала Параша и лукаво улыбнулась.

Еленевъ поцѣловалъ ее. Параша ушла.

Проснулся на другое утро Еленевъ, вспомнилъ ягучіе поцѣлуи и улыбнулся. «Пріятная дѣвочка, подумалъ онъ: — глаза такіе томные, губки горячія. Да, много я потерялъ на нее времени... Какъ это я бумажникъ вчера позабылъ? Я думаю, утѣшилась бы немножко? А впрочемъ, и то не бѣда: вѣдь по уши влюблена бѣдная, скрыть не можетъ...»

Еленевъ опять улыбнулся.

Вечеромъ пришла Параша. На этотъ разъ, она безъ церемоній сѣла на колѣни Еленеву.

— Знаете, Павелъ, сказала она: — я все думала о нашей сватьбѣ...

— Вы опять, Параша, за свое; вы опять не вѣрите мнѣ? отвѣчалъ строго Еленевъ.

— Да штъ-же, не то я хотѣла сказать. Вы думаете, что я тоже каменная какая-нибудь? Я просто минуты покойной не знаю. Я не знаю, что со мной дѣлается...

Еленевъ хотѣлъ поцѣловать ее. Параша удержала его рукою.

— Нѣтъ, постойте, Павелъ, постойте. Если... ну, если я люблю васъ, вы женитесь потомъ на мнѣ?

— Клянусь вамъ, Параша.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и крѣпко стиснула зубы.

— Ну, еще разъ поклонитесь, Павелъ, пожалуйста!

— Тысячу разъ клянусь вамъ, Параша!

Загорѣлась ея щеки. Злоба ее душила.

— Я... вѣрю... вамъ... насилу выговорила она.

— Такъ чего-жъ вы такъ пугаетесь? спросилъ съ удивленіемъ Еленевъ.

— Да страшно, Павелъ... Пустите!

Она соскочила съ его колѣнъ. Еленевъ воспѣшилъ заговорить о постороннихъ предметахъ.

— Дайте вашъ палецъ, сказалъ Еленевъ передъ уходомъ Парашѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣлъ ей серебряный наперстокъ.

Они простѣлись.

Очень обрадовался Еленевъ словамъ Параша.

— Давно-бы такъ! сказалъ онъ про себя.

Онъ подошелъ къ зеркалу, сталъ охорашиваться и приглаживать усы.

— Дѣйствуетъ, значить, сказалъ онъ громко.

И не думалъ, не гадалъ Еленевъ, что не было у Параша злѣе его врага. Не зналъ онъ, что часто брови ея морщились, а на блѣдыхъ губахъ улыбка играла.

Сильно въ то время измѣнилась Параша. Точно сама на бѣду наворачивалась; словно ей все ничемъ стало. Прежде только день и ночь думала, какъ бы никто не узналъ, что она ходитъ къ Еленеву; а теперь не смотритъ ни на какіе часы, не обходитъ улицъ, идетъ прямо къ нему, да еще видъ гордый принимаетъ. Вотъ и сталъ кое-кто примѣчать куда она ходитъ; узнали кто тамъ живетъ — дѣло и готово.

И то сказать, очень уж люди рады, какъ про другого что худое можно узнать. А и нѣтъ худого, такъ прибавятъ, да сочинять. Скучно, изволите видѣть, такъ-то попросту жить; вотъ и давай клеветать: оно вѣдь интересно. А что етъ этого иной разъ человѣкъ гибнетъ, такъ это, выходитъ, послѣднее дѣло: лишь-бы нашъ хороше было...

Идетъ рабъ Параша по улицѣ, встрѣчается ей Рязищевъ. Едва онъ ей поклонился, хотѣлъ идти своею дорогою. Такъ Параша-то остановила его.

— Что васъ давно не видно, Егоръ Степанычъ? спросила она его ласковымъ тономъ.

Чудно это показалось ему.

— Дѣлами занять все, Парасковья Ермолаевна. Вы все-ли въ добромъ здоровьи?

— Благодарствуйте, мнѣ хорошо.

А сама идетъ съ нимъ рядомъ, о томъ, о другомъ разговариваетъ. Да ласковая такая, да любезная. Шли они такими манеромъ по улицѣ порядкомъ долго. Рязищевъ дошелъ до своего дома.

— Прощайте, Парасковья Ермолаевна!

— Да куда-жъ вы?

— Домой.

— А!.. Ну, прощайте.

Постояла Параша противъ этого дома и пошла, задумавшись, дальше.

Пришла Параша однимъ вечеромъ къ Еленеву. Онъ ходилъ скоро по комнатѣ, словно съ нимъ лихорадка была. Параша села въ кресла и зорко на него смотрѣла.

Вотъ какой между ними былъ разговоръ:

— Павелъ! Да перестаньте-же сердиться. Пойдите сюда.

Еленевъ сталъ противъ нея.

— Нѣтъ, довольно наконецъ, Парасковья Ермолаевна! Что вы мнѣ говорили вчера, что вы мнѣ говорили недѣлю назадъ, что вы мнѣ говорили еще раньше? Вспомните-ка! Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, вы меня за мальчишку считаете? Вы думаете, что меня за носъ водить можно? Стыдно вамъ обманывать меня! Я не въ силахъ больше переносить этого положенія. Одно изъ

слушать, или вы меня любите, или нѣтъ... А тутъ, какъ нарочно, дѣла меня требуютъ. Я долженъ буду уѣхать на время...

Параша перебила его:

— Вы не уѣдете, Павелъ. Нѣтъ, сохрани Богъ!

— Да что-ниги мнѣ дѣлать? Я долженъ ѣхать.

— Не говорите этого, Павелъ, не говорите. Я для васъ на все рѣшусь, только не уѣзжайте! Не уѣзжайте Павелъ, я прошу васъ, я умоляю васъ!

Еленевъ все еще дулся и молчалъ.

— Слушайте, Павелъ, начала опять Параша: — Я не могу болѣе такъ жить: это просто каторга! Знаете что мнѣ приходитъ на мысль? Если-бы я была замужняя...

Лицо Еленева пресѣло. Онъ спрашивалъ ее глазами.

— Еслибы я была замужемъ, продолжала Параша тихо: тогда-бы было другое дѣло... Тогда-бы я ничего не боялась...

Еленевъ молчалъ. Параша не опускала съ него глазъ.

— Помните, Павелъ, я вамъ говорила про Рязанцева?

— Про Рязанцева? Постойте... Да, да, я теперь припоминаю...

— Мнѣ стоитъ только слово ему сказать, Павелъ. Отецъ мой давно хочетъ этого. Я упрошу его сдѣлать свадьбу какъ можно скорѣе.

Еленевъ вдругъ выпрямился.

— Этого не будетъ, сказалъ онъ рѣшительно. — Этого никогда не будетъ, Параша, говорю я вамъ. Вы будете или моею женою или ни за кого другого въ мирѣ не выйдете замужъ.

— Вы баагородный человекъ, Павелъ, я всегда такъ думала. Но посудите сами...

— Я васъ прошу не говорить объ этомъ, Параша.

— Посудите сами, Павелъ. Наша свадьба не скоро состоится. Да какъ подумаю я хорошенько, такъ и отецъ-то мой наврядъ-ли согласится. Такъ неужели опять ждать, опять мучиться? Нѣтъ, Павелъ, вы не захотите сами этого; нѣтъ, это невозможно. Я выйду за Рязанцева, дѣлать нечего; а любить васъ единичъ я буду...

Еленевъ цѣловалъ ее руки и умолялъ ее не выходить замужъ за Рязанцева. Параша возражала, но все слабѣе и слабѣе...

Она собралась идти домой.

— Опять ты меня оставляете, Параша? Ей-богу в заплатах... Когда-же будетъ конецъ этимъ мученьямъ?

Параша подошла къ нему и шепнула ему на ухо: «застрел».

Только-что она вышла, Еленевъ закричалъ: «Ура! наша лавка!»

— Ванька! крикнулъ Еленевъ.

— Чего изволите?

— Ты дуракъ, Ванька?

— Не могу звать, Павелъ Васильичъ.

— На, вотъ тебѣ три рубля серебромъ.

— Поцорию благодарю, Павелъ Васильичъ.

Параша шла отъ Еленева тихимъ, твердымъ шагомъ. Она очень въ послѣднее время покудѣла; а все было хороша; все еще на ее кроткое лицо заглядѣться можно было. Часовъ въ девять вечера пришла Параша домой. Видитъ: отецъ у окна стоитъ, лицо злобное. Забилось тревожно ее сердце.

— Ты куда ходила? спросилъ онъ гнѣвно.

— Я ходила тетеньку навѣщать... отиѣчала нестерпимъ глосомъ Параша.

— Врешь ты, подлая тварь, закричалъ Вожаковъ: — я все знаю! Ты къ любовнику своему, къ Еленеву, ходила.

— Оставьте меня, тятенька, кротко сказала Параша: не долго мнѣ теперь, я сама вамъ послѣ все расскажу.

Она прошла въ свою спальню. Отецъ за нею.

— Прятаться отъ отца вздумала? кричалъ Вожаковъ: — Еленевъ научилъ вѣрно?

Параша тяжело дышала; щеки покрывались все больше и больше румянцемъ.

— Еленевъ не былъ моимъ любовникомъ. Я вамъ послѣ расскажу... повторила Параша.

— Сейчасъ говори! Слышишь?

— Не скажу, спокойно отвѣтила Параша, крѣпко стиснувъ зубы.

— Что? Ты противъ отца идти вздумала? Ахъ, ты распутная дѣвка! Ахъ, ты!..

И Вожаковъ подошелъ къ ней близехонько. Отскочила Параша, глаза кровью налились.

— Да что за тиранство такое! закричала она на весь домъ: — Всю жизнь вы меня мучили; мало еще вамъ? Тамъ ничего-жъ

не скажу, слышите? Ничего не скажу! Да, былъ Еленевъ мойиъ любовникомъ, ходила я къ нему и опять пойду. Прочь отъ меня! Караулъ! Ой!.. Ой!.. Безъ чувствъ повалилась Параша на полъ подъ тяжелыми ударами отца.

Когда она очнулась, губы ея были въ крови, волосы распушены, подъ лѣвымъ глазомъ большой синякъ. Поднялась она съ полу, за грудь схватилась. «Больно» простонала она.

Параша накинула платокъ и выбѣжала изъ дому.

Рязанцевъ хотѣлъ ложиться спать. Вдругъ постучали сильно въ дверь.

— Парасковья Ермолаевна! вскрикнулъ Рязанцевъ.

Параша взошла.

Какой у нихъ былъ тамъ разговоръ — неизвестно. Только Рязанцевъ стоялъ сперва какъ юродивый. Потомъ упалъ передъ Парашей на колѣни и горько заплакалъ.

— Что вы задумали, Парасковья Ермолаевна! говоритъ онъ съ рыданіемъ: — Уйдите-отсюда! Ради вы Христа уйдите! Себя вы погубите, да и меня-то тоже. Уйдите, Парасковья Ермолаевна!

Встала Параша съ мѣста и пошла къ двери.

— Такъ прочь отъ меня, обманщикъ! закричала она: — Тамъ-то вы меня любите? Всѣ вы таковы!

Но Рязанцевъ, схватившись за платье, ползалъ за нею на колѣняхъ и плакалъ.

— Не сердитесь, Парасковья Ермолаевна. Я люблю вѣдь васъ, — видитъ Богъ какъ люблю! Не сердитесь только!

Параша вдругъ нагнулась къ нему и крѣпко обняла его обѣими руками.

— Ты одинъ меня любишь, я твоя. . простонала она.

Вся кровь бросилась въ голову Рязанцеву. Онъ схватилъ Парашу въ объятія и приподнял ее съ полу.

Еленевъ только-что всталъ. Кто-то сильно позвонилъ. «Должно быть брошку для Парашы принесли» подумалъ Еленевъ. Но Параша сама стояла передъ нимъ: лицо блѣдное, волосы нечесанные, одежда растрепанная.

Еленевъ остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Что это значит? едва проговорилъ онъ.

— А то значитъ, господинъ Еленевъ, что я у Разанцева по-
чевала... Чего вы глаза-то раскрыли?

Засмѣялась Параша.

— Что-жъ, господинъ Еленевъ, вѣдь вы умный человѣкъ, а
въ дуракакъ остались!

Опять засмѣялась.

— Да что вы смотрите на меня, какъ на сумашедшую? Я
въ своемъ умѣ. А вы и невѣрили мнѣ поцѣлуемъ, да обеща-
ли мнѣ! Ну признайтесь, господинъ Еленевъ, вѣдь вы надѣялись,
сильно надѣялись. Ха, ха, ха!

Еленевъ съ трудомъ сдерживалъ свое бѣшенство.

— Да что вы, онѣмѣли, что-ли? Говорите что нибудь! Ну,
рассказывайте, когда будетъ ваша свадьба? Сто-тысячъ вѣдь
не шутка! А фазаны хороши были? Такой вы счастливый,
право, господинъ Еленевъ! И лошадь верховая у васъ есть, и
невѣста есть. Чего-жъ вамъ еще? Жаль вотъ только, что съ
мупеческой дочкой дѣло не уладилось... Старались, старались,
все понапрасну! И то сами виноваты: давно бы вамъ выдать
ее за влюбленнаго купчика. Братецъ-то правду писалъ... Такъ
какъ же быть-то? Да что-жъ вы молчите все? А помните, какъ
вы клялись мнѣ? Тысяча разъ клялись? И на колѣняхъ! Пом-
ните? Отвѣчайте-же!

— Что-жъ вамъ угодно? спросилъ Еленевъ нетерпѣливо.

Параша вспылала.

— Мнѣ угодно сказать вамъ, что вы мерзавецъ, господинъ
Еленевъ! закричала она: — Слышите-вы? Ясно я говорю? Возь-
мите ваши подарки!

Она бросила кольцо и наперстокъ, прямо въ лицо Еленеву.
Еленевъ сдержался и не сказалъ ни слова; тогда гнѣвъ Парашинъ
затахъ. Слезы подступали все ближе... Она сѣла, закрыла лицо
руками и заплакала навзрыдъ. Еленевъ стоялъ передъ нею и
спокойно курилъ сигару.

— Что-жъ! Радуйтесь! говорила Параша всхлипывая. —
Вамъ пріятны эти слезы. Погубили вы меня... На всю жизнь
погубили...

Еленевъ не отвѣчалъ.

Раздался бѣй часофъ.

Параша будто что-то вспомнила. Она отерла слезы и долбо,

долго посмотрѣла на Елену. Онъ опустила глаза. Несколько минутъ давлѣсь мертвое молчаніе. Наконецъ Параша подошла къ Елену.

— Ну, прощайте, Павелъ. Богъ вамъ проститъ!.. чуть слышно сказала Параша и протянула ему руку!

Елену не выдержалъ: слезы брызнули изъ глаза ея; онъ поцѣловалъ ея руку.

— Прощайте, Параша! прощайте!..

На другой день Елену уѣхалъ изъ города Б.

Отъ Елены Параша вышла домой. Ее пробирала дрожь; зубы стучали. Опять на губахъ заиграла слабая улыбка.

Когда Параша вошла въ комнату, Вожакъ сидѣлъ на диванѣ. Смотритъ онъ на дочь свою, глазами не вѣрять. Параша только улыбается.

— А что взяли? сказала она отцу: — Я у Елены ночевала...

— Убью! зарычалъ Вожакъ и вскочилъ съ мѣста.

— Убивайте, ну! сказала Параша и подошла къ отцу близоховско.

Онъ отступилъ.

— Что? испугались? Ахъ, вы!..

Она покачала головою, дерзко посмотрѣла отцу въ глаза и медленно вышла въ спальню.

Вскорѣ прибѣжалъ Рязанцевъ. Онъ бросился въ ноги Вожакову.

— Не погубите, Ермолай Петровичъ! умолялъ онъ: — не погубите вы меня окляннаго! Во всемъ признаюсь: я сооблазилъ Парашу, я заманилъ ее къ себѣ. Въ каторгу меня упрячутъ. Смилуйтесь, Ермолай Петровичъ! Отпустите грѣхъ великій. Благословите вы насъ! Богъ васъ наградитъ.

Параша сперва молча стояла у дверей и со слезами смотрѣла на Рязанцева. Потомъ она расказала отцу про Елену, про письмо, про любовь Рязанцева, про свою горькую жизнь и его тиранство, про то, какъ она рѣшилась на послѣднее мѣщеніе...

И заперлась Параша въ своей комнатѣ. Не говоритъ ни съ кѣмъ и отвѣта никому не даетъ, словно языкъ у ней оцѣпенѣлъ. А

то уйдетъ на кладбище, горячо молится надъ могилою матери. Какъ ни старались, никто слова отъ нея не добился.

Прошло этакъ дня четыре. Стали за нее опасаться. За докторомъ посылають хотѣли, да не понадобилось. Въ тотъ же день объявила Параша, что въ монастырь хочеть идти.

Не соглашался сперва отецъ, однако увидѣлъ, что ничего съ ней не сдѣлаешь. Да и старики-то стали совѣтывать.

— Пусти, говорятъ, ее! Такая ужъ видно ея горькая доля!

Сказываютъ, Рязанцевъ въ ту пору по цѣлымъ часамъ передъ Парашей плакалъ, да умолялъ за него замужъ выйти. Ничего не помогло.

На послѣдкахъ-то не отходила отъ нея Груня Лукьянова. Хотѣла Параша съ Рязанцевымъ проститься. Долго его искали, не нашли въ городѣ.

Пришла пора съ отцомъ разставаться. Параша упала на колѣни, горько зарыдала, стала его руки цѣловать, Все прощенія за грѣхи свои просила.

Вступила Параша въ монастырь.

Вожаковъ сумму большую туда пожертвовалъ, а въ приходской церкви ко всѣмъ образамъ ризы серебряныя подѣлалъ.

Параша жила недолго ..

Еленевъ вскорѣ женился на Становой...

Прошло съ годъ времени... Иду я разъ мимо питейнаго заведенія. Слышу, будто голосъ знакомый. Взмошлъ. Народу много; хохочуть всѣ. Рязанцевъ, грязный, въ лохмотьяхъ весь, пляшетъ въ присядку, да привѣщаетъ:

Ой, жги, жги, говори,
Да приговаривай!

ЛЕВЪ УТИНЪ

ЗАЙКА

Зайника у ёлочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ ланку поколачиваетъ.

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ,
Ёлочки отъ холоду подъ инеемъ трещатъ;

Ёлочки отъ холоду потрескиваютъ,
Лапочки отъ холоду совсѣмъ свело.

Вотъ кабы мнѣ зайкѣ мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ зайкѣ да въ лаптахъ ходить,

Жить бы мнѣ да грѣться бы въ избушечкѣ
Со своей хозяйшквою сѣренькой.

Нынѣче мужички—то хорошо живутъ,
Нынѣче мужичкамъ—то эту волюшку даятъ,

Волюшку—свободу, волю-вольную,
Что на всѣ иди четыре стороны :

На одну—то сторону напросишься,
На другую сторону намолишься...

Вотъ кабы мнѣ зайкѣ мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ зайкѣ да въ лаптахъ ходить,

Пирогн бы ѣсть да все съ капусткою,
Пирогн бы съ сладкою морковкою,

На полатахъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать!..

С. ВЕРТЪ

МОН ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКАТАЛЬЧЕСТВА

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ДѢТСТВО

I

СЕМИНАРИСТЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

Въ настоящее время, когда, т. е. не то что выдумаете, — рѣчь вовсе не идетъ ни о прогрессѣ, ни о благодѣтельной гласности, — въ настоящее время, когда литература поднимаетъ одинъ за однимъ слои нашего общества и выводитъ одинъ за другимъ разнообразныя его типы, — типъ семинариста и его обстановка выдвигаются тоже изъ бывалой неизвѣстности. Но этотъ типъ, измѣняющійся съ эпохами въ своемъ цвѣтѣ, хотя конечно имѣющій общія, коренныя основы сущности. Типъ этотъ двоякъ, какъ всѣ основныя типы нашей бытовой жизни, и литература покамѣстъ разрабатываетъ, преимущественно въ очеркахъ г. Помяловскаго, одну его сторону, сторону кряжевого человѣка, твердой ногою завоевывающаго себѣ извѣстное первенство въ той или другой сферѣ жизни, тѣмъ или другимъ путемъ, положительнымъ или отрицательнымъ, это совершенно все равно. Выборъ пути зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ времени и жизненной обстановки, хотя исходная точка дѣятельности есть всегда отрицаніе. На отрицаніи кряжевой семинаристъ воспитался. An non spiritus existunt?.. дается ему задача: если она дана положительно, онъ говорить и долженъ ска-

завь лагу, и своей интацией, своимъ отрицаніемъ добиться перенесенія въ этомъ вопросѣ. Еслибы школа дала тебѣ въ отрицательной формѣ: *spiritus non existunt* — овъ неговорадь бы негацио и вмѣсто того, чтобы быть материалистомъ и ингиалистомъ, былъ бы идеалистомъ, а *semper bene!* Крайнею социнариску будетъ всегда живонно правъ, всегда одержитъ практическу побѣду, ибо правы практически только сильныя отрицатели: они помнятъ твердо, что *gutta cavat lapidem* и быють вмѣсто въ оное мѣсто, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другія, не увлекакъ ничѣмъ кромѣ поставленнаго ими вопроса, — даже наибъ ронно становятся глухи на все возраженія мысли и жизни. Разъ известный взглядъ улегся у нихъ въ извѣстную схему, будетъ ли эта схема — хрія инверса, административная централизациа по французскому образцу какъ у Свераскаго или Фаластера какъ у многихъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей — что имъ за дѣло, что жизнь кричатъ на прокрустовомъ ложѣ этой самой хрія инверсы, этого самаго административнаго или социальнаго идеальнаго? Ихъ же вѣдь ломали въ бурсы, гнули въ академіи — отчего же и жизнь-то не ломать?..

Мрачными и страшными чертами рисуется наша литература жизненную и воспитательную обстановку, приготавливающую практическихъ отрицателей, обнажая ее безпоощдно, до цинизма, бичуя безъ милосердія, — да милосердія эта обстановка едвали и заслуживаетъ. Пусть кричатъ отъ боли тѣ, кому больно; прикъ ихъ свидѣтельствуеть только, что бичъ бьетъ мѣтло, бьетъ по чувствительнымъ мѣстамъ, — все равно, они стоятъ бичеванія. Вѣдь эта обстановка не почвой нашей, не народнои жизнью дана: это бурса такъ же точно нашъ навлзана, какъ навлзана административная централизациа, навлзана только раньше, монеть-быть незанамято рано... Нечего ее жалѣть: это не наша родная обломовщина, виноватая только развѣ тѣмъ, что не даетъ никому отвѣтъ верхомъ штальцовымъ...

Всѣмъ вамъ хочу я сказать; что литература, пришлошало въ настоящее время за разработку этого слоя нашей жизни и его тайновъ, совершенно права въ односторонности изобразенія. Въ нашей жизненной средѣ типъ являлся наиболѣе ярко только въ своей отрицательно-практической манифестаціи, будетъ ли эта манифестаціа — великій Сперанскій, дѣятель историческій; или въ жпленнотихъ сферахъ представшій Максимка Бомбо-

дешкій Островскаго... Парадоксальное и дикое обличіе! она-жуть читателю. Больше чѣмъ парадоксальное и дикое, прибаавмо, иощувствениое обличіе, ибо Сперанскій, покрайней-мѣрѣ въ первую эпоху своей дѣятельности, руководился возвышеннѣйшими стремленіями, а Максютка Беневоленскій самодовольно проплетъ себя за коколь передъ зеркаломъ по поводу весьма незначительнаго въ исторіи обстоятельства, по поводу женитьбы, завершающей впрочемъ его завоеваніи въ жизни; но вѣдь я нарочно я ввалъ такія крайнія грани, какъ историческій Сперанскій и художественный Беневоленскій, для того чтобы показать какое важное значеніе имѣетъ повсюду въ нашей жизни этотъ типъ кражевого семинариста, безстрашнаго отрицателя и завоевателя жизни.

Но у тина, какъ у всякаго, преимущественно русскаго типа, есть другая сторона, другимъ образомъ проявляющаяся въ жизни. Раздвоеніе тина есть пожалуй общечеловѣческое, но у насъ оно какъ-то нагляднѣе.

Есть по глубокому слову, кажется Занда, *des hommes forts*, — люди сильные и *des hommes grands* — люди великіе; есть по глубокому же замѣчанію одного изъ оригинальнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ мыслителей нашей эпохи, Эрнеста Ренана, *des pensées étroites* — мысли узкія, и *des pensées larges* — мысли широкія. «Только узкія мысли управляютъ міромъ», прибавляетъ Ренанъ, и это совершенно справедливо... Если такъ же нельзя закончить мысль Занда, то можно все-таки найти въ ней средство съ мыслью Ренана. Есть люди широкіе: изъ нихъ дѣлаются или великіе люди, или Обломовы, и есть люди сильные, крѣпкіе, кражевые, изъ которыхъ великіе люди бываютъ и даже часто, но Обломовы никогда. Одни отдаются жизни и всѣмъ ея влччлнмъ, и благо имъ, если они гевія-представители вѣлнй жизни; другіе завоевываютъ жизнь и обладаютъ ею. Одни не выполняютъ никакихъ преднамѣренныхъ цѣлей, а смотря по тому, въ какую пору они созданы, или отождествляются съ самою жизнью, или личность ихъ расплывается въ жизни; другіе какихъ-нибудь цѣлей да достигаютъ, цѣлей Сперанскаго или цѣлей Беневоленскаго: это зависитъ и отъ степени ихъ силы и даровитости; и отъ эпохи, въ которую они живутъ и дѣйствуютъ. Наша эпоха — я обрщаюсь вновь отъ общаго положенія къ судьбѣ тина, о которомъ я началъ говорить — выдвн-

нула много таких крижовыхъ личностей съ отрицательною, теоретическою задачею. Мнѣ же лично эта сторона типа явилась уже въ годы университетской юности, въ могущественной и даровитой личности покойнаго Иринарха Введенскаго, — но никакъ не прежде.

Эпоха, въ которую началось мое ученье, все до самаго университета шедшее подъ влияніемъ семинаристовъ, была не та, которой провозвѣстникомъ явился петомъ Введенскій, и которой главныя предсавители — Добролюбовъ и Помяловскій.

Жизнь живетъ протестомъ, но у протеста въ разныхъ эпохи разныя же точки отправленія, разные мотивы, различны такъ сказать возбужденія. Полны были протеста и личности, окружающія мое дѣтство, но протестъ ихъ не походилъ на теверанскій. Всѣ они были болѣе или менѣе идеалисты; — точнѣе и дѣтнѣе сказать, романтики воѣхъ сортовъ и подраздѣленій, отъ романтиковъ буйныхъ и прожитавшихъ жизнь съ неистовствомъ русскаго челоѣка до романтиковъ мечтательныхъ и сладкихъ; но во всякомъ случаѣ это были люди, волюнъ отдававшіеся или покрайней-мѣрѣ поддававшіеся жизни. Характеристическая особенность этихъ людей въ томъ, что въ противоположность теоретикамъ, отрицателямъ, централизаторамъ, они были всѣ почти, и въ особенности даровитые изъ нихъ, страстными поклонниками величаго, и другая особенность, что почти никто изъ нихъ, и въ особенности даровитые, не сдѣлалъ никакой карьеры. Даже самыя смиренныя изъ нихъ по жизненному взгляду достигли раздѣла раздѣла профессорства. Даровитые же увлекавшіеся или прожигали жизнь, какъ одинъ замѣчательный вѣнецъ-дьяконъ, дошедшій наконецъ до того, что разстригся, или становился подъячимъ «пивогрызами», не достигая даже цѣлей Максимина Беневоленскаго, а тѣмъ менѣе умилительнаго спокойствія свѣста Акима Акимыча Юсова.

Что же хорошаго въ этомъ типѣ? спросить читатель, подѣтившій можетъ-быть въ тонѣ моемъ особенное расположеніе къ этому типу (что совершенно справедливо), и предположившій пожалуй (что уже совершенно несправедливо), что я даю этому типу преимущество передъ тѣмъ, который развился въ особенности въ настоящую эпоху. А вотъ изволите видѣть что: вопервыхъ погибшія даровитыя личности были все-таки страшно даровиты, и безумное буйство ихъ силъ свидѣтельствуетъ какъ

хезите о богатствѣ природы; немногіе же удѣльнѣе и правильнѣе развѣившіеся были подлые, цѣльные люди, съ дѣятельностью къ высшей степени плодотворною. Довольно указать въ этомъ случаѣ хоть на покойнаго Петра Николаича Кудряшова, который невиновать же тѣмъ, что онъ слишкомъ рано сталъ покойникомъ. Я указываю нарочно на личность, по поводу которой не можетъ возникнуть ни сомнѣній, ни недоразумѣній ни въ одномъ изъ нашихъ лагерей, и которую никакъ нельзя отнести къ типу кражевыхъ семинаристовъ, хотя собственно Кудряшовъ принадлежитъ къ другому, позанѣйшему власту, къ дѣятели нашихъ товарищей, а не руководителей по отношенію къ развѣтлю. Кудряшовъ былъ самый даровитый и гармоническій изъ семинаристовъ—романтиковъ. Въ немъ, несмотря на гармоничность и исключительность его природы, мелькали даже морозъ комическія стороны типа сентиментальнаго романтика, и одна изъ, хотя дружеская эпиграма рѣже выразила эти комическія черты въ стихъ: «Подантъ, взрѣный на меду...»

Но на въ комъ, какъ мнѣ кажется, комическія стороны сентиментальнаго романтизма не сдѣлались такъ рѣзко, какъ въ насъ юномъ наставникѣ,

Сергѣй Ивановичъ рѣшительно весь былъ созданъ изъ сердца, и это сердце было необычайно мягкое и впечатлительное. Первичность его была совершенно женская, и я рѣшительно не понималъ, какъ этотъ человекъ могъ быть на медицинскомъ факультетѣ, учиться анатоміи, стадо—быть рѣзать труны, да еще кончать курсъ лекаремъ первого отдѣленія, даже съ задаточной, т. е. въ числѣ эминентовъ. Разъ онъ упалъ въ обморокъ, неосторожно обрѣзавши себѣ ноготь большого пальца и не обративши, что у него сдѣлается антоновъ огонь, о которомъ онъ только-что прослушалъ кажется лекцію; другой разъ — въѣздъ долгая исторія происходила по поводу того, что у него надобно было вырѣзать вередъ подъ мышками. Съ этою женскою, или лучше сказать бабьею мягкостью природы, соединилось самолюбивое совершенно пѣтушиное и удивительно способное къ самобманыванію. Настоящей страстности въ немъ не было, но зато былъ постоянный неугомонный зудъ страстности, и зудѣлъ же онъ, зудѣлъ себя паче мѣры — и стихами, и прозой, и разными любованиями, начинавшимися у него какъ-то по заказу, и о которыхъ я раскажу въ слѣдующей главѣ все что можно, раскажу

потому, что онъ характеризуютъ ту эпоху. Въ немъ была такъ же способность къ энтузиазму, и пусть въ немъ она была дешева и жончилаась ничѣмъ, на меня она хорошо подѣйствовала. А впрочемъ, хорошо или дурно, — это богъ-знаеть.

Въ семьѣ нашей и въ домашнемъ быту была та особенность, что всякій, кто входилъ въ нее болѣе или менѣе волею и неволею, становился ея членомъ, заражался хотя на время ея особеннымъ занавомъ, даже подчинился, хоть съ ропотомъ и бунтомъ, тому, что мы впоследствии называли съ Фетомъ домашнею «догмою», развивавшеюся въ позднѣйшее время до примѣрнаго безобразія, исключительности и самости. Дѣло вовсе не въ томъ, что у насъ былъ введенный порядокъ — гдѣ же его не бываетъ? — и что у насъ постоянно все болѣе и болѣе узаконивалось, становились непреложными вещи антирациональныя, такъ что впоследствии досягнуть на священность и неприкосновенность правъ на планство и будущее повара Игнатя было дѣломъ не совершенно безнадеснымъ. Но такъ случилось уже впоследствии. Сначала особенность нашего домашнего быта захватывала человека какъ-то полегче. Была въ томъ только, что если человекъ маломальски былъ мягокъ, онъ становился чѣмъ-то вродѣ домашняго шута.

И это вотъ почему. Отецъ мой, несмотря на свой замѣчательный умъ и на достаточное, хотя и вѣдшее, и потому совершенно заглохшее безъ пользы для него и для другихъ образование, былъ во натурѣ юмористъ и юмористъ, какъ всякій русскій человекъ, бездомный. Собственно говоря и шутить-то ему было нечего. Идеала жизненнаго и моральнаго передъ нимъ не стояло никакого; пласть людей, современныхъ ему и тревожно искавшихъ идеала, отыскивалъ его уже въ это время быть-можетъ «въ мрачныхъ пронастяхъ земли», а онъ принадлежалъ къ благоразумному большинству. Это благоразумное большинство той эпохи оставило намъ наипредный и по важности своей драгоценный памятникъ въ «Дневникѣ студента». Если читатели незнакомы съ этой замѣчательной по своей безыскусственности книгою, советую имъ прочесть ее. Духъ отцовъ нашихъ, вызвавшій пламенное бичеванье Грибоѣдова, дышетъ въ ней.

Отецъ мой смѣялся, или лучше сказать потѣшался добродушнѣйшимъ образомъ надъ всякимъ чувствомъ, любилъ натраивать на чувство всякаго, въ комъ онъ подмѣчалъ какую-либо

впечатлительность, и въ моемъ наставникѣ имѣлъ для себя субъектъ, неоцѣненный по этой части, влюбляя его каждый мѣсяцъ и разъяря его ежедневно. Онъ даже чувствовалъ какую-то антипатію къ личностямъ, сколько-нибудь серьезнымъ в неподававшимся на его удочку. Надъ Сергѣемъ Ивановичемъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, даже образовывалъ его по-своему, не замѣчая, что самъ отстаегъ, если не совсѣмъ отсталъ уже отъ образованія эпохи. Сергѣй Ивановичъ слушался его во всемъ, и въ любовныхъ своихъ похожденияхъ и даже въ костюмовкѣ, тоже не замѣчая по добродушію и самолюбію, что въ любовныхъ своихъ интригахъ онъ былъ его шутомъ, а въ костюмовкѣ и манерахъ могъ избрать себѣ мѣсто отсталого руководителя. Но посудите сами, какъ же было ему, семинаристу мягкаго типа, крайне падкому до образованія, не слушаться чело-вѣка, который говорилъ по-французски и учился въ благородномъ пансіонѣ? Отецъ нерѣдко вышивался даже въ его товарищескія связи, устраняя своимъ вліяніемъ людей буйныхъ, т. е. такихъ, которые мало были способны подчиниться его «засадану» (это было одно изъ любимыхъ его словъ), и «протежируема» личности, оказывавшія любовь къ тому, что считалъ онъ образованіемъ.

Зато личности «протежируемая» отцомъ и даже сколько-нибудь терпимыя, ходили безпрепятственно во всякое время, имѣли право сидѣть хоть во время класа и вообще цѣлые дни до условнаго догматическаго часа. Догматическій часъ, часъ, когда весь домъ долженъ былъ спать *de jure* и когда *de facto* начинался поливійшій разгулъ всякаго блуда, пьянства и безобразія, постепенно шолъ къ десяти часамъ вечера, но въ ту пору было еще не такъ. Въ десять часовъ только-что кончался день для постороннихъ. Сергѣй Ивановичъ шолъ изъ своей комнатки въ спальню отца и матери и часто до часу читалъ имъ, а иногда даже и до двухъ. А моя дѣтская была подлѣ спальни, и все я слышалъ что читалось по ночамъ Сергѣемъ Ивановичемъ, какъ все слышалъ я что читалось по вечерамъ отцомъ, ибо они чередовались.

Чтеніе было у насъ по истинѣ азартное продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Оно имѣло огромное вліяніе на мое моральное развитіе. По распущенности ли, по невѣрію ли въ то, что книжки дѣло серьезное, какъ-будто не замѣчали, что я сижу въ

углу по вечерамъ вмѣсто того, чтобы играть въ игрушки, и не сплю ночи, слушая съ лихорадочнымъ трепетомъ «Тайнства Удольфскаго замка», «Итальянца», «Дѣтей донретскаго абатства» и проч. и проч. И въ концѣ концовъ я вѣдь глубоко благодаренъ моему воспитанію за то, что не обращали вниманія на мое внимательное слушаніе. Я слава-богу никогда не зналъ «Дѣтскихъ книжекъ», и если глубоко ненавижу ихъ, то право самъ дивлюсь своей совершенно безкорыстной къ нимъ ненависти. Мнѣ ихъ иногда и покупали, но не требовали, чтобы я читалъ ихъ; прѣсмыщенный игрушками, которыми я былъ заваленъ, я вырѣзывалъ изъ нихъ картинки.

Тоже и въ первоначальномъ ученіи моемъ, несмотря на его безобразную безпорядочность, была своя хорошая сторона, и можетъ-быть именно эта самая безобразная безпорядочность. Собственно учился я тогда мало, но сидѣлъ надъ ученьемъ... чрезвычайно много. То что давалось мнѣ легко, я разумѣется вовсе не училъ; то что могло вдолбиться несмотря на мою лѣнь, при моихъ довольно счастливыхъ способностяхъ, какъ на примѣръ латинскій языкъ, которому началъ я учиться съ русской грамотой вмѣстѣ, вдолбилось вслѣдствіе сидѣнья по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ Сергѣя Иваныча за гнусною книжкою грамматики Лебедева; то, къ чему я вовсе не имѣлъ способностей, какъ математика, вовсе и не вдолбилось... *ma tanto meglio!* А все же таки я не прошедшій «огня и мѣдннхъ трубъ», бурсы и семинаріи — семинаристъ по моему первоначальному образованію, чѣмъ откровенно сказать и горжусь.

Помню я какъ теперь эту заднюю, довольно грязноватую, выходящую окнами на дворъ комнатку, отведенную для житья Сергѣю Иванычу и назначенную вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего ученія, съ ея ветхою мебелью, съ дырявымъ и чернилами проѣденнымъ столомъ у окошка, съ темно-кожанымъ изорваннымъ диваномъ — обиталищемъ миллионъ клоповъ, съ черепомъ на шкапу, необходимымъ атрибутомъ всякаго студента-медика... Сколько слезъ лилось въ ней по утрамъ, надъ проклятыми арифметическими задачами, и какъ весела она была для меня, начиная съ пяти и до десяти часовъ, когда ученія ужъ не было, когда я былъ въ ней гостемъ, посреди другихъ гостей Сергѣя Иваныча, студентовъ разныхъ факультетовъ... Какъ дорого мнѣ воспоминаніе о ней, объ этой грязной комнаткѣ въ долгія су-

мерки, когда бывало Сергѣй Ивановичъ заляжетъ на дырявый диванъ и я свернусь около него клубочкомъ. Свѣчей нѣтъ, онъ заставляеть меня шарить у себя въ его мягкихъ, нѣсколько кудреватыхъ волосахъ, а самъ, если не фантазируетъ вслухъ о своихъ любвахъ, то рассказываетъ, и хорошо рассказываетъ римскую исторію, и великія личности Брутовъ и Цинципатовъ, Камилловъ и Маріевъ, исполнскими призраками встають передъ моимъ впечатлительнымъ воображеніемъ... Вѣчная память этой грязной компанткѣ! Вѣчная память и тебѣ, мой добрый наставникъ, если ты уже умеръ, и дай-богъ тебѣ долгихъ дней, коли ты еще живъ и неспился, а спишься — увы, по моему крайнему разумѣнію, судя по даннымъ твоей романтической натуры, — въ захоlustьѣ одного изъ тѣхъ городовъ, которыхъ чортъ «три года искалъ», куда судьба бросила тебя уѣзднымъ лекаремъ, — ты долженъ былъ непремѣнно.

II

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Да! я хорошо тебя помню, продолговатая грязенькая комнатка, хотя ты никогда не называлась класною, а была просто помѣщеніемъ Сергѣя Ивановича; помню тебя во всякіе часы дня, со всѣми различными перемѣнами декорацій.

Зимнее утро чуть-чуть еще брезжитъ сквозь занавѣски моей кровати, которую постоянно, въ предотвращеніе послѣдствій моей рѣзвости до сна и нервной подвижности во снѣ, задвигали досками. Часовъ семь, а отецъ уже кашляетъ въ сосѣдней комнатѣ, — значитъ проснулся, но еще не встаетъ, ибо у него была прекрасная и до старости уцѣлѣвшая привычка не будить людей до урочнаго часа, хотя онъ просыпался обыкновенно раньше. Но вотъ онъ всталъ, вотъ загремѣли чашки, вотъ слышу я, глухой Ивапъ вскочилъ съ громомъ съ залавка передней: теѣчасъ значитъ самоваръ поставятъ. И я подаю знаки жизни. Младшая нянька моя, ибо старшая давно уже перешла въ званіе кухарки, обуваетъ меня, одѣваетъ (а обували и одѣвали меня лѣтъ чуть не до тринадцати, пока наконецъ не застыдилъ меня дядя, о которомъ будетъ рѣчь впереди). Я иду къ отцу здороваться, прочтя разумѣется напередъ молитвы, порусски и волатини, по ка-

кому-то латинскому букварю. Затѣмъ наливается мнѣ отцомъ большущая чашка чаю, въ которую кладется такое огромное количество сахара, что и теперь тошнить при одномъ воспоминаніи, а тогда не тошнило. Отецъ по обыкновенію молчаливъ пока не напился чаю; затѣмъ начинаетъ чѣмъ-нибудь дразнить меня, если въ духѣ, и посылаетъ чай Сергѣю Иванычу, приказывая будить его хорошенько; наконецъ дѣлаетъ мнѣ чай на цѣлый день до вечера, ибо меня, какъ дитя дворянское и нѣжное, поили почему-то чаемъ, какъ теленка молокомъ... Я веселъ или не веселъ, смотря по тому, жаловался ли на меня накануне вечеромъ Сергѣй Иванычъ или не жаловался, что впрочемъ было всегда дѣломъ чистой случайности и расположенія духа наставника, завистьшаго болѣе или менѣе отъ удачи или неудачи сердечныхъ дѣлъ, ибо жаловаться на меня было всегда за что. Невеселъ я впрочемъ, — если только не веселъ, — вовсе не потому, чтобы отца боялся: его я точно боялся, до запуганности въ рѣдкія минуты его вспыльчивыхъ припадковъ, которые могли обрушиться точно такъ же случайно и въ одинаковой степени на меня, какъ и на кучера Василья, — но онъ сорветъ сердце на комъ-нибудь, да и дѣло съ концомъ, на другой день ни о чемъ уже и помину нѣтъ, но мать — мать будетъ неумолчно и ядовито точить во все долгое время ея чая и не менѣе долгое же время чесанья волосъ моихъ частымъ гребнемъ, прибирая самыя ужасныя и оскорбительныя для моей гордости слова... Вотъ и мать встаетъ, я подхожу къ ея постели или съ трепетомъ или безъ трепета, опять смотря по тому, пожаловался ли на меня Сергѣй Иванычъ за дѣнь, пожаловались ли на меня или нѣтъ хозяйскія барышни за неприличныя шалости. Розги я не зналъ никогда; меня только разъ постращали ей да и то за то, что я наклеилъ на подолъ хозяйской горничной бумажку съ именемъ Ивана глухого — ея любовника... Кончены наконецъ предварительныя муки ранняго утра до девяти часовъ. Отъ нравственного и головного чесанья бѣгу я какъ «алалай» въ комнату Сергѣя Иваныча...

Но и тутъ не легче. Строгъ и мраченъ Сергѣй Иванычъ по утрамъ, т. е. или напускаетъ на себя строгость и мрачность, или дѣйствительно печаленъ отъ какой-либо неудачи. Въ послѣднемъ случаѣ — бѣда: всѣ исключенія третьяго склопенія требуютъ и ужасную арифметическую задачу задасть, а выучить

изъ священной исторіи строкъ сколько! . Задасть онъ урокъ и уйдетъ часа на три въ университетъ... а ты тутъ безъ него сиди въ столовой у окошка, да долби, или хоть не долби, а сиди надъ книжкою. Мать, бранясь въ сосѣдней комнатѣ то съ глухимъ Иваномъ или за то, что онъ вѣчно «какъ мужланъ» охабку дровъ брякнетъ объ полъ или соловья окормилъ грѣчевою кашею, которая впрочемъ по его возраженію сама въ клетку прыгнула, или съ Лукерьей, которую постоянно и поѣдомъ ѣла она за грѣхи противъ цѣломудрія или съ старой навьюкой моей Праксковьей, призываемой нарочно въ важныхъ случаяхъ изъ кухни, — мать моя, занимаясь однимъ словомъ хозяйственными заботами, строго наблюдаетъ, чтобы я до кофею и послѣ кофею сидѣлъ за урокомъ. Ну и сижу я. Священную исторію, я знаю, что слово въ слово ни за что не выучу; арифметическую задачу и попытаюсь рѣшать нечего; въ третьемъ склоненіи, я ужъ навѣрно собьюсь и просклоняю *iter-iteris*, а не *itineris*... Штука скверная, но «грозишь сонъ да милости въ Богъ!» пробѣжаться въ кухню для прохлады и воздуха... Тамъ ужъ Василій собирается вѣроятно лошадей закладывать, за отцомъ въ присутствіе ѣхать, и покаместъ подкрѣпляетъ свои жизненные силы, отъ него всегда услышишь что-либо новое и обогатишь свои познанія въ непечатной рѣчи, а тутъ, пожалуй въ сѣняхъ, горничная хозяйевъ всунетъ въ руку записочку Сергѣю Иванычу отъ старшей хозяйской дочери, а пожалуй и сама Софья Ивановна урвалась отъ строгой матери и мимолетомъ шепчетъ: «скажите Аполочка, что я въ пять часовъ на галерею на минуту выду...» Но бывали времена послѣ нѣсколькихъ сряду повторившихся жалобъ Сергѣя Иваныча на лѣдность, что мать и прохладиться сбѣгать не позволяетъ в зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы я сидѣлъ у окна съ книжкой. Тогда я все-таки не урокъ учу, а мечтаю; цѣлые романы создаются въ моемъ воображеніи до того живо, хоть и нескладно, что я умиляюсь и плачу надъ создаваемыми мною плѣбными или преслѣдуемыми красавицами и геронческими рыцарями. Мечты свои я держу въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ Сергѣя Иваныча, держу въ тайнѣ, потому что мнѣ самому совѣстно и стыдно, а совѣстно и стыдно, потому что я самъ являюсь тутъ героемъ, и вѣдь сознаю, что въ мои лѣта еще неприлично такъ мечтать. Хитрость, орудіе раба, рано во мнѣ развивается и я показываю всегда видъ, что ничего неприличнаго не понимаю. Да и

точно, не понимаю я вполне, но что-то странное смутно предугадываю и хоть мнѣ еще семь-восемь лѣтъ, что-то странное смутно чувствую подлѣ женщинъ... На бѣду еще, въ этотъ годъ гостила у насъ недѣлю дочь сосѣдки отца по деревнѣ. Ее отпустили къ намъ изъ пансіона, и она была уже дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прехорошенькая брюнетка, вострая и живая: недѣля жизни съ нею, недѣля, въ которую и мнѣ дали полнѣйшій отдыхъ отъ ученья, догадавшись можетъ-быть, что я одурѣлъ отъ него, недѣля эта промелькнула какъ сонъ, но чѣмъ-то теплымъ и даже сладкимъ отзывается память о ней, объ этой недѣлѣ, объ играхъ въ горѣлки рука съ рукою съ Катенькой, объ играхъ въ гулючки, когда мы съ Катенькой прятались въ одномъ мѣстѣ, и прижимаясь другъ къ другу, таили дыханія, чтобъ насъ не было слышно; объ осеннихъ сумеркахъ вдвоемъ на одномъ креслѣ съ нею, когда что-то колючими и сладкими искрами бѣгало по моему составу... И разумѣется, въ создаваемыхъ дѣтскимъ воображеніемъ романахъ плѣнная красавица — Катенька, и рыцарь — я. Но повторяю: никто этого не знаетъ... Если я теперь могу въ этомъ признаться — то вѣдь право я — какъ и всѣ вѣроятно — обязанъ этимъ Толстому, обязанъ новой эпохѣ.

Въ нашей эпохѣ не было искренности передъ собою; немногіе изъ насъ добились отъ себя усиленнымъ трудомъ искренности, но Боже! какъ болѣзненно она намъ досталась. Даже въ Толстомъ, который одной ногою все-таки стоитъ въ бывалой нашей эпохѣ, очевидны слѣды болѣзненного процесса.

Но возвращаюсь къ моему дню того времени. Изъ университета Сергій Ивановичъ приходилъ то раньше, то позже, смотря по количеству лекцій. Рѣдко ходилъ онъ туда въ вицмундирѣ, товарищей же его, такихъ же какъ онъ студентовъ я никогда и не видывалъ въ вицмундирахъ; мундировъ же ни у него, ни у нихъ и въ заводѣ кажется не было... Если онъ приходилъ рано, часу въ первомъ, прослушаніе уроковъ совершалось до обѣда т. е. до приѣзда отца изъ присутствія; если поздно, то вечеромъ часовъ въ шесть, послѣ чаю. Вообще же положонныхъ часовъ на класъ у насъ не было, да и самого слова «класъ» неупотреблялось, и если я ненавижу класный порядокъ и класную дисциплину какъ и дѣтскія книги, то это опять такъ безкорыстно, по своей фронтдерской натурѣ. Если у меня было какое либо порученіе отъ Софьи Ивановны, то я являлся, не зная никогда урока, съ сми-

ренномудрымъ и виѣствѣ наглымъ видомъ; если нѣтъ — корчилъ плачевную физиономію и плачевно подавалъ сумбуръ цифръ вмѣсто арифметической задачи, нахально вралъ iter-iteris, и несправимо смѣшивалъ Героваамовъ съ Ровоаами, Ахаавовъ съ Иосафатами. Не знаю почему Сергѣй Ивановичъ постоянно всѣмъ и всегда говорилъ, что у меня блестящія способности и отличное сердце: уроковъ я не зналъ положительно никогда, а прекрасное сердце мое выражалось только въ упорномъ нахальствѣ вранья и въ обильныхъ токахъ дешевыхъ слезъ... Дѣло кажется въ томъ, что Сергѣй Ивановичъ, хоть и одинъ изъ честиѣйшихъ и простодушнѣйшихъ юношей той эпохи, учить вовсе неумѣлъ, или нѣтъ, не то что неумѣлъ, — можетъ быть и умѣлъ бы, еслибы отрекся отъ методъ, по которымъ самъ учился... Но на эти методы онъ не смѣлъ посягнуть. Какъ его учили, такъ онъ и меня училъ: ему задавали «отъ сихъ до сихъ» и онъ задавалъ; ему вдолбили лебедевскую грамматику со всѣми задачами, онъ и мнѣ ее вдалбливалъ — но увы! онъ не догадывался, что я давно открылъ источники разныхъ задаваемыхъ имъ латинскихъ темъ въ «гнусной книжкѣ.» De officiis, хотя задавая задачи онъ отходилъ съ нею въ уголокъ, а уходя въ университетъ запиралъ ее въ одинъ изъ ящичковъ кровати, къ которому давно подобралъ я ключъ и который впоследствии просвѣтилъ меня на счетъ многихъ таинствъ природы, когда въ немъ завелись нѣкоторыя красками плюминированныя изображенія... а все-таки, какъ бы то ни было, а лебедевская грамматика вдолбилась такъ, что въ латинскихъ разговорахъ Сергѣя Ивановича съ товарищами мало было для меня непонятнаго, и разумѣется, въ особенности понятно было то, чего понимать мнѣ неслѣдовало. Розанова лексиконъ былъ лексиконъ не церемонный.

Наконецъ, отецъ возвращался изъ присутствія часамъ къ двумъ, коли не было какихъ-либо срочныхъ дѣлъ или ревизіи. Начиналось священнодѣйствіе, называемое обѣдомъ...

Да! у насъ именно это было священнодѣйствіе, къ которому приготовлялись еще съ утра, заботливо заказывая и истощая всю умственную дѣятельность въ изобрѣтеніи различныхъ блюдъ. Не злѣсь еще мѣсто говорить о томъ безобразіи, до котораго доходило въ нашемъ быту служеніе мамону... Оно дошло до крайнихъ предѣловъ своихъ въ другую эпоху, эпоху моего отрочества и ранней юности...

Кончался обѣдъ, и опять послѣ маленькаго промежутка начиналось наше ученіе, длившееся болѣе или менѣе не по степени моихъ успѣховъ, а по степени вины, такъ что оно всегда являлось въ видѣ наказанія. Странная система, конечно, но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось не по системѣ, а такъ.

Вечеръ, то-есть обычный вечеръ, повседневный вечеръ, проводимъ былъ мною на коврѣ въ залѣ, гдѣ окруженный дворовыми, и пресыщенный своими игрушками, я находилъ разумѣется болѣе интереса въ живыхъ людяхъ, меня окружавшихъ, въ ихъ радостяхъ и печаляхъ... въ играхъ съ ними въ карты, особенно въ такъ-называемые *короли*, а втихомолку и по *носкамъ*, причеиъ я обижался, если мой барскій носъ шадилъ, когда онъ провинылся, — въ играхъ въ жмурки, гулючки и проч. Но нерѣдко все это мнѣ наскучивало: какая-то странная, болѣзненная тоска томила меня...

Въ девять часовъ люди обыкновенно уходили ужинать, и ужинали обыкновенно долѣе часу; все это время я сидѣлъ въ столовой, гдѣ уже происходило чтеніе разныхъ романовъ Анны Ратклифъ или г-жи Коттень. Въ десять меня укладывали, но чтеніе продолжалось въ сосѣдней комнатѣ, и я никогда не засыпалъ до конца его, то-есть до часу или до двухъ ночи.

То былъ особый міръ, особая жизнь, непохожая на эту дѣйствительность, жизнь мечты и воображенія, странная жизнь, по своему могущественному вліянію столь же дѣйствительная какъ сама такъ-называемая дѣйствительность.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

* * *

Твой скромный виль таить въ себѣ
Такую силу страстной воли,
Что не уступишь ты судьбѣ
Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудомъ
Или болѣзнями искупишь,
Но предъ общественнымъ судомъ
Рѣшницъ стыдливо не потупишь.

Свѣтъ осужденъ тобою, онъ
Не можетъ дать тебѣ закона ;
Святая правда — твой законъ,
Святая гордость — оборона.

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ привѣта не находитъ, —
Поэтъ, отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтить и проводить.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои морывы,
Откликнется на всѣ призывы,
На всѣ страданія твои...

Я. ПОЛОНСКИЙ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАГО ВЗГЛЯДА

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

ПОПЫТКИ КОМИЧЕСКАГО РАЗОВЛАЧЕНІЯ ЛЕРМОНТОВСКАГО ТИПА И ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

I

Личность дошла до крайнихъ предѣловъ своего протеста въ Лермонтовѣ, но самые предѣлы эти обуславливались давними нашего «показнаго быта», лицевой стороны, казоваго конца нашего развитія. Тревожное начало, тотъ огонь, о которомъ Лермонтовъ устами своего «Мцыри» говоритъ, что онъ

отъ юныхъ дней
Таясь, жилъ въ груди моей...
И онъ прожогъ свою тюрьму;

буйство силъ, выражавшееся въ дѣятельности Бестужева-Марлинскаго и Полежаева, у самого Лермонтова сказывавшееся колоссальнымъ призракомъ его «Демона», хаотически выразившееся въ «Арбенинѣ» Маскарада, звучащее мрачными и зловѣщими предчувствіями въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, столкнулось съ нашею условною, «показною» дѣйствительностью.

Результатомъ такого столкновения былъ образъ «Героя нашего времени», образъ Печорина, въ которомъ сказалась общая тайна эпохи, *le secret de tout le monde*, если *всѣми* назвать людей условно-цивилизованной сферы, оторвавшейся отъ всякой почвы, людей разрозненныхъ съ бытовою непосредственною жизнью...

«Болѣзнь указана», сказалъ самъ поэтъ въ удивительномъ предисловіи ко второму изданію своего великаго романа; но говоря это, онъ самъ еще плохо вѣрилъ въ то, что протестъ его въ этой формѣ — болѣзнь, а не нормальное явленіе. Къ болѣзни иначе относятся, нежели онъ отнесся къ своему Печорину; да романъ его тѣмъ-то и дорогъ, что онъ вовсе не сатира, а художественное засвидѣтельствованіе извѣстнаго факта.

Оппозиція застою вѣларомъ напиралась на Лермонтова съ неистовымъ озлобленіемъ. Она поняла сразу великую отрицательную силу въ Лермонтовѣ; но обаянію, общему обаянію, производимому его созданіемъ, могла противопоставить только голыя ругательства.

Условныя формы лермонтовскаго типа могла разбить только жизнь своими дальнѣйшими откровеніями, и она разбила ихъ, разбила постепенно и въ высшей степени поучительно для мыслящаго наблюдателя, гораздо поучительнѣе, чѣмъ всѣ неистовыя выходы застою и иракобѣсія.

Оппозиція застою не видала «слова» въ общемъ движеніи, не видала противодѣйствія лермонтовскому протесту личности, не слышала, оглушенная и смущенная стопами отчаянія и хулами гордыхъ проклятій — карающаго и негодующаго смѣха Гоголя.

Въ Лермонтовѣ и его направленіи дошолъ до крайнихъ степеней своихъ протестъ развитой на показъ личности противъ неразвитаго быта. За Лермонтовымъ явилась отрицательная литература тридцатыхъ годовъ, потянулся длинный рядъ повѣстей, кончившихся неизбежно прямо ли высказаннымъ или подразумевавшимся припѣвомъ: «И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка». Припѣвъ этотъ по формѣ былъ заимствованъ у Гоголя, но онъ пѣлся на лермонтовскій ладъ. Въ повѣстяхъ этихъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, совершались самыя удивительныя превращенія съ героями и героинями, задыхавшимися въ грязной, бѣдной ощущеніями и тупоумной дѣйствительности. Все это были болѣе или менѣе поэмы о «необъятныхъ» гибнущихъ даромъ силахъ...

Но въ это же время Гоголь пѣлъ другую поэму, поэму о несостоятельности показнаго человѣка, не указывая впрочемъ для души никакой положительной замѣлы. Онъ неумолимо говорилъ современному человѣку: «Ты, мой любезный, вовсе не герой, а только корчишь героя; въ любви ты чаще всего — Хлестаковъ, зовущій геродничку подъ сѣнь струй (геніальнѣйшая бессмыслица! въ ней какъ въ фокусѣ совмѣщена вся романтическая чепуха, которую несутъ герои и героини Марлинскаго, Кукольника и Полевого); въ гражданскомъ отношеніи ты, или Антонъ Антоновичъ Сквоздѣль-

Дмухановскій, или, что еще несравненно хуже, Александръ Ивановичъ въ «Утрѣ дѣловаго человѣка», навязывающій бумажки на хвостъ собачкѣ; ты только самолюбивъ и безпеченъ, а излишнія мечты могутъ довести тебя, если ты нѣсколько горячъ, или до участи художника Пискарева, или до испанскаго трона Поприщина; и за что же ты погибнешь такъ безобразно, когда товарищъ же твой, поручикъ Пироговъ такъ благоразумно подавить въ себѣ *горючкую* вспышку за оскорбленіе и будетъ прекраснѣйшимъ образомъ процвѣтать и красоваться на различныхъ чиновническихъ балахъ, а Кочкаревъ основательно докажетъ, что нѣтъ ничего легче поправить ту бѣду, когда плюнуть въ рожу. Ты не Гамлетъ, ты — Подколесинъ: ни въ себѣ, ни въ окружающей тебя жизни, ты не найдешь отзыва на твои представленія о героическомъ, который всегда въ тебѣ какъ пѣна поднимаются.»

Прекрасно! но какой же будетъ логическій выводъ отъ этой послышки? Первый выводъ — вопросъ: что же право — представленія ли о героическомъ или противорѣчіе героическому, т. е. натура? Вотъ этотъ-то вопросъ и далъ силу тому, что во времена оны называлось натуральною школою, и что было логическимъ послѣдствіемъ Гоголя. Натурализмъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что если натура на даетъ силъ на борьбу за героическое, если она обмелѣла, то нечего съ этимъ и дѣлать: надобно брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Значитъ нѣтъ борьбы, или борьба есть донкихотство; значить, надобно признать таковое безсиліе за законъ бытія; значить, то сочувствіе, которое имѣли мы къ великимъ честолюбцамъ, надобно перенести на обидчивость маленькаго человѣка; то сочувствіе, которое имѣли мы къ страсти Ромео и Джульеты, къ мнѣнію Гамлета, къ заботамъ разныхъ героевъ о благѣ общественномъ, къ возвышенной, хотя нѣсколько ходульной энергій Веррины (въ Фіэско), перенести на страсти изъ-за угла героевъ разныхъ чердаковъ, или на тургеневскаго Пѣтушкова, на мнѣніе героя одной изъ тогдашнихъ повѣстей Перепельскаго — Некрасова... Повѣсть эта (я люблю поднимать забытыя явленія) въ высшей степени характеристична, и какъ вещь молодая, представляетъ наивнѣйшее развитіе сѣмени, заброшеннаго Гоголемъ, сказавшимъ какъ-то, что въ наше время сильнѣй завязываетъ драму желаніе достать выгодное мѣстечко, отмстить за оскорбленіе и проч., чѣмъ любовь. Бѣлинскій извлекъ изъ этого цѣлую діатрибу противъ любви. Диатриба вышла пламенно-тревожная, такъ что повеволѣ можно сказать, что Бѣлинскій писалъ тревожныя статьи противъ тревожныхъ чувствъ въ пользу тревожныхъ чувствъ другого рода. Въ повѣсти тогдашняго Некрасова, стремленіе мелкаго человѣка отмстить мелкой женщинѣ

за мелкое оскорбленіе такъ завязало драму, что сама душа автора тутъ запуталась: съ такою сластью изображено здѣсь мизерное лицемѣріе, что писатель видимо не возвышался надъ уровнемъ анализируемаго имъ чувства, и эта же, здѣсь уже попорченная способность возвышаться надъ уровнемъ анализа, отразилась потомъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, которыя, несмотря на очевидное присутствіе пламени разбитаго, но все еще сильнаго и высокаго таланта, дышать порою для всѣхъ, непотерявшихъ свѣжести эстетическаго и нравственнаго чувства, душнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ. Бѣднѣйшій, истинно мучащійся поэтъ, не можетъ ни на минуту перестать смотрѣть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему vorочающихся гадовъ: въ самомъ простомъ, обычномъ фактѣ повседневной жизни, способномъ въ благоустроенной душѣ пробудить строй спокойный и мирный, какъ на примѣръ свадьба человѣка изъ простаго народа съ женщиною изъ простаго же народа, — онъ способенъ видѣть только грѣхъ въ прошедшемъ и горе впередъ; для трагическаго положенія матери, не имѣющей на что похоронить ребенка, онъ не видитъ и не можетъ видѣть никакого иного выхода, кромѣ продажи себя уличному разврату, въ странѣ, гдѣ слава-богу еще подаютъ милостыню и, еще болѣе слава-богу! подаютъ ее безъ критическаго разбора нравственныхъ свойствъ просящаго христа-ради и оцѣнки его личности; въ странѣ, гдѣ нерѣдко, идя по улицѣ видите вы деревянный гробикъ на колѣняхъ у женщины и видите какъ снявъ шанку и перекрестившись кладетъ въ него не одинъ прохожій свой мѣдный грошъ, а кто и болѣе, смотря по достатку и по силѣ. Вслѣдствіе этого-то, въ лицѣ сборщика на построеніе храма больной поэтъ, умиляясь впрочемъ какъ поэтъ этому образу, но не умѣя вывести его появленіе на свѣтъ божій изъ источниковъ вѣчно бьющихъ живыми ключами въ народной натурѣ, не можетъ представить въ немъ ничего иного, кромѣ раскаявшагося злодѣя...

Съ другой стороны, вопль идеалиста Гоголя за идеалъ, за «прекраснаго человѣка», переходилъ въ школѣ сентиментальнаго натурализма въ вопль и протестъ за разслабленнаго, за хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измелъчавшимъ и увизившимся человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мелъчасть и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измелъчавшаго и униженнаго человѣка, вслѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего высшаго нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздра-

жительной природы отъ стремленій къ идеалу въ творчествѣ Гоголя, и чудовищныя созданія появляются на свѣтъ вслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Взгляните на «Акакія Акакиевича» съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правильнымъ сочувствіемъ, а исключительнымъ, болѣзненною симпатією возведите на степень права требованіе героя «Записокъ сумашедшаго», и вотъ вамъ крайнія произведенія сентиментальнаго натурализма, котораго вина противъ искусства заключалась въ рабской натуральности, не отличающей въ дѣйствительности явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ.

Когда Гоголь говорилъ въ «Мертвыхъ душахъ» о томъ, что опошлялся добродѣтельный человѣкъ (т. е. сильный человѣкъ), что шора, по его выраженію, «припрячь плутоватаго человѣка», онъ, во первыхъ, развѣчивалъ ложно-добродѣтельнаго и ложно-сильнаго человѣка, развѣчивалъ его ходульную величавость и мишурность; во вторыхъ, онъ плакалъ, болѣлъ сердечно о томъ, что «нигдѣ не видить онъ мужа»; своимъ энергическимъ словомъ онъ клеймитъ же въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безсильнаго человѣка («Дрянъ и тряпка сталъ всякъ человѣкъ.»)

Великій обличитель всего, что въ немъ самомъ было ложнаго, и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ наконецъ самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, въ отсутствіи всякаго живого средоточія. Но обличитель въ свою очередь хочетъ стать выше самого себя, хочетъ строить свой міръ-пизъ обличенныхъ въ негодности матерьяловъ стараго, имъ же разрушеннаго зданія, подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданія, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находитъ.

Страшный урокъ, страшно трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ и смыслъ великій, утѣшительный.

Гоголь былъ весь человѣкъ сдѣланный, какъ великій умъ и великій художественный талантъ; онъ, нося въ себѣ эту язву, являе всѣхъ другихъ, восившихъ ее въ себѣ, создавалъ это и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ печально. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ, какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безнаказанно выносившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали «ветхой чешуей», и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой, опредѣлялъ ему самому его значеніе такъ, что никто лучше его не умѣетъ выставить «пошлость пошлаго человѣка». Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму внутренней пошлости, вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача гоголевскаго творчества. У всякаго пи-

сателя есть его задушевное слово и это-то именно слово онъ признанъ сказать міру, ибо оно-то именно міру и нужно, какъ новое слово, и оно-то есть *вѣсть дѣла души*, о которомъ такъ часто говорить Гоголь въ своей перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово, въ конечной формѣ, есть послѣдняя правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи божьяго міра, центръ малаго міра въ его страданьѣ и борьбою купленнымъ (такъ или иначе) отождествленіи съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то же самое время мучился и вопросомъ нравственнымъ, окончательно добываясь отъ себя правды въ его разрѣшеніи... Онъ внутренне огорчался своимъ призваніемъ выставлять пошлость пошлаго человѣка, т. е. снимать личину эффектной наружности съ того, что въ сущности обыкновенно, и что обличное становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ, но у него оно оставалось только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла, какъ отрицательнаго пути къ идеальному, между тѣмъ какъ у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ, оно на время обратилось въ слѣпой, хотя часто энергическій протестъ за безсильнаго человѣка.

Но дѣло въ томъ, что какъ ни развернулись впоследствии сѣмца гоголевскаго обличенія несостоятельности, и къ чему ни повели они, гоголевскій анализъ разбилъ несостоятельныя показныя формы.

Въ свою очередь, сама бессознательная литература сороковыхъ годовъ, столько же, если еще не болѣе, подорвала кредитъ Гоголя, за что она ратовала, кредитъ этихъ «необъятныхъ» силъ, гибнущихъ въ смрадной дѣйствительности... Дошло дѣло до того, что реакція самаго узкаго, мѣщанскаго или, что еще хуже, бюрократическаго протеста за дѣйствительность при пособіи замѣчательнаго виѣшняго таланта г. Гончарова, встрѣчена была сильнымъ сочувствіемъ, дошло до того, что читались даже фантастически-ложныя повѣсти г. Дружинина съ его *идь-то*, въ какихъ-то фантастическихъ вѣдомствахъ дѣйствующими на «пользу общую» героями, что Писемскій дошелъ до *положительнаго* Калиновича.

И вотъ, почти одновременно съ началомъ реакціи, старый лермонтовскій типъ, развѣнявшійся на героевъ и героинь сороковыхъ годовъ, вдругъ вздумалъ повториться буквально...

Бываютъ странныя книги, но едва ли найдется книга страннѣе и коли хотите, знаменательнѣе «Тамарина» — г. Авдѣева, этого загадочнаго таланта, наивно-повторившаго *формы* лермонтовскаго

типа и именно же доведшаго въ «Подводномъ дамифѣ» до крайнихъ граней нелѣпности идею эмансипаціи.

Гоголь заставилъ насъ сомнѣваться въ нашей личности и ея состоятельности; литература сороковыхъ годовъ подрывала кредитъ обидія «необъятныхъ» силъ въ нашемъ быту; Тургеневъ болѣзненно отмѣтилъ большинство изъ насъ куцыми, — но развѣнчать исключительный типъ Лермонтова можно было не иначе какъ повторивши его въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ онъ явился у поэта, съ именною вѣрою г. Авдѣева въ законность этихъ формъ.

II

Съ фигурой лермонтовскаго героя знакомы болѣе или менѣе всѣ, знакомо вѣроятно и поколѣніе юныхъ Базаровыхъ, хотя оно вообще ничего вчерашняго не читаетъ, но именно повтореніе типа г. Авдѣевымъ совершенно забыто, и потому я считаю необходимымъ напомнить его многозначительное содержаніе.

Повтореніе началось съ повѣсти «Варинька», которую г. Авдѣевъ напечаталъ въ «Современникѣ» 1849 года. Авторъ назвалъ свой рассказъ повѣстью Ивана Васильича. Иванъ Васильичъ, вѣчто вродѣ Максима Максимыча, только разумѣется въ немъ нѣтъ и тѣни той высокой художественной истяры, той неподражаемой простоты, съ которыми начерченъ знакомый всѣмъ образъ у Лермонтова. Иванъ Васильичъ помѣщикъ, не очень старый и не очень молодой, находится нѣкоторымъ образомъ подъ туфелею дражайшей половины. Но еслибъ вы знали какъ поэтически подчасъ описываетъ женскую красоту этотъ помѣщикъ. Его половина вѣрно бы сказала при этомъ случаѣ: «Ахъ Антоша, какія ты слова употребляешь!» только разумѣется съ инымъ чувствомъ, нежели гордничиха. Вообще Иванъ Васильичъ, за которымъ хотѣлъ скрыться авторъ, неудался ему. Иванъ Васильичъ, собравшись по приѣздѣ изъ Москвы (куда онъ ѣздилъ перезакладывать имѣніе въ опекунскій совѣтъ) навѣстить всѣхъ своихъ сосѣдей, прежде всего ѣдетъ къ Сергѣю Петровичу Тамарину, богатому молодому человѣку, который принужденъ жить въ своемъ Рыбномъ. Сергѣй Петровичъ утомленъ жизнью, что и высказываетъ даже Ивану Васильичу, да и малолѣ что высказываетъ. Ему напримѣръ приносятъ при Иванѣ Васильичѣ раздушонную записку; добрый Иванъ Васильичъ и не спросилъ бы вѣроятно изъ учтивости, отъ кого эта записка, но онъ самъ ему объявляетъ, что записка отъ баронесы Б. Впрочемъ онъ человѣкъ весьма порядочный, даже великосвѣтскій: завтракаетъ съ чаемъ

ветчину, къ крайнему удивленію степныхъ помѣщиковъ; у него есть и конь арабской породы, и т. д. За этимъ рассказчикъ ѣдетъ навѣстить свою сосѣдку, Мавру Савишну, у которой есть дочь Варинька. Въ восемнадцать лѣтъ она дошла уже до того, что «любила всѣхъ и потому никого не любила». За ней ухаживаетъ добрый Володя, но ее тревожитъ еще незнакомый ей Тамиринъ, о которомъ пріятельница, «губернская дѣвушка и львица», пишетъ ей, что его въ школѣ прозвали демономъ... Въ этомъ названіи, которое Иванъ Васильичъ и всѣ другіе, дають на каждомъ шагѣ Тамирину, небольшая разница между нимъ и Печоринимъ, котораго, какъ извѣстно, такъ не называли. Варинька требуетъ, чтобъ Иванъ Васильичъ свелъ ее съ демономъ. Доброму Ивану Васильичу разумѣется показалось это почему-то непонятно; но онъ исполнилъ ея желаніе, исполнилъ даже въ большей степени, нежели она просила: «позвалъ къ себѣ не только Тамирина, но и баронесу Б., даму лѣтъ двадцати-трехъ, высокую, худенькую, стройную и очень блѣдную. Лицо у нея было предоброе, но въ большихъ черныхъ глазахъ было много смѣлости и цинизма: эта женщина должно-быть испытала горе, но не поддавалась ему. Кто будетъ глядѣть на одно лицо, тому будетъ жалко; кто взглянетъ въ глаза — холодно отвернется отъ нея». Значитъ она по крайней мѣрѣ не похожа на Вѣру. Послѣ свиданія съ Тамиринымъ, Варинька пишетъ къ подругѣ письмо. Изъ письма этого открываются слѣдующія обстоятельства: 1) Она думала встрѣтить демона — брютета, а встрѣтила блондина; впрочемъ нашла, что демонъ подъ этой личиной гораздо опаснѣе ея идеала; 2) что она подслушивала разговоръ его въ саду съ баронесой, вышедшей съ нимъ вслѣдствіе того, что во взглядѣ его была какая-то воля; баронеса тоже звала его демономъ и между-прочимъ боялась, чтобъ онъ не слишкомъ занялся Варинькой, которой ему очень легко вскружить голову. По этой причинѣ Варинька рѣшилась мстить *демону* и покорить его, но вскорѣ призналась въ письмѣ къ подругѣ, что онъ «разнообразенъ, новъ, ослѣпелъ». Тамиринъ въ разговорахъ съ нею говоритъ, что «когда пройдешь полжизни, не драпируясь ни въ какія чувства, тогда рождается горькое убѣжденіе» и т. д. и между тѣмъ драпируется ужасно. Послѣ разговора съ Варинькой, Тамиринъ «прополъ два раза по алеѣ, зашолъ на пять минутъ къ Маврѣ Савишнѣ и уѣхалъ очень довольный собою», — точь-вточь Печоринъ, послѣ того, какъ ему удалось взбѣсить Мери покупкой ковра. Автору впрочемъ самому стало какъ-будто совѣстно за самодовольство своего героя. Тамиринъ сидитъ и думаетъ въ своемъ кабинетѣ. «О чемъ онъ думалъ? Богъ вѣдаетъ: его лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной, оно было по привычкѣ хо-

одно, спокойно и безмолвно. Только въ его глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, сознавашаго собственную силу, что-то покоее на благородное торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость.» Онъ все жаловался, что «его никто не любитъ этой любовью, которая не выпрашивается волокитствомъ, не возбуждается насильственно-романтическими чувствами, театральными положеніями.» На сколько онъ способенъ отдаться такой любви, мы увидимъ далѣе. Баронеса приходитъ къ нему ночью и умоляетъ его оставить Вариньку. Онъ даетъ слово покончить съ ней завтра. Онъ началъ было уже и исполнять это слово, т. е. совѣтывать Варинькѣ не любить его (извѣстно, что это значитъ въ переводѣ); но во время разговора получилъ письмо отъ баронесы, которая прощается съ нимъ, рассказываетъ въ томъ, что «когда-то нанесла ударъ его страшному самолюбію, безпощадно пронзила его *мякое, дѣтское сердце*». Получивъ письмо, Тамаринъ говоритъ Варинькѣ: любите меня хоть немного! Потомъ къ нему приѣзжаетъ свѣтскій фатъ, который пускаетъ его тѣмъ, что онъ растолстѣетъ, когда женится, и Тамаринъ ѣзжаетъ съ нимъ въ другой городъ. Варинька ѣдетъ за нимъ въ тотъ же городъ, къ крайнему прискорбію Ивана Васильича, который впрочемъ кругомъ виноватъ въ этой исторіи.

Въ городѣ Н., какъ видно, не нашлось добраго Ивана Васильича, котораго бы *демонъ* могъ удивлять тѣмъ, что утренній чай замѣняетъ завтракомъ, и онъ принялся писать дневникъ. Оно иначе и быть не можетъ: Печоринъ писалъ дневникъ, какъ же ему не писать? Въ глазахъ его нѣтъ вѣдь ничего замѣчательнаго его собственной достолюбезной личности. И начинаетъ онъ откровенія высокой души своей, какъ слѣдуетъ истинному демону. «Умереть со скуки — говоритъ онъ — выраженіе чисто иперболическое. Мнѣ кажется, я началъ скучать съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи, однако слава-богу живу до-сихъ-поръ.» И какъ вѣдь онъ радъ бѣдвой своей якобы остроумной выходкѣ (надъ которой, замѣтимъ въ скобахъ, точно помрутъ со смѣха всѣ господа, скучающіе отъ бездѣлья, и всѣ барышни, ожидающія появленія такого демона, чтобы ему отдаться, подразумѣвается платонически) какъ онъ доволенъ, что не принадлежитъ къ счастливымъ, которыхъ смиренный умъ живетъ помаленьку; съ какимъ торжествомъ причисляетъ онъ себя къ «семьѣ праздношатающихся умниковъ, которые неумѣютъ примирить дѣятельность души, съ дѣятельностью жизни.» Между прочимъ, объявляетъ онъ, что не хочетъ жить вмѣстѣ съ Островскимъ, тоже однимъ изъ лицъ повѣ-

сти, приводя поговорку, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, хотя онъ (Островскій) и доказывалъ, что эта поговорка не относится ко лвамъ» — мѣсто замѣчательное въ высшей степени по своей претензіи... Далѣе онъ жалуется на свѣтъ за то, что этотъ свѣтъ говоритъ кое-что объ отношеніяхъ его къ Варинькѣ, но тутъ онъ явно жметъ внутренню: онъ очень доволенъ этими толками, потомучто дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное для ихъ возбужденія. Вообще этому достойному господяну нельзя вѣрять ни въ одномъ словѣ, развѣ только проговорится какъ-нибудь, по врожденной пустотѣ и хлестаковской вѣтренности. Нельзя ему вѣрять, когда онъ, какъ наивная пансіонерка, грустить о томъ, что у свѣта всегда чернѣйшій взглядъ на вещи; нельзя ему вѣрять и въ его скукъ. Самъ же онъ пробалтывается, что ему скучно оттого что нѣтъ Вариньки. И Варинька, впрочемъ не нужна ему, какъ она сама, — ему пріятно было рисоваться передъ нею, парадировать своимъ непризнаннымъ величіемъ, своими грошовыми страданіями. «Я любилъ, пишетъ онъ, — задумчивый, любящій взглядъ ея темно-голубыхъ глазъ, когда по праву сельской свободы, сидя вдвоемъ въ саду, въ теплый осенній вечеръ, я передавалъ ей свои холодныя убѣжденія или рассказывалъ пеструю повѣсть моей прошедшей жизни, а она слушала, пристально смотря на меня хорошенькими глазками, и казалось хотѣла спросить: ииц, неужели ты все это пережилъ и перечувствовалъ? И нѣтъ морщинъ на твоемъ челѣ! и нѣтъ въ кудряхъ сѣдого волоса! и весело можешь ты смотрѣть на всеневную жизнь!» Чувствуете ли вы, какъ привольно ему, блѣдному сколку съ Печорина, какъ сладко ему поклоненіе и удивленіе неопытной дѣвочки, основаннаго единственно на томъ, что она не знаетъ его; какъ по-сердцу эта ложь его истомленной ложью натурѣ?... Что за дѣло, что никто, кромѣ незнающей свѣта дѣвочки или перезрѣлой женщины, не повѣряетъ въ это величіе, — онъ доволенъ и такимъ поклоненіемъ. Тутъ онъ искрененъ, потомучто тутъ онъ наивно обличаетъ себя самого въ возмущающей душу жи; искрененъ онъ и вслѣдъ затѣмъ говоря: «Смѣшное, смѣшное! вотъ бичъ, отъ котораго блѣднѣетъ наше поколѣніе! вотъ слово, которое убиваетъ хуже чумы», и т. д. Тутъ онъ весь паголо, со всею своей пустынькой, пошленькой и даже грусливой природой, онъ, имѣющій необъятныя претензіи на демониизмъ. Не бойтесь за его скуку: она не доведетъ его до какого-либо эксцентрическаго поступка; она разсѣется тотчасъ же, какъ только войдетъ онъ опять въ свою сферу.

Варинька съ матерью скачетъ за нимъ въ городъ Н. Но тутъ у нея есть уже наперсница Надинька, зрѣлая дѣва, которую Тамаринъ

весьма не любить, можетъ-быть потому, что она очень сходна съ нимъ, что въ ней, по его собственному выраженію, такъ мѣткому, «все ложно, начиная съ чувствъ и до косы включительно». Вотъ наконецъ и сфера дѣятельности, вполне достойная его великой души: начинается борьба, въ которой онъ можетъ выказать свои блестящія качества, употребить въ дѣло всю свою тактику. Тактика эта немудреная, хоть и всегда сильная въ отношеніи къ дѣвчонкѣ; вся она заключается въ способности не краснѣть, когда уличаютъ въ явной лжи или лицемѣрїи, въ умѣнїи незатрудняться таинственнымъ и ничего не значущимъ отвѣтомъ, когда дѣлаютъ щекотливый вопросъ. Тамаринъ любитъ эти ничего не разрѣшающіе отвѣты, какъ любитъ всякую недосказанность, ложь положенія. Онъ страшно доволенъ первою встрѣчей съ Варинькой. «Теперь, говоритъ онъ, наши взаимныя отношенія такого рода, что отъ нихъ такъ же близко къ короткости, какъ и къ совершенному разрыву.» Далѣе онъ разсуждаетъ и честно и неоспоримо логично: мы скоро дойдемъ до той точки, на которой порядочные люди или разрываютъ связь, или женятся. Разрывъ тогда будетъ труднѣе, чѣмъ теперь, а жениться я не намѣренъ. Другой аргументъ (!), мнѣ порядочно скучно; если я не буду занятъ Варинькой, мнѣ будетъ еще скучнѣе; къ тому же Варинька меня любитъ, и разрывъ со мною очень огорчитъ ее.» (Что за нѣжная гуманность!) «Спрашивается благоразумно ли будетъ обрекать себя на скуку, а Вариньку на печаль изъ одной боязни будущаго? Это сцѣпленіе обстоятельствъ такъ запутано, что я рѣшаюсь посоветываться съ Федоромъ Федорычемъ.»

И вотъ, по щучьему велѣнью, является Федоръ Федорычъ, такая же жалкая пародія на доктора Вернера, какъ самъ Тамаринъ жалкая пародія на Печорина. «Мы не были съ нимъ друзьями, потому что не вѣрили въ дружбу, не были большими пріятелями, потому что уважали другъ друга.» Что это такое? — спроситъ удивленный читатель. Мы сознаемся въ нашей ограниченности. Бесѣда Тамарина съ Федоромъ Федорычемъ исполнена такихъ дикихъ претензій со стороны двухъ этихъ господъ, что ее слѣдовало бы выписать цѣликомъ въ назиданіе читателей. Федоръ Федорычъ еще послѣдовательнѣе Тамарина: онъ до того послѣдователенъ, что становится даже комиченъ. «Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ? — говоритъ онъ по поводу отношеній Тамарина къ Варинькѣ. — Вы дали Варинькѣ нѣсколько слезъ, ту боль сердца, которая называется страданіями; да вѣдь это страданія моральныя и относительныя! Они зависятъ отъ раздражительности нервовъ и чувствительности сердца; какія это страданія! Это не кусокъ черстваго хлѣба, не жесткая скамья

да продранное платье! вотъ страданія такъ страданія! За то знаете ли что вы дѣлаете этимъ? Вы ее избавите отъ скуки. Боже! какъ это много! Вы ей доставите право говорить своимъ подругамъ и вамъ впослѣдствіи, что вы разбили ее жизнь, что вы отравили ее лучшія вѣрованія и проч. и проч. Великое для дѣвицы право! И браня васъ, подруги ея будутъ тайно думать, счастливица эта Варинька! И подруги ея будутъ правы, потому что вы ей дадите жизнь, и сама Варинька съ наслажденіемъ вспомнить пережитое время. А вы гордо будете скучать своимъ успѣхомъ, смѣясь пальмициемъ старухъ вмѣстѣ къ молодежи.» Комично все это потому, что есть тутъ своя относительная правда, т. е. правда въ отношеніи къ тому миру жизни, какимъ жила извѣстная часть нашего общества, что все это какъ-будто цѣликомъ взято изъ разныхъ повтовъ, на разные тоны взывавшихъ во время оно о гордомъ страданіи, о блаженствѣ страданія, и о прочемъ. Дѣйствительно, и Тамарину и Варинькѣ жизнь не въ жизнь безъ глубокихъ страданій, безъ душевныхъ язвъ; жизнь не въ жизнь, если сердце у нихъ не разбито, лучшія вѣрованія, которыхъ собственно никогда и не было, не отравлены. Во чтобы то ни стало, надобно разбить сердце, — ктожь это живетъ съ неразбитымъ сердцемъ! Какъ это жизнь пройдетъ безъ повторенія драматическаго отношенія:

Они любили другъ друга такъ долго и вѣжно,
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
 Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Какъ же наконецъ не растаться въ безмолвномъ и гордомъ страданьи? Горе въ самомъ дѣлѣ женщины, которая не насилвала себя для воспроизведенія подобной драмы; горе, если здоровье и свѣжее сердце отдала она любящему и любимому человѣку. Нѣтъ, давайте намъ страданья, во что бы то ни стало, — давайте прошедшаго и вѣчнаго воя о прошедшемъ, хотя бы это прошедшее само въ себѣ не стоило ровню ничего, хотя бы полнѣе и смысломъ и жизнью было настоящее.

Но мы увлеклись тирадою доктора Вернера (онъ же и Федоръ Федорычъ), будемте слѣдить далѣе драматическія отношенія Тамарина съ Варинькой. Тамаринъ снова позволяетъ себѣ увлечься ею, сознается, что онъ счастливъ, совершенно счастливъ, и между тѣмъ восклицаетъ: «какая скука быть совершенно счастливымъ!» Отчего же въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе? Да просто оттого, что ни въ Тамаринѣ, ни въ Варинькѣ нѣтъ условія для счастья, что всю непосредственность чувства подтачиваетъ у нихъ холодное рассузде-

ніе, и притомъ не самобытвое, а вѣдѣнее, такъ-сказать наносное. Оба они вообще подъ вліяніемъ *qu'en dira-t-on*, и въ частности *глубокій мыслитель* Тамаринъ (каковымъ онъ самъ себя признаетъ такъ откровенно) подъ вліяніемъ пьяной или праздно болтовни Островскаго, а она, эта страстная и свѣжая Варинька, подъ вліяніемъ мелочныхъ расчетовъ своего друга, Надиньки, и вмѣсто того, чтобы любить беззавѣтно, безъ задней мысли, «ожесточаетъ сердце дружбой», по выраженію одного непечатавашагося поэта.

Тамаринъ самъ довольно ясно понимаетъ то странное настроеніе души, которое обладаетъ имъ и Варинькой: «что за странная прихоть сердца — говорить онъ — составлять несчастную любовь, тогда какъ у насъ есть всѣ условія для счастливой любви? Въ самомъ дѣлѣ нашу любовь можно назвать несчастной, потому что сумма маленькихъ страданій составитъ одно большое. У дикихъ, у необразованныхъ людей есть ножъ, есть кровь, есть убійства и ястязанія. У насъ, людей отполкрованныхъ, нервы такъ раздражены, чувствительность такъ утончена, что мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ сильнымъ и грубымъ средствамъ: у насъ есть другія мученія, — невниманіе, равнодушіе, предпочтеніе и насмѣшка — убійственная насмѣшка! И Боже мой! какъ иногда глубоко и тяжело страдаетъ самолюбивый человѣкъ отъ одного неблагоприятнаго взгляда или небрежнаго отвѣта.»

Въ какой степени легко уязвляемо самолюбіе Тамарина, показываютъ его дальнѣйшія отношенія съ Варинькой. По поволу того, что ей вздумалось подразнить его ревность букетомъ довольно пустого юноши, Володи Имщина, онъ рѣшительно выходитъ изъ себя, или лучше сказать, тутъ-то именно онъ и вошелъ опять въ свою колею, попалъ на эту точку и вертится на этой линіи. Въ самомъ дѣлѣ обширное и главное поле дѣйствія раскрывается передъ Ловласомъ города Н^н: уничтожить минутное торжество перезрѣлой дѣвы, сокрушить пробудившуюся гордость въ дѣвочкѣ, стереть съ лица земли соперника, котораго нельзя серьезно и счесть соперникомъ. Читая описаніе его подвиговъ, мы повторяли слова неизвѣстнаго критика современника о Ловласѣ Ричардсона: «Не слышите ли въ этомъ взрывѣ гордаго восторга нѣчто подобное радостному реву льва, подкарауливашаго добычу?»

Средство, избираемое Тамаринымъ для мести, разумѣется женщина, именно Марія Б., прозванная Маріонъ имъ и его пріятелями. Является покрайней-мѣрѣ хоть одно лицо, взятое не цѣликомъ изъ романа Лермонтова, хотя такъ же мало какъ и другія, взятое изъ дѣйствительности. Маріонъ *разумѣется* замужемъ, *разумѣется* также мужа своего въ грошъ не ставитъ. Она пережила уже все,

что может пережить женщина, — и говорит она иногда точно как женщина много пережившая, но непонятно только, как она не видит насквозь Тамирина, т. е. не презирает его. Онъ же самъ говоритъ, противъ обычая своего, довольно откровенно: «какъ должны быть смѣшны въ ея глазахъ мы, маленькіе Ловласы съ нашими маленькими страстями и маленькими объясненіями.» А между тѣмъ на балу, куда она отправилась съ букетомъ Тамирина, за которымъ этотъ послѣдній посылалъ чуть не за сто верстъ, Марионъ прямо говоритъ ему, что она могла бы имъ увлечься, еслибы не пережила такъ много. Вообще вся эта сцена съ Марионъ, хоть и не найдется въ романѣ Лермонтова, зато такъ и отзывается извѣстнымъ стихотвореніемъ поэта :

Какъ ты, кружась въ весельи шумномъ,
 Не замѣчая никого,
 Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего...
 Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
 Сошлись и разошлись вновь,
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

Во всей этой сценѣ такъ и сквозитъ повсюду задняя мысль автора: опоэтизировать отношеніе Тамирина и Марионъ, какъ двухъ существъ равно высшаго разряда, равно принадлежащихъ къ беззаконнымъ кометамъ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ, равно разубѣжденныхъ и равно неспособныхъ отдаться увлеченіямъ: отношеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое въ стихотвореніи великаго поэта, и возбуждающее невольный смѣхъ, когда имъ прикрываются губернскіе львы и львицы. Г. Авдѣевъ уловилъ даже новый поэтический оттѣнокъ этого отношенія; это минута, когда Тамиринъ и Марионъ собираются на балъ и отдаютъ какому-то молодому, благоухавшему навицію. Въ самомъ дѣлѣ, представьте въ этомъ состояніи души одного изъ грозныхъ героевъ Байрона, за нѣсколько минутъ до совершенія какого-либо страшнаго дѣла, или одну изъ истинно жившихъ и страдавшихъ героинь Занда, — эффектъ выйдетъ поразительный. Но развѣ можно дорожить подобною минутою въ Тамиринѣ? Всѣ страшныя дѣла его заключаются въ весьма незначительныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, да въ хлестаковскихъ выходкахъ, а Марионъ мы вовсе не знаемъ, потому что нельзя же вѣрить рекомендаціи Тамирина. Что она говоритъ умно — это ровно ничего не доказываетъ. И самъ герой г. Авдѣева, вращаясь въ безвыходномъ и тѣсномъ кругѣ своихъ идеескъ, мимоходомъ говоритъ вещи несовсѣмъ пошлыя; такъ напримѣръ ему удалось довольно рѣзко ука-

Затѣ на странности женской дружбы: «Несмотря на все мое вліяніе надъ Варинькой — говорить онъ — я не могу разубѣдить ее (т. е. говоря порусски — убѣдить, потомучто съ предлогомъ *разъ* смыслъ выходитъ противоположный), что между двумя дѣвочками это чувство неестественное, что это просто взаимное обморочиваніе, средство для одной нѣтъ вліяніе на другую. Такъ нѣтъ! говорить, что я не понимаю этого чувства, что я скептикъ, что я ошибаюсь. А просто на этихъ губернскихъ барышень находить какое-то бѣшенство на дружбу. Увидятся во второй разъ въ жизни и ужь ходятъ подъ руку, такъ что ихъ водой не разольешь: увѣряютъ другъ друга во взаимной симпатіи и раскажутъ про себя всю подноготную. Затѣмъ начинается переписка, обмѣнъ колець и браслетовъ, внутри коихъ вырѣзывается: А. à son amie В., годъ, мѣсяцъ и число. Все это продолжается разумѣется до первой кости, послѣ чего слѣдуютъ объясненія, чувствительныя сцены, разрывъ. Тотчасъ послѣ этого выбирается съ обѣихъ сторонъ новая подруга: ей жалуются на старую, рассказываютъ всѣ ея маленькіе секреты, которые послѣ этого отправляются по городу, и опять та же пѣсня.»

Тамарину ни разу не удавалось быть такъ мѣтко злымъ въ своихъ запискахъ: по большой части онъ предобрый, въ особенности въ отношеніи къ своимъ собственнымъ маленькимъ слабостямъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не свободны и великіе люди. Она изъ этихъ маленькихъ слабостей великаго человѣка, — привычка неумѣренно радоваться маленькимъ триумфамъ, или лучше сказать оваціямъ. Какъ онъ въ духѣ на этомъ балѣ, гдѣ удается ему избѣсить Вариньку: онъ весь распустился, какъ Маниловъ передъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ, онъ, гордый демонъ, ходячій скандалъ, предметъ ужаса всего города Н.! «Мнѣ захотѣлось быть первымъ между всею молодежью, и я успѣлъ въ этомъ. Я не пропустилъ безъ вниманія ни одной дамы, будь она *sur le retour*, ни одной дѣвицы, будь она зрѣлой дѣвой, и даже дѣвицы говорили обо мнѣ: *il est charmant*. Я даже не оставилъ въ покоѣ стариковъ и старухъ: и старики и старухи были отъ меня въ восхищеніи.» Восторгъ его не знаетъ наконецъ предѣловъ, когда удается ему новый многотрудный подвигъ одурачить Володю Имшина... и вслѣдъ за тѣмъ, оканчивая первую тетрадь своихъ записокъ, онъ опять надѣваетъ на себя передъ самимъ собою маску демона и спрашиваетъ себя самодовольно: «неужели я началъ уже старѣться?» не подозревая въ душевной простотѣ, что маска, надѣваемая имъ на себя, дѣйствительно состарѣлась и износилась, а у него самого, по русскому выраженію, молоко еще на губахъ не обсохло. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ безпрестанно насилуетъ свою въ

сущности пустыньскую природу, надувается какъ мыльный пузырь. Самообманываніе обратилось у него въ болѣзнь, и къ сожалѣнію эта болѣзнь неизлечима, потомучто ничто не вырветъ его изъ заколдованнаго круга ограниченнѣйшихъ понятій, и въ этомъ кругѣ есть для него всегда возможность примиренія съ самимъ собою. До старости онъ будетъ поэтизировать свои маленькія страданія и придавать важность мельчайшимъ событіямъ своей пустой и празднои жизни.

Мы не станемъ анализировать въ подробности вторую тетрадь его записокъ. Скажемъ только, что изъ Печорина онъ обращается подлѣ ковецъ въ Овѣгина, выдавши Вариньку замужъ за Володю Имшина, терзаетъ ее неотвязною любовью, прежде разумѣется насильственно истерзавши самого себя. «Я не ухаживаю за Варинькой — пишетъ онъ черезъ нѣсколько времени послѣ ея сватъбы, — не потому, чтобы это было слишкомъ рано, а изъ боязни уронить себя въ ея глазахъ. Я увѣренъ, она бы оскорбилась и не простила бы мнѣ моего волокитства. Но сознаюсь, меня что-то влечетъ къ ней, что? не знаю! Можетъ-быть привычка, прелесть потеряннаго, или наконецъ избалованное самолюбіе, которое безпрестанно запрашиваетъ все болѣе и болѣе. Впрочемъ надобно и то замѣтить, что теперь Варинька не деревенская дѣвочка: она имѣетъ всю заманчивую привлекательность женщины, да еще въ добавокъ такъ недавно выстрадавшей опытность. Еще одна новая, тщательно скрываемаѣ черта варинькина характера притягиваетъ меня своей загадочностью: мнѣ удалось подмѣтить въ ней какую-то внутреннюю сухость, какой-то душевный холодъ и т. д.»

Не правда ли, что здѣсь всякая черта напоминаетъ стихи изъ Овѣгина: то

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай;

то:

Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

то наконецъ:

У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она.

Удивительно только то, что Варинька, по всѣмъ вѣроятностямъ читавшая Овѣгина, ни разу не отвѣчаетъ Тамарину этими стихами, а напротивъ повторяетъ съ нимъ отъ полноты убѣжденія послѣднюю сцену пушкинскаго романа.

Наконецъ Тамаринъ рѣшается ухъать лечиться отъ воображае-

мыхъ болѣзней. «Сельскій воздухъ, говорятъ, живителенъ» — замѣчаетъ онъ съ важностью.

И вотъ онъ въ деревнѣ; онъ хочетъ, говоря высокими слогами, «успокоить измученную грудь на лонѣ природы.» Не надѣйтесь, чтобы искренно сочувствовалъ онъ природѣ — нѣтъ! на нее самую съумѣетъ онъ навести сѣренькій, туманный колоритъ своей мелкой тоски, и въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, онъ постарому будетъ становиться на ходули. Онъ будетъ вспоминать только о томъ что бесполезно пролетѣло передъ нимъ, а внутри себя радоваться тому, что оно пролетѣло передъ нимъ бесполезно. Нельзя иначе: онъ долженъ же до конца пародировать своей жизнью стихи поэта, доживать вѣкъ по заданной напередъ темѣ, повторять самоудовольно о себѣ самую извѣстную строфу изъ «сказки для дѣтей»:

Душа, ея была

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
 Для мукъ и счастья, для добра и зла.
 Въ нихъ нищизн много. Только невозвратно
 Идутъ онѣ, куда ихъ повела
 Случайность. Безъ раскаянья, упрековъ
 И жалобы, имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано...

Дальше кажется нельзя было идти въ пародіи, какъ повялъ г. Адамовъ, не думавшій впрочемъ нисколько о пародіи.

Жизнь должно-быть за него думала. Жизни нужна была пародія для того, чтобы разбить формы завѣтнаго типа, какъ незаконныя, шлочныя и условныя.

Переступивши этотъ шагъ повторенія, сознаніе уже смѣло принялось за простое разоблаченіе.

Нигдѣ можетъ-быть разоблаченіе всего комическаго въ условныхъ формахъ типа не совершено съ такою честною послѣдовательностью, какъ въ одномъ изъ умныхъ «провинціальныхъ писемъ» г. Анненкова; на одной изъ забытыхъ теперь фигуръ ихъ, на «Володѣ Верженцевѣ», я считаю столь же необходимымъ остановиться, какъ на «Тамаринѣ». Володя Верженцевъ, ни болѣе ни менѣе какъ разоблаченный Тамаринъ, герой нашего времени, сведенный съ ходуль, поставленный къ лицу съ настоящею дѣйствительностью и оказавшійся лицомъ крайне комическимъ. Очеркъ его не болѣе какъ очеркъ, схватывающій только рѣзкія черты лица; авторъ «провинціальныхъ писемъ», какъ извѣстно, вовсе не художникъ, а просто умный человекъ, который прямо, смѣло и просто смотритъ на явленія жизни.

Начавши свое письмо злымъ и остроумнымъ разъясненіемъ значенія товарищей дѣтства вообще, авторъ рассказываетъ объ одномъ изъ такихъ товарищей.

«Звали его — говоритъ онъ — Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ на сторонѣ, а между нами извѣстенъ былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста, Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпиміемъ и кротостью, — всѣми добродѣтелями прекраснаго молодого человека. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое угодно время отъ книги, увѣрить, что онъ гениальный человекъ, и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человекъ; принудить его цѣлую недѣлю ѣсть хлѣбъ и соль изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо сказать къ стыду товарищей, что послѣднюю штуку они довольно часто повторяли съ нимъ.»

Итакъ товарищъ дѣтства автора, какъ видится изъ дѣла, принадлежитъ къ числу людей, что-называется безхарактерныхъ, мягкихъ какъ воскъ и всегда готовыхъ подчиняться чужому вліянію, особенно если сумѣютъ возбудить ихъ самолюбіе, до крайности раздражительное. Для нихъ не существуетъ ясно сознанныхъ понятій о дурномъ и хорошемъ, о справедливомъ; у нихъ нѣтъ даже прочныхъ привязанностей ни къ людямъ, ни къ занятіямъ: Ихъ можно вести куда угодно и какъ угодно; раздраживши ихъ самолюбіе, можно заставить ихъ рѣшиться даже на самыя апоцентрическіе поступки, повидимому совершенно противорѣчащіе ихъ мягкой натурѣ. Такіе люди всего болѣе боятся того, чтобы не замолчала въ нихъ безхарактерности, робости и слабости, и случается даже, что они долгое время слынутъ за людей рѣшительныхъ, энергическихъ, пока наконецъ не оборвутся на какомъ-нибудь ничтожномъ обстоятельстве.

«Въ одну эпоху молодости — продолжаетъ авторъ — Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей, принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку или къ благоразумному отряду ихъ? Не понимаю для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всѣмъ своимъ собратамъ.»

Мы такъ думаемъ напротивъ, что весьма понятно, почему Володя терзался въ эту раннюю эпоху своей жизни такимъ вопросомъ. Душа его смутно чувствовала, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся его послѣдующая жизнь. Постараемся быть справедливыми и нѣсколько человѣколюбивѣе автора въ отношеніи къ его герою. Тамъ самая раздражительная восприимчивость, которая со-

зладе, а потомъ столько сдѣланныхъ и возможныхъ ошибокъ, могла при другихъ обстоятельствахъ послужить основою для благороднѣйшихъ стремленій.

Но окружившій людемъ, въ которыхъ одинъ увидалъ, что онъ болѣе рохадить на труса и въ англ. опроверженіи заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лазить по крышамъ; перескакивать овраги и т. п.; другіе жеоборотъ предполагали, что онъ имѣеть врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать почти тоже самое.

Окружившій натурами болѣе егр опытныхъ, но столько же чуткими, Володя совершенно растерялся; подростоваый безпрестанно въ эксцентрическому, привыкъ самъ отъ себя требовать постоянно крайностей. Отъ такого состоянія одень только шагъ къ другому, въ позоромъ человекъ, безъ всякаго вазрвнія совѣсти, становится на ходули, приписываетъ себя къ числу избранныхъ натуръ, которая «невозвратно идутъ къ чему ихъ повела случайность», самую безосновность свою считаетъ за «безграничность стремленій», безсодержательность за широту думи, которой «мира недостаточно». И такимъ образомъ содѣлалъ уже Фаустъ, который въ сибншномъ самоослѣпленіи взымаеть:

Хотѣлъ бы миръ объять я мыслью безконечной

И въ смертный часъ сказать — вотъ миръ, а это я...

маленькій Чайльд-Гарольдъ, который готовъ надѣлать страшныхъ глупостей, чтобы создать себѣ репутацію чудовища; маленький донъ-Жуанъ, который всякую лебелю барыню, отдавшуюся ему соа этого, возводитъ въ достоинство жертвы; маленький Ловластъ, готовый *remuer ciel et terre* для побѣдъ надъ мѣстными мисъ-Клерн.

Такимъ уже встрѣчаетъ своего товарища дѣтства г. Анненковъ черезъ десять лѣтъ. Онъ слышитъ о немъ, какъ о человекѣ съ каменинымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ характеромъ. Что за чудо! думаетъ онъ.

«Вышло чудо, еще большее чѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ: Володя, тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ нѣжнаго влеченія, иривялъ меня какъ нельзя хуже... Онъ сбиль меня совершенно съ толку: на первый мой порывъ сваять нить нашего знакомства, порванную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; къ воспоминаніямъ молодости, которыми я думалъ заоблечь его, онъ остался совершенно равнодушенъ, и наконецъ всякое теплое слово мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріателемъ Богъ знаетъ гдѣ!) удостоивалъ ласково презрѣніемъ, которое даже ста-

рался и выразил такъ положительно, чтобъ никакого сомнѣнiя не осталось въ умѣ моемъ.»

Иначе и быть не могло. Володя больше всего заботился о томъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ разорвать всѣ связи съ темъ раннимъ эпохою жизни, когда еще для него возможенъ былъ выходъ изъ странной жи.

«Но я замѣталъ, продолжаетъ авторъ, одну легкую, едва видимую черту, вставившую меня продлить посѣщенiе, бесполезность котораго начинала проявляться довольно опутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную манеру, которая должна была сказать мнѣ: ты и не воображай поддѣть медя чувствами, я уже не тотъ слабый человекъ, который деложилъ прежде всякими пустяками.»

Естественно, что какъ для Печорина докторъ Вернеръ, такъ и для Тамирина Федеръ Федорычъ, такъ и для Володи Веренищова необходимъ собесѣдникъ, который бы игралъ съ нимъ комедiю разочарованiя. Авторъ рѣшился поддѣлаться подъ его тонъ.

«Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы вѣрно и чрезвычайно тонко привелись разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ какъ кита. Всѣ крупныя и мелкiя черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знанiемъ самого предмета. Къ концу засѣданiя каждый изъ насъ имѣлъ удовольствiе убѣдиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли, и ничего потребнаго для составленiя искренней, продолжительной связи.»

И разъ принявши на себя роль доктора Вернера, авторъ дѣйствительно достигъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Этими результатами онъ любитъ съ злобнымъ наслажденiемъ:

«Родъ какой-то странной ежедневной комедiи сталъ развиваться передо мною съ этой минуты, — комедiя, полной самыхъ забавныхъ, самыхъ чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанiя для нихъ, но вѣдь коротко только испытанное, а заимствованiе и подражанiе безграничны какъ жизнь. То приходилъ ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состоянiи головы и сердца, и отъ наморщенныхъ бровей его вѣло мучалью, какъ отъ плакучей ивы, колеблющейся надъ свѣжей могилкой. Всякое слово его повито было кровомъ, звучало мѣрно, какъ погребальный колоколъ.»

Если бы мы хотѣли отмѣчать всѣ черты, рѣзко сказанные наблюдательнымъ авторомъ, намъ пришлось бы выписывать цѣлкомъ многiя мѣста; но по этимъ немногимъ выпискамъ читатели могутъ судить, какою подвигъ со стороны г. Ашеникова отъ этой отгол,

разоблачающій до нѣмца надобныхъ всѣхъ героев нашего времени. Здѣсь дорого каждое слово, каждое замѣчаніе. Въ обществѣ, Володя у него «ясенъ и блестящъ, но ясенъ и блестящъ какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ.»

Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, снисходительно отзывался о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недоумѣніемъ о тѣхъ, которые были похваляемы и вообще были страшны въ холодномъ спокойствіи своемъ. Только взоръ, искоса брошенный на меця — добрый Володя! — объяснилъ, что все это говорено было собственно съ одной цѣлью: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей.

Быть, во чтобы то ни стало, выше самого себя, дѣйствительно единственное стремленіе людей, подобныхъ Володамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, завелось не мало въ нашемъ обществѣ. Авторъ обозначилъ слегка причины такого страннаго настроенія души, но намъ кажется, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на первыя впечатлѣнія ранней молодости своего героя: Володя долго служилъ потѣхою для своихъ товарищей, и разумѣется, вслѣдствіе этого, онъ безъ негодованія не могъ вспомнить о своемъ прошедшемъ. Разойтись съ нимъ, съ этимъ опостылѣвшимъ ему прошедшимъ, показать, что онъ уже не прежій, что имъ нельзя уже играть какъ шашкой, вотъ его цѣль. Но онъ и не видитъ, бѣдный, что ему суждено вѣчно быть игрушкой тѣхъ или другихъ, что для него возможна только перемѣна обстановки. Онъ весь истратился на мелочь, весь раскидался, разсѣялся, распустился: въ головѣ его хаосъ, въ сердцѣ — ложь и тьма безъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Тайный, ни чѣмъ не заглушимый голосъ говоритъ ему, что такъ жить нельзя, что рано или поздно надобно выйти изъ ложнаго положенія; самолюбіе же подсказываетъ ему, что онъ, какъ высшая натура, можетъ выйти изъ лабиринта только крайними путями. И вотъ передъ нимъ стоитъ постоянно, вопреки его слабой и робкой натурѣ, обаятельный идеалъ демонской силы, абсолютнаго отрицанія; въ ушахъ его такъ и звучатъ стихи поэтовъ:

Какъ царь нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебнo-чудной красотою,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася.

Или:

Ликъ молодой,
Быль гнѣвнъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой не земной.

И несчастный ребенокъ начинаетъ насильственно рвать у себя

въ душѣ всѣ моральныя основы для того, чтобы и объ немъ сказало кто-нибудь:

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

Онъ начинаетъ поддѣлывать лицо, голосъ, рѣчь, движеніе, онъ добивается отъ себя ласкающей улыбки, готовъ взваливать на себя уголовныя дѣла, лишь бы походить на страшный призракъ, преслѣдующій его повсюду.

Въ минуты такого душевнаго настроенія, Володя обыкновенно садился небрежно въ кресла, сжималъ голубые глазки свои, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія, и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себѣ всѣ безпокойныя стремленія, всѣ душевныя и сердечныя порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество образовалось у него въ груди, и проч. и проч.

Вѣднѣй ребенокъ, онъ и не видитъ, что всѣ эти огромныя претензіи расходятся съ условіями его физической и нравственной природы; что всякому зрѣлому человѣку и всякой свѣжей непочатой натурѣ, которая какъ-нибудь придетъ съ нимъ въ столкновеніе, тотчасъ же разоблачатся всѣ эти дикія претензіи; онъ идетъ безъ оглядки по выбранной имъ дорогѣ, не подозревая, что рано или поздно разразится надъ нимъ неизбежная катастрофа разоблаченія. Двоимъ образомъ можетъ совершиться эта катастрофа, смотря по тому, совершенно ли испошлялся человѣкъ, или осталось еще въ немъ что-нибудь нетронутое, неперемѣнное; ибо часто въ подобныхъ несчастныхъ натурахъ лежатъ залогомъ лучшаго, и въ такомъ случаѣ, опыты жизни раскрываютъ человѣку глаза и внутри его начинается кара сознанія — самая ужасная изъ каръ, но ведущая всегда къ благодатному исходу: путемъ саморазоблаченія, искреннимъ раскаяніемъ къ самому себѣ доходитъ онъ до того, что снова доискивается въ самомъ себѣ глубочайшихъ основъ, вѣры въ истинное, а не фальшивое человѣческое достоинство. Гораздо же чаще разоблаченіе не производитъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что герой, «вепонятый людьми», еще крѣпче закутывается въ продыравленную мантию трагическаго величія, отправляется лечиться «живительными соками природы», впадаетъ въ какое-то сонное состояніе, сонными глазами смотритъ и на себя и на природу, и умираетъ въ грѣзахъ того же самообольщенія. Такъ

или врачъ, военнаго строга ждетъ на этомъ пути, — она же постигаетъ и Володю. Онъ сталкивается съ натурой крѣпкой, впечатлѣной. Авторъ «провинціальнаго писемъ» прекрасно очертилъ м-ле Anne, которая была Нешевидою для его Володи.

Она совсѣмъ не имѣла способности къ насмѣшкѣ, къ быстрому, поражающему отбѣту, совсѣмъ не обладала даромъ вѣдкаго выраженія мысли, но замѣчала всѣ эти качества какой-то врожденной интуицею всѣхъ своихъ сужденій, какой-то зоркостью, невольцею удивлявшей насъ:

Всѣ постепенности отношенія между Володей и м-ле Anne, чуждой великихъ претензій, простой и искренней, но выѣтой съ тѣмъ чрезвычайно способной отличать правду отъ лжи и владѣющей какимъ-то чутьемъ въ этомъ случаѣ, обозначены авторомъ съ самою строгою логическою послѣдовательностью.

«Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную маску, которой украшалось его чело, и которой она не видала еще ни на комъ. Разумѣется также, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Нѣсколько времени она колебалась, не зная что думать про новое лицо; смѣло требовавшее ея вниманія во имя собственнаго безобразія. Ей уже случалось читать описанія подобнаго характера въ книгахъ, но свѣжая и неопытная мысль ея никакъ не могла представить себѣ яснаго образа ихъ, несмотря на весь издержанный талантъ авторовъ.

Нечего кажется и пояснять, что здѣсь авторъ является наблюдательнымъ и опытнымъ психологомъ. Онъ не поставилъ своей героини на ходули, не придавъ ей того, чего въ ней не было и не могло быть — равней опытности. Онъ снабдилъ ее только тактомъ, только непосредственными дарами, и понятно, что первое чувство ея было — удивленіе, болѣе еще желаніе повѣрить на действительномъ фактѣ идеалы современныхъ писателей; понятно также въ ней и нѣкоторое чувство страха.

Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, м-ле Anne естественно испугалась. Въ отношеніяхъ ея съ Володей наступила та минута отчужденія, нерѣшимости, которая предшествуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. М-ле Anne принялась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узнать, какой звукъ издаютъ онѣ, и прислушаться къ нимъ. Сперва притупила она къ дѣлу весьма робко, но чѣмъ далѣе шла,

тѣмъ двушка становилась смѣлке. Вѣроятно къ самымъ звукамъ не было ничего раздражающаго и болѣзненнаго, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, м-лле Анне знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ самая запасная концертна.

Легко предвидѣть развязку комедіи. Володя разбитъ въ прахъ, фантастическое величіе его разсѣяно какъ дымъ, на него находятъ припадки откровенности и душевныхъ измѣній, потребности въ чужихъ совѣтахъ, въ чужомъ участіи. Когда, по совѣту автора, онъ рѣшается на прямыи сказать м-лле Анне, что онъ только напуталъ на себя всѣ ужасныя вещи, она отвѣчаетъ ему съ убійственной улыбкой:

— Я давно знала, Владиміръ Семенычъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили... и передъ другими всегда за васъ заступалась.

Когда послѣ этого онъ предлагаетъ ей дружбу и вмѣстѣ съ ней свою опытность, званіе свѣта и разсудокъ, она говоритъ:

— И я не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать.

Такимъ образомъ, ему не остается ничего, кромѣ ложнаго и притомъ смѣшнаго положенія. Бѣдный! а онъ вѣроятно льстился надеждою заключить драму совершенно по-печорински: высосать апельсинъ и бросить его, спросить гордо: «Вы меня презираете?» получить въ отвѣтъ: «Я васъ ненавижу!» поклониться и выйти съ невозмутимымъ челомъ, въ величавомъ спокойствіи. Вышло не такъ: онъ попалъ въ смѣшное положеніе и не можетъ выйти изъ него.

— Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь, возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія автора, совѣтующаго ему бросить все и уѣхать: — что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то я уйду отъ нея рѣшительно не въ силахъ.

Итакъ судъ разразился надъ нимъ, надъ этимъ *soi-disant* героемъ нашего времени, такъ долго тѣшившимъ себя грезами о собственной величіи, и какъ нарочно, безжалостный авторъ кончаетъ эту самую злою и сухой ироніей. На званомъ вечерѣ, куда уѣхала онъ, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на него признаніями Володи, — встрѣчаетъ онъ нѣкотораго Нила Ивановича, привычка выражаться отборными фразами, и вотъ что говоритъ ему Нилъ Ивановичъ:

«При проѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выхода отъ Владиміра Семеныча, вы моя не замѣтили, но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ.

Короткое знакомство съ людьми непременно имѣетъ вліяніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владиміромъ Семеновичемъ. Конечно ни я и никто въ нашемъ городѣ не усомнится во врожденной твердости его характера; — это его неотъемлемое качество, — но къ сожалѣнію сухость души и холодность сердца мѣшаютъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему.»

Извѣстельѣ этого заключенія трудно что-либо выдумать, и дадѣе — комическое разоблаченіе вѣдшихъ сторонъ лермонтовскаго типа идти не могло.

III

Прежде чѣмъ разсмотрѣть, что именно въ типѣ, созданномъ Лермонтовымъ, могло подвергнуться и дѣйствительно подверглось комическому представленію и коснулось ли оно, это комическое представленіе, существенныхъ сторонъ типа — надобно взглянуть еще на другую сторону типа, и на то какъ она въ свою очередь перешла въ комизмъ.

Ибо и тотъ болѣе искренній, хотя менѣе опредѣленный образъ, который возстаетъ для читателей изъ-за огаревского юмора и его же монологовъ, образъ идеалиста, гордо проносащаго черезъ всю жизнь свои заветные идеалы, гордо каменѣющаго въ нихъ, дошолъ до комическаго въ нашей литературѣ.

Идеализмъ — одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она даетъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадаем; приступать ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно уже мертвою заднею мыслью; отшатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противуоставитъ отпоръ требованіямъ нашего я, и замкнуться гордо въ самого себя — таковы самые обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбѣжныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего я — вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе одною болѣзнію. Тоска, которая грызла скептика Обермана, романтика Рене, героевъ Байрона, перешла и къ намъ, людямъ эпохи Бельто-выхъ и Рудиныхъ по наследству. Мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе-либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то

преимущество, что могли сколько-нибудь отрешиться отъ этой болѣзни, исторически добираться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный, былъ наше единственное право, и ни въ мы должны были поневолѣ ограничиться. Разрѣшить задачу болѣзни окончательно, если только она разрѣшима, и теперь еще должно предоставить будущему времени. Одно только кажется несомнѣнно то, что на сколько съ участіемъ и даже уваженіемъ къ больнымъ мѣстамъ должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, на столько же должна быть подвергнута осужденію и презрѣнію жалкая страсть къ *шодульности*, болѣзнь душевно купленнаго празднаго разочарованія.

Разъ въ литературѣ нашей являлась вещь, несколько незамѣчательная, даже манкированная въ литературномъ отношеніи, но любопытная и поучительная, какъ констатированіе извѣстнаго психическаго факта. Это «Идеалистъ», повѣсть г. Станкевича, появившаяся въ 1851 году въ сборникѣ «Комета». Съ перваго взгляда представляется много сходнаго между Тамиринымъ и Левинымъ (герой расказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи; тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ нетрудномъ подвигѣ — одурачить семнадцати-лѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой далеко отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою этой дѣвчонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство, и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, я передамъ содержаніе «Идеалиста».

Въ селѣ Березовѣ ждуть молодого помѣщика, еще не заглядававшаго въ него взраду съ того времени, какъ оно досталось ему по смерти отца. Левинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года. Приѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какъ въ воображала его себѣ дворян:

«Черезъ нѣсколько минутъ влетѣла на дворъ коляска, и молодой мичицкъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусиномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ раскланивался со встрѣчавшими его, и что-то казалось смутно его: яркая краска напыла его блѣдныя щоки, и потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою чувствительностью выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ домъ. Подо-

статой важности, приличій случаю и лицу, въ приближеніи господинъ былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворя разбрелась въ какой-то недоумѣніи».

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностью, не хочетъ изъ себя корчить ничего, не имѣетъ претензій на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ съ глубокимъ прискорбіемъ видитъ страшность и жалостливость своего положенія, и только выходитъ изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, приобретаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ боленъ своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностью, самъ въ нѣныя минуты готовъ судить себя какъ Гамлету, но какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Можно сказать даже, и не безъ основанія, что этотъ человѣкъ ближе гораздо къ Лаврецкому «Дворянскаго гнѣзда», чѣмъ къ Тамирину или Володѣ Верженцову. Вотъ онъ въ своемъ родовомъ наслѣдіи, въ домѣ своихъ предковъ; и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. «Почти на всѣхъ лицахъ мужскихъ и женскихъ, несмотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая-то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что казалось память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ.»

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и ту же женщину въ разные годы ея жизни: Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее; дѣлъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презиравшая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой «кометы въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ»; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмолвныхъ, неподвижныхъ физиономій, что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

«Наступалъ вечеръ, Левинъ вошелъ въ гостиную и опустился въ кожаныя кресла у раскрытаго окна. Предъ нимъ былъ старинный, тѣсный садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, — за рѣкою лугъ, за лугомъ доли и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ; соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинимъ; онъ впалъ въ то состояніе, когда безчисленные образы, дѣнія желанія и

стремленія, забытыя событія, даже минулетныя впечатлѣнія, все мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ онъ вновь переживаетъ всю жизнь свою».

И вотъ перель Левинымъ пронесется дѣтства и мелькнетъ образъ матери, нѣжно любящей, вѣчно лелѣющей...

«Вотъ онъ наконецъ юноша; душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гонится мысль, для всего есть восторгъ и жажъ; вокругъ юноши сѣбѣя, мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ ширь всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ, и какъ полны всѣ дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открываея перель намъ; сибѣло и жадно рвется они туда, в мощный, всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодыя души, приковалъ къ себѣ ихъ взоры...»

.. Да простать намъ чятателя, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ какъ всѣ мы, болѣе или менѣе поразили грандіозностью чужого идеала, прямо, на нѣру принялъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ у него притомъ чисто нѣмецкій; все въ его воспоминаніяхъ отзывается, мечтами Шиллера, звучитъ великою пѣснью германскаго поэта о радости. Немудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ нашолъ начало раздвоенія, когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde (1),

что

Das Dort ist niemals hier (2).

Немудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло. Левинъ исключительно увлекся шиллеровскимъ идеаломъ, и вонатио, что какъ только проходила паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только внезапная тишина объемлетъ его послѣ воедаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужаться. Энергія поддерживалась въ немъ внѣшними, нѣсколько, насильственными средствами; въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, установленнаго.

«Потанулись другіе дни; смущенъ, озадаченъ юноша представляея ему дѣйствительностью; онъ всматривается въ жизнь съ напря-

(1) Тамовъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ,

(2) Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь. (Жук.).

жизнью, приваливается ко вѣтвямъ ея звукамъ, тревожно добравшись извѣстнаго смысла вѣкъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все шутка, что настоящий смыслъ жизни зачѣмъ-то скрытъ отъ него, что тайна и шестымъ закономъ отгорожена ему. Не терпѣливо ждетъ онъ нѣкъ призыва; онъ ждетъ, а жаны-идеи съ нимъ, и напрасны его усилія броситься въ ея волны: несокрушимы цѣпь и мощь овладѣвшаго имъ идеала. Ноетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ; потнулись дни безчисленныхъ противорѣчій, бессмысленнаго бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стоновъ.»

Состояніе страшное, котораго долго не вынести души человѣческой.

«И вотъ ткнулся дни безсильной тоски, вѣтвямъ дни равнодушія и безчувствія, замерло и притихло сердце, и голова начала свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не мучаетъ его: гордо съ поднятой головою смотритъ онъ въ безконечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь вѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ все ея явленія.»

Полно, такъ ли? Примареніе ли это — когда внутри шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности, и внезапно ставается онъ разстроенъ, смущенъ и мраченъ. Странное это спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы — странное спокойствіе, разрешающееея агонією и гамлетовыми проклятіями на себя самого, бесѣєю съ призраками предковъ!

«Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты — ты только смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю предковъ жила ты, не посмотрѣлъ себя подъ ноги, и вотъ презрѣнный, жалкій ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не срамилъ бы ты нашего дома и пропалъ бы себя, гдѣ знаешь.»

Чѣмъ же кончится этотъ судъ чловѣка надъ самимъ собою? Неужели голосъ отжившаго и умершаго восторжествуетъ безусловно надъ нимъ, съномъ настоящаго?.. Вопросъ, неразрѣшонный г. Станкевичемъ, да не разрѣшонный доселѣ окончательно и на-вѣрѣ еще.

Вотъ его горой бродитъ по своему нѣвнью: все ему чудно тутъ, все самое обыкновенное ему не понятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимися въ его головѣ представленіями, — а почему его представленія лучше того, что есть на самомъ

дѣль, и точно ли они лучше, и стоятъ ли окружающее его одного холодного презрѣнія или величаваго равнодушія, — онъ не хочетъ подумать.

«Онъ промолвъ по селу, замѣтилъ беззаботность и дѣль на лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился спросить у возвратившагося волкова, отчего свирѣять колеса его бочки, и волочивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ въ мельницу.»

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостоиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ придушевался ко всѣмъ звукамъ жизни, если онъ такъ допрашивался смысла вещей ея явленій, если иногда не сходилъ онъ съ своего картоннаго олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни открытъ отъ него, и притомъ не зачѣмъ-то, а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ, не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже насчетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердцѣ напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

«Чѣмъ же ты такъ смущаешь, заговорила прекрасная бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и страстной юности, неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты видишь его, а отъ него только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю.»

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ выдаетъ имъ, какъ представитель другой крайности — слѣпой стихіи, волнуемой жаждою наслажденій, точно также неовредѣленною, какъ его жажда и его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами, вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицомъ, или какъ у Кальдерона въ «El magico prodigioso» — красавица мгновенно обращается въ скелетъ. Неизмѣримая пропасть вырыта между мыслью и дѣломъ: у первой отняты всѣ основы, которыми бы могла она опереться на почву, а послѣднее лишено всякой вѣры и всякаго положительнаго достоинства...

И бессильна становится мысль, истощенная вращаніемъ въ олимпъ и томъ же безысходномъ, околдованномъ кругѣ, тумба въ застѣхъ, на который сама себя осудила, и все истыдѣе и истыдѣе падаетъ дѣло, и подъ гнетомъ бессильной, тяжелой мысли, которая то старѣеть, то цалѣеть, и все становится притворствіемъ, тащится человекъ по жизни, словно кляча, сбившаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ гордыми и вольными образами, какъ идеалистъ г. Станкевича; утѣшенія эти кратковре-

менны, какъ всякое самообольщеніе. Жажда жизни нѣтъ иного исхода, кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точитъ внутренность, и живетъ, питаясь ея соками.

Я привелъ только первыя страницы разсказа г. Станкевича, потому что онъ одинъ важенъ въ немъ. Впечатлѣніе, оставляемое ими, совсѣмъ не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ неменѣе, эти страницы искрення, патетическія.

Съ явсто художественной стороны и самыя эти страницы не имѣли большого достоинства. Онѣ повторили только, и такъ-сказать расплочали то чувство, которое прежде сильнѣе и лучше оказалось во многихъ стихотвореніяхъ; онѣ были навѣяны какъ-будто «Старымъ домомъ» Огарева:

Я ждалъ: знакомыхъ мертвецовъ
 Не встанутъ ли вдругъ гости:
 Съ портретныхъ рамъ, изъ тѣмъ угловъ
 Не явятся ли въ гости.

Еще менѣе художественнаго таланта было во всемъ послѣующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ виднѣнъ былъ въ авторѣ человѣкъ мыслившій, жившій и глубоко-чувствовавшій; вездѣ прекрасныя цѣли, и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляла собою развитіе одного изъ лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ знаютъ стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая и т. д.

Никто не станетъ отрицать конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ буряхъ жизни человѣка къ минутно-посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ стихахъ съ удивительною энергіею. Никто также не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣльяхъ повѣсти, что все, бывшее настоящею бурею въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едвали не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стихотвореніе его, взятое изъ Гейне, но поднятое тономъ выше:

Они любили другъ друга и долго и нѣжно,

или стихотвореніе выше нами приведенное, къ жизни какого-ни-

будь Ивана Ивановича или Марьи Петровны, — выйдет нечто комическое. Что-то комическое же являлось въ повѣсти г. Станкевича, являлось противъ воли ея весьма серьезнаго автора, наперекоръ желанію читателя, который видѣлъ въ «Идеалистѣ» не Тамарина, а человѣка действительно мыслившаго и много страдавшаго. Въ особенности смѣшны были орлы, являвшіеся Левину и во снѣ, и во очію на пароходѣ.

«Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся передъ глазами его пустыню. Вдали показался островъ, и когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ увидѣлъ большого орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пустыню, другого орла, и слова слышанныя отъ него во снѣ: пари и гордо созерцай до послѣдней минуты своей. Онъ поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезающимъ въ полетѣ къ небу, и ему почудилось, что вѣчность представлялась ему во образѣ безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни, и онъ улышалъ ее могучій прѣзывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его расширилась и порвала цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она (?). Радостно почувствовалъ онъ вновь свою свободу. Гордо подвиглась опять голова его, смѣло и спокойно смотрѣлъ взоръ, и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній холодный, безстрастный идеалистъ. Опять странствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и задумывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ, и онъ никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. Жизнь его навсегда осталась, какъ и была, пустою и праздною.

IV

Я прослѣдилъ съ возможною полнотою, съ опасностью наскучить даже читателямъ, комическія выраженія тревожнаго типа, типа хищнаго человѣка въ нашемъ литературномъ сознаніи.

И что же выходитъ какъ конечный выводъ изъ этихъ комическихъ представленій? Развѣ Тамаринъ и тѣмъ болѣе еще Волода Верженцевъ, похожи въ самомъ дѣлѣ на Печорина, а Левинъ съ его орлами на тотъ грустный и повѣщескій образъ, который возникаетъ изъ-за «монологовъ» и другихъ вѣсень тоски и страданія — поэта, котораго мѣщанство, думалъ вѣроятно унижить его, зоветъ

теперь «пензенскимъ стихотворцемъ», или даже на Рудина, который не перестаетъ быть поэтическимъ, несмотря на то, что Пигасовъ причисляетъ его къ числу *куцыхъ*, даже при своей видимой «*куцости*».

Нисколько.

Тамаринъ и еще болѣе Верженцевъ смѣшны не какъ представители тревожнаго типа, а какъ пародіи на тревожный типъ: Левинъ смѣшонъ не тревожными страданіями, а *книжностью*, надуманностью, *сочиненіемъ* своихъ страданій.

Тревожный типъ остается все-таки при всѣхъ правахъ своихъ на необходимость существованія и выраженія. Еще разъ повторю; попробуйте сдѣлать *смѣшнымъ* Печорина въ ту минуту, когда онъ богъ-знаетъ изъ-за чего играетъ жизнью съ контрбандисткой, бросается въ окно головою, чтобы схватить пьянаго и разсвирѣпѣвшаго казака; съ адскою холодною необузданнаго самолюбія подвергаетъ себя почти вѣрной смерти въ дуэли съ Грушницкимъ изъ-за того только, чтобы имѣть право сказать ему подлеца; когда онъ гонится за Вѣрой, а загнавши коня рыдаетъ въ звѣриномъ припадкѣ? Увы! даже и тогда трудно сдѣлать его смѣшнымъ, когда онъ холодно встрѣчаетъ Максима Максимыча: смѣшно это было бы въ великосвѣтскомъ хлыщѣ, но не въ Печоринѣ, который весь съѣденъ анализомъ. Равномѣрно попробуйте сдѣлать смѣшнымъ того господина, который въ непотребномъ мѣстѣ исповѣдуется передъ нами свою душу, полную необузданныхъ стремленій, глубокой жажды любви и безвыходной тоскы:

Вино кипитъ во мнѣ и жготь меня лобзанье...

который тутъ-то именно высказываетъ намъ заветнѣйшую свою тайну:

Когда-бъ я не любилъ, вѣдь я-бъ не ненавидѣлъ.

Кажется какой удобный случай въ самой обстановкѣ для комическаго представленія, а все-таки ничего не подѣлаете. Прямая сила остается силой, искренній стонъ глубокой души — все тѣмъ же искреннимъ стономъ.

Чего же могло коснуться и чего коснулось комическое представленіе? Условной формы — великосвѣтскости въ Печоринѣ, книжности въ идеалистахъ. Формы разбиты и разумѣется должны были быть разбиты. Въ Тамаринѣ разоблачился тотъ нравственный недугъ, котораго вліянію подвергались даже высшія изъ представителей нашихъ, недугъ нравственнаго лакейства передъ условнѣйшею изъ сферъ общезитія, соприкосновеніе которой испортило широкую и великодушную, хоть нѣсколько вѣтрённую натуру Онѣ-

Кл. XII. — Отд. II.

3

вина, доводило подчасъ до мелочностей глубокую и страстную натуру Печорина. Недугомъ этимъ мы всё болѣе или менѣе страдали, страдали даже протестуя противъ него. Мы долго Чацкаго считали доль-Кихотомъ.

Эту несчастную болѣзнь выносилъ на себя и даже по преимуществу выносилъ великій духъ Лермонтова. Еслибъ даже графъ Сологубъ не написалъ своего «Бѣса», гдѣ, какъ гласятъ никому уже не секретныя литературныя преданія, въ фигурѣ Леонина довольно ловко выставилъ комическую сторону великосвѣтскихъ стремленій поэта, — процесъ, совершившійся и далеко еще не завершившійся въ немъ, былъ бы намъ очевиденъ изъ матерьяловъ его юношеской дѣятельности, изъ этихъ первоначальныхъ драматическихъ концепцій, въ которыхъ героемъ является необузданно-самолюбивый и обиженный судьбою и людьми — Арбеневъ... Мѣсто обидчивости заступаетъ потомъ протестъ, и является уже не обиженный Арбеневъ, а мрачный, все презирающій и ломающій Арбенинъ «Маскарада», поясняемый отрывкомъ, въ которомъ описываются его дѣтскіе годы.

Протестъ неугомонный и дѣйствительно могущественный протестъ, ищетъ для себя такого воплощенія, которое было бы совершенно по его мѣрѣ, постепенно отвергая разныя формы, замѣная нелѣпаго Арсенія въ бояринѣ Оршѣ художественнымъ *Мицъри*, хотя *Мицъри* выполняетъ далеко не всё задачи хаотической, но громадной по замыслу поэмы. Разъ даже этотъ протестъ въ поэмѣ, о купцѣ Казашниковѣ, ищетъ слиться, съ народными формами, в какой задатокъ представляетъ собою это великое произведеніе!

Но отчужденный отъ широкой народной жизни, постигавшій ея формы только смутнымъ, хотя гениальнымъ чутьемъ, замкнутый на холодныхъ *верхахъ* общежитія, запертый въ условный сферу, художникъ, какъ художникъ, ищетъ какого бы то ни было, по опредѣленнаго, осязаемаго образа. И вотъ является Печоринъ: къ нему прилипла вся слезъ миражной жизни, и эту шелуху обиваетъ комическая разработка. Но все-таки, онъ сила и выраженіе силы, безъ которой жизнь закисло бы въ благодушествованіи Максимовъ Максимовичей, въ ихъ хотя и героической, но отрицательно-героической безотвѣтности, въ томъ смиреніи, которое легко обращается у насъ изъ высокаго въ баранье.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

НѢЧТО ОБЪ АВТОРИТЕТАХЪ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»)

Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
.....
Вотъ счастье! Вотъ права!...

Пушкинъ

На сей разъ письмо мое будетъ кратко, хотя, милостивый государь, различные отзывы, вызванные моимъ краткимъ письмомъ, могли бы мнѣ дать вполне законный поводъ поговорить о многихъ, чрезвычайно интересныхъ вещахъ, а именно:

1) О томъ, что я человекъ вредный, потому что *мѣшаю* великому дѣлу, совершаемому россійской словесностью.

2) О томъ, что я *пуристъ*, название, данное мнѣ «Современнымъ Словомъ» и весьма многозначительное и лестное для меня.

3) О томъ, что я не понимаю, какъ слѣдуетъ поступать россійскому писателю относительно россійской *публики*, — вопросъ таинственный и для публики весьма любопытный.

4) О томъ, что я зараженъ презиѣреннымъ *самолюбіемъ*, доходящимъ до неслыханнаго притязанія, будтобы я умѣю соблюдать въ своихъ статьяхъ логику.

И еще о многихъ другихъ подобныхъ сему предметахъ.

Признаюсь вамъ, мнѣ очень бы хотѣлось поговорить обо всемъ этомъ. Хотя я все еще не отказываюсь отъ предположенія, что «труды мои на пользу россійской словесности ничтожны и микроскопически-малы» (какъ я нѣкогда писалъ къ вамъ), хотя я ничѣмъ, кромѣ моихъ писемъ къ вамъ, не извѣстенъ, не заявилъ себя никакими обширными трудами, не приобрѣлъ себѣ даже славы знатока какой-нибудь важной науки, однимъ словомъ до сихъ поръ остаюсь личностью темною, мелкою, маловажною, тѣмъ не менѣе для меня весьма лестно, что мое незначительное положеніе въ литературѣ начинаетъ видимо опредѣляться, что моя скром-

ная и коротенькая роль въ этой хаотической драмѣ получаетъ въ глазахъ другихъ все больше и больше отчетливости и ясности. И такъ я очень бы желалъ и даже кажется имѣлъ бы право поговорить о себѣ самомъ по поводу того, что говорятъ обо мнѣ другіе. Но вамъ извѣстно, милостивый государь, мое пристрастіе къ точности, связности, цѣльности, извѣстно мое отвращеніе отъ безпорядка, отъ всякой путаницы и недоконченности. Боюсь впасть въ нелюбимые мною недостатки и не соблюсти желаемыхъ мною достоинствъ, я отлагаю до болѣе удобнаго случая рѣчь о вышеприведенныхъ предметахъ. Я ихъ обдумаю, обсужу во всѣхъ отношеніяхъ, разсмотрю съ различныхъ точекъ зрѣнія, взвѣшу каждое мнѣніе и выраженіе и тогда быть-можетъ найду форму, въ которой почту возможнымъ представить все дѣло на судъ вашъ и вашихъ читателей.

Теперь же я остановлюсь на одной только точкѣ и займусь самымъ опредѣленнымъ и ясноограниченнымъ предметомъ.

Въ прошломъ письмѣ, какъ вы помните, я разбиралъ соображенія нѣкотораго автора, стремившагося доказать пользу и необходимость *общественной благотворительности*. Не мало мнѣ стоило труда вникнуть въ эти соображенія, но я совершилъ это дѣло съ свойственною мнѣ добросовѣстностью и точностью. Съ величайшимъ усердіемъ я изслѣдовалъ основанія его выводовъ и слѣдствія его началъ. Къ несчастью я нашолъ разбираемыя соображенія неосновательными, нашолъ, что выводы въ нихъ не сходятся съ основаніями. За это, какъ и весьма естественно, авторъ жестоко возсталъ на меня въ своей «хроникѣ прогресса», напечатанной въ № 47 «Искры» за текущей годъ.

Но что же оказывается изъ этой реплики? Оказывается, что всѣ труды мои потрачены напрасну; оказывается, что эти основанія и соображенія, которыя я анализировалъ съ такою тщательностью, въ глазахъ самаго хроникера — плевка не стоятъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ не говоритъ о нихъ ни одного слова, онъ ничѣмъ и не пробуетъ защищать ихъ ⁽¹⁾; онъ принимаетъ видъ, какъ-будто у него никогда и не было никакихъ основаній и соображеній. Мало того, онъ ясно показываетъ, будто такъ и слѣдуетъ, такъ и нужно — не имѣть никакихъ основаній и соображеній!

Вотъ, милостивый государь, странное обстоятельство, побудив-

(1) Покрайней-мѣрѣ принимаетъ такой видъ. Будучи, какъ всегда, совершенно точенъ въ своихъ показаніяхъ, замѣчу, что сохраняя видъ умолчанія, хроникеръ привелъ таки одно крошечное соображеніе въ свою защиту. Считаю безпользнымъ говорить о немъ.

шее меня взяться за перо. По мѣрѣ слабыхъ силъ я желаю противодѣйствовать такимъ тлетворнымъ ученіямъ. Я хочу доказать, что безъ основаній и соображеній обойтись невозможно, что каждый писатель долженъ необходимо имѣть свои основанія и соображенія, и что тотъ, кто ихъ не имѣетъ, ничего хорошаго сдѣлать не можетъ.

Живой примѣръ пагубныхъ слѣдствій, которыя неминуемо влечетъ за собою отсутствіе соображеній, представляетъ именно хроникеръ «Искры». Онъ думалъ поразить меня безъ помощи основаній и соображеній, и какъ вы увидите, самъ поразилъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ?

Необращая никакого вниманія на смыслъ того что я говорилъ въ прошломъ письмѣ, онъ замѣтилъ въ немъ только одно, именно что я ссылаюсь на экономистовъ. Такъ какъ онъ не разбиралъ какъ и почему, то ему показалось, что я ссылаюсь на *всѣхъ* экономистовъ, именно что я *всѣмъ* имъ безъ исключенія приписываю отрицаніе благотворительности ⁽¹⁾. И вотъ онъ думаетъ, что онъ поймалъ меня. Онъ выписываетъ изъ Милля первыя попавшіяся строки, изъ которыхъ было бы видно, что этотъ экономистъ допускаетъ пользу и нужду благотворительности. Выписавши эти строки и попрежнему не прибѣгая ни къ единому соображенію, хроникеръ начинаетъ жестоко глумиться надо мною за мое будто бы невѣжество. Онъ торжествуетъ, онъ воображаетъ меня раздавленнымъ и уничтоженнымъ. И все это сдѣлано безъ помощи малѣйшаго соображенія! Вся побѣда одержана тѣмъ, что выписано нѣсколько строкъ изъ книжки!

Преждевременное торжество, милостивый государь! Прискорбно видѣть, что хроникеръ такъ легкомысленно отвергъ силу соображеній и такъ суевѣрно возложилъ свои надежды на книжку!

Посмотрите на самомъ дѣлѣ что отсюда выходитъ. Ссылаясь на мнѣніе строго логическихъ экономистовъ, я старался усвоить себѣ ихъ мысль вполнѣ. Я старался показать не только *что* они думаютъ, но и *почему* они такъ думаютъ, почему они непремѣнно

(1) Чтобы не прерывать торжественнаго теченія моей рѣчи, я, при помощи выписки попрошу васъ сдѣлать слѣдующія сличенія:

Я говорю: «Такъ думаютъ *многіе* политико-экономы». «Время», 1862 года. № 10. С. Об. страница 213, строка 3 сверху.

Хроникеръ возражаетъ: «*Есть* политико-экономы, проповѣдывающіе и общественную и государственную благотворительность». «Искра». 1862 года. № 47. страница 646, лѣвый столбецъ, строка 10 сверху.

Возможно ли, спрощу васъ, найти здѣсь противорѣчіе кому-нибудь, кто еще не вовсе отказался отъ соображеній?

должны такъ думать. Такимъ образомъ я излагалъ въ своемъ письмѣ полную мысль, мысль съ ея основавіями, такъ что читатель могъ самъ видѣть какъ она вытекаетъ изъ этихъ основацій.

Слѣдовательно я становился въ положеніе неизбежное, непреодолимое никакимъ манеромъ. Еслибы принимая извѣстныя основанія, ни Мальтусъ и ни одинъ экономистъ на свѣтѣ не вывелъ этой мысли, то отсюда слѣдовало бы только, что ни одинъ изъ нихъ не былъ вполнѣ послѣдователемъ, ни одинъ, выходя изъ извѣстной точки, не дошелъ до конца. Такъ что еслибы хроникеръ былъ правъ, еслибы онъ дѣйствительно ни въ одной книжкѣ не могъ найти вывода этой мысли, а нашолъ бы его только въ моемъ письмѣ, то чело мое увѣнчалось бы только неуважаемою славою, а вовсе не омрачалось бы поворомъ, какъ этого желаетъ хроникеръ.

Но увы! милостивый государь, слава не легко дается. На это намекаетъ старинная латинская поговорка, которая гласитъ: *да поибнѣтъ тѣ, которые наше прежде насъ сказали!* Мысль, которую въ первый разъ встрѣтилъ въ моемъ письмѣ мой противникъ, и которую онъ осмѣиваетъ съ такимъ глумленіемъ, о которой онъ говоритъ, что ее и подозревать нельзя, вовсе не моя. Тѣмъ не менѣе противнику моему отъ этого не легче. Онъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ соображеній, онъ не хотѣлъ разобрать послѣдовательна ли эта мысль, или непослѣдовательна; а между тѣмъ, что слѣдуетъ изъ моихъ словъ съ непобѣдимую очевидностію? Если доказано, что Мальтусъ былъ строго послѣдователемъ, если онъ строго логически дошелъ до отрицанія благотворительности, а Милль однако же рѣшается ему противорѣчить, то что отсюда выходитъ? Выходитъ, милостивый государь, что Милль — непослѣдователемъ. Выходитъ, милостивый государь, что, къ величайшему ужасу хроникера, Милль, тотъ самый Милль, который былъ напечатанъ въ «Современникѣ», на котораго онъ полагался какъ на каменную стѣну, не можетъ спасти его! Такова сила соображеній! Итакъ мало надежны всякія книжки, какъ скоро читаютъ ихъ безъ соображенія!

Мы очевидно очутились, какъ говорится между Сциллою и Харбдою. Скажешь Милль послѣдователемъ, — выходитъ Мальтусъ не послѣдователемъ. Скажешь Мальтусъ не ошибся, — выходитъ Милль ошибся. Кто не умѣетъ самъ плавать, тотъ лучше оставайся дома. Попробуемъ однако же двинуться

Смиренно и дерзко впередъ.

Я осмѣиваюсь, милостивый государь, представить вамъ нѣкоторыя собственныя соображенія на счетъ словъ Милля, которыхъ

хроникеръ такъ гордо выставляетъ, и о которыхъ онъ столь смиренно молчитъ. Выписываю ихъ вполнѣ :

Вотъ что (такъ начинаетъ хроникеръ) между прочимъ говорить о благотворительности Милль :

«Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей ; но когда никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, а нужна помощь другихъ, является вопросъ — лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то-есть помощь не вѣрную и случайную, или получалъ ее, по систематическому устройству, по распоряженію общества, чрезъ его органъ — государственную власть.»

«Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественного союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу, что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда, и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Поэтому право на пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности, одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно, при первомъ же взглядѣ на дѣло, мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой только можетъ быть устроенъ общественными мѣрами.»

Нужно отдать справедливость Джону Стурту Миллю въ томъ отношеніи, что онъ пишетъ чрезвычайно точно и опредѣленно. Тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для нашего противника. Еслибы г. хроникеръ не уклонялся отъ всякихъ соображеній, то въ приведенныхъ имъ самимъ немногихъ словахъ Милля онъ могъ бы совершенно ясно увидѣть въ чемъ состоитъ главное начало Милля и въ чемъ состоитъ *другое, особенное* начало, на которомъ Милль основываетъ ученіе о благотворительности. Главное его начало состоитъ въ томъ, что *нужно каждому человѣка предоставлять самому себѣ*. Вотъ самое общее, самое выгодное и самое плодотворное начало политической экономіи. Это то самое начало, котораго держался и Мальтусъ ; развивая его строго, Мальтусъ и дошолъ до убѣжденія, что вмѣшательство однихъ людей въ судьбу другихъ, извѣстное подъ именемъ благотворительности, не только бесполезно, но даже вредно для общества.

Но Милль не дошолъ до этихъ заключеній : онъ остановился и свернулъ въ сторону. Чтоже ему помѣшало ? Въ чемъ состоитъ препятствіе логическому теченію мысли ? Очевидно въ томъ, милостивый государь, что люди могутъ *умирать* при такомъ порядкѣ вещей, когда каждый предоставляется самому себѣ. Иногда — говорить Милль — никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, ибо безъ посторонняго пособія онъ можетъ умереть съ голоду.

Итакъ *смерть* — вотъ единственная преграда, которая остановила экономиста на пути его размышлений, вотъ тотъ послѣдній выводъ, который былъ безтрепетно признанъ Мальтусомъ и котораго не могъ вывести Милль. Не будучи въ силахъ признать этотъ правильный выводъ, Милль какъ-будто самъ не можетъ отдать себѣ отчета, почему онъ его отвергаетъ. «*Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ* — пишетъ онъ — каждый согласится, что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода и слѣдовательно крайняя бѣдность имѣетъ право на пособіе».

Не правда ли, какой странный защитникъ благотворительности! Каждый человѣкъ, проповѣдуетъ онъ, долженъ быть предоставленъ самому себѣ до тѣхъ поръ, пока это возможно. А когда же это невозможно? Когда грозитъ смерть. До тѣхъ поръ, пока не пришла смерть, все хорошо и безъ пособій и безъ благотворительности. Человѣкъ голоденъ, мерзнетъ, переноситъ тысячи нуждъ; все это ничего, все это побужденія къ труду, все это могущественныя двигатели, стимулы, оживляющіе экономическое движеніе. И потому не бойтесь, предоставьте каждому человѣка самому себѣ и помогайте другъ другу только тогда, когда дѣло дошло до крайней бѣдности, до зарѣзу, до голодной смерти.

Очевидно, милостивый государь, Милль неслѣдователенъ; очевидно только въ крайности, только будучи такъ-сказать припертъ къ стѣнѣ, онъ обратился къ другому, неэкономическому ученію, которое формулируется такъ: *другъ друга тлѣты носите* и проч.

Это ученіе, какъ вы знаете, не новость; оно никогда не проповѣдывало, чтобы человѣкъ предоставлялъ другому человѣка самому себѣ; оно никогда не разъединяло, а всегда связывало людей. И я вахожу его больше справедливымъ. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ настоятельно требовать, чтобы человѣкъ былъ предоставленъ самому себѣ? Какая въ томъ надобность, какая польза? Даже какая возможность? Развѣ не естественно, что одинъ человѣкъ принимаетъ участіе въ судьбѣ другого? Развѣ это участіе непременно должно быть вмѣшательствомъ, помѣхою, препятствіемъ? Если же нѣтъ, то гораздо справедливѣе сказать, что люди всегда могутъ, всегда должны стараться участвовать въ жизни другихъ людей. Люди должны помогать другъ другу не только въ крайности, не только тогда, когда безъ помощи обойтись невозможно, но всегда и во всемъ. Каждый разъ, когда одинъ человѣкъ приходитъ въ прикосновеніе съ другимъ, они должны содѣйствовать другъ другу, а не тануть въ разныя стороны и не предоставлять другъ друга на

произволь судьбы. Взаимное участіе есть истинно-человѣческое дѣло не только въ случаѣ бѣдности, но и во время богатства, не только въ трудахъ, но и въ удонольствіяхъ, не только въ горѣ и страданіяхъ, но и въ радости.

Вы видите, милостивый государь, что не сіи старыя истины служили исходною точкою Милля; а иначе онъ не смотрѣлъ бы какъ на исключеніе изъ общаго правила на тѣ случаи, когда человѣкъ не предоставляетъ другого человѣка самому себѣ. Не менѣе многозначительна другая выписка изъ него, приведенная хроникеромъ.

• Я считаю очень полезнымъ, — говоритъ Милль, — чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Впервыхъ благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало; расточаетъ щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Въ вторыхъ, государство обязано же по необходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значитъ если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, то назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ если немущіе предоставлены частной благотворительности, неизбежно нищество въ обширномъ размѣрѣ. »

И здѣсь я найду не бесполезнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Первый резонъ, по которому Милль предпочитаетъ *свободной* благотворительности благотворительность *регламентированную*, есть очень избитая тема. Это та самая мысль, на основаніи которой правительство не предоставляетъ частнымъ лицамъ, а беретъ на себя устройство школъ, построеніе дорогъ и т. п., та простая и опредѣленная мысль, что правительство умѣетъ все дѣлать гораздо лучше, чѣмъ частныя лица. Трудно думать, чтобы Милль очень крѣпко держался такого начала. Если въ настоящемъ случаѣ онъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, то ужасается его привелъ къ этому все тотъ же страхъ, чтобы свободная благотворительность не оставила какъ-нибудь *людей умирать съ голоду*. Но кто же намъ поручится, что благотворительность регламентированная непременно этому помѣшаетъ? Кто намъ поручится, что она непременно будетъ дѣйствовать ловчѣе, быстрѣе, пронидательнѣе, чѣмъ благотворительность свободная?

Частная благотворительность, благотворительность *лицомъ къ лицу*, есть безъ всякаго сомнѣнія чистѣйшая форма благотворительности, слѣдовательно та форма, въ которой благотворительность можетъ дѣйствовать съ наибольшею силою и полнотою. Вотъ аксіома столь же несомнѣнная какъ то, что прамая линія есть кратчай-

шій путь между двумя точками. Если тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности мы принуждены обходить горы, болота и слѣдовательно не держаться прямой линіи; если даже такимъ образомъ мы легче и скорѣе достигаемъ цѣли, то отсюда однакоже не слѣдуетъ ничего противъ краткости прямой линіи. Такъ точно и регламентированная общественная благотворительность нисколько не исключаетъ свободной частной, и какъ дорога тѣмъ короче, чѣмъ она ближе къ прямой линіи, такъ и всякая благотворительность тѣмъ лучше, чѣмъ она ближе къ частной благотворительности.

Чтоже касается до второго резона, то онъ какъ нельзя больше страненъ. Трудно даже отдать себѣ отчетъ въ томъ, на какомъ началѣ онъ опирается. Милль хочетъ, чтобы правительство кормило бѣдняка на томъ же основаніи, на которомъ оно кормитъ преступника. А на какомъ основаніи оно кормитъ преступника? Если положимъ оно собирается вѣшать преступника или рубить ему голову, то оно мнѣ кажется кормитъ его на томъ же основаніи, на которомъ заботится, чтобы веревка была крѣпкая, а топоръ вострый. Ему нуженъ живой человѣкъ не для того чтобы онъ жилъ, а для того чтобы возможно было лишить его жизни. Жизнь преступника не есть цѣль, а есть средство для совершенія нѣкотораго акта, который правительство почитаетъ нужнымъ совершить. Какая же тутъ связь съ какими бы то ни было политикоэкономическими соображеніями?

Заботится или незаботится правительство о своихъ бѣдныхъ, ни въ какомъ случаѣ ему нельзя поставить въ упрекъ то, что оно кормитъ своихъ преступниковъ. Подобный упрекъ просто невозможенъ. Если же иногда дѣлаются извѣстныя шутки насчетъ казенной квартиры, если голодные бѣдняки доходятъ до зависти къ сытымъ преступникамъ, то эта горькая иронія имѣетъ другой источникъ. Съ голоду можно позавидовать собакѣ, съ нужды и горя можно позавидовать мертвымъ въ ихъ гробахъ; что же отсюда слѣдуетъ?

Ужасно здѣсь только то, что Милль серьезно говоритъ объ этомъ, то—есть что голодные бѣдняки дѣйствительно завидуютъ сытымъ преступникамъ.

И такъ, милостивый государь, немногія и незатруднительныя соображенія показываютъ намъ, что Милль, отступая отъ мальтусовыхъ началъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, что онъ явно ищетъ другихъ, неэкономическихъ точекъ опоры и при этомъ не всегда выбираетъ удачно. Можно ли за это особенно винить Милля? Едвали, милостивый государь. Въ настоящемъ случаѣ могу васъ завѣрить, что Милль несравненно строже и логичнѣе

хроникера «Искры». Милль знаетъ что онъ пишетъ. Въ началѣ этой главы, изъ которой хроникеръ сдѣлалъ выписки, Милль прямо говоритъ, что для предмета, къ которому онъ приступаетъ, *общей теоріи* не существуетъ, что вопросы здѣсь не могутъ быть вполнѣ твердо разрѣшены, и что онъ не претендуетъ на такую общую теорію и общее рѣшеніе, а думаетъ представить только *нѣкоторыя соображенія*.

Слѣдовательно если кто виноватъ, то конечно хроникеръ, который вздумалъ выдавать эти соображенія за положительныя рѣшенія, за голосъ самой науки. Хроникеръ не сдѣлалъ чести Миллю, выписавши изъ него слабѣйшія мѣста, да мало сдѣлалъ чести и себѣ. Вотъ что значитъ пагубное упорство въ отверженіи соображеній! Когда хроникеръ выписывалъ изъ Милля, когда онъ почиталъ излишнимъ, а можетъ быть даже вреднымъ и опаснымъ, прибавить къ словамъ своего авторитета хотя единое собственное соображеніе, онъ вѣроятно думалъ: не можетъ быть, чтобы такой отличный ученый, какъ Милль, признавалъ что-нибудь несогласное съ началами науки. Какое гибельное заблужденіе! Охъ, не надѣйтесь, охъ, не полагайтесь ни на кого на свѣтѣ! Все можетъ быть, вездѣ можетъ случиться грѣхъ и бѣда! Продадутъ, измѣнятъ тамъ, гдѣ никакъ не ожидаешь. Тутъ одно спасеніе, одна надежда — самому смотрѣть во всѣ глаза, самому видѣть дорогу, хотябы найденную другими, и держаться крѣпко на своихъ собственныхъ ногахъ.

Неосторожно, весьма неосторожно поступилъ хроникеръ, проживши на Милля; напрасно въ прошлой своей статьѣ онъ сослался на великія имена Смита и Мальтуса; напрасно и теперь, ища спасенія, онъ подымаетъ тономъ выше и вызываетъ уже не къ Смитту и Мальтусу, а къ Ньютону и Кеплеру. Ужели, спрашиваетъ онъ, еслибы кто нападалъ даже на Ньютона и Кеплера, то для защиты ихъ необходимо дѣлать какія-нибудь соображенія? Увы, соображенія необходимы, и безъ соображеній не спасетъ его ни Ньютонъ ни Кеплеръ. Ньютонъ, тотъ самый Ньютонъ, который по миѣнію хроникера открылъ *силу тяготѣнія*, написалъ также престранное толкованіе на апокалипсисъ, и Кеплеръ, тотъ самый Кеплеръ, о которомъ хроникеръ знаетъ, что его имя можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Ньютона, — вѣрилъ въ астрологию, думалъ что земной шаръ есть огромное животное, и вообще извѣстепъ въ исторіи науки своими фантастическими миѣніями. Нѣтъ, не знаетъ, какъ видно, хроникеръ ни Ньютона ни Кеплера, подобно тому, какъ по его собственному признанію онъ не знаетъ Смита и Мальтуса. И если онъ подберетъ какія-нибудь новыя великія имена, то не по-

могутъ они слу, а развѣ только больше обличать его невѣжество. Но этого мало. Невѣжество, мнѣштивый госуларь, есть дѣло прѣстительное, — я никогда не станю его въ особую и важную вину. Гдѣжь намъ, на святой Руси, щеголять познаніями? Но есть вещь болѣе нестерпимая и менѣе извинительная, это *незнаніе своего невѣжества*. Вы видите напримѣръ изъ предвѣдущаго, что хроникеръ не только не знакомъ съ авторитетами, имя которыхъ онъ *осуе* произноситъ, но что онъ вовсе не понимаетъ какъ слѣдуетъ вообще относиться къ какому бы то ни было авторитету. Онъ неумѣетъ стать въ правильное, въ *свободное* отношеніе къ великому имени. Онъ или слѣпо, поклоняется или слѣпо глумится.

Нельзя отъ души не пожалѣть, милостивый государь, о такомъ глубокомъ недостаткѣ ясныхъ понятій; вы видѣли къ какимъ бѣдамъ это приводитъ хроникера; чуждаясь руководства соображеній, онъ не въ состояніи былъ слѣлать ни одного вѣрнаго шагу. Но что вы скажете, если убѣдитесь, что сверхъ того хроникеръ упорно косвѣтеть въ своемъ заблужденіи? Что онъ не только самъ не хочетъ слѣдовать соображеніямъ, но и глумится надъ тѣми, кто желаетъ имъ слѣловать?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ верхъ моего неразумія, какъ величайшее изъ моихъ преступленій онъ выставляетъ именно то, что я прибѣгнулъ съ соображеніямъ. «Даже, говорить онъ обо мнѣ, пускается въ *шарамыжныя* соображенія собственнаго сочиненія, что дескать и по началамъ науки такъ и должно быть, что политико-экономы должны отвергать всякую благотворительность.» *Шарамыжныя соображенія!* Какъ вамъ нравятся это слово, милостивый государь? Какъ вамъ нравится то, что несчастный хроникеръ дошелъ наконецъ до глумленія валь соображеніями, что онъ ставитъ имъ въ позоръ то, что они *собственнаго сочиненія*, а не выписаны изъ книжки? *Шарамыжныя* соображенія! Но мнѣ кажется, что этотъ эпитетъ вовсе нейдетъ къ соображеніямъ. Вотъ если кто не хочетъ руководствоваться собственными соображеніями, а выписываетъ изъ книжки, то это дѣйствительно вѣчто шарамыжное. Соображеній же ругать нельзя, — соображенія всегда похвальны; непохвальна и достойна осужденія только несообразительность, недостатокъ соображеній. Нѣтъ, дѣйствительныя соображенія не могутъ быть шарамыжными! Вотъ если хроникеръ, какъ мы видѣли, уклоняется отъ настоящихъ соображеній, если онъ, напримѣръ составляя свою хронику, питался только мыслями такого рода: нужно бранить «Время», нужно бранить «День», нужно подхвалить г. Антоновича, и проч., то это будутъ дѣйствительно шарамыжныя соображенія, ибо, милостивый государь, слово *шарамыжный*, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ,

вѣроятно происходитъ отъ французскихъ словъ *cher ami*, т. е. *милый другъ* и слѣдовательно содержитъ въ себѣ намекъ на нѣчто подобное дружбѣ, или вообще лицепріятное и пристрастное.

Вотъ все, что я желалъ сообщить вамъ на сей разъ, милостивый государь. Прибавлю въ заключеніе, что при видѣ столь печальныхъ явленій, столь страннаго извращенія понятій не должно предаваться унынію; я твердо надѣюсь, что сила соображеній, какъ дѣйствительная и великая сила, всегда одержитъ верхъ надъ своими противниками; что какъ бы ни было смутно и хаотично броженіе мнѣній, всѣ тѣ, которые не прибѣгаютъ къ этой силѣ, а хотятъ дѣйствовать другими орудіями, погибнуть неминуемо. Что касается до меня, то позволяю себѣ завѣрить васъ, что я всегда считалъ и считаю своимъ священнымъ долгомъ ревностно и безпристрастно служить этой силѣ по мѣрѣ слабыхъ моихъ дарованій. По сему самому, если я возбуждалъ противъ себя неудовольствіе, если встрѣчевъ былъ неблагоклонными отзывами, то я почитаю это себѣ за честь и за похвалу, а отнюдь не за стыдъ и за униженіе.

Если кто напримѣръ кричитъ мнѣ, что я ему мѣшаю, то это меня не смущаетъ: я не хорошему чему-нибудь мѣшаю, я мѣшаю напримѣръ злостному употребленію великихъ именъ.

Если кто называетъ меня пуристомъ, то я этому радуюсь: я дѣйствительно не люблю никакой нечистоты, никакого шарамыжничанья.

Если меня упрекаютъ, что я не беру въ расчетъ публики, то я этимъ горжусь: я дѣйствительно говорю прямо что думаю, и забочусь о томъ, чтобы отвести глаза читателей.

Если наконецъ нападаютъ на мое самолюбіе, то я ставлю себѣ это въ великое достоинство. Я дѣйствительно до крайности заражонъ самолюбіемъ, напримѣръ: имѣю притязаніе на собственныя соображенія, и приписываю себѣ способность понимать тѣ авторитеты, на которые ссылаюсь.

И. КОСИЦА

PS. Нѣкоторые выраженія моего письма могутъ подать вамъ поводъ думать, что я шучу. Не ошибитесь милостивый государь! Можетъ-быть въ этихъ самыхъ мѣстахъ я успѣлъ выразиться самымъ точнымъ и близкимъ къ истинѣ образомъ.

Внязь Серебряный, повѣсть временъ Іоанна Грознаго,
соч. графа Алексѣя Толстого. (Русскій Вѣстникъ, 1862 г.
августъ, сентябрь, октябрь.)

Возможно ли для насъ возсозданіе нашего стараго быта? Вотъ первый вопросъ, который постоянно представляется при появленіи каждаго новаго произведенія, будетъ ли это романъ, драма, поэма, имѣющая эту задачу.

Первое чувство, съ которымъ всѣ мы, мыслящіе читатели или критики, приступаемъ къ подобнаго рода явленію, есть безъ всякаго сомнѣнія — недовѣріе. На это недовѣріе есть нѣсколько причинъ и причинъ очень важныхъ, заключающихся какъ вообще въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ требованіяхъ, такъ и въ частныхъ, историческихъ или даже чисто случайныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, — нѣтъ никакого сомнѣнія, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, что всякое подобнаго рода произведеніе возбуждаетъ при появленіи своемъ и большой интересъ и значительныя ожиданія: какъ будто все ждемъ мы, что вотъ-вотъ кто-нибудь разрѣшитъ намъ мудреную загадку, разрѣчетъ намъ запутанный узелъ нашихъ отношеній къ нашему старому быту...

Ожиданія большею частію до сихъ поръ не оправдывались: интересъ, сначала сильно возбужденный съ изумляющею быстротою слабѣлъ...

Вотъ напримѣръ, новый и добросовѣстный трудъ человѣка съ несомнѣннымъ талантомъ, приступавшаго къ дѣлу съ любовью и съ умомъ, изучившаго избранную имъ эпоху, подложившаго даже душевную мысль подъ свои изученія... На него, на этотъ прекрасный трудъ, многіе, можно-сказать большинство даже, бросились съ жадностью, но и его, увы! ждетъ въ скоромъ времени неминуемое забвеніе, постигаетъ общая участь.

Не многое всплыло доселѣ и осталось изъ нашихъ попытокъ возсоздать старыи бытъ: пушкинскіе «Борисъ» да «Русалка», дер-

монтовскій «Калашниковъ» частями — остались капиталами, — блестящія попытки Вельмана въ изображеніи старины почти мифической, частями же романы Лажечникова. Остальное, по бывалому выраженію, кануло въ Лету.

Современные наши читатели едва ли помнятъ эпоху свирѣпствованія въ литературѣ историческаго рода съ легкой руки покойнаго Загоскина, а эпоха эта прелюбопытная по своей наввной вѣрѣ. Несмотря на то, что изъ кружка пушкинскаго вышелъ ей едва ли не съ самаго же начала такой приговоръ, что наши тогдашніе романисты снимали изображенія предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ, и что этотъ нѣсколько аристократическій приговоръ въ сущности оказался справедливымъ: многочисленность фактовъ, выражавшихъ одно и тоже стремленіе, была такова, что самъ Бѣлинскій назвалъ этотъ періодъ — романтически-народнымъ.

И Бѣлинскій былъ даже правъ. Романтическая струя въ той эпохѣ — несомнѣнна. Несомнѣнна же и народная струя, только она бѣжала вовсе не по тому руслу, по которому шли загоскинскіе романы и кукольниковскія драмы... Тихо и ровно, но широко открыла она свое теченіе въ «Борисѣ», «Руславѣ», «Капитанской дочкѣ», «Арапѣ Петра-великаго», «Дубровскомъ», сверкнула водопадомъ въ лермонтовской повѣсти «о купцѣ Калашниковѣ», бросивши нѣсколько разливовъ вдаль въ «Кашеѣ» и «Святославичѣ» Вельмана, пожалуй въ великолѣпной языковской сказкѣ о «Сѣромъ волкѣ и жарѣ птицѣ», смѣшала свои чистыя воды съ мутными водами другого русла въ романахъ Лажечникова, затаилась потомъ, загороженная отрицательною литературою сороковыхъ годовъ и потомъ потекла себѣ какъ Волга отъ Костромы въ дѣятельности Островскаго, принявши въ себя на пути нѣчто вродѣ Камы — «Семейную хронику» покойнаго Аксакова...

Разница между этими двумя струями, въ приѣмѣ, въ точкѣ отправления.

Для людей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Островскій, отчасти Вельманъ, Лажечниковъ, Аксаковъ, какъ для художниковъ, творчество невозможно безъ натуры, безъ опредѣленныхъ типовъ. Въ «разнитіе» души человѣческой, т. е. въ то, чтобы люди когда-либо были звѣрями, а потомъ сдѣлались людьми, они плохо вѣрятъ. Душу человѣка они мѣрятъ во всѣ времена и вѣка на одинъ аршинъ; душевныя явленія объясняютъ одними и тѣми же законами. Погодина, ревностнаго и рьянаго защитника памяти Бориса, выставившаго поспѣшность и нелѣпость слѣдствія по дѣлу убіенія царевича Дмитрія за одно изъ доказательствъ невинности Бориса, который сумѣлъ бы ловчѣе и умнѣе схоронить концы, Пушкинъ поразилъ

простымъ возраженіемъ, что какой угодно наумнѣйшій человѣкъ торопится поскорѣй отдалить отъ себя слѣды страшнаго дѣла и до тѣхъ поръ, пока отъ представленія о немъ какъ-нибудь не отдѣлается, теряетъ всякое самообладаніе... Понятно, что несмотря на карамзинское вліяніе, представленіе стараго быта въ Борисѣ вышло несравнимо выше всей исторіи Карамзина, и съ карамзинскою школою ничего не имѣетъ общаго въ приѣмъ; что сценой въ корчмѣ — пушкинское творчество закидываетъ сѣти въ далекое отъ него будущее, въ дѣятельность Островскаго, и что нѣкоторые наброски, какъ Пугачевъ въ «Капитанской дочкѣ», закинуты еще дальше...

Геніальный юношескій взрывъ Лермонтова въ поэмѣ о купцѣ Калашниковѣ точно также простъ по своему приѣму, а между тѣмъ таковъ, что въ изображеніи Грознаго вѣнценосца мы не пошли дальше ни въ высокоталантливыхъ драмахъ Мей ни въ новомъ романѣ графа А. Толстого, а элементъ земскаго протеста сосредоточеннаго съ великою поэтической силою въ другомъ героѣ великой поэмы, въ Калашниковѣ — до сихъ поръ еще никому не пригрѣзлся.

Приѣмъ Островскаго въ Мининѣ въ этомъ отношеніи до того простъ, что академія неудостоила его даже преміи, а г. Омега объявилъ его вовсе негоднымъ, но вѣдь академіи изпоконъ вѣка браковали «Сидовъ» (на то онъ и академіи), а пушкинскій Борисъ возбуждалъ неудовольствіе даже не въ г. Омега, а въ первомъ русскомъ критикѣ той эпохи, въ Полевомъ, и понятъ былъ только грубымъ семинаристомъ Николаимомъ Надоумкой.

Такъ же просты приѣмы другихъ менѣе цѣльныхъ художниковъ, каковы Вельтманъ, Лажечниковъ, Мей — тамъ, гдѣ они являются истинными художниками. Перель ними стоитъ натура, кака-нибудь да натура. Вельтманъ въ своемъ «Кашеѣ» и «Святославичѣ», правъ ли, нѣтъ ли, но взялъ натуру южныхъ славянскихъ племенъ, и вышли образы заправскіе, а не сочиненные. Лажечниковъ въ изображеніи Ивана III и русскаго быта той эпохи руководствуется общею натурою русскаго человѣка — и это-то руководство помогаетъ ему создать Волинскаго, невѣрнаго можетъ-быть исторически, но лицо народно-типическое.

Другая струя вела свое начало отъ Загоскина, Загоскинъ же велъ свое начало отъ Шишкова по духу и отъ вѣшняго импульза, отъ Вальтеръ-Скотта по нормѣ. Извѣстно что такое шишковское славянофильство. Оно было направленіе очень почтенное, но вопервыхъ, его крайніе логическіе предѣлы — гг. Бурачекъ, А. Муравьевъ и г. Аскоченскій, — вовторыхъ самый ярый изъ западниковъ ближе въ сущности къ народу, чѣмъ писатели шишковской школы... Загоскинъ, единственно даровитый человѣкъ этого направленія, смотрѣлъ

на русскій бытъ сквозь византійско-татарскую призму, замѣнявшую до Петра великаго призму византійско-казарменную. Единственною натурою, которую онъ зналъ въ русскомъ быту, была натура стародворянская, да натура двороваго человѣка: — первую, которую бичевалъ Грибоѣдовъ въ Фамусовѣ и Хлестовой, и изображалъ со всею строгостію простоты Пушкинъ въ Кириллѣ Троекуровѣ — онъ поэтизировалъ въ умиленіи; у второй онъ заимствовалъ для изображеній своихъ языкъ и формы.

За нимъ пошла цѣлая вереница историческихъ романовъ, о которыхъ мы когда-нибудь поговоримъ поподробнѣе. Всѣ они писались на одинъ манеръ.

Всего страннѣе то, что человѣкъ народа, Полевой, идеями своими далеко опережавшій всю эту школу — какъ драматургъ попалъ въ ту же манеру, противъ которой самъ ратовалъ и протестовалъ въ критикахъ и романахъ.

Къ какой же струѣ принадлежитъ князь Серебряный графа Алексѣя Толстого?

Авторъ предпослалъ своей повѣсти предисловіе.

«Представляемый здѣсь расказъ — говоритъ онъ — имѣетъ цѣлю не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности *русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія*.

«Оставалось вѣрнымъ исторіи въ общихъ ея чертахъ, авторъ позволялъ себѣ и въкоторыя отступленія въ подробностяхъ, не имѣющихъ исторической важности. Такъ между прочимъ казни Виземскаго и обоихъ Бломиловыхъ, случившаяся на дѣлѣ въ 1570 году, помѣщена для сжатости расказа въ 1565 году. Этотъ умышленный ахронизмъ едвали навлечетъ на себя строгое порицаніе, если принять въ соображеніе, что безчисленныя казни, послѣдовавшія за низверженіемъ Сильвестра и Адашева, хотя много служатъ къ личной характеристикѣ Іоанна, но не имѣютъ вліянія на общій ходъ событій.

«Въ отношеніи къ ужасамъ того времени, авторъ оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ по возможности въ отдаленіи. Тѣмъ не менѣе онъ сознается, что при чтеніи историковъ книга не разъ выпадала у него изъ рукъ и онъ бросалъ перо отъ негодованія, не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія. Это тяжкое чувство постоянно мѣшало необходимой въ эпи-

честномъ сочиненіи объективности и было отчасти правдой, что романъ, печатный болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, оконченъ только въ настоящемъ году. Последнее обстоятельство послужитъ быть можетъ нѣкоторымъ извиненіемъ для тѣхъ неровностей слога, которыя вѣроятно не ускользнутъ отъ читателя.

«Въ заключеніе авторъ полагаетъ велицимъ счастьемъ, что чѣмъ больше онъ обращался съ второстепенными историческими предметами, тѣмъ строже онъ старался наблюдать истину и точность въ описаніи характеровъ и всего что касается до народнаго быта и до археологіи.

«Если удалось ему воскресить наглядно фантомы очерченной имъ эпохи, онъ не будетъ сожалѣть о своемъ трудѣ и почтеть себя достигшимъ желанной цѣли.»

Мы нарочно выписали все предисловіе, чтобы выставить на видъ тѣ вполне серьезныя задачи, которыя имѣлъ въ виду авторъ новаго историческаго романа. Онъ взялся, шутка сказать! изобразить характеръ цѣлой эпохи, воспроизвести повѣтъ, вѣрованія, нравы и степень образованности тогдашняго русскаго общества.

Почему же за все тогдашнее общество онъ считъ громаднаго и его опричника, земскихъ бояръ и ставичниковъ, т. е. разбойниковъ? Это первый вопросъ, который представляется при чтеніи его произведенія всякому, мадо-мальски мыслящему читателю.

Давно уже было намекаемо, если не подробно разсуждено многими нашими изслѣдователями, что быть боярѣ, хотя бы даже и земскихъ, а тѣмъ болѣе быть придворнымъ не могутъ быть чуждыми и вѣрнымъ мѣриломъ всей общественной жизни той эпохи. Не безъ основанія полагаемъ также нѣкоторые, что и такъ-называемая патріархальность, т. е. не семейное а родовое начало въ его различныхъ послѣдствіяхъ, т. е. деспотизмъ и угнетеніемъ женщины, развишесся въ этомъ показномъ быту, образу жизни крайнимъ развитіемъ, преобладанію маюсныхъ элементовъ, татарскому вліянію, которому показной бытъ подвергся по преимуществу, и которое онъ въ свою очередь старался распространить въ быту истинноземскомъ, уходящимъ все-таки такъ или иначе изъ-подъ его вліянія.

Графу Толстому заблагоразсудилось твердо держаться старыхъ, такъ-сказать казенныхъ точекъ зрѣнія: онъ занялся только изученіемъ наказнаго быта, и поэтому онъ, читая лѣтописи, только дивился тому, что было общество, которое выносило Іоанна IV.

А простой вопросъ о томъ, почему оппозиція земскихъ бояръ тирану встрѣчала въ земщинѣ мало сочувствія или вовсе не находила дѣятельнаго сочувствія, вовсе не пришелъ ему въ голову.

Мы далеки отъ мысли видѣть въ Грозномъ Ивана-благодѣтеля русской земли, какого видятъ въ немъ школа гг. Соловьева и Кавелина; мы, разбирая разн. произведеніе, несравненно высшее романа графа Толстого, «Псковитянку» Мей, упрекнули покойнаго поэта въ изображеніи Ивана по этой теоріи въ сладкихъ изліяніяхъ души передъ Борисомъ и сыномъ, но не можемъ раздѣлять и другою односторонняго воззрѣнія, подъ влияніемъ котораго написанъ романъ графа Толстого.

«Идея поможетъ Богу и намъ» — заключаетъ авторъ свою повесть — взглянуть изъ герцези нашихъ послѣдніе слѣды того страшнаго времени, влияніе котораго, какъ наследственная болѣзнь, еще долже потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію! Простимъ грѣшной тѣни царя Иоанна, ибо не онъ одинъ несетъ отвѣтственность за свое царствованіе; не онъ одинъ создалъ свой произволъ, и пытки, и казни, и изушничество, вошедшее въ обиходъ и въ обычай. Эти возмутительныя явленія были подготовлены предыдущими временами, и народъ, упавшій такъ низко, что мы не смотрѣть на нихъ безъ негодованія, самъ создалъ и усовершенствовалъ Иоанна, какъ раболѣпные римляне времена упадка создавали Тиберіевъ, Нероновъ и Калигулу.»

Выводъ послѣ всего того, что раскрываетъ перелѣтъ вашими глазами дѣятельность г. Щапова и что возсоздаетъ творчество Островскаго, стоитъ серьезно опровергать эти — позвольте ужъ такъ выразиться — вздорныя слова. Какой это народъ разумѣетъ графъ Толстой? Этотъ народъ умѣлъ стоять за себя, когда дѣло касалось его интересовъ. Если онъ молчалъ, если Грозный становился все грознѣе и грознѣе, то потому что народъ не сочувствовалъ оппозиціи земскихъ бояръ по той простой причинѣ, что соловы ему самому были эти земскіе бояре, которыхъ хочетъ нашъ романистъ выставить защитниками его правъ противъ опричнины.

Если опричнина Ивана случайно задѣвала его, хотя до него она вообще не касалась, онъ умѣлъ постоять за себя, что гениально угадано Лермонтовымъ въ его великой поэмѣ о кунцѣ Калашниковѣ и Лажечниковымъ въ одной сценѣ его неудачной драмы «Опричникъ», въ сценѣ столкновенія рязскихъ съ опричниками...

Этого народа не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть графъ А. Толстой, и несмотря на то, что онъ изучалъ добросовѣстно одну сторону эпохи, романъ его кажется написаннымъ «нарочно» — такъ же точно нарочно, какъ нарочно написанъ имъ недавно «допѣ-Жуанъ.»

Разбирать его въ подробности мы не станемъ, — даромъ что онъ въ трехъ частяхъ, и даромъ что онъ многими читается съ интере-

сомъ, особенно, какъ говорятъ, барынями. Въ немъ все — сочиненіе верѣяко и искусное, но чаще всего искусственное; все даже статистическое, за исключеніемъ одного полудіота Митьки съ его оглоблей. Авторъ говорить, что въ изображеніяхъ ужасовъ эпохи, онъ постоянно ниже исторіи. Это неправда. Лучшее, наиболѣе удавшееся ему, это изображеніе женоподобнаго Федьки Басманова, рѣзкое до содомской наглости...

Замѣчательно странно, что все завоеванное въ изображеніи чертъ народа Островскимъ, прошло какъ будто мимо нашего романиста; еще страннѣе можетъ быть то, что романъ, писанный въ 1852—1862 годахъ, не можетъ вѣсти въ какое либо сравненіе съ романами Лажечникова, писанными въ половинѣ и концѣ сороковыхъ годовъ. Тамъ сила творчества страстнаго иногда до изумленія, чутье народныхъ типовъ подчасъ изумляющее, поэзія не сомнѣнная хоть и пополамъ съ фальшью и ходульностью, здѣсь безплодная, хоть и добросовѣстная усмія да казенщина почти загоскинская, безъ загоскинской наивности.

Многіе будутъ на насъ негодовать за рѣзкость нашего приговора, но время, и очень недалекое, насъ совершенно оправдаетъ. «Князь Серебряный», весьма скоро будетъ забытъ, а «Бесурядки», «Ледяной домъ» и «Новикъ», будутъ всегда читаться, несмотря на ихъ недостатки.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Недовольный мистеръ Катковъ. — Городское управленіе въ Тулѣ. — Харьковское общество взаимнаго застрахованія домовъ. — Неурожай. — Елки на желѣзной дорогѣ. — Вывозъ хлѣба за границу. — Экономическое общество и мѣловскій зоологическій садъ. — Распространеніе грамотности.

По случаю преобразованій общественнаго управленія въ городахъ, въ послѣднее время по цѣлямъ Россіи работали и теперь еще работаютъ особыя комиссіи. Многія кончили уже свои занятія, другія продолжаютъ разрабатывать данный вопросъ въ указанномъ направленіи, усердно стремясь придти къ показаннымъ результатамъ. Великое дѣло общественнаго управленія, разгадка нашей будущности, вводится у насъ административнымъ путемъ, и «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника» находитъ, что «наша слава состоятъ именно въ томъ, что Россія достигла и достигаетъ мирнымъ путемъ тѣхъ результатовъ, которые другимъ народамъ стоили великихъ потрясеній и кровавыхъ переворотовъ.» Что я говорю! Всякое великое потрясеніе, всякій кровавый переворотъ — страшная вещь, и разумѣется Россія обойдется безъ нихъ; но главное рѣчь покажетъ о результатахъ. Мирнымъ путемъ достигаемъ результатовъ. Хорошо. Разумѣется мирнымъ путемъ; ни о какомъ другомъ пути мы и говорить не хотимъ. Но какихъ результатовъ? Означить-таки гдѣ цѣль? гдѣ идеаль? Другимъ народамъ эти результаты стоили великихъ потрясеній. Да годятся ли намъ эти результаты? Вотъ вопросъ, надъ которымъ не задумывается «Русскій Вѣстникъ». Но его мнѣнію разумѣется годятся, и потому онъ съ надлежащею важностью толкуетъ объ аристократическомъ элементѣ, всачески стараясь разграничить, наставить перегородокъ тамъ, гдѣ духъ народный или знать не хочетъ никакой перегородки или

если перегородка есть, то за нею онъ считаетъ совершенно чужой лагерь; ничего стоящаго по ту сторону не признаетъ ни своимъ, ни близкимъ, ни родственнымъ. «Русскій Вѣстникъ» не можетъ этого не знать, — очень хорошо знаетъ; но мечтается ему тоже, что хоть оно и такъ, но все-таки безъ лордства обойтись нельзя. Не въ духъ это нацим, противно это основнымъ, кореннымъ убѣжденіямъ нацим, и въ крови заключается отвращеніе отъ всякихъ перегородокъ, а все-таки ~~какъ же можно безъ лордства?~~ И уже тутъ убѣжденіямъ ничего не сдѣлаешь. Напрасно г. Шаповъ въ своихъ статьяхъ неоспоримо исторически доказываетъ, что всякое насильственное народныхъ наклонностей отъказывается, болѣзненно и вызываетъ распаденіе, антагонизмъ, отчужденіе. Но разъ забравши въ голову, что Россія должна быть перестроена на англійскій ладъ, съ лордами и судейскими париками, «Русскій Вѣстникъ» знать ничего не хочетъ и жить безъ лордства не согласенъ. Отъ этого происходятъ у него забавнѣйшія противорѣчія. Такъ 14 ноября онъ мечтаетъ о томъ, какъ хорошо будетъ «когда у насъ земскія учрежденія будутъ согласованы съ судебными, потому что отъ этого будетъ зависеть судьба аристократическаго элемента въ Россіи. Но если сосредоточить управленіе земскими дѣлами въ рукахъ дворянства, то это сдѣлалось бы неустрашимой причиной антагонизма сословій, внесло бы глубочайшій элементъ сословной вражды въ дальнейшую исторію Россіи. Рано или поздно наступила бы пора, когда диссонансъ обнаружился бы въ полной силѣ, и эта пора была бы последнею мерой аристократическаго элемента въ Россіи.»

Такъ Афанасій Ивановичъ любитъ иногда пострелять Пульперію Ивановну, когда была въ хорошемъ расположеніи духа. На полноту, Афанасій Ивановичъ. Богъ-знаетъ, что вы говорите! Грѣхъ это говорить и Богъ наказываетъ за такія рѣчи. Но Афанасій Ивановичъ, доволнѣй гѣмъ, что попуталъ надъ Пульперією Ивановной, улыбается сидя на своемъ стулѣ.

Итакъ, — продолжаетъ г. Катковъ — исключительное управленіе земскихъ дѣлъ дворянству, какъ сословію, не означало бы короноваго управленія земскими дѣлами, потому что дворянство управлено бы имъ, не въ общемъ земскомъ, а въ сословномъ интересѣ. Кроме того въ общій государственный строй была бы внесена элементъ сословнаго антагонизма, а нововведеніе этого антагонизма оказалось бы опаснымъ для всего государства, а также болѣе опаснымъ для дворянскаго сословія. Они лишили бы государство необходимаго ему аристократическаго элемента, а дворянское сословіе рано или поздно привело бы къ политической смерти.»

— Вотъ слушайте только что онъ говоритъ! — сказала бы на это

Пульхеріи Ивановна. Я и знаю, что онъ шутитъ, но все-таки не принято слушать. Вотъ отъкое онъ всегда говорить: иной разъ слушаешь, слушаешь, да и странно станеть. — Но Афанасій Ивановичъ довольномъ тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, сѣвется, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

«Но съ другой стороны — продолжаетъ г. Катковъ — если не желательно, чтобы дворяне управляли земскими дѣлами въ силу сословной привилегіи, то никакъ не желательно, чтобы управленіе земскими дѣлами выпало изъ рукъ дворянъ.»

Очевидно, что Афанасій Ивановичъ зарепортовался. Съ одной стороны это скверно, а съ другой — очень хорошо, говоритъ онъ. Превъдъ, бывають такіа двустороннія вещи, съ одной стороны никакъ не годныя, съ другой — хорошія. Но Афанасій Ивановичъ, въ своемъ шутовскомъ радикализмѣ прямо говоритъ, что исключительное предоставленіе земскихъ дѣлъ дворянству приведетъ дворянское сословіе рано или поздно къ политической смерти, и тутъ же радостно желаетъ, чтобы управленіе земскими дѣлами не выпало изъ рукъ дворянъ. Такого ужасающаго, такого краснаго радикализма мы никакъ не ожидали встрѣтить въ русской литературѣ, а всего меньше у г. Каткова. Но онъ не вѣдаетъ что творить. Онъ говоритъ, что «нѣчтоное управленіе только тогда пойдетъ у насъ успѣшно; когда преимущественное участіе въ немъ будутъ принимать дворяне», потому что никто въ равной съ ними степени не имѣетъ «привычки управлять людьми.» Стало-быть онъ хочетъ, чтобы въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ возобновилась, воскресла плѣнительная «привычка управлять людьми», отъ которой мы только что начинаемъ отвѣкаться съ 19 февраля прошлаго года. Но въ такомъ случаѣ кчему же была вся эта лонка? Если уже надо, по мнѣнію г. Каткова, возобновить привычку управлять людьми, такъ неважнѣе было отъ нея отказываться; по его мнѣнію стало-быть не нуженъ былъ манифестъ 19 февраля. Въ одномъ духѣ, въ одномъ смыслѣ, въ одномъ направленіи съ этиаъ великимъ манифестомъ составленъ проектъ земскихъ учрежденій; въ немъ эти учрежденія освобождены въ значительной степени отъ сословнаго характера, и г. Катковъ горько сѣтуеть на это и предлагаетъ устроить такъ, «чтобы если не по закону, то по силѣ вещей земскія учрежденія остались въ рукахъ дворянъ-повѣнщиковъ.» «Дтого можно достигнуть — говоритъ онъ — возможнымъ ограниченіемъ выборнаго начала съ тѣмъ, чтобы земскія учрежденія отличались аристократическимъ характеромъ.»

Но къ счастью для здраваго смысла, хотя вовсе не къ чести литератора, сѣвдуютъ замѣтять, что вся эта безстыдница разрѣшается!

въ остроумное намѣреніе обмануть народъ. Не говоря о нравственномъ достоинствѣ этой мѣры, мало замѣтить, что подобное намѣреніе рѣшительно никогда въ исполненіи не удастся, потому что никто не одаренъ такою глубокою проицательностью какъ масса, проицательностью, доходящею до чужда, котораго никто не обманеть, ослабы даже десять «Русскихъ Вѣстниковъ» соединились для обдумыванія надувательной мѣры. Одинъ же «Русскій Вѣстникъ» придумалъ весьма нехитрую штуку, шитую бѣлыми нитками. Мало, изволите видѣть, возможно ограничить выборное начало, чтобы есда не по закону, то по силѣ вѣшей земскія учрежденія остались въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ. Такъ это и не будетъ замѣтно, такъ заинтересованные и удовлетворятся, такъ будто-бы земскія учрежденія и освободятся отъ сословнаго характера, не будутъ возбуждать въ остальномъ населеніи убоа ни зависти, ни оппозиціи. Къ счастью можно быть увѣреннымъ, что эти ухищренія останутся въ Современной лѣтописи и въ жизнь не перейдутъ. Наше законодательство не всегда было непогрѣшимо; часто въ немъ бывали ошибки, отзывавшіяся потомъ много лѣтъ сразу, но никогда оно не говорило одно, прямо шѣя въ виду другое, никогда сознательно не обманывало народъ. Любопытно будетъ изслѣдовать кому старается угодить г. Катковъ, недовольный составленіемъ проектовъ земскихъ учрежденій; безкорыстно рѣшиться на такіа проделки мудро, хотя мы и вѣримъ безкорыстію министра Каткова. Мы не премѣнно и совершимъ это изслѣдованіе, какъ ни тернистъ, какъ ни скабрезенъ путь, по которому придется идти за г. Катковымъ. Но здѣсь атому изслѣдованію не мѣсто; это не принадлежить къ числу нашихъ домашнихъ дѣлъ; это поддонки съ заднихъ двора литературной ланочки. Чистка ихъ, — дѣло неприятное, но необходимое, — должна производиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Въ Тулѣ временная коммиссія, учрежденная для составленія свѣдѣній относительно улучшения общественнаго управленія, окончала свои занятія. Въ «Сѣверной Почтѣ» объявлено, что проектъ тульской коммиссіи составляетъ по даниціи програмѣ и есть болѣе или менѣе исполнимое и сокращеніе проектовъ петербургскаго и московскаго. Какимъ образомъ составился проектъ, не объявлено; сказано только, что депутаты тульской коммиссіи были между собою несогласны. Кто разрѣшилъ несогласіе и разрѣшилось дѣло, объ этомъ ничего не сказано. Видимъ только, что коммиссія составлена была изъ шестнадцати депутатовъ; изъ нихъ восемь назначено было г. начальникомъ губерніи, и восемь выбрано было изъ селеній. Уже изъ этого состава видно, что коммиссія не была выраженіемъ общественнаго мнѣнія и потребностей общества. Очень можетъ быть, что

комиссія была старательна, усердно старалась хоть-нибудь не почитать случайно въ противорѣчіе приказаніямъ начальства. Но дѣло въ томъ, что вовсе не того было нужно, вовсе не то требовалось. Министерство дало программу, это правда, но въ тоже время объявило, чтобы комиссія не стѣснялась программой, и въ случаѣ, если найдутъ полонимымъ съ нею не соглашаться въ томъ или другомъ случаѣ, прямо заявляли бы объ этомъ законнымъ путемъ. Стало-быть не столько усердія, сколько правды требовалось отъ комиссій. Мы такъ слышали, что ежели одинъ только членъ назначенъ начальствомъ, то мы смотримъ уже на него, какъ на начальство, и вѣрѣдко противъ своего желанія, противъ убѣжденій будемъ съ нимъ соглашаться. И упрекать насъ за это нельзя. Можно предположить, что въ головѣ какого-нибудь мѣщанина созрѣла прекрасная мысль, за которую министерство было бы благодарно: оно такъ усердно ищетъ и добивается правды. Но какъ же мѣщанину высказать свое мнѣніе въ присутствіи начальства? Чтобы на это рѣшиться, нужна бодрая привычка къ совѣщательнымъ собраніямъ и всего важнѣе — нужна политическая увѣренность въ томъ, что человекъ за свое мнѣніе не отвѣчаетъ, даже въ такомъ случаѣ, еслибы оно начальству не понравилось. Каждый депутатъ прежде всего долженъ быть увѣренъ въ своей неприкосновенности, иначе отъ него нельзя ждать голоса и не добиться правды никогда. Мы весьма далеки отъ мысли, чтобы губернскія начальства, точно такъ же какъ министерство, не желали знать истинной правды, не желали напасть сами или какъ-нибудь быть наведенными на то что придется совершенно вѣрно и городскимъ обществамъ и правительству, что вполнѣ удовлетворить потребности гражданъ и снять съ правительства значительную долю мелкихъ заботъ. Разумѣется имъ хочется всего этого, хотя бы даже и въ ущербъ своей власти; но набравшись ими путемъ, назначеніемъ половины депутатовъ, какъ это случилось въ Тульѣ, и отсутствіемъ неприкосновенности депутатовъ они достигнутъ только явнѣе покорнѣйшаго подлакиванья или робкаго предостереженія полумѣры, ни къ чему не ведущей. Положимъ даже, что начальство призоветъ депутатовъ откровенно говорить свои мнѣнія, положимъ что оно даже обѣщаетъ безнаказанность за мнѣнія, съ которыми не согласится; но надо же войти въ положеніе мѣщанина, мнѣющаго прекрасную, зрѣлую, практическую мысль, плущую въ разрывъ съ мнѣніемъ начальства. Какъ высказать? Какъ оставить языкъ поворотиться? Конечно, сказано, что за правду ничего не будетъ; ну, а какъ съ этой-то правды да попадешь на замѣчаніе, какъ человекъ, въ чемъ-нибудь, хоть въ самой малѣйшей мысли несогласный съ начальствомъ.

Всякость въсѣхъ этихъ соображеній весьма странно слышать, что въ Тульѣ произошло въ некоторомъ несогласіи между депутатами коммиссіи. Сначала замѣтили, что изъ шестнадцати депутатовъ половина принадлежала къ сословіямъ *владѣльческимъ*, а другая къ *сѣловіямъ промышленнымъ*. Положили, что это очень хитрое раздѣленіе, но оно такъ уже хитро, что и понять его невозможно. Во всѣхъ случаяхъ депутаты принадлежатъ къ городскимъ домовладѣльцамъ, такъ что въ этомъ смыслѣ они всѣ до одного суть члены сословія *владѣльческаго*. Но разгадка вотъ въ чемъ: депутаты *владѣльческаго* сословія единогласно заявили, что всѣ жители города Тульы, имѣющіе быть членами городского общества, должны быть раздѣлены на два главные разряда: на разрядъ *владѣльческій* и разрядъ *промышленный*. Понятное дѣло, что они заявили это единогласно: они такъ и были назначены съ этимъ раздѣленіемъ; самое раздѣленіе это было имъ подсказано если не прямо, то ихъ назначеніемъ. Каждый изъ двухъ разрядовъ, по мнѣнію владѣльцевъ, долженъ быть раздѣленъ на три категоріи. Къ первому разряду должны принадлежать: а) потомственные дворяне, б) личные дворяне, и в) почетные граждане, не состоящіе въ гильдіи, духовенство и прочія лица, неотносящіеся къ промышленникамъ. Второй разрядъ, промышленный, тоже долженъ состоять изъ трехъ категорій: а) купцы, б) мѣщане, в) ремесленники. Если уже необходимы или въ какомъ-нибудь отношеніи полезны перегородки, то почему же не поставить эти; очень можно поставить; даже есть возможность купцовъ раздѣлить по гильдіямъ, а двѣ первыя категоріи *владѣльческаго* разряда раздѣлить еще по чинамъ, такъ что составитъ, вѣрно шесть, десять или пятнадцать категорій, сколько окажется будетъ устроить. Но необходимость или польза этихъ категорій никакъ доказаны быть не могутъ. Намѣреніе правительства, ясно выраженное въ министерскомъ циркулярѣ, заключается въ томъ, чтобы предоставить городамъ возможно большія права самоуправленія. Въ каждомъ городѣ изъ ста домовъ, по крайней-мѣрѣ девяносто принадлежатъ лицамъ такъ-называемаго промышленнаго разряда, и едва только десять лицамъ разряда такъ-называемаго *владѣльческаго*. Въ какихъ же видахъ и съ какой точки зрѣнія было бы справедливо уравнивать девяносто промышленныхъ голосовъ съ десятью *владѣльческими*? Положили, что въ какихъ-нибудь высшихъ государственныхъ видахъ раздѣленіе народа на сословія съ различными правами и преимуществами можетъ быть полезно; но въ городѣ это положительно не нужно. Всѣ граждане города, а тѣмъ болѣе всѣ сосавы и городскіе бы они ни были, въ равной степени заинтересованы въ городскомъ благоустройствѣ; и хорошему организатору

мощади, а благомыслие широкое, и призрѣніемъ нищихъ, и заслуженнымъ щедрымъ городскимъ покровительствомъ. Если оцѣнить городскіе имущества на деньги, то въ каждомъ ста рубляхъ имущества будетъ заключаться также около десяти рублей имущества лицъ промышленнаго разряда и около десяти рублей только придется на долю разряда владѣльческаго. Слѣдуетъ, чтобы при полати гласности десятисто-рублей разрядъ десятый, будетъ ошибка даже арифметическая, не говоря уже о томъ, что это возбуждаетъ антагонизмъ, о предупрежденіи котораго такъ справедливо и съ такими задними мыслями усердно хлопочетъ истерикъ Катковъ.

Поэтому еще слѣдуетъ замѣтить, что раздѣленіе на сословія владѣльческаго и сословія промышленныя есть одна только игра словъ, которая въ дѣйствительности ничто не соответствуетъ. Но противуположности съ разрядомъ промышленнымъ, надо полагать, что къ разряду владѣльческому принадлежатъ лица, не занимающіяся никакою промышленностью. Но развѣ земледѣльческая промышленность не есть промышленность? До 19 февраля прошлаго года полагаю, что это не была промышленность, а только барство; а съ тѣхъ поръ этого вида утѣкло, и пріятное положеніе ничего подѣлывая съ тѣхъ поръ потеряло всякую почетность. Разряды владѣльчскій и промышленный ведутъ только къ сбивчивости и больше ни къ чему. Если основать дѣленіе на происхожденіи лицъ, выйдетъ одно; если основаться на дѣятельности тѣхъ же лицъ, выйдетъ совсѣмъ другое. Говоря о дѣятельности, надо крестьянина, владѣющаго дономъ въ Тулѣ и выкуниващаго вчера свой душевой надѣлъ, причислить къ разряду владѣльческому, наравнѣ съ бывшимъ его помѣщикомъ, а помѣщика, извлекающаго главный свой доходъ изъ сукошней фабрики — къ разряду промышленному; купца, платящаго по третьей милліонъ и обрабатывающаго землю, купленную полд городомъ, надо причислить къ разряду владѣльческому, а помѣщика-винокура — къ промышленному. Если же держаться только происхожденія, то прицѣпской справедливости нашего законодательства, слѣдовало бы прямо назвать первый разрядъ благороднымъ, а второй неблагороднымъ, вын: по случаю гуманности и прогресса пожалуй хоть почитать въ или степеннымъ.

Промышленный разрядъ въ Тулѣ предложилъ, по приѣзду Петербурга и Москвы, раздѣлить общество на пять разрядовъ: а) потомственныхъ дворяне; б) личные дворяне, почетные граждане, не состоящіе въ чинахъ, духовныя и другія званія лица, не принадлежащіе къ промышленнымъ сословіямъ; в) почетные граждане, состоящіе въ чинахъ и купцы; д) мѣщане и е) ремесленники.

Дальшею губернскаго значаельно нашло первое мнѣніе болѣе пре-

вильнымъ, посмотри на то, что промышленные депутаты ссылались на малочисленность владѣльческихъ сословій, на односторонность или такъ-сказать случайность ихъ городскихъ интересовъ и на примѣръ Петербурга и Москвы. Начальство согласилось, что сословія владѣльческія въ Тулѣ гораздо малочисленнѣе сословій промышленныхъ, но что это ничего, что все-таки изъ первыхъ все-таки можно выбрать столько же гласныхъ, сколько изъ вторыхъ; что изъ первыхъ это даже гораздо легче, потому что между ними сравнительно болѣе людей развитыхъ, опытныхъ и повѣряющихъ дѣло управленія.» Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что если въ самомъ дѣлѣ владѣльческія сословія умѣютъ управлять, то въ итогѣ городского устройства все-таки выйдетъ не самоуправленіе, а управленіе одного сословія другимъ; опять антагонизмъ, котораго слѣдуетъ такъ осторожно избѣгать. Тульскія начальства опасаются, что при раздѣленіи городскихъ жителей на пять разрядовъ, на долю владѣльческихъ сословій придется только два первыхъ разряда, а на долю промышленныхъ три. При равномъ числѣ гласныхъ отъ каждаго разряда, только двѣ пятыхъ всѣхъ голосовъ будутъ на сторонѣ владѣльцевъ, а три пятыхъ на сторонѣ промышленниковъ; такимъ образомъ будто бы гласные отъ владѣльческихъ сословій будутъ безгласными при рѣшеніи дѣлъ большинствомъ голосовъ. Но можно успокоить тульскія начальства по поводу этихъ опасеній тѣмъ, что гласныя думы будутъ совѣщаться, толковать и рѣшать большинствомъ голосовъ только дѣла, касающіеся внутренняго городского хозяйства, ничѣмъ не касаясь вопросовъ сословныхъ, никакимъ образомъ не касаясь поставленныхъ закономъ привилегій. О сословіяхъ, о ихъ правахъ у нихъ никогда не можетъ быть рѣчи, а по отношенію къ выгодности той или другой мѣры по городскому управленію, лица всѣхъ сословій совершенно равны между собою, и чѣмъ лучше, чѣмъ цѣлесообразнѣе данная мѣра, тѣмъ охотнѣе всѣ голоса будутъ между собою согласны. Можно прибавить, что они тѣмъ будутъ согласнѣе, чѣмъ меньше будетъ сословнаго элемента въ составѣ думы.

Доказательство этого есть въ томъ же извѣстіи о трудахъ тульской комиссіи, хотя оно и приведено съ противоположною цѣлью. «Въ Тулѣ учреждена была комиссія о преобразованіи вѣстной части и объ устройствѣ водопроводовъ. Два депутата, люди образованные и опытные, представили два проекта, относящіеся къ обоимъ предметамъ занятій комиссіи. Оба проекта если не безуклонно признаны были легкими для исполненія, индифферентно-обременительными для жителей и безспорно полезными для всѣхъ, то оба проекта остались, а можетъ-быть и навсегда останутся только

просителямъ. Почему же? — Потому поспѣвать, что еще подааны были дворяни, не принадлежащими къ промышленному сословію, которые считаютъ исключительно себя действительными жителями города, а во вторыхъ потому, что въ этой комиссіи было только шесть депутатовъ отъ владѣльческихъ сословій, и около тридцати отъ селовій промышленныхъ» (Сѣв. Поч. № 258).

Если это такъ (что требуется еще доказать), если действительно проекты, признанные *всѣми безъ исключенія* (неизвѣстно, къъ это всѣми, — жителями города, членами комиссіи или чиновниками) легкими, полезными и выгодными, не будутъ никогда приведены въ исполненіе только потому, что поданы были не промышленниками, то это показываетъ не болѣе ни менѣе, какъ обыкновенное у насъ, хотя и весьма прискорбное недовѣріе между сословіями. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ сословность лежитъ въ характерѣ народномъ, гдѣ сынъ бѣднаго фермера или работника на фермѣ съ материнскимъ молокомъ всасываетъ обожаніе къ своему лорду; гдѣ богатство составляетъ несомнѣннѣйшій патентъ на всеобщее уваженіе; гдѣ простолюдину никогда не придетъ въ голову выразить уваженіе къ лорду или нобльмену переменною *вы на ты*, какъ это слышится у насъ теперь нерѣдко; гдѣ простолудинъ-старикъ никогда и не повѣритъ, что есть страна, гдѣ старикъ изъ самаго высшаго по богатству класса общества не требуетъ, а съ глубочайшимъ и простиѣйшимъ спокойствіемъ ждетъ проявленій уваженія отъ нобльмена среднихъ лѣтъ, — тамъ подобное недовѣріе совершенно невозможно. Тамъ его лордство безконтрольно владѣетъ душою и тѣломъ не только того простолудина, который у него работаетъ, но и всякаго встрѣчнаго, который только узнаетъ, что онъ имѣлъ благополучіе встрѣтиться съ лордомъ. Отъ какихъ бы тамъ это ни выходило причинъ, историческихъ или экономическихъ или какихъ другихъ, не о томъ покамѣсть рѣчь. Дѣло въ томъ, что у насъ—то этого нѣтъ и вѣроятно не будетъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы не было перегородокъ, то не было бы и недовѣрія, не было бы мѣста зависти, ропоту и проч.

Отъ этого—то такъ давно слышать, какъ г. Катковъ съ важностью толкуетъ объ аристократическомъ и демократическомъ у насъ элементахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже говоритъ: «*Современнае сословіе съ русскими преданіями, земскимъ утолщеніемъ собраніямъ давно широкое демократическое основаніе.*» Мы считаемъ это не предвѣренною клеветою, а повиннымъ непониманіемъ и неумианіемъ дѣла. Чтѣбы толковать о демократическихъ основаніяхъ, надо предлагать съ другой стороны аристократическія; вотъ это—то и

несогласно съ шестими пролетариами; некоторыя знаютъ только русскій народъ, т. е. всю націю, и русскаго царя. Все остальное — ивыща.

Среди множества предпринимаемыхъ по разнымъ отраслямъ управленія преобразованій, нельзя не упомянутьъ объ общественныхъ взаимномъ застрахованіи. По предложенію г. министра внутреннихъ дѣлъ вездѣ составлены комитеты изъ среды городовыхъ жителей для обсужденія вопроса о застрахованіи. «Сѣв. Почта» считаетъ лишнимъ говорить о всей важности и пользѣ этого новаго учрежденія. Вопросъ дѣйствительно важный и возбужденіе подобныхъ вопросовъ дѣлаетъ честь министерству. Въ Харьковѣ вопросъ былъ рѣшонъ 15 сентября «въ какія-нибудь три часа.» День 15 сентября остался вѣроятно въ памяти у всѣхъ, кому удалось присутствовать въ собраніи домовладѣльцевъ. Обширная зала дворянскаго собранія была наполнена домовладѣльцами всѣхъ сословій и состояній, и дамы въ первый, можно сказать, разъ приняли участіе въ общественномъ совѣщаніи. Засѣданіе было открыто рѣчью г. Богдановича, чиновника особыхъ порученій г. министра внутреннихъ дѣлъ. Результаты оказались такіе, какихъ и слѣдовало ожидать. Предложеніе г. министра было принято почти единогласно. Намъ случилось подходить ко многимъ кружкамъ и прислушиваться къ разсужденіямъ домовладѣльцевъ. Вездѣ говорили только о пользѣ, о выгодахъ новаго общества, и рѣдко гдѣ можно было услышать скептическое возраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли что можно сказать противъ осязательной пользы взаимнаго застрахованія. Если сосчитать, сколько денегъ ушло изъ города въ разныя страховыя общества, и сообразить, что почти *все эти деньги могли бы оставаться въ городѣ*, то нельзя не пожалѣть о томъ, что подобное предпріятіе, не было задумано ранѣе. Учрежденіе такихъ обществъ въ настоящее время тѣмъ важнѣе, что они могутъ приносить неизмѣримую *пользу* предполагаемой *реформы* городского управленія. Если при новомъ устройствѣ городовъ необходимо, чтобы интересы жителей были слиты какъ можно болѣе, то взаимное страхованіе болѣе всѣхъ другихъ учреждений можетъ способствовать этому соединенію. Каждый домовладѣлецъ будетъ заинтересованъ сохраненіемъ имущества другого домовладѣльца. Въ случаѣ пожара будетъ принимать участіе не одно общество челоуѣколюбія, но и личный интересъ. Наконецъ тѣ *выгоды*, которыя обращаются въ капиталъ, могутъ составить *фондъ* общественаго банка (котораго нѣтъ въ Харьковѣ), тѣмъ болѣе того благодаря Бога, въ нашемъ городѣ число пожарныхъ случаевъ по количеству домовъ весьма незначительно. Такимъ образомъ, благодаря дѣйствіямъ живого слова, дѣло, котораго результаты неизвѣстны

рими по своей неспособности материальнаго благополучія, горюды, окончивъ въ дѣлѣ-шубу въ три часа. Примеру Харькова послѣдовали и другіе города. Намъ известно, что Сумы, Ахтырка, Белгородъ, Дебальца, Курскъ, Имамъ и Славянскъ изъ явивъ уже готовящаея учрежденіе, у себя общества взаимнаго страхования и избрали депутатовъ для составленія положенія.» (Харьков. Губерн. Вѣд.)

Ежели въ самомъ дѣлѣ Харьковъ и его убогѣе города находятъ выгоднымъ и удобнымъ устройство взаимнаго страхования домовъ, то мы ихъ поздравляемъ съ исполненіемъ ихъ желаній и сердечно желаемъ, чтобы предприняемый ими опытъ привелъ къ благоприятно благополучнымъ результатамъ. Съ своей стороны мы видимъ въ этомъ опытѣ много хорошаго, хотя и не то же самое, что видятъ харьковскіе домовладельцы, или авторъ статьи, напечатанной въ харьковскихъ губ. вѣдомостяхъ. Повторимъ, въ присутствіи этомъ много хорошаго; но на него надо смотрѣть съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что много денегъ ушло на города въ разныхъ страховыхъ обществахъ, на заре скажемъ же денегъ не вернулось? По какому каждаго пожарнаго случаю возвращалась значительная сумма, и въ какомъ можетъ быть порядо больше того, что вышло изъ города. Для Харькова это не такъ еще справедливо, какъ напримеръ для Орла или для Самары. Разница только въ томъ, что въ случаѣ несчастія для Харькова, въ него поступаютъ не только тѣ деньги, которыя внесены жителями Харькова, но точно также и жителями множества другихъ городовъ Царствъ Россіи, хотя можетъ-быть отъ каждаго и весьма незначительными количествами. Намъ кажется, что харьковскіе жители глаголю бою ошибаются касательно значенія смысла страховыхъ обществъ вообще. Страховое общество все равно, какъ бы оно ни называлось, первымъ или четвертымъ, московскимъ или петербургскимъ, во всякомъ случаѣ есть общество взаимнаго страхования, въ которомъ правленіе есть только посредникъ этой взаимности. Каждый страхователь, внося свою страховую премію, нѣтъ прежде всего въ виду самого себя, свое имущество, но по существу дѣла означается, что онъ вноситъ сумму, необходимую въ наступающую минуту для уплаты за пожарные убытки въ другомъ совершеномъ пожарѣ, за три тысячи верстъ отъ него. Что за нужда, что много денегъ ушло изъ города на уплату пожарныхъ убытковъ въ Самарѣ. Да зато вѣдь и изъ Костромы и изъ Владиміра уходятъ множества денегъ на уплату за тѣ пожары, которые несомненно возмощаю отъ Харьковъ, и до сихъ поръ когда довольно рѣдки, но все-таки случаются. Въ случаѣ несчастія, харьковскіи жители выплачиваютъ деньги черезъ правленіе страховаго общества москвичамъ, ме-

торбушки, туники, шажгородцы, всё что только платит какому-нибудь страховую премию. Властиво большое число страхователей изъ различнахъ мѣста, накоплетса суммы, достаточныя для покрытiя убытковъ отъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ разорительныхъ пожаровъ. Полагаетса само собою, что чѣмъ больше кругъ этой взаимности, тѣмъ въ высшей степени обезпеченіе несомнѣнно, тѣмъ легче должны быть страховыя преміи и тѣмъ менѣе страшины гуртовыя несчастія. При взаимномъ застрахованіи наирѣднѣе деревень въ двѣдцать-пять дверовъ въ теченіи десяти лѣтъ, благополучно прошедшихъ, не можетъ накопиться капиталъ, достаточный для покрытiя несчастія, которое можетъ случиться въ одиннадцатый годъ, и накопленные деньги составятъ помощь весьма незначительную. Еслибы городъ Боровичи пользовалса взаимнымъ застрахованіемъ года въ теченіи пятидесяти благополучныхъ годовъ сразу, то все-таки неполною суммы было бы недостаточно для покрытiя половины несчастія минувшаго года. А гдѣ же и когда же видно, чтобы въ какомъ-нибудь городѣ прошло не только пятьдесятъ, а пять или шесть лѣтъ благополучно. То чашѣ, то рѣдѣе пожаръ выжигаетъ домъ, два, три, а при нашей деревенской застройкѣ, города выжигаетъ привычку горѣть цѣлыми улицами, а то такъ и больше. Взаимное застрахованіе деревень въ небольшомъ городѣ такнѣе образомъ выходитъ вовсе не застрахованіе, а только сбереженіе. Чербы знаешь удовлетворить требованія теоріи вѣроятностей; надо бы взаимно застрахованные дома еще застраховать на случай большого пожара, такъ какъ для пожаровъ небольшихъ, въ одинъ, въ два дома, подобнаго способа застрахованія будетъ почти довольно. Желать взаимнаго застрахованія домовъ въ Ахтырѣ, въ Харьковѣ, въ Кулиевскѣ, вмѣсто обычнаго ихъ застрахованія въ нормальныхъ страховыхъ обществахъ, это тоже, что отказываться отъ взаимности такъ-сказать по цѣлой Россіи и заключаться въ провинціальную взаимность. Противъ этого можно возразить только, что выгоды, которыми пользуются акціонеры страховыхъ компаній, останутся при нынѣшнемъ проектѣ въ пользу города. Это возраженіе было бы лишено всякаго основанія. Акціонеры даютъ свой капиталъ впередъ; совершенно справедливо вознаграждать ихъ за право пользоваться ихъ капиталомъ. И если при взаимномъ застрахованіи подобнаго основнаго капитала и не будетъ нужно, зато и обезпеченіе будетъ неменьше, а пожарныя убытки будутъ вознаграждаться не столько. Положимъ, что въ нынѣшнемъ мѣстѣ взаимно застраховано сто домовъ, причѣмъ каждый платитъ по одному проценту въ годъ и столько-нибудь на управленіе, да закономъ полтину отъ тысячи рублей кажда-

иныхъ поминки. Къ концу года сгорятъ вдругъ три дома. Страховщикъ денегъ собрано столько, сколько стоитъ одинъ домъ, а платить надо за три. Разумѣется каждый изъ пострадавшихъ домовладельцевъ получитъ только третью долю того что стоитъ его домъ, тогда какъ въ обыкновенномъ страховомъ обществѣ онъ получитъ полное вознагражденіе своей потери. Наконецъ можно еще возражать, что страховыя общества берутъ слишкомъ высокую премію, но и это едва ли справедливо, потому что у насъ теперь пять или шесть страховыхъ обществъ и конкуренція между ними совершенно свободна.

Но въ подобныхъ обществахъ взаимнаго застрахованія есть еще огромная невыгода, которая совершенно ускользнула изъ вниманія жителей Харькова. Взаимное застрахованіе — мысль не новая; оно было испытано въ Европѣ и оказалось, что оно далеко не такъ удобно, какъ страхованіе въ обыкновенныхъ обществахъ, потому собственно, что при взаимности страхованія въ извѣстной общинѣ или въ извѣстномъ городкѣ устраняется всякая конкуренція и община становится монополистомъ, а члены общины дѣлаются жертвами монополіи, хотя по видимому они же сами тутъ и эксплуататоры. Но это только по видимому. У насъ, точно также какъ вездѣ, гдѣ только дѣйствуетъ не одно, а нѣсколько страховыхъ обществъ, эти общества соперничаютъ между собой въ исправности, въ точности исполненія своихъ обязательствъ и главное, въ отсутствіи придирчивости. Этимъ они стараются поощрять страхователей, и дѣлаютъ очень хорошо. Совсѣмъ не весело отдавать каждый годъ семидесятую или пятидесятую долю того что стоитъ имущество, тогда какъ при нашемъ неопѣненномъ «авось» такъ и наирашивается на языкъ, что авось Богъ милостивъ. По необходимости страховыя общества смотрятъ сквозь пальцы на нѣкоторыя небольшія, не очень вопіющія злоупотребленія. Дѣло въ томъ, что ежели строго разслѣдовать каждый пожарный случай, сдѣлать строгую раздѣлку всего сгорѣвшаго и всего оставшагося, то можетъ-быть общества выдавали бы каждый годъ едва ли немногимъ больше половины того что выдаютъ, стало-быть могли бы брать и почти вдвое меньшую страховую премію. Но этого нельзя: слишкомъ строгое изслѣдованіе причинъ пожара, какъ замѣчено не только у насъ, въ странѣ великихъ *авосъ* и *любосъ*, но и въ цѣлой Европѣ, отобьетъ охоту у всѣхъ страхователей. Общества убѣдились, что необходимо нужна нѣкоторая снисходительность, нужно иногда смотрѣть сквозь пальцы на кое-какія несправильности въ объясненіи причинъ пожаровъ. Напримѣръ вслѣдствіе недосмотра со стороны домохозяина, балка была вдѣлана въ

трубу и произвела пожаръ. Кто виновать? Въ строгомъ смыслѣ виновать хозяинъ: ему по настоящему слѣдовало бы вылавывать денегъ, причитающихся за его убытки. Но такая придирчивость отбила бы охоту страховать имущество. Всякій хозяинъ по слову такого событія согласится, что онъ пожалуй и виновать что не посмотрѣлъ за рабочими, но вѣдь не хотѣлъ же онъ въ самомъ дѣлѣ сжечь свой домъ. Въ страховыхъ обществахъ, для усиленнаго хода дѣла, нужна и вездѣ допускается нѣкоторая снисходительность, которой отъ общины ждать нельзя. Обсуждая каждый данный пожарный случай для опредѣленія убытковъ и слѣдующей въ выдачу суммы, община, на другой день послѣ пожара, еще не оправившись отъ страха за дальнѣйшее распространеніе огня, будетъ крайне строго смотрѣть на того, въ чьемъ домѣ начался переполюхъ, будетъ высчитывать каждую оставшуюся обгорѣлую балку, каждую полошину разбитаго стекла. Община будетъ смотрѣть на выдаваемые деньги, какъ на свои собственные, тогда какъ правленіе страхового общества распорядится деньгами не своими; оно хранитъ только складчину и распорядится ею съ большою легкостью, нежели община. Слѣдствіемъ легкомысленнаго распоряженія въ правленіяхъ обществъ нѣтъ и быть не можетъ, точно также какъ нѣтъ снисходительности нѣ въ преступленіяхъ; доказательство этого въ томъ, что до сихъ поръ страхователей еще слишкомъ немного; но все же страхователю имѣть дѣло съ правленіемъ страховой компаніи будетъ несравненно легче, нежели съ общиной, и послѣ пяти-шести опытовъ, общества взаимнаго застрахованія домовъ будутъ покінуты, если только члены будутъ имѣть право ихъ оставлять; тогда начнется опять нормальное дѣйствіе страховыхъ обществъ.

Наконецъ къ несчастію въ дѣлахъ человѣческихъ надо рассчитывать и на злоупотребленія. Кто поручится, что среди множества губерскихъ и уѣздныхъ домовладѣльцевъ не найдутся и такіе, которые будутъ крайне недовольны почти насильственнымъ платомъ страховыхъ премій; зная однакоже, что за всякій внесенный рубль они въ случаѣ пожара получатъ сто, не попробуютъ тотчасъ же это сто получить? Положимъ, что это зло можетъ быть открыто; но дѣло можетъ случиться въ вѣтреную погоду и могутъ пострадать тѣ, кто охотно вносилъ страховыя деньги. Сверхъ того, кто можетъ поручиться, что люди неразвитые со своимъ застрахованнымъ имуществомъ не будутъ обращаться менѣе осторожно чѣмъ тогда, когда оно было не застраховано? А къ тому же многія постройки въ городахъ (хоть въ томъ же Харьковѣ постоялыя дворы) такъ

покусно построены, что надобно удивляться только тому, какъ онѣ горасть не каждый годъ, да еще не по два раза.

Что касается до устройства банка на счетъ вносимыхъ страховыхъ премій, то эту забавную мысль почти не стоитъ опровергать. По доводу несчастнаго случая вклады всё могутъ потребоваться вдругъ, и тогда или страховая касса окажется несостоятельною, или банкъ долженъ лопнуть. Известно, что пока вѣтъ въ городѣ банка, торговля и промышленность плетутся кое-какъ; но банкъ, хорошо организованный, даетъ имъ быстрое и сильное движеніе, утрачиваетъ ихъ дѣятельность, раздуваетъ, поднимаетъ, и тогда становится уже совершенною необходимостью. Тогда каждый удивившійся оборотъ для дальнѣйшаго движенія своего уже не въ состояніи обходиться безъ помощи банка, и по ширѣ разроставія промышленности банкъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Понятно, что онъ долженъ быть построенъ на возможно болѣе прочныхъ основаніяхъ и не долженъ зависѣть во всёхъ своихъ фондахъ отъ неосторожности пьлаго кучера, который въ вѣтреную погоду полѣзеть со свѣчкой въ погребъ и сжигать такую частицу города, какъ напримеръ цѣлый Измайловскій-полкъ.

Но все это ничего; взаимное застрахованіе ежели будетъ устроено, то продолжится недолго: жители поймутъ пользу страхованія и обратятся въ нормальныя общества; выгода его покажетъ въ томъ, что расшевеливается сонное общество, толкуетъ вслухъ о своихъ интересахъ, призвано къ заанленію своихъ нуждъ; крѣпко натянутая у ребенка помощю не отвязываются вовсе, а вѣсколько случаются; это хорошо; безъ этого когда же дитя само станетъ на ноги?

Другое дѣло будетъ въ большихъ центрахъ или если застрахованіе охватитъ всю губернію. Вотъ въ пензенской губерніи взаимное застрахованіе было введено на гораздо болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ харьковской. Тамъ уѣздные города соглашались составить одно общество съ губернскимъ городомъ; такимъ образомъ еслибы выгорѣлъ Чембаръ, то тягость вознагражденія за убытки разложилась бы на всё города губерніи. Но домовладѣльцы отложили обсужденіе вопроса о взаимномъ застрахованіи до послѣдующаго времени. А жаль.

Въ Крыму у насъ месточайшій неурожай. Сѣно продавалось очень дороже петербургскаго, а теперь цѣна его дошла до семидесяти-пяти копѣекъ за нудъ. Хлѣба не родилось. Многіе хозяева не воротили даже овсянн, а тамъ, гдѣ урожай ожидался хорошій, все пошла саранча. Она выродилась въ уѣздахъ феодосійскомъ, симферопольскомъ и евнаторійскомъ. Въ іюнь мѣсяцѣ она перелетала ту-

чана на южномъ берегу и уже начинала пожирать виноградники. Но виноградъ вышелъ довольно хороший, хотя и малокъ отъ продолжительной засухи. Пишутъ, что прибѣжили въ Крымъ въ нынѣшнемъ году было чрезвычайно мало, что русское общество перехода и торговли беретъ за переѣзды огромныя деньги, а изъ сада, нашъ виноградникъ, съ выделеніемъ татаръ ливонскій большаго числа своихъ жителей, превращается въ пустыню. Въ Севастополь нѣкоторые аферисты послѣ войны думали-было воспользоваться дешевойзною тамошнихъ развалинъ и удобствомъ пользоваться стромельнымъ матерьяломъ изъ разрушенныхъ фортовъ и доковъ. Началась-было дѣятельность: стали строить, расчищать, собирать даровой матерьялъ и — сбѣжали. Предпріятіе оказалось неудачнымъ; всякій легко могъ убѣдиться, что Крымъ заустѣлъ надолго и безлюдная страна не поправится до-тѣхъ-поръ, пока не прибавится въ ней населеніе. Страшныя бураны и вьюги воеуютъ тамъ на просторѣ, ожидая, что человѣкъ, именуемый въ естественной исторіи homo sapiens, разведетъ лѣсъ гдѣ нужно и высверлятъ десятокъ колодезевъ. Такъ какъ тамъ нѣтъ желѣзной дороги, то homo sapiens не находитъ выгоды разводить лѣсъ даже хотъ на зиму, какъ это дѣлается на ишколаевской желѣзной дорогѣ. Какъ извѣстно, эта дорога проходитъ по степи, но малонаселеннымъ пространствамъ, которыя однако по старой памяти называются лѣсными, въ близости къ дорогѣ лѣсовъ давно уже нѣтъ: они или выгорѣли, или вырублены. За то предусмотрительное управленіе знаетъ очень хорошо, что нѣкоторое количество лѣсу необходимо вдоль дороги, по обѣ стороны, затѣмъ чтобы предохранять ее отъ вьюговъ, которыя иногда высоко покрываютъ рельсы снѣгомъ. Оно знаетъ очень хорошо, что снѣжныя мятела биваются каждый годъ, но въ тоже время на опытѣ убѣдилось, что въ нашемъ климатѣ весной, зимой и лѣтомъ не бываетъ снѣжныхъ мятелей, или если биваются, то лишь такія, которыя оканчиваются скоро и остановокъ колѣзловъ не производятъ. Поэтому оно имѣетъ предусмотрительность каждую зиму, только-что начнутся мятела, вырубать черезъ колѣзника нѣкоторое пространство молодого еловаго лѣсу и втыкать въ снѣговья сугробы срубленные елки двумя частями и густыми лѣнцами вдоль всего пути, съ обѣихъ сторонъ. Оно убѣдилось на опыти, что молоденькія елки безъ корней цѣлую зиму дѣйствуютъ на вѣтеръ и мятель точно такъ же, какъ еслибы онѣ были съ корнями, именно сила вѣтра уменьшается при встрѣчѣ препятствія; снѣгъ хотя и осрелетаетъ черезъ рядъ елокъ, но рядомъ съ ними и ложится, попадая на рельсы лишь въ небольшомъ количествѣ. Понятно само-собой, что откуда брать лѣсъ на вырубку; сколько такимъ образомъ

испробовать лѣсу, это уже не касается управленія, а только полрѣдчика; главное дѣло въ томъ, что цѣль достигается и деревья безъ корней дѣйствуютъ каждую зиму такъ, какъ еслибы они были съ корнями.

Къ несчастію въ Крыму нѣтъ возможности распорядиться даже съ такою глубокою предусмотрительностью: тамъ нуженъ лѣсъ и дѣломъ точно такъ же какъ вѣномъ; такъ сажать деревья безъ корней называется вовсе неудобнымъ. Къ тому же тамъ и потребность другая: насаждать деревья въ два лѣсныхъ ряда тамъ не нужно, а напротивъ, нужны лѣса, рощи, перелѣски, чтобы климатъ Крыма совершенно переиначился, чтобы онъ сдѣлался похжимимъ на климатъ сѣверной и средней Франціи и иррейскихъ областей. Известно, что у насъ издержана огромная сумма, что-то вродѣ нѣсколькихъ миліоновъ рублей на такъ-называемое образцовое устройство петербургскаго и окрестныхъ уѣздовъ. Но деньги, брошенные въ болото, упали на почву неблагоприятную, и болото остается болотомъ. Половины, четверти этихъ миліоновъ было бы довольно, чтобы преобразовать климатъ Крыма и сдѣлать обитаемыми его громадные степи. И тутъ деньги получили бы хорошее употребленіе; ихъ было бы не жаль, потому что страна дѣйствительно сдѣлалась бы роскошнѣйшимъ садомъ, тогда какъ еслибы кто вздумалъ бросить деньги на образцовое устройство кольскаго уѣзда, можно пошалуи согласиться, что климатъ сдѣлался бы нѣ десять разъ лучшимъ, но все-таки онъ былъ бы отвратителенъ. Черезъ нѣсколько столѣтій, когда Россія окончательно выступитъ на широкую дорогу свободной дѣятельности и человѣчество найдетъ болѣе выгоднымъ, болѣе сообразнымъ съ здравымъ смысломъ не наешловать природу, а жить съ нею въ согласіи, потомки наши, читая исторію; будутъ удивляться какъ долго и упорно, наперекоръ стихіямъ, Петербургъ оставался многолюднымъ городомъ, тогда какъ онъ первоначально имѣлъ нѣкоторыя условія дальняго авантюста при завоеваніи цивилизаціи, оставался даже въ то время, когда уже Россія много десятковъ лѣтъ владела черноморскимъ берегомъ, гдѣ людинамъ шиветелъ легче, гдѣ солнце дружелюбнѣе смотритъ на землю, гдѣ жители здоровѣе и человѣческая жизнь продолжительнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости все болѣе и болѣе выступаетъ наружу неустовенность Петербурга, какъ многолюднаго центра. Великому становится очевиднымъ, что петербургская, новгородская и псковская губерніи устроены природою не для земледѣлія, тогда какъ большое скопленіе жителей требуетъ съ другой стороны много земледѣльцевъ для своего прокармленія. Хлѣбъ и другіе жизненные продукты достав-

лаются на аванпосты изъ-за тысячъ верстъ, а ближайшія окрестности, за сто, двѣсти, триста верстъ не родятъ и столько хлѣба, чтобъ прокормить самихъ земледѣльцевъ, и на триста верстъ кругомъ едва родятъ достаточно сѣна, чтобы прокормить столичскихъ лошадей. Торговцы знаютъ очень хорошо, что немно добыть курагу для петербургскихъ потребителей не иначе, какъ на разстояніи 200—400 верстъ отъ столицы, что стало-быть мы платимъ за провозъ продукта вдвое болѣе того что онъ стоить на мѣстѣ, да прибавимъ еще что слѣдуетъ на проѣздъ скупщика за товаромъ и обратно. А петербургскіе жители жалуются на дороговизну шовов и все ждуть когда же наконецъ предметы первой необходимости подешевѣютъ. Понятное дѣло, что подешевѣть имъ нѣтъ никакой возможности, а напротивъ, землѣннѣ сильная склонность къ удорожанію. Къ счастью для человечества прешло то время, когда оренбургскій помѣщикъ, приѣхавшій въ Петербургъ судиться шапримѣръ съ бакирцами, живалъ въ столицѣ по нѣскольку дѣтъ и къ празднику получалъ изъ своего имѣнія цѣлые обозы различныхъ съѣстныхъ припасовъ. Теперь онъ разочтеть съ большинствомъ удобствомъ чего будетъ стоить вагонъ подводъ и при каждой по человѣку изъ Стерлитамака въ Штеръ и найдетъ, что продана всѣхъ продуктовъ не окупить и пятой доли цѣны ихъ провоза, тогда какъ встарину, не въ очень далекую старину, крѣпостные мужики *сладками* съ своими лошаденками, съ накладною отъ старости, двѣ тысячи верстъ каждый годъ, и возвращались какъ разъ впору, чтобы приняться за пахату подъ яровое.

Внимательное изученіе сельскаго хозяйства въ различныхъ странахъ показываетъ, что когда трудъ и выборъ труда свободенъ, каждая страна въ своемъ хозяйствѣ слѣдуетъ постоянно однимъ и тѣмъ же законамъ, каждая страна переживаетъ нѣкоторые періоды, при чемъ ни отъ чьей воли, ни отъ какихъ приказаній не зависить пропустить который-нибудь періодъ или сократить его время. Для точнаго исполненія этого естественнаго закона нѣтъ даже никакой надобности въ наукѣ: природа сама распорядится и направляетъ дѣятельность жителей, помимо всякихъ регламентацій и независимо отъ большаго или меньшаго естественнаго плодородія почвы. Сначала страна бываетъ лѣсиста и невозможно съ пользою извлекать изъ почвы ничего, кромѣ лѣсу и его продуктовъ. Такое напримѣръ вологодская губернія, и надо замѣтить, что лѣсное хозяйство въ ней было бы выгоднѣйшимъ даже въ томъ случаѣ, когда она лежала бы въ центрѣ Россіи и была бы точно такъ же мало населена, слабы на душу такъ же какъ теперь приходилось по 38 десятинъ земли. Потомъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, лѣсъ остро-

блается, на мѣсто его является трава, стало-быть средства для прокормленія скота; наступаетъ мало-помалу періодъ скотоводства. Получаемое удобрение даетъ средство распахивать и улучшать почву. Тогда, опять при необходимомъ условіи возрастанія населенія, наступаетъ періодъ хлѣбныхъ растений. И въ первые два періода жители сѣютъ хлѣбъ, но только для себя, не на продажу, вслѣдствіе недостатка сбыта, удаленія отъ многолюдныхъ рынковъ, и главное, по бесплодности почвы. Далѣе, при возрастаніи плодородія почвы, вслѣдствіе заключенія въ ней удобрительныхъ веществъ, когда земля въ обыкновенный среднеевропейскій годъ даетъ отъ 12 до 16 четвертей пшеницы съ десятины, наступаетъ періодъ промышленный, когда уже можно, не боясь истощить почву, сѣять растения промышленности. Наконецъ, когда земля достигаетъ высшей степени дѣльности и производительности, наступаетъ періодъ огородный: плугъ уступаетъ мѣсто лопатѣ, и земледѣліе дальше не идетъ. Встарину, именно когда земледѣліе только-что вошло въ почетъ и удостоилось сдѣлаться предметомъ ученыхъ изслѣдованій, люди думали, что мало прямо накинуться на усовершенствованныя способы, плодотворность, и т. д. Особенно много хлопотали объ этомъ экономическіи общества, не только у насъ, но и въ Европѣ. Тогда множество очень дѣльныхъ и расчетливыхъ людей разорилось на усовершенствованномъ хозяйствѣ даже при крѣпостномъ трудѣ, который дѣлалъ всѣ ошибки гораздо болѣе сносными. Теперь агрономы повалили очень хорошо, что земледѣліе, точно такъ же какъ цивилизація, не дѣлаетъ скачковъ, не нипровизирруется, что всякій прогрессъ долженъ пережить свои возрасты, которые конечно чѣмъ скорѣе проколятся, тѣмъ лучше. Поэтому любопытно слѣдить какъ люди, неимѣющіе понятія о земледѣліи, составляютъ комитеты и съ надлежащею важностью толкуютъ объ усиленіи средствъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ за границу, да еще въдобавокъ о построеніи для этой цѣли желѣзныхъ дорогъ. Это очень похоже на продажу шкуры медвѣдя, который гуляетъ еще въ лѣсу, и на споръ невѣрующихъ, которые въ день брака начинаютъ совѣщаться о томъ, куда они опредѣлятъ своего будущаго сына, въ гражданскую или въ военную службу. Позвольте. Медвѣдь еще гуляетъ, сына еще нѣтъ, а можетъ-быть выйдеть и дочь. И хлѣба тоже еще нѣтъ. Мы до сихъ поръ еще ѣдимъ ржаной хлѣбъ, тогда какъ англичане открываютъ намъ только своихъ свиней; отпущены мы пшеницу сотнями тысячъ четвертей изъ разныхъ портовъ, а въ тоже время нѣкоторымъ изъ нашихъ же губерній недовозятъ ржи, и народъ ѣстъ хлѣбъ, печеный пополамъ съ мякиной. Почему нашъ комитетъ объ усиленіи сбыта хлѣба за границу, по-

тому что нѣтъ у насъ хлѣба. Въ Парижѣ бѣлый хлѣбъ продается по той же цѣнѣ что и въ Петербургѣ. Если же и вывозится онъ насъ, то только въ Англію, и то покупается на спекуляцію, на рискъ, чтобы продать его въ мануфактурномъ городѣ въ тотъ день, когда будетъ стоять хорошая цѣна, по какимъ-нибудь мѣстнымъ торгово-перевозочнымъ замѣнательствамъ. Прошло то время, когда мы съ патріотическою, хотя и нѣсколько забавною горлестію говорили, что Англія безъ нашего хлѣба подохнетъ съ голоду; теперь мы уже очень хорошо знаемъ, что Англія послѣ Бельгій есть самая хлѣбородная сторона въ свѣтѣ, что въ Англіи въ среднѣурожайный годъ недостаетъ своего собственнаго хлѣба всего только дней на семь въ году, и наши сотни тысячъ четвертей, которыми нашъ кажутся такою громадною цѣнрой, назначаются только для покрытія нѣкоторой части этого дефицита. Нѣтъ у насъ хлѣба, и потому, прежде чѣмъ толковать объ усиленіи средствъ его сбыта за границу, надо бы постараться, чтобы его было больше для внутренняго, домашняго обиходу. А хлѣба будетъ больше только тогда, когда заведутся фабрики, разовьется промышленность, а безъ фабрикъ и безъ домашняго сбыта страна никогда изъ періода хлѣбныхъ растений не перейдетъ въ періодъ торговый, когда можно, не боясь истощенія почвы, вывозить хлѣбъ за границу. Нѣтъ у насъ хлѣба, потому что въ Крыму голодь, въ Архангельскѣ голодь, въ Финляндіи голодь, еще въ разныхъ мѣстахъ голодь. Въ нынѣшнемъ году изъ Петербурга вывезено хлѣба всего 371,000 четвертей, ржи и пшеницы. Значительная часть этого количества увезена въ голодающую Финляндію. Не обмароловано еще извѣстій сколько и каковаго хлѣба вывезено въ какіе порты; но положимъ, что въ одну Англію пшеницы доставлено 250,000 четвертей, или 90 милліоновъ фунтовъ. Предположивъ на каждого потребителя по два фунта въ день, этихъ 90 милліоновъ достанетъ только на 45 милліоновъ человѣкъ, а такъ какъ въ Великобританіи жителей 29 милліоновъ, то петербургскаго хлѣба достанетъ тамъ ровно на полтора дня. Цена земли отъ увеличенія народонаселенія не станетъ у насъ падать въ средній годъ отъ 8½ до 12 четвертей пшеницы, рече еще вывезти хлѣбъ за границу, и тѣмъ разорительнѣе, чѣмъ болѣе мы потратимъ труда и денегъ на постройку желѣзныхъ дорогъ для спеціальной цѣли усилить свой вывозъ за границу. Впрочемъ, для иностранныхъ торговцевъ можетъ-быть это и будетъ выгодно.

Комитетъ, обсуживающій способы для усиленія сбыта хлѣба за границу, устроился при вольномъ экономическомъ обществѣ. Это почтенное общество всѣми силами старается быть сколько-нибудь полезнымъ, и никакъ ничего не можетъ сдѣлать. И старается даже;

вать уже скоро его дѣла. Въ послѣднее время затѣяло оно выставку, но всакиі помнитъ что это такое было; истратили нѣсколько десятковъ тысячъ, не составили каталога и даже не могли устроить распорядителя денежною частью дать какой-нибудь отчетъ въ брешенскихъ на устройство выставки деньгахъ. Распорядителемъ вчелъ быше удобнымъ не давать никакого отчета. Кончилась выставка. Наступили внутреннія перемѣны, смѣнился председатель, но секретарь остался; по окончаніи внутреннихъ дѣлъ надо было что-нибудь придумать. Пригласили инженеръ-технолога съ жалованьемъ въ двѣ тысячи рублей, для дренажнаго дѣла. Поняли, что дренажъ у насъ можетъ быть выведенъ только въ петербургскихъ огородахъ, гдѣ онъ и не устроился. Денегъ у общества много, около шестидесяти тысячъ рублей. Что бы такое придумать? Прекрасно, политико-экономическій комитетъ! Стали собираться, разговаривать о политической экономіи, о свободѣ торговли, о вывозѣ къбдъ за границу, какъ-будто мы такъ уже сыты, что намъ некуда дѣвать своего добра. Но эти разговоры еще не дѣло: надо какъ-нибудь умышленно продать нѣкоторые въ распоряженіи капиталы; изъ частнаго лодомская выставка выручила; оказалось, что можно послать на выставку секретаря общества, до нѣкоторой степени извѣстнаго у насъ учителя химіи, и еще другое лицо, редактора изданій общества. Поѣздка довольно увеселительная, потому что денегъ у общества много. Возвратились, какъ водится донесли обществу, что видѣли выставку, кристальный дворецъ, слышали музыку и остались очень довольны. Ну, это дѣло конченное. За что бы еще приняться? Теперь время такое подошло, что помѣщикамъ нушны будутъ управляющіе. Понребуемъ облагодѣтельствовать Россію рекомендаціей отличныхъ управляющихъ, которые въ состояніи будутъ вести хозяйство на новыхъ, вынѣвшихъ началахъ, устроишь бюро управляющихъ. Образовался комитетъ для обсуждения этой гениальной мысли. Рѣшено рекомендовать такихъ управляющихъ, которые будутъ рекомендованы обществу председателями дворянства или помещице какъ тремя членами общества. Но надо было подумать, что рекомендація можетъ быть добыта какими-нибудь заслуженными путями и что стало-быть ей нельзя придать никакого значенія, такъ что остается только записыванье желающихъ заняться управительствомъ. Но на это уже есть различные коммисіонерскіе конторы, такъ что на этотъ разъ общество явилось съ слишкомъ позанимъ предложеніемъ услугъ. Но какже быть-то? Надо же что-нибудь дѣлать; надо заявлять о своемъ существованіи. Да в время такое пришло, что вездѣ по дѣлой Россіи происходитъ преобразовательное движеніе, такъ что совѣтно становиться ничего не дѣ-

зуть. Но дѣло рѣшено! Найдемъ средство выйти изъ бездѣйствія. Слѣдуетъ только назначить издателя, состоящимъ при каждомъ изъ предсѣдателей отдѣленій по чотыреста рублей мѣсячно. Но главное, жизненное дѣло общества состоитъ въ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ особенныхъ записокъ, называемыхъ Mittheilungen волянаго экономическаго общества, собственно для жителей Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. Подъ редакціею знаменитаго библіотекаря общества, г. Юнсона, это изданіе уже много лѣтъ сряду перепечатываетъ статьи изъ германскихъ сельскохозяйственныхъ изданій.

Но къ счастью для волянаго экономическаго общества, въ Петербургѣ учреждается новое общество подъ названіемъ «петербургскій сельско-хозяйственный клубъ». Цѣль этого учрежденія, какъ видно изъ устава, состоитъ въ сближеніи лицъ, занимающихся и интересующихся сельскимъ хозяйствомъ, и въ содѣйствіи усиленію земледѣльческой промышленности въ сѣверной полосѣ Россіи. Съ учрежденіемъ этого клуба экономическое общество избавится отъ значительной доли своихъ заботъ и тогда въ состояніи будетъ посвятить себя исключительно своему главнѣйшему призванію и служить сельскохозяйственнымъ интересамъ одного только остзейскаго края.

Московское экономическое общество, называемое обществомъ сельскаго хозяйства, зашѣтво работаетъ, хотя и ничего не издаетъ на чужихъ языкахъ, не имѣетъ нѣмецкаго библіотекаря и не обладаетъ капиталомъ въ полмиліона. Въ его средѣ устроился комитетъ акклиматизаціи или вѣрнѣе сказать оклиматовація. Первую мысль его учрежденія подалъ г. Богдановъ, и хотя впоследствии оставилъ занятія по этому комитету, однако честь первой мысли и перваго дѣятельнаго двигателя остается все-таки за нимъ. Сначала комитетъ хлопоталъ только о курахъ разныхъ породъ, а теперь приступаетъ къ устройству зоологическаго и ботаническаго сада. Въ распоряженіе комитета оклиматовація отданъ Нескучный-садъ, и привезено уже нѣсколько животныхъ. Первый подарокъ первому русскому зоологическому саду слѣдала Австралія. Два большіе екагуру и одна уаллаби, пушной звѣрь, уже доставлены въ Москву, также какъ и нѣкоторыя австралійскія птицы. Получаютъ комитетъ золотыхъ и серебряныхъ фазановъ, гонко, утокъ манлариповъ, глухарей третьяго одомашненнаго поколѣнія и тетеревей сельскаго. Бобры изъ Литвы и козы изъ Пармы уже доставлены. Профессора московскаго университета объявили намѣреніе прочесть рядъ публичныхъ лекцій въ пользу сада, чтобы вырученная сумма поступила на устройство здания помѣщенія для управленія жи-

вогнанныхъ. Студенты московскаго университета собрали деньги и внесли ихъ въ распоряженіе комитета. Составляются проекты и сдѣлки; комитетъ ходатайствуетъ о предоставленіи въ пользу сада пары зубровъ, что, надо замѣтить, весьма мало. Въ Бюловемской мушѣ въ началѣ нынѣшняго года было 1124 старыхъ и 127 молодыхъ зубровъ, такъ что садъ сѣбло можетъ холатайствовать о получеши трехъ или болѣе паръ зубровъ, что вовсе не будетъ много для опытовъ прирученія и скрещиванья, а правительство конечно не можетъ не отказать, имѣя въ виду ожидаемую пользу. Мнѣ суммъ министерства государственныхъ имуществъ высочайше повелѣно отпустить ежегодно на тоже дѣло по двѣ тысячи рублей; многія частныя лица явились съ пожертвованіями, такъ что къ наступающей веснѣ комитетъ надѣется приступить къ работѣмъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ нужно для начала около двадцати-пяти тысячъ рублей, и потомъ ежегодно до шести тысячъ рублей. Безъ сомнѣнія въ Москвѣ найдутся жертвователи, которые поддержать предпріятіе столь важное и полезное. На это можно надѣяться тѣмъ болѣе, что въ прошломъ году на устройство публичной библиотеки частное же лицо пожертвовало двадцать-пять тысячъ рублей.

Московскій зоологическій садъ, который конечно будетъ называться въ народѣ просто зафриценцъ, сдѣлается великолѣпнымъ учрежденіемъ для изучающихъ естественныя науки и въ тоже время превосходнымъ, практическимъ нагляднымъ курсомъ для народа. Если полезно разсматриванье хорошихъ картинокъ, изображающихъ животныя, то уже несравненно полезнѣе прогулка въ Зооучастномъ; ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ разнообразіе видѣнныхъ имъ предметовъ, да ежели при этомъ невозможно грамоты, да нѣсколько хорошихъ народныхъ книгъ, то народъ быстро движется впередъ, потому что основаніе его развитію положено прочное и ненарушимое 19 февраля 1861 года.

По мнѣнію К. Каткова образованіе народа должно находиться въ рукахъ государства; оно убѣждаетъ, будто вопросъ о народномъ образованіи есть вопросъ между государствомъ и церковью. Въ отвѣтъ на это стоить указать только на цыгору. Въ семнадцати губерніяхъ по селеніямъ временно-обязанныхъ крестьянъ до половины числа было 1209 школъ, а къ концу ноября нынѣшняго года ихъ было 4708 съ 66988 учениками и 7504 учителями. Это еще не очень много, но увеличеніе все-таки поучительное. Въ двадцать вѣсцовъ число школъ, безъ особенныхъ усилій со стороны правительства, безъ специальныхъ усилій со стороны государства, число школъ увеличилось. Тутъ же замѣчается и от-

дѣтъ на очеровательно-налицый вопросъ г. Каткова : чтоже такое назвать русское безлѣтствіе по части народнаго воспитанія? Говори спеціальнѣе, гдѣ причины того факта, что въ насѣмъ престолярномъ такъ мало распространена грамотность? Дѣло простое и въ высшей степени понятное, если только вспомнить, что после освобожденія крестьянъ количество деревенскихъ школъ въ какіе-нибудь двадцать мѣсяцевъ учетверилось, стало-быть народное воспитаніе или правильнѣе образованіе не шло впередъ вследствие существованія крѣпостной зависимости, а какъ только эта зависимость уничтожилась, такъ образованіе и пошло само собою, какъ вода изъ прорванной плотины, безъ всякаго коопшенія и безъ особеній.

Но подобною очевидностью г. Катковъ не удовольствуется. Онъ не затѣмъ дѣлаетъ свои повидимому только наипаче вопросы, чтобы найти имъ вѣрное рѣшеніе, а чтобы натянуть на нихъ заранѣе готовый отъѣтъ. Съ весьма ловкою діалектикой, г. Катковъ какъ-будто знаетъ правды. «Въ нашихъ ученыхъ разсужденіяхъ сперва ученій пользуеть необыкновенно скромно, начинается робко, утиховеренно, начинается самымъ смѣреннымъ вопросомъ: не оттуда ли?..» Это Гоголь говорить по повелю просто пріятной дамы и дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, когда онѣ догадками ловили до убѣжденія, что Павелъ Ивановичъ хотѣлъ увезти губернаторскую дочку. Сначала г. Катковъ, ученый, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, всѣ ли племена и подраздѣленія племени Россіи одинаково малограмотны? И отвѣчаетъ, что всѣ грамотнѣе православныхъ, не раскольниковъ, и находятъ, что этотъ фактъ обличаетъ какую-нибудь важную органическую болѣзнь русскаго православнаго общества. Какая же это болѣзнь? И перебираетъ разные болѣзни: азіятцы мы? Но татары тоже азіятцы, а они грамотнѣе насъ. Неспособны мы? Нѣтъ, способны: славяне другихъ исповѣданій грамотнѣе насъ. Русскіе мы? Но раскольники тоже русскіе, а съ грамотой знакомы. Православіе развѣ враждебно грамотности? Нисколько: низшее *духовство* и теперь *служитъ* главнымъ распространителемъ грамотности. Государство развѣ враждебно просвѣщенію? Нѣтъ: оно не мѣшало просвѣщенію финновъ, евреевъ, татаръ. Бѣдность? Крѣпостное право? Нѣтъ: — государственные крестьяне не были крѣпостными, а они тоже безграмотны. Правительственная опека, отвѣтственность инициативу? не это не помѣшало же нашимъ школамъ быть грамотнѣе насъ. Стало-быть болѣзнь заключается во взаимномъ отношеніи, установленномъ между русскими государствомъ и православною церковью... Народное образованіе находится въ тѣснѣйшей связи съ церковью и зависитъ преимущественно

БИБЛИОГРАФІЯ

Изъ исторіи пресобращеннаго владыица.
Москва. 1862.

**Житіе претепена Аввакума, ииъ самияъ
написанное.** Издаю подь редакцію г. Тихонравова.
Спб. 1862.

О русскомъ народѣ существуютъ весьма многія мнѣнія. Каждый слой общества, каждое сословіе, каждый литературный кружокъ, каждый отдѣльный талантъ большею частію смотрятъ на русскаго человѣка своими особенными взглядами, которые не только различны, но часто и противоположны одинъ другому. Одни считаютъ его народомъ самымъ религіознымъ, другіе, какъ напримѣръ Бѣлинскій, не признаютъ въ немъ этого качества; одни считаютъ народъ темною массою, въ которой элементы семейной и общественной жизни сбиты, не выяснены, находится въ хаотическомъ броженіи, такъ что двинуть его впередъ, облагородить можетъ только общечеловѣческая, европейская цивилизація; другіе, напротивъ, что европейская цивилизація для насъ не годится, узка, что наше развитіе, выходя изъ *особенныхъ* самобытныхъ началъ, должно идти и впередъ особеннымъ самобытнымъ образомъ; одни, именно говоряще, что европейская цивилизація для насъ узка, горячо вѣрятъ и кричатъ о богатствѣ и широтѣ самобытныхъ элементовъ русской жизни и русской природы и на первый разъ, какъ на доказательство этого, указываютъ напримѣръ на всѣмъ извѣстную способность русской природы быстро переходить изъ крайности въ другую и вмѣщать въ себѣ часто самыя противоположныя свойства; другіе мало вѣрятъ въ самобытность и ширину собственно русскихъ элементовъ жизни и считаютъ ихъ не исключительнымъ нравственнымъ богатствомъ русскаго народа, а общою принадлежностью всякаго народа въ его дикомъ, примитивномъ,

неразвитомъ состояніи, признавая вообще за всѣмъ, что всеніи народъ одинаково богатъ естественными силами. Подобныя мнѣнія очевидно показываютъ, что русскій народъ есть пока еще загадка для насъ, что этотъ таинственный и страшный сонникъ еще ждетъ своего Эдипа, который бы вполне разгадалъ его; это прежде всего. Далѣе, подобныя мнѣнія, мнѣя каждое на своей сторонѣ доказательства, иной разъ весьма серьезныя и состоятельныя, а между прочимъ будучи несогласны между собою и даже противоположны, показываютъ, что мы ни до чего не дойдемъ, если только будемъ составлять о народѣ свои мнѣнія, будемъ умствовать о немъ, дискутировать между собою и мало обращать вниманія на то, какъ самъ народъ умствуетъ о себѣ и понимаетъ себя. Гдѣ же это умствование народа о себѣ, гдѣ выраженіе его собственнаго пониманія своей жизни?..

Между прочимъ въ расколѣ.

Съ этой стороны расколъ есть знаменательнѣйшее и крупнѣйшее явленіе русской жизни. Расколъ не былъ навлеченъ нашему народу извнѣ, какъ большая часть крупныхъ явленій его исторической жизни, а органически возникъ изъ самаго народа только среди чуждыхъ ему явленій; расколъ самъ по себѣ есть самое живое, свергаческое отрицаніе этихъ чуждыхъ ему явленій. Если доходить до сущности налага раскольническаго толка и согласія, то подобное отрицаніе въ каждомъ изъ нихъ окажется главнѣйшъ скрытымъ рычагомъ. Расколъ — это созваніе народное. Прошло то время, когда на расколъ смотрѣли какъ на жалкое, безсмысленное явленіе фанатическаго изуверства, когда думали, что расколъ можно задавить механическою силою, когда писались къ раскольникамъ умилительныя посланія объ ихъ обращеніи и посланія полемическія съ восклицаніями и соболтвованіями объ ихъ невѣжествѣ; главною мыслью которыхъ всегда было наивнѣйшее и искреннѣйшее убѣжденіе со стороны писавшаго, что они спорать изъ-за пустяковъ. Прошло то время когда принимали за аксіому, что при первомъ блескѣ просвѣщенія расколъ исчезнетъ, какъ мракъ. Расколъ однакожь не исчезъ, даже и отъ цивилизаціи, потому что онъ самъ есть своего рода цивилизація, и господа думаютъ, что расколъ бунтуетъ цивилизаціи и есть явленіе противоположенія ей, весьма узко понимаютъ цивилизацію народа вообще. Гдѣ народъ сплачивается даже во имя какихъ бы то нибыло интересовъ, гдѣ между его членами создается общность цѣлей и существуетъ общность преслѣдованія этихъ цѣлей, гдѣ народъ движется и не презираетъ стихомолку, а даетъ замѣтить и почувствовать, что

они живут и дѣлать известное дѣло, тамъ вѣтъ, если хотите, нашей цивилизаціи, но вѣтъ и застои, вѣтъ и отсутствія цивилизаціи вообще, потому что есть движеніе по известной дорогѣ и въ самомъ движеніи существуютъ какъ удобства, такъ и неудобства, какъ преграды, такъ и стремительные толчки.

Прошло уже и то время, когда на расколъ смотрѣли только какъ на *религіозное* явленіе и относились къ нему немнѣе, какъ въ интересахъ охраненія православія; доказательствомъ служатъ то, что уже и духовенство наше начинаетъ соображать, что въ расколѣ кромѣ двуперстного знаменія, сугубой аллилуи и хожденія по-солоню, есть еще кое-что, мелкость и ничтожность чего уже не такъ легко доказать. Даже наши духовный академіи охладѣли въ приготовленіи миссіонеровъ для обращенія раскольниковъ, видя, что они, совсѣмъ не понадаютъ въ цѣль, хотя самый расколъ продолжаетъ изучаться въ нихъ даже основательнѣе и серьезнѣе прежняго. Что расколъ собственно хлопотеть не изъ-за старопечатной буквы, не изъ-за дощиконосной книги, не изъ-за оскуднѣнія у себя благодати священства, а широко захватываетъ собою весь строй частной и общественной жизни, объ этомъ каждому краснорѣчиво и убѣдительно скажетъ любая статья г. Щанова о расколѣ. И неспециалисты слышали наиримѣрь, что раскольники клеймятъ ненавистнымъ именемъ антихриста не священниковъ только и не христіанъ православныхъ, насколько они держатся никоніанской вѣры, а и совершенно внѣ религіозной сферы видятъ печать антихристову, наиримѣрь въ оттискахъ на монетахъ, въ штемпеляхъ на паспортахъ и проч. Что расколъ видимо держитъ только религіозное знамя, это понятно исторически. Народъ, котораго мало коснулась цивилизація, всегда подымается во имя религіи, потому что религія, какъ высшая сверхъестественная сила, предъ которою ни можетъ не преклоняться непосредственный человѣкъ, становится всегда поминку его воли такъ — сказать главнымъ и общимъ знаменателемъ его жизни, и потому во всѣхъ своихъ начинаніяхъ народъ концентрируется во имя религіи и ориентируется ирежде всего ея знаменемъ. Но въ то же самое время исторія всѣхъ народовъ даетъ намъ тотъ историческій законъ, что въ религіи первоначально всегда бываютъ сосредоточены и всѣ вообще элементы жизни народа, что они выдѣляются немнѣе, какъ изъ религіи и что дальнѣйшее и окончательное ихъ развитіе и состоитъ въ уясненіи ихъ отдѣльности отъ религіи по самой ихъ природѣ и затѣмъ въ совершенномъ фактическомъ отдѣленіи. Такимъ образомъ, поднимая религіозное знамя, народъ никогда не поднимаетъ его собственно за религіозные интересы, а за всю свою жизнь; такимъ образомъ и въ нашемъ расколѣ

Нашъ народъ высказывается не со стороны религіозныхъ только своихъ убѣжденій, а съ разныхъ сторонъ своей жизни.

Понятно, что всякая книжка о расколѣ всегда бываетъ полна серьезнаго интереса и заслуживаетъ вниманія. Маленькія книжки по части раскола, которыхъ заглавія мы выписали выше, заслуживаютъ вниманія особенно въ томъ отношеніи, что знакомятъ насъ съ двумя знаменитыми представителями раскола: основателемъ особенной общины въ безпоповщинской сектѣ Федосѣевцевъ, общины, извѣстной подъ именемъ «преображенскаго кладбища», купцомъ *Ильео Ковылинымъ*, и знаменитымъ учителемъ изъ другого лагеря — поповщины, *протопопомъ Авакумомъ*. Особенно замѣчательна личность Ильи Ковылина. Вообще онъ былъ человекъ съ свѣтлою здоровою головою, притомъ въ частности былъ учредителемъ особенной раскольнической общины, а вслѣдствіе этого обстоятельства мы ясно какъ на ладони можемъ увидѣть всѣ важнѣйшія его стремленія и мечты. Съ этой стороны Илья Ковылинъ есть какъ бы типъ русскаго человекъ, болѣе или менѣе уединеннаго отъ всего наноснаго извнѣ и развернушаго по своей собственной натурѣ; онъ болѣе другихъ расколуучителей и вожаковъ можетъ быть признанъ олицетвореніемъ общаго смысла раскола. Поэтому весьма любопытно прослѣдить нѣкоторыя дѣйствія Ковылина и вообще подвести итогъ его стремленіямъ, угадать ихъ настоящее значеніе.

Безпоповщина раскола сначала была сосредоточена преимущественно въ поморской сектѣ, которую поддерживали таланты и усилія двухъ учителей, братьевъ Денисовыхъ и которая гнѣздилась въ пресловутомъ выгорѣцкомъ монастырѣ. Скоро въ этомъ монастырѣ возникли несогласія по поводу вопросовъ касательно тѣла на крестѣ Іисуса Христа и пищи, покупаемой на торгу у православныхъ, и нѣкто Федосій, дьячокъ крестецкаго яма, возмущившись особенно тѣмъ, что поморяне, въ 1739 году, по случаю извѣстной комиссіи Самарина, сдѣлали постановленіе молиться за царя, и прозвавши въ насмѣшку поморянъ самарянами, — совершенно отдѣлился отъ выгорѣцкаго монастыря со многими своими послѣдователями. Федосѣевцы сначала были въ жалкомъ положеніи: были разсѣяны по Россіи, Польшѣ, Австріи и Пруссіи и особенное презрѣніе возбуждали собою въ Москвѣ, гдѣ они были отмѣчены позорнымъ желтымъ козыремъ. Но вотъ ихъ таинственныя собранія по ночамъ на берегу Хапиловскаго пруда обратили на себя вниманіе Ильи Ковылина, и община Федосѣевцевъ скоро приобрѣла огромное вліяніе на всю безпоповщинскую секту, исключая и поморянъ. Чтоже хорошаго нашолъ Ковылинъ въ этихъ презираемыхъ всѣми люляхъ? Ради чего присоединился къ нимъ? Ужь

конечно не ради ученія ихъ о томъ, что міръ созданъ не въ январѣ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, потому-де, что Ева соблазнила Адама спѣлымъ яблокомъ, и что слѣдовательно міръ былъ сотворенъ когда уже яблоки поспѣли; ужъ конечно не ради этого... Ковылинъ сейчасъ выяснитъ предъ нами. Ковылинъ хорошо повалъ двѣ истины: что устроить общину федосѣевцевъ онъ можетъ главнымъ образомъ тогда, когда поможетъ ей отыскать *матерьяльную точку опоры* и по возможности изодировавшись отъ вліянія officialнаго, государственнаго и общественнаго порядка. Преслѣдованію и достиженію этихъ двухъ цѣлей Ковылинъ посвятилъ всю свою жизнь, всѣ свои силы и средства; что же касается собственно того или другаго ученія общины, то Ковылинъ занимался имъ уже послѣ всего. Для достиженія первой своей цѣли, Ковылинъ съ рѣдкимъ умѣньемъ воспользовался тогдашними обстоятельствами. Насталъ страшный для Москвы 1771 годъ, годъ чумы. Ковылинъ съ купцомъ Зельковымъ испросили у правительства разрѣшеніе построить карантинныя для осмотра всѣхъ выходящихъ изъ Москвы и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы. Тысячи больныхъ въ этихъ карантиннахъ получали хорошую пищу; тутъ не гнушались большими и мертвыхъ хоронили съ честью. Составитель книжки о преображенскомъ кладбищѣ то и дѣло говоритъ только о коварныхъ намѣреніяхъ Ковылина и упускаетъ изъ виду дѣйствительныя его заслуги Москвѣ, гдѣ множество гниющихъ труповъ покрывало улицы, заражало воздухъ и гдѣ карантинъ и кладбище Ковылина были громаднѣйшимъ благодѣяньемъ народу, противодѣйствуя распространенію чумы. Такъ какъ Ковылинъ никому не отказывалъ и каждый приходившій могъ жить въ его заведеніи и пользоваться всѣмъ необходимымъ, то у него собралось громаднѣйшее количество народа, большая часть котораго осталась у Ковылина навсегда. Составитель книжки опять коритъ Ковылина тѣмъ, что народъ оставался у него «подъ страхомъ смерти отъ голода и заразы, и которая казалась неизбѣжною, если онъ оставитъ Ковылина (стр. 11), и что Ковылинъ не упустилъ случая совратить ихъ въ расколъ...» Но если народъ не шолъ отъ Ковылина, то не потому же, что Ковылинъ удерживалъ его у себя силою; народъ могъ идти отъ него, какъ многіе и дѣлали, а другіе, если оставались у Ковылина хоть бы «подъ страхомъ смерти отъ голода или заразы», то значить *сами находили* лучшимъ оставаться у Ковылина. Если кто соглашался оставаться въ общинѣ Ковылина, Ковылинъ старался получить его согласіе на обращеніе его имущества въ *общую собственность* кладбища. Отъ этого образовался огромнѣйшій капиталъ, которымъ Ковылинъ распоряжался самымъ чест-

вымъ и гуманнымъ образомъ. Неголько онъ самъ, даже люди, занимавшіеся по порученію его перевозкою имущества, «считали смертнымъ грѣхомъ утаить что-либо (стр. 17)». Ковылинъ вылавлялъ значительныя ссуды падающимъ купеческимъ домамъ, содѣйствовалъ оборотамъ многихъ капиталистовъ и чрезъ это приобрѣталъ себѣ многочисленныхъ и вѣрныхъ друзей. Болѣе десяти тысячъ прихожанъ въ кладбища пользовались отъ него значительными вспоможеніями. Въ такъ-называемой дѣтской палатѣ Ковылинъ воспитывалъ двѣсти малолѣтнихъ дѣтей. Своею честностью и взглядомъ на богатство кладбища какъ на дѣло *общее*, Ковылинъ достигъ того, что каждый годъ получалъ съ разныхъ концовъ Россіи огромныя запасы пищи и одежды. Изъ Астрахани купецъ Песковскій и изъ Саратова купецъ Прадильшиковъ на пятидесяти подводкахъ ежегодно доставляли Ковылину лучшую рыбу; изъ Углича купецъ Хорхоринъ доставлялъ масло; даже совершенно сторонніе люди, приходя на богомолье и видя, что на кладбищѣ все идетъ на *пользу общую*, добровольно обрабатывали огороды, которые доставляли на круглый годъ запасъ овощей. Громадная сила братства во всемъ и общности, которая такъ была присуща Ковылину, которую онъ такъ хорошо понималъ, созналъ и поднялъ на ноги, сдѣлала то, что со всѣхъ сторонъ, начиная съ петербургскаго купца Косцова, неслись къ Ковылину просьбы устроить и у нихъ такія же общины, и онъ дѣйствительно устроилъ ихъ до десяти и всѣ сплотилъ между собою во едино.

Основавши кладбище, выстроивши огромныя зданія, учредивши училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, Ковылинъ неменѣе заботился и о другой своей цѣли — ослабить по возможности вліяніе на свою общину официальнаго порядка. Ковылинъ понималъ всю силу этой потребности и не щадилъ для нея никакихъ средствъ, никакихъ трудовъ. Будучи въ дружбѣ со многими вельможами Москвы, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно на обѣдахъ у себя, выпрашивалъ у нихъ льготы для своей общины, казавшіяся для вельможъ ничтожными, но въ сущности очень важныя для кладбища. Такъ онъ выхлопоталъ право считаться своей общинѣ только заведеніемъ гражданскимъ, чрезъ что освободилъ кладбище изъ-подъ вліянія духовенства, особенно отъ вліянія главнаго врага своего, московскаго митрополита Платона и оставилъ ее въ подчиненіи только *полицейскаго* надзора, — право имѣть кладбищу свое внутреннее *самоуправленіе*, право не числиться федосѣвцамъ въ метрическихъ книгахъ православныхъ приходоу, для чего Ковылинъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ и со слезами обвинялъ колѣни князя К—на, право самому кладбищу распорядиться завѣщанными ему

движимыми и недвижимыми имѣніями. Подобные хлопоты о приобрѣтеніи кладбищу полнѣйшей автономіи были главнѣйшимъ дѣломъ жизни Ковылина и ради этого дѣла ему болѣе всего не хотѣлось умереть: «еслибъ мнѣ пожелось подолѣе, часто говорилъ оъ своимъ близкимъ друзьямъ: — я показалъ бы всѣмъ что могъ бы я сдѣлать (стр. 21)». Когда нельзя было помочь своему дѣлу официальнымъ путемъ, Ковылинъ помогалъ ему домашнимъ. Вся тогдашняя московская полиція была на жалованьи преображенскаго кладбища; не одинъ вельможа знакомъ былъ съ червонцами Ильи Алексѣича (Ковылина), который ради общаго дѣла часто посылалъ имъ пироги, начиненные червонцами. Тогдашнія власти не любили отказываться отъ подобной золотой середины, благосклонно смотрѣли на запскиванье Ильи Алексѣича, который впрочемъ вмѣстѣ съ запскиваньемъ, если не прямо презиралъ ихъ, то часто открыто смѣялся надъ ними. Такъ напримѣтъ «одинъ разъ вельможные гости такъ сильно подгуляли у Ковылина, что не замѣтили, какъ онъ разсадилъ ихъ шутки ради по чужимъ экипажамъ: губернатора посадилъ въ карету оберъ-полиціймейстера, этого также въ чужую и т. д. Кучера развезли баръ и разумѣется каждый изъ нихъ попалъ въ чужой домъ. И эта дерзкая продѣлка не имѣла никакихъ худыхъ послѣдствій для Ковылина; никто не посѣтовалъ, но тѣшились сему смѣшенію весьма долго, благодаря Илью Алексѣича за угощеніе (стр. 20, прим.).»

Вообще федосѣевцамъ было весьма не по вутру официальное *statu quo*, окружавшее ихъ; въ 1812 году они посылали посольство къ французскому императору просить его покровительства, которое Наполеонъ и принялъ.

Что касается ученія федосѣевцевъ, то представляя нѣсколько оригинальныхъ частныхъ и одну-другую глубокую жизненную идею, оно не составляетъ собою ничего цѣльнаго. Ковылинъ очень хорошо понималъ, что не въ этомъ собственно сила его общины, какъ и вообще, прибавимъ мы отъ себя, сила раскола. Извѣстно, что расколъ съ совершенною терпимостью относится къ различнымъ религіознымъ воззрѣніямъ въ своей средѣ; отсюда безчисленныя дробленія раскольниковъ на секты, толки и согласія, и еслибы въ этомъ была сила раскола, то, дробясь на мелкія части, онъ необходимо распался бы и давно бы не существовалъ. Въ самой преображенской общинѣ существовало разногласіе въ ученіи, однакожь община была страшно сильна. Изъ правилъ постоянное значеніе имѣло — не молиться за царя «страха ради Самарина», такъ что когда Ковылинъ, желая приобрѣсть кладбищу покровительство государя Александра I, хотѣлъ ходатайствовать о переименованіи

преображенскаго богатыннаго дома въ александровскій, то мѣщанинъ Кондрать Федотовъ возсталъ противъ этого и даже совсѣмъ отдѣлился со многими отъ кладбища. Напрасно составитель книжки о преображенскомъ кладбищѣ говоритъ, что Ковылинъ проповѣдывалъ постъ и воздержаніе и укоряетъ его въ лицемѣрїи по поводу того обстоятельства, что онъ посѣщалъ одинъ богато отдѣланный на его счетъ домъ въ лефортовской части, въ которомъ жила нѣкая мѣщанка Анна Дмитріевна. Ковылинъ тутъ не лицемѣрилъ, а постуналъ по ученію Федосѣевцевъ, у которыхъ бракъ почитался установленіемъ нечестымъ и которымъ позволялось имѣть наложницъ, «да не обуреается человекъ нечестымъ помысломъ». Весьма любопытны наставленія одного Федосѣевского наставника другому какъ обращаться съ пасомыми; Гнусинъ говорилъ Семену Кузьмину: «терпи, если найдешь ихъ отпаденіе, потворствуй, втроишь молодыхъ, протпвпящихся старикамъ. Чѣмъ чаще будешь отпущать имъ согрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они привержены будутъ къ согласію. Что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ по одной женѣ, да и ту не смѣй кинуть! Отвержай вхожденіе на ложе мужское женщанамъ и дѣвамъ, и тебя почтутъ мужи и ты вознесешься. А пойдешь противъ, визринешься, падешь, полетишь на крылу вѣтреню». (стр. 55.)

Вообще книжка «изъ исторїи преображенскаго кладбища», знакомя насъ съ замѣчательнѣйшею личностью раскольника — Ильею Ковылиннымъ и однимъ изъ большихъ центровъ раскола — преображенскою общиною, проливаетъ весьма много свѣта на расколъ вообще.

Какъ книжка, о которой мы сейчасъ упомянули, знакомитъ насъ преимущественно съ типомъ раскольника-практика, такъ «Житіе протопопа Аввакума» знакомитъ насъ съ типомъ раскольниковческаго учителя.

Обыкновенно объ этомъ житїи, написанномъ самимъ протопопомъ Аввакумомъ, думаютъ, что оно отъ первой страницы до послѣдней наполнено самою безцеремонною ложью и мелкими злонамѣренными клеветами на православныхъ христіанъ и Никона. Въ этомъ нельзя не усомниться, во первыхъ потому, что житіе свое протопопъ Аввакумъ писалъ по просьбѣ своего духовнаго отца, инока Епифанія, о чемъ самъ нѣсколько разъ говоритъ въ своемъ житїи; во вторыхъ, читая самое житіе, мы видимъ, что оно написано въ высшей степени просто, безхитростно, наивно, что въ немъ не скрыто много такое что совсѣмъ не служить въ пользу протопопа Аввакума, и что при его намѣренїи лицемѣрить и плутовать — непременно былобы скрыто. Правда, въ житїи много есть лжи, но это ложь искренняая, не злонамѣренная, а бессознательная; ясно слышится,

что говоря такую ложь, протопопъ Аввакумъ искреннѣйшимъ образомъ былъ убѣжденъ, что говорить правду. Въ своемъ писаніи протопопъ Аввакумъ рассказываетъ напримѣръ о многихъ чудесахъ, случившихся въ его жизни; но рассказываетъ такъ искренно и подробно, что у васъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что авторъ самъ отъ всего сердца считалъ ихъ чудесами, а не выдаетъ только ихъ за чудеса. Вотъ напримѣръ чудо по поводу курицы протопопа Аввакума.

• Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На партѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придеть. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублей при ней плюново дѣло! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава-богу вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У болырини куры всѣ пересѣлиши и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея; надобны ей куры; молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ дѣсь сбродилъ, корыто имъ слѣгалъ изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ выпѣли и исправилси по вѣрѣ ея. Отъ того-то племени и наша курочка была, да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣтельствовали и пѣли о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще и человѣка ради (46—47 стр.).

Вы ясно видите, что по поводу своей курочки почтенный протопопъ городитъ вздоръ, но вздоръ искреннѣйшій, который весьма далекъ отъ обманѣ; очевидно также, что тутъ и искренность не сочиненная, не поддѣльная, какъ это часто бываетъ, а настоящая. Слѣдующее мѣсто особенно ясно можетъ убѣдить кажлаго, что протопопъ Аввакумъ проповѣдывалъ свое ученіе и совершалъ свои дѣла вполне по чистой совѣсти, искренно, а не двоедушно, слѣдовательно, собственно говоря, ни недѣлюстей ихъ ученія, ни мрачныхъ ихъ дѣлъ нельзя ставить имъ въ укоръ, а можно только жалѣть о нихъ.

Рассказавши, какъ однажды въ Сибири по молитвѣ своей онъ, протопопъ Аввакумъ, нашолъ прорубь, на озерѣ и утолилъ свою жажду, онъ говоритъ:

• Да и въ прочіи времена въ волокитѣ (въ странствованіи) моеи

такъ часто у меня бывало. Идучи или варту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ прашило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню, или часы, что прилучится; а буде въ людехъ бываетъ неизвратно в станихъ на стану, а не по мнѣ товарищи и правила моего не любятъ, и идучи мнѣ нельзя было исполнять: и я, отступя людей, подъ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а ино и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правилца проговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ санахъ ѣдучи въ воскресные дни, на подворьяхъ всю воскресную службу пою; и въ рядовые дни въ санахъ ѣдучи пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизвратно, и я хотя немножко, а таки поворчу; яко же тѣло алчуще жагаетъ ясти и жаждуще жагаетъ пити: тако и душа, отче мой Епифаніе (обращеніе къ духовному отцу), брашна духовнаго жагаетъ: не гладь хлѣба, не жажда воды погубляетъ человѣка, но гладь велий человѣку, еже, Богу не моляся, жити. (стр. 67 — 68).

Вообще у протопопа Аввакума что на умѣ, то и на языкѣ, то и въ житіи. Онъ говоритъ и о томъ, что отецъ его «велими прилежаше питія хмѣльнаго», и о томъ, что изъ чрева его сына въ одну пору вышелъ глнстъ въ три аршина, а въ другую въ пять аршинъ, что бѣдовая протопопица его повалилась однажды на льду и на нее набрелъ какой-то человѣкъ и тоже повалился и оба кричатъ, а встать не могутъ и т. п. Подобнаго рода частности не могутъ быть придуманы и говорятъ много въ пользу искренности всего житія протопопа Аввакума.

Нельзя не вывести изъ житія протопопа Аввакума одного весьма важнаго замѣчанія, именно, что какъ учитель, протопопъ Аввакумъ дошелъ до крайняго фанатизма въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, именно отъ ярости, съ какою преслѣдовали и мучили его гражданскія власти. Бѣдный протопопъ столько претерпѣлъ физическихъ мукъ, столько вынесъ пытокъ и побоевъ, что кажется ни одна кость его не могла уцѣлѣть, ни одинъ членъ тѣла не могъ остаться неизуродованнымъ. Естественно было ему, котораго побоями заставляли перемѣнить мысли, самому постепенно привыкать все болѣе и болѣе быть упрямымъ въ нихъ, не принимать въ соображеніе никакихъ резоновъ и слѣпо отстаивать и пропагандировать то, что разъ, такъ или иначе попало въ голову. Протопопъ Аввакумъ самъ сознавалъ это. Онъ говоритъ:

«... И прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили, да пекли: Исаію сожгли и неслѣ Авраамія сожгли и иныхъ побривниновъ церковныхъ многое множество цогублено, въ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ-то въ

познаніе не хотятъ прійти : огоньъ , да кнутомъ , да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить ! Которые-то апостоли научили такъ ? Незнаю. Мой Христось не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить , еже бы огоньъ , да кнутомъ , да висѣлицею въ вѣру приводить . Татарскій богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ : аще непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити . Нашъ Христось своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ , а тѣ учителя явны яко и сами антихристовы , которые , приводя въ вѣру , губятъ и смерти предають : по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же . (стр. 94).

Вообще въ житіи протопопа Аввакума слышна сила простоты, сила искренности и крѣпкой вѣры въ истину и непреложность своихъ убѣжденій, которую сознаеть самъ протопопъ, говоря, что онъ «аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ», и которая кромѣ этого всегда неразлучна съ живымъ, одушевленнымъ чувствомъ; отъ этого въ житіи, несмотря на общую грубоватость его тона, попадаются иной разъ чисто-поэтическія сравненія, которыхъ нѣтъ интереса приводить тутъ, и весьма живописные обороты рѣчи и выраженія; напримѣръ «власти яко козлы пырскать стали на меня», говорить въ одномъ мѣстѣ протопопъ. Отъ этого повято, какое чарующее вліяніе могли имѣть на раскольниковъ подобныя напримѣръ слова протопопа Аввакума и по природѣ «мужа огнеопальныя ревности», да еще доведеннаго мученіемъ до фанатическаго изступленія :

• Нутко, правовѣрные ! нарцы иня Христова, стань среди Москвы, перекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріяхъ отъ святыхомъ отецъ ! Вотъ тебѣ царство небесное и дома родилось : Богъ благословить ; мучися за сложеніе персть , не разсуждай много , а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ . (стр. 95).

Книжка издава г. Тихонравовымъ чисто и вполне добросовѣстно.

Нищія на святой Руси. Матерьялы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Соч. Ив. Прыжова. Москва. 1862.

Бѣдность, это грѣхъ общества, гражданскій порокъ народа ; по отношенію къ сивичному лицу, онъ — несчастіе. Нищенство — это сознательное шарлатанство и религіозная добродѣтель, которая держится фальшивыми понятіями общества.

Тамъ, гдѣ не люди ищуть труда и не находятъ, а самъ трудъ ищетъ людей, тамъ бѣдность должна быть слишкомъ исключительнымъ положеніемъ ; но тамъ, гдѣ люди тщетно врасширають руки

ища труда, бѣдность есть явленіе неизбежное, и бѣдность вопіющая, какъ бы законная и оканчивающаяся самымъ крайнимъ нищенствомъ.

Бѣдность — это состояніе ложно-поставленной въ обществѣ личности; нищенство — это свойство личности развращенной.

Тамъ, гдѣ община составляетъ сущность народа, бѣдность возмутительна, а нищенство не можетъ быть фактомъ народной жизни и необходимо должно имѣть особенный смыслъ.

Тамъ, гдѣ человѣкъ еще чуть рождается, а ему отводится уже извѣстная часть земли, не должно быть ни бѣдныхъ, ни нищихъ; должны быть только довольные.

Вотъ какія мысли родились у насъ, при взглядѣ на книжку г. Прыжова. Для насъ было весьма интересно знать какъ г. Прыжовъ объяснитъ нищенство на святой Руси. По многимъ нашимъ соображеніямъ выходило, что нищенство собственно явленіе не русской жизни, и что ему собственно у насъ-то и не слѣдовало бы быть, а между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, нищенство у насъ — дѣло обыкновенное. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ, во многихъ болѣе значительныхъ городахъ, куда бы вы ни пошли, вы непременно встрѣтите нищаго. Въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ проходу отъ нищихъ. Нѣтъ человѣка, къ которому бы не протягивались ихъ руки; нѣтъ человѣка, который бы не приглядѣлся къ нимъ. И вотъ всѣ мы до того приглядѣлись къ обыкновенному явленію, къ нищамъ, что никогда не думали серьезно что это за люди. Правда, каждый изъ насъ про себя какъ-будто держится извѣстнаго мнѣнія о нищихъ: кто думаетъ, что это народъ-плуть, дармоѣдъ, безыравственный, а кто, что это народъ божій, святой и потому полезный не только для земли, но и для неба; нѣкоторые даже думаютъ, что это вообще народъ достойный, богатый, даже народъ, миллионеръ; но почти никто не увѣренъ вполне въ своихъ мысляхъ о нищихъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ одни волжико-экономы. Въ литературѣ о нищихъ тоже молчали, потому что вообще наша литература, если оставить въ сторонѣ ея разлагаемость, на дѣлѣ серьезно начала заниматься вопросами почвы съ очень недавняго времени, когда пришлось ей на самомъ опытѣ убѣдиться въ неизбежной надобности рѣшать подобные вопросы.

Г. Прыжовъ написалъ о нищихъ цѣлую книгу. Слѣдуетъ заключить, что вопросъ о нищихъ г. Прыжовъ рѣшилъ, если и не серьезно, то полно. Но прежде такого заключенія, замѣтимъ, что на мертвыхъ страницахъ книжки г. Прыжова видно обыкновенное, вѣгдашнее желаніе придать своему вопросу какъ можно болѣе

важности, систематизировать его, выставить въ небываломъ (особенно историческомъ) свѣтѣ. Весьма ясно, какаѧ задача предстала г. Прыжову: дойдите до причины, которая выводитъ на улицы многочисленныя, жалкія толпы нищихъ, скажите пожалуй какъ вы смотрите на нихъ, укажите способы какъ поуменшить, или и совсѣмъ уничтожить ихъ толпы, и вопросъ о нищихъ будетъ рѣшенъ окончательно. Но г. Прыжовъ хотѣлъ взглянуть на вопросъ гораздо шире. По его убѣжденію «иначе и нельзя разрѣшить трудный вопросъ о нищихъ, какъ на исторической почвѣ» (примѣчаніе, стр. 7). Самое нищенство г. Прыжовъ представляетъ какъ бы общимъ результатомъ всей прежней русской жизни, которая «столько и выработала, что нищенство и тому подобное» (стр. 135), такъ что «напрасно толкуютъ, что Россія похожа очень на Америку, что ту и другую ожидаетъ новая жизнь, неизвѣстная старому міру: на плечахъ Америки не лежитъ ни древней Руси, ни даже старой Европы и дѣйствительно тамъ должна развиться новая цивилизація; не то у насъ» (стр. 130—131). Жалко вѣдь! Особенно становитея жалко, когда изъ слѣдующихъ за этими словами строкъ вы узнаете, что это *не то*, происходитъ отъ такой пустячной причины, какъ подача копѣечной милостыни; тогда какъ, по автору, нужно подавать рублевую, потому что «даже Шамиль, немѣющій никакого понятія о милостынѣ, а имѣющій одно сердце, способное къ благотворенію, никакъ не можетъ понять, чтобы человѣку можно было подать копѣйку, и подаетъ нищему по десяти рублей сер.» (стр. 131). Мало этого, г. Прыжовъ считаетъ нищенство отдѣльнымъ началомъ гражданской жизни и началомъ до того состоятельнымъ, что оно даже можетъ вступить въ борьбу съ началомъ государственнымъ (?). Такъ, по словамъ автора, «въ XVIII вѣкѣ является борьба государственнаго начала съ нищенскимъ (ужели съ нищенскимъ?) и совершается она въ одно время въ Россіи (не думаетъ ли авторъ, что Петръ, производя свою реформу, боролся съ нищенскимъ началомъ?) и во Франціи (не думаетъ ли авторъ, что даже французскія революціи были произведены нищими, т. е. не пролетаріями-работниками, а нищими, тунеядцами, мазуриками?). Отъ нищенства, ханжества (ужели отъ нищенства и ханжества!) и другихъ болѣзненныхъ положеній тщетно старается излечиться сама западная Европа» (стр. 135). Вслѣдствіе такой широты своего убѣжденія о нищихъ, г. Прыжовъ самымъ деломъ пытается рѣшить вопросъ о нихъ на исторической почвѣ. Для этого начавши дѣло въ полномъ смыслѣ *ab ovo*, съ Индіи, съ Арійской области, которая была нашею прародиною, и изъ которой наши предки вынесли запасъ поэтическихъ воспоминаній, г. Прыжовъ говоритъ о вѣщихъ иже-

цахъ славянъ, слѣпыхъ бардахъ кельтовъ, о скандинавскихъ скальдахъ и украинскихъ слѣпцахъ-кобзаряхъ, о народныхъ пѣвцахъ сербовъ и болгаръ, о калікахъ-перехожихъ (причемъ замѣчаетъ, что г. Безсоновъ «безъ основанія назвалъ каліковъ — калѣками;» стр. 34), т. е. думая, что наши нишіе имѣютъ какую-нибудь связь со всѣми этими пѣвцами, г. Прыжовъ на пространствѣ цѣлыхъ 92 страницъ своей книги (всего въ книгѣ — 136 стр.) безъ церемонія *заязжаетъ къ г. Буславу въ гости* и только на остальныхъ 44 страницахъ, которыя составляютъ вторую часть его книги, говорить собственно о нищихъ. Но и эти немногія страницы тратятъ преимущественно на описаніе болѣе смѣшныхъ и жалкихъ экземпляровъ московскихъ нищихъ, на выписку ихъ оригинальныхъ прибаутокъ и на рассказы о тѣхъ оригинальныхъ штукахъ, которыя они выкидываютъ, а о томъ, что плодитъ нищихъ, что поддерживаетъ (кромѣ копѣчной милостыни) ихъ, и что способствовало бы ихъ уменьшенію и уничтоженію, г. Прыжовъ во многихъ мѣстахъ говорить только вскользь. И вотъ у г. Прыжова о нищихъ явилась цѣлая книга или лучше книжка, если только не книжовка.

Наполняя двѣ трети своей книги о нищихъ изслѣдованіями о разныхъ пѣвцахъ разныхъ племенъ, г. Прыжовъ — по всей вѣроятности — находитъ какую-нибудь связь между ними и нынѣшними нищими на Руси, иначе не понятно, зачѣмъ онъ говорить и говорить такъ много о пѣвцахъ. Г. Прыжовъ нигдѣ прямо не указываетъ на эту связь, во наше предположеніе много подтверждается самымъ способомъ изложенія его историческихъ изслѣдованій о древнихъ пѣвцахъ и нищихъ. Такъ сначала онъ говоритъ о самыхъ древнихъ дохристіанскихъ пѣвцахъ кельтскаго и позднѣйшихъ — германскаго и славянскаго племенъ; затѣмъ о позднѣйшихъ украинскихъ слѣпцахъ-старцахъ, въ которыхъ «сохранились еще всѣ черты древнихъ славянскихъ и германскихъ пѣвцовъ (стр. 21)» и бѣлорусскихъ волочобникахъ, которые «представляютъ теперь послѣдніе слѣды народныхъ пѣвцовъ съ сѣверной Россіи (стр. 27)»; далѣе, о мрачныхъ калікахъ (а не о калѣкахъ) переходящихъ, которые «являются уже съ *замираніемъ* личности народнаго пѣвца и съ происходящимъ отъ него *замираніемъ* народной жизни (стр. 27)» и которыхъ авторъ уже называетъ нищими; наконецъ о лазаряхъ и княжескихъ и царскихъ нищихъ (богадѣленныхъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патриаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, гуляющихъ и леженкахъ); послѣднихъ онъ считаетъ въ собственномъ смыслѣ *нищими*, такъ что начиная говорить о нихъ, объясняетъ самое слово *вишій* (стр. 52), и уже въ концѣ книги, послѣ нищихъ княжескихъ, говоритъ о нынѣшнихъ нищихъ. То-есть г. Прыжовъ какъ бы хо-

четь прослѣдить какъ свѣтлый, окруженный мифическимъ ореоломъ образъ древняго пѣвца постепенно ступовывається, переходя сначала въ мрачный образъ калѣки-перехожаго и затѣмъ, въ жалкій образъ нищаго въ собственномъ смыслѣ, и во всякомъ случаѣ нынѣшнихъ нищихъ ставить въ историческое преемство со всѣмъ прежнимъ людомъ, который дѣйствительно имѣеть историческое значеніе. Во всѣхъ подобныхъ историческихъ сближеніяхъ на самомъ дѣлѣ не видно ничего другого, кромѣ напраснаго желанія автора исторически-систематизировать свой предметъ. Между нынѣшнимъ слѣпцомъ-нищимъ, который, несмотря однакожь на свою слѣпоту, ясно различаетъ кто мимо его идетъ побогаче и кто побѣднѣе, потомучто кланяется первому и пропускаетъ безъ вниманія второго — и между древнимъ слѣпцомъ-бардомъ; между извѣстнымъ московскимъ дѣтиною въ косую сажень, который хвативши малую-толику, становится среди улицы какъ разъ предъ будочникомъ и начинаетъ пѣть, поднимая кверху кулаки: «яко благъ, яко пагъ, яко нѣтъ ничего» и между калѣкою-перехожимъ, лазаремъ или любымъ княжескимъ нищимъ — настолько нѣтъ никакого самого дальняго историческаго родства, но даже нѣтъ и вообще ничего похожаго. *Пѣвцы* — это неизбежная принадлежность каждаго народа въ пору его младенчества, это *необходимый* результатъ, который *правильно* вырабатывается всею дѣльностью народной жизни, чуть только эта жизнь начнется. Такимъ образомъ они въ самомъ существѣ дѣла совершенно не то что наши нищіе. Народные пѣвцы являются всегда въ ту эпоху жизни народа, когда онъ обращается наконецъ къ чисто-человѣческимъ основамъ своей жизни, когда его религія послѣ фетишизма, сабензма и зооморфизма становится антропоморфизмомъ. Они, повые жрецы новой религіи, проводники новыхъ благотворительнѣйшихъ идей, лучшіе люди лучшаго ново-возникающаго гуманнаго порядка. Они утверждаютъ и проповѣдываютъ истинную религію человѣчества, воспѣвая и возвышая надъ всѣми лучшихъ людей человѣчества, обожествляя собственно не ихъ, а идею, заслугу каждаго изъ нихъ; народные герои, это и суть боги, которымъ они поклоняются и служатъ. Пѣвцы существуютъ у всякаго народа; но собственно Греція и Скандинавія составляютъ какъ бы отечество пѣвцовъ и это потому, что здѣсь религія имѣла возвышеннѣйшій, благороднѣйшій, но преимуществу человѣческій характеръ, т. е. была религіею антропоморфизма, — только въ послѣднемъ періодѣ развитія нашей мифологии проглядывали начатки его: появленіе русалокъ (не въ смыслѣ только нагихъ женщинъ, плещущихся въ водѣ, а вообще людей,

живущихъ на землѣ послѣ смерти, вслѣдствіе исключительности этой смерти) и представленіе ихъ существами совершеннѣйшими обыкновенныхъ людей; обычай представлять какое-нибудь большое дерево жилищемъ умершаго человѣка и приходиться сюда вспоминать о его дѣлахъ; убѣжденіе, что вообще умершіе люди возвращаются изъ могилъ къ живущимъ людямъ, и отсюда обильно ставитъ въ извѣстныя времена на окошкахъ блины и кисель, чтобы они имѣли что ѣсть, — показываютъ, что у насъ только начиналось еще боготвореніе людей, но такъ и умерло въ зародышѣ, вслѣдствіе введенія христіанства. Оттого-то и пѣвцы у нашего народа являются уже довольно поздно (когда именно наша религія начала дѣлаться антропоморфическою) и занятіе ихъ состояло не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ чтобы на вѣщихъ своихъ струнахъ рокотать славу князьямъ, особенно лучшимъ изъ нихъ т. е. вообще людямъ лучшимъ по пониманію народному. Такъ изъ слова о Полку Игоревѣ мы видимъ, что Боянъ вѣщій былъ пѣвецъ многихъ русскихъ князей; что пѣснотворецъ стараго времени, Святославъ, котораго недолюбливалъ Баянъ и съ которымъ ходилъ состязаться, былъ пѣвцомъ Олега, главнаго сѣятеля раздора между князьями, (†1115) сына Святославова и внука Ярославова; что многіе другіе древніе пѣвцы тоже славилъ каждый своего князя, какъ это видно изъ ихъ обычая «пускать десять соколовъ на стадо лебедей и прежде пѣть пѣсню тому, чей соколъ прежде долеталъ, — то старому Ярославу, то храброму Мстиславу, который зарѣзалъ Редю, князя косожскаго предъ его полками, то красному Роману Святославичу»; самъ творецъ слова о Полку Игоревѣ воспѣвалъ Игоря, князя съверскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти, какъ и многія другія лица, воспѣтыя нашими баянами, безъ введенія христіанства, были бы обожествлены, сдѣланы богами новой, начинавшей развиваться религіи. Всѣ наши пѣвцы, о которыхъ мы только знаемъ, даже самыя древніе изъ нихъ, жили уже въ христіанское время, но они совершенно не были порожденіемъ нововведенной религіи, а древней — народной, естественной. Христіанство относилось къ нимъ враждебно. Авторъ слова «о мытарствахъ», Кирилъ Философъ, который, по мнѣнію Калайдовича, есть тотъ же Кирилъ Туровскій, въ пятнадцатомъ мытарствѣ поселяетъ именно пѣвцовъ, которые басни баюютъ и въ гусли гудутъ». Въ христіанской Руси древніе пѣвцы совершенно исчезаютъ; эта сфера для нихъ чужда; они представители совершенно другихъ, несвойственныхъ христіанству народныхъ элементовъ. Въ христіанствѣ явились иные, собственныя его пѣвцы — нагъки-перехожіе, и ставятъ ихъ въ историческое народное родство съ древними пѣвцами, и особенно для того, чтобы воз-

весть къ древнимъ народнымъ пѣвцамъ, порожденнымъ мифологією (корень нищенства) нѣтъ никакой возможности. Древніе пѣвцы, наши народные баяны, какъ всегда и вездѣ были олицетвореніемъ и воплощеніемъ извѣстной эпохи развитія народа, — воплощеніемъ его мудрости, правосудія, стремленій, вообще воплощеніемъ, фокусомъ всей цѣльности народной жизни; въ этомъ смыслѣ ихъ положеніе не только было такъ-сказать официальное, но выше всякаго официального; они считались всегда свѣже-вдохновенными, въ чемъ, по замѣчанію Бокля, и заключается источникъ мѣтвѣнія о божественномъ происхожденіи поэзій; оттого народъ и называлъ ихъ всегда самыми высокими именами «вѣщихъ, мудрыхъ, божіихъ друзей и братій». Есть ли же хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго въ нашемъ нищенствѣ?..

Но г. Прыжовъ между древними пѣвцами и нашими нищими ставитъ много переходныхъ ступеней, которыя мы перечислили выше и которыя начинаются калѣчками-перехожими. И напрасно г. Прыжовъ, чтобы поставить калѣчкѣ-перехожихъ въ какое-нибудь родство съ древними пѣвцами, говорить о томъ мифическомъ характерѣ, которымъ облечены калѣчки-перехожіе. Положимъ они «хранители *нѣкоторыхъ* вѣщихъ словесъ древняго времени (стр. 28),» положимъ даже принадлежности калѣчки-перехожаго — сумѣ, кошель, — имѣютъ мифическое происхожденіе (стр. 29), но уже никакъ нельзя сказать, чтобы вообще понятія калѣчкѣ-перехожихъ были древне-мифическія понятія, а не христіанскія; что «на образъ нищаго (т. е. калѣчки-перехожаго) прямо перешло какое-нибудь древнее мифическое существо и поэтому въ настоящее время — видимое состраданіе къ нищему часто не что иное, какъ тайное сочувствіе къ забытому по имени богу (стр. 29)». Все-таки калѣчки-перехожіе — порожденіе уже совершенно иной эпохи русской жизни, эпохи христіанской, и слѣдовательно существенно различны отъ древнихъ баяновъ. Извѣстна пѣсня о «сорока каликахъ съ каликою», записанная Киршею Даниловымъ, гдѣ говорится, что калѣчки выходили изъ боголюбова монастыря въ ефимьевой пустынѣ. Любая пѣсня калѣчкѣ скажетъ всякому, что у калѣчкѣ-перехожихъ понятія не мифическія, а христіанскія. О чемъ они пѣли? О томъ, что человекъ видитъ на каждомъ шагѣ *прелестнаго граа или діавола*, о томъ, что

Скоро намъ будетъ тое времячко алаго антихриста,

Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцевъ (стр. 37);

ишли объ Иродѣ и «злодѣѣ-собакѣ, *несърномъ* царѣ Мамашѣ, о Діаклѣтианахъ, безбожныхъ еллинахъ и даже о раскольникахъ *шоганыхъ*, какъ это видно изъ слѣдующей пѣсни:

О Русь, о Русь прекрасная страна!
 Въ тебѣ живутъ татары злые,
 Ругаются святынѣ раскольники поганы (стр. 38).

Такимъ образомъ съ языка калѣкъ не сходило христіанство, и христіанство православное. Самъ г. Прижовъ говорить, что они, по словамъ пѣсни, ходили и пѣли для того, чтобы «молодцамъ душу спасти (стр. 31)». Самъ онъ считаетъ идеаломъ калѣкъ — образъ Іоасафа-царевича, который въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ богатый свой дворецъ, отца, мать и бѣжалъ въ прекрасную пустыню; а извѣство, что возвышеніе, оправданіе, опозтизированіе пустынночесской жизни принадлежитъ христіанству. Іоасафъ-царевичъ, убѣгая въ пустыню, говорить:

• Тебѣ, Христе, воображаю,
 Нищъ и босъ хочу быти,
 Да съ тобою могу жити, • (стр. 40).

Онъ любить пустыню за то, что

• Про тебя, мать-пустыня,
 И самъ Господь знаетъ:
 Тебя, мать-пустыня,
 Всѣ архангелы хвалятъ
 И преподобные прославляютъ... • (стр. 43).

Онъ прямо говорить, что улаляется въ пустыню вслѣдствіе религіозныхъ побужденій:

• . . . въ тея прибѣгаю,
 Отъ антихриста убѣгаю.
 Не знаю себѣ что и быти,
 Да гдѣ мнѣ главы подклонити.
 Понеже антихристовы дѣти
 Повсюду простерты имуть съти;
 Хотятъ они насъ уловити,
 Къ антихристу покорити;
 Своимъ ересемъ осквернити,
 А душу мою поубити;
 И пивомъ своимъ напоити,
 А вѣру Христову потребити. • (стр. 41).

Чтоже въ этомъ идеалѣ калѣкъ, воплощенномъ ими въ образѣ Іоасафа-царевича, можно найти мифическаго? И есть ли малѣйшее родство и сходство между этимъ идеаломъ и идеаломъ нашихъ древнихъ народныхъ пѣвцовъ, и вслѣдствіе этого, между самими этими

пѣвцами и калѣками или каликами? Считаемо нужнымъ еще разъ повторить, что нельзя отвергать присутствія мифическихъ понятій въ стихахъ каличьихъ пѣсенъ что явно доказываютъ напริมѣръ стихи «голубиной книги», или напрімѣръ наше народное пониманіе св. побѣдоносца Егорія, на котораго очевидно перенесенъ образъ древняго бога-Велеса — покровителя скотовъ; но это произошло отъ историческаго «закона сліянія», неизбежно дѣйствовавшаго во всѣхъ религіозныхъ системахъ, — сліянія въ одно совершенно разнородныхъ религіозныхъ элементовъ, а не оттого, будто калѣки-перехожіе и вообще весь позднѣйшій людъ, запиравшійся расцѣпленіемъ стиховъ, имѣлъ внутреннее преемство, существенное родство съ древнѣйшими нашими пѣвцами, баянами. Весь этотъ позднѣйшій людъ произошелъ уже отъ позднѣйшаго религіознаго элемента, элемента византійско-христіанскаго, какъ это мы видѣли сейчасъ изъ содержанія каличьихъ пѣсенъ. Понятно, что всѣ эти калѣки или калики, лазари, леженки и вообще всевозможные роды нищихъ княжескихъ и церковныхъ, имѣютъ безспорно историческое родство и преемство между собою, но никакъ не съ древними пѣвцами.

Такимъ образомъ нищенство наше, если не имѣетъ никакой связи съ древними пѣвцами, чего очень хотѣлось г. Прыжову, то не приходится ли сродни покрайней-мѣрѣ калѣкамъ или каликамъ, лазарямъ, леженкамъ и проч.? Не приходится. Между ними и нашими нищими существенное различіе. Что касается напрімѣръ калѣк-перехожихъ и даже лазарей, то они собственно не нищіе, а христіанскіе *пльцы*; они *добровольно* оставляли дома, вслѣдствіе своихъ мистически религіозныхъ стремленій; существенною стороною ихъ жизни, ихъ професіею было не нищенство, а пѣніе пѣсенъ ради спасенія себя и другихъ; нищенство было только случайнымъ *результатомъ* въ ихъ жизни и пользовались они подаваніемъ не какъ нищіе; между-тѣмъ всего этого никакъ нельзя сказать о нашихъ теперешнихъ нищихъ. Что касается леженокъ и другихъ всевозможныхъ нищихъ — богадѣльныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, то хотя они образовались въ собственномъ смыслѣ изъ нищихъ, вичего неимущихъ людей, — захребетниковъ, бобылей, погорѣлыхъ, спившихся; хотя они сами пѣли о себѣ, что

... Господь-Богъ на нихъ прогнѣвался:
 Поломилъ ихъ въ напасти великія,
 Попустилъ на нихъ скорби великія,
 И срамныя позоры немѣрныя,
 Безживотіе злое, сопостатныя находы.

Злую, непожѣрную наготу и босоту
И безконечную нищету
И недостатки послѣдніе... (1)

но все-таки не были нищими въ собственномъ смыслѣ, т. е. такими нищими, каковы теперь наши нищіе, не были потому, что имѣли *юридическое положеніе* въ обществѣ, чего никакъ нельзя сказать о нашихъ нищихъ. Мы не говоримъ, чтобы наши нищіе тоже не имѣли юридическаго положенія въ обществѣ; каждый нищій имѣетъ юридическое положеніе, есть юридическое лицо, но въ томъ только смыслѣ, что вообще онъ есть лицо, единичная гражданская личность, а не потому, что онъ нищій; тогда какъ *всчисленные* нами роды нищихъ имѣли юридическое положеніе въ обществѣ именно какъ нищіе, т. е. самое нищенство ихъ признавалось законнымъ, поддерживалось властями, имѣло *официальный характеръ*. Еще во времена Ярослава великаго они были признаны *людьми церковными* и съ этого уже времени стали составлять *необходимую принадлежность* монастырей и богатыхъ церквей (2) по городамъ и быть *необходимою частью* свиты, какъ княжеской, такъ и патріаршей. При монастыряхъ и церквахъ для нихъ учреждались столы. При патріархѣ ежегодно учреждено было девять столовъ для нищихъ, семь во всю свѣтлую недѣлю, восьмой въ праздникъ Успенія Богоматери и девятый въ день святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ. Большая часть огромныхъ хозяйственныхъ княжескихъ запасовъ ежегодно была поѣдаема нищими. Рѣдкая страница нашихъ лѣтописей не говоритъ о *нищелюбіи* того или другого русскаго князя. Слова — *кормилецъ нищихъ, утѣшитель нищихъ* были какъ бы словами княжескаго титула (Полн. Собр. Лѣт. 11, 221, 390). Ежегодная царская милостыня въ монастыри, которая посылалась туда не «для кормленія только поповъ и дьяконовъ», а и на нищую братію, была какъ бы государственной обязанностью, и по отношенію къ нищимъ составляла настоящее жалованье (Котошихинъ, изд. 1859 г. стр. 11). Въ Кремлѣ нищіе подъ именемъ *богомольцевъ верховыхъ*, которые отъ царя получали не только нищу, но жалованье и даже *форменную одежду*, существовали до временъ Петра и одинъ разъ просили у него *кормовъ и жалованья, какіе они получали при его родителейхъ* (Снег.). Такимъ образомъ все эти богатыленные, дворцовые, патріаршіе и всякіе другіе нищіе были такъ-сказать *плохими нищими*; ихъ нищенство было признаваемо осо-

(1) «Горе-злосчастіе». Пам. издан. Костомаровымъ. Т. I, стр. 1.

(2) Такъ свѣдѣшіе при успенскомъ соборѣ убогіе назывались успенскими, другіе — архангельскими, васильевскими (Василія блаженнаго), чудовскими...

Кн. XII. — Отд. II.

бенною профессією, за которую они пользовались известнымъ содержаньемъ; они пожалуй были обезпечены въ многихъ нищихъ. Этого опять нельзя сказать о нашихъ нищихъ, которые со времени Петра-великаго преслѣдуются закономъ (Полн. Собр. Зак. № 1489), противъ которыхъ возстаетъ даже духовный регламентъ, и если иной изъ нашихъ нищихъ найдется обезпеченъ въ многихъ нищихъ, то совсѣмъ не потому, чтобы нищенство признавалось теперь официально-законнымъ.

Итакъ желаніе г. Прыжова — рѣшить вопросъ о нищенствѣ *на исторической почвѣ*, оказывается, какъ мы видимъ, напраснымъ желаньемъ. Всѣ его историческія изслѣдованія (вѣрнѣе выписки) мало рѣшаютъ вопросъ о нашихъ нищихъ. Не достигая той цѣли, для которой г. Прыжовъ наполнилъ ими свою книгу о нищихъ, они не имѣютъ никакого значенія и сами по себѣ, какъ матеріалы для общественнаго и народнаго быта Россіи. Это вопервыхъ потому, что изслѣдованія г. Прыжова совсѣмъ не составляютъ и не даютъ никакихъ новыхъ матеріаловъ, а вовторыхъ потому, что въ этихъ изслѣдованіяхъ попадаются напимѣръ такого рода замѣчанія: «кажется, что отвращеніе это (т. е. отвращеніе народа къ калѣкамъ) чувствовалось не только людьми, но и самыми деревенскими собаками, злѣйшими врагами калікъ. Съ одного конца вошли въ деревню каліки, а на другомъ собаки ужъ поднявъ головы и сбѣгаютъ, и страшнымъ лаемъ провожаютъ калікъ до другого конца деревни, и долго еще потомъ ворчатъ, — хотя каліки давно скрылись изъ виду (стр. 45).» К чему это?

Вслѣдствіе чего однакожъ на Руси существовало и существуетъ громадное число нищихъ, не привилегированныхъ нищихъ, а настоящихъ, обыкновенныхъ, безъ всего, слѣдовательно и безъ всякихъ привилегій? Г. Прыжовъ твердо убѣжденъ, что ихъ произвела и производитъ копѣчная благотворительность, такъ широко развитая на Руси. Затвердивши эту причину, онъ говорить о ней на каждой страницѣ своей книги. «Нищихъ *плодитъ* обычай, вмѣсто оказанія какой-либо помощи, подавать копѣчку. Копѣчная благотворительность обширна и ею *поддерживается* громадное число нищихъ (стр. 93)». Мы вѣие, что нищихъ *плодитъ* религиозная благотворительность, т. е. вообще религія, поддерживается и многими другими до послѣдняго времени. Прежде всего замѣтимъ, что *плодитъ* и *поддерживаетъ* нищихъ — двѣ вещи совершенно различныя, а г. Прыжовъ смѣшиваетъ ихъ. Далѣе спрашиваемъ, что прежде существовало и существуетъ? — обычай ли подавать нищимъ копѣчную милостыню, или сами нищіе, которымъ подается копѣчная милостыня и ради которыхъ устано-

вилос такой обычай? Если же нищія необходимо существуютъ всегда еще прежде подачи имъ копѣчной милостыни, то какими образомъ можно думать, что копѣчная милостыня производитъ нищихъ? Г. Прыжовъ говоритъ, что норма спасенія, предлагаемая религіею, необходимо требовала благотворительности и влечь въ этомъ причину нищенства... Религія не есть реальная сила общества и народа, а только какбы извѣстный цвѣтъ, извѣстная краска, въ которую иногда окрашиваются дѣйствительныя силы человѣка и общества. Ну, а еслибы норма спасенія, предлагаемая религіею, была другая и не требовала копѣчной благотворительности, можно ли сказать, что нищихъ не было бы? Были времена, когда подача милостыни нищимъ запрещалась указами. Царь Иванъ Васильевичъ возставалъ противъ милостыни на стоглавомъ соборѣ; 91-мъ параграфомъ его «Судебника» приказано было нищихъ удалять отъ церквей. Петръ великій употреблялъ противъ нищихъ и подачи имъ милостыни даже жестокия мѣры. Указъ 25 февраля 1718 года говоритъ: «шмая нищихъ приводить въ монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не подавать, а если кто захочетъ дать милостыню, то имъ отсылать ее въ богадѣльню, а которые москѣ этого будутъ подавать милостыню, то ихъ также приводить въ приказъ и имать на нихъ штрафъ: въ первый разъ по пяти, а въ другой — по десяти рублевъ, а для прясмотру вышеупомянутыхъ нестовыхъ нищихъ и подавцевъ милостыни опредѣлить шарочныхъ помѣщиковъ.» Указъ 20 іюня № 3213 велитъ нищихъ, пойманныхъ въ первый разъ, бить батожемъ нещадно, буде въ другой разъ будутъ пойманы, бить на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаузъ, а ребятъ къ мастеротвамъ.» Между тѣмъ каждый изъ новыхъ указовъ противъ нищихъ начинался извѣстіемъ, что «нищихъ паки умножилось.» Скажу опять — это отъ копѣчной милостыни, которая несмотря на указы, продолжала подаваться. Соображая однакожъ строгость самихъ указовъ, и то обстоятельство, что это были указы Петра, а не другого кого, этому повѣрить весьма трудно. Напротивъ само общество начинало открывать безплодность подачи милостыни; о тѣхъ, которые все-таки подавали ее, говорили: «не знаетъ куда шивніе свое употребляетъ, не по рукамъ досталось (Щановъ русск. старообр.)!» Слѣдовательно ручной милостыни все-таки подавалось гораздо меньше. Наконецъ извѣстно, что въ настоящее время ручная копѣчная милостыня существуетъ противъ прежняго ерешія въ гораздо-меньшемъ размѣрѣ, а между тѣмъ въ любой газетѣ можно прочесть извѣстіе, что нищихъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ каждый мѣсяцъ полиція задерживаетъ до ста

человѣкъ. Такое крупное общественное явленіе, какъ нищенство, не можетъ не находиться въ связи съ самымъ строемъ общественной жизни вообще. Оно происходитъ изъ того же самого начала, какъ и вообще бродяжничество, бѣгство изъ городовъ и селъ, отчасти и расколъ. Часто приходилось такъ, что русскому члену жуточно, не въ могоу было оставаться дома: то крѣпостное право, то прижметъ чиновникъ, то фабрикантъ или всякой другой, на кого онъ работаетъ въ потѣ лица, удержать у него половину платы за его трудъ или отдать и всю плату, но такую, что она даже его воловий трудъ дѣлаетъ недостаточнымъ для пропитанія не только его семейства, но и его самого; онъ захочетъ бросить одинъ трудъ и взяться за трудъ другого рода, глядь — а между тѣмъ кругомъ цѣны на необходимые продукты жизни растутъ и растутъ; жуточно придется ему, онъ и пойдетъ молча мыкаться по бѣлому свѣту. Онъ знаетъ поговорку, что на Руси никто съ голоду не умреть, знаетъ, что хотя онъ дѣлаетъ худое дѣло, что не пристало вымалывать хлѣбъ у другихъ, что имъ будутъ номыкать всѣ, но онъ не можетъ иначе поступить и идетъ бродяжничать. Очевидно, что онъ представляетъ этимъ молчаливый, но энергическій протестъ противъ общественнаго *status quo*. И это непремѣнно болѣе или менѣе ясно выразить онъ самъ, смотря по тому, по какому пути пойдетъ въ самомъ бродяжничествѣ: то онъ развернется во всю ширину русской удали и станетъ грабить встрѣчнаго и поперечнаго на большой дорогѣ; то вслѣдствіе своего грубаго мистицизма, который впрочемъ въ силу постигшаго несчастія часто подымается изъ души и несовсѣмъ грубаго чловѣка, особенно при случайномъ виѣщеніи воздѣйствіи, изглянетъ на свое бродяжничество какъ на подвигъ религіи и пристанетъ къ раскольнической сектѣ *странниковъ* или къ *блгунамъ*, повторяя съ умиленьемъ, что *онъ не имьетъ здѣ пребывающаго града, а грядущаго зыскуетъ* и клейма именемъ антихристовымъ все что прежде было вокругъ него, и было ему дорого и мило; то до конца жизни останется съ унылымъ, опущеннымъ къ землѣ выломъ и станетъ вымалывать себѣ подаваніе у проходящихъ слезами искренними, или живыми, все равно, какъ бы говоря при этомъ: посмотрите, в такой же членъ общества, какъ и вы, а между тѣмъ я болѣе похожъ на животное, которое должно жадать пока его покормятъ другіе, или добывать себѣ пищу насиліемъ. Особенно въ XVII и началѣ XVIII столѣтія цѣлыми массами народъ пускался въ бродяжничество... Вотъ откуда тянутся и что значать толпы нищихъ. Частная благотворительность, ручная милостыня, какъ бы она ни была распространена, есть очевидно только обстоятельство, благоприятствующее нищенству, но не производящее его, равно

какъ и религія есть только сфера, въ которой имъ легче и привольнѣе дышется, а не сила, дѣлающая ихъ нищими. Они конечно просятъ всѣ Христа-ради, не изъясняя ничего остального, потомучто къ этимъ словамъ прислушались и самъ прослщій и всѣ проходящіе, и потомучто сказать: помогите мнѣ, потому-то и потому-то, — и самому стыдно да и другіе не повѣрятъ. Впрочемъ прислушиваясь къ вышнимъ нищимъ, можно изъ ихъ же словъ узнать и то что заставляетъ ихъ просить Христа-ради. «Жена, дѣтъ, вѣчего ѣсть. — говоритъ одинъ, — служилъ вѣсколько лѣтъ»; «не пожалуете ли — говоритъ другой — выпустили сейчасъ изъ больницы, слабъ»; «не могу работать» говоритъ третій, блѣдный и измученный; когда проситъ на хлѣбъ благородная вдова, ее узнаютъ всѣ еще прежде нежели она проситъ. Однимъ словомъ вы именно услышите болѣзненную, тяжолую мольбу, съ затаеннымъ внутри ропотомъ на общественныя отношенія.

Теперь кажется должны быть понятны наши слова, сказанные нами въ началѣ, что нищенство, попрошайство не есть элементъ русскаго народа, потомучто фактъ нищенства хотя существуетъ въ огромномъ размѣрѣ, но имѣетъ особенный смыслъ. Понятно также то, какъ смотрѣтъ на конечную милостыню, о чемъ въ послѣднее время возникла большая и жаркая полемика. Вопервыхъ, совершенно несправедливо, какъ мы видѣли, будто копѣчною милостынею условливается нищенство; едва ли даже оно и поддерживается копѣчною милостынею; нищій остается нищимъ не потому, что получаетъ подаваніе, а потомучто не находитъ выхода изъ своего положенія, т. е. онъ остается нищимъ не отъ копѣчной милостыни, а оттого, что продолжаетъ существовать та причина, которая сдѣлала его нищимъ. Конечно гораздо лучше подавать нищему возможность самому ему, собственнымъ его трудомъ добывать средства жизни, а не прямо давать ему самыя средства, и кто понимаетъ это, и особенно кто можетъ, тому и слѣдуетъ такъ именно, а инакче помогать нищему; но что сказать о тѣхъ, которые не могутъ такъ или инакче *пристроить* нищаго, а между тѣмъ въ состояніи подѣлиться съ нимъ нѣсколькими копѣйками? Совсѣмъ конечно не подавать милостыни, потомучто, говорятъ, страшное униженіе — какъ подать, такъ и взять нѣскольکو копѣекъ. Позвольте, если нищій протягиваетъ ко мнѣ руку, то униженіе съ его стороны уже произошло, дамъ ли ему что-нибудь или не дамъ; и если я ему не дамъ ничего, пройду мимо, то не только увеличу его униженіе, но и для меня самого вѣдь будетъ гораздо больнѣе и тяжелѣе, чѣмъ еслибы я далъ ему хоть нѣскольکو копѣекъ. Мало этого: если нищій голоденъ, а между тѣмъ и отъ другого и отъ третьяго, какъ отъ меня,

не получить хоть бы нѣсколькихъ копѣекъ, то вѣдь онъ сначала пойдетъ воровать, а уже потомъ станетъ думать, какъ бы ему перестать быть нищимъ, если только станетъ думать. Далѣе, что сказать о тѣхъ, которые не додумались до здраваго понятія о копѣечной милостынѣ и увѣрены, что она дѣлаютъ ею большое добро нищимъ, в которыхъ огромное большинство? Ужели нужно осуждать ихъ за подачу копѣчной милостыни и преслѣдовать ее? Осуждать и смѣяться совершенно нераціонально: вѣдь это *результатъ* ихъ неразвитости, ихъ мистически-религіозныхъ стремленій; такъ научите ихъ, откройте имъ глаза, дайте имъ понять, что ихъ милостыня ни къ чему не ведетъ кромѣ худого, а пона не глушите надъ нею, потому что она есть совершенно вѣрный результатъ ихъ нравственнаго состоянія. А преслѣдовать подачу такой милостыни не слѣдуетъ уже потому, что преслѣдованіе не приведетъ къ цѣли, а еще болѣе облагородитъ и возвыситъ милостыню. Пока кулець будетъ видѣть въ ней удовлетвореніе своей совѣсти и особенно заиѣчать, что чрезъ нее все-таки болѣе или менѣе примирится съ жизнью самъ нищій, вы не оставите ее никакими путями. Обыкновенно отвергаютъ частную благотворительность во имя общественной; во первыхъ, еслибы и было возможно какимъ-нибудь образомъ достигъ того, чтобы у людей, подающихъ теперь копѣчную милостыню, осталась возможность подавать милостыню только *общественнымъ* образомъ, то половина изъ нихъ совсѣмъ перестала бы благотворить, а во вторыхъ и общественная благотворительность сама по себѣ вещь не завидная. На западѣ дознано, что и она ни къ чему не ведетъ; при самомъ большомъ количествѣ благотворительныхъ заведеній, оказывается тамъ, что нищихъ всегда гораздо болѣе, чѣмъ благотворительныхъ заведеній и что слѣдовательно общественная благотворительность никогда не можетъ исключить благотворительность частную. Теперь насчетъ нравственнаго униженія, ужели его нѣтъ и въ общественной благотворительности?..

Стадное, табунное кормленіе, стадная, табунная жизнь, жизнь связанная вдоль и поперекъ, горькое чувство своей зависимости отъ всего, горькое сознаніе казенщины своей жизни и приближающейся смерти на казенный счетъ, развѣ это не обида, не нравственное униженіе личности чловѣка?..

М. Р.Д.ЧЪ

Этнографическій сборникъ, издаваемый императорскимъ географическимъ обществомъ. Выпускъ V, Сиб. 1862.

Несмотря на предисловіе, объявляющее, будто «Россия была первою страню славянскою, которая не только *отразила напоръ стигимъ немецкой (!), но и начала движеніе возвратное (!?)*», книга эта содержитъ въ себѣ много интереснаго для изслѣдователя народности. Первое мѣсто въ ней, по нашему мнѣнію, принадлежитъ статьѣ г. Гильфердинга: «Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.» Авторъ дѣлаетъ сперва географическій и статистическій обзоръ и потомъ уже переходитъ къ быту и повѣрьямъ славянцевъ и кашубовъ. Между прочимъ авторъ дѣлаетъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «Вслѣдствіе ли вѣковой тяжелой борьбы, уничтожившей племя балтійскихъ славянъ, или по другимъ причинамъ, остатки этого племени, славянцы и кашубы померанскіе, разительно отличаются отъ всѣхъ другихъ славянъ совершеннымъ отсутствіемъ веселости въ характерѣ. Я не замѣтилъ въ этихъ людяхъ никакихъ признаковъ шутовства. Пѣсни они поютъ только духовныя (заимствованныя изъ церковныхъ книгъ); кромѣ того, слѣды пѣсни замѣтны только въ обрядовыхъ приглашеньяхъ на святѣбѣ, которыя произносятся рифмованными фразами. Но иначе этотъ народъ не поетъ. Онъ также не пляшетъ, отличаясь тѣмъ отъ польскаго простонародья» (стр. 46). Статья эта тѣмъ болѣе важна, что по этой части ничего не было слѣдано, а народы эти все болѣе и болѣе стираются съ лица земли. Къ статьѣ г. Гильфердинга приложилъ небольшой, но интересный сборникъ сказокъ, записанныхъ имъ самимъ.

Кромѣ смѣси, сборникъ содержитъ въ себѣ восемь статей. Изъ нихъ, кромѣ «Остатковъ славянъ», заслуживаетъ наибольшаго вниманія «Бытъ курскихъ крестьянъ» г. Мошкина. Въ этой статьѣ между прочимъ есть рубрика: отличительные обычаи *курскаго* крестьянъ «при продажѣ и покупкѣ лошадей.» «При продажѣ лошадей даютъ въ придачу узду и обротъ, а при продажѣ коровы или овцы веревку, привязанную за рога животнаго. Покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды или веревку непременно изъ помы въ полу,

чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у новаго своего хозяина. Купленную корову хозяйка въ первый разъ кормитъ *на лежлой заслонкѣ хлѣбомъ съ солью*, дабы она знала новый свой дворъ и служила на хлѣбъ и на соль» (стр. 85). Все это кромѣ двухъ словъ, отмѣченныхъ нами курсивомъ, было помѣщено въ томъ же «Этнографическомъ сборникѣ», какъ отличительная особенность въ обычаяхъ *тверскихъ* крестьянъ (Этногр. сбор. в. 1, стр. 197). Такимъ образомъ, «Этнографическій сборникъ», иногда перепечатавая одно и то же, выдаетъ это каждый разъ за новое... Это тоже ведурно.

Помѣщенный въ V выпускѣ библиографическій указатель книгъ и статей по этнографіи за послѣдніе года — вещь очень небезполезная. Къ сожалѣнію, ссылки на губернскія вѣдомости недостаточно ясны, такъ что иногда трудно отыскать цитируемую статью. Кромѣ простыхъ указаній, составитель его иногда дѣлаетъ выписки изъ цитируемыхъ книгъ и сообщаетъ за новостью напримѣръ такую общезвѣстную загадку: красный пѣтушокъ по жордочкѣ бѣгаетъ? *Огонь* (стр. 5). На стр. 7 между отличительными повѣрьями села Тушны, симбирской губерніи, онъ помѣщаетъ такое: «если кто-нибудь во время стола просыплетъ соль, то это предвѣщаетъ ссору...» Это въ самомъ дѣлѣ очень ново. Но окончательное ведомѣваемъ, для чего составитель указателя выписалъ изъ лѣтописей литературы и древностей, кн. 6, любовное заклинаніе... Вопервыхъ, каждому изслѣдователю лѣтописи в безъ того извѣстны; во вторыхъ, ужь если выписывать, такъ не одно это заклинаніе: въ лѣтописяхъ найдется много вещей поинтереснѣе этого заклинанья...

Несмотря на эти недостатки, изданіе «Этнографическаго сборника», все-таки дѣло полезное, и потому будетъ очень жаль, если оно будетъ встрѣчать препятствія со стороны лицъ, совершенно равнодушныхъ къ дѣлу...

Пѣсенн, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть 2, М. 1862.

Сборникъ пѣсенъ П. Н. Рыбникова справедливо можетъ занять первое мѣсто между отечественными трудами по этой части, какъ по количеству, такъ и по качеству сообщаемыхъ имъ пѣсенъ. Сборникъ издается въ Москвѣ, подъ редакціей г. Безсонова; вторая часть, изданная въ нынѣшнемъ году, служитъ важнымъ дополненіемъ къ первой, сообщая интересные варианты къ былинамъ первой. Изъ совершенно новыхъ былинъ во второй части обращаютъ на себя вниманіе былинны «о царѣ Соломонѣ, царцѣ Соломонѣ и прекрасномъ царѣ Васильѣ Окульевичѣ» (стр. 277—305); сюжетъ

и прочее былъ частью извѣстенъ изъ сказокъ. (1). Также очень замѣчательна пѣсня «Земскій соборъ», въ которой царь Алексѣй Михайловичъ спрашиваетъ князей и бояръ:

«Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдать.

Али намъ за Смоленскъ постояти?»

Выходитъ перво князь востраханскій;

Онъ поблизку государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!

— Что Смоленскъ есть строенье литовско;

— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,

— Во Смоленскѣ казвы нѣтъ ни копѣйки:

— Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,

— А мы возьмемъ себѣ ханскую землю!

Государю тыи рѣчи не слюбился.

Выходитъ второй князь бухарскій и говоритъ тоже самое; па третій вопросъ Алексѣя Михайловича выходитъ «князь Данила Милославскій» и говоритъ:

Что Смоленскъ есть строенье московско;

Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей,

Во Смоленскѣ казны есть — смѣты нѣту:

Ужь мы станемъ за Смоленскъ стояти.

Государю тыя рѣчи прилюбился и онъ жалуется Давиду смоленскимъ воеводой.

Астраханскаго-то князя взялъ повѣсилъ,

А бухарскому-то голову срубилъ. . (стр. 237—8)

Намъ кажется, что издатели слишкомъ смѣло назвали эту пѣсню «Земскимъ соборомъ»; рѣчь идетъ только о совѣщаніи Алексѣя Михайловича съ «князьями и другими боярами», изъ которыхъ большинство дѣлаетъ ложныя показанія и потому пѣсня нисколько не сожалѣетъ объ ихъ смерти...

Мы не можемъ не обратить вниманія читателей на слѣдующій мотивъ, верѣяко заключающій былины, встрѣчающійся и во 2 части рыбниковскаго сборника.

Сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ;

Церковное пѣнье во Москвѣ городѣ;

Славный звонъ во Новѣ-городѣ;

(1) См. мои великорусскія сказки, в. 2, № 80; лѣтописи Н. Тихонравова, т. IV, стр. 112—133; памятники, издаваемые при «Русскомъ Словѣ» т. 3, № X.

Сладкіе поцѣлун новозадожскіи ;
 Гладкіе мхи къ синю морю подошли ;
 Щельё — каменьё въ сѣверной сторонѣ ;
 Широкіе подола олонецкіе ;
 Дубяныя сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ ;
 Рипсоватыя подола почозерочки ;
 Рядныя сарафаны кенозерочки ;
 Пучеглавыя молодки слобожазочки ;
 Толстобрюхія молодки лексимозерочки ;
 Маложадьскій поць до солдатовъ добрь (стр. 44, ч. II).

Этотъ мотивъ иногда составляетъ почти цѣлыя пѣсни. Такъ на-
 примѣръ мы можемъ сообщить здѣсь такого рода пѣсню, записан-
 ную Г. Н. Потанинымъ въ гамаюновской волости калужскаго уѣзда:

По мосту, мосту, по каинову мосту
 Шоль, прошоль, дѣтнуншка молодой ;
 На немъ кафтанъ голубой .
 Хвалды машутся, полы раздуваются ;
 Въ правой рукѣ трость серебряная ,
 Во лѣвой во рукѣ горнитуровый платокъ .
 Ужь онъ тросточкой подпирается ,
 Алой ленточкой выхваляется :
 — То-то лента, то-то лента, то-то алая моя !
 Ала, ала, ала, миѣ сударушка дала !
 Она миѣ дала, дала, пожаловала .
 Поносико-ся, любезный, сколько я поносилъ ,
 Полюбико-ся, любезный, какъ я полюбилъ !
 Она ростомъ невеличка, она лицомъ не бѣла ;
 Она ростомъ невеличка, только школою взяла .
 Только лицомъ круглолица, то Олонкина дѣвица ;
 Ободраивы лица, то Демидовы дѣвицы ,
 Бевъ подметокъ сапоги, то Демидовѣ слуги ,
 А съ подметкамъ сапоги, то Олонкины слуги ,
 На Бизюки сходили — то сельчанишки ⁽²⁾ ,
 Съ фалдами чекмени севітовскіе ;
 Недокрытое село, то Игумново ⁽³⁾ ,
 Подопрѣлое одонье, то Пучанешки ;

 Пенечные гужи — колюпановски .
 По за мѣдью топоры — животински мужики ,
 Гагару поймали — грецанишки ,
 Лиспцу ободрали — сившавешки ,

⁽²⁾ Т. е. жители села Радомановскаго, лучшаго въ гамаюновской вотчинѣ.

⁽³⁾ По бѣдвости крышь нѣтъ.

Чокъ , чоботокъ , то заводской мужичокъ ⁽⁴⁾ .
 Грачовнички , табатернички ;
 Побиться , подраться , — рождественски :
 Ножами порѣзаться , — чижовски :
 Шопинцы — пятинцы ,
 Они къ празднику зовуть къ пятятся ,
 Они пиво пьютъ , ворота запрутъ ⁽⁵⁾ .
 Ременные гужи , — воровскіе мужики ,
 Съ кольцами кнуты , — верховскіе мужики .
 • Кванцшанечки , рыболовшички ⁽⁶⁾ :
 Они рыбушку ловать по сухимъ берегамъ ,
 По амбарамъ , по клѣтамъ . —

Относительно изданія текста пѣсенъ г. Рыбникова мы можемъ замѣтить слѣдующее. Въ одной былинѣ (№ 7) говорится о Добрынѣ :

Какъ я приѣхалъ изъ чиста поля ,
 Видѣлъ во чистомъ полѣ Добрынюшку убитаю ,
 Головкой онъ лежитъ во ракитовъ кустъ ,
 Ножами лежитъ опачей рѣку. (стр. 24)

Слово «опачей» издатели толкуютъ въ примѣчаніи : «задомъ къ рѣкѣ». Намъ кажется , что «ножами лежать задомъ къ рѣкѣ» — фраза невозможная въ русскомъ языкѣ , что слова «опачей» нѣтъ въ русскомъ языкѣ , покрайней мѣрѣ , нѣтъ въ «Областномъ словарѣ». Подобная ошибка могла произойти оттого , что издатели не разобрали рукописи г. Рыбникова , гдѣ кажется должно быть : во Почай рѣку. Мы думаемъ такъ потому , что во первыхъ это будетъ совершенно соответствовать смыслу рѣчи ; во вторыхъ , что Почай рѣка постоянно упоминается при Добрынѣ ; въ третьихъ потому , что въ пѣсняхъ , повторяющихъ подобный мотивъ , убитый молодецъ лежитъ ногами къ рѣкѣ. Напримѣръ :

Какъ во далекомъ чистомъ полѣ ,
 Что подъ кустикомъ ракитовымъ
 Душа милый другъ лежитъ .
 Что буйная его головушка
 Ко восточной сторонѣ ;
 А рѣзвы ноги у молодца
 Ко быстрой ко ракъ. (Гулева , этн. оц. южной Сиб.,
 стр. 104).

⁽⁴⁾ Мужикъ изъ деревни Заводъ.

⁽⁵⁾ Деревня Шопина.

⁽⁶⁾ Деревня Квань.

Въ той же былинь г. Рыбникова (№ 7, часть 2) говорится о Добрынь:

• А у тебя, голь кабацкая (лицо) зарудилась • (стр. 29).

Издатели поясняютъ слово *зарудиться* — замаралось, загрязнилось — тогда, какъ слово зарудиться (отъ слова *руда*, кровь) значить запачкаться и именно *кровью* (Ср. стихъ 284 и 285 той же быливы).

Вторую половину книги занимають «Замѣтка» г. Безсонова. Горорить объ этой маленькой «Замѣткѣ», въ 350 стр., не упоминая о другой «Замѣткѣ» (въ 200 стр.) того же г. Безсонова къ четвертому выпуску пѣсень Кирѣевского, невозможно, потомучто объ статьи дополняютъ другъ друга.

Почти всѣ г. Безсоновъ владеть въ совершенно произвольномъ толкованья. Такъ напримѣръ тотъ фактъ, что богатыри подъ конецъ своей дѣятельности гибнуть въ *подземельяхъ*, *пещерахъ* или *кляменьяхъ*, онъ толкуеть такимъ образомъ:

«Народъ уходилъ отъ внѣшности внутрь себя, къ своимъ началамъ и основамъ, къ своему народному духу, ища тамъ спасенья: онъ шолъ въ *подземелья*, скрывался въ *пещеры*, *умиралъ* для внѣшности, чтобы ожить внутренно; умиралъ не трупомъ, а *мощами*, соблюдающими жизнь среди самаго умиранья» стр. CVII—CVIII, Кирѣевск., в. IV) или: «Что скрывается снаружи, часто еще сильнѣе бываетъ внутри; духъ можетъ быть вызванъ, можетъ выйти самъ и изъ подземелья; мощи, повидимому немощные смертью, могутъ быть мощны цѣлебною силою на другихъ, и *сами цѣлыя*, могутъ цѣлить и *давать цѣлость* притекающимъ чрезъ одно даже прикосновеніе и цѣлованіе». (Стр. XV.)

То, что жена Святогора, во время его сна, по былинь г. Рыбникова, входитъ въ связь съ Ильей Муромцемъ — онъ толкуеть такъ:

«Богатыри старшіе, представители былого стихійнаго броженія, напримѣръ Святогоръ, имѣють и жонъ крайне-податливыхъ къ новымъ началамъ, нестойкихъ въ вѣрности, готовыхъ за угломъ и во время мужняго сна предаться юному влекущему началу.» (стр. XL.)

Соколы-корабль, на которомъ плавають богатыри, онъ объясняетъ такъ:

«Мы убѣждаемся, что древнѣйшій бытъ Руся, когда еще жила она въ обще-славянской семьѣ, представлялся позднѣйшему народному творчеству между прочимъ подъ образомъ плаванія по какому-то морю.» (Рыбниковъ, ч. 2, стр. XXI.)

По поводу быливы о Данилѣ, побивающемъ княжескую дру-

жину, а потомъ убивающемъ самого себя и его жены Василисы, которая помогала ему въ битвѣ и убила себя на его трупѣ, овъ говорить :

«Былевое наше творчество, надорванное такимъ *трагизмомъ* отношеній, поспѣшило смягчить ихъ и примирить, а само — выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу, и для этихъ цѣлей избрало образъ Василисы, способный къ выполнению задачи, какъ образъ женскій.» (Стр. LI Кир., в. IV.)

Сказочный мотивъ о Иванѣ-богатырѣ, который терпитъ много бѣдствій, прежде нежели достигнетъ своей цѣли, по его мнѣнію, значитъ русскій народъ, «вышедшій наконецъ на свѣтъ божій и заявившій почетное мѣсто въ исторіи между другими старшими народами;» русскій народъ, вдругъ «завишійся совершенно готовымъ къ христіанству и какъ бы сразу удостоившійся сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіанскихъ вѣросознаній, православія. Сразу такъ шагнуть не могъ ни одинъ народъ : одинъ, напримѣръ еврейскій, всю жизнь готовился къ этому шагу и все-таки не смогъ его сдѣлать и былъ отвергнутъ.» (Стр. LXXII Кир., в. IV.)

То, что Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю, по его мнѣнію, значитъ, что «*русскій* народъ окончательно развязался съ родовымъ бытомъ.» (стр. CLXXI, Кир. в. IV.)

Пародируя г. Безсонова, можно было бы доказывать, что ковры-самолеты нашихъ сказокъ — это бывшіе тогда въ употребленіи воздушные шары; печка, на которой ѣдетъ Емеля-дурачекъ — тогдашняя паровая машина и т. д.

Мы не будемъ говорить о филологическихъ метаморфозахъ г. Безсонова съ собственными именами, упоминаемыми въ былинахъ, потому что самъ авторъ въ заключеніи говоритъ : «Въ началѣ второго отдѣла этой статьи, гдѣ выставили мы передѣлку именъ и образовъ на русскій народный ладъ и т. н., *читатели конечно не могли иногда удержаться отъ улыбки*». (Рыбникова, ч. 2, стр. CCCLVII.)

Съ послѣднимъ мнѣніемъ автора мы совершенно согласны.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить того грустнаго факта, что даже изданіе Рыбникова недостаточно поддерживается публикою... Впрочемъ отъ самого г. Безсонова зависитъ отчасти облегченіе распродажи сборника: онъ могъ бы свои изслѣдованія печатать отдѣльно; сборникъ г. Рыбникова былъ бы тогда дешевле, слѣдовательно болѣе было бы на него покупателей.

И. ХУДЯКОВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Вооруженный миръ.

Французскія дѣла. — Денежные недочеты. — Открытіе новаго бульвара. — Счастіе г. Ротшильда — Несчастіе г. Перейра.

Греческія дѣла. — Подвиги г. О'Брина — Кандидатство принца Альфреда. — Уступка Юническихъ острововъ

Последнія извѣстія. — Гарibaldi на Капрерѣ. — Рѣзня въ Соединенныхъ штатахъ. — Прусскіе адреса. — Закрытіе австрійскаго государственнаго союзна. — Развитіе цивилизаціи въ Китаѣ посредствомъ европейскаго оружія.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

Неужно быть въ особенно-мрачномъ расположеніи духа, чтобы находить общее положеніе европейскіхъ дѣлъ весьма невеселымъ. Правда, что все тихо, вездѣ царствуетъ порядокъ, законныя власти всѣ на своихъ мѣстахъ, и если въ Греціи короли еще вѣтъ, то все равно, онъ не замедлитъ явиться. Но видимая тишина, кажущійся порядокъ — далеко еще не все. Куда ни помотришь, — на международныя ли сношенія, на внутреннее ли положеніе европейскіхъ державъ, — при небольшомъ вниманіи вездѣ легко открыть напряженность, натянутость или болѣзненное расслабленіе. Дѣла подходятъ къ такому положенію, въ которомъ становится невозможнымъ предоставить ихъ времени, этому великому доктору, который излечиваетъ всѣ болѣзни. Нѣкоторые оптимисты между дипломатами говорятъ, что время совершитъ все что должно быть совершено, что надо предоставить времени дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Точно, время иногда ишь помогаетъ, особенно тамъ, гдѣ оно способствуетъ образованію привычки. Еслибы Гарibaldi еще нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ пролежалъ больной съ пулею въ ногѣ, то Европа наконецъ привыкла бы къ этому: дѣло казалось бы совершенно нормальнымъ. Чтобы недалеко ходить за примѣрами, вспомнимъ только, что крѣпостное состояніе у насъ сдѣлалось отъ привычки,

отъ времени явленіемъ такнмъ нормальнымъ, что лѣтъ десять тому назадъ, человѣка, мечтавшаго объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, почти можно было принять за сумасшедшаго. Но если съ одной стороны время образуетъ привычку, то съ другой, представленіе самому себѣ, оно производитъ только развалины. Оно не спасло ни одного государства, не возвысило ни одного народа. Оно разрушаетъ и людей, и правительства, и предоставляетъ безысходнѣйшему застою народы, которые слишкомъ на него полагаются. Не будь Христофора Колумба, время не открыло бы новаго свѣта и оставило бы его въ первобытной дикости. Если предоставить времени разрѣшеніе *европейскаго вопроса*, то можно быть увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ еще несравненно болѣе зануается. Время не удалитъ папу изъ Рима или не утвердитъ святѣйшаго престола. Еслибы оно посоветовало австрійцамъ оставить Венецію подобру-воздорову, то они не послушаютъ; оно не уговоритъ бурбонистовъ забыть свою ненависть къ Виктору Эммануилу или претензію на неаполитанскій престолъ. Мадриши не сдѣлаются роялистами, а Гарибальди двослупнымъ; часть французскаго народа все будетъ желать рейнской границы, а бельгійцы все будутъ бояться присоединенія своего къ Франціи. Восточные христіане попрежнему будутъ страдать подъ скипетромъ султана, а онъ все будетъ бояться, чтобы его владѣнія не распались на независимыя государства. Время точно такъ же ничего не перемѣнитъ въ судьбѣ народовъ въ экономическомъ отношеніи. Время никогда не разрѣшало никакого-нибудь общественнаго затрудненія, не рѣшало ученой задачи. Оно просто предоставляетъ небу исправлять и вознаграждать несправедливости судьбы, предоставляетъ бѣдному торжествовать послѣ смерти, а богатаго унижать тоже послѣ смерти. И народы рѣшительно не успокаиваются на мысли, что надо все предоставить времени. Прошло то время, когда бѣдникъ считалъ себя приговореннымъ къ неизмѣнности своего состоянія, проходилъ земную жизнь, какъ долину скорби и слезъ, не думая, что можно требовать отъ жизни чего-нибудь иного кромѣ труда, лишеній и горя. Люди привыкли чтать память людей, которые двигали впередъ человѣчество, и потому сдѣлались взыскательны къ своимъ предводителямъ, къ тѣмъ, кто ихъ ведетъ, т. е. кто ими управляетъ. Джамсу Уатту стоило только сдѣлать одинъ маленькій опытъ, чтобы подарить человѣчеству пароходы и желѣзные дороги; Франклину стоило тоже небольшихъ трудовъ заговорить молнію; одинъ докторъ далъ маленькій совѣтъ и почти совсѣмъ уничтожилъ оспу; довольно было нѣсколькихъ энергичныхъ людей, можетъ-быть довольно было одной рѣчи Мирабо,

чтобы дать права великому народу. Послѣ всего этого народы уже не вѣрятъ, что пришло время окончательнаго прекращенія всѣхъ улучшеній, что въ улучшеніяхъ дальше идти нельзя. Но народы съ величайшимъ недоумѣніемъ смотрятъ на *status quo*; они терпѣть не могутъ этой системы и никогда ее не придерживаются. Всякій разъ случалось, что когда народъ становился самъ распорядителемъ своихъ судебъ, онъ принимался за сотню преобразованій, требовалъ тысячи нововведеній, и тогда уже онъ не ничего не дѣлаетъ, а дѣлаетъ слишкомъ много. Не о томъ покамѣстъ рѣчь — хорошо это или худо, что онъ требуетъ быстрыхъ и радикальныхъ перемѣнъ, что въ своемъ невѣдѣніи онъ знать не хочетъ препятствій и ломить впередъ несмотря ни на что. Дѣло въ томъ, что онъ не любитъ застоя, что у него на крайнее невѣжество есть несолимое чутье улучшеній, стремленіе къ перемѣнѣ дурныхъ учреждений и къ улучшенію порядочныхъ. Дѣлать нечего, надо удовлетворить этимъ стремленіямъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Можно также и отложить, но невѣстно, что застарѣлое зло вылечивается труднѣе свѣжаго, а переломъшее мѣсто можетъ довести больного до безпамятства, иной разъ опаснаго.

Никогда еще такъ часто и такъ много не было говорено о всеобщемъ согласіи, о солидарности европейскихъ народовъ; но никогда еще не было такъ мало какъ теперь этого согласія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только вспомнить два послѣднія событія европейской политики: проектъ посредничества въ Америкѣ и кандидатура на греческій престолъ. О сердечномъ согласіи между Англійей и Франціей говорить нечего; о немъ не говорятъ даже вслухъ самые отъявленные оптимисты. Вѣковой союзъ между Англійей и Австріей оказывается точно такъ же шаткимъ какъ сѣнжиръ союзъ между Наполеономъ III и Англійей. Наперекоръ желаніямъ и выгодамъ Австріи, Англія одобрила освобожденіе Италіи, не приняла никакого участія въ бѣдствіяхъ при Маджентѣ и Сольферино, а съ другой стороны вѣсскія газеты всѣ поголовно выступили въ походъ противъ притязаній лорда Пальмерстона въ Афинахъ. Союзъ между Россіей и Франціей, о которомъ такъ много толковали европейскія газеты въ послѣдніе годы, оказывается точно такъ же весьма мало дѣйствительнымъ. Пруссія, несмотря на свой шатаній династическій союзъ съ Англійей, несмотря на уроки, которые бралъ вѣскольکو мѣсяцевъ въ Парижѣ нынѣшній президентъ совѣта прусскихъ министровъ, несмотря на общее съ Австріей дѣйствіе въ Копенгагенѣ и въ Касселѣ, Пруссія все стоитъ одиноко. Повилшмому державы терпятъ только одна другую, но далеко не согласны между собою; существуетъ какой-то отрицательный миръ,

отсутствіе войны, а не дѣйствительный миръ, основанный на истинномъ согласіи.

Но можетъ-быть вѣнское согласіе пренебрегается, чтобы тѣмъ тщательнѣе можно было заниматься внутренними дѣлами? Можетъ-быть державы жертвуютъ международнымъ согласіемъ развитію согласія внутренняго? По справедливости ни объ одной державѣ, кромѣ Россіи, этого сказать нельзя. Гдѣ въ Европѣ то государство, кромѣ Россіи, въ которомъ правительство считало бы себя обезпеченнымъ на завтрашній день? Кто изъ правителей, опять-таки кромѣ Россіи, поклянется въ непоколебимой твердости страны? Можно даже не исключать тутъ и Англію: вся полувѣковая ловкость лорда Пальмерстона не можетъ задушить оппозиціи, которая готовится дать ему генеральное сраженіе подъ предводительствомъ Кобдена. Нигдѣ нѣтъ удовлетворительнаго внутренняго мира, потому что никто не удовлетворенъ. Въ Австріи восточная половина этой державы держится только страхомъ; въ Пруссіи сочувствіе и убѣжденія находятся въ осядномъ положеніи; во Франціи народный характеръ и духъ оуспѣлся, упала осьма низко. Вездѣ въ этихъ странахъ случайныя добавочныя причины поддерживаютъ внутренній миръ. И тутъ миръ скорѣе отрицательный, отсутствіе насильственныхъ переворотовъ, а не миръ положительный, основанный на согласіи желаній страны съ ея дѣйствительною судьбою. Правительства западныхъ державъ правда многого и не обѣщали; зато въ замѣну кое-какихъ политическихъ преимуществъ, обѣщали физическое благосостояніе, улучшеніе быта рабочихъ классовъ, возвышеніе уровня общаго довольства. Еслибы можно было на этомъ помириться, то надо спросить 500,000 здоровыхъ работниковъ въ самыхъ промышленныхъ округахъ Англіи, протягивающихъ теперь руку за милостыней, — исполнено ли это обѣщаніе? Надо спросить бѣдствующихъ руанскихъ работниковъ, въ пользу которыхъ по всей Франціи собираются подписки. Надо распросить о томъ же рабочихъ въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи. Оборванные семейства ихъ изморены голодомъ; рабочіе станки покрыты слоемъ пыли, жилища оуспѣли. Отвѣтъ ясный.

Америка виновата, — говорятъ утѣшающіе утѣшители. — Междоусобная война въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ такъ жестоко дѣйствуетъ на экономическое положеніе наше. — Вся причина заключается въ плохомъ урожаѣ 1861 года! — А въ 1857 и 1858 годахъ говорили: коммерческій кризисъ всему причина!

Плохое утѣшеніе и плохое объясненіе. Никто и не думаетъ, что бываетъ слѣдствіе безъ прямой причины, страданіе безъ удара, по-

трясеніе безъ какихъ-нибудь препятствій, останавливающихъ движеніе. Но при общаніи постоянной работы, благосостоянія, довольства, слѣдовало принимать въ соображеніе всѣ эти случайности, которыя повторяются періодически, съ удивительною правильностью. Если сегодня комерческій кризисъ, завтра итальянская война, послѣзавтра плохой урожай, а тамъ дальше междоусобная война въ Америкѣ прямо дѣйствуютъ потрясающимъ образомъ на мильоны европейскихъ рабочихъ, если всѣ живущіе работою сейчасъ же жестоко чувствуютъ на себѣ все то что прерываетъ правильный ходъ дѣлъ въ какомъ-нибудь углу земнаго шара, то это прямо показываетъ, что непрочно и неудовлетворительно положеніе, называемое нормальнымъ. Стало-быть есть какая-нибудь причина, которая тяготѣетъ на промышленныхъ сословіяхъ такъ жестоко, что лишаетъ ихъ всякой силы сопротивленія малѣйшему внѣшнему и далекому замѣшательству. А если не одна причина, то ихъ много.

Одна изъ нихъ — навѣрное — вооруженный миръ, тапотѣющій надъ Европой болѣе десяти уже лѣтъ, причемъ тягость его все увеличивается и дѣйствуетъ разрушительно на развитіе Европы.

Изъ всѣхъ государствъ Европы самое благополучное есть конечно Бельгія. Тамъшній искусный и добросовѣстный министръ финансовъ на дняхъ представилъ палатѣ представителей рядъ весьма замѣчательныхъ документовъ касательно финансоваго положенія страны къ первому сентябрю нынѣшняго года. Передъ этимъ за три года министръ финансовъ предлагалъ ежегодно назначать по пяти мильоновъ на общепользныя работы и смѣло утверждалъ, что излишки доходовъ покроютъ съ излишкомъ эти экстренныя расходы. Годъ тому назадъ правительство прибавило на это же назначеніе еще 16 мильоновъ, такъ что съ 1859 по 1865 годъ должно быть экстренно издержано болѣе 51 мильона. Эти смѣлыя предположенія осуществились съ избыткомъ. Въ 1858, 1859 и 1860 годахъ остатковъ въ казначействѣ было 27 мильоновъ. Въ 1861 году осталось за всѣми расходами 11 мильоновъ; наконецъ въ нынѣшнемъ году излишковъ окажется вѣроятно около 9 мильоновъ. Но это еще не все. Сверхъ вышеозначенныхъ ассигновокъ расходъ на экстренныя работы былъ увеличенъ еще на 26 мильоновъ, а приходъ уменьшился чрезъ уничтоженіе поплинъ, взвивавшихся съ ввозимыхъ въ города сѣстныхъ припасовъ. Безъ этого излишекъ за шесть лѣтъ оказался бы около 83 мильоновъ. Но на бѣду это крошечное государство въ 4½ мильона жителей содержитъ 73,000 человекъ войска съ десятью тысячами лошадей, а съ резервами до ста тысячъ человекъ. До какой же высокой степени благосо-

стоинія могла бы дойти Бельгія, если бы она не содержала этой массы людей. Приходится, что тамъ въ каждомъ 62 человѣка одинъ служитъ въ военной службѣ; а если принять во вниманіе, что въ числѣ этихъ 62 заключаются женщины и дѣти, то придется по одному военному на 15 или 16 человѣкъ взрослыхъ мужчинъ. Къ тому еще Бельгія считаетъ нужнымъ укрѣплять Антверпенъ, на что тоже идетъ не мало милліоновъ, кромѣ тѣхъ, которые расходуется войскою. Другія государства западной Европы находятся далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, а между тѣмъ военныя силы все увеличиваются.

Жалобы на преувеличеніе военныхъ издержекъ — не новость; онѣ раздавались по цѣлой Европѣ еще ранѣе 1848-года; а съ тѣхъ поръ, особенно послѣ возвращенія въ власти династіи Наполеоновъ, государства наперерывъ одно передъ другимъ стараются издержать какъ можно больше на содержаніе возможно большаго числа солдатъ. Предлогомъ къ этому служатъ обыкновенно необходимыя защиты отечество отъ вѣнскихъ опасностей и увеличеніе силъ Франціи; въ особенности налегаютъ на послѣднее обстоятельство. Но со стороны французско-императорской выражаютъ обвинительно, что недоброіе и страждъ, возбужденныя въ Европѣ вступленіемъ на престолъ Наполеона III, именно и заставили императора французовъ вступить на путь, котораго всѣ сосѣди боялись. Въ самомъ дѣлѣ, въ современной исторіи одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ заключается въ характерѣ царствованія Наполеона III. Европа встрѣтила его вступленіе недоброіе, почти съ крикомъ: къ оружію! Такъ спрашивается, убавило это или напротивъ подстрекуло честолюбивыя виды и воинственныя склонности, которыя сначала приписывались ему по одному имени? По этому поводу стоитъ вспомнить, что въ Англіи забарныя опасенія по поводу предполагаемаго вторженія французовъ восходятъ далеко за начало второй имперіи и даже за начало второй революціи. Въ 1847 году престарѣлый герцогъ Веллингтонъ напечаталъ свое знаменитое письмо, сдѣлавшееся чѣмъ-то родъ набата. Говорятъ, будто оно вызвано было явнѣею коф-о-морскихъ силахъ, которая была составлена герцогомъ жуан-вилльскимъ и дала толчокъ развитію французскаго флота. Арожащій отъ старости и отъ патріотическихъ опасеній герцогъ Веллингтонъ произвелъ все желанное дѣйствіе. Лордъ Россель въ сѣбѣ, представляемой въ началѣ 1847 года послѣднимъ извлечъ изъ возбужденныхъ опасеній увеличеніе налоговъ для увеличенія оборонительныхъ средствъ страны.

Но каковы бы ни были первоначальные двигатели и первыя проявленія вооруженнаго мира, система удалась вполне. Она кончается

не предупредила войны; въ предшествовавшее тридцать-пять лѣтъ далеко не было столько войнъ, сколько въ послѣднія десять лѣтъ. Она точно такъ же не имѣла внутреннихъ перемѣнъ и революціямъ: перемѣны образовъ правленія и правительствъ были многочисленныя и важныя, нежели до того. Она даже не могла посредствомъ равнобѣсія силъ удержать дипломатическаго мира: отношенія между великими державами весьма холодны и натянуты, де нельзя. Но она весьма достигла обложенія всѣхъ европейскихъ населеній самыми тяжелыми налогами, безъ малѣйшаго вознагражденія; она сверхъ того выбрала изъ страны и отняла отборнѣйшія рабочія силы.

Нигдѣ въ Европѣ въ настоящую минуту не ведется война; самыя робкіе песимисты не могли бы теперь указать какую-нибудь точку, на которой столкновение было бы близко или неизбежно. Напротивъ, развитіе денежныхъ интересовъ, тѣсно перемешанныхъ между собою, развитіе правовъ и умовъ, все стремится къ предупрежденію вооруженныхъ столкновеній, къ отклоненію взрыва, еслибы даже онъ казался неизбежнымъ. Несмотря на это, военные аппараты, при помощи которыхъ державы готовятся къ войнѣ, не для кого не выгодной, или къ защитѣ мира, нѣтъ ни нарушающаго, — громады, достигаютъ развѣтровъ ужасоужасныхъ.

Во Франціи	37,473,000 жит	404,200 чел. войс., или 1,08 проц.
въ Великобританіи	29,307,000	145,550 0,49
• Австріи	35,019,000	350,000 1,00
• Пруссіи	18,500,000	205,000 1,10
• Италіи	21,500,000	245,000 1,14
• Испаніи	15,453,000	233,000 1,50

Это уже составляетъ почтенную цифру въ 1.582,750 человѣкъ подъ ружьемъ. Но сюда слѣдуетъ еще прибавить страны второстепенныя, государства германскаго союза, скандинавскія державы, Голландію, Бельгію, Португалію, Турцію, Грецію, которыя содержатъ отъ 700 до 800 тысячъ солдатъ. Выбствъ съ ними европейскія государства (постоянно не считая Россіи) кормятъ, поятъ и вооружаютъ на мирномъ положеніи около 2,300,000 человѣкъ подъ ружьемъ. Это страшная цифра; это болѣе одного процента всего населенія. Но на этомъ отношеніи останавливаться не слѣдуетъ: оно даетъ очень неясное понятіе о томъ, сколько такимъ образомъ отнимается отъ жизненныхъ силъ Европы. Чтобы понять истинное отношеніе, надо вспомнить, что эти 2,300,000 человѣкъ взяты не безразлично изъ общаго населенія въ 212 миліоновъ; они всѣ принадлежатъ къ лучшему человѣческому возрасту, отъ двадцати

до тридцати—пяти лѣтъ. По большой части этотъ возрастъ составляетъ отъ 22 до 24 процентовъ всего мужского населенія. Известно также, что мужчинъ вообще нѣсколько меньше, чѣмъ женщинъ. Выяснить, что изъ 212 миліоновъ жителей западной Европы, около 105 миліоновъ принадлежатъ къ мужскому полу, а изъ этихъ 105 миліоновъ около 23 миліоновъ человекъ принадлежитъ къ возрасту отъ двадцати до тридцати—пяти лѣтъ; изъ нихъ—то 2,300,000 или одинъ изъ десяти находится въ военной службѣ.

Такииъ образомъ не сотая, а десятая доля всего способнаго населенія жертвуется Европой военному дѣлу или лучше сказать ожиданію войны. Въ случаѣ войны сборъ удваивается. И Европа принеситъ эту громадную жертву въ то время, когда всѣ только и толкуютъ о любви къ миру, когда война становится все болѣе и болѣе трудною, если не невозможною, когда вездѣ слышны жалобы на недостатокъ рукъ, на невозможность уравнивать производство съ запросомъ. Забота о содержаніи этихъ 2,300,000 человекъ лежитъ конечно на рабочихъ, тогда какъ сотни тысячъ честныхъ и работающихъ людей едва христа—ради пропитываются кое—какъ съ своими семействами. Да сверхъ того еще пропадаетъ у Европы 2,300,000 паръ здоровыхъ человѣческихъ рукъ, отвѣтыхъ отъ производительнаго труда. Оцѣнить это на деньги очень трудно, но принимая въ соображеніе, что солдаты берутся преимущественно между жителями лучшихъ лѣтъ, что изъ нихъ старательно отбираются въ военную службу наилучшіе, что заработная плата въ западной Европѣ довольно высока, то можно положить безъ преувеличенія, что солдатъ могъ бы заработать какииъ—нибудь мирнымъ ремесломъ около трехъ четвертаковъ въ день, что и составитъ въ годъ или въ 300 рабочихъ дней на каждаго по 900 четвертаковъ, а на всѣхъ 500 миліоновъ рублей въ годъ. Если положить на нихъ содержаніе 300 миліоновъ, то для общины все—таки осталось бы 200 миліоновъ чистаго дохода. Но такъ какъ общество все равно содержитъ ихъ и теперь, хотя они не работаютъ, то всѣ 500 миліоновъ составили бы ежегодное увеличеніе народныхъ богатствъ. Но все это лишь то что вооруженный миръ мѣшаетъ Европѣ приобрести, но сверхъ того Европа теряетъ еще и прямо, положительнымъ расходомъ.

Въ послѣднія десять лѣтъ военные бюджеты возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ, во первыхъ вслѣдствіе возрастанія цѣны содержанія людей и лошадей отъ дороговизны земледѣльческихъ продуктовъ, во вторыхъ вслѣдствіе непрерывныхъ улучшеній и передѣлокъ вооруженія, и третьихъ главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе увеличенія числа войскъ. Государства одно передъ другимъ стараются

набрать какъ можно больше солдатъ. Недалеко, какъ во времена Роберта Пила въ Англии едва было извѣстно что такое постоянное сухопутное войско, а теперь тамъ отъ 145 до 150 тысячъ солдатъ, включая Индiи, гдѣ силы тоже увеличены. Во Франціи на четвертую часть возвышено число поступающихъ ежегодно на службу солдатъ, именно съ 80 на 100 тысячъ челоѣкъ. Цруссин, вопреки желанію палаты представителей, усиливаетъ свои войска отъ 130 до 205 тысячъ. Другія крупныя державы поступаютъ точно также; второстепенныя и третьестепенныя государства стараются подражать большимъ. Едва было не дошло даже до того, гдѣ тому назадъ, что Швейцарія готова была завести у себя нѣчто вродѣ постоянного войска. Вѣроятно по случаю усиленія запроса на военныхъ, возвышается и ихъ цѣна. Это видно изъ того, сколько платитъ французское правительство. Тамъ военное министерство само доставляетъ охотникамъ на мѣсто тѣхъ, кто не желаетъ служить лично. Нынче преміи вступающимъ въ службу по доброй волѣ доведена мало-помалу до 2200 франковъ. Естественно, что плата съ откупающихся отъ службы возвышалась точно также, и теперь они вносятъ 2500 франковъ. Любопытно замѣтить, что откупающиеся отъ военной службы все еще очень много и во Франціи, въ этой воинственной странѣ, гдѣ званіе солдата пользуется тайнымъ почетомъ, гдѣ въ деревняхъ весьма немногочисленные семейства, могущихъ безъ крайняго стѣсненія выдать 2500 франковъ, каждый годъ нѣкая часть конскриптовъ откупается деньгами отъ службы. Въ пять съ половиною лѣтъ, до конца прошлаго года 137,619 конскриптовъ откупались деньгами, что среднимъ счетомъ, по 2400 франковъ съ челоѣка, составило 330 миліоновъ. Эту сумму заплатили шлодыя французы, страшно любящіе мундиръ, за право не носить его. Еще замѣчательно, что въ годъ итальянской войны, въ 1859 откупилось 38,325 челоѣкъ. Въ 1860 году опасенія войны продолжались; откупилось 23,275. Въ прошедшемъ году откупилось менѣе 20,000 или потому, что европейскіи дѣла не имѣли ничего угрожающаго, или потому, что экономическій кризисъ убавилъ средства желающихъ выкупиться. По этимъ официальнымъ цифрамъ видно, до какой степени усердно граждане стараются избавиться отъ службы. Но они этимъ не избавляются отъ платежа всего того, что идетъ на расходы по военному министерству. Эти расходы не всегда бываютъ одинаковы, но имѣютъ постоянное стремленіе къ возвышенію. Чтобы не брать цифръ, которыя могутъ казаться преувеличенными, возьмемъ средній годовой расходъ за нѣсколько лѣтъ и получимъ весьма поучительныя цифры:

	весь расходъ	изъ нихъ	на воен. мѣр.	или проц.
Во Франціи	2,000 мил. фр.	изъ нихъ	450 мил.	22,50 проц.
въ Великобританіи	1,800	"	410	22,77
• Австріи	850	"	280	32,94
• Пруссіи	520	"	140	26,73
• Италіи	950	"	260	27,37
• Испаніи	500	"	95	19,00
• друг. странахъ.	580	"	145	25,00

Это составляетъ весь расходъ на войско до 1780 миліоновъ изъ общаго расхода въ 7200 миліоновъ, или болѣе 25 процентовъ. Войско поглощаетъ четвертую часть всѣхъ расходовъ. Разумѣется расходовать, а не приходить, потому что вообще приходить не покрываетъ расхода. Къ этимъ миліонамъ слѣдовало бы еще прибавить во что обходится помѣщеніе войскъ, такъ какъ во многихъ странахъ постоянная повинность натурой существуетъ въ полной силѣ. Да еще слѣдуетъ прибавить расходы на флоты. Англія тратитъ на флотъ 320 миліоновъ франковъ, Франція болѣе 200 миліоновъ, Австрія до 50, Пруссія около 10, Италія отъ 120 до 130, Нидерланды 20, Данія отъ 6 до 7. Если прибавить къ этому отъ 50 до 60 миліоновъ на долю нѣкоторыхъ другихъ державъ, то составитъ около 800 миліоновъ или почти половина того, что стоитъ сухопутное войско. Ко всему этому необходимо прибавить проценты на колоссальнѣйшіе капиталы, помѣщенные въ сухопутныя и морскія сооруженія, и въ оружіе, въ пушки, корабли, крѣпости, порты, казармы, магазины. Все это строилось на счетъ займовъ, по которымъ платятся проценты; но еслибы и не такъ, все-таки проценты должны быть исчислены. Въ послѣднія десять лѣтъ по этой статьѣ произошло наибольшее увеличеніе. Стоитъ только вспомнить необъятныя постройки и перестройки по обѣ стороны Ламанша разныхъ фортовъ, портовъ, панцирныхъ кораблей, колоссальныхъ казармъ и т. д. Въ англійскихъ арсеналахъ до 1847 года каждый годъ тратилось 800 тысячъ фунт. стерл., а въ 1859 году этотъ расходъ дошелъ уже до 1,582,000 фунтовъ. Во Франціи въ 1842 году этотъ же расходъ былъ въ 12 миліоновъ франковъ, а съ 1853 года онъ постоянно былъ выше 20 миліоновъ. Итакъ можно допустить, что цѣнность всей военной подвижности и недвижности послѣ крымской войны увеличилась на одну треть. Въ 1853 году г. Варрокъ въ Сочиненіи, пользующемся полнымъ довѣріемъ, исчислилъ цѣну военныхъ знаній и вооруженій въ 18,785 миліоновъ франковъ, а процентовъ на эту сумму 751 миліонъ. Увеличивъ эту сумму на одну треть, получимъ новой ежегодной траты цѣлый миллиардъ.

Наконецъ прибавимъ еще важный расходъ. Англійскій государственный долгъ доходитъ до 20 миллиардовъ; почти всѣ эти деньги были заняты на веденіе войнъ первой имперіи. Во Франціи войны крымская и итальянская вдругъ удвоили государственный долгъ. Въ Австріи финансовыя затрудненія происходятъ именно отъ чрезвычайнаго увеличенія числа войскъ. Въ другихъ государствахъ тяжелый расходъ по военному министерству мѣшаетъ свести концы съ концами. Довольно справедливо будетъ предположить, что весь нынѣшній долгъ европейскихъ государствъ, 50 миллиардовъ, образовался вслѣдствіе веденія войнъ или военнаго фанфаронства, и всѣ проценты на этотъ долгъ, 2 миллиарда 400 миллионовъ, должны быть отнесены на счетъ военныхъ издержекъ. Но пусть война была причиною только половины всего этого долга, и все-таки на ее счетъ падаетъ половина всѣхъ процентныхъ уплатъ по займамъ или 1200 миллионовъ. Итакъ западная Европа теряетъ ежегодно производительныхъ силъ на 500 миллионовъ рублей или на 2 миллиарда франковъ. Прямой расходъ по смѣтамъ военныхъ министровъ 1,780 миллионовъ. Прямой расходъ по военнымъ флотамъ 800 миллионовъ. Процентовъ на неподвижный военный капиталъ 1 миллиардъ. И наконецъ половина процентовъ на государственный европейскій долгъ. Въ итогѣ выходитъ около семи миллиардовъ ежегоднаго расхода, а что же? на вооруженный миръ.

Французскія дѣла

О Франціи впрочемъ нельзя сказать чтобы дѣло ограничивалось миромъ, хотя и вооруженнымъ. Въ отчетѣ министра финансовъ Фульда, обнародованномъ 28 декабря, сказано, что мексиканская экспедиція въ одномъ нынѣшнемъ году обойдется въ 83 милліона франковъ и что передержано будетъ всего 35 милліоновъ. Въ будущемъ году, по его словамъ, будетъ излишекъ за всѣми расходами 110 милліоновъ, которые и пойдутъ на покрытіе мексиканскаго похода и другихъ неподвижныхъ издержекъ. На 1864 годъ онъ обѣщаетъ представить смѣту ординарную съ остаткомъ въ 4 милліона и экстраординарную въ 104 милліона. По его словамъ, всѣхъ старшихъ передержекъ 848 милліоновъ, и эта сумма не увеличилась. «Не будь въ нынѣшнемъ и въ будущемъ году экстренныхъ расходовъ, то къ началу 1864 года можно бы дойти до нормальнаго положенія, до равенства между приходомъ и расходомъ; но этотъ благополучный результатъ только-что отложенъ. Цифра велочета не превышаетъ благоразумныхъ источниковъ, которые позволяютъ откинуть всякую

мысль о необходимости прибѣгнуть къ займу.» Коротко сказавъ, отчетъ о финансовыхъ дѣлахъ такой, какъ бываетъ всегда. Обществу свѣта расходовъ, не превышающихъ доколовъ, какъ обыкновенно было за нынѣшній и за прошлый годъ, а въ тоже время за нынѣшній и за прошлый годъ требуется покрытие передержки въ вѣсколко десятковъ милліоновъ. Особенно хорошо говоритъ г. Фульдъ о томъ какъ выгодно было возложенное императоромъ на самого себя ограниченіе права предпринимать расходы особыми декретами. Въ концѣ прошлаго года говорилось, что такимъ образомъ императоръ дѣлаетъ странѣ одно изъ своихъ обычныхъ благодѣяній; примѣръ выходилъ въ самомъ дѣлѣ невыгодный, такъ какъ власть отказывалась отъ богатѣйшихъ своихъ правъ. «На дѣлѣ темеръ оказалось, — говоритъ г. Фульдъ, — что ежели власть отказалась отъ права открывать кредиты посредствомъ декретовъ, то правительство не потеряло возможности дѣйствовать энергически, и ежели ваше величество обезпечили финансы страны отреченіемъ отъ одного изъ своихъ правъ, то нисколько не стѣснили себя расходованиемъ такого количества суммъ, какое независимо отъ утвержденной суммы можетъ казаться вашему величеству необходимымъ. Новый финансовый законъ предвидѣлъ, что могутъ быть непредвидѣнные обстоятельства, вродѣ внезапныхъ бѣдствій или внѣшнихъ событій, «которыя потребуютъ быстрого развитія сухопутныхъ или морскихъ силъ.» Тогда же говорилось, что въ случаѣ обстоятельства, непредвидѣнныхъ въ свѣтѣ, «управленіе возможно только при возможности удовлетворять потребностямъ мѣрами исключительными». «Законодательный корпусъ», котораго засѣданія открываются на дняхъ, не откажетъ конечно въ утвержденіи свѣданныхъ издержекъ. Въ собраніи, одушевленномъ такими патріотическими чувствами, никто не станетъ оспаривать у правительства право удовлетворять потребностямъ, которыхъ никто не могъ предвидѣть и которыя не допускали никакого промедленія. Въ удачной странѣ поставлена была на карту честь самаго знамени и цѣлестъ вѣрныхъ солдатъ, которые на разстояніи двухъ тысячъ лѣтъ поддерживали славу нашего оружія; понятно, что правительство вашего величества должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты.»

Слѣдуетъ замѣтить, что министръ финансовъ совершенно справедливо несомнѣвается въ согласіи законодательнаго корпуса на свѣданные расходы. Еслибы даже составъ законодательнаго собранія былъ другой, еслибы члены его дѣйствительно имѣли независимыя мнѣнія, то чтоже дѣлать, когда расходъ уже произведенъ? Дѣло конченное, надо платить по трѣмъ частямъ или вѣдомствамъ,

изъ которыхъ замѣствованы деньги и гдѣ не можетъ быть сдѣлано экономіи безъ тяжелаго ущерба.

Несмотря на недочеты, расходы производится широкою рукою, не останавливаясь по поводу мелочныхъ денежныхъ расчетовъ. Франція — говорятъ патриоты — довольно богата, чтобы позволить себѣ кое-какія прихоти. И съ ними нельзя не согласиться: Франція дѣйствительно чрезвычайно богата, но само собою разувѣтся, не всѣ въ ней богаты: большинство томится въ страшной, безвыходной бѣдности, которая далеко не уменьшается отъ возвышенія государственннхъ снѣтъ. Это однакоже не мѣшаетъ самымъ блестящимъ расходамъ, напримѣръ пролѣ парижскихъ перестроекъ и переулковъ. Въ послѣднее время открытъ великолѣпный бульваръ, прежде названный по имени принца Евгенія, а потомъ, въ самую минуту церемоніи переименованный въ бульваръ Ришаръ-Леууаръ, по имени извѣстнаго промышленника, достигшаго шильоннаго богатства, благодаря своей изворотливости.

Поповоду этого открытія рассказываютъ много любопытнаго. Съ начала мѣсяца были уже слухи, что въ день открытія готовится что-то ужасное, какое-то страшное несчастіе. Иной разъ на съ того ни съ сего пройдетъ какой-нибудь слухъ, которому никто сначала не вѣритъ. Но потомъ отъ времени слухъ становится достовѣрнымъ, подтверждается съ разныхъ сторонъ, и наконецъ принимаетъ какой-то видъ странной достовѣрности. Мало-помалу начинаютъ ему вѣрить, начинаютъ видѣть въ самыхъ простыхъ, будничныхъ явленіяхъ намеки на подтвержденія, и наконецъ почти никто уже не сомнѣвается. Такъ было и передъ открытіемъ новаго бульвара. Прошелъ слухъ, будто въ этотъ день какіе-то заговорщики вознамѣрились покуситься на жизнь императора, будто въ разныхъ мѣстахъ новаго бульвара приготовлены адскія машины, которыхъ взрывы потрясутъ до основанія всю Францію. Дошло до того; что многіе матери семейства укрѣпили директоровъ учащихся, въ которыхъ воспитывались ихъ сыновья, оставить дѣтей безъ отлука и прудержать страшное время въ школѣ. Многіе осторожные отцы семейства именно въ этотъ день съ утра отправились съ жонами и съ дѣтьми за городъ, будтобы по дѣламъ. Мэрицескій префектъ шесть часовъ сряду лично осматривалъ всѣ дома по бульвару, всѣ уголки, всѣ выстроенныя для публики временныя амфиатры. Потомъ войско было густо разставлено вдоль всего бульвара и во всѣхъ прилегающихъ улицахъ, а національная гвардія поставлена поодаль. Несмотря на описанія, народу сошлось видимо-невидимо и все кончилось благополучно. Къ счастью, времена адскихъ машинъ прошли безвозвратно; онѣ годятся теперь только на

то; чтобы страдать старухъ. Было много солдатъ, много восторженной и веселой музыки, въсколько дошла, много глян и огромныя толпы народу, любители всевозможныхъ зрѣлищъ. Все прошло въ желанномъ порядкѣ, какъ прежде было приказано, за исключеніемъ только имени новаго бульвара. Императоръ всѣхъ поразилъ печальною иереміею имени новой улицы. Онъ говорилъ блистательную рѣчь о пользѣ парижскихъ перестроекъ, о томъ, что онъ постоянно печется о благѣ своихъ подданныхъ, заботится о преобразованіи законовъ о хлѣбпеченіи, постоянно занятъ присканіемъ средствъ распространить достатокъ въ рабочихъ классахъ. Потомъ онъ милостиво выразился о покойномъ Ришарфъ-Ленуарфъ, «который изъ простаго работника сдѣлался однимъ изъ первыхъ мануфактуристовъ, на котораго самъ покойный императоръ возложилъ собственноручно орденъ почетнаго легіона за успѣхи, которыми обладала ему хлопчатобумажная промышленность». Наконецъ онъ объявилъ, что новый бульваръ будетъ называться именемъ этого промышленника.

Послѣ благополучнаго открытія бульвара, у Парижа какъ гора съ плечъ свалилась: возвратилось обратно множество семействъ, и начался обыкновенно блистательный зимній сезонъ. Многіе иностранцы, удаленные изъ Парижа на время открытія, получили позволеніе возвратиться, а хозяева еще не совсѣмъ отстроенныхъ домовъ вступили опять во владѣніе своими постройками, которыя на время процессіи были заняты полиціей. Все вошло въ обычную колею. Балы во дворцѣ, балы у разныхъ аристократовъ, и порою блистательныя охоты въ томъ или другомъ изъ императорскихъ лѣсовъ.

Не послѣднее мѣсто въ политическихъ событіяхъ Франціи занимаетъ охота, происходившая въ штивіи барона Ротшильда. Счастье, точно такъ же, какъ и несчастье, одно не приходитъ. Баронъ Джемсъ Ротшильдъ, первый въ Европѣ богачъ, былъ еще влюбанокъ столь счастливъ, что удостоенъ былъ чести принимать въ своемъ замкѣ императора французомъ. Присутствовали всѣ Ротшильды изъ пяти большихъ европейскихъ денежныхъ рынковъ. Старый, задумчивый, крытый аспидными досками домъ на Еврейской улицѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, колыбель великой династіи Ротшильдовъ, долженъ былъ въ это время вздрагивать до фундамента отъ счастья и гордости. Въ нынѣшнемъ году это уже третье посвѣщеніе, которымъ императоръ удостоиваетъ частнаго человѣка. Первое посвѣщеніе къ г. Моранъ, въ Оверни, причемъ хозяинъ получилъ герцогскій титулъ. Второе — къ г. Переннъ. Третье и послѣднее къ первому денежному барону въ свѣтъ. И баронъ, конечно

не поспешили на приготовленія, достойныя почитателя, — сдѣлали императору пріемъ королевскій. Ему семьдесятъ-пять или семьдесятъ-шесть лѣтъ, но отъ императорскаго посѣщенія онъ поослабѣлъ, помолодѣлъ, приободрился, и теперь старательнѣе прежняго посѣщаетъ оперную сцену. Говорятъ, что вѣтъ въ Парижѣ любителя, который такъ аккуратно бывалъ бы въ антрактахъ за кулисами. Нынче баронъ даже верѣяко ласково похлопаетъ шую красавицу по щекѣ или *фамиліонерно* возьметъ шую за подбородокъ, какъ говорить Гейне.

Но все это совершенно въ порядкѣ вещей. Понятно, что отъ великой чести императорскаго посѣщенія знаменитый баронъ помолодѣлъ, понятно, что онъ чувствовалъ себя счастливымъ и что на этотъ праздникъ съѣхались все Ротшильды. Но всего лучше въ этомъ дѣлѣ бѣдныя газетчики, которые за немѣннѣемъ подвѣстическихъ извѣстій ухватились за императорское посѣщеніе и выискиваютъ на немъ всевозможныя узоры, руководствуясь, конечно собственнымъ соображеніемъ. Во чтобы-то ни стало, надо давать читателямъ интересныя статьи, надо рассказывать блестящимъ образомъ, краснорѣчиво, игриво, бойко, ловко о томъ, чего не видано. Данныхъ очень мало. Императоръ въ такомъ-то часу уѣхалъ, былъ встрѣченъ, завтракалъ, охотился, пообедалъ, уѣхалъ и въ такомъ-то часу возвратился во дворецъ. Но съ такими краткими извѣстіями нельзя являться читателямъ. Надо росписать дѣло какъ можно красивѣе. И ужъ росписываютъ же! Какъ будто бы знаменитый баронъ кому-нибудь даетъ отчетъ въ своихъ тратахъ, они прямо говорятъ, что на пріемъ императора истроченъ миллионъ. Другіе говорятъ полтора миллиона. Но куда же столько? Никакъ и не придумаешь какими бы средствами убить миллионъ на одинъ день въ замкѣ, построенномъ великолѣпно, гдѣ ни листика, ни цвѣтка не нужно прибавлять, чтобы сдѣлать его болѣе приличнымъ для императорскаго посѣщенія. Вотъ и придумываютъ, будто бы баронъ изъ своихъ богемскихъ помѣстій выискалъ нарочно для императора нѣсколько тысячъ оазановъ, будто бы онъ посадилъ двадцать-пять тысячъ деревьевъ, среди которыхъ должна была происходить охота, забывая, что у барона Ротшильда все есть, и что нѣтъ надобности тамъ сажать дѣсь на одинъ день. Придумали еще, будто двѣсти егерей были все одѣты въ новую баронскую ливрею. Что правда, то правда. Пресектъ полиціа посоветовалъ барону, который могъ не совсѣмъ хорошо знать свою прислугу, нанять лучше на этотъ разъ императорскихъ егерей, прибавивъ къ нимъ десятка три полицейскихъ служителей. Понятно, что баронъ охотно согласился на это, хотя и пришлось дать имъ новое платье.

Никто было пригласить автора «Монте-Кристо» сочинить программу приема, а у бѣдвыхъ газетчиковъ всѣ придуманные ими расколы все выключили какъ-то бѣдно или бесполезно.

Императоръ и нѣсколько приближенныхъ стрѣляли фазановъ, и убили ихъ восемьсотъ штукъ. Охотничьи журналы замѣчаютъ, что стервой было не двѣсти, а двадцать, а загонщиковъ, одѣтыхъ въ тирольскіе костюмы, всего тридцать. Шальба на фазанамъ, куропаткамъ, зайцамъ и кроликамъ похожа была на батальный огонь. Въ распоряженіи императора было восемь ружей; онъ стрѣлялъ, какъ обыкновенно, съ изумительною ловкостью. Тѣ, кто имѣлъ счастье находиться вблизи, замѣтили нѣсколько сряду двойныхъ выстрѣловъ, доказывающихъ какъ хладнокровіе, такъ и великую вѣрность взгляда. Когда двѣ птицы поднимаются съ земли, то чаще всего бываетъ, что онѣ летятъ врозь, и тогда слѣдуетъ стрѣлять ихъ одну послѣ другой. Но когда дичи очень много, какъ въ садкѣ, то бываетъ, что изъ нѣсколькихъ птицъ двѣ, на нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, летать сближаясь, т. е. одна на мгновение закрываетъ собой другую, онѣ скрещиваются, и черезъ мгновение летятъ уже врозь. Опытный охотникъ легко замѣтитъ, что двѣ лановыя птицы должны встрѣтиться на линіи его арміи, и выждавъ этого мгновенья, стрѣляетъ въ обѣихъ вмѣстѣ. Въ то же время можетъ встрѣтиться такимъ же образомъ и другая пара птицъ; въ такомъ случаѣ поваливъ первую пару, надо быстро перевести ружье на вторую и тоже ихъ свалить изъ другого ствода. Результатомъ охоты было 1231 штука дичи, не болѣе, какъ въ полтора часа. Потомъ былъ обѣдъ. Его величество съ семнадцатью лицами сидѣлъ за однимъ столомъ, а за другимъ около 120 человекъ равныхъ почетныхъ гостей. Въ пять часовъ императоръ со свитою уѣхалъ и не видалъ волшебной иллюминаціи, которая потомъ сторила въ удовольствіе почетныхъ гостей, оставшихся для того, чтобы потомъ отправиться съ особымъ поѣздомъ.

Вотъ и всѣ политическія событія во Франціи за послѣдній мѣсяць. Но слѣдуетъ еще прибавить, случай достопамятный, о которомъ газеты тоже распространялись не мало и говорили не безъ удивительнаго краснорѣчія. Г. Перейра, не столь богатый, какъ Ротшильдъ, но можетъ быть еще болѣе ловкій въ денежныхъ дѣлахъ, едва не сдѣлался жертвою испуга своей лошади. Онъ ѣхалъ въ кабріолетѣ въ канцелярію своего общества кредита на движимости. Вдругъ ударилъ барабанъ свою гармоническую трель. Барабанщикъ либо не примѣтилъ г. Перейра, либо ему уже очень понадо-балось ударить въ барабанъ. Лошадь кинулась въ сторону, разбила кабріолетъ, кучеръ и сѣдокъ подетѣли. Но скоро г. Перейра отпра-

впался, и въ своей чрезвычайной добротѣ, съ обыкновенною снисходительностью своей къ меньшей братіи, тотчасъ подошелъ къ лежащему кучеру и освѣдомился, болѣе ли онъ ушибся, а потомъ самъ, своими ногами, гнѣвкой помогалъ въ общество кредита на дѣлшности. Общее участіе чиновниковъ къ случаю, который могъ кончиться весьма дурно, показало г. Черейръ кзкою шептатрною и вперенною любовью своихъ подчиненныхъ онъ пользуется.

Греческія дѣла

Существуетъ на свѣтѣ нѣкоторый мистеръ О'Бринъ. Родомъ онъ съ Іоническихъ острововъ; его братъ издаетъ въ Лондонѣ греческую газету; самъ О'Бринъ занимался и торговлей, и литературой, а теперь употребляется на исполненіе разныхъ щепотливыхъ порученій, нетерпящихъ гласности. Передъ тѣмъ, какъ Гарибальди предпринялъ свою послѣднюю экспедицію, направленную противъ Рима, только что онъ изрекъ свое знаменитое «Римъ или смерть», лордъ Пальмерстонъ посылалъ его съ какими-то секретными порученіями въ Римъ. Потомъ благородный лордъ выпустилъ его на Грецію, устроить кандидатуру принца Альфреда, не за тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ принцу Альфреду сдѣлаться греческимъ королемъ, а за тѣмъ, чтобы отстранить другія кандидатуры не совсѣмъ пріятныя для Англіи. Чтобы придать силы стараніямъ и просьбамъ О'Брина, распущенъ былъ даже слухъ, будто принцъ Альфредъ собирается прибѣхать въ Корфу. Это казалось весьма вѣроятнымъ, когда онъ изъ Гибралтара прибѣхалъ въ Алжиръ, потомъ пореѣхалъ въ Мальту. Самъ принцъ Альфредъ писалъ королевѣ, что его корабль «св. Георгій» долженъ скоро отправиться въ Неполь, сообразно съ маршрутомъ, даннымъ за нѣсколько недѣль совѣтомъ адмиралтейства; но этотъ маршрутъ командиромъ корабля держится въ величайшей тайнѣ. Комедія была сыграна великолѣпно и весьма могла обмануть тѣхъ, кто не видитъ что происходитъ за нудисами.

Этотъ г. О'Бринъ показалъ, что онъ совершенно достоинъ довѣрія Пальмерстона. Теперь онъ всемогущъ въ Афинахъ, управляетъ выборами и значительно портитъ дѣло существующему временному правительству, навязывая ему великое множество совершенно лишней работы. Главная цѣль его дѣятельности все-таки, чтобы выбранъ былъ принцъ Альфредъ, отъ кандидатуры котораго оффиціально отказалась Англія. Дѣло въ томъ, что великія державы, покровительницы Греціи, въ началѣ независимости этого государ-

ства, взаимно обязались не возводить на греческій престолъ никого изъ членовъ своихъ царствующихъ династій. Но это было еще до того, какъ избранъ былъ въ король греческіе баварскій принцъ Оттонъ. Послѣ его избранія, подобное обязательство было бы ненужно. Тогдашніе протоколы не предвидѣли изгнанія избраннаго короля, и потому на постановили ничего на этотъ случай. Вдругъ возникаетъ греческій вопросъ, вплоть граничащій съ вопросомъ восточнымъ. Первою мыслью западныхъ державъ было: какъ бы не сдѣлался королемъ Греціи одинъ изъ членовъ русскаго императорскаго дома? Чтобы противодѣйствовать избранію русскаго кандидата и придумано кандидатство принца Альфреда, и разсыпано въ Греціи пронасть денегъ, и разбросаны прокламаціи, воззванія и въ несмѣтномъ множествѣ фотографическіе портреты принца.

Между тѣмъ Россія первая объявила, что она считаетъ себя связанною первоначальнымъ лондонскимъ договоромъ, устраняющимъ отъ греческаго престола династїи, которыя царствуютъ въ покровительствующихъ государствахъ, въ Россїи, во Франціи и въ Англіи. Къ этому объявленію присоединилась Франція, а потомъ и Англія. Но на этомъ дѣло не кончилось: нельзя же такъ легко и дешево отказаться отъ вліянія въ Греціи, благо дѣло такъ выгодно началось. Прошелъ слухъ, что не смотря на отказъ свой согласиться на избраніе на греческій престолъ принца Альфреда, Англія уступаетъ Греціи Ионическіе острова, такъ долго бывшіе подъ англійскимъ покровительствомъ. Это было дѣломъ совершенно неслыханнымъ. Власть отказывалась отъ вліянія, власть соглашалась уменьшиться, власть переставала быть властью. Греческое населеніе, приготовленное уже заранѣе къ благопрїятному взгляду на Англію, посредствомъ хорошо разработаннаго кандидатства принца Альфреда, еще съ большою любовью стало смотреть на Англію, стало находить ее великодушною, истинною покровительницею свободы, великою создательницею благополучія Греціи. Собственно говоря, еслибы это было и такъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ Англія отказывалась отъ покровительства надъ Ионическими островами, то это вовсе не было бы ни великодушїемъ, ни жертвой. Англія получала отъ великихъ державъ полномочіе, порученіе принять покровительство, и конечно, если откажется, то не можетъ ни требовать, ни ждать за это ни малѣйшаго вознагражденія.

По поводу этихъ событій подала свой голосъ и Австрія. Она заявила, что совершенно неприлично говорить о кандидатствѣ на греческій престолъ кого бы то ни было, когда король Оттонъ, живущій теперь въ Баварїи, еще не отказался отъ своего престола, что онъ-то и есть король, а ежели откажется, то преемникомъ его слѣ-

дуетъ считать во всякомъ случаѣ одного изъ принцевъ царствующаго въ Баваріи дома. На счетъ уступки Греціи Ионическихъ острововъ, хотя они и греческіе по населенію и географическому положенію, она замѣтила, что хотя Англія и отказывается по доброй волѣ, во все-таки это составитъ странное исключеніе, дурной примѣръ, соблазнъ для разныхъ другихъ странъ, находящихся подъ болѣе или менѣе тѣснымъ покровительствомъ, и что по этому уступка Ионическихъ острововъ въ пользу Греціи въ настоящее время представляеть разныя неудобства, которыхъ желательно было бы избѣжать, и слѣдовало бы отложить это до другого, болѣе благоприятнаго времени.

Несмотря однако же на консервативное воззрѣніе Австріи, правительство англійское вдругъ изумляетъ Европу другою, еще болѣе странною выходкой: посылается въ Грецію и въ Турцію дипломатическое лицо съ открытымъ порученіемъ хлопотать у турецкаго правительства уступки въ пользу Греціи нѣкотораго количества турецкихъ владѣній, такъ какъ для благополучія Греціи слѣдуетъ желать благоразумнаго увеличенія границъ этой державы. Также великодушіе ставиится уже совершенно непостижимымъ. Отдавая часть Турціи другому независимому христіанскому государству, Англія отдаетъ часть самой себя; начинается дробленіе того, за цѣлость чего такъ много пролито англійской крови подъ севастопольскими стѣнами. Но повскашли хорошенько легко найти разгадку всего этого. Англія требуетъ у Турціи той полосы земли, которая прилегаетъ къ Ионическому морю, будто бы для того, чтобы предположенная уступка Ионическихъ острововъ была утверждена за Греціей приобрѣтеніемъ противуположнаго берега, и постановляетъ неслѣбкнымъ условіемъ своей уступки острововъ турецкую уступку берега. Между тѣмъ въ Константинополѣ, гдѣ министерство на все смотритъ глазами англійскаго посланника, все устроено такъ, чтобы Порта ни въ какомъ случаѣ не согласилась на требуемую уступку, несмотря на то, что Англія будетъ ей требовать во всеулыбаніе и какъ можно громогласнѣе. А такъ какъ Англія уже заранѣе объявила, что Ионическіе острова не составятъ для Греціи прочнаго приобрѣтенія безъ противуположнаго турецкаго берега, то по случаю отказа Порта, не будетъ ни возможности, ни нужды уступать острова. Такимъ образомъ выйдетъ, что была бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Даже въ случаѣ неудачи, все-таки выйдетъ хорошо. Уступки Турція требуемую полосу земли; Греція, правда, увеличится, до нѣкоторой степени усилится и изъ третьестепенной державы можетъ слѣдаться второстепенною, все-таки вліяніе Англіи, какъ благодѣтельница, окажется приобрѣтен-

выить, и только Ионическія острова останутся, но и вся Греція подпадетъ подъ англійское вѣкровительство. Это будетъ тѣмъ выгоднѣе, что вѣкровительство ничего не будетъ стоить: въ Корфу и въ Аѣнахъ не нужно будетъ содержать войска, и тамъ можетъ оставаться лишь посланникъ, да при немъ въ Парѣ пять-шесть небольшихъ кораблей. Кстати же эти корабли будутъ служить полспорьемъ для тѣхъ кораблей, которые содержатся въ константинопольскихъ водахъ. Сверхъ всего этого происходятъ переговоры объ уступкѣ близъ входа въ Дарданеллы небольшого клочка земли на островѣ, для устройства склада каменнаго угля. Что за тѣмъ произойдетъ изъ этого склада — извѣстно очень хорошо изъ многихъ примѣровъ подобныхъ складовъ. Сначала окажется полезнымъ поставить на приобретенномъ постѣ караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ, потомъ придется солдатамъ этимъ построить хоть какую-нибудь каварму, потомъ для большей безопасности надо будетъ устроить ретраншаментъ какой-нибудь, и воставить тамъ хоть маленькую пушку, или двѣ, или три, или ужъ такъ и быть, четное число — четыре; даже смотря по мѣсту, можно будетъ дойти до полдесяти или полдюжины. Съ другой стороны, къ твердой землѣ, не вѣщааетъ тоже устроить какую-нибудь бездѣлицу съ пушками, и пойдетъ такимъ образомъ постройка первоклассной крѣпости, гдѣ солдатъ будетъ больше, чѣмъ каменнаго угля.

Все подстроено великолѣпно, такъ-что теперь можно спокойно ожидать событій. Теперь происходятъ въ Греціи выборы, и вслѣдъ прищъ Альфредъ избирается громаднымъ большинствомъ голосомъ. Драма приближается къ послѣднему дѣйствію.

Последнія извѣстія

Гарибальди переѣхалъ на Капреру изъ Ливорно. Его вступленіе въ этотъ городъ, конечно не было подготовлено полицейскими вышешіями, извѣщеніями и напоминаніями. Люди въ суконныхъ, красныхъ, очень грязноватыхъ рубашкахъ несли простые деревянныя носилки. На носилкахъ былъ простой кожаный тюфякъ, на тюфякѣ лежалъ человекъ съ прострѣленной ногой, опершись на пару кожанныхъ подушекъ. Изъ ноги его вынута пуля, и нога начинаетъ замѣтно поправляться; опухоль прошла и въ выздоровленіи человека теперь почти никто не сомнѣвается. Вся Европа съ 29 августа слѣдила за ходомъ раны, старалась узнавать какою изъ нея выходитъ гной и велика-ли опухоль. Повятно, что жители Ливорно съ любовью встрѣтили носилка равнаго генерала,

и безъ особеннаго шума, но съ выраженіемъ глубочайшаго, сосредоточеннаго благоговѣнія проводилъ ихъ на пристань. Черкѣздъ совершился благополучно; генералъ не чувствовалъ отъ морского путешествія никакого неудобства, и съ большимъ удовольствіемъ ушадѣлъ своимъ любимымъ скалы. Съ нимъ три доктора. Они осторожно перенесли больного въ его домъ, 22 декабря въ девять часовъ утра. Фрунтанты, оставшіеся все время на Капрертъ, были тронуты больше всѣхъ: онъ почти уже не надѣялся видѣть генерала. Часу въ одиннадцатомъ послѣ перевязки и завтрака, большой приказалъ вынести свою кровать на воздухъ. Его пронесли по саду, по винограднику, по рощицѣ недавно посаженныхъ оливовыхъ деревьевъ. Потомъ онъ дѣлалъ эту же самую прогулку два раза въ день. Теплый воздухъ Капреры дѣлаетъ чудеса съ едоревенъ генерала, можетъ-быть особенно, что здѣсь онъ можетъ спокойно пользоваться воздухомъ, и его не беспокоить никакія демонстраціи, безъ которыхъ на материкѣ ему невозможно было показаться на уряду, да сверхъ того не тревожатъ больного любовныя янгличане съ своимъ напорливымъ участіемъ. Одинъ изъ нихъ, какай-то богачъ, въ родѣ герцога Девонширскаго, хотѣлъ даже купить пулю, вынутую изъ раны. Пуля эта конечно досталась сыну генерала; герцогъ и сообразилъ въ своемъ лордскомъ величіи, что вѣдь это бѣдныя, голы, народы бродячіи, которые говорятъ, иной флякъ даже сами себѣ вертятъ кофе или жарятъ баранину; такъ у нихъ купишь такую безвредную штуку, какъ пуля вынутая изъ ноги, все-таки бѣдыякамъ будетъ хоть какое-нибудь подспорье въ ихъ нищенскомъ житьѣ. А для герцога въ великолѣпномъ замкѣ, убранномъ съ сардананаловскою роскошью, таже самая пуля составитъ немалое украшеніе. Въ герцогскомъ кабинетѣ рѣдкостей, гдѣ хранится предѣловскій шлемъ, башмаки палача, казнившаго Марію Стюартъ, ассирійскія монеты, египетская мумія и шкура отъ того вожа, которымъ зарѣзанъ былъ такой-то, эта пуля, въ приличномъ волоченномъ ковчегѣ, доставитъ немалое удовольствие герцогскимъ гостямъ, которые уже не ападутъ чѣмъ раздражить свое пресыщенное любовитство. Предложилъ благородный лордъ бѣдыякамъ за простую свинцовую пулю нашего калибра, вегодную даже на то, чтобъ снова зарядить мою ружье, тысячу фунтовъ стерлинговъ. Это сумма мочиславная, все-таки она не менѣе 6500 рублей, и голылась бы бѣдыякамъ на шепраку дѣшево. Для герцога эта тысяча фунтовъ ничего не значитъ; зато онъ обладалъ бы рѣдкостью, единственною въ дѣломъ свѣтѣ. Есть муміи и ассирійскія монеты въ различныхъ музеяхъ и даже у частныхъ лицъ; но той пули, которая доставила три

мѣсяца видѣла въ ранѣ человѣка, въ такой ранѣ, къ которой слишкомъ на три мѣсяца прильнула вся Европа, той пули ни у кого бы не было. Но бѣдняки не поняли ни своихъ выгодъ, ни чести, которую дѣлалъ имъ герцогъ черезъ своего ливорнского банкира. Мецотти Гарибальди, сынъ рабенаго, владѣющій выдвухтой пулей, несмотря на то, что самъ иной разъ варить себѣ кофе, такъ какъ прислуги много держать не можетъ, — денегъ не взялъ, да еще истратилъ три рубля, чтобы сдѣлать съ своей пули фотографическій снимокъ и даромъ отослалъ его герцогу. Можетъ-быть хитрый герцогъ предложить ему деньги, чтобы онъ уже никому впередъ не давалъ фотографическихъ снимковъ съ пули; или можетъ-быть подумаетъ герцогъ, что сынъ хитритъ и хочетъ набить цѣну на пулю, вынутую изъ погн рта. Но этого ужъ не будетъ: цѣна предложена хорошая, сумма ни для кого не обидная, а для бѣдняка и огромная. Будетъ съ него.

Въ день приѣзда генерала на Капрерѣ шоль свѣгъ, но скоро сонноль; на другой день было еще больше свѣгу. На третій день послѣ рождества наступила теплая, совершенно осенняя погода. Въ ночь въ рождество былъ морозъ, такъ что къ празднику сдѣлали мороженое, первое мороженое, какое когда-либо приготавливалось на Капрерѣ. Первые мороженники на Капрерѣ были докторъ Альбанде и докторъ Оккиинти. Послѣдній, какъ извѣстно, еще въ прошломъ году наименованъ ординарнымъ капрерскимъ докторомъ. Но кромѣ хозяина, тамъ къ счастью лечить не-кого, потому что нѣтъ людей, не только больныхъ, но и здоровыхъ. Друзья Гарибальди надѣются, что капрерскій воздухъ, внимательная перевязка раны, тишина, уединеніе и видъ синяго Средиземнаго моря окончательно излечатъ больного. Разумѣется это отзовется на знаменитомъ четвероугольничкѣ крѣпостей въ венеціанской области, гдѣ будутъ усилены гарнизоны и увеличено число пушекъ. Берегового, говорятъ, Богъ бережеть.

Драка въ Соединенныхъ штатахъ продолжается, и послѣднее сраженіе при Фредериксбургѣ было постыдно, отвратительно-кровопролитно. Главнокомандующій сѣверныхъ войскъ, г. Берсайдъ, шоль на вѣрную гибель. Дѣло въ томъ, что рабовладѣльческое войско расположилось близъ Фредериксбурга по одну сторону рѣки, на высотахъ, а свободная армія стояла за рѣкой. Южное войско внимательно готовилось къ бою, и на высотахъ, окружающихъ городъ, построило три линіи батарей съ перекрестнымъ огнемъ, вооружило ихъ несмѣтнымъ количествомъ пушекъ и выжидало что будетъ. Сѣверное войско видѣло очень хорошо, что позидія неприступ-

ная; но получено было изъ Вашингтона, отъ военнаго министерства, приказаніе атаковать. Перешли рѣку и сдѣлали вѣрный шагъ къ своей гибели. Почти по всей линіи разомъ началось нападеніе. Солдаты вели себя съ изумительною твердостью и не хуже другого постоянного войска дѣлали на приступъ непреступныхъ укрѣпленій. Рабовладѣльцы стрѣляли на выборъ; въ одинъ и тотъ же отрядъ иной разъ стрѣляли четыре и пять батарей перекрестнымъ огнемъ, и народъ падалъ какъ трава подъ косой. Бѣжали цѣлыя ручьи крови. Когда уменьшонные наполовину отряды подходили на разстояніе ружейнаго выстрѣла, ядра летѣли дальше, въ задніе отряды и въ резервы, а передніе отдавались на жертву ружейному огню. Дралась цѣлый день, умирали цѣлый день, и къ вечеру пришлось-таки отступитъ. Свободное войско потеряло семнадцать или двадцать тысячъ человекъ; вѣроятно впрочемъ больше, потому что эту цифру признають сами командиры. Но слово «потеряло» здѣсь не годится: оно непростительнымъ образомъ смягчаетъ ужасъ дѣла, и дѣлаетъ изъ убійствъ двадцати тысячъ здоровыхъ и бодрыхъ людей, которые могли бы быть полезны, что-то въ родѣ потери перчатки или потери двадцати тысячъ рублей. Безумныя войны первой имперіи дали Европѣ кровавую привычку смотрѣть на брошенные тысячи и десятки тысячъ людей довольно равнодушно. Но человечеству пора бросить эту постыдную привычку. Двадцать тысячъ человекъ, поставленныхъ въ одинъ рядъ, почти плечомъ къ плечу, займутъ тринадцать съ половиною верстъ. Эти тринадцать верстъ людей были разстрѣлены. Если зарыть кажлага въ гробу отдѣльно, по нормальнымъ обычаямъ христіанскихъ народовъ, то они заняли бы сразу кладбище въ семь тысячъ квадратныхъ сажень. Но если и это ничего, если такія огромныя цифры намъ нипочемъ, то можно сосчитать убытокъ на деньги. При дѣйствительности труда въ Соединенныхъ штатахъ, каждый здоровый человекъ, работникъ, можетъ легко заработать свое пропитаніе и сверхъ того прибавить къ общественному богатству рублей двѣсти въ годъ. Истребивъ двадцать тысячъ бѣдныхъ рабочихъ, президентъ Линкольнъ убавилъ изъ народнаго богатства четыре мильона въ годъ. Капитализму это изъ четырехъ процентовъ, выйдетъ сумма во сто мильоновъ. Само-собою разумѣется, что несравненно выгоднѣе было бы взять золота на сто мильоновъ, вывезти его на средину Атлантическаго океана, и бросить въ воду на глубинѣ двухъ тысячъ сажень. Кроме того, что это было бы гораздо нравственнѣе, оно было бы и выгоднѣе, такъ какъ на содержаніе этихъ убійенныхъ потрачено немало мильоновъ, точно такъ же, какъ и на заготовку ивъ оружія.

Французское правительство предлагало русскому и англійскому

войтъ въ сношеніе съ вашингтонскимъ кабинетомъ и ходатайствовать о заключеніи между воюющими сторонами перемирія, которое вѣроятно повело бы къ миру. Но предложеніе это не было принято. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ никому вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого государства, если оно само нисколько не жаждетъ этого. Но въ данномъ случаѣ это очень жаль. Кровь льется, невольники остаются невольниками, дѣла торговля стоятъ, семейства десятками тысячъ остаются безъ хлѣба; государство быстрыми шагами приближаются къ банкротству, и теперь уже объявленъ новый заемъ въ 900 миліоновъ. Въ послѣднее время золото ходило въ Соединенныхъ-штатахъ 33 процентами выше тамошнихъ бумажныхъ денегъ. Послѣ новаго займа, бумаги еще упадутъ въ цѣнѣ, и будутъ понижаться прогрессивно. Если долгъ сдѣлается вдвое больше, то цѣна золота поднимется не вдвое, а вчетверо. То распоряженіе Линкольна, съ котораго слѣдовало ему начать, если онъ рѣшался на крайнія мѣры, именно освобожденіе невольниковъ, принадлежащихъ всѣмъ непокорнымъ, — приведетъ еще къ большимъ кровопролитіямъ, къ неслыханнымъ жестокостямъ. Рабовладѣльцы раздражены въ крайней степени, и ежели замѣтятъ въ своихъ невольникахъ малѣйшее поползновеніе къ выполненію воли вашингтонскаго президента, то будутъ принимать самыя свирѣпыя мѣры для приведенія рабовъ въ порядокъ. И досихъ-поръ они поступали нецеремонно: поповоду одного только подозрѣнія, что нѣкоторые бѣлые въ невольничьихъ штатахъ сочувствуютъ сѣверу и собираются сдѣлать въ пользу сѣвера невиннѣйшую демонстрацію, они вѣшали подозрѣваемыхъ десятками, *безъ суда*, — только по слухамъ. Можно же себѣ представить что они будутъ дѣлать съ невольниками, которымъ вздумается повѣрить президенту Линкольну и считать себя свободными. Повидимому вся война ведется изъ-за невольничества; хотя сколько-нибудь утѣшительна была бы для человѣчества мысль, что пусть погибнетъ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, за то ихъ смерть послужитъ для освобожденія миліоновъ. Къ несчатію, этого нѣтъ. Послѣднее посланіе президента разрушаетъ эту надежду. Президентъ Линкольнъ объявляетъ, что если отложившіеся штаты захотятъ вернуться въ союзъ, то за ними остается навсегда ихъ «домашнее учрежденіе». Этимъ именемъ называется для мягкости невольничество. Въ посланіи не сказаны эти слова, не говорится объ оставленіи невольничества, но предположенъ выкупъ невольниковъ федеральною властью въ тѣхъ штатахъ, которые до 1900 года рѣшатся уничтожить у себя невольничество. Стало-быть штаты могутъ рѣшиться и не рѣшиться. Президентъ и не надѣется, что всѣ рѣшатся.

«Если планъ будетъ принятъ, — говорить онъ въ своихъ саро-
ныхъ залежахъ; — то надо допустить, что произойдетъ освобож-
деніе, по крайней мѣрѣ во многихъ штатахъ». — Надо признаться,
что г. Линкольнъ весьма умѣренный аболіціонистъ, если онъ даль-
ше этого ничего не ждетъ въ XX вѣкѣ. Онъ постановляетъ доба-
вить, что въ случаѣ, если какой-нибудь штатъ захочетъ потомъ во-
зобновить у себя невольничество, выкупленное федеральною вла-
стью, то онъ обязанъ будетъ возратить федеральной власти полу-
ченную выкупную сумму съ процентами. Необходимость продолже-
нія войны, невозможность разойтись полюбовно г. Линкольнъ оправ-
дываетъ тѣмъ, что нельзя провести между частями союза непре-
ходимой границы. По его словамъ, граница будетъ состоять или «въ
рѣкѣ, удобопереходныхъ и густо населенныхъ съ обѣихъ сторонъ,
или простыхъ неженыхъ знаковъ, черезъ которые можно переходить
взадъ и впередъ, не подозревая даже ихъ существованія.» По-
пятно, что это возраженіе пустое. Между германскими государства-
ми почти нѣтъ другихъ границъ, кромѣ незамѣтныхъ неженыхъ
знаковъ, а тамъ гдѣ Рейнъ отдѣляетъ Францію отъ Германіи, онъ
населенъ весьма густо. Если Линкольну уже такъ хочется стѣны,
то съ давно можно было бы сложить изъ сотни тысячъ трубовъ, ко-
торые втеченіи двухъ лѣтъ пали въ жесточайшихъ битвахъ, подъ
начальствомъ неумѣлыхъ и бездарныхъ генераловъ.

Вообще трудно найти документъ болѣе вѣрный, чѣмъ вышешнее
исловіе президента. А между тѣмъ ему было что сказать. Онъ
стоитъ во главѣ великой націи; онъ отвѣтственный начальникъ
предпріятія, которое рѣшаетъ политическую жизнь или смерть его
народа; наступила торжественная минута, когда онъ выдетъ слу-
чай дать отчетъ перелѣ старымъ свѣтомъ и новымъ, въ томъ, что
сдѣлано, въ томъ, чего онъ еще надѣется; онъ не высказалъ ни
одной мысли выше обыкновенныхъ, ходячихъ, будничныхъ мыс-
лей; не сдѣлалъ никакого основательнаго предложенія, а среди не-
мало многословія предполагаетъ выкупить невольниковъ въ двадца-
томъ столѣтіи, и то если хозяева ихъ согласятся.

Въ Пруссіи продолжается подача королю адресовъ, въ которыхъ
его поздравляютъ съ легкою побѣдой министерства надъ палатою.
До сихъ поръ являлись депутаціи отъ разныхъ мѣстечекъ, и ко-
роль ихъ принималъ благосклонно. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ
изъ депутатовъ, представляясь королю, неловко проговорился, что
его депутація не представляетъ мнѣнія большинства; партія Пре-
столовой газеты спохватилась и стала принимать болѣе широкія мѣ-
ры. Ритвергъ землевладѣльцы составляютъ адреса и собираютъ на

нихъ едически. Пользуясь своимъ истиннымъ вліяніемъ, они набираютъ иногда по нѣскольку сотъ подписей, въ которыхъ участвуютъ пасторы, деревенскіе школьные учителя, арендаторы-мельники, незначительные провинціальныя чиновники. Въ послѣднее время даже они какъ-то ухитрились собрать на одномъ адресѣ болѣе двухъ тысячъ подписей, и съ великимъ торжествомъ поднесли его королю. Не случилось такъ, что въ тотъ же самый день депутаты города Берлина получили тоже адресъ, но уже отъ своихъ избирателей; въ этомъ адресѣ избиратели благодарятъ своихъ представителей за то, что они въ палатѣ вѣрно держались конституціи и безошибочно исполняли свое назначеніе, подавая голоса сообразно съ мнѣніемъ избирателей. Но это бы еще ничего. Тѣ подавали двѣ тысячи подписей, а торжествовали по поводу этого факта, а эти подавали болѣе сорока тысячъ подписей, то-есть согласились подписать почти всѣ берлинскіе избиратели, да еще, чтобы не навлечь какаго-нибудь сомнѣнія въ чистотѣ своихъ намереній, чтобы показать какъ они всѣ готовы твердо держаться своихъ мнѣній, при каждой подписи обозначено въ мѣстоименствѣ каждого, и родъ его занятій. Но какъ бы то ни было, рѣдъ прошолъ безъ утвержденія парламентомъ государственной смѣты. Г. Бисмаркъ намѣренъ однакоже не отступать отъ закона, не установленнаго конституціей, и хочетъ представить смѣту на истекающій годъ, но въ будущемъ году, а то такъ еще послѣ, года черезъ два-три. Помянуто, что если такъ, то можно представить ее на одинаково-разумныхъ основаніяхъ лѣтъ черезъ десять или черезъ пятьдесятъ. Бюджетъ издѣланы собраны, ordinaryные и extraordinaryные расходы сдѣланы, итоги сведены, то потому нѣсколько лѣтъ разницы уже не представляютъ никакой важности.

Австрійскій государственный совѣтъ, сокращенный, то-есть безъ депутатовъ отъ славянскихъ, итальянскихъ и венгерскихъ земель, окончилъ первый рядъ своихъ засѣданій. Императоръ благодарилъ членовъ за оказанное имъ содѣйствіе въ составленіи важнѣйшихъ законовъ и выхвалялъ свободныя австрійскія учрежденія. Разъсуждая по домамъ, депутаты можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что они что-нибудь сдѣлали для страны, и что разговаривая въ штатс-ратѣ они сколько-нибудь повлияли впередъ дѣло. Но они весьма должны бы разувѣриться, еслибы только обрели вниманіе на цѣну австрійскихъ бумагъ, продающихся на франкфуртской, парижской и лондонской биржахъ. Одно изъ ожиданій отъ новаго управленія Австріи состояло между прочимъ въ томъ, что вслѣдствіе своихъ учрежденій она тотчасъ цѣлѣугодно финансируетъ

своей страны; довѣріе возродится и биржевыя цѣны, безосновочный барометръ довѣрія, повысятся и стануть тверже. Но въ Австріи этого не случилось. Собственно представительнаго правленія тамъ нѣтъ, или что оно вывихнуто особеннымиъ непроизводительнымиъ образамъ, или наконецъ, что оно начнется только тогда, когда будутъ исполнены два необходимыя условія представительнаго правленія: когда всѣ подданные, несмотря на ихъ національность, будутъ совершенно уравниены въ своихъ правахъ, и когда печати будетъ дана свобода, безъ которой она не можетъ оказывать тѣхъ услугъ, которыхъ выравнѣ отъ нея требовать.

Въ Китаѣ союзники, т. е. англичане и французы, продолжаютъ попрежнему оружіемъ своимъ распространять цивилизацію. Помогая некиевскому правительству усмирять инсургентовъ, такъ давно разоряющихъ Китай, они съ небольшими отрядами весьма легко разбиваютъ огромныя полчища, берутъ города, и возаращаютъ ихъ законному правительству, берутъ въ плѣнъ людей и тоже отдаютъ ихъ правительству, чтобы *распорядиться* съ ними надлежащимъ образомъ, на основаніи законовъ.

Недавно взятъ былъ какой-то городъ, захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ, и слано по принадлежности, чтобы распорядиться. Вотъ въ чемъ это распоряженіе состоитъ. Всѣхъ плѣнныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сгоняютъ толпою въ одно мѣсто на площадь и поочередно, одного за другимъ казнятъ. Каждога пациента, взятаго случайно изъ толпы, раздѣваютъ и сажаютъ на возвышенное мѣсто въ полулежащемъ положеніи. Двое держатъ ему руки, двое держатъ ноги; одинъ съ ножомъ въ рукахъ подкалываетъ, вскалываетъ животъ и вытаскиваетъ кишки, наматывая ихъ себѣ на руку, или нѣсколько отступая. При этомъ замѣчено, и европейцы пишутъ объ этомъ изъ Китая, что глаза пациента всегда бываютъ съ какимъ-то неполновнимъ изумленіемъ устремлены на оператора и на свои собственные кишки, которыя вытаскиваются изъ живота. Операция оканчивается тѣмъ, что вытаскиваютъ сердце и подрѣзавъ жилы, вынимаютъ его изъ тѣла. Европейцы пишутъ, что сердце вынутое такимъ образомъ и брошенное на землю, еще нѣсколько времени бьется. Но они не знаютъ фізіологіи, если это ихъ удивляетъ. За тѣмъ берется другой пациентъ, тамъ третій, четвертый, пятый и до послѣдняго. Попалась какая-то беременная баба. Операторъ вепероль ей животъ, да неосторожно, и вынулъ совершенно сформированное дитя, но окровавленное и трепещущее, и нѣсколько мгновеній держалъ его передъ неподвижно-изумленными глазами матери. Она рванулась, выдержала одну руку, схватила свое

дѣтя и крѣпко прижала къ груди своей, и все дѣржала крѣпко, пока вытягивали изъ нея кишки и вырывали сердце. Нѣкоторые чудаки, взятые изъ толпы плѣнныхъ, думаютъ еще сопротивляться и отчаянно бьются и рвутся въ рукавъ палачей, пока ихъ усаживаютъ въ надлежащую позицію; но какъ только ножъ коснется живота и покажутся кишки, то взглядъ неизмѣнно съ изумительною неподвижностью устремляется на внутренности, которыя вытягиваются дальше, дальше... Вообще видно, что слава европейскаго вѣрошеннаго оружія на далекомъ востокѣ способствуетъ развитію цивилизаціи.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

IV

Мы начнемъ нашъ выпѣшній отчетъ нѣкотораго рода побѣдною пѣснью. Намъ слушаются. Въ прошедшій разъ мы только-что заявили наше скромное желаніе, чтобы къ числу возобновленныхъ здоровъ на русской сценѣ, мудрые распорядители репертуарной части прибавили *Елену Глинскую* и комедію о войнѣ *Федосьи Сидоровны съ китайцами*, и что же? Половина желанія нашего уже исполнена: «Елена Глинская», даже уже два раза — 14 декабря и 19 декабря въ бенефисъ инвалидовъ (бѣдные инвалиды!). Сомнѣній нѣтъ, что скоро мы насладимся и комедіей «О войнѣ Федосьи Сидоровны»; за симъ вѣроятно дадутъ «Навуходоносора» панаевской «Тли» и

бездыханное Амазоны тѣло
Низвергнуть со скалы въ кровавый океанъ .

и постепенно возобновлять драматическія произведенія г. Рафила Зотова...

Видя съ радостнымъ чувствомъ, что дѣло наше остается не ступитъ, мы спѣшимъ принести свою посильную лепту и напомнить нѣсколько прекрасныхъ и вполне удовлетворяющихъ вкусъ гг. распорядителей, вещей бывалаго времени.

Вотъ что по нашему крайнему разумѣнію слѣдуетъ возобновить непремѣнно и сколь можно скорѣе:

1) «Боярина Федора Васильевича Басенка», г. Кукольника. Воображася, какъ хорошо можетъ произнести г. Степановъ:

быкъ съ бойни сорвался,
Левъ вырвался изъ кѣтки!

2) «Шкуну Илюмарлеби», покойнаго Ф. В. Булгарина, съ восхитительнымъ сюжетомъ о томъ, какъ

дѣвицы
летать какъ птицы
Въ полки, въ полки.

3) «Разставанье», г. Родиславскаго.

4) «Торквато Тассо», г. Кукольника, вещь хотя и лирическую, но въ которой г. Буралинъ въ роли Тассо можетъ быть восхитителенъ.

5) Прелестныя комедіи Н. В. Сушкова, какъ-то: «Комедія безъ сватъбы», «Трехъ Ракановъ» и проч. Стихи въ нихъ такъ же изящны и легки, какъ въ драматическихъ произведеніяхъ Куликова, а насчетъ великосвѣтскости онѣ первый сортъ.

6) «Прихоть кокетки», г. Брунера, въ которой есть такая благодарная роль для нашей русской Пяссси — г-жи Свѣтковой З.

7) «Эспаньолетто», причеиъ опять-таки несравненный г. Буралинъ можетъ испытать свои драматическія средства «въ изображеніи итальянскихъ страстей на сѣверѣ», которое выѣлъ въ виду авторъ пьесы.

8) Драму князя Кугушела «Ниціи», въ которой тотъ же разнообразный артистъ нашъ можетъ извлечь немало слезъ изъ очей чувствительныхъ.

9) «Майко», драму г. Беклемишева.

10) «Житейскую школу» г. Григорьева 1, эту прекрасную и поэтическую апофеозу палки въ домашнемъ быту.

11) Его же «Героевъ префранса».

12) Волечка «Натуральную школу», въ которой съ пощаднымъ александрійскимъ остроуміемъ обличена вредоносная для міра «Глша» — литература.

13) Драму К. Вахурина: «Кузьма Рощинъ».

14) Трагедію г. Аскоченскаго: «Пансіонерка», въ которой съ блистательнымъ успѣхомъ можетъ явиться г-жа Свѣткова З.

И наконецъ 15) Pour la bonne bouche — «Александра македонскаго», пьесу не оцѣвленную въ свое время, но никакъ не менѣе «Елены Глинской» и «Ермака Тимофѣевича», заслуживающую чести возобновенія.

Вотъ пятнадцать болѣе или менѣе капитальныхъ вещей, которыя мы напоминаемъ, движимые чувствомъ ревностнаго усердія ко благу общему и окрыленные мыслью, что желанія наши не пропадутъ втунѣ. Несудно было бы также, но это уже *ria desideria*, чтобы хорошія произведенія романистовъ нашихъ передѣлывались

отъ времени до времени для сцены. Укажемъ напpимѣръ на «Асмодея нашего времени», г. Колки Сохрана, или на старья, но хорошія вещи: «Леонидъ», «Тайственный монахъ», г. Зотова, «Стрѣльцы», г. Масальскаго, даже на «Димитрія Самозванца», Ф. В. Бугарина. Въ послѣдней передѣлкѣ нужно только допустить нѣкоторыя измѣненія, которыя предлагалъ сдѣлать въ романѣ Пушкинъ, т. е. назвать Бориса Годунова Хлопуховымъ, Марину Мишкехъ — княжой Шипохвостовой, Самозванца — Каторжниковымъ. Даже Иванъ Выжигинъ можетъ быть прекрасно передѣланъ для сцены нашими талантливыми драматургами: гг. Кулковымъ и Григорьевымъ 1.

Что желанія наши исполнѣ сойдутся съ желаніями гг. распорядителей репертуарной части и театральнаго комитета, въ этомъ мы не сомнѣваемся, суда по тому, что дѣется на русскихъ сценахъ.

Нынѣшній разъ мы не будемъ въ подрялѣ перепечатывать репертуара, а сдѣлаемъ изъ него только извлеченіе.

Капитальною новостью сцены была въ это время драма: «Боария Матвѣева» г. Ободовскаго, съ разлитіемъ Печоры и другими чудесами, которыхъ постановка обошлась вѣроятно очень не дешево. Сія прекрасная драма дана была впрочемъ только четыре раза. 29 ноября въ бенефисъ г. Григорьева, она шла въ первый разъ. Бенефициантъ игралъ въ ней боарина Матвѣева, какъ онъ играетъ всѣ свои роли, т. е. «нарочито» и не вразправу, какъ и слѣдуетъ играть вообще артисту *полезному* (*grande utilité*) и какъ специально слѣдовало играть въ этой совершенно незаправской, хотя исполнѣ достойной ея автора, драмѣ.

«Новгородцы» отсвирѣствовали на осьмомъ разѣ (на Александринскомъ театрѣ) навсегда ли, на время ли, это по кайдановскому выраженію покрыто мракомъ неизвѣстности. «Не первый и не послѣдній», г. Дьяченки, тоже на время отсвирѣствовалъ, именно съ 23 ноября (на Маринскомъ), и пересталъ

пу... пу... публику пгнать (*).

«Слово и дѣло», дошло пока до седьмого раза (22 ноября, 27 ноября, 12 декабря, 20 декабря), и несходило съ маринской, аристократической сцены на плебейскую-александринскую. Изъ высокаихъ трагедій, кромѣ «Елены Глинской» и «Ермака» (9 декабря на Александринскомъ) давался «Велизарій» (23 ноября на Александрин-

(*) Впрочемъ виноваты: эта прелестная вещь на этихъ дняхъ еще разъ пгнала публику.

скомъ), «Мариштантъ» г. Кукольника (16 декабря на Александринскомъ). Изъ комедій пошло какъ-то на «Мишуру», г. Потъхова, senior. (26 ноября, на Александринскомъ, 9 декабря, на Мариштантъ, 17 декабря, на Александринскомъ). Игались комично и произведенія г. Погосекаго, «Не по носу табакъ», 2 декабря на Александринскомъ, «Легкая надбавка»; 5 декабря тамъ же давались по разу капиталы «Карьера», (6 декабря на Александринскомъ), «Не хуже другихъ» г. Михайлова, 11 декабря тамъ же, «Одноворець» г. Боборыкина, 13 декабря тамъ же. По *чувствительной* части нашъ Фредерикъ Леметръ, г. Бурдинъ далъ въ бенефисъ свой «Парижскаго Вѣтошника», 7 декабря на Александринскомъ, и потомъ два раза приводилъ въ немъ въ восторгъ публику, 10 декабря, и 12 декабря.

Таковъ былъ фондъ репертуара за это время. Зачѣмъ его портили временами Шекспиромъ, да Гоголемъ, да Островскимъ — мы право не знаемъ. Мы умилились теперь душою — и знаете ли что насъ въ особенности умилило, что на насъ подѣйствовало и поучительно и наказательно и исправительно? Двѣ статьи, написанныя любителемъ театра въ «Сѣв. Пчелѣ.»

Съ послѣдней изъ нихъ мы цѣликомъ познакомимъ нашихъ читателей, и извлечемъ изъ нея публично тѣ поученія, которыя въ сердцахъ нашемъ уже воспитали и возлелѣяли иные чувства и вслѣдствіе которыхъ всѣ воззрѣнія наши на искусство и сцену измѣнились радикально.

Вотъ она, эта громовая статья, помѣщенная въ 342 № «Сѣв. Пчелы.» Читайте, оплачьте вмѣстѣ съ нами наши грубыя былыя заблужденія. Она называется: «По поводу статей, помѣщенныхъ въ журналъ Время» и гласитъ такъ:

«Разборъ игры нашихъ артистовъ въ «Горе отъ ума», помѣщенный въ октябрьской книжкѣ журнала, гдѣ неизвѣстный авторъ къ *довершенію всѣхъ нелѣпостей объявилъ*, что *даже и Сосницкій* не поналъ роли Репетилова, вызвалъ весьма правдивое возраженіе въ небольшой статьѣ, напечатанной 25 ноября въ «Сѣверной Пчелѣ.» Я былъ убѣжденъ, что *искреннія и горячія слова отзыва докажутъ свирьпому критику всѣ заблужденія его, всѣ дикіе, нечеловѣческіе взгляды на искусство, но видно—горбатаго излечить одна могила. Подобно поклоннику Бахуса, увлеченному запоемъ и дѣйствующему тогда безсознательно, и критикъ, скрывающійся надъ забраломъ, снова очертя голову выступилъ въ ноябрьской книжкѣ съ безобразною филиппикою противъ артистовъ русскаго театра. Всѣ они, неисключая г. Васильева 2, и Горбунова, объявлены людьми бездарными, никто не понимаетъ и необдумываетъ ролей, никто неспособенъ создать*

шпцовъ, художественное лицо. *Вашимъ вопльмъ, что въ этихъ раз-
дѣлахъ приговорахъ нѣтъ и тѣмъ справедливости; это какой-то явль,
мущина, наборъ словъ; переставивши такимъ образомъ вопросы-
толькимъ и восклицательнымъ знакамъ, что навѣрно подумаетъ, что
авторъ какъ говоритъ дописался до чертиковъ.*

«Ссылаюсь на судъ вѣхъ, кто любитъ русскую сцену, есть ли прав-
да, есть ли какое-нибудь литературное приличіе въ подобныхъ вы-
ходахъ: «Бѣдность не порокъ», было осквернено сопоставленіемъ
съ ними воеводилей гг. Григорьева 1 и Куликова, впрочемъ мы не
смотрѣли этихъ гадостей. Вопервыхъ, мы увѣрены, что самъ г.
Григорьевъ 1 конечно никогда не придавалъ особеннаго значенія
своимъ воеводамъ, но все они написаны бойко, живо, столько
льтъ не сходятъ со сцены, идъ все скудное и бездарное нежизнуче и сто-
ро попадаетъ въ архивъ, слѣдовательно выраженіе осквернено, гадос-
ти слишкомъ нелпы и пошлы; вовторыхъ, что касается собствен-
но таланта г. Григорьева 1, какъ актера, то смѣло можно сказать,
что въ своемъ амбуа онъ весьма полезный и необходимый дѣятель,
что всякую роль онъ исполнитъ съ умомъ и опытомъ, а потому смѣшно
и жалко читать приговоръ критика, что и Бурлинь и Григорьевъ 1
провалились въ роли Дикаго въ «Грозѣ». Роль эта, стоящая далеко
не на первомъ планѣ въ драмѣ, напротивъ того, исполнялась обими
артистами весьма самостоятельно и съ большимъ практическимъ
смысломъ. Наконецъ будемъ же справедливы: вѣдь г. Бурлину, у
котораго критикъ-набздинокъ находить одни фальшивыя ноты, не-
искренность игры и неспособность къ драматическимъ порывамъ,
самъ г. Островскій не одинъ разъ высказывалъ свое полное одобреніе и
публика единодушно и съ полнымъ сочувствіемъ принимала артиста и
въ Любимѣ Торцовѣ, и въ Кабановѣ и въ Боролкинѣ.

«Увлеченный своими юпитеровскими приговорами, неумолимый
набздинокъ машь идетъ все crescendo и въ концѣ своей филиппики
доходитъ до такого безусловнаго и слѣпнаго поклоненія г. Василье-
ву 2-му, что ставитъ его въ роли Любима Торцова выше Садовскаго,
а въ роли Кабанова объявляетъ его равнымъ excusez du peu — и-
ніальному Мартынову! Да подумайте наконецъ, что вы говорите!
Вѣдь г. Васильевъ 2-й артистъ даровитый, а Мартыновъ родится
вѣками; вѣдь имя этого художника столь же высоко и дорого
въ искусствѣ какъ имена Пушкина, Бѣлинскаго, Гоголя, Брюлова,
Глинки.

«Вѣдь смотря на Мартынова, мы забывали и театръ и сцену;
это была сама жизнь съ ея плотию и кровью, а сами уютно сидимъ
Васильева 2-го на одну съ ними доску! Нѣтъ, воля ваша; а это такое

безобразіе, какъ это всецѣпка надъ г. Веселовымъ 2-мъ, что особенно скажется не подвернется отъ вѣдаль похвалъ.

«Что касается взглядовъ критика на искусство вообще, то у меня рѣшительно опускаются руки. Отдавая полную справедливость огромному дарованію г. Островскаго, произведенія котораго оживили и обновили нашу сцену, я однако не могу согласиться съ невѣстнымъ критикомъ, что какая-нибудь дюжинная, хотя и типическая купчиха Анна Ивановна «Бѣдность не порокъ», представляетъ поэтическій образъ русской женщины, что это одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, фигура блестящая, размахистая, способная увлечь.

«Я понимаю поэзію и увлеченіе въ женщинахъ, созданныхъ Пушкинымъ, Тургеневымъ, наконецъ въ «Катеринѣ», «Бѣдной Невѣстѣ», Островскаго, но чтобы Анна Ивановна могла увлечь, чтобы такія женщины представляли поэтическое созданіе, это такая клевета, такая ложь, которую можно высказать только не имѣя никакого понятія объ искусствѣ.

«Въ заключеніе повторяю, что общественное мнѣніе съ отвращеніемъ смотритъ на эти бездоказательныя и бранныя статьи, что наши артисты раскусили и помали, съ какими рыцарями они имѣютъ дѣло.

«Впрочемъ голосъ мой вѣроятно останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ и наѣздникъ-критикъ попрежнему выступитъ съ своимъ удушливымъ словоизверженіемъ; ему какъ говорится, къ стѣнѣ горохъ, какъ съ гуся вода.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы,
Окромя чести есть множество отрадъ,
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Любитель театра.

Мы считали бы грѣхомъ, еслибы нашихъ читателей — т. е. читателей «Времени», мы лишили хотя одного изъ перловъ, которыми блещетъ статья Любителя театра, и потому выписали ее съ дипломатическою точностью.

Статья совершенно измѣнила всѣ наши воззрѣнія на искусство вообще и на театръ въ особенности, значить намъ не все равно, не «къ стѣнѣ горохъ». Мы со всѣмъ простодушіемъ изложимъ только рядъ перемѣнъ, произведенныхъ въ насъ безчисленными драгоценными истинами его статьи, по пунктамъ.

1) До этой капитальной статьи (признаемся откровенно, что первой упомянутой любителемъ театра, мы вовсе не читали), мы полагали, что даже и Сослицкій подлежитъ суду критики, если какой-либо роли онъ не принималъ втеченіе 50-ти лѣтъ; думали, что

пьяный юныя, изображаемый имъ въ Репетиловѣ вовсе не выражаетъ идеи грибоѣдовскаго лица, азартнаго прикуна, говорящаго во «сторжничанъ» о томъ, что

Есть государственное дѣло,
Оно вѣдь видишь не созрѣло,
Нельзя же вдругъ;

принадлежащаго къ «секретнѣйшему союзу по четвергамъ», взводящаго на себя отрицаніе всего: законовъ, совѣсти, вѣры, и проч. и проч.; съ ожесточеніемъ и непремѣннымъ краснымъ жестомъ говорящаго о томъ, что

Радикальное потребно тутъ лекарство,
Желудокъ больше не варить,

того Репетилова, который тѣмъ-то и коничень, что у него «глаза въ крови, лицо горитъ» какъ у одного изъ его идеаловъ, который въ восторгѣ типическомъ отъ того, что

Умный человекъ не можетъ быть не плутомъ!

и который тушуется передъ Анфисой Ниловной. Теперь мы отъ нашего взгляда отрѣшимся: 1) признаемъ непогрѣшимость г. Сосницкаго; 2) отказываемся искать исторически-бытового смысла въ комедіи Грибоѣдова, и 3) соглашаемся думать, что грибоѣдовскія лица можно играть такъ же нарочно, какъ «Житейскую школу» г. Григорьева 1-го и сочиненія г. Куликова.

2) До сихъ поръ мы полагали, что гг. Бурдинъ, Григорьевъ 1, Шемаевъ, г. жи Сидѣтковы, Струйская — далеко не *есть* артисты русскаго театра, но есть еще, кромѣ высокоуважаемой нами молодой четы — г. Васильева 2 и вѣрнаго по тону г. Горбунова, блестяще-даровитые артисты, каковы г. Самойловъ, г-жа Липская, артисты очень даровитые, хотя и молодые, какъ г. Нильскій, артисты вполне добросовѣстные, какъ г. Зубровъ, въ роляхъ своихъ, — и заявили уже полное къ нимъ сочувствіе въ томъ, въ чемъ они, по крайнему нашему разумѣнію, хороши, и по множеству *дѣятельныхъ* заслугъ г. Сосницкаго неостанавливались долго на одной неудачной его роли. Теперь мы убѣдились, что

qui meprise Cottin, meprise son roi.

что гг. Бурдинъ, Григорьевъ 1, всепожирающій Шемаевъ, г-жа Сидѣткова — *есть* артисты русскаго театра, что о другихъ говорить не стоить, или что о нихъ говорится *implicité*, когда говорится о

гг. Бурдинъ и прочихъ исчисленныхъ свѣтилахъ, что быть недозволенными этими великими артистами могутъ только «поклонники Бахуса, увлеченные запоемъ.»

3) Доселѣ мы думали, что о ерундѣ не слѣдуетъ говорить много, что вопросительные и восклицательные знаки, единственный литературный способъ говоренія объ этомъ предметѣ. Отнынѣ... но нѣтъ ужъ! мы привыкли къ этому способу, и по слабости нашей, должно быть не будемъ имѣть силъ отстать отъ него.

4) Доселѣ мы «худородные и худоумные», разумѣли неправильно литературное приличіе. А именно вотъ какъ мы его разумѣли, надо же объяснить дѣло. Мы думали очень просто, что: а) Есть литература дѣло серьезное, и есть литературная прошенность, дѣло болѣе или менѣе постыдное. б) Что когда почтеннѣйшей публикѣ безразлично и совокупно подаются блюда той и другой, то изъ уваженія къ литературѣ надо же называть другія блюда ихъ настоящимъ именемъ, т. е. гадостями, и смѣло сознаваться, что прѣхавши въ театръ для того, чтобы видѣть *дѣло*, мы гадостей не видѣли. Отнынѣ мы замѣнимъ названіе и будемъ называть произведенія гг. Григорьева 1, Куликова, Родиславскаго, Тарновскаго, Руднева, П. Федорова, Дьяченки и tutti quanti — «репертуарными сливками». Мы постараемся даже внутренне исправить, войти во вкусъ «водевила съ переодѣваньемъ»: ида по гороховой мы будемъ непременно повторять предестные стихи г. Григорьева 1:

По гороховой я шолъ
И гороху не нашолъ,

а на морской:

Видѣть море захотѣлъ
И въ морскую полетѣлъ,
Но ни въ Малой, ни въ Большой
Капли нѣтъ воды морской.

Мы постараемся изгладить изъ памяти нашей всѣ эти ничтожныя стихотворенія разныхъ поэтовъ, отъ Пушкина и Лермонтова до Фета и Огарева, признаваемыхъ этою надменною выскочкой, русской литературой, и потщимся приучить ухо наше къ гармоніи стила и красотѣ содержанія водевильныхъ куплетовъ.

Вотъ недавно наиримѣръ намъ попалось къ счастью и исправленію нашему стихотвореніе изъ артистически-театральнаго кружка. Мы такъ восхитились имъ, что выучили даже наизусть и дѣлимся имъ съ нашими читателями въ залогъ того, что «взглядъ вашъ на искусство и вкусъ достигли до точки»... Вотъ оно, это стихотвореніе:

Ка. XII. — Отд. II.

1/210

Другъ почтенный!

Посланіе нынче къ вамъ пишу
 И въ часъ отъ дѣлъ освобожденный
 Прочеть внимательно прошу.
 Отъ васъ съ надеждой жду отвѣта
 И благодаренъ буду вѣкъ,
 Коль въ положеніе поэта
 Войдете вы, любезный человекъ.
 С.... В.... покойный
 Меня любилъ и отличалъ
 Талантъ и стихъ игриво стройный,
 Мои посланья сберегалъ,
 Въ минуты жъ дружескихъ признаній,
 Когда богатство такъ росло,
 Давалъ мнѣ много обѣщаній;
 Но онъ угасъ — увы — все прошло
 Я не фразеръ и не рассказчикъ,
 Смирненно долженъ былъ молчать,
 Но вы его душеприказчикъ,
 Вамъ я теперь могу сказать:
 Я не искалъ ни въ чемъ излишка,
 С.... В.... уважавши мой удѣлъ,
 Мою семью поразсмотрѣлъ
 И деревянный мой домишко
 Изъ долга выкупить хотѣлъ;
 Благодаря его за это
 Я ждалъ стыдился напоминать,
 Онъ захворалъ и такъ все дѣло
 Прошло.... увы! чего теперь мнѣ ждать?
 Покойный по духовной слышно
 Всѣхъ совершенно надѣлилъ
 Рукою щедрой очень пышно,
 А васъ больной къ несчастію забылъ.
 Про свой долгишко я тяжелый
 С.... Г.... писалъ,
 Но въ часъ кончины не веселый
 Ей о свой нуждѣ сказалъ.
 Она — добрейшее созданье,
 А вы добрейшій изъ людей,
 Скажите жъ на мое посланье
 Ждать ли чего семьѣ моей?
 Я человекъ безъ притязанья,
 Но грустно убѣдиться въ томъ,
 Что тѣни нѣтъ воспоминанья
 О другѣ, хоть и не родномъ;
 Ему хоть былъ я и не нуженъ,

Но съ нами божь полкума былъ друженъ.
Ефимъ Данилычъ, дай отвѣтъ:
Надежда есть ли мнѣ иль — нѣтъ,
Иль смокнути какъ могла,
Которая Семена прахъ сокрыла.

Неправда ли, что это посланіе дышетъ благородствомъ ирисоворцація, блестятъ вкусомъ и остроуміемъ, отличается изысканностью выраженія, достойнымъ водевилей г. Григорьева 1 и великосибѣтскихъ комедій г. Куликова.

Да, мы измѣнились совершенно, мы истребили изъ памяти нашей злобщіяе приговоры гоголевскаго разбѣда на счетъ забавныхъ пьесъ, въ которыхъ одинъ залѣзъ подъ столъ, а другой вытаскивалъ его оттуда за ногу. О результатахъ такой добросовѣстной работы надъ собою мы незамедлительно увѣдомить любителей театра. Мы убѣдимся въ томъ, что пьесы г. Григорьева написаны *бойко и живо*, увѣримся, что онѣ никогда не сойдутъ съ сцены, и нельзя не увѣряться! Репертуаръ сцены хоть кого убѣдитъ въ томъ, что хорошія вещи, какъ наприимѣръ «Ермакъ», «Елена» и «Федосья», безсмертны, постоянно воскресаютъ... Какъ же не держаться пьесамъ г. Григорьева.

5) До сихъ поръ, мы въ слѣпотѣ нашей думали, что лица типическія, какъ *Дикой*, главные ли они или не главные, должны быть вѣрны артистамъ, умѣющимъ создавать типы, да и видѣли что изъ неглавныхъ лицъ дѣлывали порою Мартыновъ, Садовскій и Самойловъ. Увы! мы грубо заблуждались. Катайте же во все, гг. Бурдинъ и Григорьевъ 1.

6) Глубоко уважая покойнаго Мартынова при его жизни не меньше тѣхъ, для кого онъ сталъ дорогъ по смерти, мы думали, что духъ его радуется, видя себѣ достойнаго преемника въ г. Васильевъ 2. Отнынѣ мы должны затвердить одну пѣсню: Мартыновъ, Мартыновъ и еще Мартыновъ.

7) Мы полагали, что а) Гуслинъ, человекъ умный и артистически-даровитый не могъ влюбиться въ натуру ему несоотвѣтствующую, и б) что сама Анна Ивановна вовсе не *какая-нибудь*, а то поэтически-веселое лицо, которое создала г-жа Косицкая на основаніи данныхъ драмы Островскаго, который не даромъ же вложилъ въ ея уста нѣсколько поэтическихъ отрывковъ изъ пѣсенъ, не только веселыхъ, но и грустныхъ (одинъ ведетъ за рученку и проч., послѣ сцены прощанья Мити), да и въ жизни немало видѣли мы такихъ фигуръ граціозно-бойкихъ. Отнынѣ мы увѣрвали, что лица веселья не могутъ быть поэтическими, и рекомендуемъ для роли Анны Ивановны любую торговку съ сѣпною площадью.

Видите ли какъ радикально измѣнились наши воззрѣнія вслѣдствіе статьи любителя театра!

Какъ мы жалѣли, что сходили въ Александринскій театръ въ Ветошника до появленія этой статьи!.. Мы бы воспѣли восторженный гимнъ нашему Фредерику Леметру; мы бы, слыша хохотъ публики при его обращеніяхъ къ вѣхѣ и при его размышленіяхъ надъ корзинкой тряпья, полагали бы, что такъ и слѣдуетъ: мы бы безъ отвращенія слушали сентиментально-саладовскія изліянія его *чувствій* къ Маріи, и проч., и проч. Мы бы тоже не предложили себѣ вопроса: чѣмъ г-жа Свѣткова 2 хуже г-жи Свѣтковой 3, и не подумали бы грубо, слушая пискъ г-жи Свѣтковой 2 въ Маріи, что этотъ пискъ совершенно одинаковъ у нея съ г-жей Свѣтковой 3.

Да! много пользы слѣдуетъ всегда искренняя и горячая статья!

НАШИ МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ УЧЕНЫЕ

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!

ДМИТРИЕВЪ.

Наши молодые ученые подвергли себя недавно большому нареканію. Считаемо нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ случаѣ, нелишномъ интереса и могущемъ имѣть немаловажныя слѣдствія. Читатели конечно знаютъ, что вынѣшней весной многіе молодые люди были отправлены министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для того, чтобы они тамъ приготовились къ занятію профессорскихъ кафедръ въ университетахъ. Читатели знаютъ безъ сомнѣнія и причину, которая побудила министерство къ такой мѣрѣ; эта причина — крайняя нужда въ профессорахъ, которую терпятъ въ настоящее время наши университеты. Министерство прибѣгло къ старинному средству отправленія за границу, средству, которымъ, какъ читатели помнятъ, вдругъ перестали у насъ пользоваться въ 1848 году и которое съ тѣхъ поръ до настоящаго времени не было употребляемо въ полной его мѣрѣ. Число молодыхъ людей, отправленныхъ теперь за границу весьма значительно. Министерство *кажется* продолжаетъ еще отправлять и другихъ.

Но вотъ и все что извѣстно читателямъ. Затѣмъ дѣло покрывается туманомъ. Молодые люди посылаются отъ министерства, а не отъ университетовъ. Спрашивается, какимъ правиламъ слѣдовало министерство при своемъ выборѣ? На кого оно возложило примѣненіе этихъ правилъ къ дѣлу? Н. И. Пироговъ назначенъ общимъ руководителемъ посланныхъ молодыхъ людей въ ихъ занятія. Но принималъ ли онъ участіе въ ихъ выборѣ? И вообще какія были приняты мѣры, чтобы сколько-нибудь можно было ручаться, что посылаемые молодые люди достойны своего мѣста и что при этомъ не обойдены другіе, несравненно достойнѣйшіе?

Все это, какъ водится, неизвѣстно; публика не имѣетъ никакой

возможности составить себѣ понятіе о достоинствѣ этихъ юношей, находящихся нынѣ за границею.

Теперь вотъ что случилось. Министерство, чтобы тотчасъ представить публикѣ плоды своей дѣятельности и дѣятельности этихъ молодыхъ людей, потребовало отъ нихъ присылки отчетовъ за первые три мѣсяца послѣ ихъ отъѣзда. Эти отчеты теперь печатаются въ журналѣ «Мин. нар. просв.» и ихъ набралось уже до двухъ десятковъ. По нимъ наконецъ мы можемъ судить о томъ, какого свойства былъ выборъ лицъ, сдѣланный министерствомъ.

Чтоже оказывается? Нѣкто г. П. В. въ № 50 «Современной лѣтописи» (Русскаго Вѣстника), уже успѣлъ заявить заключеніе, которое онъ вывелъ изъ чтенія этихъ отчетовъ. По его мнѣнію изъ нихъ видно, что «не во всѣхъ случаяхъ выборъ падалъ на лица, достаточно подготовленные къ строго-научному образованію», и «что не всѣ отправленные за границу отличаются не только серьезностью направленія, но и должнымъ уваженіемъ къ наукѣ и ученымъ трудамъ». Этотъ строгій приговоръ г. П. В. прямо относитъ къ двумъ молодымъ филологамъ, къ г. Новоселову и г. Василію Модестову, и старается подтвердить его рѣзкимъ разборомъ ихъ отчетовъ. Кромѣ того тѣже самые гг. Модестовъ и Новоселовъ подверглись сильному глумленію въ № 24 журнала «Учитель», въ статьѣ г. Д.

Неправдали, что вѣдь это очень жестоко? Если приговоръ г. П. В. справедливъ, то выборъ министерства оказывается легкомысленнымъ, а молодые люди недостойными пособій, которыми они пользуются, и своихъ будущихъ мѣстъ.

Едва ли однакоже такъ, едва ли въ этомъ сущность дѣла. Мы ни изъ чего не видимъ, чтобы молодые люди, о которыхъ идетъ рѣчь, были люди неспособные или невѣжественные; мы даже положительно думаемъ, что они ничѣмъ не хуже другихъ лицъ, которыхъ посылало, посылаетъ и будетъ посылать министерство за границу. Гг. Новоселовъ и Модестовъ — оба кандидаты нашего университета; и тотъ и другой кажется были даже стипендіатами, то есть и до отъѣзда за границу были признаны достойными получать пособіе, съ тѣмъ, чтобы держать экзаменъ на степень магистра. Слѣдовательно относительно кого другого, но никакъ не относительно ихъ можно сдѣлать министерству упрекъ въ неосновательномъ выборѣ.

Чтобы понять въ чемъ дѣло, нужно обратить вниманіе прямо на то, въ чемъ провинились молодые люди. Какъ читатель видѣлъ, они виноваты въ *неуважительности*, въ томъ, что они «не имѣютъ должнаго уваженія къ наукѣ и ученымъ трудамъ». Все содержаніе

двухъ статей, на которыя мы указали, сводится на это обвиненіе. Теперь, мы надѣемся, читателю будетъ яснѣе дѣло. Другіе, можетъ быть болѣе невѣжественные или менѣе способные избѣгли малѣйшей несправедливости, потому что были уважительны; а эти два, можетъ-быть болѣе знающіе и болѣе способные, подверглись жестокому порицанію, потому что оказались неуважительными.

Уваженіе или неуваженіе, взятая сама по себѣ еще ничего не значать, — ни хороша, ни дурна; чтобы имѣть возможность одѣлать ихъ, нужно знать какого рода это уваженіе или неуваженіе. Если уваженіе слѣпое, т. е. непонимающее достоинства уважаемаго предмета, то оно малымъ чѣмъ лучше слѣпому неуваженію, простирающему отъ такого же непониманія предмета. Неуваженіе же сознательное, основанное на сильной критикѣ свойствъ предмета всегла предпочтительнѣе рабскаго и слѣпому поклоненію. Предметъ, о которомъ теперь у насъ рѣчь, есть нѣмецкая наука, нѣмецкіе университеты, нѣмецкіе ученые. Конечно все это вещи хорошия и слѣдовательно неосновательное осужденіе ихъ показываетъ немудрость снѣтъ хорошее. Но безусловное благоговѣніе передъ ними, отрѣченіе отъ всякаго сужденія о нихъ, ни мало не ручается за пониманіе ихъ достоинствъ и можетъ сопровождаться даже полнѣйшею неспособностью къ такому пониманію.

Если смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, то слѣдовало бы однако подвергнуть строгому разбору всѣ отчеты лицъ отправленныхъ за границу, не дѣлая различія между смиренными и задорными отчетами. Тогда можетъ быть оказалось бы, что смиренные отчеты иные не лучше, а другіе гораздо хуже отчетовъ задорныхъ.

Что касается до отчетовъ гг. Модестова и Новоселова, то благодаря статьѣ г. Л. въ «Учителѣ» мы видимъ, что дѣйствительно наши молодые ученые недостаточно знакомы съ предметами, о которыхъ судятъ. Такъ г. Модестовъ говоритъ, что профессоръ Гюбнеръ «неуспѣлъ еще приобрести авторитета въ наукѣ самостоятельными изслѣдованіями.» Между тѣмъ оказывается, что самостоятельныхъ трудовъ у г. Гюбнера много и только они не были извѣстны г. Модестову. Другой изъ подсудимыхъ г. Новоселовъ упрекаетъ профессоровъ въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на извѣстные вопросы; г. Л. объясняетъ намъ, что вопросы эти никакъ не упускаются изъ виду, но что профессора занимаются ими въ началѣ курса, а г. Новоселовъ, приѣхавшій къ концу курса, несправился о томъ, что было читано въ началѣ.

Все это прекрасно. Мы вообще никакъ не думаемъ, чтобы не должно было исправлять ошибокъ молодыхъ людей. Напротивъ, молодость непремѣнно нуждается въ руководствѣ и наставленіи. Мо-

лодость, вообще говоря, не имѣетъ той мудрости, опытности, твердости, какая можетъ принадлежать людямъ зрѣлымъ, успѣвшимъ исполнѣть развить свои силы, обогатить свой умъ и укрѣпить свой характеръ. Поэтому намъ пріятно бы было слышать отъ зрѣлыхъ людей тѣ мудрыя рѣчи, какія свойственны ихъ зрѣлости, пріятно бы было видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ ту твердость и правильность, которая внушаетъ къ себѣ всеобщее уваженіе. Къ несчастью каждый разъ когда у нихъ дѣло доходило до столкновенія съ молодежью, мы были горестно обмануты въ нашихъ ожиданіяхъ. Люди зрѣлые оказывались ни чѣмъ не лучше людей молодыхъ, и это тѣмъ болѣе было печально, что людей молодыхъ можно было извинить ихъ молодостію, людей же зрѣлыхъ необходимо приходится укорить ихъ зрѣлостію.

Нѣчто подобное открылось намъ и въ настоящемъ случаѣ. Кроме тѣхъ замѣчаній г. Л., которыя мы привели, въ обѣихъ статьяхъ нѣтъ почти ничего, чтобы шло прямо къ дѣлу. Обѣ статьи представляютъ только варіація на тему:

Какъ можно смѣть
Свое сужденіе имѣть?

Г. Л. напрямѣръ глумится надъ г. Модестовымъ за то, что тотъ похвалилъ лекціи Гибвера. Даже и хвалить, какъ видите, запрещается! Г. П. В. находитъ *омерзительнымъ* тонъ, въ которомъ г. Новоселовъ отзывался о Бекѣ и Гауптѣ, до того онъ показался ему неприличнымъ и высококомѣрнымъ. И вообще главное, на что нападаютъ обѣ статьи, есть именно *тонъ*, а не содержаніе отчетовъ. Въ своей ревности къ охраненію оскорбляемыхъ авторитетовъ, г. П. В. доходитъ до желанія, чтобы наши молодые люди отнюдь «не изощряли своихъ критическихъ способностей надъ публичнымъ преподаваніемъ» нѣмецкихъ професоровъ. Слово *критическій* здѣсь очевидно употреблено въ омерзительномъ смыслѣ. Странно! Критическія способности есть вещь хорошая; изощрять ихъ всячески есть дѣло похвальное; и надъ чѣмъ же ихъ изощрять молодымъ ученымъ, какъ не надъ предметами ихъ занятій?

Такимъ образомъ намъ показалось, что въ тонѣ этихъ статей есть также немало *омерзительнаго* (ужъ извините за слово: не мы его выбрали). Омерзительность эта состоитъ именно въ безусловномъ поклѣненіи нѣмецкой учености и въ запрещеніи всякаго о ней сужденія. Подобныхъ вещей извинить нельзя, какъ бы ни плохи были сужденія гг. Модестова и Новоселова.

Кстати замѣтимъ, что въ ихъ отчетахъ обнаруживались нѣкоторыя особенности нѣмецкой мудрости, которыя уже давно извѣст-

ны, давно подверглись святотатственнымъ сужденіямъ. Впервыхъ ни для кого не тайна, что лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ чрезвычайно элементарны; дѣло доходить до того, что русскій физикъ, химикъ, математикъ съ трудомъ можетъ найти курсъ, который бы не состоялъ изъ ~~такихъ~~ ~~элементарныхъ~~ ~~элементарныхъ~~, и который бы поэтому онъ могъ съ пользою слушать. Во вторыхъ не скрылось ни отъ кого и то, что нѣмцы слишкомъ привязаны къ школьной формѣ изложенія, что они слишкомъ роются въ подробностяхъ, слишкомъ любятъ систематизировать. Все это конечно оборотная сторона хорошихъ качествъ; но тѣмъ не менѣе это дурно и нѣтъ ничего отталкиваго въ томъ, что молодые наши ученые коснулись въ своихъ отчетахъ недостатковъ, бросившихся имъ въ глаза.

Въ заключеніе скажемъ прямо, что тонъ, которымъ писаны эти отчеты, есть очень хорошій тонъ, не подлежащій никакому запрещенію и оужденію. Очень можетъ быть, что онъ не идетъ къ гг. Модестову и Новоселову; мы даже склонны думать, что онъ къ нимъ дѣйствительно не идетъ; но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Гг. Л. и П. В. слишкомъ уже высокомерно и *омерзительно* трактуютъ нашихъ молодыхъ ученыхъ; если судить по тону гг. Л. и П. В., то эти ученые — какіе-то недоучившіеся студенты, не болѣе. Мы этого не думаемъ, потому что это было бы весьма печальное предположеніе. Мы вполне увѣрены, что между этими юношами есть такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ говорить тономъ гг. Модестова и Новоселова.

■.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОДПИСЬ

(письмо къ редактору «Времени»)

«М. Г. Въ 1859 году, нижеподписавшійся имѣлъ честь въ первый разъ явиться въ литературѣ подъ именемъ: А. Скавронскій. Съ тѣхъ поръ названная подпись, въ эти четыре года, оказалась подъ однимъ очеркомъ, двумя рассказами и одною повѣстью, въ журналахъ: «Искрѣ», «Современникѣ» и «Времени», не считая нѣсколькихъ отрывочныхъ писемъ изъ-за границы.

«Между тѣмъ полтора года назадъ, въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ и брошюрахъ сталъ появляться подъ тѣмъ же именемъ другой писатель, избравшій эту подпись въ нѣсколько-измѣненномъ видѣ, именно ставя вмѣсто заглавной буквы имени А. букву Н. — Я узналъ настоящую фамилію этого писателя (онъ же участникъ одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ), снесся съ нимъ и получилъ отъ него увѣреніе, что онъ взялъ мое имя случайно; но что узнавши то неловкое положеніе, въ которое черезъ эту случайность онъ поставилъ и себя и меня, онъ началъ съ этой осени подписываться своимъ собственнымъ именемъ. Слова «неловкое положеніе» сказаны здѣсь потому, что нѣкоторые изъ повѣстей этого писателя о Москвѣ и ея купеческомъ бытѣ, мнѣ совершенно незнакомы, стали приписывать мнѣ, а одну мою повѣсть приписали въ Москвѣ ему.

«Какъ участникъ вашего журнала, имѣю честь черезъ посредство ваше сообщить читателямъ, что кромѣ «Современника», «Искры» и «Времени»⁽¹⁾, я нигдѣ болѣе не участвовалъ своими повѣстями и рассказами, за подписью А. Скавронскій, и слѣдовательно не имѣлъ чести напечатать ни одной строки въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ участвуетъ названный выше писатель, то-есть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Виржевыхъ Извѣстіяхъ», въ «Народномъ Богатствѣ» и въ другихъ.

Имѣю честь быть и проч.

А. Скавронскій.

(¹) Въ эти годы напечатаны г. А. Скавронскаго: въ «Искрѣ» — очеркъ «Дѣвочка» (№ 50, 25 декабря 1859 г.), въ «Современникѣ» — рассказы: «Пенсильванцы и Каролинцы на Украинѣ» и «Село Сорокопановка» (1859 г. № 4 и № 10), и во «Времени» — повѣсть «Бѣглецы въ Новороссіи» (1862 г. №№ 1 и 2). *Ред.*

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАБРЬ. № 12

Изъ записокъ слѣдователя въ арестантской ротѣ. I. Фома непомнящій родства. — II. Батъка. — III. Чапуринъ. Н. Соколовскаго	5
Очерки прошлаго. Самодуры. Часть вторая и послѣдняя. А. С. Чужвинскаго	50
Соборъ парижской богородицы. (Notre-Dame de Paris). Часть четвертая и послѣдняя. Романъ Виктора Гюго	141
Записки изъ мертвцаго дома. Глава VIII. Товарищи (небывшая въ печати). Ф. М. Достоевскаго	235
День на биржѣ, ночь на квартирѣ (изъ записокъ голоднаго чело-вѣка). Петра Горскаго	250
Монтанелли. Статья В. Попова	269
Горькая доля (записано съ разсказа купца Полянова). Льва Утина	329
Зайка. Стих. Ф. Берга	376
Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Часть первая. Дѣтство. I. Семинаристъ тридцатыхъ годовъ. — II. Обычный день. Аполлона Григорьева	378
Твой скромный видъ... Стих. Я. П. Половскаго	393

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Дерматовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Попытки комическаго разоблаченія дерматовскаго типа и его трагическая сущность. Статья третья. Аполлона Григорьева	1
Нѣчто объ авторитетахъ (письмо въ редакцію «Времени»). Н. Косицы	35
Князь Серебряный, повѣсть временъ Іоанна Грознаго, соч. графа Алексѣя Толстого. (Русскій Вѣстникъ, 1862 г. августъ, сентябрь, октябрь.	46
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замѣтки). Недовольный мистеръ Катковъ. — Городское управленіе въ Тулѣ. — Харьковское общество взаимнаго застрахованія домовъ. —	

Неурожаи. — Ели на желѣзной дорогѣ — Вывозъ хлѣба за границу. — Экономическое общество и московскій зоологическій садъ — Распространеніе грамотности.	53
БИБЛИОГРАФІЯ. Изъ исторіи преображенскаго кладбища. — Житіе протопopa Аввакума, имъ самимъ написанное. Издаю подъ редакціею г. Тихомирнова. — Нищіе на святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Соч. Ив. Прыжова, М. Р. д. чл.	78
Этнографическій сборникъ, издаваемый императорскимъ географическимъ обществомъ. Выпускъ V. — Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть вторая. Н. Худякова.	103
ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Вооруженный миръ. — Французскія дѣла. — Денежныя недочеты. — Открытіе новаго бульвара. — Счастье г. Ротшильда. — Несчастье г. Церайра. — Греческія дѣла. — Подвиги г. О'Брина. — Кандидатство принца Альфреда. — Уступка Ионическихъ острововъ. — Послѣднія извѣстія. — Гарибальди на Капрерѣ. — Рѣши въ Соединенныхъ штатахъ. — Прусскіе адреса. — Закрытіе австрійскаго государственнаго совѣта. — Развитие цивилизаціи въ Китаѣ посредствомъ европейскаго оружія.	110
Русскій театръ. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья четвертая.	138
Наши молодые и старые ученые. П.	149
Литературная подпись. (Письмо къ редактору «Времени»)	154

DEC 19 1939

